

ALEXANDER MAY

ЗА ГРАНЬЮ ВЕЧНОСТИ

Асмодианский Даэв по какой-то причине решает вызволить из темницы элийскую пленницу после нападения его армии на вражескую крепость. Кто знает, что заставило его поступить так и к чему это приведёт...

===== Пролог. =====

Двадцать два года до Катаклизма.

Сгорбленный мужчина молча сидел за письменным столом и царапал пером очередные заметки. На этот раз речь шла о недостатке продуктов на местном рынке. Тусклый желтоватый свет от старого подсвечника мягко падал на лист пергамента. Глаза мужчины устали, но он изо всех сил старался не замечать этого. Вытирая рукавом подступавшую слезинку, он грозно ворчал и бормотал что-то себе под нос. Наверное, плюс к усталости его огорчала ненастная погода, стоявшая нынче в городке. И действительно, для разгара второго сезона урожая было уж слишком влажно. Почти каждый день шёл дождь: иногда покапает недолго, и всё прекращается — солнце снова начнёт ярко светить, озаряя поля живительным светом и теплом. Но, бывало, ливни шли без остановки по несколько дней. Тогда дороги превращались в вязкую кашу, и по ним не могла проехать ни одна телега. Из-за этого возникали перебои с поставкой продуктов в крупные города, извозчики оставались без гроша, и местная таверна наполнялась пьяницами, клянущими такую непогоду.

В ту ночь всё было именно так. Только дождь стучал по окнам домов особенно сильно, будто просился внутрь. Порой доносились зловещие раскаты грома, сверкала молния. Маленькие детишки очень боялись грозы. Услышав свирепый рёв туч, они испуганно прижимались к своим родителям, чтобы те их успокоили.

— Не надо бояться. Скоро всё закончится.

— Но почему Айон гневается на нас? — жалобно хныкали дети, уткнувшись лицом в мамино плечо.

— Наверное, потому что мы плохо себя вели... — только тихонько приговаривали мамыши.

Такие ливни в Фоэте были редким явлением. Люди не напрасно называли это место «краем солнца». Уж больно мягкий свет падал на землю, будто подсвечивая её изнутри. В полдень гладь воды многочисленных мелких озёр Фоэты светилась миллионами крохотных кристаллов. Свет словно обволакивал всё вокруг, наполняя окружающий мир особой энергией — энергией тепла и безмятежности.

Мужчина почти закончил свой маленький отчёт. Дописывая последние слова, он уже не мог сидеть на месте — глаза не давали покоя. Он резко бросил перо и, выговаривая проклятия, начал усердно их тереть. От этого стало только хуже: глаза покраснели и уже отказывались видеть ясно.

Он подошёл к круглому зеркалу, висевшему у окна, и стал рассматривать своё лицо.

— М-да, ну и засиделся я сегодня... — корил себя Истрат. — Пора бы лечь уже, а то ведь не смогу завтра на людях показаться... Беда... беда... — всё приговаривал он.

Вдруг за окном сверкнула молния, и яркая вспышка на мгновение ослепила мужчину.

— Ах, ты ж... балаурский рог! — Истрат, бормоча, сощурился и на ощупь поплёлся к лестнице, ведущей на второй этаж. В коридоре он встретил рассерженную жену. Она стояла у дверного проёма, сложив руки на груди и притопывая от негодования ногой.

— Всё не спишь, м? А ну ложись, завтра ответственный день!

Мужчина заворчал и отмахнулся от жены.

— А работу кто делать будет, а? Шиго с хохолком? Может, твои рыбы напишут всё за меня? — он указал пальцем на банку с водой, стоящей на подоконнике. В ней медленно плавала туда-сюда пара красных рыбёшек.

Женщина постаралась сдержать себя в руках. Её тон немного смягчился, она подошла к мужу и обняла его за плечо.

— Не злись, я же волнуюсь. Вон, погляди на себя — до чего дошёл. Уже на человека не похож. А я всё говорю: жалеть себя надо, а ты не слушаешь...

Истрат опустил голову, потупив взгляд. Ему стало стыдно за свой тон. Они с женой прожили уже много лет. Мужчина знал, что она никогда не посоветует плохого. Подняв, наконец, виноватые глаза, Истрат улыбнулся супруге. Вдруг снова сверкнула молния. Истрат на миг застыл. Ему показалось, что тень от какой-то фигуры стояла около входной двери.

— Мирен! А ну погляди, кому это ещё не спится в такую непогоду?

Женщина отодвинула штору и посмотрела во дворик, но не обнаружила никого.

— Чего тебе мерещится там? Совсем с ума сходишь, не иначе.

— Да говорю же, там кто-то был, Айон — свидетель.

— Всё, идём спать, уже очень поздно, — женщина развернулась и стала подниматься по лестнице, как вдруг в дверь громко ударили два раза.

— Я же говорил! — тут же громким шёпотом промолвил Истрат.

Супруги осторожно вошли в прихожую. Глаза мужчины быстро отыскивали стоящие у самого порога ножны. Он приблизился к двери и аккуратно достал из них старый отцовский меч — немного затупленный, но всё же представлявший собой определённую угрозу.

«Мало ли, что за шпана там ходит...» — пролетело в его голове. Хоть городок был мирный, здесь часто останавливались всякие иноземцы и путешественники.

— Постой, может, это шутит кто? Кому взбрёт шнырять по улицам в такую грозу? — Мирен остановила мужа, схватив его за плечо.

— Я открою и посмотрю. Иди наверх! — медленно и почти шёпотом проговорил муж и аккуратно приоткрыл входную дверь.

В лицо тут же ударил холодный ветер, и дождь немедленно залил глаза. Свободной рукой мужчина вытер лицо и, прищурившись, схватился обеими руками за меч. Снаружи никого не было.

— Ерунда какая-то... — промолвил Истрат.

Напрягши глаза, мужчина стал всматриваться вдаль, пытаясь увидеть озорника, но безуспешно. Он опустил голову и отступил назад, собираясь было запереть дверь, как тут его взгляд упал на небольшую корзинку, стоявшую возле горшка с цветами слева от двери. Истрат растерялся. Но спустя мгновение он осторожно взял корзинку и занес её в дом.

«Тяжёлая...», — сразу заметил он.

Мужчина пронёс её на кухню, поставил на стул и прислушался. Ему показалось, что из корзинки доносился тихий плач или стон. Истрат испугался и начал быстро разматывать «подарок». С каждой секундой звук становился всё громче. Спустя пару мгновений, немного приподняв ткань, Истрат застыл на месте. Жена, тут же подбежавшая к нему, растерялась и ахнула. Из промокшей пелёнки выглядывали большие ярко-зелёные глазки малыша, оставленного кем-то под проливным дождём.

===== Том 1. Часть 1. «Добро превыше всего». Глава 1. =====

Отредактировано.

863 год после Катаклизма.

Ингисон.

Над городом, как всегда звонко и мелодично, пели птицы. Что поделать, тёплая погода снова навестила эти края, налив жизненной силой флору и фауну Ингисона. Красивейшие разноцветные бутоны молодых цветов торопились распуститься, чтобы поскорее впитать в себя жизнетворную энергию солнца. Чистое голубоватое небо над цветущими садами закрыли массивные кроны огромных широколистных деревьев. Напевая свою радостную свадебную песню, стаи маленьких жёлтых птичек безучастно порхали вниз-вверх, наблюдая свысока за привычным бытом людей.

Утро было поздним, поэтому на городском базаре уже во все стороны шныряли домохозяйки и незадачливые купцы, стараясь подешевле найти то, что можно потом подороже продать. У хлебопечных лавок было особенно многолюдно. Обозы со свежим хлебом пустели за считанные минуты. Приятный запах мучного быстро разлетался по базару, а затем и по узким улочкам большого города. Всё шло своим чередом. В мастерских и ткацких лавках уже вовсю шумели станки. Курьеры, в основном молодые мальчишки, не переводя дыхания, бегали по домам, разнося письма и мелкую корреспонденцию. Хозяева таверн, хмурясь и ворча себе под нос, выметали на улицу осколки стекла и мелкий мусор — память о вчерашних шумных посиделках, зная, что сегодня вечером это повторится. Город жил, его дыхание было слышно везде, даже в самом далёком и безлюдном закоулке. Даже на возвышенности в самом центре селения, где располагались храм, учебные заведения и усадьбы богатых и знатных особ, шумела жизнь. Колокольни играли звонкую полуденную песню, по аллеям туда-сюда бегали служанки,нося в больших вёдрах грязное бельё. По сторонам толпы садовников ухаживали за пышными зелёными кустарниками, а от ворот поместий, то и дело пришпоривая лошадей, рослые кучера увозили куда-то своих господ.

Но в одной из таких усадеб окна были плотно занавешены — хозяева еще спали. Поместье принадлежало сыну военачальника Бертрона — главы далёкой элийской провинции. Стоит ли говорить, что в мире, погружённом в бесконечную войну, знатные представители военных профессий: а именно офицеры, генералы, командующие и военачальники — пользовались особым уважением.

Дверь в просторную, богато обставленную спальню, тихонько открылась, и из коридора показалось лицо слуги.

— Доброе утро, мой господин, — обратился он к молодому юноше, лежавшему на большой двуспальной кровати.

Хозяин уже давно проснулся. Он лежал с открытыми глазами, подложив руки под голову и смотрел в потолок, молча размышляя о своём. Заметив слугу, молодой человек повернул к нему голову и легонько кивнул.

— Доброе.

— Приказать сделать завтрак?

— Пожалуй, — промолвил юноша и рывком присел.

Дверь в покои послушно закрылась, и он вновь остался один в тишине.

Молодой хозяин переместился на край кровати и спустил ноги на прохладный пол. Найдя на ощупь тапки, юноша встал и направился к окну. Он обошёл большой лакированный деревянный стол — к нему было задвинуто воистину царское кожаное кресло, отодвинуть

которое, было, скорее всего, очень непросто из-за его огромного веса. Парень одёрнул плотные шторы, и в глаза ударил яркий свет — был уже полдень. Промычав что-то невнятное, он отвернулся и лениво потопал к двери, накинул на себя халат и вышел в коридор, устланный великолепным бархатным ковром. Спустившись по длинной лестнице вниз, у входа в столовую он встретил своего слугу — худого мужчину лет пятидесяти, одетого в привычный чёрно-белый фрак.

— Две минуты, мой господин, и завтрак будет готов, — он покорно поклонился хозяину, как всегда статно держа спину, сложив руки за спиной.

— Благодарю, — сказал на ходу юноша и направился в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Молодой человек умылся, зачесал назад длинные желтовато-русые волосы и подошёл к замшевому креслу, на котором его ожидало чистое одеяние: тонкая белая рубашка с волнистым воротником, узкие белые брюки и фиолетовый камзол из плотной и, очевидно, дорогой ткани. У кресла покорно стояли высокие тёмно-коричневые блестящие сапоги на невысоком каблуке. Обувка была, так сказать, последним веянием моды, но вот надеть её было непросто. Сапоги имели странную и неудобную застёжку сзади, но что поделать. Наконец, справившись с непослушной обувью, молодой человек подошёл к зеркалу, повернулся боком и стал любоваться своим внешним видом.

«Неплох, неплох», — улыбнувшись, подумал он про себя. Фиолетовый камзол с золотой прострочкой на груди, спине и воротнике сидел чудесно. Его дополняли блестящие вставки на плечах и расписной кожаный пояс с большой золотой бляшкой. На груди слева был пришит чёрный прямоугольный кусок ткани с двумя жёлтыми горизонтальными полосами посередине. Это был отличительный знак офицера второго ранга.

Налюбовавшись, парень оправился и гордым шагом пошагал в столовую, где его уже ожидал завтрак. В большом продолговатом светлом помещении, освещаемом несколькими огромными арочными окнами, от одного края до другого тянулся длинный стол, во главе которого и расположился юноша. Хотя он и находился один за столом, но занимал всегда именно это место, которое принадлежало ему по праву, как хозяину дома и всей усадьбы.

Кушанье было подано, и рядом с молодым человеком уже стояло несколько накрытых крышками блюд и с десятков стаканов с напитками. Приоткрыв крышки и поразмыслив, с чего бы начать, он принялся завтракать. Слуги и повара чинно стояли шеренгой в стороне и молча ожидали, когда их господин закончит трапезу.

Наконец, молодой человек сложил приборы и, вытерев лицо салфеткой, встал из-за стола. Слуги тут же забегали, унося тарелки, вилки и ножи с собой. Хозяин меж тем направился к выходу из дома.

Вдохнув полной грудью свежий воздух с веранды, юноша оглядел свои владения и пошагал через сад к воротам поместья. Довольно немаленький парк представлял собой настоящий рай для перфекциониста — идеально ровно выстриженные кустарники по бокам выстланных белым камнем дорожек, одинаково пышные деревья, высаженные симметрично на небольших островках, небольшие прудики по сторонам, маленькие декоративные мостики над ними — всё это было заслугой бесчисленной армии слуг и садовников.

У ворот поместья парня встретил горбатый старичок с бородой — его дворецкий. Юноша улыбнулся слуге, и тот молча открыл довольно тяжёлые для немощного старца створки из кованого металла.

Молодой человек вышел из усадьбы на светлую длинную аллею, устланную ровной

каменной плиткой. Громко шагая новыми сапогами офицер двигался вниз по улице к окраине города, задумавшись о чём-то. А мысли его были довольно серьёзными. С минуты на минуту в город должна была приехать его невеста — красавица Эви вместе со своими родителями. Юноша пригласил девушку к себе, чтобы совершить, пожалуй, самый главный и ответственный поступок в его жизни — торжественно просить её руки.

Они были знакомы с детства, когда молодой человек жил ещё в Бертроне со своим отцом. Эви была дочкой губернатора Юфросина — города в элийской провинции Интердика, но часто приезжала в Бертрон на отдых с родителями. Уникальные солёные воды местных озёр по слухам обладали целебными свойствами, и все зажиточные семьи хотя бы раз в год навещали солнечный Бертрон, чтобы поправить здоровье и зарядиться энергией на сезоны вперёд.

В один из таких случаев юный Дариус, а именно так звали парня, и повстречал прекрасную Эви. Она прогуливалась по мостовой вдоль берега озера вместе с мамой, когда к ней подошёл светловолосый мальчик и назвал своё имя. В этот же вечер Дариус показал гостям лучшие уголки Бертрона, а уже через неделю семьи детей обедали вместе — родителям девочки очень нравилось то, что за ней ухаживает сын военачальника. Ваталлос ан Боуэн, отец Дариуса, тоже не был против. Добрая и милая Эви сразу ему понравилась, и он поддержал выбор сына. Да и связи с высшими кругами Интердики, так сказать, никогда не помешают.

Через пару недель семья девочки должна была возвращаться в родной край. Но дети не забывали друг друга: они еженедельно писали друг другу письма и планировали новую встречу. Через год это случилось. Не без желания их родителей, естественно: какой союз мог бы получиться с политической стороны.

Так проходили годы. Через несколько лет Дариуса определили в военную школу при знатном легионе, а Эви пошла учиться в академию для девочек — так уж было принято в высших кругах.

И вот, наконец, перед нами красавец Дариус ан Боуэн — молодой офицер второго ранга. Высокорослый, широкоплечий кареглазый блондин: бархатные волосы до плеч, ослепительная улыбка и ехидный взгляд. Но как изменилась за это время милая Эви, чью завораживающую улыбку Дариус вспоминал каждый божий день? Наверное, стала ещё прекрасней. Хотя куда уж прекрасней?

Юноша запомнил восемнадцатилетнюю Эви такой: стройная блондинка с абсолютно правильными чертами лица — большие голубые глаза, тоненький носик и постоянно улыбающиеся губки. О, Айон Всемогуший, а какие ножки... Словно порхает на невидимых крыльях! У Дариуса просто голова кругом шла, когда он вспоминал её — ту самую, от которой сердце молодого воина запылало огнём, сравнимым лишь с пламенем Бездны. Ну, оставалось немного. По приглашению юноши, отправленному три недели назад, сегодня должна была состояться встреча, которая изменит их судьбу навсегда.

Дариус ускорил шаг. Конечно, разумнее было нанять экипаж, а не идти пешком, но офицера переполняли чувства, и, шагая по белёсому уличному камню, волнение вперемежку с эйфорией передавались безжизненной породе — так было легче. Вдруг юноша услышал отголоски своего имени — неужто сейчас? Ну нет времени на бессмысленное общение! Но, несмотря на торопёжку, воспитанный воин остановился и развернулся. К нему подбежала женщина самого, так сказать, среднего возраста в пышном чёрном платье. За ней следовала молодая девушка в скромном одеянии — по-видимому, её служанка. Увидев нашивку на

груди офицера, она тут же в смущении спрятала взгляд от статного незнакомца.

— Дариус! А я Вас звала! Ух, Вы сегодня просто великолепны, — воскликнула женщина, дёргая от восторга морщинистой рукой, в которой прочно сжимала сложенный веер.

— Расефиэль, Бэлла, — приложив три пальца к брови, поприветствовал её юноша. — Вы тоже очаровательно выглядите.

— Ой, — смущённо отмахнувшись, сказала женщина. — Да ладно Вам. Оу-у, какие сапоги, Дариус! Шикарно! Прямо под цвет глаз! — заохала она. — Видела такие только в Элиане! Неужто мода и до наших краёв дошла? Куда-то направляетесь?

— Благодарю, — учтиво кивнул юный офицер. — Нет, решил прогуляться. День нынче дивный... — вздохнул он и улыбнулся женщине, чтобы поскорее избавиться от её компании. — Ладно, Бэлла, мне пора, ещё к портному забежать стоит...

— А-а-а, — довольно махнула женщина и раскрыла веер. — Это тоже дело полезное. Я тут с Нирей за цветами отправилась. Уж больно красивые на витрине в лавке стоят... Думала, прикуплю, посадят мне аллею белоснежную вдоль дорожки к дому... — засмеялась она. — Ну ладно, до скорого, Дариус. Ещё увидимся.

Юноша отсалютовал и поспешил удалиться — время бежит! Нужно успеть к центральной площади вовремя! Молодой человек всегда был вежлив с окружающими — таково бремя офицера, но что творилось в эти моменты внутри его души — было известно лишь Айону.

Район, где располагались храмы и усадьбы знати, находился в самом центре города на невысоком холме, откуда открывался вид на все близлежащие земли. Он был окружён толстой крепостной стеной и назывался крепостью Иллюзий Ингисона.

Ходит легенда, что, когда элийские легионы впервые попали на земли тогда ещё балаурского Ингисона, они увидели в холмах нечто похожее на огромного монстра. Подобравшись поближе, генералы разглядели, что это был никакой не монстр, а лишь огромное дерево причудливой формы. Забравшись на вершину холма, офицеры поняли, что это будет идеальным местом для сооружения лагеря. Потом здесь же возвели крепость, а в память о том происшествии назвали её крепостью Иллюзий. Хотя, возможно, была и другая причина, кто знает.

В относительно мирное время ворота, отделявшие крепость от остального города, были открыты. Снаружи всё выглядело по-другому. Просторные светлые улицы сменялись на узкие мрачные переулки. Ни парков, ни садов в городе не было, только одна центральная площадь с фонтанной аллеей являлась достопримечательностью города. Несмотря на название «центральная», она находилась вовсе не в центре, а глубоко на окраине. К ней вели две широкие улицы от ворот города и крепости, соответственно. Да и к чему были эти достопримечательности? Селение основали лишь для того, чтобы поскорее заселить «освобождённый» Ингисон. Город всё же был военным, нежели гражданским. Об этом постоянно напоминало несметное количество арсеналов и казарм, разбросанных по всем уголкам.

Дариус добрался до площади, как он считал, вовремя. Здесь всегда было многолюдно — рядом располагались базар и питейные заведения, один из немногих оплотов радости для скучающих между битвами воинов. У фонтанов уже стояло много экипажей, но среди них не было того, которого юноша с таким нетерпением ждал. Офицер нервно подошёл к свободной скамейке у кромки площади и приземлил себя, при этом расположившись так,

чтобы улица, ведущая от въезда в город, хорошо просматривалась. Минуты длились, словно вечность. Юноша беспрерывно теребил дорогие наручные часы, притаптывая ногой. На площадь въезжали всё новые и новые экипажи. Кучера высаживали пассажиров у центра и, прищипорив лошадей, увозили кареты обратно, чтобы не занимать попусту пространство.

Вдруг Дариус увидел повозку, которая отличалась от остальных: кремового цвета дерево с золотыми узорами — на таких явно возили важных господ. У его отца была такая, поэтому он хорошо знал это. Белая лошадь остановилась неподалёку от офицера, и кучер мгновенно покинул своё место, чтобы открыть дверцу кареты. Сердце юноши забилося быстрее — он чувствовал, что это они. Дариус встал, оправился и гордым шагом, как учили, пошагал к экипажу.

Из тени салона показалась мужская фигура. Она неуклюже спустилась на мощёную дорогу, вытянулась, поправила парадный фрак, втянула большой живот и подала толстую руку женщине. Молодой человек узнал этого мужчину — да, он не ошибся.

Следом вышла ухоженная стройная дама — жена губернатора. С последней их встречи она ничуть не изменилась, как показалось юноше. Дариус уже почти приблизился к гостям, как тут же застыл на месте. Смущённо улыбаясь, из тёмного салона экипажа выпорхнула красивая девушка в бежевом платье. Её движения были нежными, лёгкими и непринуждёнными.

— О, Айон... — невольно промолвил молодой офицер, наконец, выйдя из секундного ступора. — Как же Вы прекрасны, Эви...

Но девушка этого не слышала. Она неуверенно поставила мерцающие в бликах солнца туфельки на твёрдый камень площади, и перед взором публики, уже обратившей внимание на дорожную карету, предстало прекрасное творение Айона — дочка губернатора из далёкой Интердики. Эви поправила милую шляпку и отошла чуть поодаль от дверцы. Кучер в тот же миг стал вытаскивать тяжёлые чемоданы из ящика за салоном. Но на его ругательства и неуклюжесть никто не обращал внимания — зеваки были заняты изумительной незнакомкой.

Вот вещи уже выгружены, вот экипаж уже уехал, а Дариус всё ищет слова, которыми встретить невесту и её родителей. Наконец, прокляв своё воображение, офицер всё же пошёл навстречу дорогим гостям. Он появился из толпы, тоже прекрасный, мило и сдержанно улыбающийся снаружи, но пылающий от волнения и нетерпения изнутри. Он подходит, кланяется, отдаёт честь отцу, услужливо целует руку матери, и их взгляды встречаются. Большие голубые глазки Эви заиграли тысячами кристалликами света и потянули к себе, словно магнит. Но нет, не сейчас, Дариус, — держаться, во что бы то ни стало! Юноша преклонил колени, взял ручку прекрасной особы и молча поднёс её к губам. Из уст милой Эви донеслось тихое, но радостное:

— Здравствуй...

— Расефиэль... — проговорил офицер, нежно и медленно поцеловав руку девушки.

Так прошла, казалось, целая вечность. Наконец, отец девушки, Ромул ан Грейв, прервал молчание громким кашлем.

— Здесь очень-очень красиво, — промолвила жена губернатора, госпожа Фемисса ан Грейв.

Дариус отвлёкся от девушки, быстро поднялся на ноги и как ни в чём не бывало заговорил:

— Да, несмотря на страшилки, которые рассказывают о нынешних землях, здесь есть на

что посмотреть, — на этих словах его взгляд снова упал на и без того смущённую Эви. — Добро пожаловать в Балаурию, — вновь поклонился офицер. — Прошу за мной.

Дариус подозвал рукой местных носильщиков, шныряющих туда-сюда, и приказал им взять поклажу гостей.

— Куда мы идём? — заинтересованно спросила Фемисса.

— Мы с отцом устраиваем приём в честь Вашего приезда. Он будет здесь с минуты на минуту.

Конечно, юный воин знал, что Ваталлос ан Боуэн, его отец, никогда не славился пунктуальностью, но опоздать в такой час — это было пиком неуважения. Они условились встретиться на площади. Это было ещё одной причиной, почему Дариус не взял с собой экипаж — на двух каретах в один дом ехать было не по этикету. Тем более просторный салон повозки отца вместит человек десять, так что переживать из-за возможной тесноты не стоило.

— Отойдём подальше от шума, — посоветовал воин. — Здесь всегда людно.

Несмотря на услужливость и кажущееся равнодушие, Дариус старался не отпускать из взора Эви, хотя бы раз в две-три секунды переводя взгляд на милую особу.

— Когда же все эти люди успели тут обосноваться? — спросила мать девушки.

— Весь город был построен за десяток лет, а основан он был ровно сорок один год назад. Но, несмотря на это, новые жители всё ещё прибывают сюда, — добродушно объяснил молодой офицер.

— Я смотрю, город разросся, — взял слово отец семейства. — Я был тут лет семь назад, домов к западу отсюда ещё не было.

— Вы правы, новые районы появляются с каждым годом. Интересный факт: за пять лет население Ингисона возросло в полтора раза.

— Впечатляет, — отрезал губернатор. — Но до Интердики вам ещё далеко...

— Конечно. Не все земли освоены, не везде проложены дороги, провинция — новая для нас, — Дариус рассказывал, обильно жестикулируя руками. — К тому же люди пока боятся сюда массово переезжать.

— Балауры?.. — мужчина грозно и немного задумчиво глянул на воина.

— И балауры, и асмодиане, и местная фауна. Опасностей много... пока, — уточнил Дариус. — Мы выстроили высокую стену к югу и северу от города и поставили аванпосты. Теперь в радиусе пятидесяти километров безопасно.

— Много ли это?..

— Достаточно, чтобы предотвратить беду.

— Приятно слышать это из уст офицера, Дариус, — продолжал Ромул ан Грейв. — Но вдруг войска балауров или, что ещё хуже, асмодиан прорвут стену?

— Это исключено. Вдоль неё бесперебойно бродит патруль. На аванпостах постоянно дежурят две тысячи воинов из лучших легионов Элиоса. Если драконы или красноглазые пойдут в атаку, мы сумеем их сдержать, — уверенно, словно заученным текстом, говорил юноша.

Ингисон, как и Келькмарос, раньше принадлежали балаурам. Находились эти земли не на внутренней, а на внешней стороне Атреи — прямо у самого Эфирного барьера, отделявшего раздробленную планету от бескрайнего космического пространства. После Катаклизма сквозь разлом воздух растёкся по всему пространству внутри магического щита. Воды океанов, скрывавшихся внутри планеты, попали и на её внешнюю часть. Под лучами

близлежащей звезды некогда безжизненные земли стали расцветать. Теперь вся Атрея стала обитаемой.

Как оказалось потом, после Катаклизма балауры скрывались и здесь. Они оккупировали внешние половинки планеты, собираясь с нуля построить новую цивилизацию, но исполнить свои планы им было не суждено. Люди быстрее пришли в себя после всемирной трагедии и стали искать всё новые места для жизни, пока через пространственные разломы, спонтанно открывшиеся по всей Атрее, не попали в избалованные солнцем земли Ингисона и Келькмароса. Элийцы смогли вытеснить ящеров из Ингисона, а асмодиане захватили Келькмарос. Драконы вынуждены были отступить в соседние провинции.

И вот уже пятьдесят лет Ингисон принадлежит элийцам, а Келькмарос — асмодианам. По иронии судьбы эти земли находятся по соседству, а разделены лишь протяжённым горным хребтом, через который балауры за время владения им успели прорыть длинный тоннель. Конечно, эти земли не живут мирно — постоянно случаются набеги как со стороны элийцев, так и асмодиан. Да и балауры не сидят сложа руки: довольно часто около Срединного хребта появляются штурмовые отряды драканов. Мелкие стачки случаются почти ежедневно, крупных же сражений в последнее время не припомнилось.

Относительное затишье на землях балауров, или в Балаурии, продолжается вот уже на протяжении двух с половиной лет. Похоже, люди, наконец, сообразили, что лучше заняться освоением новых земель, возведением городов и крепостей, чем бесконечно и бессмысленно воевать...

Наконец, из-за поворота показалась почти такая же, как у гостей, дорогая повозка. Только она была раза в два больше, и вела её упряжка из трёх лошадей.

— А вот и мой отец... — с выраженным недовольством произнёс Дариус.

Экипаж остановился перед процессией, кучер не стал слезать со своего места, а дверь открылась сама. Из кареты ловко выпрыгнул статный коренастый мужчина в белом мундире с фиолетовой нашивкой на груди — военачальник. Волос на голове почти не было, а оставшаяся негустая шевелюра была полностью седой — мужчина был уже в годах. Но по лицу сказать это было сложно — опытный воин выглядел довольно молодо. Таким качеством обычно обладают только Даэвы, которым не страшна старость.

Военачальник кивнул головой в знак почтения и пожал руку губернатору. Прекрасных дам же он, как и подобает, поприветствовал комплиментами.

— Заслуженный рыцарь Ордена Миразента Ваталлос ан Боуэн к Вашим услугам, — голос мужчины был тоже молодым — никаких покашливаний или хрипоты.

— Здравствуй, старый друг, — произнёс Ромул.

— Прошу, — военачальник указал руками на дверь в карету и помог дамам забраться внутрь. Затем он пропустил губернатора и своего сына, а сам залез последним.

В салоне элитного экипажа было очень просторно. За беседой путь до усадьбы Дариуса показался чуть ли не мгновенным. Старичок-дворецкий послушно отворил ворота, и повозка заехала во двор. Экипаж сделал круг по парку и остановился у входа в дом. В этот момент встречать обещанных гостей вышел личный слуга Дариуса — Эдвард. Он подошёл к карете и открыл дверь, покорно поприветствовав всех пассажиров.

Процессия вошла в дом. Дариус показал интерьеры и велел кухаркам подать заранее приготовленный обед. Хозяин по праву занял место во главе стола, на противоположном конце расположился его отец.

За обедом беседа также не прекращалась, и, как это уже стало понятным, юный офицер

не сводил влюблённых глаз с красавицы Эви. После трапезы воин сообщил, что вечером ожидается приём, на котором будут все «сливки общества» Ингисона. Гостям дали время подготовиться и обустроиться в выделенных им комнатах. Проводив их, ан Боуэны остались наедине в просторном гостинном холле.

Сначала в помещении стояла тишина, никто не решался заговорить первым. Хотя отец с сыном не виделись так долго, казалось, есть столько интересных тем для разговора. Но нет, они сидели в мягких креслах у погашенного камина напротив друг друга и с каменными лицами молчали.

Ваталлос не видел юношу около полугода — дела в Бертроне шли не очень. Приспешники балауров, надоедливые краллы, совершали набеги на деревни мирных жителей, сжигали поля, убивали скот. Чтобы расправиться с противником, военачальнику пришлось лично руководить легионами. Но изгнать тварей с захваченных земель юга Бертрона долго не получалось, поэтому всё эти месяцы войны не могли покинуть свои позиции даже на день, не говоря о встрече с родными. По этой причине Ваталлос не мог присутствовать на торжественном вручении его сыну звания офицера второго ранга.

Дариус должен был быть на отца в обиде, но нет, он перенёс эту новость спокойно, как обычно. Юноша привык, что в последние годы встречи с отцом были реже, чем встречи с Эви. Что поделать, должность военачальника предполагает под собой большую ответственность, но молодому человеку легче от этого почему-то не становилось.

Ваталлос приобрёл для Дариуса поместье в самом центре крепости Иллюзий восемь лет назад, когда тот ещё учился в обычной школе. А когда через шесть лет тот окончил военную академию, отец пристроил его в элитный легион под руководством известного Даэва. Сначала он был обычным легионером, но вскоре его повысили до старшего воина центурии — заместителя центуриона. Так Дариус и жил эти два года один в окружении несметного количества прислуг, ухаживающих за баринком, как только он пожелает. Не сказать, что одиночество было юноше в тягость — всё это время прошло в бесконечных тренировках и разведывательных вылазках на восток Ингисона — к Срединному Хребту. Скучать просто не было ни времени, ни сил. А никто и не говорил, что быть легионером Кинжала Безмолвия — простая задача. Известней этого легиона был, наверное, лишь легион Сияния Миражей — гордость Элиоса, оплот доблести и воинской храбрости, а также гроза асмодиан и драканов во всех балаурских землях.

Мать Дариуса умерла при родах, поэтому Ваталлос должен был заменить ему и мать, и отца. Конечно, он любил сына, но делал это балаурски неумело. Постоянно занятый своими прямыми обязанностями военачальник редко появлялся дома. Воспитанием ребёнка занимались, по большей мере, слуги и Эдвард — мужчина, прислуживавший семье военного ещё до смерти прекрасной Хелены — жены Ваталлоса и матери Дариуса. После того, как парня определили в легион, военачальник пожелал, чтобы Эдвард ехал с ним и присматривал всё это время, а тот и не возражал. Слуга любил барского сына, как родного, он долгое годы занимался воспитанием юного офицера. Поэтому можно смело сказать, что то, каким стал Дариус, — заслуга Эдварда. Пусть их отношения были не как отца с сыном, а как хозяина со слугой, мужчине это не доставляло никаких неудобств. Он рад был заниматься с ребёнком, проводить с ним всё своё время. Стоит добавить, что своей семьи у Эдварда никогда не было. Он был бездомным сиротой когда-то очень давно. Добрая Хелена подобрала грязного больного голодного мужчину в Тольбасе — городке на севере Бертрона. Хозяйка дала ему крышу над головой, пустив к себе в дом. С тех пор в качестве

благодарности святой сердцем Хелене Эдвард и работал прислугой в их доме.

Как жаль, что жизнь несправедлива. Но на всё воля Айона. Говорят, Всевышний забирает к себе самых лучших... Смерть Хелены была неожиданностью для всех. Женщину посещали лекари во время её беременности Дариусом, но все хором твердили, что всё хорошо — нет причин для беспокойства... Когда хозяйки не стало, Ваталлос долго горевал. Он любил жену больше жизни и поклялся защищать ребёнка от всех невзгод.

Но потом стали появляться спонтанные разломы в Бездну, откуда постоянно прибывали балауры и прочая нечисть. Ваталлос сделал тяжёлый выбор — исполнить свой долг и спасти мирных жителей. Ценою в жизни это получилось — монстров отбросили назад к побережью.

Конечно, Дариус отослал приглашение своему отцу, иначе и быть не могло, но юноше вправду было без разницы, явится на этот раз ан Боуэн старший или нет. По счастливому стечению обстоятельств, военачальник предупредил сына письмом, что будет вовремя.

Ваталлос первым нарушил звенящую тишину в зале:

— Как легион? — спросил он неуверенно, хотя лицо его не выражало ни одной эмоции. — Я слышал, что легат расхваливал тебя.

«Удивительно, что ты поинтересовался...» — подумал Дариус, но не сказал это вслух. Начинать скандал в такой день совершенно не хотелось.

— Он преувеличивает. Я стараюсь, как и все.

Тон разговора был монотонным, а голоса — сухими, словно общаются не родственники, а элиец с асмодианином перед смертельной схваткой.

— Пару недель назад в Южном лесу была стачка, не так ли? Значит, отряд асмодиан всё же нашёл способ прорваться за стену.

Дариус скорчил гримасу — это было военной тайной. Действительно, около двух недель тому назад семеро асмодианских разведчиков было замечено в двух километрах от городской стены. Их следы обнаружили в лесу во время патрулирования. На врага в тот же миг спустили волков — скоро их настигли и уничтожили. Но как неприятель пробрался через укрепления, так и осталось загадкой. Патруль ничего подозрительного не заметил, ворота были закрыты, на стену не забраться — там круглосуточно дежурят лучники. На расследование инцидента в Ингисон срочно направили рыцарей Миразента — лучших из лучших, членов правящего в Элизиуме приората. Так как Ваталлос тоже был членом Ордена, было очевидно, что он знает о случившемся. С местными жителями решили не делиться — лишний страх и паника будут совсем некстати разрастающейся репутации Ингисона как неприступной крепости. Посему дело было засекречено и взято под контроль Элизиумом.

— Кто-то болтлив? — всё же не удержался от вопроса молодой офицер.

— Птица нашептала... — тихо произнёс военачальник.

— Хм... В любом случае, я не знаю, как это произошло. Но беспокоить людей такой ерундой не стоит.

— Что значит, не стоит? А если асмодиане нашли путь через преграду? Это ставит под угрозу весь город. Тем более, если бы это было ерундой, Орден не занялся бы сим лично.

— Тогда Вы знаете всё лучше меня, — Дариус всегда обращался к отцу на Вы. Так уж было принято: и в знак уважения перед родителем, и перед старшим по званию. — Но цель Вашего визита — не отчитывание действий моих и моего легиона, верно?

Ваталлос тяжело вздохнул и протёр глаза ладонью.

— Как ты не понимаешь? В Ингисоне опасно для тебя и Эви...

— С чего такая забота? — перебил его сын.

Мужчина потупил взгляд в раздумьях и вскоре произнёс:

— Да, я был дерьмовым отцом. Но это не значит, что я не волнуюсь за тебя и твоё будущее!

Дариус отвернул голову и часто задышал.

— ...Ты знаешь, я люблю тебя, — продолжил глава семьи. — И всегда любил. Я заботился о тебе, как мог. Если бы это было не так, попал бы ты в военную школу Элизиума и в Кинжал Безмолвия? Стал бы тем, кем являешься сейчас?

На последних словах Дариус резко перевёл пылающий взгляд на отца, сжал кулаки и, скрипя зубами, промолвил:

— Я уже отклонялся Вам при встрече. Могу сделать это ещё раз, если Вам показалось мало... — в голосе юноши было столько гнева и ненависти, что такому бывалому воину как Ваталлос стало не по себе. Мужчина смягчился и тихо сказал:

— Не надо...

Вновь наступила напряжённая тишина.

— Я всегда желал тебе только лучшего... Надеюсь, ты когда-нибудь это поймёшь, — продолжил он.

— Сложно верить словам человека, который хотел женить меня на Эви только ради собственной выгоды... — вновь выстраданные слова и злобная гримаса на прежде милом лице сына.

— Я лишь поддержал твой выбор, — сказал военачальник, но через секунду понял, что оправдание звучало глупо. — Так скажи, ты по-настоящему любишь её?

Дариус поднялся с кресла и быстрым шагом направился к выходу из гостинного зала. В дверях он замедлился, слегка повернул голову и уверенным тоном произнёс:

— Люблю, — и пошёл дальше.

Отец глубоко вздохнул и крикнул ему вдогонку:

— Дариус!

Он слышал, как стук сапог о пол резко прекратился.

— ...Ты сможешь когда-нибудь меня простить?

Ваталлос застыл в ожидании. Две секунды тишины длились, словно год. Но ответа не последовало. Через мгновение из соседней комнаты донёсся удаляющийся ровный звук шагов. Мужчина откинулся на спинку кресла и устремил взгляд в белый украшенный лепными узорами потолок. Он задумался о прошлом и терзал себя настоящим. Настолько, насколько может терзать себя сердце опытного бойца. Ан Боуэн старший просидел в таком положении, практически не моргая, около часа, пока служанка не зашла в гостиную, чтобы протереть пыль. Она подумала, что мужчина уснул, и подошла к нему, чтобы разбудить. В этот момент он резко повернул голову в сторону девушки, и та не на шутку испугалась. Ваталлос скупно извинился и, тяжело приподнявшись, покинул зал.

===== Часть 1. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 2.

Отредактировано.

«Нельзя являться на приём в таком настроении», — пронеслось в голове у Дариуса.

Первым пришедшим на ум способом избавиться от негативных мыслей было — напиться, но этого нельзя было делать ни при каких обстоятельствах! Ведь именно сегодня он попросит руки у своей возлюбленной, и надо быть, как говорится, в трезвом здравии.

Дело шло к вечеру, скоро в Белый Дворец начнут съезжаться нахлебники со всей крепости Иллюзий. Да и самому Дариусу пора бы уже собираться — нельзя явиться на бал последним. По традиции, он должен приехать одним из первых, чтобы лично встречать гостей.

Молодой человек стоял у окна своей комнаты и молча наблюдал, как его работники трудятся в саду: подметают дорожки, стригут кустарники, собирают листву. Вдруг в дверь постучали.

— Войдите, — сказал юноша.

Это был Эдвард. Через его левую руку было перекинута упакованное одеяние, в котором офицер сделает самый ответственный шаг в своей жизни. Парень улыбнулся и пригласил слугу войти. Эдварду Дариус был искренне рад. С ним у него никогда не возникало ссор, юноша считал мужчину своим лучшим и самым верным другом.

Слуга аккуратно положил костюм на кровать и подошёл к Дариусу.

— Вас что-то беспокоит, мой господин?

Старого Эдварда было не провести — чутьё его ещё не подводило: что-то было не так. Он сильно изменился с тех пор, когда добрая Хелена взяла его под своё крыло. Мужчина стал добр, интеллигентен и очень вежлив. Правильно говорила госпожа:

«Порой самые чёрные люди бывают белее тех, кого с рождения купали в молоке», — эти слова он запомнил навсегда.

— Снова поругались с отцом?

— Это неважно, мой друг, — юноша говорил добродушно, не отрывая глаз от окна. — С сегодняшнего дня всё будет по-другому.

— Переживаете?

Парень кивнул.

— Я хочу, чтобы всё было по-особенному. Но что говорить, так и не придумал, — он глубоко вздохнул и вновь погрузился в свои мысли.

— Ну, тут я Вам не помощник, — развёл руками мужчина. — Говорите то, что считаете нужным, делайте то, что велит сердце.

На лице Дариуса появилась скромная улыбка. Он взглянул на друга и искренне сказал:

— Знаешь, Эдвард, порой ты заменял мне отца... Ты всегда был добр со мной, пусть я часто и не ценил твоей доброты...

— Всё хорошо, мой господин, я не обижаюсь. Мне приятно слышать такие слова от Вас, но... Ваш отец — господин Ваталлос.

— Он ничего для меня не сделал... Ни разу не похвалил, не пожалел, не посоветовал...

Эдвард слегка приобнял воина за плечо.

— Всё будет хорошо, не переживайте. Давайте я лучше покажу Вам Ваш костюм. Кстати, Вы купили кольцо?

Юноша утвердительно кивнул и достал из кармана красную коробочку. Он приоткрыл её, и изнутри засияло шикарное золотое колечко. В центр его был вставлен огромный бриллиант, мягко переливавшийся всеми красками под лучами вечернего солнца. А сбоку от него были выгравированы имена: «Эви» и «Дариус».

— Воистину чудеснейшее украшение! Самое прекрасное из тех, что я когда-либо видел! Сколько же оно стоит? — ахнул Эдвард.

— Немало, мой друг. Но оно стоит своих денег, не так ли? — улыбнулся офицер.

— Оно великолепно! Ваша возлюбленная не сможет устоять, уж поверьте!

Дариус закрыл коробочку и убрал её обратно в карман.

— Буду надеяться, Эд, буду надеяться...

Тем временем в соседней комнате тоже шли приготовления.

Эви и Дариус больше не виделись сегодня. Они должны были встретиться только на балу во время торжественного приёма. Девушка сидела на краю кровати, а сзади над её причёской трудилась матушка, умело орудуя всевозможными инструментами.

Конечно, в глубине души юная Эви понимала, что сегодня Дариус может сделать ей предложение, но до конца не верила в это.

— Ты помнишь, когда была маленькой, мы с тобой играли в прятки в твоей комнате? — улыбаясь, вспомнила мать.

— Помню... — нежно ответила Эви.

— ...Ты забиралась в шкаф, а я делала вид, что не могу тебя найти, — женщина тяжело вздохнула. — Ах, как же быстро прошло это время... С тех пор мы там ничего не меняли, всё осталось таким, как прежде.

Девушка кивнула, вспомнив, какое счастливое и беззаботное детство у неё было. Когда-то она, громко смеясь, бегала по улице и играла с соседскими мальчишками и девчонками. Но потом завертелось: школа в Элизиуме, академия для девочек... И вот уже девятнадцать лет... А, казалось, только вчера она праздновала с родителями и друзьями своё десятилетие. Большие ярко-голубые глаза Эви улыбались и дрожали. Она всё свое детство мечтала о том, как выйдет замуж, какое у неё будет красивое платье, как все будут её поздравлять... завидовать ей... Ведь так все девочки делают. А теперь, повзрослев, она уже боялась шагнуть на новую ступень своей жизни.

— Кажется, я закончила, — сказала матушка и, улыбаясь, подала дочке небольшое зеркало.

— О, Айон, какая красота!.. — вздохнула от изумления девушка. Её глазки мгновенно налились серебром, но это были слёзы счастья, и в них солнечными зайчиками переливались лучики света. Она крепко обняла маму: «Спасибо...».

Дверь в комнату осторожно приоткрылась, и внутрь вошёл отец.

— Балаурский рог!.. — от увиденной красоты мужчина схватился за сердце. — Родная, ты волшебница!

Эви была уже в платье, в котором пойдёт на званый вечер. Над этим торжеством моды трудился целый штат придворных портных. Шикарное пышное платье небесно-голубого цвета с глубоким вырезом на спине должно было свести с ума всю мужскую половину сегодняшнего мероприятия. Оно идеально подчёркивало стройную фигуру Эви. Дизайн и покрой предложила мать девушки — она хорошо разбиралась в «прекрасном». На тоненькой шейке юной Эви красовалось дорогое драгоценное кольцо — творение лучших ювелиров Интердики.

Отец семейства облачился в серо-коричневый дублет, а сверху накинул небольшой тёмный плащ — утончённо, по-губернаторски. Нежно-кремовое платье Фемиссы ничуть не уступало дочери, но стиль был более сдержанным — сегодня блистать должна была именно Эви.

Эдвард постучал в комнату гостей и предупредил, что ан Боуэны уже выехали во дворец. Исходя из того, что девушка должна прибыть одной из последних, на подготовку оставалось ещё около получаса.

— Вы едете с нами, Эдвард? — спросил Ромул.

— Да, господин. Это просьба хозяина. Господин Ваталлос оставил Вам свою карету. Я поведу её лично.

— А этот военачальник вполне себе мил, — заметила женщина.

— Разрешите идти? — спросил слуга.

— Да, ступай, — махнул рукой отец семейства.

Эдвард вышел из покоев и тихо прикрыл за собой дверь.

— Волнуешься? — спросила мать у Эви.

После того, как слуга напомнил про скорый отъезд, с лица девушки исчезло сияние. Оно сменилось робкой грустью и волнением. Глазки её приуныли и опустили свой взор на блестящий мраморный пол, а руки безвольно опустились на колени.

— Да, матушка... — тихим голосом ответила она.

— Ничего, это нормально. Я тоже волновалась перед тем, как твой отец...

— Феми, помолчи, — перебил её муж. — Не станет он сегодня делать предложение, успокойся.

— Почему это? — возмутилась жена.

— Мал он ещё для таких поступков. Сколько ему? Девятнадцать, как и Эви? Вот! Мне тогда двадцать четыре было, и всё равно я чувствовал себя ребёнком.

— Ты и есть ребёнок, Ромул! Он — воин, а ты им не был никогда. Их с детства учат быть ответственными. Ты за всю жизнь не стал бы офицером, да ещё второго ранга.

— Прямо он сам-таки поднялся до офицера. Мели больше, — не унимался мужчина. — Вспомни, кто его отец. Военачальник! Выше этого звания нет никого. Да сыну его за глаза могли дать этот титул!

— Хватит, Ромул! Не желаю слышать! — Фемисса жестом руки заставила мужа замолчать. — Дариус — хороший молодой человек, и нечего тут обсуждать. Не надо расстраивать Эви, вон, посмотри, на ней лица нет!..

Девушка действительно робко сидела на краешке кровати в шикарном платье и молча слушала, как родители перебивают кости её возлюбленному. Да ей было всё равно, что скажут они. Она любила своего Дариуса, по-детски искренне и самоотверженно.

— ...Крошка, всё в порядке, — матушка обняла Эви и поцеловала в висок. — Не слушай этого остолопа. А сделает предложение или нет — лишь Айон знает.

— Пойдёмте уже, а то меня самого сейчас удар хватит, — промычал глава семейства и торопливым шагом покинул комнату.

— Ну, что? Ты готова, милая? — нежно спросила Фемисса, когда муж закрыл дверь.

— Да... Кажется, да, — неуверенно произнесла красавица Эви и, подышав, чтобы немного снять напряжение, встала перед зеркалом ещё раз посмотреть на себя.

— Безупречна! — снова похвалила её наряд матушка и потянула девушку за собой.

Семейство ан Грейв спустилось со второго этажа офицерского дома. Внизу в прихожей их ждал Эдвард в чёрном парадном дублете, прошитом золотой строчкой. Он пригласил их в приготовленную карету, а сам занял место кучера. Повозка тронулась, до Белого Дворца было совсем немного.

Во дворце этом устраивали балы и важные приёмы. В каждом городе найдётся хотя бы одна такая усадьба. В Ингисоне её построили совсем недавно, поэтому она была намного просторнее, богаче и красивее, нежели в остальном Элиосе.

Во дворе уже скопилось множество карет — яблоку негде было упасть. Шикарный приём, что сказать! Но, завидев огромный элитный экипаж, статно въезжавший в ворота,

кучера тут же поспешили пришпорить своих лошадей и освободить проезд, чтобы дорогие особы могли беспрепятственно присоединиться к празднеству.

Но повозка не стала останавливаться у парадного входа, она объехала здание и замерла перед дверями на заднем дворе. Когда Эдвард пришёл помогать удивлённым гостям выбраться из кареты, он всё объяснил:

— Вы должны появиться эффектно!

В это время Дариус, облачённый в парадный белый офицерский наряд, стоял у главного входа внутри дворца и встречал всё новых и новых гостей. Тут была вся элита: начиная от торговых магнатов с семьями, заканчивая легатами и центурионами известных легионов Ингисона и Элизиума.

Пока никакой бал не начался, все прибывшие гости растеклись по большому богатому залу первого этажа и залились усердным галдежом: отовсюду доносились звонкий смех, громкие голоса и звон бокалов с изысканными напитками. Дариус показательно улыбался, пожимая руки мужчинам и целуя то в щёчку, то в руку — женщин. Но мысли его были заняты только ней.

«Они уже должны были приехать», — надрывал себя юноша изнутри. За очередным приветствием молодой офицер не заметил, как вдруг весь гам стих. Беседы прекратились, и по залу распространилась ошеломляющая тишина. И только когда генерал, которому Дариус секунду назад отдавал честь, выпучил глаза вглубь холла и прошепелявил: «Дери меня драканский полк...», — воин обернулся, и его грудь в мгновение ока загорелась всепожирающим пламенем, а уста сами собой прошептали:

«О, Айон...».

По выложенной мрамором лестнице из зала второго этажа медленно спускалась неземной красоты девушка, облачённая в прекрасное голубоватое платье, напоминающее далёкое небо и гладь спокойного моря. Она аккуратно ступала хрупкими сверкающими туфельками на блестящие ступеньки, а отец и мать шли рядом, держа её под руки.

Во дворце стало настолько тихо, что были слышны только ровные шаги спускающегося на землю ангела. Весь зал, раскрыв рты, наблюдал за нежными движениями девушки — да, она сегодня — королева бала.

Дариус протиснулся сквозь толпу застывших, словно статуи, гостей, чтобы встретить девушку. Страх и волнение куда-то испарились, осталось только непреодолимое желание скорей прикоснуться к прекрасному созданию. Юноша растолкал всех и вышел вперёд. Он низко поклонился, протянул руку, и в его ладонь мягко скользнула маленькая ручка милой Эви. Он не сказал ни слова, а лишь широко улыбнулся и притянул девушку к себе, обняв за талию. Это было знаком начала торжества. В то же мгновение заиграла музыка, гости разбились на пары и закружились в безумном вихре танца.

Кавалеры приглашали дам, бокалы пустели всё быстрее, оркестр играл всё громче. После первого танца и громких аплодисментов практически сразу заиграл второй, более медленный и нежный. Стоит ли говорить, что и Дариус, и Эви танцевали потрясающе — в основном, именно на них и были направлены завистливые взгляды тех, кто остался в стороне.

После нескольких композиций оркестр взял перерыв и заиграл спокойную музыку, а гости могли немного передохнуть. Тогда к юному офицеру друг за другом стали подходить люди и выражать самыми лестными словами свои первые впечатления о сегодняшнем мероприятии. Конечно, им всем приходилось представлять его прекрасную партнёршу.

Стоит ли говорить, что гости непременно осыпали девушку комплиментами.

Обычно через пару часов любой бал превращается в шумный скотный двор с пьяными девицами и обнаглевшими кавалерами, если не пристающими к очередной даме, то яро спорящими на политические темы, что всегда заканчивается дракой. Увы, и этот приём был обречён на такой конец, ибо спиртное в стенах дворца лилось рекой.

Чувствуя скорое приближение бури, опытный в подобных делах Дариус поспешил сопровождать спутницу на прогулку в парк под предлогом «подышать свежим воздухом». Парочка покинула шумный зал и вышла в прохладный двор, окутанный темнотой приближавшейся ночи.

Конечно, обстановка была такой, что молчать нельзя было ни в коем случае, поэтому Дариус, кроме осыпаний девушки самыми изысканными комплиментами, рассказывал ей о себе, своём прошлом. Он поведал, как героически оборонял Южный лес, как лично получил награду из рук легата, как ему даровали звание офицера. Естественно, много фактов было слегка приукрашено, но так, чтобы не вызвать подозрений, — нужно было произвести впечатление, а не сделать из себя героя.

Эви слушала, но не особо внимательно — ей были неинтересны всякие «военные штучки», девушку больше интересовало то, чем же закончится эта прогулка. Но кульминация не заставила себя долго ждать. Дариус провёл девушку к странному, но необычайно прекрасному дереву в глубине дворцового сада — все его тысячи листочков светились в темноте розовато-голубым мерцающим светом. Юноша встал под широкую крону волшебного дерева и взял Эви за руки. Их взгляды встретились. Лучики от сияющих листьев заиграли калейдоскопом в больших блестящих глазах девушки. Парень мгновенно утонул в них и, отбросив к балауру все заготовленные фразы, заговорил нежным голосом от чистого сердца:

— Эви... родная Эви... Я стою перед лицом Айона и благодарю всех Покровителей за то, что когда-то давно встретил тебя. Пускай мы с тобой виделись немного, но оттого каждая встреча была столь желанной... Я вспоминаю, как мы вместе сбегали от стражи моего отца в Бертроне; вспоминаю, как мы сидели на крыше бакалейной лавки и любовались закатом; помню, как ты перевязывала мне руку после той драки с местными хулиганами... Эви, мы так много успели сделать вместе. И каждое мгновение с тобой было для меня вечностью, самой прекрасной вечностью! Этих минут мне хватило, чтобы понять, что мне нужно... ради чего я живу... — он остановился на секунду и крепче сжал ладони девушки. — Я... я люблю тебя...

Не успел он договорить последние слова, как нежные губы девушки коснулись его губ, а руки её сами выскользнули из его рук, обвив шею юноши. Молодой человек притянул Эви к себе сильнее и обнял её за талию, нежно поднимаясь рукой выше по спине. Время остановилось. Две влюблённые фигуры слились в сладком поцелуе. Минута нежности длилась целую вечность. Затем девушка слегка отстранилась и вновь заглянула в глаза юноши, чтобы сказать самое главное: «И я тебя люблю...». Дариуса в мгновение переполнило счастье, он невольно улыбнулся и снова прильнул горячими губами к возлюбленной.

Когда они смогли открыть глаза, юноша мягко разомкнул объятия. Он медленно опустился на правое колено, подведя свою руку вместе с рукой девушки к сердцу. Другую руку он положил себе на плечо. Молодой человек поднял глаза и встретил необычайно большие то ли от волнения, то ли от радости, голубые глаза Эви. В них он увидел отражение

своего лица, испуганного, но решительного. Дариус исправился и сделал серьёзный вид, после чего достал из правого кармана пиджака маленькую коробочку и, сжав её в кулаке, начал:

— Дорогая... нет, любимая! Ты окажешь мне великую честь и поделишь со мной остаток моей прежде никчёмной скучной жизни? — офицер раскрыл коробочку, и оттуда в игривых лучах мерцающих, словно светящийся купол, ветвей засиял бриллиант обручального кольца. — Эви, ты станешь моей женой?.. — эти слова Дариус почти прошептал. Его взгляд застыл в ожидании заветного ответа.

Внутри девушки всё затряслось. В огромном бриллианте отразились удивлённые, но при этом невероятно счастливые глаза юной красавицы.

«Конечно, да! Ну, говори же!..» — голос внутри Эви бился в наслаждении, и губы девушки, наконец, произнесли столь желанное:

— Да!.. Конечно, стану!

Лицо юноши засияло в блаженной улыбке, он подхватил невесту на руки и закружил вокруг себя. Эви громко рассмеялась, крепко вцепившись в его спину. Её голос зазвенел в кружащихся над ней листочках и полетел дальше, неся бесконечную радость и упоение.

Влюблённые так и остались бы под волшебным деревом, если бы не вечерний холод, расстелившийся по округе. Воин снял с себя белоснежный мундир и накинул его на Эви.

«Неплохо смотрится», — отметил про себя он.

Парочка вернулась в тёплый дворец, где уже вовсю разгоралось веселье. Пьяный в стельку генерал достал из ножен парадную шпагу и размахивал ей перед испуганными гостями, грозясь «перерезать глотку каждому балауру».

Дариус не стал утихомиривать мужчину — для этого среди присутствующих было слишком много воинов. Он отвёл Эви в сторону, чтобы она не видела сего безобразия. Но мельком девушка разглядела, как полноватый мужичок в усах размахивает оружием на глазах изумлённой публики.

— Теперь ты почувствовала аромат местного колорита? — громко пошутил юноша.

— И часто у вас такое случается?.. — спросила девушка, устремив заинтересованные глазки на импровизированную сцену.

— Каждый раз, — в улыбке произнёс Дариус и снова обнял девушку. — Надо найти твоих родителей. Я хочу просить их благословения прямо сейчас!

Эви улыбнулась в ответ и кошачьим взглядом окинула толпу, ища хоть кого-то напоминающего её родителей.

— Вон они! — радостно вскрикнула девушка, указав пальцем на парочку, мирно беседующую с отцом Дариуса на балконе второго этажа.

Юноша крепко схватил руку невесты, и они поспешили к её родителям, чтобы «узаконить» их недавний разговор.

— А вот и вы, — Ваталлос первым заметил чуть ли не бегущих к ним навстречу влюблённых и дал знак собеседникам обернуться.

— Эви, Дариус, а мы вас ждали, — добродушно сказала Фемисса.

Ромул оглядел счастливых детей и заметил один выделяющийся аксессуар, которого раньше не было на девушке — блестящего золотого колечка на безымянном пальце. Он сразу всё понял. Мужчина поднял глаза на парня и обнаружил на себе его взгляд. В этом мимолётном жесте были понятны намерения, с которыми молодые явились сюда — на тихий балкон Белого Дворца Ингисона.

Ваталлос заметил изменение в выражении лица мужчины и тоже сделал серьёзный гордый вид.

Дариус сжал руку девушки и сделал уверенный шаг вперёд, чтобы говорить.

— Господин Ромул ан Грейв, госпожа Фемисса ан Грейв. Я, Дариус ан Боуэн, сын Ваталлоса ан Боуэна, стою перед Вами и перед Айоном и прошу дать мне и Эви благословение на соединение наших влюблённых сердец священными узами брака. Клянусь любить её вечно и защищать от всех бед. Я стану надёжной опорой для Вашей дочери, буду уважать её мнение и беспрекословно чтить традиции наших семей.

Молодой человек по-воински кивнул и отступил назад. Все сомнения по поводу Дариуса у Ромула мгновенно рассеялись, как тот начал говорить. В голосе юноши он не узнал себя девятнадцатилетнего. Он увидел настоящего мужчину с трезвым умом и серьёзными намерениями.

Глаза Фемиссы покрылись слезами. Она старалась их вытереть дрожащей рукой, но подступали всё новые и новые слезинки — эмоции переполняли сердце матери. Ваталлос стоял ровно, не шелохнувшись, в ожидании реакции отца невесты, как и подобает.

Как только Дариус договорил, губернатор подошёл к влюблённым и по очереди поцеловал их в лоб.

— Я даю вам благословение. Будьте счастливы. Да озарит ваш путь Свет Айона.

Эви в слезах счастья обняла отца, а её сзади — мать. Ваталлос протянул руку сыну. Дариус посмотрел на его ладонь и на миг задумался, пожать или нет. Но, увидев добродушный кивок отца, он крепко по-офицерски поприветствовал военачальника в знак примирения и согласия. Таков уж был момент. Затем отец с сыном тоже обнялись.

Эдвард поднялся на второй этаж в поисках хозяев. Он прошёл по просторному холлу и вдруг увидел то, от чего на его сердце стало хорошо и спокойно. В кой-то веки два воина: Ваталлос и Дариус ан Боуэны — обнялись, а, значит, помирились. Как же слуга хотел, чтобы у отца и сына всё получилось начать с чистого листа. И вот, для этого появился повод.

Когда семьи разомкнули объятия, Дариус и Эви вновь взялись за руки. Счастливый глава семейства ан Грейв поинтересовался у влюблённых:

— Уже решили, когда будете играть свадьбу?

Они смутились от вопроса, и Дариус решил ответить сам:

— Пока не решили. Но чем скорее — тем лучше.

Ваталлос присоединились к разговору:

— Проведём церемонию у нас в Бертроне. Я прикажу подготовить храм.

— А чем Юфросин плох? — отозвалась Фемисса.

— Постойте, — сказал Дариус. — Мы поженимся здесь, в Ингисоне.

— Что? Почему? — хором спросили родные.

— Теперь это наш дом, — глядя в сияющие глаза невесты, прошептал молодой человек. Она добродушно кивнула в знак согласия.

— Ну... Дело ваше, — у Ромула ничего не оставалось, как смириться с сим фактом. Он подмигнул жене, чтобы та не противилась их решению.

— Надо обрадовать гостей! — вдруг пришло в голову юноше, и парочка поспешила покинуть балкон, чтобы выступить перед дворцом.

Жених и невеста, держась за руки, встали около лестницы, ведущей на второй этаж, и Дариус громко заговорил:

— Попрошу минутку внимания! Уважаемые! — он взял с подноса у проходившего мимо

официанта два пустых бокала и постучал ими друг о дружку. Звон хрусталя мигом заставил гостей обратить на молодых взор. — Спасибо! — юноша поставил бокалы обратно. — Мы пришли сообщить вам радостную новость, — он перехватил девушку в другую руку, а прежней приобнял её за талию. — Я и Эви решили пожениться!

Зал озарило громкими аплодисментами и криками: «Браво!». Счастливые влюблённые насладились этой минутой блаженства, а затем спустились вниз к гостям, чтобы принять от них личные поздравления.

Первыми к паре подбежали знакомые офицеры. Они отдали честь коллеге и сделали несколько комплиментов прекрасной невесте.

Затем перед молодыми возник силуэт коренастого мужчины лет тридцати пяти на вид. Чем-то он был непохож на остальных: то ли несоразмерно широкими наплечниками поверх элегантного наряда, то ли томной сухой улыбкой, то ли причудливым для Атреи сочетанием короткой остроконечной бороды и тонких усов, то ли приподнятыми в небольшой ирокез русыми волосами, то ли круглой серьгой в ухе, что было для мужчины высших кругов ну очень странным. Эви всматривалась в незнакомца, и всё это не давало ей покоя. Но больше всего девушку поразили глаза мужчины — она отчётливо видела, как серая радужка острых глаз светилась откуда-то изнутри. Будто на зрачках и вокруг них был какой-то рисунок, и... он менялся — переливался, дрожал и играл красками, словно дно мелкого ручейка в солнечную ветреную погоду. Незнакомец приблизился и прислонил три пальца правой руки к брови — это значило отдать честь в воинских кругах. Затем он пожал руку Дариусу и повернулся к девушке, но та не могла оторвать изумлённый взгляд от его глаз... таких волшебных и манящих.

— Что, первый раз Даэва увидела? — рассмеялся Дариус, когда заметил странное выражение лица невесты. — Осторожней, их взгляд гипнотизирует.

На этих словах Эви резко отвернулась от мужчины — она слышала про светящиеся глаза бессмертных защитников Атреи, но про их гипнотизирующий эффект — ни слова.

— Так... — робко заговорила она, уже не смотря на незнакомца. — Вы Даэв?

— Хах, — засмеялся сероглазый мужчина. — Моя вина. Такая красавица, а я забыл представиться. Легат Кинжала Безмолвия, офицер пятого ранга, — Даймон к Вашим услугам.

Он не стал целовать руку девушки — просто поклонился. Эви была, чтобы не соврать, поражена — за свою жизнь она никогда не видела Даэвов, но об их подвигах была слышана. Поговаривали, что в одиночку Даэв мог перерубить сотню балауров и две сотни асмодианских воинов. Девочки всё время плели всякие истории о бессмертных, пересказывали сказки, в которых крылатые люди спасали попавших в беду красавиц, и тому подобное. В глазах Эви Даэвы были почти что богами, по силе и стати достойные Айона. И вот перед ней стоит один из благословлённых Богом — осязаемый, живой. Для девушки это было сродни увидеть ангела во плоти. Так она была изумлена.

А теперь оказывается, что её возлюбленный всё это время служил в одних рядах с Даэвом — вот это поворот! Теперь в глазах Эви Дариус вырос ещё сильнее, можно сказать, — макушкой пробил потолок.

— Очень приятно, — неуверенно произносила девушка. — Эви... Эви ан Грейв.

Почувствовав дрожь в голосе невесты, Дариус тут же среагировал и заключил её в свои тёплые объятия, при этом положив её ладони на свои и поцеловав в щёчку.

— Ан Грейв, хм... — задумался бессмертный. — Твой отец случайно не глава городка в

Интердике?

— Да, это он, — нежность Дариуса придала некую уверенность Эви, и она заговорила своим обычным тоном. — Ромул ан Грейв — губернатор Юфросина.

— Помню-помню. Лет двадцать назад я помогал местным расчищать от нежити поместье Медеуса. Это неподалёку от Юфросина.

— Отец рассказывал об этом... Так сколько же Вам лет, господин Даймон?

— Много, очень много, — улыбнулся мужчина. Он никогда не говорил никому свой возраст, но, судя по мудрости и способностям, ему было больше двух-трёх сотен лет.

— Вы женаты? — спросила девушка и лишь через секунду сообразила, что не стоило задавать этот вопрос.

Она не знала: а вдруг бессмертные не женятся и проводят отведённую им вечность в одиночестве. Но ответ приятно удивил её.

— Да, женат, — с лица мужчины не сходила улыбка, словно он разговаривал с ребёнком. И этот факт не очень нравился девушке — она чувствовала себя ниже и глупее «великого Дазва».

— А ваша жена тоже... Дазв?

— Да, моя жена тоже... Дазв, — он, смеясь, повторил интонацию Эви, и это вызвало недовольство у молодой особы.

«Да кто он такой, чтобы меня передразнивать?! — подумала девушка. — Ну и что, что Дазв! Думает, ему всё можно?»

Между тем легат решил удалиться.

— Вы отлично смотрите вместе, и я очень рад за вас, — сказал он. — Да озарит ваш путь Свет Айона! Пусть ваша жизнь будет полна тепла и нежности!

Мужчина снова отдал честь своему легионеру и, статно развернувшись, пошагал к постоянно пополняющемуся столу с напитками.

Когда Дазв отошёл на «безопасное» расстояние, Эви шепнула Дариусу на ухо:

— Он мне не понравился. Высокомерный и самодовольный... Как вы его терпите?

— Что есть, того не отнять. Но поверь, милая, ему это можно простить, — юноша поцеловал невесту в щёчку и погладил ладошкой по месту поцелуя. — Он прекрасный воин и хороший наставник. Я счастлив, что знаком с ним.

Девушка вздохнула. Наверное, она пока плохо разбиралась в людях. Эви прижалась крепче к возлюбленному и закрыла глаза. В его объятиях она чувствовала себя в безопасности — самое ценное чувство для девушки при выборе жениха.

Она более не обращала внимания ни на кого: ни на вновь разбушевавшегося усатого генерала, ни на официантов, постоянно шныряющих туда-суда, ни на оркестр, всё ещё исполняющий какие-то композиции, — Эви была занята лишь им — тем, кто так скоро станет её мужем. Уже точно. Уже гарантированно. Дариус нежно гладил любимую по волосам и что-то тихонько шептал ей на ушко. Наверное: «Я тебя люблю...».

Увлечённые друг другом, жених и невеста даже не догадывались, что скоро их жизнь так круто изменится — и совсем не так, как они планировали.

===== Часть 1. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 3.

Отредактировано.

— Я думаю, тётушку Анну стоит позвать. Ты должен её помнить, — рассуждала Эви, сидя за столом напротив любимого.

— Ага, забудешь тут. После её «приветствия» у меня неделю щёки болели, — отозвался Дариус, поедая свою порцию омлета.

Эви улыбнулась. Да, тётушка явно была слишком гостеприимной. Ещё ни один гость не уходил от неё без «ласковых увечий».

— А кто из твоих родных придёт? — спросила девушка, отложив столовые приборы в сторону.

Дариус запнулся, потом заговорил более низким мужским тоном:

— Кроме отца, никто. Нет у меня больше родных. Ни тётушек, ни дядюшек, ни сестёр, ни братьев...

— Мне очень жаль... — тихонько прошептала Эви.

— Ничего, зато приглашу свой легион. Можно сказать, это тоже моя семья. Ты ведь не против?

В столовую статно вошёл Ваталлос ан Боуэн. Он присел рядом с девушкой, но отказался от завтрака. По его потерянному взгляду Дариус сразу понял, что что-то не так.

— Сынок, я... — протянул мужчина, пряча взгляд.

— Вы уезжаете? — с выраженным упреком и печалью в голосе спросил юноша. Это даже звучало, скорее, как утверждение, нежели вопрос.

— Всего на пару дней. Глава Ордена созывает всех на совет в небесную столицу.

Дариус бросил приборы, закатил глаза и отвернулся.

— ... Я обещаю, что ко дню церемонии вернусь. Слово военачальника.

Юноша хотел высказать отцу всё: и про то, что его обещания не стоят и ломаной кинары, и про вчерашнее — но не стал. Вместо этого молодой человек самым серьёзным тоном спросил:

— Клянётесь?

— Клянусь, — так же уверенно отозвалось в голосе мужчины.

— Да защитит Вас Айон... — сквозь зубы промычал сын.

— Да сохранит тебя Айон, — кивнул в ответ Ваталлос и медленно встал из-за стола, поклонившись молодой особе.

— Свадьба в воскресенье, — сказала Эви, когда мужчина вышел из комнаты. — То есть через четыре дня. Раз он обещал, значит, приедет.

— Поверь, милая, за свою жизнь я наслушался этих обещаний вдоволь.

— Неужели ты не хочешь, чтобы твой родной отец присутствовал на свадьбе?

— Хочу. Но если этого не случится, горевать я тоже не стану...

В столовую вошли довольные родители девушки.

— Ого, уже сидят! — расхохоталась матушка. — И давно вы тут?

— Нет, полчаса где-то, — улыбнулась в ответ Эви.

— Тогда мы с Ромулом позавтракаем, а потом поедem за свадебными аксессуарами. Эви, ты — с нами, — сказала Фемисса и подмигнула дочери.

— Я тоже займусь приготовлениями, — промолвил Дариус и поднялся из-за стола, оправившись. — Приятного аппетита, — пожелал он и пошагал к выходу. Проходя мимо возлюбленной, он будто бы случайно дотронулся кончиками пальцев до её руки. Когда их взгляды встретились, он губами прошептал: «Я люблю тебя». Эви улыбнулась и отправила ему в ответ те же слова.

А дел предстояло совершить много: приобрести платье и костюмы, заказать декорации, оркестр, поваров, экипажи, отправить приглашения гостям — куча всего. А времени мало.

Надо было успеть всё за эти четыре дня, чтобы счастливо встретить день, который изменит их жизнь к лучшему.

За день юноша успел заказать у портного новый мундир, а также договориться со жрецами храма, чтобы в воскресенье они обручили молодожёнов. Торжество будет проходить сначала в святилище крепости Иллюзий, затем плавно переместится в Белый Дворец. Конечно, молодой человек мог поручить заняться свадьбой своим слугам и Эдварду, но ради такого события он был готов сам объездить весь город.

Была почти полночь, пустынные улицы города освещались тусклыми фонарями. Молодой кареглазый офицер возвращался в свою усадьбу после долгого тяжёлого дня, шагая по каменной мостовой. По дороге ему встретился знакомый кабачок, где он когда-то проводил длинные вечера. Ноги сами понесли его туда. Подойдя к старой скрипучей стойке, юноша громко позвал трактирщика и велел ему налить что-нибудь покрепче. Полноватый усатый мужчина кивнул офицеру и через минуту принёс ему две рюмки мутноватой красной жижи.

— На здоровье, — буркнул он привычным хриплым голосом и удалился.

Дариус залпом опустошил сначала одну рюмашку, а затем — вторую. Посидев с полчаса за столиком и поговорив с хозяином кабака «по душам» (а как ещё, если напиток так горячит), юноша направился к выходу. Была уже глубокая ночь — пора покинуть шумное и весёлое заведение, чтобы успеть вернуться хотя бы под утро. Дариус не помнил, как добрался до ворот поместья, как открыл их (или перелез через забор?) и как дополз до кровати. Зато уснуть получилось быстро. Пожалуй, алкоголь — лучшее успокоительное средство, что только придумали люди. От наплыва самых разных мыслей и тревог, обрушившихся на молодого человека за последние дни, на душе его было беспокойно. Но завтра тоже будет важный день, нужно как-то отдохнуть перед ним, и «два по пятьдесят» пришлись очень кстати. Тем более к утру всё равно будешь трезв, как огурчик. Юноша погрузился в сон. А снилось ему... да вроде ничего и не снилось.

Тем временем где-то в Южном лесу.

— Осторожно, не наткнитесь на колья!

— Колонны, ступайте тихо!

— Не споткнитесь! Смотрите под ноги!

— А ну, дружно! Шагаем! — доносилось со всех сторон.

Ровным шагом через тьму ночной чащи продвигались факелonosцы, освещавшие пространство для движения войск. За ними длинными колоннами уверенно шла целая армия. Более тридцати тысяч ног ступало по влажной лесной земле. На некоторых были небрежно надеты трофейные элийские доспехи, захваченные во время ожесточённого боя несколько часов назад. Тысячи красных светящихся глаз тучей двигались на север. Клад брони и оружия слышался ещё издали, где ни света факелов, ни блеска глаз не было видно. С каждой секундой несметная орда врага подступала ближе, оставляя спящему городу всё меньше шансов на спасение от неминуемой гибели.

Скоро должно светать. Таверны и кабаки уже повыгоняли самых разгорячённых и засидевшихся гостей, и улицы были пусты. Не встретить даже собаку, ищущую в очередной помойке что-нибудь съедобное.

Вдруг на сторожевых башнях громко зазвонили сигнальные колокола. Легионы

патрульных резко проснулись, пока не понимая, что происходит. По звуку тревоги, стражники быстро экипировались и побежали занимать свои позиции — на стенах, башнях и около ворот города. Шеренги из защитников сомкнулись и замерли. Понимание пришло быстро.

Издали доносился глухой гул, похожий на равномерный стук. С каждой секундой звук усиливался. Вдали стали различимы маленькие мерцающие огоньки, дёргающиеся и медленно движущиеся.

— Асмодиане... — промолвил офицер, стороживший башню, уставившись печальным взглядом в даль лесной чащи.

Новость тут же подхватили подчинённые.

— Асмодиане! Асмодиане атакуют! — понеслось по штабам и казармам.

Колокола зазвонили с новой силой. По дощатым дорогам на башни поднимали и устанавливали огромные огнемёты и катапульты. Бойцы бежали к штабам легионов, чтобы разбудить подмогу — обороняться, судя по всему, придётся долго.

От громкого звона проснулись и мирные жители. Они хорошо знали, что означает этот сигнал — нужно скорее искать укрытие. В городе началась суматоха. Люди разбегались по подвалам своих домов, чтобы переждать ненастье. У кого не было надёжного убежища — подхватив под руки детей, бежали к воротам центра города — крепости Иллюзий: там было безопаснее.

Перепуганные толпы людей двигались в крепость. Крики и ор стояли повсюду. Надо сказать, что это сильно мешало продвижению легионов с бойцами к окраинам, но делать было нечего. Жителям велели укрыться в храмах и святилищах. Для них также открыли двери Белого Дворца и дворца военачальника. В поместьях богатых особ началось движение. Кучера, нещадно прищипывая лошадей, срочно увозили хозяев куда-то. Вот чего боялась власть города — необузданного страха и паники.

В комнату Дариуса ворвался испуганный Эдвард.

— Мой господин, асмодиане окружают! — буквально прокричал он эти слова.

Молодой человек резко открыл глаза. Он сразу всё понял. Времени на раздумья не было. Юноша вскочил и принялся за экипировку, грозно приказав слуге:

— Бери гостей и прислугу, срочно езжайте в храм!

Эдвард кивнул и хотел уйти, но в последний момент опомнился:

— Постойте, а Вы? Куда Вы собираетесь? Неужели...

Дариус громко крикнул:

— Это приказ!

— Без Вас не уйду! — с дрожью в голосе, но храбро отозвался Эдвард.

— А ну живо езжайте в храм! Вон! — рявкнул юноша.

Слуга испугался и побежал немедленно исполнять волю своего господина. Он разбудил семью губернатора и остальную прислугу и велел собираться. Гости были ошарашены, но противиться не стали. Уже через несколько минут две кареты на полной скорости выехали из ворот поместья.

— А где же Дариус? — взволнованно спросила Эви, когда повозки покинули усадьбу.

— Он... в другой карете, — соврал Эдвард.

Он не знал, что заставило его сказать неправду, но посчитал, что так будет лучше. И он не ошибся — девушка действительно немного успокоилась.

— Я же говорил, что рано или поздно так и будет! — ворчал Ромул.

— Не нагнетай обстановку! Всё будет хорошо! — кричала на мужа Фемисса.

Экипажи быстро добрались до храма крепости Иллюзий. Эдвард поспешил увести гостей внутрь.

— Где Дариус? Где Дариус? — не умолкала перепуганная Эви.

Эдвард молчал и за руку вёл дорогих особ в заполненные людьми недры храма.

Юноша оделся, ему оставалось нацепить походный пояс. В его небольших карманах и стёжках лежало всё самое необходимое: фляга с водой и снадобьями, ножи и бинт. Справившись с этим, он открепил от стены длинную алебарду с огромным широким лезвием, напоминавшую здоровый двуручный топор, перекинул её через себя и засунул в ножны за спиной. Через секунду полностью экипированный в дорогие и прочные латы офицер уже спускался по лестнице вниз.

Он распахнул дверь в конюшню, быстро нацепил седло на белого коня и ловко сел верхом, пришпорив:

— Пошёл!

Широкие улицы крепости были забиты людьми. Дариус скакал галопом, перепрыгивая через толпы жителей и маневрируя между ними. Через считанные минуты он остановился перед штабом легиона. Воин вошёл внутрь — легат, облачённый в расписные латы, стоял на столе в центре зала и давал последние указания.

— Насмерть стоять у внутренних ворот! Не допустить прорыва в крепость! Если город сдадим, то крепость — отстоять! Дери балаурову нечисть! За Элиос! За Айона! — воодушевлённо прокричал Даэв.

Легион Кинжала Безмолвия — в сумме с легатом сто пятьдесят храбрых душ — дружно побежали к воротам крепости Иллюзий. Вокруг крепостной стены располагался сам город — в несколько раз превышавший по площади крепость. По периметру города была выстроена ещё одна стена, обнесённая башнями, — не менее прочная и массивная.

План командования был прост: если враг прорвётся в город, обстрелять его с крыш зданий и усилиями стражников разделить его колонны по узких улочкам. С небольшими отрядами асмодиан справиться намного проще, нежели с огромной колонной, продвигающейся по главной улице. Если в городе начнётся пожар, заблокировать асмодиан внутри котла и не дать им вырваться из огненного кольца. В любом случае, нельзя допустить, чтобы враг попал в крепость, где прячутся мирные жители. Тогда осада закончится — запад Ингисона перейдёт под контроль асмодиан.

Кинжал Безмолвия протиснулся к крепостным воротам и выстроился с внутренней стороны, стараясь не мешать потоку людей, вбегающих в крепость. Если ворота падут, легион станет живым щитом между жителями и асмодианскими аканами — так на северной половине Атреи называли воинов-легионеров.

Тем временем армада неприятеля окружила город. Чёрные, как смерть, колонны врага выстроились на расстоянии в несколько сотен метров от стен. В сторону селения со всех сторон летели снаряды, выпущенные из пушек и тяжёлых осадных машин — некоего подобия катапульты. Стены были прочны и пока выдерживали удары горящих каменюг.

Доспехи асмодиан были чёрного цвета — без разницы, латы это или кольчуга. Под покровом темноты рассмотреть врага в таком наряде было непросто, выдавали его только светящиеся красным огоньком злые глаза. Со стен города округа была усеяна миллионами таких огоньков — всё до самого горизонта светилось алой, словно кровь, краской.

Вдали начали пробиваться сквозь леса первые лучи восходящего солнца. Орда асмодиан

замерла. Вдруг вперёд к воротам пошагал воин в блестящих чёрных латах и шлеме с высоким конским хвостом. Он остановился в двадцати шагах от «своих» и поднял одну руку вверх — сигнал. Воцарилась тишина — осадные машины стихли. Всё замерло в ожидании. Через несколько секунд асмодианин широко махнул ей, и многотысячное войско с яростным криком побежало вперёд, в атаку. Издавая дьявольские вопли и злобно рыча, чёрная туча приближалась к городским вратам.

Стуки сапог звенели у стражей в ушах, звук становился громче и громче. И вот армада достигла ворот, с разбега ударившись о железную стену. Элийские лучники на башнях были готовы открыть огонь в любой момент, но приказа не было.

— Открыть огонь? — доносилось с башен.

Наконец, к сторожевым вышкам подъехал всадник на лошади. Сзади развевался красный плащ, в поднятой руке блестел меч — это было сигналом для атаки.

— Огонь! — подхватили бойцы, и сотни стрел со свистом мгновенно полетели во врага. Несколько десятков асмодиан тут же замертво упали на землю — пролилась первая кровь. Позади бегущей армады тьмы неподвижно стояло несколько отрядов — лучники аканов. По взмаху когтистой руки в ответ элийцам полетела стена чёрных, как смола, асмодианских стрел. Несколько защитников врат, не успевших спрятаться от шквала свистящих игл, полегли, не выпустив луки из рук. Ряды воинов редели с обеих сторон, но на их места приходили новые. Залпы орудий продолжались несмотря ни на что, — началась осада.

Асмодианам не удавалось поднять решётки ворот, и они решили поступить по-другому. На стены стали поднимать огромные лестницы, и представители северной половины Атреи начали взбираться вверх. Многих настигали стрелы защитников, остальных — их острые клинки. Некоторым же удалось подняться на стену и переполошить там отряды элийцев, но, в основном, это ничего не изменило — город держался.

Тогда командование асмодиан решило пойти на отчаянный шаг.

На одной из защитных башен поднялась суматоха — стражники увидели, как сквозь утреннее небо к ним летят около двух десятков огромных чёрных птиц.

— Это не птицы! — закричал центурион. — Это Даэвы! Берегись!

Офицер бросился на товарища, чтобы спасти от летящего прямо в него огненного шара. Башня вспыхнула, словно спичка. Стражники бросились врассыпную, объятые пламенем. Чёрные крылья пролетели над стеной и, облетев жилые районы, спикировали на сконцентрировавшуюся около ворот города армию элийцев. В асмодианских Даэвов не могла попасть ни одна стрела — бессмертные ловко и порой совершенно невообразимым образом уворачивались от летящих в них стальных наконечников.

— Ложи-и-ись! — заорал командир, но было поздно. Подобно башне, взрыв огненного шара мгновенно убил несколько воинов. Стражники отвлеклись от ворот, ища над собой в плотном дыму чёрные крылья смерти. Вдруг механизм, открывавший решётку, пронзила длинная металлическая стрела, пущенная откуда-то сверху, — затвор повредился, и врата стало возможно поднять. Этим и воспользовались асмодиане.

Накинувшись на решётку, враги стали руками приподнимать тяжёлые ворота. Много воинов погибло в попытке открыть проход, но всё же им удалось зафиксировать механизм над своей головой, подложив что-то под острые колья.

Путь в город был открыт. Началась мясорубка. Тела падали направо и налево, лязг оружия и брони стал слышен даже в крепости. Элийские стражники рассредоточились по крышам домов, чтобы максимально разредить пробивавшиеся вовнутрь колонны врага.

Но не тут-то было. Крылатое преимущество асмодиан тоже обладало меткими луками. Среди них также были и маги. Воины на крышах сами становились лёгкой жертвой безжалостных убийц.

Армаду было уже не остановить. Чёрная туча быстро заполонила окраинные улицы столицы Ингисона. Защитники не могли сдержат натиск врага и отступали к центральным кварталам — уж слишком большой перевес сил был на стороне асмодиан. Наступая всё глубже и глубже, асмодианские лучники поджигали телеги, деревянные дома и сараи пылающими стрелами. В городе начался пожар. Свежий утренний ветер разносил пламя по крышам зданий, уничтожая дом за домом, улицу за улицей. Колонны асмодиан медленно, но уверенно шли к крепостным воротам.

Защитники бежали назад, стараясь успеть пройти через закрывающиеся врата. У прохода возникла давка. Своими телами воины мешали свести створки, защищая тем самым крепость.

Из-за паники и подступавшего пожара элийцам так и не удалось закрыть ворота. Асмодиане попали внутрь крепости. В бой вступил легион Кинжала Безмолвия.

Легат посмотрел вверх и оскалился: на стену вокруг врат дружно приземлились асмодианские Даэвы.

— Та-а-ак, — заорал Даймон и развернулся к легиону. — Бойцы, слушать мою команду! Полная готовность! Идёт крылатый враг! Никому пощады не давать!

Адъютанты тут же подхватили:

— Сомкнуть ряды! Щиты на изготовку!

Легионеры встали в боевые стойки, оголив оружие. Даймон достал из-за спины свою огромную алебарду и, повертев ею в воздухе, встал между подчинёнными.

Прущая волна асмодианских аканов оттесняла элийцев всё дальше и дальше. Кинжал Безмолвия оборонялся, как мог. Даймон разносил врагов в пух и прах, рубя пополам вместе с бронёй. В легионе было ещё два Даэва — маги. Они отступили назад и приготовились к бою: вскоре уже на асмодиан полетели огненные шары и бомбы. Легионеры отчаянно бились, многие безжизненно падали ниц, но силы ещё были.

Вдруг бессмертные асмодиан, наблюдавшие за битвой со стороны, расправили огромные чёрные крылья и смерчем ринулись в тыл элийцам, где, в основном, находились легковооружённые воины, маги и лекари. Даэвы были намного сильнее смертных. Их движения были молниеносны, а удары — смертельны. Часть легиона развернулась, чтобы вести бой с Даэвами. Элийцев окружили. Шансов на успешную оборону почти не оставалось — слишком много чёрных крыльев.

Вдруг один серокожий бессмертный поднял вверх меч и громко крикнул что-то на своём языке. Аканы северян в тот же миг прекратили бой и отступили, приняв оборонительную стойку. Измождённые элийцы тоже остановились, опустив оружие, и огляделись по сторонам. Они были в плотном окружении, но наступила пауза. Что же это значило?

Кольцо асмодиан разомкнулось, и вперёд вышел мужчина средних лет в бронзовых латных доспехах с длинной чёлкой на правом глазу. По мерцающему взгляду было понятно — Даэв. Светлая серая кожа немного выделяла его на фоне остальных. Бессмертный воин приблизился почти вплотную к Даймону, который был готов в любой момент нанести фатальный удар, и заговорил на ломаном элийском:

— Крепость захвачена. Сдавайтесь, и мы пощадим воинов.

Ответ легата Кинжала Безмолвия был прост и лаконичен:

— А не поцелуешь ли ты меня в мой блестящий латный зад?

Асмодианин скорчил лицо, взмахнул руками, и из воздуха материализовались меч и щит, плавно упавшие ему в ладони. Даймон замахнулся алебардой, адъютанты обступили недруга, маги стали читать заклинания — снова началось. Остальные серокожие Даэвы быстро достали оружие и, выбрав себе по несколько жертв, ринулись в атаку. Это была битва бессмертных — людям выжить в мясорубке, наполненной силой Эфира, было непросто.

То туда, то сюда летели огненные шары, гремели молнии, падали огромные льдины, земля разверзалась, и из-под неё вылезали корни деревьев и опутывали ноги воинам — маги и чародеи сражались в полную силу. Мечи и копья вертелись в воздухе, как юлы. То и дело появлялись белые и чёрные крылья, накрывавшие мягкими перьями своего павшего хозяина — признак смерти Даэва.

Для бессмертных умереть было нестрашно. Вскоре коконы из перьев растворялись или в белой, или в чёрной дымке и облаком уносили душу воина подальше от битвы — туда, где она сможет воскреснуть, восстановив тело буквально из пыли. И так будет продолжаться до скончания веков, пока дух Даэва не устанет умирать и не развоплотится, обретя вечный покой.

Дариус всё это время уворачивался от клинков врага, в основном, защищаясь. Он понимал, что сражаться с Даэвом — чистой воды самоубийство, поэтому искал глазами, на его взгляд, самого незащищённого и слабого из бессмертных. И тут его взор упал на одного асмодианина: он не дрался ни с кем, а лишь умело обходил элийцев и ловко уворачивался, когда надо было. Чем-то он ещё отличался от других: то ли странным ядовито-зелёным цветом глаз, то ли обилием оружия на себе. Дариус заметил, что на поясе Даэва с двух сторон висело по трое ножен, а через плечи его были крестом перекинuty ремни, на которых было с десятков метательных ножей.

«Зачем ему столько оружия?» — подумал Дариус и незаметно приблизился за спину врагу, готовясь к атаке.

Доспехи асмодианина элийскому офицеру тоже показались странными. Блестящим чёрным железом были защищены грудь, ноги ниже колена и руки от ладони до локтя, живот и спину закрывала лишь плотная ткань. Воротник Даэва окутывал длинный пушистый мех чёрного цвета, что тоже было странным, ведь в Ингисоне жарковато находиться в любых доспехах, а в меховых — ну просто невыносимо. Да, видно было, что прибыл незнакомец только что прямиком из холодной Асмодеи.

Дариус молча взмахнул алебардой, чтобы пронзить рубящим ударом спину врага, но только он поднял оружие, как Даэв развернулся и отвёл лезвие секиры по ходу удара. Элиец не растерялся и с разворота наотмашь запустил наконечник своего двуручного топора прямо в грудь асмодианину. Но тот, ловко увернувшись, парировал удар своим нарукавником, и алебарда, скользнув по нему, вонзилась в землю.

Взгляды врагов встретились: ярко-зелёные глаза темнокожего бессмертного мгновенно запылали красным.

«Эта тварь и посмотреть на меня успела», — мгновенно пролетело в мыслях у Дариуса.

Офицер тут же попытался вытащить оружие из земли, но асмодианин оказался быстрее. У него в руке мгновенно появился кинжал, которой он молниеносно разрезал воздух вокруг себя. Элиец успел среагировать: он машинально расслабил ноги и упал на спину, уклонившись от смертельного удара. Даэв начал замахиваться для новой атаки, но офицер

лёжа ударил его ногами по животу, отбросив на несколько метров. Дариус рывком поднялся, но не обнаружил врага перед собой. Вдруг кто-то горячо дыхнул ему в ухо.

«Как он так быстро двигается?!»

Воин всё понял и хотел повернуться, но было уже поздно. Перед взглядом элийца промелькнуло лезвие, которого уже сейчас должно было отсечь ему голову, но всё пошло иначе. Асмодианин дёрнулся и громко упал на землю в паре шагах от Дариуса. Юноша, наконец, обернулся и увидел Даймона, прижимающего врага к земле уже окровавленным лезвием своей алебарды.

— Ты с ума сошёл? — прокричал офицеру легат. — Ты хоть знаешь, кто это? Больше спасать не буду, беги прочь отсю...

Воин не договорил, асмодианин под ним молниеносно выбил ногой оружие из его руки и в тот же миг оказался у него за спиной. В руке тёмного Даэва мгновенно появился длинный меч, которым он одним быстрым и незаметным колющим ударом пронзил сердце главе элийского легиона, просунув клинок между складками латных пластин. Тяжёлые доспехи Даймона не спасли его от клинка асмодианина. Элиец скорчился от боли и левой рукой успел достать из глубины кирасы светящийся кристалл и бросил его Дариусу, который стоял и наблюдал за происходящим, не в силах ничего изменить. Через мгновение воздух над павшим Даймоном завибрировал, и за его спиной распахнулись огромные белоснежные крылья, которые укрыли собой тело воина.

Со времени первого удара прошло не более трёх секунд — всё произошло настолько стремительно. Офицер быстро поднял кристалл и сжал его в ладони, ища другой рукой хоть какое-то оружие.

«Камень воскрешения? Зачем он Даэву?» — промелькнула мысль в голове элийца.

Асмодианин, видя беспомощность противника, медленно приблизился к нему и приставил кинжал к горлу. Зеленоглазый Даэв махнул головой, мол, разворачивайся и иди. Дариус покорно повернулся спиной к врагу и с приставленным к шее лезвием поплёлся вперёд. Перед взором воина возникла ужасающая картина. Сколько же его друзей, союзников, знакомых легионеров лежало на окровавленной земле... Над ними возвышались асмодианские аканы, каким-то чудом оставшиеся в живых. Вся площадь была усыпана трупами элийцев — за считанные минуты смерть забрала почти каждого из столь известного легиона.

Серокожий бессмертный повёл своего заложника напрямик к храму, где уже стояло несколько асмодиан с другими жертвами. Пленных элийцев поставили в ряд и велели им ждать, пока каратели найдут достаточно выживших. Когда на площади перед храмом собралось порядка полсотни элийских защитников, асмодиане силой поставили их на колени в одну длинную шеренгу.

Затем аканы ворвались в храм, где укрывались мирные жители. Они заставили их выйти во двор и стать свидетелями страшного суда. Перепуганная толпа людей растеклась вдоль входа. Люди дрожали и жались друг к другу от страха и ужаса.

Дариус тоже был среди пленных. Его оружие отбросили прочь, а самого склонили в один ряд со всеми. Он чувствовал себя куском сырого мяса, которое сейчас на публике будут шинковать «для последующей жарки». Юноша потерял всё за одну минуту: друзей, будущее с любимой и веру в справедливость.

Как же бывалые элийские генералы могли так просчитаться? Как разведка не обнаружила многотысячную армию на подходе к Ингисону? Всё это было уже неважно,

поздно делать работу над ошибками, унесённые жизни не вернуть.

Из нескольких тысяч храбрых воинов осталось лишь пятьдесят человек, которые, опустив взгляд, молча ожидали своей участи.

Перед пленными встал тот самый асмодианин с уродской челкой, который несколько минут назад подошёл к ещё живому легату Кинжала Безмолвия.

— Ну что, последние герои Ингисона? — заговорил он на очень отдалённом элийском с противным северным акцентом. — Ваши слова перед смертью?

— Будьте прокляты! — вскрикнул кто-то из пленных.

Его надзиратель недовольно рявкнул и тут же полоснул мечом по его шее. Тот упал лицом вниз, струи алой крови растеклись по белому камню площади. Жители, наблюдавшие за этой картиной, ахнули и прижались друг к другу ещё сильнее. Откуда-то сзади послышался женский крик.

— Что, больше нечего сказать? — после паузы спросил довольный Даэв.

Более никто не проронил ни слова. Тогда он расставил ноги пошире и, сложив руки за спиной, важно заговорил:

— Ну, быть по сему. Я, легат третьего легиона Пандемониума, командующий великой асмодианской армией, объявляю вас военнопленными, подлежащими немедленной смертной казни. Вы погибнете как герои во славу великой Асмодее!

После этого он кивнул палачам, и те замахнулись для исполнения приговора, но тут же замерли.

— Не-е-ет! — прозвенел из толпы громкий женский крик, и на площадь, спотыкаясь, выбежала молодая девушка и бросилась в ноги Дариусу. — Не-ет...

— Эви, уходи отсюда, сейчас же! — вскрикнул Дариус. В глазах любимой он прочёл искреннюю скорбь и отчаяние. Девушка обняла воина и громко зарыдала.

Ромул и Фемисса хотели выбежать вслед за дочкой, но их силой остановил Эдвард, схватив под руки.

— Нет! Пусти меня! — в истерике кричала мать.

— У вас нет шансов! Вас убьют! — промычал слуга.

Ромул хотел ударить мужчину по лицу, но тот увернулся и сказал:

— ...Её пощадят!

— Откуда ты знаешь?... — в отчаянии прошипел отец.

— Поверьте мне! Если покажитесь Вы — будет только хуже...

Мужчина посмотрел в глаза Эдварду. В них он увидел искренность. Губернатор разжал кулак, а женщина перестала брыкаться. Они взмолились Айону, чтобы Эви осталась живой и невредимой.

Дариус не мог успокоить девушку. Она зарыдала на его коленях, крепко обняв любимого — как в последний раз. Но воин не боялся смерти, он боялся лишь потерять свою любовь.

Даэв в бронзовых доспехах подошёл к девушке и грубо поднял её за волосы. Она закричала от боли.

— А ты что тут делаешь? — промычал он на асмодианском.

— Отпусти её! — заорал юноша и попытался вырваться, но приставленное сзади лезвие ещё плотнее прижалось к его глотке, разрезая кожу.

Надзиратель Дариуса — зеленоглазый бессмертный, быстро вздохнул и низким голосом заговорил на своём языке:

— Исагир, стой! Мы дали обещание не убивать мирных жителей!

— Как ты любишь говорить, она сама избрала свою участь... — прошепел командующий.

— Зачем тебе кровь девушки на руках? — настаивал до зубов вооружённый Даэв.

— Если я их отпущу, то народ подумает, что я слишком великодушен, а мне этого не надо. Возьмём её в качестве пленной... или трофея... — он ехидно улыбнулся и приказал свободным асмодианам взять девушку и увести. К ней подошли два одинаково одетых в чёрное легионера и схватили под мышки. Она сопротивлялась, но все усилия были тщетны. Напоследок девушка посмотрела полными ядовитых слёз глазами на жениха. Он устало моргнул и, слегка улыбнувшись, произнёс:

— Я тебя люблю...

Дариус скрыл взгляд, и Эви закричала от горя и безысходности. Её силой увели за угол, а через мгновение до неё донёсся громкий крик женщин и визг детей — жестокий приговор был приведён в исполнение.

Девушка что было сил закричала и бросилась брыкаться. Асмодианский страж отпустил её, и она упала на каменный тротуар. После он замахнулся латной перчаткой и ударил рукоятью своего меча ей по затылку — девушка отключилась.

===== Часть 1. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 4.

Отредактировано.

Эви очнулась и сразу же схватилась руками за голову — раненый затылок жутко болел. Она осмотрелась и, округлив от изумления глаза, забилась в угол. Девушка обнаружила себя в сырой тёмной камере. С потолка капала жидкость, стены были покрыты чёрной плесенью, а вонючий пол был одной большой лужей. В каменной клетке не было окон, свет попадал внутрь лишь через крупную решётку с запертой калиткой — единственный выход из камеры.

У Эви шумело в ушах — следствие сильного удара по голове. Из темноты противоположного угла доносился неприятный скрежет, режущий слух. Девушка осторожно поползла туда и вдруг наткнулась на мальчика — он пилил какой-то металлической палкой толстую решётку. Когда к нему приблизилась Эви, он испугался и дёрнулся, а инструмент выпал из руки.

— Айон Всемогуций! Кто вы? — вскрикнул он.

— Я... Эви, — тихо произнесла девушка, испугавшись не меньше ребёнка. — А как тебя зовут?

— Кай... просто Кай, — сказал мальчик и продолжил пилить металл.

— Как ты сюда попал, Кай? — спросила она.

— Я пленник... Когда эти звери подожгли наш дом, я запрыгнул на шею к одному из них и хотел выколоть ему глаза! — не отвлекаясь от своего дела, промолвил мальчик. Его голос был полон гнева и ненависти. — А он, сволочь, в шлеме был. Меня ударили, и я упал. А очнулся уже здесь.

— И меня ударили... — тихо сказала девушка. — Не знаешь, давно мы здесь?

— Чуть больше суток, по-видимому. Охрана сменилась два раза.

— Охрана? А где она сейчас?

— За той дверью, — мальчик показал пальцем на металлическую дверь в конце коридора. — Не волнуйся, мой скрежет они не слышали, — он, улыбнувшись, подкинул вверх напильник и ловко поймал его одной рукой.

— Ох, откуда ты взял эту шпuku?

— Тут в углу валялась. Вот, что за сутки мог сделать, — Кай облокотился на решётку и показал ладонью на маленькую потёртость в толстенном пруте. — Правда, толку от него мало — за всю жизнь не подпилю. Скорее, сама палка сотрётся в щепки, чем эта балаурская решётка... — он сердито ударил спиной по преграде, отделявшей их от свободы.

Эви осела на мокрый пол и пробормотала:

— Мда... Как же хочется пить...

— Они пару раз сюда заходили, — сказал Кай. — Ну, стражники. Я притворялся спящим. Может в следующий раз и чего поесть принесут...

Просьба не заставила себя долго ждать. В конце коридора послышались шаги, и громко зашуршал железный замок. Крепкая дверь со скрипом отворилась. Кай и Эви забились в угол, мальчик перед этим успел спрятать в самый тёмный уголок камеры свой инструмент. В каменную клетку проникла тень. Пленники уставились на стража — он держал в руке что-то вроде миски. Асмодианин наклонился, продвинул миску с содержимым через небольшое отверстие в решётке и гордо выпрямился, сложив руки на груди. Девушка и мальчик придвинулись к свету и жадно посмотрели на тарелку. В ней лежали птичьи потроха и какая-то жижа, напоминавшая пюре. Эви скорчилась от запаха тухлятины и отползла назад, мельком глянув на надзирателя. Его зелёные глаза светились, а на чёрной кирасе красовался мех. Девушка открыла рот и промолвила:

— Ты...

Она узнала его. Это был тот самый асмодианин, который убил Дариуса.

— Ты... ты убил его!.. — вскрикнула элийка и бросилась на решётку. Даэв даже не шевельнулся. Через секунду он прищурился и медленно наклонился, протянув руку обратно за миской. Кай жадно смотрел на содержимое и решил схватить один кусок, но асмодианин оказался быстрее. Он выдернул тарелку из рук мальчика, поднялся на ноги и направился обратно к выходу, громко стуча по полу металлической подошвой.

— Убийца! — рыдая, вдогонку закричала Эви.

Она села в уголок и горько заплакала, поджав колени. Элийка вдруг поняла, что больше никогда не увидит ни Дариуса, ни папу с мамой, ни подруг... никого. Слава Айону, Кай был её компанией. Девушка подумала, что, если бы осталась в камере одна, непременно сошла бы с ума.

Слыша удаляющиеся шаги, мальчик подполз к решётке и жалобно протянул руку между прутьями, умолая:

— Прошу, принесите хотя бы воды... Мы умрём здесь...

Воин остановился. Он развернулся и быстрым шагом подошёл к темнице. Кай сделал жалобный взгляд и пробормотал:

— Пожалуйста...

Даэв, прищурившись, посмотрел на мальчика. Глаза бессмертного светились и переливались движущимся ярко-зелёным огоньком. Он мельком оглядел и оценил жалкий вид ребёнка, но на ледяном лице Даэва не появилось ни единой эмоции. Вдруг взор асмодианина упал на крохотную чёрточку на решётке. Он присел и провёл когтем по потёртости. Даэв вновь сощурился и заглянул в глаза мальчику. Кай пытался отвести взгляд от сверлящих глаз бессмертного воина. Асмодианин сразу понял, чьи это проделки. Он быстро поднялся на ноги и молча зашагал к железной двери. Мальчик что-то промычал напоследок, но его мольба прошла у зеленоглазого асмодианина мимо ушей. Даэв вышел из

сырого помещения, захлопнув за собой тяжёлую скрипучую дверь. В коридоре вновь воцарилась тишина. Из камеры доносился лишь тихий плач Эви.

Кай подполз к девушке и спросил:

— Почему ты не взяла еду?

— Ты называешь это едой? — воскликнула она. — Это отбросы, помои! Тем более я никогда не возьму ничего из рук этого убийцы... Он разрушил мою жизнь! — девушка вновь залилась слезами.

— Но кушать-то хочется, — мальчик погладил урчащий живот. — Какой бы плохой не была еда, уж лучше жрать её, чем плесень со стен! — громко произнёс ребенок. — Благо, плесени тут завались...

С влажных стен и потолка обильно сочилась жидкость. Находиться в таком сыром помещении долго было совершенно невозможно. Дышать с каждым часом становилось всё труднее. Но куда деваться, если путь к свободе преграждает железная решетка?

— Что сделал этот человек?.. — робко спросил мальчик после минуты тишины.

— Он не человек... Он убийца... — застонала девушка. — Он... он убил моего жениха...

— Мне очень жаль... Мою семью, наверное, тоже убили... Жалко их... — протянул ребёнок. — Надо бы поспать, а то и я с голода помру, — сказал он и, подложив маленькие ручонки под щёки, облокотился о стену.

Эви тоже прижалась к стене и закрыла глаза. Она не верила, что такое могло случиться именно с ней. Девушке оставалось лишь надеяться на то, что её родных пощадили, и они скоро отправят за ней спасательный отряд.

Неизвестно, сколько проспала пленница. Девушка проснулась от скрипа открывшейся двери. Снова знакомые шаги. Та же тень в коридоре. Асмодианин вновь присел, чтобы посмотреть на пленников.

«Слишком слабы...» — подумал он. Даэв по-привычному прищурился и пристально посмотрел сначала на девушку, потом на мальчугана.

Эви шевельнулась. Мгновенно острые ядовито-зелёные глаза пронзили её фигуру. На холодном лице мужчины всё так же не было ни единой эмоции. Слышно было лишь его медленное размеренное дыхание. Через минуту воин резко вскочил и пошагал обратно к выходу, но вскоре вернулся с большим металлическим подносом. Он просунул блюдо через отверстие в решётке и немного отошёл от клетки. Эви разбудила дремлющего Кая, и оба они подползли к подносу. Там было две тарелки с аппетитно выглядевшим жаркое, две ломти хлеба, два стакана молока, чистые столовые приборы и кувшин с водой.

— Какое гостеприимство... — пробормотал мальчик, жадно поедая глазами кушанье.

Эви недоверчиво посмотрела на холодные глаза Даэва.

— Отравлено?.. — жалобно произнесла она, обращаясь к асмодианину.

Он не ответил ничего, просто указал рукой на поднос.

— Он тебя не поймёт, — уже вовсю жуя свою порцию жаркого, прошепелявил Кай. — Это ж асмодианин.

Девушка снова глянула на громко дышащую около клетки статую и прикоснулась к еде.

— Неплохо готовят, м? — сказал мальчик.

Эви попробовала блюдо. И действительно, очень вкусно. Почти как дома.

Зеленоглазый Даэв, медленно и редко моргая, стоял и молча наблюдал, как пленники поедают кушанье.

Когда тарелки и стаканы были опустошены, их надзиратель собрал всё, кинул на поднос и, гордо выпрямив спину, скрылся за металлической дверью.

— Хоть он и сволочь, — продолжил рассуждать Кай. — Но кормит отлично. Вот скажи, Эви, за тобой когда-нибудь уносил подносы Даэв? — он сложил руки на поясе и с напускной важностью выпрямился.

— Он убийца. Не хочу об этом говорить, — произнесла девушка и снова погрузилась в мысли, зачем асмодианам понадобились живые пленники. Вряд ли для выкупа.

Через какое-то время ситуация повторилась. Всё тот же надзиратель, опять приличное блюдо и... молчание.

Эви поразмыслила над фразой мальчика, что «он тебя не поймёт», и решила это проверить.

Опустошив содержимое тарелки и выпив всю воду, девушка жалобно посмотрела на асмодианина и попросила:

— Прошу, принесите ещё воды. Умираю от жажды... Пожалуйста.

Мужчина взял поднос и через минуту вернулся с полным кувшином воды. Он небрежно поставил его у края камеры и ушёл.

— Значит, понимает... — прошептала она. — Тот главный, в блестящей броне, — она обратилась к мальчику. — Он разговаривал по-нашему.

— Я не знаю, о ком ты, — ответил Кай.

«Значит, ты знаешь наш язык, но не хочешь разговаривать, — подумала девушка. — Чего же ты хочешь?»

Ориентировочно на следующий день вместо зеленоглазого убийцы к камере подошли двое других асмодиан. Они почему-то смеялись, глядя на пленников, и тыкали когтистыми пальцами то в девушку, то в мальчика. В руках их не было привычного подноса с едой. Они о чём-то разгорячённо беседовали. Затем один из них склонился над решёткой и провёл большим пальцем по своей шее — недобрый знак... особенно для заключённых. Увидев испуганное лицо Эви, он рассмеялся и хлопнул товарищу по плечу — серокожие пошагали прочь, хлопнув дверью.

— Что это было? — спросил Кай.

— Видимо, им надоело нас здесь держать... — промолвила девушка, не желая верить своим словам.

— Тогда зачем все эти обеды?

— Не знаю...

— Я не хочу умирать... — жалобно промычал ребёнок.

Эви подползла к Каю и обняла его — всё-таки хорошо, что они оказались в одной камере.

Днём ранее.

Элизиум. Храм Стражников.

За большим круглым столом сидели в своих мундирах высшие военные чины Элиоса. Только у каждого на лице была горечь: глаза устремлены в непонятную точку, губы сжаты, а руки сложены на столе.

— И всё равно я не могу понять, как могло случиться так, что пятнадцать тысяч асмодиан беспрепятственно прошли в Южный Лес?! — на небольшом возвышении туда-сюда расхаживал мужчина в красном камзоле с нашивкой командующего на груди. Сложив

руки за спиной, он ходил влево-вправо и, чуть ли не скрипя зубами, отчитывал остальных.

— Они прорвали оборону аванпоста... — кто-то из сидящих попытался вставить слово, но мужчина громко его перебил:

— Не желаю слышать! Вы, господин Версетти, — он обратился к одному из присутствующих — мужчине средних лет в синем мундире. — Говорили, что аванпост неприступен. Про город и крепость я вообще молчу.

Мужчина не мог ничего сказать. Меж тем командующий продолжал:

— Где были Посланники Кайсинеля?

— Здесь, в Элизиуме... — донеслось из-за стола.

— Какого балаура они делали здесь?! — заорал он.

Версетти отозвался:

— Как и все Орденцы, они были приглашены на Совет. А потом отправились в храм молиться...

— Ага, — перебил его мужчина. — Как раз в тот момент, когда нас имели во все дыры асмодиане! Прекрасно! Чудесно, балаур меня дери! Полсотни лет коту под хвост! Есть, чем гордиться, есть, что потомкам рассказать!

Вдруг с кресла вскочил Даймон, недавно возродившийся после гибели в битве. Его глаза по-прежнему светились бессмертием, а на лице не было ни одной морщины. Он бросил недовольный взгляд на командующего и заговорил низким строгим тоном:

— А где была ваша хвалёная разведка, м? Кто мне лично говорил, что все их Дазвы сейчас в Бездне?

— Даймон, знай своё место... — нахмутив брови, прошипел офицер.

— На мне и моих людях нет вины в поражении, — уже более спокойно продолжил воин. — Но если кто-то из вас сможет отправить на кибелиск два десятка наших с Вами «старых крылатых друзей», то я мигом заткнусь и, клянусь Айоном, буду всю оставшуюся жизнь торговать мороженым в Элиане...

Командующий вздохнул и спустился с возвышения, чтобы занять место за столом.

После минуты тишины с трона, находящегося недалеко от круглого стола, встал темноволосый парень лет пятнадцати-шестнадцати на вид. Это был юный военачальник Элизиума — Фаметес ан Ривен. Ранг и титул перешли к нему в наследство от отца, павшего в бою три года назад. Тогда мальчик и стал править. Юноша оглядел своими большими карими присутствующих.

— Довольно, — грозно сказал он. — К моему сожалению, уже ничего не изменить. Мы все виноваты в потере крепости Иллюзий, и нам общими силами нужно её освободить. Собирайте силы к отправке в Ингисон.

Несмотря на то, что подросток по факту был главным в Элиосе, опытным генералам, а тем более Дазвам, было непривычно слышать приказы из уст ребёнка.

— А откуда нам взять эти силы, можно спросить? — искоса посмотрел на него тот мужчина в красном мундире.

— Выводите из Бездны.

— Нет уж, простите, я не позволю! — он поднялся с кресла и перешёл почти на крик. — Дредноуты балауров без конца летают около Восточного Осколка. Они засматриваются на наши крепости там. Архипелаг Серного Дерева погряз в крови — асмодиане атакуют ежедневно, про Кротан и руины Ру я вообще молчу! Откуда Вы собираетесь «брать силы»?

— Ослабьте защиту Крыльев Сиэли.

— Но... но тогда...

— Это приказ.

— Но тогда мы потеряем Восточный Ратесеран! Балаурскую душу, Вы с ума сошли? Серозады и ящеры только этого и ждут!

— Аскалон, я сказал, довольно! — Фаметес ударил ладонью по столу.

— Не Вам решать... — прошипел он. — Я подчиняюсь только господину Фаранису ан Дейлу — военачальнику Арэшурата, а его здесь нет.

— Прошу, Аскалон, сядьте... — устало глянул на него тоже довольно молодой юноша — военачальник Элтенена, Телемах ан Сизл. — Ваш гнев ничуть не поможет в сложившейся ситуации.

Телемах смог ненадолго утихомирить разбушевавшегося Аскалона — легата Щита Неджакана, а по совместительству и командующего армии элийцев в нижнем Арэшурате — Бездне, если по-простому.

Военачальник Элтенена спокойным тоном продолжил:

— Я сообщу господину Фаранису о Вашем приказе, господин Фаметес. Но предупреждаю Вас, что он волен решить, исполнять его или нет. Ситуация в Бездне довольно сложная — есть вероятность потерять то, что мы так долго собирали.

Глава Элизиума лишь кивнул. Оставалось ждать, что решат Посланники Кайсинеля — Даэвы Гера и Кайнус. Они командуют Ингисоном, но вольны не советоваться с Элизиумом. Им помогает сам Кайсинель — один из пяти Богов-Серафимов, ставших покровителями Элиоса, — бывших Служителей Вечности.

Быть военачальником небесной столицы значило быть военачальником всего Элиоса, императором солнечной половины Атреи. Конечно, Фаметес не мог бы самостоятельно разумно руководить державой — его советниками были рыцари Ордена Миразента — общества, состоящего из «лучших представителей Элиоса»: военачальников областей, старейших Даэвов и мудрецов. Другим пути в рыцари не было.

Тем временем в Храме Кайсинеля в Элизиуме два великих бессмертных молились своему покровителю, чтобы тот дал им совет. Но на сей раз Лорд Кайсинель молчал. Решения должны были принять сами Даэвы.

Гера и Кайнус считались самыми мудрейшими Даэвами Элиоса, им была удостоена честь общаться с Серафимами. По воле Кайсинеля они возглавили земли Ингисона. Ни власть Элизиума, ни кто-либо ещё не могли противиться воле Богов, как называли бывших Служителей — избранников Айона.

Храм Кайсинеля парил в воздухе неподалёку от самого небесного города. Попастъ туда можно было только по воздуху, а значит, — только Даэвам. Но когда люди научились строить летающие корабли, обычные смертные тоже смогли любоваться прекрасным творением Владыки Иллюзий Кайсинеля (ещё одна возможная причина, почему первое элийское поселение в Ингисоне могли назвать крепостью Иллюзий).

Вдруг позолоченные металлические двери в молитвенную распахнулись от сильного удара. Это был разъярённый Ваталлос ан Боуэн.

— Вы! — зарычал он. — Вы виновны в смерти моего сына! Из-за вас его убили! Он мёртв! — мужчина упал на колени перед ногами Даэвов и закричал.

Посланница Гера — красивая стройная женщина с блестящими голубыми глазами отвлеклась от молитвы, подошла к незваному гостю и дотронулась ладонью до лысого

затылка убитого скорбью отца.

— Не убивайся, человек. Твой сын жив... — сказала она ровным спокойным голосом.

Ваталлос уставился на неё залитыми слезами глазами и схватил за руку.

— Что ты такое говоришь? Его казнили на глазах всего города!

— Он держит путь в Элизиум...

— Как это может быть... Он же... он же... — жалобно мычал военачальник. — Я тебе не верю! Вы допустили... Вы!..

— Не кори себя горем. Твой сын вправду жив и направляется сюда, — сказал Кайнус, словно близнец похожий на свою спутницу. — Иди в порт Элизиума. Они скоро пришвартуются.

На Ваталлосе не было лица. Всё его внутреннее естество хотело поверить словам Посланников Кайсинеля. Он молча встал и, ничего не соображая, попятился назад к двери.

У ворот храма мужчину ожидало парящее судно. Оно было похоже на небольшой корабль, но кроме вертикальных парусов, по бортам его была расположена пара горизонтальных, напоминавших тканые крылья. По форме это чудо не отличалось от обычного морского корабля, но сила Эфира заставляла его парить в воздухе, как и весь Элизиум вместе с Храмом Кайсинеля.

Мужчина забрался на судно и рявкнул капитану:

— Вези в порт!

Паруса корабля наполнились ветром, и фрегат медленно отступил от кромки парящей суши.

Словно по невидимым волнам, судно плыло в воздушных потоках на огромной высоте от земли — практически в облаках. Порт небесного города тоже был воздушным — предназначенным исключительно для летающих кораблей.

Судно Ваталлоса проплыло между двумя островами, на которых и располагался Элизиум, но военачальнику некогда было рассматривать красоты небесной столицы — его мысли были заняты сказанным только что Посланниками Кайсинеля. Неужели они говорят правду? Но как его сын мог выжить, когда всех казнили на глазах у местных жителей? Хотя зачем Дазвам врать ему? Сердце мужчины билось от предвкушения.

Из облаков уже выглядывал Порт Элизиума. Как же мужчине хотелось ускорить ход корабля, но он и так плыл «на всех парусах». Минуты шли вечность, поэтому, казалось, что расстояние совсем не сокращается. На самом же деле, уже через десять минут небольшой фрегат военачальника аккуратно пришвартовался у крайнего воздушного причала парящего острова.

Ваталлос, как ошпаренный, выбежал с палубы. Он рванул к управляющему порта, чтобы узнать, приходил ли корабль из Ингисона. Худой мужчина в круглых очках и чёрной шляпе открыл судовой журнал и, поведив пальцем по строчкам, сказал, что большое судно, пришвартованное у центрального причала, минут двадцать назад прибыло из земель балауров. На нём вывезли последних выживших.

Мужчина не успел поблагодарить управляющего и сломя голову побежал к большому красивому кораблю — флагману элийского воздушного флота. Вокруг было много народа — все искали среди спускавшихся по трапам своих близких и друзей. Военачальник грубо растолкал людей и вышел вперёд. Сначала сходили люди, которые могли идти сами. Затем воины на носилках спускали раненых. Но ни среди тех, ни среди тех Дариуса не было.

«Неужели, обманули?» — всё повторялось в голове у мужчины.

Вдруг со спины донёлся слабый хрипящий голос:

— Отец...

Мужчина обернулся — он бы узнал этот голос из миллиона.

— Слава Айону, — прошептал Ваталлос и кинулся в объятия сына — живого, здорового. Отец забился в слезах радости — он вновь обрёл то, что так горько оплакивал. Юноша крепко обнял отца.

— Как же?.. Я думал, что...

Дариус показал рукой на перевязанную шею. Сквозь ткань проступало алое пятно — рана ещё кровоточила. Парню было сложно говорить — видимо, вражеский клинок повредил связки. Ваталлос всё понял и мысленно поблагодарил Айона за оплошность палача.

— Прости, прости меня за всё, — умолял мужчина и гладил сына по длинным русым волосам. — Я должен был остаться, а не лететь в проклятый Элизиум. Теперь всё наладится, вот увидишь.

— Они... — захрипел юноша. — Забрали... Эви...

Дариус залился кашлем и прислонил ладони к ране, скорчив от боли лицо. Каждое слово давалось ему с большим трудом. Юноша выплюнул кровь и тяжело задышал, печально посмотрев на отца.

Ваталлос заглянул сыну в глаза и уверенно произнёс:

— Мы её освободим, клянусь Айоном!

===== Часть 1. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 5.

Отредактировано.

Пленным уже несколько дней не давали еду. Неужели с ними решили покончить? Тогда зачем морить с голоду, если можно было просто казнить? За металлической дверью, откуда приходили надсмотрщики, постоянно слышалась ругань.

За эти долгие часы Кай рассказал историю своей жизни — хотя что может произойти интересного за одиннадцать лет счастливого беззаботного детства? Тем не менее, паренёк усердно описывал своих родителей, друзей и собаку Эссу, которую он очень любил. Эви слушала мальчика и предавалась воспоминаниям. Когда ребёнок закончил свою историю, девушка тоже решила рассказать о своём прошлом. Да что там рассказывать? Радостное детство, школа и академия для девочек... Потом Дариус... Тут она остановилась. Казалось бы, больше слёз нет — все выплаканы, но нет — слишком большое горе для юной девушки, никогда не сталкивавшейся со смертью.

Вдруг все шумы за дверью стихли — наступила зловещая тишина. Пленники переглянулись, прижались друг к другу и решили замолчать — кто знает, что стряслось снаружи.

— Может, эти звери себе глотки перегрызли? — шепнул на ухо Эви мальчик.

— Тс-с-с, — девушка приложила палец к губам и прислушалась. — Слышишь?

За дверью послышался глухой шум. Затем стали различимы чьи-то шаги. Они приближались.

Замок в конце коридора медленно и осторожно провернулся, и дверь тихонько отворилась, практически не давая скрипа. Кто-то пытался пробраться к камерам как можно тише. В железную клетку проникла тень. В темноте девушка увидела блеск пары зелёных глаз.

— Снова ты? — пренебрежительно произнесла Эви и отползла от решётки.

Асмодианин молча приложил палец в тонкой полоске фиолетовых губ. Затем он достал из-за спины связку ключей и, стараясь не шуметь, стал отпирать металлическую клетку.

Пока он подбирал ключ, элийка смогла внимательней рассмотреть силуэт северянина. Высокий рост, широкие плечи, сильные руки, массивный торс, мускулистые ноги — сразу видно, воин. Но что-то отличалось от обычного. Оружие... Да, оружие. Когда он заходил раньше, на его поясе не было ничего. Сейчас же на нём висело шесть ножен от мечей, как в тот день.

«Он хочет нас убить?» — сразу пролетело в голове у Эви.

Наконец, асмодианин нашёл нужный ключ и отпёр решётку. Распахнув её, он вошёл внутрь камеры. Девушка отползла от врага, прижавшись спиной к дальнему углу. Мужчина подошёл к мальчику и присел перед ним на корточки. Кай задрожал от страха и перепуганными глазами посмотрел в лицо Даэва. Серокожий снова сделал жест: «Молчать», — и медленно потянулся когтистой рукой к ребёнку. Мальчик в страхе замотал головой, глядя на приближающуюся к нему лапу. Асмодианин вытянул левую руку за спину. Кая и осторожно обнял его, не убирая палец другой руки от своих губ. Ребёнок хотел вскрикнуть, но, видимо, настолько перепугался вида вражеского Даэва, что не мог произнести ни звука. Мужчина сжал тело мальчика и аккуратно поднял его, посадив себе на плечо. Воин выпрямился и повернулся в сторону девушки. Она всё ещё сидела в углу, дрожа от страха. Асмодианин медленно пошагал к ней. До его ушей доносилось испуганное отрывистое дыхание пленницы. Одной рукой он удерживал мальчика, который, как ни странно, не сопротивлялся, другой приказал Эви встать. Она поднялась на ноги, оперевшись на стену и посмотрела на открытую дверь камеры.

«Свобода так близко», — подумала она и резко дёрнулась в сторону выхода.

Асмодианин среагировал немедленно. Ловким движением руки он достал из ножен самый длинный меч и молниеносно приставил острое лезвие к горлу девушки. Она замерла и посмотрела на врага. Он отрицательно повертел головой, мол, больше так не делай. Глазами он сделал знак шагать вперёд. Эви послушалась, ведь убирать меч от её глотки мужчина, по-видимому, не планировал.

Троица вышла из камеры. Асмодианин всё же убрал клинок и правой рукой притянул девушку к себе. Он схватил её за талию и перекинул, словно мешок с зерном, через плечо. Эви вскрикнула, Даэв тут же дёрнул плечом, что, определённо, значило: «Замолчи!». Но переставать кричать элийка не собиралась. Она отчаянно стучала кулаками ему по спине, визжа:

— Отпусти меня! Выродок! Оставь!.. — и тому подобное.

Догадавшись, что пленница не умолкнет, асмодианин грустно вздохнул и рванул с места вперёд, ещё сильнее сжав свои стальные тиски. С двумя элийцами на плечах, Даэв выбежал за металлическую дверь и, убедившись, что стражи нет, побежал вверх по крутой лестнице. Осмотреть помещение девушка не успела — воин двигался быстро, словно пуля.

Впереди тянулся длинный тёмный коридор. Мужчина быстро его преодолел и, с ноги распахнув дверь, выбежал на улицу. Снаружи была ночь. От свежего прохладного воздуха у пленников, несколько дней пробывших в сырой темнице, закружилась голова. На удивление девушки, были они не в Асмодее — кругом цвела трава и не было снега. А по рассказам и книжкам на северной половине Атреи лежат вечные снега и холод такой, что за секунду вымораживает насквозь.

Мужчина побежал к просёлочной дороге. У края её стояла карета с плотно зашторенными окнами. Он остановился около неё и, небрежно скинув девушку наземь, отворил дверцу. Асмодианин ловко закинул мальчугана в салон, а затем таким же образом поступил с непослушной Эви. Она успела лишь увидеть, что неподалёку было большое прямоугольное каменное строение. Дверца захлопнулась. Всё ещё визжащая девушка пыталась открыть её, но не получалось.

«Снова запер», — негодовала она.

Справившись с элийцами, мужчина облегчённо вздохнул: стены повозки не пропускали звук, и можно было отдохнуть от громкого крика девушки. Он неспешно подошёл к лошадям и занял место извозчика. Рывком что-то на своём, он пришпорил животных, и упряжка рывком помчалась вдаль.

Салон повозки был отделан дорогой коричневой кожей — было понятно, что этот асмодианин — большая шишка. Хотя этого следовало ожидать: все Даэвы Элиоса — «большие шишки», девушка полагала, что у северян всё то же самое. Экипаж двигался очень быстро — колёса бешено стучали по неровностям — воин куда-то спешил. Кай сидел напротив Эви на мягком диване и молчал, лишь тараща по сторонам свои глазёнки. Девушка, наконец, успокоилась и прекратила истерику. Она села около окошка и одёрнула занавеску — за окном мелькали ночные силуэты деревьев. Эви глянула на небо — на нём не было привычных огней городов противоположной половины мира, не было видно основания Башни Вечности и искажённого свечения Бездны. По тёмному небосводу было рассыпано тысяча маленьких светящихся точек — далёких звезд, чье сияние так тускло доходило до их Айоном забытого мира.

— Мы на внешней стороне... Это Балаурия... — догадалась девушка. — Но, если это не Ингисон, значит... О, Айон! — ахнула она. — Мы в Келькмаросе!

Мальчик услышал, о чём говорит его спутница, но это не вызвало у него никакого удивления — Келькмарос так Келькмарос. Главное — живыми остаться, а где — неважно.

Для Эви же это было шоком. Из Ингисона её бы смогли выволить элийские легионеры, она так ждала этого, но отсюда... из оплота асмодиан... девушка вмиг потеряла надежду увидеться с родными. Кто знает, что взбрело в голову этому серокожему...

Земли Келькмароса были оккупированы асмодианами, равно как Ингисон — элийцами. Природа этих провинций была схожа — здесь почти всегда было тепло и сухо. Равнин в Балаурии практически не было, кругом — холмы и горные хребты. Зато какая красота! Куча высоких водопадов и бурных рек, красивые овраги, крутые скалы, густые леса и потрясающие горные пейзажи.

Но рассмотреть всю эту прелесть не было времени — асмодианский Даэв как можно скорее хотел добраться до лагеря Ромбуса, дабы сесть там на какой-нибудь корабль шиги и по воздуху попасть в Асмодею. Конечно, в крепости Келькмароса, крупнейшему поселению асмодиан здесь, суда останавливаются чаще, да и плата меньше, но являться туда под мышку с двумя вражескими пленными — пахло идиотизмом. В городке, куда направлялась повозка, никто не стал бы спрашивать, кто такой, откуда и с кем. Дал деньги — добро пожаловать на борт.

Путь занял довольно продолжительное время, а изголодавшиеся пленники не имели крошки во рту уже несколько дней. Повозка остановилась у входа в селение — здесь нужно было двигаться медленней. Асмодианин аккуратно повёл лошадей шагом и вскоре добрался до гильдии шиги. По улочкам тут же забегали на своих коротеньких ножках разумные

мохнатые создания где-то с метр — метр-двадцать ростом, похожие на переросток белки или сурка. Они передвигались вразвалку на двух лапках и несли в тонких пушистых ручках коробки и ящики с грузом. За их спиной полз по земле длинный хвост, на который зверьки постоянно наступали и недовольно кряхтели от этого. Шиго были усердными работниками. Основной контингент торговцев на базарах, грузчиков, перекупщиков, курьеров состоял именно из этих пушистых разумных созданий. Они не гнушались любого заработка и старались везде найти выгоду. Оттого этим с виду милым мордашкам нужно было доверять с осторожностью, ведь могли и нагреть на пару монет, представив старый хлам за новую вещь. По природе своей шиго были очень вежливы и обходительны с людьми — таковы были повадки их расы. После начала войны в Бездне, где мечами и щитами сошлись элийцы, асмодиане и балауры, именно люди освободили этих существ от гнёта ящеров, дав им новый дом и возможности для полноценной жизни. Шиго очень ценили доброту людей и с тех пор воспитывали в себе уважение и почтение и к элийцам, и к асмодианам.

Даэв прыгнул с кареты и подошёл к пушистому зверьку с блокнотом в мохнатой лапке.

— Кто это тут, нян-нян? — проговорило существо высоким, словно игрушечным, голосом.

— Не узнаёшь? — улыбнулся воин и сверкнул зелёными глазами.

— А, Даэв! Добро пожаловать снова, кярун. Чего пожелаешь?

— Мне и двум моим... друзьям нужно в Белуслан. Срочно, — добавил он. — Можем договориться?

— Мы летим в Морхейм, нян-нян. Но, если добрый Даэв заплатит чуть больше, мы можем сделать небольшой крюк, кярун.

На лице асмодианина засияла довольная улыбка.

— Чудесно... Этого хватит? — он достал из кожаного кармана небольшой звенящий мешочек с монетами и положил его в лапку мохнатому торговцу. Шиго помял мешочек и зататорил:

— Сполна, Даэв. Могу предложить тебе уютную каюту за такую щедрую плату, кярун.

— Предложи.

— Сию минуту, — существо кивнуло и потрусилло куда-то маленькими лапками.

Не успел мужчина оглядеться, как оно вернулось.

— Прошу за мной, нян-нян.

Асмодианин подошёл к повозке и отпёр дверь. Грозным взглядом приказав пленникам выходить, он дал сигнал шиго минуту подождать — небольшая заминка. Когда мальчик и девушка выбрались, воин схватил их под локти и силой потащил за зверьком — времени прохлаждаться не было.

Куча шиго в смешных штанишках тащили на горбах ящики на борт крупного деревянного судна. Пускай по красоте и элегантности оно уступало асмодианским и элийским, но по надёжности — ничуть. Асмодианин затащил своих «друзей» по трапу на судно и, ногой распахнув перед собой дверь, бросил их в просторную каюту с большой кроватью около окошка. Мужчина кулаком пригрозил элийцам не высовываться, а сам вышел на палубу к своему пушистому товарищу.

— Можно ещё просьбу? — спросил он.

— Что ещё пожелает Даэв, нян-нян? — услужливо изобразил интерес зверёк.

— Нам бы покушать чего, и побольше.

— Я велю принести, кярун.

— Спасибо, — отсалютовал асмодианин и поспешил вернуться обратно в каюту — мало ли что учудят в его отсутствие.

Но на удивление внутри было тихо. Видимо, у пленников уже не оставалось сил сопротивляться. Он подошёл к шкафу, стоящему возле двери, снял с пояса без конца звенящее оружие и бросил его внутрь. Затем он скинул с себя лёгкую чёрную кирасу, сапоги, перчатки, щитки с плеч и бёдер и остался в тонком кожаном дублете и полуобтягивающих брюках. Мужчина потянулся от приятного чувства свободы и расстегнул все застёжки. Под дублетом была лёгкая белая рубашка с плотным воротником. Даэв всё это время был спиной к девушке и мальчику, поэтому Эви смогла вживую рассмотреть знаменитую асмодианскую гриву, спускавшуюся с шеи и переходящую в густую шерсть где-то под воротником. Это вызвало у неё чувство отвращения, она сморщила лицо и отвернулась.

Закончив с одеждой, мужчина важно сел на стул лицом к элийцам и начал пристально их рассматривать, как всегда слегка прищурившись. В каюте воцарилась тишина. Вдруг корабль тряхнуло — судно оттолкнулось от земли и силой Эфира плавно поднялось в воздух. Асмодианин даже не моргнул — такие полёты были для него обычным делом.

В каюту без стука вошли двое зверьков-шиго и поставили на небольшой столик три подноса с едой и напитками. Пожелав на асмодианском приятного аппетита, они удалились. Серокожий бессмертный махнул головой — мол, налетай. Пленники переглянулись и робко подошли к столу. Там было всё: рыба, мясо, овощи, фрукты, вода, соки. Голодные Эви и Кай сначала неуверенно дотронулись до еды, но потом, словно голодные волки, набросились на блюда. Асмодианин молча наблюдал за ними, гордо восседая на своём воображаемом троне. Затем он подошёл к столу, где запасы съестного всё пустели, взял с подноса спелое яблоко и сел обратно. Громко надкусывая фрукт, Даэв продолжил следить за представителями южной половины Атреи своими ядовитыми глазами, почти не моргая. Что-то в них его забавляло, заставляло смотреть всё дольше и дольше.

Когда изголодавшиеся желудки были наполнены, Эви и Кай сели на кровать и не знали, что им делать дальше — пронзающий насквозь взгляд зелёных глаз заставлял чувствовать себя неловко.

— Спасибо... — тихо произнёс мальчик и посмотрел на девушку. Та вздохнула и тоже промолвила:

— Спасибо.

Даэв сделал вид, что ничего не заметил. Неловкая для пленников пауза длилась очень долго. Наконец, элийка не выдержала и спросила надзирателя:

— Чего Вы от нас хотите? Выкуп?

Он молчал.

— Куда Вы нас везёте?

Асмодианин отвернулся и устремил взгляд в окно каюты.

— Не молчите! Я знаю, что Вы меня понимаете. Нас ждёт смерть, ведь так? Ведите так? — повторила она.

Реакции не было. Такое ощущение, что мужчина был глухим или нарочно игнорировал их.

На глаза маленького Кая подступили слёзы.

— Не убивайте нас, дяденька... Пожалуйста... — жалобно взвыл он.

Даэв всё-таки повернул голову. Он заинтересованно посмотрел на ребёнка и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но остановил себя. Асмодианин специально не вымолвил ни слова

своим пленникам и не собирался пока этого делать.

— Мои родители... — продолжил плачущий мальчик. — Ваши солдаты убили их... Зачем?

«Хитро, мальчик. Очень хитро», — мысленно ухмыльнулся Даэв, но всё равно сохранил молчание.

Сообразив, что все попытки заговорить с мужчиной будут тщетны, Кай горько вздохнул, устроился на краю большой кровати и попытался уснуть.

Эви была в той же одежде, что и в утро нападения на город — впопыхах она успела накинуть только лёгкое бежевое платье. Но теперь оно пришло в негодность. После темницы оно было мокрым и грязным, и ложиться на чистую постель в таком одеянии ей не позволяло воспитание. Девушка спросила у северянина, есть ли ещё одежда. Не услышав ответа, она поискала по шкафам, но ничего не нашла. Пришлось пожертвовать принципом и лечь в грязном — после сытного обеда нещадно клонило в сон. Асмодианин дождался, пока его пленники уснут, и сам растянулся на стуле поудобнее — лететь было ещё очень долго.

Воздушный корабль мерно рассекал облака над Келькмаросом. Через несколько часов судно будет облетать край северного осколка Атреи и вскоре попадёт в холодные земли Асмодеи.

Мужчина проснулся от топота маленьких ножек.

— Господин Даэв! Господин Даэв! Где тебя посадить, кярун? — всё тот же шиго стоял перед ним и тарачил большие, похожие на пуговики, чёрные глазки.

Зверьки прекрасно знали как элийский, так и асмодианский языки и посему могли беспрепятственно общаться с представителями обеих рас.

— Около Кинунгапа, если можно, — сонным голосом пробормотал воин.

— Прости, Даэв, но дальше лагеря Огня мы не полетим, нян-нян — слишком холодно.

— Хорошо. Высади нас там.

— Как будет угодно, кярун, — существо поклонилось и потопало обратно.

Асмодианин посмотрел на пленников — они ещё мирно спали. Будить он их не стал — сами проснутся от тряски при посадке. Но вот что делать с одеждой? В землях Белуслана очень холодно, особенно рядом с Ледяным городом Кинунгапом. Мигом окоченеют, даже на палубу выйти не успеют. Мужчина-то холода не боялся — асмодиане не мёрзнут. Но на всякий случай имел при себе меховую кирасу — даже для его привыкшего к морозу тела там было чересчур «свежо».

Даэв полностью оделся, прицепил оружие и отправился на палубу — спросить, есть ли на корабле тёплые шкуры. Конечно, их не могло не оказаться на борту, ведь судно держит путь в Асмодею, а здесь это — ходовой товар. Мужчина купил у того же мохнатого торговца две шкуры горного белого тигра и вернулся с ними в каюту.

Даже внутрь стал проникать холод — приятное чувство близости дома. Асмодианин накинул шкуры на спящих элийцев, отчего они оба проснулись.

— Что это? — испуганно спросила девушка и закричала, когда обнаружила на себе чью-то содранную, пусть и выделанную, кожу. Но пар от дыхания заставил её притихнуть — мужчина позаботился о тепле своих пленных — надо же.

— Так мы в Асмодее? — спросил Кай, укутавшись в жёсткую шерсть хищника.

Воин показал на окно — за ним хлопьями падал снег. Мальчик протянул:

— Поня-ятно.

— Куда же ты нас везёшь? — вновь попытала счастье Эви. Вдруг ему надоест хранить

молчание.

Но асмодианин оказался стойким — ни единого звука. Вдруг судно снова тряхануло — приземлились. Мужчина дал знак пошевеливаться, и троица вышла из каюты на палубу.

— Всего доброго, нян-нян, — помахал ручкой торговец-шиго, когда пассажиры спустились с трапа на заснеженную землю.

Даэв укрыл голову от снежного ветра — корабль взлетел, создав неслабый ветродуй.

— О, Айон, как же холодно... — прыгал с ноги на ногу маленький Кай. Эви тоже дрожала, будучи в лёгких туфельках на высоком каблуке.

Да, асмодианин об этом не подумал. Но ничего, идти было совсем недолго. Как и в Келькмаросе, он закинул девушку себе на одно плечо, а мальчика — просто посадил на другое, предварительно укутав в тёплую шкуру тигра. Вокруг стояла ужасная метель, ничего не было видно — сказывалась близость Кинунгапа. Но Даэв знал, куда идти. Справа вдали виднелись тусклые огоньки — лагерь Огня. Пройдя около двадцати минут по снежному полю, да ещё с двумя элийцами на горбу, мужчина вышел к хвойному лесу. Здесь метель резко закончилась, перестал идти снег — всё стихло.

«Отлично, скоро дойдём», — произнёс внутри себя асмодианин и пошагал напрямик в чашу.

— Ты нас здесь закапывать не собираешься? — ухмыльнулась Эви, когда мимо неё стали пробегать стволы заснеженных деревьев. Хотя это была не ухмылка, а, скорее, нота отчаяния — ведь ни она, ни Кай вот как уже несколько дней не контролировали свою судьбу. Их жизнь была полностью в руках зеленоглазого асмодианина.

И вот, наконец, на небольшой полянке прямо посреди леса появился бревенчатый дом с большой, выделанной деревом и соломой крышей — не дворец, конечно, но и не хижина. Сразу понятно, — Даэв строил — всё грамотно и рационально: маленькие окна, низкая дверь, широкий профиль — зимний вариант, так сказать. Но неужели бессмертный будет жить отшельником в лесу? Странно, как никак. В Элиосе Даэвы проживают в огромных дворцах, имея с сотню прислуг. Да, различия в приоритетах были налицо.

Эви, как и Кай, кстати, никогда не видели снега. Что это такое, они представляли, но чтоб вживую увидеть — Айон упаси. Мальчику он сразу не понравился — какой-то странный на вид и жутко холодный — фу. Девушка нашла белое полотно леса очень красивым — ровная пелена, словно одеяло, накрыла собой спящие деревья — тишина, гармония, спокойствие. Что-то в этом было. И звук хруста под ногами асмодианина тоже показался ей забавным. Ничего подобного она раньше не слышала.

Уставший Даэв приблизился к крыльцу и, встав под козырёк дома, аккуратно поставил на не занесённую снегом деревяшку девушку и юнца. Сам он отряхнулся и, достав из недр одеяния ржавый ключ, с трудом открыл толстую скрипящую дверь.

Внутри было темно и пыльно — ясно, что воин здесь давно не появлялся. Но зачем тогда он привёл их сюда?

Асмодианин первым вошёл в дом. Он кашлянул от столба поднявшейся пыли, перешагнул через скамейку, ловко зажёл загривом спички, валявшиеся на столе, и поднёс их к свечам. В помещении немного посветлело. Он зазвал светящимися глазами гостей, и двое элийцев осторожно вошли в дом.

Хозяин расставил свечи по углам и полкам небольшой комнаты и поджёг люстру, свисавшую над столом. Помещение, наконец, озарил нормальный свет. Пленники огляделись: всё было старым и ветхим, словно они попали в жилище дряхлого лесника.

Асмодианин показал рукой на скамейку около стола, и они послушно приземлились на неё. Хозяин прошёлся по дому, оглядев окна и проверив двери. Убедившись, что за ними нет хвоста, серокожий сел напротив Эви и Кая и сказал по-элийски совершенно без акцента:

— Добро пожаловать. Теперь это ваш дом, — голос асмодианина был низким, но ничуть не рычащим, как говорилось в элийских книгах.

— Что? — удивлённо спросила девушка. — Почему ты... то есть, Вы... привели нас сюда?

— Здесь безопасно.

— А кто нам угрожает?

— Асмодиане, — мужчина сощурился, как всегда.

— Они хотели убить нас? — робко спросил ребёнок.

— Там было небезопасно. Здесь — безопасно, — он указал когтистой лапой сначала на дверь, потом на стол, за которым они сидели.

Мужчина держался ровно и с каменным лицом отвечал на вопросы безоружных элийцев, словно свидетель на допросе.

— Почему же Вы спасли нас? — тихим голосом спросила Эви.

Он подумал, но промолчал.

— Как Ваше имя? — продолжила девушка.

— Это тоже неважно, — отрывисто произнёс асмодианин.

— Вы здесь живёте? — поинтересовался мальчик.

— Нет.

— Когда Вы нас отпустите? — Эви надоело вытягивать слова из серокожего. Она спросила довольно грозным голосом, насколько это можно было ожидать от милой барышни.

— Когда я найду способ вернуть вас в Элиос, — он не повёл и бровью. — Располагайтесь. Здесь есть какая-то одежда — поройтесь в шкафах. О еде я позабочусь.

Он поднялся со скамейки, но девушка его остановила:

— Там, в крепости, Вы убивали направо и налево, — с ненавистью промолвила она. — И вдруг ни с того ни с сего решили спасти двух человек? Странно, Вы не находите? Или Даэва совесть замучила? — она вцепилась в него взглядом, но асмодианин никак не отреагировал. Он подошёл к двери и, сказав:

— Разожгите камин. Скоро вернусь, — скрылся в снегах.

Оставшиеся одни Эви и Кай принялись осматривать своё новое пристанище. Первым делом они растопили камин, просидев около огня несколько минут, чтобы окончательно согреться. Затем девушка отыскала на маленькой кухоньке небольшой запас вполне съедобного вяленого мяса. Не царский пир, конечно, но лучше, чем ничего.

Вряд ли Даэв стал бы обитать в такой ветхой лачуге, но кто-то здесь всё-таки некоторое время жил. И это явно была девушка.

Эви пришла к такому выводу, исследовав комнаты и наткнувшись на шкаф с женской одеждой. Девушка не удержалась, чтоб не примерить её, учитывая плачевное состояние её старой одежды. Новый наряд в виде лёгкого чёрного платишка пришёлся ей как раз в пору. Беда была только с обувью, причина тому — анатомия.

Элийка вертела в руках изящный сапожок и говорила сама с собой:

— Нет, никак я это не надену, какие же мы всё-таки разные.

Кай не нашёл подходящей для себя одежды, поэтому пришлось натянуть большую

мужскую рубашу, которая свисала на ребёнке, словно на соломенном пугале.

Теперь нужно было прибраться. Раз уж пленникам здесь придётся пожить какое-то время, надо привести помещение в божеский вид. Для начала — протереть пол, столы, стулья, шкафы и полки от многолетней пыли. Затем разобрать хлам, разбросанный по всему дому.

Воду можно было получить, растопив снег. Асмодианин не запер входную дверь, видимо, понимал, что гости никуда не убегут. Набрав в деревянное ведёрко снега, Эви поставила его у камина. Когда он растаял, элийка принялась убирать дом и начала с пола. Давно она не занималась уборкой сама — в доме её родителей в Интердике для таких целей была нанята прислуга. Но это вовсе не значило, что девушка — ничего не умеющая «белоручка». В академии для девочек её научили и готовить, и стирать, и убирать — всё это понадобилось бы ей в дальнейшей жизни.

Кай помогал Эви разгребать хлам. Всё сломанное и ненужное он выбрасывал на крыльцо.

За работой пленники не заметили, как Даэв вернулся. Он кинул у порога несколько тушек зверей и заинтересованно оглядел убранное помещение.

— Освоились, я смотрю? — до ушей девушки донёсся низкий, мужественный, но совершенно незлобный тон асмодианина. Как ей показалось, тембр его голоса был очень мягким и приятным на слух.

Из глубины дома выглянуло уставшее личико элийки. В простом чёрном платье и убранными в хвостик длинными русыми волосами она выглядело очень мило.

— Вы вернулись?

— Я принёс обед.

Девушка посмотрела на тушки убитых животных, но морщиться не стала — всё же она понимала, что другой, «более цивилизованной» еды в округе не найдёшь.

Мужчина шагнул в гостиную, и на его холодном лице промелькнула тень улыбки: домишко обрело былой шарм — тепло, уютно, чисто.

Всего в домике было четыре маленьких комнаты: две спальни, гостиная и кухонька с кладовой. На чердаке пылились груды старого хлама, и разбирать его не было нужды.

Асмодианин принялся разделявать добычу. К нему подбежал удивлённый и даже восторженный Кай.

— Ух ты, это Вы поймали?

— Угу, — беззаботно ответил Даэв.

— А как? Стрелами пронзили?

— Нет, — из-за пазухи мужчина достал с десятков окровавленных метательных ножей и показал их юнцу.

Мальчик испуганно выпучил глаза. Убить бегущего зверя броском ножа мог только настоящий Даэв. Через мгновение в комнате появилась Эви.

— Простите, — заговорила она. — Раз уж мы здесь... В доме есть, где помыться?

Асмодианин оставил занятие и, позвав девушку за собой, чинным шагом прошёл в гостиную. Там у шкафа была небольшая дверца. Мужчина с трудом открыл её — она почти приросла к стене. За ней было обитое деревом маленькое помещение.

— Это баня, — показал рукой Даэв. — Умеешь пользоваться?

— Да... да, умею. Видела такие в Элиане.

Мужчина удивлённо вскинул бровь, но ничего не сказал.

— Вы готовите? — остановила уходящего серокожего элийка.

— Ну не умирать же с голоду, — усмехнулся он и пошагал обратно на кухню.

Асмодианин вернулся к своему делу, а Эви решила хорошенько пропариться — несколько дней в вонючей темнице не прошли даром на её коже.

Когда она закончила, Даэв и Кай уже сидели за столом и обедали. Рядом стыла третья тарелка.

— Вкусно пахнет, — заметила она и присоединилась к столу. — Что это?

— Мясо, — буркнул мужчина и снова уткнулся носом в тарелку.

— Понятно... — промолвила девушка и попробовала блюдо. Надо сказать, было весьма недурно. И специи подобраны, как надо.

— А где мы спать будем? — пережевывая большой кусок, спросил Кай.

— Выбирайте себе по комнате, здесь достаточно места, — сухо произнёс серокожий бессмертный.

— А как же Вы?

— У меня дела... — отрезал он.

Элийцы переглянулись, но ничего не сказали. И действительно, после обеда асмодианин собрался и молча ушёл. Куда и зачем — он не предупредил.

Эви и Кай расположились каждый в своей спальне и вскоре уснули. Мальчика не тревожили никакие посторонние мысли. Но почему-то рядом с Даэвом, пусть и асмодианским, он чувствовал себя в безопасности. Поэтому на его душе было спокойно.

Для девушки всё происходящее казалось полным бредом. Сначала он рушит её жизнь, потом спасает. Вот же непонятные существа, и ведь не поймёшь, добрый он или злой на самом деле! Нет, она не собиралась прощать его, даже думать об этом боялась! Эви не могла понять, что побудило вражеского бессмертного спасти двух пленных. Да какое ему дело до них? И ведь не отвечает, зараза!

«Надо как-то разузнать», — решила элийка и с этой мыслью погрузилась в добрый сон.

===== Часть 1. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 6.

Отредактировано.

Элизиум. Площадь Святых.

Столица Элиоса благоухала и сияла в солнечном свете. Этот город — величайшее творение Ариэли — покровительницы южан, произведение искусства. Нет на Атрее ни одного человека, который не восхитился бы красотой небесной Элизиума. Все дома в городе, стены, заборы были окрашены в светло-светло-голубые оттенки и усеяны орнаментом или сложными узорами. Окна, крыши, обрамление дверей, фундаменты, даже уличные фонари были странного фиолетового цвета. Здания напоминали собой миниатюрные дворцы с овальными и квадратными окнами, высокими арками над входом и многоугольными крышами самых причудливых форм. Вдоль широких дорог, устланных светлой орнаментной плиткой, были посажены странные деревья с голубоватыми и розоватыми листьями и кусты с яркими оранжевыми цветками. Под массивными кронами волшебных деревьев будто росли из земли большие мягкие скамейки.

Под кроной одного из таких волшебных деревьев урюмо сидели потерянные горем родители Эви, а рядом с ними расхаживали туда-сюда ан Боуэны, пытаясь придумать, как спасти бедную девочку.

— Я не знаю, что теперь делать. Чувствую, что вина лежит и на мне, — дрожащим

голосом говорила Фемисса, а по щеке неумолимо текли слёзы. В руке женщина сжимала нетронутый стакан воды.

— Мы найдём её, я обещаю, — сказал Ромул скорее для того, чтобы успокоить жену. Он больше всего на свете хотел снова увидеть любимую дочь, но в душе понимал, что она уже не в Ингисоне, а балаур знает где. И искать её по Асмодее бесполезно. Ему оставалось лишь надеяться, что она до сих пор жива.

Дариус тоже ничего не знал. Он сказал, что лишь помнит лица тех двоих асмодиан, которые убили Даймона и, возможно, знают что-то.

— У Вас связи, — обратился он к отцу. — Может, разведка Ордена сможет их найти?..

— Сынок, я бы рад, но они откажутся поднимать свои пятые точки ради какой-то девушки.

— Какой-то? — прокричал юноша. — Вы сказали, какой-то? Да она — самое дорогое, что есть в моей жизни! Если б я знал, с чего начать, сам бы пешком пошёл её искать! Хоть на край света!

— Туда и придётся, — знакомый голос вдруг донёсся из-за спины. Парень обернулся — к ним медленно шагал его легат, выглядевший довольно бодро для только что перенесённой смерти.

Дариус отдал честь главе легиона, тот кивнул в ответ.

— Меня зовут Даймон — тем, кто меня не знает. Я — легат Кинжала Безмолвия.

Родители Эви сухо поприветствовали Даэва.

— Вы можете чем-то помочь? — взмолилась мать.

— Господин Ваталлос прав — Орден Миразента не станет никого искать, — начал бессмертный. — Если ваша дочь и жива, то тут два варианта. Один хуже другого.

— Не молчите, говорите, умоляю! — плакала женщина.

— Во-первых, командовал наступлением легат третьего легиона Пандемониума — Даэв по имени Исагир. Ты его помнишь, — он обратился к юноше. — Бронзовая броня и чёлка, как у... ну, ты меня понял. Там был весь его легион. В этом я убедился... Что примечательно, асмодиане поставили главным его — хотя он ни разу в Ингисоне до этого не был.

— Что это значит? — спросил Дариус.

— Третий легион Пандемониума также известен, как Гроза Астерии. Они воюют только в Бездне.

— Почему же?..

— Объясняю, — Даймон говорил презрительным тоном, будто с Исагиром у него личные счёты. — В Бездне суровые условия. Тамошняя атмосфера воспитывает в людях невероятную выносливость и жестокость. Весь их легион, как на подбор — либо конченные звери, либо опытные Даэвы.

— Значит, их поставили во главе, потому что они...

— Потому что они не знают слов: «нет» и «назад»! — перебил юношу легат. — Осада закончилась слишком быстро. А их легион остался жив. Делай выводы.

— Простите, как Вас... Даймон, верно? — спросил Ромул, чувствуя, что Даэва несёт в сторону. — Вы говорили об Эви...

— Так вот, раз в плен её взяли legionеры Исагира, то единственным местом, куда они могли её увезти — это Бездна.

— Какой ужас! — ахнула мать.

— ...Но там она долго не проживёт из-за большого количества Эфира — сойдёт с ума неподготовленной. Значит, Асмодея. Но начать поиски надо в Арэшурате.

— Хотите поговорить с этим Исагиром? — ухмыльнулся Дариус.

— Ну как поговорить... Ну, ты понял, — он подмигнул юноше. — Или с ним, или с твоим «недоубийцей».

— А кто он? — поинтересовался юноша.

— Вот надо было задать мне этот вопрос прежде, чем нападать! — грозно проговорил бессмертный. — Его зовут Териан Лекас — самый опасный из всех Даэвов. Центурион легиона Исагира.

— Почему же он меня не убил?..

— Может, рука дёрнулась, может, пожалел... — балаур его знает. Кстати, камешек верни, раз не понадобился...

Даймон сделал важный вид. Офицер сразу понял, о чём говорит его легат. Из кармана брюк юноша достал белый гранёный кристалл и незаметно для остальных положил его в руку Даэва.

— Спасибо... — тихо промолвил Дариус.

— Угу, — кивнул он и спрятал вещь. — Так-с, я снова отвлёкся. Это был первый вариант — тут хотя бы зацепка есть.

— А второй хуже?.. — взволновалась ещё сильнее мать.

— Определённо. Если её увезли в тюрьму Келькмароса, как, в основном, и поступают с пленными, мы её никогда не вытащим.

— Почему? — повысил голос отец.

— Потому что не успеем... Её убьют или растерзают быстрее. Да мы и не попадём никак в Келькмарос — путь туда лежит через Ингисон, а его мы потеряли.

— О, Айон! — вскрикнула мать и залилась слезами.

— Тише-тише, — успокаивал её муж. — Ну, спасибо... Утешили...

— Я всего лишь сказал правду, — буркнул Даймон.

— Я поеду с Вами в Бездну! — грозно промолвил Дариус.

— Исключено! В самоубийцы решил податься? — рявкнул ан Боуэн старший. — Без подготовки и... крыльев там делать нечего.

— Снова согласен с твоим отцом. Ты не готов пока.

Дариус в гневе ударил ногой по скамейке.

— Почему вы решаете за меня, что мне делать, а что нет? Я уже не маленький и могу постоять за себя!

— Да, но сначала спроси себя: нужен ли твоей невесте холодный безголовый труп вместо живого жениха?

Юноша замолчал, но в душе всё равно не был согласен ни с отцом, ни с легатом.

— То-то же, — отрезал Даэв и пошагал прочь. Дариус поспешил его догнать — у него осталась ещё пара вопросов.

— Почему Вы сказали, что тот зеленоглазый — самый опасный из Даэвов? Я видел, что он не вступал ни с кем в драку, а просто бродил туда-сюда с убранным оружием.

— Чтобы быть самым опасным, мой друг, необязательно лезть с каждым прохожим в бой.

Дариус оценил ответ легата — умно и логично. Оба воина шагали в ногу по овальной площади перед Святилищем Элизиума и продолжали беседу.

— Так чем же он так опасен?

Даймон ухмыльнулся и сказал:

— Я живу уже очень давно. И по много сотен раз сражался с каждым асмодианским Даэвом. Могу с уверенностью сказать, что столько раз, сколько я отправлялся на кибелиск после встречи с Терианом Лекасом, не отправлялся никогда. Даже Исагир не так силён, а он претендует на вхождение в «тройку моих самых нелюбимых серокожих».

— У нас вдвоём больше шансов его одолеть, — почти вопросом произнёс юноша.

— Верно. Но вот для тебя второго шанса может не представиться — один щелчок, и твоя красивая головушка украсит очередной кол рядом с крепостью асмодиан, — Даэв показал это действие и руками. Вышло, надо отметить, довольно артистично.

— Так каков наш план?

— Я так понимаю, меня отправят в Бездну: почти всех легионеров убили, остался ты, да ещё несколько ребят. Легион умер... — на этих словах он тяжело вздохнул. — Но зато он обрёл свою смерть героически! Как и подобает одному из лучших легионов Элиоса. В Арэшурате я найду Грозу Астерии и постараюсь разузнать что-нибудь.

— Думаете, они станут Вам что-то рассказывать?

— Мальчик мой, мы же Даэвы! — засмеялся он. — Или ты думаешь, что, только увидев вражеское крыло, мы сразу летим за ним, словно бык на красную тряпку? Можно же перед смертью перекинуться парой слов, спросить: как дела, как родные, какая погода нынче в Асмодее... Нам нечего терять и некуда торопиться. Вот в чём самая гадость быта людей — вы всю жизнь куда-то спешите... — на сём он устремил взгляд вдаль и замолчал.

— Почему Кинжал Безмолвия не пересоберут? — после небольшой паузы спросил Дариус.

— Я буду против, — резко возразил Даэв. — Если наберём криворуких рекрутов, потеряем бывшее величие. Не допущу, чтобы великий легион превратился в ещё одну академию для новичков с красивым названием! Лучше уж пусть вспоминают о нас, как о героях...

— А куда деваться мне, одному из последних его легионеров?

— Вступи в Сияние Миражей. Его легат — мой друг. Я замолвлю за тебя словечко.

Дариус должен был поблагодарить своего бывшего командира, но почему-то успешная перспектива его не радовала. Всё не так. Всё должно быть по-другому! Они с Эви — пожениться, боевые товарищи — вернуться к семьям... А сейчас в душе — пустота. И её ничем не унять. Эх, хоть бы Эви была жива и невредима. Иначе у юноши не останется смысла жизни.

Юный офицер решил довериться Даэву и ждать от него вестей. Любых. Плохих или хороших.

Пандемониум — столица Асмодеи.

Пожалуй, нет на северной стороне Атреи города прекраснее, чем этот. Да, Лорд Асфель постарался на славу, когда основывал его. В отличие от Леди Ариэли, он подумал в первую очередь не о красоте, а о безопасности — именно поэтому этот оазис был сооружён прямо меж высоких гор Асмодеи.

Для разгара утра на улицах города было слишком много стражи — в ратуше проходило важное заседание.

Около огромного окна в глубине прекрасного зала восседал военачальник

Пандемониума в своём любимом кресле. Это был пожилой и почти полностью седой асмодианин, но несмотря на возраст, его физическая форма заставляла завидовать многих более молодых офицеров. Его звали Видар фон Хильдер. Как ни странно, у военачальника не было ни жены, ни детей. Поговаривали, что он был так предан Асмодее, что у него просто не осталось в сердце места для любви.

За длинным столом, тянущемся вдоль зала, устроились легаты и центурионы всех легионов, принимавших участие в успешной осаде Ингисона. Среди них был и Териан Лекас как центурион Грозы Астерии.

— Итак, — начал военачальник своим привычным грозным тоном. — Пора решать, что делать с новыми землями...

Со всех сторон полетели предложения: кто — за «сжечь», кто — за «заселить».

— Тише-тише, — продолжил он. — Прежде всего, нам с вами необходимо избавиться от этого уродливого шрама в виде северного кольца аванпостов, ещё подконтрольного белокрылым, — он указал длинным когтем на карту. — Этим займётся четвёртый, пятый, девятнадцатый и двадцать второй легионы. Остальные — пусть патрулируют крепость Иллюзий — вдруг там остались выжившие, готовые взять в руки оружие.

Совет понимающе закивал. Меж тем Видар продолжил:

— А теперь, друзья мои — наши первостепенные задачи. Во-первых, удержать Ингисон. С этим всё ясно. Элийцы попытаются нарастить своё присутствие на севере — значит, нужно отрезать им все пути и окружить! — он говорил громко, иногда переходя на крик. — Дальше. Нашему врагу потребуется использовать все резервы, значит, Бездна в ближайшее время будет ослаблена. Я даю Вам три дня на подготовку войск. На заре четвёртого дня мы выступим на восточную крепость Сизли и крепость Серного Дерева.

— Как? Что это значит? Одновременно? — понеслось со всех сторон.

— Да, одновременно! — рявкнул военачальник. — Элийцы не успеют подготовиться и потеряют в один день обе этих форта, ясно? Тогда останется Западное Крыло и Кротан. Их мы возьмём быстро, и враг распрощается с Арэшуратом навсегда!

— Но откуда нам взять достаточно сил для осады двух крепостей? — спросил кто-то.

— Выводите легионы из Келькмароса — там пока будет спокойно, — сухо произнёс главнокомандующий.

— А как же балауры? Вдруг они...

— Насчёт балауров не беспокойтесь — всё под контролем. Этим занимается лично Слутгельмир. Итак, план действий я озвучил, остальное — решайте сами. Жду вестей на пятый день. Отсчёт пошёл. Исполнять!

Зал громко встал и, обсуждая приказы, потёк к выходу. Напоследок Видар крикнул:

— Третий легион!

Исагир и центурионы мгновенно остановились, услышав зов, и обернулись.

— Судья просил Вас к нему зайти. У него для вас задание.

— У него? — ухмыльнулся легат, подойдя к Видару. — С каких пор мы подчиняемся ему?

— По моему личному приказу, — проговорил военачальник, выражая недовольство вопросу Исагира. — До меня дошли слухи, что в землях балауров назревают странные настроения. Вы поможете Безмолвным справиться с ними.

Легат был ошарашен. Он старался подобрать слова, как бы выразить данную ситуацию, но не набраться военачальнику.

— Вы недовольны нашей работой, раз отдаёте нас на попечение Судьям?

— Наоборот, ты и твои люди отлично проявили себя. Я могу на вас положиться. Ступайте в Храм сейчас же.

Исагир не мог противиться. Он покорно поклонился военачальнику и вместе с центурионами вышел из ратуши.

— Что он сказал? — спросил Альфир — адъютант легиона, первый заместитель легата.

— Что нам с вами надо навестить Безмолвных. У них есть для нас поручение, — интонации было понятно, что Исагир недоволен решением главнокомандующего. Он знал, что Судья что-то замышляет и не хотел в этом участвовать.

Легат, два адъютанта и пять центурионов вошли в строго охраняемое двухэтажное здание на окраине центральной площади города. Наверное, столько стражи не было даже у ратуши.

Чёрные пол и потолок, красные стены — воинственный окрас. На втором этаже в конце коридора находился кабинет Верховного Судьи. Туда процессия и направлялась. У дверей воинов остановили четыре тяжеловооружённых акана — личная стража хозяина. Грозно спросив:

— Кто такие и по какому вопросу? — они выставили вперёд пики и преградили путь.

Исагира это выбесило. Он кивнул Альфиру, и адъютант легонько махнул изящной когтистой рукой — все четверо стражников мгновенно упали на блестящий пол, потеряв сознание. Легионеры переступили через бречащие доспехи аканов и вошли в кабинет. За большим столом сидел худощавый мужчина, облачённый в чёрный камзол, — Верховный Судья Стутгельмир фон Вир. Он что-то старательно писал под тусклым светом подсвечника.

— Надеюсь, вы их не убили? — мужчина обратился к гостям, даже не подняв взгляд и продолжая письмо.

— Они решили вздремнуть, — отрезал легат и важно сел напротив Судьи. Остальным он велел поступить также.

— Мило, — он, наконец, показал лицо и улыбнулся. — Что ж, я рад, что вы пришли. Тогда слушайте. В Ингисоне осталось очень много элийцев, — Стутгельмир аккуратно отложил перо в сторону и заключил руки в замок. — Естественно, им не нравится наше присутствие. Оставлять их там не имеет смысла — повстанцев и в Асмодее хватает. Так вот, я наслышан о ваших подвигах и... методах, хе-хе, — он ехидно скорчил улыбку. — Моя просьба довольно проста: достаньте их всех и отвезите в Келькмарос. Пускай их раскидают по тюрьмам и каторгам. В конце концов, кто-то ведь должен строить нам дома и добывать руду, ведь так?

— У нас в тюрьмах нет столько мест, — веселье Судьи не передалось Исагиру. Он говорил строгим тоном, не поведя взглядом.

— Так освободите! Старых — на колья, новых — в клетки! Не мне вас учить, да простит меня Маркутан. Хотя... — он почесал затылок. — Зачем старых — «на колья», если можно сразу новых — «на колья»?..

Альфир тихо промолвил из-под капюшона, вечно скрывавшего его лицо:

— Они — невинные жертвы войны. Убивать всех без разбора — жестоко.

— Это говоришь мне ты? — сделал удивлённую мину Стутгельмир. — Адъютант грозы элийцев? Я не верю своим ушам!

— Мы — гроза воинов, а не карательный отряд! — громко возразил Исагир. — Не путай нас со своими Безмолвными!

Судье явно не понравилось то, каким тоном Даэв высказался о его подчинённых. Он скорчил гримасу и продолжил:

— И что же ты предлагаешь? Ну же, мне интересно! — непривычно высоким голосом проговорил мужчина.

— Ссылайте пленных в Асмодею или отпускайте — пусть возвращаются в Элиос.

— Чтобы через месяц они вернулись и восстали против Пандемониума? — перебил его Слутгельмир. — Нет уж. Вот теперь я не прошу, а приказываю: с ненужной живой силой врага — не церемониться! Кончать с ней на месте, или я покончу с Вами... — он оборвал последнее слово и дал время воинам переварить сказанное.

Вдруг с места встал зеленоглазый Даэв и прошипел низким голосом:

— Когти коротки, чтобы зарекаться об этом. Я не стану подчиняться тебе, словно пёс на привязи. Если о твоих больных фантазиях узнает Видар, ты первым окажешься где-нибудь в темнице... Помяни моё слово.

— Вы только посмотрите! — изобразил удивление Верховный Судья. — Наш Даэв пал духом! Он, наверное, забыл, что все элийцы нам враги. Почему-то белозадые с нашими братьями в Бездне не церемонятся, кашками не кормят!

— Я всё сказал, — промолвил Териан Лекас и решительно поднялся с кресла. Он дал знак легату, что разговор исчерпал себя, и гордым шагом направился к выходу. Исагир презрительно посмотрел на Судью и последовал за центурионом. Так же поступили и остальные.

— Грозно ты его! — хлопнул по плечу Териану легат, перешагнув через всё ещё «отдыхающих» стражей Слутгельмира. — Хочу поскорее увидеть, как эту тварь вздёрнут на виселице.

— Да, ступайте к Видару. Мне нужно проветриться.

— Что с тобой?

— Устал, говорю. Пойду прогуляюсь и отдохну.

— Хорошо, — протянул легат. — Только не забудь, что нам надо в Бездну.

— Когда сбор?

— Завтра днём в Цитадели.

— Я успею, — промолвил Даэв и быстрым шагом удалился.

К Исагиру подошёл адъютант.

— Что-то с ним не так, — сказал Альфир, проводив взглядом Териана.

— Да... — добродушный тон легата мгновенно сменился на грозный и рычащий. — Я это выясню...

Разгневанный Слутгельмир сжал в руке перо. Он был взбешён выходкой Даэвов. Если Исагир мог только на словах противостоять воле командования, то в Териане мужчина, как это говорят, очень разочаровался. Перо громко треснуло и разломилось пополам. Он бросил его прочь и вскочив, направился к двери. Перед его ногами без звука валялись четыре стражника. Судья несколько раз пнул их ногой по металлическому забралу, прошипев:

— Просыпайтесь, остолопы!

Когда от громких ударов один из них очнулся, Слутгельмир схватил его за шкурку и с пылающими от гнева красными глазами прорычал:

— Срочно Безмолвных ко мне! — и бросил головой о пол.

Судья вошёл обратно в свой кабинет и захлопнул дверь. В коридоре послышалось движение — страж начал усердно будить своих товарищей. Слутгельмир плюхнулся в

кресло, бормоча проклятия. Через несколько минут дверь в комнату распахнулась, и туда вошли пятеро асмодиан, скрывавшие свои лица под чёрными балахонами.

— Вы нас звали... — слышался тихий шёпот из-под тени капюшона.

— Мне нужно, чтобы вы проследили за Терианом Лекасом — центурионом третьего легиона. Я хочу знать каждый его шаг! Слышать каждый его вздох! Я хочу, чтобы даже его мысли были в моей голове! Всё уяснили?! — Судья заорал так, что стёкла на окнах чуть не треснули.

— Да, господин... — всё тот же змеиный шёпот из темноты.

— Ступайте!

Фигуры бесшумно удалились.

Слутгельмир немного успокоился. Он чувствовал власть и обожал это ощущение. Он просто не мог позволить, чтобы с ним общались, как с шавкой... или как с обычным человеком.

Мужчина вдруг вспомнил, что его старое перо «пришло в негодность», и он принялся рыскать по ящикам, чтобы найти запасное. Наконец, обнаружив его, он продолжил что-то записывать на листе плотного пергамента, не переставая бормотать ругательства.

Храм Правосудия, которым руководил господин фон Вир, был пристанищем справедливости на северной части Атреи. Во главе Храма стояли Безмолвные Судьи, а их приспешниками были Безмолвные Исполнители, или Тени, как их прозвали в народе. Храм занимался судебной и исполнительной властью в Асмодее, хотя члены его не особо ограничивали себя в полномочиях. В высших кругах поговаривали даже, что правит Пандемониумом, да и всей Асмодеей — не военачальник Видар, а Слутгельмир — Верховный Безмолвный Судья. Но такие разговоры были опасны: если услышит кто не тот, сразу посадят в подземную тюрьму, а тут и пиши пропало, ибо, говорят, что оттуда нет выхода.

Териан Лекас, нервно озираясь по сторонам, направлялся в таверну Афельбайн — известное и популярное питейное заведение рядом с торговыми площадями. Он дружил с его хозяином — Генфельсом, волосатым и немного пухлым седым мужчиной с вытянутым лицом и обилием морщин на нём. Точнее, Генфельс был у Даэва в долгу. Когда-то давно бессмертный вытащил его сына из лап Безмолвного Исполнителя. За юнцом охотились Тени из-за какого-то неосторожного слова в адрес Асмодееи. С тех пор благодарный отец наливает Даэву бесплатную выпивку и выполняет его маленькие поручения: сходить туда-то, узнать то-то и тому подобное.

Териан не стал бы просить у смертного ничего, если б не доверял ему. А бессмертный чудесно разбирался в людях. Он знал, что Генфельсу не нравится нынешняя обстановка в столице, как и ему самому, поэтому с ним он мог говорить на «абсолютно неприемлемые» темы.

Хозяин заметил старого знакомого ещё у входа. Он дал знак Даэву, и тот как ни в чём не бывало подошёл к стойке.

— Что-нибудь желаете? — отстранённо спросил трактирщик.

Мужчина жестом намекнул Териану, что сейчас в таверне много ненужных ушей, поэтому следует быть осторожней. Бессмертный едва заметно кивнул и сказал:

— Как обычно.

— Может, Вам принести с погреба наше лучшее вино? — услужливо спросил Генфельс.

— Пожалуй, — произнёс Даэв и добавил. — Только я выберу бутылку сам.

Трактирщик утвердительно промычал и направился на кухню. Зеленоглазый Перерождённый последовал за ним. Мужчины спустились в освещаемый погреб и заперли за собой толстую дверь. Здесь было безопасно.

— Фух, приветствую Вас, Териан Лекас, — наконец, хозяин таверны мог обрадоваться появлению старого друга.

— Рад тебя видеть, Генфельс, — сухо промолвил Даэв.

— Чем я могу помочь?

— У меня к тебе странный вопрос...

— Я Вас слушаю.

— Мне нужно перевезти двух элийцев из Асмодеи в Элиос.

Мужчина округлил глаза — он был очень удивлён услышанному.

— Да простит меня Маркутан, я боюсь поинтересоваться, как они туда попали...

— Это долгая история, Генфельс.

— Куда именно их нужно перевезти?

— Интердика или Элтенен.

— Ну-у, с этим-то проблем нет. Бросить их в пространственный разлом, да и делов-то, — усмехнулся трактирщик, но по серьёзному взгляду Даэва понял, что не всё так просто.

— Их нужно доставить в целости и сохранности прямо в крепость, — сурово произнёс Териан. — Среди них молодая барышня и маленький ребёнок, а порталы ведут в опасные земли.

— Господин, Вы решили в отцы податься? — спросил мужчина.

— Генфельс, я не шучу!

— Хорошо-хорошо. Если такой вариант не походит, то... — задумался он. — Можно попробовать через Бездну.

— Исключено! — оборвал его Даэв.

— А если на корабле шиго?

— Они часто отовариваются у балауров — им нельзя доверять.

— Да... — угрюмо промычал Генфельс. — А других способов и нет вроде.

— Верно, но с этим я разберусь сам. Мне лишь нужна твоя помощь, — низким голосом сказал Териан Лекас.

— Всё, что угодно, господин. Что от меня требуется?

— Нужно достать элийскую одежду.

— Асфель Всемогуший! — воскликнул мужчина.

— ...На паренька лет одиннадцати и девушку лет... восемнадцати. Что-нибудь неприметное.

— Я могу поискать в Пандемониумских складах или темницах — может, что осталось... Но не обещаю, что найду.

— Хорошо. Я буду тебе благодарен, — он сунул в руку трактирщику маленький мешочек с монетами. — Это на подарки детям.

— Не стоило, господин... — пробормотал он, но, встретив грозный взгляд Даэва, послушно убрал золото в фартук.

— Спасибо, Териан Лекас, — Генфельс поклонился бессмертному и поинтересовался. — Так как вы планируете отправить элийцев домой?

— Наиболее безопасно — через портал в Асмодее. Но нужно сначала его найти. Дальше, минуя всякие посты и селения, провести бедолаг к городу и подбросить страже.

— А если заметят?

— Мне смерть не страшна, Генфельс. Так будет даже проще вернуться в Асмодею.

— Умереть, чтобы не идти обратно... — удивлённо произнёс мужчина. — И часто Вы так делаете?

— Нет, конечно, — искоса глянул на смертного Даэв. — Но за свою слишком долгую жизнь я привык к этому. Тебя заждались в зале. Я не уверен, что смогу сам забрать посылку. Сможешь отправить её почтой на склад Белуслана?

— Да, хорошо, — уверенно сказал трактирщик.

— У тебя пара дней. Ступай, и... спасибо.

— Погодите, — вдруг сказал Генфельс. — Но почему Вы пришли за помощью ко мне, ведь я мало что могу?

— Ты добр, и я тебе доверяю, — произнёс Териан без ноты эмоций в ледяном голосе.

— А как же Ваш легат?

Даэв сразу нахмурился и, скрипнув зубами, процедил:

— Исагир — двуличная мразь, как и все в этом проклятом легионе...

— Тогда почему Вы ещё состоите в нём?.. — мужчина надеялся, что этот вопрос будет не лишним. Всё-таки спрашивать такое у Даэва было невежливо.

— У меня свои причины, Генфельс, — лишь ответил он.

Трактирщик понимающе кивнул и не стал вдаваться в подробности.

— Удачи, Териан Лекас, — мужчина отпёр дверь и поднялся на кухню. Действительно, гости уже успели удивиться его долгому отсутствию.

Даэв схватил с полки первую попавшуюся бутылку вина и пошёл за ним. Поблагодарив хозяина у стойки ещё раз, Териан вышел из таверны и, озираясь по сторонам, направился к привратнику — можно было возвращаться в снежный Белуслан. Пусть ненадолго, но навестить пленников было надо — кто знает, что может случиться в холодном асмодианском лесу.

===== Часть 1. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 7.

Отредактировано.

Пару часов спустя.

Белуслан.

Дверь в хижину отворилась и внутрь вбежал Териан. Он стряхнул с себя сугроб — на улице была жуткая метель — и снял верхнюю одежду и сапоги. В рубашке и брюках он прошёл в гостиную, где тепло и приятно похрустывал камин. В кресле напротив огня, откинувшись на спинку, сидела Эви всё в том же чёрном платье, на её коленях расположился маленький Кай. Девушка держала в руках старую книжку и вслух читала какую-то сказку. Даэв остановился у двери и облокотился плечом о проём, наблюдая за ними.

Элийка читала нежным поющим голосом, а мальчик слушал, тараща глаза в снежный вихрь за окном:

«В стародавние времена жил-был на острове один разбойник. Он был добрым и справедливым, поэтому грабил богатых, а их добро раздавал бедным.

И вот в один прекрасный день случилось нечто невероятное... Разбойник нашёл в лесу железный топор, который кто-то воткнул в старый пенёк.

«И кому это понадобилось втыкать сюда топор? Теперь усталые путники не смогут сесть на пенёк, чтобы отдохнуть после долгой дороги», — подумал добрый разбойник.

Он попробовал вытащить топор из пня. Но топор застрял очень глубоко и не поддавался.

«Глубоко сидит, — сказал себе разбойник, — Попробую-ка я дёрнуть его изо всей силы. Раз, два, три, взяли!»

Но добрый разбойник не рассчитал своих сил и дёрнул слишком сильно. Железный топор вырвался у него из рук и, описав в воздухе полукруг, шлёпнулся в родник.

«Ну, вот! Теперь я влип, — расстроился разбойник. — Если владелец топора вернётся за ним, что я ему скажу?»

Разбойник совсем растерялся. Он заглянул в родник и понял, что тот слишком глубокий и топор теперь не достать.

«Что же мне делать? Лучше бы я совсем не трогал этот топор! Я сделал только хуже,» — подумал разбойник.

Склонив голову над родником, он горько заплакал. Вдруг из родника ударил фонтан воды, и перед плачущим вором появился старый Даэв.

Потирая лоб, Даэв закричал:

— Что здесь происходит? Кто посмел бросить топор в мой родник?

От неожиданности разбойник потерял дар речи. Удивлению его не было предела.

— Это ты бросил в меня топором? — грозно спросил Даэв. — Я медитировал на дне родника, а твой топор чуть не разmozжил мне голову!

Даэв был в ярости, а разбойник так испугался, что у него затряслись все поджилки.

— Э... я... прости меня, о, Даэв, — пролепетал разбойник, — Я увидел топор, который торчал во пне... Я хотел вынуть его, но...

От страха разбойник начал заикаться.

Даэв убедился, что у разбойника не было никакого злого умысла, и обуздал свою ярость.

— Что ж, — сказал он. — Я прощаю тебя, ведь ты сделал это не нарочно. Иди с миром.

Но когда старый Даэв был уже готов вернуться к медитации, разбойник обратился к нему с такими словами:

— Прости мою навязчивость, о, Даэв! Но не мог бы ты вернуть мне топор, который я потерял?

Даэв очень удивился такой просьбе, но согласился спуститься на дно за топором, поскольку разбойник сказал, что этот топор чужой и его нужно вернуть законному владельцу.

Некоторое время спустя старый Даэв появился вновь. В руках он держал сияющий топор из чистого золота.

— Не этот ли топор ты потерял? — спросил Даэв.

Искушение было велико, но разбойник не солгал.

— Нет. Это не мой топор, — сказал он.

— И то верно, — согласился Даэв. — Кому придёт в голову рубить дрова золотым топором? Ладно. Гляну ещё разок.

И снова Даэв погрузился в воду. Когда он вернулся, в руке у него был серебряный топор.

— Не этот ли топор ты обронил? — спросил Даэв.

— Нет, не этот, — ответил разбойник.

Услышав это, Даэв нахмурился и снова погрузился в родник.

Долгое время спустя Даэв вернулся с железным топором.

— Не этот ли топор ты потерял? — спросил Даэв.

Увидев ржавый топор, разбойник кивнул головой.

— Да, это он. Это его я потерял, — ответил разбойник.

Даэв испустил глубокий вздох.

— Не думал я, что где-то есть ещё такие наивные люди, как ты, — сказал он. — Чтобы выжить, надо быстро соображать.

После этих слов старый Даэв протянул разбойнику все три топора.

— Вот, — сказал он. — Держи! Это награда за твою честность.

И Даэв вернулся в свой родник, а разбойник остался на берегу в полном замешательстве.

Придя в себя, он низко поклонился роднику и осыпал Даэва, обитающего в нём, словами искренней благодарности.

Потом разбойник вернулся в свою деревню и продал золотой и серебряный топоры за большие деньги. На эти деньги он набрал себе банду и продолжил грабить богатых и помогать бедным.

Конечно же, он женился на настоящей красавице, и было у них много детей.

Оглянитесь! Возможно, этот добрый разбойник живёт рядом с вами...»

Девушка закончила и закрыла книжку. Кай уже мирно дремал у неё на коленях. Вдруг она заметила асмодианина, застывшего около двери. Она испугалась и слегка дёрнулась от неожиданности, но Даэв приложил палец к губе, веля не будить мальчика.

Всё это время мужчина стоял в довольной улыбке. Голос пленницы и сама сказка напомнили ему что-то... что-то приятное. Он тихо слушал рассказ и предавался старым воспоминаниям, будто заново переживая их.

Териан подошёл к девушке и осторожно взял на руки уснувшего Кая. Затем он медленно направился, куда показала Эви, и уложил его в кровать, накрыв одеялом.

Даэв прикрыл дверь в комнату мальчика и вернулся в гостиную.

— Не знала, что здесь есть книжки на элийском... — удивлённо произнесла девушка.

— Я давно позабыл, что здесь есть, — ответил мужчина, оглядев мельком старый шкаф и стены.

— Так чей же это дом?

— Мой... когда-то был.

— А теперь? — она заинтересованно рассматривала перелив рисунка в светящихся ярко-зелёных глазах бессмертного.

— А теперь здесь никто не живёт... — с ноткой печали в твёрдом голосе проговорил он.

Элийка поняла, что история этого места вызывает у мужчины не самые приятные воспоминания, и не стала допрашивать его на эту тему.

После непродолжительной паузы Даэв начал:

— Вам придётся перекантоваться здесь около недели. Затем я отвезу Вас в Элиос... Откуда Вы?

— Я из Юфросина... — сказала Эви. — Это в Интердике. А Кай... У его семьи был дом в Ингисоне. Теперь он сирота...

— Ты заберёшь его к себе?

— Да, думаю, родители не будут против. Не бросать же его... Он и так совсем один... — девушка печально посмотрела на дверцу в комнату мальчика, а потом снова на Даэва. — Как Вы отправите нас обратно?

— Через портал. Дальше доведу вас до Юфросина — я знаю окрестности, как свои пять пальцев. Ну, а там наши пути навсегда разойдутся, — он задумчиво посмотрел в догорающий камин.

— Не пытайтесь заслужить прощения... — тихо сказала Эви. — Тогда, в Ингисоне, Вы испортили мою жизнь...

Териан вновь посмотрел на девушку.

— Хм, — сощурился он, приблизившись к элийке. — Когда ты вернёшься, тебя ждёт приятный сюрприз...

— О чём это Вы? — мигом сменив тон на требовательный, спросила она.

— Вы ужинали? — как ни в чём не бывало поинтересовался бессмертный, направившись на кухню.

— Да... Мы доели остатки мяса, а ещё я сварила суп из того, что нашла на полках, — она показала рукой на большую кастрюлю, от которой исходил приятный аромат.

— Хорошо, — протянул Даэв. — Сегодня я буду здесь, а завтра с утра уезжаю где-то на неделю. Когда вернусь, отправлю вас домой.

«Домой», — желанное слово невольно зазвенело в ушах элийки.

— Куда Вы? — спохватилась она, когда обнаружила, что асмодианин снова одевается.

— На охоту. Вам же нужно чем-то питаться эти дни, — он бросил взгляд на девушку и, отворив дверь, скрылся в пурге.

«Я даже имени его не узнала!» — с досадой подумала элийка и направилась в гостиную растапливать камин посильнее — хоть дом был и тёплый, но мороз неумолимо проникал сквозь стены.

Даэв отошёл от дома на достаточное расстояние и огляделся — чутьё всё это время не давало ему покоя. Он прекрасно знал это ощущение — словно несколько зорких глаз издали наблюдают за ним.

Но этого просто не могло быть — слишком сильная метель. Отбросив странные мысли, мужчина наклонился и зарычал в потугах. Через секунду за его спиной материализовались будто из воздуха огромные чёрные крылья, в размахе достигавшие, наверное, метров пяти-шести каждое. Тяжёлые, блестящие тьмой перья всколыхнулись, и Даэв, оттолкнувшись от занесённой земли, поднялся в воздух. Взмахи поначалу были медленными и тяжёлыми — снег так и лип к крыльям. Но спустя секунды асмодианин почувствовал поток Эфира, и движения стали даваться намного легче.

Он витал над деревьями, словно коршун над своими владениями, высматривая добычу. Зоркие глаза и острый слух Даэва позволяли ему видеть и слышать любого, даже самого маленького зверька.

Вдруг он увидел вдали молодого оленя и, будто обученный пёс, рванул к нему. Асмодианин достал из ремня метательный нож и спикировал на ничего не подозревавшее животное. Ловкий молниеносный взмах рукой — и зверь замертво падает в снег. Даэв вновь набирает высоту и ищет новую жертву. Взмах — ещё одна струйка алой крови на белом полотне леса.

Поднеся трупы обоих жертв к дому, он тихонько открыл дверь погреба и бросил в огромный бак со льдом свою добычу — дело сделано. Можно лететь в Бездну. Но сначала нужно кое-что прикупить.

На своих красивых и чёрных, как смола, крыльях Даэв взмыл высоко в воздух, где метель ощущалась не так сильно. Он хотел долететь до самой крепости Белуслана —

крупнейшего селения провинции, но Эфира, питающего его перья, стало не хватать, только мужчина пролетел лагерь Огня. Ему пришлось спуститься и сложить свои огромные символы бессмертия.

Приземлившись, асодианин снова напряг все мышцы и тихо застонал. Стволы, на которых крылья крепились к спине, захрустели и вскоре разломились пополам, словно сухие деревянные стебли. Огромные перья упали на землю и их кончики начали тлеть, а через несколько секунд вспыхнули столбом красного пламени. За считанные мгновения шестиметровые крылья превратились в золу и пепел. Даэв по привычке отбежал на пару шагов, чтобы не обжечься. Остатки костной ткани, соединявшей крылья и торс бессмертного воина, иссохли и рассыпались в беловатый песок. Две круглые симметричные раны на спине асодианина зашипели и спустя пару мгновений затянулись, словно их и не было никогда. В доспехах Даэва были сделаны специальные прорезы, которые открывались, когда он призывал крылья. Сейчас они послушно закрыли уязвимые места двумя металлическими пластинами.

Жрецы и исследователи лагеря Огня видели это чудо уже сотни раз, поэтому оно не вызывало у них радости или восторга. Териан подошёл к мужчине, облачённому в длинный меховой кафтан (всё же холодно кругом). На голове его было некое подобие маски птицы. Это был мастер полётов. Даэв отсыпал ему в ладонь несколько монет, сказал: «Крепость», — встал на расчерченный на камне круг и вытянул руки в стороны. Через несколько секунд воздух позади него завибрировал, и тело воина обхватила огромная почти прозрачная магическая птица. Её невесомые крылья светились голубоватыми рунами, а длинный хвост из воздушных перьев развевался где-то сзади, превращаясь в маленький тайфун. Оттолкнувшись, она взмахнула широкими крыльями и понесла мужчину в пункт назначения.

Волшебная птица-перевозчик, как её называли здесь, взмыла высоко в облака и на бешеной скорости рванула вперёд. У Даэва перехватило дыхание, но это чувство было обычным для такого путешествия. Внизу замелькали леса, заснеженные поля и горы. Пейзажи Асмодеи не были однообразными, как считали южане. В природе севера читалось спокойствие, безмятежность и... жестокость. Через полчаса птица приземлилась на таком же круге в крепости Белуслана и, разомкнув волшебные объятия, испарилась.

Это был довольно недешёвый способ перемещения, да и работал он лишь в пределах провинции, но зато имел свои преимущества. Во-первых, скорость, а во-вторых, красота пейзажа с высоты птичьего полёта.

Мастера полётов обучались в магических школах, но их работа была менее ответственной, чем дело привратника — хранителя портала: не надо было контролировать никакие разломы из одного места в другое, достаточно просто призвать птицу — она сама знает, куда лететь. Для неё эти маленькие круги на камнях были словно маяки, и она двигалась к ним почти по прямой, грациозно огибая лишь редкие вершины гор.

В большой крепости, окружённой со всех сторон высокими скалами, Даэва интересовала лавка шиги. Он быстро отыскал глазами знакомый домик с круглыми окошками и пошёл к нему по пустынным ночным улицам. Не встретив никого по дороге, асодианин вошёл внутрь, где ещё горели свечи. В небольшом помещении за низеньким прилавком сучали двое зверьков — один в маленьком кафтане и штанишках, другой в старом потрёпанном платьишке.

«Муж и жена или брат и сестра», — предположил бессмертный.

— Чего угодно Даэву в столь поздний час, кярун? — спросила шиго-женщина. Она не могла не узнать в незнакомце бессмертного по ярким переливавшимся глазам.

— Два сильных ветра и с десятков капель жизни, — протараторил Териан Лекас, подойдя к прилавку.

— Тоже сильных, нян-нян?

— Нет, обычных, — буркнул асмодианин.

— Как пожелает Даэв, нян-нян, — произнесло мохнатое создание и полезло под прилавок. Оттуда оно достало два больших флакона с белой кристаллической жижой и деревянный ящик с маленькими баночками жёлтого цвета.

Ловкими крозотными пальчиками существо отсчитало десять бутылочек, и убрало остальные обратно в ящик.

— С тебя две тысячи триста пятьдесят, — сказала самка шиго и сверкнула чёрными пуговками глаз.

— Подорожали? — спросил Даэв.

— Балауры захватили Ра-Мирен, кярун, а оттуда мы брали ингредиенты для снадобий, нян-нян...

«С каких это пор они собирают травы в огненной пустыне?» — пронеслось в голове у асмодианина, но спорить он не стал.

Териан Лекас достал из кошель на поясе несколько монет разного размера и положил их перед лапками лукавой продавщицы. Затем он расставил флакончики по кармашкам в поясе, идеально предназначенным для них, и вышел из лавки.

— Всего доброго, нян-нян, — послышалось уже из-за захлопнутой двери.

Стояла уже глубокая ночь. Даэв вдохнул свежий морозный воздух и сказал себе:

— Теперь в Бездну...

Он снова ссутулился, и сзади появились те же прекрасные чёрные крылья. Асмодианин посмотрел в небо. Между огоньками противоположной половины мира наверху сияла большая светящаяся сфера — пространственный разлом. Она находилась практически над городом, сияя и переливаясь Эфиром. Даэв взмахнул крыльями и направился напрямик к шару. Закрыв глаза, он на большой скорости влетел в неё и через мгновение оказался над огромной парящей в воздухе круглой площадью. Чуть поодаль виднелось ещё несколько летающих островов, соединённых мостами. На самом крупном из них было построено большое и высокое здание, напоминавшее дворец.

Здесь леталось намного проще: во-первых — низкая гравитация, во-вторых — отсутствие ветра, и самое главное — просто невообразимое количество Эфира в воздухе. Казалось, что здесь парить над землёй можно было целую вечность.

Даэв приземлился у ворот дворца. Стражники в доспехах сразу же поприветствовали его:

— Добро пожаловать в Цитадель Фримума.

Он кивнул в ответ и прошёл дальше в огромный почти пустой зал — лишь несколько человек что-то резво обсуждали около колонн. Справа в небольшой комнатухе пятеро легионеров играли в карты.

В Бездне нет смены дня и ночи, нет погоды и осадков. Бездна — тёмная бескрайняя пустыня, по которой разбросаны большие и маленькие парящие клочки земли. Единственным источником света здесь являлось Око Арэшурата — громадный расплавленный шар из магмы и породы, излучающий тусклое свечение, а вместе с ним

жуткий жар. Оно, как считают мудрецы, расположено в самом центре Бездны. Арэшурат, или Бездна — нестабильное пространство, созданное при взрыве солнца во время великого Катаклизма. Никто не знает, какой формы это пространство изнутри — ни один Даэв не смог долететь до его границы — либо уставал неделями лететь в одном направлении, либо банально умер от мороза, ведь в отдалении от Ока становится невообразимо холодно.

Бездна примечательна многими вещами: и огромным количеством Эфира, который она, как оказалось, высасывает из Элиоса и Асмодеи, и жуткой звенящей пустотой, и местной фауной — тварями всех мыслимых и немыслимых форм, начиная от чёрных желеобразных слизней, заканчивая здоровыми, в метр диаметром, летающими глазами. Не стоит забывать и о балаурах, которые нашли себе дом в этом хаосе, а также за сотни лет успели построить множество крепостей по всей Бездне.

Находиться в Арэшурате человеку долго нельзя: говорят, что такое количество Эфира в воздухе сводит с ума — начинаешь слышать голоса, видеть образы, а после и вообще крыша едет. Даэвам это пагубное воздействие не страшно — Эфир их питает: чем больше его вокруг, тем сильнее они себя чувствуют; но вот смертным он, как выяснили учёные, очень вреден.

Тем временем.

Морхейм. Асмодея.

— Отпусти её, прошу, я уже всё сказал, нян-нян... — взмолился торговец шиги, склонившись к ногам асмодианина в чёрном капюшоне. Одной рукой серокожий крепко держал за шкуру маленькую девочку-шиги, а другой приставил к её горлу длинный острый кинжал.

— Повтори ещё... — донёсся шёпот из тьмы.

— Говорю же, он попросил посадить его в Белуслане, кярун, рядом с проклятым городом, нян-нян. С ним были двое белокожих, кярун: девушка и мальчик, нян-нян. За всю поездку он попросил лишь еды, а ещё купил две шкуры, нян-нян. Я посадил его у лагеря, нян-нян. Больше ничего не знаю, клянусь, кярун.

Асмодианин бросил маленького зверька в руки отцу и повернулся к своим.

— Прочесать всё около Кинунгапа!.. — шёпотом приказал он. — Пустить собак, если нужно...

Стоящие позади четверо в балахонах кивнули и, словно тени, скрылись в ночи.

По ощущениям, утро уже наступило, хоть Бездна всегда выглядела одинаково мрачно. В большом двухэтажном холле собрались все легаты, принимающие участие в грядущей осаде. Они ожидали, когда выйдет военачальник Арэшурата и озвучит, какой легион какую роль будет играть.

Наконец, перед толпой появился пожилой асмодианин со светящимися глазами. Это редкое явление для Даэвов: обычно перерождаются ещё в юном возрасте. А в каком возрасте обретёшь бессмертие — в таком и останешься навечно. Мужчина подошёл к балкону второго этажа и облокотился о красивый деревянный бортик. Скучным: «Ирау» — он поприветствовал воинов и привычным холодным тоном начал доносить собравшимся важную информацию.

В отличие от военачальников Элиоса, почти все лидеры асмодиан были бессмертными. Элийцы решили поставить во главе своей расы людей, ведь, по их мнению, Даэвы должны

лишь помогать людям, а не руководить ими. Да и люди смертны, а это значит, что диктатура неуместного правителя не будет длиться вечно. Асмодиане же решили по-другому: они выбрали самых опытных Даэвов и позволили им на руководить землями. И, кстати, не прогадали: Асмодея стала процветать. Единственный смертный военачальник Асмодеи — глава Пандемониума Видар. Северяне сделали так, чтобы режим верховной власти сменялся с годами — это было выгодно всем.

Вотан, асмодианский главнокомандующий Бездной, не был исключением. Он мог без риска для себя участвовать во всех битвах — смерть Даэву не страшна. Благодаря огромному опыту, он был выдающимся воином и стратегом с острым умом и поразительным хладнокровием.

Териан нашёл глазами Исагира и подошёл к нему, чтобы узнать одну важную вещь.

— Ирау, — зеленоглазый Даэв незаметно приблизился к легату и дотронулся рукой до его плеча. Исагир слегка дёрнулся и обернулся. Своему центуриону он ничуть не удивился — на лице не появилось ни единой эмоции. — Ты предупредил Видара о разговоре с Судьёй?

— Да, — ответил легат. — Видар в бешенстве. Он извинился за Слутгельмира передо мной и отправил нас в самый, что ни на есть, авангард.

Териан искривил лицо в таинственной полуулыбке, пробормотав:

— Я рад... — и удалился — здесь было место только для глав легионов.

Через полчаса из ворот зала гордо вышли все легаты и стали разносить указания своим подчинённым. Несмотря на то, что осада начнётся лишь послезавтра, приготовления начнутся уже сейчас.

Все адъютанты и центурионы третьего легиона Пандемониума были в сборе и ждали возвращения Исагира. Он подошёл к бойцам с высоко поднятой головой и ехидной улыбкой:

— Вотан отправил нас на Восточное Крыло. После того, как ворота падут, будет наш выход.

Териан скорчил гримасу — он не любил осады крепостей Крыльев Сиэли. Эти форты располагались на юго-востоке островов нижнего кольца рядом с элийской Цитаделью. К тому же, по его мнению, там было «негде разгуляться». Около крепости Серного Дерева, которое собирались осаждать в это же время, было огромное пространство вокруг — загляденье для Даэва, решившего размять крылья.

Но раз военачальник сказал штурмовать восточную крепость Сиэли, значит, надо подчиниться. По крайней мере, так считали все... все, кроме Териана Лекаса. Хотя он и состоял в легионе и был почётным офицером четвёртого ранга, честно сказать, ему было плевать на догмы и правила.

Тем временем Исагир продолжал:

— Собираем легион и живо выдвигаемся на Восточный осколок Ратесерана! За скалами устраиваем лагерь, далее перевозим на Крыло оружие и припасы, да так, чтобы белозадые не заметили — всё, как всегда. В назначенный час начинаем атаку. Вопросы есть?

В ответ — тишина.

— Отлично, за мной!

Начались приготовления. В нескольких десятках километров от крепости за высокими пиками скал втайне от элийцев были спрятаны припасы, необходимые для осады. Туда же на воздушных кораблях перевезли осадные машины.

От лагеря асмодиан открывался вид на обе крепости Крыльев Сиэли. За сутки до начала штурма все легионы были уже на позициях, а разведгруппы исследовали обстановку в стане

врага. Часы неумолимо тикали, приближая момент осады.

Дни для Эви шли медленно — не было ни развлечений, ни того, с кем можно поговорить на серьёзные темы. Только маленький Кай составлял ей компанию. Время девушка проводила за чтением разных сказок на элийском — другой литературы на доступном ей языке здесь не было. Мальчик, как оказалось, не умел читать, поэтому, раскрыв рот, лишь слушал её милый тонкий голосок.

Элийка считала часы до того дня, когда она сможет отправиться домой, к родным. Жаль, что её любимого Дариуса она уже никогда не увидит — эта мысль ей не давала покоя.

За окном погода менялась ежечасно — то стужа с метелью, то солнце. Эви поглядывала в окно и чувствовала своё одиночество в этом далёком асмодианском лесу. Но она была вовсе не одинока здесь. Кроме Кая за ней следило ещё несколько более опасных и таинственных глаз.

Безмолвных невозможно разглядеть: они были не просто мастерами маскировки — их скрытности не было равных. Уже на второй день они напали на след Териана, и он привёл их к этому дому. Тени знали, что Даэв — в Бездне, значит, следить за ним не надо. Они собрали достаточно информации об этих двух элийцах и отправили в Пандемониум гонца, чтобы тот доложил обо всём Верховному Судье.

— Вот, значит, как! Он укрывает дома двух белолицых... Этого достаточно для того, чтобы публично назвать его предателем Асмодеи и развоплотить! — рассуждал Слутгельмир в присутствии гонца-ищейки. — Кто-нибудь ещё об этом знает?

— Нет, господин... — знакомый шёпот из-под балахона.

— Отлично... — судья довольно постучал пальцами по столу.

— Как нам поступить с элийцами? Убить их?

— Ни в коем случае! — воскликнул мужчина. — Нужно понять, зачем этот Даэв их держит у себя. Не спускайте с дома глаз. Рано или поздно он туда вернётся...

— Слушаюсь... — прошипел Безмолвный Исполнитель и бесшумно удалился.

Слутгельмир довольно улыбнулся. У него есть козырь, и он теперь знал, как им воспользоваться. Какое же это чудесное чувство, когда жизнь других людей зависит от твоей воли! Судья боготворил это чувство. Чтобы воплотить свои грандиозные планы в жизнь, нужно иметь в рукаве много козырей. И он был уверен, что скоро соберёт их достаточно.

===== Часть 1. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 8.

Отредактировано.

Арэшурат. Край Восточного Крыла Сиэли.

— Элийское командование решило отвести по четыре легиона от крепостей Сиэли, — уверенно сказал асмодианский разведчик. — У них нет людей, чтобы патрулировать острова — они не знают о нашем присутствии.

— Замечательная новость! — похвалил его асмодианский генерал и развернулся к войскам. — Выдвигаемся!

Лагерь зашевелился. Огромные колёса осадных машин сдвинулись с места. Даэвы расправили крылья, а смертные собрались в строй и дружно пошагали вперёд.

— Во славу Асмодеи, братья мои!

Округу озарил звонкий отклик: «Ура!»

Две крепости, расположенные в нескольких десятках километров друг от друга, нарекли

так в честь Служительницы Вечности Сизэли, которая вместе с Израфелем пожертвовала собой во имя спасения мира. Сверху два относительно небольших острова, на которых и находились эти укрепления, действительно немного напоминали распахнутые крылья. Поэтому прозвали их соответственно Западным и Восточным Крылом.

Восточная крепость не подозревала о скорой атаке. Патрульных на башнях было мало, гарнизон внутри тоже не блистал количеством. Форт представлял собой две круговые стены — внешнюю и внутреннюю. За стенами располагались казармы, арсеналы и другие сооружения. Командование находилось в подземном укреплении. Чтобы официально захватить крепость, нужно было проникнуть туда и взять под контроль все объекты инфраструктуры: башни, арсеналы, склады и штаб командования. Казалось бы, простая задача, но не всё так просто.

Над внешней стеной висел непроницаемый Эфирный купол для того, чтобы в крепость нельзя было проникнуть с воздуха. Он защищал её как от асмодиан, так и от балауров, если они вдруг начнут атаковать форт со своих летающих кораблей.

Попасть в крепость можно было лишь одним способом — через ворота, либо проделав сквозную щель в стене. Дальше стоит разрушить механизм, питающий Эфиром защитный барьер. Тогда купол исчезнет, и Даэвы смогут воспользоваться своим крылатым преимуществом.

Двенадцать асмодианских легионов было задействовано на осаду Восточного Крыла. Ещё тринадцать — на Серное Дерево.

Странное название легко объясняется. Неподалёку от крепости из земли источаются плотные пары горячей серы, а, если глянуть издалека, то можно увидеть, что множество мелких островов вокруг обвиты толстыми, диаметром в несколько метров, лианами, похожими на корни огромного дерева. Отсюда и прозвище — Архипелаг Серного Дерева. Ядовитый газ ужасно режет глаза — это усложняет захват крепости, но зато огромное открытое пространство делает её лёгкой мишенью для осадных машин и огненных катапульт.

На Восточном Крыле зазвучали колокола — сигнал бедствия. Элийские стражники не успели занять свои позиции, как в толстые каменно-металлические стены укрепления полетели огромные глыбы породы, пущенные из катапульт. Стены на протяжении вот уже сотен лет держатся и не рушатся. Но каждый новый удар может стать последним...

Форт сотрясают оглушительные взрывы от ударов осадных машин. Защитный барьер пульсирует на полной мощности — и вот из-за скалы, торчащей прямо из земли, показываются первые колонны врага. Лучники открывают огонь. Небольшие пушки на башнях обороняются, метая снаряды в ряды захватчиков. Снова война. Снова кровопролитие.

Асмодиане, не тормозя, выставляют над собой огромные щиты, почти с человеческий рост, чтобы защититься от стрел и снарядов. Из-за поворота выглядывает здоровенный таран на десятиметровой тележке. Бойцы, везущие его, стараются закрыть машину от вражеских ударов своими щитами. Расстояние неумолимо сокращается. Столкновение.

Катапульты, машины и таран начинают яростно долбить по воротам. Аканы, управляющие тараном, накрывают свои головы щитами, чтобы падающие обломки не ранили их.

Ровный, но оглушительный стук и металлический звон раздаются по всей округе. Ворота ещё держатся. Но надолго ли? Огромные пятиметровые створки скрипят и стонут под натиском вражеских орудий.

Элийские лучники не справляются со своей задачей — их слишком мало. К тому же у асмодиан слишком толстые щиты. Командование решает звать подкрепление с Западного Крыла. Ровно на один миг ворота с обратной стороны крепости открываются, чтобы выпустить белокрылого Даэва, пулей вылетевшего за помощью. Через секунду снова глухой стук — заперто. Элийский бессмертный набирает предельную скорость, которую ему позволяют крылья. На миг он оглядывается и видит чёрную тучу асмодиан, потихоньку опоясывающую форт. Он молится Айону: «Хоть бы успеть!..»

Воин уже видит появляющиеся из-за скалы башни Западной крепости, как вдруг — щелчок! Даэв не успевает ничего понять — только сильнейшая боль в горле и горячая пульсирующая фонтаном кровь, заливающая рот. Он подносит трясущуюся руку к шее и дотрагивается до рукояти ножа, торчащего из глотки, лезвие которого только что перерезало ему артерию.

Белые крылья в мгновение обмякли, и поражённое тело бессмертного воина штопором полетело в бездонную пропасть между островами.

Меткий бросок опытного противника. В двадцати метрах от падающего элийского Даэва парит Териан Лекас, держа наготове ещё пару острых, словно бритва, ножей.

Асмодианские крылатые воины пока не вступили в битву — ворота не разрушены, защитный барьер не обесточен. Их задача сейчас — кружить в паре сотен метров от крепости и пресекать любые попытки врага выбраться из окружения. С десятков летящих, как пуля, чёрных птиц накручивает круги у окраины Восточного Крыла Сиэли, устремив острый орлиный взор на слегка светящийся прозрачный Эфирный щит.

Ворота скрипят всё сильнее — долго не продержатся. Командование элийцев ещё не знает о провале с подкреплением. Оно решает собрать все силы вглубь крепости и защищаться как можно дольше, ожидая подмоги. Воины экстренно отступают от ворот, стен и башен. Они понимают, что сами они не выстоят против армады серолицых.

— Быстрее! Быстрее! Быстрее! В укрытие! — подгоняют бойцов офицеры.

Ещё один удар, и ворота падают. Замах! Звон вместе с истошным скрежетом — тяжёленные створки падают на ещё оставшихся у врат защитников города.

Ликующие крики асмодиан — одна преграда преодолена. Остались внутренние ворота — менее толстые и прочные. Всего нескольких ударов хватает, чтобы огромные петли безнадёжно вырвало из стен.

Взору серокожих легионеров открывается внутреннее убранство восточной крепости Сиэли. Элийцы торопятся в центр форта. За ними, яростно рыча, бегут асмодиане.

Увидев, что ворота пали, Даэвы третьего легиона Пандемониума по команде бросают патрулирование острова и влетают в открывшийся проход. Их задача — опустить Эфирный барьер.

Какой-то отчаянный элиец забегает на башню и поворачивает здоровый стреломёт внутрь, направляя его на продвигающуюся всё глубже армаду. Это отличное оружие против Даэвов — острые стрелы насквозь пробивают перья, и бессмертные на несколько минут теряют возможность летать — пока не смогут снова призвать свои блестящие крылья.

Элиец открывает огонь по влетающим внутрь Даэвам. Удача! Он смог поразить двоих! Они, закружась в порванных крыльях, падают на землю. Ещё двое Даэвов остаются невредимыми и уже летят расправиться с наглым смертным. Он отчаянно пытается попасть во врага, но они ловко уворачиваются. Отбежав от орудия, он хочет спрыгнуть с башни, но когти асмодиан оказываются быстрее. Один из тёмных Даэвов хватается его лапой за ногу и с

размаху бросает о крепостную стену — после такого удара шансов выжить нет.

Териан Лекас залетает в ворота последним. Он набирает высоту, дабы оценить обстановку.

«Впереди двое, справа один...» — шепчет внутренний голос Даэва.

Асмодианин сворачивает крылья в суставах и буром летит вниз, чтобы сразить двух белокрылых бессмертных, только что взмывших в воздух.

Ловким движением он достаёт пару самых длинных мечей из своей коллекции и, словно лопастями, разрезает воздух там, где ещё мгновение назад была пустота. Даэв просчитал траекторию полёта врагов так, чтобы одним ударом покончить с обоими. Миг — один меч перерезает горло одному, окропив алой кровью белые крылья, второй — разрывает крыло другому, отчего тот начинает падать вниз. Асмодианин успевает схватить его за плечо и с разворота лезвием клинка обезглавливает его.

«Минус два», — машинально считает он.

Краем глаза Териан всё это время следил за третьим Даэвом, летевшим прямо на него справа. Асмодианин замирает в воздухе, мерно взмахивая чёрными, как смерть, крылами, в ожидании врага. Элиец в полёте делает яростный замах двуручным мечом. И вот он момент, когда от серокожего бессмертного должны были остаться две половинки, но каким-то невообразимым образом асмодианин искривляется так, что клинок рассекает воздух над его шевелюрой, а сам он оказывается за спиной белокрылого. Териан хватает одной рукой, уже освободившейся от меча, его за основание крыла, а другой... Голова элийца летит вниз на поле боя, а пернатое тело врежется в стену.

«Больше нет...» — твердит всё тот же внутренний голос.

Перья Териану больше не нужны — живых Даэвов у врага не осталось. Он пикирует в самый авангард атаки и, силой мысли оторвав себе крылья в паре метров от твёрдой поверхности, ловким кувырком приземляется. Где-то сзади его чёрные спутники загораются и через несколько секунд обращаются в пепел, но бессмертного это не волнует. Он направляется к механизму, который отключает барьер.

Ровным спокойным шагом он идёт к скоплению элийцев у машины, питающей Эфиром щит. Териан Лекас видит на себе их изумлённые и опоенные яростью взгляды, но они его не волнуют. Он даже убрал оружие — шесть мечей покоятся в ножнах по бокам, ожидая своего часа. Даэв идёт впереди всех. Ему всё равно, будут ли его атаковать или нет, и в голове у него пусто — ни единой мысли. Где-то в паре метров от него взрывается бочка с порохом — зеленоглазый асмодианин даже не моргает — он знает, что взрывная волна его не достанет — чутьё контролирует всё. Оно бесперебойно сканирует пространство вокруг себя и транслирует в голову всё, что видит. Асмодианин словно наблюдает за собой со стороны — с любого ракурса, какого пожелает. Териан чувствует всех врагов, которые у него за спиной, он знает, когда они нападут и какое движение сделают через секунду. Он даже отчётливо видит их яростные лица, словно ему позволено заглянуть в будущее на несколько мгновений. Этого достаточно, чтобы понять, как уклониться и куда вытянуть меч, дабы враг сам напоролся на острое лезвие.

Териан Лекас приближается к механизму. Семеро элийских стражников встают в стойки и прижимаются друг к другу плотнее. Их пугает равнодушный взгляд блестящих глаз и размеренный шаг Даэва.

Вдруг один из них не выдерживает и, громко закричав, замахивается алебардой. Асмодианин мгновенно перемещает на него хищный взгляд — ярко-зелёные глаза

вспыхивают красным огоньком, а мышцы напрягаются. Даэв уже знает, куда надо шагнуть, чтобы уклониться, какое слабое место поразить, какой по длине меч для этого взять — в его голове всё моментально складывается в схему действий. Затем он как бы нажимает кнопку «старт», и тело послушно выполняет всё по заданному алгоритму. Никаких усилий, никаких раздумий — на это нет времени: всё машинально.

«Шаг влево, прогнуться назад, левая рука вперёд и вверх...» — древко алебарды врага ударяется о металлический нарукавник.

«...Кувырок под лезвием и отвод от себя...» — двуручный топор вонзается в землю.

«...Согнуть правую ногу, правой рукой достать палас, вытянуть руку, разворот...» — Даэв подсекает ногу элийца, тот начинает падение на спину.

«...Оттолкнуться правой ногой, убрать палас, бросить левой рукой даггер в правую, выпрямиться, расслабить ноги, прижимающий удар лезвием вниз в незащищённое основание шеи», — падающий воин успевает увидеть, как к его горлу для смертельного колющего удара приближается короткий тонкий меч. Ещё в воздухе элийца настигает острие клинка и, пронзив мягкую ткань насквозь, прижимает к земле. Конец.

Все эти команды построились в голове Даэва моментально, когда враг ещё только замахивался.

«Он сам избрал свою участь», — пролетает в голове Териана.

Остальные элийцы не успевают среагировать. Только видя склонившийся над их товарищем силуэт асмодианина, они, не раздумывая, бросаются на него.

Даэв успевает оценить ситуацию. В его мыслях появляется некоторое разочарование, но на лице не отражается ничего. Он вынимает окровавленное лезвие из тела ещё живого элийца и начинает новый танец смерти.

Стрелки часов медленнее отбивают секунды, чем серокожий бессмертный наносит смертельные удары новому и новому противнику.

«Раз, — мысленно считает он, и первый воин обнаруживает в своей груди глубокую рану. — Два, — второй вскрикивает от колющей боли в спине. — Три, — ещё одно перерезанное горло. — Четыре, пять».

Пятеро элийцев почти одновременно в неестественных позах падают на землю.

Даэв смотрит на последнего оставшегося из семерых воина, но тот так и не решается напасть. Он дрожащими руками держит в руках щит и пятится назад. В его глазах видно отражение неумолимого ужаса.

Териан равнодушно обходит человека, приближается к механизму и достаёт из своей коллекции средний по длине, но самый широкий меч — палас. Он замахивается, и лезвие пробивает торчащее из земли устройство, испускающее светящийся луч в центр барьера.

Луч тотчас исчезает. Купол тает на глазах. Оставшиеся снаружи Даэвы с воплями влетают в пространство над крепостью и, словно коршуны, с воздуха начинают убивать своих жертв.

Элийского сопротивления почти не остаётся. Выжившие успевают забраться в подземный штаб командования. Тем временем легионеры Асмодеи захватывают склад за складом, арсенал за арсеналом. Полупустая крепость быстро переходит во владение серокожих.

Воины в чёрных доспехах отпирают двери в штаб, завязывается последняя битва.

Териан Лекас остаётся снаружи наблюдать за происходящим.

«Даже Даэвы не понадобились, — думает он. — Зря только оружие о железку сточил».

Тем временем из подземелья доносится громкий радостный вопль — крепость захвачена. Какой-то Даэв отправляется в Цитадель рассказать об этой весте, остальные начинают разбирать завалы и собирать трупы павших воинов с обеих сторон.

Кажется, конец кровопролитию. Но не проходит и получаса, как караульный асмодианин с башни громко кричит:

— Элийцы с Западного Крыла! Четыре легиона! Есть Даэвы!

Захватчики переглядываются и миглом начинают готовиться к обороне только что взятой крепости: залатывать дыры в стенах, заново устанавливать и чинить ворота. Значит, враг всё же заметил осаду соседнего форта.

Тем временем почти весь гарнизон западной крепости Сиэли — чуть меньше тысячи воинов возводил временный мост между островами.

— Вывозите наружу осадные машины и катапульты! Не дайте им построить мост! — скомандовал серокожий генерал, управлявший осадой.

Сказано — сделано. Четыре огромных метательных сооружения выдвинули из крепости так, чтобы они доставали снарядами до элийцев. Надо сказать, что это решение стало решающим в исходе всей битвы. Только светлая армия перебрасывает тросы и доски на ту сторону — тут же залпом орудия конструкция летит на дно Бездны. Застигнутые врасплох элийцы становятся лёгкой добычей. Многие сотни воинов погибло в попытке установить переправу, остальные, поняв бессмысленность дальнейшей осады, побежали обратно в западную крепость.

Несмотря на то, что основные силы в сражениях, всё равно — люди, между островами Бездны не существует постоянных мостов. Причины этому просты. Во-первых, острова дрейфуют по Арэшурату. Они не парят на месте, а медленно движутся. Построить каменный мост между такими глыбами породы невозможно. Во-вторых, для безопасности. Воздушные корабли легко заметить, поэтому для эффекта неожиданности атака начинается с земли. Если надо возвести переправу — это быстро сделают. Когда же её нет, время на переброску войск и припасов занимает сутки, а то и недели, значит, обороняющиеся успеют подготовиться.

Арэшурат делится на зоны влияния между элийцами, асмодианами и балаурами. Несмотря на кажущуюся безжизненность, около крепостей можно найти много полезных ископаемых и редких металлов, очень ценных для производства. Руды Бездны обладают уникальным комплексом прочности и мягкости, что весьма кстати при ковке чего угодно.

Также по Бездне путешествуют из Элиоса в Асмодею и обратно караваны шураков и шиги. Они останавливаются в крупных крепостях, чтобы пополнить запасы. Торговля с этими караванами очень важна и, как бы это цинично не звучало, оправдывает сотни и тысячи смертей во время осад.

Ну и самое главное: захватив все крепости Бездны, можно безопасно подобраться к вражеской Цитадели — ведь некому теперь заходить в тыл. Говорят, если использовать огромную силу, то можно обрушить защитный барьер над вражеским лагерем. Захватив Цитадель противника, вы получите неограниченный доступ на другую половину Атреи. А, значит, сможете начать захват территории врага и разрушить противоположное основание Башни Вечности. Тогда «магнит» потеряет один полюс, Бездна исчезнет навсегда, и ценный Эфир перестанет утекать в пустоту — так говорят мудрецы.

Стоит добавить, что без осколка Башни Вечности половинка мира потеряет весь Эфир — он утечёт на другую часть Атреи, и жизнь там в одночасье прекратится...

Элийцы поняли, что так и не смогут отбить восточную крепость — слишком много играло против них. Тогда белокрылые Даэвы, коих было всего шестеро, пошли на отчаянный шаг.

Среди них был и Даймон. Он оказался прав — его послали в Арэшурат. Мужчина прекрасно помнил про обещание Дариусу и решил во что бы то ни стало выполнить его.

— Даэвы! — закричал он, уворачиваясь от всё новых и новых асмодианских снарядов. — Слушать мою команду! Прoberёмся в их крепость и переполошим там всю серозадую нечисть! Нам нечего терять! Впе-ерёд!

Крылатые воины криками и воплями поддержали его — хотелось как можно яростней отомстить проклятым асмодианам за стольких погибших.

Двенадцать белых крыльев вразнобой направились на Восточное Крыло. Пятеро Даэвов выбрали себе по несколько жертв, грозно вопя, оголили оружие и ринулись в атаку. Сколько асмодиан они отправили на тот свет, прежде чем сами растворились в потоке Эфира, — неизвестно.

Даймона же интересовало другое. Пролетая над крепостью и окрестностями, он искал внизу знакомые лица, ведь понимал, что легион Бездны не может не участвовать в осаде.

Наглости Даэву хватило даже на то, чтобы, ловко уклонившись от всех стрел, приземлиться прямо в центре форта и показательно расправить белоснежные крылья.

— Ну? — рывкнул он. — Кто на меня?

Тут же со всех сторон на него набросились вражеские аканы. Даймон достал свою начищенную алебарду и стал кромсать всех, кто подбирался к нему ближе, чем на три метра. Никто из смертных воинов не мог достать даже до блестящей брони Даэва — алебарда с огромным широким лезвием, вертясь в его руках, как юла, настигала каждого смельчака.

Но ждал элиец их: Исагира или Териана. Он надеялся, что они здесь.

Даэв в бронзовой броне узнал старого знакомого и, ехидно ухмыльнувшись, ринулся к нему.

Выставив щит впереди себя, Исагир блокирует размашистую атаку Даймона и разворотом подбирается на расстояние удара. Элиец ждал этого. Он нарочно падает на спину и подсекает асмодианина ногой — тот падает. В мгновение над горлом Исагира захлопывается замок из древка двуручного топора. Довольный Даймон встаёт над лежащим врагом и, сурово выставя ладони в стороны, говорит тем самым подступающим асмодианским аканам: «Даэвы сами разберутся». После чего он заглядывает в равнодушное, но слегка удивлённое лицо серокожего бессмертного и произносит:

— Ну что, теперь поговорим?

Тот устало вздыхает, выражая тем самым: «Ну, валяй».

Даймон склонился над его головой и спросил, приподняв брови:

— Где девушка?

— Какая девушка? — с сильным северным акцентом буркнул асмодианин.

— Та, которая подбежала к твоим ногам там, в Ингисоне и та, которую ты взял в плен.

— А-а-а, — смекнув, о ком идёт речь, улыбнулся Исагир и схватился за древко алебарды, но Даймон не позволил ему выбраться. — Кажется, она в темнице где-то в Келькмаросе. А какое тебе дело?

— Это не имеет значения, — грозно промолвил элиец. — Она ещё жива?

— Это не имеет значения... — широко улыбнувшись, отрезал асмодианин.

Даймон скорчил гримасу и собирался было вытащить из земли орудие, чтобы

прикончить Даэва, но вдруг его в бок что-то сильно ударило и отбросило на несколько метров.

Он кубарем покатился в сторону и рывком вскочил на ноги. Крылья за спиной ещё мешали ему, но отрывать он их не стал, потому что понял, что скоро снова окажется на кибелиске. Териан Лекас появился из ниоткуда. Он вызволил легата из-под замка элийца, отбросив его алебарду прочь.

Зеленоглазый уже подошёл к безоружному Даймону, чтобы покончить с ним, но сзади вдруг донёлся смешок Исагира:

— Представляешь, этот идиот явился сюда, чтобы спросить про ту девчонку из Ингисона.

Териан мгновенно понял, о ком он говорит, и, несмотря на сильное удивление, спросил хладнокровным голосом, всё ещё не сводя глаз с элийца:

— И что ты сказал ему?

— Что она в Келькмаросе.

— Ясно, — буркнул Териан и достал короткий меч из своего арсенала, уже поравнявшись с Даймоном.

— Отруби голову, прошу... — шепнул белокрылый.

Асмодианин едва заметно кивнул и одним молниеносным взмахом снял голову с плеч Даэва. Тело рухнуло на землю, и перья мягко укрыли останки элийца.

Исагир подошёл к Териану, скорчив гримасу:

— И что ты всем головы отрубаешь? Мог бы сердце пронзить, чтоб на кибелиске дольше мучился...

Офицер промолчал. Постояв немного около расстелившихся у его ног белых крыльев и подумав о чём-то, он развернулся и медленными шагами отправился в штаб командования — нужно разобрать документы, написанные по-элийски, а из асмодиан их язык мало кто знал.

На следующий день.

Элизиум. Порт Странников.

— Вы просили нас прийти, господин Даймон, — поклонился Даэву глава семейства ан Грейв.

Рядом расхаживала туда-сюда не находящая себе место Фемисса. На ящике чуть в стороне сидел взволнованный Дариус, уже без повязки на шее, но с широкой полосой шрама — отпечаток от того случая теперь останется навсегда.

— Да, — его голос был печальным. Родители поняли, что вести плохие. — Я выяснил у Исагира, где сейчас Эви...

— Ну же! Не томите! — взмолилась мать.

— Она жива? — спросил отец и схватил Даэва за плечи.

— Что с ней? — тихо спросил Дариус.

— Он сказал, что ваша дочь — в Келькмаросе.

— О, нет... — зарыдала женщина.

— С ней всё в порядке? — так и не отпустил бессмертного Ромул.

— Этого я узнать не смог...

— Что же теперь делать? — не унималась Фемисса.

Дариус подошёл к Даэву и решительно заговорил:

— Я направляюсь туда! Прямо сейчас! И мне плевать, что Вы скажете!..

— Каким образом ты туда попадёшь? — повысил голос бывший легат.

— Не знаю... На корабле шиго!

— Не смеши меня...

— А что Вы предлагаете? Сидеть здесь и ждать, пока она там погибнет с голоду? — сквозь хрип и кашель кричал юноша. — Ну, нет! Не дождётесь.

— Это бессмысленно! Ты не попадёшь даже на восток Ингисона. А дальше — тоннель в виде лабиринта, из которого ты в жизни не найдёшь выход! Предположим, что ты не погиб в тоннеле, — попытался образумить парня опытный Даэв. — Ну, вот попадёшь ты в Келькмарос и что? Даже если не наткнёшься ни на кого, что маловероятно, как ты вызволять свою невесту собираешься? Придёшь туда и попросишь?! Тем более неизвестно, где именно её прячут...

— Это уж лучше, чем сидеть тут и ничего не делать!

Вид Ромула был жалким: он готов был уже на коленях просить, чтобы Даэв отправился на поиски его дочери.

— Прощу! Умоляю! Соберите отряд! Я заплачу, сколько есть! Если будет мало, возьму ещё!

— Мне не нужны ваши деньги, — с нотками обиды в голосе произнёс Даймон. — Не отправлять ребят на верную смерть я не буду.

— Я готов! — сурово воскликнул Дариус.

— Успокойся, малец! — рявкнул Даэв и, подумав немного, сказал. — Мне кажется, Териан Лекас может что-то знать. Сначала спрошу у него.

— Время идёт... — отрицательно мотал головой Ромул.

— Другого выхода нет. Я сообщу, когда что-то узнаю, — отрезал бессмертный и добавил, обратившись к ан Грейвам. — А Вы возвращайтесь в Юфросин. Нечего вам тут делать. Да озарит ваш путь Свет Айона, — отсалютовал Даймон и оставил родителей и юношу в одиночестве.

===== Часть 1. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 9.

Отредактировано.

Элизиум. Храм Стражников.

За круглым столом в зале заседаний сидели всего два человека: Фаметес ан Ривен — военачальник Элизиума и Фаранис ан Дейл — главнокомандующий Арэшуратом.

— Я выполнил Ваш приказ... — скрипел зубами Фаранис. — Довольны? Я-то думал что Вы собираетесь отвоёвывать Ингисон, что уже всё готово... Если б я знал реальную обстановку дел, никогда не пошёл бы на это!

— Я не мог знать, что такое случится... — часто заморгал юный лидер Элиоса.

— Две ключевые крепости... — причитал мужчина. — И чуть не потеряли третью... И где же сейчас мои легионы?!

— На пути в Балаурию... — он сделал паузу и тоже повысил голос. — Но не вся вина на мне! Вы, господин Фаранис, должны были знать о грядущей атаке! Где была Ваша разведка?

— Мы знали о нападении на Серное Дерево, и мы подготовились...

— Я вижу, — промышчал Фаметес.

— Как можно сражаться шестью легионами против тринадцати?! — вскочил с кресла мужчина, оперевшись руками о стол. — Мои люди бились до последнего! Осада длилась одиннадцать часов, в то время как Восточная Сиэль сдалась за час! Не смейте сомневаться в

моих воинах! Они отдали жизнь!

— Это наша общая вина, — проговорил юноша, опустив лицо вниз. — Нет, не отрицайте! Мы можем винить друг друга бесконечно, но смысла в этом уже нет...

Военачальник Арэшурата глубоко вздохнул и потёр пальцами виски, затем нервно зачесал ладонью короткие русые волосы и остро посмотрел на правителя.

— У нас остались Западная Сиэль и Кротан, — попытался успокоиться Фаранис и сел на место. — Я уверен, что балауры воспользуются нашей слабостью и попробуют отбить крепость Кротан. Нужно отправить туда легионы немедленно.

— Вы предлагаете развернуть те восемь?

— Конечно! Восемью легионами Ингисон не отвоевать, а Кротан спасти можно!

Фаметес тяжело вздохнул: получается, всё было напрасно.

— Хорошо... я вышлю за ними. А что с западной крепостью Сиэли?

— Им неплохо досталось после вчерашнего. Я вынужден был направить туда все резервы... даже стражу Цитадели Тэминона, — он настойчивым взглядом вцепился в главу Элизиума. — Нельзя терять её, господин Фаметес! Потеряем — путь на Цитадель открыт...

— Я понял, — с горечью пробормотал юный правитель. — Хорошо. Я готов пожертвовать стражей Элизиума — это легион.

— Благодарю. Из Ингисона войска вывели? — поинтересовался военачальник Бездны. В его голосе ещё читалось недоверие и презрение.

— На северном аванпосту ещё обороняются два легиона...

— И какой же в этом смысл? — издевательски усмехнулся Фаранис. — Одна крупная битва, и им конец. Вы просто бесполезно расходуете людей, господин Фаметес!

— Это не моё решение, а Посланника Кайсинеля... — оправдывался юноша.

— К балауру Посланника! В первую очередь, думайте о людях! Эти три сотни — лёгкая нажива для асмодиан. А в Арэшурате они были бы незаменимы. Мы бы отвоевали всё потерянное!

— Я переговорю с Кайнусом... — ровным голосом произнёс Фаметес, но Фаранис не дал ему договорить. Он ударил кулаками по столу и вскочил с места. Что-то громко пробурчав, он распахнул двери зала и ушёл прочь.

«Малолетний кретин! — ругался про себя военачальник Бездны. — «Я переговорю с Кайнусом»... Вот же идиот! Как можно было поставить во главе Элиоса ребёнка? Всякому терпению приходит конец...»

Фаранис вышел в просторный холл и огляделся — вроде никто не смотрит. Он обдумал, что собирается предпринимать в первую очередь и со сладкой мыслью о скором конце этого бреда направился на встречу с одной очень важной персоной.

Этим вечером.

Элизиум. Таверна «Храм Бахуса».

В уединённом помещении питейного зала была закрыта дверь. Внутри обсуждали что-то важное. Судя по голосам, это были двое мужчин. Надо сказать, что они не особо выбирали выражения во время беседы. Разговор слышно не было, изнутри доносились лишь обрывки фраз:

«Я понимаю Вас... Да, дело серьёзное... Полностью разделяю... Беру на себя... Не должны знать... Даю слово...»

Голоса стихли. Дверь открылась. Озираясь по сторонам, из приватной комнаты вышло

двое мужчин, не скрывавших за балахонами или плащами свои личности. Все в округе знали, что люди из их кругов появляются тут чуть ли не каждый день, да и эта парочка частенько сюда заглядывает.

Первым гостем был военачальник Арэшурата Фаранис ан Дейл. Второй же собеседник был птицей ещё более высокого полёта. Его легко узнавали в толпе по длинным чёрным вьющимся волосам и большим очкам. Все считали его доблестным и преданным Элизиуму человеком. Он сам, по его словам, ценил храбрость и повиновение приказам. А что ещё мог сказать о себе главный человек при дворе и советник военачальника Элизиума? Звали его Раверинтос, и был он Верховным магистром Ордена Миразента.

Тем временем в Храме Стражников проходила другая встреча: Фаметес ан Ривен пригласил к себе Кайнуса — Посланника Кайсинель и хранителя крепости Иллюзий Ингисона.

— Правитель Элизиума, Владыка Кайсинель пожелал не отдавать Ингисон, — медленно говорил милозвучным струящимся голосом старейший Даэв Элиоса. — Не сомневайтесь в мудрости Владыки...

— Я не могу, господин Кайнус... — пытался возразить Фаметес.

— Я не Ваш господин... Ваши господа — Ариэль, Юстиэль, Байзел, Неджакан и Кайсинель. Их воле мы все должны подчиняться...

— В Бездне творятся ужасы. И её мы можем отвоевать, а Ингисон — уже нет, — печально проговорил последние слова юноша.

— Бездна — проклятая земля. Это земля балауров. Пусть балаурской и останется, — словно напевал Кайнус.

— Дело в безопасности Элизиума! Отдать крепости Бездны равносильно тому, что подписать нашей расе смертный приговор!

— Воля Ваша, правитель Элиоса... — заговорил Посланник разочарованно, едва не шёпотом. — Но знайте, что на избранном пути обратной дороги нет...

Фаметес опять впал в раздумья.

«Ну что за жизнь такая?» — гневно донимал себя юноша.

«Думай о людях...» — голос совести взывал его послушаться Фараниса.

Спустя минуты безуспешного поиска доводов против вывода войск из Балаурии, правитель взял себя в руки и произнёс:

— Я вызволяю людей из Ингисона!

Глаза Кайнуса поникли ещё сильнее. Безудержная печаль читалась в ярко-голубых светящихся глазах бессмертного Посланника. Наконец, он сказал своё последнее слово:

— Жаль, что Вы так быстро сдались... — и удалился.

Фаметес остался один и велел страже, ждущей за дверью, немедленно предупредить начальника порта о приказе вывезти оба легиона из земель балауров. Также он скомандовал собрать ровно один легион из патруля Элизиума и направить его в Арэшурат под предводительство военачальника Фараниса.

Покорнейше кивнув: «Слушаюсь!» — стражники поторопились исполнять указания своего повелителя.

Фаметес вышел на балкон своих покоев. С такой высоты был виден не только Элизиум, но и Элиан, Бертрон, Фозта. Вдали темнели очертания основания разрушенной Башни Вечности.

Юношу тревожила всего одна мысль: а готов ли он руководить Элизиумом? Только что

из-за его глупости погибли тысячи человек, и раса потеряла две важные крепости Бездны. Как хорошо было раньше, когда Элиосом правил его отец, а он, несмышлёный ребёнок, беззаботно играл и шлодничал. Но судьба приготовила ему испытания, и детство закончилось в один миг.

Отец его был выдающимся правителем. Он не боялся битв и сам участвовал во многих, хоть и был смертным. Люди шли за ним, как за настоящим лидером. Это при его правлении был освоен Ингисон и захвачена половина Бездны. И погиб он, как герой, — в битве с балаурами у Срединного Хребта в Ингисоне.

Когда старого военачальника не стало, пал выбор, кому отдать престол. Орден Миразента во главе с Раверинтосом предложил Фаметеса, его единственного сына. Мать его трагически погибла спустя год после отца — болезнь. Совет военачальников поддержал Орденцев, и тринадцатилетний мальчик стал главой Элиоса.

Первые два года юный Фаметес пользовался советами Раверинтоса и Ордена Миразента. Фактически, в то время Элизиумом правил Орден. Немного повзрослев, мальчик стал принимать самостоятельные решения, не всегда разумные, но никто спорить с его волей не мог — он военачальник небесного города, он — главнокомандующий армией Элиоса. С тех пор власть Ордена медленно угасает. Хотя всё ещё довольно часто Фаметес обращается за помощью к своему верному советнику — Раверинтосу.

И вот теперь, когда юноша поступил так, как считал нужным, Элиос потерял и Ингисон, и почти всю Бездну — то, что непосильным трудом наживал его отец. Достоен ли он называться его сыном? Достоен ли он руководить Элиосом и вести расу к процветанию? Вот какие вопросы задавал себе Фаметес, вглядываясь в туманный горизонт заката.

Цитадель Фримума. Арэшурат.

За столом в небольшом кабаке сидели трое бессмертных: Исагир, Альфир и Териан Лекас. Вокруг было много воинов — все они обмывали успешный штурм.

— А всё-таки мне интересно, — ехидным голосом начал легат в бронзовой броне. — Зачем это светлозадому Даэву понадобилась та девка?

Териан обнаружил вцепившиеся в него взгляды обоих собеседников — дурной знак. Как всегда, он скрыл внутри себя все чувства и эмоции, а выдал лишь с показной ухмылкой:

— Балаур его знает... — взгляды товарищей по легиону никуда не делись. Поэтому Даэв решил перевести разговор на другую тему. — Слутгельмир больше ничего не хотел?

— Нет, — словно очнулся Исагир и пригубил новый стакан хмельного. — Мне кажется, Видар ничего ему не сделает. Он как никак не совершил ничего дурного.

— Пока нет... — отозвался Териан.

— Слутгельмир — странная персона, — продолжил легат. — Как и все Безмолвные.

Даэвы дружно посмеялись. Териан Лекас тоже натянул улыбку и мельком глянул в сторону. Что-то там, в другом углу кабака не давал ему покоя. Даэв присмотрелся: за крайним столиком у самой двери веселились несколько воинов в чёрных доспехах и гербом семнадцатого легиона Пандемониума на груди. Вдруг ему показалось, что лицо одного из них ему знакомо. Тот мужчина, точнее сказать, юноша засмеялся громче всех, когда почувствовал на себе чужой взгляд.

«Хм-м, страж первого этажа Храма Правосудия... Что, интересно, Безмолвному здесь понадобилось?» — задался мыслью Даэв.

Да, Териан не ошибся, он уже видел его, когда вместе с легионом шёл к Верховному

Судье. Но что ищейка Храма забыл в Бездне и зачем нацепил чужие доспехи?

«Следит за кем-то... — сообразил он. — Нужно выяснить, за кем...»

Асмодианин стал незаметно исследовать глазами помещение.

«Так, кто может быть его целью? — внутренний голос Даэва начал расследование. — Он сидит в углу спиной к стене, значит, видит весь зал. Из-за стойки ему плохо видны дальние столы — отбрасываем их. Отбрасываем столы прямо перед ним — слишком близко. Отбрасываем весь угол сбоку — придётся постоянно поворачиваться. Отбрасываем центр зала — много прохожих, плюс не видно лиц. Захотел бы следить за центром — сел бы на второй этаж. Ага, второй этаж! Нет, мимо — не видно лиц. Итак, что мы имеем: три области, которые по всем параметрам отлично просматриваются. Я нахожусь в одной из них... Хм, надо поискать ещё зацепки...»

Исагир и Альфир что-то обсуждали, но Териан не слушал их.

«Есть ли ещё Безмолвные?.. — продолжил асмодианин. — Они не бродят в одиночку. Так, — обратился он мысленно к шпиону. — Твои соседи — legionеры без сомнений: запёкшаяся кровь на латах и стёртые пальцы — они были в битве. У тебя кираса — чистая, прямо вылизанная... Значит, ищем ещё такие же. Вот, через два стола от меня: одиннадцатый легион — нет, эти ребята распознали бы чужака, я уверен. Рядом стол... кстати, идеальная позиция — немного сбоку, но видно всё. Хорошо, там сидит только мужчина: дорогой камзол, брюки, туфли — не воин. С чего бы в такое время горожанину находиться здесь? Ест уже остывшее мясо — изображает трапезу, ждёт кого-то — попался... Ещё один Безмолвный. Ему плохо видно третью зону — она сбоку сзади. Значит, круг сужается...» — мимолётно улыбнулся Даэв и вдруг замер.

«Ого, что это было? Случайный взгляд или... намеренная слежка? Официант... Хм, молодой парень. Но слишком крупный для такой работы... будет неудобно ходить между узкими рядами. Полотенце висит не на той руке... — номер три... Ага, треугольник... А я — в центре. Или цель — Исагир? Или Альфир? Надо выяснить...»

Териан резко оборвал беседу соседей громкой фразой:

— Ис, срочно выйди в уборную. Без разговоров! Альфир, сиди здесь!

— Что? Зачем? — спросил маг и поправил укреплённую длинную тунику.

По суровому взгляду Териана Исагир сразу всё понял.

— Сколько их? — незаметно спросил он.

— Трое... — шевельнул краем губы зеленоглазый.

Командующий в бронзовой броне вскочил первым и важным тихим шагом направился в другой конец зала — там находились уборные. Териан встал за ним и со своим обычным каменным лицом пошагал к стойке. Недоумевавший маг остался сидеть на своём месте.

Зеленоглазый центурион подошёл к бару и мило заговорил о чём-то с привлекательной барышней, разливавшей горячие напитки по стаканам. Одновременно шестым чувством он следил за действиями ищейек.

«Официант удалился — вошёл в кухню. Боится, значит. Горожанин меня не видит — принялся якобы чистить туфли. А псевдо-воин сверлит мне спину... Ну, что ж. И давно вы у меня на хвосте?...» — пазл сложился легко: маскарадная тройка «приглядывала» за Терианом Лекасом.

Тем временем Исагир возвращался за столик. Териан тоже решил поспешить: он улыбнулся асмодианке и быстро пошёл назад. Когда трое воинов воссоединились, легат спросил первым:

— Ну что?

— Я, — спокойно сказал Даэв с зелёными глазами.

Альфир всё ещё не понимал, что происходит.

— Безмолвные. Трое. В зале, — эти короткие слова внесли понимание в голову мага.

— Уходим, — решительно произнёс легат.

Териан кивнул, и троица дружно встала из-за стола. Они направились к выходу. Шпионы не были готовы к такому быстрому повороту. Липовый легионер вскочил и последовал за ними, не привлекая внимания. Остальные остались в таверне... на время.

Териан Лекас направился к пространственным разломам в Асмодею.

— Стой! Ты куда? — хотел остановить его Исагир.

— Нужно разобраться, как давно они за мной следят.

— С чего бы им вообще...

— Я выясню, — перебил его Даэв и ушёл в сторону.

Когда он удалился достаточно далеко, Альфир тихо шепнул Исагиру:

— А ты хотел сам проследить за ним.

Легат сурово скорчил лицо.

— Да... Меня опередили...

Парочка смотрела вслед уходящему асмодианину.

— Что же им от него нужно? — спросил маг.

— То же, что и всем. Этот выродок что-то скрывает... — мужчина в бронзовой броне издевательски скрипнул зубами, всем своим видом выражая презрение.

— Как он появился в легионе?

— Не мог не принять Даэва... — отрезал мужчина.

Да, вполне логично. Бессмертные намного «удобнее» обычных смертных, плюс к этому умения Териана Лекаса мог позавидовать любой.

— Откуда он? Сколько ему лет?

— Без понятия... — он сделал задумчивое лицо. — Я пытался разведать у жрецов — о нём никто не слышал.

— Как это? Даэв из ниоткуда? — усмехнулся Альфир.

— Выходит, что да... В храме было упоминание имени «Тариан» или «Териан»... Во время вторжения легиона Дельтраса в Морхейм. Он был одним из асмодиан, встретивших их...

— Что? Териан — свидетель тех событий? — воскликнул маг. — Это же начало войны между нами и элийцами...

— А война длится уже шестьсот лет, — продолжил его мысль Исагир. — Не знаю, свидетель или нет, но этот зеленоглазый живёт очень давно... Его умения и выдержка — отнюдь не зелёного юнца, а старого мудреца.

— Неужели нет никаких упоминаний о его Перерождении? — не унимался маг. — О каждом Даэве есть страница в Матрикуле Пандемониума. Там имя, дата, краткая биография. А ведётся он с самого основания столицы!

— Я пролистал Матрикул от и до! Нет там ничего и Териане Лекасе...

— Получается, либо он старше Пандемониума, либо...

— Либо его Переродили не в храме.

— Разве есть другие места?..

— Нет, — Исагир опять оборвал фразу Альфира своим недовольным голосом. — Хотя

кто знает... Я всё выясню об этом чужаке, — решительно произнёс командующий, нахмутив брови.

Маг утвердительно кивнул и сказал, что ему нужно возвращаться в Пандемониум. Они с Исагиром разминулись.

Легат всё стоял и думал, с чего бы начать. Эта история с центурионом никак не давала ему покоя. Опытному Даэву ничего не пришло в голову, кроме как заглянуть в Храм Правосудия. Может, Слутгельмир за какую-нибудь услугу расскажет ему что-нибудь о его «подопечном»?

Териан Лекас тем временем уже добрался до кучки пространственных разломов, висевших в воздухе над Цитаделью, у которых толпились воины. Все торопились домой, повидать семью. Ведь скоро придётся возвращаться — настанет их очередь патрулировать захваченные крепости.

Асмодианин оглянулся и не увидел хвоста.

«Может, их больше, чем трое...» — мгновенно возникла тревожная мысль. Даэв хотел вернуться в Белуслан, но решил запутать шпионов и, расправив крылья, прыгнул в соседний портал, ведущий в крепость Морхейма.

Тело снова обьял холод. Из разлома, парящего над городом, открылся вид на ледяную крепость Морхейма — оплот цивилизации асмодиан, выточенный в скале на большой высоте над уровнем моря. Маленькие низкие домики, заснеженные улицы — знакомый пейзаж. Только выход из крепости был лишь один: через длинный тоннель во льдах. Дальше надо было спускаться по петляющей горной тропе вниз, к подножию, где вековые снега тянулись белым ковром до самого горизонта.

Даэв спикировал на крепость и через пару секунд вновь расправил крылья — скорость приятно защекотала лицо. Перья наполнились ветром. Териан быстро нашёл глазами знакомый пост привратника и завернул к нему.

Хранитель портала немного испугался, когда его накрыла тень от огромных крыльев Даэва — к нему давно не залетали «крылатые». Асмодианский бессмертный приземлился в паре метров от мужчины и, как и подобает, поклонился. Он не стал избавляться от крыльев — они скоро ему понадобятся. Териан просто сложил их за спиной, хотя это трудно было назвать — «сложил»: из-за своего размера каждое шестиметровое крыло складывалось в трёх местах, но всё равно длинные перья выпирали на метр над головой и на метра полтора — в бок, что превращало бессмертного в здоровое угловатое чёрное пятно. Да и идти долго с таким грузом за спиной было нереально — крылья весили килограммов сто пятьдесят, а то и больше. Приходилось наклоняться вперёд и нести своё крылатое достоинство на горбу, чтобы не свалиться на спину и уже не встать. А выглядела такая картина со стороны весьма странно.

Териан Лекас бросил в руки привратнику несколько больших монет — довольно крупную сумму — и отрывисто произнёс:

— Белуслан.

Хранитель утвердительно хмыкнул, положил звенящие монеты в карман и вытянул руки вверх — ладони наполнились Эфиром и засветились. Затем он медленно опустил их в стороны, а потом вниз, расчертив в воздухе ровный круг. Мужчина что-то шепнул и отбежал от открывавшегося разлома. Воздух по границе завибрировал, появились какие-то узоры, словно трещины в воздухе. А через мгновение круг ярко вспыхнул, и картинка внутри будто рассыпалась, как куски разбитого зеркала. В портале показались размытые знакомые

очертания улиц Белуслана.

Привратник вежливо пожелал:

— Приятного путешествия! — и отошёл дальше, чтобы Даэв мог подойти к разлому.

Териан поблагодарил хранителя и, руками сжав крылья за спиной, чтобы они пролезли в этот круг, неуклюже шагнул сквозь него. Когда асмодианин оказался по ту сторону, и последние кончики его длинных перьев прошли через портал, чудесный разлом вспыхнул и испарился.

«Нужно заглянуть на склад. Надеюсь, посылка от Генфельса уже пришла», — напомнил себе Даэв.

Териан расправил затёкшие крылья и в пару взмахов достиг большого двухэтажного складского помещения, которым, естественно, управляли шиго. Он вошёл внутрь — в огромном зале вдоль стен стояли стеллажи с письмами, дальше был выставлен лабиринт из всевозможных ящиков и коробок. То и дело мохнатые создания забирались на высокие по их меркам лесенки и неуклюже доставали что-то с самой верхушки. К мужчине быстро подбежал представитель пушистой расы.

— Что угодно Даэву, кярун? — по голосу это был явно мужчина. Но по людским меркам — голосок девятилетнего ребёнка, правда немного хриплый. Приветствия шиго были всегда одинаковы, и это не могло не раздражать. Но бессмертному было всё равно. Он спросил спокойным тоном:

— На имя Териана Лекаса что-нибудь приходило? Скорее, это будет коробка или посылка... Небольшая посылка, — добавил он, чтобы действие ускорилось.

— Одну минуту, нян-нян, — проговорило существо и скрылось в лабиринте.

Шиго солгал — поиски заняли намного дольше. Из недр своего склада он принёс довольно крупную для зверька бумажную посылку и положил её на стол.

— Териан Лекас, нян-нян. Всё верно.

— Спасибо... — сказал Даэв и хотел было схватить свёрток, но шиго резко придвинул его к себе.

— Оплата при получении, кярун, — важно промолвило существо.

«Вот Генфельс... — пролетело в голове Териана Лекаса. — Вот балаурский сын».

Асмодианин достал из кармашка одну монету и бросил её зверьку — тот ловко поймал и попятился назад.

Мужчина не стал вскрывать упаковку сейчас — времени не было. Вместо этого он расстегнул застёжку на дублете и спрятал под него шуршащий пакет. Наконец, можно было лететь.

Даэв не стал пользоваться услугами птицы-перевозчика — Безмолвные могли караулить его в лагере Огня. Вместо этого он достал из карманчика в поясе неиспользованные флакончики с белой суспензией, ловко открыл одну из них — она громко булькнула — и залпом выпил.

Териан восторгнулся, почти мгновенно почувствовав эффект снадобья, и взмыл вертикально вверх. Это были так называемые «зелья ветра», которые на время увеличивают усвояемость Эфира крыльями. Выпив его, можно лететь дольше и быстрее при том же расходе Эфира. Даэву предстоял долгий путь, поэтому он опустошил сначала одну, а, когда станет кончаться эффект, выпьет вторую баночку с зельем.

Асмодианин решил лететь не напрямую, а через протяжённый снежный горный хребет на востоке, лавируя между пиками высоких гор — там больше Эфира и нет посторонних

глаз. Дальше повернуть на юг и преодолеть удалённый от мирных деревень лагерь Бакрама — обитель балауров в холодных землях Белуслана. Да, драконы проникают всюду, даже здесь они нашли, где обосноваться. Потом взять чуть западнее и, облетев селения местных оборотней, приземлиться в лесу за лагерем Огня.

Путь займёт семь-восемь часов, но это не пугало Даэва — он привык к долгим путешествиям. Живя вечно, можно смело позволить себе тратить несколько часов на дорогу. А насчёт еды — Эфир кормит тело бессмертного. Обычная пища необходима лишь тогда, когда в воздухе мало этого самого вещества. Хотя Даэв может питаться, как смертный, когда угодно.

Когда Териан покинул пределы крепости, взмыв высоко в пасмурное небо, он вспомнил, что во время полёта нельзя отвлекаться — надо искать пространственные разломы, ведущие в Элиос. Они выглядят, как большие плоские круглые воронки, светящиеся в ночи. Их сложно не заметить. Обычно они открываются в нескольких метрах над землёй, поэтому смертному небезопасно проходить через них — можно сильно удариться на выходе. К тому же существуют отлично вооружённые патрули, которые круглосуточно рыскают по лесам и полям в поисках порталов к врагу. Заметив разлом, они караулят неподалёку, убивая каждого, кто попадёт через него в их земли.

Конечно, Даэв обо всём этом прекрасно знал, и у него был опыт подобных встреч с элийским патрулём. Эви и Кай под присмотром Териана будут в безопасности.

Только показались вершушки гор, как Эфирное чутьё асмодианина заметило первый разлом. Он сиял в низине между подножиями.

«Слишком далеко», — подумал он и полетел дальше. По счастливому стечению обстоятельств, порталы из Белуслана вели прямоком в Интердику — закон Атреи, так сказать. Из Морхейма можно попасть только в Элтенен и так далее. Так что пересекать элийские провинции не придётся — всего лишь подбросить бедолаг до Юфросина или крепости Интердики — что ближе будет.

Несколько часов разломы не встречались. Териан уже давно миновал тайное укрепление балаурского легиона Бакрама и приближался к селениям оборотней. Вообще говоря, оборотни не были врагами асмодиан. После Катаклизма эти две расы стали союзниками в войне с балаурами. Но некоторых их представителей приходится опасаться — последователи драканов могут найтись среди любого племени.

Териан Лекас облетел земли этих существ стороной — всё-таки нечего им показываться на глаза, особенно сейчас — в сумерки. Скоро за туманом горизонта должны показаться объятые льдом колокольни Кинунгапа — проклятого на вечный мороз мёртвого города.

Шестое чувство вновь подсказало Даэву, что рядом находится сгусток нестабильного Эфира — аура пространственного разлома. Он опустилс чуть ниже и стал всматриваться. Над вершиной низкого холма сияла небольшая воронка. Рядом с ней уже скопилось несколько асмодиан, безуспешно ожидавших незадачливых элийцев, которые, ничего не подозревая, должны были попасться в сети караулу.

«Нет, — понял Териан. — Слишком старый... Не успеем...» — и направился на поиски нового разлома.

Пространственные врата открываются на несколько часов яркой вспышкой Эфира. Воронка расходует его на поддержание своей жизни. Когда Эфира становится меньше, портал, достигавший четырёх-пяти метров, уменьшается в диаметре. А вскоре вовсе превращается в точку, исчерпав все запасы. Разлом, который проигнорировал асмодианин,

открылся навскидку три часа назад. Это значило, что жить ему осталось от силы час. А, значит, Даэв не успеет схватить своих пленников и привести их сюда до закрытия. Надо искать другой, совсем новый.

Окрестности Кинунгапа были богаты Эфиром — древняя магия нашла надёжную обитель здесь — в проклятых необитаемых землях. Лагерь Огня до сих пор исследовал их, ища способ снять заклятие с города и вернуть его к жизни, но пока безуспешно. Других селений в округе не было.

Из-за большой концентрации Эфира разломы и другие аномалии встречались здесь очень часто и в большом количестве. Беда, как говорится, не приходит одна. Да и Териан чувствовал, что рядом есть ещё порталы, причём относительно молодые. Он снизился практически до верхушек деревьев и стал исследовать лес, чтобы найти места, куда засасывает Эфир. Поймав чутьём один из таких потоков, он последовал по нему. Спустя минуту, невидимое течение Эфира привело Даэва к большому красивому разлому — полчаса от роду, не больше. В пятидесяти метрах от него вдруг произошла яркая вспышка, на мгновение ослепившая асмодианина. Сквозь стволы деревьев пробивалось синеватое свечение: открылся ещё один портал — замечательно.

«Пора», — сказал он себе и вновь набрал высоту на пути к неприметному дому на маленькой полянке. Крылья Даэва устали, а действие зелья начинало заканчиваться — он уже давно опустошил вторую бутылочку.

«Надо поторопиться!» — с этой мыслью он ускорил взмахи и через минуту увидел внизу столбик дыма, исходящий из трубы.

Териан спустился на землю перед домом и избавился от крыльев. Те быстро сгорели, оставив после себя две горстки чёрного пепла на белом снегу.

Он осмотрелся по сторонам: вроде никого не было, но чутьё подсказывало, что тишина здесь ненадолго. Даэв отряхнулся от снега и торопливо вошёл в незапертый дом.

===== Часть 1. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 10.

Отредактировано.

Жильцов не было видно, но свечи горели. Териан, не разуваясь, поспешил в гостиную и увидел Кая. Тот сидел в кресле у светлого камина и рассматривал картинки в асмодианских книжках. Мальчик услышал стук стальных сапог и обернулся. Его личико вдруг озарилось улыбкой, когда он увидел асмодианина:

— Вы вернулись! — радостно воскликнул он и захлопнул книжку. — А Эви... Эви в бане... — он показал пальцем на закрытую дверцу.

Взгляд Даэва не изменился — он сурово приказал:

— Собирайся! Живо! — и достал бумажный пакет из недр одежды. Мальчик испугался от крика асмодианина и побежал за тёплой шубой, которую он откопал в сундуке своей комнаты.

«Так, посмотрим, что он сюда положил», — подумал Териан, разорвав когтями упаковку.

«Фрегионову мать!» — выругался про себя Даэв, когда достал из посылки старые театральные наряды со спектакля, где brave асмодианские воины захватывают элийское селение. В пакете было два костюма: мальчика и девушки-крестьянки. Териан помнил их, когда смотрел это представление. Он ещё удивлялся тогда, как непохожи они на реальные костюмы южан. Что ж, можно простить постановщика: он, как и Генфельс, по-видимому,

элийцев никогда не видал.

Наряды больше напоминали цирковые: все такие цветастые и вычурные. Там ещё была обувь — странная такая, с загнутым носом. Но она была асмодианской — с пространством для когтей: кошмар, одним словом. Делать было нечего — другой одежды нет. Даэв крикнул мальчику, чтобы шёл сюда.

— Наденешь это! — воин ткнул ему в грудь костюм и ботинки. — Без разговоров!

Тот испуганно кивнул и принялся натягивать наряд.

Костюм был в самый раз по размеру, но, так сказать, не писк моды. Скорее — истощенный предсмертный крик. Обувь не подошла — анатомия. Пришлось надеть свои старые поношенные ботинки.

В этот момент из парной вышла Эви. Она держала руками полотенце, скрывающее её тело от посторонних глаз, но, увидев асмодианина, чуть не обронила его.

— Слава Айону, Вы вернулись, — со скрытой радостью воскликнула она.

— Мы уходим прямо сейчас. Надевай это, — сказал Даэв и указал на нелепый наряд, лежащий на кресле.

— Что это? — спросила элийка, взглянув на ткань. Взяв её в руки, она сморщилась и замотала головой. — Я это не надену!

— Тебя и не спрашивают, — грозно прорычал бессмертный.

Тон мужчины был очень убедительным. Девушка схватила костюм и побежала в комнату одеваться.

Ровно через минуту Эви вышла. Но превращаться в циркачку она всё же не пожелала. Вместо этого она надела то старое асмодианское платье чёрного цвета, которое нашла в доме. Правда, её собственные туфли пришли в негодность, — потерялся каблук, поэтому всё время она ходила босиком... Северная обувь не подходила элийке, и она подбежала к Даэву, чтобы спросить:

— А что на ноги надеть?.. Мои туфли... — она протянула ему то, что от них осталось. — Вот, в общем...

Териан сообразил быстро. Он схватил целую туфлю и, отломав каблук, сунул ей обратно.

— Теперь пойдёт, — промычал он.

Эви раскрыла рот от удивления и попробовала надеть свою «старую новую обувь». Шагать было неприятно, но... можно.

— Берите шубы и вперёд! — рявкнул асмодианин и подбежал к окну убедиться, что никого нет. Пока было тихо.

Девушка тоже нашла себе шубку в сундуке — поэтому в шкуре тигра не было нужды. Пленники быстро собрались и встали около выхода ждать дальнейших распоряжений бессмертного. Он распахнул дверь и крикнул:

— Вперёд!

Повезло, что метели нынче не было. Даэв замер, чтобы сориентироваться, в какую сторону лететь. Но тут его чутьё заметило чужое присутствие.

«Не успели...» — разочарованно подумал он.

Прямо перед ним донеслось слабое:

— Не дайте им уйти! Остановите их!

«Всё-таки решили действовать...» — догадался Териан.

Безмолвные видели, как Даэв вошёл в дом. Они поняли, что гости собираются уходить.

Тогда-то из уст главного ищейки и прозвучало тихим шёпотом:

— Не упустить... Кончайте с ними...

И вот сейчас приказ должен быть исполнен.

Из-за деревьев на бессмертного побежало пять асмодиан. Териан Лекас хотел схватиться за оружие, но почувствовал слабый звук ножа, разрезавшего воздух перед собой. Даэв резко махнул рукой и поймал его за лезвие в сантиметрах от своей шеи. Он посмотрел на свою ладонь и обнаружил, что нож сквозь перчатку оставил на руке широкий порез. По краям раны виднелись зеленоватые следы. Асмодианин глянул на лезвие — оно было пропитано сильно пахнущим раствором.

«Яд скорпиона... — машинально произнёс в мыслях Териан. — Противоядие есть. У меня двадцать секунд. Их пятеро. Успею...» — на этом он бросил нож прочь и достал из ножен самые длинные мечи — пару эспадонов, заняв боевую стойку.

Яд пустынного скорпиона — сильнейшее парализующее средство. Оно славился ещё и тем, что начинал действовать почти мгновенно, а через двадцать секунд тело переставало слушаться, и воин падал без сил. Если переборщить с ядом, могло остановиться сердце. У Териана Лекаса был с собой антидот. Но достать флакон, открыть крышку, выпить — не было времени — враги подступали слишком быстро. Нужно было расправиться с ними за двадцать секунд, чтобы успеть принять противоядие.

Даэв крикнул Эви и Каю отойти назад, а сам стал просчитывать, в каком порядке падут его враги. При этом асмодианин считал про себя секунды «до отключки»:

«Раз... два...» — в него летит ещё один нож — уворот. — «Три...» — начало схватки.

Среди врагов было четверо мужчин, причём один из них — бессмертный. Пятой в тяжёлой броне на Териана бежала девушка — это было понятно по фигуре. Балахоны Безмолвных исчезли. Все пятеро были облачены в чёрные храмовые доспехи, а на металлической груди сиял бронзовый паук — символ принадлежности к Исполнителям.

Уклон, подсечка, рывок, удар — первая жертва. Парирование, толчок, пируэт, удар — номер два. «Пять...Шесть...», — всё считает Даэв.

Эви и Кай спрятались за деревом и с перепуганными глазами наблюдали за боем. Но уследить за движениями Териана было невозможно. Казалось, он вообще не находился на земле, а всё время летал, делал сальто, прыжки, пируэты. Воин со змеиной пластикой уклонялся от каскадов режущих ударов, лишь на миг дотрагиваясь до земли, чтобы оттолкнуться. И это несмотря на металлические части брони и обилие оружия: шесть мечей — шесть ножен. Поразительно даже для Даэва.

Третья жертва падает с ножом в горле — асмодианин улучил момент и бросил смертельное оружие в невнимательного врага. Следующая — девушка. Териан уклоняется от удара мужчины-Даэва и, оттолкнувшись от земли мечом, в прыжке-сальто разрезает воздух сбоку от себя на уровне головы. Жертва номер четыре повержена.

«Восемь... Девять...» — неслышимый метроном отбивает стук в голове зеленоглазого серокожего. Остаётся Даэв — напоследок. Бессмертные двигаются быстрее людей, оттого и обладают в бою преимуществом. Когда сражаются двое таких — это настоящее зрелище. Териан сменил оружие на два коротких меча — враг оказался кинжальщиком. В схватке с ним нужна быстрота и ловкость. Оба Даэва завертели в танце смерти.

Парирование — за парированием, уклонение — за уклонением. Нужно быть умнее, чтобы одолеть быстрого и ловкого главу отряда Безмолвных.

«Спина», — сразу понимает Териан Лекас. Нужно пробраться врагу за спину.

«Уклонением и прорывом не возьмёшь — он тут же обернётся или бросит нож...»

«Через верх», — через секунду командует себе он. Жертва ищейки успела оценить манеру боя Безмолвного и обнаружить слабое место. У всех есть слабые места.

Время неумолимо текло: «Тринадцать... Четырнадцать...»

Териан делает ложный выпад, заставляя врага уклониться и развернуться в попытке контратаковать. А сам в этот момент с присяди хватает его за плечо, отталкивается от земли, перенося своё тело через его голову, и оказывается за спиной Исполнителя как раз тогда, когда тот оборачивается для очередного удара. Безмолвный успевает понять, что бьёт в пустоту, но ничего уже сделать не может — Териан просовывает свои руки над его плечами, и два коротких меча ножницами разрезают его горло.

«Семнадцать... Восемнадцать...» — Даэв убирает мечи в чехлы и быстро достаёт из карманчика снадобье с противоядием. Открывает его:

«Девятнадцать... — и одним глотком пьёт. — Двадцать...»

Тело асмодианина дёргается — яд начал губительное действие, а антидот ещё не попал в кровь. Он не в силах устоять падает на колени. Эви и Кай выбегают из-за укрытия и несутся к нему, думая, что он смертельно ранен. Сзади открываются крылья павшего Даэва, но Териана это не интересует. Он мысленно считает ещё одиннадцать секунд, необходимых для того, чтобы противоядие подействовало.

Териан безвольно опускает вниз руки и голову не в силах шевельнуться. Слышно лишь его тихое хрипящее дыхание.

— О, Айон! Вы ранены? — спрашивает испуганная элийка, подбежав к воину. Реакции нет. Вдруг дыхание асмодианина резко замирает. Она торопливо дотрагивается до его шеи, ища пульс.

— Пульс есть... — слегка обрадованно говорит девушка.

«Девять... Десять... Одиннадцать...» — дыхание снова возвращается, пальцы левой руки начинают потихоньку шевелиться. Вскоре во владение мужчины переходит и вся рука.

Через несколько секунд Даэв, оперевшись на кулаки, медленно встаёт.

— Вы в порядке? Слава Айону! — выдыхает Эви, прижимая мальчика к себе, чтобы он не видел картину.

— Кто это был? — она смотрит на изувеченные трупы пятерых асмодиан — это вызывает ужас и отвращение — и растерянно спрашивает большими, готовыми вот-вот заплакать глазами:

— Они хотели нас убить?

Даэв оглядывает мертвецов. Кокон из чёрных крыльев с Безмолвным внутри рассыпается в пепел. Небольшое синеватое облачко вылетает из него и растворяется в Эфирном потоке. На окровавленном снегу остаются лежать лишь его пустые доспехи.

«Полетел рассказывать всё Судье...» — внутренне ухмыльнувшись, бросает Териан Лекас вдогонку душе Исполнителя. Затем он обращает внимание на элийцев. Их вид жалок. Видимо, они никогда до этого не видели подобных ужасов.

— Да, они пришли за нами, — наконец, произносит асмодианин, всё ещё рассматривающий трупы. Затем он подходит к одному из Безмолвных и что-то начинает искать в его карманах — пусто. Териан подходит к другому — снова ничего.

«Ни записок, ни указаний... — проверив всех четверых, результирует зеленоглазый. — Значит, решения принимал Даэв...» — он озирается на лужу крови, где минуту назад лежал бессмертный.

— Почему они решили убить и Вас? — всё донимает вопросами Эви. — За то, что Вы нас спасли?

— Это Безмолвные Исполнители, — отвечает асмодианин. — Они подчиняются воле Верховного Судьи. А я ему не нравлюсь...

— Безмолвные? — удивлённо спрашивает элийка. — Нам рассказывали о них в школе. О, Айон...

— Нам нужно лететь немедленно, — отрезает мужчина и отходит чуть в сторону, чтобы раскрыть крылья.

Спустя секунду за спиной Даэва появляются огромные пушистые перья. Стоит ли говорить, что сначала пленники пугаются — они в первый раз видят настоящие крылья бессмертного. Териан несколько раз взмахивает ими, стоя на земле. Раскрывшие рты элийцы всё ещё стоят на месте. Асмодианин подходит к ним, хватая их под мышки и взмывает в воздух.

Округу озаряют испуганный крик Эви и довольный возглас Кая. Верхушки деревьев быстро оказываются далеко внизу, впереди — только небо. Девушка мертвецки уцепляется за руку Даэва — боится высоты, наверное. Но, надо признать, пейзаж — потрясающий. Солнце как раз заходит за горизонт и своими последними лучами осыпает стволы вмиг покрасневших хвойных деревьев. Вдали виднеются блестящие заснеженные склоны гор и башни ледяного города Кинунгапа. Зимняя природа Асмодеи обладает своим таинственным спокойствием и умиротворением — даже Эфир течёт медленно. Жизнь не торопится, не бежит вслед за солнцем, как в тёплом Элиосе. Здесь всё по-другому.

Териан Лекас поймал Эфирный поток и устремился к portalу. Несколько минут продолжался волшебный полёт, но он ещё надолго останется в памяти у маленького Кая и хрупкой Эви. Аккуратно протиснувшись сквозь кроны высоких деревьев, асмодианин замер в нескольких метрах от земли у самого молодого разлома. Может, элийцы по ту сторону ещё не успели его обнаружить, и путешествие пройдёт без лишних встреч. Девушка увидела светящуюся воронку и тихо спросила:

— Нам что, туда?..

— Угу, — кивнул Даэв и рывком влетел в портал.

В воздухе холодного Белуслана ещё несколько секунд гулял громкий крик двух элийцев, чудесным образом оказавшихся здесь, вдали от дома.

Перемещение прошло мгновенно. В лицо сразу же ударил непривычный тёплый ветерок. Териан приземлился, поставил пленников на ноги, отошёл и отцепил более ненужные крылья: асмодианину летать в Интердике — самоубийство. Перья упали на землю, подняв столб пыли, и привычно загорелись. У элийцев закружилась голова. Они схватились за виски: череп словно разрывало изнутри — последствие телепортации. Что ж, первый раз со всеми так. Даэв ловко отцепил от брони мех и привязал его к поясу, и так переполненному всякой мелочью. Затем он подошёл к ещё изнывающим от боли в голове пленникам и снял с них тёплые шубы: не хватало, чтоб тепловой удар получили, — и выбросил одежду в кусты.

Теперь пришло время осмотреться. В Элиосе как раз наступал рассвет — день и ночь на севере и юге Атреи сменяются по-разному. Портал открылся в небольшой рощице на вершине холма. Справа вдали виднелись объятые серой пеленой смога земли — холм Седого Тумана. Впереди, однозначно, были Тёмные болота.

«Так, сзади — плантации Тартарона, — начал обдумывать план Териан Лекас. —

Быстрее дойти до лагеря шиго, а оттуда на птице-перевозчике отправить бедолаг в Юфросин. А можно сразу идти к городу. Но по дороге будет много элийских постов... А, значит, много трупов... Уверен, лучше в лагерь», — решил про себя он.

Даэв помнил Элиос прекрасно. Слишком много раз он здесь бывал. Поэтому разобраться, куда идти, было для него проще простого.

Он подошёл к девушке и юнцу — боль уже начала проходить. Эви смогла открыть глаза и увидеть в них чёткую картинку — пробивающееся сквозь холмы солнце, поля, тепло...

— Элиос! — радостно вскрикнула она и подняла руки к небу, чтобы закружиться от счастья. — Я дома! Вы не обманули... — она посмотрела счастливыми глазами на асмодианского Даэва — но его взгляд был всё таким же холодным, как и земля, на которой он живёт. От этого у девушки радостный задор вмиг исчез — она вспомнила, что перед ней всё ещё враг.

Маленький Кай впервые увидел Элиос. Он оглядывал окрестности, раскрыв рот в довольной улыбке. Чем-то пейзаж напоминал Балаурию, но природа здесь была не такой причудливой, как ему показалось.

— Нам нужно идти, — равнодушно произнёс асмодианин и первым пошагал в сторону от холма Седого Тумана. — Обойдём плантации Тартарона и повернём на север, чтобы поместье Медеуса осталось по правую руку. Дальше через топи выйдем на дорогу, по которой в Юфросин ходят караваны. Пристрою вас к одному из них... — говорил Даэв.

— Как это? Вы обещали довести нас до Юфросина, — напомнила элийка. — А он — южнее.

— В том-то и дело, — устало объяснял бессмертный. — Если б портал открылся к югу от города, я бы за ручку довёл вас до его окрестностей. Но мы оказались намного северней. По дороге караванов не пройти — слишком много элийских постов. Свои же прирежут.

— Почему? Мы же элийцы! — настаивала Эви.

— И что? Вас ведёт асмодианин — враг. Они не станут разбираться, кто вы и откуда. Проще убить всех на месте.

— Не может быть! Элийцы — не звери! — воскликнула девушка. — Это в ваших историях мы — ненавистные враги, но на самом деле это не так!

— Хм, — ухмыльнулся Даэв. Первая эмоция на каменном лице за сегодняшний день. — А в ваших книжках асмодиане — друзья?

Элийка замолчала — действительно, во всех южных учебниках жители севера описываются, как дикари и варвары.

— То-то же, — продолжил серокожий. — Я говорю вовсе не фразами из книжек. Поверь, я почувствовал на себе всю жестокость ваших «доблестных святых защитников», — последние слова звучали с выраженным сарказмом.

— О какой жестокости Вы говорите? Это Вы — убийца, — кричала девушка. — Сколько на Вашем счету смертей? Сотни, тысячи? А сколько среди убитых было тех, у кого были семьи: жёны, дети... невесты?

Асмодианин лишь отрывисто глянул на неё.

— Они сами избрали свою участь... — грозно вымолвил он.

— Что это значит? — непонимающе спросила элийка.

— У каждого есть выбор: сражаться или нет, нападать или обойти стороной. Те, кого я убил, приняли неверное решение, — тон Даэва и его хладнокровное лицо заставили девушку содрогнуться.

— Но Дариус... — хотела что-то сказать она, но мужчина её перебил.

— Я слишком хорошо знаю, что значит гибель. Даэвы её не боятся, оттого и мне нечего с ними церемониться. Но если жизнь всего одна... — асмодианин сделал паузу. — Я не нападаю первым на смертных...

Всё вмиг переменилось. Эви продолжила свой шаг, но мысли унесли её в прошлое. Получается, тогда, в Ингисоне, её любимый сам напал на бессмертного... Как же глупо... Зачем он это сделал? Хотя, наверное, понятно: в битве врагов не выбирают — или ты убиваешь, или тебя... Девушка на мгновение представила, какие мысли были в голове у её Дариуса, когда он стоял на коленях перед храмом, а сзади к его горлу приставил нож враг. Боль, печаль, отчаяние, но... храбрость. От этого ей снова захотелось горько заплакать, но она сдержала подступавшие слёзы.

После паузы элийка тихо спросила:

— И за это Вы убили его?..

Териан сразу понял, о ком говорит девушка.

— С ним всё вышло не так, — задумавшись, ответил асмодианин.

— И что это значит?..

— Если бы я убил его, он ожил, поэтому не было смысла...

— Он человек, а не Даэв! — перебила его Эви и остановила, схватив за руку.

— У него в руке был камень воскрешения. Один бессмертный успел передать его ему.

— То есть Вы хотите сказать...

— Я не убивал твоего жениха.

Эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба.

«Не может быть! Он жив!» — воскликнула Эви вслух или про себя — она не помнит. Её ноги пошатнулись, но асмодианин успел подхватить девушку. Она громко заплакала от радости и крепко обняла вражеского Даэва. На несколько мгновений Териан опешил от подобной реакции, не зная, как себя повести. Но сопротивляться он не стал, позволив элийке выплакаться.

— Спасибо! Спасибо! — Эви была вне себя от счастья. Она так долго оплакивала Дариуса, а он оказался жив! — О, Айон, спасибо!

Можно сказать, жизнь снова обрела смысл. Теперь элийка ещё сильнее захотела скорее вернуться к родным.

— Почему Вы не сказали мне раньше? — она посмотрела в лицо бессмертному полными счастливых слёз глазами.

Териан Лекас даже улыбнулся.

— Хотел, чтобы враг так и остался врагом, — тихо, но на этот раз какого печально сказал он.

Эви снова поразил ответ асмодианина. А ведь и вправду, теперь ей не на что обижаться на серокожего Даэва. Он кормил её в камере, вызволил из темницы, перевёз в безопасное место, а теперь сопровождает домой! Какой же он враг? А злодеяния, которые он совершал до этого... да может, их и не было вовсе...

Она тихонько спросила:

— Как Вас зовут?..

— Это неважно... — вздохнул он.

— Но почему? В ответ я скажу своё. Разве Вам не интересно имя спасённой Вами пленницы? — она округлила глаза, но в них более не было неприязни и гнева... лишь

непонимание таких очевидных Даэву вещей.

— А к чему оно мне? — улыбнулся он. — Оно ничего не изменит. Тем более, безымянное воспоминание проще забыть...

— Так я для Вас лишь воспоминание?.. — немного обиженно промолвила Эви.

— Я для тебя, — серьёзно сказал асмодианин. — Ты вернёшься домой, выйдешь замуж и будешь жить долго и счастливо. К чему тебе помнить обо мне?

— Вы спасли меня... Этого не забыть...

— Ты ошибаешься, — вновь рассмеялся он. — Со временем забывается всё. И лучше бы ты забыла всё случившееся как можно скорее...

Элийка обдумывала слова Даэва. Но один вопрос не давал ей покоя: зачем вообще было спасать её и мальчугана? Ведь столько проблем навалилось из-за них: путешествие в Элиос, разборка с Безмолвными (а девушка была уверена, что на асмодианина напали из-за неё и Кая — воины поджидали Даэва у самого дома, значит, следили за ним).

— Можно последний вопрос? — робко проговорила девушка.

— Угу, — кивнул бессмертный.

— Вы так и не ответили, почему вытащили нас из камеры... Что нас ждало там?

Глаза Даэва потускнели.

— В Ингисоне мы не убивали мирных жителей — давали возможность уйти всем. Нас тебя и мальчика взяли в плен, — он перевёл взгляд на собеседницу. — Ты знаешь, почему...

Она понимающе кивнула. Асмодианин продолжил:

— ...Вас поместили в подземную тюрьму в сердце Келькмароса по моему приказу. Отпускать вас никто не собирался. Вместо этого начальник тюрьмы приготовил для вас обоих участь... трофея, — он постарался подобрать более мягкое слово.

— Нас бы пытали, а потом убили?.. — с горечью и обидой догадалась девушка.

— Нет, вы бы умерли от ран сами, — голос асмодианина стал вновь холодным, как смерть. — Я посчитал это несправедливым и недостойным для аканов. Защищать вас в споре с начальником тюрьмы было подозрительным, и я поступил проще.

— Освободить?

— Убить начальника.

Эви ужаснулась. Мальчик, всё это время слушавший их разговор, спрятался за девушку.

— Вы посмели убить асмодианина?.. — послышался испуганный голос элийки.

— Он совершил много зла и однажды пытался отравить меня. Смерть — справедливое наказание, — уверенно произнёс Даэв.

— Вот почему за Вами охотятся... — поняла девушка.

— Нет... его тело никогда не найдут. Храм Правосудия посылает своих ищек, когда ему что-то неясно... — бессмертный неприятно сощурился, когда вспомнил о Безмолвных.

— Вы о своём прошлом?

— О прошлом, настоящем и будущем, — буркнул Даэв и посмотрел на девушку. — Поверь мне, мир не так прост, как кажется.

Эви не совсем поняла, что хочет этим сказать зеленоглазый асмодианин, точнее, совсем не поняла. Но интересоваться больше не стала: последний вопрос и так затянулся.

Териан Лекас первым нарушил тишину, почувствовав, что заметил что-то странное во взгляде элийки:

— Все наши деяния рано или поздно вернутся к нам. Но это не значит, что каждый будет совершать только хорошие поступки. Иногда те люди, кому доверяешь больше всего,

могут предать тебя или вовсе оказаться не теми, кем ты считал их раньше, — он пристально посмотрел девушке в большие удивлённые глаза. — Нельзя доверять, кому попало...

Эви замерла, не отводя взгляда от строгого лица асмодианского бессмертного. Слова, сказанные им, растревожили её сердце. Несколько секунд она смотрела на Даэва, читая в его мерцающих глазах скрытую грусть. Наконец, не совсем понимая, к чему зашёл разговор, Кай спросил воина:

— А откуда Вы знаете элийский? — тихо вымолвил мальчик, прячась за девушку.

— Слишком много вопросов... — повернув голову в сторону ребёнка, промышчал Даэв.

Странно, что все эмоции асмодианина были: либо каменное лицо, либо таинственная улыбка. Причём чередовал он их за последние десять минут раз двадцать.

Путники уже спустились с холма и почти добрались до поместья Медеуса, границы которого служили ориентиром. Вдруг Даэв замер:

«Элийцами запахло, — понял он и повернул голову вправо. — С юга... Конница...»

— Что стряслось? — спросила Эви.

— Нужно поторапливаться, — отстранённо произнёс асмодианин и ускорил шаг. — Идём!

С другого края поляны скакало четверо всадников: видимо, искали портал. Троица собиралась уйти, но патруль на всём скаку уже двигался к ним навстречу — может и не к ним, но их пути уж точно пересекутся. Конечно, стражники ещё не разглядели среди них асмодианина, но пройдёт секунда, и они заметят мертвецки бледно-серую кожу, когти и предательски запыхавшие красным глаза.

— Бежать? — в испуге спросила девушка.

— Не успеем, иди тихо, — шепнул северянин. Кай прижался к Эви крепче.

Элийцы проехали у троицы за спиной, и стук копыт начал удаляться. Всех лошадей, кроме одной. Она затопталась на месте, а всадник громко скомандовал:

— Тпру-у! Сто-ой... — животное покорно остановилось, а чутьё асмодианина, позволявшее со спины видеть даже лицо незнакомца, безнадёжно завывало:

«Заметил...».

— Эй, братцы, а ну сюда! — донеслось сзади. Послышался звук меча, вынимаемого из ножен, и нарастающий стук копыт.

Один из всадников проскакал мимо и перекрыл лошадью дорогу путникам. Остальные трое окружили их.

— Опля! — радостно пропел один из элийцев, когда увидел цвет кожи путника. — Это что тут у нас? Мирная утренняя прогулочка?

Все четверо обнажили оружие.

«Старые мечи, доспехи не в пору, протёртая подкладка... — мгновенно оценил врагов Териан Лекас. — Это не патруль, это разбойники».

— Ого! — продолжил всадник. — Смотрите-ка, братцы! Девчонка и малец идут почти под ручку с серозадым! Это где ж такое видано?

— Вы с ним пожениться собрались? — засмеялся второй.

Териан поднял грозный взгляд на разбойников и показательно сверкнул глазами.

— Чё смотришь? А ну, руки вверх! — первый подобрался ближе и коснулся кончиком меча подбородка Даэва. Остальные, громко хохоча, схватили девушку и ребёнка и приставили оружие к их глоткам.

— Сейчас позабавимся! — оскалился один из бандитов. — Ух ты, пряткая!

«Айон — свидетель, я не хотел...» — произнёс внутри себя Териан. В его голове уже выстроился план действий.

Даэв медленно прикоснулся ладонями к своей груди и незаметно достал из ремешков, перекинутых через плечи, по два ножа.

Щелчок! Или это был взрыв воздуха из-за молниеносного движения асмодианина...

Одной рукой Териан хватает лезвие меча врага и, дёрнув на себя, стаскивает его с лошади. В развороте он, даже не целясь, выбрасывает два ножа — они пронзают запястья разбойников, держащих оружие у шей пленников. Бандиты от боли бросают мечи. В суматохе Даэв хватается Кая с Эви и притягивает их к себе. Четвёртый разбойник реагирует и, пришпорив лошадь, бросается на Териана. Асмодианин уворачивается от рубящего удара всадника и вонзает нож ему в бок — тот, скорчившись, падает с седла. Бессмертный отходит назад и прячет девушку и мальчика за своей широкой спиной.

Трое разбойников вскакивают и в приступе ярости прыгают на серокожего. Но тут же останавливаются и в страхе падают на спины, когда видят появление чёрных, как смола, крыльев.

— Он Даэв! Бежим! — орёт кто-то из троицы и бросается прочь, забыв про лошадь. Остальные двое забираются в седла и во всю прыть усакаивают назад в поле.

Даэв избавляется от крыльев и подходит к четвёртому бандиту, который лежит на земле и корчится от боли с ножом в левом боку.

— Про тебя забыли? — спрашивает асмодианин на чистом элийском и за шкуру поднимает его перед собой.

— Будь проклят ты и твоя подстилка! — кричит тот и плюет в сторону девушки.

— Как некультурно... — шурится бессмертный и кидает бандита к ногам Эви. — Что с ним делать? — спрашивает он элийку. — Отпустить или убить?

— Сраный асмодианин! — всё ещё орёт раненый разбойник.

Девушка раскрывает рот и не знает, что сказать. Даэв подходит всё ближе и ближе, заглядывая в большие голубые глаза Эви.

— Отпусти... — тихо произносит она и пятится назад.

— Хм, — удивляется асмодианин и рывком достаёт нож из тела бандита. Тот кричит от боли, но не может шевельнуться. Бессмертный вытирает окровавленное лезвие об одежду элийца и убирает оружие обратно. Затем он перешагивает через тело разбойника и нависает над девушкой, слегка сощурившись.

— Добро превыше всего?.. — тихо спрашивает он.

Она неуверенно кивает и тоже безотрывно смотрит в яркие глаза Даэва, уже потерявшие яростный красный огонёк. У Эви возникает мимолётное чувство дежавю. Когда-то она уже пропадала в глубине чьих-то мерцающих глаз.

Спустя мгновение вечности он моргает и тихо говорит:

— Надо идти...

Дальнейший путь до караванной дороги прошёл без происшествий — никто на глаза не попадался, да и ещё слишком рано. Троица немного прошлась по мощёной тропе и остановилась — острый нюх асмодианина почуял запах шиги.

— Караванщики... — спокойно сказал он, устремив взор куда-то вдаль. — Вот и всё.

Даэв сунул в руку девушке четыре монеты.

— Этого хватит на дорогу.

— Спасибо, — промолвил Кай и обнял асмодианина. Мужчина потрепал мальчика по

волосам, тот засмеялся.

Эви тоже обняла серокожего бессмертного. Пусть он был опасен, как лезвие точёного ножа, но с ним всё равно было спокойно.

Когда из-за поворота послышались скрип колёс и стук копыт, асмодианин отошёл и сказал напоследок:

— Берегите себя. И помните, что люди бывают жестокими.

— Да, я... испытала сегодня, — с печальной улыбкой промолвила элийка.

К путникам подъехало несколько телег шиго, доверху нагруженных всяким барахлом.

Кай замахал им руками, и повозки остановились. Асмодианин тут же скрылся в кустах и стал наблюдать оттуда.

— Доброе утро... — сказала девушка мохнатому извозчику. Он устроился на одном из ящиков и крохотными ручонками держал узду.

— Доброе, кярун.

— Вы не могли бы подбросить меня и вон того мальчика в Юфросин? Пожалуйста... Мы заплатим, — она показала в ладошке четыре монеты. — Этого ведь хватит?

— Ладно, — протараторил он и ловко сгрёб монетки себе в кошель. — Забирайтесь в последнюю телегу, нян-нян. Там больше места, кярун.

Довольные путники побежали в конец каравана и запрыгнули на телегу с деревянной мебелью. Там даже нашлась пара кресел, чтобы комфортно устроиться.

Повозки дружной колонной двинулись дальше. Эви искала у дороги блестящие зелёные глаза и нашла их. Они выглядывали из невысоких кустов. Уже отдаляясь, девушка прокричала вслед:

— Мы ещё увидимся?

Но пара мерцающих глаз не ответила. Она лишь наблюдала, как караван шиго уходит вдаль.

«Надеюсь, нет...» — прошептал себе Даэв и, глубоко вздохнув, поплёлся обратно к portalу — он ещё не должен быть закрыться.

Эви дождалась, пока глаза бессмертного исчезнут на фоне зелени и промолвила почти вслух:

— Прощай, воспоминание...

Она отвернулась и постаралась выбросить из головы всё, что с ней произошло за эту неделю. Теперь жизнь должна наладиться. Эви уже предвкушала, как снова обнимет отца и маму, как вновь увидит улыбку своего жениха, как, наконец, выйдет замуж и будет жить долго и счастливо, прямо как предсказывал тот таинственный и опасный безымянный асмодианин.

===== Часть 1. Глава 11. =====

Комментарий к Часть 1. Глава 11.

Отредактировано.

Пандемониум. Храм Правосудия.

— Удалось выяснить, что это за девка? — задумчиво вращая перо в руке, спросил Верховный Судья.

— Мы этим занимаемся... — послышался знакомый шёпот из-под чёрного балахона.

— Разузайте всё. А тех четверых похороните по-тихому. Семьям передайте, что героически погибли от рук элийского отряда. Во славу Асмодеи, конечно!

— Распоряжусь... Я могу идти?..

— Ступай. И да, найди новых ищек. Старые в последнее время уж слишком часто умирают...

— Слушаюсь... — кивнула фигура и попятилась к двери.

Вдруг дверь распахивается и внутрь в прямом смысле влетает стражник. Из коридора входит недовольный асмодианин в бронзовых доспехах и гордо перешагивает через развалившегося по полу патрульного акана.

Слутгельмир закрыл ладонью лицо и покачал головой:

— Ну зачем же так грубо, Исагир? Можно ведь повежливей... Ты-то бессмертный, а этот вот, — он небрежно указал пальцем на нерадивого охранника. — ...Нет! Где новых брать, а?

— Он меня достал, — грозно рявкнул Даэв и подошёл к столу.

— Зачем пришёл, мой друг? — Судья заинтересованно придвинулся к мужчине, отложив перо.

— Я по поводу Териана, — сказал он и обернулся. — Но сначала прогони своего цепного пса.

Слутгельмир махнул рукой Тени: «Кыш!». Тот послушно скрылся за дверью. Стражник очнулся и, извинившись, тоже покинул кабинет господина.

— Я тебя слушаю, — устало напел Судья.

— Я знаю, что он что-то скрывает. И я хочу это выяснить. Твои ищейки спалились в Арэшурате, поэтому я знаю, что ты за ним следишь.

— Не слежу, — нахмурился Безмолвный. — Присматриваю.

— Как пожелаешь. О нём нет никаких данных в Матрикуле. Как он стал Даэвом?

— А у тебя хороший аппетит, Исагир, — он ехидно улыбнулся. — За такую информацию нужно предложить взамен что-нибудь ценное...

Даэв задумался. Быть агентом Безмолвных он не хотел. Да и на кой ему сдался этот Териан?

— А что ты хочешь? — спросил воин.

— Видишь ли, Исагир, — начал Слутгельмир очень выразительно. — Мы с тобой преследуем общие цели: разобраться со злом, наказать предателей, привести Асмодею к миру и процветанию... А такие, как Териан Лекас, позорят нашу расу. По данным Теней Безмолвия, — он, улыбаясь, показал руками на себя. — Твой центурион укрывал у себя двоих пленных элийцев, а потом, устроив кровавую бойню, увёз их в неизвестном направлении. Ты же понимаешь, что это недостойно Даэва.

— Не может быть... — сморщил лицо Исагир.

— Я говорю правду. Помоги мне разузнать, куда он их отвёз, и я расскажу всё, что знаю, — он положил руку на грудь. — Клянусь.

— Идёт, — сурово буркнул Исагир. — Что это были за элийцы?

— Девка и мальчуган. Говорят, их взяли в Ингисоне.

— Девка... — Даэв задумался. — Хм... Помню. Её отвезли в Келькмарос.

— Именно, а потом начальник тюрьмы куда-то пропал, — пискнул Судья. — Безмолвные ведут это дело. И если выяснится, что к этому причастен твой центурион... Как же Штаб будет относиться к тебе после этого?

— Я всё выясню, — не раздумывая, скрипнул зубами легат. Он понимал, что если Судья растрепет кому-то о деяниях его подчинённого, легион ждут серьёзные неприятности. А это было не нужно никому.

— Ну вот видишь? — он радостно сложил руки на столе. — Значит, договорились. А теперь ступай.

Слутгельмир по-детски помахал ладонью, и бессмертный в бронзовых доспехах, грозно стуча сапогами, выбежал из кабинета. Судья не мог не улыбнуться — всё шло по плану.

Исагир подозревал, что с Терианом Лекасом что-то не так, но теперь... В глубине души он не хотел верить, что храбрый Даэв может укрывать у себя врага. Как это возможно: сотни лет самоотверженно защищать свой народ, а затем в одночасье предать его? Уму непостижимо! Если это подтвердится, Териана тут же лишат ранга, званий, а, возможно, и развоплотят — самое страшное наказание для бессмертного.

«Там-то всё и выяснится» — твёрдо решил легат третьего легиона Пандемониума, вспомнив, что через неделю наступает их очередь дежурства в крепости Астерии в Арэшурате..

Интердика. Юфросин.

Рассвело. Домишки и улочки засияли в мягком солнечном свете. Город потихоньку просыпался: двери и окна домов со скрипом распахивались, а улицы заполнялись привычным гулом. Фермеры и пекари уже загружали повозки свежим хлебом, чтобы вовремя успеть на рынок. Женщины, вооружённые ведрами и коромыслами, ровным строем шагали к озеру за чистой водой.

Караван шиго въезжал в ворота Юфросина. Эви знала здесь каждый закоулок, каждый камень — она вертелась по сторонам, радостно улыбаясь и прямо крича от счастья:

— Наконец-то я дома!

Покачивание повозки по извилистым тропам Интердики сморили Кая, и он крепко спал, откинувшись на спинку своего «трона». Колонна торговцев продвигалась к центру городка, где располагался базар — надо поскорее занять прилавки, а то их любимые места у всех на виду разберут!

Телеги остановились. Мальчик резко проснулся и первым увидел счастливое личико Эви: «Приехали!»

Путники спрыгнули с повозки, поблагодарили мохнатого извозчика и направились к дому губернатора — он был рядом с храмом на невысоком холме в центре города.

Ворота во двор охранял стражник Варуп — бывший офицер Небесной флотилии Элиоса. Но сейчас, когда кораблей стало меньше и нужды в стольких экипажах не было, он пошёл работать охранником дома губернатора в его родном Юфросине. А что делать, семью кормить-то надо, тем более ан Грейвы платили весьма неплохо.

Стражник, облачённый в старые доспехи с эмблемой воздушного флота, сразу узнал молодую хозяйку.

— Расефиэль, госпожа! — он поприветствовал её воинским жестом. — Вы вернулись одни?

— Здравствуй, Варуп, — широко улыбнувшись, сказала Эви. — Разве моих родителей ещё нет?

— Нет, госпожа. Дом пустует с тех пор, как Вы втроём уехали.

Девушка задумалась: «Неужели с ними что-то случилось?..»

— Всё в порядке, госпожа? — поинтересовался воин, увидев её поникшее лицо.

— Да... да... Варуп... — пробормотала она. — Пропусти нас...

— Конечно, госпожа!

Стражник быстро отворил ворота перед Эви и Каем. Естественно, он не стал бы спрашивать, кто этот мальчик. Его задача — только охранять дом и двор. В остальные дела ему лезть было не положено.

Вот он — дом! Родной дом! Ах, как девушка по нему скучала! Здесь для неё всё было родным: стены, двери, мебель, даже запах дорогих духов, крепко пропитавшийся в фурнитуру.

Мальчик раскрыл рот:

— Богато!..

— Это мой дом, — добродушно улыбнулась Эви. — Теперь он и твой! Располагайся. Я покажу тебе твою комнату.

— Мою?.. — воскликнул Кай и радостно побежал за девушкой.

Внутри было светло. Большие окна отлично освещали просторный высокий зал-холл. Но, несмотря на это, с потолка свисала красивая хрустальная люстра. По кругу от неё вдоль потолка расходились синего цвета узоры, как бы «стекавшие» вниз на стены. Пол был выполнен из настоящего мрамора, всё остальное было светло-розового или голубого цвета с рисунками более тёмных тонов. На стенах симметрично друг другу висели расписные светильники, хотя особой надобности в них не было. В центре зала вели на второй этаж две дугообразные лестницы, соединявшиеся наверху в милый балкончик.

Эви поднялась на второй этаж — там в стороны вели два длинных коридора. Почти в самом конце была одна из гостевых комнат — теперь это комната Кая.

Девушка раскрыла дверь и показала мальчику его покои. Он хотел было ахнуть от увиденного, но сдержался.

«Мда, не сравнится с нашим сараем...» — подумал юнец и с разбега прыгнул на здоровенную перину, громко рассмеявшись. Эви улыбнулась и оставила его. В доме было идеально чисто — девушка это сразу заметила. Значит, горничные убирались даже в отсутствие хозяев — приятно, как-никак.

В первую очередь, элийке захотелось принять душ. Нормальный душ. А затем переодеться в свою одежду и позавтракать — во рту не было ни крошки со вчерашнего дня. Но теперь ей не нужны были всякие поварихи, кухарки — за неделю в Асмодее она привыкла всё делать сама.

«Нужно сходить на рынок, — подумала Эви, а потом поймала себя на этой мысли. — На рынок? О, Айон, что это со мной?»

Так прошло несколько дней. Родителей всё не было. Девушка поспрашивала в храме и у стражников — никто ничего не знал.

На пятый день у двора остановилась карета. Эви выглянула в окно и тут же закричала от счастья: «Вернулись!»

Ромул и Фемисса ан Грейвы медленно вышли из экипажа и грустным взглядом оглядели дом. К ним подошёл Варуп и поприветствовал:

— Рад Вас видеть, господин и госпожа!

— Привет, Варуп, — с печальной улыбкой произнесла хозяйка.

— Вы поздно, — добавил он. — Госпожа Эви прибыла четыре дня назад.

Отец и мать посмотрели друг на друга и застыли. Ромул в тот же миг схватил стража за плечи и крикнул:

— Что ты сказал?

Фемисса побежала в дом. Она распахнула дверь и навстречу ей выбежала Эви. Дамы

столкнулись и, узнав друг друга, обнялись, громко зарыдав. Отец мигом отпустил стражника и ринулся к дочери, чтобы обнять. Счастливая семья, наконец, воссоединилась.

За обедом девушка рассказала всё, что с ней приключилось за эти долгие дни: как она сидела в темнице, как её вызволил асмодианский Даэв, как укрыл у себя, как доставил почти в самый Юфросин. Только о нападении Безмолвных и бандитов она не стала рассказывать — нечего лишний раз тревожить и без того перепуганных родителей.

За столом сидел и маленький Кай. Ан Грейвы с радостью приняли сироту в семью, особенно после случившегося. Родители слушали историю Эви и не могли в это поверить.

— Почему он тебе помог? — спросила женщина.

— Фемисса! — рывкнул отец, намекая на ненужный вопрос.

— Он сказал, что с нами должны были расправиться... Вот и помог...

— Не пойму, с чего бы асмодианину...

— А как ты с ним общалась? — перебил жену Ромул. — У них же свой язык.

— Он знает элийский, — объяснила Эви.

— Странно всё это...

— Ещё он сказал, что Дариус жив...

— Мы как раз хотели тебя обрадовать! — воскликнула Фемисса. — Представляешь! Отделался лишь лёгким порезом на шее.

— Даэв сказал, что пощадил его, — девушка опустила глаза и уткнулась в блюдо.

— Не верится что-то, — возразил отец. — Эти асмодиане... только и творят, что убийства и погромы. Я уверен, дочка, ты преувеличиваешь.

— Ничего я не преувеличиваю! — обиженно воскликнула Эви. — У Кая спросите! Он даже меня пальцем не тронул.

Мальчик робко кивнул несколько раз.

— Тише-тише, — Ромул погладил девушку по руке. — Тебе очень повезло! Видимо, Айон услышал наши молитвы...

— Где сейчас Дариус? — всё ещё грустным тоном спросила Эви. — Я хочу к нему...

— Он в Бертроне, отец его забрал к себе, пока о тебе не было вестей... — сказал глава семейства. — Тебя сейчас по всей Бездне ищет сам Даэв. Точнее, тех асмодиан.

Девушка ничего не ответила. Она лишь ещё раз пожелала скорее увидеться с её возлюбленным. Ромул пообещал это устроить, но дочка и слушать не хотела. Она решительно собралась сама ехать в Бертрон. Причём, прямо сейчас.

— Ты с ума сошла! — замотал головой губернатор. — Ты только вернулась!

— Это Вы только вернулись! — прокричала девушка. — А я хочу увидеться со своим женихом!

— Но, дочка? Мы так волновались... — погладила её по волосам мать.

Эви была непреклонна. Она встала из-за стола и поднялась в комнату собирать вещи, которые остались в доме, — ведь большую часть самой красивой одежды она увезла в Ингисон.

Кай лишь молча наблюдал за ссорой родителей и девушки и хлебал суп. А что он мог сделать? Он бы хотел поехать с Эви, ведь она помогла ему, но что ему делать в Бертроне? Поэтому юнец решил молчать и дожидаться, чем завершится этот разговор.

А закончился он просто. Девушка собрала большой чемодан и, волоча его по мраморному полу, спустилась вниз. Там она с важным видом прошла мимо столовой, покинула дом и села во всегда ожидающий у конюшни экипаж.

Отец, понимая, что уже ничего не изменить, не стал противиться. Он выругался, бросил приборы, вскочил, подошёл к небольшому сундуку у выхода, достал что-то и побежал за дочкой — она как раз неуклюже забиралась в карету.

— Стой! — крикнул мужчина и, запыхавшись, приблизился к девушке. — Эви... скажи... как... ты... собираешься... фу-у-ух... — он выпрямился и облокотился о дверцу экипажа, чтобы отдышаться. — Как ты собираешься в Бертрон попасть?

— По воздуху на судне... — гордо ответила она, вскинув носик.

— Это же сутки пути! — он попытался изобразить удивление, но вышло неубедительно. Ромул махнул рукой и достал что-то из-за пазухи. — Держи, — он протянул ей большой мешочек со звенящими монетами. — Это на привратника. Доберёшься до крепости Интердики на корабле, а дальше через портал — в Бертрон. Там спросишь, где живёт военачальник. Каждый бездомный это знать должен, — он немного запнулся. — Ну ладно, что это я... Прости меня и да поможет тебе Айон! — он бережно закрыл дверцу и сделал два шага назад.

Грусть Эви мигом исчезла. На её прелестном личике вновь засияла улыбка.

— Спасибо... — нежно прошептала она.

Кучер громко крикнул: «Но-о!» — и карета резко дёрнулась с места. Благодарные глаза Эви всё ещё смотрели на отца и видели, как тот махал ей вслед рукой. Девушка любила своих родителей, и ей было стыдно обижаться на них.

Между городами и провинциями Элиоса регулярно курсировали парящие корабли. Это было идеальным средством передвижения по соотношению цены и времени: не так дорого, как портал, но и не так медленно, как сухопутная повозка.

Большой красивый крылатый фрегат поджидал пассажиров в порту Юфросина. Этот городок, так сказать, был известен только этим самым портом. Здесь часто бывали воины и офицеры Небесной флотилии Элиоса, а потому город процветал.

Эви попросила кучера донести чемодан до трапа — тот не мог отказать её милейшей улыбке. Раньше девушка боялась путешествовать одна, но теперь страх куда-то исчез. Девушка забралась на палубу и оплатила у смотрителя билет до крепости Интердики — недёшево, конечно, но что поделать. Полёт занимал от силы пару часов, а по земле туда вообще часов десять-двенадцать ехать. Элийка заняла место на верхней палубе у самого борта, чтобы лучше видеть пейзажи. После того полёта с асмодианином ей понравилось парить в облаках.

Трап быстро убрали, и крылья с парусами судна наполнились ветром. Толпы зевак и провожающих, радостно махая руками поднимавшемуся в воздух кораблю, чуть отступили назад. Корабль начал медленно набирать высоту. Когда домики стали похожи на игрушечные, а люди внизу — на муравьёв, фрегат застыл на мгновение, а затем почувствовался лёгкий толчок — он поймал поток Эфира и помчался по своему маршруту.

Внизу мелькали деревушки, поля, холмы, озёра и болота. На высоте было довольно прохладно — ветер завывал и пробирался даже в небольшие щели на нижних палубах. Но девушка не замечала этого. Её пленили пейзажи родной Интердики, с высоты птичьего полёта казавшиеся ей ещё прекраснее.

Судно проплыло над глубоким оврагом, на дне которого бурлила быстрая река. Впереди ровным рядом выстроились невысокие горы. Где-то между вершинами таились руины древнего города, разрушенного Катаклизмом. Это значило лишь одно — крепость уже близко. Преодолев хребет, корабль стал снижаться. За протяжённой равниной виднелись

стены самого крупного города провинции.

Через десять минут судно опустилось на портовую площадь, чтобы высадить пассажиров. Оставшиеся на борту следовали дальше по маршруту — в провинцию Элтенен, расположившуюся за высокими горами к северу от крепости.

Эви сошла с трапа. Её новый грузчик — матрос корабля — потащил на себе тяжёлую поклажу барышни. Пост привратника находился прямо в порту, чтобы удобнее было путешествовать — не надо пробираться через весь город, как во многих других селениях.

Хранитель портала — мужчина в длинной бежевой тунике — был удивлён, когда к нему подошла хрупкая и так мило улыбавшаяся девушка. Обычно он обслуживал либо знатных офицеров, либо старых богатых купцов.

— Добрый день...

— И Вам день добрый, прекрасная барышня, — привратник выпрямился. Грузчик, кряхтя, поставил тяжеленный чемодан у ног мужчины и, отдышавшись, поспешил вернуться на судно.

— Мне нужно в Бертрон. Вот, — она протянула мешочек с деньгами. Хранитель взял его, развязал, высыпал себе в одежду необходимое и отдал остаток девушке.

— Больше не требуется, — увлечённо улыбнулся он и на секунду потерялся. Потом вспомнил про портал и, суетясь, начал призывать разлом. Круг в воздухе засиял, и внутри него был уже не пейзаж людной Интердики, а широкие залитые солнцем улицы крепости Бертрона.

Эви смущённо намекнула на неподъёмный чемодан, и привратник мгновенно опомнился, решив оказать услугу вежливости красивой незнакомке. Но спустя мгновение пожалел, ибо груз оказался не по силам хрупкому магу.

Падать в глазах девушки он не хотел, поэтому, в душе проклиная всё и вся, тужась и пытаясь, смог оторвать от земли этот «чемоданчик», как его называла Эви.словно тяжелоатлет, он поднёс на руках сумку к разлому и бросил его туда, чуть не провалившись сам.

— Эй! Поосторожней! — негодуя, высказала девушка и, хмыкнув, ловко перешагнула через портал. Спустя мгновение он закрылся.

«Бертрон-Бертрон...» — огляделась Эви, предаваясь воспоминаниям об этих славных землях. Элийка оказалась на центральной площади города. Она остановила прохожего и поинтересовалась, где живёт военачальник. Незнакомец охотно объяснил, что его поместье — на холме в северной части города. Барышня поблагодарила его и подумала:

«Надо бы найти экипаж...»

Она подошла к круговой, выложенной брусчаткой дороге и помахала рукой первой же проезжавшей мимо карете. Повозка встала прямо у ног девушки.

— Вы не могли бы подвезти меня до поместья военачальника? — спросила она своим нежным голоском.

— С радостью, — сразу растаял паренёк-извозчик. Но тут же проклял всё, когда история с чемоданом повторилась. Загрузив багаж в отсек сзади и оказав помощь барышне, он сел на своё место и помчал лошадей вверх по широкой улице.

Не прошло и пяти минут, как повозка въехала во двор поместья — странно, что карету пропустила стража. Лошади по команде остановились у ступеней в дом.

Хозяин видел, что кто-то приехал, и вышел узнать сам, что за гость. Не любил ан Боуэн старший пользоваться услугами дворецкого. Мужчина подошёл к карете, и в этот момент

дверца открылась.

Баталлос выпучил глаза:

— Мать балаурскую! Ты жива! — схватил девушку и приземлил около себя.

Кучер тем временем пристроил чемодан у ног барышни и гордо встал около неё, намекая на оплату. Эви полезла в сумочку, но Баталлос опередил её, бросив юнцу звонкую монету. Тот ловко поймал её, поблагодарил и удалился.

— Как ты здесь оказалась? — прямо-таки закричал мужчина. — Неважно! Быстрей, идём в дом.

Он схватил поклажу одной рукой и занёс внутрь, первой пропустив гостью.

Войдя в прихожую, Эви глубоко вздохнула в блаженстве, почуяв родной аромат. Дом Баталлоса был больше, чем её отца. Естественно, военачальник же!

— Я позову Дариуса! — уже перепрыгивая через ступени лестницы, крикнул мужчина.

Но сердце юноши ёкнуло раньше. Только его отец забежал на второй этаж, там же появился молодой человек.

— Айон Всемогуший... — прохрипел Дариус и за секунду спустился вниз. Он подбежал к Эви и безвольно упал перед ней на колени, заключив в объятия. Девушка тоже опустилась к нему. Слезы потекли сами собой. Элийка уронила сумочку на пол, и крепко-крепко прижалась к любимому, разревевшись ему в плечо.

Влюблённые, стоя на коленях в прихожей дома военачальника, плакали от радости. Даже юный офицер не смог сдержаться от слёз счастья. Наверное, нет на свете более сладкого чувства, чем снова обнять того, кого так горько и трагически потерял.

— Слава Айону, — дрожащим голосом захрипел юноша. — Родная... Любимая... — он страстно поцеловал Эви. — Слава всем Богам!

Он поднялся и взял девушку на руки. Дариус глянул на своего отца — тот с приятной улыбкой стоял на втором этаже, облокотившись о перила. Молодой человек медленно поднялся наверх и отнёс любимую в свою комнату.

Он усадил её на кровать и присел рядом, снова обняв и прижав к груди. Эви заметила шрам на шее возлюбленного и дотронулась до него пальчиком.

— Ничего, — хрипнул юноша и прокашлялся. — Кхе-кхе, это пройдёт.

Приобняв девушку руками за шею и погладив по щекам, он уставился в полные расплавленного серебра глаза любимой. Как же он по ним скучал!..

— Как... как... — закалённый боями офицер не мог произнести ни слова. — Как ты выбралась?

Эви слегка отстранилась от любимого и заговорила:

— Меня вызволил тот асмодианин...

— К-к-какой асмодианин? — Дариус вновь притянул невесту к себе.

— Бессмертный, который тебя спас... — опустив взгляд, выдохнула девушка.

— Как спас... Что... О чём ты? — пока не понимал ни слова молодой человек.

Элийка снова погладила жениха по широкому шраму вдоль всей шеи.

— Он мне сказал, что специально не убил тебя...

— Ты была у него?! — удивлённо воскликнул юноша.

— Да, он... довёл меня и одного мальчика, тоже пленника, до Юфросина... — тихо сказала Эви и замолчала. Она не стала рассказывать про Асмодею, про Безмолвных, про разбойников — всё это теперь позади.

— Не может быть... Он просто ошибся тогда... на площади...

Девушка помотала головой, глядя в глаза Дариусу.

— Нет... Он пожалел...

Внутри Дариуса всё заколотило. Да как это возможно? Всех убили, а его пожалели?

— Он к тебе не приставал? — серьёзным тоном спросил юноша.

— Нет, что ты! — воскликнула Эви. — Он кормил меня и Кая... мальчика. Пальцем не трогал, клянусь!

Всё это не укладывалось в голове элийца.

«Враг не знает жалости! — вот как учили его с детства. — Поэтому нельзя проявлять жалость к врагу!..»

— А где мальчик тот?

— У моих родителей... Он остался сиротой, и мы взяли его к себе.

В этот момент в комнату осторожно вошёл Ваталлос и встал у двери. Ему тоже была интересна эта история.

— Тот асмодианин... — продолжила девушка. — Не знаю его имени... Он сказал, что пощадил тебя из-за камня воскрешения.

Отец грозно уставился на сына, а тот спрятал взгляд.

— Какой камень воскрешения?.. — сурово спросил Ваталлос.

Девушка замолчала. Она не знала, стоило ли про это говорить.

— Даймон, — вздохнув, начал Дариус. — Дал мне камень, когда умирал...

— Что?! Ты же знаешь, что среди смертных это запрещено! Если кто-то узнает...

— Никто не узнает, — он вопросительно посмотрел на девушку, та молча кивнула. — Вот видишь? — он снова обратился к отцу.

— Если бы не этот камень... — тихо промолвила Эви. — Вашего сына сейчас бы здесь не было.

Ничего не скажешь, это был убедительный аргумент.

— Где он сейчас?.. — уже более спокойным тоном спросил Ваталлос.

— Вернул Даймону.

— Может ты ещё что-то скрыл от меня?

— Ничего... — низко хрипнул офицер.

Военачальник молча вздохнул и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

После непродолжительной неловкой тишины Дариус сказал, грустно ухмыльнувшись:

— То есть я должен быть благодарен тому серозатому?

— Асмодианину, — недовольно поправила Эви. — Если б не он, нас бы обоих убили...

— Иди ко мне... — юноша снова прижал невесту к себе. Теперь-то их точно ничто не разлучит. Но мысли Дариуса всё ещё были о том зеленоглазом Дазве.

«Неужели среди них есть такие?..» — спросил себя он. Но через секунду воин отбросил все вопросы и просто замолчал, наслаждаясь каждым мгновением со своей любимой.

Неизвестно, сколько ещё они просидели вот так в обнимку, да и кому это будет интересно...

Где-то в Арэшурате.

Териан Лекас знал, что разозлил Храм Правосудия, и теперь они попытаются ему отомстить. Дазв догадывался, как они поступят, и был готов ко всему. Можно сказать, ждал этого. А сейчас он решил отдохнуть от недавних событий — просто спокойно поразмыслить обо всём, что тревожило его бессмертную душу. Идеальным местом, где можно скрыться от

посторонних глаз, была Бездна. Асмодианин уже несколько суток парил между островами верхнего Арэшурата. А куда ему торопиться? Его жизнь длится века и продлится ещё столько же, Эфира полно — что ещё можно пожелать?..

В бескрайней Бездне Териан приземлился у своего любимого места — Пропasti Астерии. Это, пожалуй, единственный островок оазиса в бесконечной тьме Арэшурата. Здесь, под странным голубоватым свечением сияющего Эфира, даже растёт трава, цветут кустарники, и между многочисленными мелкими островками прыгают туда-сюда безобидные элементарии — ожившие частички стихий. Отчего здесь Эфир светится, а везде — нет, — неизвестно, но Пропасть Астерии воистину прекраснейшее место во всём Арэшурате.

Даэв опустился на маленький парящий островок, всего метра три в диаметре, и присел на его край, скинув ноги вниз — в бескрайнюю пустоту. Здесь думалось проще. Он просто сидел и наблюдал, как рядом по воздуху порхают голубые полупрозрачные львята с густой развевающейся ветром гривой. Эти милые создания не обращали внимания на асмодианина, а просто летали туда-обратно. У них не было забот, не было того, что могло их огорчить. Они просто жили. И никто им не мешал...

Териан помнил, что через несколько дней наступит очередь его легиона охранять крепость, расположившуюся в глубине оазиса Пропasti Астерии. Даэв решил подождать здесь. Ведь для него неделя — лишь капля мгновения в бескрайнем море вечности.

Элизиум. Храм Стражников.

Фаметес ан Ривен сидел за своим столом и читал очередной отчёт о поставках оружия из элийских кузниц. За его спиной, убрав руки за спину, стоял его советник — глава рыцарей Миразента.

— Почему адамантита стало меньше? — юный правитель указал Раверинтосу на строчку в помятом листе пергамента.

— Уменьшились поставки из Бездны, — спокойно проговорил мужчина.

— Ясно... — военачальник сразу понял, по какой причине это произошло.

Раверинтос ненадолго удалился, оставив Фаметеса в одиночестве. Затем он вернулся с двумя бокалами вина.

— Что Вы решили насчёт Ингисона, господин? — важно, но вежливо спросил глава Ордена, держа в руках два больших хрустальных сосуда с ароматным напитком.

— Я вывожу войска из Балаурии и веду их в Бездну... Там они нужнее... — пробормотал юноша, не отрываясь от бумаг.

— Мудрое решение... — искоса улыбнулся Раверинтос и незаметно вылил содержимое бокалов в стоящую у балкона клумбу с цветами.

«Ещё не время...» — подумал мужчина и снова подошёл к правителю, чтобы помочь ему разобраться с отчётами.

===== Часть 2. «Преступление и наказание». Глава 1. =====

Комментарий к Часть 2. «Преступление и наказание». Глава 1.

Отредактировано.

Три дня спустя.

Арэшурат.

Даймон обшаривал каждый уголок Бездны в поисках третьего легиона Пандемониума, но пока безуспешно. Он не возвращался в Элиос, оттого и не мог знать счастливую весть о

возвращении Эви. Требований от командования войсками Арэшурата тоже не поступало — затишье.

Даэв знал, что «местообитание» этого легиона — Астерия, и он в который раз решил проверить её окрестности. Элиец лавировал между мелкими островками, разглядывая хоть малейший намёк на чёрные доспехи. Но исследовать надо было слишком много — Пропать Астерии тянулась от горизонта до горизонта.

Териан Лекас, всё ещё медитировавший на крохотном островке, почуял что-то неладное. Чутьё резко прервало все мысли Даэва — рядом однозначно был элиец. Он чувствовал это по сгусткам Эфира.

Асмодианин вскочил на ноги, но крылья пока не раскрывал — вдруг не заметят. Но белая фигура приближалась к нему слишком быстро — стоять на месте не было смысла, и Териану пришлось взмыть в воздух навстречу заплутавшему врагу.

«Опять этот элиец?» — с неким удивлением подумал серокожий.

Даймон, наконец, увидел вдалеке чёрную точку и во все крылья рванул к ней. Какова же была его радость, когда он увидел, что навстречу летит именно Териан Лекас. Элиец убрал алебарду за спину, чтобы не начинать встречу с боя.

Белокрылый застыл в воздухе, медленно взмахивая своими красивыми длинными перьями. Асмодианин подлетел к нему и поступил так же, сделав при этом вопросительное лицо.

— Расефиэль, Териан Лекас. Долго я тебя искал... — обычным спокойным тоном Даэва сказал элиец.

— Ирау, — заговорил враг по-элийски. — Что тебе нужно?

— Давай на островок, нечего парить друг перед другом, как два идиота, — Даймон вывернул крылья и полетел к земле. Териан хмыкнул и последовал за ним.

Элиец приземлился на ближайший островок и избавился от крыльев. Так же вынужден был поступить и асмодианин.

— Я пришёл спросить кое-о-чём, — начал белокрылый. — Точнее, кое-о-ком.

Териан ухмыльнулся — ему было всё понятно.

— Она вернулась в Элиос, если ты о девушке.

— Когда? — удивился Даймон.

— Четыре дня назад. Я лично сопровождал её в Интердику.

— Что? — элиец не мог поверить своим ушам. — Ты спас её?

— Да, — голос асмодианина был равнодушен и хладнокровен. Другого и не следовало ожидать. — По своим причинам.

Честно говоря, Даймон даже слегка выпучил глаза.

— Ты не перестаёшь меня удивлять... Причины твоей «доброты» меня не интересуют. Скажи, как Эви попала к тебе в руки?

«Так её зовут Эви...» — заметил асмодианин.

— Её и одного вашего мальчика хотели пытать наши. Я помешал им и забросил парочку в Элиос. Благодарности можешь оставить при себе, — как ни крути, в голосе Териана читалось презрение.

— Благодарности не от меня, а от её родителей, — Даймон заговорил тише. — Они очень переживали за неё.

Асмодианин просто кивнул — ему не нужны были заботы других людей. Тем более благодарности.

— Скажи, — продолжил элиец. — Ты нарочно не убил того юнца во время битвы в Ингисоне?

— Твоего легионера? — он сощурился.

— Именно.

— Хм... Ты бросил ему камень воскрешения. Он бы в любом случае остался жив. Я решил, пусть меньше мучается.

— А вот теперь благодарности от меня, — Даймон сделал шаг к врагу. — Спасибо, что пощадил его. Я не хочу, чтоб его душа была проклята силой камня... К тому же у меня теперь меньше проблем.

Асмодианин ухмыльнулся и оскалился:

— Ты заберёшь назад свои благодарности, когда совсем скоро окажешься на кибелиске.

Элиец рассмеялся.

— Мда, — он достал из-за спины оружие. — С этой алебардой мне тебя не одолеть. А старую я оставил в восточной крепости.

Териан посмотрел на двуручный топор врага.

«Угу, эта игрушка не сравнится с тем дрениумовым чудом, инкрустированной сапфировой крошкой», — серокожий мгновенно оценил неопасность сего орудия для себя.

— Твой старый топор лежит на складе оружия Восточного Крыла. Могу достать его, если хочешь. Оставлю на хранение в «Тёмном Облаке». Потом заберёшь у шиго, — монотонно проговорил Териан Лекас.

— Великодушно... Да, с этим барахлом и ходить стыдно, — Даймон небрежно повертел в руках своё орудие.

— Великодушие здесь ни при чём. Не подобает видеть легата с такой щепкой.

— Я уже не легат, — улыбнулся элиец.

— В самом деле? — изобразил удивление серокожий. — Что случилось?

— Большинство моих легионеров перерезали ваши крыланы. А новый состав набирать не хочу...

— Вступи к кому-нибудь. Такого опытного Даэва, как ты, охотно возьмут в адъютанты.

— Так и поступлю... — протянул Даймон. — В одиночестве тяжело. Я смотрю, даже ты после стольких лет скитаний решил податься в легион.

— Ты знаешь меня... — тон асмодианина стал суровей. — Мой легион меня не интересует. Я предпочитаю одиночество.

Даймон снова улыбнулся.

— Тогда даже спрашивать не буду, что ты замышляешь...

Териан никак не отреагировал на усмешку элийца.

— Как Белатрисс? — после недолгого молчания спросил асмодианин.

— Уже давно в исследовательской миссии в Сарфане. Не могу с ней связаться...

Серокожий прищурился от фразы Даэва.

— Хм, наши тоже туда отправили кого-то...

— Значит, там жарко... — вздохнул Даймон. — Твой легион в крепости?

— Нет ещё. Послезавтра вступаем в дежурство.

— Тогда что ты тут забыл? — элиец убрал орудие и скрестил руки на груди.

— Проветриться решил, — отговорился Териан и замолчал.

— Ладно, — промычал белокрылый. — Беседа затянулась. Ещё раз спасибо за Эви и моего легионера, — он отступил назад и стал ожидать реакции асмодианина: будет бой или

нет.

— Лети, — прочитал его мысль серокожий. — Нет настроения сражаться.

Даймон ухмыльнулся и расправил крылья. Териан снова присел на край островка и впал в раздумья. За спиной послышался удаляющийся шорох чужих крыльев.

— Да защитит тебя Айон! — крикнул издалека элиец.

— Да сохранит тебя Айон, — ответил асмодианин и закрыл глаза, снова отключив разум.

Пандемониум. Храм Правосудия.

Войдя в свой кабинет, Слутгельмир обнаружил на столе запечатанное письмо. Он хмыкнул и огляделся — никого не было. Судья подошёл к охраннику, тот сказал, что письмо в Храм доставил почтальон шиго. Мужчина вернулся в комнату и запер дверь изнутри. В послании могло быть что-то важное, ведь ему редко шлют письма.

Слутгельмир маленьким ножичком вскрыл плотный конверт и достал оттуда записку, однозначно написанную рукой Тени. Он развернул сложенный пополам листок бумаги и стал медленно читать.

Доставлено торговой компанией «Тёмное Облако».

Оплата при отправлении.

Срочно.

Кому: Верховный Судья Храма Правосудия в Пандемониуме, Асмодея.

От кого: Безмолвная Миссия.

«Верховный Судья,

Мы узнали всё об объекте. Девчонка — родная дочь губернатора одного из городов Интердики, Элиос. С Терианом Лекасом, судя по всему, до осады не встречалась. Следы ведут нас в Бертрон. Мы обнаружим объект в течение двух дней. Ждём дальнейших указаний.

Б. М.

Р. S. Просим прислать ответ на имя главного поставщика компании «Лёгкий Бриз» в крепости Бертрон, Элиос».

Слутгельмир сложил листок и сделал довольные лицо.

— Надо же, как интересно! Дочка губернатора в лапах асмодианского Даэва! Не может быть, чтобы всё было так просто. Что-то здесь не так...

Он постучал пальцами по столу и схватился за перо.

«Срочно доставьте её в подземную тюрьму Пандемониума для допроса».

Сложив ответный листок, Судья вскочил, подошёл к посту у входа в кабинет и велел стражнику отправить записку главному поставщику «Лёгкого Бриза» в Бертроне.

— С пометкой «срочно»! Уяснил?

— Да, господин, — вежливо поклонился акан и побежал по лестнице вниз.

Слутгельмир вернулся к себе и плюхнулся в кресло.

«Становится всё интереснее и интереснее...», — подумал он, откинувшись на спинку и сложив руки в замок.

Крепость Бертрон.

Дариус стоял у зеркала и любовался. Новый сшитый на заказ наряд, только что доставленный от портного выглядел чудесно. Сзади к нему тихонько подкралась Эви. Он

увидел её улыбку в зеркале, но сделал вид, что не заметил. Громко хихикнув, девушка прыгнула на жениха, закрыв ладошками его глаза.

— Угадай, кто?

— Хм, — скорчил задумчивую мину юноша. — Даже не знаю. Может... отец?

Она рассмеялась, Дариус мгновенно развернулся в объятиях невесты, обхватил талию, приподнял над землёй и поцеловал.

— Теперь нас никто не разлучит... — улыбнулся юноша, утопая в светящихся счастьем глазах возлюбленной.

— Никто... — нежно шепнув, подтвердила она. — Я написала письмо родителям, сказала, что церемония через два дня. Они должны успеть.

— Конечно, успеют! А то я отправлю за ними отряд! — молодой человек поставил девушку на пол, но так и не выпустил из объятий.

— Ха-ха, скажешь тоже! — она дотронулась пальчиком до его носа, отчего тот сморщился.

Звонкий девичий смех разбежался по помещениям большого дома военачальника.

Вдруг входная дверь распахнулась, и внутрь, брэнча доспехами, устало вошёл бывший легат Дариуса.

— Балаурский офицер мне в гузно! Уже обжимаются, пока я тут всю Бездну обшариваю!

— Расефиэль, — юноша на мгновение отвлёкся на гостя, но затем снова устался на невесту, глупо улыбаясь. — Моё сокровище вернулось ко мне...

— Это всё прекрасно, — сложив руки на груди, вразвалку пошагал к влюблённым Даэв. — А спасибо мне за труд никто сказать не хочет? — он вскинул брови и устремил сияющий бессмертием взгляд сначала на Эви, потом на Дариуса.

Юноше пришлось разомкнуть объятия, чтобы от сердца поблагодарить Даймона. Мужчины обнялись и похлопали друг друга по плечам. Тем временем Даэв продолжил причитать:

— Вот-вот! Ты же знаешь, я бы в жизни не стал помогать такому растяпе, если б не был должен твоему отцу. Так что его тоже благодари!

Эви отвлеклась на Даэва:

— Вы искали меня?

— Всю Бездну облетел, дери меня драканский полк, но нашёл тех двух асмодиан: Исагира и Териана Лекаса.

— Кого-кого? — удивлённо улыбнулась она.

— Крылана с уродской чёлкой и того зеленоглазого, который спас тебя. Он мне, кстати, всё рассказал.

«Вот тебе и воспоминание...» — невольно пронеслось в голове девушки. Её прелестный взгляд омрачился лёгкой печалью.

— Эй, — Дариус поднял личико девушки, увидев, что она вдруг загрустила. — Всё хорошо!

— Угу, — сказала она и уткнулась в грудь юноши. Тот начал нежно гладить её по волосам.

— Даймон, — молодой человек повернул голову к легату. — Вы придёте на церемонию?

Даэв раскрыл рот от удивления и воскликнул:

— Вот ты сейчас серьёзно, да? То есть я неделю просто так летал по Бездне, балаур её

дери, сдох там один раз, и ты задаёшь такой глупый вопрос? — он изобразил обиду и скорчил лицо.

Дариус улыбнулся и попросил прощения.

— Я бы хотел, чтобы весь оставшийся легион пришёл...

Эта фраза омрачила лица обоих мужчин.

— Это... хорошая мысль... — успокоившись, сказал Даэв. — Я соберу всех. Они будут рады.

— Спасибо, — понимающе кивнул юноша.

— Всё, до встречи, — отсалютовал Даймон. — Передай отцу, что долг выплачен. Да защитит вас Айон.

— Да сохранит Вас Айон, — молодой человек помахал рукой вслед удаляющемуся легату.

Когда дверь закрылась, Эви произнесла:

— Я люблю тебя...

— И я тебя... — донеслось эхом из уст юноши.

Свадьбу на этот раз решили сыграть в Бертроне. И место выбрали, пожалуй, самое красивое в целой провинции — южное побережье. Там было всё: и белые пляжи, и зелёные леса, и высокие холмы, а вдали виднелись горы Артамии, в которых до сих пор лежали следы самого прекрасного храма, построенного людьми в честь Айона — Джумиона, разрушенного Лордом Мирастадом ещё до Катаклизма. Очень знаменательное место.

Священника пригласили из самого Элизиума — а именно одного из помощников Верховного Жреца Элиоса. Платье невесты, а также украшения были заказаны из Храма Мастерства в небесной столице — заведении, где шили костюмы и наряды для Даэвов и военачальников, а также ковали броню, оружие и создавали всевозможные магические штуки.

Свадебный костюм Дариус заказал у знакомого портного в Элиане — земной столице Элиоса. Мастер на все руки, как говорят.

Гостей на свадьбе будет, по-видимому, куча. И вся эта куча — знатные семьи Интердики. Прибудут и бойцы Кинжала Безмолвия с родными, а также руководство союзных легионов: Сияния Миражей, Пепельных Облаков, Щита Неджакана прямиком из Бездны и так далее.

Празднество ожидает быть грандиозным. А чего ещё можно ждать от слияния главной семьи Бертрона и одной из главных семей Интердики? Приглашения разосланы, всё подготовлено — влюблённым осталось коротать эти долгие два дня, чтобы счастливо встретить новый этап своей жизни.

После встречи с Даймоном Дариус взял Эви на прогулку до лечебных озёр Бертрона, где они много лет назад и познакомились. Они начинались прямо за крепостной стеной.

Погода стояла солнечная. Парочка прогуливалась по мощёной аллее у берегов блестящей, прозрачно-чистой глади воды и вспоминала прошлое.

— ...Тот мальчик, которого ты ударил, когда меня обидели... шесть лет назад, — с безмятежной улыбкой на прелестном личике говорила девушка. — Он же тогда пожаловался родителям...

— Да-да-да, — засмеялся юноша. — А потом его отец пошёл разбираться к моему отцу. Какого было его удивление, когда перед ним предстал сам военачальник!

— Ха-ха!

— ...Надо было видеть лицо того мужчины. Он слова сказать не мог! Просто что-то бурчал непонятное: «Бе-бе-бе»...

— А потом что? — Эви погладила любимого по щеке.

— Извинился за своего сына и ушёл.

— Ха-х... Испуга-а-ался... — в улыбке протянула элийка.

— Угу. Мой отец тогда ещё похвалил меня... — от этих слов глаза юноши поникли. Они отвлеклись от пейзажа занялись изучением брусчатой дороги.

Впереди медленно шла парочка с коляской. Дариус задумался о будущем, оно почему-то пугало его. Первый раз в жизни он испугался его. Даже там, на площади перед храмом с лезвием у горла, его сердце билось ровно и спокойно, а сейчас оно колотило, словно решалась судьба человечества.

Юноша всё вглядывался в незнакомцев и даже не замечал, что они были странными: капюшоны на головах в ясную погоду, большие сапоги... Шли они близко друг к другу и вместе держались за накрытую от солнца коляску. Но его это не волновало. Дариус и Эви обошли парочку, и те в тот же миг развернулись и пошагали обратно, так и не показав своих лиц.

Влюблённые дошли до края маленького озерца и направились к дому — он был совсем недалеко.

Затем был обед, разговор с отцом, снова прогулка... Эти спокойные часы длились мерно и тихо, прямо как затишье перед бурей. Два дня пролетели за безмятежностью и приятными беседами. Под вечер второго дня в Бертрон прибыли родители Эви. Молодые их встретили, проводили, показали дом. Но вместо прогулки Дариус отправил любимую спать — надо было выспаться перед завтрашним днём, потому что с утра после приготовлений вместе с гостями она должна явиться в уютный храмик на южном побережье. Для этого жених даже нанял небольшой воздушный корабль. А сам Дариус с отцом и своими гостями выехали туда сейчас: такова традиция. Легионеров с семьями расположили в коттедже на берегу, легатов — в отдельных домах, а Дариус всю ночь провёл, сидя на песке и журчащей воды и всматриваясь вдаль.

Сквозь домики начали пробиваться первые солнечные лучи. В мгновение ока птицы повывлетали из своих гнёзд, создав привычную суматоху. Мягко порхая над остывшей за ночь землёй, стайка из мелких разноцветных пташек, словно радужная волна, приближалась к селениям. Со всех сторон доносилось приятное слуху пение пернатых жителей. Пролетая над домами, они словно кричали:

«Проснитесь, ну же! Смотрите! Утро наступило!»

В усадьбе военачальника в крепости Бертрона уже давно не спали. Многочисленные гости невесты прибыли в поместье, и двор утопал в красивых экипажах. Макияж, причёска Эви были готовы.

— А как же платье?

— Наденешь там, — приговаривала мать. — Нехорошо по воздуху лететь прямо в свадебном наряде — испортится ведь от ветра. Да и традиция такая.

Это было разумно. Девушка согласилась. А платье, сами понимаете, было умопомрачительным — в Храме Мастерства постарались на славу.

И вот начались сборы: суматоха, галдёж — все что-то ищут, толкаются, ругаются, но... через десять минут колонна из гостей, возглавляемая самой невестой и её родителями, спокойно, без шума выходит из дома, растекается по каретам и спешит на всех парах в

воздушный порт.

У причала процессию ждёт белоснежный, украшенный шариками, лентами, ещё какой-то ерундой фрегат. Паруса — кроваво-алые, борта — белые с красной полосой вдоль. Это был не корабль, а нечто невообразимое. Гостей встречали выряженные в красно-белые наряды матросы — все, как на подбор: статные, одинакового роста — прям загляденье. Естественно, на такое величественное судно пришла поглазеть целая туча горожан. Каждый бы хотел взобраться на его борт, но такая возможность была только у приглашённых на свадьбу. Что ж, ан Боуэны постарались на славу.

Фрегат выстрелил из декоративной пушки и стал подниматься в воздух. Овации, крики, радостные взмахи руками внизу... На борту тоже захлопали и уже с приподнятым настроением направились на юг — к океанскому берегу.

Эви некогда было переживать и трястись, как все девушки перед свадьбой, — столько положительных эмоций — просто счастье! Каждые несколько минут небольшая, но громкая пушка, делала залпы. Пусть вся округа знает, что они летят! Да! Именно там! В небе Смотрите на нас!

А на побережье тем временем шли последние приготовления. По всей длине дороги от порта до храма расстелили алый ковёр и усыпали лепестками цветов. Вдоль него по краям ровной шеренгой стояли legionеры, которые должны были встречать гостей невесты. В храме на втором этаже Эви и родители должны были подготовиться, переодеться, если надо, и в присутствии священника произнести молитву Айону, в которой они будут просить о счастье и взаимопонимании в будущей семье. После этого священник спустится уже в заполненный зал, произнесёт речь, и под звуки оркестра, исполняющего традиционную мелодию «Башня Вечности», перед гостями появится невеста. Родители подведут её к алтарю, где уже ждёт жених, и останутся стоять там до конца церемонии. Дальше священник торжественно скрепит сердца влюблённых нерушимыми на Атрее узами брака. Такого понятия, как развод, в этом мире не было — брак, он на всю жизнь. Никаких глупых вопросов наподобие: «Ты согласен взять невесту в жёны? А ты — в мужа?» — не задавали. Влюблённые уже всё решили, и лишний раз спрашивать об очевидном не имело смысла. Неужели такое празднество затевали ради ответа «нет»? А вот традиция обмениваться кольцами присутствовала. Только жених обязан был встать на колени перед невестой. Это важно.

После венчания начинается собственно само торжество. По очереди желающие могут публично поздравить молодожёнов, затем слово берёт жених, ну а дальше... дальше развитие событий может быть любым: до чего только дойдёт фантазия, как говорится. Кто улетает в воздушное путешествие, кто просто празднует с гостями до потери сознания — вариантов тьма. А ночь принадлежит влюблённым — здесь никаких канонов нет и быть не может.

Всё шло по плану. Дариус уже был одет. Принято, чтобы жених тоже был в белом наряде. Но юноша ведь — офицер, посему — заказной парадный мундир. Так было даже красивей, нежели в каком-то костюме: мундир выглядит более мужественно и серьёзно. А поступок сей, как-никак, — самый, что ни на есть, ответственный. Про красоту наряда Дариуса говорить даже не стоит: золото, шёлк, бархат — только лучшие материалы. Но как бы ни был хорош жених, все взгляды всё равно будут прикованы к невесте. А её кортеж должен прибыть с минуту на минуту.

И вот доносится пушечный залп — летят. Взгляды в воздух: белый корабль об алых парусах медленно подбирается к причалу. Всего мгновение, и он становится на свой

постамент, а его борта тросами привязывают к огромным крюкам на земле. Матросы бережно опускают трап.

Началось. Первыми сходят невеста и её родители. Она ещё не в свадебном платье — никто из гостей не должен видеть её в нём до церемонии. Затем на алый ковёр спускаются многочисленные гости. Колонна продвигается к храму, и легионеры друг за дружкой склоняют головы — преклонять колени не нужно: они ведь не женихи.

Эви, Ромул и Фемисса идут к заднему двору храма и по лестнице поднимаются на второй этаж, не появляясь в зале первого. А гости входят через парадные двери и занимают места в большом, великолепно украшенном помещении. Жених с отцом пока ещё находятся в комнатке за алтарём.

— Никогда не думал, что у меня будут поджилки трястись... — проговаривает Дариус. Его дыхание то и дело перехватывает от напряжения. Он сжимает холодные кулаки, чтобы не видеть дрожащих пальцев.

Ваталлос обнимает его за плечо и спокойно говорит:

— Всё хорошо. Ты так давно этого ждал. Теперь возьми себя в руки, нужно это выдержать. Представь, что предстоящий час — это последнее испытание. Пройди его с достоинством.

Слова отца взбодрили офицера. Он выровнял дыхание, оправился и спросил:

— Как я выгляжу?

Ваталлос поправил ему воротник сзади, похлопал по плечу и произнёс:

— Лучше не бывает.

— Отлично... отлично... — прошептал жених и посмотрел на часы — до церемонии полчаса. — Балаурский рог, как же медленно тянется время!

— Потерпи! Скоро всё начнётся...

Тем временем невеста и родители поднялись вверх. Внутрь тотчас вбежали две служанки, которые будут помогать Эви надеть платье. Комната была просторной: куча диванов, шкафов и зеркал — а ещё очень светлой. Казалось, что стены — это одно большое окно.

— Ну вот и пришли... — радостно сказала мать. — Сейчас занесут платье.

И она не соврала: через секунду мужчина в фраке принёс одетый на глиняный манекен наряд невесты. Айон Всемогущий, как он был прекрасен! Эви уже надевала его однажды — когда его привезли из Храма Мастерства. И ей так не терпелось оказаться в нём снова! Почувствовать себя принцессой! Ангелом! Глазки девушки засияли ярче, чем у любого Даэва, когда она вновь представила себя в свадебном наряде своей сбывающейся мечты.

— Мы оставим тебя ненадолго, — сказал отец и попятился к двери. — Девочки помогут тебе.

Служанки кивнули, зажгли свечи, зашторили окна и принялись за работу. Фемисса и Ромул вышли в коридор и тихонько прикрыли дверь.

— Мне кажется, я переживаю больше Эви, — мать девушки прислонила кулаки к губам.

— Успокойся. Всё пройдёт прекрасно, — сказал мужчина и обнял жену.

Гости заняли свои места, и дверь в зал закрылась. Заиграл оркестр — пока только весёлую и ненавязчивую мелодию.

Дариус для такого случая нанял лучшую во всём Элиосе труппу: элианский симфонический оркестр. Это он традиционно играл на важнейших торжествах в обеих столицах: будь то назначения военачальников, приёмы в честь глав регионов и даже

церемонии Перерождения в Дазвы.

Священник из Элизиума дождался своего часа и поднялся наверх для совместного прочтения молитвы.

— Ну что, готовы? — спросил у всё ещё ожидающих родителей довольно пожилой мужчина в золотой тунике со старым потрёпанным гримуаром в руке.

— Пока не выходила... — сказал взволнованный отец. — А уже десять минут прошло.

— Подождём ещё минутку, и я постучусь, — предложил жрец Айона.

Мать с отцом согласились.

Дариус посмотрел на часы: «Пора!». Он крикнул отцу, тот, видимо, задумался ненадолго, и двое воинов вышли через потайную дверцу к алтарю.

Публика заплодировала. Некоторые знакомые офицеры даже встали со своих мест. Увидев улыбки на лицах своих товарищей, волнение из сердца жениха испарилось — пришли восторг и сладкое чувство предвкушения. Юноша встал справа от пустующего места священника и застыл в ожидании. Ваталлос остановился за его спиной боком к гостям.

— Всё! — не выдержал Ромул. — Минута прошла. Стучитесь!

— Что же она так долго? — разволновалась женщина.

Священник подошёл к двери и тихо постучал. Никто не ответил. Он постучал сильнее. Тишина.

— Что там случилось?.. — Фемисса не находила себе места.

Жрец приоткрыл дверцу и сунул голову в проём.

— Госпожа Эви!

Опять никто не отозвался.

— Странно... — подумал он и открыл дверь шире. — Айон Всемогущий! — воскликнул священник и бросился внутрь.

Отец и мать тоже заглянули в помещение. От увиденного Фемисса закатила глаза и потеряла сознание. Ромул успел подхватить её. Из его уст послышалось горькое:

— Опять... Только не это...

Посреди комнаты лежали тела двух служанок. Девушки внутри не было. Жрец подбежал к помощницам и потрогал пульс.

— Они живы... Слава Айону... — он обернулся к опешившему отцу. — Зовите на помощь!

Ромул аккуратно положил жену на пол и, как ошпаренный, побежал по лестнице вниз в зал. Дариус увидел перепуганного отца Эви, спускавшегося к гостям и сразу понял, что что-то случилось. Ромул отчаянно крикнул:

— Дариус! Скорее!

Юноша рванул с места. Ваталлос, не думая, побежал за ним. Несколько воинов из зала тоже повскакивали с мест. Одним из них был и Даймон.

Жених вбежал наверх и пулей влетел в комнату Эви. Он увидел жреца, приводившего в чувство одну из служанок. Свадебное платье всё ещё висело на манекене, девушки и след простыл.

— Где Эви?! — яростно вскрикнул он.

— Я не знаю... Я... я... — подошёл сзади отец невесты. — М-мы открыли дверь, и т-тут такое... О, Айон!.. — он упал на диван и схватился руками за лицо.

Юноша начал бродить по комнате в поисках хоть чего-то, что могло указать, куда делась его любимая. Он посмотрел в распахнутое окно в противоположном от входа краю

комнаты — ничего.

Внутрь вбежали Ваталлос и Даймон. Отец офицера замер почти у входа. Он всё понял. Опытный Даэв же первым делом подошёл к священнику.

— Вы видели что-нибудь?

— Ничего, — он склонился над одной из девушек и что-то бормотал перед ней. — Айон — свидетель.

Дариус подбежал к бывшему легату.

— Её нет! Её снова похитили!

— Похоже на то... — пробормотал Даэв, оглядывая углы помещения.

— Кому это понадобилось? — кричал вне себя от гнева несостоявшийся жених.

— Скоро узнаем... — отрезал он и подошёл к шкафам.

«Хм, — принялся Даймон. — Этот запах я узнаю из тысячи...»

Тем временем одна из служанок пришла в себя. Жрец смог вернуть ей сознание.

— Где я?.. — слабо произнесла девушка.

Даэв и юноша подбежали к ней.

— Всё ещё в комнате на втором этаже храма, — суровым тоном сказал элийский бессмертный. — Что ты помнишь?

— Они... — забормотала помощница. — Они... выскочили из шкафа... — она указала рукой на распахнутый гардероб.

— Кто они? — кричал Дариус.

— Двое... Красные глаза...

Юноша отпрыгнул назад.

«Снова асмодиане... — последнее слово прокручивалось у него в голове, как нож в сердце. — Снова эти твари... Я же только что нашёл...»

— Куда они делись? — Даймон всё ещё допрашивал жертву.

Девушка показала вглубь комнаты.

— Окно...

Даэв вскочил и подбежал к открытому окну — внизу никого.

«Успели скрыться...» — с досадой понял бессмертный.

Он снова подошёл к девушке и внимательно осмотрел её. Из её шеи торчала крошечная игла телесного цвета — в суматохе совершенно незаметная. Даэв осторожно выдернул острый предмет — служанка резко айкнула. Даймон поднёс иголку к свету и коснулся ей языка. Он сморщился и сплюнул в окно. Затем развернулся и сказал присутствующим:

— Раствор из корня келсо. Они отключились почти мгновенно.

— В них кинули дротиком? — подбежал к нему Дариус.

— Нет, иглой, — Даэв показал на ладони маленькую острую щепку, пропитанную транквилизатором.

Юноша осмотрел шею второй служанки и обнаружил такую же ранку.

— Вы правы, вот ещё одна. Поганые ублюдки... — он прошипел и сильно ударил ногой по небольшому столику у дивана — тот развалился в хлам.

Даэв подошёл к шкафу, откуда, по словам служанки, выскочили похитители. Он присел на корточки и начал искать какие-нибудь улики. Вдруг он увидел на дне шкафа три маленькие ампулы. Даймон взял их в руки — они были вскрыты и пусты. Он принялся — тот же яд. Но жертв было две, а порций три.

— С Эви поступили так же, — мужчина встал и посмотрел на Дариуса. — Маленькая

иглочка — и она спит, как младенец. Даже сопротивляться не станет. Она уснула, её мигом схватили.

— Но как? Как они смылись незамеченными? — всё ещё орал разъярённый жених.

Даэв вновь подошёл к окну и задумался.

— Ну, это понятно, — заговорил он, всматриваясь вдаль. — Тут невысоко. Я бы поступил так: сам спрыгнул, затем поймал девушку и подождал бы, пока спрыгнет второй. Так бы и ушли. Падение тел вы бы не слышали, да и криков бы тоже — внизу играл оркестр...

— Но ведь мы тоже ничего не слышали, — перебил его Ромул. — Хотя стояли за дверью!

— Их всех просто усыпили — какой тут шум? Всё грамотно... прямо по нотам, — вздохнул Даэв и продолжил. — Как они бегут, вы бы тоже не увидели — двери в храм были закрыты. Да и вся охрана была внутри. Что ж, главное было уловить момент, остальное — дело техники.

Дариус облокотился о подоконник и тяжело задышал.

— Хорошо, но как они в шкаф забрались? — спросил отец Эви. — Они что, следили за нами? Знали, куда поедem?

— А какое похищение проходит без слежки? — удивился Даймон. — Но тут работали явно не новички... Дело рук профессионалов. Хм, интересно, что асмодианам понадобилось от бедной девочки...

— Не представляю... — прошипел юноша и глянул на легата. — Может, это тот зеленоглазый?

— Ерунда, — отмахнулся Даэв. — С чего бы ему спасать её, а потом похищать?

— Чтобы отвести подозрение, — продолжил он. — Вы же сами говорили, что он самый опасный и непредсказуемый из всех чернокрылых.

— Говорить-то говорил, — снова задумался Даймон. — Но смысла во всём этом не вижу... Ладно, передай гостям, чтобы больше не ждали. Свадьба отменяется.

Юноша снова ударил ногой по мебели. На этот раз пострадал торшер с задутной свечой. Делать было нечего. Дариус замер на несколько секунд, а затем рванул вниз. По пути он встретил офицеров, которые приводили в чувство Фемиссу. Он оббежал их и показался напуганным гостям. Все повернули к нему свои выпученные глаза и затихли.

— Расходитесь! Церемония отменяется...

Народ повскакивал, удивлённо восклицая:

— Что? Почему? Что случилось?

Но Дариус не сказал более ни слова и снова скрылся на втором этаже, оставив внизу шумную толпу гостей.

Юноша снова подбежал к Даймону:

— Если они ушли десять минут назад, мы успеем их догнать!

— Не успеем... — пробормотал Даэв и показал рукой на шкаф. — Глянь. Там не поместился бы человек в доспехах, значит, они были налегке. Это первое. Второе: лязг оружия и брони был бы слышен, следовательно, клинков у них тоже не было. Третье, — мужчина показал на служанок. — Слишком меткие броски — прямо в артерии. Вывод: один из похитителей — ассасин или лучник, но лук не поместился бы в шкаф...

— И что это доказывает? — перебил его Дариус. — Мы теряем время!

— А то, что твоя Эви уже в Асмодее!

— Этого не может быть! Когда они успели? — молодой человек скорчил лицо в недоумении.

— Вторым был, определённо, маг — вижу следы Эфира в центре комнаты — он использовал заклинание. А сильные маги могут открывать порталы.

Ваталлос обошёл сына и встал перед Даэвом.

— Думаешь, они использовали портал? — самым серьёзным тоном спросил отец юноши.

— Нет, полетели по воздуху до Элтенена, а дальше — через Бездну... Конечно, порталом!

— Я знаю, что по Эфирной воронке можно понять, куда открылся разлом.

— Хм... — задумался Даймон. — Можно... Но для этого нужен Даэв-волшебник.

— Ксенокс! — воскликнул молодой человек. — Он же из нашего легиона. Я позову его!

— Он не пришёл, — перебил его легат.

— Как не пришёл? Я ему лично отсылал приглашение!

— Похороны матери.

Ромул незаметно подошёл к воинам и стал слушать их беседу. Он услышал слово «похороны» и тут же откликнулся.

— Какой ужас...

— Что с ней случилось? — поинтересовался Ваталлос.

— Умерла... от старости.

Глава Бертрона понимающе вздохнул — каждому Даэву придётся хоронить своих близких.

Даймон увидел негодующее лицо Дариуса и вернулся к теме:

— Отследить, куда ведёт разлом, можно только в первые пару минут. А мы уже опоздали...

— А найти место, где был расположен портал, можно? — сверля бессмертного глазами, спросил юноша.

— Да, вполне... Ты думаешь, они не закрыли его?.. — мгновенно смекнул Даэв.

— Кто знает. Может, в спешке забыли...

— Они же не идиоты! Попытаться, конечно, стоит, но особо на успех не рассчитывайте. Ладно, другого выхода нет — вперёд! — воскликнул он.

Даймон подбежал к окну и бросился наружу. Сгруппировавшись, он ловко приземлился на ноги. За ним прыгнул и Дариус. Остальные: Ваталлос, Ромул, некоторые другие воины — воспользовались лестницей.

— Чую, след от мага ведёт туда, — Даэв кивнул в сторону тропинки, ведущей на вершину песчаного холма. — За мной.

Легко сказать... «за мной»... Весьма сложно успеть за бессмертным, тем более когда он без доспехов.

Не прошло и минуты, как Даймон забрался на холм и крикнул оттуда догоняющим:

— Здесь Эфирная дыра! Тут был портал!

— Как Вы узнали? — первым подбежал запыхавшийся Дариус.

— Вокруг Эфир есть, а здесь — нет. Разлом всё высосал. Нам повезло: обычно такие дыры быстро заполняются.

— Нет, нам не повезло! — гневно возразил юноша. — Не успели к portalу...

— Эх, мальчик ты ещё, — усмехнулся Даэв. — Думал, специально для тебя они разлом

открытым оставят? Я же уже сказал, похитители — не новички, и таких ошибок не допускают.

— Ещё зацепки есть?

— Только яд... Но им пользуются многие, — замотал головой Даймон.

— А показания служанок?

— Уверен, что они скажут: чёрная одежда, красные глаза, серая кожа. Большого они рассмотреть бы не успели.

Дариус пырнул ногой песок и выругался. Второй раз он теряет свою невесту. Тем более, сейчас: прямо перед церемонией! Он поразмыслил, что странного говорила ему Эви перед свадьбой.

«Только про того Даэва...» — решил он.

— Даймон, а если Эви похитили из-за того зеленоглазого? Чтобы она рассказала им про него.

Даэв отметил, что это хорошая мысль.

— Это интересно, если Териан Лекас с этим связан... — сказал он.

— Тогда нужно, в первую очередь, найти его!

— Ищи сам, юнец. По дороге сюда мне пришло письмо. Завтра утром я должен быть в западной крепости Сиэли.

— Вы не поможете? — удивился Дариус и опять скорчил гримасу.

— Я для тебя и так многое сделал. Ты же не рассчитываешь, что я буду всю жизнь бегать по твоим поручениям? — он издевательски посмеялся. — Его легион сейчас ведёт дежурство в крепости Астерии в Арэшурате. Ты знаешь, с чего начать...

— Стойте! Подождите! — наконец, подбежал отец Эви. — Не уходите, прошу! Я заплачу!

Даймон в мгновение объяла ярость: это было уже слишком.

— Даэвы не покупаются, как слуги! — оскалившись на мужчину, заорал бывший легат Кинжала Безмолвия. — Много денег — раздай бедным! Я — защитник Элиоса, а я телохранители и ищейки не нанимался! — он развернул злобную мину к Дариусу. — Твоему отцу я больше ничего не должен, а тебе и подавно! Надо совет — помогу, но бросаться в огонь и воду из-за вас не стану!

Бессмертный повернулся ко всем собравшимся спиной и раскрыл свои огромные крылья. Пара тяжёлых взмахов — и Даэв уже в воздухе. Ещё пара — и расстояние от земли исчисляется десятками метров.

— Обиделся, — протянул Ваталлос, провожая белокрылого элийца глазами.

— Я иду в Бездну! — как всегда решительно сказал Дариус.

— Не смей! — схватил его за плечо отец. — Ты не доберёшься до Астерии без крыльев. Нужно найти ещё кого-то...

— Он прав... — с горечью в сердце вымолвил Ромул. — Даэвов нельзя купить или нанять... Мне стыдно. Сдаётся мне, что чудо второй раз не случится... — он протёр рукой глаза и чуть было не заплакал.

— Нельзя сдаваться! — всё ещё восклицал юноша. — Я вступлю в какой-нибудь легион Арэшурата. А там уже, как дело пойдёт. Клянусь, найду Эви!

Ваталлос снова потрянул сына за плечо.

— Сумасшедший! Легионеры Бездны долго не живут!

— А мне и так нет жизни без Эви! — перебил его Дариус. — Вы меня не остановите

отец.

Глава Бертрона замолчал и тяжело вздохнул.

— ...В таком случае перечить не стану... Ступай легионером в Щит Неджакана — они сторожат нижнюю Бездну. И, самое главное, будь осторожен...

Ваталлос понял, что намерения сына более чем серьёзные, посему делать было нечего: как бы мужчина не хотел сберечь ребёнка, свой путь Дариус должен избрать сам. И он избрал.

Юноша кивнул и скрыто поблагодарил отца за понимание. Ромул же принялся вовсю обнимать офицера.

Дариус не мог бросить свою любовь — для него это значило предательство. А предателей он ненавидел больше всего. С детства юношу учили поступать «по-рыцарски»: прежде всего нужно беречь свои честь и принципы, верить в них и всячески отстаивать. Принципом для Дариуса была справедливость. Если что-то или кто-то поступал не по справедливости, то, по мнению молодого человека, это требовало сурового наказания. Сейчас не по справедливости поступили с ним и Эви: девушку похитили, а его оставили одного, силой отдалили от любимой. Разум и сердце хором твердили, что нужно это исправить: вернуть девушку и наказать виновных. В данный момент цель была ясна. Она стала для юноши первостепенной задачей. Как же можно отступить и смириться с незаконным похищением? Верно, никак.

===== Часть 2. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 2.

Отредактировано.

Эви очнулась. Голова сильно кружилась, тошнило. Она попробовала сесть и тут же упала на твёрдый пол — не вышло. Девушка разомкнула глаза — всё вокруг плыло, но очертания чёрной решётки она смогла разглядеть. Снова камера. Дежавю.

В ушах шумело — последствие транквилизатора. Несмотря на это, Эви слышала звон замка и скрип решётки. Внутрь зашли двое. Их голоса были незнакомы. Девушка могла различить лишь очертания гостей — глаза не видели ясно.

Она попыталась поднять хотя бы голову, но вскрикнула от холода — её всю облили ледяной водой из здорового металлического ведра. Туман в мыслях рассеялся мгновенно, и головокружение прошло.

— Что вы... Что вы хотите? — жалобно простонала пленница.

Но они не ответили. Вдруг свет вокруг погас — кто-то надел ей мешок на голову и схватил под руки. Эви кричала, пыталась брыкаться, но тюремщики не останавливались. Они вытащили её из камеры и, волоча ноги по земле, куда-то потащили.

Девушка почувствовала лестницу — стопы больно бились о ступеньки. Потом коридор. Потом ещё лестница. Высокий порог:

— Ай! — снова вскрикнула она.

Вдруг — гладкий приятный пол. Её отпустили, и она упала на стул. Эви постаралась дёрнуть руками, но её мигом схватили когтистыми лапами за плечи, больно проткнув в нескольких местах кожу, и прижали к спинке, чтобы не шевелилась. Затем кто-то крепко связал ей руки.

Мешок сняли — вновь яркий свет. Девушка сомкнула веки. Когда зрение более-менее адаптировалось, она приоткрыла глаза и мельком оглядела помещение, куда её привели. А похожа эта комната была на зал заседаний: светло, много окон, продолговатый деревянный

лакированный стол в центре, куча стульев и большое кресло во главе. За ним сидел худощавый асмодианин в серой тунике. На шее висело множество медальонов. На запястьях — браслеты. Видно, важная шишка. Из-под стола виднелось колено — мужчина небрежно закинул ногу на ногу. Руки он скрепил вместе, поставив локти на стол. Лицо северянина девушке сразу не понравилось — острые красные глаза, ехидная, но строгая улыбка на тонкой полоске фиолетовых губ, острые кончики ушей выпирали из-под длинной шевелюры, уложенной сзади в хвост.

— Располагайся... — змеиным голосом заговорил на элийском со слабым, едва заметным акцентом. — Чай, кофе? — он громко рассмеялся.

— Что Вам нужно? — вытянула из себя пленница.

Улыбка с лица асмодианина исчезла, он оскалился, вскочил и сильно ударил ладонью по столу, заорав:

— Молчать! Вопросы здесь задаю я!

Эви испугалась и силой воли сжала губы, чтобы не закричать. Мужчина поправил хвост на голове, громко вдохнул носом и медленно опустился в кресло. Он занял прежнее положение, вернул улыбку на лицо и тем же тихим тоном спросил:

— Тебе знаком один асмодианский Даэв? Из его примет: много оружия, серьёзный вид и яркие зелёные глаза?

«Соврать или нет? — быстро думала девушка. — Конечно, они знают, что я была у него... иначе бы не привели сюда... Может, это проверка?... Тогда лучше сказать правду...»

— Да, — неуверенно сказала Эви. — Знакома.

— Когда ты с ним познакомилась? — тон мужчины не изменился.

— В камере... Он был моим надзирателем.

— Что произошло потом?

— Он вывел меня из камеры... и увёз куда-то.

Асмодианин заинтересованно вскинул брови.

— Куда же?

— Там был снег... — медленно говорила она, обдумывая, стоит ли упоминать то или иное. — Лес кругом.

— Ты жила в доме?

— Да...

— В его доме?

— Не знаю, — соврала она.

— Что потом? — все вопросы звучали с одинаковой интонацией. Казалось, мужчина даже не моргал.

— Потом он ушёл. Вернулся только через неделю. Он схватил меня и потащил к светящейся воронке.

— По пути никого не встретили?

«Вот и оно, — догадалась девушка. — Провокационный вопрос. А вдруг это и есть тот, кто послал тех убийц?»

— Встретили... — печально вздохнула элийка. — Пятеро ваших...

«Ой! Дура!» — мгновенно подумала она.

— ...Асмодиан, в смысле, — Эви быстро поправилась. Собеседник даже не повёл взглядом. — Они напали на...

«Говорить имя или нет? — вновь озадачилась она. — Тариан... или как его... не

называл. Этот тоже не упоминал. Смолчу».

— ...Этого... который меня вытащил из темницы.

— Дальше.

— Дальше... он убил всех... отвёл меня... к portalу и проводил до города...

Девушка замолчала. Асмодианин заметно задержал дыхание, а когда выдохнул, спросил:

— У того, кто тебя спас, есть имя?

— Он его не называл, — уверенно сказала Эви.

— А что он говорил?

— Он всё время молчал...

«Почему я солгала?!» — задала себе вопрос девушка, но исправляться не стала — поздно.

— Даже ни слова не сказал? — собеседник сощурился.

«Они все что ли шурятся?» — невольно пролетело у нее в голове.

— Да... ничего не говорил. Просто молчал.

— И как ты с ним общалась?

— Никак, — чуя подвох, ответила пленница. — Мы не общались.

— Ты знаешь, почему он тебя спас?

— Н-нет, — робко произнесла Эви. — Я не знаю, почему...

— И он не намекал?

— Нет, просто молчал... — она опустила голову от взгляда асмодианина.

— Дорогая моя, — мужчина встал из-за стола и начал важно расхаживать вправо-влево. — Ты ведь понимаешь, что асмодианский Даэв просто так не мог предать расу и перебить пятерых своих, чтобы спасти тебя...

— Он не меня спасал... — промолвила девушка и заткнулась.

«Айон! Что я наделала!»

Мужчина резко замер на этой фразе и повернулся к девушке лицом, искривив его от гнева и презрения. Девушка поняла, что он догадался об её вранье, но нашла, как исправиться.

— И кого же?..

— Себя... — тихо пробормотала она. — Они же на него напали, а не на меня... — Эви снова спрятала лицо.

Подействовало. Шаги асмодианина продолжились.

— И ты не подозреваешь, почему Даэв мог так поступить?

— Не подозреваю, и даже не представляю! — воскликнула она. — Если Вам так интересно, спросите его, а меня отпустите! Я больше ничего не знаю.

— Хм, хорошая идея, — он снова остановился. — Раз ты больше ничего нам не можешь рассказать, то надобность в тебе исчерпана, — он косо улыбнулся. — Отпустить тебя я не могу, ты же видела меня. А, значит, можно с тобой кончать.

Стражники, всё ещё придерживавшие Эви, зашевелились. Девушка забрыкалась и прокричала:

— Не надо! Отпустите меня! Я никому не скажу! Клянусь! Отпустите!

Асмодианин кивнул, и на голову элийки снова натянули мешок. Её так же грубо подняли и поволокли по лестницам назад, а затем бросили в камеру. Один из стражей снял мешок, разрезал верёвку на руках, при этом сильно порезав кожу девушки, и вышел. Снова

скрип двери, снова звук замка.

Эви забилась в угол темницы и заплакала.

«Почему это опять происходит со мной? — она задавала себе этот вопрос, но ответить не могла. — За что? Почему, Айон? Почему я?..»

Оба акана отошли от её камеры. Один из них направился вниз, а другой — вверх по лестнице, напрямик к начальнику.

В кабинете, где минуту назад был допрос, мужчина в серой тунике ещё стоял у окна, дожидаясь кого-то. Стражник зашёл внутрь и бросил на пол чёрный шлем, полностью закрывавший лицо. Под маской была знакомая мина легата третьего легиона Пандемониума.

— К чему весь этот маскарад? — на повышенном тоне спросил Исагир, подойдя к столу.

— Ну как же? — ответил тот. — Теперь ты убедился, что я не врал тебе.

— Убедился, и что с того?

— А то, что из твоей головы должны уйти толики сомнения и недоверия к Храму и ко мне лично... — Слутгельмир повернулся к Даэву спиной и незаметно хитро улыбнулся. — Наше кредо — избавляться от предателей Асмодеи. Если ты любишь свою родину, то должен меня понять.

Исагир затянул паузу. Всё звучало вполне логично. Но кто знает, что можно ожидать от Безмолвных? Нужно быть всегда начеку. Спустя какое-то время тишины, он всё же произнёс:

— Ты ведь похитил эту элийку не для того, чтобы меня убеждать в своей честности...

Судья размыл по лицу довольную улыбку.

— Ну конечно, мой друг! — воскликнул он и резко повернулся к собеседнику. — Она нам ещё понадобится!

— И зачем же? — Даэв подошёл ближе. — Ты спрашивал у неё только то, что уже знаешь.

— Всё верно. Я просто проверял её, да и только. Видишь ли, если бы у девчонки была какая-нибудь привязанность к нашему общему другу, она бы солгала практически обо всём. А сейчас я расслышал лишь незначительные нотки лукавости в её голосе.

— И что с того?

— Если ей безразличен Териан Лекас, значит, очевидных причин, по которым он её спас, остаются две... — он хитро вздёрнул бровь и замолчал.

— Дай угадаю, — повернув голову на бок, сказал Исагир. — Или она ему понравилась...

— Так, — кивнул он и добавил. — Но! Пленников было двое. Девчонка и малец. И спас он тоже двоих.

— Вытащить мелкого он мог за компанию... Тогда остаётся банальная жалость, — ухмыльнулся Даэв. — Хм... Асмодианский бессмертный пожалел двух элийских пленников...

— Именно поэтому мне и нужна девчонка, — тон Слутгельмира сменился на более серьёзный. — Он придёт за ней снова...

— Ты уверен?

— Абсолютно, — кивнул Судья. — Такие, как он, всегда доводят дело до конца. Тем более скоро ты поймёшь, что с твоим центурионом не всё так просто! Тогда-то мы его и схватим. А потом предадим суду, как и подобает предателю!

Исагир сложил руки на груди и пытливо спросил:

— Ты сказал: «Такие, как он...» — не пора ли тебе поведать мне всё, что ты знаешь о

Териане Лекасе?

Слутгельмир сморщился, наигранно громко промычал, но всё же заговорил:

— Ла-а-адно. Мне, к сожалению, известно немного, — он небрежно отряхнул руки, словно испачкался в чём-то. — Я знаю, что он очень стар. Настолько, что Пандемониум строили при нём. Конечно, ты спросишь, откуда я это знаю. Вывод простой: отсутствие записей в Матрикуле и цвет глаз.

— А что цвет глаз? — Исагир подобрался почти вплотную к Судье.

— Зелёный — как у элийцев! Я полагаю, родился Териан Лекас ещё до Катаклизма, и уже потом стал асмодианином. Возможно, при Перерождении, а, возможно, — магией Шедимов. В первые годы после разрушения Башни Лорд Асфель лично «изменял» Даэвов-людей в Даэвов-асмодиан.

— Хм... Я думал, что эта мразь не настолько древняя... Но почему о нём тогда никто не знает? Ему же больше восьмисот лет!

— Он скрывался, причём довольно умело: не вступал в легионы, жил вдали от крупных деревень, да и информация о его Перерождении утеряна. Он — как призрак: существует вот уже сотни лет, но о нём никто не знает.

— Если ты прав, — начал рассуждать Исагир. — То зачем по прошествии стольких веков он вступил ко мне в легион? Он же понимал, что появятся вопросы.

— Может, одиночество надоело, — с лёгкой ухмылкой произнёс Слутгельмир и снова отвернулся от воина. — А может, захотел умереть...

— О чём ты?

— А ты посуди сам: столько лет никчёмной жизни Даэва, а потом он вдруг попадает в один из лучших легионов и совершает предательство родины... Живёт незаметно, а потом так резко даёт о себе знать. Для меня — всё ясно. Он хочет, чтобы его поймали... и развоплотили...

— Он сбегал, когда понимал, что за ним следят Тени! — возразил легат.

— Делал вид, притворялся, — устало вымолвил Судья. — Исагир, ты отрицаешь очевидное. Мне остаётся лишь пойти у него на поводу и исполнить свой долг...

— Постой... — мужчина перебил его. — Коли так, ему нет смысла возвращаться за девчонкой.

— О-о-оу, — недовольно протянул глава Храма Правосудия. — Вот об этом я и говорил, когда начинал разговор! Он играет свою игру и хочет, чтобы мы в неё поверили. Конечно, он вернётся!

— Хм... Умно, но что-то слабо верится, — оценил Даэв. — Лишь Асфель знает истину...

— Асфель здесь ни при чём... Попробуй представить себя на его месте, и всё станет ясно.

— Значит, ты хочешь убить его... навсегда? — прошипел он.

— Да, — гордо воскликнул Слутгельмир. — Оставить в Матрикуле дату его смерти... Поможешь мне? — он вскинул бровь и повернул голову к воину.

— Если ты говоришь правду, то можешь рассчитывать на меня, — сухо ответил бессмертный. — Игры с предательствами мне самому надоели.

— Отлично, — Судья хлопнул в ладоши. — Теперь поспеши вернуться в Астерию. А то тебя, наверное, уже хватились. Намекни Териану про то, что я ищу его, и про девку. Я уверен, это входит в его планы, — он ехидно улыбнулся.

Исагир глянул исподлобья на лыбящуюся физиономию Слутгельмира и молча вышел из помещения.

«Какой хитрец, — размышлял про себя Даэв. — А я-то не догадался, что ты — самоубийца. Восемьсот лет... почётный срок. Не знаю ни одного крылатого старше четырёх сотен. А с виду и не скажешь, что тебе... почти тысяча. И на девку тебе было плевать... Спасал, зная, что её поймают. Как же цинично! Лицемерный ублюдок... Ну, ничего! Скоро твоему веселью придёт конец!»

Легата выпустили из Подземной тюрьмы Пандемониума и он направился до ближайшего разлома в Бездну. Он находился в Альтгарде — ещё одной асмодианской провинции. А из Цитадели Фримума, неприступного оплота асмодиан в Арэшурате и места, куда ведут все разломы Бездны на северной половине Атреи, — через другого привратника до крепости Астерии.

Эви попыталась уснуть — после нескольких часов раздумий и самотерзаний она всё-таки провалилась в мир грёз. Сказались усталость и стресс. Свадьба и похищение... столько пережить за сутки... Знала ли тогда юная девушка, что это только начало её длинного, переполненного приключениями, пути?

В Арэшурате, наконец-то, всё стихло. Ненадолго, естественно, но всё же... Не лилась больше кровь в таких больших масштабах. Элийцы по указанию Фаметеса из династии ан Ривенов перебросили дополнительные силы в принадлежащие им крепость Кротан на верхнем уровне и западную крепость Сиэли на нижнем. Занялись южане конкретно обороной. Сил для защиты должно было хватить, но для штурма, например, восточной крепости Сиэли, легионов необходимо раза в полтора больше. А брать их было неоткуда — на мобилизацию и подготовку резервов уйдут недели, а столько времени у командования не было. И так последние силы вводили в бой.

Пока элийцы занимались пополнением своей армии, асмодиане и балауры уже облизывались на их аванпосты. Но, что удивительно, ни те, ни другие пока не нападали. Асмодиане всё ещё перебрасывали войска ближе к элийской Цитадели Тэминона — аналогичному оплоту их расы в Бездне. А балауры продолжали кружить на своих летающих десантных кораблях — Дерадиконах по всему Арэшурату. Правда, странно, что так долго драконы ни на кого не нападали. Стало быть, чего-то ждали.

Бездне нужна была передышка. Пусть, временная, но такая важная! И люди, и Даэвы, и надо полагать, ящеры устали от бесконечной битвы за каждый безжизненный парящий островок. Но таков мир — война прочно впечаталась в книгу истории Атреи. Населяющие её создания уже не помнили таких слов, как «спокойствие», «тишина», «мир» в известном смысле. Все мечтали, наконец, задышать полной грудью и радостно сообщить своим друзьям, что смерти больше нет... Но пока до этого было далеко. Конечно, война когда-нибудь закончится. Таково уж правило жизни: что имеет начало, имеет конец; всегда есть победитель и проигравший.

На следующий день.

Был вечер. Слутгельмир как обычно возвращался домой из Храма Правосудия. Жил он неподалёку здесь же — в Пандемониуме в тихом районе Анхейла. Как и подобает Верховному Судье, дом его был похож на настоящий дворец. Три этажа, двенадцать балконов, восемь спален, три гостиные, два зала для совещаний и куча других помещений —

усадыбе Слутгельмира мог позавидовать даже военачальник какого-нибудь Белуслана. Естественно, поместье охранялось, словно зеница ока. Казалось, что стражников внутри дома больше, чем горожан в полдень на рынке: у каждой комнаты стояли по два воина в тяжёлых латных доспехах, по многочисленным коридорам туда-сюда шныряли патрульные — не дом, а казарма! Жили аканы действительно в казарме под усадьбой. Коек там было на целый легион — видимо, хозяин очень волновался за свою жизнь.

Слутгельмир жил один. У него не было ни жены, ни родителей, ни детей, ни даже дальних родственников. Всех, как это ни прискорбно, забрала смерть. Причём иногда — довольно странным образом. Как ни странно, Верховный Судья не был Дазвом. Он и его отец были смертными (титул главы Храма Правосудия передавался по наследству), в отличие от, к примеру, его деда.

Мужчина вошёл в ворота, прошёл через ухоженный сад, усеянный охраной и, миновав тяжёлые металлические двери, попал в дом. Внутри всё было довольно строго и поспартански: никаких вычурных аксессуаров, статуэток и побрякушек — только та мебель, которая может понадобиться. Покои Судьи располагались на третьем этаже. Туда вела каменная винтовая лестница в конце длинного коридора. Двери спальни тоже были металлическими, а стены, естественно, обшиты металлом и слоем пористого материала — для шумоизоляции. Стража покорно открыла проход для хозяина и сразу же сомкнула створки дверей обратно — безопасность, как говорится, превыше всего.

Внутри было темно. Очень темно. Слутгельмир знал, где находится подсвечник и с лёгкостью схватил его с полки левой рукой. Правой — он по очереди приложил к свечам какую-то палочку, и они в тот же миг загорелись. Тусклый свет расстелился по просторной комнате. Но кроме привычного запаха смолы и воска тонкий природный нюх асмодианина смог учуять ещё кое-что. Точнее, кое-кого. Слутгельмиру хватило и секунды, чтобы понять, откуда и чей это запах. Он поставил подсвечник обратно и медленно подошёл к окну, забормотав:

— В Храм ты являться не любишь, я прав?

Из тёмного угла комнаты, где располагались письменный стол и кресло Судьи, донёсся мягкий, но строгий низкий голос:

— Не особо.

Незнакомец встал и, отбивая стуки, пошагал к хозяину. Слутгельмир развернулся ему навстречу и гордо промолвил:

— Как ты сюда пробрался? Хотя нет, это неважно. Знаешь, я рассчитывал, что ты явишься прямо в тюрьму.

— Не всё так просто... — из темноты засияли яркие переливающиеся сотнями расплавленных кристаллов зелёные глаза. — Нужно поговорить.

— Хм, — Судья прислонил ладонь к подбородку. — Неужто ты раскусил Исагира?

— Легко. Он никогда не умел врать, особенно мне в лицо, — голос был монотонным, словно говорил не живой человек, а привидение.

— Ладно, давай поговорим, — вздохнул Слутгельмир и торопливо подошёл к столу, чтобы зажечь ещё светильников. — Нехорошо беседовать, не видя лиц друг друга.

В комнате стало ярче. Теперь можно было разглядеть эмоции собеседника. Но, как и всегда, физиономия Териана Лекаса не выдавала чувств. Лицо было каменным, глаза — сощуренными и уставшими.

— Знаешь, Териан, — хозяин важно занял место в кресле. — Я, кажется, раскусил твой

план.

— Неужели? Я думал, ты поймёшь всё раньше, — Даэв присел на край стола и сложил руки на груди.

— А ведь хитро! Ты знал, что я не забуду ту дерзость во время беседы о пленниках. Догадался, что я не потерплю отказа и начну следить за тобой...

— Мне нужно было убедиться, что ты меня запомнил, — полоска глаз на лице Териана сузилась сильнее.

— Начальника тюрьмы Келькмароса тоже ты убил — мы нашли доказательства.

— Конечно, — его тон несколько не изменился. — Я специально оставил улики.

— Но последней каплей было спасение тех двух элийцев и убийство моих Исполнителей.

— Я знал, что тебе понравится... — издевательски оскалился Даэв. Острые клыки асмодианина заблестели в тускловатом свете свечей. — Элийцы меня не интересовали. Я вытащил их лишь для того, чтобы был повод...

— Развоплотить тебя! — завершил его мысль Слутгельмир. — Bravo! Правда — чудесная партия! И давно ты мечтаешь о смерти?

— Около тридцати лет, — Териан поднялся со стола и стал расхаживать по комнате. — Для этого я и вступил в третий легион. Я уповал на то, что его легионеров часто обсуждают, и мои деяния не останутся незамеченными. Я задал себе вопрос: кто может подтолкнуть верховного жреца Пандемониума к развоплотению неугодного Даэва. Ответом был ты, Слутгельмир. Я долгое время наблюдал за тобой — знаю, что ты ненавидишь предателей. Значит, нужно было совершить предательство. И я совершил, причём довольно ловко, чтобы не раскрыть заранее свои искренние мотивы. Кроме того, я привлёк твоё внимание и водил ищеек за собой. А эти жалкие оборванцы думали, что я от них убегаю, — он тихо прошипел и продолжил. — Выход остаётся один. Уничтожь меня...

— Хм, всё это звучит довольно мило, но ты ведь понимаешь, что для самой скорой расправы тебе потребуется ещё один грешок.

— Да, и ты мне с ним поможешь... — Териан Лекас остановился и устремил взгляд на Судью.

— О чём же ты? — Слутгельмир заинтересованно вскинул бровь.

— Хватит паясничать. Ты уже всё понял, — он презрительно рыкнул и снова пошагал влево-вправо. — Ослабь охрану Подземной тюрьмы, чтобы я мог спокойно вызволить девчонку. У выхода на глазах народа ты меня и схватишь.

— Это можно устроить, — задумчиво мурлыкнул мужчина. — Но учти, что в глазах людей ты запомнишься, как ничтожество и предатель.

— Мне плевать, — сухо отрезал Даэв. — Люди думают, что вечная жизнь — это подарок. Но они даже не представляют, какое это проклятие. Когда человек смертен — у него есть право выбора: жить или умереть. У подобных мне такого права нет. Я обречён на вечные муки. Я потерял смысл существования давным-давно. Война и убийства остобалаурили. Раньше вера в скорый конец противостояния подогревала мне сердце. Но теперь, когда я понимаю, что этот проклятый мир никогда не станет таким, как прежде, мне всё равно... буду ли я жить или умру. Живу я очень давно, поэтому хочу попробовать что-то новое. Настоящая смерть — как раз то, что нужно.

Слутгельмир поднялся с кресла и захлопал в ладоши.

— Bravo! Какой красивый монолог! Может, мне ещё пожалеть тебя стоит? Ну же, иди

ко мне, поплачься мне в жилетку.

Териан сделал молниеносный выпад и прислонил кончик меча к горлу Судьи, отчего тот мигом заткнулся.

— Не надо меня жалеть! — прорычал Даэв. — Я уже сказал, что мне нужно.

— Ха-ха, — рассмеялся он. — Давай, убей меня, и тогда никто не выполнит твою безумную просьбу.

Зеленоглазый выдохнул и нехотя убрал лезвие от мужчины.

— И всё же, — продолжил Слутгельмир. — Ты жесток. Сколько смертей произошло из-за твоей прихоти: начальник тюрьмы, четверо Теней, элийская девчонка...

— Я не хотел, чтобы ей пришлось умереть из-за меня. Поэтому-то и спрятал её в снегах. А твои люди попались под руку. Хотя, как оказалось, от их гибели тоже есть польза: ты стал ненавидеть меня ещё сильнее.

— Не буду спорить, — Судья снова упал в кресло и сделал важный вид. — Но теперь ты понимаешь, что если пойдёшь освобождать эту дрянную элийку, её казнят... Никто с ней церемониться не станет. А перед казнью, скорее всего, хорошенько с ней позабавятся, — он скривил половину лица в улыбке. — Она ничего так, несмотря на то, что белолицая.

— Моя последняя просьба — отпусти её, — Териан навис над собеседником. — Её душа не заслужила таких терзаний. Я надеялся, что она вернётся к родным, заживёт нормальной жизнью, выйдет замуж... Знаешь, а я ведь и её жениха избавил от проклятия камня воскрешения.

— Ты посмотри... — удивлённо замотал головой Слутгельмир. — Честно, не ожидал, что в тебе останется хоть капля жалости.

— Не жалость, а жажда справедливости, — перебил его Даэв. — Я так же, как и ты, желаю, чтобы всё было по-честному. Я так же, как и ты, ненавижу предателей! Я так же, как и ты, хочу конца войны!

— Это чудесно, мой друг, но я не смогу выполнить твою последнюю просьбу. Спасти врага для меня равносильно предательству. А, как ты только что верно отметил, я это терпеть не могу. Поэтому-то, собственно, с таким рвением и соглашаюсь расправиться с тобой, — Судья вновь улыбнулся, на этот раз с выраженным презрением и ненавистью. — А насчёт конца войны... Ты не прав. Она скоро закончится! И мы победим, будь уверен. Жаль, что ты это уже не увидишь, — он изобразил показную печаль и иронично посмотрел в блестящие глаза бессмертного.

— Ей нет конца, пока две расы не объединятся, — прокрипел зубами Териан Лекас.

— А они объединятся!.. — Слутгельмир бросил в лицо Даэву довольный хитрый взгляд.

— О чём это ты? — тон зеленоглазого стал ещё суровее.

— Элийцы будут уничтожены за считанные месяцы, — мужчина отвернулся от собеседника и уселся за стол, постукивая когтями по его гладкой поверхности.

— Не хочешь ли ты сказать... — Териан снова показал клыки.

— ...Поэтому спасти твою девчонку и нет никакого смысла — долгой жизни ни ей, ни её жениху не видать...

Даэв схватил обеими руками кресло и одним движением швырнул его вместе со Слутгельмиром в другой конец комнаты.

— Ты — жалкое отродье! — заорал бессмертный. Его глаза мгновенно сменили цвет на пылающий красный. — Неужто ты забыл, что балауры — истинный враг, а не элийцы?!

Судья опёрся о кровать и медленно поднялся, держась за повреждённую ногу. Он кое-

как встал и захрипел в гримасе от боли:

— Это лишь временно... Потом мы... уничтожим и... балауров...

— Жалкий глупец! — прорычал Териан, но закончить он не успел. В комнату ворвалась вооружённая охрана Слутгельмира.

Увидев, что их господин держится за ногу, а напротив него скалится мужчина с шестью мечами на поясе, у стражи сомнений не возникло.

— Убить! Тревога! — прокричал офицер аканов.

Все стражники, находившиеся на этаже, а это восемь Безмолвных, вооружённых алебардами, кинулись на Даэва.

«Вот это мне нужно было в последнюю очередь...» — подумал Териан. Его реакция была молниеносна. Из-за пояса он достал небольшой фарфоровый шарик и, задержав дыхание, бросил его на пол. Шарик разбился, и помещение мгновенно окутала пелена из плотного едкого дыма. Стражники побросали свои орудия и невольно стали кашлять — вдыхание этого дыма было не смертельно, но выводило из строя моментально. Пока Слутгельмир вместе с охраной падали на пол и заливались кашлем, Даэв подобрался к столу Судьи и стал обшаривать ящики в поисках хоть чего-то ценного для себя.

«Записки, сметы, чертежи доспехов — ничего! — злясь, говорил он себе. — Стоп, а ну-ка. Письма с надписями «секретно» и «совершенно секретно». Две стопки. Возьму обе...» — решил Териан, схватил пачки с письмами и сунул их под подкладку дублета.

Время было на исходе. Дым быстро рассеивался. Единственным доступным выходом из покоев Слутгельмира было окно.

«Как кстати, что на окнах третьего этажа нет решёток...» — подумал асмодианин и с разбегу прыгнул в окно, спиной разбив стекло.

Высота была приличная, но Даэв смог сгруппироваться в воздухе, чтобы приземлиться на корточки и перекатиться несколько раз через голову. Открывать крылья не было смысла — далеко всё равно не улетишь, да и скрыться с ними не удастся. Териан на секунду замер в полуприсяди, чтобы оценить ситуацию.

«Слева — шестеро: время — три секунды; справа — восемь: время — две секунды...» — боковое зрение бессмертного моментально оценило количество врагов и скорость их реакции. Конечно, стража во дворе слышала звук разбивающегося стекла: четырнадцать аканов уже бежали на звон, но Териан был быстрее. Вступать в схватку он не собирался — нужно было всего лишь уйти.

Даэв достал из-за пояса вторую дымовую бомбу и бросил её справа в двух метрах от себя, чтобы пустить Безмолвных по ложному следу. Сам он нырнул в кусты и незаметно пробрался к роще, где до ограды заднего двора оставались считанные метры. Рывок — и расстояние преодолевается за секунду; прыжок и толчок руками — ноги Териана уже проносятся над решетчатым металлическим забором; кувырок — снова мгновение для оценки ситуации.

«Стражи нет — безопасно», — говорит чутьё, и асмодианин успешно скрывается от назревающей погони.

Нужно было переждать какое-то время и изучить найденные письма. Териану почему-то казалось, что они очень важны, и то, что сказал ему Слутгельмир, не могло не задеть его. Как можно заключать договоры с балаурами? Неужели глава Храма Правосудия не видит очевидного? Но ещё рано для выводов. Впереди — бессонная ночь...

Едкий туман в покоях Верховного Судьи рассеялся почти сразу, как Даэв выбил окно.

Свежий воздух быстро вытянул газ наружу. Пришедшие в себя стражники мигом подбежали к осевшему на пол Слутгельмиру.

— Господин, Вы в порядке?

— Да, кхе-кхе... вполне, — мужчина ещё откашливался.

— Мы вышлем подкрепление за преступником! Созывайте патруль!

— Нет, кхе... Нет, стойте, — Судья схватил акана за руку и остановил. — Пусть уходит.

— Что? Но как же?..

— Вскоре он захочет проникнуть в Подземную тюрьму, кхе... Ослабьте охрану, оставьте один легион из четверых...

— Но господин?..

— Я сказал ослабить охрану! — крикнул мужчина стукнул кулаком по полу. — Позволим ему закончить дело. Соберите стражу у входа в тюрьму. Схватим его на выходе. Исполнять!

Акан послушно кивнул и удалился, осыпая подчинённых новыми приказами.

===== Часть 2. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 3.

Отредактировано.

Крепость Астерия. Арэшурат.

— Где Териан Лекас? — второй адъютант легиона Исагира подошёл к легату и заискивающе спросил. — Его центурия осталась без командира. Что с ним?

Даэв в бронзовой броне едва заметно улыбнулся и сказал своему подчинённому:

— Териан на задании. Его не будет в это дежурство. А центурию его бери под своё крыло.

Адъютант вынужден был послушаться легата, хотя лишняя ответственность за чужих бойцов ему была ни к чему. Он кивнул и молча удалился. Исагир скорчил гримасу в радостном предвкушении — скоро от крылатого предателя не останется ничего, кроме воспоминаний и маленького безжизненного камешка с частичкой его проклятой души.

Териан Лекас скитался по ночному Пандемониуму. Он обдумывал и свои слова, и слова Слутгельмира. Бессмертный слишком хорошо помнил, к чему могут привести сговоры с балаурами. За его долгую жизнь он был свидетелем этого не раз.

«Человек, ненавидящий предателей пошёл на предательство... — теперь такими словами можно было описать не только Даэва, но и Верховного Судью. — Вот и ищите идеальных людей...»

Настроение Териана в мгновение изменилось. Он пришёл к Слутгельмиру с отчаянием, а ушёл с новой целью — помешать планам Храма Правосудия. На короткий промежуток времени жизнь снова обрела такой желанный смысл.

Асмодианин вдруг вспомнил про письма, которые он украл из стола в комнате Судьи. Териан Лекас забрался в чьё-то поместье, ловко перепрыгнув через забор, и сел на ступени крыльца. Начался дождь. Даэв продвинулся ближе к козырьку, чтобы не промокнуть самому и не намочить бумаги. Сначала он стал изучать послания из стопки «секретно».

«Так, что тут у нас... Письма Исполнителям по поводу слежки... их ответы... приказы, имена... Всё не то!» — он сложил бумажки обратно и достал вторую пачку — с пометкой «совершенно секретно».

«Хм... — задумался он, читая первые же сообщения. — Это интересно».

Совершенно секретно.

Кому: А.

«Дабы достигнуть цели в кратчайшие сроки, предлагаю объединить наши усилия. Я повлияю на Совет, и к назначенному дню войска будут готовы. Жду Вашего подтверждения».

С.

Совершенно секретно.

Торжественный ответ.

Кому: С.

«Даю подтверждение и заверяю в надёжной поддержке. Объявляю тайное перемирие».

А.

«А вот и оно, — понял Териан. — Письма балаурам. С — Слутгельмир, это понятно. Кто же такой «А»? Хм. Повлиять на Совет... — значит, атака Бездны была спланирована! Элийцы должны потерять все крепости. Умно, господин А, умно. Жаль, что перемирию не бывать...» — Даэв прочёл остальные письма. В них говорилось о планах атак.

«Так, сейчас месяц Маркутана. А документы на месяц Байзела следующего года. То есть, через восемь месяцев начнётся хаос. Подписи Варанта, Джантры, Садха... Указ Тиамат... Язык рун, это не ко мне. Так, вот, нашёл: балауры осадят Кротан, а асмодиане — Западную Сиэль. Сроки не обозначены — видимо, драканы сообщат их позже. Ясно... Вот ещё: схема Дерадикона... Зачем она асмодианам? Доставлять грузы? Войска? Скорее, второе. Ага, подпись капитана Дерадикона Джантры — очень интересно. Я и не думал, что сговор в таких масштабах. А это что? Список офицеров? Подписи капитанов трёх Дерадиконов и подписи Совета Судей Храма Правосудия... Мать Фрегионову! — Териан Лекас чуть не откинулся на спину, переведя следующий документ с балаурского языка. — Это план захвата элийской Цитадели Тэминона! Асмодиане и драканы объединятся на Дерадиконах. Схема подземелий Тэминона... Схема расположения разломов Арэшурата, схема Элизиума... Айон Всемогуший... Это блицкриг... Слутгельмир, что же ты наделал... Нельзя допустить, чтобы Элиос пал! Тогда балауры смогут с лёгкостью справиться с ослабленной Асмодеей и захватят весь мир... Нельзя доверять ящерам!.. — Даэв думал, как теперь поступить. — Нужно подкинуть эти бумаги элийцам. Но для начала надо сорвать планы по захвату тех крепостей...», — он свернул письма и запихнул обратно.

«Нужно спрятать документы в надёжное место... Из Пандемониума я не выберусь — свои же поймают. Значит, выход один — Генфельс...»

Даэв выбрался из чужой усадьбы и поспешил к таверне его друга, которая, к счастью, работала круглосуточно. Асмодианин двигался тихо, чтобы не привлекать внимания. Улицы ночного Пандемониума были пусты, да и чутьё говорило, что хвоста нет. Териан снял оружие и спрятал его в кустарнике около таверны. Озираясь по сторонам, он вошёл внутрь. За стойкой бессмертный увидел жену трактирщика. Она узнала старого знакомого.

— Доброй ночи, чего желаете, господин...

— Тс-с, — он перебил её. — Генфельс где?

— Наверху, спит — вчера весь день и всю ночь работал, — добродушно вздохнула женщина. — А Вы что-то хотели?

— Да, я бы хотел выбрать бутылку вина из погреба... — он сощурил мерцающие глаза и одним только взглядом дал понять, что дело серьёзное.

— Хорошо, — быстро кивнула она, разинув от испуга рот. — Прощу за мной.

Асмодианка и Даэв спустились в подвал кухни. Териан запер дверь изнутри.

— Вот, возьмите, — он протянул женщине свёрток с письмами. — Мне нужно, чтобы Вы отправили это в Цитадель Фримума в гильдию «Тёмного Облака». Как можно скорее. Заверните бумаги во что-то неприметное. Нельзя, чтобы груз вызвал подозрения. Это очень важно. И ради Айона, не читайте это! — он потряс пачкой писем перед лицом трактирщицы. Она всё время кивала, открыв рот.

— Поняла... поняла... — произнесла она и, схватив свёрток, убрала в фартук. — В Цитадель Фримума. Поняла...

— Да. Спасибо, — буркнул Даэв и, по привычке взяв первую попавшуюся бутылку, поднялся в зал.

Териан огляделся: никто не смотрит на него, все заняты выпивкой — и покинул таверну. Незаметно шмыгнув в кусты, он прицепил обратно оружие и невидимой тенью помчался прочь.

«Слутгельмир уберёт охрану из тюрьмы, как и обещал... — размышлял бессмертный, пока пробирался сквозь лабиринты улиц ночного Пандемониума. — ...Пока не обнаружит пропажу. А когда обнаружит, захочет схватить меня с поличным. Там же — в подземелье. Что же делать с элийской девчонкой? Отдать её на съедение или вытащить? Хм... Может, я об этом и пожалею, но оставить такой подарок тюремщикам будет непростительно».

Даэв уже прокрутил в голове план действий, вспомнил схему Подземной тюрьмы и был готов к новой аванюре. Если уж всё равно его развоплотят, то хотелось успеть принести как можно больше пользы. Териан уповал ещё и на следующее: даже если он не сумеет забрать посылку в Цитадели, то долго она там и не пролежит. Шиго обратят внимание на завалявшееся письмо и вскрыют его. Это ведь шиго! Они обнаружат, что в нём записаны весьма ценные данные и захотят их выгодно продать. Конечно, больше всех заплатят элийцы. Так всегда бывает — мохнатые торговцы наживаются на южной половине Атреи и беспечности её жителей. Таким образом, послание попадёт на стол к военачальнику Элизиума, и он сможет предотвратить беду. Ну, или хотя бы, сделает всё возможное. А если асмодианину всё же удастся забрать письмо, то тут он уже знает, как поступить и что делать — в его голове давно возник хитрый план.

«Дождёмся утра, тогда патруль города немного успокоится, да и Слутгельмир успеет отогнать стражу из подземелий... Айон, помоги мне завершить начатое и прости за все прегрешения. Уже через несколько часов весь асмодианский народ решит, что я вступил в войну со своими сородичами... Дай мне сил выстоять... Ещё раз... Как раньше...»

Через полчаса будет светать. На улицах города не встретить никого — самое приятное время для прогулок и размышлений. Но Териану было не до прогулок. Он сидел на крыше Арены Триниэли и осматривал окрестности. Под Ареной располагалась тайная тюрьма Храма Правосудия. Мало кто знал, где её вход, но Даэву посчастливилось побывать там однажды... в качестве пленника. И удалось сбежать! Никто не знал о побеге, поэтому до сих пор считалось, что из Подземной тюрьмы невозможно выбраться.

«Охраны почти нет. Он сдержал обещание», — подумал Даэв и поднялся на ноги. По крыше он направился ко входу в тюрьму. Заветная дверца располагалась в кабинете смотрителя на втором этаже переднего сектора. Туда можно было легко попасть, спустившись по крутой лестнице прямо с крыши здания. Териан решил поступить именно так.

Все эти дни Эви не приносили ни воду, ни еду. Девушка ослабла до такой степени, что

не только крепко стоять на ногах, но даже открыть глаза было трудновыполнимой задачей. Из-за шершавых каменных стен камеры жутко болели спина и ноги, а от недостатка пищи невыносимо ломило кости. Но элийка старалась держаться. Она поняла, что если бы была не нужна асмодианам, то с ней бы расправились в тот же час. Нужно было ждать. Как можно дольше. Эви неподвижно сидела у решётки, прислонившись к стене, — на движения не было сил. Она дышала тяжело и тихо, каждый вдох давался ей с большим усилием. Перед глазами висела пелена — побочный эффект слабости. Девушка не знала, ночь сейчас или день, — в темнице не было окон. Только тусклый свет факела, висевшего на стене коридора, предохранял от крошечной темноты.

Пленница снова начала проваливаться в бессознательный сон — так можно было хоть ненадолго забыть о боли. Но сильный удар о решётку привёл её в чувство. Девушка с трудом повернула голову к звуку и постаралась открыть глаза. Это получилось, но разглядеть что-то она не смогла — зрение не слушалось. Слабость опять взяла своё — Эви не пошевелилась. Элийка была похожа скорее на мертвецки белую куклу со стеклянным взглядом, нежели на живого человека. Оттого она и не могла сопротивляться. Организм отказывался думать, поэтому девушка не замечала, как её поднимают на руки, как выносят из клетки и несут куда-то. Всё вокруг для неё было лишь сном, из которого невозможно выйти.

Эви почувствовала, как боль в спине усилилась, но не смогла вытянуть из себя даже тихого стога. Её положили на пол. Кто-то навис над бедной пленницей и открыл ей рот. Мрачная расплывчатая фигура несколько раз капнула ей в глотку какую-то вязкую обжигающую жидкость. По горлу моментально растеклось тепло. Мгновение — и пелена немощности испарилась из груди девушки.словно волна, эффект от этих капель распространялся по телу, приводя в чувство сначала голову, затем руки и ноги. Слабость ушла, зрение восстановилось, а сознание прояснилось. Эви видела, как тень, нависшая над ней, обретает чёткие линии. Через несколько секунд элийка почувствовала знакомое тяжёлое дыхание и увидела над собой мерцание ярких зелёных глаз.

— Ты?.. — с трудом произнесла она. Хотя звук более напоминал стон, нежели уверенный вопрос.

— Отлично, — прогудел в ушах девушки знакомый голос.

Мощные когтистые руки обхватили тело Эви и подняли над землёй. Лапы больно задевали раны на спине, оставленные стенами темницы, но девушка терпела. Да и кричать пока было тяжело. Элийка лежала в руках асмодианина и старалась не шевелиться. Она лишь водила глазами туда-сюда, оглядывая помещение. Они медленно поднимались по длинной винтовой лестнице — Даэв тоже пытался не делать резких движений, чтобы не причинить лишнюю боль пленнице.

«Нет охраны... — сообразила Эви. — Он перебил всех?.. Зачем? Из-за меня?..»

Мыслить ясно пока тоже получалось с трудом — лекарство ещё распространялось по телу девушки. Через несколько минут кровь разнесла живительное зелье по всему организму, и элийка, наконец, почувствовала себя хорошо. Боль прошла, но появилась новая слабость, более приятная — не от обезвоживания, а от утомления.

— Хочется спать... — тихо простонала пленница, пытаясь справиться с подступившим желанием провалиться в сон.

— Потерпи... — мягкий голос асмодианина проник до глубин сознания Эви.

Девушка почувствовала, как вокруг становится светлее. Она повернула голову — лестница была преодолена, впереди — дверь, из-под которой изливался яркий дневной свет.

Мужчина остановился у самой двери. Эви подняла на него вопросительный взгляд. Асмодианин тоже посмотрел на неё, но в его глазах элийка не смогла прочесть ничего, кроме удивления или... волнения.

Даэв осторожно поставил девушку на ноги, придерживая её руками, чтобы она не упала. Пленница неуверенно облокотилась на плечо асмодианина и попыталась сделать шаг. Не вышло — мужчина успел поймать её в падении. Вторая попытка была успешнее первой. Когда Эви смогла стоять на ногах и потихоньку идти сама, Даэв схватил её за руки и медленно произнёс:

— Не бойся и никуда не убегай. Просто держись за мной.

Девушка кивнула. Она и не собиралась убегать.

«Если он говорит держаться за ним, значит, впереди опасность...» — догадалась она.

Эви вздохнула, сжала кулаки и осторожно встала за широкой спиной асмодианского Даэва. Териан Лекас тихо прислонил ладонь к двери и медленно открыл её. Это был кабинет зрителя Арены. На удивление он оказался пуст. Мужчина вошёл в комнату и остановился прямо в центре. Интерьер помещения был вполне обычным и ничем не выделялся: стол, кресло, шкафы, несколько полок для бумаг и куча настенных стендов с расписаниями тренировочных боёв. Териан подошёл к большому окну, выходящему на поле битв.

«Места для зрителей пусты. Совсем. Они перекрыли арену, — анализировал Даэв. Он оглядел трибуны и посмотрел вверх. — Ага... В небе Эфирный купол — не улететь. Мы в ловушке, а выход только один — через главный вход. Значит, снаружи нас ждёт представление...» — Териан усмехнулся внутри себя и повернулся к элийке. Она стояла у него за спиной и испуганно смотрела в окно.

— В Элизиуме есть такая арена... — прошептала она. — Раз так, то... — девушка устремила вопросительный взгляд на Даэва. — Мы в Пандемониуме?

— Именно так, — утвердительно кивнул асмодианин и позвал пленницу за собой. Эви испугалась не на шутку. Она — в самом сердце Асмодеи. Можно ли выбраться отсюда живой? Ей казалось, что нет.

Они спустились к трибунам и прошли через всю Арену Триниэли к парадному выходу. Бессмертный заметил, что у дверей тоже нет охраны.

«Обычно здесь дежурят двое аканов», — сказал себе Териан.

Он снова повернулся к спутнице и, предвкушая скорую битву, почти приказным тоном произнёс:

— Сейчас ты увидишь много врагов. Не пугайся. Я не позволю им причинить тебе вред.

Голос асмодианина был очень суров, и девушка, не раздумывая, поверила ему, отрывисто кивнув:

— Угу...

Териан Лекас вздохнул, схватился руками за ручки двойной двери и одним рывком распахнул её. То, что он увидел снаружи, ничуть его не удивило. Вся площадь перед Ареной была перекрыта. По периметру стояло несколько десятков вооружённых до зубов стражников Храма Правосудия. Их можно было легко распознать по специфическим нагрудникам с большим медным пауком в центре. Кроме аканов Слутгельмира Даэв насчитал около двадцати патрульных Пандемониума — тоже в полном обмундировании и в боевых стойках. Бессмертный посмотрел вперёд. Прямо перед Терианом сияла довольная фигура Верховного Судьи. Он в окружении четырёх Безмолвных вышел из-под живого щита своих подчинённых и с важным видом встал в паре метров от Териана. За оцеплением

собралась целая толпа зевак. По ощущениям, чуть ли не половина города. Конечно, многие захотели посмотреть на падшего Даэва — предателя своей родины.

«Жаль, что никто из них не знает, кто на самом деле предатель», — пролетело в мыслях у бессмертного, когда Слутгельмир начал говорить.

— Полюбуйтесь, дамы и господа! — воскликнул Верховный Судья, не отрывая взгляда от Териана Лекаса. — Как я и ожидал, это существо, которое мы привыкли называть Даэвом, защитником нашей расы, предало всех нас! Посмотрите, на кого этот падший воин променял доблесть и славу! — он указал пальцем на выглядывавшую из-за спины бессмертного элийскую девушку, до смерти перепуганную от такого количества когтей и красных глаз. — Скажи мне, Териан Лекас, что было у тебя в мыслях, когда ты убивал святых стражников-аканов, отважно защищавших нас от злодеев со всей Атреи? О чём ты думал, когда оставлял семьи без мужей, отцов, братьев и сыновей? Скажи мне, эта элийская девчонка важнее преданности и любви к Асмодее?

«Какие слова... — подумал Даэв. — Интересно, долго готовился?»

— Что же ты молчишь, предатель? — продолжал Слутгельмир. — Язык проглотил? Ну что ж, тогда...

— Я скажу, — перебил его Териан. Судья немного опешил от неожиданности и тут же замолчал. — Слутгельмир, прежде чем говорить о предательстве других, начни с себя. Кто хоть немного знает меня, подтвердит, что я никогда не нападаю первым. Если я кого-то и убил, то это была лишь защита, — тон Даэва был весьма грозным. Его глаза давно запылали красным огнём. Толпа зрителей, так ярко поддерживавших слова Слутгельмира минуту назад, в мгновение ока стихла. Площадь молча слушала слова зеленоглазого бессмертного. — Мы стали забывать, кто наш истинный враг! Кто виновен в том, что Атрея никогда не станет прежней? Это не элийцы, не Серафимы, не Сиэль, в конце концов. Балауры разрушили Башню Вечности! Балауры спровоцировали Катаклизм! Балауры стали первыми, кто поднял оружие против нас в Бездне. Вспомните! — Териан кричал громко, чтобы все его услышали. Он то и дело поворачивал голову в стороны, заглядывая в глаза растерянных горожан. — Почему же мы виним во всех грехах тех, кого тысячу лет назад называли братьями? Потому что так надо? Потому что нас учили в детстве, что элийцы — враги? А почему так надо, никто не задавал себе вопрос? — Слутгельмир собирался вмешаться, но Даэв ему не позволил своим оскалом. — Вспомните, с чего началась война элийцев и асмодиан! Легион Бури был послан с миссией в Бездну, но разлом перенёс их в Морхейм. Кого же они там встретили?

— Довольно, Териан Лекас! — воскликнул Судья и жестом приказал страже схватить Даэва. Но бессмертный продолжил, как ни в чём не бывало, а аканы замерли в метре от него, желая дослушать его монолог.

— Нет, Слутгельмир! Мы должны помнить своё прошлое. Легион Бури наткнулся на самого Лорда Джикела и несколько десятков его воинов. Что было дальше, кто-нибудь знает?

— Все это знают! — перебил Судья. — Элийский легион напал на нашего покровителя!..

— Откуда ты знаешь? Ты был там? Ты наблюдал за происходящим своими глазами? — оскалившись, рявкнул асмодианин.

Этот вопрос был неожиданным для всех, а не только для главы Храма Правосудия. Слутгельмир подержал паузу и вдруг громко вскрикнул:

— Как ты смеешь подвергать сомнению нашу историю, еретик?

— Я не еретик, Слутгельмир. И поверь, у меня есть полное право говорить! — Даэв снова оглядел толпу людей и обратился к ним. — Да, меня зовут Териан Лекас. И я был свидетелем тех событий! Я был одним из воинов на стороне покровителя и видел всё своими собственными глазами! Вина за произошедшее висит не на легионе Бури, как сказано в наших книгах! Лорд Джикел под угрозой расправы потребовал Дельтраса и его людей про...

Но Судья не дал ему договорить. Он вытащил меч и приказал Безмолвным немедленно заткнуть рот Даэву.

— Довольно! Схватить его! И убить элийскую подстилку!

Все стражники гурьбой бросились на Териана. Даэв расставил ноги шире и немного ссутулился, приняв оборонительную стойку. Он просчитывал все возможные действия своих врагов и одновременно искал у каждого слабые места. Но на этот раз противников было слишком много, а времени — непозволительно мало, поэтому точный план асмодианин построить не успел. Он вытащил из ножен длинные мечи и несколько раз взмахнул ими. Через секунду начнётся битва.

Эви отступила на два шага назад. Даэв ей сказал никуда не бежать и стоять на месте. Но как же быть, если добрая половина красноглазых стражников, рыча, бежит прямо на неё. Конечно, она не понимала, что говорит Териан и тот другой — элийка не знала асмодианского. Девушка в испуге закрыла руками лицо и задержала дыхание, чтобы не видеть, что будет происходить с ней через секунду.

Первый удар разнёсся звоном по всей площади. Толпа людей молча наблюдала за предстоящим сражением почти сотни стражников против безоружной элийки и асмодианского Даэва. Териан парировал атаку и другой рукой с разворота полоснул акана по лицу. В это время он уклонился от режущего удара слева и, оттолкнувшись от колена промахнувшегося врага, покончил с первым противником. Развернув меч лезвием к себе, Даэв прыгнул назад и пронзил живот врагу номер два. Счётчик в голове асмодианина начал работу...

Териан достаёт пару дымовых бомб и бросает их прямо в две кучки стражников. Это ненадолго выводит их из строя. Он тут же бросается к Эви, чтобы защитить её от нескольких лезвий. Парирование, удар. Уклонение, удар. Парирование двумя руками, толчок, удар штопором по двум противникам. Тело асмодианина, словно бумажный змей, вертится вокруг элийки, отражая все атаки. Нет, это не просто бой. Это танец. Акробатический танец со смертельным исходом — вот как можно описать творящееся на площади. Раз в секунду ноги Даэва касаются земли. Остальное время они где-то в воздухе. Нельзя с уверенностью сказать, где именно находится Териан в данный момент. Кажется, он везде. Он движется со скоростью бешеного ветра. Нет, он и есть ветер. Ветер, карающий любого, кто посягнёт на его жизнь или жизнь Эви.

Девушка всё это время стоит с закрытыми глазами. Она слышит громкий звон металла и истошные крики павших аканов. Оглушительный лязг лезвий и доспехов доносится со всех сторон одновременно. Эви не понимает, почему она ещё жива. Она собирается с мыслями и решается открыть глаза. Открывающаяся картина вызывает у неё шок. Элийка не может даже кричать. Она боится, что чёрное пятно, мелькающее перед ней, отвлечётся от своего танца и не сможет отразить какой-то удар.

Слева от девушки доносится звук рассекаемого воздуха и быстро приближающийся звон. Она поворачивает голову и успевает увидеть наконечник стрелы, летящий прямо ей в

лицо. Ещё миг — и конец. Эви бы не успела даже моргнуть перед тем, как острое оружие убьёт её. Мир вокруг останавливается. Кажется, что все движения замедляются. Она смотрит на наконечник, он движется с бешеной скоростью, видны даже растекающиеся струйки воздуха по его краям. Девушка хочет сделать вдох и закричать, другого не остаётся. И вдруг в миллиметре от её лица появляется чья-то когтистая рука. Она сжимается и ловко хватается стрелу на лету, отводя вместе с собой в сторону. Время в глазах элийки возвращается в нормальное русло, она вскрикивает и видит, как перед ней проносится тело Териана — девушку чуть не сносит поток воздуха, созданный асмодианином. Силуэт исчезает так же быстро, как и появляется. Он в очередном полёте успевает спасти девушку. Уже в десятый раз за несколько секунд. Она поднимает голову и видит, как лезвие меча Даэва разрезает пространство, настигая новую жертву. Кровь не успевает хлестануть из открывшейся раны, как меч пронзает доспехи ещё одного врага. Пара мгновений — пара трупов. Но вдруг аканы замирают.

Териан Лекас смотрит по сторонам — несколько десятков стражников обступили его и Эви, но все они держатся на безопасном расстоянии, встав в оборонительные стойки. Даэв устремляет взгляд на Слутгельмира. Его лицо напряжено — он шокирован произошедшим. Дрожащие губы Судьи разжимаются, и он говорит:

— И это ты называешь защитой, Даэв?

Бессмертный окидывает глазами округу. Вся площадь усеяна трупами. Полсотни стражников в латах лежат на земле в неестественных позах. Брусчатку Пандемониума кровь окрасила в тёмно-алый цвет. Запах плоти разносится ветром по всей столице. Ахи горожан и плач детей пронзают уши Даэва — обычные люди не должны были этого видеть.

— Они сами избрали свою участь... — лишь шипит Териан, привычно сощурившись.

— Хватит крови. Тебе всё равно не уйти. У твоего кибелиска в Белуслане уже ждут Безмолвные. Храм подвергнет тебя и элийку суду. Ты знаешь, что ждёт вас за сделанные поступки.

— На моих руках нет крови, Слутгельмир, — Териан убирает мечи в ножны и встаёт перед Эви, загораживая её своей спиной. — Ты отправил этих аканов на верную смерть. Не говори мне ничего. Ты знал, что пять десятков воинов мне будет просто одолеть.

Оставшиеся в живых стражники переглядываются и вопросительно смотрят на Судью. В их взглядах отчётливо читаются недоумение и нарастающая ненависть.

— Тебя развоплотят, Даэв, — продолжает глава Храма. — А девчонку казнят. Хотя, я думаю, суд в твоём случае не нужен. Здесь и так всё ясно... Как Верховный Судья я имею право вынести приговор сейчас. Стража! Достать луки!

С задних рядов доносится характерный шум. Аканы расступаются. В их руках уже натянута тетива. Холодные лица держат на прицеле Териана и Эви. Девушка в страхе прижимается к Даэву — от стольких стрел уклониться невозможно, и все это понимают.

— Сможешь пережить удар тридцати стальных стрел? — скривив лицо, усмехается Слутгельмир. — А твоя подружка? Посмотрим!

Мужчина поднимает руку. Луки в руках стражников заливаются скрипом — через секунду будет приказ стрелять на поражение. Териан Лекас быстро соображает, как поступить в данной ситуации.

«Придётся открыть ещё одну тайну...» — печальный голос звучит в глубине души бессмертного. Он бросает холодный взгляд на Судью, хватается Эви за руку и ставит перед собой. Даэв берёт элийку за плечи, заглядывает в её печальные глаза и шёпотом спрашивает:

— Ты веришь мне?..

Губы девушки дёргаются, и она произносит тихое:

— Да...

Бессмертный снова смотрит на Слутгельмира и ждёт команды. Судья скалится и делает вдох, после которого он опустит руку и прокричит: «Пли!»

Териан ждёт этого момента. Как только глава Храма Правосудия начинает поднимать грудь для вдоха, Даэв крепко прижимает элийскую девушку к себе и мгновенной вспышкой открывает свои чёрные блестящие крылья. Но на этот раз они нужны вовсе не для взлёта. Верховный Судья набирает воздух и собирается отдать последнюю команду. Огромные крылья бессмертного уплотняются, и под опускающуюся руку Слутгельмира асмодианин накрывает себя и Эви перьями, словно чёрным коконом. Он обнимает девушку, а крылья послушно обволакивают их обоих с ног до головы. Из-под шелеста перьев Даэв слышит яростное:

— Пли-и-и!

Бессмертный шепчет какое-то короткое слово, и мягкий кокон мгновенно затвердевает, покрывая перья каменной плёнкой. Слышится злобный звон стрел, но дыхание Териана всё такое же спокойное и медленное. Эви закрывает глаза. Вдох. Стальные наконечники ударяются об окаменевшие крылья Даэва, издают звон и падают на землю. Несколько десятков стрел с треском отлетают прочь, не в силах поразить цель.

Териан Лекас чувствует недоумение в глазах Слутгельмира. Нет, он не видит его лица. Чутьё бессмертного позволяет Даэву ощутить эмоции врага.

«Он — маг!..» — догадывается Верховный Судья, негодуя от досады.

Аканы асмодиан дружно достают из колчанов новые стрелы. На раздумья — ровно миг.

Териан издаёт громкий рык и взмахивает крыльями, отчего весь камень рассыпается на куски и летит прямо в окруживших его стражей. Почти всех воинов сражают булыжники — они просто не успевают среагировать. Судью чудом не задевает летящий камень, хотя его приспешники оказываются не столь удачливы — все четверо из его охраны отлетают назад на несколько метров. Даэв делает ещё несколько взмахов, чтобы стрясти остатки камня и пыль с его красивых чёрных перьев, а затем отталкивается от земли и взмывает в воздух, держа элийскую девушку на руках. Несколько уцелевших лучников уже целятся в бессмертного, но от пары стрел вполне можно уклониться, что Даэв и делает. Толпа зевак бросается врассыпную. Паника охватывает площадь. Слутгельмир в досаде и ярости сжимает кулаки и кричит вслед улетающему асмодианину:

— Не-е-ет! Ты поплатиться за это, Териан Лекас! Я тебя найду, клянусь Асфелем!

Шорох крыльев вскоре исчезает, и тёмный силуэт огромной птицы скрывается в горном хребте за городской стеной.

===== Часть 2. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 4.

Отредактировано.

Цитадель Тэминона. Арэшурат.

Дариус ан Боуэн сидел за большим продолговатым столом в зале совещаний. Больше в помещении никого не было. Его пригласили сюда для аудиенции с легатом Щита Неджакана — Аскалоном, Даэвом в почётном ранге командующего. Богатый зал выглядел, словно миниатюрная копия какого-то храма: на стенах и высоком потолке были изображены исторические картины, написаны воодушевляющие письма — эдакий «зал патриотизма»,

как отметил офицер.

Аскалона не было уже четверть часа. Дариуса потихоньку охватывало волнение — лёгкое, ненавязчивое, но волнение. Неизвестно, что вызывало страх у юного воина — или сам факт встречи с одним из командующих Бездной, а по совместительству и легатом старейшего легиона Арэшурата, или то, что он станет его легионером и впредь будет сражаться, пожалуй, в самом опасном уголке Атреи. Подогревало сердце юноши лишь то, что все эти риски были ради его возлюбленной.

Наконец, красивая дверь открылась, и в зал кто-то вошёл. Дариус, не раздумывая, вскочил со стула и встал по стойке смирно. Он повернул голову к двери, но это был не Аскалон, а сам военачальник Арэшурата — господин Фаранис ан Дейл. Мужчина окинул суровым взглядом помещение, подошёл к столу и сел напротив офицера, махнув ему рукой, чтобы тот тоже садился.

Конечно, юноша узнал военачальника. Начальство, как говорится, надо знать в лицо. Дариус хотел спросить первым, что это значит, но мужчина его опередил.

— Так значит, ты сын капитана Бертронского гарнизона? — тон Фараниса был в меру вежлив, но, как показалось офицеру, сух и несколько циничен.

— Да, господин Фаранис. Мой отец — господин Ваталлос, военачальник Бертрона, — Дариус старался быть услужлив. Кто знает, что можно ожидать от человека, ведущего вечную битву в Бездне...

— Военачальник... Капитан гарнизона... Это одно и то же. Твой отец меня предупредил о тебе. Он сказал, ты хочешь попасть в Щит Неджакана, — последняя фраза звучала, как вопрос.

— Да, я изъявил желание...

Но Фаранис не дал юноше договорить.

— В Бездне опасно. Что же тебя подтолкнуло на столь отчаянный шаг? — мужчина даже не глянул на офицера. Он всё время пялился либо в окно, либо на дверь, сложив ладони в замок.

— Это мой выбор, — уверенно произнёс Дариус. — Если Вы не против, я...

— Родной сын капитана гарнизона... не Даэв... потрясающая карьера... и тут бросается на верную смерть? — мужчина говорил монотонно и несколько отстранённо, будто думал в этот момент о чём-то другом.

— У меня свои причины.

— В Щите Неджакана, как и в Пепельных Облаках легионеры делятся на две касты либо бессмертные, либо фанатики, готовые поскорее отдать свои жизни во славу Элиоса. Ты не похож на фанатика, Дариус ан Боуэн. Что же ты делаешь в Бездне? — вопрос звучал странно, словно Фаранис спрашивает не юношу, а сам себя.

— Как и все, ищу славы и признания... — Дариус произнёс ответ с суровым видом, напрягши лицо и стиснув зубы.

— Ты их найдёшь, если не станешь покойником раньше, — протараторил военачальник и как ни в чём не бывало продолжил. — Аскалон возьмёт тебя. Центурионство я выпросить не смогу, станешь обычным рядовым легионером. Если будешь трудиться, легат тебя повысит.

— Благодарю, господин Фаранис, — Дариус сделал кивок, но лицо не смягчил. Ему не нравился равнодушный тон элийского командира Арэшурата. — Я, по праву сказать, не ожидал, что у меня будет встреча с Вами, я...

Мужчина снова перебил юного офицера:

— Аскалон сейчас вместе с легионом в Западной Сизели. Я бы не стал лично проводить беседу с новым легионером, если бы твой отец не был моим хорошим другом. Ты сможешь присоединиться к товарищам через десять дней, когда они вернутся с дежурства. А сейчас иди на склад получать форму, доспехи и оружие. Про свои старые латы можешь забыть — здесь у нас действительно серьёзная экипировка.

«Но почему-то войны всё равно умирают...» — невольно подумал Дариус и сказал:

— Благодарю, но я бы хотел присоединиться к легиону как можно скорее. Я готов лететь на Западное Крыло прямо сейчас.

— Похвально, но ты туда не доберёшься. Привратник — в лазарете, а корабли летают точно по расписанию. Ближайший — через два дня. После склада пойдёшь к Крисаору — он тебе расскажет, как вести себя в Бездне.

Дариус не мог противиться приказу военачальника, поэтому протяжно кивнул, встал со стула, отдал честь высшему чину и направился к выходу из зала. Фаранис проводил его взглядом, но остался внутри. Военачальнику нужно было кое над чем поразмыслить в одиночестве.

Склад припасов находился на другом конце Цитадели. Естественно, им руководили шиго. Круглая площадь, отданная под складские нужды, была полностью заставлена ящиками и мешками. Как в таком количестве разного рода упаковок можно разобраться — только шиго известно. Дариус подошёл к мохнатому заведующему складом и сказал, что ему нужна экипировка Щита Неджакана. Для убедительности он добавил, что это личный приказ Фараниса. Разумный зверёк докапываться не стал, кто такой и откуда, а вежливо попросил подождать и через две минуты принёс здоровый ящик.

— Здесь латные доспехи, обувь и подкладка, нян-нян.

— Как Вы узнали, что я ношу латы, а не кольчугу? — с недоумённой улыбкой на лице спросил офицер.

— Я видел много воинов, кярун. Отличить вас могу на раз, нян-нян, — голос шиго был строгим, даже немного обиженным.

Дариус не стал спорить, а молча взвалил на себя ящик, который был очень тяжёлым вдобавок. Отойдя на пару шагов, он вспомнил, что забыл самое главное.

— Эх, балаурский рог! Простите, а алебарду легионовскую мне можно получить?

Зверёк обернулся и протянул:

— Одну минуту, кярун.

Минуту пришлось ждать долго. Тем более время тянется медленней, когда у вас в руках огромный тяжёлый ящик. Шиго, не торопясь, поднёс элийцу длинное оружие, упакованное в бумагу. Маленький зверь не мог достать до юноши, что бы водрузить на ящик ещё и алебарду, поэтому Дариусу пришлось сначала наклониться, что вышло, надо сказать, довольно непросто.

С горем пополам, офицер добрался до здания Цитадели. В приёмной он и решил распаковать всё. Сначала воин принялся за оружие. Развернув бумагу, Дариус невольно улыбнулся. Сталь была закалена таким образом, что часть лезвия была чёрной, часть — белой. Такой способ обработки металла был очень трудоёмким и искусным. В составе сплава опытный глаз юноши обнаружил дрениум — прочный металл, считавшийся самым лучшим при производстве лат и оружия. Он не трескается, не ломается, плохо гнётся и не ржавеет — идеально для сражений. Минус всего один — он очень тяжёлый. Вещь,

изготовленная из дрениума, при ярком свете немного отливает голубым — это, так сказать, его отличительный знак. Алебарда и впрямь была довольно увесистой. Непривычно. Лезвие было широким, больше чем у секиры в несколько раз.

«Таким топором только рубить надо», — подумал воин. Древко было толстым, рукоять отделана нескользящей кожей. Противоположный лезвию конец орудия также венчался топором, только меньшего размера. Он скорее напоминал наконечник копья, и колоть им, видимо, было весьма удобно.

Дариус повертел в руках новую игрушку. Хотя нет, это была не игрушка. Это был одушевлённый предмет для многих воинов. Огромное количество мужчин как Элиоса, так и Асмодеи фанатели от холодного оружия. Собираясь в кабаках, крестьянские юноши (да и опытные рабочие) то и дело обсуждали новые мечи, выкованные в столице, копья, луки. Спорили на тему, что удобнее, как лучше пользоваться сим орудием; очень часто дело доходило до драк. Если вдруг появлялся новый образец меча, кинжала или нагрудника, в тот же вечер половина городов собиралась в тавернах и рьяно делилась друг с другом мыслями по поводу новой «модели». Это была традиция, камень преткновения мужского населения Атреи. Всё, что касалось войны, было по обычаю прерогативой сильного пола. Хотя среди легионеров было достаточно и женщин. Надо признать, много воительниц увековечило себя в качестве Дазвов.

В ящике с экипировкой Дариуса ждали отменные дрениумовые латы красивого угольного цвета. По виду они были намного надёжнее прежних доспехов юноши, да и удобнее, надо полагать. В бумажном свёртке лежал длинный серый плащ с блестящей белой эмблемой в виде меча и щита.

«Легионский герб», — улыбнулся юноша.

Примерить доспехи хотелось как можно скорее. Тем более к Крисаору, как он думал, надо идти экипированным, а не в обычной человеческой одежде. Офицер положил всё обратно в ящик и поднялся в комнату, которую он снял во дворцовом кабаке на несколько суток.

Замки лат были необычными, но очень удобными. Не надо было мучиться с застёжкой сапог и кирасы — они интуитивно понятны и расположены там, где надо. Сразу видно — лучший легион Арэшурата. Дариус надел шлем, украшенный длинным конским хвостом пепельного цвета, и подошёл к зеркалу.

«О да... Прямо, как они!» — обрадовался юноша своему новому виду. Специфический цвет доспехов был легко объясним. Так воина труднее заметить среди монотонного пейзажа Бездны. Латы цвета каменной породы плохо отличимы даже вблизи Ока Арэшурата. Подобный раскрас может ненадолго продлить жизнь своему хозяину в условиях бесконечной войны. Нельзя забывать, что Бездна — арена для сражений. Уже давно крупнейшие острова вблизи крепостей окрасились в красный цвет от запёкшейся крови.

Дариус собрался с мыслями и в экипировке направился к тренировочному лагерю к востоку от здания Цитадели. Он располагался на отдельном острове, и туда вёл длинный мост, сооружённый для тех, кто не имел крыльев за спиной.

Крисаор был центурионом Щита Неджакана. Как ни странно, он не был Дазвом. Коренастый элиец средних лет с чёрными, как смола, волосами сразу заметил человека в форме легиона, шагавшего по мосту прямо к лагерю. Воин пошёл навстречу незнакомцу, ведь все легионеры за исключением его были в западной крепости Сиэли. Крисаор вытянутой рукой остановил бойца и на повышенном тоне спросил:

— Кто такой? Почему не в крепости?

Дариус поднял забрало, центурион нахмурился — этого лица он не помнил.

— Меня зовут Дариус. Я новый легионер Щита Неджакана.

— По чьему приказу? — недовольно спросил Крисаор. Было видно, что эта фраза выученная, и он её произносил не раз.

— По приказу военачальника Арэшурата.

— Бездны... — поправил его центурион. — Тут говорят — Бездны.

Мужчина средних лет в доспехах того же окраса, но, по ощущению, более лёгких и с жёлтой нашивкой на груди уставился на юношу и спустя несколько секунд продолжил:

— Я Крисаор, центурион легиона Щита Неджакана, генерал армии элийцев в нижней Бездне. Прошу любить и жаловать. Я так понимаю, тебя направили на обучение?

— Верно, господин Криса...

— Никаких господинов! — прокричал мужчина. — Мы все равны и боремся за выживание. Называй меня по имени.

— Слушаюсь, — машинально ответил Дариус.

— Ты что, пень? — выпучил глаза центурион. — Я сказал, все равны, а он — «слушаюсь». «Хорошо», надо говорить «хорошо».

— Хорошо... — улыбнулся Дариус.

Парочка пошла по мосту к тренировочному лагерю. Крисаор тем временем вещал:

— Первое, что тебе нужно знать, это то, что ты скоро сдохнешь. Уж прости, но такие пироги. Так что советую как можно быстрее написать завещание и доделать все дела, которые ты ещё не доделал, — как ни странно, в голосе мужчины не было ни капли сарказма. Он говорил очень серьёзно, отчего Дариусу стало немного не по себе.

— Второе, — продолжил он. — В Бездне главное — выжить. Запомни. Отныне это твоя цель. Единственная цель.

«Ага, как же...» — пролетело в голове юноши.

— Третье. Бездна — не место для развлекательных прогулок. Находишься на открытом пространстве как можно меньше времени, чтобы тебя не успела заметить местная нежить, а что ещё хуже: балауры или асмодиане. Даже если вокруг тебя твой легион, это не значит, что ты не можешь сдохнуть через секунду.

— Мило... — пробормотал Дариус.

— А чего ты хотел? Ты думал, здесь всё, как в Элиосе? Хрен там был! Раз уже пошёл к нам на службу, знай, что здесь тебе светит самый скорый конец.

— Хм, ну Вы, я смотрю, ещё живы. Даже до генерала поднялись, — колкая фраза звучала, как вопрос.

— Я научился выживать, — грозно буркнул центурион и покосился на новобранца. От его сурового тона кровь застыла в жилах. — Таить не буду, если продержишься здесь пару лет, могут не только генерала дать, но и Даэвом сделать. Аскалон тому яркий пример. Но это отдельная история. А пока четвёртое: без крыльев ты — насекомое, загнанные в ловушку. Попадёшь на островок и останешься там один — можешь смело отсчитывать в уме десять секунд до своей гибели.

Дариус продолжал слушать, несмотря на то, что постоянные упоминания центуриона о его скорой смерти начали уже бесить.

— Пятое: если не сдохнешь от руки ящерицы или асма, сойдёшь с ума от действия Эфира. Здесь его так много, что задом жуй! Но хорошо это только для Даэвов, мать их. Нам

же, смертным выродам, эта штука расплавляет мозги на раз-два! Сначала слышишь голоса, потом видишь галлюцинации, а под конец и вовсе прыгаешь вниз в ближайшую пропасть — вот так!

— И как же вы до сих пор живы? — с нотой иронии спросил Дариус. Он понимал, что в Бездне опасно, но словам Крисаора не верил. Было видно, что у центуриона что-то с головой.

— Научились справляться с пагубным воздействием Эфира. Сначала будет непросто, потом станет легче, когда привыкнешь засыпать под разноцветные глюки и чьё-то балаурование в ушах! — последние слова мужчина опять прокричал.

Юноша отошёл от него на шаг. Действия и слова его будущего центуриона показались ему ненормальными, поэтому лучше было перевести разговор на другую тему.

— Что Вы говорили насчёт Аскалона?

— Ах, да. Наш легат — величайший воин Атреи! И не смей возражать! — Крисаор пригрозил Дариусу пальцем. — Когда-то он был таким же исследователем Бездны, как и мы. Но вот Эфир на него совсем не действовал.

— Как это?

— Вот так. Не действовал и всё. Он был обычным легионером Щита Неджакана, но за два года дослужился до Даэва. Воистину невиданный срок! Поговаривают, что он, будучи уже генералом, за раз захватил обе крепости Сизели! Его, мол, за это и назначили главой легиона, а также даровали титул командующего.

— Потрясающе... — сухо пробормотал Дариус.

— Кстати, мало кто называет его Аскалоном... Ведь это имя, данное ему при рождении. Когда он стал Даэвом, взял имя Гелион.

— Да, это я знаю... — равнодушно сказал офицер.

— Гроза асмодиан! Тринадцатое божество! И он теперь твой легат. Гордись этим, юнец! — Крисаор хлопнул Дариуса по плечу, отчего тот недовольно промычал что-то.

— Хорошо, это я усвоил. Скажите, как мне поскорее попасть к нашим?

— Для начала пройди курс боевой подготовки в условиях Бездны. Это тебе не шутки. Без него время твоей жизни резко сократится.

— А если я такой отчаянный герой? — с показным сарказмом спросил юноша.

— Тогда через два дня на центральную площадь прибывает корабль. Садись на него и сходишь у Западного Крыла. До крепости — пешком. А то привратник наш захворал, а замены из грёбанного Элизима не дождёшься.

— А куда дальше идёт этот корабль? — поинтересовался Дариус.

— Западный осколок Ратесерана, а потом, минуя Туманность Святой Крови, держит курс к Кротану. После через Тёмное Облако возвращается в Цитадель, — Крисаор показывал руками на воображаемой карте расположение этих областей Арэшурата.

— Понятно... — протянул офицер. — А к крепости Астерии никак не пробраться?

— А что ты там забыл? — громко усмехнулся мужчина. — Конечно, никак, если у тебя нет пары крыльев за спиной... Она в самом центре оазиса под названием Пропасть Астерии. Жаль, что такая красота сейчас под контролем асмов. Эти дикари не способны ценить прекрасное... — задумчиво произнёс он и продолжил. — Место называли Пропастью не просто так. Там куча маленьких островков — большой суши нет. Поэтому туда без корабля не пробраться. Чисто теоретически можно сойти на Кольце Фрегиона в Туманности Святой Крови... — Крисаор вдруг запнулся. — Потом пешком потопать на север... Но вскоре ты

наткнёшься на пост сорок восьмого отряда ящериц. Змеюг там тьма. Если драконидов обойти, как в рожу асму плюнуть, то нагарратов облапошить не удастся — учуют за километр. Но! — продолжал вещать центурион, вскинув указательный палец вверх. — Если их всех перебить, то путь к Пропasti открыт. Пару дней пути, и ты там. На этом всё. Потом только на крыльях, — подытожил он.

«Ясно... Вывод — без крыльев никак, — повторил у себя в мыслях Дариус. — Может, всё-таки удастся уговорить Даймона подкинуть меня? Он говорил, что сейчас находится в западной крепости Сиэли, где и мой легион. Значит, потопали туда...»

Юноша криво улыбнулся и поблагодарил центуриона за информацию.

— Так куда ты сейчас? — заискивающе спросил Крисаор.

— Ну... Пару дней побуду с вами, потом — вперёд к Сиэли.

— Настоятельно советую пройти курс...

— Я разберусь, — улыбнувшись, отрезал воин и покинул центуриона. Крисаор хмыкнул и скорчил гримасу за спиной Дариуса.

«Очередное мясо. Не проживёт и недели», — подумал мужчина и вернулся на свой пост у лагеря.

Юноша шёл по мосту, размышляя над словами центуриона.

«Будь у меня выбор... Эх... Эви, всё ради тебя...»

Господин ан Дейл ещё не выходил из зала совещаний. Он сидел за столом и старательно царапал что-то на маленьком клочке бумаги. Вдруг дверь открылась, и внутрь прошмыгнула девушка. В её руке были письма. Увидев её, мужчина резко дёрнулся и спрятал листочек себе в одежду.

— Я же сказал, не беспокоить! — прокричал он, отчего девушка вздрогнула и тихонько заговорила:

— Я... принесла... Вот, это Вам, — она осторожно положила на край стола письмо и побежала к выходу.

Фаранис бросил на неё злобный взгляд. Барышня ойкнула и торопливо прикрыла за собой дверь. Военачальник вздохнул и достал свою скомканную бумажку. Он тщательно расправил её, но отложил в сторону. Мужчина взялся за письмо. На конверте была знакомая надпись: «Доставлено компанией «Тёмное Облако». Фаранис вскрыл послание и начал читать вслух.

— Наш общий друг сделал правильный выбор. Причин для беспокойства нет. «А» предупреждена. У меня всё готово. Ждём дня икс. Искренне Ваш, «Р».

На лице военачальника появилась довольная улыбка. Он разорвал письмо на мелкие кусочки, встал и бросил их в камин, расположенный у самой двери. Ко столу он вернулся, напевая что-то себе под нос. Мужчина плюхнулся на своё место и снова взялся за клочок бумаги. На нём уже было написано:

«Р.

Легионы на позициях. Документы о личном приказе из Элизиума готовы».

Фаранис достал перо и дописал в конце:

«Доброжелатель».

Затем он свернул листок несколько раз и положил его в кулон у себя на груди.

Мужчина поднялся, вытащил кулон поверх одежды и вышел из зала. Он направился на склад припасов, где его уже ждал знакомый шиго.

Заведующий складом почтительно встретил военачальника. Фаранис поприветствовал

зверька и, изобразив добрый взгляд, скромно спросил:

— Не могли бы Вы доставить это в Элизиум?.. Как всегда... — он снял с шеи кулон и робко протянул его шиго.

Мохнатый торговец искренне улыбнулся и сказал:

— Конечно, нян-нян! Господин военачальник хочет подарить это своей невесте, кярун?

— Да, мой друг, она далеко, а я скучаю... — мужчина натянул грустную улыбку и положил безделушку в ладонку шиго.

— Сделаем в лучшем виде, нян-нян! И не надо платы, кярун! Любовь — дело благое, нян-нян... — проговорило существо и положило кулон в кармашек своей миниатюрной жилетки. — Всего доброго, господин военачальник, нян-нян! — зверёк помахал лапкой Фаранису, тот пожелал удачи и пошёл назад.

Повернувшись спиной к заведующему складом, он, наконец, смог снять с себя показную улыбку. Вернув своё обычное выражение лица, мужчина продолжил напевать весёлую песню. Дела для него шли как нельзя лучше.

Пандемониум. Храм Правосудия.

В кабинет Верховного Судьи вошёл стражник. Слутгельмир встретил его холодным взглядом. Акан осторожно положил листок бумаги на стол и, поклонившись, удалился. Страж знал, что его господин сейчас, мягко говоря, не в лучшем расположении духа. Поэтому беспокоить его лишний раз было себе дороже.

Судья всё же прервал свои дела и взял в руки листок. Он развернул его и принялся читать. Текст был на балаурском, чтобы скрыть содержимое от чужих глаз.

Совершенно секретно.

Кому: С.

Всё идёт по плану. Мы убедились в лояльности некоторых личностей. В следующем письме обозначу дату дня расплаты.

А.

Слутгельмир свернул письмо и убрал его в карман. Он знал, что дело осталось за ним.

— Нужно предупредить Совет... — произнёс он вслух. — Как я мог забыть? Асфель Всемогущий!

Судья вскочил с кресла, да так резво, что сидение невольно опрокинулось. Он взял какие-то бумаги со стола и, распахнув дверь, быстрым шагом направился вниз.

«Уже вечер... Видар меня сейчас не примет, — размышлял по ходу мужчина. — Зайду завтра с утра. А пока нужно спрятать письмо...»

Слутгельмир пошагал к своему дому. Стража встретила его, покорно распахнув ворота. Асмодианин вошёл внутрь, поднялся в свою спальню, зажёл свечи и подошёл к столу. Мужчина устроился в кресле и открыл второй ящик. Как вдруг рука его замерла. Глаза округлились и загорелись красным пламенем.

— Балаур меня дери! — прокричал он и подбежал к двери, за которой стояло несколько аканов.

Хозяин выскочил из комнаты и схватил за воротник одного из стражников, рыча ему в лицо:

— Кто заходил в спальню до меня? Отвечайте!

Страж спохватился и стал уверять:

— Никто, никто не заходил! Клянусь Асфелем, здесь никого не было. Даже служанок не

пускали, клянёмся!

Остальные тоже закивали, мол, всё верно. Слутгельмир отпустил воина. У него на уме была всего одна личность.

— Териан Лекас... — прошипел мужчина.

«Если кто-то узнает о письмах, мне и Храму конец... — говорил себе Верховный Судья. — Нас навсегда проклянут. Десятки лет трудов балауру под хвост!»

— Будите всех Безмолвных, живо! Стражу, патрули, теней, судей, всех сюда немедленно! — в агонии заорал Слутгельмир.

Аканы в тот же миг рванули вниз. Мужчина схватился за голову. Весь его многолетний план висел на волоске. Не прошло и пяти минут, как толпа из полсотни воинов, находившихся неподалёку, поднялась в холл третьего этажа. Вперёд вышли старшие чины, рядовые остались позади. Слутгельмир громко и нервно задышал. Он не мог снять с лица ненавистный оскал. Через несколько секунд тишины, нарушаемой только дыханием Судьи, из его уст донеслось:

— До утра найти мне Териана Лекаса... Если этого не произойдёт, я повешу каждого из вас, а также всех ваших родных, друзей, знакомых и даже слуг... — зубы мужчины дрожали, отбивая такт. Голос был тих, но настолько напряжён, что, казалось, он вот-вот сорвётся. Лицо Слутгельмира больше не напоминало асмодианское. Оно было отражением балаурской ярости, невообразимого зла и ненависти. Всем без исключения Безмолвным стало не по себе от вида их господина. — Даэвов я развоплочу тем же утром и прокляну их души на вечные муки и страдания... Я вас со свету сживу, если к рассвету у этой двери не будет связанного Териана Лекаса... Повторить?!

Стражи и Тени нервно замотали головой. Из глаз Слутгельмира струйками потекла кровь. Он дрожащей рукой указал на лестницу вниз и более не произнёс ни слова. Воины всё поняли, объяснять ещё раз не требовалось. Все до единого бросились вниз, оставив Верховного Судью одного. Он ещё несколько минут простоял в этой позе, даже не моргая. Наконец, асмодианин обнаружил, что Безмолвных и след простыл. Он заперся в своей комнате и не выходил оттуда до утра. Что Слутгельмир там делал всю ночь — видимо, так и останется загадкой.

===== Часть 2. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 5.

Отредактировано.

Где-то в Асмодее.

Эви уснула на руках Териана. Даэв всё ещё лавировал между вершинами гор Асмодеи. Шорох больших пушистых крыльев, завывание прохладного ветерка и размеренные подъёмы и спуски усыпляли. Элийке даже не было холодно, несмотря на то, что она была в лёгком платье — от асмодианина веяло теплом. Девушка уткнулась лицом в грудь Даэву и задремала.

«Зачем мне лишняя обуза?» — спрашивал себя Териан. Адекватно ответить он не мог, да и уже было поздно для подобных размышлений: дело сделано, девка спасена.

«Теперь нужно спрятать её, пока я не доставлю письма в Элиос...»

На ум быстро пришло место, где элийку точно искать не станут. Но туда сначала надо было добраться.

Крылья Даэва устали — полёт длился уже долго. Териан Лекас искал глазами укрытие, где можно безопасно отдохнуть, а затем продолжить путь. Небольшая горная пещера в скале

на высоте в сотню метров прекрасно подходила для передышки — ни дикий зверь сюда не заберётся, ни акан не достанет. Асмодианин спикировал на тёмное пятно в горном склоне и, усердно замахав крыльями, погасил скорость. Даэв медленно опустился на самый край и избавился от своих чёрных символов бессмертия — огромные крылья просто не проходили в узкую расщелину. Териан боком занёс спящую на его руках элийку внутрь — в глубине пещеры было довольно просторно. Он осторожно усадил девушку к стене, скинул с себя оружие, доспехи, снял плотную шерстяную рубаху и накрыл ею свою спутницу. Эви даже не проснулась, а лишь слегка повернулась набок и невольно укуталась в тёплую одежду асмодианина. Даэв застыл у спящей элийки и, сощурившись, начал разглядывать её. Он не произнёс ни звука, да и по его лицу было непонятно, о чём его мысли. Глубоко вздохнув, бессмертный обернулся и пошёл к выходу из пещеры. Териан боком выбрался на край скалы, откуда открылся потрясающий вид на снежные горы северной половины Атреи.

Яркий дневной свет солнца слепил глаза. Мужчина закрыл веки и вдохнул свежий морозный воздух, богатый Эфиром. Даэв не накинул на себя ничего, а стоял с оголённым торсом — холод не особо пугал его привыкшее к стуже тело. Насладившись чудесным расслабляющим действием Эфира, Териан улыбнулся от удовольствия и отступил назад, прижавшись спиной к ледяной породе. Он вздохнул ещё раз и, оттолкнувшись сильными руками от поверхности скалы, побежал прямо к обрыву. Прыжок!

Даэв ныряет в пропасть, вытянув руки вперёд. Он широко открывает глаза, зрачки расширяются до предела — какое счастье чувствовать каждой клеточкой тела бешено растущую скорость, гул ветра в ушах и мелькание каменного рисунка на склоне горы. Секунды падения длятся вечность, но Териан умеет ими наслаждаться. Впереди виднеется земля. Асмодианин расправляет руки в стороны. Ещё мгновение, и крылья не смогут погасить скорость.

«Ждать... Ждать... — пролетает в мыслях бессмертного. — Пора...»

Даэв скалится и напрягает все мышцы тела. Одно желание, одна мысль, и полная концентрация на ней. Он чувствует, как за спиной из воздуха и окружающего Эфира материализуются крылья — такие родные, но каждый раз новые. Он ощущает, как клетка за клеткой выстраивается их структура, как словно из ничего вырастают перья и суставы, как две мощные кости вгрызаются в его спину, разрезая плоть, как они соединяются с мышцами, приспособленными для их движения, как образовавшиеся внутри стволов крыльев нервы врастают в спинной мозг. Да, теперь они — неотъемлемая часть Даэва. Он ощущает, как ветер теребит широкие перья, как боль сковывает крыло, когда его пронзают стрелой, как дрожат в неутолимом напряжении мышцы от его резких манёвров... И как тяжело с ними расставаться — снова терять частичку себя, силой мысли заставляя тело отторгнуть их, говорить себе, что не чувствуешь боли.

Крылья за спиной бессмертного появятся быстрее, чем человек чихнёт, но сей миг для хозяина кажется вечностью, ведь он имеет дар это ощущать.

Земля уже близко. Одно промедление — и разmozжённое тело Даэва рассыпется в прах, а душа покорно проникнет в поток Эфира и отправится на кибелиск, чтобы возродить там утраченную плоть. Но Териан не может не успеть. Он рывком расправляет крылья и моментально меняет направление своего полёта. Мышцы напрягаются до предела, суставы работают на грани разрыва, но асмодианин любит быть «на грани». Щелчок воздуха под его телом, и Даэв парит в метре от земли, столбы пыли и снега взмывают за ним вверх и летят позади пушистым хвостом. Сердце бьётся, как проклятое. Наслаждение... Свобода...

Бессмертный делает пару осторожных взмахов, чтобы краями крыльев не задеть землю, и поднимается выше. Короткая минута наслаждения кончилась. Пора снова приниматься за дело.

«Для начала нужно развести костёр и найти еду», — говорит себе Териан. Голыми руками поймать добычу будет сложнее, но асмодианин приспособлен ко всему. Острые когти на руках будут весьма кстати. Даэв находит несколько поваленных деревьев и отрывает от стволов с десятков ветвей в качестве дров.

«Надо найти мелких животных...»

Бессмертный пролетает над небольшой рощицей и видит следы маленьких лапок на гладком снегу.

«Определённо, заяц», — решает он. Выследить зверька оказывается не так сложно, поймать — задача куда сложнее.

Одиноким белый заяц, скачущий по снежному ковру, замечает летящую на него сверху огромную чёрную птицу и быстро прыгает в свою норку. Даэв приземляется в двух шагах от неё. В корнях высокой старой ели затаивается небольшая нора. Асмодианин наклоняется и мерцающими глазами заглядывает внутрь. В ярко-зелёном свете, освещающем отверстие, словно фонарик, бессмертный видит несколько испуганных чёрных глазок. Они жмутся друг к другу, не в силах спастись от грозного хищника. Вдруг среди пушистых фигурок Териан замечает маленькие сероватые комочки. Они шевелятся и прижимаются к двум взрослым зверькам.

«Детёныши...» — догадывается Даэв. На него смотрят четыре маленьких глазика, в зрачках которых он видит отражение своего лица.

«Каким же чудовищем я кажусь для них...» — думает он. Териан щурится и продолжает завороченно смотреть на зверьков. Они не движутся, только изредка шевелят длинными ушами. Серые комочки прячутся за спинками родителей. Заяц-отец и заяц-мать будут защищать своё потомство даже от такого большого и сильного врага — закон природы и инстинкт выживания.

Даэв добродушно вздыхает и отползает от норки. Он почему-то встаёт, отряхивает от снега свои большие крылья и собирается взлетать в поисках другой добычи, как неожиданно его чуткий нюх замечает знакомый неприятный запах.

— Волки... — говорит он вслух. — Почуяли зайчатину.

Если бы при нём было оружие, он бы без проблем мог справиться с целой стаей хищников — как раз и добыча не нужна. Но без брони и орудий его шансы резко падают. Даэв окидывает взглядом хворост, который он успел насобирать по дороге:

«Нет, из этого копьё не сделаешь», — с досадой понимает асмодианин. Воин смотрит вверх — конечно, он может с лёгкостью улететь, но что-то держит его здесь, на земле; что-то не даёт отойти от беззащитной заячьей норы. Тем временем запах всё ближе — Териан Лекас уже слышит частое дыхание нескольких волков. Пара секунд, и перед Даэвом предстают рычащие скалящиеся морды хищников.

«Восемь...» — насчитывает он. Злые глаза смотрят на асмодианина, но звери пока не атакуют. Мужчина решает взять авторитетом более крупного хищника — он расправляет крылья во всю ширину и тоже скалится. Глаза вспыхивают ярким красным огоньком. Но рычание не прекращается. Слюна уже капает из открытых пастей больших серых зверюг.

«Видимо, вы очень голодны, раз решаетесь сразиться с Даэвом» — пролетает в голове асмодианина. Три хищника обходят его со спины. Териан с толикой скорби понимает, что

битвы не избежать.

Первый прыжок наносит определённо волчица, так хитро спрятавшаяся у бессмертного за спиной. Но её инстинкт не мог ожидать, что Даэв видит и чувствует любое движение вокруг себя. Мужчина разворачивается и когтями царапает морду хищницы прямо у её распахнутой пасти. Рука асмодианина повреждает ей глаз, и она безнадёжно падает набок и начинает скулить. Чутьём мужчина чувствует два рывка за своей спиной. Острые клыки вот-вот вцепятся в его крылья. Териан успевает присесть и взмахнуть крыльями, чтобы мощными костями ударить наглых волков по их злобным мордам. Ещё двое оглушены. Один хищник бросается справа — Даэв хватает его за гриву и с размаху бросает в ближайшее дерево. Снова доносится жалобный вой. В этот момент перед лицом мужчины нависает открытая пасть и мёртвой хваткой вцепляется ему в предплечье. Даэв другой рукой хватается зверя за глотку, падает на спину, делает кувырок через себя и сжимает тиски. Острые когти асмодианина безнадёжно разрывают плоть волка, перекрывая ему кислород. Хищник от боли отпускает руку Териана, серокожий пользуется этим и бросает захлёбывающееся собственной кровью существо в то же дерево. Даэв рывком поднимается на ноги. Оставшиеся враги тут же теряют боевой огонёк в глазах. Они, скалясь, начинают бродить вокруг мужчины, а вскоре разворачиваются и убегают прочь.

На заснеженной земле остаются лишь два смертельно раненых животных. Они тихо скулят, но сородичи уже не придут им на помощь. Асмодианин подходит к ним и благородно позволяет им умереть быстро и безболезненно. Затем он берёт их тела, хворост и на слегка потрёпанных крыльях поднимается в воздух по направлению к пещере.

«Элийка, должно быть, уже проснулась» — думает он, но ошибается. Девушка ещё крепко спит.

Эви будит приятный запах жареного и потрескивание костра. Она обнаруживает себя, укутанной в рубаху асмодианина. Оперевшись на руки, девушка приподнимается и видит Даэва, готовящего на огне крупные куски мяса. Она привстаёт и робко подходит к нему.

— Я... забыла поблагодарить Вас за моё спасение... — смущённо говорит элийка. Териан перекидывает на неё взгляд и скудно улыбается. Он передвигает длинной палкой горящий хворост в костре и указывает глазами на место рядом с собой:

— Присаживайся.

Девушка слушается и садится рядом с асмодианином. В лёгком платье в спину сильно дует морозный ветер, несмотря даже на близость огня. Она начинает вздрагивать, Териан это замечает и говорит:

— Надень мою рубаху. В ней ты быстро согреешься.

— А Вы? — Эви удивлённо смотрит на голый торс серокожего, но тут взгляд её падает на гриву, спускающуюся от головы до самого пояса мужчины, и все вопросы про тепло мигом пропадают.

— Мне не холодно, — всё же говорит асмодианин.

Девушка подползает к шерстяной рубахе Даэва и надевает её поверх платья. Пусть от этой одежды и пахнет врагом, но остудить внутренности хочется меньше всего. Бессмертный оказывается прав, элийка быстро согревается и перестаёт трястись. Настаёт некоторая пауза, которую прерывает Эви.

— Откуда дрова и... мясо?

— Собрал и поймал, — коротко отрезает Даэв.

— А как костёр разожгли?..

Асмодианин делает щелчок правой рукой, и в ладони у него начинает светиться маленький шарик огня, идеально ровный, словно это игрушка. Девушка удивлённо произносит что-то типа: «Ага...» и, словно только что увидела привидение, резко отворачивается к огню. Но вдруг взор её падает на глубокие кровоточащие раны на левой руке Дазва.

— О, Айон, — вскрикивает она. — Вы ранены!

Элийка тут же отрывает от низа платья небольшой клочок и прислоняет его к порезам. Хотя они больше похожи на глубокие укусы от чьих-то клыков.

— Не стоит, — одёргивает руку Териан. — Я Дазв. Мне не страшны раны. Они полностью затянутся через полчаса.

Но девушка оказывается настойчивой. Она всё равно начинает перевязывать руку бессмертного. Мужчина перестаёт сопротивляться, смотрит на неё и удивляется в мыслях: «И когда это ты так осмелела?»

Эви делает несколько узлов вокруг раны Дазва и с довольным видом смотрит ему в глаза. Он ухмыляется и переводит взгляд на огонь. Элийка оказывается в растерянности.

«Как же мне разузнать у него всё? С чего начать? Вот так в лоб: зачем Вы перерезали сотню своих солдат прямо посреди столицы? Ага, скорее шиго сальто сделает, чем он мне ответит...» — думает она.

Решив завести разговор с отстранённой темы, а потом плавно перейти к «наболевшему», девушка с напускной робостью спрашивает:

— Теперь Вы можете сказать, как Вас зовут?..

— Териан... — монотонно проговаривает асмодианин. — Териан Лекас.

— Красивое имя, — осторожно произносит элийка, размышляя, о чём спросить теперь. — Я Эви.

Она заинтересованно заглядывает в лицо бессмертному, он быстро переводит глаза на неё и говорит:

— Я знаю.

«Вот это поворот! — мелькает в голове девушки. — Откуда, интересно?»

— Мы надолго здесь? — задумчиво спрашивает девушка.

— Нет, нам нужно отдохнуть и согреться, — асмодианин бросает в костёр ещё хвороста. — После мы двинемся дальше.

— Вы снова отвезёте меня в Элиос?

— Там тебя найдут... — он вдруг запнулся. — Эви. Раз нашли раз, найдут и второй. Мы с тобой им здорово насолили, и просто так нас не оставят в покое.

Личико девушки охватывает печаль. Она отводит взгляд в сторону и тихо говорит:

— Что же теперь делать?..

— На время я отвезу тебя туда, где искать точно не станут.

— Бездна? — догадывается она.

— Келькмарос.

Ответ Дазва ошарашивает бедную Эви.

«Снова в Келькмарос? Снова в заточение?»

— Там же асмодиане... — жалобно стонет она.

— В лагере шиго безопасно... какое-то время, — добавляет серокожий мужчина.

— А если найдут?..

Териан смотрит на опустошённый вид элийки, поворачивает к ней своё тело и говорит

более добродушным тоном:

— Послушай, даже если найдут, с тобой ничего не сделают. Эви, ты нужна им живой.

— Зачем? — их взгляды встречаются.

— Чтобы найти меня, — ядовито-зелёное мерцание в глазах асмодианина усиливается.

Даэв чувствует это и резко поворачивает голову к огню.

— Так всё из-за Вас?.. — огорчённо спрашивает девушка.

— Угу... — кивает он. — Или ты думала, Безмолвные Тени будут охотиться за какой-то элийской пленницей?

Эви не понравился тон Даэва, но в голосе Териана не было ноток пренебрежения. Просто манера говорить у асмодианина была специфической: холодные равнодушные фразы, отсутствие эмоций и сперва пугающее сияние глаз вызывали страх и недоверие.

— Но я думала... что они охотятся за Вами, потому что Вы освободили меня из тюрьмы... Дважды.

— Я уже сказал, что нет...

— Что же Вы натворили, Териан Лекас? — девушка осторожно произносит имя асмодианина, стараясь не напутать ничего.

— Согрелась? — спрашивает Даэв. Желания отвечать на её вопрос у мужчины не было.

— Да... — обиженно произносит элийка.

— Тогда в путь, — говорит он и быстро поднимается на ноги.

Териан оставляет тёплую рубаху на своей пленнице, а сам натягивает доспехи на голое тело. Тушить пламя костра он не собирался — догорит и погаснет. Асмодианин подходит к краю пещеры и зазывает за собой девушку. Она всем своим видом показывает недовольство, но с суровой физиономией Даэва связываться не хочет. Эви читала, что бессмертные непредсказуемы, как дикие звери, а поэтому и очень опасны. Особенно асмодианские. Она медленно подходит к нему, не в силах сопротивляться. Мужчина по привычке берёт её на руки и, отпрыгнув от края скалы, открывает крылья. Пушистые перья за спиной Даэва начинают мелодично шуршать, и парочка взлетает высоко над землёй. Как ни странно, мороз на большой высоте ощущается не так сильно, как у самой поверхности. В Элиосе же всё наоборот — чем выше, тем холоднее.

Эви наблюдает за открывающимся пейзажем гор Асмодеи прямо из облаков. Как бы ей не было страшно, но, балаур подери, ей нравится летать! Чувство свободы и... безопасности — в воздухе её никто не достанет, будь то разбойник, Безмолвный или дракан.

Даэв больше не говорит ни слова. Он парит молча, мерно взмахивая большими чёрными крыльями и громко дыша. Вдали показывается движущаяся точка. Асмодианин видит её и ускоряется — взмахи становятся быстрее, дыхание — чаще. Териан приближается к летящему объекту. Вскоре он обретает чёткие очертания. Теперь и элийка может рассмотреть его.

Это корабль. Летающий корабль. Судя по грубости отделки, судно принадлежит шиго. Из деревянной палубы растут вверх и в стороны несколько длинных мачт. Корабль довольно небольшой — с величественными фрегатами Элиоса не сравнится. Даэв приближается к нему и без предупреждения мохнатых путешественников приземляется на край палубы. Он сбрасывает с себя крылья, чтобы они упали в пропасть — поджечь судно вместе с перьями было бы невежливо.

На палубе пусто. Это и понятно. Здесь, вдали от городов и селений встретить кого-то — нонсенс, отчего и полёты через горы относительно безопасны. В особенности, если на твоём

борту — контрабанда, что бывает частенько на торговых кораблях шиго.

Даэв ставит девушку на ноги. Тут из ниоткуда появляется грузный зверёк в смешной шляпе, напоминающей капитанскую. На носу у него болтаются большие очки. Он, медленно шевеля короткими лапками, вразвалку приближается к элийке и асмодианину.

— Вы кто такие, кярун? — грозным тоном говорит существо ещё на расстоянии в десяток метров от парочки.

Вдруг шиго останавливается, поправляет очки, прищуривается и охает от удивления. Элийка и асмодианин вместе — вот так дела. Он смотрит то на девушку, то на мужчину и пытается сообразить, на каком языке начать разговор. Предположив, что главный — мужчина, он начинает говорить на асмодианском.

— Вы откуда здесь взялись, нян-нян?

— Говорите на элийском, прошу, — сверкнув глазами, произносит Териан. Шиго видит пульсацию в его зрачках и сразу догадывается о его бессмертии.

— Э-э... здрасьте, Даэв, нян-нян... — в недоумении от происходящего бурчит существо.

— Ирау, капитан. Мы лишь странники, нуждающиеся в вашей помощи, — продолжает асмодианин.

— Да, говорите, кярун, — тон шиго становится добрее.

— Судя по судну, это «Чешуйчатый Торговец», — Даэв оглядывает палубу. — Вы держите путь в Балаурию?

— Да, всё верно, кярун, — кивает мохнатый капитан корабля.

— Можете подвезти нас до своей базы в Келькмаросе? Мы заплатим, и Вы не будете задавать вопросы.

Шиго в шляпе растерянно заморгал.

— Наши корабли останавливаются в Нунграке, кярун. Если вы не боитесь бешеных крааллов, нян-нян, то добро пожаловать на борт «Чешуйчатого Торговца», кярун!

Даэв скудно улыбается и, достав из одежды несколько монет, бросает их в лапки капитану. Тот с лёгкостью их ловит и, ковыляя, уходит куда-то. Через мгновение он скрывается так же неожиданно, как и появился.

— Бешеные крааллы? — испуганно спрашивает Эви. — Что он имел в виду?

— В разрушенном поселении Нунграка на севере Келькмароса до сих пор обитают крааллы, — Териан берёт девушку под руку и ведёт к лестнице на нижнюю палубу. — У них с головой не всё в порядке. Но если не попадаться им на глаза, то ничего страшного не будет.

— Как это не попадаться на глаза? — Эви широко раскрывает глаза и замедляет быстрый шаг.

— Просто пару дней посиди в лагере шиго и никуда не выходи, — строго говорит зеленоглазый.

— А что потом?..

— Потом всё изменится... — полоска глаз на лице Даэва резко сужается, скулы напрягаются, и из-за тонких фиолетовых губ показываются блестящие клыки. О чём сейчас думает асмодианин, Эви не знает, но его воинственный вид вызывает у девушки новый приступ страха. Она так и не может забыть о том, что рядом с ней — враг и жестокий убийца. Пусть элийка и понимает, что Териан Лекас не причинит ей вреда, но чувство опасности не покидает её ни на минуту.

— А Вы?.. — Эви робко спрашивает, снова посмотрев на бессмертного. Он вопросительно поворачивается к ней.

— Мне нужно закончить одно дело.

«Снова загадки... — говорит себе девушка. — О, Айон, как же я это ненавижу! Ну неужели нельзя объяснить, мол, иду туда-то, сделаю то-то, вернусь тогда-то? Что за манера такая?»

Путешественники спускаются на нижнюю палубу. Здесь тепло, и элийка может снять с себя нелепую рубашу асмодианина. Они идут по длинному освещаемому тусклыми настенными светильниками коридору. По сторонам симметрично располагаются маленькие деревянные дверцы в форме арки. Они — низкие, как раз под рост шиги. На уровне головы зверьков в дверях проделано небольшое круглое окошко. Ручки — тоже причудливой формы. Наверное, вырезаны специально под анатомию мохнатых существ.

Эви заинтересованно осматривает интерьер корабля. Даэв вдруг останавливается. Девушка дёргается — всё это время он держал её под руку.

«Выбраться незамеченным из Келькмароса мне не удастся... — размышляет Даэв, замерев и устремив взор в никуда. — Тогда они поймут, куда я спрятал девчонку. Слутгельмир наверняка поднял всю свою армию на наши поиски. Видар, должно быть, тоже в курсе. Если так, то стража городов и сёл уже ищет меня. Нужно держаться подальше от селений... Но как забрать письма из Арэшурата? Патруля там больше, чем в Пандемониуме. Хм, не в первый раз с этим сталкиваюсь, Айон — свидетель. Капюшон, маска — все дела. Если нападут, отобьюсь. Главное, не умереть! На кибелиске меня поджидают Безмолвные. А с развоплощением мне нужно повременить. Что ж, сделаю всё быстро, пока большая часть стражи не предупреждена. Тогда нельзя медлить. Вылетаю прямо сейчас!» — на последних словах Даэв резко отпускает девушку и пулей бежит назад. Буквально запрыгивая на верхнюю палубу, он раскрывает крылья и со скоростью ветра улетает прочь. Эви успевает только крикнуть ему вдогонку, забираясь по лестнице:

— Эй! Стойте! Вы куда?

Но уже поздно. Силуэт асмодианина исчезает в облаках.

«Как он мог оставить меня?! Почему ничего не сказал? Мерзкий, мерзкий, мерзкий!» — в гневе говорит себе элийка и громкими шагами спускается в тёплый коридор. Холодно, как-никак! Рубашу-то он забрал с собой.

===== Часть 2. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 6.

Отредактировано.

Пандемониум.

От армии Безмолвных до сих пор не было вестей. Утро наступило уже давно. Слутгельмир глянул на часы — почти полдень. Он сидел в комнате совещаний, закрыв лицо ладонями и размышляя, что мог успеть натворить проклятый Териан Лекас за прошедшую ночь. С минуты на минуту должен прийти Видар фон Хильдер — военачальник Пандемониума. Только Судья подумал об этом, дверь открылась и внутрь вошёл сам глава Асмодеи. Седой коренастый мужчина с характерной для северян серой кожей торопливо сел напротив Слутгельмира и сложил руки в ожидании.

— Я только с Совета, — часто дыша, начал Видар. — Обсуждали вчерашнее происшествие у Арены Триниэли. Этот ваш Териан Лекас, он что, буйно помешанный? Пятьдесят тел на глазах у половины города!

— Ужасное происшествие, согласен, — мурлыкнул Судья. — Я выслал на поиски свои лучшие силы — его найдут очень скоро.

— Только убедитесь, что ваши «лучшие силы» не передохнут от встречи с ним. Вот же напасть, а! — воскликнул мужчина. — Не где-то там в Бездне, а здесь, у нас, в Пандемониуме! Асфель Всемогуший... Теперь юнцы будут бояться идти на службу в аканы столичного патруля.

— Не волнуйтесь, господин военачальник. В поисковом отряде много Даэвов, — Слутгельмир сделал грустную мину. — Не сомневайтесь, для меня это личная трагедия — в схватке погибло больше Безмолвных, чем стражников города.

— Легче от этого не становится. Как же Даэв мог сотворить такое, а?

— Ему много лет. Видимо, крыша и поехала, — вскинув брови, пробормотал Верховный Судья. — В любом случае, это не первое его преступление. Мои люди выяснили, что в Келькмаросе он убил начальника тюрьмы и всю охрану.

— Ради чего же? Что он, с дуба рухнул клинками махать направо и налево?

— Этот Даэв избрал путь предательства своей родины. Он вытащил из заточения элийских пленников, а вчера у Арены Триниэли из его уст прозвучало, что белокожие не виновны в войне. Говорю же, сумасшедший! — усмехнулся Слутгельмир.

— Мне донесли, что с ним была элийская девчонка.

— Всё верно, господин.

— Найдите мне её. Хочу с ней поговорить, — Видар задумчиво щёлкнул когтями.

— Непременно. Участь Даэва очевидна — его проклянут и развоплотят, как жалкого предателя.

— Я даю добро, — военачальник медленно положил ладонь на стол. — Из-за этого придурка мне теперь нужно как-то объяснить всё родственникам погибших. А на ум ничего дельного не приходит.

— Скажите им, что он был предателем в наших рядах. И мы не смогли это вовремя вычислить, — мелодично запел Слутгельмир. — Вам, конечно, придётся взять всю вину на себя, но ведь это и есть Ваше бремя — нести ответственность за судьбу Асмодеи... — на лице Судьи возникла едва заметная хитрая улыбка.

Видар тяжело вздохнул.

— Мда, ты прав... — промолвил седой мужчина. — Так зачем ты меня позвал?

— Во-первых, мой господин, я хотел предупредить Вас о том, что Териан Лекас может явиться к Вам, как два дня назад явился ко мне. Он пытался меня убить, но стража вовремя среагировала, — Слутгельмир показательно прислонил ладонь к сердцу. — Будьте начеку. Не верьте его словам. Из его уст исходит яд. Он попытается запутать Вас и обвинить в грехах всех вокруг — стражу, Вас, меня... — на последнем слове он сделал ударение. — Этот сумасшедший помешан на сговорах. Ему кажется, что мы все ведём игру против друг друга, ха-ха...

— Я усилил охрану дворца. Не сомневайся, Слутгельмир, я знаю, что ты и твои люди верны мне и Пандемониуму. Хотя некоторые вопросы нам всё же стоит обсудить... — Видар намекнул на недавнее заявление Исагира.

Судья вынужден был мило улыбнуться. Хотя это было для него тяжело.

— Благодарю, господин. Можете быть уверены во мне и впредь, — он услужливо поклонился и продолжил. — Ну а во-вторых, у меня есть новости по поводу Бездны. Моя разведка подтвердила, что элийцы заняли позиции, как мы и предполагали. Также я обнаружил, что балауры собирают силы для атаки крепости Кротан. Ещё пару дней, и мы узнаем дату осады. В тот же день наша армия захватит западную крепость Сиэли. Элиос

потеряет Бездну, господин военачальник! — воскликнул Слутгельмир.

— Если всё пройдет так, как ты говоришь, то тебе даруют божественное благословение и всё, что ты пожелаешь. Я готов даже пойти на то, чтобы с твоего покойного деда, павшего Судьи Калиги, сняли все обвинения и причислили его к святому лику Даэвов.

— Моим благодарностям нет предела, господин! — он поднялся с кресла и низко поклонился Видару. — Но радоваться пока рано. Нужно поймать Териана Лекаса, пока он не натворил ещё дел. Кто знает, что у него на уме. Вдруг он решит помешать нам?

— Этому не бывать! Асмодея победит в войне, и ни один поганец не сможет этого изменить! — воскликнул Видар и стукнул кулаком по столу.

— Абсолютно солидарен с Вами! — покорно улыбнулся Судья. — Разрешите мне идти?

— Ступай.

Слутгельмир осторожно вышел из зала. Он был счастлив — всё шло, как по маслу. В дверях он услышал голос военачальника:

— Да поможет тебе Асфель!

Судья обернулся и поклонился ещё раз в знак благодарности. Выйдя, наконец, на улицу, он с облегчением вздохнул и снял с лица глупую улыбку. Привычная расчётливость заняла своё место на физиономии асмодианина. Он спешил в Храм Правосудия, чтобы выслушать новости от ищеек.

Как он и ожидал, в его кабинете было несколько верных слуг — Безмолвных Исполнителей. Судя по их лицам, вести были не радостными.

— Ну что? Где Даэв? — грозно рявкнул Судья, только переступив порог.

— Господин, мы обыскали все места, куда он мог полететь. Его нигде не было. На кибелиске он тоже не появлялся. Я обещаю, мы выясним...

— Никаких «обещаю»! — взорвался глава Храма. — Вы, кучка жалких безмозглых кретинов, поклялись головой достать эту мразь к сегодняшнему утру! Где он?!

— Господин...

— Я спрашиваю, где он?! — глаза Судьи налились красным, а когтистые лапы задрожали.

— Я не знаю... — опустив голову, пробормотал Исполнитель.

Слутгельмир зарычал и, подойдя к воину, вытащил из его ножен меч.

— Ах, ты не знаешь? — в приступе ярости прошипел он.

Безмолвный так и не поднял глаза. Тогда Верховный Судья замахнулся мечом и насквозь пронзил живот слуге. Тот резко согнулся, его лицо исказилось от боли. Воин застонал и медленно осел на пол. Всё ещё держа рукоять меча в руке, Слутгельмир опустился к раненому Исполнителю и прошептал ему на ухо:

— Вот видишь, как бывает? Один момент, одно упущение, одна маленькая оплошность и... — Судья провернул меч в плоти воина, отчего тот вскрикнул и схватился за рану. — ...И всё.

Начальник Храма похлопал стонущего Безмолвного по плечу, выдернул клинок из его тела и поднялся на ноги. Павший слуга упал набок и перестал стонать. Алая кровь растеклась по ковру кабинета Верховного Судьи.

Слутгельмир с важным видом подошёл к остальным воинам, с ошарашенными глазами стоявшими позади. Они не двинулись с места, не произнесли ни звука, а лишь стояли и смотрели, как перед ними вершится суд. Глава Храма поднял вверх окровавленное лезвие и стал показательно осматривать стекающую по нему вниз красную жидкость.

— Следующий срок — заход солнца, — равнодушно проговорил он, подошёл к одному из Безмолвных и вытер лезвие меча о его грудь. Тот даже не шелохнулся, лишь лицо Исполнителя было преисполнено неистовым гневом. — Потом продолжим наш разговор.

Судья бросил клинок к двери и важно пошагал к столу, показав рукой, мол: «Проваливайте!»

Он услышал стук сапог за своей спиной и, вздохнув, плюхнулся в кресло. Внутри забежал патрульный:

— Господин Судья, что здесь про... Асфель, помилуй! — воскликнул он, увидев лежащее на ковре посреди кабинета тело Безмолвного Исполнителя.

— Убери это... — пренебрежительно махнул рукой Слутгельмир.

Стражник растерялся, не зная, с чего начать. Он позвал ещё патрульных на помощь. Те тоже были поражены картиной. Они бормотали что-то себе под нос, стоя у самого трупа и сняв с себя шлемы. Затем они взяли тело за руки и ноги и вынесли его вниз. Один из аканов свернул ковёр и выбросил прочь из кабинета. Судья тем временем взял бумагу и начал что-то писать на ней, не обращая внимания на суматоху своих подчинённых.

Цитадель Фримума. Арэшурат.

Териан Лекас прибыл сюда, в оплот асмодиан в Бездне, через разлом в провинции Альтгард. Там было меньше аканов и их посыльных, чем в Морхейме и Белуслане. На голове Даэва был огромный балахон. Оружие он спрятал под длинной чёрной мантией. Мужчина шёл медленно, опустив голову вниз и пряча светящиеся глаза. Он не видел ничего перед собой, а ориентировался лишь по своему волшебному чутью.

Асмодианин направился к лавке гильдии шиго, чтобы забрать письма. Генфельс не подвёл — на имя Териана Лекаса был оставлен завернутый в бумагу старый плащ. Во внутреннем кармане Даэв обнаружил то, что искал. Осторожно пробравшись на площадь, герой подошёл к привратнику и, отрывисто произнес: «Восточная Сиэль», — скрылся в портале.

Оказавшись в крепости, Териан не стал снимать с себя мантию. Сначала он решил заглянуть на склад оружия и выполнить маленькое одолжение своему старому знакомому — это тоже входило в его планы.

Спустя час.

Арэшурат. Западная крепость Сиэли.

Последний форт элийцев в нижней Бездне теперь охранялся, как зеница ока. Сюда прибыло множество легионов на постоянное патрулирование. Как и крепость Кротан в верхнем Арэшурате, южане выставили множество аванпостов вокруг, укрепили стены и ворота, привезли из Элиоса новые осадные машины, катапульты и стреломёты.

Оборона была всегда начеку. Стоит ли говорить, что патруль сразу обнаружил приближающиеся к стенам форта чёрные крылья. Несколько башен было поднято по тревоге — там, где один асмодианин, может оказаться и целая армия. Ошибок допускать было нельзя. Особенно теперь.

Над крепостью сиял защитный купол. Темнокрылый Даэв подлетел на сотню метров к стене и завис в воздухе, медленно взмахивая тяжёлыми крыльями. Стражники на башнях переполошились. Лучники заняли свои позиции, стреломёты быстро развернули к незваному гостю. Асмодианин рывком приблизился на пару метров и снова застыл — в него тут же

полетела туча стрел. Даэв не стал уворачиваться — острые наконечники пронзили его крылья в нескольких местах, и серокожий бессмертный, завертевшись в воздухе, рухнул на землю. Только чудом стрелы не попали в тело северянина.

Он свалился на бок и не мог встать — видимо, сломал ногу. А может, притворился. Из открывшихся ворот к нему подбежало два десятка экипированных элийских легионеров. Они приставили к его горлу свои острые орудия, сбегать было уже невозможно. Даэва скрутили, заставили избавиться от крыльев и повели внутрь крепости. Там его чем-то тупым ударили по голове, и он отключился. Очнулся асмодианин привязанным к стулу в подземной темнице. В рот ему воткнули кляп — кто знает, может, это маг в доспехах воина, ведь волшебники могут использовать сильные и опасные заклинания. В камере Даэв был не один. Вокруг него стояли четыре элийских стража — ждали, когда проснётся. Один из них сразу дал команду своим товарищам снаружи — те зашевелились и через минуту привели троих белолицых бессмертных.

Дверца камеры открылась, туда вошли шесть ног. Серокожий оглядел элийцев и сощурился.

«Чёрно-белые доспехи — легион Щита Неджакана, — начал обдумывать Даэв. — У одного красная нашивка на груди, да и морда знакомая — Гелион собственной персоной. Хм, гроза асмодиан... интересно. А это, видимо, его адъютанты. Так-так... Ого, снова ты, Даймон! Всё же нашёл легион, куда податься? Забавно, что ты пошёл сюда, а не в Сияние Миражей, к примеру. Ну да ладно. Второго адъютанта я не знаю. Может и видел когда, но близко не общался...»

Сквозь кляп на лице асмодианина появилась едва заметная кривая ухмылка.

Гелион подошёл вплотную к пленнику и приказал одному из стражей:

— Снимите с него кляп — нечего его украшать.

Воины послушно выполнили приказ командующего.

— Териан Лекас! — продолжил элиец. — Что же ты забыл здесь, зеленоглазый?

В голосе Гелиона были различимы нотки презрения и чувства превосходства. Да, в данной ситуации на стороне элийца действительно было преимущество. Асмодианин посмотрел на него своими холодными блестящими глазами и, подержав паузу, промолвил на языке южан:

— Соскучился.

В ответ прилетел сильный удар кулаком в лицо. У Териана искры из глаз посыпались. Он сморщился, несколько раз моргнул и вновь уставился на командующего элийской армией.

— Вы его обыскали? — обратился он к стражникам. Те закивали и принесли его пояс со всевозможными примочками, зельями и бомбами, две связки ножен, ремни с метательными ножами и свёрток бумаг.

Асмодианин перевёл взгляд на Даймона. Териан подмигнул ему, элийский офицер смекнул и подошёл к своему легату.

— Аскалон, позвольте я допрошу этого мерзавца. Мне не в первой с ним общаться. Он у меня быстро заговорит.

Гелион, он же Аскалон, сначала удивился вопросу адъютанта, но всё же дал добро. У командующего и так дел было по горло, так ещё и серозады Даэв свалился на голову. Элиец скомандовал второму адъютанту и своей страже уходить.

В камере остались только пленник, элийский Даэв и четверо стражников. Когда стук

сапог легата стал неслышим, Даймон рывкнул на охрану:

— Вон! Живо!

Те были вынуждены послушаться старшего по званию и поспешили уйти, брэнча доспехами. Оставшись наедине, элиец важно сложил руки на груди и сказал:

— Что ты тут делаешь?

— Возьми письма, — сухим голосом произнёс Териан и указал глазами на свёрток, оставленный командующим на полу камеры.

Даймон поднял их и развернул — записи были на асмодианском и балаурском.

— Что там? — спросил он.

— Информация чрезвычайной важности. Передай это военачальнику Арэшурата, а лучше Элизиума.

— Чего-чего? — усмехнулся белолицый.

— В них план захвата Бездны и Элиоса объединённой армией асмодиан и балауров... — выпучив глаза, прорычал Териан Лекас.

Глаза элийца тоже округлились. Он застыл на миг, но потом быстро сложил бумаги пополам и убрал вглубь доспехов, чтобы никто не заметил.

— Быть этого не может... Вы что, объединились с драканами?

— Мы — нет. Безмолвные — да. Все документы подписаны лично Верховным Судьёй и высшими балаурами.

— Чтоб мой зад чешуёй покрылся! — воскликнул Даймон. — Откуда они у тебя? Ты уверен в их подлинности?

— Неважно откуда. Они настоящие. Передай их, куда нужно, срочно! Я не знаю точно, когда будет атака, но она случится скоро!

— Конечно! Какой разговор... — закивал головой элиец. — Но почему? Почему ты помогаешь?

— Не хочу, чтобы балауры захватили мир, — монотонно и грозно промолвил Териан. — Нельзя повторять ошибок прошлого.

— Если ты говоришь правду, Элиос обязан тебе. Спасибо...

— Я поступаю так не ради Элиоса, а ради сохранения хрупкого мира на Атрее. Драконы — проклятие планеты. К сожалению, не все это помнят... — нависла небольшая пауза. — Кстати, за мной должок, — вдруг сказал Териан, слегка улыбнувшись. — Твоё старое оружие на пути в Тёмное Облако.

— Ха, — выпрямился светловолосый Даэв, заинтересованно сложив руки на груди. — Не забыл, вы только посмотрите! Я скучал по нему. Заберу на неделе как-нибудь... Хотя... — вдруг лицо элийца озарила хитрая улыбка. — Вот ведь гад, я понял, зачем ты вспомнил об оружии! Провести меня решил?... Хочешь, чтобы я в качестве благодарности оставил тебе твои мечи?

— Было бы не лишним, — ехидно сощурился асмодианин. — Я уже скучаю по ним, — он указал головой на две связки ножен, валявшиеся в углу.

Адъютант Щита Неджакана вынужден был лишь удивлённо усмехнуться в ответ словам пленника.

Вдруг Даймон услышал быстро приближающиеся шаги. Он торопливо вышел из камеры и посмотрел в коридор.

— Проклятие! Только его здесь не хватало! — с досадой пробурчал элийский бессмертный и дал знак асмодианину замолчать.

— Даймон! — к нему подбежал молодой юноша, тоже в доспехах легиона. — Я слышал от охраны, что попался асмодианский Даэв. Ребята сказали, у него глаза зелёным светились. Это он?

Незнакомец посмотрел в камеру, и его лицо в мгновение ока налилось гневом. Он влетел внутрь и схватил крылатого пленника за шкурку, закричав:

— Она у тебя? Отвечай!

— Дариус! — Даймон поспешил оторвать юношу от Даэва. — Ты с ума сошёл? Отцепись от него!

Элийскому бессмертному удалось отбросить своего легионера от врага.

— Я прибыл сюда только за тем, чтобы узнать, где Эви! — кричал разъярённый юноша, определённо обращаясь к асмодианину.

— Нечего тебе здесь делать! Я веду допрос, — на повышенном тоне промолвил крылатый адъютант, всё ещё придерживая за руки товарища.

— Смотри мне в глаза, асмодианин... — зашипел Дариус. — Ты знаешь, где Эви?

— Она у меня, — на свободном элийском злобно проговорил серокожий Даэв своим холодным равнодушным голосом. Он слегка повернул голову набок, наблюдая за реакцией юноши.

Надо сказать, что от удивления глаза на лоб полезли не только у Дариуса, но и у Даймона. Элийский бессмертный не ожидал, что Териан Лекас может быть причастен к похищению бедной девчонки.

— Что тебе от неё нужно, мразь? Отпусти её! — заорал молодой человек. Даэв всё ещё сдерживал порывы юноши вырваться.

— Не сегодня... — донеслось из уст асмодианина. В тусклом свете нескольких настенных свечей блеснули в полуулыбке края его клыков. Он широко открыл глаза. Зелёное свечение засверкало и мягко перелилось в яркое красное сияние. Териан скорчил злобную гримасу и громко прорычал какое-то слово, видимо, на асмодианском.

Оглушительный рык мгновенно разнёсся по камере и, словно сильнейший ветер, сбил двух элийцев с ног. Они даже отлетели назад на полметра. Пока Даймон и Дариус приходили в себя, корчась от боли и прижимая руки к кровоточащим ушам, пленник простым усилием разорвал верёвки, стягивавшие его руки и ноги, и поднялся со стула, на котором сидел. Он неспешно подошёл к углу камеры, взял своё оружие, кое-как прицепил к поясу, затем глянул на элийского Даэва и монотонно произнёс:

— Прости, но мне нельзя на кибелиск...

Даймон его слова вряд ли услышал, слух ещё не вернулся. Асмодианин равнодушно перешагнул через двух мужчин и поплёлся по коридору наверх.

План был простой: его рёв наверняка слышали, и через минуту внизу появится стража. К этому моменту нужно было пробраться к складу боеприпасов и найти там элийское снаряжение. Затем переодеться и спокойно выйти наружу, не привлекая внимания. Ну а после просто скрыться в чёрной дымке.

К счастью, Териан Лекас знал план всех крепостей, как свои пять когтистых пальцев. Он не один десяток раз бывал на осадах Бездны. Сотни лет сражений заставили крепко запомнить, как можно незаметно сбежать откуда угодно.

Склад находился прямо над камерами — далеко ходить не надо. Его, конечно, охраняют, но что могут сделать два стражника против Даэва? Асмодианин с лёгкостью оглушил обоих. Убивать он их не стал — охранники даже не успели ничего понять толком,

как к их затылкам прилетело что-то тупое. Териан быстро подобрал ключи, позаимствованные у «отдыхавших» патрульных, и забрался внутрь. Из бесконечных стеллажей и ящиков с экипировкой он выбрал более-менее подходившие ему по комплекции латы металлического цвета и напялил их на себя. Когти на руках и ногах скрыть было нечем — больно уж сильно элийская анатомия отличалась от асмодианской. Серую кожу и светящиеся глаза Даэв спрятал под сплошным шлемом с узким забралом.

Надев маскировку, Териан, как ни в чём не бывало, покинул склад и аккуратно пошагал к выходу из подземелий. Он старался идти в тени, чтобы странные для рядового элийца ноги не светились. Руки бессмертный прятал за спиной. Ему на пути встретилось несколько стражников — они все спешно бежали вниз к камерам, и у них просто не было времени рассматривать кого-то по сторонам. На это асмодианин и уповал. Он без проблем выбрался наружу. Здесь нужно было пройти вдоль стены к внешним башням форта, забраться по винтовой лестнице на одну из них, а дальше бросить дымовую бомбу в патрульных, раскрыть чёрные крылья и улететь в дальние края. План прост и логичен. Так Териан и поступил. Трое элийских легионеров на сторожевой башне крепости залились сильнейшим кашлем, попав в зону поражения шашки. Вражеский Даэв выпрыгнул из дымки и в полёте призвал пару своих верных пернатых спутников. Патрульные на соседних вышках увидели переполох и два удалявшихся чёрных крыла, попытались попасть в асмодианина из луков и стреломётов, но, будучи мастером уклонения, Териан Лекас не мог не улететь целым и невредимым. Скрывшись на безопасное расстояние, он в полёте сбросил с себя нелепые, как ему казалось, элийские доспехи и в своём привычном темпе направился к восточной крепости Сиэли.

Даймон пришёл в себя первым. Когда звон в ушах прекратился, Даэв смог встать на ноги. Вокруг него уже толпилось несколько легионеров.

— Прочь! Прочь! — он растолкал народ и пробрался к стулу, к которому был привязан асмодианин. Даймон наклонился и потрогал перерезанное верёвки.

«Когтями порвал... Вот тварь хитрая...» — пролетело в его голове.

Тем временем бойцы смогли привести в чувство Дариуса. Эмоции юного офицера были ожидаемы...

— Как он мог уйти? Клянусь Айоном, я найду его и перережу ему плотку! — молодой человек, ещё нетвёрдо стоя на ногах, кое-как подобрался к Даэву. — Вы слышали? Вы слышали его слова?!

— Я всё прекрасно слышал... — тихо произнёс Даймон и задумался. Он вспомнил, что в недрах кирасы спрятаны бумаги асмодианина. И в данной ситуации слышать очередное нытьё Дариуса по поводу его ненаглядной было не комильфо. Если дело действительно столь важное, нужно как можно скорее передать письма начальству.

— Эй, куда Вы? — юноша попытался остановить своего бывшего легата, но тот молча вышел из камеры подземной тюрьмы и направился вверх. Дариус не стал догонять Даэва, это бессмысленно. Он лишь выругался, ударил решётку ногой и начал думать, что делать дальше.

«Она у него... Что ему, балаур дери, нужно от Эви? Ублюдок серозадый, только тронь её! — говорил себе офицер и всё сильнее сжимал кулаки. — Куда он мог улететь? Где он её прячет? Драканское отродье, проклятые асмодиане! Ненавижу вас!»

Зацепок не оставалось. Как и следов. Раньше хоть какие-то надежды грели сердце воина, теперь, когда асмодианин сбежал, начинать поиски было не с чего. Да и вряд ли вражеского Даэва можно будет убедить отпустить элийку. Дариус повторил у себя в голове

ругательства и поклялся обыскать всю Атрею, но достать Териана Лекаса.

===== Часть 2. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 7.

Отредактировано.

Даймон решил не говорить своему легату — Аскалону о письмах. Возникло бы много вопросов по поводу асмодианина, на которые сам адъютант не знал ответов. Даэв уже добрался до привратника, чтобы немедленно отправиться в Цитадель и передать вести военачальнику Арэшурата. Само собой, покидать крепость без ведома легата было нехорошо, но обстоятельства, так сказать, были весьма серьёзными. Даймон не верил до конца словам Териана Лекаса — что-то, по его мнению, было не так. Но другого выхода, как пойти на поводу у зеленоглазого, элиец не видел.

Привычный круг пространственного разлома, небольшой скачок, и вокруг снова синее небо гад головой, пускай это лишь иллюзия, образованная Эфирным барьером. На площади было многолюдно. Чтобы не пробиваться через толпы воинов и матросов Небесной флотилии, Даэв решил воспользоваться наиболее быстрым и удобным средством передвижения — крыльями. В два взмаха он поднялся над головами людей, сновавших из стороны в сторону. По воздуху адъютант Щита Неджакана быстро добрался до входа в красивое и величественное здание дворца Цитадели Тэминона. Внутри нужно было обязательно сложить крылья — даже бессмертным нельзя пользоваться здесь своими привилегиями.

Даймон грозно спросил у стража ворот:

— Военачальник здесь?

— Он, должно быть, в своём кабинете, — вежливо ответил воин.

Даэв рванул с места, патрульный успел крикнуть ему вдогонку:

— У военачальника совещание. Я бы не советовал отвл...

Но бессмертный даже не повернулся. Он решительно шагнул к лестнице на второй этаж в конец длинного широкого коридора.

Во время совещаний посторонним запрещён вход в кабинет военачальника, но Даэва с серьёзными намерениями охрана остановить не смогла — несколько взмахов тупым концом алебарды, и оглушённые воины сползают на пол холла ожиданий.

Дверь громко открылась, внутрь важно вошёл бессмертный. Он не поклонился Фаранису, как подобает, а резкими частыми шагами приблизился к нему и, не обращая внимания на нескольких гостей, сказал:

— У меня срочное дело.

Военачальник был удивлён. Он сидел во главе позолочённого письменного стола и держал в руке какую-то шкатулку. Стоявшие рядом легат и адъютанты легиона Пепельных Облаков молча перевели взгляд на незваного гостя.

— Не сейчас, — слегка вопросительным тоном произнёс господин ан Дейл, разглядывая решительное лицо Даймона.

— У меня нет ни секунды, чтобы ждать, — голос Даэва был внушителен и грозен.

— Говори, — капитан элийского гарнизона в Арэшурате указал глазами на кресло напротив, но Даймон остался стоять, как вкопанный.

— Наедине, — сказал бессмертный.

Фаранис несколько секунд бездействовал, затем вздохнул и попросил гостей подождать снаружи. Они подчинились, но на их лицах читались непонимание и лёгкая злоба.

— Что стряслось, адъютант? — спросил глава Бездны, когда они остались в комнате вдвоём.

— Вот, — Даймон достал свёрток писем и бросил их на стол. — Здесь планы захвата Элиоса асмодианами и балаурами. Вместе.

Когда Даэв произнёс последнее слово, озадаченные глаза военачальника наполнились удивлением и, можно сказать, шоком. Он схватил первое письмо, но не смог его прочитать — весь текст был на балаурском языке.

— Что за бред? — пробормотал Фаранис, разглядывая непонятные для него иероглифы. — Это абсурд. Что здесь написано? — он сурово посмотрел на Даймона, ткнув пальцем в потрёпанный лист бумаги.

— Я не знаю, — несколько раз моргнув, сказал он.

— Откуда они у тебя?

— Это неважно, позовите переводчика немедленно!

Ситуация озадачила военачальника. Он поднялся с кресла и приоткрыл дверь в кабинет. Увидев латную перчатку на полу и бегущее к нему подкрепление из пары десятков вооружённых до зубов легионеров, мужчина закатил глаза — он сразу понял, чьи это проделки. Фаранис жестом остановил воинов и крикнул им живо притащить сюда секретаря. Процессия развернулась и поспешила обратно к лестнице.

Военачальник закрыл дверь и медленно направился к своему столу, говоря:

— Для меня нет слова «неважно». Откуда у тебя эти письма?

Даймон вздохнул и сказал:

— Нашёл их у попавшегося нам асмодианского Даэва. Он перевозил их куда-то, — добавил он для пущей убедительности. Рассказывать про его мирные беседы с вражеским бессмертным воину совершенно не хотелось.

Дверь открылась, снаружи показалось лицо худощавого пожилого мужчины — личного секретаря военачальника. Неловкой походкой он приблизился к столу, поправил большие круглые очки на длинном носу и спросил:

— Вы хотели меня видеть, господин?

— Переведи это, — Фаранис бросил ему в лицо верхнее письмо.

Мужчина поймал его, развернул и начал водить глазами по строкам. По его растерянности виду было видно, что текст был необычным.

— Ну? Рожай уже! — рявкнул военачальник.

Даймон молча стоял и ждал. Ему самому было неизвестно, что написано на листах старой бумаги. Секретарь поднял брови и что-то пробормотал. Фаранис в бешенстве ударил по столу, мужчина дёрнулся и, заикаясь, начал:

— Уважаемый... Здесь написана буква «С»... — робко произнёс он, вопросительно глянув на господина.

— Дальше!

— Хорошо... — мужчина испуганно зашуршал бумагой и продолжил. — Уважаемый «С»! Я обратила внимание Леди на Ваше предложение. Честно говоря, Она была удивлена и... польщена. Такого быстрого... скорого... — запнулся секретарь, подбирая слова. — Скорого, да! Такого скорого решения мы не ждали. С разрешения Леди я предупредила трёх капитанов о недопустимости агрессии в Вашу сторону. Искренне надеюсь, что данный шаг будет взаимным. Мы полностью одобряем и поддерживаем Ваш выбор. О подробностях прошу написать в следующем письме. «А»... — мужчина медленно положил бумажку на

стол и посмотрел сначала на Фараниса, потом на Даймона.

— Пока ничего непонятно, — сказал военачальник. — Бери и читай следующее!

Секретарь подчинился и схватил второе письмо сверху.

— Дорогой «С»... — он снова остановился. — Наверное, это личное... Здесь написан «дорогой»...

Капитан гарнизона прислонил ладонь к лицу и вздохнул. Через секунду до ушей переводчика донёлся оглушительный крик:

— Читай, мать твою балаурскую!

Мужчина вздрогнул и затараторил:

— Дорогой «С». Я бесконечно рада слышать слова взаимности. Безусловно, подобные шаги основаны на доверии, которое ни мне, ни Вам непозволительно предать. Я отвечаю на Ваши планы, привнося в них некоторые изменения. Первое, что необходимо сделать: лишить нашего общего врага доступа к бескрайнему Эфиру — Арэшурату. Теперь мы способны это сделать. Схемы и карты приложены. Жду Вашего ознакомления. Искренне Ваша, «А».

Ан Дейл взял следующий лист и развернул его.

— Здесь карта Бездны. Синие и красные стрелки ведут к Крыльям Сизли, Архипелагу Серного Древа и Кротану. Здесь ещё несколько овалов нарисовано вокруг нашей Цитадели... Ты прав... Что-то намечается...

Он исподлобья посмотрел на Даймона, чьё лицо преисполнилось гневом.

— Как имя того Даэва?

— Я не знаю, — уверенно сказал бессмертный, глядя в ответ на военачальника.

— Не лги! Ты знаешь каждого асмодианина с крыльями! Как его звали?

Адъютант опустил глаза и тихо произнёс:

— Териан Лекас...

Военачальник ударил по столу ладонью и откинулся на спинку кресла.

— Этого следовало ожидать! Вот бестия! Интересно, как он попался?.. Но это не сейчас. Я немедленно передаю письма в Элизиум. Надеюсь, мы успеем принять меры!

Фаранис грозно посмотрел на секретаря. Тот понял взгляд.

— Клянусь Айоном, я ничего не слышал и буду молчать!

— Отлично! — капитан встал со стула и обратился уже к Даэву. — Даймон, я дарую тебе звание генерала немедленно. Твой легион будет награждён. Передай Аскалону мои слова благодарности. В качестве подарка тебя ждёт резиденция в Элиане — я распоряжусь. А пока, ступай. Мы ещё поговорим.

Элийский бессмертный поклонился и вслед за военачальником вышел из комнаты. Фаранис решил отправиться в Элизиум лично, такой неожиданный поворот событий полностью изменил его планы. Даэву же нужно было возвращаться в крепость и каким-то образом объяснить всё легату.

Ошарашенный известиями переводчик торопливо поплёлся в свою каморку на первый этаж — искушение рассказать всё коллегам было велико, но этого делать было нельзя ни в коем случае: если узнают — казнят не только его, но и всю семью. Государственная тайна, что сказать.

Военачальнику Арэшурата предстояло путешествие до столицы Элиоса. К большой круглой светящейся воронке, парящей в воздухе на высоте около четырёх метров, вела длинная наклонная платформа. По ней было проще взбираться с поклажей, нежели по лестнице. Мужчина в окружении четырёх своих личных стражников встал лицом к порталу,

закрыв глаза и шагнул вперёд. Голова закружилась, появилось мимолётное ощущение падения. Секунда — и он стоит на такой же платформе в небе над крепостью Бертрона. Разлом в Бездну находился высоко над крышами домов. К нему была построена массивная башня, чтобы смертные тоже могли пользоваться порталом и безопасно проходить сквозь него. Спустившись по винтовой лестнице к центральной площади крепости, высокопоставленный офицер пошагал к посту привратника. Тот располагался совсем неподалёку — как говорится, всё для удобства.

Хранитель портала уже помнил наизусть всех Даэвов и влиятельных чинов — его услугами они пользуются очень часто. Мужчина в нежно-жёлтой тунике привратника вежливо поприветствовал военачальника из самой Бездны, стараясь скрыть взгляд от его охраны.

— Добро пожаловать в Бертрон, господин Фаранис. Куда Вас отправить?

— Элизиум, — небрежно пробормотал капитан гарнизона, сунув в руку мужчине горстку монет. — И поскорее.

— Слушаюсь, — кивнул привратник и сделал пару шагов назад.

Привычные жесты и взмахи руками — несколько секунд ушло на открытие волшебного разлома. Вспышка — внутри магического круга, словно в окне, открылся вид на прекрасные улицы Элизиума. Ещё одно непродолжительное головокружение — и господин Фаранис стучит сапогами по причудливой каменной брусчатке небесной столицы. От Площади Святых, где оказался военачальник, до Храма Стражников пешком дойти было тяжело — преодолеть торговые улицы, Порт Странников, длинный мост между островами, затем подняться по виляющим тенистым аллеям до Храма Мастерства, воспользоваться подобием лифта и, наконец, оказаться в приёмной зале Храма Стражников. На всё про всё уйдёт пара часов, а то и больше. Но нужно было торопиться, поэтому мужчина решил воспользоваться услугами местного хранителя портала — человека, который может за деньги перенести вас от Площади Святых к Библиотеке Мудрецов, что находилась напротив Храма Мастерства, либо в Порт Элизиума. Найти привратника было несложно, он ошивался здесь же, у места, куда открывали разломы из других провинций.

Знакомое жёлтое одеяние, услужливые манеры и заискивающий взгляд — приметы любого хранителя портала. Несколько монет, слово «Библиотека», и маг уже концентрируется для открытия волшебного пути.

Здание Библиотеки Мудрецов имело четыре высоких этажа, ещё два были под землёй. С виду оно не отличалось от близлежащих строений — все сооружения верхнего Элизиума были выполнены в одном стиле — белые фасады, фиолетовые крыши и рамы окон. По ту сторону широкой аллеи с высаженными по краям причудливыми деревьями с красивыми розовыми листочками высилась огромная башня с величественным храмом в основании. Фаранис мельком бросил взор на вход в Храм Мастерства — арку шириной в десять и высотой в около пятнадцати метров, обрамлённую расписными пластинами. По бокам держало пост шесть стражников в блестящей бело-синей броне, начищенными до сияния мечами и здоровыми, почти с человеческий рост, щитами. Их причудливые забрала, через которые не было видно даже глаз, пристально следили за передвижением гостей. Военачальник Бездны перешагнул через воображаемый порог и оказался внутри Храма Мастерства. Охрана обступила своего офицера и принялась разглядывать интерьеры. Зал был настолько огромным, что, казалось, если громко крикнуть, то эхо вернётся к вам через полминуты. В центре за небольшой позолочённой оградкой парила в нескольких

сантиметрах от земли круглая каменная платформа — лифт в Храм Стражников. От Эфирного подъёмника в четыре стороны исходили широкие дороги, напоминавшие улицы. По сторонам были домики торговцев и ремесленников: вот — большая кузница, вот — фабрика портного, вот — ювелирная лавка... Храм Мастерства напоминал город в городе. Найти здесь можно было абсолютно всё: начиная от сувениров и безделушек, заканчивая элитным оружием и магическими вещами. Стоит ли говорить, что больше половины всех элийцев, побывавших в небесной столице, прибывали сюда не для осмотра чудес величественного города, а именно для закупок и заказов в Храме Мастерства. Удовольствие было не из дешёвых, да что там, сам путь в Элизиум стоил бешеных денег.

Господин ан Дейл торопливо подошёл к лифту, открыл низенькую калитку и встал на платформу. Стража поторопилась за ним. Магическая штука почувствовала чьё-то присутствие и приготовилась к работе. Под плитой вдруг громко зашипело, и вокруг растеклась лёгкая дымка. Затем лифт начал медленно подниматься, словно на Эфирном облаке. Платформа набирала скорость всё сильнее и сильнее, поднимая гостей выше и выше. В потолке Храма Мастерства был проделан круглый тоннель, чтобы платформа могла беспрепятственно двигаться вверх-вниз. Неизвестно, какая сила заставляла тяжеленную каменную парить в воздухе, но, видимо, та же, что построила Башню Вечности и наделила Даэвов крыльями — Божественная сила.

Лифт медленно остановился у верхнего этажа. Фаранис уверенно ступил на твёрдый пол. Вот он, Храм Стражников. Небольшое помещение, похожее на зал картинной галереи, венчалось округлым потолком с изображением синего неба и облаков. Казалось, что полотно движется и меняет рисунок, будто облачка перемещаются по глади псевдонебосвода, но, видимо, это была лишь мастерская иллюзия. Впереди за арочной дверью находился приёмный зал главнокомандующего Элизиумом. Фаранис, не раздумывая, подошёл к ней и нажал на ручку. Двое рыцарей Миразента, стражников Храма, не стали останавливать гостя — они, несомненно, узнали его. Щелчок, и дверь открылась. Охрана господина ан Дейла осталась у входа, а сам он вошёл внутрь. Здесь военачальник был не один десяток раз: тот же длинный стол, то же возвышение, в центре которого красовался трон главы небесной столицы. Интерьер не менялся вот уже несколько поколений — традиция. За креслом, принадлежащим Фаметесу, находилась дверца в его покои. В противоположном конце зала была такая же дверь, но вела она в комнату магистра Ордена Миразента.

Помещение было пусто. Похоже, господина ан Ривена не было у себя. Вдруг распахнулась вторая дверь. На удивление Фаранису, в зале появился Раверинтос. Он остановился возле проёма и с удивлённым видом посмотрел на гостя.

— Господин Фаранис? Какими судьбами?

Надо сказать, тон главы Ордена был чересчур вежлив. Это вызвало лёгкое недоумение у капитана гарнизона Арэшурата.

— Расефиэль, магистр. Я по чрезвычайно важному делу. Мне нужно немедленно увидеться с главнокомандующим.

— Боюсь, его нет в Храме, — спокойно произнёс Раверинтос, сложив ладони перед собой на уровне груди. — Я могу передать ему Ваше послание. Вы можете мне доверять.

— Тогда, — сказал воин. — Нам нужно уединиться.

Глава Ордена вежливо показал рукой на открытую дверь в свои покои:

— Прошу.

— Благодарю, — кивнул Фаранис и первым вошёл в комнату. За ним последовал хозяин и закрыл дверцу.

— Что привело Вас сюда? — начал магистр.

— У меня серьёзное дело. Недавно мы с Вами договорились о некотором... плане, но я боюсь, с ним придётся повременить.

— Хм, — удивился мужчина. — Я Вас слушаю.

— Ко мне в руки попали важные документы, — военачальник достал из одежды свёрток бумаг и передал их собеседнику. — Здесь планы по захвату Бездны и, надо полагать, всего Элиоса армиями балауров и асмодиан. Необходимо немедленно собрать совет военачальников и обсудить действия. Первым делом противник атакует наши крепости в Арэшурате.

Раверинтос сделал серьёзную мину и начал читать письма. Он понимал и асмодианский, и балаурский языки, поэтому незнакомые тексты не вызвали у него никаких проблем.

— Кажется, Вы правы, — горько произнёс он. — Ситуация запутанная. Вы уверены, что письма не подделки?

— Они попали к нам от асмодианского разведчика. Не думаю, что им имеет смысл подбрасывать нам липу.

— Вы успели узнать хоть что-то от него?

— Его имя — Териан Лекас. Думаю, оно Вам о многом говорит.

— О да... — задумался магистр. — Этот Даэв — головная боль для многих. А схватил его один из Ваших легионеров?

— Он попался в руки новому адъютанту Щита Неджакана — Даймону.

— И это имя мне знакомо... Что ж, в таком случае, я понимаю Ваше стремление... Но почему Вы хотите отложить наши с Вами планы? — удивлённо спросил Раверинтос.

— Как это почему? — вопрос вызвал недоумение у Фараниса. — На карту поставлена судьба расы! Мы с Вами договаривались лишь о том, чтобы убрать мальчишку с поста главнокомандующего Элиосом. Речь шла о лёгких потерях в Бездне и Балаурии, но никак не о тотальном поражении в многовековой войне!

— Вы, безусловно, правы, — услужливо кивнул магистр Ордена. — Но согласитесь со мной, что если пойти на поводу у врага, то от Фаметеса мы избавимся быстрее...

— Что Вы такое говорите? — Фаранис в гневе опрокинул стул. — Пара крепостей и несколько подставных поражений, дабы унизить мальчишку перед советом и убедить всех в его неспособности вести за собой расу — вот наша цель! А Вы только что сказали о полноценном предательстве Элиоса. Драканы и красноглазые только и ждут, что мы будем бездействовать!

— Господин Фаранис, — Раверинтос сложил ладони у подбородка в жесте покорности. — Вы меня совершенно не так поняли! Я ни в коем разе не имел в виду поддаться врагу, что Вы... Я лишь сказал, что это может ускорить достижение нашей цели, но не подумайте, я не...

— Будьте осторожны в словах, магистр! — он пригрозил главе Ордена пальцем. — Не забывайте. Планку между вынужденной мерой и абсурдом переходить нельзя! Передайте письма Фаметесу немедленно! Соберите совет. Меня ждут в Цитадели — нужно готовиться к возможной атаке на наши крепости, — военачальник пристально посмотрел в глаза Раверинтосу. — Поклянитесь, что сделаете всё!

— Клянусь Айоном, — кивнул магистр. — Не беспокойтесь, я позабочусь о бумагах. Возвращайтесь в Арэшурат.

Фаранис сделал грозное лицо, вздохнул и выскочил из комнаты, важно застучав сапогами о полированный пол зала. Глава Ордена проводил его глазами и принялся изучать письма. Он прочитал каждое послание, запомнил каждое слово. Некоторые бумаги вызвали на его лице хитрую улыбку. Дочитав до конца, мужчина сложил документы в свёрток и тихо подошёл к широкому декоративному горшку, стоявшему в углу. Он взял подсвечник со стола и аккуратно поднёс горящую свечу к краю бумаги. Листы мгновенно загорелись, магистр поставил светильник на место и бросил письма на дно горшка. По комнате разнёсся едкий запах горящей бумаги. Раверинтос поспешил открыть окно и, когда пламя охватило все письма, с довольным видом упал в своё кресло. Он, косо улыбаясь, принялся наблюдать, как важные документы превращаются в угольки, не оставляя шансов Элиосу на победу в этой бесконечной кровопролитной войне.

Конечно, магистр Ордена Миразента понимал, что планы — настоящие. Ещё он понимал, что в руки к Териану Лекасу они могли попасть только одним способом.

«Он их украл и решил при помощи них спасти Элиос от неминуемого уничтожения... Почему, асмодианин? Не думаю, что такой Даэв как Даймон мог своими силами схватить и расколоть эту бестию — слишком она неуловима. Выходит, либо нашему подбросили бумаги, либо два бессмертных в сговоре. Но с чего бы им?..»

Раверинтос не успел додумать фразу, как услышал звук открывающейся двери. Он вскочил с кресла, схватил горшок с догоравшими кусками бумаги и развеял их в открытое окно, чтобы скрыть все следы. Затем он небрежно поставил сосуд на место и осторожно вышел в зал. На его удивление, это был Фаметес.

— А, мой друг! — юный глава небесной столицы был явно в хорошем расположении духа. — Рад Вас видеть.

— Взаимно, господин, — магистр скупно улыбнулся, но с его лица не уходило недоумение. — Вы так рано вернулись... Церемония уже закончилась?

— Да-да, ещё один смертный получил крылья. Люблю такие моменты, — юноша заулыбался и несколько раз глубоко вздохнул. — Только представьте: ещё несколько минут назад ты был обычным человеком, а потом раз... и воин Бога, святой бессмертный. Пожалуй, это лучшая награда для любого элийца!

— Вы правы, господин — Перерождение завораживает... Э-э-э... Скажите, Вы никого не встретили по дороге сюда?

— Нет, мой друг. А почему Вы спрашиваете?

— Э-э, у Вас просто приподнятое настроение, я подумал, хе-хе, — рассмеялся он.

— О, что Вы! — отмахнулся Фаметес. — Я же говорю, радостно видеть нового Даэва, да и только. Я путешествовал на экипаже, посему...

«Чудесно...» — промелькнуло в голове мужчины.

Вдруг Раверинтос резко закашлял: видимо, хотел что-то сказать, но поперхнулся.

— Вы в порядке? — юноша подошёл к нему и по-дружески положил руку на плечо.

— Да, господин, кхе-кхе, в полном. Я подышу свежим воздухом, если Вы не против?

— Конечно-конечно, — Фаметес добродушно улыбнулся и дал дорогу магистру. Тот, кивнув в знак благодарности, вышел из зала и быстро пошагал куда-то.

Мальчик подошёл к двери своей комнаты и вдруг почуял запах горелой бумаги, исходивший из покоев Раверинтоса. Он сморщился, но не стал заходить к мужчине — какая

разница, что он там делал. Фаметес доверял ему. Он считал, что глава Ордена — пожалуй, единственный в его окружении, кому можно доверять. Магистр Миразента ещё ни разу не подвёл военачальника, ни разу не сказал дурного слова. К остальным он относился с осторожностью и пренебрежением. Юноша понимал, что не всем нравится его пост, оттого и верить можно было не каждому. Но военачальник старался никому не грубить, он вёл себя, как подобает светскому человеку и высшему чину. Дерзить кому-то было себе дороже — кто знает, что может вылиться за этим.

Раверинтос, озираясь по сторонам, завернул в узкий коридорчик, охраняемый стражами Миразента. Они послушно расступились, мужчина ловко прошмыгнул в проход и зашёл в первую дверь. Здесь находился один из складов провизии. Магистр поднялся на табуретку, стоявшую у высокого стеллажа и с самой верхней полки достал небольшую деревянную коробочку. Мужчина спрыгнул на пол и открыл крышку. Оттуда он достал кипу старых бумаг и стал перебирать их. Где-то на дне лежало несколько чистых листов с красной печатью в правом нижнем углу.

Раверинтос взял один из них, аккуратно сложил остальные в коробочку и сунул её себе во внутренний карман туники. Затем он присел на табуретку, взял с небольшого письменного стола смотрителя перо и чернильницу и начал что-то царапать на листе. Слова были на балаурском языке, чтобы посторонние глаза не могли прочесть послание.

С.

Думаю, Вы знаете о пропаже очень ценных для всех нас бумаг. Печально думать, что именно сейчас, когда осталось всего несколько шагов до достижения цели, произошёл сей неприятный инцидент. Но будьте уверены, бумаги не попали в руки к неприятелю. К сожалению, чтобы не скомпрометировать себя, я вынужден был их уничтожить. Впредь прошу уделять больше внимания охране информации. Вы прекрасно понимаете, что от каждого из нас зависит успех операции. Я свои обязанности выполнил в полной мере, дело осталось за Вами и госпожой А.

Искренне Ваш, Р.

Магистр сложил письмо пополам и, спрятав его в рукаве, вышел из комнатки. Он подошёл к одному из охранников и незаметно шепнул ему на ухо:

— Ты знаешь, что делать...

Раверинтос достал бумажку и осторожно передал её стражу Ордена. Тот кивнул и моментально спрятал послание в своей броне. Магистр оправился и вернулся в зал. Воин же, оглядевшись по сторонам, покинул свой пост и направился к лифту. Спустившись на первый этаж в Храм Мастерства, член Ордена быстрой походкой пошагал к выходу в сторону Пути Святости. Ему нужно было попасть в нижний Элизиум к Храму Изобилия, где находилась почтовая лавка гильдии «Тёмное Облако».

Мохнатые торговцы за небольшую плату конфиденциально могли доставить послание, к примеру, асмодианской любовнице. И такое бывало. Корабли гильдии летали напрямиком через Бездну, оттого шанс попасться патрулю южан или северян был минимален. Конечно, все прекрасно знали о проделках хитрых шиго, но, так сказать, людям они были выгодны, потому никто и не собирался «стучать» на сомнительный бизнес пушистых существ. Пусть работают, балаур с ними!

Воин не стал пользоваться услугами местного привратника, чтобы быстро оказаться на Площади Святых, откуда до Храма Изобилия рукой подать. Лучше и безопаснее было незаметно добраться туда самому. Привратники — люди хитрые, отчего постоянные

путешествия туда-обратно быстро вызовут подозрения. А в таких делах странные взгляды со стороны — ни к чему.

С другой стороны, доверять шиго нельзя. Мохнатые создания хранят тайны за деньги, но другого способа безопасно передать послание на другую сторону планеты просто не существует, если за спиной нет пары крыльев. Естественно, можно попробовать воспользоваться разломом в Асмодею где-нибудь в Интердике, а потом дойти до места пешком, но вряд ли у вас это получится без крылатого преимущества — северяне стараются контролировать порталы. Вот поэтому приходится пользоваться услугами шиго. Возможно, они и читают письма в дороге, но не станут никому доносить о заговорах и тому подобное. Что греха таить, им выгодна война. Удивительно, но на разнице в цене одного и того же товара в Элиосе и Асмодее можно неплохо нажиться! Этим шиго, в основном, и пользуются. Эдакие спекулянты Атреи, только с милой мордашкой и пушистым хвостом.

Благополучно сбавив письмо гильдии «Тёмное Облако», воин Миразента направился обратно к Храму Стражников — естественно, тем же путём.

Фаранис ан Дейл вернулся в Цитадель без задней мысли. Он и не подозревал, что господин Раверинтос мог быть связан с асмодианами и балаурами.

===== Часть 2. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 8.

Отредактировано.

Пандемониум.

— ...Тот же вопрос? Где эта тварь? — Слутгельмир приставил окровавленный кинжал к глотке стоявшего на коленях воина. Бедный боец посмотрел направо — четыре трупа его товарищей лежали рядом с перерезанным горлом.

— Вестей нет... — выдохнул Безмолвный полным безысходности голосом и зажмурился.

Звук рвущихся мышц, слабый стон и глухой удар о деревянный пол. За окном была уже ночь. Номер 216 гостиницы на окраине Пандемониума утопал в асмодианской крови. Судья сделал шаг к следующей жертве.

— Тот же вопрос. Где Териан Лекас?

В ответ — лишь молчание. Слутгельмир крепко сжал подбородок слуги и второй рукой собирался было покончить с ним, но вдруг в запертую дверь тихо постучали. Мужчина убрал кинжал и осторожно подошёл к двери.

— Кто это? — спросил он, прислонив ухо к деревяшке.

— Открывай, — знакомый голос донёсся с другой стороны. Судья невольно улыбнулся и отпёр замок.

— Добро пожаловать! — он раскинул руки в стороны и скорчил гримасу перед долгожданным гостем.

— Мать моя Тиамат... — бывалый Даэв ужаснулся перед картиной, открывшейся перед ним. Пять трупов посреди комнаты... и ещё один с полными отчаяния глазами безвольно стоял на коленях, уставившись в пол. — Ты с ума сошёл?

— Исагир, прекрати истерику, — устало пробормотал Судья и впустил бессмертного внутрь. — Я всего лишь провожу воспитательные работы!

— Не желаю этого слышать... Ты больной человек, Слутгельмир! — Даэв говорил, пялясь опустошённым взглядом на место казни.

— Я бы с тобой поспорил, но дело вовсе не в этом, — он встал перед легатом, загородив

ему обзор. — Ты ведь знаешь, что твой бывший центурион сбежал?

— Наслышан, — Исагир, наконец, перевёл глаза на Верховного Судью.

— Нужно его найти. Немедленно! — его тон был суров, а взгляд — полон ненависти.

— Ты что, мне приказываешь? — усмехнулся Даэв.

— Я очень вежливо прошу... К нему в руки попало то, что не должно было попасть. От этого зависит судьба Асмодеи!

— Как удобно пользоваться этими словами, не так ли? — Исагир презрительно улыбнулся. — Судьба Асмодеи!

— Сейчас вовсе не до шуток! Мне нужно сообщить обо всём... — Слутгельмир вдруг запнулся. — Впрочем, неважно.

— О, кстати, тебе письмо, — Даэв протянул ему свёрток бумаги. — Шиго оставили внизу с пометкой «срочно». Тут вроде на балаурском, но твоё имя я смог разобрать. Держи.

Судья вырвал листок из рук бессмертного и осторожно развернул. Он быстро пробежал глазами по содержимому, и его лицо вмиг охватила ярость.

— Проклятие! Успел всё-таки!

— Что случилось? — Исагир подошёл на шаг ближе.

— ...Ну хотя бы в те руки попали, — будто не замечая собеседника, Слутгельмир продолжал бормотать. — Значит, опасность ликвидирована...

Судья развернулся к пленнику, ожидавшему своей участи, и крикнул:

— Поздравляю, ты помилован. Катись прочь.

Безмолвный резко вскочил и изо всех ног выбежал из комнаты. Исагир проследил за ним глазами и снова уставился на главу Храма Правосудия.

— Что, мне уже не нужно его искать?

— Пожалуй, теперь я могу с ним покончить и сам, — задумался Слутгельмир. По его физиономии растеклась кривая ухмылка. — Только большая просьба: при встрече постарайся его убить...

Исагир всё понял. Судья решился-таки развоплотить Териана Лекаса. Нельзя точно сказать, был ли легат рад этому или наоборот расстроен. Он лишь удивился, почему Судья так долго медлил.

— Будь по сему... — произнёс Даэв и тихо покинул номер, оставив Слутгельмира наедине с трупами и тревожными мыслями.

Только начало светать, город ожил. Привычный сумбур охватил столицу Асмодеи. Ремесленники принялись за работу над новыми заказами, в торговые лавки завезли свежие товары, городской патруль снова начал сновать по улочкам, разыскивая подозрительных лиц.

Врата Храма Пандемониума — главного святилища северной половины Атреи открылись для посетителей. Здесь не только несли еженедельную службу, но и проводили уроки для учеников столичной академии. Именно в залах Храма имело место самое потрясающее торжество — Перерождение в Даэва. Возглавлял святилище Верховный жреп Бальдр. Он был смертным, причём человеком довольно почтенного возраста — старческую сутулость и обилие морщин сложно было скрыть от прихожан.

Большая часть Храма находилась под землёй для безопасности, отчего его внешнее величие было невозможно лицезреть. Но интерьеры залов потрясали воображение. Убранство святилища напоминало золотой дворец из детских сказок — настолько оно было дорогим и прекрасным. Храм имел два входа — западный и восточный. Между ними

находился главный зал — Торжеств. По бокам располагались Малые залы, а напротив — Северный зал. Каждое помещение имело свой особый стиль и шарм — и предназначение тоже было своё. Перерождали в Даэва только в зале Торжеств. Ежедневные службы проводились в Северном зале. Малые залы использовались для нужд священников и дорогих гостей, а также для различных светских мероприятий.

Верховный жрец спустился из своих покоев в центральный холл Храма и вынужден был лицезреть следующую картину: десять экипированных в латы Безмолвных полукругом стояли около лестницы и поджидали его. В центре лукавым взглядом сверлил жреца Верховный Судья. Бальдр был недоволен появлением здесь незваных гостей.

— Во имя Айона, покиньте священное место! — бородатый старик в длинном бежевом одеянии пригрозил Теням трясущейся морщинистой рукой. — Знайте, здесь вам никогда не рады!

Слутгельмир улыбнулся и с важным видом подошёл к жрецу.

— Не гневайся, священник. Нам нужно лишь обсудить кое-что, — он повернулся боком и вытянутой рукой указал на вход в пустующий зал. Бальдр попытался сделать суровое лицо, но это лишь вызвало у Судьи ухмылку.

Старик был вынужден пойти за главой Теней. Они зашли в большое украшенное золотом и белым камнем помещение. Слутгельмир тихо закрыл двери изнутри и встал рядом со священником.

— Мне неудобно отвлекать Вас от дел... — с показным лицемерием заговорил Судья. — Но обстоятельства вынуждают. Вам уже приходила весть о некоем Териане Лекасе? — он игриво вскинул брови, пропев имя бессмертного.

— Это тот Даэв, который окропил злом весь Пандемониум? — неуверенно, хриплым голосом промолвил Бальдр.

— Именно он! Суд над ним состоялся заочно, и мной был вынесен самый суровый приговор...

— Я понимаю, о чём ты говоришь, Слутгельмир, кхе-кхе, — старик прокашлялся и продолжил. — Хочешь просить о его смерти?..

— Это будет справедливым наказанием. Цена его деяний — вечное проклятие и смерть, — он сжал кулаки и ударил рукой по стене.

— Что ж, если Даэв поступил так, как мне поведали мои прихожане, то ты прав. Я до сих пор оплакиваю погибших в той... — жрец пытался подобрать слово. — Схватке. Будь моя воля, я бы ещё тогда провёл церемонию развоплощения... Почему ты явился так поздно?

— Э-эм, суд затянулся... — соврал мужчина. — Нужно было выслушать всех свидетелей.

— Хорошо, Слутгельмир. От тебя нужен только приговор суда.

— Вот он, — Судья с улыбкой на хитром лице протянул жрецу бумагу о вынесении высшей меры наказания для бессмертного.

Бальдр взял её и сощурился — глаза старика плохо видели из-за возраста.

— Те-ериан Ле-екас... — медленно прочёл он. — Вроде всё верно. Хорошо, ожидай церемонию в воскресенье.

— Ха-ха, — рассмеялся Слутгельмир. — Видите ли, в том то и дело, что я не могу ждать воскресенья. Нужно исполнить приговор сегодня — наказание слишком затянулось. Поэтому-то я и пришёл к Вам сейчас...

— И привёл с собой своих цепных псов... — прокряхтел Бальдр. — Во-первых, меня

ждёт служба, а во-вторых, для церемонии нужны приготовления.

— Оу, — ехидно улыбнулся мужчина. — Не волнуйтесь! Служба подождёт, мои люди об этом позаботятся... И, насколько я знаю, приготовлений никаких не нужно...

Лицо Верховного жреца омрачилось — он понял, что Безмолвные просто так от него не отстанут.

— ...Тем более, — всё продолжал Слутгельмир. — У меня полно времени. Не то, что у Вас, — на его морде появился оскал, а из ножен показалось сияние острого меча.

— Убьёшь меня?.. — с искренней печалью в голосе прохрипел старик.

— Ну зачем так грубо? — промычал Судья и обнял жреца за плечо. — Мы же прекрасно знаем, что у Вас есть то, чем Вы дорожите больше жизни. Например, говорят, у Вас чудесная внучка... Ох, как она поёт! Прямо ангелочек!

— Не смей трогать её, проклятая Тень! — Бальдр отстранил руку мужчины и затрясся в волнении. — Ты жалкое отродье! Я клянусь...

— Тогда не будьте так глупы, — грозно перебил его Слутгельмир. — От Вас требуется лишь исполнение Вашей прямой обязанности, не более. Мне нужно прямо сейчас провести церемонию развоплощения, чтобы я мог убедиться в том, что настоящее «жалкое отродье» покинет этот мир навсегда!

Верховный жрец замолчал. На его морщинистом лице появилось нескрываемое отчаяние.

— Видимо, другого выхода нет... — пробормотал он и кивнул Судье, мол, согласен.

— Вот и славно! — воскликнул мужчина. — А то всё: «воскресенье» да «воскресенье»... Идёмте, священник.

Слутгельмир провёл Бальдра в зал Торжеств, проход к которому Безмолвные заблаговременно блокировали от горожан. Толпа людей наблюдала, как Храм Правосудия что-то предпринимает здесь, в священном месте. Прихожане негодовали и осыпали Теней ругательствами и окликаками, но пройти к залам им не давали острые мечи и огромные щиты стражников в чёрных латах с медным пауком на груди. Дверь, как всегда, заперлась изнутри.

— Для начала мне нужно отыскать его имя в Матрикуле бессмертных, — сказал жрец и направился к комнате хранения книги живых. Там отмечались даты Перерождения и смерти каждого асмодианского Даэва.

— Кхе-кхе, — кашлянул Судья. — Проблема в том, что его имени нет в Матрикуле...

Бальдр обернулся и удивлённо посмотрел на мужчину.

— Если Даэв не записан в книге, я ничем не могу помочь. Он не во власти Пандемониума и меня в том числе.

— Ну-ну... — недовольно промычал Слутгельмир, прислонив ладонь ко лбу. — Опять за старое: не могу, не хочу... Я не требую от Вас чего-то сверхъестественного. Просто избавьте Асмодею от этого выродка.

— Как же мне это сделать без записи в Матрикуле?

— Глупый и абсолютно ненужный вопрос. Мы же оба знаем, что все эти записи — только для галочки. Для проведения церемонии нужно лишь имя: Териан Лекас.

Жрец тяжело вздохнул. Он вспомнил про свою внучку. Тени не остановятся ни перед чем, чтобы достичь своей цели — надо будет, и бедного ребёнка не пощадят, а этого старик боялся больше всего. Тем более у него кроме внучки никого не было. Судья скорчил лицо в ожидании — время для раздумий было на исходе.

— Ну? — не в силах больше терпеть рявкнул Слутгельмир. — Будете убивать Вы или

мне дать команду «цепным псам»? Жалко девочку... Такая милая...

— Хватит! Я всё сделаю... — сдался Бальдр и закрыл глаза, читая молитву Айону о прощении его грешной души. — Я всё... сделаю...

— Отлично! — мужчина подошёл к старику и похлопал ему по спине. — Начинайте.

Верховный жрец заковылял к алтарю и опустился на колени перед изображением Айона и Лорда Асфеля. Из ящичка в полу он достал драгоценный хрустальный меч и положил его перед собой. Бальдр закрыл глаза, поцеловал амулет на шее, соединил руки у груди и зашептал на древнеатрейском:

— Свет Айона... Да благоволит судьба благословенным...

Там временем.

Келькмарос.

Териан Лекас парил на большой высоте от земли — так его не разглядят ненужные глаза. Он старался держаться подальше от селений и крупных дорог — награду за его голову никто не отменял. В мыслях Даэва не было ничего — своё дело он сделал, долг исполнил, теперь нужно было ждать, просто ждать... А, Айон — свидетель, это у бессмертных получалось лучше всего. Асмодианин размеренно парил в облаках, направляясь в лагерь Нунграка.

«С девчонкой бы ещё разобраться...» — размышлял в полёте Даэв. Он думал, как с ней дальше поступить, куда отвести, как защитить. Териан давно разучился что-то чувствовать, тем более к элийцам, поэтому он считал, что его не может волновать чья-то жизнь, но всё равно хотел помочь бедной девушке. Возможно, чтобы искупить свою вину перед ней. Бессмертный летел дальше — поселение шиго должно скоро показаться из-за горизонта.

«Пора сбавить высоту», — сказал себе он. Даэв наклонился вперёд и начал снижаться, набирая тем самым скорость. Приятное чувство падения всегда будоражило его сознание, но теперь даже оно стало безразличным его бессмертной душе.

Вдруг что-то резко кольнуло его сердце, словно иглой проткнули. Даэв дотронулся до груди — раны не было.

«Отголоски прежней боли» — решил Териан. Но через секунду приступ повторился с ещё большей силой. Крылья свело судорогой, асмодианин потерял ветер и стал бесконтрольно падать вниз. Перья бешено шуршали, суставы вдруг перестали слушаться. Перед глазами всё поплыло.

«Что за балаурщина? — промелькнуло в его голове. — Яд? Нет, подобного эффекта я не знаю. Заклинание? Я не встречался ни с кем вот уже несколько часов, так медленно ни одна магия не действует...»

Даэв не знал, что с ним происходит. Запутавшись в своих собственных крыльях, он падал вниз. Скоро должна быть земля.

«Возьми себя в руки!» — кричал себе Териан.

На секунду ему удалось выровняться в воздухе и наполнить перья ветром, но спустя мгновение — новая судорога. Вот так, то теряя контроль, то возвращая его, Даэв рухнул в крону какого-то дерева, что, можно сказать, спасло ему жизнь. Острые края ветвей насквозь пронзили крылья. Асмодианин взвыл от боли и с трудом смог оторвать своё тело от них. Тело Териана кубарем упало между корнями массивного дерева. Даэв смог перевернуться на спину. Он посмотрел мутным взглядом вверх. Его изодранные крылья, оставшиеся на ветвях, отчего-то не загорелись, что было весьма странным.

— Что за ерунда? — прохрипел он, не в силах пошевелиться. Видимо, от удара бессмертный повредил спину.

Вдруг огромные чёрные перья начали медленно рассыпаться в бурый пепел и прах. Пламени не было видно вовсе. Облако из серой пыли мягко опустилось на Даэва.

— Кхе-кхе... Что со мной?..

Разум Териана помутился. Ему показалось, что он проваливается в сон. Сознание пыталось сопротивляться, но неведомая сила тянула его куда-то вниз, будто сквозь землю — в небытие. Чувство дежавю. Асмодианин вспомнил это ощущение. Он его уже испытывал. Однажды...

«Да благоволит судьба благословенным... — звенело в ушах Даэва. Он чувствовал, что падает, но сил говорить не было. — Ибо не сыщут они конца во мраке...»

«Не может быть... — Териан вдруг понял всё. — Почему сейчас? Нет! Нет! Не-е-ет! — он говорил у себя в мыслях, но уста его не произносили ни звука. — Слутгельмир... Ненави... Нена...»

Асмодианин резко открыл глаза. Он попытался вздохнуть, но тут же пожалел об этом — вода хлынула в его лёгкие, вызвав резкую боль. Даэв обнаружил себя на дне какого-то водоёма.

«Всё наоборот... О, Айон...» — Териан нащупал песок, оттолкнулся от него руками, присел и рывком поплыл к поверхности.

Боль в груди была адская. Но Даэв терпел — сколько раз он испытывал её, когда в очередной раз умирал. Мужчина двигал и руками, и ногами. Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

И вот она — поверхность. Голова асмодианина показалась из толщи воды, он сильно закашлялся, выплёвывая забившуюся в лёгкие жидкость. Через несколько мгновений бессмертный пришёл в себя. Он посмотрел на свои руки и тело — кожа кремового цвета, когтей и шерсти нет.

«Значит, опять?» — подумал он и повертел головой по сторонам.

Берег был довольно близко. Полоска белого песка тянулась вдоль горизонта, с другой стороны было бескрайнее синее море. Даэв собрался с силами и поплыл к берегу. Через несколько минут он добрался до твёрдой земли и в беспамятстве свалился на песок. Небольшие волны нежно гладили его тело. Сознание и силы возвращались неправдоподобно быстро. Спустя несколько мгновений Териан понял, что может подняться. Он попытался встать — получилось. Голова ещё немного кружилась, но это не мешало ему идти. Он посмотрел вдаль — до боли знакомая песчаная пустыня расстелилась перед его взором. Выхода не было — пришлось шагать прямо в бескрайние просторы.

На голубом небе не было ни единого облачка. Солнце жарило нещадно. Но Даэв шёл. Шёл вперёд. Он знал, что ему надо туда — к горизонту. Шагать по мягкому песку было тяжело — да и человеческие ноги без когтей непривычно плохо держались за поверхность. Сколько прошло времени с того момента, как Териан выбрался из воды, — неизвестно. Может, час, может, день. Силы снова начали покидать героя. Жара заставляла сходить с ума от жажды, но надо было идти. Без вопросов — просто вперёд.

Ноги начали пошатываться. Ещё несколько шагов — и он упадёт. Так и случилось. Горячий песок жёг колени, но подняться Даэв уже не мог. Он опустил голову и тяжело задыхался раскалённым воздухом. Вдруг кто-то схватил его за руку. Териан резко поднял взгляд и увидел лицо, самое знакомое ему лицо, лицо, которое он видел всегда, когда умирал.

— Лекас?.. — с ошарашенным взглядом прохрипел бессмертный.

Перед ним стоял молодой юноша. Он смотрел на него и широко улыбался. Большие тёмные глаза, русые волосы, слегка загорелся кожа — это, определённо, был элиец, как и сам Териан сейчас.

Фигура не произнесла ни слова. Она помогла Даэву подняться, отпустила руку и просто смотрела на него. Териан буквально не верил своим глазам.

— Живой! О, Айон, спасибо! — словно душа бессмертного произнесла эти слова. Из зелёных глаз ручейком потекли солёные слёзы, но от жары тут же высохли на щеке.

Даэв бросился к старому другу, чтобы обнять его, но только он обхватил его спину, как силуэт юноши мгновенно обратился в песок и, зашуршав, упал звенящим облачком на ровную гладь пустыни.

— Не-е-ет! — заорал Териан и снова упал на колени, трясущимися руками собирая в кучку песок, который секунду назад был человеком.

Слёзы вновь потекли из глаз Даэва. Вдруг одна капелька упала на раскалённый добела песок. словно на сковороде, слезинка зашипела и через мгновение испарилась. От неё не осталось и следа на глади поверхности бескрайней пустыни. Териан вновь слышал голоса. Кто-то опять тянул его разум вниз, сквозь землю. Он не стал сопротивляться. Бессмертный закрыл глаза и потерял сознание.

Снова голос. Знакомый голос. Женщина нежным голосом шептала ему на ухо: «Ты достоин?... Достойн?...»

Вдруг на сердце проступила боль. Не физическая. Душевная. словно что-то силой отодрали от Даэва — частичку души, сущность, которая была всегда при нём. Один лишь миг (а, может, вечность?), и внутри стало пусто. Сердце ныло и разрывалось на куски — ему не хватало чего-то, чего-то родного. Оно потерялось и, увы, никогда больше не вернётся.

Териан чувствовал всё. Он словно находился в гипнозе. Голос в голове усиливался. Даэв прекрасно знал, что будет дальше. Он помнил своё Перерождение и теперь навсегда запомнит свою смерть. Наконец, образ в сознании мужчины стал приобретать очертания.

Разум на миг просветлел. Ему показалось, что он открыл глаза. Но то была лишь иллюзия. Териан увидел её, увидел её снова. Красивая черноволосая женщина в длинной бархатной робе стояла посреди прекрасного зелёного сада, где в ручейке журчала вода, и вокруг звонко пели десятки птиц. Мерцание полёта разноцветных бабочек застилало взор, как в прошлый раз. Даэв отмахнулся от них и подошёл к незнакомке. Он не знал её имени, да и это было неважно. Териан почувствовал в её образе что-то родное. Нет, она не была той, кто воспитал его, но казалась ему самым близким человеком во всей Вселенной.

Мужчина помнил, что он спросил у неё в прошлый раз, почти девятьсот лет назад: «Кто ты?»

Но она не ответила. Сейчас на сердце Териана стало ужасно больно. Грусть и тоска поедали его душу. Женщина улыбалась. Он медленно подошёл к ней и заглянул в светящиеся зелёные глаза. Из уст Даэва прозвучало горькое:

— Прощай...

Улыбка испарилась с лица незнакомки. Свет потускнел. Зелёные деревья начали золотым дождём осыпать листву. Цветы и кустарники увядали. Трава желтела. Бабочки и пернатые птички замертво падали на землю. Чудесный мир, обитавший в самой глубине бессмертной души Териана, умирал.

Белое сияние солнца в небе сменилось на крошечную темноту ночи. Он не стал

обнимать женщину, как в прошлый раз. Теперь всё было иначе. Нужно принять судьбу, о которой он так долго грезил. Даэв повернулся к незнакомке спиной и пошёл прочь. Под ногами гнила земля, зелёный ковёр травы обращался в неприятную липкую жижу. Впереди уже не было света. Просто тьма. И Териан шагнул в неё.

Уже в который раз начала кружиться голова. Даэв знал, что скоро очнётся. Но впредь ему не стать прежним.

«...Отныне и навеки...»

Одно мгновение, он моргает и вновь оказывается лежащим на земле под кроной высокого дерева. Свет, пробивающийся сквозь листву, заливал глаза. Териан Лекас пытается встать, но резкая боль в спине сковывает его. Он поднимает руку и смотрит на неё — снова серая кожа и изящные когти. Он вернулся в реальный мир. Слутгельмир выполнил свой долг.

Раньше травмы заживали за считанные часы, но теперь падший Даэв чувствовал, что утратил способность к быстрой регенерации. Нет, Териан не умер. Развоплощение — не значит мгновенная смерть. Асмодианин жил очень давно, поэтому для того, чтобы расстаться с божественной сущностью, нужно время. Он знал, что впредь не сможет просто так разменивать свои бесконечные жизни. По преданию, за каждые прожитые три сотни лет проклятому Даэву даётся один шанс, одно мгновение, одна жизнь, после чего его душа навсегда исчезает в потоке Эфира, а тело обращается в прах, оставляя после себя небольшой кусочек породы с заключёнными внутри него воспоминаниями — стигму.

Териан мог шевелить руками. Он достал из кармашка на поясе маленькую склянку с розоватой жидкостью. Зубами Даэв открыл пробку и вылил себе в рот содержимое. Глоток вызвал боль.

«Сила Эфира ещё должна действовать», — понадеялся он. Зелье регенерации ускоряло естественные процессы восстановления в организме. То, что должно было зажить за месяц, исцелялось за минуту. На удивление микстура действительно облегчила боль, что позволило асмодианину встать. Открывать крылья пока было рискованно — кто знает, сможет ли он теперь летать. Посему Териан решил идти к лагерю Нунграка пешком. К счастью, вход в поселение находился недалеко — от силы час-полтора пути.

===== Часть 2. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 9.

Отредактировано.

Поселение Нунграка, где шиго-торговцы соорудили себе базу, располагалось на самом севере Келькмароса. В глубоком карьере, где умелые ручки шиго вырыли множество подземных ходов, мохнатые существа жили и работали. Наверху находились площадка для посадки воздушных кораблей, а также несколько посёлков этих самых трудолюбивых созданий. Вокруг лагеря расселились племена краллов — разумных созданий, сильно напоминавших сказочных орков. Они были не столь умны по сравнению с людьми или шиго, поэтому легко поддавались под чужое влияние, отчего балауры когда-то давно и смогли привлечь их на свою сторону, обратить в «свою веру».

Пока асмодианина не было, элийская девушка жила среди шиго. Они казались ей на удивление милыми и вежливыми созданиями. Эви не знала, что подтолкнуло жадных до наживы разумных белок приютить у себя человека. Может, суровый взгляд Даэва? А может, безобидная девушка им приглянулась?

Быт зверьков был довольно забавным. Их селение напоминало сказочный городок:

причудливые игрушечные домики со смешными крышами и маленькими круглыми окошками, зелёные аллеи с незнакомыми элийке растениями, светившимися, словно новогодние гирлянды. Эви не раз ловила себя на мысли, что она попала в одну из сказок, которые в детстве ей рассказывали родители. Ну не могла милая деревушка, которую населяли не менее милые существа, не вызывать улыбку.

Кушали шиго только фрукты и овощи. Можно сказать, они были вегетарианцами. Для них было дикостью убивать других животных ради еды, но вот ради шкур... это другое. А что, торговцы — они везде торговцы: от кончиков пальцев на маленьких ножках до чёрной изюминки длинного носика. Эви было уютно в компании шиго. Их бесконечный сумбур забавлял её. Она жила в местном подобии гостиницы. У девушки даже была своя комната. Может, по меркам шиго, помещение было огромным, но элийке тут было тесно: кровать — словно для ребёнка, окошки — меньше ладошки, а потолок — на уровне плеч. Приходилось ходить или согнувшись в три погибели, или вообще ползать на четвереньках. А дверные проёмы... Айон, прости, да в них разве что кошка пролезет! Но жаловаться было грех. Всё-таки тебя приютили, дали еду, крышу над головой, и вдобавок ничего не просили взамен. Загляденье!

При Эви мохнатики разговаривали только на элийском — знак вежливости. Конечно, без своих «нян-нян» и «кярун» не обходилось, но через пару часов девушка привыкла к этим словам-паразитам. Что они значили, девушка так и не смогла выяснить — было как-то неудобно спросить: «А почему вы через слово нян-нянкаете?»

Рассказы шиго были бесконечно забавными и интересными. Сколько запоминающихся историй Эви слышала за сутки — не сосчитать. Время пролетело незаметно. Когда пришёл вечер, элийка устроилась в своей комнатке и мирно уснула.

Наутро лучи солнца, пробивающиеся в маленькое окошко, разбудили её.

Выйдя во двор и постараясь не удариться головой о дверь, девушка смогла потянуться — свобода. Хотелось кушать, она пошла к деревенской столовой. Там стояли длинные низкие столы, накрытые скатертями, повсюду шумели вилки и тарелки — шиго рано завтракают. Зверьки дружно и громко галдели, улепётывая булочки и фрукты с больших сияющих подносов. Казалось, они вообще не замолкают — болтают день и ночь. Эви подошла к свободному месту за столиком и «приземлилась». Причём, в прямом смысле. Скамейки находились так низко над землёй, что легче было сесть прямо на землю, чем на шиговский стул. Девушка взяла со стола булочку и несколько яблок — другой еды не было. Её внимание привлекло маленькое чёрное пятно вдалеке. Оно медленно росло, пока его очертания не стали напоминать знакомую фигуру. Элийка положила недоеденный завтрак обратно и вскочила, чуть не опрокинув скамейку вместе со столом — глазки шиго уставились на неё, но девушка сделала вид, что ничего не заметила. Она помогла подняться соседнему зверьку, смешно упавшему со своего места на спину, и побежала к пятну.

Это был тот самый асмодианин. Он шёл медленно, еле передвигая ноги и тяжело и часто дыша, словно его силы были на исходе. Даэв волочил когтистые лапы по земле, вдруг споткнулся и упал на колени в десяти метрах от девушки. Он опёрся на руки, попытался встать, но не вышло. Эви подбежала к нему. Было видно, что мужчине больно. Он изобразил вымученную улыбку и пробормотал:

— Вот сейчас перевязка бы мне не помешала...

Даэв усмехнулся и тут же пожалел об этом — спина стрельнула, да так больно, что он чуть не взвыл. Эви побежала обратно к домику. Она видела на столике бинты, когда

проходила мимо. К асмодианину подошли заинтересованные зверьки. Они уставились на него своими чёрными пуговками, но не подходили близко. Териан сидел на коленях и молча ждал возвращения элийки. Буквально через минуту она появилась со склянкой воды и плотными бинтами в руках. Даэв взглядом показал на спину и, корчась, подвигал плечами.

Эви второпях стала осматривать броню асмодианина.

— Сначала пояс... — промолвил он.

Девушка нащупала спереди застёжку на ремне Даэва и щелчком расстегнула её. Связки тяжёлых ножен со звоном рухнули на землю. Затем Териан с трудом, но сам снял с себя большие наплечники и бросил их прочь.

— По бокам... замки...

Эви придвинулась к Даэву ближе. На уровне рёбер она увидела похожие застёжки. Чтобы разжать хват брони, нужно было потянуть на себя и вытащить язычок из замочка. Элийка старалась сделать всё быстро, она взялась за застёжку и резко дёрнула. Асмодианин скорчил лицо и завыл. Она испугалась и убрала руку.

— Аккуратней... Лучше не торопись... — на тяжёлом выдохе произнёс Даэв.

— Хорошо, — шепнула Эви и попыталась расстегнуть дублет осторожней, чтобы не причинять боли Териану Лекасу.

Щелчок — с одним замком справились. Вот ещё один. Снова щелчок.

— Теперь с другой стороны...

Девушка посмотрела — на другом боку тоже были два замка. Несколько мгновений — и нагрудник, распавшись на две половинки, словно скорлупа, падает на землю. Эви встала и обошла тело асмодианина, чтобы подойти со спины. Но то, что она увидела, вызвало лёгкий шок. Из её рук выпали бинты. Она закрыла рукой рот и медленно опустилась на колени.

Из глубоких резаных ран торчали две кости. Элийка подумала, что это лопатки, но, когда она присмотрелась, поняла, что нет. Края костей были грубо обрублены, словно по ним ударили топором.

— ...Это от... крыльев? — прошептала она.

Даэв кивнул. Такого, определённо, раньше не было. Эви дотронулась до кончика кости, отчего асмодианин дёрнулся и зашипел.

— Не стоит...

— Поняла...

Она ещё раз осмотрела спину Териана. Из ран медленно сочилась алая кровь. Струйки стекали вниз, словно вода по стеклу. Корка из запёкшейся крови была похожа на кору дерева — Даэв ранен уже давно.

— Что мне с этим делать?.. — дрожащим голосом спросила элийка.

— Эфир и аделла... Принеси аделлу... Раствор один к трём... — задыхаясь, молвил асмодианин.

— Минуту, — сказала девушка и побежала к домикам. У кого-то из шиго должна найтись настойка аделлы.

Эви не было больше минуты, это уж точно. Териан ещё раз попытался подняться. Зверьки, собравшиеся вокруг Даэва, робко попятились назад. Асмодианин не кричал, вся боль, которую он испытывал, читалась по лицу. Мужчина смог встать на дрожащие ноги. Мышцы напряглись. Он опёрся на столик и сделал первый шаг. Девушка уже бежала к нему, неся в руках баночку с настойкой и какую-то тряпку. Кажется, последние силы покинули Даэва. Его ноги обмякли, и он снова стал падать. Элийка успела подхватить его под плечи,

чуть не выронив банку из ручонки. Асмодианин закрыл глаза и больше не двигался. Девушка подумала, что он потерял сознание. Она нащупала пульс на шее — сердце билось медленно, но ровно.

«Боец... Держится...» — подумала она и уложила Териана набок.

— Помогите кто-нибудь! — Эви не знала, что делать с настойкой. Она посмотрела жалобными глазами на зверьков. Те скромно подались вперёд. — Здесь есть лекари?

Один шиго растолкал толпу и выбежал перед девушкой.

— Я врач, кярун.

Он подошёл к Даэву и наклонился к нему.

— Дело плохо, нян-нян. Надо отвести его в дом, кярун.

Существо подозвало к себе несколько собратьев. Они кивнули и заковыляли к асмодианину. Зверьки встали вокруг Териана и своими маленькими ручонками схватились за его тело. Издавая жалобные высокие звуки наподобие стонов, десятку шиго удалось поднять тяжёлого человека над головой. Спотыкаясь и кряхтя, они понесли его к шатру. Эви последовала за ними. «Врач» сказал уложить Даэва на кровать и вошёл в комнату. Девушка хотела присоединиться, но зверёк суровым видом остановил её.

— Вам не стоит здесь находиться, нян-нян, — он выхватил склянку с настойкой у элийки и захлопнул дверь изнутри.

Эви осталась слушать, что происходит в комнате. Сначала было тихо. Через несколько минут тишины девушка вздрогнула от громкого мужского крика. Послышались ещё голоса, то были шиго.

— Их нужно убрать... Ломай... Ломай! — кричал кто-то.

— Осторожней, хватай осторожней, нян-нян... — доносилось прямо из-за двери. — Тяни!

Снова истошный крик, похожий на звериный рык. Девушка поняла, что не может больше находиться здесь, и убежала прочь из шатра. Через час кучка шиго во главе с доктором с важным видом покинули дом.

— Что с ним? — Эви подбежала к зверьку и спросила, взяв его за пушистые плечи.

— Жив, нян-нян. Мы удалили остатки крыльев, кярун, и перевязали. Но за ним нужен уход, нян-нян. Проще было бы отправить бравого Даэва на кибелиск, кярун, чтобы он возродился, как новенький, нян-нян. Но, если я прав, лучше этого не делать, кярун.

— Почему? — девушка не отпускала зверька и пристально смотрела на него. Он прятал глаза и говорил, опустив голову.

— Я полагаю, что Ваш Даэв болен, кярун. Его отравили жрецы, нян-нян.

— Какие жрецы? О чём Вы говорите?

— Жрецы Асмодеи, конечно же, кярун.

— От этого можно вылечить?

— Не думаю, нян-нян...

— Можно к нему пойти?

Существо кивнуло и шагнуло в сторону. Эви вынуждена была его отпустить. Она робко подошла к двери и осторожно нажала на ручку. Пригнувшись, чтобы не удариться, девушка вошла внутрь. На маленькой кровати лежал укутанный в несколько одеял асмодианин. Его ноги свисали вниз — места для них просто не было. Мужчина тяжело дышал, его глаза были закрыты.

Элийка села возле руки Даэва. Она дотронулась ладонью до его лба.

— О, Айон, у Вас жар... — прошептала она и вдруг чуть не закричала — Териан резко открыл глаза.

— Ничего... Пройдёт... — пробормотал он и устремил взгляд на девушку. — Спасибо тебе...

— Вы мне помогли, не стоит благодарности, — она застенчиво убрала руку со лба Даэва. — Доктор сказал, Вы больны...

— Может и так, — мужчина перевёл глаза и уставился в потолок. — Айон видит, я это заслужил.

— Там, в пещере, Вы сказали, что раны затягиваются за считанные часы... А сейчас...

— Всё немного изменилось, — он попытался улыбнуться. — Отныне придётся дорожить своей шкурой...

Эви ничего не сказала: и дураку было понятно, что асмодианин не настроен на беседу.

«Наверное, ему до сих пор больно... — подумала она. — Кто же Вас так?..»

Териан Лекас медленно закрыл глаза, словно засыпая. Девушка посидела с ним ещё несколько минут, а потом тихонько встала и пошла к двери.

— Останься... — прохрипел Даэв. Девушка обернулась, в раздумьях застыла на пару мгновений, но всё-таки решила вернуться к нему. Бессмертный вновь почувствовал тепло, исходившее от элийки. Он слышал её тихое дыхание и ощущал на себе глубокий взгляд больших голубых глаз.

— Сколько Вам лет? — спросила она спустя минуты тишины.

Асмодианин подумал и ответил:

— Восемьсот восемьдесят пять...

— Ничего себе... — сказала она, поймав себя на том, что произнесла это вслух. — Сейчас восемьсот шестьдесят третий год... То есть, Вы родились до Катаклизма? — заинтересованно спросила девушка, продвинувшись ближе к мужчине.

Он легонько кивнул в ответ, так и не открыв глаза.

— Каков он был... мир, в смысле... тогда, до падения Башни?..

— Он был прекрасен... Очень похож на Элиос, — почти шёпотом говорил Даэв. — Зелёные поля, луга, синие реки, моря, озёра... Как в сказке...

— Вы видели Катаклизм?.. — с нотками страха спросила Эви. Она боялась ответа на этот вопрос.

— Да...

«О, Айон... Кто же Вы такой?..» — пролетело в голове у девушки.

— Балауры виновны в этом... Запомни... — тихо произнёс бессмертный.

— Запомнила... А что было потом?..

— Тьма... И холод.

— Как Вы стали... асмодианином? — Эви нервничала и не могла просто усидеть на месте. Она впервые разговаривала с тем, кто видел зарождение того мира, в котором она привыкла жить.

— Меня обратил Асфель, Владыка Севера.

— Сам Лорд Асфель? — удивлённо спросила она.

— Он лично обращал всех Даэвов... И меня в том числе.

— Как он выглядит?..

— Мужчина... красивый, наверное... Его лицо мне не запомнилось... Слишком это было давно, — протянул он.

— Выходит, Вы были человеком... когда-то, — немного расстроено промолвила девушка.

— Да... Светлые волосы, белая кожа. Каждый раз вспоминаю то далёкое время. Оно уже не вернётся... А жаль...

Вновь нависла пауза. От слов асмодианина на душе девушки почему-то стало грустно.

— Расскажите о себе... — тихо попросила она.

Даэв вздохнул и сказал:

— В моей жизни нет ничего интересного... И я очень устал.

— Мне уйти?

— Нет, посиди здесь... Так мне спокойнее...

«Спокойнее? Ничего себе! Ладно... Наверное, больно умирать каждый раз... Как же Вы жили так долго, Териан Лекас?..» — Эви внимательно рассматривала лицо асмодианина, машинально задавая себе всякие вопросы.

«Кажется, уснул... — подумала она. Но знать наверняка девушка не могла. Даэв мог просто притворяться, как раньше. — Пусть отдыхает».

Она незаметно встала с постели и маленькими шажочками подошла к двери. Осторожно открыв её, элийка выскочила из комнатки, чтобы не тревожить больше асмодианина.

Териан Лекас приходил в себя несколько дней. Раны затягивались быстро — снадобья давали целебный эффект. Всё это время Эви заботилась о нём: приносила еду к нему в покои, делала перевязки. Даэв почти ничего не говорил, а лишь смотрел на девушку с загадочным видом. Она знала, что он скрывает от неё многое. Да что там, Эви только его имя и возраст знала, больше ничего! А рассказывать о себе бессмертный не хотел, почему — непонятно. Да и элийка не вдавалась особо в расспросы: во-первых, зачем лишний раз тревожить больного, а во-вторых... ну, если не хочет, пусть молчит. Всё равно когда-нибудь, да взболтнёт что-то.

Арэшурат. Западная крепость Сиэли.

Даймон вернулся в форт. Мир переворачивался у него на глазах.

«Если бы не помощь врага, о счастливом будущем можно было забыть...» — рассуждал он, патрулируя стены крепости.

Элийский Даэв тоже мог похвастаться возрастом. По меркам бессмертных, Даймон был уже стариком — двести сорок один год разменял он пару месяцев назад. Это весьма почтенный возраст. Особенно для Даэва, проводящего всю свою жизнь в битвах.

Лишь спустя почти двести пятьдесят лет жизни Даймон задался вопросом о том, почему асмодиане — элийцам враги. Да, всем известна история о том, как элийский легион Бури впервые попал в холодные земли Морхейма и обрёл там смерть от рук серокожих северян. Но неужели именно это заставляет сердца бывших братьев до сих пор сражаться друг с другом? Вряд ли, ответит любой здравомыслящий человек. Конечно, сказы про половинки Башен, высасывающих Эфир, тоже слышал каждый. Но как это выяснили? Почему об этом одновременно узнали и элийцы, и асмодиане? Что-то не складывалось. Даймон корил себя, почему тень сомнения пришла к нему только сейчас, спустя два с половиной века бессмысленных сражений. Так что же это? Глупость, переросшая в вечность, или шутка Богов?

Рассказывать своему легату Гелиону о деяниях Териана Лекаса Даэв не стал. Он и сам не знал, почему не поведал всё тому, кто обязательно должен быть в курсе. Почему-то

бессмертному адъютанту казалось, что ещё рано для откровений. А он всегда слушал своё сердце.

«Но как быть с Дариусом? Мальчишка знает слишком много... Если он вдруг взболтнёт что-то легату, выйдет очень неприятная ситуация... — думал воин. — Нужно поговорить с юнцом...»

А Дариус, надо сказать, не находил себе места. Он прибыл в Бездну, вступил в легион, чтобы вернуть свою любовь, но следы вновь вели его в никуда. Сидеть и бездействовать он не мог. Навязчивые мысли буквально сводили юношу с ума. В один из таких моментов, когда офицер снова накручивал себя, и явился его бывший легат.

— ...Я понимаю твои чувства, — начал бессмертный. — Сам не виделся с женой уже одиннадцать лет.

— Но Вы знаете, что она не пропадёт! А неизвестность убивает меня! Куда мне теперь идти? Где искать того асмодианина, будь он проклят?

— Оставайся в Бездне. Такие, как Лекас, не пропадают из поля зрения надолго.

Дариус решил, что совет — дельный. Тем более, других вариантов и не было.

— Что Вы успели у него выяснить во время допроса? — спросил юноша.

— Ничего интересного, — слукавил бессмертный. — Говорил ересь одну...

— Не вижу смысла во всей этой ерунде... — Дариус схватился за затылок и нервно заходил взад-вперёд.

— Главное, не наделай глупостей. Асмодианин не причинит вреда твоей ненаглядной.

Это предложение удивило юношу. Даже не сами слова, а тон, с которыми Даэв их произнёс. Дариусу показалось, что Даймон абсолютно уверен в том, что он сказал.

«Но откуда эта уверенность? Неужели он знает Териана Лекаса намного лучше, чем говорит?..» — соображал молодой человек.

— С чего Вы взяли? И почему я должен полагаться на Ваши слова? — в голосе офицера отчётливо звучало недоверие.

— А на чьи слова тебе ещё полагаться, глупый? Пораскинь мозгами: Эви ему зачем-то нужна. И вряд ли для личных утех...

Парень стукнул кулаком по стене и грозно посмотрел на Даэва.

— Слушай меня! — Бессмертный в ответ повысил голос. — Или Териан Лекас будет просить что-то в обмен, а ему известно, что девчонка кому-то очень дорога, или она ему нужна для защиты.

— Для защиты? — усмехнулся юноша. — От кого? Он Даэв!

— Тебе не понять, пока ты смертен... Неужели до тебя не дошло, что за этим зеленоглазым охотятся и элийцы, и асмодиане? У меня есть доказательства, что среди своих ему не рады.

Дариус замолчал и стал внимательно слушать слова бывшего легата.

— Какое-то время он будет скрываться, — продолжил Даймон. — Не торопи события. Когда будет нужно, мы услышим о Териане Лекасе...

Дариус глубоко вздохнул. Нависла тишина.

«Как долго я полагаюсь на других? — пронеслось в мыслях у смертного офицера. — Остобалаурило... Айон, дай же мне шанс проявить себя как защитника! Сколько можно прятаться за крылом Даэва? Несправедливость... Кругом, всюду! Ненавижу это мир, будь он проклят! Ну почему, почему я не бессмертен, как он? — парень искоса глянул на Даймона. — Я бы в клочья изодрал любого, кто посягнёт на жизнь и свободу невинного!

Почему Элизиум бездействует? Никаких указаний, никаких распоряжений, ничего! Вот уже две недели — тишина... Почему эти крысы медлят? Так много «почему»... А ответов — ноль...»

Дариус нарушил тишину:

— Ваше начальство молчит который день. Может, асмы или драканы собирают силы... «Вот так всегда... Нашёл тему для разговора...» — подумал Перерождённый.

— Поверь, военачальники сейчас заняты этим больше, чем ты думаешь, — сухо ответил Даймон и собрался покинуть офицера.

Дверь захлопнулась, положив конец короткой беседе, но вопросов, увы, меньше не стало.

===== Часть 2. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 2. Глава 10.

Отредактировано.

Три недели спустя.

Элизиум. Храм Стражников.

Фаметес по очереди собирал военачальников и командующих армиями в своём зале. За последние дни было много советов. Глава небесной столицы лично пообщался со многими генералами. Все твердили хором: медлить больше нельзя. Раверинтос, как и большинство военных, поддержал идею укрепить защиту крепости Кротан в верхней Бездне. По его словам, это была последняя надежда для сохранения хрупкого равновесия сил в Арэшурате. Поэтому сегодня военачальник Элизиума пригласил к себе капитана гарнизона Бездны — господина ан Дейла.

«Ну наконец-то...» — думал про себя глава войск Арэшурата, пока ступал по блестящему мраморному полу Храма Стражников. Он уже предвкушал, как последний из ан Ривенов будет выражать благодарности по поводу добытых писем о планах асמודиан и балауров. Но император Элиоса почему-то был не в духе сегодня, как сразу показалось мужчине.

— Садитесь, господин Фаранис, — монотонно пропел молодой главнокомандующий, даже не привстав со своего трона.

Военачальник занял место за столом совещаний напротив него.

— Расефиэль, господин Фаметес, — тем же голосом в ответ кинул мужчина.

— Господин Фаранис, легаты обеспокоены тем, что Вы медлите...

На лице главы Бездны возникло непонимание.

— Что Вы имеете в виду? Вот уже который день я жду указаний из Элизиума, но и Вы, и Ваши агенты молчат!

— Вам ещё две недели назад было послано письмо, в котором совет убедительно просил... нет, даже требовал, чтобы резервные гарнизоны Цитадели Тэминона мобилизовались и отправились в крепость Кротан. А вчера до меня дошли сведения, что до сих пор легионы находятся под куполом в Цитадели!

Фаранис пытался вставить слово, он не понимал, о чём идёт речь.

— Постойте, постойте! Мне ничего не приходило — это во-первых. Во-вторых, почему меня не известили о совете?

— Магистр отправил рыцарей Миразента за Вами лично, но, вернувшись, они передали, что Вы больны и не можете прибыть в Элизиум.

— Рыцари Миразента? — военачальник Бездны привстал со стула и округлил взгляд.

— Да, господин Раверинтос отчитался передо мной. Так что с Вами было? — заинтересованно спросил Фаметес.

Эмоции пропали с лица Фараниса. Он плюхнулся обратно в кресло и замолчал. В голове он стал прокручивать всё, что ранее сказал ему магистр Ордена.

— Господин Фаранис? С Вами всё хорошо? — глава Элиоса сторожено дотронулся рукой до ладони мужчины. — О, Айон, Вы холодны, словно в Кинунгапе побывали. Как Вы себя чувствуете?

— Нормально, — тихо пробормотал военачальник, уставившись стеклянными глазами куда-то вдаль. — Нормально... Скажите, господин Раверинтос не передавал Вам никакие письма или послания за последние три недели? — полоска глаз элийца резко сузилась.

Фаметес удивился вопросу коллеги. Он почуял что-то неладное в его голосе.

— Не припомню. Нет, точно ничего не было, — уверенно кивнул глава небесной столицы.

— Угу... — промычал Фаранис и вскинул брови. — Понятно... А где, Вы говорите, сейчас магистр?

— У себя, — он показал рукой на дверь, ведущую в главный зал. Юноша не сводил глаз с собеседника. Нынешняя манера его поведения не давала покоя Фаметесу.

— Позвольте мне выйти подышать? — скривив лицо в полуулыбке, спросил мужчина. — Что-то голова закружилась...

— Конечно, господин Фаранис. Буду ждать Вас здесь.

Капитан гарнизона Бездны откланялся и быстро покинул комнату. Через дверь были покои Раверинтоса.

— Заперто... — сквозь зубы прошипел капитан гарнизона.

Он вышел в холл, в центре которого находился тот самый лифт-платформа. Лестницы и двери караулили воины Ордена Миразента — по сути, такие же легионеры, как и все остальные, но легатом их считался сам верховный магистр. Фаранис подошёл к одному из патрульных и отчётливо спросил:

— Где господин Раверинтос?

Фигура в шлеме не шевельнулась. Из забрала послышался низкий голос.

— Магистр вернётся с минуты на минуту. Ожидайте в зале.

Дерзко. Но воинам было плевать, кто перед ними: рядовой стражник, генерал или сам Айон — отвечать надо было строго по уставу. Такой дисциплине мог позавидовать любой легион.

Военачальник выругался и вернулся к Фаметесу. Правитель встретил его словами:

— Вы в порядке?

— В полном, — буркнул он и сел на своё прежнее место.

Глава небесной столицы стал что-то усердно объяснять, но Фаранис его не слушал. Все его мысли были о Раверинтосе.

«Крыса... У самой верхушки пирога... Точно говорят, Фаметес слеп, как новорождённый котёнок», — рассуждал про себя мужчина. Его мысли прервал звук открывавшейся двери. До боли знакомый голос донёсся из зала:

— Я вернулся, господин Фам... — магистр вдруг обомлел, увидев со спины силуэт военачальника Арэшурата. У него ком встал в горле, но он справился с приступом и постарался войти в комнату императора спокойно, не вызывая лишних подозрений.

— Представляете, Раверинтос, — заулыбался правитель Элиоса. — Военачальник

Бездны утверждает, что не получал никаких известий о совете, а также он не в курсе моих распоряжений. Вы говорили, что доставили сообщения лично!

Глава Ордена натянул глупую улыбку и затараторил:

— Господин Фаметес, прошу меня извинить за лукавость, но указы передал не я, а мои люди...

— Магистр Раверинтос! — в гневе рявкнул молодой король.

— Да, я виновен, простите меня... Я обещаю разобраться, почему сообщения не дошли до адресата, — он сквозь очки пристально посмотрел на Фараниса. Их грозные взгляды на миг встретились.

— Будьте так любезны! — продолжал кричать Фаметес. — И непременно накажите того, кто не выполнил приказ. От этого могла зависеть судьба всего Элиоса!

— Обещаю, — кивнул магистр, так и не сводя глаз с капитана Бездны.

— Господин Фаранис, теперь то Вы можете выполнить мои указания? Вы их одобряете?

— Смогу... Одобряю... — пробормотал он, тоже сверля лицо Раверинтоса.

— Чудесно. А теперь прошу меня извинить. У меня встреча с Вашими подопечными в Храме Легионов, — юный правитель поднялся с трона и важно зашагал к выходу, оставив мужчин наедине.

— Так значит, и Вы заодно с драканами?.. — сухо спросил Фаранис, когда дверь закрылась с той стороны.

— Что Вы! — воскликнул магистр, всем своим видом выражая обиду. — Как Вы могли такое подумать обо мне?

— Тогда какого балаура письма не в руках мальчишки? — он с размаху ударил кулаком о стол, да так сильно, что всё, что находилось на нём, подпрыгнуло и забренчало.

— Господин Фаранис, Вы же знаете, что Фаметесу нельзя доверять! Мало ли что он натреплет своему светскому окружению... — ловко отговаривался глава Ордена.

— Ах вот значит как!

— Мне кажется, предатель — кто-то из приближённых императора, — продолжал Раверинтос. — Не стоит разбрасываться информацией. Главное, что мы с Вами это знаем, ведь правда?

— А мне кажется, что предатель — именно ты! — военачальник ткнул пальцем в грудь магистра. Тот осторожно отвёл руку собеседника от себя. Тон мужчины стал жёстче и серьезнее.

— Это оскорбление, господин Фаранис. Не забывайте...

— Если я ошибаюсь, то почему я не знал ни слова о приказах мальчишки и о советах?

— Так было лучше...

— Для кого? Для тебя?!

— Нет... Лучше для всего Элиоса. Вы же понимаете, что указы Фаметеса необдуманны и скоропостижны... Исполнять их не следует. Вы вправе сами выбирать судьбу Бездны — это право было возложено на Вас Айоном. Но воля правителя — тоже не пустые слова. Я сказал ему, что Вы больны, чтобы Вам не пришлось отговариваться от Фаметеса и спорить с ним. Видите ли, он ни балаура не смыслит в военных делах, но всюду суёт свой нос.

— Я не верю тебе, Раверинтос, — мужчина презрительно фыркнул и отрицательно замотал головой. — Готов поспорить, что попытка сослать патруль Цитадели в Кротан — твоя затея.

— Это мне совершенно не нужно — Вы прекрасно знаете, — возразил глава Ордена и

встал из-за стола. — Ваше доверие... да к балауру его! Я забочусь о судьбе Элиоса больше, чем о своей. Вы можете думать всё, что угодно. Но знайте, если Вы продолжите меня в чём-то подозревать, я буду вынужден обратиться к Фаметесу и обвинить Вас в клевете.

Фаранис закатил глаза и едва заметно улыбнулся.

— Ты лукав, как Бритра, Раверинтос... Где сейчас письма? Я хочу их видеть.

— У меня в кабинете в тайнике. Прошу, — магистр отошёл, чтобы дать военачальнику дорогу. Тот недоверчиво посмотрел на собеседника и поднялся с кресла.

Медленными шагами капитан гарнизона вышел из покоев Фаметеса. В зале Раверинтос обогнал его и, подобравшись к двери в свою комнату, вытащил из одежды золотой ключ. Замок легко провернулся, и он вновь пригласил гостя войти первым. Фаранис плюхнулся на маленький диван и важно закинул ногу на ногу в ожидании.

— Ну? — пренебрежительно спросил он. — Где же твой тайник?

— В комнате, — из-за спины промолвил магистр и подошёл к шкафу. Он открыл нижнюю дверцу и достал хорошо спрятанную бутылку с напитком приятного тёмного цвета. — Вина?

Фаранис вздохнул и произнёс:

— Я сюда не вино пришёл пить. Давай сюда письма, живо.

— А я, пожалуй, выпью, — довольно сказал Раверинтос, аппетитно разглядывая бутылку. Он достал из шкафа два больших стеклянных бокала и поставил их на столик перед диваном. — Жаль, что Вы отказываетесь. Это Голубая Бабочка семнадцатилетней выдержки. Вкус отменный. У меня было три бутылки, но они почему-то быстро улетучиваются, ха-ха, — засмеялся он, разливал чудесно пахнувший напиток в два бокала.

Мужчина закрыл горлышко пробкой и поставил бутылку на стол.

— Письма здесь... — он встал напротив гардероба и открыл дверцу. Откуда-то из недр он достал деревянную коробочку.

Хлопая ладонью по крышке и напевая что-то, Раверинтос медленным шагом направился обратно к Фаранису и плюхнулся в кресло напротив. Он открыл крышку и стал перебирать одной рукой содержимое тайника, второй же мужчина взял бокал. Там были какие-то бумаги, листы большие и маленькие. Он рыскал в них, пока не достал небольшой свёрток. Глаза магистра упали на военачальника. Господин ан Дейл наблюдал за движениями главы Ордена, уже машинально пригубив отдающий синеватым цветом напиток. Когда воин сделал маленький глоток, Раверинтос оживился и развернул свёрток. Он достал оттуда несколько старых листов и передал их собеседнику.

— Вкусно, правда? — ехидно улыбнулся магистр.

— Я жду... — пробормотал капитан Бездны, всматриваясь в незнакомые ему символы на балаурском языке.

Раверинтос подержал бокал около рта, но не попробовал вино, а осторожно поставил неначатый сосуд на стол. На его лице засияла довольная улыбка.

— Уверен, ощущения незабываемые...

— Постой... В тех письмах была другая бумага. И там были карты. Здесь же просто какие-то записки. Что ты мне подсунул? — Фаранис замахал письмами перед лицом магистра. Тот выхватил бумаги у него из руки и важно встал с кресла, направившись к двери.

— Видите ли, господин Фаранис... — сурово сказал Раверинтос, закрыв дверь изнутри и заперев замок. — Это другие письма.

— Что? — тон Орденца очень не понравился военачальнику. Надо быть идиотом, что

бы не почуять что-то неладное. Вдруг у него резко закружилась голова. Мужчина поставил пустой бокал на столик и заметил, что магистр не сделал ни глотка.

— В этих письмах говорится, что асмодиане просят прощения за утрату планов. Если быть точным, их украли. Некто по имени Териан Лекас. Ну, мы с Вами прекрасно его знаем, — кривая улыбка проникла глубоко в разум Фараниса.

Военачальнику резко стало плохо. Руки и ноги онемели, он стал задыхаться. Из рта начала обильно течь слюна. Мужчина схватился руками за грудь, но вдохнуть воздух не получалось. Он упал сначала на диван, потом на пол, опрокинув на себя столик и бутылку с бокалами. Раверинтос равнодушно наблюдал за страданиями Фараниса. Капитан Бездны выпучил покрасневшие глаза и уставился на своего убийцу. Тело затряслось в конвульсиях. Он широко открыл рот, пытаясь захватить в него воздух, но дыхание было заблокировано ядом. Издавая истощные хрипы и захлёбываясь, военачальник Арэшурата доживал последние секунды своей жизни.

— Какая ирония... Вы не находите? — улыбаясь, продолжал говорить Раверинтос. — Когда-то Вы хотели занять место Фаметеса, и, знаете... Вы его заняли! Я хотел отравить его именно этим вином. Чудесный яд... Ни вкуса, ни запаха. А от алкоголя его сила увеличивается в разы! Вот даже получилось испытать его на человеке... Мне жаль. Правда, жаль. Но войну нужно остановить, — магистр присел рядом с искажённым от приступов лицом Фараниса и погладил его по щеке. — Элиос или Асмодей — какая разница! Главное, чтобы воцарился мир. Ведь мы все этого желаем, правда? Вот видите? Я уже на один шаг ближе. Осталось немного. И Вам, господин Фаранис, тоже осталось немного. Сладких снов мой дорогой друг — он похлопал ему по спине и направился к двери.

Военачальник издал ещё несколько громких хрипов и затих. Его напряжённое тело обмякло, взгляд омертвел. Раверинтос осторожно отпёр дверь и выглянул — в зале никого. Он быстрым шагом подошёл ко входу в зал и дал знак стражникам — членам Ордена Миразента. Те в тот же миг достали мечи из ножен и напали на стражу Фараниса, ожидающую снаружи. После скорейшей победы Орденцев Магистр провёл убийцу в свою комнату и указал пальцем на труп.

— Уберите тело. И чтобы никто ничего не знал, ясно? — грозным тоном приказал он.

Картина ничуть не шокировала воинов. Стражи Рыцарей Миразента покорно кивнули и взялись за работу. Незаметно избавиться от трупов в Храме Стражников было тяжело. Всё равно нужно спустить его на лифте, а внизу много зевак. Пришлось разрубить тело военачальника на части и раскидать останки по сумкам. Затем в несколько ходок вывезти их прочь и сбросить в пропасть между островами Элизиума.

— Передайте остальным, что Вы все лично видели, как глава Бездны — господин Фаранис спустился в Храм Мастерства и вместе с охраной направился к привратнику. Подкупите и его. Если Фаметес начнёт спрашивать, где военачальник, нужно убедить его в том, что вот это вот, — Раверинтос небрежно пнул ногой тело. — Покинуло Элизиум живым и невредимым. Подкупайте всех. Угрожайте, делайте всё, что нужно.

Воины хором воскликнули, что поняли, и принялись исполнять приказ.

Магистр поднял с пола упавшую шкатулку и запихнул письма обратно. Затем он подошёл к шкафу и спрятал коробочку туда, где она раньше и лежала. В отравленной бутылке ещё оставалось вино. Он запихнул смертельный яд на нижнюю полку.

«Начатую бутылку никто не заподозрит», — решил Раверинтос. От бокалов и ковра на полу пришлось избавиться — пятна вина было не отмыть, тем более его пары тоже ядовиты.

Разобравшись с уликами, магистр покинул Храм Стражников.

Всё вышло так, как планировал глава Рыцарей Миразента. Его никто не заподозрил в убийстве. По официальной версии, господин Фаранис покинул Элизиум и потерялся где-то в землях Элтенена. На поиски отправили отряды Миразента, но они, как и следовало ожидать, ничего не нашли. Ситуация сложилась запутанная. Фаметесу ан Ривену пришлось назначить Гелиона временным военачальником Арэшурата. Впервые за сотни лет этот титул получил Даэв. Легатом Щита Неджакана стал Даймон — по личному желанию Гелиона. По приказу правителя Элизиума, Гелион направил патруль Цитадели в крепость Кротан. Новый военачальник Бездны сразу принялся укреплять подконтрольные форты и улучшать разведку — сказывается опыт в сражениях. Асмодиане и балауры прекратили атаки на элийские крепости. В Арэшурате наступило настоящее затишье. Но Гелион понимал, что это ненадолго. Да и вряд ли просто так.

Во время разведки элийцы заметили, что драканы отвели войска от позиций — Туманность Святой Крови, север Архипелага Серного Дерева, руины древнего города Ру остров Ткисас оказались свободными от штурмовых отрядов балауров. Еженедельные маршруты летающих кораблей балауров изменились — Дерадиконы больше не появлялись. Гелиону это очень не нравилось. Он понимал, что надвигается что-то серьёзное.

Переписка «Р», «С» и «А» продолжалась. В последнем письме было указано число Одно число.

Кому: С.

«3».

От А.

Такое же послание пришло и к «Р».

Верховный Судья Слутгельмир фон Вир уговорил военачальника Пандемониума Видара фон Хильдера собрать силы для атаки западной крепости Сизэли. Осада будет проводиться под руководством Храма Правосудия. Огромная армия асмодиан выдвинулась в Бездну. Пока что все силы находились в асмодианской Цитадели — под защитой Эфирного купола, но в любой момент чёрная туча могла нанести удар по своей цели.

Слутгельмир так и не нашёл Териана Лекаса. Да и в этом более не было смысла — как только проклятый Даэв появится — его убьют. Отныне имя Териан равносильно словам «предатель» и «враг народа». На него открылась охота по всей Асмодее.

Териан и Эви жили в лагере Нунграка у торговцев шиго. Период восстановления занял у Даэва больше времени, чем предполагалось. Все эти недели элийка благородно ухаживала за асмодианином. Но Даэв не проронил ни слова о своём прошлом. Наверное, время ещё не пришло.

Дариус ан Боуэн всё ещё ждал своего часа. Он влился в коллектив Щита Неджакана. Даймон повысил его до центуриона. Втайне ото всех Даэв решил помочь юноше обрести крылья, но сам смертный об этом даже не подозревал. План легата был хитёр, но прост: чтобы Дариус, наконец, смог сам решать свои проблемы и больше не отвлекал его от важных дел. С крыльями за спиной бояться нечего — поэтому можно дать волю безрассудству и отдаться с головой страсти и мести.

===== Часть 3. «История не терпит ошибок». Глава 1. =====

Комментарий к Часть 3. «История не терпит ошибок». Глава 1.

Отредактировано.

Три дня спустя.

Арэшурат.

По воле военачальника Элизиума в Крепость Кротан помимо двенадцати собственных легионов прибыло ещё восемь. Итого — внушительные двадцать легионов. Форт был сам по себе раза в четыре больше крепостей Сиэли, посему содержать такую армию было не проблемно. Единственную сложность составляла поставка продовольствия. Еду и воду привозили на летающих кораблях два раза в неделю. Из-за увеличения численности бойцов приходилось пускать рейсы через день. Кораблей не хватало, но Дерадиконов балауров не было видно, поэтому суда приходили вовремя, целыми и невредимыми.

Сказать, вечер это был, или, наоборот, утро — невозможно: в Бездне нет таких понятий. Известно лишь одно — бойцы основных сил спали. Многочисленные вышки форта Кротан были во всеоружии. Патрульные больше не совершали прежних ошибок и не дремали на своих постах. Может, это и помогло в первые минуты. Началось всё с громкого крика и звона колокола.

— Дерадикон! Впереди Дерадикон! Он приближается!

Это слово означало лишь одно — смерть спустилась на мягких крыльях в эти края.

Караульные не могли не слышать возгласы башенного патруля. Они, словно ошпаренные, побежали к казармам будить армию Элиоса.

— Дерадикон! Патруль заметил Дерадикон!

Страшное и одновременно красивое слово доносилось со всех сторон Командование крепостью заняло свои позиции в подземелье.

— Нас двадцать легионов. Чешуезады побоятся к нам подойти, — уверенно говорила Сакмис — женщина-Даэв, легат Пепельных Облаков — второго по известности после Щита Неджакана легиона Бездны. — Купол поднят?

— Да, госпожа, — отвечали легаты других легионов, менее авторитетных и известных.

— Отлично. Готовьте пушки к обороне. Очевидно, ящеры не будут спускать десант. Они попытаются сломить нашу оборону артиллерией.

— Слушаюсь, — кланялись опытные воины перед крылатой легатшей.

— Распределите центурии вдоль стен и под крышами. Если, не дай Айон, купол не выдержит, так мы избежим быстрых потерь.

— Так точно!

— Подайте в Цитадель сигнал бедствия. Они знают, что делать.

— Считайте, уже сделано!

Стройная черноволосая женщина с двуручным мечом за спиной быстрым шагом поднялась к легионам. Она ловко забралась на крышу крытого шатра, даже не раскрывая крыльев, и грозно обратилась к бойцам:

— Мы с Вами — последняя надежда Бездны. Я знаю, противник очень силён. Но за нами численное преимущество! Отступать некуда, братья и сёстры мои. Или сейчас или никогда! Стоим насмерть! До конца! За Элиос! За Айона!

— Порвём в клочья балаурскую нечисть! — донёсся громкий возглас из толпы. Легионеры дружно поддержали его. Форт озарил грозный крик нескольких тысяч храбрых сердец.

— На позиции! Все на позиции!

Неизвестно, почему Сакмис была так уверена в успехе обороны. Может, чутьё Даэва ей подсказывало, что ящерам не суждено гулять по крепости. А может, банальная женская интуиция.

Пяти минут хватило, чтобы огромная крепость приготовилась к битве. Дерадикон приближался. Вот уже стали видны его массивные пушки. Это был не просто корабль: Дерадикон — летающий форт, неприступный, но несущий смерть любому, кто попадётся ему на пути. Броню корабля обычными снарядами пробить невозможно — его окружает Эфирное силовое поле, подобное тому, что защищает Цитадели, или как то, что разделяет раздробленную Атрею от бескрайнего пустынного космоса. Пушки Дерадикона не защищены барьером, поэтому при точном попадании их можно вывести из строя. Но самое страшное — другое. Корабль везёт на себе сотни балауров, которые в нужный момент могут спрыгнуть с Дерадикона и побежать в атаку. Всего на пару минут капитан судна выключает защитное поле, чтобы высадить армию. Тогда корабль немного снижается, хотя падение с большой высоты вовсе не страшно драконам. Они ловко приземляются на свои мощные лапы и с яростным рыком бросаются вперёд. Пожалуй, это единственный момент, когда Дерадикон не защищён, но ещё никому не удавалось воспользоваться шансом и подбить корабль.

Не только битва с флагманом драканов страшна до смерти — сам вид Дерадикона вселяет ужас в сердца людей и всех живых существ, населяющих Бездну. Снаружи он похож на огромного металлического дракона. Корпус корабля и впрямь походит на чешую. Отчётливо видны голова, туловище, крылья, хвост и лапы, на концах которых и располагаются мощнейшие пушки.

Иногда судно именуют «Чёрной Смертью» — оно путешествует по Бездне, перевозя оружие и товары. Лучше не попадаться ему на глаза, иначе пушки дредноута моментально приведутся в действие. Бывает, что Дерадикон нападает на крепости, но то случается крайне редко — балауры дорожат этим кораблём, хоть и понимают, что он неприступен.

Сакмис приказала своему легиону занять позиции на башнях и подготовиться к обороне. Даэв забралась на одну из вышек и стала наблюдать за грациозным медленным движением парящего судна.

— Это Дерадикон Садха... — тихо прошептала воительница.

Эти слова услышали бойцы. Немногие, кто понял, что это значит, пошатнулись и принялись скорее заряжать пушки.

— Дерадикон кого? — недоумённо спросил товарища кто-то из бойцов.

— Садха, — тихонько ответил соседний легионер. — Самый большой и прекрасный из всех Чёрных Смертей. Поговаривают, что внутри обитают призраки павших балауров, а его капитана изрыгнула сама Преисподняя!..

— Тогда у нас большие неприятности... — вопросительно пробормотал испуганный воин.

В разговор вмешалась Даэв.

— Не пугайтесь, ребята. Сегодня мы выбьем из драканов всю дурь!

Легионеры переглянулись.

— Обнадёживает...

— Ни в коем случае не открывать огонь первыми! — кричал командир из штаба в центре форта. — Сначала...

Но его приказ не был услышан из-за оглушительного удара по куполу крепости.

— Огонь! — понеслось со всех сторон.

Пушки с обеих сторон начали работу. Звук взрывов разносился по округе на несколько километров. Бесполезная дуэль двух защищённых Эфирными куполами врагов набирала

обороты.

— Сакмис! Легат Сакмис! — знакомый голос легионера донёсся до ушей воительницы. Она обернулась и увидела, как к ней бежит её подчинённый. Женщина сразу поняла, что что-то не так. По запыхавшемуся виду бойца и его абсолютно опустошённому взгляду она прочитала — на Дерадиконе битва не кончится.

— Что случилось?

Под грохот от взрывов ей удалось услышать самые страшные слова:

— Там ещё два... — он обернулся и показал рукой куда-то назад. В небе чернели два силуэта, до боли знакомых.

— О, Айон...

Легионеры, стоявшие рядом с Даэвом, обернулись и тоже увидели вдалеке приближавшиеся вестники беды.

Сакмис раскрыла белоснежные крылья и полетела к противоположному краю крепости.

«Дерадиконы Варанта и Джантры...» — говорило сознание женщины.

— Окружили, сволочи... — уже вслух произнесла она.

Воительница полетела к штабу. Нужно было отдать новые распоряжения.

— Вы послали сигнал бедствия? — в гневе спросила она.

— Да, Даэв воспользовался кибелиском — так быстрее. Ждём ответа.

— Теперь мы конкретно застряли. Вокруг крепости кружат три дредноута балауров...

Слова прозвучали, как гром среди почти ясного неба.

— Как три? Что? О, Айон, нам конец... Все за орудия! Приготовить резервы!

Это значило вооружить всех, кто находился в форте: торговцев, поваров, уборщиков, кладовщиков.

— Есть предложение, — один из легатов подбежал к Сакмис и схватил её за предплечье. Она удивлённо посмотрела на руку мужчины, но промолчала. — Послушайте, дело проиграно. Мы все погибнем! Против одного Дерадикона не выстоять, а тут целых три! Среди наших много магов. Прошу, разрешите им открыть разломы... Спасите людей, или нас поджарят, как цыплят!

Взрывы гремели с ещё более яростной силой. Сакмис начала колебаться.

Внутренний воин говорил ей:

«Ни шагу назад! Стоять насмерть! Бегут только трусы и предатели!..»

Но голос сердца и разума хором твердили:

«Лучше постараться отбить крепость позже, чем позволить врагу полностью уничтожить нашу армию...»

На долгие раздумья не было времени. К осаде присоединились два других Дерадикона. Стены и купол долго не протянут.

— Уводи людей... — произнесла легат. Эти слова были новым воодушевлением для потерявших надежду воинов.

На лице мужчины засияла радостная улыбка. Он ветром побежал прочь из штаба давать команду волшебникам.

— Легионы! Слушать меня! Немедленная эвакуация из крепости! Волшебники и привратники, открывайте разломы в центре около штаба! Всем собраться здесь! Мы уходим...

Сакмис выглянула и увидела лицо того легата. Он кивнул ей, что значило: «Вы сделали правильный выбор».

Около сорока волшебников мигом бросились к штабу командования и заняли позиции для чтения заклинания. Только сильные маги (а слабым в Бездне не место) могли открывать разломы в знакомые места, но они намного нестабильнее тех, что создавали привратники. Другого варианта не было. Держать портал долго было нереально, поэтому чародеи поторапливали бойцов, толпами прыгавших в сиявшие круги пространственных разломов.

Несколько десятков прозрачных зеркал, паривших в воздухе, висело над землей. То и дело некоторые распадались, но на их месте появлялись новые. Больше трёх тысяч человек в бешеной давке пытались пройти через сорок разломов.

И вот случилось то, чего Сакмис так долго ждала. Очередной снаряд, пущенный, кажется, с борта Дерадикона Джантры, пробил брешь в стене, и осколком задел механизм, питавший купол Эфиром. Барьер растаял за считанные мгновения.

Дерадиконы прекратили огонь и направились к небу над фортом.

— У нас от силы минута! Скорее! Даэвы не входят в разлом! Только люди! Повторяю, Даэвам остаться!

Десантные корабли нависли над незащищённой крепостью и сняли с себя щиты. Из брюха воображаемого дракона начали огненным градом сыпаться сотни и сотни сгруппировавшихся драканов. Они ловко приземлялись и, яростно рыча, бежали к скоплению людей.

Разломы начали массово закрываться — Эфира не хватало. Весь Эфир сожрали три корабля, которым это вещество необходимо для полёта.

Большая часть людей успела спастись. Те сотни, которые остались, покорно приняли свою участь, пытаясь разменять свою жизнь подороже.

Конечно, у крепости Кротан не было шансов удержать оборону. Было немыслимо увидеть три Дерадикона вместе. Как утверждали элийские разведчики, у балауров всего три корабля. Если это так, то они решили задействовать одновременно всю свою мощь. Что ж, это у них получилось.

Сакмис сразу догадалась, что атака была хорошо спланирована заранее. А как ещё можно объяснить столь неожиданный блицкриг? У неё было время поразмыслить хорошенько — по дороге к кибелиску душа делает немалый путь, и порой это занимает продолжительное время.

Большинство разломов было открыто прямым ходом в Цитадель Тэминона. Малая часть телепортировалась куда-то ещё. Оттого несколько десятков порталов, из которых сотнями выпрыгивали legionеры, вызвало удивление и, можно сказать, панику у посетителей оплота элийцев в Арэшурате.

Конечно, до командования Бездной уже дошла посылка в виде Даэва, который предупредил расу о нападении со стороны балауров. Но то, что услышал бессмертный в ответ, повергло его в шок: несколько минут назад асмодиане огромной армией начали осаду западной крепости Сиэли. Сам Гелион и вся его свита немедленно отправилась на помощь к своему бывшему легиону — Щита Неджакана.

До бойцов, чудом спасшихся от пушек трёх Дерадиконов, дошло сообщение, посланное несколькими уже возродившимися Даэвами: «Западную Сиэль штурмуют серозады! Нам нужна помощь!»

Привратник Цитадели, выписавшийся из лазарета, подбежал к толпе появившихся из ниоткуда тысяч legionеров.

— Братцы! Запад Сиэли требует помощи! Я перенесу вас туда! Скорее!

Шеренги из бойцов быстро выстроились около поста хранителя портала. Несколько секунд, и из разлома виднеются чёрные крылья и красные глаза. Это значило лишь одно — асмодианам удалось прорваться сквозь ворота.

Но первый взгляд — лишь первый взгляд. На самом деле, дела обстояли куда хуже. Орда красноглазых оттесняла элийцев к подземельям. Навскидку северян было около трёх-четырёх тысяч. Каково же было их удивление, когда из большого портала начали выбегать экипированные бойцы элийской армии. Асмодиане вынуждены были развернуться и биться на два фланга. Силы, наконец, сравнялись. Началась кровопролитная битва. Элийцы появились как раз в тылу врага, что вызвало шок у захватчиков. Легион Щита Неджакана охранял купол — его ещё не успели снять. Как раз в тот момент, когда на Даймона и его подчинённых бежала яростная колонна аканов, спасительный портал и открылся. Легат быстро сообразил и приказал:

— Руби серозадую нечисть! Вперё-ё-ёд!

Легион Щита Неджакана в полном составе ринулся на противника. Дариус вместе со своей центурией держался в самой гуще событий. Новое оружие и крепкая броня со склада легиона давали преимущество перед доспехами асмодиан. Наступление остановилось.

Через несколько минут разлом закрылся. Более полутора тысяч элийцев успели пройти сквозь него. Северяне были не готовы к такому повороту. Окружённые красноглазые перешли к обороне. Среди асмодиан было больше Даэвов, но купол ещё не сняли, а, значит, пользы от них было не особо много.

— Мы освободили арсенал! — донеслось откуда-то справа.

«Отлично, — подумал Даймон. — Дальше пойдёт легче».

Хватило получаса, чтобы оттеснить асмодиан обратно к воротам. Их наступление неожиданно сорвалось. Генералы северян начали что-то командовать на своём языке. Наверное, это были приказы к отступлению. Они ценили жизни своих бойцов больше, чем элийцы. Может, это и правильно. Вскоре аканы побежали из крепости, бросая по пути тяжёлое оружие. Южане не стали нагонять их стрелами и копьями, и дали спокойно уйти.

По округе разнеслись счастливые крики — крепость отстояли. Теперь нужно было восстановить её — от стен мало что осталось.

— Второй волны не ожидается? — спросил легионер у Даймона.

— Балаур их знает... — прошипел новоиспечённый легат. — Но без оружия они мало, что сделают, — усмехнулся он, указав латной перчаткой на кучу северных мечей, щитов, луков и алебард, валявшуюся у ворот.

На следующий день.

Арэшурат. Цитадель Тэминона.

Даймон встретил Сакмис в холле перед залом совещаний. Они редко общались. Женщина привыкла видеть легатом Гелиона, или, как его многие называли, Аскалона. Но теперь место бывшего лидера Щита Неджакана было во главе Цитадели. Фаметес уже даровал ему титул военачальника. Пусть он как бы исполнял обязанности капитана гарнизона Арэшурата, но по факту других достойных кандидатур и не было. Гелион уже начал обживать в новом дворце.

Двери зала отворились. Аскалон пригласил их войти. Даймон и Сакмис сели за стол, военачальник по привычке остался стоять. Яркие русые волосы молодили Гелиона, но вот усы... все считали, что они лишние на и без того мужественном лице воина, но он считал

иначе. А раз он полагал, что сей аксессуар ему подходит, значит, вся Атрея тоже должна так считать. Таков уж был Аскалон.

— Ну-с, — начал он. — Вести-то печальные: Кротан — в минус, Западка разрушена... Вот тебе и на...

Даймон решил взять инициативу беседы в свои руки.

— То, что асмы и ящеры напали одновременно, да ещё таким количеством ничего Вам не подсказывает? Не наталкивает на мысль?

— Наталкивает-наталкивает, — уверенно сказал военачальник и обошёл стол, встав напротив легатов. — Сговор — да. Но, чтоб мне пусто было, какого балаура мы ничего не знали?

Лидер Щита Неджакана очень удивился вопросу Аскалона.

— Так, — перебил он. — Думаю, пришло время кое-что прояснить. Месяц назад от одного асмодианина ко мне в руки попали некие письма, написанные на балаурском языке. В них были откровенные доказательства сговора асмодиан и драканов. Я лично передал их господину Фаранису. Он пообещал предупредить Элизиум. С тех пор столица молчала, а вскоре мы узнали об исчезновении военачальника.

— Почему я узнаю об этих письмах последним?! — грозно вскрикнул Гелион, ударив обоими кулаками по столу. — Тогда ты ещё был моим адъютантом! И не от Териана Лекаса ли ты получил их?

— Не было времени выполнять устав, — спокойно возразил Даймон. — Да, от него самого. Но он их не перевозил. Он специально подбросил их нам. Не знаю, зачем. В них как раз говорилось об одновременной атаке Кротана и Запада Сиэли.

— Что за ересь, Даймон? Я знаю твоего Териана Лекаса. С чего ему помогать Элиосу? Эта мразь забрала в поток Эфира сотни моих солдат! Будь моя воля, я бы голыми руками четвертовал его!

— Я спросил...

— О, молодец! — Гелион показательно похлопал в ладоши. — И что же он ответил, м? Совесть убивать замучила?

— За ним охотится вся Асмодея, он много чего натворил, — тихо произнёс мужчина. — Он сказал, что балауры хотят вновь захватить мир, и это входит в их планы.

— Уничтожить Элиос? — наконец, подала голос Сакмис. Но в её тоне Даймон уловил нотки усмешки. — Логично.

— Мне плевать, кто за ним охотится. Письма были не подделкой? — Аскалон говорил очень грозно.

— Не подделка, я уверен. Там были печати Тиамат и подписи капитанов трёх Дерадиконов: Варанта, Джантры и Садха. Их уж я от любой каракули отличу.

— О, Айон... — воскликнула воительница и обратилась к Аскалону. — Похоже на правду, ты не думаешь?

Даймон заинтересованно посмотрел на Сакмис, потом на Гелиона.

— И где же сейчас эти письма? — спросил военачальник.

— Должно быть, в Элизиуме, — предположил Даймон.

— Тогда немедленно отправляйся в Элизиум и передай этим остолопам из Храма Стражников мой пламенный привет! — грозно приказал Аскалон. — Можешь от меня плюнуть в лицо каждому, я разрешаю. Но прежде изволь поведать, что ещё было в письмах. И кто их писал?

— Там был план захвата Цитадели Тэминона и самого Элизиума... Писал некто «А». Адресованы они были Слутгельмиру — Безмолвному Судье из Пандемониума.

Гелион проглотил подступивший к горлу ком.

— Немедленно в столицу! — рявкнул он, да так громко, что Даэвы вздрогнули. Даймон кивнул и, бросив Сакмис взгляд прощания, удалился.

Воительница решила побеспокоить своим вопросом разъярённого Гелиона:

— А мне куда?..

— Тебе?.. — видимо, Аскалон сейчас туго соображал. И это понятно: враг давно планирует захватить Элиос. — Э-э-эм... Останься в Цитадели. Ты мне будешь нужна здесь, — он недвусмысленно посмотрел на неё, отчего Сакмис невольно улыбнулась и, откланявшись, скрылась за дверью.

ью.

===== Часть 3. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 2.

Отредактировано.

Келькмарос.

Териану стало лучше. Он не только смог нормально ходить, но и пару раз даже попробовал сделать пируэт с шестью мечами наперевес. Вышло не особо элегантно, да кому это интересно.

Эви всё ещё делала ему перевязки — самому забинтовать себе спину было довольно проблематично. Как всегда, асмодианин поджидал элийку у себя в комнате. На этот раз настроение у неё было удивительно хорошим. Девушка осторожно вошла в комнату, наклонившись, чтобы не удариться о низкий потолок домика шиго.

— Ну здравствуй, больной! — радостна воскликнула она, порхнув к кровати, где отдыхал Даэв.

Териан следил за ней удивлённым взглядом, и от него не ускользнула хитрая, но милая улыбка на сияющем личике Эви.

— Здравствуй, — он слегка сощурился. — Ты что-то задумала...

— Угу, — довольно кивнула она. — Я сделаю тебе перевязку, но в обмен ты мне должен кое-что!

— Ого, — асмодианин заинтересованно приподнялся, оперевшись на руки. — И что же?

— Ну-у-у... — протянула элийка. — Я о тебе ничего не знаю, поэтому ты мне расскажешь о своём прошлом, а я...

— Так-так-так, — мужчина поднял бровь. — Значит, шантаж?

— Угу, — снова кивнула девушка, радостно улыбаясь в лицо Даэву.

Териан вздохнул и помотал головой.

— Моя история — не повод развлечься, уж поверь мне, — начал он серьёзно. — За свою жизнь я видел кучу всего плохого, пережил много боли и страданий.

— Тогда тебе... То есть, Вам... — немного смущённо исправилась Эви. — Просто необходимо кому-то её рассказать! Поделиться, что ли. А я посочувствую...

— Я не хочу, чтобы меня жалели. Проще держать всё в себе. Годы научили меня этому.

— Ну да... Вы уже старик, Териан Лекас... — засмеялась элийка. — Но всё-таки зануда. Не люблю зануд, — она подошла к его спине и начала снимать бинты. — Ну что, идёт?

Даэв ухмыльнулся. Больше некому менять ему бинты — шиго скорее начнут мечами жонглировать, чем согласятся на это.

— С чего же мне начать? — он повернул голову к девушке и грустным взглядом посмотрел на неё.

— Ну вот... Опять ненужный вопрос! С начала, конечно!

Элийка уже всюду занималась почти зажившими ранами бессмертного. Териан задумался на пару мгновений и начал тихим, в меру строгим, но печальным голосом:

— Я родился в двадцать втором году до Катаклизма. Мои родители руководили храмом в Фоэте.

— В Фоэте? — удивлённо спросила Эви, заглянув в глаза асмодианину.

— М-да, — вздохнул он. — На месте, где располагался наш городок, сейчас море.

— А какой она была до Катаклизма? Фоэта.

— Очень тёплой и солнечной... — мягко произнёс он. Было видно, что это воспоминание радует его сердце. — Мы называли этот остров «краем солнца». Он был прекрасен... После Катаклизма половина Фоэты ушло под воду, а оставшаяся часть почти не изменилась.

— А откуда Вы знаете? Вы же не бывали там после...

— Нет, не бывал... Но очень бы хотелось, — улыбнулся Даэв. — Правда, с когтями, да серой кожей туда лучше не соваться... За долгие века я успел пообщаться со многими элийцами: и Даэвами, и смертными. Кто-то был родом из Фоэты. Надо сказать, Вы, элийцы, не цените тот мир, который у Вас под ногами...

Эви грустно опустила голову.

«Наверное, он прав...» — подумала она.

— Значит, Вы были человеком?

— Да, был, — он улыбнулся в личико девушке. — Светлая кожа, русые волосы, нормальные ногти, — асмодианин в сотый раз посмотрел на свои острые когти, венчавшие длинные толстые пальцы.

— Продолжайте, — элийка приложила смоченный в отваре аделлы бинт к ранам мужчины. — Вы говорили о родителях.

— Верно. Когда мне исполнилось двенадцать, отец отдал меня в столичную школу. Точнее, это была академия, которая воспитывала офицеров.

— О, так Вы с детства любили держать в руках оружие? — почти смеющимся голосом пропела она.

Пальцы девушки нежно дотрагивались до кожи Даэва. Он чувствовал это и вспоминал те моменты своего пути, которые так хотел навсегда забыть. Териан старался, но не мог отстранить от себя нахлынувшие воспоминания о «прошлой жизни».

— Нет, я хотел стать разбойником... — грустно засмеялся он. — По воле отца мне суждено было вырасти солдатом.

Эви молчала, внимательно слушая рассказ асмодианина. Дальше Даэв рассказывать не хотел, но вопрос элийки сам подтолкнул его:

— А почему у Вас двойное имя? Или у асмодиан так принято?

— Ты знаешь, что одно имя даётся тебе при рождении. Второе ты выбираешь сам, когда становишься бессмертным.

— Угу, — утвердительно кивнула она. — И какое же имя Вам дали родители?

— Териан...

— А Лекас — значит, вымышленное имя?

— Нет... Вовсе нет... — тон Даэва изменился на ещё более печальный. Эви

почувствовала, что задела его этим вопросом.

— Прошу, расскажите мне, — нежно попросила девушка, обхватив массивные плечи асмодианина. — Сколько можно сидеть в бесконечных тайнах?

— Это имя моего лучшего и единственного друга. Он мне был, как брат. Я встретил его в академии — нас поселили в одну комнату. Шутка судьбы... — бессмертный говорил медленно, делая паузу между каждым предложением. — Мы сразу подружились. Он был сиротой, и... В общем, так... — он снова вздохнул.

— Что было дальше? — тихо спросила Эви, не отпуская плечи Даэва.

— Когда мы были на четвёртом курсе, началась война за Теобомос. Ты наверняка слышала о ней. Там я и... — Териан замолчал. Девушка погладила его по плечам и попросила:

— Расскажите всё сначала...

Асмодианин посмотрел перед собой и сверкнул глазами в пустоту. Он стал прогонять в мыслях свою прежнюю жизнь смертного. После непродолжительной паузы Даэв начал свою историю...

За двадцать два года до Катаклизма.

Поэта.

Айон не одарил Истрата и Мирен собственными детьми. Кто знает, почему так случилось. Оттого мужчина радовался такому подарку судьбы ещё больше; он считал это «доброй волей и благословением Айона», наградой за долгую и прилежную службу. Истрат был жрецом в местном храме. Точнее сказать, не просто жрецом, а Верховным жрецом провинции Поэта. К нему в святилище постоянно ходили люди: они молились за своих больных родных, исповедовались в грехах или просто несли еженедельную службу. Мужчина принимал всех. Он старался помочь каждому, хоть и не всегда был в состоянии это сделать. Истрата любили в округе. Любили за честность, правду, открытость. Но вот детей у жреца всё равно не было. Они с женой сильно горевали по этому поводу, чувствуя своё одиночество, особенно когда на службу приходили молодые мамы с детьми.

Истрат очень хотел наследника, мужчина мечтал и строил планы на будущее для своего ребёнка. Жаль, что планы эти некому было осуществить. Именно поэтому буквально свалившееся на голову чудо было для жреца особенно ценным.

Он часто вспоминал ту ночь и хотел понять, кто же был тот незнакомец (да, жрец был уверен, что глаза в тот момент его не подвели), почему так поступили с беззащитным малышом, зачем корзинку подбросили именно ему... Но ответов, к сожалению, не было. Истрат изо дня в день бродил по Поэте и расспрашивал жителей, есть ли у них знакомые, у которых случался выкидыш или что-то подобное. Но никто ничего не знал. Вскоре мужчина смирился с произошедшим и перестал искать истину. Теперь его мечты сбылись, а жизнь стала иметь полноценный смысл.

Истрат и Мирен прекрасно понимали, что у людей появятся вопросы, откуда у них взялся малыш. Поэтому родители решили никому не рассказывать о случившемся. Они не боялись странных взглядов или осуждений, просто на Атрее было не принято воспитывать чужих детей. Не то, чтобы запрещено, нет. Просто не принято. Обычно сирот отправляли в церковные школы, из них делали низших жрецов и приспешников на побегушках у знатных священников. Иногда лишившиеся родителей дети сбегали из храмов и становились попрошайками, бездомными. Никому до них не было дела, ведь семья в узком понимании

была главной ценностью в этом мире. Поэтому, если бы люди узнали, что малыш — не родной для Истрата, можно было забыть о том будущем, которое готовил для него его отец.

По обычаю, когда в семье рождается дитя, необходимо провести обряд благословения — показать малыша Айону и позволить Ему озарить новорождённого своим Светом. Обычно это таинство посещает множество людей, чтобы порадоваться за новоиспечённых родителей, пожелать здоровья и счастья малышу. Возглавляет торжество главный священник храма. После обряда родители имеют права дать малышу имя — оно имеет особое значение, ведь именно так будет записан ребёнок в Матрикуле Живых — своеобразном списке, составленным самим Богом. Считается, что, если дитя не будет в нём записано, на него не снизойдет божественное благословение. Тогда Всевышний не сможет помочь малышу и защитить его от Зла — так гласит легенда.

Истрат и Мирен провели церемонию самостоятельно, втайне от своих прихожан. Жрец сам дал имя своему чаду — отныне и навеки его будут величать Терианом. Это слово в переводе с древнего церковного языка означало «иноземец». Истрат был уверен, что дитя родилось не в Фоэте — священник расспросил практически каждую семью в провинции, но, увы, не нашёл его настоящих родителей.

Когда ребёнок попал в семью жреца, ему было максимум месяц от роду. Малыш редко плакал. Его большие ярко-зелёные глаза почти не улыбались, казалось, они испытывали лишь удивление и любопытство, подолгу разглядывая священника и его жену.

Когда Териан немного подрос, Истрат начал потихоньку обучать его своему делу. Мальчик быстро научился читать, священник оказался на удивление способным отцом и учителем. Истрат учил сына грамоте, истории, естественной науке, церковному делу и даже немного философии. Териан запоминал всё, что говорил ему отец. Когда мальчику исполнилось 8 лет, он уже знал очень многое об истории Атреи, неплохо знал математику и умел писать. Истрат гордился своим чадом. Он хотел, чтобы мальчик пошёл по его стопам и тоже в своё время стал Верховным жрецом.

Мирен со своей стороны старалась дать своему ребёнку самое лучшее. Благо, семья знатного священника никогда не испытывала трудностей с деньгами. Тем более, многие вещи доставались им бесплатно — в качестве благодарности от горожан. Она была не против того, чтобы Териан продолжил дело мужа и служил Айону. Но сердце маленького мальчика тянулось к другому...

Териану редко разрешали гулять и играть с соседскими ребятами. Он чувствовал себя почти что отшельником: выходил на улицу по вечерам, частенько играл в одиночестве и мало с кем общался, кроме родителей. Мальчику было позволено гулять с другими детьми всего по несколько недель пару раз в год. В эти дни Истрат говорил, что Териан — сын его двоюродного брата, и он приехал погостить к ним в края.

Мальчик с нетерпением ждал, когда ему снова разрешат поиграть с ребятами, он даже готов был изображать, что Истрат и Мирен — не его родители. Конечно, маленький Териан не понимал, отчего ему нельзя быть в обществе других детей, как всем. На его вопросы отец всегда отвечал одинаково:

- Ты иной, сынок. Ты послан нам Айоном для великой цели.
- Но почему? Почему я? — недоумённо спрашивал мальчик.
- Ты скоро всё узнаешь, но не сейчас.

Жрец никогда не говорил своему сыну, что он — приёмный. Он желал, чтобы эта тайна ушла вместе с ним в могилу. Посему Истрат объяснял запреты общения с другими детьми

именно так. А Териан, в свою очередь, обижался на своих родителей, на великую судьбу, о которой постоянно твердил Истрат, на Айона, за то, что «выбрал» именно его.

Каждый день мальчик ждал прихода сумерек, когда улицы городка опустеют и можно будет вновь вдохнуть свежего воздуха, почувствовать себя на воле. Отец редко отпускал сына одного, чаще всего с ним гуляла Мирен. Поздними вечерами маленький Териан с матерью гуляли по городу, иногда спускались к озеру, которое находилось неподалёку, ходили к полям зерновых, где выращивали хлеб.

Так продолжалось ещё пару лет. Мальчик рос очень быстро. Вскоре его стало сложно удерживать дома. Как только представлялся случай, он убегал и присоединялся к компании местных ребят, чтобы повеселиться и в очередной раз напакостить. Что только не было на счету у проказника Териана: кража продуктов с рынка, разбитые окна в таверне, испачканные краской свиньи, драки, даже пара сожжённых петухов (случайно, конечно). Когда мальчика спрашивали, откуда он и почему его раньше не видели, он отвечал, что он сын следопыта, которого сейчас нет в городе, мол, на волков охотится вместе с отрядом. А Истрат, мол, — двоюродный брат его отца. Местные ребята легко верили ему, ведь дети следопытов — отвязные и безбашенные создания, такие же, как и их родители.

Представители этой особой касты оберегали город от набегов диких зверей, исследовали леса, добывали травы для отваров, охотились на волков, собирали шкуры. Следопытами становились, увы, не от хорошей жизни. Нередко они приходились заядлыми пьяницами и сами хулиганили почём зря. Их не любили и немного боялись за нрав, но уважали, ведь они выполняли очень важную и нужную для жителей работу. Следопыта или искателя было легко узнать в толпе по старой изодранной одежде, топором и ножами за спиной, а также по длинной бороде и характерному запаху изо рта.

Териан был образованным мальчиком, но его постоянно тянуло к приключениям. Бывало, во время своих прогулок он бегал и с взрослыми следопытами в лес. Парень записывал полученные знания о природе и хвастался ими перед друзьями.

— А я знаю, почему браксы пьют воду только у самого берега, хотя она там грязнее, чем чуть поодаль! А ещё мюты облетают яркие цветы стороной! А ещё...а ещё...

Несмотря на возраст, мальчика охотно брали с собой в качестве компаньона взрослые. Он никогда не мешал делам настоящих искателей, скорее даже помогал им, выполняя мелкие поручения: собирал дрова, хворост, ходил за водой, мыл посуду и так далее.

Не секрет, что постоянные походы в лес, кишущий разными опасностями, очень беспокоили матушку. Мирен недолюбливала следопытов, но и запрещала ему бродить по Фозте одному.

Но могли ли запреты остановить в маленьком Териане страсть к открытиям? Конечно, нет. Он то и дело находил выход из ситуации и сбегал в лес или к озеру. Там мальчик чувствовал себя наедине с самим собой, с природой. Мальчик старался вернуться домой так, чтобы его отсутствие не смогли заметить. И это нередко получалось! Выдавали его только протёртые грязные штаны и рваная рубашка. Мирен постоянно стирала брюки, зашивала дырки или покупала новую одежду, красота которой была заметна только в первые несколько дней.

Истрат же реагировал на проделки сына более жёстко. Он наказывал его, как подобает, и это был отнюдь не только «домашний арест». С каждым днём священник видел, как Териан отдаляется от него. Мужчина с горестью понимал, что интересно его сыну, какое будущее он видит сам для себя. Но Истрат хотел от него другого. Ему нужен был наследник,

последователь того дела, которым занимался ещё его дед. Мужчина не видел в Териане жреца, и это сильно огорчало его.

Как же спасти ребенка от ошибки? Как предотвратить то, о чём он впоследствии может пожалеть? Истрат долго думал на эту тему, пока ответ буквально не свалился ему на голову.

— Значит, Ваш отец был строгим? — Эви закончила с перевязкой и уселась на кровати прямо перед Терианом Лекасом, сложив ноги.

— Тогда думал, что да. Теперь понимаю, что нет, — улыбнулся Даэв и продолжил.

В то утро было пасмурно. Тяжёлые серые тучи низко висели в воздухе, обволакивая городишко. Птицы летали близко к земле — явное предвестие ливня. Около повозок с хлебом было многолюдно — жители старались быстрее запастись свежей выпечкой, чтобы переждать ненастье дома. Пустые телеги уезжали с рынка обратно к фермам, пока дорогу не размыло. Мирен торопливо прогуливалась по базару, осматривая прилавки. Она искала свежий однолетник для настойки — нога мужа который день не давала покоя. Истрат беспомощно лежал на кровати и не мог встать — режущая боль в колене сводила судорогой всю ногу. Женщина, осматриваясь, бродила по рядам, выбирая самые свежие, желателно сорванные сегодня, листья.

— Так, это не то... Эти уже суховаты — не подойдут... Хм-м, вроде неплохие, а, нет, краешки чернеют... — Мирен искала то, что на её опытный взгляд покажется достаточно свежим.

Вдруг полноватая женщина в кружевном платке окликнула её и, широко улыбаясь, подбежала вплотную к жене священника

— Мирен, здравствуй! Фух, давно тебя тут не видала...

— А? — Мирен обернулась. — Ханна! Рада тебя видеть, чудесно выглядишь.

Женщина покраснела, её улыбка стала шире, ей льстило, что Мирен никогда ни про кого не скажет дурного слова.

— Я вот за травами пришла, у мужа с коленом... так, старое... — продолжила она, слегка смутившись. — Никак однолетника свежего найти не могу.

— А-а-а, — Ханна прищурилась и ехидно потрясла пальцем перед собой. — Здесь ничего толкового не найдёшь. Одну брехню на прилавки разложат и дивись поди! — женщина положила руки на пояс и повертела ими из стороны в сторону. — Но я скажу так, у меня для тебя всё-всё найдется! — она снова повертела пальцем и, перейдя на шёпот, продолжила. — Погоди секунду, я ща-с сбегая быстренько, принесу, чё нужно. Тебе однолетника?

— Да, листочков шесть-восемь...

— Я мигом! — мелкими шагами Ханна заковыляла к своему прилавку. Она тоже работала на рынке, продавала, что и все: овощи, фрукты, травы — «всё свое, ничего покупного». Откуда-то из-под прилавка она достала небольшой пучок ярко-зелёных листьев, ещё влажных, в росе. Грузная женщина аккуратно пересчитала своими толстыми пальцами листочки и вытянула из связки ровно восемь штук. Запихнув остальные куда подальше, продавщица так же торопливо и неуклюже побежала обратно к Мирен.

— Та-ак, — запыхавшись, пробормотала Ханна. — Вот, дорогая, держи, — она протянула пучок листьев женщине. — Как говорится, только с грядки!

— Спасибо большое, Ханна. — Мирен полезла в карман и достала две блестящие

монеты. — Этого должно хватить?

— Ой, ну что ты! Не надо мне ничего! Бери так, это по старой дружбе...

Мирен улыбнулась, но положила деньги в карман подружке, добродушно кивнув при этом. Ханна покраснела.

— Почему не заходишь? Мы с мужем уже забыли, когда ты с Истратом была у нас в последний раз!

— Да вот, что-то и то навалилось, и сё... Никак времени не найду.

— Ой, ну приходи, как сможешь, не забывай нас, — женщина поправила платок. — Мы-то каждое воскресенье храм посещаем! Хоть там вас видим. Слушай, такая новость! А ты помнишь Альфи из таверны? Ну, мужик такой видный, у него ещё усы на полморды.

Мирен догадалась, о ком говорит подружка и, засмеявшись, кивнула пару раз:

— Да-да-да, помню, был такой. А что, с ним что-то случилось?

— Да нет же, Айон тебя упаси! — Ханна затараторила, обильно жестикулируя руками. — Так вот, у него сынок был. В школе ещё столичной хотел учиться, да не попал...

— Помню-помню...

— Ага, папаша-то его в академию пристроил! Военную! Туда же, в Сиэльскую, за куполом которая... Балаур его знает, как он это провернул, но ничё, учится! Вон, даже письмо прислал! Старик его вчера хвалился перед всеми, мол, вон, офицером станет, а то и Даэвом... тьфу, брехун, да простит его Айон. О-ой, кем он станет-то? Непутёвый, — Ханна замолчала, оглянувшись через оба плеча.

Мирен не придавала этой истории значения, мало ли что говорят пьяницы в таверне. Наплести могут, что одним ударом балаура зарубили, да вот толку от слов ноль — никто в округе никогда этих самых балауров в глаза не видел, и все это знали.

Пока дамы болтали, начал капать мелкий дождь, и жена священника поспешила попрощаться с подругой, чтобы успеть добраться до дома, не промокнув. Женщины разошлись, и каждая пошла своей дорогой. Между тем дождь усиливался и превращался в настоящий ливень. Вдалеке стали слышны раскаты грома. Мирен перешла на бег, но, когда она ступила на крыльцо своего дома, её одежда промокла насквозь. Женщина забежала внутрь и выругалась за свою невнимательность — сложенный зонт стоял у двери:

— Эх, балаурский рог... до нитки...

Мирен поспешила переодеться, чтобы не простудиться. Затем она отправилась на кухню, чтобы начать приготовление настойки для больного мужа. Для должного эффекта был нужен свежий сок листьев однолетника, поэтому женщина так тщательно выбирала растение. Она неплохо разбиралась в травах и снадобьях, порой её умения были полезны не только для лечения родных, но и для простых жителей маленького городка, которые заходили к добродушной Мирен за помощью.

Пока «чудотворное зелье» настаивалось, женщина принялась за обед. Муж всё это время был наверху и с нетерпением ждал возвращения жены. Териана не оказалось дома — по-видимому, парнишка снова сбежал в лес или на озеро. Когда обед был готов, Мирен поднялась к Истрату, чтобы помочь ему спуститься на кухню. Священник лежал со спиртовым компрессом на ноге. Женщина помогла мужу встать и, перекинув его руку через плечо, повела к лестнице. Когда препятствия были преодолены и родители сели за стол, входная дверь тихонько открылась, и внутрь прошмыгнул Териан, стараясь войти тихо, чтобы его не заметили. Истрат заметил сына и окрикнул его: «Териан», но ответа не последовало.

— Бессовестный мальчишка, — пробормотал недовольный отец и, помотав головой, продолжил трапезу. — Что нового на базаре? Опять требуху за кочаны выдают?

Мирен задумалась на минуту, а затем начала:

— Всё по-старому. А вообще нет... я сегодня столкнулась на рынке с Ханной, может, помнишь её. Она жена кузнеца... как же его звали...

— М-м, да-да, припоминаю, продолжай, — пережёвывая жаркое из фогуса, промычал жрец.

— Так вот, она мне продала однолетник, очень свежий кстати, мы разговорились что-то, и...

— И...?

— И она сказала, что сын Альфи, хозяина таверны, учится в академии Сиэлы. Мол, папаша его туда смог устроить.

— Какой академии? — Истрат нахмурился и отложил вилку в сторону.

— Э-э-э, в военной... в Сиэле... говорит, там учат офицеров...

Истрат застыл на минуту и попытался вспомнить, о каком учебном заведении заливал пьянчужка Альфи. Затем его глаза вдруг округлились, и он промычал что-то невнятное. Спустя какое-то время священник, посмотрев в сторону, заговорил с женой:

— Я, кажется, знаю, о чём ты. Я бывал в «Пьяном псе» пару дней назад... так, поговорить с мужиками, узнать новости, — Истрат произносил последние слова осторожно, он хорошо помнил, что жена не любит его «хождения по тавернам» — это плохо сказывалось на его репутации, так сказать. — Да, я видел Альфи — он что-то говорил про это... Я не придал значения... А, знаешь, это хорошая идея...

— О чём это ты? — Мирен придвинулась к мужу, она поняла, что он что-то задумал.

— Если то, что он говорит — правда, то я знаю, куда можно отправить Териана на обучение. В нашем родстве там никто не усомнится, тем более в военной академии мальчику прочистят мозги и избавят от страсти к компании следопытов, — жрец говорил медленно, параллельно думая над своими словами. — Уж лучше он станет офицером, чем одним из этих бездарей.

Лицо Мирен в мгновение изменилось. Глаза погрузтели, губы сжались — ей очень не нравилась эта мысль. Подумав, она произнесла:

— А что, если Териан не захочет никуда уезжать? Если решит остаться здесь?

— Я его уговорю. А если не согласится... придётся убедить, — слова прозвучали грозно, Мирен даже немного испугалась тону мужа.

— Но ведь тогда... он уйдёт от нас... Если он будет учиться так далеко, я не смогу... его видеть так часто. Как же мы бросим...

Истрат перебил жену, обняв её.

— Успокойся. Так будет лучше. Он же не станет священником, как я хотел...

— Но, может, он подрастёт немного и всё-таки полюбит твоё дело?.. — её голос стал ещё тише.

— Со временем будет только хуже. Вон, погляди, уже сейчас всю бегает с этими головорезами по чащам лесным! А что будет через пару лет? Будет скитаться по улицам, ища, где бы напиться до беспамятства, как они? Нет. Не позволю...

В голове жреца созрел план: сначала сходить разузнать всё у Альфи.

— ...Но как ты устроишь Териана в столичную академию? Туда не берут просто так... — не унималась обеспокоенная Мирен.

— Во-первых, я не последний человек в Сиеле. Меня хорошо знают в столице, и я уверен, что сыну-то Верховного жреца Фозты помогут с обучением. А во-вторых, каким-то образом Альфи — обычный хозяин второсортного трактира — смог добиться этого. Сначала наведаюсь к нему, спрашиваю, что да как. Коли не врёт, думаю — поможет.

Истрат посмотрел на недоеденное жаркое, потом на жену и встал из-за стола, поблагодарив её за вкусный обед. Но не успел он сделать и шага, как боль в ноге тут же скрутила его, и священник чуть было не рухнул на пол. Мирен быстро вскочила и успела подхватить падающего мужа. Она посадила его обратно на стул.

— Куда собрался? Сначала подлечись... и доешь обед, — женщина с недовольным лицом протянула Истрату его тарелку. Он, показательно вздохнув, взял её и покорно принялся доедать.

Прошло четыре дня. Истрату стало намного лучше. Нога полностью прошла, и мужчина, наконец, мог нормально ходить. К сожалению, ему пришлось пропустить воскресную службу — вместо Истрата молитву провели младшие жрецы из сельской церквушки — его помощники.

Погода в округе тоже улучшилась: сквозь тучи начали пробиваться тёплые солнечные лучи, дожди прекратились, и природа Фозты снова расцвела под мягким нежным светом.

Священник проснулся от ослепительно ярких лучей, исходявших из окна.

— Э-э-р... — недовольно прорычал Истрат и, прищурившись, отвернулся. Спать больше не хотелось, и он решил встать с постели. Мужчина спустился вниз, жены дома не оказалось. На кухне в кастрюле под крышкой остывал завтрак — Мирен не стала ждать, когда муж проснётся, и оставила еду на столе. Отец зашёл к Териану, слегка приоткрыв дверь — он мирно спал в своей комнате. Мальчик неуклюже распластался по постели, отбросив одеяло в сторону.

В мгновение ока на Истрата нахлынули воспоминания о детстве сына. Он вспомнил, как им было хорошо вместе, как они чудесно жили раньше. А теперь их мальчик стал отдаляться от родителей. Мать сетовала на возраст, подростки всегда становятся неуправляемы. Истрат же искал причину в другом. Он думал, что сыну более неинтересно с ними, вот он и бродит целыми днями с чужими людьми, с теми, кто ему, как говорится, «по душе».

За размышлениями жрец не заметил, как быстро идёт время. Истрат спохватился и вдруг вспомнил про недавнее дело, которое из-за болезни пришлось отложить. Он торопливо вышел из комнаты сына, аккуратно прикрыв за собой дверь. Наспех позавтракав и мысленно поблагодарив жену, мужчина оделся и направился в сторону таверны.

День стоял действительно тёплый, и на улице было многолюдно. Жители городка сновали туда-сюда, будто торопились опоздать куда-то. После нескольких ненастных дней, наконец, можно было подышать свежим воздухом, тем более запасшиеся влагой цветы давали нынче особый аромат. Истрат шёл быстро, по ходу обдумывая, что же он скажет хозяину таверны. Альфи, конечно, удивится, отчего у священника такой интерес к его сыну. Нужно начать разговор так, чтобы трактирщик ничего не заподозрил.

Кабак «Пьяный пёс» находился на окраине города, у самых крепостных ворот. Так подвыпившие гости не приносили неудобств горожанам своими проделками. Это было небольшое двухэтажное деревянное здание со слегка покосившейся крышей. На первом этаже располагалась собственно сама таверна, на втором — покои хозяев. Истрат добрался до места минут за двадцать. Уже с улицы был слышен шум — внутри было полно народа. Жрец открыл скрипящую и насквозь провонявшую хмелем дверь и осторожно вошёл. Да,

ожидания оправдались — веселье было в самом разгаре, несмотря на столь ранний час. Видимо, мужская половина городка решила, не дожидаясь вечера, отметить приход хорошей погоды. Истрат осмотрелся по сторонам: столы уже стояли не на своих привычных местах, пол был залит дешёвым пойлом, стулья поломаны, а пьяные посетители то и дело дополняли интерьер новыми деталями. В толпе жрец нашёл Альфи, это был грузный бородатый человек лет сорока пяти с вечно суровым, устрашающим выражением лица. В своём привычном грязном фартуке он разносил выпивку терявшим сознание от спиртного гостям. Истрат перехватил его по пути к очередному столику громким возгласом:

— Эй, Альфи, друг!

Трактирщик остановился и повернулся. По глазам стало понятно, что он узнал жреца: взгляд тут же стал смиренней и добрее.

— Ох, кто заглянул! Истрат, ну здравствуй-здравствуй. Чего пожаловал?

— Да вот, проведать старого друга решил, а то совесть замучила, — добродушно произнёс священник. — Давненько я не забегал, как живёшь-то?

— Не видно? Пьянчуги слетелись, балаур их дери! Как пчёлы на мёд, ей-богу! Опять убирать всю ночь за ними, нахлебники поганые... — трактирщик ворчал, бормоча всякие ругательства себе под нос. — Поговаривают, ты болел? В воскресенье в храме тебя не было.

— Да, с ногой беда случилась, подкачало здоровье: лежал дома, подняться не мог... Слава Айону, снова ходить могу, — отмахнулся жрец и любезно продолжил. — Не бери в голову. Отчего же здесь так много народа?

— Были дожди — все по домам сидели, глянуло солнце — повылазили, всё как всегда, — Альфи отстранился и взял поднос с напитками. — Прости, друг, мне надо заказы отнести.

— Да, конечно... — пробормотал Истрат, но вдруг остановил трактирщика, схватив его за локоть. — Э-э-э, слушай, я тут слышал, что...

— Давай потом, ладно, мне вправду идти надо, — оборвал Альфи и скрылся за толпой.

— Зайди в восемь, — донёсся голос хозяина таверны. Истрат помялся на месте и направился к выходу — до вечера было ещё очень долго, и смысла проводить время здесь не было. Он, конечно, удивился, почему его друг так скоро «выгнал» его, но поделать ничего не смог.

На улице становилось жарче — земля раскалилась до предела. Жрец поспешно покинул питейное заведение и поплёлся к дому. Когда мужчина был уже почти на пороге, он вдруг увидел человека в капюшоне, залезавшего в окно комнаты Териана. Истрат, не растерявшись, грозно окликнул:

— Эй!

Фигура повернулась лицом, и из-под капюшона показались ярко-зелёные глаза. Это был сам Териан. Он заметил ошарашенный взгляд отца и быстро залез в окно. Истрат решительно распахнул входную дверь и побежал по лестнице в комнату сына, приговаривая:

— Ну, сейчас устрою...

Дверь была заперта изнутри. Священник несколько раз постучал по ней, выкрикивая имя сына.

— Териан! Териан! Открой дверь живо! Немедленно! Я считаю до трёх! Раз!..

Через минуту послышался звук замка. У порога, не шевелясь, стоял подросток с опущенной вниз головой. Отец сердито глянул на сына и грозно промолвил:

— Как это понимать?

В ответ — тишина.

— Смотри на меня, когда я с тобой говорю, — голос отца стал громче.

Истрат поднял двумя пальцами голову Териана. Глаза ребёнка были грустными и пустыми. Жрец убрал русую челку со щеки сына и обнаружил большой кровоточащий порез от виска до губы. Мальчик отстранил руку отца и отвернулся.

— Откуда это? — ровным тихим голосом спросил он.

— С дерева упал... — слегка дрожащим голосом произнёс Териан.

— Не ври мне! От падений не остаётся таких шрамов.

— Я...

— Кто это был?

— ...

— Кто? Отвечай!

— Говорю же, упал с дерева! — на глазах мальчика появились мелкие слезинки.

— Не ври отцу, Териан! Я знаю, что это сделал один из них! Отвечай, кто?!

— Нет, это я сам!

Истрат развернулся и закрыл изнутри дверь.

— В таком случае, ты больше отсюда не выйдешь, — самым серьёзным тоном пробормотал священник.

— Отец...

— Пока я не скажу, не выйдешь! — он пригрозил пальцем.

Истрат зашагал по комнате туда-сюда. Шаги были ровными и тяжёлыми. Мужчина дышал медленно, в такт ходьбе. В помещении повисла смертная тишина. Она нарушалась лишь размеренными шагами отца и тихим сопением мальчика. Спустя долгие минуты гнетущего напряжения, жрец тихо спросил:

— Почему ты не желаешь избрать мой путь? — он заглянул сыну в глаза. — Отчего не пойдёшь по моим стопам?

Взгляд Териана был печальным. Он опустил голову и промычал что-то невнятное. Между тем, Истрат продолжал:

— Разве плохо быть священником? Это очень почётная профессия, ты же знаешь. Служба Айону ценится в эти тяжёлые времена. Ты должен благодарить Всевышнего за то, что Он даёт тебе шанс стать Его служителем... Тем более, здесь, в Фозте, вдали от войны и крови.

В помещении вновь повисла пауза.

— Папа, я очень благодарен и тебе, и Айону, но... — Териан запнулся. — Мне не интересно это...

Брови отца тут же нахмурились.

— И что же тебе «интересно»? — голос жреца был как никогда строг и низок.

— Я люблю природу, наши озёра, наши леса, наши поля... Мне хочется быть здесь, среди этой красоты. И я не против...

— Погубить свою жизнь? — перебил его отец.

— Нет! Почему ты так говоришь? — из уст мальчика это звучало, как отчаяние.

— Потому что, Териан, я желаю тебе лучшего, — он опустился на колени и заглянул сыну в глаза. — На что тебе сдались эти искатели, балаур их дери?..

Жрец остановился. Священнику не подобает ругаться, но иногда обстоятельства и эмоции сами вынуждают нарушить сей завет.

— Пойми же, сынок, если станешь таким, как они, твоя жизнь пойдёт фогусу под хвост! — отец почти умолял. — Ты до конца дней будешь заниматься никчёмными вещами вместо того, чтобы приносить пользу Атрее!

— Они приносят пользу... убивают волков, добывают травы...

— Это и ломаной монеты не стоит. Волки сами не нападают на деревни, это следопыты охотятся за их шкурами под предлогом опасности. А потом с чистой совестью продают на рынке содранную с бедных зверей кожу и всякие там корешки с листочками за бешеные деньги! А для чего? Чтобы пропить их все тем же вечером! Ты этого хочешь? Таким ты видишь свое будущее?!

— Но они хорошие, я знаю. Они ещё никого не обидели, пока я ходил с ними!

— И как часто ты ходил?

— Ну-у... — голос мальчика стал тише. Немного ссутулившись, парень пристыженно ответил. — Раза два в неделю...

— Чудесно! — Истрат раскинул руки в стороны и вновь забродил по комнате. — Я с матерью, значит, сижу, волнуюсь, места себе не нахожу... а ты гуляешь с этими вырожденками? Всё, пора с этим кончать...

— Пап...

— Я сказал, хватит с тебя прогулок! С этого дня ты не выходишь из дома, ясно? Если я узнаю, что ты снова сбежал, в сей же час отправлю тебя в военную академию! И то будет больше пользы! Может, уму-разуму научат...

— Военную академию? — Териан округлил взгляд. — Зачем мне туда?..

— Чтобы учиться! Вырастешь, станешь офицером. Будешь защищать людей и Атрею, если ты так этого жаждешь.

— Но я не хочу! Я хочу остаться здесь! — захныкал ребёнок.

— Или будешь тут, дома, изучать дело священника. Получишь титул, станешь уважаемым человеком...

— Мне не надо этого! — закричал Териан.

— ...Выбирай. Другого выхода у тебя нет. Или стать воином с шансом увековечить себя, обретя Перерождение, или же — священником, как я, мой отец и мой дед.

Истрат подошёл к окну и с размаху ударил локтем по ручке рамы. Затем он схватил покосившуюся деревяшку руками и начал рывками выдёргивать её из окна. С треском ручка поддалась. Мужчина положил её на подоконник, давая понять, что через окно мальчику теперь не сбежать. Священник громко зашагал к двери, отпёр её и остановился в проёме.

— Посиди тут и подумай, — произнёс он и хлопнул дверь. Снаружи послышался скрежет замка. Мальчик оказался взаперти. Он сел на кровать и, сжав кулаки, заплакал от обиды.

Истрат выдохнул и спустился по лестнице на первый этаж. В прихожей он встретил только что пришедшую жену.

— Ты где была? — спросил мужчина. Его голос был строже обычного, и Мирен сразу это заметила — не зря они прожили вместе столько лет.

— У Ханны. Помнишь, она просила к ней зайти?

— Угу, ну и как? — муж забегал глазами по дому.

— Дорогой, что случилось? Ты сегодня какой-то... не такой, — жена заподозрила, что дело в Териане. — Где Териан?

— Наверху, он заперт. Сегодня он снова бегал в лес с этим отрепьем...

— Айон Всемогущий! Он в порядке? — мать схватила мужа за плечи. — Как ты узнал?

— В порядке. Когда я возвращался домой, увидел, как наш сын забирается в своё окно.

Мирен захохала и побежала наверх к мальчику. Мужчина остановил её:

— Стой, он наказан. Пусть подумает кое-о-чём.

Жена замерла и посмотрела на мужа — он был подавлен. Истрат подошёл к двери и распахнул её.

— Куда ты опять собрался?

— В таверну, я не могу больше ждать.

Истрат достал из старого комода припрятанный мешочек с монетами. Если Альфи откажется говорить прямо, звон золота развяжет ему язык.

— Присмотри за ним, но не выпускай! — с этими словами священник покинул дом и направился по невыносимой жаре обратно в трактир, чтобы немедля всё расспросить у хозяина.

Жрец шагал под палящим солнцем — дышать горячим сухим воздухом было трудно, но он почти не замечал этого. Подойдя к таверне, Истрат остановился и стал наблюдать за происходящим. Чудом не сломав дверь, на улицу вывалилась пьяная троица искателей. Они, злобно кряхтя, поднялись на ноги и, заметив Истрата, заковыляли к нему. Истрат нахмурился и выпрямил спину, ожидая неприятной беседы.

— Жрец, стой! — громко крикнул один из них.

— Что вам нужно? — оправив одежду, гордо спросил мужчина. Он понял, что они еле стоят на ногах, и им нужны деньги на выпивку.

— Жрец, мы слышали, ты сынку своему с нами гулять не разрешаешь, — немного покачиваясь, с ухмылкой заговорил смельчак. — Жаловался тут он на тебя. Говорит, шагу не даёшь ступить, — следопыт показательно покачал головой. — Не дело это, жрец. Ты это, пораскинь мозгами, а то ведь мы поможем, — он, ухмыльнувшись, неуклюже вытащил из-за пояса политый вином кинжал и погладил лезвие.

— Как это понимать, жрец?.. Ты чего, жрец?.. — хором забалаболили остальные.

— Нечего ему с такими пьяницами, как вы, общаться... — грозно высказал в лицо искателю Истрат и попытался развернуться и уйти.

— Оу-у-у-у, — загудели два других следопыта и обступили его.

Третий вытащил из-за спины оружие и, схватив священника за плечо, приставил нож к горлу.

— Жрец, не огорчай меня. А то этот самый пьяница разрисует лицо или тебе, или твоей красивой жёнушке, а, может, и твоему пацанёнку. Хочешь этого, а, жрец?

Истрат не ответил ни слова. Он начал догадываться, кто так искусно разукрасил лицо его сына.

— То-то же. Помнится, давно в городе дома не горели. Вот досада то будет, если домик жреца вспыхнет я-ярче со-олнца, а? — глаза бандита загорелись огнём и азартом.

Истрат проглотил слюну и продолжил смотреть на обидчика, пытаясь вырваться из его тисков. Мешало только лезвие у самой глотки. Через минуту следопыт раскинул руками и выпустил Истрата из стальных объятий.

— Иди, жрец, иди, родной, — он похлопал ему по плечу. — Увидимся ещё, жрец!

Пьяные следопыты засмеялись, развернулись и направились прочь от таверны. Истрат не на шутку испугался, ощупал себя трясущимися руками — вроде цел. Проверив пояс, он заметил, что пропал мешочек с деньгами. Священник быстро оглянулся и посмотрел

вдогонку бандитам. У одного из них в руках звенел тот самый мешочек.

— Взяли, значит, то, зачем пришли, — прошипел Истрат. — Балаурское отр-р-родье...

Эта наглая выходка была последней каплей. В голове жреца все мысли перемешались. Он резко дёрнулся с места и вбежал в трактир, ища глазами Альфи. В толпе жрец разглядел хозяина у стойки. С круглым от злости и решительным взглядом, мужчина серьёзно произнёс:

— Альфи, надо поговорить!

— Истрат, ты? Я же...

— Прямо сейчас! — священник схватил его за фартук и потащил к выходу. Мужчина не сопротивлялся. Когда парочка вышла наружу, Истрат остановился и торопливо заговорил:

— Мне нужна твоя помощь.

— Что угодно, друг, ты же знаешь, — не понимая, о чём хочет попросить его жрец, трактирщик лишь глупо улыбнулся и повёл плечами.

— Я слышал, твой сын учится в Сиэле так?

— Э-э-э, — с лица Альфи не исчезла та глупая улыбка, он лишь забормотал. — Ну да, то есть, да, но не совсем.

— Что это значит? — в мыслях Истрата возникли подозрения.

— Он не в столице учится, а в академии, там, на острове... Она неподалёку, конечно... но всё же это не Сиэла.

— Фух, слава Айону, — жрец с облегчением выдохнул и продолжил. — Слушай, друг, это очень важно, расскажи мне прямо сейчас, как ты его туда запихнул! Пожалуйста.

Мужчина был удивлён такому вопросу. С чего бы бездетному жрецу расспрашивать о его сыне? На всякий случай, он спросил:

— А на кой тебе? У тебя ж детей нет.

— Да мне для племянника, — забалаболил Истрат. — Помнишь, Териан, мальчик такой, сын брата моего? Он приезжал пару раз в год.

— А-а-а, да-да, был такой! Ты что, его пристроить собрался?

— Именно! И это очень срочно! Мне нужна твоя помощь!

— Ну, я даже не знаю, — Альфи растерялся, он не хотел рассказывать о подробностях.

— Да вот совсем мальчишка от рук отбился, — старался убедить друга священник. — Отец мне его жалуется каждый Божий день, деваться некуда! И тут я про тебя вспомнил. Ну же, помоги старому другу.

— Сорванец, говоришь?

— Ещё какой! Может, хоть там пыла поубавится. Я ведь обещал его отцу помочь, брат всё же. Он с меня шкуру сдерёт, если обману...

«Священник не должен лгать, тем более своим прихожанам», — мысленно отчитывал себя Истрат. Но совесть была в данный момент на втором месте.

— Ну же, Альфи...

Трактирщик помялся, пытаясь увильнуть от темы, но, в конце концов, сломался и выложил жрецу всё.

— Эх-х, балаур с тобой. Ладно-ладно. У меня тоже бестолочь росла, сбегал из дому не раз, мне с женой грубил постоянно. Вот я и нашёл выход. Слушай, в общем, — Альфи снял с себя фартук и повесил на плечо. — Как-то раз ко мне в таверну заглянул какой-то путешественник, переночевать надо было где-то. Ну, я сразу понял — не местный. Тут такие не бывают: костюмчик, шляпа, все дела. Ну, я комнату на ночь сдал ему, напоил, накормил,

он и поведал мне про академию эту. Заливал, что, мол, ранги, награды, титулы, всё, о чём только мечтать можно, обеспечено. Даэвом могут сделать, что уж там греха таить! Ну, я и подумал, а чего бы бездельника своего не сбегать туда, а? Мозги в казарме сразу вправят. Чё, я разговорил мужика того, говорю: так и сяк. А он, оказывается, учителем работает там! За травами какими-то к нам в Фоэту забрёл — на корабле приплыл, в порту красуется. Я и говорю себе: удача-то какая! Такое раз в жизни бывает!

— Ага, и как же ты уговорил его устроить твоего оболтуса? — Истрат слушал друга внимательно.

— Это самое интересное! Только никому, — Альфи заговорил шёпотом, вплотную приблизившись к Истрату. — Короче, я его ограбил...

— Что?! — священник выпучил глаза и отстранился.

— Да тише-тише... У него с собой немало денег было и ещё книга с растениями. Без неё он-то не знал, какие травы привезти надо, — трактирщик ехидно улыбнулся и закивал, мол, пойми, что будет дальше.

— Это ужасно... — пробормотал Истрат. — Но из-за пары монет и какой-то книги ты не мог его убедить взять с собой...

— Не мог... Я поступил умнее. Вернул ему деньги, как бы из своих, мол, бери, всякие тут шастают. Он благодарил долго, но я сказал, не надо мне ничего, это подарок.

— И что дальше было?

— Последней каплей было то, что я помог ему с растениями...

— Каким образом? Ты же не смыслишь ничего в травах...

— А ты забыл, что у меня книжка была, — Альфи засиял. — Оттуда я вычитал всё, ну и выменял у следопытов нужные корешки или что там было.

— И за это...

— Я делал всё грамотно: подговорил жену — она ему обеды бесплатные готовила, улыбалась, глазки строила, тьфу, короче! — он сплюнул, показывая всю мерзость, которую он делал. — Олух мой вёл себя прилежно — я ему пригрозил, мол, если что, будет месяц навоз на поле убирать!

— А лицемерие — это твой конёк... — пробормотал священник. — Жду тебя на исповеди, мой друг...

— Да-да, приду, да простит меня Айон, но это не всё! Я его спаивал все эти дни потихоньку, ну, и в день отплытия горе-учитель этот, скажем так, был «хорошим», хе-хе, — трактирщик снова засмеялся, но вдруг умолк, поймав себя на мысли, что кто-то может это услышать. Он оглянулся по сторонам и, убедившись, что никого вокруг нет, продолжил. — В общем, сынишка проводил его на корабль, ну и остался там втихаря... Мне удалось уговорить его пойти учиться — нечего штаны тут просиживать, всё-таки такой шанс...

— Хитро, мой друг, хитро, — жрец задумчиво закивал. — Но ведь парня твоего и выгнать могли?

— Могли-могли, да не выгнали. Видимо, мозги на место встали сразу.

Альфи довольно вздохнул и замолчал. Истрат все ещё обдумывал полученную информацию.

— Ясно всё... А ты с этим учителем ещё общаешься?

— А как же! Мы ж теперь не разлей вода! Он часто стал приезжать «за травами» как бы. Ну, а на самом деле, за самогоном моим чуть ли не раз в месяц приплывает. Представь, мой самогон пьют офицеры в Сизэле! Это ж, балаур меня дерит, какая реклама! Ах, да, ты это...

удачно заглянул. Он, кстати, сейчас внутри, за стойкой сидит. А жена пока по бочкам пойло моё разливает, ха-ха. Ты чё, думал, я просто так тихо говорю?

Глаза Истрата загорелись. Он сразу придумал, что сказать и как убедить незадачливого любителя «сельских деликатесов» провести на борт ещё одного пассажира.

— Э-э, Альфи, родной, а можешь меня сейчас с ним познакомить?

— Валяй, — Альфи махнул рукой и похлопал жреца по плечу. — Пойдем, представлю тебя. Короче, один раз...

Эви слушала очень внимательно. Она всматривалась в лицо асмодианину, наблюдая за его скудной мимикой. Мышцы лица почти не двигались, но если заглянуть в глаза... О, Айон, в них можно было прочесть всё! Настолько выразительных глаз она не видела ни разу в своей жизни. Да ещё и светящихся к тому же! Буквально каждое слово выражалось в них отдельной эмоцией. Девушке казалось, что в переливавшихся рисунках вокруг зрачков Териана она видела всё, что он ей рассказывает. Элийка будто переживала это га своей шкуре.

Бессмертный замолчал ненадолго — сделал паузу.

— Ты уже закончила. Договор выполнен.

— Нет, нет, нет! — Эви нервно похлопала ладошками по своим коленям. — Продолжай, прошу!

«Ах, чтоб тебя! — мысленно отчитала себя девушка. — Опять забыла про вежливость. Он же мне не то, что в дедушки годится, а в прапрапрапра... Не сосчитать! Надеюсь, он не заметил...»

Териан Лекас и вправду не заметил, что Эви снова обратилась к нему на «ты». Да и ему было всё равно. Он сказал себе, что нехорошо останавливаться посередине истории. К тому же, почему-то Даэву нравилось то, что девушка так внимательно его слушает. Он собрался с мыслями и продолжил.

===== Часть 3. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 3.

Отредактировано.

Через несколько часов уставший, но счастливый священник был уже на пороге своего дома. Он тихонько вошёл и направился на кухню, где горел подсвечник. За столом сидели Мирен и Териан. Истрат покачал головой и сказал:

— Я же сказал не выпускать...

Мирен вскочила и подбежала к мужу.

— Прости, родной, я не могла... Надо же было накормить...

— Еду можно было принести и наверх, — грозно произнёс Истрат и обратился к сыну. — Ну что, обдумал всё?

Териан обернулся, но скрытал взгляд.

— Что молчишь?

— Отец, — жалобно заговорил мальчик. — Я очень не хочу уезжать.

— Вот оно что?

— Ты научил меня всему, что я знаю... Прости меня, — Териан встал из-за стола, подошёл к отцу и обнял его. — Я не могу, отец...

— Кхм, — Истрат не произнёс ни слова.

Териан заплакал, уткнувшись носом отцу в грудь:

— Ты думаешь о том, что принесёт пользу людям, но не мне. Я не хочу быть жрецом, па... отец...

Истрат погладил сына по голове и поцеловал в затылок. Он любил своего мальчика. Очень любил. Больше жизни. Никакое другое чувство не может так воздействовать на человека, как любовь. В голове священника всё перемешалось. В его душе, подточив коготки на самом больном, скребли кошки — воспоминания душили, заставляя чуть ли не выворачиваться наизнанку от тяжести. Он не хотел расставаться с сыном, когда-то таким желанным. Жрец прекрасно помнил, как молил Айона о ребёнке, как неделями не выходил из храма, взывая высшую силу обратить внимание на горесть своего верного слуги. И тут вдруг он по своей воле расстаётся с ним. Сердце Истрата ныло, обливаясь кровью. Он пытался оправдать себя, мол, так будет лучше, но почему-то какая-то часть его души не верила пустым словам и умоляла одуматься, пока не поздно. Это был страх. Получив столь желанное, мужчина до смерти боялся его потерять. И это понятно, ведь каждый боится потерять то, ради чего живёт. Смыслом существования для Истрата уже давно стал его мальчик. Но как бы не был силен страх, любовь всё же взяла верх... Спустя какое-то время жрец заговорил тихо и медленно:

— Я тебя растил в надежде, что ты станешь тем, кем я желал, но уже с первых дней я понял, что ты другой... Знаешь, сынок, ты был большим подарком для меня и матери. Я благодарил Айона за то, что он смиловался надо мной... Да и сейчас благодарю... Тогда я пообещал, что сделаю всё, чтобы тебе было хорошо. Я многое запрещал тебе, но старался, чтобы ты вырос правильным: честным, добрым, воспитанным. Мне тяжело признавать, что ты не принимаешь то будущее, которое я так долго тебе готовил, не можешь понять мои мотивы... ты их поймёшь, но позже. Мы с тобой разные, Териан. В твоём возрасте я беспрекословно слушался отца, да упокоит Айон его душу. Я верил, что он выберёт самый лучший путь для меня. Если бы не он, я бы не стал тем, кто я есть... и не знаю, кем стал бы. Знаешь, мне льстит, что уже сейчас ты делаешь осознанный выбор... Это значит, что ты взрослее и умнее, чем я в те годы. Я смирюсь с тем, что сын верховного жреца Фоэты не продолжит династию...

— Пап, спасибо... — в слезах произнёс мальчик.

— ... Но позволить тебе уничтожить свое будущее тоже не могу. Я поговорил с Альфи и ещё с одним человеком...

— Истрат? — Мирен заметила недобрые нотки в голосе мужа.

— ...Завтра же ты отправляешься в военную академию Сиэлы, я обо всём договорился...

Мальчик мгновенно отстранился от отца и с ужасом посмотрел ему в глаза. Мирен села на стул и зарыдала.

— ...Так будет лучше, — пытался успокоить сына священник. А, может, он пытался успокоить себя.

— Не надо, пап! Я не хочу уезжать!

— Все решено, сын. Это окончательное решение.

— Но... но...

Териан опешил. Он не знал, что сказать. Слезы так и стекали вниз по щекам. Он посмотрел на мать. Она горько рыдала, склонившись над стулом, на который Истрат когда-то положил ту самую корзинку с зеленоглазым младенцем.

— Я не хочу уезжать... Почему ты не можешь принять меня таким, какой я есть? — словно с мольбой обратился мальчик к растерянному отцу.

— Ты не понимаешь, — шёпотом произнёс мужчина. — Я хочу для тебя лучшего. Я надеялся, что ты хочешь того же...

Истрат подошёл к окну — на улице играли в догонялки соседские ребята. Они были веселы, громко хохотали и смеялись. Жрец отвернулся и задёрнул штору. На глаза Истрата навернулась слеза и стекла по щеке. Капелька упала на пол, мужчина горько посмотрел на неё и вздохнул.

— Собирайся. Завтра утром уходит твой корабль. Там тебя встретят, — старался как можно серьезнее вымолвить жрец, но не получалось.

— Я не поеду! Я хочу жить с вами! — от отчаяния закричал Териан. — Почему ты меня отправляешь?! Я люблю вас!

— И я люблю тебя! — сквозь слезы вскрикнула Мирен и, подбежав, крепко обняла сына. Женщина уже понимала, что это последний вечер, когда они с сыном вместе.

После долгой паузы отец тихо и протяжно сказал:

— В одиннадцать утра судно отплывает. В порту нужно быть раньше...

— Я... я тебя ненавижу... — в порыве гнева и отчаяния вскрикнул Териан и снова, что было сил, обнял мать.

Истрат тяжёлыми шагами покинул кухню и остановился у входной двери.

— Прости меня... Ты поймёшь... Когда-нибудь ты поймёшь...

Дверь открылась, и мужчина вышел, хлопнув напоследок. Он помялся у порога и ушёл прочь. Нужно было побыть наедине со своими мыслями.

Истрат не ночевал дома. Он допоздна просидел в таверне и пытался залить душевную рану дешёвой выпивкой. Жрец чувствовал вину и перед сыном, и перед женой, и перед своей совестью. Но у него не было выхода.

— Когда-то он скажет мне спасибо, — в который раз произнёс вслух Истрат и залпом опустошил новую рюмку. — Ещё одну мне!

«Да, скажет, я уверен...»

Когда заведение закрылось, в стельку пьяный жрец, пошатываясь, поплёлся к храму. Проходя мимо своего дома, Истрат остановился, постоял немного, вглядываясь стеклянными пустыми глазами в окно, и пошёл дальше. Не мог он показаться на глаза ни жене, ни сыну. Мужчина чувствовал у себя на душе слишком тяжёлый груз, будто где-то внутри него маленький человек пытался поднять скалу, упавшую ему на грудь. Добравшись до храма, жрец, фыркнув, присел у входа. Мысли путались от количества выпитого спиртного. Он всё время что-то бормотал про себя и дёргал ногой. В конце концов, главный священник провинции Фозта уснул в раздумьях на пороге своего родного храма. А снилась ему та роковая ночь, навсегда изменившая его жизнь.

Сквозь лесную чащу начали пробиваться первые солнечные лучи. Но только в одном доме никто не радовался приходу нового дня. Окна были плотно закрыты шторами, входная дверь тоже была запёрта.

Мирен проснулась первой. Она обнаружила себя на кухне в окружении мелких котомок и двух больших чемоданов — вечер и почти вся ночь пролетели за раскладыванием вещей по сумкам.

«Видать, за делом уснула, — подумала женщина. — Который же сейчас час?»

Мирен встала со стула, который несколько часов служил ей кроватью, и, одёрнув штору, посмотрела в окно. В городе уже всю кипела жизнь. Женщина посмотрела на небо — ни единого облачка. Светало в это время года рано. Солнце сияло ещё не так ярко — это

значило, что до отплытия судна, то есть до одиннадцати утра, было ещё часа четыре в запасе.

Мирен поднялась в комнату сына — Териан, съёжившись, мирно спал в своей постели. Мать нежно разбудила его:

— Сынок, вставай, пора собираться...

Мальчик хмыкнул и повернулся. Он нехотя привстал, потёр красные от вечерних слёз глаза и послушно кивнул. Мирен на скорую руку приготовила завтрак. Нужно было разложить по сумкам, то, что не разложили вчера. Женщина достала с кухонной полки коробку с конфетами и, пока сын не видит, упаковала её в чемодан. Когда вещи были собраны, оставалось только одеться и привести себя в порядок. Мать одела Териана в лучший наряд, который давно берегла. Перед выходом они остановились.

— А где папа? — спросил мальчик.

Мирен запнулась. Она понимала, что Истрат не выдержал и напился. Но говорить об этом своему сыну не стоило.

— Он обязательно придёт тебя проводить...

— Точно?

— Конечно, — женщина опустилась на колени и поправила сыну воротник. — Идём, иначе опоздаем.

Териан печально кивнул. На фоне чистого голубого неба солнце светило необычайно ярко, аж слепило. Мать с сыном вышли из дома и сели в ожидавший их у входа заказанный экипаж. Кучер торопливо погрузил вещи пассажиров в заднюю часть кареты и занял своё место. Мягко тронувшись с места, повозка медленно покатила по извилистым просёлочным дорогам Фоэты в сторону восточного побережья.

— Не волнуйся, в академии тебя встретят. Всё будет хорошо.

— Я не хочу уезжать... Поехали со мной... — голос мальчика был тихим. В его глазах уже угасла надежда остаться с родителями.

— Мне нельзя. Там будет много других детишек, ты обязательно с кем-нибудь подружишься.

Миновав мрачные и холмистые леса центра провинции, повозка, наконец, выехала на равнину и смогла ускориться. До солнечных песчаных берегов Фоэты оставалось не более пятидесяти минут. В приоткрытые окна экипажа уже проникал свежий солёный воздух.

Фоэта была небольшим островом посреди бескрайних морских просторов. Конечно, небольшим он был только по сравнению с величественными материками Атреи. На самом же деле, от берега до берега можно было проехать верхом эдак дня за два — за три. Городок, в котором жила семья священника, находился недалеко от восточного края острова. Их разделяли поросшие густой растительностью невысокие холмы. С вершин их можно было разглядеть синеватую гладь воды, находившуюся, казалось бы, так близко.

Самым близкой сушей к Фоэте была столица земель людей — великолепный город Сиэла, названный в честь Верховной Служительницы Вечности. В двухстах морских милях от неё на скалистом острове расположилась та самая военная академия, куда и направлялся Териан. Это была настоящая природная крепость, где воспитывали лучших воинов планеты — рыцарей добра и справедливости, несущих мир и спокойствие жителям Атреи.

Лошади зафыркали и по команде извозчика остановились у самого пирса. Мужчина помог пассажирам выбраться из повозки и, выгрузив вещи, удалился в портовый дом за оплатой. Мать с сыном огляделись по сторонам. Маленький Териан редко бывал у моря, только один вид восходившей к горизонту водной глади, вызывал у него неопиcуемый

восторг.

Но первым внимание мальчика привлёк огромный, с его точки зрения, корабль, пришвартованный поодаль от берега — на самом краю причала. Он был весь выкрашен в бледно-бежевый цвет с широкой красной полосой по бортам. Паруса были свёрнуты, но на них тоже виднелись полосы тёмно-красного оттенка. На правом борту судна красовалась чёрная надпись «Санктум». Это было именем корабля, а также основателя академии, которому он когда-то принадлежал. На столь огромное и прекрасное судно сбежалось посмотреть много зевак. Мало кто видел у берегов острова фрегаты из самой столицы.

Мирен поторопила Териана, и они неуверенно зашагали по пирсу. Около трапа, не двигаясь, стоял человек лет пятидесяти, с короткими седыми волосами, облачённый в белые, сияющие в лучах солнца, доспехи. За его спиной развевался красный плащ.

«Точно под цвет корабля», — в мыслях подметил мальчик.

Мужчина увидел приближающуюся женщину с ребёнком и медленно пошёл им навстречу.

— Утро доброе! Это вас мы ожидаем? — доброжелательно спросил незнакомец.

— Да, наверное, да, — смущённо произнесла Мирен. — Териан, поздоровайся.

— Здравствуйте... — тихо промолвил мальчик.

— И тебе привет! Так, если всё готово, забирайся на борт, я возьму сумки. Нам уже пора отчаливать.

Мирен спохватилась:

— Ох, простите, что задерживаем, но...

— Мы приплыли, чтобы забрать одного человека — он мой коллега, преподаёт в академии, — перебил её мужчина. — А тут мне сообщили, что у нас, оказывается, ещё один пассажир...

— Да, это мой...

— ...Ну да ладно. Я так понимаю, вам нужно попрощаться. Только давайте быстрее — время не ждёт.

Мирен опустилась на колени и крепко обняла Териана.

— Веди себя хорошо, ладно? Пиши, как только сможешь!

На глаза мальчика снова навернулись слезы.

— Да... Хорошо... — захныкал Териан. — Я буду...

— Та-а-ак, что за телячьи нежности? — снова перебил их мужчина в доспехах. — Ты мужик или нет? Всё, пора!

Он хлопнул мальчика по плечу и грозно посмотрел на мать, мол, время пришло.

— Пока, мой милый! — мать в последний раз обняла сына, нежно поцеловала в лоб и заплакала.

— Пока, матушка!

— Присмотрите там за ним... — шёпотом сказала женщина.

— Обязательно! — уверенно и громко ответил мужчина. — Давай, парень, свои сумки. Ух-х-х, тяжёлые! Как ты их один-то донёс? Уф-ф, — он снова обратился к матери. — Да не волнуйтесь вы так! Научат у нас вашего мальчика оружие в руках держать, — взгляд воина вновь упал на маленького Териана. — Лет-то тебе сколько?

— Двенадцать...

— В самый раз! Идём! — мужчина обнял ребёнка за плечо, взяв чемоданы в другую руку, и повёл его по трапу на борт. Мальчик несколько раз оборачивался, но мужчина всё

время дёргал его плечо, мол, не смотри назад. Когда парочка поднялась на судно, Териану разрешили постоять у борта и ещё раз попрощаться с матерью. Он с горечью в глазах замахал обеими руками своей матушке, а она — в ответ.

Через минуту на берегу зазвенел колокол, и командир громко приказал: «Отдать швартовы!», взгляд мальчика резко упал на толпу зевак. Он судорожно искал среди людей самого родного мужчину, но его не было видно. Териан запаниковал и забегал глазами туда-сюда. Но через мгновение его взгляд остановился... Истрат угрюмо стоял позади и смотрел на готовящийся к отплытию корабль. Через секунду он заметил на себе пронзительный взгляд сына. Мужчина сначала невольно опустил голову, но затем приподнял глаза и, стиснув зубы, прошептал: «Прости...»

Отец и сын ещё долго молча смотрели друг на друга, пока очертания берега не расплылись за туманной дымкой. Териан, нахмурившись, поплёлся в свою каюту. Он плюхнулся на большую кровать и стал рассматривать проплывающие мимо волны сквозь небольшое круглое окошко.

Через какое-то время дверь в каюту мальчика тихонько приоткрылась, и в помещение чинно вошёл тот самый воин в доспехах, сложив руки за спиной.

— Что делаем? — ухмыляясь, спросил он.

— Скучаю...

— Ну, — мужчина подошёл к мальчику и сел рядом. — Скоро доберёмся, а там уж будет, чем заняться, поверь. Как тебя, говоришь, звать?

— Териан, — неловко ответил ребёнок.

— Интересное имя, однако, — он улыбнулся. — Меня зовут Белис. Я интендант острова Санктум.

— Очень приятно. Э-э, Интен... Кто?

— Ха-ха! Интендант! Я снабжаю академию продовольствием, привожу товары, оружие — всё, что потребуется. Вот, например, из Фозты мы привезём запасы ценных трав, а также спирт... Ну, в общем, много чего... — воин кашлянул и замолчал.

— Значит, этот корабль возит грузы? — разочарованно протянул Териан. — Я думал, он военный...

— Он универсален, мой юный друг. Просто сейчас более полезно доставлять на нём всякого рода товары. Но были времена, когда он воевал. О, да! — Белис глубоко вздохнул и продолжил. — Это судно совершало великие дела! Немало балаурских берегов было захвачено только этим фрегатом. Представь! Один корабль против целой армады ящеров... — воин молча покивал и заговорил тише. — Но, к сожалению, настало время, когда чешуекожих просто так уже не одолеть... После смерти основателя академии на острове стали обучать лучших воинов Атреи, а судно отдали на нужды школы.

Наступила неловкая пауза.

Ветер мирно раскачивал корабль по волнам, и мальчику от этого невольно захотелось спать. Воин понял это, вышел из каюты и прикрыл за собой дверь. Ребёнок устроился поудобнее на огромной кровати и вскоре уснул в своих размышлениях. Лёгкая морская качка прекрасно убаюкивала.

Снилась Териану родная земля — Фозта, край солнца. Там никогда не было ни войн, ни балауров. А откуда им там взяться? Ящеры ненавидят воду и корабли редко строят. Летать они тоже не умеют...по крайней мере, большинство. Люди там живут добрые. Всё спокойно и безмятежно. Жизнь потихоньку идёт своим чередом. Снилась ему матушка, в слезах

проводящая родного сына в дальний путь. Снился отец, который в глубине души не хотел отпускать его так далеко и надолго. Снился их дом, родной лес, озеро, городской базар, площадь и глашатай, который всегда угощал мальчика конфетой, когда тот проходил мимо. Ах, то чудесное время! Неужели оно закончилось?..

Когда Териан открыл глаза, за бортом царила ночь. Мальчик подошёл к круглому окну каюты и взглянул сквозь толстое стекло на небо. Оно, как всегда, отливало тёмно-синим цветом, а по всему небосводу были рассыпаны сотни маленьких светящихся огоньков — свет от фонарей городов и яркие блики с морей противоположного края большого, но уютного мира. Мальчику очень захотелось выйти на палубу — он никогда не видел красоту бескрайних вод посреди ночи. Териан накинул на себя жилетку — в тёмное время суток, должно быть, прохладно стоять под морским ветром. Дверь не была заперта — лишь прикрыта. Он вышел из своей каюты и на цыпочках прошёл по длинному коридору до лестницы так, чтобы ночные патрульные ничего не заметили. Хотя они, скорее всего, мирно храпели у себя на постах. Аккуратно забравшись по крутой лестнице, мальчик оказался у ещё одного длинного коридора — это была крытая верхняя палуба «Санктума». Он прогулялся по ней почти до середины и сбоку обнаружил дверь с круглым окошком, за которой виднелся красивый ночной пейзаж.

«Выход на палубу», — догадался ребёнок. Он дёрнул ручку. На удивление дверь была открыта, и спустя несколько секунд Териан благополучно оказался один на один с океаном. Разинув рот в восторженной улыбке, он забыл про руку, которой он держал ручку, и дверь, громко скрипнув, хлопнула о железный наличник. Удар был такой силы, что даже Териан не на шутку испугался. Сообразив, что кто-то может проверить, мальчик поспешил перебежать к противоположному борту корабля.

Наконец, герой смог насладиться видом. Пейзаж открывался потрясающий. На ровной глади воды отражались небесные огоньки, прокладывая перед взором симметричный узор, тянувшийся к самому горизонту. Где-то сбоку тускло светило ночное солнце, бросая лёгкую тень от корабля на поверхность воды. Териан взглянул на Башню Вечности. Её было хорошо видно в ночи. Казалось, она была так близко... Мальчик вытянул вперёд ладошку. Рука закрывала лишь половину основания Башни. Фозта располагалась недалеко от южного предгорья великого храма. Мальчик смотрел на силуэт величайшего строения мира сего и обомлевал. Никогда оно не казалось ему таким красивым. От солнца и предгорий во все стороны излучались светящиеся различными узорами потоки. Они, как полупрозрачные змейки, обволакивали Башню, а потом разлетались по небу, закручиваясь в плавные линии и воронки. Каких только цветов не было это великолепие! Все холодные оттенки сплелись спектром, плавно переливаясь из потока в поток. Начиная от ярко-белого и заканчивая тёмно-синим, причудливые, но великолепные линии расползались по всему центру планеты. Некоторые из них были широкими и бледными, те, что потоньше, светились ярче.

Это были потоки Эфира — мистического вещества, пронизывающего весь мир и наполняющего его особой энергией. Служителям Вечности и Даэвам была подвластна его сила — они могли творить магию и черпать из него энергию. Без Эфира бессмертные были бы обычными людьми. Всем сверхспособностям Перерождённые обязаны Божественной мощи этого странного вещества. Башня Вечности источала из своих недр тонны Эфира и распространяла его в виде потоков по всему миру.

Бескрайним ночным платом, светящимся сотнями тысяч кристаллов, очарованный Териан был занят около получаса. Вдруг он резко опомнился и, наконец, отвёл взгляд от

мнящих и столь прекрасных небес. С досадой мальчик обнаружил, что у него сильно болят щеки от не сходявшей за это время с его лица улыбки. Он потёр их и посмотрел прямо перед собой. Нос корабля мягко разрезал водную гладь, и в обе стороны расходились небольшие волны. Отражение неба гуляло по их пикам, красиво искажаясь и обращаясь в необычные узоры. Териану на миг показалось, что это вовсе не отражение, а из глубин моря действительно исходит свет. Мальчик наклонился, оперевшись на борт, чтобы рассмотреть сияние поближе.

— Что, поплавать решил? — из-за спины вдруг донёлся знакомый голос. — Или утопиться? Хе-хе.

Териан дёрнулся от неожиданности и чуть было не опрокинулся за борт, но вовремя спохватился и сохранил равновесие.

— Б-белис? — испуганно спросил ребёнок.

— А ты кого ждал, проказник? — мужчина подошёл вплотную и сильно хлопнул ему по спине. — Зачем вышел на палубу в такой поздний час?

— Здесь красиво... — взор мальчика вновь устремился вдаль.

— Не поспоришь... Природу, значит, любишь?

— Ещё как! — Териан показал пальцем на один из крупных потоков, лихо завернувшийся в светящуюся воронку. — А откуда это сияние?

— Это, дружок, Эфир, который постоянно вырабатывает Башня Вечности.

— Но как? Там что, трудятся люди?

— Я не знаю, — воин отвечал медленно, тоже наслаждаясь ночным пейзажем. — Вряд ли. Наверное, так Айоном задумано...

— Но если Эфира становится всё больше, — недоумённо продолжил мальчик. — Значит, скоро он заполонит весь мир?

— Ха-ха, как говорится, Эфира много не бывает! Он постоянно расходует. Ты знаешь, что из его вещества можно получить любое другое?

— Э-эм, угу, отец рассказывал мне об этом... — удивлённо произнёс Териан, но тут же погрустнел, вспомнив, куда они направляются и по чьей воле. — А что находится внутри Башни? Всегда ли она была? Есть ли что-нибудь за пределами мира?

— О-хо-хо, сколько всего... Хм-м, ну, сказать точно я тебе не смогу, да и никто не сможет, я полагаю... Знаешь, учёные пытались прокопать тоннель глубоко в землю, но, в конце концов, упёрлись в камень. Наверное, снаружи нет ничего — только бесконечная горная порода...

— То есть, мы живём здесь, как пузырёк воздуха в лимонаде?

— Хе-х, неплохое сравнение, — мужчина, усмехнувшись, отошёл от мальчика и тоже уставился в горизонт, положив руки на бортовые перила. — Видимо, да.

— ...Но если так, как же нас не раздавило до сих пор?

Белис задумался над столь простым, но одинаково сложным вопросом. Он предположил:

— Ну... вот Башня Вечности и не даёт превратить нас в лепёшку... Она же как столб или «хребет» планеты... посмотри, какая огромная!

Мальчик расстроился.

— Так значит, других миров нет?... Я думал, их много...

— А зачем Всевышнему создавать другие миры, друг мой? В этом-то вон сколько проблем! Захочешь — не разгребёшь!

— Тоже верно... — протянул Териан.

Зависла глубокая тишина. Атмосфера располагала просто смотреть на горизонт и молча размышлять о своём. Так прошло несколько минут. Снова устремив взор вверх, мальчик сказал:

— Интересно, какого это быть Дазвом... летать там — высоко, смотреть сверху на людей и их жизнь...

— Это прекрасно. Отстраниться от проблем и просто парить в облаках, — Белис вдохновлённо вздохнул. — Эх-х, вот к чему надо стремиться, мой маленький друг.

Ребёнок заглянул мужчине в глаза — они были задумчивы, но определённо умиротворённые.

— Почему Вы не стали Дазвом? — тихо спросил он.

— Не вышло, юный Териан... — на выдохе промычал Белис.

После новой паузы мальчик продолжил:

— Вы всегда были интен... инте...

— Интендантом? Нет, конечно, Айон упаси. Когда-то я сражался наравне с ними... С бессмертными, я имею в виду. Мы охраняли людей, защищали их от атак балауров. Но времена поменялись — теперь я охраняю лишь грузы.

— А что произошло?.. — взгляд мальчика был глубоким и добрым.

— Я смертный, мой друг. А смертным суждено стареть... Конечно, я пока не тухлявый старикашка, — он засмеялся. — Но держать оборону в рядах с молодёжью уже не могу. Старый воин никому не нужен. В битве он будет лишь обузой. Меня отстранили, а, если точнее, я ушёл сам. А так как за годы службы мне далеко в рангах продвинуться не было суждено, пришлось идти сюда — на бывшее военное судно интендантом.

— Но Вы всё равно носите доспехи...

— Да, в память о прошлом. Ну и, конечно же, для придания нужного «эффекта». Ведь в Санктуме всем полагается выглядеть подобающе, будь то студент, учитель или обычный рабочий.

Териан понимающе кивнул и умолк.

— Становится прохладно, давай по каютам, а то простудишься, — произнёс мужчина и, приобняв мальчика, направился к палубам.

На судне вновь всё затихло. Корабль плыл дальше, оставляя за собой лишь расходящиеся во все стороны узоры из огоньков на водной глади.

Утро и день следующего дня ничем особым не запомнились. Команда готовила ящики к разгрузке — с началом сумерек «Санктум» должен был пришвартоваться у бухты острова.

Вскоре по воздуху стал доноситься слабый звон колоколов — цель была близка. На горизонте показалась земля, и палубы оживились. Матросы поднесли тяжёлые ящики с товарами к правому борту корабля. Рулевой скомандовал: «Спустить брамселя и бом-брамселя!». Судно слегка замедлилось. До каюты Териана донёсся гул с верхней палубы, и он, догадавшись, что скоро прибудем, поспешил подготовить свои чемоданы. Мальчик побросал в сумки обратно то, что доставал за время поездки, и подтащил их к выходу. Через пару минут в каюту вошёл Белис и, увидев, что парень уже собрался, похвалил его. Мужчина помог маленькому Териану перетащить поклажу наверх.

Перед мальчиком открылся вид на остров, который на несколько лет должен стать для него домом. Впереди была небольшая песчаная бухта с оборудованным портом. За ней виднелись только скалы. Весь остров действительно напоминал крепость — берега были

скалистыми — не подобраться; единственным местом, где можно было безопасно пришвартоваться, являлась эта маленькая бухта, к которой и держал путь огромный фрегат.

Териан встал у носа корабля. Земля медленно приближалась. Юнги и матросы спускали паруса, чтобы спокойно остановиться у длинного пирса.

— Ветер поменялся, отдать гроты! — прозвучало сзади.

— Есть, капитан! — подхватила команда и тут же принялась исполнять указание.

Матросов на «Санктуме» было немного — особой нужды в большом количестве людей не было. Зато каждый знал своё место и в точности исполнял данные ему приказания.

Спустя двадцать минут судно благополучно остановилось по левую сторону от пирса. Матросы поспешили бросить трап по правому борту и начать выгрузку товаров. Это заняло довольно продолжительное время — всевозможных ящиков, мешков и бочек была целая куча. До захода в порт Фозты «Санктум» побывал на берегах Бертрона и Теобомоса, отоварившись и там.

После того, как повозки, подъехавшие за содержимым трюмов и палуб корабля, были загружены, по трапу спустились пассажиры — а именно Белис, Териан и тот самый преподаватель, которого за эти двое суток не было видно. Оказалось, что его звали Намус — один из работников порта позвал мужчину к себе, назвав по имени. Намус был человеком лет пятидесяти-шестидесяти, сильно сутулым, с растрёпанными седыми волосами и длинной бородой. Когда воин с мальчиком проходили мимо, они слышали их разговор.

— Намус, ну наконец-то! — здоровенный лоб в небрежно заправленной рубашке раскинул руками, чтобы поприветствовать друга.

— Фанго, рад тебя видеть! — кричащим голосом промолвил старик. — Что тут нового? Поди, погодка-то улучшилась, слава Айону.

— Да, — протянул мужик. — А мы в любую погоду работаем. Вон, штормило две недели назад, так мы с топорами...

Намус вдруг резко обернулся и, буркнув что-то невнятное, прокричал:

— Что б тебя, драканий хвост! Положь обратно! Куда понёс? Это мои бочки! — старик заковылял к грузчику, который раскладывал по повозкам какие-то бочки и ящики с бутылками.

— Это для меня, стой! Стой, говорю! — Намус подбежал к незадачливому рабочему и стал ругать его, почём зря, яростно размахивая при этом костлявыми руками.

Белис увёл мальчика подальше от мужчин и посадил в повозку, стоявшую одной из самых последних.

— Сиди тут. Я пока узнаю у Намуса, куда тебя поселить. Как видишь, сейчас он не в лучшем расположении духа — его бочки с хмелем хотели украсть, ха-ха, — воин громко рассмеялся.

— Станный человек, — пробормотал Териан.

— Есть немного, — произнёс Белис и, уходя, с ехидной улыбкой добавил. — Ах да, теперь ты его ученик.

Пока мужчины не было, подросток успел заскучать; он уже хотел было спрыгнуть с повозки и прогуляться, но вовремя остановил себя на мысли о том, что после этого с ним сделает Белис.

Через какое-то время, когда порт почти опустел, интендант, наконец, вернулся.

— Всё в порядке. Место для тебя найдут. А теперь поехали, нужно добраться до академии, пока совсем не стемнело.

Мальчик послушно кивнул и устроился сзади. Белис сел на место извозчика, и прищепил лошадь.

— Но-о, пошла!

Животное недовольно фыркнуло и тяжёлыми шагами поплелось вперёд. Колёса закрипели, телега с небольшим рывком двинулась с места. Колонна из повозок покинула порт и поехала к скалистому берегу. Чтобы лошади и кучера не заблудились, по бокам от дороги были выставлены огненные факелы. Конечно, они не могли осветить местность, но всё же служили неплохим ориентиром. Дорога из огней завернула к высокой скале. В каменной породе был прорыт длинный и широкий тоннель. Это был единственный путь от берега вглубь острова. В пещере было намного светлее: факелы, закреплённые на стенах, освещали лучше, нежели на открытом пространстве. По всему тоннелю стоял неприятный запах масла и факельной смолы. Вдали появился неярко сумеречный свет — скоро природная крепость будет преодолена. Когда повозки выехали из пещеры, кучера задышали свободнее — вечерний воздух был прохладен и свеж.

Териану открылся вид на остров. Его природа чем-то напоминала Фозту, но казалась ему более «искусственной». Деревья были высажены ровными рядами, поля и плантации имели правильную форму, а сады и вовсе огорожены. Но зато что это были за деревья! С приходом сумерек их листочки начинали отливать голубым или розовым, а после того, как стемнеет, и вовсе светиться. Неярко, конечно, но таких листьев на каждом дереве были тысячи. Вместе со стволом растение было похоже на причудливое существо, источающее мягкий холодный свет. Териан слышал о таком чуде — отец рассказывал, что в Альтгарде цветут подобные сады. Их называли Голубые Леса. Флора Альтгарда была знаменита своей красотой на всю Атрею. Оттуда растения часто перевозили в разные крупные города, чтобы жители любовались их невообразимой прелестью. По бокам от дороги расположились целые аллеи из светящихся деревьев и кустарников. Путь для телег пролегал под их величественными кронами. Создавалось ощущение, что едешь по райскому саду, а вокруг поют птицы. Действительно, несмотря на достаточно поздний час, мелкая живность не собиралась засыпать. Небольшие птички шныряли от дерева к дереву, напевая свою песню. Казалось, они тоже сияли, как и весь пейзаж этого прекрасного парка.

Когда бескрайняя аллея осталась позади, дорога пошла немного в гору. Териан всё это время ехал, открыв рот от изумления. Взобравшись на холм, повозки прибавили ходу. На горизонте открылся вид на самую академию. Прямо перед колонной возникли две огромные башни, соединённые угловатым строением в пять-шесть этажей. Это здание тянулось в паре-тройку сотен метров — здесь располагались жилые комнаты и классы, как объяснил Белис. Поодаль от главного здания находились несколько крупных манежей для тренировок, а также многочисленные склады для оружия, инвентаря и продовольствия. Вдалеке виднелась небольшая светящаяся полоса, опоясывающая центральные строения. Это была местная речушка, берущая начало на холмах по ту сторону острова. За рекой расположились поля и пастбища со скотом. Редко стояли небольшие домики местных жителей.

— А вон там живу я, — произнёс Белис и указал пальцем на двухэтажный домишко у самой реки. Он был немного крупнее остальных, но по расцветке ничуть не отличался: белые стены, черные крыши и окна. За домом воина крутилась большая водяная мельница.

— Вы живёте не в корпусах? — спросил мальчик.

— Нет, я ведь не учитель. Моё местечко тихое, мирное... Ну, ты там это, заглядывай, как время будет. Я всегда рад гостям.

— Загляну... А у Вас есть жена?

Этот вопрос явно не понравился воину, но он сдержался.

— Я живу один, мой друг.

Териан кивнул и замолчал. Повозки остановились на большой вымощенной камнем площади перед башнями. К телегам ровным строем подбежали люди в доспехах и шлемах и стали дружно разбирать груз. Белис прыгнул со своего места и помог мальчику выбраться.

— Пойдём, я возьму вещи.

Мужчина вытащил из повозки сумки Териана и пошёл впереди. Мальчик последовал за ним. На улице было уже темно — солнце светило очень слабо, наступила ночь. Воин с ребёнком подошли к главному входу в здание, по углам которого были выстроены те две высокие башни. Они были прямоугольными, крыши их напоминали высокие пирамиды. Центр корпуса не украшали ни колонны, ни какие-то арки. Сооружение было выполнено в строгом стиле, в соответствии с его назначением. Входом служили огромные металлические двустворчатые двери, высотой в четыре метра. По бокам от них неподвижно стояли патрульные, дежурившие даже ночью. Они были в доспехах, в руках держали длинные секиры, и вид у них был весьма грозный. Белис и Териан поднялись по мраморным ступеням и остановились у входа. Интендант заговорил с постовыми.

— Новый студент: распоряжение Намуса.

Один из стражей покорно кивнул и, отодвинув железный засов, открыл тяжёлую створку. Воин посмотрел на мальчика, мол, иди первым. Териан понял и послушно прошёл внутрь. Который раз за день ребёнок обомлел и раскрыл рот.

В здании было светло. Огромная хрустальная люстра, свисавшая достаточно низко, освещала просторный высокий зал. Пол был выполнен из тёмного мрамора, всё остальное было белого цвета с красными или золотыми рисунками. На стенах симметрично друг другу висели расписные светильники. В центре зала вели на второй этаж две дугообразные лестницы, соединяющиеся наверху в просторный балкон. Такой роскоши Териан не видел ни разу в своей жизни. Поначалу ему было некомфортно находиться в таком «дорогом» помещении. Мальчик оглядывался по сторонам и пытался найти в убранстве зала хоть что-то, напоминающее родные места. Но всё было по-другому, по-новому.

Белис бросил сумки около ног Териана.

— Чего застыл? Нам наверх.

Мужчина тяжело вздохнул, предвкушая, что увесистый багаж мальчика придётся тащить по лестнице, да потом по длинным коридорам до комнаты. Но делать было нечего.

— Дракан меня подери за то, что я не снял эти балауровы доспехи, — кряхтел про себя интендант, преодолевая ступень за ступенью. Да, металлическая броня была сама по себе тяжёлой, так ещё с двумя чемоданами и парой сумок в руках... В общем, это испытание было достойно лишь воина высокого ранга.

— Чего ж тебе туда наложили? Булыжников? — не унимался он. — Вот же, балаурский рог, угораздило...

Когда процессия всё же поднялась на второй этаж, впереди простёрся длинный коридор, выложенный коврами, а за ним виднелась ещё одна лестница.

Но первый же шаг дался воину трудно. Споткнувшись о край ковра, разгневанный Белис снова вспомнил недобрым словом род ящеров. Ворчания не прекращались на протяжении всего пути. Что сказать, Териан был почти налегке, — всего одна большая котомка в правой руке. Навстречу мужчине вдруг, откуда не возьмись, выбежал патрульный в броне и с

забралом на лице.

Белис, запыхавшись, спросил:

— Свободные... комнаты... есть?

Патрульный почесал перчаткой металлическое ухо.

— Эм-м, на четвёртом этаже южного крыла не все заняты.

— А мы в каком крыле?

— В северном.

Помещение вновь озарил громкий и ёмкий возглас Белиса, очень точно описывающий данную ситуацию.

Патрульный продолжил:

— Поднимитесь в конце коридора на два этажа, а дальше обойдите через западное крыло — там не должно быть заперто.

— Это ж балаурский километр переть... Если заперто, убью... — промычал мужчина и оглянулся на мальчика. — Ну что, пошли.

Териан сделал глупый вид и довольно кивнул — ругательства Белиса его забавляли.

По счастливому стечению обстоятельств, переходы между секторами корпуса были открыты, и через некоторое время измотанный воин и радостный ребенок всё-таки достигли нужного коридора.

— Ни души... Где весь патруль, балаур их дери? Ну что, давай стучаться по дверям. Так, мне нравится номер четыреста пятьдесят один...

Белис подошёл к комнате с табличкой «451» и нервно постучал. Секунд через тридцать послышался звук замка, и дверь медленно приоткрылась. Изнутри на воина смотрел испуганный взгляд мальчика лет одиннадцати.

— У тебя свободно? — особо не церемонясь, спросил мужчина.

— Д-да... я один... — голос был сонный и тихий.

— Отлично, теперь не один! — с искренней радостью произнёс Белис и затолкал Териана и его сумки внутрь. — Знакомьтесь тут. Я поплёл домой, надеюсь, до утра хоть доберусь.

Интендант выругался в последний раз и, скорчив гримасу, помахал мальчикам рукой. Затем он захлопнул дверь и тяжёлыми усталыми шагами направился обратно по тому же пути.

— Моя спина... — только донеслось снаружи.

Ребята отошли от двери и посмотрели друг на друга. Настал неловкий момент, продлившийся, казалось, целую вечность.

— Я Териан! — добродушно выкрикнул первым маленький житель Фозты и протянул руку.

— Лекас, — улыбнулся в ответ его новый сосед.

Мальчики успешно познакомились. Должна была наступить долгая беседа, но Лекас очень хотел спать, да и Териан устал после долгой дороги, поэтому они решили поболтать с утра, а сейчас хорошенько отдохнуть.

— Это моя койка, так что твоя — у окна, — предупредил хозяин комнаты.

— Вообще без проблем, — промолвил в ответ Териан и рухнул на свободную кровать прямо в одежде, оставив сумки нетронутыми около двери.

Через несколько минут в комнате всё затихло. Сон быстро сморил мальчиков. Наступила долгожданная тишина.

— Вот так мы и познакомились, — добродушно улыбнулся асмодианин в личико девушки. Эви растрогала история маленького мальчика, особенно если учесть то, кем он стал в итоге. — Думаю, на сегодня хватит, — сказал Даэв. — Я устал. Хочу немного отдохнуть.

Элийка не стала возражать и, мило улыбнувшись у самой двери, оставила Териана Лекаса в одиночестве. Мужчина солгал девушке, что устал. Просто рассказ давался ему с трудом. Сами понимаете, девятьсот лет молчания и скрытности, а тут он ни с того, ни с сего он открывает душу какой-то девчонке, элийской девчонке! Но, с другой стороны, Даэва невозможно заставить сделать что-то без его воли. Если бы Териан не захотел поделиться прошлым с Эви, он бы показательно молчал и дальше.

«Что же со мной происходит?.. — удивлялся себе асмодианин. — Может, скорая смерть так меняет меня?»

===== Часть 3. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 4.

Отредактировано.

Элизиум.

Даймон спешил на встречу с правителем Элиоса. Он надеялся, что стражники пропустят его к Фаметесу, несмотря на то, что Даэв собирался нанести визит без предупреждения. Бессмертный воспользовался услугами столичного привратника, чтобы поскорее попасть в верхний Элизиум. Любоваться красотой небесного города не было времени. Но всё же столица была великолепна.

Сейчас как раз наступил сезон цветения розовых рюго. Все сады города превратились в бескрайнее море из ярко-розовых лепестков. Красивые цветы и листочки чудесного кустарника были буквально повсюду — на аллеях и улочках, во двориках и на крышах. С пешеходных дорожек десятки дворников сметали в стороны прелестный яркий ковёр. А запах! Айон Всемогущий, как же Элизиум благоухал в период цветения рюго — аромат не описать словами. Розовая пыльца оседала на строения, придавая им совершенно новый вид. Окна застилала плотная пелена, снаружи это выглядело, словно чудо, но хозяева домов жутко ворчали в безуспешных попытках отмыть стекло от яркого розового налёта.

Воину повезло. Добравшись на лифте до Храма Стражников, Даймон не увидел там обилие патрульных — всего четыре бойца Ордена Миразента караулили помещения. Он статно подошёл к одному и спросил:

— Господин Фаметес у себя?

— Расефиэль, Даэв, — по уставу поздоровался охранник и кивнул, чуть не дотронувшись лбом до груди бессмертного. — Проходите. Военачальник в зале.

— Угу, — промычал Даймон и важно распахнул перед собой позолочённые арочные двери, ведущие в главный зал.

На невысоком постаменте стоял отделанный дорогой кожей золотой трон правителя Элиоса. На нём восседал юноша лет шестнадцати на вид. Трон был ему однозначно велик, ведь ковался он для его отца. Со стороны выглядело немного глупо, но возникать по этому поводу было равносильно самоубийству, особенно смертному. Перед парнем боевой коробкой пять на пять смирно стоял отряд в доспехах Ордена Миразента: тяжёлых бурых кирасах с золотыми вставками на груди, спине и плечах. В левой руке воины держали гербовидный щит с похожим рисунком, опустив кончик на тёмный мраморный пол

просторного зала. Правые руки были на рукояти убранных в драгоценные ножны дрениумовых мечей.

Фаметес в своём традиционном императорском одеянии, положив на колени белую трость из слоновой кости, что-то говорил бойцам. Его тон был наигранно уставшим, глаза были устремлены в потолок, а левая ладонь рисовала в воздухе повторяющиеся узоры.

Даймон остановился сразу за входом. Стража тихо закрыла за ним двери. Даэв исподлобья посмотрел на процессию и ждал указаний.

«Странно, что охрана меня впустила. У мальчишки совещание?» — думал бессмертный воин.

На самом деле, каждому элийскому Даэву было немного не по себе от того, что паренёк пятнадцати лет от роду может командовать ими, словно прислугой. Даймон не был исключением, но относился к данному факту более спокойно, чем остальные. «Военачальник есть военачальник», — так рассуждал он.

Фаметес, безусловно, заметил появление Даэва, но реагировать не спешил. Он решил сначала закончить свой монолог и отпустить Орденцев, а лишь потом выслушать незваного гостя. Бессмертный медленно и громко дышал, ожидая конца «выступления» юноши. Через десять минут, но по ощущениям прошли все двадцать, правитель издевательски спросил:

— Всем всё ясно?

Двадцать пять голов дружно кивнули. Затем Фаметес недвусмысленным взмахом руки приказал воинам покинуть зал. Даймон сделал шаг в сторону, чтобы пропустить их. Когда двери вновь закрылись, бессмертный, громко шагая, подошёл к трону.

— Доброго дня, Даймон! — приподняв брови, бросил юный военачальник.

— Расефизель, господин Фаметес, — нужно было поклониться, но Даэв решил пропустить сей жест вежливости.

— Я Вас слушаю. До меня дошла информация, что Вы стали легатом Щитз Неджакана, — правитель обращался ко всем на «Вы». Этим надо было отдать ему должное, ведь говорить многовековому Даэву «ты» несовершеннолетний парень себе не позволял — это бы выглядело как оскорбление или издевательство. — Выражаю свои поздравления!

— Благодарю, — сухо растянул уголки губ бессмертный в скудной улыбке. — У меня к Вам чрезвычайно срочное дело, и... — он обернулся и посмотрел на двери. — ...Я полагаю, оно не для посторонних ушей. Мало ли кто может войти.

Фаметес хмыкнул и поднялся с трона, пристроив рядом белую трость.

— Тогда пройдёт в мою комнату.

Юноша быстро пошагал к дверце сбоку зала, ведущей в покои военачальника. Бессмертный направился за ним. Внутри Фаметес предложил воину сесть. Тот поблагодарил и промолвил:

— У меня к Вам дело по поводу недавних осад в Бездне.

Лицо правителя вмиг погрузнело. Даэв продолжил:

— Я расскажу всё с самого начала. Около трёх-четырёх недель назад в плен к нам попал некто Териан Лекас. Это первоклассный асмодианский крылатый боец. Уверен, Вы о нём слышали.

Фаметес молча сделал жест, чтобы элиец продолжал.

— Дело было в западной крепости Сиэли нижней Бездны. При обыске я нашёл у нег свёрток писем, написанных на языке драканов. Но самое интересное было не в этом. Асмодианин специально подбросил их нам, сделал так, чтобы мы их обнаружили.

— Пока ничего не понимаю... — нахмурившись, пробормотал Фаметес.

— Он сказал, что в них планы захвата Элиоса асмодианами в сговоре с балаурами.

Лицо правителя стало ещё серьезнее. Его недоумённый взгляд был сигналом Даэву, чтобы тот продолжал.

— Вы знаете асмодианский? Как он Вам это сказал?..

— Он говорит по-элийски.

— Вы уверены, что он не шпион? Потому что подобное заявление звучит дико... — юноша задумчиво приложил руку к подбородку.

— Уверен, господин военачальник, — уверенно ответил Даймон. — Я сам сначала не поверил... Я немедленно доставил письма в Цитадель Тэминона господину Фаранису. С помощью его секретаря мы перевели эти бумаги. То, что в них было, повергло нас в шок. Там были слова об одновременном захвате Кротана и Сиэли, причём упоминались все три Дерадикона.

— Та-ак, — глаза юного военачальника округлились.

— Господин Фаранис немедленно отправился в Элизиум передать письма лично Вам. Но Вас не было, и он отдал их Раверинтосу. Тот пообещал, что бумаги скорейшим образом попадут к Вам на стол.

— Пойдите, Даймон, — перебил Даэва правитель. — Клянусь Айоном, мне ничего не приходило! Фаранис явился за день до того, как пропал. Он спрашивал про какие-то письма, но я не предал этому внимания... Раверинтос... — юноша задумался. — Он вёл себя странно. Я отдал приказы в Бездну, но и они не дошли до Цитадели. Раверинтос сказал, что разберётся... но...

— Вы передавали указания через Орден?

— Да, — подозревающе сказал Фаметес. — Вы думаете, что...

— Я не могу исключать любые возможности, — помотал головой Даэв. — С тех пор письма никто не видел. А потом произошла атака на наши форты в Арэшурате.

— Я доверяю Раверинтосу, — голосом, полным сомнения, произнёс правитель. — Он ни разу не подвёл меня за все годы...

— Может, предатель — кто-то из Ордена. Слишком много линий сходится в одну точку... В любом случае, этот человек очень не хотел, чтобы мы знали о планах серокожих и чешуемордых.

Фаметес опустил глаза и задумался.

— Я расскажу всё магистру...

Даймон резко остановил его мысль.

— Не торопитесь, господин Фаметес. На Вашем месте я бы был осторожнее.

— Раверинтос — вне подозрений! — обиженно, но грозно воскликнул юноша. — Я не позволю обвинять его в измене!

— Я никого не обвиняю, правитель. Лишь прошу об осторожности, — глаза Даэва недобро засияли.

— Вы сказали, что переводчик видел письма.

Даймон понял, на что намекает Фаметес.

— Он обычный секретарь. Поклялся, что никому ничего не расскажет. Если хотите, я привезу его в Элизиум.

— Нет, — возразил военачальник. — Орден его привезёт. Рыцари Миразента не могли предать Элиос, Даймон. Вы это прекрасно знаете. Ищите шпиона среди других. Кто ещё мог

знать о письмах?

— Никто. Только я, Фаранис и тот секретарь.

— А Гелион?

— Уже знает. Он меня и послал к Вам.

— Вам надо было раньше сюда приехать. Может, Кротан удалось бы удержать... — понизил голос юноша.

Тон определённо не понравился Даэву.

— У меня и в мыслях не было, что Элизиум не в курсе дела. Я думал, Вы ищите выход так долго. Фаранис тоже... Надеюсь, он найдётся...

— Кхе-кхе, — от слов бессмертного Фаметес поперхнулся и закашлялся. — Даймон, видите ли... Господин Фаранис мёртв.

— Что?! — Даэв вскочил со стула.

— Мы нашли его останки на пашне севернее Элиана. Собаки взяли след у пограничной заставы.

— Как он там оказался?!

— Я не знаю. Его тело было разрублено на куски, — юноша схватился за грудь. От этого разговора ему стало нехорошо.

— Айон... — протянул воин и упал в кресло. — Кто убил его?

— Следствие ведёт лично Раверинтос. Пока зацепок нет. Но привратники утверждают, что видели, как господин Фаранис телепортироваться через разлом в Элтенен.

Даэв стукнул кулаком по столу.

— Опять Раверинтос!

— Послушайте, магистр — один из немногих, кому я могу доверять! Даже Вам я не доверяю так, как доверяю ему, Даймон, — в голосе юного правителя прослеживались нотки упрёка. — Пока я не могу убедиться в том, что письма вообще существовали!

— Да что б Вас! — рявкнул бессмертный, но вовремя заставил себя успокоиться. — Приведите секретаря, допросите его! Он Вам всё подтвердит. И разуйте глаза, господин Фаметес! Хоть на минуту! — буквально заорал Даэв. — Подумайте, как изуродованный труп военачальника Бездны мог оказаться в Элиане! Да его просто-напросто сбросили в пропасть между островами Элизиума, это же очевидно! Какой Элтенен, мать вашу? Да тут весь город в сговоре против Вас! Очнитесь! Скоро и за Вами придут, если будете так же наивны! Нельзя никому доверять. Будьте умнее! — Даймон рывком встал и, громко и быстро шагая, вышел прочь из покоев, бормоча под нос ругательства.

Произошедшее только что не просто удивило, оно шокировало юношу. Он не мог произнести и слова. Во-первых, какое неуважение к его персоне! А во-вторых... Даэв может быть и прав. Элтенен и Элиан ну совсем не вяжутся вместе. Молодой военачальник всерьёз задумался над словами крылатого офицера. Если всё, что он сказал, — правда, Фаметесу было, чего опасаться.

Пандемониум.

— ...И всё же ты не выполнил обещание, — с укором сказал военачальник столицы Асмодеи Верховному Судье.

— Элийцев было намного больше, чем мы ожидали, — оправдывался глава Храма Правосудия. — В самый разгар битвы открылся портал, а оттуда...

— Слутгельмир, оставь свои байки для старушек и детей! Мне неважно было, как ты это

провернёшь. Важен был результат. А его нет! Теперь белокожие нарастят силы, и нам будет сложнее отбить у них Сизель. А какая хорошая была задумка проследить за драканами, чтобы выждать момент осады...

— Господин Видар, это первый раз, когда я Вас подвёл! Дайте мне шанс. Уверяю, всё пройдет гладко. У элийцев остался один форт. Всего один форт! Мы сможем его захватить!

— Сможем-сможем. Но уже под моим командованием, — грозно посмотрел на Судью военачальник. — Твои люди побежали. Я видел отчёт. Храбрость у Безмолвных не в чести?

Слутгельмир смолчал.

— Но всё же ты неплохо послужил Асмодее, — продолжил Видар. — Ступай в Храм и занимайся своими обычными делами. Впредь война — моя забота.

— И что Вы собрались делать? — скрипя зубами, спросил Судья.

— Пора кончать с элийцами! Они и так ослабли, как никогда. Больше такого шанса может не представиться. Я отдал приказ о мобилизации всюду: от Исхальгена до Брустхонины. Двадцать тысяч аканов пройдет сквозь разлом в Элтенен. Ещё тридцать — в Интердику. За считанные дни мы возьмём под контроль эти земли. Дальше придет тридцатитысячное подкрепление, и мы дойдем до самого Элизиума!

— Звучит потрясающе, — вымученно улыбнувшись, прошипел глава Храма Правосудия. Он задумался о своём, затем непринуждённо воскликнул. — Тогда... Слава Асмодее!

— Слава! — донеслось в ответ из уст военачальника.

Мужчины более не проронили ни слова. Слутгельмир вышел из зала, сменив улыбку на злобный оскал.

«Мы с Ней так не договаривались... — размышлял он, громко стуча сапогами по мостовой. — Они не поймут, если я допущу... — вдруг мужчина резко остановился. — Что ж, выходит, пора приводить мой план в действие. Ну вот, Видар... Тебе осталось совсем немного, — снова натянув хитрую улыбку, мыслил Верховный Судья. — Клянусь Асфелем!»

===== Часть 3. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 5.

Отредактировано.

Келькмарос.

На следующий день было то же самое. Эви пришла в комнату к Териану и начала выпрашивать у него продолжение истории «за бесплатную перевязку». Конечно, элийка не стала говорить, что раны уже не надо обрабатывать, — они зажили. Даэв ведь не мог в этом убедиться — спина есть спина, поэтому на слово доверял девушке. А она пользовалась этим, делая вид, что трудится над его болезнью, а на самом деле просто приходила послушать очередной рассказ из его долгой, почти вечной жизни.

Асмодианин не стал противиться, а послушно сел на середину кровати и снял рубаху. Эви уселась за ним и принялась снимать бинты. Пушистая грива, спускавшаяся от головы сзади по шее, а дальше по позвоночнику, забавляла девушку. У поясицы шерсть исчезала, оттого фигура северянина казалась ей весьма сутулой. Хотя все асмодианские мужчины — «сутулые»: строение скелета жителей северной половины Атреи немного изменилось.

Эви обратила внимание, что Териан не притронулся к завтраку, который она принесла ему полчаса назад.

— Вы не поели ничего? — недовольно спросила она.

— Не хочется... — буркнул мужчина.

— Надо кушать... — тихо причитала элийка, разбираясь с его спиной. — А то так и не

поправитесь.

— Куда я денусь? — с издёвкой промолвил Даэв. — Через пару дней я буду, как новенький.

— Дай Айон... — вздохнула Эви. — Ну так что? Договор есть договор?

— Верно... — печально заговорил асмодианин.

Послышались громкие удары в дверь. Каждое утро ровно в семь часов патрульные этажей обстукивают комнаты, чтобы разбудить хозяев. За полгода обучения в академии у Лекаса уже выработался рефлекс просыпаться с этими звуками. Как всегда, мальчик резко распахнул глаза и рывком сел. Он опустил ноги на пол и огляделся. Его новый сосед ещё мирно спал, обернувшись с головой в одеяло. Лекас покачал головой и, перекатившись через кровать, принялся будить соню.

— Териан! Подъём! Ну же...

Мальчик пытался отмахнуться, но Лекас был настойчив. Териану пришлось послушаться и встать с постели. Наконец, он увидел комнату при свете. Убранство было достаточно богатым: две массивные кровати были придвинуты вплотную к стене, между ними находилась небольшая тумба; напротив кроватей стоял круглый стол с двумя деревянными стульями. Над ним висел овальный светильник, свечи для которого кучей лежали на подоконнике. Окно было большим с видом на реку, сквозь него не составляло проблем разглядеть окружающую природу. Напротив у самой двери стоял шкаф из тёмного дерева. Всё было чисто — ни намёка на пыль или соринку. Стены комнаты были окрашены в бордовый цвет, потолок — полностью в белый. Такой контраст поначалу резал глаз, но всё же это была не гостиница, хотя мебели мог позавидовать любой столичный отель, а «элитная двухместная казарма».

Лекас всегда вставал сразу же после обхода — так можно было успеть в туалетную комнату, чтобы умыться и привести себя в порядок. Если упустить момент, придётся целых полчаса простоять в очереди, а на это не было времени. Те, кто жили вдвоём, частенько поступали умнее: один занимал очередь, второй убирал в это время комнату — заправлял постели, подметал, готовил одежду. У Лекаса такой возможности не было — его поселили одного.

На всё про всё студентам давалось тридцать минут. Затем шёл также получасовой завтрак, а ровно в восемь утра начинались занятия. На первом курсе это были, в основном, научные предметы: правописание, математика, история, естествознание и философия, на которой ученики читали и обсуждали с преподавателем древнюю литературу, а также разбирали многие вопросы касательно их будущего. Да, несомненно, юношей готовили к битвам с «чешуекожими захватчиками», как их частенько называли в пределах этого заведения. Но здесь растили отнюдь не «пушечное мясо», а настоящих предводителей отрядов и гарнизонов. За будущими выпускниками стояло тяжёлое бремя руководить во время сражений, просчитывать исходы и стратегии, а самое главное — уметь постоять за себя в самых кровавых баталиях.

Начиная со второго курса, студентов обучали основам воинской дисциплины. Им впервые давали в руки холодное оружие. Ну, а дальше по стандарту: построения, тактики, ведение боя. Вкупе с этим продолжались уроки математики, истории, а также добавлялся такой предмет как алхимия. В среднем, с четвёртого курса юных воинов начинали таскать по отрядам, даже делали вылазки на территорию балауров. За особо успешными учениками

выстраивалась очередь из легионов, чтобы после окончания академии они пополнили ряды защитников Атреи под их гербом. Всего обучение продолжалось пять лет. Выпускникам Санктума полагалось звание офицера, крепкие доспехи и серьёзное и дорогое оружие, которое отличало их от обычных воинов.

Ежедневные занятия длились, в среднем, по пять-шесть часов. После пятого часа был положен часовой обед, а затем, если уроков нет, было свободное время. Но отдыхать студентам было некогда. Вечера проходили за зубрёжкой материала — учителя были очень требовательны: за невыученное задание полагалось наказание, даже физическое — всё-таки военная академия... Ученикам не просто давали знания, их воспитывали. Вдали от дома и семьи их учили быть храбрыми, сильными, бесстрашными, честными, послушными, но справедливыми. В академии существовал устав. В нём было чётко прописано, что не допускается в стенах школы. А именно, внеурочное насилие, воровство, агрессия к товарищам, недостойное поведение, нарушение режима дня и так далее. За нарушение данных правил могли и в темницу на несколько дней посадить.

Как ни странно, на Атрее возраст человека имел второстепенную роль. Главенствующим фактором являлись его поступки. Ранги и звания довольно справедливо отражали послужной список воина, и нередко бывало такое, что двадцатилетний парень стоял во главе гарнизона, а у него в подчинении находились бывалые бойцы, большинство из которых уже разменяли свой пятый десяток.

С трудом разбудив Териана, Лекас с горестью обнаружил, что упустил свой шанс посетить туалетную комнату до завтрака — очередь простиралась до середины коридора.

— Ну да ладно, — сказал он. — Зато в столовую придём первыми. Пойдём, я тебе покажу корпус.

Териан всё ещё был в полусне — не привык он так рано просыпаться. Но рука мальчика, схватившая его за предплечье и насильно тянувшая вон из комнаты, помогла ему немного прийти в себя.

— В конце коридора туалеты и душ, но нам в другую сторону, — довольно серьёзным тоном говорил Лекас, пока вёл своего товарища по помещениям главного здания академии. — Как кстати, что ты уже в одежде, — подметил он. — Теперь точно всюду успеем!

Мальчики быстрым шагом добрались до лестницы и спустились на второй этаж.

— Там дальше идут столовые. Мы на первом курсе, поэтому ходим с столовую с цифрой один на входом. Запомнил?

— Эм-м, да, а есть разница?

— Ещё какая! Ты же не хочешь, чтоб нас вышибли оттуда пинком, а потом наказали? Нет? То-то же! Тут строго. А ты как думал? Дальше, вон, идут залы с библиотеками, но они по утрам закрыты, — Лекас остановился и шепнул другу на ухо. — Просто библиотекарь с бодуна каждый день, поэтому и спит до полудня. Идём дальше.

Мальчики прошли по всем нижним этажам главного корпуса. Они успели побывать в каждом крыле этого огромного здания. Конечно, Териан не запомнил с первого раза расположение всего того, чего ему с таким усердием показывал его сосед, но главное, где находились столовые, парень уяснил.

— Ты, кстати, к кому привязан? — спросил Лекас.

— Ты о чём?

— Ну, кто твой куратор? Ответственный за тебя.

— Эм-м, не знаю... Хотя нет, кажется, имя припоминаю... Как же его... Намус вроде...

— У-у-у, ты попал, парень. Зверь, а не мужик! Старик он, конечно, но ещё тот изверг. Строгий до мозга костей! Он и мой преподаватель, — грустно произнёс мальчик. — Ух, и намучился я с ним за эти полгода...

Териан очень удивился подобным словам.

— Да а чего я тебе мозг-то парю? Скоро сам всё увидишь! У нас как раз его урок.

Лекас посмотрел на настенные часы и ужаснулся.

— Айон Всемогуший! 3 минуты до завтрака! Бежим, нельзя опоздать! — громко выкрикнув эти слова, парень ломанулся в сторону лестницы. Териан поспешил за ним.

Но, к сожалению, успеть первыми не получилось. Пришлось встать в конец длинной очереди, как и всем.

— Единственное, что тут реально бесит, так это толкучка. Везде: в туалете, в столовке, на лестницах, в коридорах. Народу до балаура, да простит меня Айон! — негодовал Лекас.

Отстояв своё, мальчики, наконец, добрались до еды. Ассортимент был богат — кормили студентов, как царей. Но всё же чего-то не хватало... Наверное, домашнего уюта.

Понабрав всего, что только можно, друзья сели за освободившийся столик и приступили к трапезе.

— Расскажи о себе. Я ж ничего о тебе не знаю, кроме имени, — с набитым ртом сказал Лекас.

Териан, недолго думая, рассказал о своём детстве, о родителях, о том, как попал сюда.

Лекас слушал внимательно, иногда понимающе кивая. Затем заговорил он.

— Тебе повезло, конечно. У меня всё вышло печальней. Я сам родом из Теобомоса. У меня были мама, папа и брат с сестрой. Мирно жили, хорошо... А потом балауры пришли, сволочи поганые, чтоб им в Эфире раствориться. Они сожгли всю деревню... и людей пожгли, — голос ребёнка стал тише и печальнее. — Мои родители фермеры... были... ну, мы и похватали, что было, да и прочь из деревни. А потом... помню, огненный шар в нас влетел... Меня с братом выбросило из телеги, а остальных... В общем, так...

— Мне жаль, — Териан отложил еду и продолжил слушать историю мальчика.

— ...Мы вдвоём убежали, и нас около заставы встретил гарнизон людей во главе с Даэвом. Так мы и спаслись. Потом Ксимус, мой брат, выяснил, что войско это отсюда — выпускники Санктума были там боевой единицей. Вот он и попросил Даэва пристроить нас сюда... тот согласился.

— А где твой брат сейчас? — спросил Териан.

У Лекаса как ком в горле встал. Он лишь отрывисто пробормотал:

— Погиб...

— Но как же? Когда?!

— Даэвы бессмертны... а люди — нет... Тот гарнизон там так и полёг... А я чудом выбрался и на корабле с беженцами уплыл сюда. Рэйвен, как ни в чём не бывало, меня встретил.

— Кто?

— Перерождённый тот. Рэйвеном его звать. Такой же красивый, статный, в броне... Ему смерть не страшна, друг... Только моложе на вид стал...

После паузы обдумавший всё Териан произнёс:

— М-да уж, твоя история намного ужасней моей... Прости, мне очень-очень жаль.

— Да ничего... Теперь кантуюсь тут. Живу с мыслью о том, как отомщу этим

проклятым балаурам за всё... — Лекас скрипнул зубами и сжал кулаки. — Они не достойны жизни за то, что отнимают её у других...

— Сколько тебе лет?.. — пробормотал Териан.

— Двенадцать, как и тебе, — Лекас подумал и спросил. — Будем друзьями?

— Будем, — попытался улыбнуться мальчик, но это вышло довольно убого.

Еда более не шла в горло, и ребята, отнеся приборы, направились к классам, которые располагались в северном крыле около башен. Они шли по длинным коридорам, не торопясь, — времени в запасе было много — и продолжали рассказывать друг другу о себе. С каждой новой историей Лекаса Териану становилось всё хуже и хуже — по сравнению с ним, его проблемы казались сущим пустяком, даже ссора с отцом. Мальчик удивлялся, как его ровесник успел за такую короткую жизнь пережить так много зла и потерь. Ребёнок открыл для себя, что жизнь порой бывает очень несправедливой.

Наконец, парочка добралась до нужного класса. Внутри уже сидела почти вся группа Намуса. Но самого преподавателя пока не было. Мальчики заняли два свободных места в конце и тихо стали ждать начала урока. Через минуту Намус вошёл в аудиторию. На нём была бежевая туника и странный высокий колпак, что вызывал смех у всех студентов без исключения.

Учитель встал возле своего стола и пересчитал ребят. В этот раз было на одного больше, чем обычно. Старик задумался, нахмутив брови, а затем выкрикнул:

— Кто новенький?

Лекас толкнул локтем Териана, чтобы тот встал. Мальчик помялся, а затем осторожно поднялся со своего места.

— Я... — произнёс он.

— Как тебя звать?

— Терианом, я из Фозты...

Намус скорчил умное лицо, а затем воскликнул:

— Ах да, ты тот самый сын верховного жреца! Хорошо, сядь на место.

Териан кивнул и присел.

— Ты же говорил, что ты племянник священника, — шёпотом спросил Лекас.

Намус дёрнулся и ударил указкой по столу.

— Вы, встаньте оба!

Мальчики повернулись лицом к учителю и по его взгляду сообразили, что просьба была адресована им. Они тихонько поднялись со стульев.

— Не болтать! Ещё одно замечание, и я отправлю вас обоих туалеты зубами чистить! — голос старика был противным и кряхтящим. — Сесть!

Ребята плюхнулись обратно.

— Встать! — злобный возглас снова прозвучал над головами мальчиков. Они вновь вынуждены были послушаться.

— Да вы одинаковые! Не отличить... Больше не садитесь вместе, а то буду путаться. А вот теперь сесть и заткнуться!

«Откуда столько злобы в старике?» — пролетело в мыслях у Териана.

Мальчики, на самом деле, были немного похожи. Русые волосы, большие глаза, да и роста они были примерно одного. Отличал их только цвет глаз: у Териана они были ярко-зелёные, а у Лекаса — тёмно-карими.

Первый урок с другими детьми для Териана прошёл необычно. Преподаватель объяснял

материал не только ему, а всему классу, поэтому нужно было понимать всё с первого раза, ведь переспрашивать или просить повторить не разрешалось. Конечно, для ребёнка, привыкшему к личному вниманию, пребывать на обычных занятиях было непривычно. Даже усидеть на месте, не разговаривая, в течение пятидесяти минут, а именно столько длился урок, было задачей отнюдь не из лёгких. То кто-то позовёт, то там что-то интересное, то вдруг спать захотелось... Но нужно было сохранять внимание на протяжении всего занятия. Затем наступал десятиминутный перерыв, а за ним снова урок. И так изо дня в день.

В группы редко приходили новые ученики. С первого занятия каждый класс закреплял свой состав, и его старались не менять. Дети должны были привыкнуть друг к другу. А после того, как они освоятся в своём небольшом «обществе», начинались испытания, направленные на сплочение коллектива. Преподаватели постоянно твердили, что учебная группа — это семья, единый организм, в которой каждый ребёнок — лишь частичка от целого и неделимого. Детей заставляли стоять друг за друга горой, быть не просто друзьями, а братьями, чувствовать друг друга на расстоянии. Одногоруппники всегда ходили вместе, одевались похоже, имели одинаковые жесты и привычки, даже шли нога в ногу. После выпускного юноши становились воинами, способными меняться под любую ситуацию и дерущимися всегда вместе, а не в одиночку. Такой боец по определению не мог предать своих друзей и нарушить воинскую клятву — попросту струсить перед лицом врага. Это были идеальные солдаты и офицеры. За несколько лет такое объединение должно было случиться с каждым мини-коллективом.

После урока Лекас подбежал к Териану:

— А я говорил тебе, что он зверь. А теперь знакомься, это наши ребята.

Группа обступила мальчика и принялась вежливо приветствовать новичка. Териану было не по себе — теперь никто не запрещал ему общаться со сверстниками.

Перемена прошла почти незаметно. На очереди был следующий урок — математика, который, в отличие от истории, преподавал не Намус, а «добрый дядька в очках». Он постоянно шутил на своих занятиях и почти никогда не ругался. Териану сразу понравился преподаватель, и он решил, что отныне математика будет его любимым предметом.

После пятого урока наступило время обеда. На него отводился целый час, потому что очереди увеличивались чуть ли не в два раза. Казалось, весь остров собрался в небольшой столовой первого курса. Отстояв приличное время, мальчики всё-таки смогли перекусить, ну а дальше шло свободное время. Конечно, нужно было осмотреть территорию, ведь Териан здесь в первый раз. Лекас провёл друга к выходу и вывел его на улицу. Денёк стоял пасмурный — небо было плотно затянуто тучами, но это не мешало ребятам прогуливаться по просторам Санктума.

— Главное, к десяти вечера вернуться — здесь строгий комендантский час, — предупредил Лекас. — Ну, по местному Голубому Лесу ты вчера прокатился, так что давай сгоняем к реке, посмотрим на поля и пашни — в Фоэте ведь таких полно.

Териан, не думая, согласился. Пейзажи нынешних фермерских угодий напоминали его родные места, но в то же время отличались. Здесь на острове поля были значительно меньше, и местность была более неровной и холмистой, чем в «краю солнца».

Мальчики поднялись выше по реке и перебралась через неё по деревянному мосту. Это была уже не территория академии, а поселение местных жителей.

— Вон дом Белиса! Зайдём к нему! — воскликнул Териан. Лекас не был в восторге от этой идеи, но вынужден был согласиться. Жилище интенданта легко узнавалось по водяной

мельнице, построенной на реке. Мальчики быстро подбежали к невысокому забору, отгораживающему его участок от остальных, и постучались в калитку. Никто не открыл и не отозвался.

— Давай за мной, — махнул рукой Териан и принялся перелезать через ограду.

— Ты с ума сошёл? — прошептал его друг. — А если кто увидит?

— Расслабься, Белис не обидится.

Лекас подумал-подумал, посмотрел по сторонам, нет ли свидетелей, и тоже ловко перекинул ногу через забор. Участок интенданта был небольшим, но уютным. Около дома выстроились несколько скамеек — самодельных, судя по всему. По сторонам и вдоль ограды росли цветы и кустарники, а по всему его саду были раскиданы то там, то тут маленькие фарфоровые фигурки — в качестве украшения. Териан вбежал на крыльцо и сначала осторожно, а потом сильнее постучал в дверь. Никто не отзывался. Он снова постучал. Тишина.

— Наверное, его нет до... — хотел было сказать мальчик, но тут замок провернулся и дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял угрюмый сонный мужчина в розовой пижаме.

— Белис? — испуганно произнёс Териан.

Воин ничего не ответил. Он прищуренными глазами посмотрел на калитку, потом на мальчика, на калитку и снова на мальчика.

— Ну проходите, раз пришли, — сказал он, наконец.

Белис открыл дверь пошире и впустил ребят. Внутри было теплее, нежели на улице. Убранство дома было совсем не богатым. Да и уюта интерьер не добавлял: кругом какие-то деревяшки, ящики, склянки — что поделать, интендант. Мужчина провёл детей на кухню и посадил за маленький круглый столик.

— Чай будете?

— Да, пожалуй, — скромно произнёс Териан.

Воин порылся в полках в поисках чашек. Оттуда то и дело вываливался всякий хлам — крышки, тряпки, стеклянные бутылочки. Наконец, он нашёл то, что искал.

— Соскучились что ли? — усталый мужчина потёр глаза и всё же улыбнулся гостям.

— Мы гуляли тут неподалёку и вот решили заглянуть, — пробормотал Териан.

— Оба?

— Угу.

— Через забор перелезать тоже оба решили? — Белис поставил чашки на стол и принялся греть воду в печке.

— Н-нет, — немного пристыженно произнёс мальчик. — Это была моя идея...

— Это я сразу понял. Проказник из тебя ещё тот. Только больше так не делать, — Белис обернулся и пригрозил пальцем. Мальчики, испугавшись сурового взгляда интенданта, вместе кивнули.

— Ну, рассказывай, как прошёл первый день в стенах академии?

Териан, ничуть не скромничая, поведал воину о всех своих впечатлениях.

— ...Намус просто зверь! — не унимался он.

— Да, знаю. Знаешь, главное его не злить. Когда он подбрее, он... вполне себе ничего, — Белис снял котелок с огня и быстро поставил его на стол. — Ах ты... драканий хвост.

— Обожглись?

— Да, чтоб тебя, — он подул себе на руку. — Сахар — в банке, ложки найдёте.

Мужчина выбежал в коридор, нашёл где-то белую склянку и sprиснул оттуда жижу себе на ладони. Ему сразу полегчало.

— Фу-ух, — довольно выдохнул он и вернулся к гостям.

— Что у вас глаза такие голодные? Вы ужинали хотя бы? — спросил ребят Белис.

— Мы пообедали и пошли гулять... — промолвил, наконец, Лекас после долгого молчания.

— Ясно... С пустыми желудками, значит. Так бы сразу и сказали. У меня тут фокус жареный с обеда остался, — интендант приоткрыл крышку кастрюли и посмотрел, что внутри. — Будете?

Ребята воодушевлённо кивнули.

Белис сделал жест рукой, мол, один момент, и принялся накрывать на стол. За едой интендант рассказал мальчикам немного о своей жизни, о том, как служил в легионе, легатом которого была сама Посланица Триниэль; о том, как они защищали земли Брустхонина от армии Бритры, одного из Великих Властелинов балауров; о том, как Триниэль на его глазах переродила с десятков славных легионеров.

— А как же Вы? — вмешался в повествование Лекас.

— А что я? Я не великий, я никогда не выделялся от остальных. Но сам факт того, что я воевал плечом к плечу с будущими Даэвами, да ещё видел Служителей Вечности вживую... заставляет меня думать, что жизнь я прожил не зря, — глаза Белиса сияли, когда он рассказывал о своём прошлом. — Но, друзья мои, годы берут своё. Я уже не молод и по-хорошему должен сидеть где-нибудь на лавочке в Сиэле с другими бывшими вояками и рассуждать о насущных проблемах... за чаркой чего покрепче, хе-хе. Но из-за того, что моим наставником и предводителем была сама Леди Триниэль, меня охотно взяли сюда, пусть даже интендантом, — он остановился ненадолго. — А знаете, я счастлив здесь... Для меня честь бороздить моря Атреи на легендарном «Санктуме», помогать даже самую малость новому поколению защитников святой земли. Вы станете великими, я это чувствую, — старый воин улыбнулся, но во взгляде его плавали лучи грусти.

Когда черед воспоминаний прервалась, Белис принялся описывать все прелести жизни на острове, а также рассказывать ребятам, что их ждёт в ближайшее время. По его словам, лучшие группы по итогам года поедут на парад в Сиэлу — священную столицу людей, чтобы увидеть своими глазами этот прекрасный город и Башню Вечности, что находилась совсем близко.

— Надеюсь, я вас мотивировал на хорошую учёбу, — засмеялся мужчина. — А теперь идите, уже темнеет. Вам нужно успеть добраться до главного здания до десяти вечера, иначе ночевать будете в темнице, всё поняли?

— Да... да, мы знаем, — хором ответили мальчики.

Они поблагодарили Белиса за тёплый приём, ужин и, уходя, ещё раз пообещали, что больше не будут без спросу залезать на чужие участки. Воин проводил их до калитки и помахал рукой:

— Приходите ещё, буду рад!

Друзья со всех ног побежали обратно — за разговорами и едой они совсем забыли про время. На полный желудок бежать было трудно, но ночевать в тёмном холодном сыром подвале хотелось меньше всего. Мальчики успели войти в здание практически с самым закрытием металлических ворот. Войдя внутрь, они остановились в холле под огромной хрустальной люстрой и, наконец, смогли отдышаться.

— Фух, ну и денёк выдался сегодня, — радостно перевёл дыхание Териан.

— Да, весело было... — согласился Лекас. — Одному мне приходилось скучать.

— Чем же ты занимался по вечерам?

— Как чем? Учил уроки, отдыхал, спал... Скука смертная, в общем, — он отмахнулся и посмотрел в сторону лестниц. — Кстати, нам завтра на истории ответить надо... Особенно тебе.

— Чего это? — удивлённо спросил Териан.

— Потому что ты новенький, забыл? Теперь зверюга будет тебя драть не по-детски, чтоб проверить, что ты за фрукт.

Мальчик в ответ нахмурился и недовольно промычал.

— Пошли, вечер ещё не окончен... — проговорил Лекас и стал подниматься по лестнице. Териан, опустив голову, поплёлся вслед за ним.

После нескольких часов никому не нужной зубрёжки истории, решением примеров по математике и исписыванием целых страниц каллиграфическим почерком по правописанию и без того уставшие дети завалились спать. Ждать сна не пришлось. Только закрыв глаза, ребята тут же провалились в мир грёз.

Когда Териан Лекас закончил свой рассказ, элийка вздохнула и грустным голосом сказала:

— Да... Тот мальчик... Лекас... Мне очень жаль его... Что с ним случилось?

— Терпение, Эви, терпение... — тихо произнёс Даэв.

— Белис, он... забавный.

Асмодианин невольно улыбнулся.

— Ты права, я долго не мог понять, почему взрослый, повидавший столько войн мужчина проникся к двум несмышлёным мальчуганам... — Териан встретил пронзительный взгляд Эви. — Я о нас с Лекасом...

— Так это... — она засмушалась. — Вы выиграли поездку в столицу?

— Да, моя группа оказалась среди трёх лучших. В конце первого курса мы увидели Сиэлу собственными глазами.

— В элийских учебниках город называют Элизиумом... — почти вопросительно произнесла девушка.

— Это ошибка, — сморщил щёку Даэв и помотал головой. — После Катаклизма леди Ариэль, ваша покровительница, воздвигла прекрасный город на руинах прежней столицы и назвала его Элизиум. Но, когда Атрея была ещё единой, имя было тоже одно — в честь Верховной Служительницы Вечности Сиэли.

— Понятно... — протянула Эви.

Наступила неловкая пауза.

— Не устала? — бессмертный повернулся к ней лицом. — Готова послушать о первой столице людей?

— Готова, — улыбнулась девушка и устроилась на кровати поудобнее. — Начинайте.

===== Часть 3. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 6.

Отредактировано.

Как и обещал, Териан каждую неделю писал письма родителям в Фоэту. К сожалению, доходили они не всегда вовремя — сообщение между островами осуществлялось только по

морю. Письма доставлялись во время перевозок товаров и грузов, поэтому всё зависело от расписания кораблей. Если вдруг море взбушевалось в яростном шторме, то приходилось ждать, пока ненастье стихнет, и водная дорога снова станет доступной. Из-за этого, бывало, что и Истрат с Мирен, и Териан не получали друг от друга вестей месяца, а затем с одним кораблём приходило с десятков писем. Но мальчик всё равно отправлял весточки родным, и неважно, когда они дойдут до адресата. В посланиях он писал обо всём, что с ним происходило: что он изучил, где побывал, о чём узнал. От родителей Териан получал известия о том, что нового было у них: как живёт Фоэта, работает ли храм, как родители скучают по своему сыну... Конечно, мальчик тоже скучал. Но выхода не было, нужно было ждать двухнедельных каникул, которые бывают два раза в год. Тогда дети имели возможность повидаться со своими близкими, навестить родных. Письма Териану в основном писала мать, отец не решался взяться за перо — он боялся, что сын ещё в глубокой обиде на него. Но через несколько месяцев Истрат всё же собрал волю в кулак и отправил длинную весточку сыну. Ответа очень долго не было. Мужчина испугался, что это из-за него, что Териан теперь и вправду ненавидит его. Но через три недели пришло сразу три письма, где мальчик, как ни в чём не бывало, отвечал отцу и писал, что скучает. Оказалось, суда были в ремонте, и доставить вести в Фоэту было невозможно. Териан действительно больше не злился на Истрата. До него, наконец, дошло, почему отец поступил с ним именно так. В академии мальчику и вправду нравилось больше, чем со следопытами. Он вдруг осознал, кем мог стать в будущем, если бы остался в Фоэте. А здесь, среди мраморных колонн, дорогих интерьеров и элитных воинов, среди лучших молодых бойцов Атреи и защитников добра и мира, Териан чувствовал себя нужным, а также ему было комфортно среди своих сверстников.

Лекас никому не писал писем, да и кому писать, если родных не осталось? Всех забрала война. Оттого мальчик хотел скорее вырасти, возмужать, чтобы отомстить проклятым балаурам за всё. Под влиянием Териана подросток со временем стал более открытым. Он тоже начал веселиться, как и его беззаботный друг.

Шли дни, недели, месяцы. Так как Териан поступил в академию в середине года, каникулы он уже упустил. Оставалось ждать окончания первого курса, чтобы навестить родителей. В конце учебного года преподаватели групп устроили что-то типа экзамена для своих учеников по всем дисциплинам. Конечно, было очевидно, что группа, где учились Лекас и Териан, обогнала всех по истории, ведь её преподавал грозный Намус. Также они показали высокий балл по математике. По итогам их группа вошла в тройку лучших и за успешную учёбу была награждена приглашением в Сиэлу на ежегодный красочный фестиваль-парад, где можно было увидеть величайших воинов Атреи, настоящих Даэвов, а также Служительницу Вечности Сиэль — покровительницу города.

Детей собрали в холле первого этажа. Они стояли ровным строем, разделённые по своим группам. Много вещей сказали не брать — после торжеств студенты тут же возвращаются обратно. Потом спустились преподаватели, которые будут вести каждую группу за собой. У группы Териана и Лекаса это был никто иной как Намус.

Перед ребятами выступил какой-то мужчина в золотых доспехах — видимо, учитель боевых искусств со старших курсов. Он рассказал, что их ждёт в ближайшие дни. А план был таков: сначала на «Санктуме» студентов везут до столицы — меньше суток пути, затем, оставив вещи на судне, все идут смотреть парад. После этого встреча с Даэвами — у ребят будет возможность расспросить бессмертных об их жизни и подвигах. Ну, и, наконец, путь

обратно — сюда, в академию, откуда каждый сможет поплыть к себе на родину и побыть с близкими несколько дней. У кого нет родственников, обычно остаются в стенах школы и проводят время здесь.

— И не вздумайте вести себя неподобающе на параде — вмиг отправитесь на корм рыбам! — в завершение своей речи грозно выкрикнул воин и дал команду учителям выводить всех на улицу. Во дворе главного корпуса стояли телеги и экипажи. Детей с вещами посадили в кузова повозок, а учителей — в кареты. Мужчина в доспехах запрыгнул на лошадь и повёл колонну за собой в сторону берега.

Было раннее утро, солнце светило ещё не так ярко. Путь пролегал всё через тот же Голубой Лес и пещеру в скале, на этот раз деревья не излучали света — листья переставали светиться, как только ночь переходила в утро. Погода была довольно обычной — по голубоватому небу в сторону Башни Вечности плыли белоснежные пушистые облака. Приятный и нежный климат Санктума не менялся с годами, поэтому в этот день, как и во все остальные, было не жарко и не холодно.

Повозки ровной колонной добрались до берегов острова. В порту их уже ждал корабль о бело-красных парусах. Териан сразу узнал его и заулыбался, ведь у него на борту интендантом служил Белис.

— Значит, Белис тоже плывёт с нами? — радостно спросил у друга Лекас.

— Надеюсь, да, — в предвкушении ответил Териан.

Трап опустили, и ребятам приказали подниматься на борт. Ожидания оправдались — у фок-мачты, скрестив руки на груди, стоял их друг. Он поприветствовал преподавателей и мужчину в золотых доспехах, а затем направился к детям:

— Я распределяю товары по трюмам и детей по каютам, хе-хе, — пошутил интендант и повёл студентов на нижние палубы. Собрав всех вокруг себя, он нашёл в толпе первокурсников знакомых ребят и радостно поприветствовал их. — Лекас! Териан! Ну привет, проказники.

Мальчики радостно подбежали к Белису и обняли его.

— Так, у меня для вас припасена каюта в корме — там светло и места побольше, — он хлопнул детей по спине и показал им дверь в конце коридора. — Бегите скорее, пока никто не занял. Если начнут спорить, скажи — распоряжение интенданта.

Ребята кивнули и побежали к своей каюте. А Белис между тем продолжил раскидывать по помещениям толпу юных первокурсников.

Когда всё было готово, под звон колокола судно плавно сдвинулось с места и, рассекая водную гладь, направилось в сторону Башни Вечности, ведь практически под ней и располагалась Сиэла. Фозта и Санктум находились вне барьера, поэтому, чтобы добраться до столицы, необходимо было пройти сквозь него. В лучах солнца магического поля не было видно. Только когда корабль приблизился вплотную к прозрачному щиту, голубоватое свечение впереди дало о себе знать.

— Спустить все паруса! — скомандовал рулевой.

Оказалось, нельзя пройти сквозь барьер на большой скорости. Тогда он превращался в непреодолимое препятствие, и судно просто пошло бы ко дну, разбившись о невидимую стену. Нужно было сбавить обороты, чтобы проплыть сквозь поле невредимым.

«Санктум» приблизился к щиту вплотную и стал потихоньку проникать сквозь него. Сначала нос корабля засветился голубым и вскоре скрылся за прозрачной пеленой. Сквозь барьер было видно, как всё большая часть палубы проникает внутрь магического щита. Глядя

сквозь него, создавалось чувство, будто смотришь через голубоватое стекло — всё вокруг слегка меняло окрас. Через несколько минут барьер сомкнулся на кончике кормы, и судно благополучно попало в безопасные воды. Команда заплодировала, и довольные матросы снова заняли свои места.

Изнутри защитное поле казалось не таким, как снаружи. Его поверхность словно отражала часть солнечных лучей и слегка подсвечивалась. Если подойти близко, наверное, можно было увидеть своё отражение.

Белис вдруг скомандовал: «Общая тревога!». Юнга начал трезвонить в бортовой колокол, и всем было приказано покинуть нижние палубы и собраться наверху. Дети побросали свои дела и мигом побежали к лестницам. Через минуту вся верхняя палуба была забита юными студентами.

Довольный интендант оправился и с важным видом пошагал в сторону толпы.

— А теперь, когда вы все тут, извольте оглянуться назад, — хитро улыбаясь, начал мужчина.

Все обернулись и уставились туда, откуда плыл корабль.

— Прекрасно. Я рад вам сообщить, что мы успешно преодолели Эфирный щит, и теперь плывём под благоприятствующим ветром прямиком к Сиэле! Ура! — он захлопал в ладоши, и дети тут же подхватили овации.

— Мы в святых землях Айона, дамы и господа! — воскликнул Белис и тут же умолк — «дамы» на корабле не было ни одной. Даже кок на судне был мужчиной.

Народ переглянулся и стих. Между тем воин продолжил:

— Этот барьер питает сила Эфира, исходящего из самой Башни. Присмотритесь, ребята. Он пульсирует, — мужчина снова заулыбался. — Все заметили?

Поначалу никакой «пульсации» не было видно, но если всмотреться внимательней, модно было разглядеть, как с полюсов Атреи — так называли основания Башни — по барьеру, как по ровной и спокойной водной глади, расползались белого цвета волны и тянулись к экватору. Они были едва заметны, но различимы. Нет, не сам щит гулял из стороны в сторону, как поверхность воды при слабом ветре, — он был неподвижным и идеально плоским. Казалось, что внутри него растекалась и пульсировала какая-то энергия. Это были даже не волны, а, скорее, почти прозрачные движущиеся полосы белого цвета, но эффект создавался невероятный. Вкупе с расплывчатым серебристым свечением и едва видимыми днём полосками на небе из пронизывающих барьер Эфирных потоков это выглядело, как настоящее чудо. Дети восторженно вздыхали и стояли не двигаясь, разинув рот и уставившись в небо.

— Он что, живой? — донёсся чей-то голос из толпы.

— Да, друзья мои... Эфир даёт жизнь, а раз барьер — Эфирный, то жизнь в нём тоже присутствует, — ласково и с некоторым восхищением перед таким чудом проговорил Белис.

Дети сочли это логичным, но поверить в то, что некая магическая субстанция, пусть и такая величественная, может жить, было трудно. Ещё несколько минут ушло на то, чтобы заставить себя оторвать взгляд от медленно удаляющегося «живого» щита, надёжно оберегающего сердце Атреи — Башню Вечности.

Толпа ребят потихоньку стала расходиться обратно по каютам. Но Териан не пошёл со всеми. Он постоял около борта, а затем подошёл к Белису и скромно заговорил:

— Здесь даже дышится проще... — он прислонился спиной к мачте и посмотрел на мужчину.

— Да... Эти земли благословлены, — глаза воина были устремлены на Башню, кажущуюся столь близкой. — Здесь никогда не будет войны... Айон не допустит...

— Но почему же Он допустил войну там? — мальчик указал пальцем в сторону барьера. — Разве по ту сторону живут другие люди?

— Нет, мой друг. Просто Он хочет, чтобы мы были сильными, — Белис каменным взором глянул на Териана. — И я верю, что у нас это получится.

Уверенность в словах мужчины передалась и ребёнку. Но сердце мальчика ныло — что-то не давало ему покоя. Ведь несправедливо было позволить одной расе быть сильнее другой. Чтобы все жили в мире, надо было сделать всех равными и перед друг другом, и перед Айоном — так рассуждал юный Териан. Тогда у многих существ не возникло бы чувство презрения и гордости. А теперь, когда правит миром грубая сила и жестокость, сложно остановить кровопролитие и очистить души яростных захватчиков от ненависти.

Вдруг Териан остановил себя на мысли о том, что Айон тоже виноват в случившемся. Мальчик испугался таких выводов и в тот же миг постарался забыть о том, о чём думал.

«Хоть бы Всевышний не услышал моих мыслей, — пролетело в голове у мальчика. — О, Айон, Великий Творец, прости мою душу...» — уже взмолился он.

Айон слышал всё. Всевидящее Око ни на миг не прекращало наблюдать за своими детьми.

Юный Териан вскоре покинул палубу. Ещё несколько часов корабль под флагом академии Санктума плыл по тёплым водам в сторону столицы.

Глубокой ночью на горизонте показались огни Сиэлы. Пассажиры ещё спали, и их решили не будить заранее. Судно тихо подобралось к порту и также тихо остановилось у причала. Трап был оперативно спущен. Санктум, погасив бортовые фонари, ожидал разрешения на высадку. Через какое-то время по деревянному мостику зашагал стражник, полностью обмундированный в боевые доспехи: не было видно ни лица, ни даже кончиков пальцев — всё тело было покрыто стальной броней. На его груди красовался герб легиона стражей города. С макушки шлема свисал вниз до самой спины длинный конский хвост. За поясом болтались пустые ножны — меч был крепко сжат в правой руке. В левой руке он держал факел и освещал им себе путь.

Команда быстро собралась в шеренгу перед патрульным. Страж важно походил перед матросами, словно красуясь, и затем, резко остановившись, громко выкрикнул в толпу:

— Кто капитан корабля?

Мужчина в полосатой рубахе и шляпе сделал шаг вперёд.

— Я капитан.

Страж убрал меч в ножны и протянул руку.

— Документы о прибытии в порт Сиэлы.

Капитан достал из кармана рубахи сложенный вдвое листок бумаги. Патрульный выхватил его, развернул и, подсвечивая факелом, начал читать текст документа. Внизу была подпись военачальника Санктума и красная печать — это означало, что с бумагами всё в порядке. Воин сложил лист и убрал куда-то в латы, после чего он снова воскликнул:

— Начальник экспедиции.

С задних рядов послышался голос:

— Это не экспедиция...

Матросы расступились, и к стражнику вышел человек в золотых доспехах без шлема, который с утра руководил сборами.

— ...Первокурсники Санктума прибыли на торжества в честь Дня Доблести. Какие-то проблемы, боец?

Патрульный увидел на его груди жёлтую нашивку — перед ним стоял генерал. Тон стража тут же сменился на более покорный и тихий.

— Никаких проблем, генерал. Стандартная процедура, — воин прислонил указательный и средний палец правой руки к брови — это означало отдать честь. Высокопоставленный офицер просто кивнул в ответ.

— Начинайте высадку в семь утра, — продолжил страж. — С прибытием в порт Сиэлы, господа, — на этих словах он развернулся на месте и покинул корабль, шагая по деревянному трапу так же громко и важно.

Мужчина в золотой броне лишь ухмыльнулся и скрылся в темноте палубы Санктума. Капитаном был отдан приказ отдыхать до семи часов, и радостные матросы почти бегом отправились его исполнять.

Утром как всегда по звону колокола всех собрали на верхней палубе. Генерал ещё раз предупредил о поведении и сказал детям разбиться на пары, после чего спуститься по трапу и остановиться у начала пирса. Ребята все без исключения просто трепетали от предвкушения того, как пошагают по лучезарным улочкам столицы и увидят, наконец, лучших воинов Атреи и самих Служителей Вечности.

Когда колонна студентов выстроилась, во главе её встал генерал и по команде: «Вперёд!» — повёл за собой небольшое войско двенадцатилетних детишек. Сзади шли учителя. В самом конце плёлся Белис — старому воину разрешили вновь увидеть парад в Сиэле. Териан с Лекасом, незаметно обогнав толпу, шли вместе в первых рядах. Процессия двигалась по мостовой порта и вскоре завернула за угол, войдя в город. Генерал специально сбавил шаг, чтобы ученики могли вдоволь насладиться видом.

Впереди тянулась длинная широкая аллея, по краям которой росли причудливые деревья с разноцветными листьями, казалось, всех цветов радуги. Между дорожками были высажены кустарники с розовыми и фиолетовыми стебельками. Вдоль стояли длинные скамейки, а по бокам от них будто росли из орнаментной плитки аллеи фонари в виде букетов цветов. Здания Сиэлы более напоминали дворцы: огромные арочные окна, массивные балконы, широкие подъезды, и кругом зелень, зелень, зелень. В конце улицы возвышался столичный храм, по форме более напоминающий ансамбль из органных труб, только в светлом, почти белом цвете. Возле него расположилась огромная круглая площадь с причудливыми фонтанами в центре в форме различных музыкальных инструментов: скрипок, арф и тому подобного. На площади и должно было проходить главное торжество. Вокруг были выставлены легионы стражей, чтобы зеваки и приглашённые зрители не мешали проведению парада. Колонна студентов подошла к площади, где уже собралось полно народа. Генерал вежливо попросил толпу немного раздвинуться, чтобы пропустить детей поближе. В итоге те ребята, кто оказались впереди, протиснулись между легионерами и могли видеть всё, что происходило на площади. Город замер в ожидании.

Вдруг из храма послышались звуки оркестра, и из распахнутых врат верхом на белых лошадях выехали несколько всадников в парадном обмундировании и стали ездить по кругу, осматривая гостей. Сделав несколько кругов, они, помахав толпе, снова скрылись в храме. Представление началось.

Под торжественные марши и овации зрителей на площади стали появляться легионы во главе со своими лидерами. У каждого легиона были свои уникальные доспехи и плащи за

спиной. Легаты произносили несколько слов, а затем после почётного круга строили бойцов в несколько шеренг у края площади. Следующий легион становился рядом и так далее. В итоге получалось, что отряды выстраивались на площади по кругу. Первый и последний легион становились около ворот храма.

Затем музыка стихла, и все бойцы синхронно присели на колени, склонив головы. Сейчас должны были появиться Даэвы. Ровным рядом, держась за руки, из дверей храма вышли с два десятка человек, одетые не в доспехи, а в вечерние и парадные костюмы и платья — среди них были и девушки. Они подняли руки и поклонились зрителям. После этого под громкие аплодисменты они разошлись и встали напротив каждого легиона лицом к бойцам. Спустя несколько секунд за их спинами откуда ни возьмись появились огромные белоснежные крылья, как у птиц, только в сто раз больше и красивей. Вся толпа разом ахнула и через мгновение завопила ещё громче и радостней. Крылья выглядели очень массивно — в размахе одно крыло достигало метров пяти-шести, а то и больше. Непонятно, как столь хрупкие с виду девушки могли удержать такой груз. Даэвы расправили перья ещё гуще и подвигали ими из стороны в сторону, чтобы сильнее раззадорить зрителей. Накрасовавшись, они сложили их за спиной.

Когда поражённая и одновременно до смерти обрадованная толпа немного затихла, бессмертные повернулись лицом к храму и также опустили головы, чтобы поприветствовать главного гостя сегодняшнего праздника — леди Сиэль — верховную Служительницу Вечности. Из храма поплыла белая дымка и тонким слоем растеклась по площади. Под звенящую тишину и волнение зрителей на порог святилища вышла женщина вся в белом. Её длинные русые волосы струились в причудливой причёске до середины спины. Великолепное белое платье с белым мехом на воротнике стелилось за женщиной назад на метра четыре. На Посланнице были белые сияющие украшения и белые туфли, казалось, выкованные из самого дорогого драгоценного камня. Взгляд её холодно-серых глаз был гипнотизирующим — каждый, кто удостоился хоть мгновения её внимания, тут же чувствовал себя самым счастливым человеком на Атрее — все заботы и проблемы отходили на второй план. Женщина стояла на пороге храма и с лёгкой улыбкой на прекрасном личике осматривала площадь. Через несколько минут, когда все зрители уже насмотрелись на великую Служительницу и запомнили её облик навсегда, изнутри к ней подошёл мужчина в красном камзоле, исшитом золотыми нитями, и громко воскликнул:

— Прошу внимания, — хотя эти слова были излишни, ведь все, не отрывая глаз, любовались Посланницей, буквально сверля её взглядом. — Леди Сиэль! Верховная Служительница Вечности и Посланница Айона!

Зрители взорвались овациями — от такого громкого крика можно было легко потерять слух. Женщина мило улыбнулась и спустилась ниже, где, глубоко вздохнув, произнесла что-то и нежно взмахнула рукой. Тут же, откуда ни возьмись, со всех сторон к ней полетели сотни, тысячи бабочек и собрались у Леди за спиной. Затем, на мгновение вспыхнув, фигура из красочных насекомых превратилась в сияющие крылья, озаряющие ярким светом весь город. Белоснежные перья её буквально светились изнутри миллионами мельчайших кристаллов. Эти крылья были раза в два больше, нежели у обычных Даэвов, и в десятки раз прекраснее. Сиэль взмахнула ими несколько раз и лёгким жестом руки попросила бойцов встать с колен. Когда новые вспыхнувшие ахи толпы стихли, Служительница заговорила мягким, нежным голосом.

Она рассказывала зрителям об истории доблести воинов света, о святости веры и о

заповедях Айона. Её речь, более напоминавшая проповедь, должна была заставить каждого человека здесь ещё раз приобщиться к святым заветам и преисполнить его душу любовью к себе, друг другу и всему окружающему миру — любовью к Творцу. Сиэль говорила, что зло никогда не сможет победить, что мир существует до сих пор лишь потому, что в нём есть любовь и добро. В словах Служительницы каждый мог найти для себя что-то родное и близкое, ибо в этом была «Истина». Она ещё раз пересказала ужасы войны с непокорными ящерами и призвала людей не бояться и сплотиться против общей беды. Посланица пообещала, что никогда не позволит тщеславным безбожным существам править на Атрее. И закончила свой монолог, конечно же, словами благословения: «Да озарит ваш путь Свет Айона, дети Атреи!»

Публика вновь захлопала и проводила восторженными возгласами великую Сиэль обратно в храм. Затем покинули свои прежние места Даэвы, а за ними по очереди в ворота святилища вошли легионы, гордо защищающие столь хрупкий мир от столь великой и страшной беды.

Студенты Санктума, наблюдавшие за процессией даже не моргая, боясь за это время упустить что-то важное, были в неописуемом восторге. Столько положительных эмоций они не испытывали никогда в своей жизни. Вживую увидеть Даэвов, да ещё и Верховную Служительницу Вечности — главную Посланицу самого Бога, было не просто подарком судьбы, а великим даром для маленьких воинов. Териан вмиг отбросил все плохие мысли, терзавшие его на пути сюда — теперь он был уверен, что Айон любит людей и никогда их не покинет.

Вместо ушедших достопочтенных воинов на площадь выбежали шуты и артисты в смешных и причудливых нарядах. Они стали исполнять акробатические трюки и просто смешить толпу. Студентам же сказали развернуться и отойти подальше, чтобы генерал поведал им, куда идти дальше.

— Итак, сейчас мы обходим стражей вон там, справа, — мужчина указал рукой на воинов, несущих службу у самого святилища. — И входим внутрь. Чтоб ни единого звука! — он снова пригрозил пальцем и, махнув рукой, повёл ребят за собой.

Стражи храма спокойно расступились перед колонной, видимо, они уже были предупреждены об этом. Учителя и интендант остались смотреть развлекательное мероприятие — для них вход был закрыт. Дети во главе с офицером поднялись по ступеням и остановились на ковровой дорожке у самых врат.

— Я предупредил, — в последний раз проговорил мужчина и пошагал внутрь, ведя за руку первую пару.

Интерьер храма также напоминал райский дворец: колонны по бокам, картины и пейзажи событий прошлого на высоких сводах потолка, большие круглые окна, пропускающие свет, словно прожекторы, огромные, почти до самого потолка, рельефы — всё было потрясающим. В глубине зала на возвышении у алтаря, в окружении крылатых бессмертных сидела на золотом троне Посланица Сиэль. Когда гости вошли, она привстала и улыбнулась.

— Добро пожаловать в Святилище Сиэлы, — словно напевая, говорила женщина.

Генерал преклонил колени и дал приказ детям поступить так же. Затем он встал и тоже поприветствовал Служительницу.

— Я безмерно рад новой встрече с Вами, госпожа.

Она добродушно кивнула.

— Даэвы проводят вас в комнату.

Бессмертные тут же подошли к ребятам и, разомкнув их пары, встали посередине и предложили руку каждому юному воину. Представьте чувства, переполнявшие детей, когда их за руку взяли святые ангелы. Пар было пятнадцать, Перерождённых — около двадцати, поэтому остальные Даэвы пошли впереди, чтобы открыть дверь справа от алтаря и пригласить гостей на трапезу.

В открывшемся длинном светлом зале вдоль стен стояли накрытые столы, на которых было полно всякой еды. Гостей рассадили по двум сторонам, Сиэль расположилась во главе стола, а Даэвы — подле неё. С другого конца с ребятами сел генерал.

Началась долгая беседа, в течение которой почти каждый бессмертный рассказал свою историю. А истории были разные: кто-то до Перерождения служил на флоте, кто был священником, а кто-то — вообще человеком «с улицы» — обычным сапожником или кузнецом, — каждая судьба была уникальна и неповторима. Дети уяснили, что у каждого есть шанс Переродиться и обрести в дар вечную жизнь, но для этого нужно верить в Бога и усердно трудиться на благо Атреи.

Сиэль более не сказала ни слова. Она лишь наблюдала за беседой, изредка улыбаясь.

— Скажите, а война когда-нибудь закончится? — кто-то из студентов задал бессмертным новый вопрос.

Принялась отвечать девушка в красивом фиолетовом платье.

— Всё, что имеет начало, имеет конец, — нежно произнесла она. — Битвы не могут длиться вечно. Рано или поздно кому-то придётся уступить.

— Что это значит? — ещё раз спросил мальчик.

— Будет победитель, и будет проигравший. Другого не дано.

Даэвы были осторожны в выражениях. Они ни разу явно не намекнули о том, что скоро балауры сдадутся или что-то в этом роде. Из слов бессмертных стало понятно, что до конца ещё далеко.

Когда проголодавшиеся дети опустошили столы, их проводили к выходу. Радостные и сытые юнцы всё ещё находились под невероятным впечатлением от увиденного и услышанного. Представление на площади продолжалось, и учителя, встретившие студентов, разрешили досмотреть спектакль.

Дети, конечно, были увлечены действием, но вот Териана почему-то не забавляли люди в цветах костюмах. Его взгляд был направлен на Башню Вечности, у самого подножия которого и располагался город. Мальчик никогда не видел Башню так близко. Он думал, что это безжизненная огромная гора, но он ошибался. Теперь можно было во всей красе рассмотреть основание самого величайшего творения Айона. Подножие Башни вовсе не было просто громадным холмом, переходящим в бескрайне высокую скалу. Это была череда огромных и великолепных храмов, выточенных прямо в породе. Вот был один дворец, за ним был второй, ещё выше и прекраснее, за ним третий и так далее. Калейдоскоп красивейших сооружений поднимался по холму и плавно переходил в саму гору. Башни дворцов были всё красивее, выше и причудливее. Даже на высоте в несколько сотен метров виднелись великолепные колокольни и столь же прекрасные купола зданий, торчащих, казалось бы, прямо из камня — значит, и так высоко внутри Башни были помещения. Кто же тогда там жил? Териан не знал.

«Наверное, Служители и стражники Башни», — подумал он.

Взгляд мальчика не покидал Башню всё то время, пока шло представление. У Териана

даже затекла шея, но это не остановило его.

Через пару часов, когда торжества прекратились и толпа начала расходиться, детей повели по аллее обратно в сторону порта. Конечно, мальчики были немного расстроены, что праздник так быстро закончился, но зато что они пережили за эти часы: в десяти письмах не описать!

Студенты поднялись на борт, где их уже ждали старые добрые матросы. Белис, как ни странно, тоже оказался на борту. Счастливые Териан и Лекасом подбежали к мужчине и начали рассказывать обо всём, что с ними было.

— ...А потом они взяли нас за руку и повели в зал!

— Там было полно еды!

— Мы сидели и задавали вопросы Даэвам, а они нам отвечали! — перебивая друг друга, чуть ли не кричали ребята.

— Ну, хватит, хватит, я всё понял, — засмеялся интендант. — И что же они отвечали?

— Там была красивая девушка в фиолетовом платье! Я просто влюбился с первого взгляда! — воскликнул Лекас. — Настолько хороша! Она сказала, что война не будет вечной и когда-нибудь закончится.

Счастливое выражение лица Белиса тут же скрылось за мрачной миной. Глаза потускнели, и воин о чём-то задумался.

— А почему ты ушёл с парада? — спросил Териан.

— Там было много народа, я пошёл посидеть на скамейке под сиреневыми кронами деревьев в тишине и покое, — отговорился интендант. — Подумал о своём, ну и вернулся на корабль ждать вас...

Териан сразу понял, что в Белисе что-то изменилось: то ли он увидел кого-то или что-то, то ли вспомнил о чём-то грустном и неприятном. Но мальчик не стал расспрашивать у него ничего — если захочет, сам расскажет.

Путь обратно казался не столь долгим, каким по ощущениям была дорога в столицу, теперь с нетерпением ждать прибытия было не надо — впереди детей ждала их родная академия.

По прибытию юный Териан хотел отправиться в Фозту навестить родителей. Он предупредил об этом Белиса, тот сказал, что с радостью отвезёт его на родные земли. Мальчик хорошо помнил, что у его лучшего друга — Лекаса нет близких, и он решил позвать его с собой — Териан был уверен, что Истрат и Мирен с радостью примут гостя.

Когда Санктум остановился у берегов острова и все пассажиры покинули судно, Териан и Лекас сидели в своей каюте — возвращаться в академию за вещами нужды не было, всё необходимое было при них. Белис сообщил капитану, куда теперь они направляются, и тот стал готовить корабль к новому путешествию.

Фозта встретила гостей привычным солнечным днём. На море был почти штиль, поэтому корабль медленно плыл усилиями матросов.

— Земля близко! Сушить вёсла, поднять гроты — повеяло ветерком с запада, слава Айону! — скомандовал рулевой.

Когда корабль причалил, был самый разгар дня. В жару все сидели дома, и порт пустовал, поэтому никто не видел, как судно пришвартовалось и высадило двух пассажиров. У мальчиков не было с собой много вещей, только самое необходимое, ведь гостить в «крае солнца» они будут лишь неделю.

Для Териана всё здесь было привычно, будто только вчера он покинул дом. Для Лекаса

же и природа, и быт Фозты были совершенно новыми. Поначалу он чувствовал себя некомфортно в такой жаре и духоте, но вскоре привык. Тем более, здесь он был не один, а с лучшим другом. Мальчики зашли в прохладный портовый дом и за пару монет наняли у смотрителя повозку. Кучер, который явно был не рад гостям в столь жаркий час, неохотно погрузил багаж и, заняв своё место, повёз детей к городу. Териану была знакома эта дорога: сначала равнины, потом холмы и леса. Через пару часов экипаж въехал в черту города — крепостные ворота были всегда открыты.

Териан смотрел в окошко, и его сердце затеребило и сжалось — всю свою жизнь он гулял по этим улицам, смотрел на эти дома. На него нахлынули воспоминания, пусть его и не было всего несколько месяцев. Мальчику так захотелось побежать по дороге самому, чтобы поскорее обнять родителей, но он сдержался.

Повозка медленно проглатывала дом за домом, улицу за улицей. Вот и родной храм его отца пробежал мимо. Через минуту экипаж встал, как вкопанный.

— Приехали, — промычал кучер.

Мальчики спрыгнули со своих мест. Териан облегчённо вздохнул — он узнал дворик и свой дом. Извозчик бросил сумки детей на землю и, фыркнув подобно своим лошадям, умчался прочь. Териан поспешил подняться на крыльцо и начал стучать в дверь так, будто за ней скрывалось главное сокровище всего мира. Минуты полторы мальчик тарабанил в деревяшку, пока замок осторожно не провернулся. Ребёнок отбежал на два шага назад и принял важную позу. Дверь со скрипом отворилась, и за порогом появилось лицо матери. Териан уже не мог стоять на месте, он плюнул на всё, что планировал заранее, и ринулся к женщине, чтобы обнять её. Мирен немного испугалась, но буквально через мгновение закричала:

— Сынок!

Истрат сидел наверху. Но, когда он услышал голос жены, тут же дёрнулся с места и побежал вниз, где увидел эту картину. На душе священника мгновенно полегчало. Он лишь произнёс:

— Териан... Наконец-то... Слава Айону...

Весь день семья в полном составе провела дома. Истрат и Мирен с радостью приняли Лекаса как родного. За обедом ребята рассказали о своих приключениях, о том, как побывали в столице, видели Даэвов и Леди Сиэль — да много о чём: им было, что рассказать.

Териан больше не обижался на отца и попросил у него прощения за свои слова перед отъездом. Теперь-то мальчик понял, что движило им. Сын был очень благодарен Истрату за то, что он настоял на очень жёстком, но мудром решении. За эти полгода академия действительно изменила ребёнка — он стал умнее, взрослее. Отец видел изменения в поведении сына, и они ему нравились. Теперь он по-настоящему гордился своим чадом. Возможно, его будущее будет даже лучше, чем предполагал Истрат. Хотя, с другой стороны, что может быть лучше статуса Верховного жреца? Только какие-нибудь военные звания... генералы всякие, военачальники. Ну, и, конечно, выше всего этого стоит Перерождение. Но, как говорится, это голубая мечта.

Следующим днём родители вели мальчиков по городку — вроде ничего нового для Териана не было: те же люди, та же спокойная атмосфера, такая же медленная и безмятежная жизнь. Лекас удивлялся быту жителей — в их действиях не было никакой спешки. Это было легко объяснимо — Фозта находилась далеко от войны, здесь не было

причин бояться за то, наступит ли завтра или нет. Не то, что Теобомос — родина мальчика. Там вот уже несколько лет разгорались битвы между людьми и проклятыми ящерами. Жители старались подолгу не покидать свои дома, чтобы не показаться на глаза чешуекожим разведчикам, иногда шнырявшим по селениям в поисках жертв.

В Фоэте Лекасу понравилось. Он сказал, что после окончания академии с радостью согласился бы здесь жить. Вот только отомстит балаурам за смерть родных — и сразу сюда. Такие слова пугали Истрата. Он понимал, чем может закончиться это стремление к битвам, но говорить мужчина ничего не стал.

За эту неделю дети успели побывать везде, где было, что посмотреть: на берегу, на хлебных полях, в лесу, таком знакомом для Териана. Но всё равно настало время прощаться — дни пролетели, словно минуты. Истрат и Мирен проводили ребят до порта. Вновь тягость расставания, пусть и менее скорбная. Ведь через полгода родители снова увидятся со своим чадом. Пусть их встреча будет и недолгой, но счастливой.

Белис на этот раз сам подошёл к мальчикам и поздоровался со священником и его женой. Снова слёзы, снова обещания писать. Интендант втайне от детей обещал Мирен не спускать с них глаз. Она поблагодарила мужчину, и он, как и полгода назад, обнял за плечо Териана и повёл его по трапу на борт «Санктума». Другой рукой он обнял Лекаса, для которого это приключение тоже пришлось по душе.

Судно отплыло, наполнив свои паруса свежим утренним ветром, и Фоэта ушла вдаль. На берегу стояли Истрат и Мирен и провожали рукой корабль, пока тот не скрылся за туманной пеленой, вечно стоящей над морем.

===== Часть 3. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 7.

Отредактировано.

На следующий день.

Элизиум.

Даймон в окружении нескольких стражей Ордена Миразента спускался вниз по тёмной лестнице куда-то в глубины подземелий. Здесь, прямо под Площадью Святых было что-то вроде темницы, скрытой от посторонних глаз. Не сказать, что камер было много, — катакомбы были вырыты, скорее, из-за того, что любой город, будь то даже величественный и прекрасный Элизиум, должен был иметь тюрьму.

Снизу шёл тёплый свет.

«Факелы», — догадался элийский бессмертный.

После лестницы Дазва ждало небольшое помещение, напоминавшее затхлые руины древнего замка. По углам были огорожены толстой решёткой четыре камеры. Около одной из них стояли несколько воинов Миразента с факелами в руках. В центре ожидал Даймона сам правитель Элизиума.

— Добро пожаловать в Храм Музыки, — вежливо поприветствовал Дазва Фаметес ан Ривен.

Воин удивился и с издёвкой переспросил:

— Храм Музыки? Для забавы назвали катакомбы храмом?

— Нет, Даймон, — серьёзно ответил военачальник. — Мы в руинах древнего Элизиума, построенного Леди Сизль до великого Катаклизма. На этом самом месте располагался известный Храм Музыки. А, если верить рукописям, то где-то рядом должно быть и святилище.

— Мило, — воин посмотрел по сторонам. — И Вы оборудовали его под тюрьму?

— Ну хоть польза есть, согласитесь, — пожал плечами юный император.

Даймон оценил ответ, как «рациональный».

— Кого Вы здесь прячете? — спросил он.

— Обычно никого. Но сегодня... — Фаметес отошёл в сторону, чтобы позволить Даэву приблизиться к камере. Свет от факелов осветил темницу, и бессмертный смог разглядеть лицо секретаря Фараниса из Цитадели Тэминона.

Воин выхватил факел у стражника и вбежал в камеру. Он наклонился над сидевшим в углу мужчиной. Его вид был жалок: столько гематом и резаных ран можно было увидеть разве что на синем трупe.

— Изверги, что вы с ним сделали? — презрительно бросил Даймон.

— Он во всём сознался, — сказал Фаметес. — Выдал всё: как украл письма, как подстроил исчезновение военачальника и как собственными руками убил его.

Даэв внимательно посмотрел на заключённого. Он сидел на коленях и трясся. Мужчина тихо стонал, измученно скривив лицо и глядя опустошёнными, но полными ужаса глазами куда-то вдаль, прямо сквозь бессмертного. Даймон осторожно протянул руку и дотронулся ему до плеча. Тот резко дёрнулся, истошно взвыл и затрясся ещё сильнее, скукожившись и жалобно умоляя:

— Нет, прошу, только не бейте, я всё, всё скажу...

Даэв нахмурился, поднялся на ноги и исподлобья глянул на военачальника.

— Это не он, — низким голосом промолвил воин. — Посмотрите на него: из него выбили признание, а он согласился со всем, только бы больше не били.

Фаметес смолчал.

— Это не допрос, а пытка... Кто это сделал? — бессмертный грозно обратился к толпе Орденцев.

Никто не произнёс ни звука. Наконец, юный правитель пробормотал:

— Допрос проводил сам Раверинтос...

Даймон закатил глаза и через секунду яростно вскрикнул:

— Я же просил! Господин Фаметес, Вы не могли сами провести допрос, да?

— Он бы мне ничего не сказал! — возразил юноша.

— Ага, а теперь довольствуйтесь вымученной ложью! Браво! Мы так и не продвинулись ни на шаг, а асмодиане с драканами, возможно, прямо сейчас идут в атаку на нашу Цитадель! Господин Фаметес, Вы должны прямо сейчас... — Даэв резво пошагал к военачальнику, но стражники Миразента преградили собой ему дорогу. — Это что ещё значит? Господин Фаметес! — воскликнул он, пытаясь растолкать Орденцев.

— Простите, Даймон. Я пока не готов Вам верить, — сухо произнёс главнокомандующий Элиосом, развернулся и в окружении Рыцарей стал подниматься по лестнице на поверхность. — И только попытайтесь освободить заключённого, — донеслось сверху. — Мигом окажетесь на его месте!

Воин громко выругался и вновь глянул на бедного слугу.

«Фаметес, что же ты творишь?.. — в мыслях спросил он. — Раз ты не веришь Даэву, то и бессмертные перестанут тебе доверять...»

Через несколько часов.

Арэшурат. Цитадель Тэминона.

Гелион и Даймон уединились в зале совещаний. Дверь заперли изнутри. Снаружи была слышна лишь громкая ругань.

— Это немыслимо! — не верил словам Даэва новоиспечённый военачальник. — Этот мальчишка совсем из ума выжил!

— Не по своей вине, господин Аскалон, — пренебрежительно мотал головой легат Щита Неджакана. — Раверинтос и Орден ссут ему в уши, а он верит каждому их слову! Миразенты становятся всё могущественнее и влиятельнее. Через слово: Раверинтос — то, Раверинтос — сё. Фаметес уже не понимает, что власть — давно в руках Ордена.

— Скоро с мальчишкой расправятся, — заключил Гелион. — Пока он им выгоден, но как только сделает что-то не по их воле...

— Отправится в поток Эфира, — закончил фразу Даймон. — Послушайте, Элизиум уже не оплот власти в Элиосе, Вы ведь понимаете?

— Понимаю, — уверенно произнёс военачальник. — Ещё я понимаю, к чему ты ведёшь. Да, я вынужден взять инициативу в свои руки. Мне нужна лишь поддержка остальных военачальников.

— Если объяснить ситуацию, они поймут и поддержат Вас, — утвердительно кивнул Даймон. — Господа Ференто и Ваталлос уж точно. Они были близкими друзьями господина Фараниса. У господина Телемаха и госпожи Атропос не останется выбора.

— Элизиум не должен знать об этом разговоре и его последствиях, — грозно глянул в глаза Даэву Гелион. — Я готов на всё ради Элиоса. Проклятые асмодиане и балауры объединились против нас, но мы покажем этим вырождакам, какой сильной бывает наша раса! С нами Айон!

Даймон поклонился, ибо Гелион тоже был бессмертным. Военачальник Арэшурата продолжил:

— Ты поможешь мне с Ваталлосом и Ференто?

— Да, какой разговор.

— Хорошо, с остальными я договорюсь сам.

— Учтите, господин Аскалон, что действовать надо быстро. Мы понятия не имеем, когда враг нанесёт следующий удар, но, клянусь своим бессмертием, он состоится очень скоро...

— В таком случае, — задумался военачальник. — Нам нужно их отвлечь...

Даэв вопросительно посмотрел на Гелиона.

— Асмодиане и ящеры заняты Бездной. Значит, нанести удар нужно по...

— Балаурии! — догадался Даймон. — Отчаянно!

— Ты прав. Асмы думают, что мы будем наращивать оборону у Крыльев Сиэли. А через пару месяцев, когда Эфирное поле в Бездне восстановится, снова прилетят три Дерадикона и разнесут форт в щепки! Не допущу! Асмам нужна передышка для перегруппировки. Воспользуемся ей и выдвинем войска в Ингисон. Такого они не ждут!

— Этим мы застанем и красноглазых, и балауров врасплох, — продолжил легат. — Скорее всего, в Ингисоне собран небольшой гарнизон асмодиан — все их силы сейчас в Бездне...

— Да, мы заберём себе Ингисон и пойдём на Келькмарос. Они будут вынуждены отступить.

— Но драканы? Как быть с ними? — серьёзным тоном спросил Даймон. — Они не будут сидеть и ждать.

— И тут ты прав. Нужно увеличить свои владения в Бездне до начала атаки на Балаурию. Крепость Ру идеально подойдёт.

Даймон молча слушал рассуждения военачальника.

— Асмы не подберутся к крепости — слишком долго лететь. Опасны только рептилии, но пока в верхней Бездне Эфирная дыра — они и близко не подойдут. Надо действовать быстро. Оставшийся гарнизон Кротана и Западной Сиэли сажаем на корабли и вперёд к Ру. Наши суда жрут Эфира меньше, чем Дерадикон, поэтому мы сможем высадиться на руинах юга верхней Бездны. Завтра же начинаем осаду! За Элиос! За Айона!

Даймон поддержал слова Гелиона. В нём Даэв видел настоящего лидера: сильный, отчаянный, смелый и самоотверженный. Гелион был номером один среди элийских бессмертных. Многие дали ему прозвище «Тринадцатое божество». А некоторые и впрямь думали, что он — потомок Серафимов, бывших Служителей Вечности.

Легат Щита Неджакана по указанию Аскалона, или Гелиона, отправился в Бертрон навестить старого знакомого и друга покойного Фараниса ан Дейла — военачальника Бертрона, Ваталлоса ан Боуэна. Объяснив всё, Даймону не пришлось долго ждать ответа от мужчины. Он согласился помочь Гелиону, но взамен попросил кое-что.

— Я отдам ему свои гарнизоны, если ты пообещаешь, что присмотришь за Дариусом.

— Что за ним присматривать? — сухо ответил бессмертный. — Он участвовал в осаде и хорошо проявил себя. Ещё несколько боёв, и...

— Тебе легко говорить, Даймон. Для тебя раны и смерть — обычное дело. Ты уже забыл, что значит дорожить жизнью. Мой сын — единственный, кто остался у меня. Прошу, не подведи...

Даэва сразил тон Ваталлоса. Насчёт Дариуса у Даймона были другие планы, но он был вынужден дать обещание военачальнику Бертрона.

— Не подведу. Можете на меня рассчитывать...

С военачальником Интердики — господином Ференто, проблем не возникло. В память о старом друге он поклялся отмстить ящерам и наказать предателей. Гарнизон земель Интердики вскоре оказался в распоряжении Гелиона.

Госпожа Атропос, губернаторша Теобомоса, получила из Бездны письмо, в котором новый военачальник просил её посодействовать в «делах государственной важности». Пускай Атропос не была воительницей и прирождённым политиком, но понимала, к чему может привести неумелое руководство. Она стала главой полуострова, сменив бывшего губернатора Пигмалиона. За тринадцать лет его правления, Теобомос впал в глубочайший кризис: добыча ценных металлов, а это был основной источник дохода провинции, снизилась почти в три раза, немногочисленное население пустынных земель упало в разы, иммигрировав в процветающую Интердику. Против Пигмалиона подняли восстание, которое закончилось изгнанием бывшего правителя. На его место встала Атропос, Верховная жрица местного храма, — порядочная и справедливая женщина. С тех пор Теобомос восстанавливал утерянное за те годы. Потому она и согласилась поддержать Гелиона. Ладно, с их полуостровом, но если с Элизиумом произойдёт такое, Элиос развалится в тот же миг. А этого нельзя было допустить ни в коем случае.

Господин Телемах, военачальник земель Элтенена, недолюбливал Гелиона. Он считал его «напыщенным и горделивым петухом», как однажды имел неосторожность высказаться при нём. Аскалон, в свою очередь, назвал Телемаха «бесхребетным и бесполезным слизняком, неспособным даже изгнать краллов с юга». В общем, взаимоотношения — так

себе. Но сейчас встал вопрос будущего Элиоса, и личные обиды надо было оставить на втором плане. Гелион лично прибыл в крепость Элтенена для встречи с главой провинции. Удивительно, но аудиенция не закончилась дракой, значит, военачальники всё же нашли общий язык. Итогом переговоров капитан гарнизона Арэшурата остался доволен. Телемах согласился отдать в распоряжение Гелиона треть своих войск, но с условием, что в любой момент может потребовать вернуть их обратно.

Аскалон вернулся в Бездну к утру. Но сидеть в Цитадели он не стал, как прошлый военачальник. Вместе с воздушным флотом он направился к порогу Крепости древнего города Ру, чтобы отбить её от беспомощных в данный момент балауров. Вместе три Дерадикона за короткий срок уничтожили немыслимое количество Эфира. В верхней Бездне, где располагались крепости Кротан и Ру, образовалась огромная Эфирная дыра. Пока она не затянется, а на это могут уйти месяцы, Дерадиконы не смогут летать там. Посему драканы выставили многочисленную пешую армию для обороны Кротана — они понимали, что элийцы захотят вернуть себе форт. Но с крепостью Ру всё было сложнее. Она находится на отдалённом от центрального материка острове. Неимеющие крылья ящеры просто не смогли бы перенести туда подкрепление без своих Чёрных Смертей. А корабли элийцев, способные летать при недостатке Эфира, без проблем способны были подтянуться к замку и потягаться с балаурами за его обладание.

Не имея ни одной опорной базы в верхней Бездне, очень сложно с нуля захватить крепость. Гарнизоны врага могут подойти из соседнего форта, и у захватчиков просто не останется шансов — их окружают и убьют. Крепость Ру была необходима Элиосу стратегически. Разместив там хранителя портала и несколько кораблей, можно быстро переносить войска из Цитадели в верхний Арэшурат, а дальше попытаться оттеснить драканов и из Кротана. Таков был план Гелиона.

===== Часть 3. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 8.

Отредактировано.

На один элийский воздушный корабль помещалось четыре легиона — это более шестисот хорошо обученных бойцов. Аскалон мобилизовал три судна, по тревоге созвал войска из западной крепости Сиэли и Цитадели Тэминона. За несколько часов корабли укомплектовали до отказа: с собой брали провизию, оружие и мощные пушки. Их разместили по бортам, чтобы поддерживать атаку с воздуха.

Такая неожиданная мобилизация, да ещё после недавней осады, застала легионеров врасплох. Они не успели восстановить силы после событий в Кротане и Сиэли, а сейчас им предстояла новая битва — с ящерами. Что поделать, такова судьба воинов-защитников Арэшурата: каждый день рисковать своей жизнью во имя Элиоса.

Гелион понимал, что бойцы устали, но уповал на то, что они успеют отдохнуть во время полёта. Плюс к тому, никаких пеших маршей и погонь не ожидалось: крепость находилась на острове, а кругом была пропасть — особо не разгуляешься. Нужно было лишь выстоять в битве против драканских солдат.

С главной площади Цитадели по очереди отчалили военные корабли. Путь их лежал строго вверх — Ру располагалась почти над головой у элийцев. Хотя это было сильно сказано — расстояние между кольцами Бездны исчислялось сотнями километров. Это значило часов пять пути минимум.

Командованием военачальника было принято решение зайти на кораблях с четырёх

сторон. Балаурам будет сложнее попасть из катапульт и башенных орудий сразу в четыре движущиеся цели.

На самом защищённом судне — флагмане Небесной флотилии Элиоса разместили передовые легионы: Щит Неджакана, Пепельные Облака, Сияние Миражей и Когот Грифона. Здесь же был и Гелион со своей свитой, точнее сказать, стражей. Военачальник был Даэвом, оттого не боялся смерти и сам первым шёл в атаку. Он обожал мечи, любые: одноручные, двуручные — неважно. Считалось, что в Элиосе не найдётся никого искуснее его во владении сим типом оружия.

Корабли медленно поднимались вверх, словно на Эфирной подушке. Далеко внизу осталось сияние купола, охраняющего Цитадель. Даймон, уже одетый в чёрно-белые доспехи легата лучшего легиона Арэшурата, вышел на верхнюю палубу подышать свежим, наполненным Эфиром воздухом. Перед битвой Даэву полезно как следует зарядиться силой этого волшебного вещества. Он подошёл к борту и облокотился о него, наслаждаясь до смерти прекрасным, на его взгляд, пейзажем Бездны.

На переполненном корабле тишины ожидать не пришлось — гам и трёп был везде, даже на прохладной верхней палубе. Кучка воинов сбоку от Даэва сидела за маленьким круглым столом и громко играла в карты.

— Твой ход, слизняк!

— Ты кого назвал слизняком?

Даймон отошёл подальше от шумной компании. Вдали мерцал раскалённый шар Ока Арэшурата, тускло освещающий эти проклятые Айоном места. Иссине-чёрные Эфирные облака струились мягкой творожной пеленой в бескрайнюю даль. Справа за плотными туманами спрятался остров Тёмного Облака — той самой гильдии шиго-торговцев, оккупировавшей рынок Элиоса и Асмодеи. Слева вдалеке сияла огромная голубая воронка, ассоциирующаяся с течением Эфира из Элиоса в Бездну. Несмотря на шум, Даэв называл эти часы затишьем перед бурей. Он любил такие моменты. Воин знал, что очень скоро начнётся ад, но пока было время расслабиться, насладиться мрачным спокойствием и лживым великолепием бескрайнего Арэшурата.

Даймон не заметил, как к нему подошла Сакмис, легат Пепельных Облаков, и устроилась рядом, тоже устремив взгляд в пустоту.

— Скучаешь? — после пары минут ровного тяжёлого дыхания спросила она.

— Нет... — протянул мужчина. — Поражаюсь красотой и одновременно с тем ужасающей воинственностью Айоном забытого края.

— Ох, как сказано, — улыбнулась глазами воительница. — А ты романтик, Даймон.

— Что ты, — усмехнулся он и перевёл взгляд на собеседницу.

Блестящие тёмные волосы, синие глаза, милая улыбка и правильные черты лица. Плюс к этому стройная фигура — как говорил Даймон, «есть на что посмотреть».

«Теперь понятно, что Гелион нашёл в тебе», — подумал он, разглядывая легатшу.

— Романтиком я был, когда за спиной не шуршали крылья, — добродушно сказал Даэв. — А сейчас хочется побольше покоя. Знаешь, уже начинаешь задумываться об «этом».

Сакмис понимающе вздохнула.

— Об «этом» задумываются все, кто прожил больше двух сотен лет, Даймон. Это нормально. Я только что слышала, как воины за столиком обсуждали вопрос, эм-м... когда у бессмертных начинается кризис среднего возраста.

— А-ха-ха, — звонко рассмеялся мужчина. Сакмис тоже осветила лицо улыбкой.

Даймон снова взглянул на соседку. Чем-то она напоминала ему жительницу северной половины Атреи, то ли холодным, сияющим бессмертием взглядом, то ли цвета смолы волосами.

— Давно Вы с Аскалоном... ну...

— Давно, — опередила его женщина. — Эх, Даймон, Даймон. Сколько лет, а ещё смущаешься подобным темам... — улыбнулась она.

— С чего мне смущаться? У меня жена...

— Кстати, как поживает твоя Белатрисс? — заинтересованно развернулась Сакмис к мужчине.

— Давно не было вестей. Можно подумать, у этих «избранных» какие-то секреты, — он показательно закатил глаза.

Даэвы снова предались тишине.

— Аскалон сегодня сам не свой, — нарушила умиротворённый покой Сакмис. — Что-то случилось?

— Элизиум отказался верить Даэвам, — тон Даймона сменился на суровый.

— Оу, — сверкнула глазами воительница, но не стала вдаваться в расспросы. Бессмертному достаточно было заглянуть другому в глаза, чтобы понять, в чём дело. — Наверное, у них есть основания...

— Наверное, — буркнул мужчина и умолк.

Корабль медленно рассекал Эфирную гладь бескрайнего пространства Арэшурата. Над головами воинов из тумана стали виднеться очертания Кольца Фрегиона. Чуть южнее должны были показаться парящие в пустоте руины древнего города Ру, неподалёку от которых и возвели крепость.

— Пора идти... — грустно промолвил Даймон и оставил Сакмис в одиночестве, донося до неё лишь звук размеренных удаляющихся шагов.

Женщина почти сразу последовала за воином. Даэвы вернулись к своим легионам, чтобы последний раз проверить всё, дать указания и благословить бойцов. Битвы с балаурами всегда опаснее, чем с людьми, пусть и мутировавшими.

Даймон успел переговорить с Гелионом, изучающим карты и бумаги в каюте капитана, прежде чем корабли элийцев поравнялись с верхним уровнем Бездны.

— Никаких хитростей на этот раз не будет. Возьмём неожиданностью и количеством, — слова военачальника звучали, словно марш на параде.

Корабли разделились, чтобы обойти крепость с флангов. Туман, спустившийся на руины Ру с крепости Ткисас — ещё одного форта верхнего Арэшурата, был людям на руку. Балауры могли и не заметить тихое перемещение военных судов.

По световой команде с флагмана флота все четыре фрегата вышли из плотной дымки и открыли огонь по башням крепости. Два кольца укреплений, и непроницаемый купол, венчающий здания форта, на удивление элийцев, оказались в полной готовности. Драканские стражи уже рассредоточились по вышкам и быстро взяли на мушку корабли врага. Надо сказать, ящеры ожидали атаку.

Все крепости Арэшурата были похожи между собой — несколько десятков башен, за ними толстая стена с воротами, затем ещё одна стена и, собственно, сам замок. Над вторым кольцом укреплений сиял Эфирный купол, защищавший форт от воздушных атак. Но сейчас в воздухе было довольно мало Эфира, отчего барьер был слабее, чем обычно.

Обстреливая башни, а именно они сейчас представляли собой главную угрозу, корабли

стали снижаться, чтобы начать высадку на остров. Чем плотнее огонь из пушек флота Элиоса, тем безопаснее будет легионам покинуть суда.

Корабли нависли в метре над землёй бортом к крепости. С другого борта бросили два трапа: один — с верхней палубы, другой — с нижней: так было быстрее. Когда легионы высадились и скучковались за судами, как за преградой, по команде они разбежались в две стороны и с оглушительным воплем ринулись к воротам форта.

Фрегаты не прекращали огонь. Освободившись от «груза», корабли снова начали набирать высоту. Пушки драканов были точны, в судах уже немало пробоин, нужно было развернуться другим бортом. Но люди тоже не в молоко метили: треть башен балауров были уничтожены меткими залпами бортовых орудий. Суда отвлекали внимание ящеров, пока легионы бежали к воротам крепости.

Столкновение. Драканские лучники плывущей колонной забирались на стены, чтобы атаковать сверху. Летающие корабли переместили цель на них — теперь снаряды били не только в вышки балауров, но и в стены, чтобы не дать ящерам времени для прицельного огня.

Элийские воины с луками также заняли позиции чуть поодаль. Их целью была тоже живая сила чешуемордых. Началась настоящая осада.

Легионеры под самыми воротами собирали из кусков огромные лестницы и водружали их на стены крепости. Взять их пока не удавалось, но это не беда. Флагман элийцев замер в воздухе прямо напротив ворот. Воины мгновенно разбежались в стороны, зная, что сейчас произойдёт. Залп! Все несколько десятков пушек одновременно выстрелили в ворота разрывными снарядами. Они были эффективны против укреплений, но из соображений безопасности на кораблях их было мало — всего на один раз.

Оглушительный звон, треск и лязг металлических петель. Залп бомбами сделал своё дело. Огромные ворота перекосило, но они ещё держались. Легионы снова нахлынули к проходу. Один из кораблей подлетел почти вплотную к стене и выбросил с палубы сборные куски осадного тарана. Воины, словно муравьи, похватали посылку и принялись живо собирать её, как детский конструктор.

Но судно жестоко поплатилось за свою дерзость. Оставшиеся башни драканов, будто одно целое, дали залп по бортам корабля. Нос фрегата и несколько мачт с треском разрушились, оторвавшись от основной части и свалившись чуть ли не на людей. Судно потеряло равновесие и накренилось назад. Оно по инерции полетело обратно, прочь от крепости, при этом теряя высоту. Краем кормы корабль врезался в твёрдую породу острова, деревянная обшивка обратилась в щепки, судно почти легло на правый борт. Оставшиеся две вертикальные мачты и умения рулевого позволили фрегату, скребясь бортом по земле, достичь края острова и сброситься с обрыва — это был единственный шанс на спасение от града снарядов, свалившихся на поверженный корабль. Лететь с такими повреждениями судно не могло. Ему нужно было лишь дотянуть до нижней Бездны. На двух мачтах военный фрегат Элиоса быстро спускался вниз, спрятавшись под дном крепости. Он почти бесконтрольно терял высоту, но команда старалась как можно сильнее сбавить скорость падения.

Позже станет известно, что корабль разбился на острове Теней неподалёку от своей Цитадели. От ранее прекрасного судна останутся лишь щепки, да рваные паруса. Сведений о выживших не будет. Да и кому удастся пережить столь серьёзное крушение? Даэвов в числе команды не было.

Под шквальным огнём и дождём из стрел легионеры сумели собрать огромный деревянный таран. Он двигался на больших колёсах, нести его на плечах не было надобности. Разгон — удар, отход назад. И так несколько раз. Спустя пять ударов петли закрипели. Повреждённые створки ворот наклонились к элийскому войску и под своей тяжестью рухнули прямо на людей. Большинство успело отбежать, некоторых же в одночасье настигла смерть.

Но не тут-то было. За проходом стеной стояло несколько колонн драканов, ожидая врага, и держало наготове натянутые луки. Те, кто смог спастись от падения ворот, погибли от свистящих стрел ящеров.

Элийцы разбежались в стороны от ворот. Это было командой кораблям для нового залпа. Два судна встали бортом перед открывшимся проходом и дали залп по балаурам. Противное шипение и стоны ящеров доносились до ушей легионеров сквозь оглушительные звуки взрывов. Дорога расчищена. Можно продолжать.

Вторые ворота были слабее, их открыли быстрее первых. Новая толпа ящеров — новый залп. Снова чистый проход.

Гелион командовал всеми действиями армии. Он раскрыл огромные белоснежные крылья и дал приказ остальным «брать воздух». С драканами это было действеннее, чем с асмодианами, ведь среди рептилий крылатыми были лишь единицы — величественные драконы, коих в крепости быть не могло по определению.

Купол ещё не был снят, поэтому Даэвы влетели через ворота и начали кружить прямо под барьером. Пешие легионеры тучей двинулись внутрь форта. Первый этап — проникнуть внутрь — был преодолён. Оставалось самое главное: захватить крепость.

Те, кто когда-нибудь видел клубок змей или здоровую кучу ящериц, снующих между друг другом, знают, что это — противное зрелище. Именно так выглядела сейчас крепость с высоты полёта Даэвов. Огромные, трёх-четырёхметровые прямоходящие чешуйчатые создания с длинным хвостом и жуткой мордой шныряли туда-сюда, задевая друг друга. В их руках были двухметровые мечи и дубинки. У некоторых на нелепом поясе сияли кинжалы. Только лучники балауров выглядели более-менее «цивилизованно». Змеиная пластика придавала этим огромным существам ещё большую воинственность.

Из-за своего размера драканы были неповоротливы. Да ещё тяжёлые доспехи, точь-в-точь повторявшие и по цвету, и по текстуре чешую не придавали лёгкости. У балауров не было чёткого строя, как у людей, — они бежали в атаку врассыпную, используя при этом свои главные преимущества: массу и силу. Словно ураган, толпа ящеров могла смести всё на своём пути, но только не сейчас — в обороне. Без командования они превращались в безмозглое стадо. Но недооценивать драканов нельзя: один удар с размаху, и от человека останется лишь мокрое пятно на земле. Будет ложью сказанное, что командование балауров — неумелое или бесполезное. Многие офицеры чешуекожих дадут фору элийским и асмодианским генералам. Проблема ящеров — в другом: они не соблюдают дисциплину и не выполняют данные им приказы. На поле боя они ведут себя, словно варвары, но в этом заключается ещё одно преимущество балауров: их дальнейшие действия нельзя предугадать.

С драканами нужно вести особую стратегию: атаковать ровным строем, сбивать ящеров с толку и сжимать в кольцо. Тогда они становятся беспомощны. К счастью, Гелион это умел делать лучше других, его опыт в сражениях незаменим. Военачальник парил под куполом крепости и с высоты оценивал ситуацию, командуя, кому поднажать, кому отступить.

Гелион приказал обойти центр крепости вдоль стены и обступить казармы с флангов.

Не все балауры проснулись, из бараків ящеров всё ещё выбегали новые и новые силы. Даэвы с воздуха выполняли свою главную задачу — отвлекали драканов, мешали им продвинуться вперёд. Маги людей осыпали ящеров взрывающимися огненными шарами, лучники метко палили острыми стрелами, а воины с мечами и алебардами пикировали на выбранную жертву и, пронзив, взлетали обратно. Некоторых бессмертных настигали ответные стрелы или не менее острые клинки балауров. Но на данный момент можно с уверенностью сказать, что преимущество было на стороне элийцев.

Драканов потихоньку окружали, сгоняя их к центру крепости. И вот наступил тот момент, которого Гелион так ждал. Двери в подземелья распахнулись, и наружу выбежали элитные отряды ящеров — драканы-офицеры. Они были ещё крупнее обычных балауров, а их внешний вид — ещё ужаснее. Морда более напоминала человеческую, но из висков торчали здоровые загнутые внутрь рога, как у быка, только в разы толще. Хвост офицеров был намного мощнее, и «рос» он не из «пятой точки», как это было привычно для животных, а из основания шеи — места, где раньше находились крылья. В руках элитных ящеров были чешуйчатые копья, пики и алебарды. Длина их была в два раза больше человеческого роста: один взмах, и десяток элийцев разрубало напополам вместе с доспехами.

Это были истинные драканы, мутировавшие потомки драконов и высших балауров, населявших Атрею ещё до Катаклизма. Место крыльев занял огромный хвост, лапы стали мощнее. Единственное, что осталось прежним, — это немыслимая физическая сила. Рядовых же ящеров «драканами» называли только люди. На деле же это были драконоиды, дракониды, дракуни — кто угодно, только не драканы. Вот теперь перед лицом элийцев явились настоящие драканы: рогатые спинохвостые элитные балауры.

Для Гелиона это было сигналом. Он громким криком скомандовал Даэвам атаковать механизм, питающий купол. Десятки белых крыльев спикировали почти в центр крепости. Сам же военачальник начал облетать легионы и на лету отдавать приказы.

— Реки Эйрона — слева ваш арсенал, — два взмаха. — Ядовитый Шип — справа такой же, — ещё два взмаха. — Сияние Миражей и Коготь Грифона — арьергард на элитных тварей, — разворот. — Щит Неджакана и Пепельные Облака — в авангард, живо! За Айона!

Лучшие силы Гелион пустил в бой с офицерами балауров. Если не сдержать их, атака могла захлебнуться, рогатые драканы были очень сильны.

Даймон и Сакмис были со своими легионами, как и Версетти — легат Сияния Миражей. Эти Даэвы не кружили над балаурами, а командовали своими отрядами. На земле они были нужнее. После приказа они взлетели над своими людьми и громко озвучили план действий.

Остальные легионы дали дорогу Даймону, Сакмис, Версетти и Невме — лидеру Когтя Грифона. Четверо бессмертных указывали своим легионерам путь. Войска расступились, и Щит Неджакана вместе с Пепельными Облаками оказались лицом к лицу с элитными отрядами драканов.

Вблизи пятиметровые офицеры балауров выглядели ещё более устрашающе. Злобные красные рогатые морды приближались к элийцам. Сейчас начнётся схватка.

Элитные драканы были ещё неповоротливее, но это был их единственный недостаток. Два легиона авангарда переформировались в один и растянулись вдоль линии, куда бежали балауры, чтобы не позволить им оттеснить наступавшие сзади силы элийцев. Арьергард прикрывал тылы и готовился сменить раненых легионеров своими центуриями. Даэвы раскрыли крылья и взмыли в воздух. Атаковать огромных ящеров сверху проще. Но и

смертным, и крылатым воинам опасаться надо было одного: широких взмахов драканов. Любыми способами нужно было избегать этого и уклоняться. Попытаться парировать атаку пятиметрового многотонного ящера — самоубийство.

Даймон и Сакмис бились тандемом. Вскоре к ним присоединился сам Гелион. Три воина атаковали с разных сторон одну жертву, пока не пронзят ей сердце или не отрубят голову — самые надёжные способы убить балаура.

Смертные тоже бились кучками, спина к спине. Надо было помнить, что у драканов не было строя, поэтому ожидать атаки приходилось с любой стороны.

Дариус ан Боуэн, с недавних пор центурион Щита Неджакана, вёл за собой своих центурию. Находясь впереди, шансов поймать своим телом клинок балаура было больше, поэтому смотрел воин в оба. Он мельком заметил сверкание справа от себя и дёрнулся назад. Юноша не ошибся — драконид-кинжальщик незаметно подкрался к нему и сделал колющий выпад. Элиец увернулся от клинка и с разворота полоснул широким лезвием по торсу балаура. Тот захрипел и, казалось бы, ухмыльнувшись, осел на землю. Дракониды были ростом с человека, практически не носили брони и являлись довольно лёгкой жертвой, если не считать их скорость передвижения. Из всех балауров они были самыми быстрыми. Легионеры, шедшие за Дариусом, добились ящера своими мечами, и центурион кивнул им в знак благодарности. Но по возбуждённому взгляду бойцов воин вмиг понял, что за его спиной опасность.

Он по инерции прыгнул в сторону и перекатился, присев в боевую стойку. Там, где Дариус находился ровно секунду назад, воздух разрезал огромный рогатый балаур.

— В бо-ой! — закричал юноша и поднял вверх оружие.

Бойцы поддержали его, с криком:

— Вперёд! За Айона! — ринулись в атаку.

Балаур оскалился и замахнулся дубиной с острым наконечником для нового удара. Он прицелился прямо в Дариуса и хотел превратить воина в лепёшку, но юноша вовремя отпрыгнул, и оружие ящера своим концом вонзилось в землю. Пока ящер пытался вытащить дубину, офицер пробежал у его лап, тот пытался поймать человека, но промахнулся — юноша прыгнул между ног балаура и с размаху ударил алебардой ему прямо в незащищённую внутреннюю часть колена. Ящер зарычал и упал на раненую ногу, оставшись в равновесии. Дариус вытащил оружие из плоти дракана и вовремя заметил тень над своей головой. Он снова перекатился между ног балаура — когтистая лапа ящера не успела схватить его. Чешуемордый офицер повернулся лицом и обнаружил элийца, прошмыгнувшего прямо перед ним. Балаур левой рукой ударил по земле в метре от юноши, отчего того волной выбросило ещё на метр. Дариус упал на спину и округлил взгляд. Огромная лапа ящера нависла над бронированным телом воина. Ещё мгновение, и конец. Но тут вовремя сработали легионеры. Один из них тяжёлым щитом отвёл удар дракана в сторону. Другой мечом пронзил его лапу. Дариус рывком поднялся, отпрыгнул от колена балаура и запрыгнул на его спину. Из основания шеи торчал здоровенный хвост. Юноша замахнулся и вонзил алебарду прямо в шею сбоку — туда, где у людей находилась артерия. Он подумал, что у ящеров приблизительно такое же расположение важных сосудов, и не ошибся. Бурлящая зелёная кровь брызнула из раны. Она была обжигающе горяча, но элиец вовремя уклонился от раскалённого фонтана.

Дариус поспешил спрыгнуть с дракана. Ящер закрыл рану лапой, а второй всё ещё размахивал перед собой. Два легионера с флангов ударили дракана по здоровой ноге, и тот

рухнул на землю. В завершение три лезвия: Дариуса и двух бойцов — покончили, наконец, с элитным балауром.

«Минус один...» — подумал про себя центурион, но это было только начало. Он дал знак легионерам рассредоточиться и атаковать кучей — так больше шансов завалить огромное чудище.

Войска рептилий потихоньку отступали под натиском людей. Но рогатые офицеры наглухо держали оборону.

Метким замахом один из драканов порвал крыло Даймону, и Даэв, заверчась в воздухе, упал на землю прямо в ноги к другому спинохвостому. Элиец успел оторвать себе крылья и перекатиться от удара ящера. Он вскочил и встал в стойку прямо перед врагом. Бессмертный уклонился от одной атаки, но сзади подобрался ещё один, и следующим ударом легат Щита Неджакана уже лежал на лопатках. Балаур собирался раздавить Даэва, но вдруг в его горло прилетело лезвие другого легата — Пепельных Облаков. Сакмис ловко разрежала штопором пространство перед собой своим двуручным мечом. Дракан отвлёкся от Даймона. У того была ровно секунда на рывок, ведь сзади уже звенела дубина другого врага. Разворот, а Даэв уже стоит лицом к ящеру, блокируя удар древком алебарды. Сакмис кончает с первым балауром, снимая ему рогатую голову с плеч. Вдруг откуда-то появляется Гелион. Он подсекает ногу ящеру и при помощи крыльев опрокидывает его. Даймон успевает кивнуть военачальнику и с размаху бьёт по шее павшему дракану.

— Ещё два — в поток Эфира, — запыхавшись, промолвила Сакмис.

— Идите вдвоём, я пока без крыльев, — сказал Даймон и побежал с оружием наперевес на помощь сражавшимся неподалёку пешим легионерам.

Гелион взмыл почти под самый купол.

«Обычных драканов загнали, элита ещё стоит, — оценил он ситуацию. — Пора».

Военачальник ринулся к Сакмис.

— Надо снимать барьер! — крикнул он.

Воительница утвердительно кивнула, и два Даэва полетели к охраняемому механизму. Вокруг машины, питавшей купол, стояло четверо драканов-офицеров.

— Нужен всего один меткий удар! — громко крикнул Аскалон.

— Поняла! — ответила Сакмис и обогнала мужчину.

Гелион спикировал вниз, чтобы отвлечь балауров на себя, а женщина взлетела выше и свернула крылья, отдаваясь свободному падению прямо на механизм.

— Ну что, мрази? Потанцуем? — издевательство скривил лицо Даэв и с яростным воплем бросился на врагов.

Они отбежали от своих позиций, чтобы наказать наглеца, как раз в тот момент, когда элийка, свернувшись штопором, падала на артефакт. Она вытянула перед собой меч и уже прицелилась в основание механизма для атаки, как вдруг услышала:

— Сакмис! Берегись!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Это был Гелион. Но сделать она ничего не смогла. В падении женщина была беззащитной. Один из балауров посмотрел вверх и увидел элийку. Он медленно замахнулся и что было сил ударил по крылатой фигуре. Воительница кубарем упала на землю в десяти метрах от машины, отключающей барьер.

Гелион замер. Он уклонился от очередного удара и приковал взгляд к Сакмис. Её силуэт вспыхнул голубоватой дымкой, и прекрасные белоснежные крылья, как по волшебству,

укутали женщину в своих мягких объятиях.

— Не-ет! — вскрикнул Аскалон. Его взгляд наполнился яростью. Он стиснул меч сильнее стальной рукой и кинулся прямо между балауров.

У одного Даэв проскочил между ног, от удара второго уклонился, третий просто не попал, и вот элиец у артефакта. Разворот, замах, вопль и механизм останавливается — один из шлангов обрывается, и Эфир просто улетучивается.

Гелион и драканы поднимают голову вверх. Барьер начинает таять. Он медленно истончается, и через минуту в нём появляются большие дыры, растекающиеся всё дальше и дальше. Это был знак кораблям, всё уже кружащим вокруг форта и подживающим нужного момента. Элийские воины заметили, как свет, исходящий от далёкого Ока Арэшурата, стал ярче.

— Бежим! — начало доноситься со всех сторон.

Легионеры как можно скорее покидали центральную часть крепости, ведь через мгновение её разбомбят.

«Три, два, один, огонь!»

Три военных корабля разом опустошили арсенал, дав залп прямо в скопление балауров в самом центре форта. Элийцы всё это время окружали драканов, чтобы оттеснить их туда, а потом разбомбить из бортовых пушек — так было задумано военачальником.

Ослепительные вспышки, оглушительные звуки взрывов, истошные крики ящеров и звон доспехов. Не прошло и пяти секунд, как крепость осветили новые залпы. Элийцы бежали прочь от огня, Гелион успел взмыть в воздух и теперь он, как и большинство выживших Даэвов, наблюдали за происходящим с безопасной высоты. Ещё несколько ударов прогремело в центре форта, и всё затихло. Голоса, крики, взрывы — больше не было слышно ничего.

Когда дым и столбы пыли рассеялись, элийцы увидели, что стало с крепостью и балаурами. В самом центре огромной кучей валялись изуродованные и обожжённые останки сотен драканов. Запахло горелой плотью, запёкшаяся зелёная кровь ещё бурлила, как в котле. Повсюду были разбросаны части тела, внутренности ящеров. От трупов поднимался вверх лёгкий дымок — артиллерия поработала на славу.

Гелион внимательно осмотрел форт — оставшихся в живых балауров, коих были единицы, безжалостно зарубили. Военачальник приземлился на одну из уцелевших казарм, сложил крылья и громко заговорил:

— Братья мои, сёстры! Драканы запомнят тот день, когда непокорные люди превратили их хвалёное войско в жаркое! — форт озарил одобрительный гул. — Крепость Ру наша! — он поднял меч и громко закричал.

Выжившие легионеры, все без исключения, поступили так же. Оглушительный рёв тысяч счастливых голосов расстелился по крепости и окрестностям. Теперь можно было отдохнуть. Оставалось дело за малым: сжечь тела балауров и восстановить постройки и ворота. Но это уже завтра, потому что сегодня — победа.

===== Часть 3. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 9.

Отредактировано.

Арэшурат. Цитадель Тэминона.

На следующий день три судна отвезли половину легионов обратно в западную крепость Сизэли на прежнее дежурство. Гелион вернулся в Цитадель. Весть о пропавшем четвёртом

корабле быстро разлетелась по форту. Вскоре останки фрегата нашли. Членов его команды военачальник наградил посмертно.

Аскалон попросил легатов всех легионов, участвовавших в осаде, явиться в Цитадель. Там он выразил благодарности, но также сделал строгие выговоры многим офицерам. Не могло же быть всё идеально, кто-то обязательно что-то недопоймёт, кто-то накосячит, а цена ошибки — всегда жизни. Отдельную аудиенцию военачальник предоставил Даймону.

— Под твоим командованием легион бился достойно, — начал Гелион, как только воин вошёл в двери зала совещаний. — Жаль погибших. Я их хорошо знал.

— Без жертв не добиться победы, — пожал плечами легат. — Благодарю. Пост главы легиона Бездны для меня нов, поэтому, если будут огрехи, не уповайте на глупость.

Военачальник не ответил ничего. Он собирался сказать что-то другое, но стук в дверь перебил его.

— Совещание, — грозно рявкнул он, но створки всё равно приоткрылись. Снаружи показалось заинтересованное лицо Сакмис.

— Мне можно?

Гелион позволил себе мимолётный, но острый взгляд в сторону женщины.

— Проходи.

Воительница порхнула в зал и быстрым грациозным шагом направилась к мужчинам. Даймон был удивлён её такому скорому возрождению, но высказал лишь комплимент.

— В новой оболочке выглядишь прекраснее прежнего.

Она скупно улыбнулась, но даже не поприветствовала Дазвов. Вместо того она облокотилась руками о стол и совсем не по-женски суровым тоном заговорила с военачальником:

— Ты не сказал мне, что осада не согласована с Элизиумом! Мне и всем легатам пришли письма из Храма Стражников, в которых просят «разъяснения случившегося». Это как понимать? — она достала свёрток бумаги и повертела его перед лицом Гелиона.

Тот выхватил у неё листок и мельком прочитал. Затем разорвал на несколько кусочков, собрал их, скомкал и выбросил в сторону.

— Вот так. Ещё вопросы? — исподлобья посмотрел он на легатшу.

— Ты же понимаешь, что только взойдёт на пост, — с укором продолжила воительница. — Да этой твоей выходки достаточно, чтобы тебя лишили всех званий!

— Мне плевать! — злобно крикнул военачальник. — Сядь! И послушай.

Сакмис замолчала и плюхнулась в кресло, нахмурившись.

— Что творится в Элизиуме и здесь, не твоя забота. Твоя забота, — Гелион невежливо указал на неё пальцем. — Это слушаться приказов! Я их отдаю, ты выполняешь! Будешь рыпаться, пойдёшь к балауру, а пыль, что от тебя останется, пушу по ветру!

Женщина стиснула губы и молча слушала нотации военачальника.

«Конечно! Он же главный! Дракана с два!» — подумала она и вскочила с места.

— Раз так, не зови меня больше на «приватные беседы»! — бросила в лицо Гелиону и важно покинула зал. В дверях она остановилась, сказав напоследок. — Я за тебя волновалась. На дела Элизиума мне до Эфирной лампочки!.. — и громко хлопнула дверью.

Аскалон вздрогнул и нервно почесал затылок.

— Мать балаурскую... — выругался он.

— Быстро столица про всё разузнала... — заметил Даймон, стоявший всё это время тихо, молча слушая разборки.

— И что они сделают, м? — Гелион презрительно поднял глаза на легата. — Накажут меня? В клетку посадят? Да Фаметес не способен даже хрен рукой держать, когда сыт! За него всё Раверинтос делает. Если эта безмозглая кучка придурков не знает, как сдержат ящеров и серозадых, пусть молча сидит в столице и дерьмо из своей ямы жрёт! А мне не мешать! Со мной Элиос вернётся во времена процветания! Если ты со мной, я буду рад, если нет, катись к балауру...

— Я всегда буду с Вами, — уверенно произнёс Даэв.

«Как быстро Вы вжились в роль главнокомандующего...» — всё де пролетело в голове Даймона.

— ...А сейчас планы таковы, — грозно продолжил военачальник. — Ты хорошо знаешь Ингисон, Версетти — тоже. Бери Щит Неджакана и Сияние Миражей. В качестве подмоги даю тебе гарнизон Интердики. Начинай освобождение оккупированного асмами Ингисона. Я уверен, у тебя получится. Как только дойдёшь до Срединного Хребта, сразу сообщишь мне. Я скажу, продолжать наступление на Келькмарос или нет. Вопросы?

— Вы сказали, гарнизон Интердики? Весь гарнизон? — с лица бессмертного не сходило удивление. — Это же тысяч двадцать воинов.

— Тебе люди нужны или нет? — сурово спросил Гелион.

Конечно, это был риторический вопрос, но Даймон рискнул ответить:

— Я возьму десять тысяч. Оставьте Интердике людей, у них и так проблем с балаурами полно...

— Как пожелаешь, — сухо сказал капитан гарнизона. — Моя личная просьба: не гоняй свой легион сильно. Дай ребятам передохнуть. Они не видели сна уже неделю.

— Конечно, — кивнул воин. — Щит Неджакана будет в тылу. В авангарде было бы неплохо ребятам из Сияния Миражей... Они опытнее всех в Балаурии.

— Значит, решено!

— Но... — перебил Даймон. — Согласятся ли легаты других легионов идти строем? Ведя я не...

— Согласятся. Как ты скажешь, так и будет. С сегодняшнего дня ты — командующий армией Элиоса. По моему личному указу.

Эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба.

— Я не заслужил, — возразил Даэв. — Да и приказа из Элизиума...

— И ты туда же? — снова гаркнул Гелион. — Даймон, ты сам знаешь, что власти в Элизиуме больше нет!

«Как и нет пути назад...» — невольно подумал Даймон.

— Вы правы, — он глубоко вздохнул и постарался скрыть от глаз военачальника свой грустный взгляд. — Сколько у меня времени на подготовку?

— Минимально. В крепости Интердики тебя встретят. Собираешь десять тысяч голов и сажаешь их на корабли. Высаживаешься, где тебе нужно. Всё понял?

— Так точно, — тяжело кивнул Даэв и сжал кулаки.

— Что стоишь? Ступай!

Даймон развернулся и вышел из зала. Он не мог освободиться от мысли, что Элизиум не оставит это просто так. Орден Миразента не то, что не простит Гелиона, он может настоять на самом суровом наказании для бессмертного, а этого Даймон боялся. К тому же, какая огромная ответственность легла на его плечи! Командующий! Пусть и не официально пока... Даэв никогда даже не думал об этом.

«Игры кончились... — прокручивал он одну и ту же фразу у себя в голове. — Теперь всё по-серьёзному».

Легион Щита Неджакана продолжал вести дежурство в западной крепости Сиэли. И это несмотря на героический вклад во вчерашнюю победу. А что поделать, служба есть служба. Там же сейчас находился и легион Сияния Миражей, с чьим капитаном Даймону и предстояло провести беседу тет-а-тет.

Снова улыбчивый привратник, снова небольшое привычное головокружение и снова бескрайняя вечная ночь Арэшурата на смену солнечной иллюзии неба над Цитаделью Тэминона. Форт практически восстановили. Силами легионеров и рабочих, присланных со всех концов Элиоса, ворота и стены залатали, Эфирный купол починили, мусор убрали, останки захоронили. Никаких следов битвы, кроме отпечатков в памяти воинов и слёз родственников погибших, не осталось. Но Даэв давно забыл про горесть потери. Хотя, может, и не забыл, а просто привык к тому, что кто-то обязательно умирает, навсегда обретает покой в потоке Эфира. Бессмертие заставляет измениться.

Версетти искать не пришлось, Даймон встретил его около хранителя портала. Тот собирался лететь куда-то.

— Версетти, рад тебя видеть, — вежливо поприветствовал новоиспечённый командующий старого друга.

— Расефиэль, Даймон, — мужчина немного удивился его прибытию. — Ты скоро... Уладил дела в Цитадели?

Даймон нахмурился:

— Есть разговор.

Легат Сияния Миражей, высокий темноволосый элиец, генерал со светящимися карими глазами бессмертного, понимающе кивнул и жестом руки предложил прогуляться по площади крепости.

— Что ещё приказал Гелион? — усталый взгляд упал на лидера Щита Неджакана. Версетти сразу догадался, о чём будет беседа.

— Нам с тобой снова придётся потряхнуть стариной... — попытался улыбнуться Даймон.

Версетти громко вздохнул и вымученно замотал головой.

— Гелион потерял грань между возможным и невозможным... — произнёс темноволосый Даэв. — У людей тоже есть запас прочности. Когда он иссякает, может произойти самое страшное.

Даймон понимающе кивнул.

— Я понимаю, но сделать ничего не могу. Ты и твои бойцы незаменимы там, куда мы направимся на этот раз.

Версетти медленно повернул голову в сторону. Он сжал губы и прошептал то, что боялся произносить:

— Балаурия...

— Да, — словно приговор, отрезал легат Щита Неджакана. — И начнём мы с Ингисона.

— Дай моим людям хотя бы неделю, — понимая, что поход на край земли необратим, сурово сказал генерал. — Иначе нам крышка!

— У тебя два дня, не больше. Ещё двое суток будем плыть на кораблях. Потом день на разгрузку. Итого — пять дней. Этого будет достаточно.

Версетти разочарованно покачал головой.

— Мрачно... Что задумал Гелион? Почему я должен подчиняться ему, а не Кайнусу или

Фаметесу?

— Фаметес... — Даэв задумался, как ответить. — Потерял авторитет. А Кайнус был бы за освобождение Ингисона, я уверен.

— Мальчишку убили?

— Скоро это случится, — Даймон сверкнул светящимися глазами, и Версетти все понял.

— Невесело мне от твоих слов... — он погладил ладони, обдумывая ситуацию. — Раз Гелион прислал тебя, то, надо полагать, ты — теперь главный?

Даймон молча кивнул. Он не хотел становиться лидером, особенно перед своими старыми боевыми товарищами.

— Это всего лишь приказ... — промычал командующий. — Я никогда не стану относиться к другим, как к... шавкам.

— В тебе я уверен, — на выдохе сказал Версетти. — Но у Гелиона мания величия. Я это сразу увидел: взгляд коршуна, оскал тигра. Будь с ним осторожнее, — он сделал паузу. — Ты думаешь, он приведёт Элиос к победе? Возможно. А может, и утопит его в крови.

— Я верю ему, — утвердительно прошептал Даймон. — Не зря его кличут «Тринадцатым божеством».

— А я верю тебе, чтоб меня балаур побрал... Через два дня мои люди будут готовы. Скажи, куда им идти.

— Интердика.

— Интердика? — удивлённо спросил Версетти.

— Она самая. С нами ещё десять тысяч воинов.

— Так... — он остановил Даймона. — С такими силами... Если мы освободим Ингисон, ты дашь приказ идти дальше? — угрюмо сощурился легат Сияния Миражей.

— Да озарит наш путь Свет Айона... — лишь грустно произнёс командующий и пошагал обратно к центру площади.

Версетти проводил его взглядом. Он знал, что Элиос в кризисе. Не могло просто так найтись десять тысяч человек, тем более сразу после кровопролитных осад, где погибли сотни храбрых воинов.

«Всеобщая мобилизация? — прокручивал у себя в голове Даэв. — Гелион собирает силы со всех уголков Элиоса. Если он ошибётся в своих расчётах, некому будет охранять людей. Не может всё быть так просто... — не унимался он. — Почему Асмодея не может собрать тридцать тысяч аканов? Им же это, как раз плюнуть. А может, она уже собрала? И ждёт, когда мы совершим глупость? Надеюсь, Аскалон понимает, какова цена оплошности...»

Версетти был давним другом Даймона. Они почти пятьдесят лет руководили двумя самыми известными легионами Ингисона. Даэвы стояли спина к спине во многих сражениях. Сияние Миражей и Кинжал Безмолвия гордо несли службу на страже крепости Иллюзий, пока не случилось то, что изменило расклад вещей. Версетти не потерял всех своих людей в отличие от Даймона. Он смог восстановить легион, не пожертвовав при этом славой. После приказа Фаметеса Сияние Миражей было отправлено в Бездну. Воинам привыкшим к условиям земель балауров, пришлось заново учиться выживать в суровом, наполненном Эфиром пространстве Бездны. Любой бы на месте Версетти послал к балауру военачальника Элизиума за подобное неуважение к героям Элиоса. Но Даэв был не таким. Он спокойно принял приказ и немедленно его исполнил. Легат никогда не смел перечить

высшим по рангу, всегда вёл себя достойно, как и подобает бессмертному. Он был молчалив и доверял только тем, кто не подвёл его в битве ни разу. То есть, своим легионерам и Даймону. Последний же, наоборот, обладал всеми качествами, присущими элийскому Перерождённому: болтливостью, излишней напускной услужливостью, тягой к сплетням... Порой Даэвы вели себя, как старухи, сидящие во дворике своих домов и перемывающие кости всем прохожим. Как поговаривали они сами: старость — не радость.

Из орудий Даймон предпочитал алебарды, Версетти же — длинные дубинки, напоминающие посохи, которые ему делали на заказ в Храме Мастерства Элизиума. В кругах легионеров поговаривали, что глава Сияния Миражей одинаково прекрасно владел как оружием, так и магией. Вживую же увидеть его навыки чародейства удалось немногим, но они уверяли, что Версетти мог дать фору любому Даэву-волшебнику.

Даймон вошёл в казарму своего легиона. Как всегда, отдыхающие бойцы быстро поднялись с кроватей и выстроились шеренгами вдоль коек, чтобы встретить легата. Длинное тёмное помещение залилось звенящей тишиной, когда воины были готовы.

Разговор обещал быть неприятным: отдохнуть как следует бойцам не светило. Вместо этого — новое задание. Да ещё и в Балаурии, где Щит Неджакана никогда не бывал. После того, как Даймон возглавил легион, череда походов не прекращалась. Но надо было понимать, что это — лишь неудачное стечение обстоятельств. Из рекрутской академии, привязанной к Храму Легионов, состав постоянно пополнялся новыми воинами. Это было необходимо, ведь ни одно сражение не проходило без жертв. Даймон был против подобных «зелёных стручков», как он называл новичков, но сейчас руководил всем Гелион, который имел серьёзный авторитет для Даэва. Правда, в свете последних событий связь с Элизиумом прервалась, отчего рекрутов временно не набирали. Это не могло не вызвать одобрение со стороны легата Щита Неджакана, особенно накануне столь ответственного похода.

Даймон шагал вперёд-назад вдоль рядов коек и произносил речь. В ней, как всегда, говорилось о доблести, святости их действий и необходимости искоренить зло, под которым подразумевались асмодиане и балауры. Воины слушали молча. Грамотные слова легата, точно подобранные его опытным умом, подбадривали бойцов. На это Даэв и рассчитывал.

«Настрой и высокий боевой дух — одни из главных двигателей победы», — так он считал.

Когда бессмертный окончил свой монолог, казарму взорвал громкий одобрительный крик: «Ура!»

— Слава Элиосу! Слава Айону! — звучало, как побуждение к действию.

По команде «разойтись» легионеры вернулись к своим делам. У них было двое суток для подготовки к отчаянному походу в незнакомые земли. Даймон гордо пошагал к выходу. Проходя мимо койки Дариуса ан Боуэна, он бросил ему:

— Молодец. Отлично держался, — и пошёл дальше.

Юный центурион не успел ничего сказать в ответ — дверь в казарму закрылась снаружи. Офицер принял слова, как достойную награду.

Говорят, Бездна быстро меняет людей до неузнаваемости. Дариуса она уже изменила. За эти несколько сражений куда-то исчезла его бывшая своенравность, вспыльчивость, но возросло до небес чувство самопожертвования и патриотизма. Наверное, молодой человек понял, что дисциплина может помочь выжить в таких тяжёлых условиях. Он почувствовал ответственность перед своим отрядом, воины которого в большинстве своём были старше его раза в полтора-два. Но никто не смел высказываться по этому поводу. Часто

командирами становились юные бойцы, а бывалые сорвиголовы так и оставались рядовыми легионерами. А они и не желали большего — никто не хотел брать на себя ответственность за жизни других людей. Это бремя было тяжелее любой схватки с балауром. Дариус, несмотря на юный возраст, был готов водрузить на свои плечи сей груз. Он не гнушался отвечать перед легатом за действия своих товарищей. Кто знает, может, такое самопожертвование было необходимостью, чтобы поглубже спрятать ноющую дыру в пылающем сердце.

Из-за такого обилия событий юноша всё реже вспоминал горе. Нет, он ни в коем случае не разлюбил свою Эви. Просто, когда разум поглощает бесконечная битва и не хватает времени даже на сон, становится некогда вспоминать о близких, родных и друзьях. Первостепенной становится другая задача — выжить. Крисаор был прав, когда говорил об этом при первой встрече с Дариусом. Но юноша тогда ему не поверил, посетовал на «дурь в голове». Теперь же всё изменилось: молодой человек осознал, насколько легко можно распрощаться с жизнью. Даже стараться не надо: просто выйти без оружия и брони за пределы крепости. Через несколько минут запах человечины учует какая-нибудь нежить и с большим аппетитом слопает нерадивого самоубийцу. Он не успеет и глазом моргнуть, как душа отправится в вечное скитание по потоку Эфира.

Но скоро Дариус снова окажется в Ингисоне — там, где он обрёл и потерял всё. Магия Бездны улетучится и откроет дорогу воспоминаниям. И лишь Айон знает, что может произойти там на этот раз.

Через два дня.

Элиос. Крепость Интердики.

На площади у воздушного порта открылся разлом. Привратник крепости, как обычно, отвёл горожан в сторону от портала — кто знает, сколько человек пройдёт через него. И не прогадал: более трёх сотен экипированных в элитные расписные доспехи двух лучших легионов воины уверенно ступили на обласканный солнцем камень главной крепости — столицы Интердики.

Вс, как на подбор, кирасы, дублеты, кольчуги, шлемы, щиты, мечи гордо светились в лучах полуденного света. Последними через разлом прошли два воина, предпочитающие не носить шлем: Даймон и Версетти. Они обошли легионы и встали во главе. Из толпы зевак пробился человек в чёрном сюртуке. Он держал в руках лист бумаги. Фигура подбежала к Даймону.

Здоровые очки, висевшие на носу мужчины, уставились на Даэва. За незнакомцем, словно из ниоткуда, появилось двое стражников в начищенной желтоватой броне.

«Личная стража военачальника», — догадался легат Щита Неджакана.

— Господин Даймон, — небрежно сощурившись от яркого солнца, с сильной робостью произнёс мужчина в сюртуке и очках. — Рад приветствовать Вас. Я Барсит, — он прислонил руку к груди. — Ответственный по делам крепости и города. Прошу за мной. Вас ожидает военачальник.

Мужчина развернулся и, подождав Даэва рукой, мелкими шагами поплёлся к изумлённой толпе зевак. Охрана не торопясь направилась за ним. Даймон приказал воинам ждать тут и пошёл вслед за странным человеком. Барсит пытался сам протиснуться через людей, но у него не получилось. Тогда стража помогла ему растолкать народ, чтобы бессмертный комфортно прошёл через порт. На окраине площади процессию ожидал

экипаж.

— Нам сюда, — глупо улыбнувшись, прошепелявил Барсит и слегка дрожащими руками указал Даймону на большую карету. — После Вас, господин Даймон.

Даэв молча запрыгнул внутрь и уселся у противоположного окна. За ним забрались два стража. Последним, споткнувшись об порог, влетел ответственный по делам крепости. Он скромно занял место между охранниками и, сложив руки на коленях, дал знак воинам:

— М-м-можно ехать, — заикаясь, пробормотал Барсит, и один из стражей два раза стукнул металлическим нарукавником по двери.

Повозка тронулась. Всю дорогу Даймон молчал — он сидел, равнодушно уставившись в окно. Мимо мелькали узкие улочки, лавки и невысокие домики горожан. Барсит не сводил глаз с бессмертного. Мужчина, выпучив глаза, рассматривал складки латной брони Даэва и его мужественное бессмертное лицо, на котором, несмотря на возраст, не было ни одной морщины.

Через десять минут карета въехала во двор имения военачальника и остановилась у главного входа. Страж открыл дверь и выпрыгнул из экипажа. За ним аккуратно сошёл на землю мужчина в очках, потом — второй стражник. Последним покинул повозку гость. Снова подождав Даэва рукой, Барсит направился ко входу в красивый особняк, по стилю напоминающий старый замок. Но, несмотря на строгое внешнее убранство, внутри вовсе не было мрачно: большие светлые залы, высокие своды потолка и картины, картины, картины. Кругом картины. Даймон невольно подумал, что попал в какую-нибудь галерею. По широкой лестнице цвета слоновой кости гостя провели на второй этаж. Сразу за ступенями были двери в рабочий зал военачальника. Стражники остановились и встали у дверей. Барсит робко открыл дверь и, пригласив Даэва зайти, шмыгнул внутрь.

Все залы заседания были похожи: длинное светлое помещение, большой дорогой стол и что-то типа трона в его главе, по сторонам — куча всякой дорогушей ерунды. Несмотря на исключительное богатство, такие виды вызывали у Даймона скуку. Всё время ощущалось чувство дежавю — будь то Храм Стражников, зал в Цитадели или вот это помещение: на его взгляд, все они были одинаковы.

— Господин Ференто, — Даэв заметил фигуру, стоявшую спиной к гостям у огромного арочного окна. — Расефиэль.

— Расефиэль, Даймон, — мужчина в золотом камзоле обернулся и, держа руки сложенными за спиной, пошагал к бессмертному. — Так это Вам я отдаю половину своего гарнизона?

На удивление, в голосе военачальника Даэв не услышал упрёка или недовольства. Просто заинтересованность. Яркие жёлтые глаза Ференто ан Ксеруса осматривали командующего с ног до головы. Он подошёл к воину вплотную и поправил выющиеся каштанового цвета волосы, убранные назад.

— Господин Гелион меня обо всём предупредил. Если ситуация и впрямь серьёзная, я готов отдать десять тысяч солдат, но не более, чем на полтора месяца. День в день они должны вернуться в Интердику — таковы мои условия, — военачальник говорил вежливо. — Вы принимаете их?

— Принимаю и благодарю за поддержку, — покорно кивнул Даймон.

«Разговор для галочки, — подумал Даэв. — Можно было и без этих условностей отдать мне людей...»

Конечно, Ференто знал, что полтора месяца — это много. На всё про всё должно уйти

не больше месяца. Но перед лицом своих подчинённых передать половину гарнизона провинции в руки Гелиону просто так он не мог. Тогда его репутация бы упала ниже плинтуса. Приходилось придумывать всякие лишние правила.

— Я искренне надеюсь на успех, — продолжил военачальник. — Ингисон — уже полвека как наша земля, и я готов сделать всё, что в моих силах, чтобы вернуть её. Мне кажется, я уже сделал всё. Теперь дело за Вами, Даймон. Пусть Вам сопутствует удача, и да озарит Ваш путь Свет Айона!

Даэв ещё раз поклонился.

— Легионы собраны. Барсит, — Ференто обратился к мужчине, всё это время робко стоявшему около стола. — Ступайте в гарнизон и предупредите о выдвижении моих людей в Иронполис.

— Уже бегу, господин военачальник! — откланялся он и попятился к двери.

— Восемнадцать кораблей Небесной флотилии ожидают Вас за Иронполисом, — глава Интердики обратился уже к Даймону. — Это все корабли, которые у нас есть. Постарайтесь вернуть их в том же состоянии, в котором получили.

— Я сделаю всё возможное, — уверил Даэв и вежливо попрощался с военачальником. — Да защитит Вас Айон.

— Да сохранит Вас Айон!

Бессмертный командующий громким шагом покинул зал. За дверьми к нему присоединились те два стражника и отвели его обратно к экипажу. Повозка тем же путём вернулась в порт. Даймон вернулся к своим людям и рассказал обо всём легату Версетти. Два легиона Арэшурата под звонкие радостные крики толпы строевым шагом отправились к воротам крепости.

Иронполис, старый полуразрушенный нежилой город в паре десятков километров от столицы Интердики, ныне служил стоянкой для воздушных судов. Он располагался за высокими, хорошо охраняемыми стражей холмами, поэтому асмодианские отряды, иногда появляющиеся в этих землях, ни разу не смогли подобраться к кораблям элийской Небесной флотилии.

Колонна из более, чем шестисот ног, покинула крепость через главные ворота и пошла по мощёной дороге между зелёными холмами. Солнце приятно светило в затылок, но дул прохладный ветерок, поэтому двигаться было не очень жарко, даже несмотря на тяжёлые доспехи.

К вечеру легионы подошли к руинам большого города, разрушенного ещё Катаклизмом. Когда-то Иронполис был крупнейшим поставщиком металла на всей южной половине Атреи. Но, по преданию, сюда упал огромный осколок Башни Вечности и, расколовшись, похоронил под собой всё и вся. Элийцы думали восстановить город, но строить дома на чьих-то могилах они не стали. Вместо этого они возвели чудесную крепость неподалёку, а старый город до сих пор используют как грузовой порт. Как гласит легенда, по ночам в Иронполисе можно увидеть скитающиеся привидения его жителей, чьи души ещё бродят между руинами домов и сооружений. Видимо, они так и не поняли, что умерли, поэтому не смогли найти себе покой в потоке Эфира.

Как и любой разрушенный город сотни лет назад, Иронполис был похож скорее на музей: кругом обломки памятников, скульптур, ещё целые фасады некоторых домов, ярко показывающих, как жили люди до Катаклизма. Повсюду можно было найти полусгнившие предметы быта, каменные инструменты — всё, что время сберегло от неизбежного

обращения в прах.

В сумерках город выглядел и вправду жутковато. От заходившего солнца тянулись длинные тени. Строения напоминали древние склепы, а камни, торчащие из земли — могильные плиты. Обстановка создавала ощущение кладбища, старого кладбища. Как ни странно, прошло уже почти девятьсот лет с тех пор, как здесь никто не живёт, но улицы не заросли кустарниками и деревьями, пушистый мох не скрыл под собой останки цивилизации. Вокруг местность за века обратилась в непролазную чащу, но здесь была просто голая земля — ни одной травинки не увидеть в руинах Иронполиса.

За высокой покосившейся стеной, одиноко росшей из земли почти в центре города, — всего, что осталось от древнего храма, на огромной ровной поляне, немного занесённой серым песком, стояли рядами массивные столбы. К ним прочными канатами были привязаны суда, отдыхающие здесь после долгих перелётов. В две линии в десяти метрах над землёй красовались фрегаты Небесной флотилии — все восемнадцать штук. Legionеры никогда не видели такое большое количество кораблей. Улыбка невольно растянулась по лицам бойцов, пусть их головы и скрывали металлические шлемы. Даже Даймон впервые за всю жизнь оказался здесь. Он довольным сверкающим взглядом рассматривал днища парящих кораблей, отмечая, насколько они всё-таки прекрасны.

Легат дал команду Даэвам открыть крылья. Пара десятков бойцов выбежали из строя, и спустя секунды сумеречную местность осветили вспышки выросших из воздуха белоснежных перьев. Даймон выбрал один из одинаковых кораблей и, приказав лететь за ним, взмыл вверх к палубам. Бессмертные, спустив некоторые паруса, опустили судно ниже и скинули трап, чтобы люди смогли забраться на борт.

Вскоре каюты всех палуб забились легионерами, и командование стало ждать прихода обещанного гарнизона.

— Что-то они долго, — забеспокоился Версетти.

— Ничего, скоро явятся, — спокойно ответил Даймон.

Над Интердикой воцарилась ночь. Солнечный свет сменился на кромешную темноту. В небе тускло светились огни Асмодеи — там только что рассвело. Даэвы рассматривали окрестности с борта корабля, пытаясь увидеть многочисленную армию элийцев. По сторонам вдруг стали мерцать блёклые белые огоньки. Они, словно звёзды, были разбросаны по всему городу. Казалось, они медленно двигались по улочкам, огибая разрушенные строения.

— Это что? Призраки — не сказки? — удивлённо спросил Версетти, оперевшись на борт и заинтересованно вглядываясь в руины.

— Не надо их беспокоить. Для них мы всего лишь видения... — произнёс Даймон. Его лицо омрачилось. Сколько же людей погибло здесь в одночасье? Сотни? Тысячи? Десятки тысяч? Это только здесь, а по всей Атрее? Миллионы? Больше?

«Кто же виновен в этом проклятом Катаклизме?..» — задал себе вопрос Даэв, но ответить не смог. Элийцев с незапамятных времён учили, что во время мирных переговоров в Башне Служитель Вечности Асфель напал на Лорда балауров Бритру, отчего тот погиб, бездыханно упав с огромной высоты, пронзённый мечом. Ныне Асфель — покровитель асмодиан, их божество и идол. Конечно, северян учили другому: что Бритра напал первым, а Асфель защитил собой Леди Румиэль. Правды из людей не знает никто. Лишь Айон Служители, да Лорды балауров могут рассказать о тех событиях. Но покровители элийцев говорят одно, покровители асмодиан — другое, хотя они все были свидетелями той ужасной

трагедии, в результате которой Атрея изменилась навсегда. Пожалуй, истину может поведать только сам Айон, но из смертных и Даэвов с ним ещё никому не довелось пообщаться.

Бесформенные огоньки всё ещё медленно плыли по Иронполису.

«Всякие мысли лезут в голову... Что это со мной?» — подумал Даймон.

Наконец, через пару часов до ушей бессмертных донёлся низкий размеренный гул.

— Это они! Слышу стук сапог! — воскликнул командующий. — Так, Даэвы, слушать мою команду! Распределяемся по кораблям, спускаем паруса и трап! Немедленно, за работу!

Десятки крыльев шурша взмыли в воздух. Со стороны было похоже, что огромные белые птицы кружат в ночи между спящими фрегатами. Вдруг по очереди корабли начали опускаться почти до самой земли, а с бортов были сброшены деревянные трапы. Даймон раскрыл крылья и полетел навстречу гарнизону. За холмами были видны огни — воины несли с собой факелы и освещали ими путь для колонн. Огромная армия дружно шагала по хорошо знакомым дорогам юго-запада Интердики. Металлическая броня мерцала в свете огней. Впереди шло командование легионов, позади — сами бойцы. Они разглядели приближающуюся к ним крылатую фигуру и взмахом руки велели войску остановиться. Даймон приземлился в паре метров от первой шеренги и сложил суставы длинных крыльев за спиной. Даэв приблизился к человеку в генеральских доспехах и строго поприветствовал его:

— Расефиэль. Меня зовут Даймон. Я командующий армией в этом походе.

— Расефиэль, Даймон. Я — Сарант, генерал гарнизона Интердики, — произнёс мужчина, прислонив руку к груди и склонив голову. — Мои войска отныне в Вашем распоряжении.

— Принимаю, — сказал бессмертный, раскрыл крылья, взлетел вверх, застыл в десяти метрах от поверхности, и скомандовал. — Легионы! Входим в Иронполис и распределяемся по кораблям. Через три часа мы улетаем в земли балауров. Шагом марш!

Земля завибрировала от топота металлических сапог. Даэв белой птицей полетел в конец колонн, осматривая слёту бойцов и оценивая их экипировку.

«Такие юные... — пролетело в голове Даймона. И действительно, около половины всех воинов были с виду шестнадцати-семнадцатилетними парнями, первый раз нацепившими на себя доспехи. — Ещё молоко на губах не обсохло — и в бой... А с бронёй этой что, только на белок ходить?»

Экипировка легионеров оставляла желать лучшего. Безусловно, она не сравнится с доспехами и оружием Щита Неджакана — это Даэв понимал, но на асмодиан так идти было опасно: лёгкие шлемы, не закрывающие полностью лицо (благодаря этому Даймон и сделал вывод о возрасте ребят), держащиеся на кожаных ремнях лёгкие латы, кожаные перчатки и набедренники, отсутствие нормальных щитков — всё это не придавало оптимизма. Бессмертный уповал на то, что Гелион не ошибся, и асмодиан и вправду мало в Ингисоне, иначе элийцам придётся ой как туго.

Вскоре армия добралась до Иронполиса. Текущие по земле колонны с факелами медленно забирались на борта кораблей. Через три часа на улицах разрушенного города не было ни души, если не считать привидений.

Даймон взлетел над кораблями и громко крикнул:

— Вперёд! Поднять паруса! Руби канаты!

Громко зашуршали огромные тканые паруса элийских судов. Корабли, медленно и

осторожно лавируя друг между другом, набрали высоту и развернулись в сторону юга.

Две колонны, по девять кораблей в каждой, поплыли в прохладном ночном воздухе к краю южной половины Атреи. Военные суда двигались медленно, поэтому на дорогу уйдёт около двух суток. Затем флот преодолеет край мира и окажется на внешней стороне раздробленной планеты. А там до Ингисона — рукой подать.

===== Часть 3. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 10.

Отредактировано.

Пандемониум.

Асмодиане тоже планировали блицкриг. Видар фон Хильдер, военачальник столицы северян, надеялся неожиданно нанести удар сразу по двум элийским провинциям: Элтенену и Интердике. Для этого он мобилизовал со всей Асмодеи семьдесят тысяч аканов. Под предлогом «важной миссии во славу Асфея» Видар, как и Фаметес, распределял по несколько тысяч солдат в руки одного офицера, чтобы было удобнее контролировать такое огромное количество легионов. В качестве командиров были выбраны самые опытные и надёжные легаты элитных отрядов асмодиан.

Рядовые аканы-легионеры не могли знать, зачем их оторвали от семей и заставили собраться в столицах своих провинций — все понимают, что значит экстренная мобилизация. Воины, среди которых было немало несовершеннолетних (а собирали всё обученное и способное воевать мужское население), лишь догадывались, куда их пошлют и надолго ли.

Когда идёт война — это всегда горе. Но когда война официально не прекращается сотни лет — это уже история: сменяются поколения, рождаются дети, но частенько с самого рождения они видят лишь смерть и потери. Крохотные сердца узнают для себя, что может принести такое слово как война. И дети с младенчества привыкают к ужасам, повзрослев, они считают, что это нормально, что так было всегда. Какими они вырастают? Что сокрыто в их сердцах? Война учит всех хладнокровию, ненависти и необузданной ярости по отношению к врагам. Люди, прожившие всю жизнь под постоянными набегам противника, не могут желать прекращения кровопролития — они просто не знают, как жить иначе, ибо никогда не видели спокойного мирного неба над головой.

Большую часть людей военачальник Видар распределил между четырьмя командующими: Квасиром — легатом первого легиона Пандемониума, также известного, как Клыки Фенрира, Кальваэса — легата второго легиона, или Вестников Разрушения, Исагира — командира третьего легиона, или Грозы Астерии, и Эйричи — лидера Красной Эсси, четвёртого легиона Пандемониума.

Клыки Фенрира были отрядом под личным командованием правителя Асмодеи, хоть они и имели своего легата. Легион базировался, в основном, в столице. Около трети стражи Пандемониума составляли бойцы Клыков.

Во время патрулирования Клыки Фенрира позволяли себе ходить не только в броне, но и в обычных одеждах. Ведь в Пандемониуме редко встретишь какую-нибудь угрозу. Тем более воинственные доспехи вызывали неприятный контраст на фоне красивых пейзажей города. Единственное, что в таком случае отличало Клыков от горожан, — хорошо спрятанное оружие и бордовый цвет одеяния с серебристыми краями манжетов и воротников.

Пожалуй, единственная сила, которая всегда была во всеоружии, — это Храм

Правосудия. Безмолвные Исполнители статно и гордо бродили по улицам столицы, разодетые в тяжёленные латные доспехи угольно-чёрного цвета с отлитым из бронзы изображением паука на груди. За спиной или на поясе брэнчало начищенное до блеска оружие — символ мощи и величия Храма. Лица Безмолвных скрывали причудливой формы шлемы с высоким конским хвостом на затылке. Из-за медлительной, плавной манеры движения и чёрным, как сама ночь, одеянием, их и прозвали Тенями. Название, несомненно, было подходящим.

Квасир, легат Клыкков Фенрира, был против участия его легиона в походе. Он считал, что бойцы могут понадобиться здесь, в Пандемониуме, потому что оставлять Безмолвных одних в городе, по его мнению, могло быть опасным. Эту мысль он пытался донести Видару.

— Я ни в коем случае не обвиняю Вас в том, что Вы не правы, — оправдывался Квасир, стоя перед лицом своего правителя. — Но у меня есть основания не доверять Теням.

— Что ж, поделись со мной! — недовольно промолвил военачальник.

Оба мужчины были в годах, поэтому на их головах уже давно не осталось ни одного чёрного волоса. Всем видом Видар показывал мужественность: коренастый, довольно высокий мужчина, несмотря на возраст, державший гордую осанку, короткие, пускай и седые, волосы, суровые черты лица. Квасир, в отличие от военачальника, был Даэвом, но переродился, будучи пожилым. И всё-таки бессмертные разительно отличались от людей. На вид Квасиру было далеко за шестьдесят, но его движения были лёгкими, быстрыми и непринуждёнными, словно ему только-только стукнуло двадцать. Глаза продолжали пылать светящимся огоньком пепельного цвета, а сердце ровно отбивало свой вечный ритм бессмертия.

— За последнюю неделю в столицу прибыло больше сотни Безмолвных, — продолжил Квасир. — А Слутгельмир вывел всю свою армию на патрулирование столицы. Зачем Пандемониуму охрана в пятьсот человек?

Видар понял, на что намекает его верный товарищ, но звучало это немного дико.

— Если Слутгельмир что-то и задумал, — возразил военачальник. — Значит, на то есть причины. Он делает всё во благо Асмодеи.

— Простите за мой вопрос, но я должен его задать... — нахмурившись, сказал легат. — Он угрожал Вам? Может, он был с чем-то не согласен, или...

— Довольно! — перебил Видар и вздохнул, умерив пыл. — Если ты так заботишься о моей безопасности и считаешь, что мне может что-то угрожать, я позволю Клыкам остаться в Пандемониуме. Единственное, что сдерживает творящийся вокруг хаос, это надёжная власть. Пока она в моих руках, всё будет идти прекрасно, и Асмодею ждёт процветание. Слутгельмир принимал присягу в верности мне, но... он лицемерен и бывает лжив, как шлюха, которая клянётся тебе в любви...

— Позвольте мне охранять Вас? — открытым текстом спросил Квасир.

— Охраняй, — Видар подошёл к нему и хлопнул по плечу. — Тогда придётся отдать предоставленные тебе легионы кому-то ещё, раз Клыки остаются здесь.

— Отдайте Топазовому Клинку. Их легату можно доверять.

Правитель задумался.

— Седьмому легиону?.. Хм, пожалуй, так и сделаю. Кенсаи не подводила меня. И приказы она выполняет чудесно.

Квасир кивнул в знак согласия.

Видар отпустил командующего. Почему-то его слова засели у него в голове.

«Надеюсь, Квасир ошибается».

Командир Клык Фенрира приказал своим людям день и ночь охранять дворец военачальника.

— По легионеру на каждом квадратном сантиметре! Вокруг должно быть столько стражи, чтобы никто даже дворец не смог рассмотреть! — командовал Квасир, обходя выстроенный на площади Пандемониума легион. — Всё понятно?

— Так точно! — хором отозвалось от бойцов.

Легат утвердительно моргнул глазами и приказал воинам рассредоточиться по зданию и окрестностям. Легионеры разбежались кто куда. Пожалуй, так хорошо дворец Видара не охранялся уже лет двадцать.

Многие скажут, что подозрения Квасира по поводу Слутгельмира — чистой воды домыслы и только, но лидер Клык знал намного больше, чем рассказал военачальнику. Пройшей ночью в известном на весь Пандемониум кабаке Генфельса мужчина мог лицезреть следующую картину: Верховный Судья сидел за столиком в окружении Теней, а напротив него сидел легат третьего легиона — Исагир. Они о чём-то беседовали, и Исагир всё время кивал, видимо, соглашаясь с ними. Некоторые подумают, что это паранойя, но Квасир успел кое-что уловить из их разговора.

— ...Успеешь увести гарнизон в Белуслан за два дня? — почти шёпотом спросил Слутгельмир.

— Успею, — не моргнув, хладнокровно ответил Даэв.

— Отлично, — Судья довольно улыбнулся и под столом передал Исагиру большой бумажный свёрток. — Это тебе на расходы и... если легаты окажутся упрямыми.

— Я понял, — кивнул он и встал из-за стола, нервно оглядевшись по сторонам.

«Исагир и его пятнадцать тысяч должны идти в Морхейм, а не в Белуслан! А оттуда — в Элтенен... — он оглянулся и искоса посмотрел в спину Слутгельмиру. — Что же ты задумал?»

Следовать за Исагиром командир Клык не стал — слишком подозрительно. Он решил остаться в кабаке и разузнать что-нибудь ещё. Ждать долго не пришлось. Подсев чуть поближе и повернувшись спиной к столику, Квасир смог отчётливее слышать голоса Судей.

— Фенриры нам не помеха. Их во дворце по пальцам пересчитать можно, — низким грубым голосом говорил кто-то из Безмолвных.

— Да, — подтвердила вторая Тень. — Наших в разы больше. С неделю назад я привёл в город ещё легион, итого — почти пятьсот лбов.

— Дело не в количестве, — наконец, послышался хорошо узнаваемый высокий голос Верховного Судьи. — Сначала нужно проделать всё незаметно. Когда главная часть будет позади, покончим с его людьми и тихонько займём дворец. Нельзя, чтобы горожане что-то заподозрили раньше срока.

— Считайте, всё готово, — уверенно буркнул первый Безмолвный.

— Отлично... — сказал Слутгельмир, но Тень номер два перебила его.

— Но к чему такая спешка? Мы же планировали сделать это через семь месяцев, когда от Элиоса останется лишь строчка в летописи Атреи...

— Проблема в том, — протянул Верховный Судья. — Что наш общий друг решил-таки сжать яйца в кулак, — с актёрским драматизмом и обильно жестикулируя, напел он. — И надавать недругам по попе прямо сейчас, но вот беда — это на корню обрывает наши планы... Ах-х, какая незадача!

— Вы сообщили леди «А» об этом?

— Не стоит её беспокоить по таким пустякам. Мы ведь с вами хорошие детки и сделаем всё правильно и тихо, я прав?

— Вы правы, можете на нас рассчитывать, — голос номер один уверенно подтвердил слова Слутгельмира.

— Ну вот и чудесно! Завтра в это же время начнём вершить историю, друзья мои... — уже шёпотом произнёс Судья и, по-кошачьи вывернув спину, поднялся со стула. — Во имя Асмодеи...

От взгляда Квасира не скрылась ехидная улыбка Слутгельмира, засиявшая на его лице. Мужчина резко отвернулся, когда Судья встал, — показывать себя сейчас было, пожалуй, самым глупым поступком, какой только можно представить.

Слутгельмир покинул кабак. Легат Клыков Фенрира незаметно отсел от стола Безмолвных и стал быстро размышлять:

«Главная часть позади... Он имел в виду убийство. «Его люди» — это, похоже, мы. Срок — один день... Храм Правосудия решил совершить переворот... Это сорвёт наступление. Почему им это выгодно? Кто такая леди «А»? Нужно предупредить военачальника немедленно. Ему грозит опасность».

Квасир опрокинул ещё кружку хмельного, но разум его не помутился — при таких обстоятельствах даже алкоголь не бил в голову. Он сконцентрировал внимание на Судьях. Они начали собираться, чтобы уходить.

«Пора идти», — сказал себе мужчина и, бросив несколько монет на стол, торопливо вышел из таверны.

Была уже ночь, Видара беспокоить не было смысла. Вместо этого, Квасир решил разбудить свой легион, чтобы предупредить о надвигавшейся угрозе. Говорить о том, кто — потенциальный враг, Даэв не стал. Он лишь упомянул, что это может быть кто-то из Пандемониума. Клыки Фенрира выслушали приказ и немедленно приступили к патрулированию района вокруг дворца военачальника.

Этим вечером.

Солнце село, на часах — сто двадцать минут до полуночи. Легион Клыков Фенрира в полном составе патрулирует дворец Видара и его окрестности. Внушительное трёхэтажное угловатое здание с высокими потолками и большими окнами впадает во мрак подбирающейся ночи. Четыре башни, окружающие дворец, зажигают огромные факелы, чтобы через хитрое приспособление, собранное из больших стеклянных линз, освещать парадную площадь. На высокие крыши дворца забираются лучники Фенриров — Квасир дал команду после захода солнца быть в полной боевой готовности. Вдоль ограды, отделяющей имение военачальника от остального города, дежурят десятки экипированных в латы легионеров. Арена Триниэли, виднеющаяся за густыми садами Пандемониума, бросает длинную тень на весь район Анхейла, на краю которого и устроилась усадьба Видара. Совсем неподалёку, в паре кварталов отсюда, расположен дом Верховного Судьи. На всех этажах его имения зажжены лампы, хозяин — дома.

Наступает гробовая тишина. Слышен только слабый шорох и тихий хруст от шагов стражников, патрулирующих каждый куст. В доме, несмотря на поздний час, горят все свечи — комнаты и помещения освещены яркими люстрами и светильниками для безопасности военачальника. По многочисленным залам и холлам бродят парами Клыки Фенрира. Они

ступают тихо, почти бесшумно, чтобы не разбудить хозяина. Видар уже спит в своей спальне, хотя её можно назвать, скорее, спальным залом. Окна плотно заперты на замки, на рамы поставлены решётки, а возле двери снаружи дежурят четыре секироносца. Около каждого дверного проёма стоят, словно статуи, два легионера. У входной и задней двери — по шестеро. Итого почти сто человек охраняет в эту ночь главное лицо Асмодеи. Несколько замаскированных Клыков караулят даже возле усадьбы Слутгельмира, чтобы никто не вышел из её ворот незамеченным. Сам легат Квасир сейчас находится в лестничном холле, ведущем на второй этаж, где среди прочих комнат расположена и спальня военачальника. Он молча сидит на притащенном из просторной столовой стуле и ждёт.

Проходит час. Затем — два. Кроме шелеста листьев от слабого ночного ветерка и ровного шума шагов во дворе ничего не слышно. Где-то в кустах начинает стрекотать кузнечик — хоть какое-то разнообразие для ушей стражников.

У задней двери вдруг появляется тень. Двое Клыков, проходящих мимо, замечают её и тихо дают сигнал остальным. К медленно движущейся фигуре приближается восемь патрульных.

— Он за кустом, — шепчет легионер, заметивший незваного гостя.

Бойцы бесшумно обходят растение в форме двухметрового кубика и медленно достают оружие из ножен.

— Готов?

— Да...

— На счёт три...

— Раз...

— Два.

— Три! — восемь облачённых в латы фигур выпрыгивают с обеих сторон, держа клинки наготове.

Какого же удивление бойцов, когда они слышат громкое: «Мяу!» — и наблюдают за тем, как до смерти перепуганный комок шерсти, мирно вылизывавший себя за кустом, срывается с места и пулей бежит к ограде, да так резво, что только лапки сверкают.

Сами воины не на шутку удивляются и через мгновение заливаются смехом, опуская оружие.

— Это кот!

Стражники несколько секунд смеются над произошедшим недоразумением и нехотя расходятся по своим позициям.

— Ты это видел? — смеясь, спрашивает товарища легионер, расхаживающий вдоль металлического забора.

— А то! Кота испугались! Вот ведь смех, жене расскажу — не поверит, — отзывается он, поправляя пояс с нацепленным орудием.

— Ага... Ха-ха...

Воины прогуливаются по заданному маршруту и продолжают обсуждать нелепый инцидент.

— У тебя на шлеме что-то, — говорит один из них, остановившись за сплошной высокой аллеей из кустов возле ограды.

— Что? — второй начинает судорожно ощупывать металлической перчаткой шлем. — Что там такое? Птица нагадила? Что?

— Ха-ха, — смеётся первый. — Сними, дай покажу.

Стражник послушно снимает шлем, хотя, надо признать, это не самое простое занятие. Легионер поворачивает его к себе забралом и принимается изучать его. Первый боец расслабленно подходит сбоку и кладёт одну руку на плечо товарищу.

— Смотри сюда, — он показывает пальцем другой руки на темень. Тот переворачивает шлем и внимательно всматривается.

— Тут ничего нет! — возмущается патрульный и озадаченно поворачивает голову к другу.

Рука первого легионера перемещается с плеча товарища на горло, а второй ладонью он закрывает ему нос и рот. Пальцы сжимают глотку и начинают душить. Второй сопротивляется и громко мычит, но, чтобы никто ничего не услышал, стражник в шлеме показательно кашляет несколько раз.

Вдруг тело патрульного резко перестаёт брыкаться и безвольно оседает. Второй успевает схватить его и аккуратно кладёт на землю. Он снимает перчатку и нащупывает сзади на шее друга маленькую иголочку. Воин выдирает её и бросает прочь. Затем он оглядывается по сторонам, нет ли свидетелей, и принимается расстёгивать доспехи с тела сослуживца. Выгодное место между высокой линией кустарников и оградой позволяет незаметно совершить задуманное. Справившись с бронёй, лжелегионер поднимается, осторожно подходит к забору и ладонью подзывает кого-то из темноты.

Во мраке по ту сторону ограды начинают светиться красным два глаза. Они приближаются вплотную и вопросительно смотрят на воина. Тот кивает и молча отходит к телу. Незнакомец оглядывается по сторонам и, схватившись мощными руками за металлические колья забора, начинает медленно взбираться по нему вверх. Всё это время второй следит, нет ли вокруг кого из стражи. Но им везёт. Спустя несколько секунд фигура переносит ноги над оградой и бесшумно спускается на руках на землю.

Незнакомец, пригнувшись, подходит к телу патрульного и начинает надевать на себя его доспехи. Второй помогает ему, застёгивая сзади лямки на латных щитках. Полминуты — и готово.словно натренированные заранее, шпионы быстро справляются с бронёй. Остаётся избавиться от раздетого тела. Один из них пытается просунуть его под кустарник, но сильный шорох веток может скомпрометировать и привлечь ненужное внимание. Парочка, облачённая в доспехи Клык Фенрира, почти одновременно находит решение. Они смотрят на ограду, потом переглядываются и молча кивают друг другу. Первый подходит к забору спиной и приседает на колено, второй берёт на руки тело и собирается встать на плечо товарищу, чтобы сбросить улику по ту сторону ограды, но вдруг дёргается и отпрыгивает назад к кусту. Другой перекатом через мгновение тоже оказывается рядом.

Причиной тому стал приближающийся звук шагов. Шпионы замирают, в руках одного из них до сих пор тело легионера.

— Что тут за шум?.. — доносится из-за куста.

Один из диверсантов решает изобразить, что ничего не произошло, и выглядывает за угол аллеи.

— Где? — спрашивает он, увидев расхаживающего рядом стражника.

— Да тут... Всё в порядке? — Клык Фенрира заинтересованно обходит кустарник.

— В полном... — говорит лжелегионер и, понимая, что ещё секунда, и патрульный вот-вот увидит его напарника с телом, предлагает. — Посмотрите сюда. Мы с другом кое-что нашли...

Стражник видит перед собой ещё одного бойца в доспехах легиона. Тот быстро

подходит к нему. Вдруг из-за фигуры воина настоящий патрульный видит руку, лежащую на земле, слегка приседает и наклоняется вбок, спрашивая:

— Что за?..

Но ответа получить он не успевает. Диверсант впереди него одной рукой открывает ему забрало, а второй рукой вонзает маленький нож прямо в глаз. Легионер вскрикивает от боли, но второй шпион крепко затыкает ему рот. Крик всё равно получается довольно громкий, и кто-то мог его услышать. Убийца вытаскивает лезвие из плоти Фенрира и отбегает, чтобы не забрызгать доспехи кровью. Тело падает и не шевелится. Шпионы снова переглядываются — действовать надо быстро. Объяснившись жестами, они решают выйти в разные стороны — необходимо убедиться в безопасности.

Как ни в чём не бывало, убийцы выходят из-за аллеи кустарника. Справа подходят два бойца и интересуются, всё ли нормально. Диверсант, сделав вид, что удивился, говорит, мол, ничего не слышал. Те, поверив ему на слово, разворачиваются и уходят. Второй шпион делает знак:

«Есть две минуты в запасе. Покарауль».

Его напарник кивает и становится прямо перед аллеей, контролируя обе стороны. Вдруг на него падает свет от прожектора с одной из башен, но через несколько секунд, убедившись, что всё тихо, воины на вышке переводят линзу в сторону.

Тем временем оставшийся у трупов лжелегионер подзывает из темноты ещё одного. Третий шпион мгновенно выходит из тени, быстро перебирается через забор, раздевает мёртвого стражника, и спустя минуту во дворе дворца уже трое засланцев. Они решают уходить отсюда — слишком долго оставаться на одном месте нельзя. Троица выстраивается рядом и, словно ничего не произошло, медленным прогулочный шагом проходит дальше вдоль ограды.

Голые тела остались за кустарником, шпионы поворачивают за угол дома и оказываются около задней двери во дворец. Там дежурит шесть Клыков Фенрира. Диверсанты спокойной походкой направляются к посту и, поравнявшись с бойцами, останавливаются. Один из лжевоинов уверенно говорит:

— Уже час ночи. Мы на смену.

Легионеры переглядываются.

— Ещё час погуляйте, — грозно молвит начальник караула, стоящий ближе всех к шпионам, и махает головой, мол, проваливайтесь.

Вдруг изнутри выходят два воина. Они хлопают по плечу стражникам, бросая им:

— Мы на улицу подышать.

Патрульные свободно выпускают их. Легионеры, глубоко вдохнув прохладный ночной воздух, направляются в обход дома. Начальник караула снова подзывает незадачливую троицу.

— Эй, вы! Смените их.

Диверсанты вежливо кивают и друг за другом входят внутрь. Они медленно и непринуждённо идут глубже, зная, где находится лестница. По пути в холл воины встречают ещё несколько десятков аканов, но те не обращают на них внимания, ведь на шпионах — форма легиона.

Внутри дома действительно много охраны, намного больше, чем во дворе. Троице необходимо подняться на второй этаж, но в большом зале рядом с лестницей их ждёт неприятный сюрприз в виде легата. Он всё ещё сидит на стуле и вглядывается в окно.

Шпионы понимают, что просто так подняться вверх не получится, Квасир их тут же остановит. А если они ответят ему, то, скорее всего, он по голосу поймёт, что они никакие не легионеры. Надо снова что-то придумать. Одному приходит в голову отчаянная идея. Он жестом даёт знак напарникам медленно двигаться к лестнице, а сам более быстрым шагом проходит мимо легата к арке, ведущей в просторную столовую. Там дежурят два акана. Сбоку от асмодианина у самой стены стоит антикварная тумба. С краю на круглой фарфоровой подставке покоится большая расписная ваза. Воин проходит мимо тумбы и как бы случайно задевает её нарукавником. Ваза тут же слетает с пьестала и с грохотом разбивается о блестящий пол. Шпион делает испуганный вид, отходит на шаг и прислоняет руки к шлему, устремив взгляд на груды осколков. Половина дома слышит звон и сбегается в холл. С места дёргается и Квасир. Он обходит легионеров и, грозно ворча, спрашивает:

— Кто это сделал?

Двое диверсантов, понимая, что это тот самый момент, тихо забираются по лестнице на второй этаж. Оказавшись наверху, они проходят по коридору, зная, что скоро окажутся у покоев военачальника.

Третий диверсант делает шаг к легату и робко поднимает руку. Он чувствует, что, если Квасир спросит имя, это будет конец. Его товарищам надо поторопиться. Но шпионам снова везёт. Выругавшись, командир вскрикивает в адрес растяпы:

— Рукожопая куча металла! Небось, военачальника разбудил, кретин... — тон легата становится мягче. Он понимает, что своим ором тоже может прервать сон главе Пандемониума. — Смотреть надо, куда прёшь, а не по сторонам глазеть. Убери это всё. И долой с глаз моих... — мужчина разворачивается и занимает прежнее место.

Собравшиеся возле тумбы легионеры всё ещё смотрят на то, что осталось от весьма драгоценного экспоната, тихо перешёптываясь. Квасир устало поворачивается к ним лицом и рявкает:

— Чего уставились? А ну по местам!

Толпа экипированных бойцов быстро рассасывается. Диверсант принимается, не наводя шума, собирать в латную перчатку осколки вазы.

В это время его напарники уже подобрались к двери спальни Видара. Там их ждало четверо аканов с секирами. За спинами шпионом были лишь мечи, поэтому врать про «мы вас сменить» было бессмысленно. Но тут им на руку сыграло нечто другое. Снизу доносится громкий крик:

— Тревога! Все сюда! Во дворе два трупа!

Это прозвучало неожиданно. Те четверо переглядываются и берутся за оружие. Один из лжелегионеров догадывается, что теперь этих стражей с места не сдвинешь. Времени на раздумья — секунда. Он резко поднимает вверх меч и громко кричит:

— Все вниз!

Он хватается за напарника, и парочка выбегает к лестнице. Стража покоев почему-то уходит с поста и бросается на помощь. Шпион на это и уповал. Он пропускает тех четверых и руками подгоняет их:

— Давай, давай!

Подождав, пока они окажутся внизу, асмодианин даёт знак другу, мол, путь открыт. Двое чужаков в доспехах первого легиона Пандемониума бегут к спальне военачальника. Один из них с разбега ударяет ногой по двери и выбивает тем самым замок. Дверь с грохотом распаивается. Парочка влетает внутрь.

В просторной комнате горят свечи. Видар сидит на кровати, опустив ноги на пол. Видимо, его разбудили звуки внизу. Он резко оборачивается, услышав удар о дверь и видит приближающуюся к нему стражу. Мужчина поднимается, не понимая, что происходит. Но через мгновение до него доходит, что сейчас случится. Воины вынимают мечи из ножен и, подходя к правителю, замахиваются для удара. Видар хоть и был в годах, но навыки и реакцию не потерял. Он прыгает на кровать, уклоняясь от лезвий легионеров. Вытянутой рукой он дотягивается до меча, покоящегося около прикроватной тумбы и с размаху разрезает воздух перед собой. Клинки схлёстываются. Военачальнику удаётся перекатиться по постели и подняться с противоположной стороны. Он мельком смотрит на распахнутую дверь — дорога свободна. Мужчина срывается с места и бежит к двери, диверсанты — за ним. Убийцы настигают его у самой лестницы. Он успевает крикнуть:

— Стража!

Один из шпионов хватается Видара и наваливается на него. Мужчины падают, глава Пандемониума роняет меч, тот, звеня, скатывается по ступеням. В это время на знакомый зов быстро реагируют легионеры, бегущие в сторону выходов из дворца. Квасир же действует не просто быстро, а моментально. Со скоростью Даэва он вбегает в холл, в три прыжка забирается на второй этаж и влетает в одного из лжеаканов, замахивающегося своим мечом над грудью лежащего военачальника. Парочка падает. Легат отталкивает противника, а сам бросается ко второму убийце, нависшему над Видаром. Жертва хватается голыми руками лезвие вражеского меча и, дрожа, сдерживает его, словно штангу над своей шеей. Диверсант наваливается всей массой на военачальника. У Видара не остаётся сил, чтобы сопротивляться. Лезвие почти насквозь прорезало ладони, но он, что есть мочи, терпит. Клинок всё ближе и ближе поступает к горлу мужчины. Когда до кожи шеи остаются считанные миллиметры, убийцу сбивает Квасир. Лжевоин отлетает на несколько метров и кубарем падает с лестницы. Внизу на него наваливается целая орава легионеров, скручивая подонка. В этот момент поднимается на ноги второй диверсант. Он хватается меч и набрасывается на легата, заслонившего собой лежащего на полу Видара. Начинается схватка. Наверх вбегает с десятков стражников и нападает на убийцу. У него не остаётся шансов. Он бросает меч в сторону и поднимает руки вверх, пятясь назад. Квасир даёт знак легионерам схватить противника. Его заламывают и тащат вниз ко второму.

Даэв подходит к военачальнику и помогает ему встать.

— Вы в порядке?

— Почти... — отвечает мужчина, искривив лицо и рассматривая изрезанные ладони.

— Это заживёт. Главное — Вы живы.

Квасир и Видар спускаются вниз, где в окружении нескольких десятков легионеров на коленях стоят лжестражники.

— Снимите с них шлемы, — грозно командует легат.

Два Клыка Фенрира подходят к убийцам и небрежно стягивают с них украденные шлемы. Аканы за волосы поднимают головы пленникам, чтобы те показали лица. Квасир в гневе скалится, а глаза военачальника хмурятся.

— Ах, вы, твари... — шипит легат и металлической перчаткой бьёт по лицу одному из них.

— Стой! — останавливает его Видар и обращается к диверсантам. — Вы Безмолвные, ведь так?

Они прячут взгляд и не отвечают.

— Конечно, Безмолвные! — скрипя зубами, говорит Квасир. — Я их знаю. Это приспешники одного из Судей.

Глава Пандемониума подходит к пленным и, искривив лицо, плюёт одному из них в лицо, а затем командует:

— В карцер их! Развяжите им язык...

Легионеры молча хватают несостоявшихся убийц и начинают вести их к выходу.

— Стойте! — кричит Квасир. Они останавливаются и оборачиваются.

Легат обращается к тому, кто поднял тревогу:

— Сколько там тел?

— Два, — отвечает акан.

— Хм... — бормочет Даэв. — Так! Всем снять шлемы! Немедленно! Снять шлемы живо!

Третий шпион всё ещё находился в зале. Покинуть дворец незамеченным он не мог — со всех сторон легионеры, а расталкивать их было бы равносильно тому, что сдаться. Он стоял прямо в гуще толпы. Все вокруг начинают снимать свои шлемы. Убийца понимает, что это конец, поэтому поступает так же, как и все.

— Так! — кричит Квасир, когда его предыдущий приказ был выполнен. — Теперь все в одну шеренгу становись! Живо, живо!

Бойцы в сумбуре, расталкивая друг друга, принимаются вставать в одну линию.

— Эмбер! — обращается легат к своему адъютанту. — Приведи со двора всех остальных. Немедленно!

Мужчина пулей бежит прочь из дворца. Квасир тем временем оглядывает каждого стражника, ища чужаков. Наконец, его взгляд падает на того, чьё лицо он никогда не видел у себя в легионе.

— А ты кто такой?

Незнакомец делает шаг вперёд. Он всё прекрасно понимает, но решает использовать последнюю отчаянную возможность выполнить задание. Диверсант мгновенно переводит взгляд на стоящего сбоку от легата Клыков Фенрира военачальника и резко дёргается в его сторону, успевая достать из-за пазухи окровавленный нож. Квасир реагирует и мечом, всё ещё находящимся у него в правой руке, разрубает горло убийце как раз в тот момент, когда он с разворота хочет вонзить нож в грудь Видару. Голова шпиона падает на землю, и через полсекунды тело невольно следует за ним. Видар даже не успевает ничего понять, только округлив взгляд, да собираясь сделать неловкий шаг назад.

— Ещё один... — рычит Квасир над обезглавленным трупом врага.

Взгляд легата проверяет лицо каждого в этом зале и, удостоверившись, что все свои, он говорит военачальнику:

— Стойте тут. Мне нужно проверить двор.

— Конечно, — послушно соглашается мужчина.

Даэв делает знак бойцам сторожить Видара. Его тут же обступают легионеры.

Адъютант собрал всех у входа. Квасир оглядывает каждого — чужаков больше нет. В окружении воинов он возвращается в зал.

— Интересно, если трупов двое, то почему врагов было трое? — задаёт он вопрос стражникам.

Никто не знает, как ответить.

— Так! Ведите этих упырей в тюрьму, но не под Ареной! — командует легат. — Лучше

в темницу под Штабом Легионов. И не спускать с них глаз, пока я не приду! Исполнять!

Десяток бойцов, заломив убийц, покидает дворец. Оставшимся он приказывает:

— Чего расслабились? Продолжаем караулить!

Кучка легионеров снова растекается по просторным помещениям дома военачальника.

Квасир подзывает пару воинов и вместе с ними провожает Видара обратно в спальню.

— Оставшиеся до утра часы сторожить Вас буду лично я, — говорит он. — Так. Где у Вас лежит аделла, однолетник или что-то в этом роде? Надо обработать раны.

Мужчина указывает на тумбочку у шкафа. Квасир достаёт оттуда какие-то снадобья и по запаху определяет, что нужно. Затем он садится рядом с военачальником и начинает смазывать порезы. Тот корчится и тихо-тихо стонет.

— Я знаю, что больно... — приговаривает легат. — Терпите.

— Спас-сibo... — сквозь боль говорит Видар и пытается изобразить улыбку.

— Не стоит, — окончив с раствором, Квасир берёт простыню и отрывает от неё длинный тонкий кусок — вместо бинта. Затем он аккуратно перевязывает сначала одну руку военачальнику, потом другую, отшучиваясь. — Нескоро Вы сможете сами указы подписывать...

Эта шутка всё же вызывает на лице Видара лёгкую улыбку.

Остаток ночи прошёл без происшествий. Военачальник так и не смог уснуть, а провёл эти часы за разговорами с легатом Клыков Фенрира. Но с наступлением утра пришли совершенно новые проблемы...

===== Часть 3. Глава 11. =====

Комментарий к Часть 3. Глава 11.

Отредактировано.

В темницу, расположенную под Штабом Легионов, только рассвело, ворвался разъярённый Квасир. За ним в окружении десяти Клыков Фенрира вошёл и сам военачальник. В маленькой глухой камере без окон были привязаны руками к цепям, свисавшим с потолка, двое лжелегионеров. Их тела почти висели в воздухе, касаясь земли только кончиками когтей на ногах. Естественно, со шпионов сняли не принадлежавшие им доспехи. О том, что их уже пытали, дали понять гематомы и ссадины, а также усталое тяжёлое дыхание, нарушающее тюремную тишину.

Квасир подошёл к стражникам, охранявшим пленных до утра и спросил:

— Ну как? Удалось выяснить хоть что-то?

— Бесполезно, господин легат, — помотав головой, ответил воин в доспехах, шлеме и при оружии. — Ни слова не вытянули.

— Хм, значит, и впрямь Безмолвные... — скривив лицо, произнёс бессмертный и шагнул к одному из убийц, подняв за подбородок его безвольно опущенную голову. — Будем молчать?

В ответ — только пустой взгляд.

— Хорошо... — пробормотал Квасир и обратился к своему бойцу. — Привяжи его ногами к полу. Попробуем счастье ещё раз.

— Слушаюсь, — послушно кивнул легионер. Он подозвал ещё человек, они надели металлические кандалы на ноги пленнику и прицепили цепи к крюкам, торчащим из пола.

К потолку были прикручены две шестерни. Боец посадил другого на плечо. Тот схватил цепь, державшую на весу руки шпиона, и закрепил её на зубья. К сердечнику присоединили моток с плетёной верёвкой и закрепили край к крюку на земле. Второй край каната схватил

Квасир. Он дёрнул его, шестерня легонько прокрутилась, это вызвало злобный рык и шипение из пасти пленного.

— Что? Не нравится? — оскалился Даэв-командующий. — А если так?

Легат навалился массой на верёвку, шестерня, громко скрипнув, сделала четверть оборота. Диверсант истошно завизжал, клыки заблестели в свете факелов. Видар растолкал легионеров и схватил бессмертного за предплечье.

— Он — Тень. Любые пытки выдержит. От него ничего не добьёшься.

— Добьёшься... — промышчал Квасир. — У каждого есть грань... А не получится растяну до тех пор, пока хруст всех костей сразу не услышу.

С новыми оборотами пыточного механизма Безмолвный разведчик закричал ещё громче. Видар и несколько легионеров закрыли уши ладонями, потому что дикий вопль оглушал и заставлял уши выворачиваться наизнанку.

— Будешь говорить?! — заорал в лицо пленному легат. — Знай, ещё один оборот, и тебя разорвёт на части! Стоит ли умирать ради Храма Правосудия?!

— А ради чего стоит?.. — тихо простонал второй пойманный шпион, висящий на цепи рядом с первым мучеником.

Это были первые слова из уст убийц, поэтому Квасир слегка удивился и шагнул к заговорившему.

— Ради чести, справедливости, ради Асмодеи, в конце концов, — сказал Даэв, заинтересованно рассматривая лицо пленника.

Тот презрительно усмехнулся и продолжил тяжело дышать.

— Тогда убейте нас сразу... — прошептал он.

— Меня интересует только один вопрос, — Квасир за волосы поднял голову убийцы, отпустив верёвку, приносившую боль его другу. — Кто за этим стоит? Лично Верховный Судья или пешки?

Пленник замотал головой.

— Ты знаешь ответ... Так зачем спрашивать?.. — донеслось из его уст.

— Что задумал Слутгельмир? Сорвать наступление?

Диверсант поднял глаза и исподлобья посмотрел на легата Клыков Фенрира.

— Он уже его сорвал... — прошипел заключённый и снова спрятал взгляд, уставившись в пол камеры.

Квасир отпустил голову пленника и вышел из клетки.

— Это Слутгельмир... — сказал он Видару. — Проверьте, где сейчас Ваши войска немедленно. Он мог увести их куда-то.

— Что? — нахмурившись, спросил военачальник. — Он будет воевать с нами? Моими же людьми?

— Судья пытался убить Вас. Разве этого мало в качестве доказательства? — искоса глянул на правителя Даэв и приказал легионерам убираться из темницы.

— А с пленными что? — вдогонку спросили бойцы, караулившие камеру.

Квасир подумал и ответил:

— Отдайте на корм псам... — мужчина гордо развернулся и скрылся за тьмой. — С ними всё ясно.

Видар оглянулся после слов легата, бросил задумчивый взгляд на двух заключённых и последовал за охраной на выход. Делать здесь было больше нечего.

— Собирай людей, — военачальник догнал Квасира и сурово, но с толикой печали в

голосе, произнёс. — Будем штурмовать поместье Верховного Судьи.

— Бессмысленно, — качнул головой бессмертный легат. — Его и ищеек Храма уже нет в Пандемониуме. Готов поспорить, они знают о неудачном покушении. И, догадавшись, что облажались, смылись куда подальше.

Но, как только процессия вышла на поверхность и оказалась на улице, Квасир понял, что ошибся сам: из-под крыши ратуши валил густой чёрный дым.

— Туда! Быстрее! — крикнул Даэв и побежал к горящему зданию.

Площадь перед главным строением в столице была заполнена перепуганными людьми. Сотни горожан в страхе и с криками бежали прочь от ратуши, охваченной ярким пламенем. Стражники пробивались через толпу к зданию, но сквозь нескончаемый поток сделать это было весьма сложно. Самое опасное, что могло произойти в городе, произошло. И это вовсе не пожар. Это паника. Люди старались найти спасение — огонь быстро распространялся. А, как известно, в момент опасности каждый думает, в первую очередь, о своей шкуре. Не сказать, что возникла смертельная давка, но потолкаться пришлось изрядно.

Выставив вперёд руки и щиты, легионеры пытались приблизиться к горящему зданию.

— Это поджог? — сразу возникла мысль в голове Видара.

— Конечно! — крикнул Квасир.

Наконец, оказавшись в первой линии, глазам воинов открылась картина. Из окон и широких дверей красными языками сияло пламя. Высокие колонны у главного входа пылали полностью: от основания и до верхушки — было ясно, что поджигатели потрудились на славу. Словно из труб какой-нибудь угольной фабрики, из вентиляционных отверстий по периметру крыши, исходили клубы чёрного, плотного дыма. Ядовитые облака густым туманом накрывали соседние строения. Едкий запах распространился уже по половине города.

Из ворот ратуши ещё выбегали последние люди. Квасир дерзко остановил за руку женщину, спешно спускавшуюся по главной лестнице вниз к спасению, и взглянул на неё, чтобы по глазам определить, насколько ужасно обстоят дела внутри. Ему показалось, что он не ошибся: бесконечный ужас и страх Даэв прочитал в её глазах.

— Стойте! Там есть ещё люди?

— Нет, — надрывным голосом промолвила она. — Вроде нет...

Мужчина отпустил пострадавшую, пусть спасается, и так досталось — ожоги на её руках и лице уже проявились.

Рядом с разгорающимся всё сильнее строением находиться становилось жарко. Воины во главе с Даэвом и военачальником, колонной встали вдоль стены и сделали несколько шагов назад.

— Дело плохо... — замотал головой легат. — Пламя не сбить. Придётся ждать, пока само не догорит.

— Кому это понадобилось?! — яростно воскликнул Видар.

— Что бы Вы не думали, но у всех в головах сейчас лишь одно — Безмолвные... — прошипел Квасир. — Наверное, они надеялись, что Вы в здании...

— Огонь быстро распространиться не мог, господин военачальник бы успел покинуть здание, — почти вопросительно вымолвил один из легионеров. — Этого они не просчитали?

Сквозь треск рушившихся перекрытий и шум пламени легат слышал посторонние мужские голоса. Он узнал некоторые из них.

— Офицеры Теней... — вслух пробормотал он и повернул голову направо. — Они всё

просчитали... К оружию!

Даэв громко воскликнул и поднял вверх свой меч. Небольшой отряд легионеров Клыкков Фенрира, не больше одной центурии, по приказу командира перегруппировался в коробку и повернулся лицом к приближающимся из клубов дыма голосам. Военачальника Пандемониума окружили бойцы-Фенриры, чтобы во что бы то ни стало защитить его от клинков предателей.

Плотная серая пелена стала чернеть. Очертания расплывчатых фигур начали проявляться сквозь неё. Легионеры приготовились.

— Да их больше сотни! — воскликнул кто-то из средних рядов.

— Выстоим... — тихо прошептал Квасир, грозно нахмутив брови. Взгляд Даэва обагрился краснеющим пульсирующим огоньком. — Не в первый раз... С нами Асфель...

Чёрная туча вышла из клубов серого дыма. Теней было и впрямь больше сотни. Блестящая броня цвета чёрной смолы, начищенное оружие, массивные шлемы с прорезями для глаз, уже яростно полыхающих ярко-красным пламенем. В центре в чёрной матовой робе и крепких латных наплечниках шагал Верховный Судья. Как обычно, его злобное, преисполненное гневом лицо не скрывал шлем.

Колонны Безмолвных по жесту Слутгельмира остановились в десяти метрах от центурии Клыкков Фенрира. Судья сложил руки на груди и, повернув голову набок, неспешно заговорил:

— Ах, вот вы где! — обратился он к Квасиру. — Я думал, вас будет больше... А где остальные? — Слутгельмир, приподняв брови, посмотрел по сторонам. — Мне даже неинтересно будет резать такую маленькую кучку... эм-м... приверженцев старых порядков.

Легат Клыкков сделал шаг к Судье.

— Предателей ждёт один конец. Ты сгоришь в аду, Слутгельмир.

Тот разочарованно сомкнул губы и сощурил глаза в две тонкие полоски.

— Предателей?.. Ты говоришь, что я предатель?! — Судья приблизился вплотную к воину и уставился в его холодные глаза. — Я готов жизнь отдать ради Асмодеи! Всё это — во благо нашей расы.

— Нет, — сурово прошипел Даэв. — Твои действия принесли боль и страдания людям, — Квасир презрительно кивнул в грудь мужчине. — Ты недостойн носить эту робу.

Слутгельмир опустил глаза, мельком осмотрев свои одежды. Он ухмыльнулся и заговорил высоким издевательским голосом:

— Не тебе читать мне нотации, легатишка. Ты и твои люди — уже прошлое. А будущее — за нами: мной и великой Безмолвной армией. Мы приведём Асмодею к победе в великой войне. А, как ты знаешь, приход будущего не остановить...

— Да, — бессмертный крутанул меч в правой руке и прорычал, показав клыки. — Но будущее можно изменить.

Квасир сделал рывок к Судье, чтобы настичь его кончиком своего лезвия. Это было сигналом. Слутгельмир отпрыгнул назад, и его воины успели парировать атаку. Легионеры и Безмолвные мгновенно вооружились. Началась новая битва.

Лязг мечей и звон от ударов о металлическую броню не заглушал треск горящих обломков ратуши Пандемониума. Прямо у главного входа в здание завязалась схватка между двумя самыми известными отрядами защитников Асмодеи — теми, кто должен был охранять людей и чтить законы северной половины Атреи: Клыками Фенрира и Безмолвными Тенями. И среди одних, и среди других были Даэвы. Чёрные крылья взмывали

в воздух и схлёстывались с блестящими мечами своих бывших собратьев.

Испуганные горожане выглянули из окон своих домов. Те, кто находились на улице и лицезрели пожар в самом центре Пандемониума, ужаснулись от новой, неожиданной и непредвиденной напасти: асмодиане вдруг начали сражаться с асмодианами, тем более здесь, в столице — немыслимо. Народ стал в спешке покидать район Крайнделла, где и располагалась ратуша.

— Вперёд! Вперёд! — офицеры Теней подталкивали своих бойцов, чтобы усилить натиск, ведь за ними были численное преимущество.

Квасир отдал строжайший приказ защищать военачальника, а сам стал протискиваться к толпе Безмолвных, чтобы покончить с их лидером. Как он и ожидал, Слутгельмир спрятался в тылу и наблюдал за ходом схватки со стороны.

— Слутгельмир! — прокричал легат Клык Фенрира. — Выходи сюда, трус!

Верховный Судья не сделал этого. По обе стороны доносились крики, падали тела. Даэв понял, что двигаться вперёд бессмысленно — через давку не пробраться. Он растолкал своих людей и, ловко запрыгнув с разбегу на спину одного из легионеров, раскрыл большие чёрные крылья. Первым же взмахом воин перелетел через перемешанные колонны Безмолвных — те лишь успели глянуть в серое небо, проводив глазами огромную тень, скользящую над их головами. Второй взмах — и Даэв сбрасывает крылья, делая прыжок точно в сторону мужчины в длинной робе. Кто-то из Безмолвных успевает оттолкнуть своего командира от угрозы, но сам становится жертвой острого и меткого клинка бессмертного легата. Квасир уже замахивается для того, чтобы нанести роковой удар по удивлённому такому повороту событий Судье, но вдруг его ступни что-то сжимает, словно прутьями. Даэв теряет равновесие и падает, роняя меч из руки. Он пытается дёрнуть ногами, но они словно приросли к земле. Мужчина устремляет взгляд на то место, где стоял секунду назад, и в бешенстве заливается яростным рыком. Из земли, словно по волшебству, выросли толстые корни каких-то лиан и крепко опутали стальные щиколотки воина. На попытки освободиться растение только сильнее сжимало упакованную в сталь плоть, вызывая при этом сильную боль.

— А-а! Проклятие! — легат завертел головой, выглядывая в толпе врагов мага. Он догадался, что это — дело рук волшебника.

Краем глаза Даэв увидел яркий блеск металла и инстинктивно перекатил туловище в сторону. Лезвие чьего-то меча вонзилось ровно между плитами брусчатки в сантиметрах от его тела. Действовать нужно было быстро. Лево́й рукой Квасир дотянулся до ноги и открыл застёжку на латном сапоге. Рывком он смог освободить одну ступню. Перекатившись ещё раз, воин провернул то же самое с правым сапогом. Через секунду босой Даэв ловко поднялся, успев глянуть на довольное лицо Судьи, спрятавшегося за кучкой своих людей. Он хотел наброситься на Слутгельмира — плевать на стражу, но его в затылок сильно ударило что-то, ноги воина вновь пошатнулись.

Квасир схватился руками за голову и упал на колени. К нему мгновенно подбежали Безмолвные и скрутили его. Судья гордо подошёл к Даэву, наклонился к его лицу и прошептал:

— Если ты думаешь, что я хотел остановить наступление, то ты не прав. Я лишь желаю его немного отсрочить, — по физиономии Слутгельмира растеклась широкая полоса улыбки.

Верховный судья кивнул воинам, державшим руки легата, чтобы те кончали с ним, а сам

отошёл. Тени с удовольствием выполнили приказ, полоснув мечом по горлу Даэва.

— Отступаем! Отступаем! — закричали legionеры Клыкков Фенрира, понимая, что бой не выиграть. — Нужно увести военачальника!

Ряды первого легиона Пандемониума попятились назад, выставив перед собой щиты. Натиск Безмолвных был силён. Ещё пара минут, и Тени окружают их.

И действительно, воины Храма Правосудия оттесняли Клыкков к горящему зданию. Сзади уже подступал жар. Но legionеры не сдавались. Просто так прощаться с жизнями никто не собирался.

Вдруг Тени резко остановили наступление. Задние ряды Безмолвных обернулись и закричали:

— В сторону! В сторону! Сомкнуть ряды!

Понимание пришло быстро. На помощь Клыккам Фенрира спешил легион стражников Пандемониума. Откуда он взялся — непонятно, но по суматохе в рядах Безмолвных стало ясно, что аканов столичного гарнизона было больше, чем Теней, в несколько в раз.

Клыки, будучи в окружении, слышали за колоннами Храмовников гулкий боевой клич союзников и надвигающийся звон доспехов. Громкий удар от столкновения рядов воинов разлился эхом по площади. В отсутствие легата Фенриры смогли быстро скоординироваться и начать оттеснять Теней от себя. Ведь Безмолвным теперь приходилось сражаться по обе стороны баррикад.

— Они бегут! Смотрите, они бегут! — прокричал кто-то из legionеров.

Слутгельмир понял, что в меньшинстве сражение не выиграть и решил поступить так, как поступал всегда в подобных ситуациях, — отступить.

— Назад! Отступаем! Отступаем в порт! Все в порт! — громко командовал офицер Теней. Ряды легиона Безмолвия развернулись и побежали. С криками и меткими окликами за ним ринулась объединённая колонна стражников и Клыкков Фенрира.

Воздушный порт Пандемониума был севернее центральной площади. К нему вела широкая аллея, в конце которой бойцов ждал длинный мост. По правую руку от него на возвышении находился сам Храм Правосудия. Безмолвные бежали, не оглядываясь — гул преследователей не становился тише. Не оглядывались они, даже когда мимо них промелькнуло родное здание своего Храма.

У моста по обе стороны от дороги патрулировало восемь Теней. Их задачей было не пропускать горожан в порт. Сегодня он был закрыт под предлогом «ревизии складов». Стража моста увидела вдалеке приближающуюся к ним орду и поспешила покинуть свои посты, вбежав в сам воздушный порт. Направились Безмолвные к большому кораблю с чёрных парусах, пришвартованному у главного причала. Судно не пустовало, на нём была команда. Воины приблизились к борту и на бегу кричали:

— Спускайте трап! Трап! Живо!

Матросы корабля, видимо, тоже входили в ряды Безмолвных. Оттого спустя несколько секунд с правого борта был спущен мостик на каменный причал. Восемь Теней торопливо забрались на палубу и приказали немедленно готовиться к отбытию. Тем временем бегущий легион Безмолвия достиг порта. Воины направлялись к этому кораблю — он был заранее подготовлен для случая, если понадобится быстро ретироваться. Экипаж судна увидел, как за союзниками бегут воины других легионов. Это был знак.

— Пушки к бою готовы! Держать тросы! Поднять паруса!

Чёрные, графитового цвета паруса наполнились ветром, и днище корабля оторвало от

земли. Но натянутые тросы, прикреплённые к бортам и надетые на крюки причала, не давали судну улететь. Фрегат парил в сантиметрах от земли — лучшая позиция, чтобы как можно скорее подняться в воздух. Матросы подкатали тяжёлые пушки и направили дула на преследователей. Как только расстояние между кораблём и первыми рядами Безмолвных сократилось до десяти метров, капитан, облачённый в одежды Теней, громко скомандовал:
— Огонь!

Залпы пушек раздались эхом по всему городу. Зажигательные ядра были пущены точно в легионы стражников Пандемониума. Воинов накрыла мощнейшая взрывная волна. Полоса из огня перекрыла дорогу преследователям — отряды Безмолвных могли более не опасаться за свою участь.

Аканы, которые успели проскочить сквозь пламя или увернуться от снарядов, быстро пали жертвой клинков Храмовников. Бегущая чёрная туча развернулась, чтобы добить остатки вражеских войск, уцелевших вместе с ними. Когда с противником было покончено, легион Безмолвия организованно взобрался по трапу на борт корабля, и матросы немедленно подняли мостик. Пушки продолжали стрелять по незащитным пешим воинам охраны Пандемониума. Деваться от разрывающихся снарядов было некуда. Офицеры приказали бросился врассыпную, но плотность огня была слишком высока.

— Руби канаты! — приказал капитан. Тросы быстро обрезали, и судно рывком поднялось в воздух. Ещё несколько секунд стреляли пушки, потом всё стихло. Сквозь дым, поднявшийся над портом, отдалялся призрачный силуэт корабля о чёрных парусах. Минута — и след судна исчез.

Когда пелена рассеялась, немногим выжившим открылась ужасающая картина: площадь порта Пандемониума напоминала исход кровопролитного сражения в Бездне или последствия после бомбёжки Дерадиконом. Изуродованные человеческие останки, разодранные тела и отдельные их части валялись повсюду. Над портом поднялся смрад гари. Полоса огня ещё не потухла. Уцелевшие воины уползали прочь к мосту. О спасении тяжело раненых не шло речи. Сейчас каждый был сам за себя. То с той, то с другой стороны доносились истошные крики. Оглушённые взрывами не могли самостоятельно выбраться из огненного плена. Но помощь не придёт.

Нескольким десяткам аканов удалось покинуть порт. Впереди догорало здание ратуши. Столица Асмодеи теперь была навеки осквернена. Треть города пылала в руинах, почти вся стража погибла, пытаясь защитить своего военачальника.

Из полосы огня вышли две фигуры. Одна из них была, определённо, женской. Вторым был мужчина. Женщина в лёгкой, обтягивающей кожаной броне с металлическими нагрудником и наплечниками волокла на себе товарища, перекинув его руку через плечо. Они, ковыляя, добрались до моста и упали без сил на колени. Только сейчас стало ясно, что тем мужчиной был Видар. Его спасительницей оказалась легат седьмого легиона Пандемониума. Она и её бойцы пришли на помощь страже и вместе с ними погнали Безмолвных к воздушному порту.

Военачальник отделался лёгким ожогом левой половины лица. Он тяжело дышал, мысленно считая количество выживших.

— Кенсаи... — обратился он к женщине, что спасла его. — Спасибо...

— Не за что, — она попробовала улыбнуться, но вышло неубедительно.

— Как ты?..

— Я Дазв... Что со мной сделается? — воительница поднялась на ноги и помогла

Видару. Они медленно пошагали прочь от порта. Около разрушенного огнём здания опять собралось много горожан. Военачальник обернулся, поймав себя на мысли:

«Как же хорошо, что в порту не было мирных жителей...»

— Я увидела, что ратуша горит и велела собрать всю оставшуюся стражу, — заговорила Кенсаи. — Ещё минута, и мы бы не успели к вам...

— Твой легион в городе? — спросил Видар, с трудом повернув голову к женщине.

— Да, он здесь со мной.

— Так вот почему Квасир попросил передать свой гарнизон тебе... — догадался он. — Погоди... Так твои люди были сейчас с нами в порту?

— Нет, они остались у Святилища — там произошла трагедия, — глаза бессмертной воительницы потускнели.

— Что? Что там случилось?

— Верховного жреца... казнили.

— Что?! — Видар попятился назад от этой новости и чуть было не упал, но Кенсаи вовремя подхватила его под руки. — Кто это сделал?

— Думаю, те же, кто поджёг ратушу... — тихо произнесла женщина.

— Но Бальдра-то за что?.. — военачальник поддался Даэву и продолжил путь, с трудом передвигая ноги.

— А Вас за что? А тех воинов? — с ненавистью в голосе ответила она. — Слутгельмир спятил. И, похоже, не он один...

— О чём ты?

— Квасир передал мне вчера, что Исагир собирается увести свой гарнизон от заданного направления. Он сказал, что назревает атака на Пандемониум.

— О, Асфель... — промычал Видар и закрыл глаза, не веря своим ушам.

— ...А виной всему Храм Правосудия, — продолжила Кенсаи, презрительно прорывав последние слова.

— Надо... дать отпор... — прошептал старый военачальник, теряя сознание от усталости.

— Да, но клянусь Маркутаном, это будет непросто, — лишь произнесла воительница в ответ.

Она помогла добраться Видару до юга района Крайнделла. Туда же отправились все выжившие. Военачальнику было необходимо выступить перед горожанами немедленно, чтобы объяснить сложившуюся ситуацию. Таить правду не было смысла. Видар спустил всех собак на Безмолвных. Он назвал их виновными во всех происшествиях, предупредил жителей о новой опасности.

— ...Нам нужно объединиться. Только вместе мы сможем противостоять угрозе. Все, кто знает хоть что-то о намерениях Храма Правосудия, должны немедленно рассказать нам об этом. И последнее: отныне все Судьи Храма будут прокляты навеки! Я упраздняю должности Судей и Исполнителей, а также объявляю всех членов Храма, последовавших за Верховным Судьёй, врагами нашей родины. С этого момента Храм Правосудия больше не существует! Он опорочен деяниями тех, кто возомнил себя выше Пандемониума, выше Асмодеи! Это правильно... И пусть Асфель укажет нам путь...

На следующий день.

Белуслан.

В заброшенный речной порт Амснира спустился воздушный корабль. Путь в эти земли был давно закрыт. В старые времена, когда север Белуслана не был объят морозом, через эти земли протекала бурная и широкая река Амснир, на которой был построен крупный торговый порт, ведущий к многочисленным городам восточного Белуслана. Но после Катаклизма она покрылась льдом, селения замёрзли, и долгое время здесь никто не жил.

После возведения Пандемониума Лорд Асфель велел осваивать новые и новые земли, ведь отныне холод был не страшен асмодианам — метаморфоз изменил бывших людей до неузнаваемости. К востоку и югу от реки Амснир построили новые деревни и города, но сама река превратилась в ледяную пустыню, поэтому её поверхность была непригодна для жилья и скудного земледелия. Иногда по её устью путешествовали сухопутные торговые караваны, контрабандисты или просто искатели сокровищ, ведь в обледелых заброшенных кораблях можно найти много ценностей. Правда, их уже давно опустошили, и искать там, в принципе, было больше нечего.

Громадное военное судно медленно пришвартовалось к причалу, служившему когда-то для стоянки морских кораблей. Матросы спустили чёрные паруса и закрепили канаты на крюках, врубленных в ледяную породу. Отражение огромного бронзового паука, выгравированного на носу фрегата, блестело на ровной глади замёрзшей реки. По оба борта спустили трапы, и воины в угольных доспехах дружными рядами начали спускаться на хрустящий синеватый лёд Амснира. Офицеры подгоняли легионеров:

— Быстрее! Быстрее! Времени нет!

Отряды Безмолвных построились в несколько шеренг у носа корабля. Все ждали своего лидера — Верховного Судью. Слутгельмир словно специально тянул время, не спускаясь с палубы. Только через несколько минут его довольное лицо показалось из-под большого балахона мантии, когда он в окружении четырёх стражников вышел на край корабля. Судья гордо спустился по трапу и встал ровно между строями Безмолвных. Его как всегда сощуренные острые глаза мельком оглядели воинов, а затем он громко и предельно сурово заговорил:

— Друзья мои! Мы с Вами прибыли сюда ради одной цели — спасения Асмодеи! Те, кого мы называли лидерами, ввергли нашу великую расу в кризис, утопив её в вине и крови! Они дали себе горделивые имена и стали управлять нами, свободными людьми! Всё, чего добилась Асмодея за последние сотни лет — это заслуга наша с вами и только наша: Храма Правосудия! Это мы наводили порядок во власти, устраняя недостойных. Это мы карали виновных и помогали невинным. Это мы доблестно бились на просторах и Асмодеи, и Балаурии, и Бездны сотню раз! А потом ещё сотню раз! Это на нас держится Пандемониум. Все согласны со мной?

В ответ донеслось дружное и воодушевлённое: «Да!»

— Так вот, дорогие мои! Наше бремя — защищать Асмодею от всех напастей. И у нас не остаётся другого выхода, как выполнить священный долг, возложенный на нас самим Асфелем! Мы покончим с несправедливостью, уничтожим врагов и принесёт мир в Асмодею! Кто со мной?

Округу вновь озарил громкий возглас одобрения.

— А теперь я обращаюсь к тем, кто ещё сомневается в праведности наших дел, — продолжил Слутгельмир, нахмутив брови и сменив тон. — Если кто-то из вас, призванников Асфеля и избранных самим Богом, считает, что я говорю неправду, что лгу вам и пытаюсь совершить недостойный поступок, пусть садится обратно на корабль и улетает прочь, пока

не поздно... Ведь я найду его и казнь на глазах у остальных, ибо это будет настоящее предательство!

Никто из воинов даже не шелохнулся. Судья довольно улыбнулся и произнёс:

— То-то же. Я счастлив, что знаком с вами, Тени Безмолвия! За Асмодею! За Асфея! — он поднял вверх меч и громко закричал. Так же поступили и его бойцы. Боевой клич расстелился по равнине заброшенного порта.

Слутгельмир побежал вперёд к первым рядам и встал во главе, развернувшись к войску.

— Друзья и братья мои! Выдвигаемся на юг. За мной!

Взмахнув рукой, Верховный Судья повёл легион за собой. Путь пролегал прямо по ледяному плато. На горизонте виднелись заснеженные вершины высоких холмов, а по сторонам за пеленой морозного тумана сияла зеркальная гладь склона отвесной скалы, которая когда-то была оврагом.

Несколько часов отряд Безмолвных двигался по белоснежной пустыне, сопротивляясь сильным равнинным ветрам северного Белуслана. Наконец, воины добрались до подножия холмов. Между склонами пролегла широкая протоптанная дорога, причём следы были довольно свежими — метель не успела замести отпечатки больших сапог.

— Скоро прибудем! — напевал Слутгельмир, улыбаясь в сторону поднимавшегося из-за вершины высокого холма дымка.

И он не соврал — за очередным поворотом в бескрайней низине возникло крупное селение — навскидку на тысяч тридцать-тридцать пять жителей.

— И как этот городок сразу не заметили?.. — один из офицеров Безмолвных снял шлем и с любопытством уставился на узкие ряды домиков, тянувшихся почти до горизонта, где пейзаж сменялся такими же холмами.

— Это селение беженцев, — к воину подошёл Верховный Судья и встал рядом. — Здесь нашли свой дом все неудобные Пандемониуму семьи.

— А что это? — боец указал пальцем на маршировавшие вдалеке отряды.

— Наши друзья... — Слутгельмир растянул улыбку и чуть не мурлыкнул. — Отныне у нас есть своя армия.

Воин присмотрелся — на таком расстоянии было видно плохо, но цвет экипировки он различить смог.

— Это... тридцатые легионы?

— И тридцатые там тоже есть, — сощурившись, кивнул Судья. — Ладно, хватит передышек, — крикнул он легиону. — Вперёд!

Колонна Безмолвных вошла в селение. Жители, занимавшиеся во дворах своими делами, словно не обращали внимание на незваных гостей. Они продолжали колоть дрова, топить воду, носить доски в дом.

— Видит Маркутан, они привыкли, — говорил Слутгельмир, оглядываясь по сторонам, пока Тени продвигались вглубь деревни.

— Так! — Судья велел войску остановиться практически у центра селения. — Разбредаемся по хижинам справа. По пятнадцать человек на дом! Увижу какой-нибудь домик, где вас будет меньше пятнадцати, четвертую, потом пожарю куски на костре и слопаю без соли, без перца!

Безмолвные не стали дожидаться других приказов и разбежались по сторонам, бреча чёрными доспехами. Слутгельмир глубоко вдохнул морозный воздух и вразвалку направился к тренировочному лагерю, напевая весёлую песенку себе под нос.

Когда дома стали редеть, а потом и вовсе остались где-то позади, асмодианин добрался до места, которое называли «плацем» — очищенной от снега широкой поляны. По бокам ровными шеренгами стояли центурии тридцать первого и сорок восьмого легионов. В центре, словно на ринге, дрались двое бессмертных — их легаты. Слутгельмир гордым шагом вошёл на поляну и кашлянул несколько раз, чтобы обратить на себя внимание. Бой остановился. Противники посмотрели на Судью, но их глаза не сияли, как обычно. Казалось, они были, словно стекло, и устремлены куда-то вдаль, сквозь мужчину. Это немного испугало его — довольная улыбка сменилась на недоумение и строгость на лице.

Вдруг кто-то дотронулся до его плеча — Слутгельмир дёрнулся и обернулся. Позади него стоял легат третьего легиона — Исагир.

— Эй, что с тобой? — Даэв искренне удивился странному выражению лица Судьи.

— Н-ничего, всё в порядке, — отговорился он. — Как продвигается подготовка?

— Всё по плану, — Исагир вышел вперёд и предложил мужчине пройтись. — Посмотри на тех двух бессмертных, — он кивнул в сторону сражавшихся бойцов. — Их рассудок под влиянием идгеля. Они будут слушаться твоих приказов, даже если понадобится умереть.

Слутгельмир искоса посмотрел на них и пробормотал что-то невнятное. Когда Даэв переспросил, он ответил, но уже без прежнего задора:

— Как ты это сделал?

— Это не я... — нахмурился Исагир. — Это заслуга повстанцев Ривара. Они давн ставят эксперименты над людьми и над Даэвами.

— Ты хочешь сказать, что риваровцы на нашей стороне? — Судья произнёс этот вопрос так, словно от ответа на него зависла судьба Атреи.

— Я ввёл их вождей в курс дела, и, Маркутан не даст соврать, им понравилось, что мы собираем армию против Видара.

— Мы собираем армию не против Видара, — Слутгельмир повторил интонацией бессмертного командующего.

— Но им-то это знать совсем необязательно... — Исагир гордо посмотрел на лидера Безмолвных.

— Ха-ха, — Судья посмеялся и похлопал Даэва по плечу. — Неплохо-неплохо. Сколько фанатиков перешло на нашу сторону?

— Порядка шести тысяч душ со всей Асмодеи.

— Больше, чем неплохо... — закивал он. — Значит, всего у нас двадцать одна тысяча человек.

— Да, но только пока. Я ожидаю, что к исходу месяца к нам присоединится ещё пятнадцать.

— Каким образом?

Исагир достал из-за пазухи маленький флакончик с прозрачной жидкостью.

— Разбавленный идгель, — он показал его Слутгельмиру. — Через пару дней в лаборатории Альквимии к востоку отсюда начнётся массовое производство. Двух недель хватит, чтобы распространить его по всему Белуслану...

— Постой... — перебил его Судья. — Идгель — это «Антиэфир». Он смертелен для Даэвов, тем более для людей.

— Повстанцы Ривара выяснили, что в малых количествах идгель действует, как подавитель воли, причём и на смертных, и на бессмертных. Воины становятся, как куклы. Выполняют всё, что им скажут. Чем-то напоминают нежить, знаешь ли. Откуда, ты думаешь,

взялось так много фанатиков?

— Хм... — ухмыльнулся Слутгельмир. — А ты зря времени не терял. Надеюсь получите такую же отдачу от своих людей.

— Я делаю всё это не ради тебя, — проговорил Исагир более сурово, презрительно сощурив светящиеся глаза. — А по своим причинам.

— Конечно-конечно! — Судья сделал невинное лицо. — Расскажешь это Маркутану, когда обратишься в стигму. Но факты говорят вовсе о другом: ты ослушался приказа и увёл доверенную тебе армию в сторону, якшаешься с революционерами и ни во что не ставишь человеческую жизнь. Убеждай себя в чём хочешь, но мало что способно изменить человека до неузнаваемости так быстро.

Асмодианский Даэв сжал губы и нахмурил брови. Слутгельмиру показалось, что его собеседник тихо зарычал. Пару раз вздохнув, Исагир искоса посмотрел на мужчину и бросил ему:

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Сомневаешься, — оскалился Судья в полуулыбке. — Кем ты был год назад? Обычным легатом, пусть и довольно известным. Ты прекрасно понимал, что до военачальника тебе не подняться. Но, отдаю тебе должное, яростно старался пробиться в их круги. Захват Ингисона, Бездна... — всё было потрясающе, но вот должность командующего — твоё бремя и проклятие. Раньше ты боялся идти против всех, но сейчас, как я вижу, расставил приоритеты. Как же удобно, что под руку подвернулся я, верно? — Слутгельмир ехидно вскинул брови и сложил руки на груди, повертев туловищем. Ответный взгляд Исагира был острее заточенного кинжала. Казалось, он сейчас сделает короткий вдох и одним молниеносным движением свернёт шею Верховному Судье. Но нет. Бессмертный асмодианин напряг скулы и изобразил едва заметную ухмылку на суровом лице.

— Видар — недоразвитый кретин, — заговорил Исагир. — И да, ты прав, мне абсолютно не нравится, что такие, как он, стоят в иерархии выше меня. Знаешь, элийцы во главе Элизиума поставили малолетнего мальчишку, и я уверен, никому из Даэвов это не по душе. Мне непонятно, почему они медлят. Будь я на их месте, то его хрупкое тельце уже лежало бы где-нибудь на дне озера, — воин сжал облачённые в сталь кулаки и устремил взгляд на всё ещё неподвижные шеренги северных легионов. — Но Видар другой. Увы, есть люди, которые верны ему... И мне, чтобы приблизиться к его свите, приходилось долгие годы служить власти. Это мерзко, — он скорчил гримасу. — Что? Не смотри на меня так. Бессмертие заставило меня измениться. Да, я лицемерная тварь. Но теперь, наконец, чувствую себя свободным. Свободным от оков. И, да простит меня Маркутан, мне это нравится!

Слутгельмир хотел улыбнуться, но не стал. Слова Исагира вызвали у него удовлетворение.

— Главное, — мелодично напевая слова, ответил Судья. — Это то, что ты с нами. И преследуешь похожие цели... Забава с идгелем — чудесная мысль. Не переборщите с дозами, а то перетравите к балауру весь Белуслан, и это станет не очень приятным происшествием. Асфель нам в помощь! Насчёт Видара не беспокойся. Если он ещё жив, то... ему же хуже, — Слутгельмир не мог не улыбнуться. — Он потерял уважение со стороны Совета легионов, так как не смог остановить меня и спасти Пандемониум. Грязный город, кстати... — он скрыл улыбку и нахмурил брови. — Но ничего! Я его слегка подчистил...

Ехидный взгляд Верховного Судьи устремился в стороны холмов, откуда пришла армия

Безмолвных. Исагир не произнёс ни слова. Его не радовало, что приходится иметь дело с Тенями, особенно сейчас. Но его бессмертная душа пресекала любые попытки разума взять верх над желанием. Он очень давно решил во что бы то ни стало получить реальную власть и теперь следовал сей цели. Говорят, что после Перерождения приоритеты меняются, но командующий убедился на собственной шкуре, что это не так. Человеку по природе своей присуща тяга к лидерству — нужда быть всегда и везде первым опутывает в коварные сети сотни и сотни судеб. Считается, что Даэвы лишены этого порока. Но, оказывается, те, кого смертные пророчат спасителями и святыми избавителями, во многом не лучше обычных людей, а, может, даже и хуже. Ведь у Даэвов нет страха смерти, нет инстинкта самосохранения — эдакого стоп-сигнала, которым пользуются все живые существа, когда попадают в критические ситуации. А, значит, в решениях своих бессмертные руководствуются только разумом, который легко может быть отравлен грехами и злыми мыслями.

Идгель — вещество, способное нейтрализовывать Эфир. А, значит, заживо выжигать Даэвов и убивать всё живое. Его нашли балауры, когда исследовали земли Каталама на внешней части планеты. От них идгель попал к фанатикам Ривара — обществу, объединяющему в своих рядах и элийцев, и асмодиан. Они называют себя повстанцами, потому что противятся любой власти. Это культ, несущий «слово Ривара», по созданию идеального мира. Лидеры сей касты отшельников зарекаются не только о создании «идеального мира», но и идеального мышления, поэтому в ряды повстанцев могут попасть только самые преданные своей безумной идее люди. Ненависть к «хаосу и опасности», что, по их мнению, царят сейчас на Атрее, заставляет риваровцев ненавидеть как элийцев, так и асмодиан — тех, кого они называли братьями и сёстрами несколько лет назад. Ради своей цели они даже заключают договоры с балаурами, которые, надо сказать, яро их поддерживают: и идейно, и материально. В своих лабораториях повстанцы проводят эксперименты над разумом и Эфиром, поэтому частенько похищают людей (а иногда и Даэвов!). Около года назад лаборатория в Келькмаросе обнаружила способ искусственного получения идгеля. Это было величайшим открытием за последние десятки лет. Стоит ли говорить, насколько смертоносным является это оружие в руках повстанцев. Но ещё более опасным оно будет, если попадёт к балаурам.

Доставлено торговой компанией «Лёгкий Бриз». Оплачено при отправлении.
Секретно.

Кому: Военачальник Арэшурата, Цитадель Тэминона.

От кого: Доброжелатель.

«Доброго дня, господин Гелион. Вы не знаете меня. Я — один из стражников Элизиума. Однажды мне выпала честь повстречаться с Вами в Храме Легионов, и с тех пор я понял, кому я буду верен. Я слышал от товарищей, что произошло. Спешу сообщить Вам последние новости.

В Элизиуме творится что-то невообразимое. Господин Фаметес распорядился перекрыть все пути в столицу. В городе и на поверхности начинаются волнения. Магистр Раверинтос призвал нас, стражей, спуститься в Элиан и охранять порядок там! Немыслимо! Небесный город отныне патрулируют Рыцари Миразента. Мне и моим товарищам кажется, что магистр берёт власть в свои руки... Айон простит, я ушёл от темы сего письма.

Обе столицы без умолку лопочут о том, как храбро Вы поступили, когда пошли против

господина Фаметеса и Ордена. Я бы тоже пошёл за Вами, если бы мог! Но Вы уже далеко...

По слухам, на днях в Элиане введут военное положение. Рыцари Миразента начнут мобилизацию. Воины легионов Элиана всё время говорят о каких-то диверсиях и перехватах. А это значит, они хотят братской войны!

От лица всех жителей Элиоса, прошу, не допустите кровопролития между элийцами! Вы великий полководец и стратег, о Вас слагают легенды, называют Тринадцатым Служителем Вечности... Молю, сохраните мир на нашей половине Атреи! Да озарит наш путь Свет Айона!»

===== Часть 4. «Свобода и оружие». Глава 1. =====

Комментарий к Часть 4. «Свобода и оружие». Глава 1.

Отредактировано.

Месяц спустя.

Восток Ингисона.

— Балауров ливень! Просто шикарно, мать Фрегионову! — прокряхтел генерал, выплёвывая изо рта предательски холодную дождевую воду.

Сплошная стена заливала шлемы воинов. По щекам, затем по шее и груди струи ледяной воды стекали вниз, заставляя подкладку вымокать насквозь, а кожу — покрываться противными мурашками. Дорога, по которой шагали отряды элийских солдат, за считанные часы превратилась в кашу. Металлические сапоги вязли, телеги застревали, а бойцы ругались и проклинали покровителей за их немилость. Но идти надо было ещё далеко — к Срединному Хребту. Как передал командующий Даймон, это был личный приказ Гелиона.

— Да уж, не повезло с погодкой, — ворчал Версетти, легат Сияния Миражей, держа ладонь над глазами, чтобы сквозь ливень видеть хоть что-то перед собой. А видимость, надо сказать, была нулевая. Не то, что бы дорогу не разглядеть (точнее, то, что от неё осталось), а даже идущего впереди. Приходилось передвигаться на ощупь. В прямом смысле, ведь главное — держать строй.

— Не потеряйтесь! Скоро покажутся подножия гор! — офицеры пытались поддержать уставших и промокших бойцов. Но воины их не слышали — громкие возгласы командиров заглушались бешеным стуком капель по металлическим доспехам.

Даймон шёл в авангарде вместе с первой четвёркой легионов. Как всегда оставив шлем в казарме, командующий мог дышать спокойно, ведь в забрало не заливалась вода. Он шагал весьма уверенно, словно не замечал глубоких луж и грязи. Чутьё Даэва подсказывало, что скоро из-за нескончаемой стены ледяной воды появятся подножия гор Срединного Хребта. Вдруг бессмертный воин застыл на месте, вытянув руки по сторонам, взглянул вверх и крикнул войску:

— Стоп, ряды!

Многотысячная армия остановилась и замолкла, наблюдая за своим лидером. Даймон вытер с лица ручейки холодной воды и сощурился: сквозь плотную пелену серых туч и тусклых полосок дождя, спускавшихся с самих небес, он смог разглядеть едва заметное зелёное пятно. Оно расплылось в неясную фигуру высоко над головой воина. Даэв удовлетворённо улыбнулся. Кивнув пару раз сам себе, он резко развернулся и как всегда громко закричал бойцам, внимательно рассматривавшим бессмертного командующего:

— Друзья, последний рывок! Если бы не балауров ливень, то пред нами предстали бы величественные вершины гор Срединного Хребта. Вон там, — он указал куда-то вверх и вперёд. — Располагается скала, именуемая Клык Земли. Здесь даже потоки Эфира текут

по-особенному. Путь наш лежит к ней. Нам нужно пройти вдоль гор на север, — Даэв вытянул правую руку в сторону. — И через несколько часов мы доберёмся до входа в тоннель. Там мы сделаем привал. Да поможет нам Айон! Вперёд!

Даймон воодушевлённо взмахнул рукой и пошагал дальше. Уставшие воины молча последовали за ним. Версетти догнал Даймона и схватил его за плечо, чтобы тот сбавил шаг. — Куда погнал? Забыл, что сзади десятки тысяч промокших сапог?

Командующий обернулся и замедлился.

— Прости, хочется поскорее пройти полосу дождя, — отмахнулся он.

— Как думаешь, — спросил Версетти. — Что нас ждёт там?

— Где? В тоннеле?

— И в тоннеле, и в Келькмаросе, — взгляд легата Сияния Миражей был серьёзен, поэтому отшучиваться Даймон не стал.

— Добра не жди — скажу одно, — тон командующего тоже сменился на суровый, подобавший бессмертному защитнику справедливости. — Ты прекрасно знаешь, на что, а что ещё хуже, на кого мы можем наткнуться, когда будем проходить этот балауров лабиринт в горах.

— Зачем ящерам надо было рыть лабиринт? — озадаченно спросил Версетти. — Намного проще сделать прямую дорогу из Ингисон в Келькмарос.

— Балаур их знает... — ответил Даймон. — В Келькмарос можно выйти тремя путями. Два выхода могут вести в чешуемордские бараки: Митраканд и Мараяс. Туда лучше не соваться: если сейчас Митраканд принадлежит не балаурам, то уж стопроцентно — серозадым. Попадём в ловушку, как пить дать. Ещё один путь ведёт к скале Клык Земли. Там асмодиане нечасто бывают, так как мимо вершины этой горы пролегает путь Дерадиконов. Да и найти этот проход в тоннеле будет проще.

— А если встретим Дерадикон? — Версетти уставился пронзительным взглядом на командующего.

— Не думаю, что сейчас они летают из Келькмароса в Ингисон. Скорее всего, ящеры перевезли их в Бездну.

— Но всё же? Ты ведь понимаешь, что отбиться от асмов и балауров проще, чем от Чёрной Смерти? Не слишком ли велика ответственность?

— Вероятность наткнуться на Дерадикон крайне мала. Намного рискованнее будет воспользоваться проходом в Митраканд. Тоннель у севера пустыни Мараяс вовсе находится между двумя асмодианскими фортами — истинное самоубийство.

Версетти вынужден был согласиться с логикой Даймона. Тем более, Даймон был де-факто его начальником.

— Что ж, пусть так, — вздохнул легат Сияния Миражей. — Только не забывай о людях. Мы с тобой переживём любое ненастье, но даже самая незначительная опасность для смертного может окончиться очень печально.

— Я помню, помню... — протянул командующий. — Знаю, что воины устали. Обойдём пропасть Ханарканда и войдём в тоннель. Устроим лагерь у самого входа.

— Обнадёживает...

Даймон отчётливо слышал нотки пессимизма в голосе Версетти и понимал, чем они вызваны. Дальний поход, весьма опасный, к тому же приказ из Цитадели был спонтанным и неожиданным для всех. Гелион оказался прав — асмодиан в Ингисоне было довольно мало — около шести-восьми легионов, не больше. Почти все они охраняли крепость Иллюзий,

точнее, то, что от неё осталось. Армия Элиоса быстро взяла под контроль город и вошла в крепость, расправившись с врагом. Пополнив запасы и восстановив силы, элийцы направились на юг, где в городке Сотерии им предстояла ещё одна битва с остатками сил северян. Осев там, войско ожидало указаний из Цитадели, отправив в Бездну счастливую весть о том, что Ингисон освобождён.

Гелион ждал этой новости, как никогда. За четыре недели затишья в Элиосе произошло многое. Орден Миразента разузнал о том, что военачальники провинций сговорились втайне от Элизиума. Сказать, что Раверинтос был в шоке, — ничего не сказать. Естественно, он не мог противостоять всем владыкам земель одновременно. Но уладить ситуацию было смертельно необходимо.

Фаметес узнал о сговоре одним из первых. Молодой правитель рассвирепел после такой выходки. Требование было одно — отстранить Гелиона от власти в Арэшурате. Но Раверинтос понимал, что у Гелиона есть важный козырь в рукаве — поддержка Даэвов, а, значит, и руководства самых влиятельных легионов Элиоса. А идти против такого альянса равнялось самоубийству как лидера и политика. Недопонимание необходимо было устранить мирно, поэтому Раверинтос послал письмо в Цитадель лично военачальнику, в котором вежливо просил личной встречи. Гелион отклонил просьбу и потребовал отчёт по расследованию смерти Фараниса. Магистр не ответил на это письмо. Спустя несколько дней в Цитадель Тэминона без предупреждения прибыл лично Раверинтос со своей свитой. Он и Гелион всё же провели встречу. Глава Ордена выступал за то, чтобы не начинать вооружённое противостояние между Элизиумом и Арэшуратом. Аскалон выдвинул условие, что, пока убийца Фараниса не будет найден, всё останется, как есть. Раверинтосу пришлось вернуться в столицу ни с чем.

Фаметес ан Ривен требовал, чтобы Гелиона наказали. Он даже планировал захват Цитадели, но магистр сумел уговорить правителя подождать. Элизиуму нечего было противопоставить военачальникам, ведь девяносто процентов армии было теперь подконтрольно Аскалону. Поэтому, чтобы не потерять хотя бы условную власть, пришлось смириться с произошедшим. По мнению Гелиона, всё прошло как нельзя лучше — столица просто игнорировала его действия и ждала момента, когда капитан гарнизона Арэшурата выйдет на связь сам.

За три с половиной недели войско, возглавляемое Даэвом Даймоном, смогло отвоевать у асмодиан Ингисон. Потери со стороны элийцев были небольшими, поэтому Гелион в последнем своём сообщении помимо слов благодарности прислал приказ не останавливаться и продолжать наступление на Келькмарос. Причиной этому также послужили последние новости разведки: в Асмодее началась гражданская война между Пандемониумом и Белусланом. Надо сказать, никто не ожидал такого, но лучшего предлога для атаки придумать было невозможно. Теперь Асмодее была занята своими внутренними проблемами, а, значит, появился реальный шанс заполучить Келькмарос. Подробностей от разведки не было. Стало известно, что Безмолвная армия захватила Белуслан и вместе с повстанцами Ривара вела битву в Морхейме против легионов Пандемониума. В сообщении, адресованном Гелиону, фигурировала фраза: «У Безмолвных имеется секретное оружие». Что это значило, выяснить пока не удалось.

Даймон получил все инструкции и рекомендации к наступлению. Из Элтенена и Теобомоса прибыло подкрепление — ни много ни мало одиннадцать легионов. Военачальник Бертрона Ваталлос ан Боуэн обещал тоже прислать войска, но пока этого не

произошло — краллы на южном побережье вновь начали нападать на селения.

Конечно, приказу о наступлении на Келькмарос был не рад никто: ни гарнизон, уставший от пеших бросков, ни офицеры, по мнению которых, для атаки было недостаточно информации — слишком много может сыграть случай. А полагаться в войне на удачу — чистой воды идиотизм. Оставалось одно — молиться Айону, чтобы всё получилось, ведь, как говорится, приказы не обсуждаются. Особенно, если их отдаёт Гелион, — его авторитет не подвергался сомнению.

Ливень начал стихать. Теперь сквозь плотную стену воды возможно было разглядеть окрестности. Легионеры дружно приподняли забрала. Наконец, уставшим от похода воинам открылась природа Ингисона. Многие увидели Балаурию впервые, оттого широко раскрыли глаза и разглядывали причудливые разноцветные растения, росшие по краям широкой тропы, по которой пролегал путь элийской армии. Увлечённые пейзажем, воины сбивали строй и то и дело спотыкались, а офицеры злобно ворчали и покрикивали, чтобы шеренги глядели перед собой. Лишь несколько легионов довольно улыбнулось, увидев знакомые места. То были отряды бывшего гарнизона Ингисона. Даэвы, возглавлявшие их, невольно чувствовали тоску, вылавливая из своей бессмертной памяти давно забытые воспоминания о том, как они дрались здесь с балаурами за каждый клочок земли, каждое дерево. Прошло уже пятьдесят лет, но то лишь мгновение в вечности, отмеренной каждому Перерождённому.

— Наконец-то дождь прекратился, — с облегчением вздохнул Даймон, мимолётно обернувшись и изобразив усталый вид. Его войско всё ещё шагало, но поступь была неуверенной, разбитой. — Полчаса пути! — воскликнул он и сверкнул светящимися глазами в сторону тёмной точки между подножиями двух невысоких скал.

Воины, никогда не бывавшие в этих краях, заинтересованно посмотрели вперёд; те же, кто хотя бы однажды бродил по этим тропам, нахмурились и тяжело вздохнули:

— Тоннель Силентера...

Пускай ливень прекратился, но тучи ещё нависали над головами элийцев. Задул сильный ветер. Промокшая броня и одежды вмиг налились смертным холодом. Воины вздрогнули. Непривычно было чувствовать столь морозное дуновение, особенно здесь, в тёплом, залитом светом солнца Ингисоне.

Строй был давно нарушен, как бы офицеры не старались сдержать его. Дорога пошла немного под горку, поэтому идти стало проще. До чёрной точки, которая росла на глазах и превращалась в очертания огромной пещеры, оставалось не более десяти минут.

— Смотрите в оба! — выкрикнул легат Сияния Миражей. — Здесь частенько бывают балауры.

— Не дай Айон наткнуться на Дерадикон... — протянул кто-то из пожилых офицеров почти за спиной Даймона.

— Дерадикон? Кто-то сказал Дерадикон? — обеспокоенно зашептали соседние центурии.

Даймон закатил глаза и крикнул назад:

— Нет здесь никаких Дерадиконов! Не пугайте ребят попусту!

Шум затих. Командующий сощурил глаза и тихо пробормотал себе под нос, впиваясь острым взглядом в темноту:

— У вас ещё будет шанс испугаться...

Скоро первые ряды элийской армии поравнялись с проходом в тоннель. Даймон остановился у перекрёстка дорог. Тропа, по которой шло войско, вела прямо — на север

Ингисона. Слева находился разрушенный асмодианами элийский аванпост. Но их путь лежал направо, прямо между двумя горами. Где-то в глубине ущелья тропа сворачивала к скале. Издали казалось, что это вход в какую-то шахту, но, приблизившись, становилось ясно, что это нечто более опасное и крупное. Там за огромной аркой, выросшей, казалось бы, из ниоткуда, вела вниз длинная лестница с большими, рассчитанными на балаурскую ногу ступенями. Даймон приказал легионам ступать в ущелье.

— Поторопитесь! Чем скорее мы войдём внутрь, тем быстрее сделаем привал, — грозный голос командующего разнёсся эхом по всему горному хребту.

В ущелье стоял туман. Чем глубже легионы шли по неизвестной тропе, тем сильнее казалось, что это место — уже не солнечный Ингисон, а, скорее, какое-то заброшенное кладбище в холодных степях Асмодеи — слишком мрачно и серо было вокруг.

— Вы слышали? Вы слышали это? — нервно выкрикнул кто-то далеко сзади. Легионеры обеспокоенно завертели головами по сторонам, брэнча доспехами.

— Да! Я слышу! Чей-то голос... Это точно! — воскликнул ещё один боец.

— Не пытайтесь себя одурачить... Это лишь завывание ветра, — недовольно проговорил Даймон, шедший впереди. Его уже не было видно за плотным туманом, когда скалы начали повторять его голос. Несмотря на тревожный шёпот воинов, вокруг становилось тише. Туман словно давил на уши, приглушая все звуки.

— Шагаем вперёд, прямо в темноту! — слабое эхо донеслось из первых рядов.

Легионеры удивились слову «темнота», не видя перед собой ничего, кроме густого серого облака. Но через пару минут они поняли, что имел в виду командующий. Туман начал быстро темнеть, будто наступали сумерки. Эхо, летевшее со всех сторон, усиливалось. По ощущениям, войско вошло в какую-то пещеру.

— Смотреть под ноги! Мы спускаемся по лестнице! — голос Даймона стал отчётливее. — Зажечь факелы!

Легионы, шедшие впереди, по команде достали из-за пазухи замотанные в непромокаемую ткань деревянные палки и подняли их над головой. Послышался громкий мужской голос, и, словно по волшебству, над концами факелов заиграли искры. Короткий хлопок — и все они одновременно зажглись. Теперь у воинов был яркий ориентир. Ровная полоса света сначала плыла над головами легионеров, но затем стала медленно спускаться — это означало, что пещера вела вниз. Бойцы дружно устремили взгляд себе под ноги — споткнуться в тумане было довольно легко.

— Под ноги! Под ноги! А то посыпемся, как фишки домино!

Вязкая земля сменилась на каменные плиты. Вскоре появились ступени. Они были длинными и глубокими, явно не рассчитанными на человеческую ногу. И это понятно, тоннелем пользовались балауры. Шеренга за шеренгой воины стали медленно и аккуратно спускаться по звенящим и влажным от тумана ступеням.

— Скользко, будто масло разлили... — кряхтел кто-то.

— То-то и оно! Балауровы проделки, не иначе! — громким шёпотом отвечал голос из толпы. — Ах ты ж, мать балаурскую! — слышалось «вш-ших» и звон от падения металлических доспехов — раздосадованный легионер всё-таки не удержался на ногах.

Спуск оказался неожиданно долгим, глубина тоннеля была приличной — метров пятьдесят под землёй. Но воины стали замечать: чем дальше они шли, следуя за факелоносцами, тем лучше было видно интерьеры входа в шахту — туман рассеивался с глубиной. Вскоре он и вовсе исчез. Только над головой, если поднять взгляд, было видно

удалявшееся плотное облако серого мрака. Оно нависало, словно туча, солдаты осознали, что место это и вправду магическое.

Даймон обернулся и увидел замороженные фигуры своих легионеров, увлечённых чем-то наверху.

— Туман скрывал вход в тоннель от незваных гостей. Балауры тоже осторожны. А вообще, хватит плясать, глядите под ноги, а то споткнётесь и покатитесь кубарем на дно!

Воины не могли ослушаться приказа и мигом уставились перед собой.

Пещера была огромной, высота прохода составляла метров десять, а ширина — и того больше, что целая центурия могла спокойно выстроиться шеренгой и шагать, не задевая стен. Внутри было темно, как и в любой другой пещере, но огонь факелов хорошо освещал разнообразные узоры и надписи на потолке и стенах. Сверху капала жидкость, воняло падалью. Вообще говоря, здесь было очень влажно. Дышать становилось трудно.

— Терпите. Спустимся — станет легче, — прокомментировал ситуацию Версетти. — Запах — отдохлой живности. Немало зверей искало здесь спасения от ливней и... тварей всяких, не подозревая, что им уже не выбраться отсюда.

Слова легата Сияния Миражей не придавали оптимизма, а лишь вызывали страх в сердцах легионеров. Страх перед неизведанным.

— Всё будет хорошо! — перебил его Даймон. — Глупые звери не знали, где выход из лабиринта, а мы знаем! Так что не надо бояться раньше времени. Мы в безопасности.

Командующий с упрёком посмотрел на Версетти — тот понял, что взболтнул лишнего.

Наконец, спуск был преодолен. Перед элийцами расстелилось подобие огромного зала: стены были украшены скульптурами и историческими сценами, пол — покрыт старыми, но ещё гладкими плитами камня. В противоположном конце зала сиял яркий белый свет. Даймон велел факелоносцам разойтись по периметру и зажечь висящие на стенах масляные светильники, а остальным — двинуться к центру.

— Здесь устроим лагерь. Отдыхаем! — заветное слово понеслось из уст в уста, довольные и уставшие изнурительным походом легионеры сваливали вещи и доспехи на землю, а сами, глубоко дыша, радовались освобождению от тяжёлой брони. Некоторые торопились занять удобные места для ночлега, другие кооперировались и обустраивали кухню, разжигали костры.

— Да здесь целый город построить можно! — удивлялись воины размерами вырытого в породе помещения.

— Ни конца, ни края...

Даймон подождал несколько минут, пока сумбур прекратится, а затем запрыгнул на мешок и громко заговорил:

— Друзья! Мы с вами преодолели большой путь и, наконец, достигли промежуточной точки. Я прекрасно понимаю, что вам нужно отдохнуть, поэтому даю двое суток, — в мгновение зал озарил дружный одобрителный гул. — Тишина! — рявкнул командующий — все вновь затихли. — Итак, я расскажу немного об этом месте. Мы с вами сейчас у входа в тоннель Силентера — лабиринт, построенный балаурами, чтобы соединить ключевые места Ингисона и Келькмароса. Почему у входа? Потому что, сам тоннель начинается там, — он повернулся боком и указал рукой на свет в противоположном конце зала. — Если вы думали, что весь наш дальнейший путь до Келькмароса мы будем идти в крошечной тьме, освещая дорогу факелом, вы не правы... — Даймон сдал губы и покачал головой. — Больше половины длины тоннеля составляет глубокое ущелье. Над нами будет солнечный свет, но не

радуйтесь, братья и сёстры... Успокаивающие мысли о том, что вы в безопасности, — лишь фарс! Пусть мы будем не в мрачных залах, пусть сияние звёзд в ночи будет завораживать ваш взгляд, не забываетесь! Это место — последний круг ада, и даже сама Бездна не сравнится с теми ужасами, что мы увидим здесь... Балауры были умны. Они знали, что рано или поздно люди обнаружат этот проход, оттого и построили его в виде лабиринта. Я знаю дорогу. Я выведу вас на поверхность. Прошу лишь об одном: будьте смелыми! Стойте смирно перед лицом угрозы, как бы она не выглядела! Знайте, что если испугаетесь и побежите прочь, вы уже мертвы. Обратную дорогу без меня вы не найдёте... Вскарabкаться по стенам к свету тоже не удастся. Как и улететь... Над головой всегда будет полоса ядовитого газа. Поднимитесь в воздух, тут же расплавитесь! Преодолев лабиринт в ущелье, мы войдём в пещеру. Да, там будет темно и холодно. Нужно перетерпеть, ребята. Пройдя гору, мы снова выйдем на открытый воздух. Ещё одно ущелье, такой же зал, как этот, и мы в Келькмаросе, — Даймон сделал паузу, чтобы все смогли осмыслить его слова. — Тоннель мы должны пройти за сорок восемь часов. Дольше блуждать здесь нет смысла. Отдыхайте, набирайтесь сил, они вам понадобятся. Наше дело правое, друзья мои! Слава Элиосу! Пусть свет Айона указывает нам путь!

Звонкие возгласы нарушили тишину. До ушей бессмертного донёсся вопрос его легионера:

— Кого нам стоит бояться, господин командующий?

Остальные воины плавно затихли, вернув в зал звенящую тишину. Воины заинтересованно уставились на своего лидера, ожидая ответа. Даймон недолго думая, сказал:

— Всего, что движется и не движется. Здесь полно пауков, к слову. Надеюсь, ни у кого из присутствующих нет арахнофобии? Чудно. Когда будем идти, не трогайте ничего, особенно что выглядит странно. Булыжник посреди дороги может оказаться вовсе не булыжником...

Легионеры зашептали. Даймон собирался было покинуть бойцов и уединиться с другими Даэвами, но новый вопрос вынудил его задержаться.

— А балауры? Здесь бродят балауры?

— Бродят-бродят, — устало протянул командующий. — Небольшими кучками. Опасаться надо не их, а местную фауну.

Даймон важно развернулся, спрыгнул с мешка и пошагал прочь. Версетти тоже оставил своё войско и медленным шагом направился к свету. Каменные плиты внезапно кончались обрывом. Оказывается, этот зал был подобием балкона, с которого открывался вид на окрестности. Внизу, в метрах двадцати, беспечно росли кустарники, цвели большие жёлтые бутоны. Над головой виднелось далёкое небо — огромная комната, где находилась элийская армия, была также и выходом из пещеры. Теперь путь воинов пролегал по открытому ущелью между чередой отвесных скал. То и дело в них были прорыты тоннели, которые вместе с запутанными тропами ущелья переплетались в нескончаемый лабиринт. Даймон глянул вверх — небо было скрыто под пушистыми белыми облаками.

— Тоннель в горе вывел нас в первое ущелье... Здравствуй, Силентер... — произнёс командующий.

Узкая тропа внизу вела влево и вправо. Даэв повернул голову влево и устремил взор в бескрайнюю даль. На серых склонах скал росли редкие деревья. Их кроны безуспешно тянулись к призрачному солнцу, спрятавшемуся за пеленой облаков. Тропа вела всё дальше и

дальше, Даймон следил за её изгибами, пытаясь вспомнить каждый кустарник, каждый цветок по её краям.

Версетти стоял за спиной командующего и слушал его ровное и глубокое дыхание.

— После тех каменюг слева нам надо свернуть к склону? — спросил легат Сияния Миражей, указав пальцем на груды здоровенных камней, валявшихся около тропы где-то далеко, куда даже самый зоркий глаз смертного не сможет заглянуть.

— Да, потом идём сквозь скалу и направо до говорящего древня. Затем налево, налево и на четвёртом перекрестке направо. Входим в балауров зал, там третий выход налево...

— Дальше я помню, — перебил его Версетти. — Чтобы шахты дрениума были по правую руку. Эх, — довольно вздохнул он. — Были времена, когда мы чешуезадых оттуда пинком гнали, а сами забирали весь добытый ими дрениум и перевозили его в Ингисон.

Даймон улыбнулся. Он повернулся к товарищу и заговорил:

— Его там и сейчас полно. Говорят, пауков здесь развелось до балауровой задницы...

— Будут ловить нас? Как лёгкую добычу? — Версетти сделал шаг вперёд.

— Непременно. А что им ещё делать, коли челюсти размером с двуручный меч...

— Хм, — он ухмыльнулся. — Ты, кажется, упустил это, когда давал «инструктаж» ребятам.

— Не случайно, а намеренно. Пусть пока спят спокойно.

— Кстати, а эти арахномрази сюда не заберутся? — взволнованно спросил легат.

— Нет, на балконы они не забредают, — уверенно ответил Даймон. — Их владения начинаются сразу после первого поворота.

— Мало ли...

Командующий закатил глаза.

— Хорошо-о, я выставлю патруль. Доволен?

— Ты чего такой агрессивный? — Версетти заглянул другу в глаза. Они были уставшими и сияли тусклым, холодным светом. — Келсо объелся?

— Вспоминаю, как мы первый раз сюда попали... Сколько же тогда ребят полегло?

После этих слов легат Сияния Миражей тоже нахмурился. Тема была неприятной и грустной для них обоих.

— Не думай об этом, — понимающе промолвил он. — То дела давно минувших дней. Размышляй лучше о том, как нам поскорее переправиться в Келькмарос и не повторить ошибок прошлого.

Даймон кивнул и опустил взгляд на гладкую каменную плиту, на которой они с Версетти стояли.

— Отдохнём? — предложил он. — Даэвам тоже следует хорошенько вздремнуть.

— Пожалуй. Заодно зарядимся Эфиром, а то его здесь шиги наплакал.

Бессмертные похлопали друг друга по плечу и направились к лагерю, который уже успели разбить. После долгого похода по землям Ингисона даже Даэвам необходимо было восстановить силы.

Спустя несколько часов сна Даймона резко открыл глаза. Его разбудило шестое чувство — ощущение, что кто-то знакомый и одновременно очень сильный совсем рядом. Эфирный импульс и чутьё, которое никогда не подводило Перерождённого, заставило его выбраться из тёплой тканой палатки, где командующий отдыхал. Он поднялся, взял в лёгкие прохладный и влажный воздух и тихо пошагал к обрыву. Стояла ночь — свет, исходивший из

ущелья, был тусклым и холодным. Даймон обошёл разбитые рядом палатки других белокрылых офицеров и, аккуратно перешагивая через спальные мешки из звериных шкур, в которых мирно спали простые legionеры, вышел к балкону зала. Сердце Даэва застучало сильнее, глаза засияли ярче, а внутреннее чувство приближающейся силы защеколало все нервы в теле бессмертного.

— Кто же ты такой?.. — шепнул он в пустоту, оглядев метким взглядом окрестности.

Ответа, естественно, не прозвучало. Даймон всё ещё стоял у края обрыва и смотрел вдаль. Ночное ущелье казалось ему красивым: холодный лунный свет, искажающийся от облаков, пеленой падал на росистые кустарники, почему-то отливающими голубым. Редкие деревья на склонах, как только стемнело, распустили миллионы маленьких белых бутонов и превратились в нарядные фонари, освещавшие сумрачную тропу. По краям дороги в высокой траве спрятались тысячи сверчков и и исполняли свою мелодичную ночную песню. Подул слабый ветерок, кончики кустов зашелестели, и из их недр мгновенно вылетело облако белых светлячков и, громко шубурша крохотными крылышками, растворилось в лунном сиянии.

— Чем опасней местность, тем прекрасней его природа... — заметил бессмертный воин.

Сердце не унималось. Что-то в блестящих склонах оголённых скал не давало ему покоя.

«Нет, это бред. Не смей, Даэв! Это против правил!» — внутренний голос разума негодовал от мысли, возникшей в голове командующего. Но сделать он ничего не мог. Навязчивая идея, тяга к встрече с этой призрачной силой полностью завладела им.

Даймон обернулся и оглядел мирно спящую армию. Его армию. Тысячи сомкнутых глаз выглядывали из-под спальных мешков. Только несколько патрульных беспечно прогуливались туда-обратно вдоль стен зала, казалось бы, вовсе не замечая своего командующего.

— Мирно... Тихо... — бормотал Даэв себе под нос, скорчив лицо и нахмутив брови. — Какое гадство!..

Больше не раздумывая, он, наконец, сделал то, чего так долго желал. Прыжок! Шорох открывающихся крыльев, лёгкое напряжение, и вот красивый элийский бессмертный уже парит над тропой, ведущей во мрак, всего в метре от земли. Сердце Даэва поддалось на внутренний зов. Всё же есть на свете те вещи, перед которыми даже Перерождённые не в силах устоять.

Даймон знал все повороты лабиринта Силентера, как свои пять пальцев. Он чувствовал, куда его ведёт это странное чувство. На крыльях он быстро добрался до того места, что он ранее назвал «паучьими владениями». Пейзаж действительно радикально изменился: приятная природа и добродушное свечение ночных цветов сменилось на серость. Травы и деревьев здесь почти не было. А если и встречалось что-то зелёное, так оно уже давно было от корня и до самой верхушки опутано липкой паутиной. А она здесь, надо сказать, была везде: на дороге, на склонах, на стенах тоннелей в скалах. Даэв почувствовал, что крылья начали слабеть и через минуту уже не смогут сдержать тяжёлое тело воина. Дышать стало труднее, взгляд потускнел.

— Ах ты ж, мать балаурскую!.. — шёпотом выругался он и приземлился, угодив ногами прямо в лужу из липкой серой жижи. — Да что б тебя!

Сапоги не на шутку увязли. Кое-как он смог выбраться из паутины на твёрдую поверхность. Сбросив крылья и убедившись, что они догорели, элиец пошагал дальше

пешком.

— Эфира всё меньше и меньше... — приговаривал он, чувствуя, что с каждым шагом становится слабее. — Кто же его здесь жрёт?..

Аккуратно ступая по извилистой тропе, Даймон вдруг услышал, что над его головой что-то зашевелилось. Он медленно поднял взгляд и искривил лицо в злобном оскале, доставая из-за спины родную алебарду, с которой он даже ночью не расставался.

— Ну, здравствуй... — сказал воин полутораметровому чудищу о восьми лапах, быстро спускавшемуся по своей паутине на землю. Существо приземлилось и повернулось мордой к Даэву. Шесть маленьких глаз угольного цвета уставились на человека. Всё тело паука было покрыто чем-то типа шерсти — неприятными на ощупь твёрдыми волосками иссиня-чёрного оттенка. Большая пасть, похожая, скорее, на острые кусачки, занимала почти всю голову животного. Она широко раскрылась, и оттуда обильно полилась вязкая слюна.

— Рано радуешься, — проговорил бессмертный, выставив перед собой алебарду. — Как кстати, что я прихватил это.

Бой завязался в одно мгновение. Паук противно завизжал и ринулся на Даэва. Тот ловко уклонился от атаки и с размаху вонзил край лезвия своего двуручного топора в брюхо твари. От такого удара паук пошатнулся и чуть было не рухнул, но удержался на своих восьми тонких и длинных лапах. Визг усилился, ушам было неприятно слышать эти истошные звуки. Даймон рывком вытащил оружие из тела паука и замахнулся для удара, но тут в его грудь прилетел комок вязкой паутины, окутав его движения, словно сеть. Воин выронил алебарду и упал на колени. Отодрать от себя эту субстанцию было очень сложно — она будто приклеилась к нему. Существо довольно гаркнуло, словно не обращая внимания на рану, стало медленно ходить вокруг жертвы и закручивать его в паутину — «мумифицировать». Даэв дёргался внутри липкой сети, но выбраться не представлялось возможности. Вскоре тело бессмертного командующего элийской армией превратилось в серый неподвижный кокон. Паук поднялся на две задние лапы, а остальными начал катить добычу к своему логову на склоне скалы. Прилепив к жертве пару нитей паутины, существо подвесило её в нескольких метрах от земли и оставило там разлагаться, а само направилось в тоннель залечивать полученную в бою рану.

В паутине были поры, что позволяли добыче дышать, но с каждой минутой оболочка становилась всё твёрже, пока вовсе не каменела. Внутри такого гроба жертва умирала от голода, а через несколько недель к ней возвращался паук, чтобы отведать припасенное лакомство.

— Вот же балаурский рог! Угораздило! — корил себя Даймон, чувствуя, что кокон почти окаменел. — Весь поход насмарку! Мать балаурскую! Проклятье! Надо же было в одиночку пойти! Идиот!

Конечно, судьба обычных жертв Даэву не грозила. Как только он умрёт, тело рассыпется в песок, а его бессмертная душа отправится на кибелиск, чтобы вернуть мужчину к жизни. Но Эфира в ущелье было очень мало, а, значит, дорога к статуе воскрешения, займёт кучу времени, которого нет.

Зов в сердце воина не угасал. Сила до сих пор звала его вглубь лабиринта, и, кажется, сейчас Даймон начал понимать, что это.

— Не балаур — аура Эфирная... — рассуждал командующий, закованный в каменный гроб. — Не асмодианин. Это что-то знакомое... Может, элиец? Но почему я так реагирую на это? Неужто...

Воин не успел договорить, как почуял, что кокон падает на землю. Он рухнул вниз, Даэв снова выругался, не понимая, что происходит. Но лезвие посоха, вонзившееся в окаменелую паутину, расставила все точки над «и». Несколько мощных ударов хватило для того, чтобы разбить клетку на куски, словно фарфоровую вазу.

Даймон выплюнул остатки паутины изо рта, кашлянул от поднявшейся серой пыли и с напускным упрёком промолвил спасителю:

— Что ж ты так долго, дракан тебя дери?

Версетти улыбнулся и собирался было дать оплеуху незадачливому командующему, да сдержался.

— Хотел подольше понаблюдать, как ты мучаешься, — он рассмеялся. — Забавное зрелище.

— Сейчас я тебе! — пригрозил Даймон, но обнаружил, что за спиной нет привычного оружия.

— Держи, — Версетти протянул ему алебарду. — Валялась на дороге в тридцати метрах отсюда. По ней тебя и нашёл.

Командующий вздохнул и прицепил топор на обычное место.

— Я, конечно, многого ожидал, — начал легат Сияния Миражей. — Но ты всё-таки кретин... Одному по тоннелю гулять... Суицидник, дракан мне в зад!

— Не желай, а то сбудется... Меня что-то зовёт туда, внутрь, — нахмурился Даймон и кивнул головой в сторону от лагеря.

— Эфирная ловушка? — серьёзно спросил Версетти. Он прекрасно знал, что с такими шутками не шутят. Шестое чувство Даэва не может подвести. Оно всегда предупреждает о чём-то важном.

— Вряд ли... Чутьё говорит, что оно на юге...

— Оно?

— Да, оно... Не знаю, что именно, но что-то... родное.

— Хм, — задумался Версетти. — Нашей плоти?

— Определённо, — уверенно произнёс Даймон. — Не асм, не балаур. Почему мне кажется, что это...

— Белатрисс? — перебил его воин. — Думаешь, это она зовёт тебя?

Командующий легонько кивнул. Его взгляд налился искренней грустью, засияв холодным светом.

— Тогда... идём! — решительно воскликнул Версетти. — Вдвоём-то мы в такую запару не попадём, дубина!

Даймон даже слегка улыбнулся.

— А как же войско? — спросил он.

— Мы успеем вернуться. Бегом до юга и обратно — не больше суток. Я предупредил офицеров, что вернусь к сроку.

— Предупредил уже... Хорошо, — задумался Даймон. — Но зачем ты вообще за мной пошёл? И как узнал, где я?

— Один из патрульных меня разбудил. Сказал, что командующий «улетел». Я был в шоке, честно говоря, — Версетти вскинул брови и покачал головой. — А нашёл тебя по Эфирному следу — ты же на крыльях долго летел, я прав?

— Прав, прав, — закивал командующий. — Что б мне пусто было, но я рад тебя видеть! — Даймон обнял друга и похлопал ему по спине. Версетти отстранился,

приговаривая:

— Хватит нежностей. Лучше скажи, почему кирасу не надел? Я в полном обмундировании, а на тебе — какие-то лохмотья. И паутина с них свисает... Слава Айону, оружие хоть взял. А то вообще смех.

И действительно, Даймон был в обычной одежде. Как говорится, в какой спал, в такой и пошёл. Правда, она уже пришла в негодность после встречи с пауком.

— Не успел я одеться, — отговорился командующий. — Словно мгновенно весь разум опутало. Сам не понимал, куда и зачем лечу.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Версетти. — На рожон тогда не лезь. А то до кибелиска месяц отсюда лететь будешь.

Даймон недовольно закатил глаза, и оба Даэва направились пешком в сторону от лагеря. Путь лежал неблизкий и опасный. Но бессмертный капитан гарнизона решил для себя, что должен выяснить, какая сила так яростно звала его.

===== Часть 4. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 2.

Отредактировано.

Пандемониум.

Асмодиане не стали восстанавливать ратушу. Старое здание стало своеобразным символом для всего народа, как память о предательстве тех, кому они доверяли больше всего — Храму Правосудия. Военачальник Видар велел снести обитель Безмолвных и построить на этом месте новую ратушу. Не такую большую и величественную, как прежде, но довольно просторную, чтобы проводить советы и заседания знати и начальств военных легионов.

Об одном из таких советов и пойдёт сейчас речь. На повестке дня стояла всё та же проблема: продвижение войск Пандемониума вглубь Морхейма, частично занятым силами Безмолвных. В зале присутствовали военачальники, командующие, генералы и легаты влиятельнейших легионов.

Слово взял важный мужчина в красном сюртуке — начальник столичной разведки. Он поднялся с кресла, поправил одежды, взял в руки плотный лист бумаги и начал читать:

— Итак, друзья-офицеры, новости пока таковы: вчера на рассвете силами семнадцатого и девятнадцатого легионов мы смогли закрепиться на исследовательской базе вулкана. К полудню туда подтянулись силы одиннадцатого-четырнадцатого легионов. Были выставлены посты и патрули, возведены ограждения. После захода солнца отряд из четырёх человек отправился к Красному утёсу, чтобы разведать позиции врага, но, к сожалению, до сих пор не вернулся. Из этого мы можем сделать вывод, что противоположная сторона кратера занята повстанцами. Для того, чтобы продвинуться дальше, нам необходима атака с двух сторон. По достоверным данным, Иральсиг и горячие источники Халабана тоже под контролем врага. Риваровцы и Безмолвные крепко обосновались там, расставив аванпосты и возведя укрепления. К сожалению, — мужчина положил листок и вытер пот со лба рукой. — Больше ничего разузнать не удалось. Раньше именно Безмолвные составляли основу разведки, а теперь... — он запнулся. — Приходится добывать информацию самим.

Видар, сидевший всё это время с задумчивым видом, непроизвольно почёсывая подбородок, кивнул мужчине и спросил:

— Про Белуслан ничего не известно?

— Вся провинция — под контролем армии Слутгельмира. Крепость нам не отвечает, письма не доходят, — в глазах офицера отчётливо читался трагизм всей ситуации. Несмотря

на небольшие успехи, до каких-либо значимых побед было далеко. Да и Пандемониум явно недооценивал повстанцев и Судей. Буквально за месяц враг успел захватить весь Белуслан и перебраться в Морхейм. Столица знала о каком-то оружии риваровцев, но получить его в руки пока не смогла.

— Сядьте, — махнул военачальник выступавшему и обратился к напротив сидящему мужчине. — Что у нас с резервами?

— Шесть легионов запаса, — не пошевелив каменным лицом, произнёс он. — Но на этом всё. Потом начнётся мобилизация Фернона, столицы и островов. Вы же понимаете, что это значит для расы?

— Понимаю, — сквозь зубы прошипел Видар и спрятал взгляд от других. — Первостепенно, нужно выяснить, как Безмолвные гадины так много народа под себя подмяли. Не может быть, чтобы они обошлись без чьей-либо помощи.

— Элийцы? — спросил сидящий справа от военачальника Квасир, легат первого легиона.

— Нет, — уверенно ответил Видар. — Тогда бы на подступах к городу уже стояла стотысячная элийская армия. А мы сидели бы в Святилище и, поджав колени от страха, молили Асфеля о чуде. Но этого не произошло, слава Маркутану.

— А как же Ингисон? — воскликнула Кенсаи, лидер седьмого легиона и единственная женщина на совете. — Белокожие отняли его у нас.

— Это было ожидаемо, — продолжил военачальник. — Грех не воспользоваться слабостью врага для достижения заветной цели.

— Не до Ингисона сейчас, — вздохнул Квасир. — Нам бы внутри Асмодеи с проблемами разобраться.

Кенсаи сомкнула губы и замолчала. Она допускала, что её товарищи правы, но смириться с мыслью, что противник без сопротивления забирает кровью полученные земли обратно, было невероятно тяжело.

— Тогда следует думать, что виной всему — балауры... — выцедила из себя воительница.

— Краллы и враждебные племена оборотней сидят тихо, не высовываются. А их волнения — это обычно преддверие наступления штурмовых отрядов драканов из самой Бездны, — отметил Видар. — Здесь что-то другое, и нам необходимо это понять.

— Остаётся один вариант... — Квасир заглянул главнокомандующему в глаза. — Магия, как бы смешно не звучало.

— У Безмолвных есть пара способных волшебников и заклинателей, — подтвердил начальник разведки. — Я бы не отбрасывал этот вариант.

— Два или три чародея не смогли бы призвать магию такого масштаба, чтобы подавить волю жителей целой провинции. Здесь нужны легионы бессмертных волшебников! Лорду Бритре девятьсот лет назад не удалось подчинить себе Белуслан. Не думаю, что какие-то Даэвы, пускай опытные, сильнее Вождя балауров, — как всегда, парировал военачальник.

— Вдруг мы что-то не знаем? — спросил асмодианский генерал, родом из далёкого Брустхонина. — Вдруг они нашли способ управлять людьми?

— Этого-то я и боюсь... — нависла небольшая пауза. — Мы отвлеклись, — снова взял слово Видар фон Хильдер. — Для того, чтобы выяснить, что задумали повстанцы, используем их же метод. Пошлём в Белуслан группу под видом местных жителей или фанатиков Ривара. Пусть выяснят всё, что смогут по поводу их этого «оружия». Квасир, —

он повернулся лицом к офицеру. — Я поручаю набор отряда тебе.

Легат одобрительно кивнул.

— Кенсаи, — вновь прозвучал голос Видара. Женщина молча подняла на него свои кошацьи пылающие бессмертием глаза. — За тобой манёвр на вулкане. Придумай план и отбей кратер. Его высота нам нужна стратегически.

Воительница произнесла:

— Поняла, — и опять скрыла взгляд.

— Остальные пока остаются на позициях и ведут оборонительную тактику, — сурово произнёс Видар и добавил. — Даже не подумайте отступить! Узнаю, что шагнули назад хоть на метр — четвертую! Всем всё ясно?

Зал зашумел вразнобой:

— Да... Понятно... Всё поняли...

— Свободны, — военачальник резко встал с кресла и направился к выходу. Офицеры неспешно последовали за ним, что-то громко обсуждая.

Квасир вышел последним. В мыслях он уже прокручивал всевозможные варианты, как подбросить своих людей повстанцам. Медленно спустившись по лестнице в холл первого этажа, он почувствовал, что его кто-то резко схватил за руку. Офицер дёрнулся от неожиданности, напрягся, но тут же расслабился, узнав лицо мрачной воительницы.

— Кенсаи... Ты меня напугала, — Квасир положил ладонь себе на грудь.

— Прости, — тихо промолвила женщина. — Надо поговорить...

Легат первого легиона заметил грусть в её глазах и хотел спросить, в чём дело, но она его опередила:

— Не здесь... Пойдём.

Кенсаи быстрым шагом направилась к выходу, Квасир вынужден был последовать за ней. У дверей женщина обернулась и, убедившись, что никто посторонний за ней не следит, пошла в сторону жилых районов. Квасир догнал её и спросил на ходу:

— Что происходит?

Она не ответила. Но по взбудораженному взгляду он смог судить, что, вероятно, произошло нечто серьёзное.

Кенсаи забежала в открытый ветхий дом у самой дороги. Она поторопила мужчину и, ещё раз оглядевшись, заперла дверь изнутри.

— И что это за место? — спросил Квасир, изучая взглядом определённо заброшенный дом.

— Это здание собирались снести, а на его месте — построить казарму, — протараторила воительница. — Здесь нас искать не станут.

Первым делом легат Клык Фенрира решил где-то приземлиться. Он разглядел в углу небольшой комнаты, плотно заставленной всяким хламом, табуретку и, сдув с неё пыль, сел. Кенсаи кашлянула от поднявшегося столба и посмотрела на мужчину. Он изобразил виноватый вид и пробормотал:

— Прости... Так что ты мне хотела рассказать?

Она встала перед Квасиром и заговорила:

— Мне кажется, в этот всём замешаны балауры.

— С чего ты взяла? — асмодианин сложил руки на груди и внимательно смотрел на женщину.

— Последний раз, когда я видела Исагира, он упоминал что-то про «антиэфир». Это

было в бараках, за пару дней до диверсии. А потом стало известно, что он на стороне Судей.

— Что такое «антиэфир»?

— Понятия не имею, но звучит не очень... — Кенсаи сомкнула губы в тонкую полоску и покачала головой. — Если эта штука опасна и балауры прознают про неё... Ты знаешь, что может случиться.

— Исагир и ещё восемь легатов пополнили ряды повстанцев. Ис — порядочная сволочь, известная всем своим двуличием и жестокостью. Он, не моргнув глазом, может перерезать своих соперников, даже если они — из его собственного легиона, — Квасир глубоко вздохнул. — Но сотрудничать с рептилиями... даже для него это нонсенс.

— Я не знаю, зачем Ис сделал такой выбор, перейдя на сторону повстанцев, — женщина повела плечами. — Вероятно, Слутгельмир запудрил ему мозги. А вот как раз от него можно ожидать, чего угодно, — закивала она в подтверждение своих слов.

— Исагиру мозги не запудришь. Он не так прост... — Квасир поднялся с кресла. — Он сам кого хочешь облапошит. А Судья... может, ты и права. На его месте я бы искал любого союзника. А дружба с балаурами — очень сильный аргумент против любой армии, — отметил он, прикусывая губу. — Каковы твои планы?

— Видар дал тебе задачу собрать разведгруппу и выяснить о каком-то оружии, — Кенсаи шагнула к легату и посмотрела в его глаза. — Прошу, прикажи ей собрать информацию и об антиэфире. Асфель не представляет, насколько это может оказаться важным.

— Хорошо... Но почему втайне от Видара? Ты ему не доверяешь?

— Доверяю. Не доверяю другим офицерам — вдруг кто-то из них тоже на стороне Безмолвных.

— Как Исагир? — догадался Квасир.

— Да. Правильно подметили на совете, что у Судей великолепная разведка. В разы лучше нашей, — она опустила голову, признавая факт нерасторопности асмодианского войска.

— И ты привела меня сюда...

— Потому что тебе я доверяю, — закончила его мысль воительница.

Квасир хмыкнул и пробормотал:

— Хм... Спасибо... Надо признаться, я польщён. Я передам отряду дополнительные указания.

— Благодарю, — кивнула женщина. — А я буду думать, как вернуть вулкан, — возникла небольшая пауза. — До встречи, — сказала она и пошла к выходу из дома.

— Угу... — Квасир проследил за ней взглядом и произнёс, когда она была в дверном проёме. — Пусть Асфель укажет тебе путь!

Кенсаи обернулась, скупой улыбнулась и скрылась, оставив офицера в одиночестве.

Квасир и Кенсаи были знакомы давно — оба Даэвы, оба защищали хрупкий мир. Но пересекались они довольно редко. Женщина руководила целым легионом. Но специализировался он на диверсиях в элийских землях, в отличие от Квасира, чей гарнизон редко покидал Асмодею. Виделись бессмертные только на столичных советах, да и там они особо не общались.

Квасир был женат... когда-то. Но с его семейным счастьем случилось самое опасное, что только существовало в мире, — время. Смертным его отмерено мало, они живут, словно в мгновении, чего нельзя сказать о Даэвах. Жена его умерла от старости аж двести лет назад.

Дети и внуки — тоже уже давно в руках Айона. Конечно, у мужчины есть множество прапраправнуков, но их такое несметное количество, что он даже в лицо их не всех знает. Почему же Квасир больше не женился? А зачем?.. Чтобы снова испытать горе потери? Тем более, у Даэвов старые чувства, которыми они обладали до Перерождения, угасают очень и очень долго. Несмотря на то, что воин потерял свою вторую половинку два века тому назад, можно с уверенностью сказать, что он до сих пор её помнит и любит — такова природа бессмертных: постоянно жить в прошлом.

Кенсаи переродилась очень давно. Она даже не помнила, когда. И сбилась со счёта лет. Да кому вообще нужны эти цифры, если впереди вечность, и старость обходит тебя стороной? Её сердце тоже было когда-то занято. Но история её жизни, пожалуй, трагичнее биографии Квасира, у которого до сих пор остались пусть дальние, но потомки.

Кенсаи с детства хотела стать легионером. Хотя раньше существовали предрассудки, что женщине в армии делать нечего, пока не случилась война между элийцами и асмодианами. Девушке повезло, и она попала в элитный легион, называвшийся «Топазовый Клинок» под руководством известного Даэва. Шли месяцы, и молодая воительница поняла, что имела неосторожность совершить самую крупную ошибку, которую только можно себе представить, — влюбиться в своего легата. Красивый, высокий, коренастый мужчина: светлые волосы, голубые светящиеся глаза, суровый взгляд — мечта многих девчонок. Но что делать, если он — тот единственный, что отдаёт тебе приказы? Кенсаи думала, что её легат никогда не обратит на неё внимания: мол, зачем она ему. Он — Даэв, а кто она? Обычная девушка, пусть и довольная милая на вид, вышла из небогатой семьи ремесленника, ничем не выделялась. Да и в легионе она была серой массой среди остальных облачённых в броню защитников. Но Маркутан, Ткач Судеб, решил посмеяться над её судьбой и позволил бессмертному влюбиться в неё в ответ. Да так сильно, что он готов был бросить всё и развоплотиться, чтобы не видеть, как она умирает от старости. Красивые слова, скажете Вы. Но история эта была ещё красивей, всего и не рассказать. Спустя какое-то время Кенсаи стала Даэвом, пускай не без помощи своего легата... да кому это интересно? Следует поведать, что было дальше. Теперь никакое время не стало между влюблёнными, и они могли быть вместе. Девушка так и осталась легионеров в отряде, а он — легатом. Годы текли, словно бурная река. Но не мог Маркутан забыть про дар, который он дал Кенсаи. Пришло время расплачиваться...

Она знала, что что-то случилось. Глаза адъютанта предательски выдавали его. Но слова, что он произнёс, были страшнее пламени Фрегиона. Кенсаи заставила его рассказать обо всём. Первая же фраза: «Он не вернулся с задания...».

Как это произошло, никто не знает. Он просто исчез... Навсегда. «Легат не мог так просто и бесследно пропасть», — шептались легионеры. Не мог, но пропал... Сначала считали, что он в плену, но волшебники не смогли обнаружить Эфирную нить, куда его повели. Затем думали, что он развоплотился, но поисковые группы не нашли стигму. Храмовники и высшие жрецы из столицы сказали единогласно: «Его больше нет среди Даэвов. Мы не чувствуем его ауру среди живых...».

Кенсаи не верила. Она поклялась Айону, что найдёт его. Но следов не было. Это был единственный случай, когда Даэв пропал так внезапно и надолго. Прошли века, но боль не угасла. Сердце бессмертного не забывает прошлых чувств. Душу терзает боль, и поделаться с ней ничего нельзя. Кенсаи хотела развоплотиться, чтобы излечиться от ран, но не могла. Она убивала себя снова и снова, но всё равно возрождалась на кибелиске, проклиная Айона и

Покровителей за немилость. Она по-прежнему живёт и до сих пор исполняет свою клятву.

Конечно, Квасир ничего не знал о прошлом Кенсаи. Да она и не рассказывала о нём никому — слишком много боли и терзаний следовали под руку с воспоминаниями. Его удивило то, что женщина доверилась ему. С чего бы это? Может, его пожилое суровое лицо внушало доверие? Бред, как он считал. По уставу, да что там устав, по закону войны он обязан был рассказать обо всём Видару немедленно, но воин не слишком спешил в ратушу. Это было бы предательством по отношению к Кенсаи: пускай незначительным, но всё же предательством.

— Она мне не сказала ничего такого, что я бы не смог утаить, — убеждал себя легат Клыкков. — Про антиэфир мало, что неизвестно: да и то, вероятно, домыслы...

Квасир добрался до привратника, пока размышлял о том, что ему теперь делать.

«Почему меня так задела эта фраза? Я тебе доверяю...» — мысль не давала ему покоя, но ответа он не знал. Душа Даэва — потёмки, как говорится. Кто знает, что творится внутри человека, одаренного вечной жизнью.

Элизиум. Храм Стражников.

Небесная столица Элиоса была вот уже месяц как закрыта от туристов и гостей. В городе ввели чрезвычайное положение и комендантский час — а всё из-за политического провала власти. От этого проиграли все: и ремесленники, чьи товары больше не продавались в Элизиуме, и купцы, которые раньше пытались спекулировать на ценах, а оказались в денежной блокаде, и столичный гарнизон, что нынче выполнял абсолютно ненужную, по их мнению, работу — следить за незадачливыми жителями, гуляющими по ночам, и офицеры с Даэвами, которые раньше закупали оружие, доспехи и расходники в небесном городе, и сама власть, что так и не вернула бразды правления в свои руки.

Юный Фаметес ан Ривен старался держаться гордо, но любой дурак понимал, что творится у него в душе. Он корил себя, что из него никакущий император. «Не то, чтобы привести страну к процветанию, так даже власть удержать не смог! Кто теперь я? Неудачник, и только...» — такие навязчивая мысли приходили ему каждый вечер. Юноша был расколот: одна его сторона понимала, что Гелион — лучшая кандидатура на место военачальника Элизиума. До столицы дошли последние новости о том, что Ингисон освобождён. После этого Фаметесу стало ещё хуже. Как странно, что душевная боль может легко перейти в физическую — правитель заболел. Сильно заболел. Он считал, что это — Божий знак, расплата за ошибки. Другая часть юноши хотела мстить, наказать Гелиона за дерзкую выходку. Но на это уже не было сил. Фаметес не мог подняться с постели. С каждым днём ему становилось хуже. Его лечением занимался лекарь из числа Рыцарей Миразента. Под личным контролем верховного магистра, разумеется. Фактически, всё это время из-за недееспособности реального военачальника столицей руководил Раверинтос. Фаметес доверял ему. Он считал, что опытный и мудрый глава Ордена лучше позаботится о городе и о его жителях. А Раверинтос, собственно, и не противился воле юноши.

Дни для Фаметеса проходили одинаково — утром заходил лекарь и давал ему микстуру, затем являлся магистр и рассказывал последние новости. После — завтрак. Так как правитель не мог самостоятельно подняться, ему приносили еду и кормили, как говорится, с ложечки. Позавтракав, юношу оставляли в покое. Затем обед, ужин, новый приём лекарства и сон. И всё повторялось сначала.

Этот день был таким же. Как только целитель покинул покои военачальника, внутрь

заглянул Раверинтос с привычной улыбкой на лице. Он медленно вошёл в комнату, держа руки сложенными за спиной, и вразвалку, словно пингвин, подошёл к кровати Фаметеса.

— Тук-тук! — заговорил глава Ордена. — Как поживает наш юный военачальник? — улыбаясь, спросил он.

— Всё так же, дорогой друг, — простонал Фаметес, глядя пустыми усталыми глазами на гостя. — Рад Вас видеть...

— И я безмерно рад, — сказал мужчина и наклонился к голове юноши, чтобы осмотреть его лицо. — Что-то у Вас мешки под глазами. Не спали всю ночь?

— Голова болела, не мог уснуть... — пробормотал он, вздохнул и закрыл глаза.

— Ничего, всё пройдёт, — успокаивал его Раверинтос. — Микстура, что Вам прописал лекарь, точно поможет, уверяю Вас! Это лишь вопрос времени. А пока крепитесь, болезнь очень скоро уйдёт, вот увидите!

— Сомневаюсь... Каждый день всё хуже и хуже. Вот уже дышать тяжело. Наверное, конец уже близко... — печально простонал юноша.

От тона, полного отчаяния уныния, Раверинтосу на секунду стало не по себе. Он скрыл улыбку с лица, но тут же прогнал мрачные мысли.

— Не говорите так... Вы поправитесь. Иначе, кто встанет на трон?

— Гелион... Или Вы... Лучше Вы... чем он...

Услышав эти слова, магистр невольно покраснел и заулыбался. К нему вернулся прежний задор. Он встрепенулся и заговорил:

— Давайте не будем о плохом. Я пришёл рассказать Вам о новостях.

Фаметес открыл глаза, но даже это далось ему очень тяжело. Раверинтос продолжил:

— До нас дошла информация, что самозванец Гелион отправил войска в Келькмарос — воистину идиотский ход! — воскликнул глава Ордена. — Уставшие, голодные легионы вскоре поднимут бунт против него, я уверен! Это тоже лишь вопрос времени. Не понимаю, как до сих пор этого не произошло... Я отвлёкся. В Асмодее сейчас — кровавый хаос: Пандемониум теряет город за городом, пока так называемые «повстанцы» берут под контроль всё новые и новые владения.

— Видимо, не только у нас сейчас кризис... — прохрипел юноша.

— Что Вы сказали? — Раверинтос не расслышал военачальника. — Не стоит тратить силы на слова, господин Фаметес. Они Вам нужны. А я пока продолжу. Так вот, повстанцы захватили восточный склон вулкана Мусфель... или западный, — запнулся мужчина. — В общем, неважно. Это в Морхейме, если что. Думаю, к завтрашнему дню они продвинутся дальше и через неделю выйдут к поселениям. В Бездне ничего нового. Балауры и асмодиане тихо сидят и не высовываются. На наши крепости никто не посягал... Вы меня слушаете? Господин Фаметес?

Правитель лежал неподвижно, закрыв глаза. Раверинтос наклонился к нему, но услышал тихое дыхание.

«Проклятие!» — выругался он про себя. Мужчина выровнялся и громким шагом покинул комнату, оставив спящего военачальника одного. Магистр направился в зал заседаний, где его ждал целитель, что лечил Фаметеса, и верховный жрец Элиоса, начальник Святилища Элизиума — Юклиас.

Глава Ордена торопливо вошёл внутрь и скуп поприветствовал обоих.

— Очень рад Вас здесь видеть, Ваше Преосвященство! — всё же он удостоил жреца отдельного поклона.

Юклиас сложил руки в молитвенном знаке и поклонился в ответ.

— Как поживает господин военачальник? — спросил он.

— Боюсь, прогноз неутешительный... — заговорил лекарь, нахмурившись. — Ему становится хуже, и мы не можем найти действенное лекарство.

— Я молюсь за него каждый день, — грустно промолвил верховный жрец. — Может, мне попробовать провести ритуалы?

— Не думаю, что это необходимо, — вмешался Раверинтос. — Что происходит по воле Айона, то должно произойти. Разве не так говорят в Святилище, Ваше Преосвященство?

— Вы правы, — Юклиас опустил глаза и сложил ладони спереди. — Но не тогда, когда речь идёт о благополучии всего Элиоса. Здоровье военачальника — пожалуй, единственное, что сдерживает неминуемый хаос.

— Хм, — магистр вскинул брови и сделал шаг вперёд. — Так мы лишь отсрочим его, раз он неминуем... Да и господин Фаметес мучается от боли. Мне порой невыносимо смотреть на его страдания... — жалостливо произнёс он.

— К чему Вы клоните? — лицо жреца налилось гневом. Он понял, о чём намекает глава Миразентов.

— Ни к чему, Ваше Преосвященство, — сказал Раверинтос, изобразив невинный вид. — Мы будем стараться, чтобы Фаметес прожил, как можно дольше.

— Хорошо, — кивнул Юклиас. — Но если Вы задумали что-то плохое, знайте, Айон приготовит для Вас отдельный котёл в Преисподней. И Вы будете жариться там до скончания времён! Никакого покоя в потоке Эфира Вам не видать! Я обещаю!

— Мы всё делаем для господина военачальника... Он — наше всё!.. — пробормотал лекарь.

— Мне непонятны Ваши подозрения, — грозно заговорил магистр. — Я клялся Айону, что буду до своего последнего дня оберегать господина Фаметеса!

— Надеюсь, так оно и есть, — отрезал жрец и важно зашагал к выходу из зала.

Длинные полы его мантии с шумом волоклись по мраморному полу. Раверинтос проводил высокого гостя взглядом. Когда дверь захлопнулась с той стороны, глава Ордена вернул на лицо расчётливость и скрыл напускную печаль. Он сощурил глаза и искоса посмотрел на лекаря. Тот тоже глядел на него.

— Сколько ему ещё? — холодным равнодушным тоном спросил магистр.

— Не больше двух недель, — уверенно ответил целитель.

— Долго... — Раверинтос отвернулся и искривил лицо в лёгком негодовании.

— Чтобы никто ничего не заметил, если подумают делать пробы после смерти, — сказал член Ордена. — Это и так максимальная доза.

— Хорошо, — вытянул из себя мужчина. — Пускай. Тогда я откорректирую план. Нам ведь не нужны лишние подозрения, верно? — он исподлобья глянул на товарища. Тот молча кивнул в ответ. — Отлично. Возвращайся в штаб. И не забудь про вечернюю дозу.

Раверинтос и его лекарь в ногу вышли из зала и разошлись в разные стороны. У магистра было ещё много дел на сегодня. Казалось, всего и не успеть...

===== Часть 4. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 3.

Отредактировано.

Тоннель Силентера.

Два элийских Даэва размеренно бежали по тропе ущелья. Для смертных их скорость

была невообразимо велика, но им казалось, что ещё были силы для рывка.

— Эфира... мало... — промолвил Версетти в перерывах между глубокими, но ровными вдохами.

— Здесь его ещё терпимо, — угрюмо ответил Даймон. — Скоро будет вообще пустота. Так, сейчас налево, — скомандовал он, и две мужские фигуры дружно шмыгнули в разлом между двумя высокими скалами.

— Темно...

— Не скули, сам захотел идти со мной, — командующий бросил на товарища мимолётный взгляд и продолжил всматриваться вдаль.

— Да без меня ты бы сдох уже в той паутине! — Версетти до глубины души задела выходка Даймона.

— Есть такое... — согласился он. — Ладно, скоро попадём в зал.

— Ты точно знаешь, что нам туда? — нахмурившись, спросил легат Сияния Миражей.

— Да, я чувствую, что оно — на юге.

Версетти нарушил продолжительную паузу:

— После того говорящего древня на распутье, можно было пойти прямо — та дорога вроде тоже ведёт на юг. Она, по-моему, даже короче...

— Да, но здесь безопаснее — и пауков меньше, и другой живности, — прошипел Даймон.

— Как знаешь, — довольно сухим тоном сказал Версетти.

— Вот! Бежим в пещеру! — воскликнул командующий, указав пальцем на тёмное пятно в склоне.

Бессмертные ускорились и спустя несколько секунд вновь забежали в темноту. На вид эта пещера была глубже и длиннее остальных. Света в конце видно не было вовсе. Обнаружив сей факт, Даймон довольно промолвил:

— Значит, верный путь.

Версетти щёлкнул пальцами и в его ладони зажёгся шарик огня. Даэв произнёс пару заклинаний, и сгусток пламени начал сиять ярко, словно солнце, и прекрасно освещать дорогу. Вдруг тоннель в скале резко оборвался, и воины оказались в огромном высоком прямоугольном помещении, напоминавшем некий зал торжеств или, может, зал памяти. Навскидку здесь можно было разместить целую армию и даже не потесниться. Из-за размера зала к потолку вели десятки несущих колонн, исписанных незнакомыми рунами. А потолок, надо сказать, был настолько высок, что даже самый огромный дракон мог без проблем встать на задние лапы и не коснуться его своей мордой.

В каждой из четырёх стен было вырыто по восемь тоннелей, ведущих куда-то в крошечную темноту. Элийцы вышли из одного и очутились на распутье. Даймон невольно улыбнулся и прошептал:

— Сердце Силентера...

— Ну? Куда теперь? — строгим голосом спросил легат Сияния Миражей, хмурым взглядом изучая возможные дороги. — Тридцать два пути... Чувствуешь, откуда зов?

— Почти... — неуверенно произнёс его товарищ. — Нам... Нам прямо.

Воины дружно пошагали к центру огромного зала. У противоположной стены Даймон остановился, мысленно выбирая, какой из восьми тоннелей выбрать.

— Мало Эфира, зов слабый, — констатировал факт глава похода. — Чутьё говорит идти в третий справа, — Даймон ещё раз внимательно посмотрел на избранный путь. С виду он

не отличался от других — такая же высокая арка и темнота за ней. Но, видимо, в этом мраке он видел нечто большее, чем в остальных. — Да, точно туда.

— У меня есть склянка с очищенным разбавленным Эфиром, но я тебе её не дам, — предупредил Версетти. — Не время пока. Ладно, пошли, — устало сказал он — шли, а точнее, бежали мужчины уже около восьми часов без перерыва. Хотя для Даэвов это не рекорд.

Версетти пошёл первым, ведь у него в руке был волшебный светящийся шар, что отлично освещал путь.

Дорога сворачивала то влево, то вправо. Проход был широким, поэтому глядеть надо было в оба. Постоянно из стен доносились какие-то шорохи и скрипы, словно где-то неподалёку кто-то следил за путниками.

— Жутковато здесь, — невольно сказал Версетти, вслушиваясь в каждый звук.

Через полчаса Даэвы вышли из тоннеля и попали в с виду такое же ущелье, как и раньше.

— Дежа вю... — с иронией произнёс легат.

— Нам к шахтам, — уже более уверенно скомандовал Даймон.

— Как скажешь.

На очередном перекрёстке дорог воины свернули вправо, и вскоре пейзаж резко изменился. Приятные светящиеся растения исчезли, кругом были разбросаны булыжники разных размеров, словно после камнепада. Чуть дальше по бокам от тропы высились горы песка. Ущелье расширялось с каждым шагом. В скалах были прорыты сотни маленьких тоннелей, но они явно не были частицами этого огромного лабиринта. Это были лишь шахты рабочих, откуда они добывали дорогую каменную породу.

— Ты оказался прав, дренаж тут везде, — Версетти пнул очередной булыжник кончиком металлического сапога.

— Он не очищенный, — поправил его Даймон. — Обычного камня здесь намного больше. Нам туда... — словно замороженный чем-то, он кивнул вдаль, не отрывая от холмистого горизонта ущелья взгляд.

Его спутник послушно пошагал за ним, погасив огненный шар в ладони — здесь, под открытым небом, его свет был больше не нужен. Пройдя горы песка, воины снова обнаружили под ногами лужи вязкой слизи вперемежку с паутиной.

— Опять эти твари? — спросил легат.

— Опять эти твари... — выдохнул Даймон.

Он достал из-за спины алебарду, Версетти поступил так же. Мужчина ловко повертел свой боевой посох в руке и приготовился к обороне. Даэвы сделали несколько шагов и вдруг остановились, подняв головы кверху и искривив лица.

— Оу, — промычали они хором.

На гладком высоком склоне скалы ровными рядками друг под другом висели коконы с жертвами. Сотни коконов. Они были прилеплены к горе липкой паутиной и, видимо, имели определённый порядок — пауки съедали сначала верхние ячейки, как самые старые. Глаза разбегались от такого количества погребённых заживо существ. Думалось, не все из них были людьми. По форме коконов было видно, что внутри находились и мелкие животные, и даже балауры.

— Только не говори мне... — выпучив глаза, начал Версетти.

— Да... — перебил его командующий. — Зов отсюда.

— Откуда именно?

— Сверху, — он махнул головой в направлении взгляда. — Не достать.

Версетти задумался. У него был маленький сосуд с Эфиром, но он не хотел его тратить сейчас. Могло случиться так, что наступит момент, когда силы Даэва реально понадобятся.

— Ты хочешь разбить кокон? — поинтересовался легат Сияния Миражей.

— Да, — словно загипнотизированный, промолвил товарищ.

— Эх, ладно... — он протянул другу бутылочку с прозрачной жидкостью. — Держи. Здесь хватит, чтобы взлететь.

Даймон не глядя схватил склянку, открыл её зубами и одним глотком опустошил. Мышцы Даэва мгновенно напряглись и слегка задрожали, зрачки расширились до предела — от прилива Эфира наступила лёгкая эйфория, затуманившая и так нечёткий рассудок. Мужчина задышал часто. Справившись с действием вещества, он быстро заморгал и пришёл в себя. Глаза вернули былую яркость.

— Погнали... — прорычал Даэв и с присяду призвал красивые белые крылья. На фоне мрачного пейзажа заброшенной шахты они отлично выделялись и приносили что-то чистое в атмосферу тоннеля.

Тремя молниеносными взмахами, разогнав ветер по округе, Даймон поднялся до самых верхних рядов. Он легко обнаружил кокон, что так сильно звал его, и с размаху вонзил в него лезвие алебарды. Оружие пробило окаменевшую паутину, оставив брешь. Ещё один удар, и паучья ловушка почти рассыпалась на куски. Мужчина собрал силы для третьего взмаха, как вдруг увидел нарастающее свечение, идущее изнутри кокона. Он отстранился на пару метров и стал наблюдать за этим. Свет стал ослепительно ярким, и спустя мгновение произошёл взрыв. Остатки каменного гроба разлетелись в щепки. Даймон закрыл лицо рукой, а когда вновь посмотрел вперёд, увидел падающую вниз фигуру. Рефлекс сработал быстро. Сложив крылья, Даэв спикировал и подхватил невольника в метре от земли. Когда столб пыли рассеялся, мужчина искренне улыбнулся, глядя на спасённого, и, можно сказать засиял изнутри.

Это была девушка. Она стряхнула крохотной ручкой пыль и песок с лица и тонким голосом закашляла. Даймон поставил её на землю и сложил крылья за спиной, словно замороженный, наблюдая за ней. Девушка вытерла веки и открыла глаза, осветив округу их ярким голубым сиянием. Пышные светлые волосы мягко ложились на её худенькие плечи. На ней было необычное синее платье, сшитое, казалось, из чешуи балаура. В волосах, на шее и на руках была куча всяких украшений: кольца, браслеты, ожерелья, диадема — всё это были явно подарки любимого мужчины. Левое запястье девушки было заключено в большой инкрустированный всякими драгоценными камнями золотой браслет, в центре которого сиял стеклянный шар голубого цвета размером чуть меньше теннисного.

— Как же ты долго, Айон сохрани... — промолвила тонким голосом незнакомка. Даймон молча бросился к ней и заключил в крепкие и такие желанные объятия, укрыв себя и её мягкими белоснежными перьями.

Версетти улыбнулся, глядя на них и сделал несколько шагов назад, стараясь не мешать. Прошли минута, две, а крылья всё не разжимали крепких объятий. Легат всё же не выдержал и кашлянул два раза. Перья нежно раскрылись, словно бутон цветка, и медленно упали на землю, предавшись огню. Крылья Даэва запылали и сгорели дотла, а Даймон всё не отрывал взгляд от девушки.

— Сколько? Одиннадцать лет? — тихо спросил он у неё.

— Я потеряла счёт, — улыбнулась она.

Заметив на себе пристальный взгляд второго бессмертного, она невольно посмотрела на него и добродушно поприветствовала, как старого друга:

— Здравствуй, Версетти...

— Расефиэль, Белатрисс, — улыбка мужчины тоже отправилась навстречу девушке.

— Так, пока вы совсем не размякли, — смеясь, заговорила она. — Вон там наверху есть ещё три весьма важных фигуры, и извольте попросить вас...

Она не успела договорить, как Даймон вновь призвал крылья и взмыл в небо. Девушка указала рукой на соседние коконы, и мужчина начал резво выполнять свою работу. Разломав первую ловушку, он подхватил жертву, спустил её на землю и вновь взлетел вверх. Через пару минут рядом с тремя Даэвами приходило в себя ещё трое — все мужчины. Первым прокашлялся элиец небольшого роста среднего телосложения. На вид — лет тридцать пять: чёрные короткие волосы, лёгкая небритость, острые черты лица и серые светящиеся глаза. Мужчина был одет в потрёпанный зелёный дублет. За поясом он держал два длинных изогнутых кинжала.

— Родт, называйте меня Родт.

— А полное имя? — поинтересовался Версетти.

Мужчина нахмурился, всем своим видом выражая желание оставить это при себе. Белатрисс засмеялась и вмешалась:

— Мы все зовёт его Родт.

Версетти замолк и согласился. Вторым спасённым был высокий худощавый парень с пышными русыми волосами, спускавшимися почти до плеч. Спереди они были уложены под милым ободком, чтобы не закрывать лицо. Яркие тигрового цвета глаза были непривычно большими для мужчины, на лице не было ни растительности, ни морщин — на вид юнцу было лет шестнадцать. Одет он был в длинную лёгкую мантию кремового цвета. В руках сжимал тяжёлую книгу с необычно толстой обложкой, которая была украшена всякими рунами и камнями.

— Это самый старший из нас, — представила товарища Белатрисс. — Прошу любить и жаловать — Канеус.

Даймон узнал его и жестом поприветствовал. Для Версетти это имя было новым, а слова девушки о том, что самый молодой с виду парень — самый старший, он принял за шутку. Но встретившись взглядом с незнакомцем, легат Сияния Миражей тут же изменил своё мнение. В переливающимся сиянии глаз мужчина отчётливо прочитал небывалую мудрость и опыт. Частенько бывало, что Даэвами становятся шестнадцатилетние ребята. Что ж, в таком возрасте они остаются на всю свою долгую, почти вечную жизнь.

Третьему мужчине можно было бы смело дать сорок пять — пятьдесят лет. Длинные седые волосы, уложенные в хвост, плотное телосложение, крепкие тяжёлые доспехи, меч и щит — всё это внушало уважение.

— А это, наоборот, самый молодой из нас. Ему всего двадцать лет от Перерождения, — добродушно сказала Белатрисс.

— Бронн, — воин представился сам. — Расефиэль.

— Расефиэль, Бронн, — поздоровался Даймон. Как ни странно, но его командующий не знал совсем.

Версетти тоже высказал слова приветствия. Но приятный момент знакомства вероломно прервал Канеус. Самым серьёзным тоном он произнёс:

— Уходим, — и побежал к северу.

Белатрисс, Бронн и Родт не стали расспрашивать и побежали за ним. Девушка дала Даймону знак, чтобы они поторапливались. Он и Версетти переглянулись и тоже поспешили за товарищами.

— Что случилось? — на бегу крикнул легат Сияния Миражей.

Ответа не последовало. Казалось, Канеус хорошо знал дорогу — он пробежал перекрёстки, даже не задумываясь. Почти достигнув того огромного зала с недюжинным числом ходов, Даэв вдруг резко остановился на пересечении дорог и замер.

— Только их здесь не хватало... — прошептал он и ломанулся вправо. — Скорей!

— Эй! Нам прямо! Что происходит? — спросил уже Даймон, догоняя бешеного парня. — Мать Фрегионову, объясните, почему мы бежим балаур знает куда!

По злобному шипению и быстрым стукам десятков тонких лап, возникших откуда-то сзади, сделать вывод было просто.

— Кажется, мы здорово нашалили... — улыбнулась Белатрисс, мельком оглянувшись.

— Они — не главное, — вдруг донёсся голос Канеуса. — Ящеры в сердце лабиринта. Нам придётся выйти в Келькмарос.

— Что? — воскликнул Даймон, поравнявшись с юношей. — Это исключено! Через шесть часов нам с Версетти нужно быть у входа в Ханарканде!

— Пятьдесят седьмой отряд, — лишь промолвил Канеус, и командующему в ту же секунду стало ясно, что другого выхода нет.

— Мать балаурскую! — громко выругался он.

— Поосторожней с желаниями... — произнёс Роб, бросив взгляд на Даймона.

— А если перебить их? — наконец, задал вопрос Бронн. — Мы же все Даэвы!

— Эфира на всех не хватит, мы станем лёгкой добычей, — ответила Белатрисс.

Бронн понимающе угукнул и умолк.

— Стойте! — снова воскликнул командующий. — Давайте обойдём по восточной дуге. Это займёт время, но хотя бы в Кельку соваться не будем!

— Проще выйти в Келькмарос, — сказал Роб. — Часа четыре пути до Мараяса, ведь так? — обратился он к Канеусу. Тот молча кивнул в знак согласия. — Вот. На поверхности будет Эфир, и Трисс забросит нас в Ингисон.

— Так и поступим, — решила девушка, повертев головой и наблюдая за реакцией Даймона и Версетти. — А пока давайте оторвёмся от пауков... Прошлая встреча с ними закончилась печально...

Командующий не стал больше спорить и послушался товарищей. Даэвы ускорились. Для них это не представляло особых затруднений. Разве что для Белатрисс, которой пришлось бежать в платье, но, видимо, она привыкла и приноровилась, ведь открыть крылья здесь не представлялось возможности.

Через несколько часов элийцы через ущелье вышли к скале, один в один напоминавшей вход в лабиринт со стороны Ингисона. Поднявшись по высокой винтовой лестнице, они очутились в большом пустом зале с балконом, с которого открывался вид на окрестности тоннеля.

— Наконец-то... — вздохнула Белатрисс. — Пусть на выходе не будет асмодиан... — она изобразила жалостливый вид, что было непривычно для Даэва. Но к импульсивному эмоциональному характеру девушки все уже привыкли.

Группа бессмертных направилась к выходу из тоннеля. В отличие от Ингисона, здесь

вовсе не было туманной завесы. Элийцы спокойно поднялись по лестнице, прошли небольшую пещеру и оказались на пороге жаркой песчаной пустыни западного Келькмароса. Но рассмотреть природу восточной провинции земель балауров Даэвам не удалось — стояла сильная песчаная буря. Горячие песчинки безжалостно били в лицо, попадали в одежду, залепляли глаза.

— Что за невезение? — возмутился Даймон, безуспешно пытаясь перекрычать яростно завывающий ветер.

— Открывай портал, — Канеус подошёл вплотную к Белатрисс. — Если не хватит Эфира, я помогу.

— Хватит, хватит, — громко ответила девушка. — Но на всякий случай поддержи его.

Даймон подбежал к ней и закрыл телом от песчаного ветра.

— Только брось нас поближе к хребту, — прокричал он.

Белатрисс закрыла глаза и замерла. Она медленно расставила руки в стороны — песок в воздухе завибрировал. Девушка резко сжала кулаки. В нескольких метрах от неё содрогнулась земля. Канеус тоже закрыл глаза и начал что-то бормотать про себя. Трисс почувствовала прилив сил — невидимые потоки Эфира искривились и направились к ней. Она выставила перед собой дрожащие от напряжения руки, и, словно по волшебству, из-под земли начали подниматься куски глины и породы. Они стали выстраиваться в большой ровный вертикальный круг, парящий в полуметре от поверхности. Белатрисс разомкнула веки, глаза сияли и переливались, будто две маленькие звезды, ослепляя и пугая любого человека, незнакомого с магией. Одна яркая вспышка — и в левитирующем кольце, словно в большом круглом окне, возникло изображение знакомых земель.

Девушка расслабила напряжённые мышцы — дело было сделано. Она с интересом посмотрела на созданный ею разлом.

— Стабилен, — заключила она.

Даймон с облегчением кивнул и крикнул остальным Даэвам:

— Все к portalу! Живее!

Повторять было не нужно. Они мигом подбежали к магическому кольцу.

— Я первый, — сказал Бронн и с разбегу прыгнул внутрь.

За ним поспешил Роб. Потом — Версетти и Канеус. Даймон взглядом спросил девушку: всё ли в порядке. Волшебница кивнула. Тогда мужчина оставил её и бросился в портал. Последней перенеслась в пространстве сама Белатрисс. Как только она покинула объятый бурей Келькмарос, разлом вспыхнул и развалился.

— Это было сложно? — спросил Роб, подойдя к с виду уставшей девушке.

— Нет, — тихо ответила она. — Трудно открыть не вход в портал, а создать выход по ту сторону, — она показала рукой на груды валявшихся булыжников, где всего секунду назад был разлом. Хотя это был уже Ингисон.

— Ты молодец, — Даймон обнял Трисс и поцеловал в висок. — Ты нас спасла.

Версетти огляделся по сторонам, и лицо его в мгновение стало серьёзнее.

— Кхе-кхе... — громко кашлянул он. — А где это мы?

Даэвы отвлеклись друг от друга и огляделись. Элийцы оказались на краю какой-то горной поляны, с которой открывался вид на городок Сотерию, холмистый и пышный Южный лес, блестящую гладь озёр, чьи чистые воды накрывало громадной кроной воистину исполинское дерево — Каспар. Его необъятные ветви служили надёжным ориентиром для путешествующих воздушных кораблей, ведь их было видно за сотни, даже тысячи

километров. Лучи заходящего солнца обагрили небо и подожгли творожные облака, медленно плывущие по темнеющему небесному куполу.

— Это юг Ханарканда, — отозвался Даймон. — Нам недалеко.

— Вы снова собираетесь в тоннель? — Белатрисс обняла его и заглянула в глаза.

— Мы должны, — ответил он. — По личному приказу Гелиона мы с Версетти ведём армию в Келькмарос...

— Что? — непонимающе воскликнула девушка. — По приказу Гелиона? Причём здесь он? И как это вы ведёте? Что произошло, пока мы были в Сарфане?

Роб, Бронн и Канеус вопросительно уставились на мужчин. Легат Щита Неджакана ухмыльнулся и, обдумав всё, заговорил:

— Да много чего произошло... Фараниса убили, Гелион теперь военачальник Арэшурата...

— Как? Кто это сделал?! — оскалился Бронн.

— Не знаю... Но подозрения падают на Раверинтоса и его свиту.

— Да что у вас там за балаурщина творится? — спросил Роб.

— Постой, это ещё не всё... — сощурился Версетти, покачав головой.

— Да, друг, — кивнул Даймон. — Элизиум больше не оплот власти. Сейчас командование армией находится в руках Гелиона.

— Неужели была война?.. — ужаснулась Белатрисс.

— Нет, войны не было, — Даймон успокоил её. — Был... мирный бунт.

Даэвы изобразили искреннее непонимание.

— Военачальники крупнейших провинций пожелали отвергнуть власть Элизиума и объединиться с Арэшуратом, — объяснил мужчина. — Гелион стал главным, и все мы теперь под его крылом.

— Я не присягал на верность Гелиону... — прошипел Роб. — И не собираюсь. Я слышан о его амбициях и не разделяю его идей.

— Я тоже, — уверенно сказал Бронн.

Белатрисс ничего не ответила, ей было интересно, что ещё скажет Даймон.

— Вы присягали на верность Элиосу, — сурово заговорил он. — Вспомните, почему вы переродились и обрели крылья. Чтобы защищать нашу расу. А сейчас ей нужна помощь. Если вы отвернётесь от неё...

Родт не дал ему высказаться до конца:

— Гелион утопит Элиос в крови, помяни моё слово. И я не хочу быть причастным к этому.

— А к чему хочешь? — Даймон шагнул к мужчине и грозно посмотрел ему в глаза. — За последние полгода мы успели потерять Ингисон и почти всю Бездну. А за месяц вернули то, что утратили, когда над нами стоял элизиумский мальчишка. Теперь мы направляемся в Келькмарос, чтобы отомстить асмодиананам за элийскую кровь, пролитую на этих землях. Хочешь присоединиться к нам — милости прошу в отряд, хочешь уйти — перечить не стану.

Родт замолчал. Он пристально смотрел в глаза Даймону и громко дышал. Бронн вмешался:

— Ты говоришь так, словно передо мной сам Гелион. Что он тебе наобещал?

— Ничего, — Даймон перевёл на него взгляд. — Я всего лишь командующий армией Элиоса и руковожу всем походом.

Эти слова вызвали ступор и удивление у многих присутствующих. Бронн нахмурился и

сделал шаг назад. Родт отвернулся. Белатрисс почему-то охватила грусть. Лишь Канеус не повёл взглядом. Он ничуть не удивился услышанному. Казалось, он знал, что так произойдёт, и был готов ко всему. А, может, его просто это не волновало.

— Нам нужно в Элизиум... — после долгой паузы, нависшей над поляной, произнёс Роб. — Отчитаться за миссию.

— А дальше? — самым серьёзным тоном спросил Даймон.

— А дальше... Балаур его знает, — он опустил голову. — Нам нужно отдохнуть. Мы много чего повидали в Сарфане... — грустно проговорил Роб.

Бронн едва заметным кивком подтвердил его слова. Командующий вопросительно посмотрел на Белатрисс. Она тоже глянула на него, не зная, что ответить. С одной стороны, нужно выполнить приказ, а с другой...

— Я пойду в Келькмарос, — наконец, произнесла она.

Её товарищи были очень удивлены, но, увидев её грустные глаза, всё поняли. Слишком долго она не видела Даймона. Почти одиннадцать лет разлуки — весьма серьёзный срок, несмотря на то, что чувства Даэвов вечны.

— Хорошо. Мы справимся, — сказал ей Бронн, чтобы поддержать. — Ну, а ты? — обратился он к Канеусу.

Мужчина ничего не сказал. Он молча подошёл к краю поляны и, потянувшись навстречу заходящему солнцу, раскрыл крылья. Поймав ветер, он оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. Слетев с поляны, Даэв стал снижаться в сторону входа в тоннель Силентера.

— Даже не попрощался... — прошептал Родт, наблюдая за полётом друга.

— Фрегион подери, теперь чувствую себя неловко, — промолвил Бронн, опустив голову.

— Почему? — заинтересованно спросила Белатрисс.

— Потому что бросаю вас...

— Не говори ерунды! — изобразив удивление, воскликнула девушка. — Кто-то ведь должен отчитаться перед Храмом Стражников. Идите вдвоём. Мы справимся.

— Благодарю, — улыбнулся пожилой бессмертный. — Было приятно служить с тобой и Канеусом. Да защитит вас Айон!

— Да сохранит вас Айон! — ответила она и обняла старых товарищей напоследок. После Родт и Бронн раскрыли белоснежные крылья и рванули в сторону Сотерии, чтобы поскорее попасть в Элизиум.

Даймон, Белатрисс и Версетти остались втроём на краю горного луга. Командующий хотел было что-то сказать, но Версетти его опередил:

— Давайте не будем задерживаться и поскорее спустимся к тоннелю. Тем более, Канеус нас там ждёт.

Остальные сочли это разумной мыслью. Через несколько секунд три крылатые фигуры уже мягко парили в небе в направлении входа в лабиринт.

Генералы элийцев, участвующие в походе, ничего не понимали. Зачем командующему понадобилось резко покинуть своё войско? Да ещё и заместителя не оставил. В любом случае, нужно было следовать приказу, а именно, сидеть на месте и ждать. Каково же было удивление офицеров, когда патрульные прошумели:

— Четверо у входа в пещеру!

Началась скорейшая подготовка к бою. Легионы засуетились. Кто знает, кого принесла

судьба в такой час. Но, как только незнакомцы прошли сквозь полосу тумана, бойцы с облегчением вздохнули — командующий снова с ними. Как ни крути, любой армии требуется лидер. В его отсутствие боевой дух и настроения солдат резко падают. Легионеры должны знать, за кем они идут, чьи приказы исполняют и за кого готовы отдать свою жизнь. Лидер должен быть авторитетом для своих бойцов. А кто может быть авторитетнее Даэва, да ещё и легата Щита Неджакана — лучшего легиона Арэшурата?

Элийские солдаты тут же обступили своего командующего, чтобы поприветствовать. Тот изобразил недовольство и мигом привёл в чувство расслабившихся бойцов:

— А ну все на позиции! Нечего глазами моргать! Живей, живей, я кому сказал!

Словно по волшебству, толпа легионеров быстро рассосалась. Остались лишь высокопоставленные офицеры, которым Даймону придётся всё объяснить. Но он не спешил оправдываться. Для начала нужно было передохнуть и... наконец, понять для себя, что Белатрисс снова с ним! Да, последние часы прошли в сумбуре, и Даэв не до конца осознал, что вновь обрёл свою любовь. Он отвёл девушку к своей палатке и попросил их не беспокоить. Версетти же попытался поговорить с Канеусом, но тот почему-то молчал. Он заметил, что юноша ни с кем, кроме Белатрисс, не разговаривал. Легат Сияния Миражей счёл его странным и прекратил попытки завести с ним беседу.

Даймон рассказал супруге обо всём, что произошло за последние годы. Она внимательно слушала его и изредка кивала.

— И в Асмодее война, и у нас назревает... — поникнув головой, она подвела печальный итог. — Только ящеры в выигрыше.

— Ящеры всегда в выигрыше. Но я не верю, что Гелион допустит гражданской войны, что бы о нём там не говорили, — почти безэмоционально произнёс мужчина.

— Я надеюсь, ты прав. Ты его знаешь лучше, чем я. Поэтому не буду слушать никого — они могут ошибаться, — добродушно ответила бессмертная воительница.

— Кстати, насчёт ящеров... Ты не рассказала, что вы делали и где были столько лет.

Белатрисс вздохнула. Она готовилась к этому разговору и обдумывала, с чего начать.

— Я не знала, что всё затянется на такой долгий срок, — начала она. — Сначала говорили про три года, потом я написала тебе письмо, в котором было сказано «семь лет», а затем «двенадцать»...

Даймон обнял её. Она опустила голову на его грудь и продолжила:

— К северу от Келькмароса, за далёкой полосой снежных хребтов, лежат ещё несколько провинций ящеров, в которых жизнь процветает, словно вокруг никогда не было войны. Это Сарфан, северный и южный Каталамы и, собственно, то место, ради которого нас и послали к балауру на рога, — Тиамаранта. Нашей задачей было найти следы Тиамат. И за долгие годы скитаний по кишашим балаурами землям, мы нашли её.

— Нашли? — удивлённо спросил Даймон. Трисс кивнула, отстранённо глядя блестящими глазами в плотную ткань офицерской палатки.

— Она жива, несмотря на то, что многие считали её мёртвой. Мало того, она — та, кто стоит за легатами всех отрядов ящеров.

— Вроде военачальницы?

— Да, вроде военачальницы. Её крепость находится очень далеко, и нам удалось туда пробраться... однажды. Вчетвером мы попали внутрь её замка, даже не спрашивая, как. Но увидеть вживую мы её не смогли. Зато узнали много чего интересного.

— Так? — Даймон поцеловал девушку в висок и нежно погладил по русым волосам.

— Например, Бритра жив...

— Что?! — воскликнул мужчина, да так громко, что, казалось, разбудил всю армию — уже стояла глубокая ночь.

— Не кричи, — успокоила его Трисс. — Он не умер во время Катаклизма девятьсот лет назад. Слуги Тиамат постоянно лопотали о приёме легионов Бритры, мол, сам он показываться не хочет.

— Этого не может быть!.. — Даймон не верил своим ушам.

— Мы тоже были в шоке. Да в таком, что нас обнаружили. Втроём мы убежали, а Канеус остался, чтобы отвлечь ящеров на себя. Встретились мы с ним уже у кибелиска в Келькмаросе. Хах, мы установили его в какой-то пещере, где раньше укрывались от бурь степные волки, — улыбнулась она. — Я зарядила его энергией, и, надо сказать, он неплохо работал. После этого инцидента мы и направились обратно... А в тоннеле на нас напал десяток пауцищ, а без Эфира...

— Я понимаю... — проговорил Даймон. — Знаешь, я сначала не понял, что ты зовёшь меня. Но потом... пение в голове, видения, чувства... всё стало очевидным.

Белатрисс улыбнулась и крепче прижалась к супругу.

— Я почуяла, что ты рядом. Твою ауру я ни с чьей не спутаю, — нежно сказала она и закрыла глаза.

— Волшебница моя... — Даймон снова поцеловал её, копаясь ладонью в пышных волосах.

— Воин мой... — ласково произнесла девушка и... уснула. Долгий утомительный поход вымотал её, пусть даже Даэва. Мужчина аккуратно уложил её на своё место и прилёг рядом, с упоением разглядывая личико возлюбленной. В конце концов, через несколько часов размышлений и он провалился в сон.

Среди бессмертных замужество — редкое явление. Но Даймон во многом был исключением. Как и его избранница, надо сказать. Воин знал, что Белатрисс вот уже одиннадцать лет служила в разведывательном батальоне Даэвов в Сарфане — землёй севернее Ингисона и Келькмароса. Элийцы послали туда исследователей, так как сочли, что напали на след Тиамат — одной из пяти Владык балауров. До сего момента считалось, что все их Лорды покинули Атрею после Катаклизма, либо сбежали в Бездну. Но доказательств ни той, ни другой версии не было.

И вот уже больше одиннадцати лет несколько десятков элийцев, среди которых половина — бессмертные, искали Леди балауров, чтобы отомстить за всё. Расправой.

Белатрисс по характеру была искательницей приключений — полной противоположностью Даймона. Она всегда попадала в авантюры, любила риски и незапланированные «глупости», как это называл её жених. За это, наверное, Даймон и полюбил непослушную и своенравную бессмертную. По зову сердца она была превосходным магом. Её способности не ограничивались бросанием огненных шаров и призывом молний. То, что сотворяла Белатрисс, было немыслимо даже для Даэвов. Ну, вот кто может заключить противника в десятиметровый слой льда одним элегантным щелчком пальца? Или, например, открыть портал к Оку Бездны и жаром, исходящим из разлома, испепелить негодника? Ну, или моментально материализовать над головой обидчика многотонную скалу и как бы случайно уронить её? А если враг надоест, просто превратить его в подсолнух... Верно, только Белатрисс.

А ведь не скажешь, что хрупкая девушка способна на такое. В отличие от Даймона,

который обрёл Перерождение в тридцать два года, девушка стала Даэвом в девятнадцать. Оттого её милый вид молодой привлекательной особы не вызывал страха или грозных чувств. Но не поддайтесь на мнимое очарование волшебницы! Внутри неё бушует буря, которая может раскромсать ваше бренное тельце в пух и прах одним сияющим взглядом.

Не секрет, что любовь к девушке-Даэву и заставляла Даймона с радостью встречать новый день. Пусть они не виделись уже давно, но сердце мужчины знало, что с его супругой всё хорошо: ещё одна чудесная способность бессмертного — чувствовать боль близких на расстоянии.

===== Часть 4. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 4.

Отредактировано.

Келькмарос.

Териан Лекас окончательно поправился через пару дней. Он устал сидеть на одном месте и отныне каждый день бродил по Келькмаросу. Раз за разом заходя всё дальше и дальше (не стоит забывать о том, что на него объявлена охота), он наслаждался одиночеством. Ему была непривычна компания элийки, которая всё время плелась около него. Да что там, ему вообще была непривычна любая компания!

Не сказать, что бы он размышлял о чём-то насущном те часы, когда был наедине с собой, нет. Он просто испытывал то, чего ему так долго не хватало: душевного спокойствия.

Каждый раз Териан старался вернуться не с пустыми руками: то цветок какой сорвёт по пути, то раненую пташку найдёт и принесёт в лагерь шиго, чтобы Эви за ней ухаживала. Конечно, девушка скучала по Элиосу, по родным, по Дариусу. Но чем дольше она жила в окружении мохнатых существ, тем сильнее старалась не показывать свои внутренние эмоции — кто знает, сколько ещё придётся пробыть здесь. Териан прекрасно понимал это и пытался делать так, чтобы элийка не скучала. Иногда он рассказывал ей что-то, иногда даже показывал приёмы самообороны. Ещё он учил её асмодианскому. Просто так — самые азы. Надо сказать, Эви было интересно. Она слушала его, поражаясь колоссальному опыту, и считала, что у мудрого Даэва есть много чему научиться. Он частенько поговаривал о философских измышлениях, делился с ней мыслями, но так, чтобы большую часть себя оставить нераскрытой. Териан не был готов открывать перед кем-то свою душу. Он говорил только то, что, по его мнению, можно было говорить.

В это утро Даэв собирался на очередную прогулку. Нужно быть в полном обмундировании — мало ли кого можно встретить. Старый, но начищенный до блеска дублет, шесть заточенных мечей, десяток метательных ножей, склянка с Эфиром на всякий случай — всё это пригодится в любой схватке. Кверху — чёрная накидка с капюшоном, чтобы скрыть лицо от случайных встреч с врагом.

Солнце вставало из-за горизонта — первые красные лучи пробились через пустыни и холмы. Даэв прищурился — он не любил яркого света. Всё тем же маршрутом асмодианин размеренно пошагал по извилистой тропе на юг. В тот раз где-то в густой лесной чаще сверкало небольшое чистое озеро. На сегодня он поставил себе задачу — добраться до него.

Всё было, как обычно: по краям дороги с ветки на ветку перелетали мелкие пташки и что-то напевали, от лёгкого ветра шумела трава, земля под ногами приятно хрустела. Вот зелёные холмы остались где-то позади. Подступала горячая пустыня, успевшая за ночь немного остыть, но вскоре она снова раскалится, и воздух над ней завибрирует, рисуя вдалеке странные миражи. Даэв ступил на песок. Ему не нравилось бродить по пустыням —

пустой одинаковый пейзаж быстро надоедал. Поэтому его путь пролегал по самой кромке Мараяса — забредать далеко между песчаными барханами не имело смысла.

Далёкое солнце вышло почти в зенит, Териан надел капюшон, чтобы не получить тепловой удар. Пустыня Мараяс тоже осталась за спиной, а впереди — бескрайние поля зерновых. Миллионы жёлтых колосьев ласково шубуршали от малейшего дуновения ветерка. Даэв свернул в сторону и зашагал по просёлочной дороге, ведущей к заставе асмодиан. Неподдалёку от неё и спряталось в лесах его озеро. Справа вдали разрезала облака вершина Клыка Земли. Териан мельком глянул на его сиявшую на солнце снежную вершину. Она казалась ему так далеко и одновременно так близко.

Мужчина радовался одиночеству. Ничто не мешало, не отвлекало его. Кругом было тихо, спокойно. Разве не рай? Но огонь в сердце Даэва невозможно было унять даже этим прелестным пейзажем.

Сложно описать его чувства. Смертному тяжело понять, что ощущает Даэв. Разменяв уже которую сотню лет, начинаешь чувствовать себя совсем по-другому, видеть в мире нечто большее, чем другие. Нет, речь идёт не о каком-то художественном понимании всего, что творится вокруг. Скорее, наоборот. Ты разгадал мир. Ты знаешь все его законы, можешь предугадать то, что будет дальше. Тебе нечего желать и не к чему стремиться, ты понимаешь, что желания — это лишь эфемерные импульсы для удовлетворения сиюминутных потребностей. Столь же эфемерные, как быт людей вокруг. Но какие у тебя могут быть потребности? Сон, еда? Это уже привычка или ритуал — дань прошлой жизни, тем более, бессмертному можно легко обойтись без этого. Общение? Надоело. Всё остальное тоже неважно. Пожалуй, есть одно, к чему душа тянется неосознанно, — покой. Что ж, в понимании обычных людей, его можно легко достичь, если в радиусе нескольких километров нет ни единой души. Нужно лишь вслушаться в тишину, закрыть глаза и расслабиться. Но для Даэва слово «покой» имеет другой, сакральный смысл. Оно означает не просто уйти от проблем насущных, переведя разум в другое измерение, а обрести гармонию с тем, что с самого Перерождения терзает любого бессмертного. Причём, чем дольше он живёт, тем сильнее ощущает угнетение. Преодолеть это чувство не так просто. И Териан Лекас не знал ни одного Даэва, кому бы это удалось. Все развоплощались, так и не найдя ответов на вопросы. Смертные их не задают. Они просто не приходят им в голову. Утонувшим в быту, повседневных делах — в том, что кажется абсолютно неважным любому Перерождённому, нам, людям не дано найти ответа на вопросы, которые мы не можем задать. Все мы — лишь мимолётные видения, которые оставляют свой крошечный след в непрерывном потоке времени.

Териан Лекас отбивал ровные шаги по просёлочной дороге, не заметив, что почти дошёл до нужного поворота. Он остановился, внимательно осмотрел окрестности, нет ли патруля, и свернул к востоку. Идти оставалось недолго — максимум час. Вскоре на горизонте вновь показалась зелёная полоса — это значило, что бескрайние жёлтые, как солнце, поля сменятся на лесистую местность.

Асмодианин подошёл к границе лесов. Тропинка вела прямо в густую чащу. Вдали было темно — лишь редкие лучи света проходили сквозь широкие и пышные ветви многолетних деревьев. Из леса веяло приятной прохладой. Териан обернулся. Позади остались налитые солнцем поля и луга. Впереди — тьма. Привычная тьма. Слегка улыбнувшись, мужчина сделал уверенный шаг и вошёл на её территорию. Здесь можно было сбросить накидку. Он скомкал её и убрал за пояс.

— Теперь главное — не заблудиться, — вслух сказал он себе. Спустя секунду асмодианин поймал себя на том, что произнёс это по-элийски.

«Надо же, — удивился он. — Хотя я последний месяц говорил только на южном... И шиги тоже... Наверное, этого следовало ожидать».

Териан вспоминал, куда сворачивал в прошлый раз и как нашёл озеро в лесах. Тропа вилила направо и налево, мелкие дорожки переплетались, словно растрёпанные волосы на ветру.

— Кажется, мне туда... — он посмотрел левее и обнаружил знакомые кустарники, распутившиеся на узкой солнечной полосе.

Асмодианин сменил тропинку и направился чуть севернее — как вчера. Он вспомнил дорогу и теперь зашагал уверенней.

Вдруг он редко остановился и принюхался. Даэв почуял резкий запах горелого дерева. Он огляделся. Вокруг было влажно.

«Только сухие кусты могут просто так всполохнуть... — задумался Териан. — А здесь всегда влажно, как после дождя. Да и запах слишком резкий — горела большая площадь, — он посмотрел вдаль и сощурился. — Так, ветер дует с северо-востока... Что там может быть? Насколько я помню, только непролазный лес. Странно всё это...» — подумал асмодианин и быстрым, но осторожным шагом направился к источнику запаха. Внутреннее чутьё подсказывало, что стоит узнать, что стряслось.

Вдруг взгляд Даэва упал на солнечное пятно на земле. Он присмотрелся к нему. Яркий кружок переливался разными узорами и волнами, словно гладь воды на ветру. Териан посмотрел вверх. К солнцу поднимался густой серый дым и искажал его свет. Мужчина попытался найти глазами место, откуда шёл этот дым.

«Туда!» — громко крикнул он себе и рванул в сторону источника гари.

Асмодианин ловко перепрыгивал поваленные деревья, пробирался сквозь чащу и оббегал толстые стволы. Тяжёлые доспехи и оружие, казалось, не мешали ему.

Вдруг Териан обнаружил, что чаща кончилась — он выбежал на большую поляну. Но от того, что он увидел там, мышцы лица Даэва напряглись, а глаза сомкнулись в тонкую светящуюся полосу.

На огромном очищенном от деревьев пространстве посреди леса находился лагерь. Точнее, что, что от него осталось. Десятки сожжённых домов были разбросаны по поляне. Где-то ещё тлели колодцы, разваливались в труху телеги. Сгоревшие тела животных, запряжённых в них, лежали рядом. Чёрный смрад стоял вокруг. Обугленная поляна пылала остывающим жаром. И тела. Кругом тела. Пронзённые стрелами, разрубленные или просто сожжённые, они были разбросаны по округе, все — в неестественных позах.

Териан медленно и тихо дышал, молча всматриваясь в картину. В его голове сразу проснулись кровавые воспоминания из Бездны, Элиоса, Асмодеи. Он стоял так несколько минут. Нет, он не был шокирован или испуган. Даже удивление не читалось в его глазах. Возможно, грусть вперемежку с... равнодушием. Сложно сказать, о чём он сейчас думал. Наконец, он хмыкнул и шагнул на поляну в поисках причины случившегося. Почти у самой кромки он увидел бездыханное тело асмодианского мужчины. Он лежал на животе, а на его спине была глубокая резаная рана. Териан подошёл к нему и наклонился.

— Явно пытался убежать... — тихо заговорил Даэв. — Не успел... Его полоснули по спине — это и стало причиной смерти. Удар был ровным, нападавший — примерно того же роста, что и убитый. Значит, не балаур... — заключил он. — Раньше этого лагеря здесь не

было. Возможно, беженцы, — Териан поводил глазами в стороны, осматривая дома. — Нет... Построены ветхо, долго бы не простояли — значит, — временная остановка. Но, несмотря на это, колодцы в нужных местах, улицы хорошо прочерчены — жители были явно опытными в этих делах. Хм, — он присмотрелся к большому обугленному строению около тропинки. Рядом валялось несколько сгоревших телег. — Арсенал. Зачем мирным жителям арсенал? Тут же и кузница... — Даэв заключил это по лежавшей на земле груде мечей и металлических пластин. — Хм... Легион? Два? Да, пожалуй, два легиона. Значит, убитые — легионеры. Вон тела в доспехах, но большинство — в обычной одежде, следовательно, они не ожидали атаки и готовы к ней не были. Многие даже не успели повыбегать из домов. Выходит, была ночь...

Териан поднялся и направился к центру селения, осматривая останки.

— Кто же на вас напал?.. — тихо спросил он, естественно, не ожидая ответа от мёртвых. — Посмотрим. Противник прятался в лесах и случайно забрёл сюда, как и я. Возможно, его привлёк шум или огонь ночных костров. В две стороны от деревни идёт полоса примятых к земле кустарников, некоторые деревья повалены. Значит, врагов было много. Больше двух легионов. Так, — он остановился у двух тел, облачённых в броню. — Чёрные доспехи — асмодианские. А это кто? — Даэв опустил на колено, перевернув один из трупов. — Элиец? — удивился он, увидев элийское лицо. Териан посмотрел на руки убитого. — Когтей нет. Рядом меч. Точно ваш — рукоять не для асмодиан. Хм, — он огляделся. — Вижу ещё такие же мечи. Интересно... Как элийцы смогли попасть сюда?.. — Даэв забрался на ветхую крышу одного из домов и посмотрел в сторону гор, отделявших Ингисон от Келькмароса. — Неужто вы отобрали Ингисон? И куда пошли теперь?.. — взгляд зеленоглазого бессмертного устремился в противоположную сторону. Вдали он увидел слабый огонёк.

Териан Лекас повернул голову к лагерю шиго, откуда он и пришёл. Огонь сверкал с той же стороны.

— Идёте на север? — спросил он у пустоты.

В голове Даэва моментально возникла мысль:

«Нужно возвращаться!» — мышцы напряглись, и он резким рывком рванул обратно.

Асмодианин побежал на север, решив двигаться напрямую, а не делать крюк через поля и край пустыни. Он вспоминал, что может встретиться ему на пути, и прогноз был неутешительный.

«Два блокпоста, застава и три лагеря», — посчитал Даэв.

Но то, как он преодолел преграды, его не волновало. Он даже не знал, почему так быстро решил вернуться в свой лагерь, а не, например, выяснить, что за диверсанты безнаказанно гуляют по Келькмаросу. Бессмертный просто бежал. Изо всех сил. Глаза злобно сверкали ярко-зелёным пламенем. На лице был грозный оскал. Териан молниеносно перелетал препятствия, отпрыгивал от стволов деревьев и ловко приземлялся, не сбавляя хода, словно вёл гонку со временем. Он не заметил даже, как выбежал из чащи, оказавшись на краю пашни. Пейзажи мелькали, как узоры в калейдоскопе. Огонёк становился всё ближе, но асмодианин не собирался идти к нему. Он планомерно двигался ровно на север, так что загадочный свет остался немного правее.

«Скоро будет река...» — напомнил себе Териан. И действительно, через несколько минут извилистая дорога резко оборвалась, а впереди был высокий овраг, на дне которого бурлила и журчала вода.

— Ну что, пора попробовать? — вслух спросил он.

За прошедший месяц Даэв всего несколько раз открывал крылья, да и то чисто для того, чтобы вспомнить себя прежним — истинно бессмертным. А сейчас герою предстоял серьёзный перелёт через овраг. Одна оплошность — и минус одна жизнь из трёх оставшихся. А кто знает, насколько хорошо может справляться с крыльями проклятый, почти развоплощённый Даэв...

Разгон. Прыжок. Напряжение и тепло у спины. Привычная, даже приятная боль от чувства, что мощные стволы крыльев вгрызаются в лопатки. Мгновение падения, и стихия ветра снова под контролем Даэва. Два взмаха — воин восстанавливает высоту и парит, наслаждаясь чувством свободы. Под широкими чёрными перьями скользят потоки воздуха. Териан Лекас корректирует курс и летит вперёд, где на горизонте уже виднеется холм, за которым прячется лагерь шиго. Все блокпосты асмодиан остаются внизу. Кажется, им нет дела до огромной чёрной птицы в небе.

Перебравшись через пропасть, асмодианин решил не сбрасывать крылья, а добраться до пункта назначения по воздуху. Раньше он этого не делал, так как опасался, что крылатую фигуру могут обнаружить, но теперь тревога отошла на второй план. Нужно было как можно быстрее предупредить о приближении врага.

Поравнявшись с холмом, Даэв спикировал на вершину и ловко приземлился, сделав кувырок. Сбросив крылья, он собрался с силами и побежал к лагерю.

«Краллы куда-то подевались», — заметил он, но не стал оборачиваться.

В деревушке шиго как всегда стоял сумбур. Пушистые создания в смешных одежках бегали туда-сюда и болтали друг с другом прямо на ходу. Казалось, они вообще не умолкали. Териан спустился с холма и вошёл в селение. Зверьки она достал поприветствовали его:

— Даэв вернулся! Кярун, Даэв вернулся!

Но асмодианин не обратил на них внимания. Он быстро достиг домика, где жила Эви и, даже не стучась, вошёл внутрь. Девушки там не оказалось. Он осмотрел ещё раз небольшое помещение и выругался:

— Проклятие!

Даэв выбежал из дома и схватил за шкурку шиго, что болтался под ногой.

— Где элийка? — грозно спросил он, встряхнув бедного зверька.

Он испугался, округлил маленькие чёрные глазки и жалобно промычал:

— Там, к-кярун... — шиго указал дрожащей лапкой в сторону кухни.

Териан бросил зверька и поспешно зашагал, куда показало мохнатое создание. Существо плюхнулось и недовольно фыркнуло. Затем оно поднялось на крохотные ножки и торопливо удалилось подальше от злого асмодианина.

Мужчина растолкал кучку шиго, столпившуюся около входа в кухню, и распахнул дверь. Внутри за маленьким столиком стояла Эви в смешном фартуке и разделывала овощи, параллельно что-то объясняя своим пушистым друзьям. А они, вытаращив на неё глазёнки, пристально наблюдали за её действиями. Громкий удар о дверь заставил девушку испугаться и дёрнуться, выронив нож. Она увидела в проходе асмодианина и недоумённо спросила:

— Териан... Что случилось?

Зеленоглазый бессмертный решительно подошёл к ней, наклонился, схватил за талию и перекинул элийку через плечо. Та вскрикнула от неожиданности, но Даэва было не остановить. Таким же грозным шагом он направился к выходу, слегка нагнулся, чтобы Эви не ударила головой о дверной косяк, и вышел вон.

— А ну поставьте меня! Эй! Кому говорю! Это возмутительно! — кричала она и била кулаками по его спине, но ему было ни по чём. Скорее, элийка отобьёт себе кулаки, чем асмодианин её послушается.

Даэв поставил Эви на ноги около её дома. Она была ещё в шоке и собиралась немедленно высказать ему всё, что о нём думает, но Териан резко перебил её:

— Собирайся! Нам нужно уходить! Никаких «но»! Живо! — для верности он слегка прикрикнул на девушку, и она не мешкая вбежала в домик и начала что-то сосредоточенно искать по шкафам.

Асмодианин тем временем направился к главе деревни. Но искать его долго не пришлось. Его мохнатую фигуру Даэв обнаружил около кухни. Толстый шиго в широкой шляпе важно расхаживал вдоль шатра, осматривая готовящиеся вкусности. Но его занятие резко прервал Териан, схватив за лапу и развернув к себе.

— Что элийцы делают в Келькмаросе?! — грозно закричал асмодианин на ошарашенного шиго. — Я повторяю. Что элийцы здесь делают?

— Э-э-э, они... они пришли из Ингисона, кярун... — тонким голосом ответило существо.

— Элийцы захватили Ингисон? Когда это произошло? — Даэв тряхнул его, что то аж всхлипнуло.

— О-о, — застонало оно. — Две недели назад, нян-нян. Не бейте меня, Даэв, нян-нян...

— Какого балаура ты мне ничего не сказал? — асмодианин снова встряхнул шиго.

— Я, я, я, — глава деревни думал, что ответить. — Вы не спрашивали, кярун. Я и не говорил, нян-нян...

— Проклятье... — прошипел Териан Лекас и отпустил бедного зверька. Даэв злобно оскалился и рванул к дому Эви, по пути посмотрев за холм: нет ли кого на горизонте.

В этот момент элийка как раз вышла из домика, таща за собой здоровую сумку, доверху набитую вещами.

— Это ещё что такое? — вслух произнёс он.

Эви изобразила усталый вид и вопросительным взглядом уставилась на Даэва. Тот подбежал к девушке, гневно раскрыл сумку и, увидев там кучу всякого хлама, начал выбрасывать оттуда всё подряд.

— Эй, эй! Стойте! Что Вы делаете? — она раскрыла рот от удивления и попыталась помешать асмодианину, но тот словно не замечал её.

— Это что? Это что? — он достал из сумки красное платье и туфли на высоком каблуке в цвет и завертел ими перед девушкой.

— Это... подарок шиго, — важно ответила она. — Как и всё остальное. Эй! Положите обратно!

— Ты что, на бал собралась? — издевательски спросил он и продолжил своё дело.

Асмодианин не успокоился, пока в сумке не осталось ничего, кроме пары тёплых свитеров, носков, пижам и тому подобного. Териан скомкал поклажу, взял её в руку, другой — схватил элийку и быстро зашагал к выходу из поселения.

— Что это всё значит? Куда мы опять идём? — возмутилась она, не успевая за бешеным темпом бессмертного.

Тот лишь тихо прошептал:

— Скажи спасибо своим друзьям...

Эви, конечно же, не расслышала фразу асмодианина, посему происходящее казалось ей

загадкой. Когда парочка забралась на холм, Даэв раскрыл крылья, сунул багаж девушке, схватил её на руки и резко взмыл в воздух. Элийка немножко испугалась, крепко вцепившись в зеленоглазого воина, но через несколько минут привыкла и немного расслабилась. Териан не мог её «уронить» или просто забыть про неё. В его руках она чувствовала себя в безопасности. Полёт элийке казался какой-то сказкой, доступной только избранным. Её уже не волновало то, куда и зачем они летят — главное то, что они там — в небе...

Полёт продлился около часа. В отличие от девушки, наслаждавшейся прекрасным видом, Даэв был сосредоточен. Он искал безопасное место. И, кажется, нашёл его у юго-восточных скал Келькмароса. Асмодианин увидел прекрасное тихое местечко на вершине зелёного холма. Он осторожно приземлился и поставил элийку на ноги. Эви огляделась.

— Здесь красиво, — посчитала она. — Теперь мы будем жить тут?

— Недолго... — отрывисто ответил Даэв.

Первое, что было нужно, — обустроить жилище и развести костёр. Териан быстро нашёл несколько крупных веток, бросил их в кучу и щелчком пальца поджёг. Затем он притащил к огню пару поваленных стволов деревьев и сделал из них что-то типа скамеек. Рядом из древесины, веток и листьев асмодианин соорудил место для сна.

— Готово, — сурово произнёс он. — Сиди здесь, я скоро приду, — скомандовал он и мимолётной тенью скрылся в сумерках.

Эви не успела ничего понять. Она почувствовала прохладный ветер и решила одеться потеплее. Девушка достала из сумки вязаный шиго свитер и халат и надела их на себя, устроившись около костра.

Асмодианин действительно вернулся быстро. Казалось, не прошло и десяти минут. В руках у него была тушка маленького оленёнка. Он бросил её у костра и стал молча разделывать. Эви вздохнула и отвернулась. Видеть это она не хотела. Когда из костра запахло жареным, элийка обернулась. Над огнём шипело мясо, нанизанное на два длинных тонких меча. Териан положил их на две палки и спохватился: нужна вода. Он сделал знак девушке:

— Последишь за огнём?

Она кивнула и присела на место асмодианина. Он же взял флягу, прикрученную к его поясу, и отправился на поиски воды. Через пять минут Даэв вернулся с полным сосудом.

— Тут рядом речка, — сказал он. — Вода чистая, пить можно.

Элийка слегка улыбнулась, но ничего не сказала. Она переворачивала воображаемые шампуры над огнём, аккуратно держась за их рукояти.

Териан присел рядом и предложил ей воду. Девушка повертела головой в знак отказа, и Даэв убрал флягу на прежнее место. И асмодианин, и элийка неловко молчали. Только хруст горячей древесины нарушал тишину. На Келькмарос мягко спускалась ночь. Все посторонние звуки потихоньку угасали.

— Готово, — сказал Териан и снял мечи с костра.

Он вытащил один метательный нож, пронзил им кусок мяса и передал девушке. Та кивнула в знак благодарности и взяла в руки смертельное, по её мнению, оружие. Асмодианин тоже взял один кусок и насадил его на другой нож. Первым ужин попробовал сам повар. Острые зубы северянина отлично справлялись с добычей. Блюдо оказалось довольно мягким, поэтому элийка спокойно смогла бы его попробовать. Эви всё же надкусила свой кусок. На удивление, горячее мясо оказалось нежным и приятным на вкус.

— Вкусно... — произнесла она.

Териан улыбнулся светящимися глазами и продолжил ужинать. Он практически в одиночку умял всего оленёнка. Затем он встал, взял грязные ножи и мечи и отправился к речке отмывать оружие. Эви продолжила греться у костра. Очень скоро асмодианин вернулся. Он снял с себя пояс и ножны, скинул дублет и щитки, оказавшись в рубаше, и прилёг на ветки около костра, уставившись в яркое сияние искр. Девушка устроилась рядом. Гнетущее молчание нервировало её. А больше этого её бесило, что Даэв даже не хочет с ней объясниться! Она не выдержала и заговорила первой:

— Почему же мы ушли из лагеря?

Териан перевёл на неё взгляд и с обычным каменным лицом произнёс:

— Там стало опасно.

— И кто же нам угрожал? — элийка пыталась разузнать у Даэва как можно больше, но каждое слово из него приходилось вытягивать.

— Враги, — лишь ответил он.

— Как Вы узнали?

Асмодианин вздохнул и не ответил. Эви обидчиво положила голову себе на ладонь и тоже уставилась в огонь.

— Сколько мы ещё будем бегать?.. — грустным тоном сказала она. — Я устала от этого... От всего этого... Мне кажется, что всё, что со мной происходит — лишь страшный сон, но я никак не могу проснуться! — девушка посмотрела на Даэва, но тот, видимо, был увлечён своими мыслями и никак не реагировал на неё. — Ответьте же, наконец! — уже закричала она.

Териан дёрнулся, резко присел и огляделся. Затем он сурово посмотрел на элийку и сказал:

— Тихо! Не хватало того, что бы нас и здесь нашли, — асмодианин замотал головой, и вздохнул. Затем он присел ближе к девушке и заговорил:

— Когда я сегодня... был на прогулке, — он задумался о том, как назвать свои ежедневные путешествия. — То увидел сожжённую дотла деревню. Я точно не знаю, кто это был, но след их вёл в сторону лагеря шиго.

— О, Айон! То есть, шиго в опасности? — воскликнула она и вскочила с места.

— Нет, — Териан взял её руку и насильно потянул вниз, чтобы девушка снова села. — Шиго им бесполезны... Они мирная раса. А нам придётся некоторое время переждать здесь.

Эви разочарованно опустила взгляд. Её большие голубые глаза загрустили. Асмодианин больше не сказал ни слова. Девушка с печалью посмотрела на мечи Даэва, уже вымытые, чистые.

— Жалко оленёнка... — жалобно промолвила она.

— Он был ранен — тяжёлая ветка упала прямо на его лапу, — ответил Териан. — Я нашёл его около речки. Его точно бы загрызли волки, если бы...

— Если бы Вы его не поймали, — закончила фразу элийка.

— Ты предпочитаешь умирать с голоду? — сурово спросил он.

Девушка не ответила. Она продолжала смотреть на оружие асмодианина. После небольшой паузы она произнесла:

— Красивые у вас мечи...

После этой фразы Даэв взял один меч в руку и протянул его Эви.

— Это — эспадон, — сказал он. — Длинный меч для колющих и режущих ударов.

Позволяет держать врага на расстоянии, при этом нанося смертельные ранения.

Девушка с грустным видом рассматривала оружие и осторожно взяла его в руки, чтобы не пораниться. Она медленно повернула его то одной стороной, то другой. Вдоль всего меча по центру тянулась линия из чёрного металла с непонятными ей надписями. Рукоять была мягкой, с ярко выделенными местами для когтистых пальцев. На эфесе красовался чёрный драгоценный камень.

— А что здесь написано? — девушка медленно вела пальцем по объёмной надписи в центре меча. Териан добродушно ответил:

— «Да озарит наш путь Свет Айона».

Девушка удивилась. Даже в кровопролитных битвах воины не забывают Всевышнего.

Эви передала оружие обратно в мощные руки асмодианина, а сама засмотрелась на остальные клинки в его коллекции. Териан заметил это и осторожно положил ей на колени широкий меч средней длины.

— Палас, — прокомментировал он. — Оружие для рубящих ударов. Тяжёлый и очень острый. Идеален против балауров. Также им удобно парировать чужие атаки.

Элийка заметила, что в центре этого меча есть такая же линия с похожей надписью. Эви попыталась поднять меч, но он оказался и впрямь тяжёлым. Териан улыбнулся, видя, как хрупкая девушка пытается справиться с клинком и сам убрал его обратно в ножны. Дальше он достал короткий тонкий меч, чуть длиннее кинжала. Развернув лезвием к себе, асмодианин вежливо передал его Эви.

— А это — даггер. Коллющие удары — его стезя. Он нужен для сверхблизкого быстрого боя или для незаметных убийств.

Элийка кивнула. Последнее оружие ей нравилось больше всего, хоть слово «убийство» и пугало до сих пор. В конце концов, только с ним она могла справиться: короткое, относительно лёгкое, но в то же время острое, как бритва. Главное — самой не пораниться...

— А ножи зачем? — кротко спросила она, глядя на связку из десятка метательных клинков.

— Против лучников, магов, да и вообще — полезная штука, — асмодианин подбросил один нож высоко вверх и ловко поймал его.

Ночной ветер усилился. Эви было тепло в одежде, она посмотрела на Даэва — тот спокойно сидел в одной рубашке.

«И как вы не мёрзнете?..» — спросила она в мыслях.

Было уже поздно. Приятный жар от огня усыплял. Девушка поняла, что скоро провалится в сон. Она прижалась плечом к асмодианину. К этому жесту Териан не был готов, но сопротивляться не стал — просто проигнорировал.

— Расскажите что-нибудь? — зевая, спросила элийка. Глаза её медленно закрывались, а голова тянулась к плечу Даэва.

— Что рассказать? — монотонно промолвил он, не сводя глаз с пламени.

— Вы так и не закончили свою историю... — от усталости Эви всё же опустилась на плечо бессмертного и закрыла глаза.

Териан Лекас отвёл взгляд куда-то в пустоту, помолчал с минуту, а затем тихо заговорил.

===== Часть 4. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 5.

Отредактировано.

Второй учебный год в Санктуме прошёл славно. Мальчикам он понравился даже больше, чем первый, ведь теперь изучались не только теоретические предметы, но и добавилась практика. Студентов начали обучать основам ведения боя: тактике, построениям, спарингу и, конечно, физической подготовке. Правда им в руки пока не давали настоящее оружие — только деревянные палки или сильно затупленный металл. Утро теперь начиналось не с умывания и завтрака, а с ежедневной пробежки вокруг главного корпуса и зарядки на свежем воздухе. Причём занятия проходили в любую погоду, будь то даже самый жуткий ливень или шторм — все курсы, кроме первого, собирались на площади перед входом и занимались.

Намус так и остался куратором группы, но после поездки в Сиэлу старик явно подобрел и больше не орал так часто. Студенты к нему привыкли, а многие даже полюбили, несмотря на сложный и вспыльчивый характер.

Атмосфера в академии тоже немного поменялась — почти каждую неделю из столицы приезжал какой-то высокопоставленный чин и приходил на уроки к студентам. Преподаватели стали серьёзнее готовить учеников и относиться к ним тоже серьёзнее. Чем это можно было объяснить, юные воины не знали. Белис приговаривал, что в Сиэле что-то задумали, но никто не распространялся по этому поводу.

Шли недели, месяцы. В середине года на каникулах Териан и Лекас снова навестили Фозту. Соскучившиеся родители мальчика как всегда встретили ребят тепло. Две недели прошли, словно миг.

Мирен рассказала, что несколько месяцев назад к ним в Фозту приезжал какой-то офицер и набирал добровольцев на обучение военной дисциплине. Довольно много мужчин записалось у него, и через неделю их отправили куда-то на корабле. С тех пор от них не было вестей. Даже ни единого письма родным не пришло. Оставленные матери и жёны с детьми пытались найти своих сыновей и мужей, но безуспешно. На письма в Сиэлу о судьбе родных никто не отвечал. Подавленные горем женщины уже собрались хоронить их, подозревая, что их уж нет в живых. Что происходило, было непонятно.

Мальчики вернулись в Санктум. Второе полугодие прошло так же, как и первое. Только на этот раз на праздник в Сиэлу их не пригласили. Только первокурсникам разрешили побывать в столице. Для второго курса никаких мероприятий не было предусмотрено, увы.

Когда на каникулах между курсами повзрослевшие мальчики вновь плыли в Фозту, с ними в сторону острова двигалось ещё несколько кораблей. Как выяснилось потом, это возвращались домой мужчины, которых забрали почти год назад. Но ненадолго, через двадцать дней они вынуждены были снова покинуть родных на целый год. По контракту они будут обучаться два года, а потом их направят куда-то в составе боевых легионов. Место не называлось. Всё это выглядело странным, но новоиспечённые легионеры были довольны и горды собой. В Фозте они никогда не видели врага, а теперь чувствовали в себе невероятный патриотический всплеск, ощущали, что нужны Атрее и людям. Их учили держать в руках оружие и сражаться с балаурами под командованием самих Даэвов. Да, они действительно бились с драканами, но те «экземпляры чешуемордых» были пленными, пойманными где-то на просторах Эйрона. На них отрабатывались навыки, изучались повадки и слабые места ящеров. Балауров использовали, как подопытных. Их состояние было кошмарным: постоянно голодные и слабые они вовсе не выглядели грозно, несмотря на чешую, когти и хвост. Но жалеть врага было нельзя — шла великая война, и жалость, как известно, была излишним

чувством.

И вот, наконец, третий курс. К четырнадцати-пятнадцатилетним студентам больше не относились, как к детям. Они повзрослели морально и физически, стали умнее и правильнее, сплотились и теперь были похожи хоть на юных, но всё-таки воинов.

Юношам впервые дали в руки настоящее боевое оружие. С ним нужно было обращаться очень осторожно — одно неловкое движение, и увечье обеспечено. На выбор у студентов было всё, что угодно: ножи, кинжалы, мечи, топоры, дубины, молоты, луки, копья, секиры — арсенал впечатлял. Доспехи тоже можно было скомбинировать по вкусу. Ученики могли полностью облачиться в латы, чтобы быть максимально защищённым, но при этом медленным, неповоротливым и быстро устающим. А могли надеть латный нагрудник, а всё остальное тело покрыть плотной кожаной бронёй с металлическими вставками — не столь надёжный вариант, но зато появлялась возможность активно двигаться во время боя, что в борьбе с огромными ящерами имело очень важную роль. Из ассортимента студенты могли пробовать разные оружие и броню, чтобы в итоге найти себе что-то по душе.

Активному и непоседливому Териану сразу пригляделся второй вариант. Он быстро сообразил, что уворачиваться от смертельных ударов дракана в латах невозможно. Из оружия парень решил попробовать ножи, кинжалы и мечи. У всего были свои достоинства и недостатки, и определиться юный Териан долгое время не мог — каждое занятие пробовал разные клинки и тактики. В конце концов, мальчик вооружил себя двумя мечами и десятком метательных ножей, бросать которые у него выходило довольно метко. «Глаз-алмаз», — как поговаривал его друг.

Лекас же практически сразу взял себе меч и щит и облачился в тяжёлые латы, чтобы стать воином первой линии атаки. На хорошо защищённых стражей сразу падала вся ярость балауров, они участвовали в защите людей и обороне крепостей. Подобные Териану же сначала держались в тени, а затем молниеносно нападали в самый неожиданный момент, нанося огромный ущерб противнику.

Среди студентов были и те, кто не избрал путь воина, а решил изучать магию и алхимию. Из них растили целителей, способных за короткое время вылечить бойца, ну, или хотя бы помочь и унять боль. А особо способных ребят учили производить простые заклинания с Эфиром — творить огонь, создавать вихри, двигать предметы на расстоянии, гипнотизировать и накладывать проклятия. Маги были незаменимы в поддержке. Огненные шары и гипноз сильно помогали в сложных битвах. Что же говорить о целителях? Без них сражение вообще не представлялось возможности выиграть, причём, чем сильнее и опытнее были лекари, тем больше шансов было одержать победу. Поэтому не всё зависело от боевых навыков воинов, решающую роль играла поддержка.

Практические занятия проводились в спарингах один на один во всех возможных комбинациях. Нужно было научиться сражаться с любым противником. Тренировок на балаурах пока не было, как говорили преподаватели, они начнутся не раньше четвёртого курса.

По словам учителей, в середине года должен состояться боевой турнир между студентами. На нём в качестве судей будут присутствовать центурионы элитных легионов, чтобы заранее присмотреть себе рекрутов. Поэтому юношей усердно готовили к этому мероприятию, дабы «не упасть в грязь лицом перед начальством». На соревнования приглашались и родственники студентов. Териан в письме сообщил родителям о скором

события, и они пообещали приехать. С Белисом юноша тоже договорился.

В преддверие турнира тренировки продолжались день и ночь. Студенты буквально ночевали в манежах. Наконец, день икс наступил.

На парадном дворе главного здания было очень многолюдно — со всей Атреи прибыли родственники учеников, чтобы посмотреть, чему они научились за эти годы. Экипажи из порта всё приезжали и приезжали. Наконец, и стоящий под тенью деревьев Териан разглядел родные лица.

— Мальчик мой, как ты вырос! — со слезами радости воскликнула Мирен.

— Териан, — отец обнял сына и пожал ему руку.

Юноша был облачён в свои любимые доспехи — металлический нагрудник и синяя кожаная броня с железными пластинами для защиты слабых мест. За спиной были два меча, а в пояс — вставлены ровно десять ножей. Шлема на Териане не было, да и в правилах соревнований сказано, что лица участников должны быть открыты.

Сын проводил родителей на поляну, где были запланированы сражения, предварительно показав территорию академии.

— Внушительно, — пробормотал Истрат, раскрыв рот, когда увидел главный корпус изнутри и снаружи.

Трубы загудели, и перед зрителями выступил генерал Адайос, военачальник Санктума, руководивший полтора года назад экскурсией в столицу. После него слово взяли ещё несколько офицеров, они пожелали участникам удачи и дали старт поединкам.

Первыми выходили латники. Лекас сражался против однокурсника из соседней группы. Победа была лёгкой, противник сдался на четвёртой минуте, измотавшись до потери сознания. Победители проходили в следующий тур и так далее, пока не наступит финал. Первое сражение Териана, который находился в конце списка, не вызвало у него особых проблем. К глотке соперника было приставлено лезвие, и он вынужден был признать поражение.

С противниками мальчикам везло. Только на третьем-четвёртом туре Лекас чуть не потерпел проигрыш, но вовремя опомнился и с разворота долбанул оппоненту по плечу тяжеленным щитом, чем и обеспечил себе победу в раунде. Териан использовал изматывавшую тактику. Он ловко уворачивался от мечей противника, а затем, подобравшись ближе, немедленно атаковал в слабые места, нанося сокрушительные поражения врагам.

— Вот кого воспитали! — радовался на трибуне Истрат. Жрецу не подобало получать удовольствие от вида кровопролития, пусть и ненастоящего. Но это была совершенно другая ситуация.

Между тем настало время полуфиналов. Первым пошёл Лекас против здорового быка с двуручным топором. Один из первых же ударов пришёлся парню по бедру, Лекас не успел среагировать и упал, а соперник ловко прислонил к его шее лезвие. Поражение. Быстрое и обидное. Териан смог одолеть своего противника и попал в финал, где ему противостоял сын какого-то знатного легата.

Перед финалами был небольшой перерыв, и участники с радостью им воспользовались.

Териан подбежал к родителям, сидевшим среди зрителей. Там же были Белис и грустный обиженный Лекас.

— Не расстраивайся, брат, всё хорошо, ты молодец, — успокаивал друга Териан.

— Так держать, воин. А теперь смотри, — Белис зашептал юноше на ухо. — Твой соперник очень силен. Он будет ловко парировать атаки. Я наблюдал за ним. Даже не трать

силы на прорыв обороны. Попробуйся подойти со спины или опрокинуть его. Тогда есть шанс на победу, — мужчина хлопнул парня по плечу и пожелал удачи. Истрат благословил сына, произнес молитву, а мать поцеловала его в лоб.

— Ну, мам, — отстранился мальчик и, глубоко вздохнув, направился обратно к арене. Боковым зрением он заметил, что на него пристально смотрела какая-то девушка с задних рядов. Воин не придавал этому значения и пошёл дальше.

Был дан старт поединку. Соперники поклонились друг другу, как подобает, и по команде скрестили мечи. Первые секунды они бились наравне. Но по истечению минуты, стало понятно, что преимущество не на стороне Териана. Как и предупреждал Белис, оппонент успешно парировал все атаки и контратаковал, поэтому юноше приходилось, в основном, обороняться. Териан попытался как-то развернуть противника и подойти к нему со спины, но он не подпускал его. Вдруг мальчик сделал обманный выпад, развернулся и с размаху ударил мечом врагу по щиколоткам, подцепив обе ноги. Соперник упал на спину, но не успел Териан нанести последний удар, как он перекатился и рывком поднялся на ноги. Все остальные атаки были безрезультатны. Поединок продолжался почти десять минут — рекорд для сегодняшних соревнований. В конце концов, измотанный Териан допустил ошибку, открывшись буквально на мгновение, но соперник успел этим воспользоваться и контратакой прислонил лезвие своего меча к его глотке, тем самым одержав победу. Прозвенел гонг — поединок окончен. Оппонент лишь ухмыльнулся и убрал клинок от шеи юноши, всё же оставив на ней кровоточащий порез, специально, наверное. Они пожали друг другу руки в знак примирения, и толпа зааплодировала победителю. Расстроенный Териан получил второе место. Но когда озвучивали награды, настроение юноши весьма улучшилось. Оказалось, что за второе место присуждалась дополнительная неделя каникул. Чемпиону же даровали дорогой клинок, идеально сбалансированный и точный, как стрела, по словам офицера. Юноша вернулся к родителям и от усталости плюхнулся на свободное место.

— Ты был молодцом! Не расстраивайся! — подбадривали его и родители, и друзья, но мальчик всё равно корил себя за допущенную оплошность, стоявшую ему победы. Всё-таки хотелось победить, просто так, для себя.

— Ладно, пошли обедать, — призвал интендант всем направиться в столовые главного корпуса, которые сегодня были открыты для посетителей. Остальные поддержали эту идею, ибо мероприятие длилось уже очень долго.

Териан плёлся позади, опустив голову. Вдруг мимо него порхнула стройная девушка, вымолвив:

— Хорошо держался, — и с важным видом направилась дальше. Юноша узнал её, это она всё время смотрела на него до финального поединка. Он остановился и внимательно проводил её взглядом.

— Чего встал? — спросил Белис, шедший за парнем.

— Кто это? — недоумённо спросил Териан, кивнув в сторону удаляющейся девушки.

Старый воин присмотрелся и воскликнул:

— А! Так это ж Сиара, дочь садовника, — он глянул на опустошённое лицо мальчика. — Что, понравилась? — ехидно улыбнулся интендант.

— Что ты! Нет, — отмахнулся юноша. — Просто интересно... Подожди, ты сказал, дочь садовника... Никогда её раньше здесь не видел...

— А ты и не замечал! Она правда редко появляется тут, в основном, за рекой сидит. Но, бывало и при мне, когда она мимо проходила, а ты, увалень, не туда смотрел, — он пихнул

его в бок и засмеялся.

Териан, не моргая, уставился вдаль и, когда её стройная фигура скрылась за углом, пробормотал:

— Я сейчас, — и мигом побежал вслед.

Белис довольно заулыбался и крикнул Истрату и Мирен, которые были заняты беседой с Лекасом:

— Териан нас догонит, — он глянул вдогонку мальчику — его уж и след простыл.

Юноша подбежал к краю корпуса, но девушка куда-то исчезла. Он оглянулся по сторонам, её нигде не было. Парень пошагал вдоль здания, осматривая окрестности. Вдруг он услышал, как со склада инвентаря доносится шум. Это был небольшой деревянный шатёр рядом с западной стороной корпуса. Териан подбежал к нему и спрятался за колонной, высунув только голову. Он присмотрелся и увидел, что из-под груды валяющихся на полу деревянных орудий это хрупкое создание пыталось вытащить грабли. Юноша улыбнулся в умилении, а затем оправился, прокашлялся и с гордым видом пошагал к ней.

— Дай помогу, — добродушно произнёс он.

Девушка испугалась и обернулась. Да, это была она — Териан узнал её милое лицо.

— Следишь за мной? — она не повела и взглядом, лишь слегка улыбнувшись. Её чёрные волосы были собраны в хвостик, спускавшийся до плеч. А на правом глазу была длинная чёлка, которую девушка постоянно поправляла.

Юноша взял охапку деревяшек и оттащил их подальше.

— Хах, с чего мне за тобой следить? — парень схватил торчащие грабли за рукоять и рывком вытащил их из груды бутафорских мечей.

— Держи.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Я хотела просто взять их, а тут эти штуки с полок попадали...

— Как тебя звать? — не задумываясь, спросил мальчик.

— Сиара, — их взгляды, наконец, встретились. Красивые карие глаза девушки глянули на юношу, и он на мгновение потерял дар речи. Но, опомнившись, пробормотал:

— Красивое имя... Я — Териан.

Она мило улыбнулась и собиралась было идти, но юноша остановил её.

— Почему я тебя раньше здесь не видел?

— Хороший вопрос, — она удивлённо рассмеялась. — А вообще я не так часто тут бываю.

— Но... ведь это академия для...

— И что? — перебила его девушка. — Думаешь, тут одни парни? О, ты ошибаешься, — она показательно сверкнула прелестной улыбкой. — Мой папа присматривает за садами и Голубым Лесом, и живём мы не в школе, а за рекой.

Териану хотел было что-то сказать в своё оправдание, но Сиара опередила его.

— Но всё-таки ты следил за мной, — её личико вновь озарила улыбка. — Иначе, зачем тебе было оказаться тут, вдали от всех?

Юноша растерялся — сначала он промычал что-то невнятное, но потом взял себя в руки и произнёс:

— Ты сказала, что я неплохо держался на поединке... Я решил поблагодарить тебя.

— Оу, да, ты молодец, — улыбнулась девушка. — Чего застыл? Благодарю, раз пришёл, — и показательно изобразила ожидание.

— Э-э, — парень вновь растерялся, выругавшись внутри себя. Не ожидал он такой «контратаки» от милой собеседницы.

— Ну? — она облокотилась о рукоять граблей. — Ты же бравый воин. Где твоя храбрость?

Териан быстро придумал, как выкрутиться. Он изобразил на лице серьёзность и с подлинным актёрским драматизмом произнёс:

— Спасибо — он хотел опуститься на колени, но вовремя сообразил, как глупо это выглядело бы со вороны. Хотя, наверное, в ту минуту это показалось ему забавным.

— О, Айон, — рассмеялась Сиара и выпорхнула из шатра.

Териан понял, что это критический момент и нельзя его упускать.

— Мы ещё увидимся? — вдогонку крикнул он.

— Увидимся, — последнее, что донеслось от новой знакомой.

Териан выбежал наружу, но её и след простыл. Он в гневе ударил сапогом о деревянный порог и начал приговаривать себе:

«Идиот, надо же было такое ляпнуть... Тупица», — он помотал головой и ещё более расстроенный поплёлся к главному зданию.

Остаток дня юноша был сам не свой. Его преследовали разные мысли, и он ненавидел себя за, как ему казалось, свою глупость.

Вечером Териан с Лекасом проводили родителей до экипажа, а потом разошлись.

— Что с тобой сегодня? — недоумённо спросил Лекас у ворот академии.

— Ничего, всё нормально. Ты не видел Белиса? — затараторил мальчик.

— Он уже давно дома. Стой, ты куда? — он попытался остановить друга, но тот сломя голову побежал в сторону речки. — Скоро комендантский час! — крикнул он вдогонку, но Териан даже не обернулся.

Лекас махнул рукой и вошёл в здание. Над Санктумом нависла ночь, и деревья Голубого Леса начали светиться, озаряя крепко спящие поляны. Териану же стало плевать, что его могут посадить в клетку на сутки, если патрульные обнаружат его на улице. Он на всех парах бежал к деревянному мосту над рекой. Вскоре юноша достиг своей цели, и до дома интенданта оставалась буквально сотня метров.

— Белис! Белис! — мальчик барабанил руками о калитку. К счастью, старый воин ещё не лёг спать — на кухне и в спальне горели свечи. Через пару минут, жутко кряхтя и проклиная того, кому не спится в столь поздний час, к забору приблизился хозяин и, пошумев замком, открыл калитку:

— Кто здесь, балаур тебя дери?! — заорал он.

— Это я — Териан.

— Драканий рог мне в... Кхм, во имя Айона, что ты тут забыл?

— Я...

— Молчи, — крикнул Белис и, заткнув ему рот ладонью, затолкал юношу во двор и запер калитку. — Если тебя увидят на улице, не поздоровится ни тебе, ни мне, — он отпустил мальчика. — Теперь говори.

— Прости, Белис, что беспокою тебя в такой поздний час...

— Говори уже, — перебил его интендант.

— Кажется, я... — юноша вдруг замолк. — Ты знаешь, где живёт Сиара?..

— Балаурский хвост, чтоб мне пусто было! — громко вскрикнул воин. Да так громко, что, казалось, вся улица сейчас проснётся.

— Прости, я... — Териан пытался вставить слово, но у его друга было припасено ещё много ругательств.

— Мать моя ящерица! Дери меня драканский полк! Ты не мог завтра с утра спросить? Я думал, срочное что-то! У меня тут... кхм, дела прямо сейчас, если ты понимаешь, о чём я.

— Не очень... — удивлённо пробормотал Териан.

— Ну и слава Айону, значит, мал ещё, — Белис вроде успокоился, но через мгновение из его уст снова понеслись разные фразочки, в которых обязательно упоминался балаурский род. — На кой тебе сейчас это, скажи?

— Я не смог бы уснуть... Мне... очень надо, правда, — умолял юноша.

— А ты не подумал, что она сейчас спит?!

— Э-э, — Териан поймал себя на мысли, что не учёл сей факт. До него дошло, что сложившаяся ситуация была достаточно глупой. — Точно...

— Мозгов раз на хлеб намазать! — вновь прокричал разъярённый интендант и, подышав, стих. — Идёшь до конца и направо. Слева третий дом. Но! Не вздумай идти туда сейчас, иначе выпорю — клянусь, или я не служил у Леди Триниэль, — пригрозил ему пальцем Белис. — Всё, доволен? Теперь иди с глаз долой!

— Но... Белис?

— Я сказал, прочь! Чтоб мой зад чешуей покрылся! Это ж надо! И это... если спросят, откуда узнал, я тебе ничего не говорил!

— Усвоил, но... Куда мне идти? Академия ведь закрыта, — тонко намекнул Териан.

— А ты о чём думал? Не-е-е, к себе не пущу, у меня дела! И очень срочные, поверь. Там такое намечается, что ух-х, — воин встрепнулся и поплёлся к дому.

— Ну хотя бы в сарае?.. — мальчик показал на покосившееся строение в углу участка.

Белис посмотрел по сторонам и нехотя ответил:

— Ладно, ступай в сарай, вот ключи, — он кинул ему связку. — Разберёшься там. И не шуметь! — грозно проговорил интендант и скрылся в доме, захлопнув за собой дверь.

Териан обошёл жилище и оказался у маленького деревянного сарая. Он выглядел очень ветхим, но делать было нечего. Несколько минут ушло на то, чтобы подобрать ключ. Наконец, мальчик оказался внутри. Там было темно, но Териан нашёл в хламе какую-то подстилку и, разложив у входа, плюхнулся в неё. Парень долго ворочался не в силах уснуть. Голову тревожил всякий бред. Он почему-то думал о ней. Для него это было странным, но отбросить мысли юноша не мог, и это его жутко бесило. Через несколько часов Териан всё же вырубился. Сколько он спал — неизвестно. Но с первыми лучами солнца громкие стуки Белиса в дверь разбудили его.

— Как спалось, принцесса? — донёсся голос мужчины.

Териан кое-как поднялся и отпёр дверь.

— Плохо выглядишь... — промычал Белис. — И... воняешь моим сараем.

Териан был во вчерашнем парадном костюме, который он надел после битвы. После сна он сильно помялся и выглядел не так «парадно». Тем более запах кладовки глубоко впитался в нежную ткань.

— Вот что, — продолжил воин. — Иди-ка в академию, прими душ, переоденься, захвати какие-нибудь цветы и бегом обратно. Я постараюсь сделать так, чтобы она никуда не ушла. И да, прости за то, что наорал на тебя ночью... — он на миг запнулся. — Но ты сам виноват!

Териан улыбнулся и пожал интенданту руку. Всё-таки Белис был отличным человеком и понимающим другом, пусть разница между ним и юношей была больше тридцати лет.

Парень решил привести себя в порядок как можно скорее, чтобы успеть вовремя. Конечно, слова Белиса о том, что он задержит Сиару дома, удивили юношу. У него не было идей, как это можно сделать. Ну не привязать же к шкафу или кровати, в самом деле?

Териан быстро вернулся в свою комнату и обнаружил там ещё спящего Лекаса. Парень решил не будить друга, быстро взял вещи и побежал с ними в душ. Там он помылся, сбил запах, оделся в чистое, причёсался и мигом побежал обратно.

«Так, что там Белис ещё говорил? Цветы! Точно! Ищем цветы», — говорил у себя в голове юноша. Первое, что пришло ему в голову — это Голубой Лес. Он подбежал к крытому саду у Голубого Леса и сквозь ограду отыскал что-то наподобие лилий — цветы с красивыми длинными бутонами. Мальчик стал перелезать через металлическую сетку, но не удержался и рухнул пятой точкой на землю. Он выругался, поглядел, не испачкался ли — вроде всё было в порядке. На всякий случай Териан отряхнулся и аккуратно прокрался к грядкам. Он сорвал три цветка и так же осторожно направился назад. Путь обратно через ограду обошёлся без происшествий. Теперь парень мог идти к дому Сиары. Дорога была неблизкой, он плёлся, не торопясь, но тут вдруг обнаружил, что уже пересёк мост через реку — всё это время он размышлял о чём-то и не заметил, как прошёл большую часть пути.

«Вот это я даю...» — подумал он и направился дальше.

«Так, до конца и направо... Третий дом слева».

Мальчик подобрался к участку — дом девушки ничем не отличался от остальных. Териан встал у калитки и замер.

«Стучать или нет? Стучать или нет?... Стучать! Нет, стоп, а вдруг...»

Юноша поправил причёску, глубоко вздохнул, как перед поединком, и собрался было постучать в дверь, как тут калитка со скрипом отворилась. Со двора выходил довольный улыбающийся Белис, осыпаящий кого-то прощениями. Териан разинул рот от удивления. Интендант шёл, повернув голову и не заметил, как врезался в замеревшего мальчика.

— Ах, твою... — он обернулся. — Териан? Ты что так долго? Я уж думал, с концами свалил.

— Э-эм, — парень пытался что-то произнести, но Белис не останавливался.

— Короче, ждёшь здесь десять минут и стучишься. Будет подозрительно, если ты явишься прямо сейчас. Тебе повезло, отца нет дома, и придёт он, видимо, только к вечеру.

Териан хотел вставить слово, но мужчина не позволял.

— Слушай меня, ни слова обо мне, понял? Хорошо. Так, что у тебя в руке? Покажи. Цветы, отлично. Надеюсь, не из сада за поляной?

Юноша скорчил смущённое лицо и взглядом намекнул, что растения именно оттуда.

— Идиот, она же их сама там неделю назад посадила! Нет, стой! Не выбрасывай, иди так. Поправь воротник. Всё, молодец.

Белис тараторил, парень же пытался уловить всё, им сказанное. Наконец, интендант закончил свой монолог и, пожелав юноше удачи, поспешил уйти.

— Десять минут стой! — последние слова мужчины, после которых его фигура скрылась за углом.

«Хорошо, стоим», — проговорил себе Териан и застыл в ожидании, взяв обеими руками свой нелепый букет. Конечно, со стороны парень с цветами, замеревший у калитки, выглядел очень глупо. Секунды длились для парня невыносимо долго.

«Всё, вроде прошло», — с этой мыслью он сжал кулак и сильно ударил в дверцу три раза.

Буквально через несколько секунд калитка приоткрылась, и из проёма показалось удивлённое лицо Сиары. Териан на этот раз не растерялся.

— Доброе утро, — он мило улыбнулся и собирался войти, но девушка оставила его рукой.

— Чего тебе? — её взгляд был довольно серьёзен.

— Эм, мы не закончили вчера, и я...

— Правда? — перебила его Сиара и показательно прислонила ладонь к подбородку в знак удивления.

— Да, мне можно войти? — у Териана получалось использовать обаяние в нужных ситуациях, и сейчас юноша очень надеялся на него.

— Ещё с цветами... О, Всевышний, — вскрикнула девушка. — Это же бутоны келсо! Зачем ты их сорвал?... — она с жалостью посмотрела на парня, от такого пронзительного взгляда у него возник ступор с адекватным ответом.

— И как ты в сад проник? — девушка разочарованно вздохнула и сказала, предварительно помотав головой. — Негодник... В следующий раз я тебе... — она посмотрела в его удивлённые глаза и немного смягчилась. — Эх, ладно, проходи.

Они прошлись по участку и вошли в дом. Внутри было просторно и уютно, по сравнению с жилищем Белиса. Всё было чистым, ни намёка на пыль или грязь. Сиара провела гостя на кухню и усадила за стол.

— Чаю? — предложила она.

Он положительно кивнул и зарыскал по комнате глазами, ища место, куда можно деть сей злосчастный букет.

— Положи их, ради Айона...

Териан послушался и пристроил цветы на краю стола. Девушка поставила чайничек и, поправив платье в красный горошек, присела напротив. Её красивые глаза стали пристально изучать юношу.

— Ты живёшь с отцом? — наконец, нарушил тишину Териан.

— Да... — вздохнула она. — Он сейчас поехал в порт забрать саженцы и вернётся, вероятно, поздно, — девушка протянула последнее слово и налила из чайника в две чашки ароматный напиток. Юноша наблюдал за её движениями — они были нежными, словно кошачьими. Вдруг она заметила его взгляд и убрала руки.

— Так... — будто ничего не произошло, продолжил Териан. — Твой отец работает в саду?

— Угу, заправляет всем. Голубой Лес — его творение.

— О да, он прекрасен... лес, в смысле, — засмеялся мальчик. Сиара тоже слегка улыбнулась. — Когда я первый раз оказался на острове, была ночь. Знаешь, я впервые в жизни увидел такую красоту... — он посмотрел на неё, искренне улыбнувшись своими большими ярко-зелёными глазами. Сиара слегка покраснела и в милой улыбке отвела взгляд. Дальше разговор пошёл куда проще. Из слов девушки Териан узнал, почему она до сих пор живёт здесь на острове, а не поехала куда-нибудь в столичную школу.

— Тут мой дом, — говорила она. — Мой отец, я не могу его бросить. Тогда у него не останется никого. Моя мать умерла при родах и... прошло столько лет, а он и сейчас горюет.

— Мне очень жаль, — сочувствующе произнёс мальчик.

Териан и Сиара были ровесниками. Юноша в ответ рассказал свою историю, поведал ей о «крае солнца», о родителях, о Лекасе — его лучшем друге, о Белисе — в общем, обо всех и

обо всём. Девушка слушала внимательно. К сожалению, Сиаре тоже редко приходилось общаться со своими сверстниками — детей на острове почти не было, только студенты. А к ним она редко решалась подойти — они ей казались какими-то агрессивными. Но девушке показалось, что Териан вовсе не такой, поэтому с ним ей было легко.

За беседой, словно миг, прошли несколько часов. Юноша предложил девушке прогуляться, она, недолго сопротивляясь, согласилась. Ребята побродили по деревне, зашли на территорию академии и посидели на траве в тени широких стволов многолетних деревьев. День прошёл очень быстро. Вскоре настало время возвращаться домой — отец Сиары должен был скоро вернуться. Териан проводил спутницу до её дверей и, вежливо попрощавшись, удалился. На душе юноши было радостно. Он готов был буквально прыгать от счастья.

Проходя мимо дома Белиса, он решил заглянуть к старому другу. Воин пошутил пару раз, а затем спросил о том, как прошёл день. Териан поведал ему всё.

«Ну, молодец, что шанс не упустил», — мужчина похлопал юнца по плечу.

Парень самодовольно кивнул в ответ и, пожелав Белису всего самого доброго и поблагодарив за ценные советы, направился к академии — сегодня ночевать хотелось в тёплой постели, а не в холодном и вонючем сарае.

Мальчик проснулся около полудня. Сегодня не надо было никуда торопиться — ещё шесть дней отдыха в награду за второе место в турнире, плюс через несколько недель будут каникулы — счастье, одним словом. Лекас, как и все студенты, был уже на занятиях. У Териана сразу возникла идея, как провести этот день.

Душ, завтрак — и вперёд. Юноша снова направлялся к дому новой знакомой, напевая по дороге какую-то песню. На этот раз дверь открыла не девушка, а мужчина лет сорока пяти, почти лысый, но с густыми усами, — её отец, как понял он. Териан уверенно попросил позвать Сиару. Тот слегка удивился и громко крикнул имя дочери. Вскоре на пороге появилась и она — такая же сияющая и прекрасная.

— Доброе утро, — очень мило улыбнувшись, произнесла она.

— Доброе, — не скрывая радостных эмоций, ответил парень.

— Знакомься, это Маллеар, мой отец, — добродушно сказала Сиара.

Териан кивнул и поздоровался. Он представился и попросил разрешения «украсть Сиару» на несколько часов. Мужчина был удивлён, но не стал расспрашивать дочь, кто это, да что это. Недолго думая, он кивнул, мол, идите. На первый взгляд, Маллеар показался добрым человеком.

— А у тебя отец... ничего такой, — рассмеялся Териан, когда парочка ушла подальше от дома девушки.

— Он хороший... Не особо строгий, даже совсем не строгий.

— Это хорошо... — ехидно улыбнулся юноша, но тут же сказал, что пошутил.

Ребята погуляли по Голубому Лесу, потом Териан спросил:

— Хочешь посмотреть академию изнутри?

— Конечно! — воскликнула девушка.

— Ну, пошли...

— Что?! Как ты... — но было поздно. Териан уже вёл её к главному входу.

Каким-то образом юноша смог провести Сиару через охрану. Они прошли по этажам, стараясь не нарваться на патрульных, шнырявших туда-сюда и днём, и ночью. Но им повезло — ни одного солдата они не встретили. Териан показал ей светлые, украшенные золотом и

мрамором залы, и провёл в свою комнату.

— Ничего так вы устроились... — обомлевая от непривычной роскоши, промолвила девушка.

— Лучшие из лучших! Надежда Атреи! — засмеялся юноша.

Через какое-то время зашумел замок, и дверь в комнату открылась. Парочка испугалась. Териан уже начал придумывать, что сказать старшему офицеру перед «недельным отдыхом в темнице». Но спустя секунду стало понятно — это был Лекас. Он возвращался с занятий. Увидев постороннего в своей комнате, студент тут же обомлел, выпучив глаза.

— Это что?.. — он указал пальцем на незнакомку, сидевшую на его кровати.

— Так, Лекас, — парень поднял ладони, чтоб успокоить друга. — Спокойно, это Сиара. Она пришла погостить...

— Погостить? Ты ласы объелся? А если увидят?

— Только спокойствие! Всё под контролем! Сиара, знакомься, это мой сосед и лучший друг — Лекас.

Девушка улыбнулась новому знакомому. От добродушной и искренней улыбки прекрасной Сиары тон Лекаса чуть подобрел. Он заговорил мягче.

— Я, конечно, всё понимаю, но это не лучшее место для встреч...

— Поэтому, — почти шёпотом произнёс Териан, намекая на меры предосторожности. — Надо запирать дверь.

Лекас провернул замок и прошёл, наконец, внутрь.

Они познакомились, и мальчик избавился от своей подозрительности.

— Как же нам теперь вывести тебя отсюда? — вздохнул Лекас спустя несколько часов.

— Я тебя когда-нибудь подводил? — беспечно ответил Териан. — Всё пройдёт, как по маслу. Гарантирую.

Долго думать не стали. Парни нацепили на девушку студенческую накидку Териана, и все троём вышли из комнаты. По пути попался охранник, Териан быстро подбежал к нему и что-то спросил, чтобы отвлечь. В итоге он был так занят беседой с прохожим, что ничего не заметил, и Лекас с Сиарой смогли пройти дальше. Териан поблагодарил патрульного и поспешил за друзьями. Путь до самого выхода прошёл без эксцессов — юноши вывели девушку из здания, парень забрал свою накидку и тонко намекнул другу, мол, дальше мы сами разберёмся. Тот помотал головой, но не стал мешать парочке. Наступал вечер — надо было возвращаться.

— Я же попросил разрешения погулять с тобой только пару часов, а не весь день. Твой отец не накажет тебя? — довольно серьёзным тоном спросил юноша.

— Не волнуйся, — только отмахнулась Сиара. — Всё хорошо.

Когда ребята подошли к калитке, дверь открыл Маллеар. Он не был зол или удивлён, казалось, что ему было всё равно. Териан отдал девушку в руки отца и, попрощавшись, удалился. Ещё один день прошёл с пользой, по мнению юноши.

Неделя пролетела быстро — каждый день Териан бегал к Сиаре. Они гуляли, начиная с утра и возвращаясь уже поздним вечером. Частенько юноше приходилось бежать обратно, чтобы успеть войти в двери академии до комендантского часа. Парень быстро проникся к весёлой, но довольно скромной дочери садовника, а она — к нему.

Потом началась учёба. После занятий Териан вновь бегал за речку, чтобы повидаться с девушкой. Лекас лишь однажды спросил, как и когда его друг с ней познакомился. Тот лишь пожал плечами и пошутил, что это была ещё одна награда на соревнованиях.

Когда близились каникулы, в один из вечеров юноша решился спросить у Сиары, не хочет ли она поехать в Фоэту с ним на те две недели. Девушка была очень удивлена, но ответила, что доброта её отца не безгранична, и ей придётся остаться на острове. Териан обещал, что будет скучать. На днях он даже подумывал о том, чтобы остаться в Санктуме на каникулы, но потом осознал, что не может так поступить с родителями, так ожидающими его.

Второе полугодие третьего курса прошло в бесконечных тренировках, будто это их последний год в стенах школы. Преподаватели и тренеры гоняли ребят до потери пульса — причина такого усердия была неизвестна. Но каким бы плотным ни был график, Териан всегда находил время, чтобы повидаться с Сиарой, которая с каждым днём ему нравилась всё больше и больше. Частенько приходилось жертвовать уроками, и учителя всё чаще наказывали его за прогулы. Был даже неприятный разговор с генералом Адайосом — военачальником Санктума, но Териан пообещал отныне серьёзней относиться к занятиям. Правда, об этом обещании он забыл сразу после того, как покинул кабинет офицера.

Юноша отлично научился драться и фехтовать — его всегда ставили в пример своим сверстникам. Оттого и ругали его несильно, а так, чтобы припугнуть. И парень этим пользовался. Ну, не исключают же, в самом деле!

Наступил конец учебного года. На этот раз Териан решил сам поговорить с Маллеаром о том, чтобы тот разрешил дочери повидать «край солнца». Мужчина был вежлив, но непреклонен — Сиара останется здесь. Все усилия юноши были тщетны. Что ж, расставание было недолгим — всего какие-то две недели.

Истрат и Мирен, как всегда, были предельно рады долгожданному приезду сына. Он очень повзрослел на вид. Ему ещё не исполнилось и шестнадцати, но по всем параметрам юный Териан был похож на мужчину. Причиной тому служили, конечно, бесконечные тренировки. Высокий для своих лет рост, отличная физическая форма, военная выправка, ровная уверенная походка — всё это делало его намного старше. И говорил он теперь, как взрослый. Всё-таки в академии учили не только оружие в руках держать.

В Фоэте же всё было по-прежнему. Жизнь потихоньку шла своим чередом. Только мужчин на улицах стало значительно меньше — около половины населения ушло в добровольцы.

«Если легионеров набирают и здесь, то однозначно намечается что-то серьёзное», — догадался юноша, но узнать информацию было не у кого — родные рекрутов сами ничего толком не знали.

Погостив положенные две недели у родителей, Териан отправился обратно в Санктум, где со дня на день должны начаться занятия. На четвёртом курсе студентов, по слухам, уже будут вывозить в походы, даже на территорию балауров. Этого юный воин ждал с нетерпением.

===== Часть 4. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 6.

Отредактировано.

Келькмарос.

Териан Лекас не спал всю ночь. Он уложил Эви на воображаемую постель из веток, накрыл её тёплой одеждой, наломал ещё дров, чтобы костёр не погас, и всю ночь караулил маленький лагерь от нападения зверей и прочей живности. Обострив своё чутьё, воин сидел перед огнём и размышлял.

Зачем же он возится с этой девчонкой? Почему не может равнодушно оставить её, как сотен других на своей протяжении долгой жизни? Не мог мудрый Даэв ответить на столь простые вопросы. Он не понимал сам себя. Но менять тоже ничего не хотел. Пусть элийка иногда порядочно ему надоедает, но что-то внутри тянется к ней... это не объяснить словами.

Начало светать. Асмодианин не сомкнул глаз. Да он и не устал особо. Вся ночь прошла в странных мыслях. Териан не хотел будить Эви, пускай ещё пара часов пройдут в тишине и покое, но судьба решила по-другому...

Даэв засмотрелся на рассвет. Он вникал в узоры желтеющих облаков, мерно плывущих по голубому небосводу. Но его внимание вдруг привлекла чёрная точка на фоне огромного солнца. Шестое чувство громко твердило о приближении чего-то злого, и бессмертный не мог игнорировать его. Териан поднялся со своего места и всмотрелся запыхавшим красным огнём взглядом в странный летящий объект.

— О, Асфель, — прошептал он по-асмодиански.

Внутри Даэва всё резко задрожало от приступа ярости и непреодолимой агонии надвигавшейся битвы.

— Дерадикон... — подтвердил он свои догадки, когда чёрная точка переросла в нечто большее, и воин смог разглядеть очертания. — Надо убираться.

Териан спешно разбудил Эви и велел ей быстро собираться. Она спросонья не понимала, что опять стряслось. И на вопросы Даэв опять не отвечал. На этот раз девушка не стала противиться и послушно побросала в сумку то, что доставала вчера. Снимать с себя тёплые вещи она пока не стала. Через минуту элийка была уже готова. Она стояла около костра, сложив руки перед собой и держа в них свою сумку. В это время мужчина уже экипировался и старательно тушил огонь.

— Нет, это мы оставим здесь, — промолвил асмодианин и выхватил сумку из рук девушки. Недолго думая, он бросил её в кусты.

— Эй, что Вы делаете? — возмущённо спросила Эви.

— Нам не нужен лишний груз, — лишь ответил Териан.

Девушка удивилась, не зная, из-за чего весь сыр-бор.

«Что опять задумал этот асмодианин?!» — негодовала она у себя в мыслях.

Закончив с костром, мужчина, как обычно, подхватил девушку на руки, рывком раскрыл огромные чёрные крылья и лёгким толчком взмыл вверх. Он быстро перегруппировался в воздухе и полетел прочь от Дерадикона. Даэв постоянно оборачивался, в надежде, что им удастся улететь незамеченными, но фигура позади всё увеличивалась в размерах.

— Что там сзади?.. — круглыми от недоумения глазами, спросила Эви.

— Дерадикон, — сухо произнёс бессмертный.

От этого слова на лице девушке возникла паника.

— Какой Дерадикон?! Что? Не может быть! — закричала она. — Спускайтесь вниз! Давайте скроемся в лесу!

— Они увидят нас даже сквозь плотную листву, — промолвил он. — За мной идёт Эфирный след, и командование Дерадиконем узнает его. Я бы мог спрятать тебя и попытаться улететь, но... — асмодианин вдруг запнулся. — Одна ты тут погибнешь.

Эви ужаснулась от таких слов. Конечно, она знала, что такое Дерадикон — в детстве наслушалась множество сказок об этом корабле. Да и в академии девочки досконально изучали эти дредноуты. Но вот видеть вживую Чёрную Смерть ей не доводилось. И слава

Айону! Мало кто выживал после встречи с флагоманом балауров.

Дерадикон приближался быстро. Вот элийка уже могла рассмотреть крылья огромного парящего металлического дракона. Естественно, он следовал не за парочкой, но их траектории, увы, пересекались. Териан думал свернуть куда-нибудь в сторону, но тогда их точно заметят. Так хоть был шанс дотянуть до какого-нибудь блокпоста, что ненадолго отвлечёт на себя корабль ящеров. И как назло, ни одной заставы не попадалось.

Даэв летел на бешеной скорости, надрывая крылья. Но Чёрная Смерть была быстрее. Вдруг он увидел на горизонте металлический блеск, широко растянувшийся вдоль прямой линии.

«Армия... — догадался Териан. — Наша или элийская?.. Неважно! — пролетело у него в мыслях, и Даэв снова ускорился, теперь уже до предела. — Хоть бы дотянуть! Хоть бы дотянуть!...».

Асмодианин всматривался в скопление воинов и мысленно считал километры до цели. Периодически Териан Лекас оборачивался, чтобы оценить, насколько быстро приближается Дерадикон.

— Мать балаурскую! — выругался бессмертный вслух. — Ящеры, похоже, тоже летят туда!

Эви мотала головой из стороны в сторону. Она не могла ничего сказать — страх сковал все её движения. Сейчас она чувствовала, что это — самые страшные минуты в её жизни. Не тогда, когда напали на Ингисон, даже не тогда, когда девушка оказалась посреди Пандемониума. Именно сейчас, ведь кругом — небо, а сзади догоняет враг. Но больше всего Эви угнетало то, что от неё ничего не зависит. Её жизнь — вновь в лапах зеленоглазого асмодианина. Всё, что оставалось девушке, — просто ждать и молиться.

Тем временем Териан разглядел, чьи войска выстроились около границы пустыни, и сей факт не придал ему надежды.

— Элийцы... — прошипел он.

Эви тут же отозвалась:

— Где? — она завертели головой. — Где элийцы?

Но ответ не заставил себя ждать. Даэв летел прямо к войскам южан. Навскидку там было легионов пятнадцать-двадцать, а то и больше. Надо отметить, что они не стояли сложа руки. Их командование давно заметило приближающийся Дерадикон и выстраивали армию в оборонительную позицию. Хотя как можно обороняться от неприступной парящей крепости, когда ты внизу, как на ладони? Асмодианин начал резко снижаться перед элийцами, но так, чтобы его не заметили. Он залетел за песчаной бархан и жёстко приземлился, чуть не выронив девчонку из рук.

Следующим шагом было избавиться от крыльев. Даэв не забыл, что теперь его чёрные перья тлеют довольно долго, спасибо Слутгельмиру. Териан с Эви отбежали подальше от крыльев, асмодианин велел девушке лечь на песок и не двигаться. Сам он острым взглядом наблюдал за тем, как огромный корабль приблизился к армии элийцев. Но, как ни странно, пушечных залпов слышно не было.

«Боекомплект пустой... — догадался Териан. — Значит, летит из Бездны».

Вместо этого Дерадикон снизился, и из брюха металлического дракона посыпались (в буквальном смысле, посыпались!) сотни и сотни балауров. Они падали из грузового отсека, свернувшись калачиками. «Ливень» из ящеров ненадолго закрыл небо. Упав на песок, балауры вставали, отряхивались, оголяли оружие и, яростно рыча, бежали прямо на элийцев.

Завязывалась кровопролитная битва.

Как только Чёрная Смерть сбросила весь «груз», корабль снова стал набирать высоту. Поднявшись достаточно высоко, Дерадикон медленно полетел дальше на восток. Какова была цель дредноута, Териан не представлял. Да и вариантов было много. Сейчас его заботила другая мысль: как выбраться отсюда живым. Но размышления Даэва прервал жуткий рёв. Из-за вершины бархана прямо на него и Эви побежал десяток экипированных ящеров.

«Не удалось остаться незамеченными...» — досадная мысль пролетела в его голове.

Убегать было поздно, и Териан быстро подошёл к Эви, схватив её за руку. Её глаза были преисполнены ужасом — ещё никогда в своей жизни она не видела живого балаура.

— Смотри на меня! — говорил он ей. — Тебе ничего не угрожает. Я со всем разберусь.

Асмодианин отпустил её, развернулся к ней спиной, медленно достал из ножен два паласа, крутанул их в руках и встал в боевую стойку, слегка ссутулившись. Но элийка его не слышала. В её голове была паника. Она хотела закричать и броситься прочь, но ноги не слушались. Глаза наполнились слезами и дрожали. Девушка прислонила кулаки к губам и прищурилась, боясь смотреть вперёд. Хотя весь вид ей и так загораживала широкая спина Териана Лекаса.

Одно мгновение, щелчок воздуха, и Даэв начал молниеносно наносить удары десятку врагов одновременно. Он парировал, контратаковал, прыгал из стороны в сторону, умудряясь в бешеных пируэтах как-то поражать своими точными ударами слабые места балауров. Одна пара мечей была у него в руках, миг — и уже другая, ещё миг — и третья. Асмодианин виртуозно жонглировал своими клинками, не забывая и про метательные ножи.

Эви стояла, боясь шевельнуться. Непривычная к крови и жестокости, светская девушка зажмурилась и даже не смотрела перед собой. Сейчас повторялась картина в Пандемониуме, когда Даэв отражал любые атаки, охраняя её, словно зеницу ока. Но с каждой битвой Эви было всё страшнее и страшнее, врагов всё больше и больше — рано или поздно нервы сдадут. И элийка не хотела, чтобы тот момент настал именно сейчас.

Через пару секунд несколько трёхметровых чудищ уже валялось на горячем песке, испуская струи зелёной крови. Териан Лекас вертелся, как юла. Он был в эпицентре вихря, который создал сам.

«Повезло, что это драконоиды, а не драканы...» — успел подумать он, пока заканчивал с ещё одной жертвой.

Вдруг боковым зрением Даэв увидел, что на него одновременно бегут три балаура с разных сторон. В метре от него в страхе сжималась элийка. Решать надо было быстро. Чутьё бесперебойно орало:

«Угроза!» — сердце билось, как проклятое.

Ответ пришёл почти моментально. Териан Лекас молниеносно убрал мечи в ножны, замахнулся рукой, упал на колени и ударил когтистой ладонью по песку. По земле, словно волна, пробежал импульс, произошёл мгновенный, но сильный подземный толчок, и все три ящера, зарывав, свалились набок, не удержавшись на ногах. Сейчас, когда у асмодианина появилось в запасе несколько секунд, он смог по очереди разобраться с каждым из балауров.

Все десять врагов были повержены. Даэв подошёл к Эви и взял её за руку. Она дёрнулась от страха и закричала.

— Тихо, тихо! — пытался её успокоить Териан. — Дыши ровно. Это ещё не конец.

Мужчина огляделся. Со стороны бархана снова бежали ящеры. Там же виднелись и

облачённые в светлые доспехи элийцы.

«Ну вот...», — нахмурился Даэв.

Теперь их заметили и воины южной половины Атреи. Отбиваться ото всех не имело смысла, и Териану пришла в голову безумная идея.

Асмодианин резко схватил девушку на руки и побежал в сторону элийцев. Эви опять открыла рот от ужаса. Кто знает, что задумал Даэв? Он же редко делится своими планами...

Териан не знал, что им движило и зачем он решил поступить именно так. Но обратной дороги не было. Он бежал только вперёд. Поравнявшись с удивлёнными элийцами, бессмертный ловко прошмыгнул между ними и, словно по ледяной горке, соскользнул с вершины песчаного бархана.

— Асмодианин! — закричали со всех сторон, но большинство воинов было занято битвой с балаурами, поэтому обойти нерасторопных элийцев было несложно.

Териан с девушкой на руках бежал прямо вдоль линии битвы, где скрещивались мечами элийцы и ящеры. Забегать в тыл светлокожим было самоубийством. То справа, то слева доносился жуткий рёв, слышно было падение тел и звон клинков. Безумная мысль, и ещё более безумный поступок, скажете вы.

Асмодианин уклонялся от неожиданных замахов врагов и бежал дальше, одновременно ища глазами знакомые лица или хотя бы знакомую форму легионов Сияния Миражей и тому подобных — тех, кто воевал, в основном, в Ингисоне. Но вместо этого он разглядел угольные доспехи легиона Щита Неджакана. Териан удивился, что гарнизон Бездны забыл в Балаурии, и буквально на мгновение отвлёкся, как тут же его ногу подсёк драконоид.

Асмодианин свалился на спину, Эви громко айкнула, больно ударившись ногой. Даэв моментально поднялся и обнажил клинки, не подпуская никого к элийке. С удачливым драконоидом Териан быстро покончил: парирование, контратака и удар по груди, затем разворот и обоими мечами — по шее балаура. Голова ящера отлетела в сторону, тело обмякло и осело на песок пустыни. Шестым чувством Даэв заметил, что сзади его собирается атаковать элиец. Бессмертный быстро развернулся, присел и подсёк лезвиями клинков его ноги. Тот рухнул на землю, и Териан машинально вонзил в его глаз сквозь предательски открытое забрало свой длинный меч. Счётчик в голове асмодианина прибавил ещё одну жертву.

Ошарашенная Эви увидела, что только что сотворил Териан Лекас и закричала. Даэв отвлёкся на неё, и лишь сейчас до него дошло, что не стоило кончать с незадачливым элийцем... на глазах элийки. Он оскалился от досады, но чутьё прошептало ему:

«Сзади...», — и мужчина вновь пустился в танец смерти.

Эви была в диком ужасе: и от того, что творилось здесь, и от жестоких поступков асмодианина. Вокруг неё падали тела, отрывались конечности и расплёскивалась то красная, то зелёная кровь. Ужасающее зрелище. Словно она попала в самый эпицентр битвы. А она действительно попала в самый эпицентр битвы! Единственным решением, которое придумал её разум, было, как можно скорее покинуть поле боя. Эви, не понимая, что творится и куда бежать, всё ещё сидя на песке, резко попятилась назад, к элийцам. Случайно попавшую в мясорубку девушку оббегали десятки бойцов и бежали вперёд — в атаку. А куда ещё? Только в бой! Во славу Элиоса и Айона! Вокруг творилось что-то невообразимое. Девушка смогла подняться и побежать. Она неслась сломя голову, словно за ней бежит стая голодных волков и вот-вот нагонит её. Эви увидела перед собой бегущего ей навстречу легионера, полностью экипированного в броню, и бросилась к нему. Девушка и мужчина

столкнулись и упали. Эви кинулась на бойца с криками:

— Помогите! Помогите! Мне нужно к своим! Помогите!

Легионер не сразу сообразил, что происходит. Наверное, девушка в смешном свитере, оказавшаяся в эпицентре сражения, вызвала у него недоумение. Он машинально поднялся, схватил элийку за руку и побежал с ней обратно в тыл. На пути его резко остановил центурион с яростным взглядом.

— Куда собрался? — заорал офицер и достал мира спины алебарду. — Ни шагу назад, я сказал!

От этого голоса Эви стало не по себе. Она узнала его. Да что там, она из миллионов голосов узнала бы именно этот! Ноги девушки снова подкосились.

— Д-дариус?.. — всхлипнула она и подняла глаза на центуриона.

Офицер тут же бросил алебарду и снял с себя шлем, не веря своим глазам.

— Эви... — молодой человек открыт рот от удивления и спустя мгновение бросился к девушке. Он крепко обнял её, ещё не понимая толком ничего.

Элийка что было сил прижала к себе юношу, зажмурила глаза и громко заплакала. Да, это был и вправду Дариус. Он зарылся лицом в её волосах и стал глубоко вдыхать их запах, вспоминая всё то, что было раньше. Время остановилось. Вокруг всё вдруг стало неважным: и битва, и балауры, и великая миссия. Вот он, новый смысл жизни. Вот оно, потерянное сокровище.

Легионер ошарашенно стоял, не зная что делать. Спустя полминуты крепких объятий, Дариус всё же поднял глаза, наполненные сладкими слезами, на своего бойца и кивнул ему, чтобы тот шёл в бой. Воин отдал честь и побежал в атаку с новыми силами.

Юноша взял Эви за плечи, отстранил от себя и заглянул в её личико.

— Как?.. Где?.. Что?.. — хотел спросить он, но не стал. — Неважно. Быстрее, уходим отсюда.

Он взял её за руку и повёл прочь от сражения. Девушка вдруг мельком обернулась и остановилась на месте. В двадцати метрах от неё всё ещё вёл бой тот самый асмодианин. Казалось, он вообще ничего не замечал вокруг себя кроме десятков врагов, одновременно набросившихся на него. Эви вдруг стало жаль его... того Териана, что столько раз спасал ей жизнь, выслушивал истерики... того Териана, чью историю она слушала, как сказку... того Териана, на чьих чёрных крыльях она летала прямо в небесах.

Девушка замешкалась. Она не знала, что теперь делать и с кем идти. Точнее, знала, прекрасно знала, что её судьба — Дариус, но теперь почему-то сомневалась в том, правильно ли она поступает. Эви стояла и смотрела, как её Даэв уклоняется и атакует и балауров, и зачем-то напавших на него элийцев. Какая-то часть девушки хотела остаться с асмодианином. Да, пусть он — плохой собеседник, пускай иногда ведёт себя, как кретин, но она чувствовала, что в нём есть что-то... что ей очень нравится. Может, светящиеся и волшебным переливающимися яркие зелёные глаза? Может, суровые черты лица? Может, серая кожа и чёрные крылья? Может, опасный, мужественный и такой непростой характер? А, может, всё сразу? Эви не знала. Но отпускать Даэва она не хотела.

Сзади послышался голос Дариуса:

— Эй! Чего ты ждёшь? Идём, скорее!

Эви всё ещё смотрела на Териана, не отрываясь. На зов юноши она машинально ответила:

— Да... — и попятилась к нему.

Дариус снова взял девушку за руку и быстрым шагом направился вглубь отрядов. Эви следовала за офицером, но мысли её были перепутаны — она никогда не задумывалась о подобном выборе. Она грустным взглядом посмотрела на Дариуса, его лицо озарилось улыбкой, и элийка моментом отбросила все сторонние мысли. Теперь она поверила, что снова со своим любимым.

Териан Лекас уложил очередного балаура и на мгновение отвлёкся, ища взглядом девушку, которую всё это время защищал. Но её почему-то не было. Он забегал глазами по округе и вдруг наткнулся на её удаляющуюся фигуру. Она шла в тыл за руку с каким-то элийцем и больше не оборачивалась на него.

— Хм... — Даэв сощурился, глядя в сторону девушки.

«Оно к лучшему», — говорил внутренний голос, но в первый раз за свою долгую жизнь асмодианин не верил ему. Не хотел верить, точнее сказать. У него в голове возникло много разных мыслей. Глаза потеряли былой блеск, свечение потускнело. Териан опустил взгляд и отвернулся. Пока Даэв был рассредоточен, два элийских legionера решили улучшить момент и сильно ударили его по голове щитом. Асмодианин даже не заметил атаки. Он упал набок. Над ним нависли два довольных лба и прислонили к его глотке свои мечи.

Обернувшись, Даэв увидел, что балауры побежали прочь — они не смогли сломить многочисленную армию элийцев. Довольные солдаты подняли вверх оружие и радостно завопили. Кто-то из legionеров даже погнался за спасающимся отрядом ящеров, дабы отомстить за смерть товарищей. Но было уже ясно — неожиданная атака балауров отражена.

Вокруг дерзкого, непонятно откуда взявшегося асмодианина собралась куча элийских солдат. Они смеялись, показывали на него пальцем, тыкали своими мечами, но Териану было всё равно. Он уже понял, что смерти не избежать, и хотел поскорее обрести её. К Даэву подбежал какой-то уса́тый пожилой офицер, громко воскликнув:

— Это тут кто такой? А-а-а, — довольно раскрыл рот элиец. — Асмодианин. Даэв, да? Ну ничего, я прекрасно знаю, что с вами делать, ха-ха, — рассмеялся он. — Получа-а-ай! — протянул мужчина и, замахнувшись, метко вонзил длинный меч в незащищённое основание шеи Териана. — На!

Асмодианин зашипел от боли и скорчил в злобном оскале лицо. Горячая алая кровь бурно потекла из раны. Даэв пытался дышать, но был слышен только хрип. Захлёбываясь в крови, он дёргался в предсмертных конвульсиях.

Элийский офицер рывком вытащил лезвие клинка из горла Териана, из раны моментально хлестанул фонтан, обрызгав чужой кровью красивые доспехи южанина. Пожилой мужчина громко засмеялся, наблюдая за мучениями Даэва. Остальные тоже залились смехом, обязательно стараясь пнуть униженного зеленоглазого асмодианина. Териан хрипел, задыхаясь. Боль была сильная, но она не заботила его.

«Ещё несколько секунд...» — отчётливо звучал голос в голове Даэва. Сердце бешено отбивало свои последние стуки. Перед глазами всё поплыло, в ушах зашумело. Белая пелена закрыла взор — сердце асмодианина остановилось. Широко открытые глаза перестали светиться и стали такими же, как у обычных смертных. Лицо перестало выражать эмоции и стало каменным.

— Расходимся, — скрыв улыбку, грозно крикнул бойцам элийский офицер. — Тут больше не на что смотреть.

Толпа legionеров зашумела и стала медленно рассасываться.

— Что здесь происходит? — вдруг послышался голос командующего армией. Он

растолкал народ и вышел вперёд.

Увидев тело асмодианина, офицер нахмурился и сжал скулы.

— Какого балаура здесь случилось? — грозно вымолвил он, грустными глазами рассматривая бездыханное тело Даэва.

Один из легионеров, поймавших Териана Лекаса, взял слово, довольно заговорив:

— Эта тварь бродила здесь и размахивала мечами направо и налево. Ну, мы её немножко успокоили, — улыбнулся солдат.

Стоявшие рядом с ним воины тихо засмеялись, поддакивая товарищу:

— Да... Ага... Хе-хе.

Даймон наклонился к асмодианину, пытаясь не смотреть в его открытые мёртвые глаза, и стал обыскивать его в поисках какой-нибудь информации. Но кроме склянок с зельями он ничего не обнаружил.

«Что же ты здесь забыл?» — мысленно спросил элиец у серокожего бессмертного.

Вдруг к Даймону подбежали Белатрисс и Канеус. Девушка удивилась жестокой картине, юноша сощурился и подошёл ближе. Командующий вздохнул и поднялся на ноги, приказав всем отойти на пару шагов, чтобы асмодианин мог свободно призвать крылья и укрыться ими, а затем — рассыпаться в песок и улететь в потоке Эфира к месту возрождения. Но чёрные крылья почему-то не появлялись.

— Что с ним? — спросил Даймон у задумавшегося рядом с телом врага Канеуса. Тот стоял, поникнув головой и, казалось бы, сочувствовал асмодианину. Но юноша не ответил. Тогда Белатрисс подошла к нему и повторила вопрос:

— Канеус, что с ним?

— Он уже — наполовину стигма... — горько промолвил маг. — Не тревожьте его, ему и так предстоит много мучений... — юноша развернулся и пошагал прочь. Было заметно, что ему тяжела эта картина.

Даймон и Белатрисс переглянулись. Они не сразу поняли, о чём говорил их товарищ.

— Это Териан Лекас? — тихо спросила девушка.

Командующий кивнул. Всё это ему казалось очень странным. Неужто великого Даэва проклинали? Даймон задумался. Но его мысли вдруг прервало тихое шипение.

Кожа асмодианина стала чернеть и покрываться коркой, будто обугливаться. Тело павшего бессмертного захрустело. Легионеры, столпившиеся около трупа, осторожно отступили назад. Плоть Даэва словно сгорало изнутри и тлело снаружи.

Будто сухой уголь, тело асмодианина начало рассыпаться на куски, только броня осталась целой. Через несколько секунд оно вовсе обратилось в прах, подняв высокий столб чёрного пепла.

Элийцы стояли молча и смотрели на необычное явление. Мало, кто понимал, что всё это значило. Только Даэвы сочувственно приложили три пальца к правой брови, опустив взгляды. Для них было безразлично, элийский ли бессмертный лежал перед ними или асмодианский, участь на всех одна... И она была очень и очень печальна.

— Говорят, немалую боль он испытает, когда окажется на кибелиске, — шепнул Даймон супруге.

— Айон видит, он это заслужил, — равнодушным тоном ответила она.

Даймон нахмурился.

— Возможно... — сказал он и велел всем расходиться.

Двоим легионерам командующий приказал собрать вещи бессмертного и сохранить их.

Те удивились и переглянулись, но не могли проигнорировать приказ, тем более Даэва.

Дариус увёл Эви в самый тыл и не отпускал её с тех пор, поэтому девушка не видела, что произошло с асмодианином. Воины и офицеры были заняты последствиями битвы: посчётом раненых и убитых, оказанием первой помощи, переносом тел, перегруппировкой отрядов, обустройством временной стоянки, корректировке маршрута — дел было по горло. Дариус должен был руководить своей центурией, но он сидел с Эви и успокаивал её. Юноша пытался разузнать, как она попала в самый центр битвы в Балаурию во время атаки Дерадикона. Но девушка не отвечала. Она лишь молчала и смотрела в желтоватый песок. Тогда Дариус начал рассказывать про себя: как он воевал с балаурами в Бездне, потом в Ингисоне с северянами, потом в тоннеле Силентера с ящерами и пауками и, наконец, здесь, в Келькмаросе со... да со всеми подряд... В общем, кучу всего. Стоит ли говорить, что Эви не уловила ни слова из его рассказа. Чем же были заняты её мысли? А разным... Она почему-то вновь вспоминала своё детство, родителей, дружбу с Дариусом, потом учёбу, первый бал, поцелуй в щёчку... И тут, как сильно изменилась её жизнь после той злополучной поездки в Ингисон... Столько всего произошло... Девушка всегда думала, что в её жизни было много знаковых и запоминающихся событий, но она поняла, что ошибалась. Вот теперь, как говорится, действительно есть, что внукам рассказать... Только вот, проблема в другом: как это осмыслить? Какие выводы сделать? Что не все враги такие и плохие, как рассказывают в школах? Что статьи в книжках абсолютно некорректно описывают войну? А, может, у войны этой совсем иные цели и причины? Кто знает... Эви загрузила себя этими мыслями по полной. Она даже не заметила, как Дариус уже полминуты звал её.

— Эви-и, познакомься, это — Белатрисс, жена Даймона.

Девушка, наконец, отвлеклась от своих дум и подняла голову. Юноша показывал на улыбающуюся молодую девушку, стоявшую рядом с ним. Где-то неподалёку общался с генералами сам командующий. Эви помнила его, а вот про его супругу не знала ничего. Она улыбнулась в ответ, торопливо встала и поприветствовала воительницу:

— Очень приятно, я — Эви... Эви ан Грейв.

Белатрисс недвусмысленно распахнула объятия, и девушки обнялись в знак знакомства.

— Я слышала о тебе, — заговорила бессмертная, игриво сверкнув мерцающим голубым светом глаз.

— В самом деле? — Эви изобразила удивление. — Кажется, господин... Э-э-э, — она забыла имя командующего. — Ваш муж тоже упоминал о Вас...

— О, я очень на это надеюсь, — засмеялась Белатрисс. — А то ему не поздоровится.

Тут подошёл и сам Даймон.

— Расефиэль, Эви, — скупой улыбнулся он. — Рад, что ты снова нашлась. Я смотрю, вы уже познакомились? — вопрос был адресован волшебнице.

— Да, — кивнула бессмертная.

— Отлично, — мужчина хлопнул в ладоши и продолжил. — Трисс предложила кое-что. Раз уж ты с нами, мы обязаны защитить тебя. Позволь отправить тебя в Интердику к родителям — оставаться здесь опасно. Как только поход закончится, твой любимый Дариус вернётся к тебе.

Юноша, услышав своё имя, смутился и отвернулся. Конечно, Даэвы поняли, кто привёл элийку сюда. И выглядело это очень и очень странным.

Личико Эви вновь охватила печаль. Она подумала, собралась с мыслями и ответила,

причём настолько решительным голосом, насколько способна девятнадцатилетняя девушка:

— Нет уж, извольте! Я останусь здесь и пойду, куда бы...

Даймон ожидал этого и закатил глаза. Вздохнув, он резко перебил её:

— Исключено, ты сама видела, что люди гибнут целыми легионами! Не хочу приказывать тебе, поэтому ты по своей воле прямо сейчас отправишься в Интердику. Трисс откроет портал.

— Поддерживаю, — произнёс Дариус и хотел обнять Эви, но та оттолкнула её и обиженно воскликнула:

— Мне надоело, что вы решаете, что мне делать. Я и так больше месяца полагалась на других... другого, а теперь хочу отвечать за свою жизнь сама!

— Твои родители соскучились по тебе, — сказала Белатрисс, пытаюсь успокоить девушку.

— Я не переживу, если с тобой что-то случится, пойми, наконец! — Дариус схватил её за руку и силой притянул к себе.

— Вы передаётся меня из рук в руки, словно я — какая-то вещь! — закричала она. — Это возмутительно, — и побежала прочь.

— Эви! Эви! Мать балаурскую... — выругался Дариус и побежал за девушкой.

Даймон на секунду остановил воина, схватив его за плечо и промолвив:

— М-да, чувствую, весёлой у тебя будет семейная жизнь.

Юноша проигнорировал и рванул за своей Эви.

— Глупая ещё... — печально заключила Белатрисс, когда Дариус уже скрылся в толпе солдат.

— Да, — кивнул бессмертный. — Не понимает, что даже если не станет жертвой шальной стрелы, то уж, как пить дать, будет обузой всему легиону.

— Хм, если она такая обуза, — задумалась девушка. — То, почему такой Даэв как Териан Лекас возился с ней так долго?

— Балаур его знает, — нахмурил брови Даймон. — Но тот факт, что его проклинали, не дает мне покоя...

— Почему это? — удивилась Белатрисс и заглянула в глаза супругу. — С чего тебя волнует асмодианский Даэв?

— Не волнует. Я с ним слишком часто виделся в сражениях, и он... странно всё это. Гордость расы оказалась проклятой, — лишь ответил мужчина. — Ладно, кажется, Дариус догнал девчонку. Открой разлом в крепость Интердики. Я прослежу, чтобы она вернулась.

Трисс согласилась, и парочка, не торопясь, направилась к офицеру и девушке, всё ещё выясняющим отношения.

===== Часть 4. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 7.

Отредактировано.

Белуслан.

Воздух около статуи с изображением Асфеля завибрировал. Будто из ниоткуда появилась чёрная густая дымка. Она закрутилась в бешеном вихре и спустя минуту стала медленно оседать на землю. Маленькие чёрные песчинки начали складываться в структуры. Через несколько минут стало понятно, что это нечто — человек. Смутные очертания ног, туловища, спины и головы неторопливо принимали форму. Фигура сидела на коленях, согнув спину. Определённо, это был мужчина. Из пыли медленно выстраивались его кости,

мышцы, сухожилия. Зрелище было весьма странным, даже пугающим, особенно для людей, незнакомых с природой бессмертных. Наконец, дымка резко исчезла, фигура дёрнулась и упала набок, скукожившись и скорчив лицо от непереносимой боли.

Мужчина широко открыл глаза и начал кататься по спине, поджимая ноги к животу, и кричать. Дико кричать. Это походило более на оглушительный стон. Жалобный голос асмодианина доносился даже до далёких снежных гор, чьи вершины спрятались за густыми облаками. Так продолжалось около десяти минут, затем боль, сковывавшее всё тело Даэва, стала медленно утихать. Не сразу и не полностью. Он перестал стонать и... заплакал. Да, бессмертный заплакал. Громко, жалостливо, словно мать, потерявшая своего единственного сына. Только от физической боли. Невероятно сильной, нестерпимой и беспросветной.

Когда Даэв смог прийти в себя, он лёг на спину и тяжело задышал. Асмодианин медленно открыл глаза, и первым, кого он увидел перед собой, кроме низких облаков, затянувших небо, были три фигуры, с важным видом стоявшие рядом со статуей кибелиска. Они были облачены в чёрные латные доспехи, лица скрывали шлемы с высоким пером, а на груди красовался большой бронзовый паук. Один из незнакомцев наклонился к Даэву, промолвив на асмодианском:

— С добрым утром, принцесса, — и с размаху ударил металлической перчаткой бессмертного в висок. Тот не ожидал удара, мгновенно обмяк и отключился.

Даэв очнулся и обнаружил, что он привязан к стулу руками и ногами. В ушах невыносимо громко звенело — последствия удара. Асмодианин попытался открыть глаза, но тут же пожалел — прямо на него был направлен свет яркой Эфирной лампы. Мужчина застонал, сощурился и отвернулся. Где-то спереди послышался скрип отодвигающегося стула. И шаги. Быстрые шаги. Вдруг кто-то резко схватил бессмертного за волосы и силой направил его лицо к ослепительно яркому фонарю. Тот пытался сопротивляться, но силы его ещё полностью не восстановились. Тяжёлая дверь в противоположном конце комнаты громко хлопнула — кто-то вошёл. Через несколько секунд из темноты донёсся знакомый высокий голос:

— Здравствуй, Териан Лекас. Давно не виделись, — он запнулся. — Во имя Маркутана, выключите этот свет... — велел мужчина стражникам, стоявшим около него.

Эфирная лампа спустя мгновение погасла. Пленник смог нормально смотреть перед собой, но ещё ослеплённый после яркого света он пока не видел ничего, только по голосу он знал, кто стоял рядом.

— А я предупреждал, что мои люди будут караулить тебя у кибелиска... Я, кажется, забыл поблагодарить тебя за кражу писем, — ехидным тоном продолжил призрачный асмодианин. — Но ничего. Я уверен, мои люди сделают это за меня. Ну, а мне пора возвращаться. Кстати, с тобой хочет поболтать старый друг — я думаю, ты не будешь против, — засмеялся он.

— Слут... Слутге... — пытался произнести какое-то слово Даэв, но не мог.

— О, — воскликнул голос. — Как мило, что ты не забыл моё имя! Надеюсь напоминать о себе и впредь.

До ушей Териана донёсся удаляющийся звук шагов нескольких человек и скрип двери. Прежде чем выйти, фигура остановилась в проёме и бросила пленнику:

— Отдыхай, набирайся сил. Поверь, они тебе ещё понадобятся! — пропел Слутгельмир. — До скорой встречи, Териан Лекас! — и дверь громко захлопнулась.

Наступила зловещая тишина. Глаза Даэва, наконец, привыкли к темноте, и бессмертный смог осмотреться. Его камера была очень тёмной: ни окон, ни решёток — лишь тяжёлая металлическая дверь в другом конце комнаты. Асмодианин сидел на стуле в углу помещения, крепко привязанный к нему, да так, что не пошевелиться. В другом углу у стены стояло что-то типа ржавого железного шкафа в человеческий рост. Посреди комнаты находился большой стол и стоящая на нём лампа. Больше ничего. Стены, потолок камеры были все в чёрной плесени, по ним обильно сочилась жидкость.

«Мы под землёй...» — сделал вывод Даэв.

В ушах ещё звенело, голова раскалывалась на части, будто в мозг вонзили несколько кольев и раздвигали череп в разные стороны.

Стражники покинули камеру вместе со Слутгельмиром, оставив пленника одного. В комнату больше никто не заходил. Сколько продолжалось одиночество бессмертного, было не ясно: может — день, может — неделя.

Даэв изнемогал от жажды. Эфира в камере не было, поэтому для поддержания сил необходима была обычная еда и вода. Териан то и дело отключался, затем снова приходил в себя. Так продолжалось всё время заточения, пока, наконец, дверь не закрипела.

Внутри вошли двое — Даэв понял это по шагам. Они приблизились к асмодианину и разрезали верёвки на его руках и ногах. Подхватив пленника под руки, они потащили его к выходу. Териан мог бы сопротивляться, даже, возможно, вырваться и убежать, но сил не было совсем. И желания. Ему было всё равно, куда его поведут — он понимал, что из темницы его уже не выпустят. Никогда.

Даэва повели по лестнице вверх — когти на ногах больно бились о каменные ступени. Затем была ещё одна дверь. Троица вошла внутрь и поставила бессмертного прямо у входа. Он пытался сохранить равновесие, но иногда это не получалось, тогда охранники подхватывали его и ставили обратно.

— Стой, отродье... — шипел один из стражников.

Териану насильно открыли рот и вылили в глотку маленький флакон прозрачной жидкости.

«Эфир...» — блаженствуя, догадался Даэв.

Усталость и жажду как рукой сняло. Головокружение прошло — к бессмертному быстро вернулись силы. Он уже мог самостоятельно стоять на ногах. Патрульные отпустили его, вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Териан огляделся. Это было не очень большое, но весьма богато обставленное помещение: антикварный стол, несколько кресел, шкаф, две маленькие дверцы, ведущие в спальню и уборную. Стены были тёплого бордового цвета. Окон не было, но на потолке висела здоровая люстра с сотнями зажжённых свечей.

«Покои начальника тюрьмы?...» — решил Даэв.

Но, когда дверца спальни открылась и оттуда вышел светлокожий асмодианин средних лет с блестящими чёрными волосами и длинной чёлкой на правом глазу, Териан сжал губы и слегка искривил лицо в презрении.

— Териан Лекас, — промолвил хозяин покоев. — Какая встреча.

— Исагир... — прошипел пленник.

— Присаживайся, — легат третьего легиона Пандемониума вежливо указал ладонью на кресло у массивного стола.

Териан недвусмысленно дал понять, что останется стоять.

— Как пожелаешь... — ответил Исагир. — Вина?

Зеленоглазый Даэв промолчал, не пошевелив ни единой мышцей холодного каменного лица. Хозяин ухмыльнулся, бросив острый взгляд на гостя.

— Ладно... — вздохнул Исагир. — Я полагаю, ты уже побеседовал со Слутгельмиром? Чудно. Меня не интересуют его дифирамбы про месть, предательство и тому подобное, — мужчина встал напротив пленника и посмотрел ему в глаза. — Мне даже наплевать, сколько он собирается тебя здесь продержать... Одно могу сказать точно — будет больно, очень больно... Но я могу помочь тебе и избавить от некоторых мучений, — Исагир сощурился, развернулся и пошагал туда-сюда по комнате. — В обмен мне необходима информация.

Териан Лекас криво улыбнулся, но ничего не сказал. Исагир тем временем продолжил:

— Скажи мне, какие у тебя связи с элийцами?

Зеленоглазый бессмертный посмотрел на стену рядом со шкафом. На ней висел здоровый чёрный щит с большим бронзовым пауком в центре. В углу помещения стоял манекен с надетыми на него доспехами офицера Безмолвных.

— И давно ты променял честь на паука? — наконец, произнёс что-то Териан Лекас. Его презрительный взгляд прожигал Исагира насквозь. Легат третьего легиона опустил глаза и промолвил:

— Этот мир меняется. Чтобы выжить, необходимо подстраиваться под него... Я ведь не хочу кончить, как ты, — Даэв вскинул брови и глянул на пленника. — Не знаю, в курсе ли ты, но в Асмодее сейчас война. Весь Белуслан и половина Морхейма уже наши. Если так будет продолжаться и дальше, скоро мы дойдём до Пандемониума.

Эти слова вызвали шок у Териана. Даэв не знал, что всё настолько плохо. Он даже не предполагал, что такое может случиться. В голове картинка начала собираться воедино. Он нахмурился, чувствуя, как непреодолимая ярость подступает к горлу и скоро вырвется наружу.

— Воевать против собственного народа для удовлетворения амбиций... — прошипел зеленоглазый бессмертный. — Отдаю тебе должное. Я тебя недооценивал. Оказывается, у тебя есть хребет. Но ради чего всё? Власти? Или денег?

— Ради мира, мой старый друг. Что бы ты ни говорил, я уважаю твой выбор, — легат подошёл к столу, взял бокал и налил в него из кувшина красного вина. — И ты уважай мой. Слутгельмир знает больше, чем Видар. Также он обладает большей хваткой и амбициями. С ним одолеть врага будет проще, ну а потом... посмотрим.

— Ты знаешь о планах Слутгельмира? Он хочет поддержать балауров и объединиться с ними! — Териан заговорил громче. — Неужели тебе невдомёк, что их помощь лишь временна? После того, как Элиос падёт, они примутся за вас!

Исагир пригубил напиток и ответил:

— Я сам не в восторге от его игр с ящерами, — он скорчил гримасу. — И думаю, не встал бы на его сторону, если б не одно «но»: наши планы рушатся на глазах. Как только началось противостояние между Храмом и Пандемониумом, элийцы оживились и начали атаковать Бездну и Балаурию. По моим данным, за месяц они отобрали у нас Ингисон, а сейчас идут на Келькмарос.

— Спешу тебя огорчить, — презрительным тоном заговорил Териан Лекас. — Элийцы захватили уже половину Келькмароса. Я, так сказать, только что оттуда.

— Проклятие! — воскликнул Исагир, яростно оскалившись, и бросил бокал в стену. Он с треском разбился, и сотни мелких осколков упали на дорогой ковёр.

— Неужели ты думал, что элийцы будут сидеть и ждать, пока вы решите здесь свои

проблемы? — с издёвкой спросил Териан. — Неудачный из тебя стратег.

— Мы помогаем балаурам, а они помогают нам — это пока самое важное, — прошипел озлобленный легат. — Но, как видишь, дела сейчас идут не очень. А ты, как известно, якшаешься со светлозадыми. Расскажи об их планах, секретах, и я в долгу не останусь, даю слово.

— Значит, с разведкой у вас тоже беда, раз ты думаешь, что я с элийцами заодно, — сощурился Даэв.

— Не пудри мне мозги, Териан, — сурово заговорил Исагир. — Рассказывай всё, что знаешь!

— Всё, что я знаю, элийцы идут к крепости Келькмароса. Не советую стоять у них на пути: они даже отбили атаку десанта с Дерадикона.

Исагир нахмурился и достал из одежды флакон с прозрачной жидкостью.

— А я хотел тебе помочь... — промычал он. — По старой дружбе. Но ты оказался упрямым. Знаешь, что это?

Териан не повёл и взглядом.

— Это идгель, — легат показал пленнику бутылочку. — Вещество, способное нейтрализовать весь Эфир в организме. Повстанцы Ривара научились создавать его. Опасная штука: подавляет волю и превращает в обычного смертного... на время. Потом Даэв умирает... мучительной смертью, — нахмурился мужчина. — Конечно, он возродится на кибелиске и забудет всё это, как страшный сон, но мы-то с тобой знаем, что теперь у тебя очень ограничены запасы жизней, не так ли? Слутгельмир мне всё рассказал.

Териан Лекас снова сощурился, на этот раз от удивления. Он не слышал об этом веществе ничего.

— ...Поэтому сотрудничать со мной — в твоих интересах, — продолжил Исагир. — Я знаю, что Слутгельмир не собирается тебя отсюда выпускать. Ему хочется отомстить за твои выходки — насолил ты ему. Тебя будут пытаться долгие годы, но ты так и не умрёшь. Перспектива не радужная, правда?

Пленник внимательно слушал рассказ легата.

«Если он не врёт, то эта штука может сильно изменить баланс во вселенной...» — подумал Териан.

Между тем, Исагир не собирался прекращать свой монолог:

— ...Ведь для воина смерть — это отдых. А отдых, как говорится нужно заслужить... — мужчина ехидно улыбнулся.

— Можно уйти и незаслуженно... — тихо сказал Териан Лекас. — Что это за место?

— Это старая тюрьма в недрах вулкана Мусфель, — устало проговорил Исагир. — Здесь раньше держали пленных балаурских офицеров и пытали их, чтобы побыстрее развязать язык. А сейчас это место под контролем Храма, и ему нашлось отличное применение.

— Морхейм... — произнёс зеленоглазый Даэв.

— Верно, — подтвердил мужчина. — Мы быстро продвигаемся вглубь провинции. Юг уже наш. Кстати, идгель сыграл немалую роль в наших победах. Как выяснилось, в малых дозах он может затуманивать разум обычных смертных, превращая их в безвольных зомби. Вот так мы и насобирали неисчислимую армию за столь короткий срок.

— Как удобно... — оценил Териан, показательно скорчив гримасу. — Сам придумал, или помог кто?

— Рад, что тебе нравится, — Исагир проигнорировал вопрос своего бывшего

центуриона. — Итак, я предоставляю тебе выбор: либо сотрудничать со мной и обрести свободу, либо упрямиться и стать пленником этого места. Выбирай. Времени у тебя мало — скоро мой гарнизон покинет эти земли и двинется дальше, а ты останешься здесь. Навеки.

Териан Лекас ухмыльнулся и спустя пару секунд ответил:

— Делай, что хочешь. Мне всё равно. Я рассказал тебе всё, что знаю, и мою душу уже не спасти. А вот твою...

— Я понял, — Исагир перебил его, кивнув, и крикнул. — Стража!

В комнату тут же вбежали двое охранников. Легат приказал им:

— Заковать!

Один из них достал из-за пазухи железные кандалы и застегнул их на руках у даже не сопротивляющегося Даэва. Второй схватил его за плечи и ждал дальнейших указаний.

— Отведите его в камеру. И проследите, чтобы не сбежал! — грозно крикнул Исагир.

Воины кивнули и силой повели Териана обратно в темницу.

===== Часть 4. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 8.

Отредактировано.

Белатрисс смогла уговорить Эви отправиться домой, пускай способ был не самый комфортный — от порталов Даэвов всегда кружилась голова. Волшебница постаралась открыть разлом как можно ближе к центру Юфросина — родины юной элийки.

Показательно надувшись, девушка всё же шагнула к portalу. Но первым, как и обещал, телепортировался Даймон. Он хотел убедиться, что путь вёл в безопасные земли. Оказалось, разлом открылся прямо на людной центральной площади Юфросина. Даймон, попав в Интердику, ловко приземлился на каменную брусчатку и осмотрелся по сторонам — жители, мирно проходившие мимо, резко остановились, выпучили глаза на бессмертного, замолчали и разинули рты от удивления. Воин поднялся, зачем-то отряхнулся, хотя вовсе ничем не испачкался, мило улыбнулся прохожим и прыгнул обратно в портал.

— Безопасно, — заключил он, оказавшись снова в Келькмаросе. — Прыгай. Больше ждать не буду, — мужчина сурово посмотрел на Эви, та обиженно отвернулась и с важным видом сложила руки на груди. Её мигом схватил за руку Дариус, естественно, стоявший рядом, и остановил.

— Эй, мы же договорились. Ты будешь в безопасности, — убеждал её он.

Девушка вздохнула, но, наконец, согласилась. Даймон устало закатил глаза и указал руками, куда надо «прыгать».

— Только осторожней! Не уподи, когда будешь... кхм, приземляться, — ухмыльнулся командующий.

Эви ещё раз с упрёком посмотрела в глаза Дариусу и, высоко подняв нос, аккуратно перешагнула через край разлома.

Элийка сразу почувствовала тёплое дуновение ветерка — такое нежное, родное. Она снова дома. Эви широко раскрыла глаза — да, Юфросин ничуть не изменился за последние месяцы: было всё так же шумно и светло. Из-за спины донеслись громкий хлопок и звук падающих камней — портал Белатрисс, ярко вспыхнув, развалился, а его остатки рухнули на брусчатку площади; сзади больше не было кровавых земель Келькмароса, только мирная солнечная Интердика.

Эви прекрасно знала город. Первым делом она решила отправиться домой, к родителям — вдруг они никуда не уехали. Девушка быстро забежала с проезжей части на тротуар —

экипажи неслись туда-сюда, и было бы глупо попасть под их колёса в первый же день. До дома губернатора было недалеко — буквально два квартала. Отбросив все мысли в стороны, барышня быстро преодолела это расстояние и оказалась на пороге своей фамильной усадьбы. Около ворот, как всегда дежурил стражник. Эви узнала его и радостно побежала к нему:

— Варуп! Варуп!

Страж поднял глаза и оторопел. Перед ним предстала картина двухмесячной давности: вновь юная хозяйка, вновь считавшаяся пропавшей и вновь на его смену! Воин раскрыл рот и хотел что-то сказать, либо просто поприветствовать блудную барышню, но получилось вытянуть из себя только недоумённое мычание.

Эви раскрыла объятия и бросилась на стражника. Не описать, как она была рада видеть его, пускай он был лишь обычным работником её отца. Варуп снова растерялся, не зная, что предпринять, и решил стоять как вкопанный, — пусть всё разрешится само.

— Госпожа Эви... — всё же выговорил страж, когда девушка отпустила его. — Рад Вас в-видеть...

— И я, Варуп! — радостно улыбнулась она в глаза мужчине. — Родители дома?

— Д-да... Они в усадьбе... — проговорил воин и сделал шаг в сторону от ворот.

Девушка не стала медлить и рванула во двор. Распахнув двери в дом, она забежала внутрь и остановилась на пороге. Внутри всё было таким же: ничто не изменилось с тех пор, как она пропала во второй раз. Эви осветила личико в счастливой улыбке. Она радостно закричала, сомкнув глаза:

— Мама! Папа!

Стоит ли говорить, что через секунду на втором этаже появились два самых родных человека, которых юная барышня так мечтала снова увидеть. Пусть она сейчас не с Дариусом и не с тем асмодианином, но встреча с родителями — самое желанное, что можно только представить.

— О, Боги... — воскликнула Фемисса ан Грейв и бросилась к дочери. — Эви!

Отец тоже немедля побежал вниз по лестнице, чтобы убедиться, что это не сон. Мать прибежала первой и крепко-крепко обняла пропавшую девушку.

— Эви! Эви! — Ромул кинулся к барышням и обнял обеих.

Фемисса и её дочка заплакали. Глава семейства тоже не удержался от слёз, предательски подступивших к глазам. Но то были не слёзы горя, а слёзы радости. Что может быть лучше возвращения домой ребёнка, которого считали пропавшим без вести?

Конечно, девушка рассказала родителям всё о своих приключениях. На этот раз она даже не стала скрывать самых кровавых и жутких сцен, а поведала всё так, как было. Понятно, что и Ромул, и, в особенности, Фемисса ан Грейвы были в шоке от таких новостей. Гору вопросов с их стороны было не остановить, но на многие сама Эви ответов не знала.

Приятная атмосфера домашнего уюта вновь охватила девушку целиком и полностью. Она была так рада, что вернулась домой, и уже не хотела никуда уезжать. А Дариус... а Дариус пусть сам навестит её, когда вернётся из похода. Да, вовсе не секрет, что Эви порядком на него обиделась. Хотя в глубине души она понимала, что он не мог поступить иначе, как заставить её вернуться в Элиос. Ромул и Фемисса, в свою очередь, рассказали дочери обо всём, что случилось в Элиосе за последние месяцы. Как-никак, её отец был губернатором, оттого и всегда находился в курсе дел. А дела, надо сказать, шли неважно. В

провинции прошла волна сборов: всех боеспособных мужчин и юношей за трое суток собрали в центрах городов и отвезли на север Интердики для проведения учений. Людей подготавливали к возможным масштабным боевым действиям, если, не дай Айон, всё пойдёт не так, как планировалось. Спустя две недели мужчины вернулись к своим семьям. Они рассказали, что их обучали держать в руках оружие, шагать в строю, а также вести бой с противником — самые азы, да и то полезно. В качестве врага представляли асмодиан и балауров — что ж, надо сказать, это было ожидаемо.

А половину действующих легионеров и стражей Интердики уже больше месяца назад увезли в составе штурмового гарнизона сразу в земли Балаурии. Как объяснил военачальник Интердики Ференто, в поддержку основным силам.

Про то, что де-факто правителем Элиоса стал Гелион, Ромул ан Грейв узнал не сразу. Военачальник Интердики провёл конференцию в крепости, куда созвал всех губернаторов городов и земель. Он поставил их перед фактом, что отныне власть принадлежит Цитадели Тэминона, а Элизиуму объявлена политическая изоляция. Конечно, ни для кого не секрет, что для Гелиона трагедия с Фаранисом была лишь поводом, чтобы провести переворот и занять столь высокий пост. Не было бы убийства бывшего военачальника, под руку подвернулось бы что-нибудь ещё. И Ромул это понимал. Аскалон, или Гелион, вызывал уважение у всех воинов и Даэвов, но у мирных политиков, не связанных с войной, меры Гелиона вызывали опасения. Да, безусловно, он был прекрасным стратегом и бравым солдатом, тем более бессмертным, но, по мнению многих, — слишком импульсивным и недалёковидным с точки зрения мирной жизни, обычного уклада вещей. Хотя можно ли требовать от Даэва, за сотни лет закалённого сражениями, знаний в области экономики, к примеру? Конечно, нет. Война — его стезя, и пока она продолжается, такие, как Гелион, будут желанны и востребованы в верхах власти.

Прошло десять дней. Десять дней спокойствия, сна до обеда, тёплой постели и вкусной еды. Чего ещё стоило желать? Эви не заметила, как быстро пролетело время. Родители не успели нарадоваться возвращению дочери, как на пороге их дома появился тот, о ком девушка не забывала ни на сутки.

Нет, это был не асмодианин, хотя о нём она тоже помнила. Громкий стук в дверь. Дворецкий поспешил встретить незваного гостя. На пороге стоял светловолосый юноша в белом мундире — в том самом, в котором должен был женить на себе Эви.

— Меня зовут Дариус ан Боуэн, — низким голосом сказал он слуге. — Я должен поговорить с хозяевами.

Дворецкий прекрасно знал это имя, и поэтому без проблем впустил молодого человека в дом. Эви была в своей комнате. Она слышала шаги внизу, но не придавала им значения. Вдруг дверь в её спальню открылась, даже без стука, и внутрь вошли её отец и юноша. Девушка обернулась и встретилась глазами с возлюбленным. Но у Дариуса они не сияли от счастья, как ожидала она. В них отчётливо читалась грусть.

— Дариус?.. — тихо промолвила Эви и приподнялась с кровати. — Что случилось?

Отец тяжело вздохнул и устался в пол. Юноша монотонно произнёс:

— Эви... Я так рад, что снова вижу тебя... — молодой человек немедленно заключил девушку в крепкие объятия. Но спустя несколько секунд он отстранился и, заглянув ей в глаза, промолвил. — Нам нужно идти...

— Куда? — удивилась девушка, но ответа не получила. Ромул велел ей одеваться и быть в холле первого этажа через десять минут.

Спорить с отцом она не стала. Ничего не понимая, барышня решила послушаться и стала торопливо выбирать, что надеть.

Эви спустилась вовремя. В холле её уже ждали мать, отец, и Дариус. Процессия двинулась на улицу. Во дворе господ ждал просторный экипаж. Юноша пригласил девушку первой. Забравшись внутрь, она увидела сидящего в углу человека. Эви узнала его. Это был Ваталлос — отец Дариуса. Он молча пялился в окно и, услышав звук открывающейся дверцы, повернул голову и скупно улыбнулся девушке — его определённо что-то тревожило. Эви улыбнулась в ответ, но в душе её был страх: что-то здесь не так. Но она надеялась, что скоро ситуация прояснится.

На месте кучера сидел Эдвард — слуга дома ан Боуэнов. Убедившись в том, что все гости заняли места в экипаже, мужчина громким: «Но-о!» — велел тройке лошадей начать свой путь.

Фемисса ан Грейв первой нарушила тишину:

— Господин ан Боуэн, — обратилась она к военачальнику Бертрона. — Куда мы едем, и к чему такая спешка? Я не успела дух перевести.

Но слово взял Дариус:

— Главнокомандующий Арэшуратом пожелал провести аудиенцию с Эви... — он посмотрел девушке в глаза и увидел в них сильное удивление. Юная элийка округлила взгляд и вопросительно уставилась на юношу.

— Зачем это, интересно? — нахмурившись, пробурчал Ромул ан Грейв. — Что Гелиону понадобилось от моей дочери?

Дариус промолчал. Он не знал ответа и сам был обеспокоен не меньше, но умело скрывал эмоции под равнодушным лицом.

— Кто-то знает про меня?.. — тихо спросила Эви, наклонившись ближе к юноше.

— Просто у кого-то слишком длинный язык, — низким голосом буркнул Ваталлос.

— Я не сказал ни слова... — опустив глаза, промолвил Дариус.

— Кто же тогда? — спросил Ромул.

— Легионеры проболтались, кто же ещё... — снова донёсся голос военачальника Бертрона. Мужчина всё ещё отстранённо рассматривал пейзажи в окошке экипажа.

— Эви видели слишком много людей... — продолжил мысль отца юноша. — Определить, кто по глупости разболтал всё в Цитадели — почти невозможно.

— Да и смысл, — сказал Ваталлос ан Боуэн. — Этим не поможешь.

— Значит... — неуверенно начала девушка. — Это плохо?

— Не бойся, — Дариус нежно взял её за руки и добродушно улыбнулся. — Военачальник задаст всего пару вопросов...

— Но о чём? — удивилась она.

— Обо всём, что с тобой приключилось. Правда, ума не приложу, зачем господину Гелиону лично заниматься такими делами.

Ваталлос глубоко вздохнул и, наконец, повернулся лицом к остальным, заговорив:

— Его сильно заинтересовала ты, Эви. Он, вероятно, уже знает о том, что ты дважды пропадала, а потом чудом находилась. Скорее всего, он даже в курсе, кто тебя похитил... — мужчина задумался на миг, но сразу же продолжил. — Гелион — опытный Даэв. Он не станет тратить своё время попусту. Посему будь осторожна и ни в коем случае не дерзи ему! Кто знает, что у него на уме.

Эви оторопела от слов Ваталлоса.

«Ну вот! Так и знала, что теперь меня никогда не оставят в покое! — думала она, пока переваливала сказанное мужчиной.

Ромул ан Грейв внимательно глядел на Ваталлоса. Его напряжённый вид никак не был похож на прежнего военачальника далёкого Бертрона — такого позитивного и жизнерадостного.

— Вы что-то скрываете... — проговорил губернатор. — Я же знаю со слов господина Ференто, что Вы активно поддерживали господина Аскалона, или Гелиона, когда случился мирный переворот. С чего теперь к нему такое недоверие?

Ваталлос сощурился и пронзительно уставился на мужчину.

— Раньше мы все думали, что власть в руках настоящего воина будет крепче и лучше, чем то, что может предложить нам мальчишка Фаметес, — сквозь зубы произнёс он. — Но теперь, когда даже мирные провинции превращаются в бескрайние военные форты и аванпосты... совету военачальников есть, над чем поразмыслить.

— То есть, всё не так хорошо и прекрасно, как рассказывал мне господин Ференто?

— Увы. Да, мы отобрали у асмодиан Балаурию, — Ваталлос на мгновение перевёл взгляд на сына. — В Бездне наши крепости тоже неприступны, но надолго ли? Гелион разбрасывается людьми. Его тактика молниеносной войны, конечно, похвальна, но что будет, когда кризис в Асмодее прекратится? Пандемониум, или кто у них там будет, соберёт новую армию и снова двинется на Келькмарос, а потом на Ингисон? А потом мы? И что, земли так и будут переходить из стороны в сторону, как качели?..

Дариус перебил отца:

— Ваши слова мне не ясны. Это победа для Элиоса, лучший момент, чтобы заполучить то, что так давно мы желали! Асмодиане уже давно потеряли бывшее могущество и превратились в жалкую кучку зверья! Посмотрите, как они режут друг друга! Изо дня в день! А балауры не решаются напасть на нас, видя нашу отвагу и силу, готовность отдать жизни за родину и идею!

— Вот поэтому, сынок, ты ещё слишком юн для политики и войн, — грозно промолвил Ваталлос. — Мне грустно слышать, что слова Гелиона звучат из твоего рта. Кто тебе сказал всё это? Что за мысли в твоей голове? Я учил тебя другому — думать о будущем, о людях, пока ещё населяющих эту планету. Ты говоришь о звериных повадках асмодиан, но разве бездумно шагать вперёд, забывая о том, что позади — это разумно? Достоинство человека, способного думать, или глупого животного? Ответь мне.

Дариус молчал.

— ...Прежде чем идти на Келькмарос, нужно было защитить подходы к Ингисону, чтобы враг больше никогда не смог пробить оборону и безнаказанно шагать по нашей земле! Вот цель! Принести мир на Атрею и в Элиос, а не искать всё новых и новых битв. Так я поступал всё то время, пока руководил Бертроном, поступаю и буду поступать! Я учу тебя думать о людях и о будущем...

— Нет, отец. Вы никогда не учили меня этому. Меня учила школа, академия, легион, но только не Вы! А то, что я говорю — это то, во что я верю! И то, ради чего буду идти в бой снова и снова, пока в груди бьётся сердце! Я желаю прекратить войну. И единственный путь к этому — разгромить врага, стереть его с лица земли! Вот тогда воцарится мир. Настоящий мир.

Ваталлос тяжело и разочарованно вздохнул. Он отвернулся от сына и вновь уставился в окно, за которым безучастно мелькали улицы.

Эви с грустью наблюдала за спором отца и сына. Наверное, она должна быть на стороне Дариуса, ведь он станет её мужем, но слова ан Боуэна старшего глубоко засели в её сердце. Девушка никогда не разбиралась в политике, военных штуках и тому подобном. Ей это просто-напросто не было интересно. Но сейчас, когда она вживую попала в самый центр событий, прочувствовала вкус войны, её чистое сердце тянулось к миру, добру. Эви осознала, что бесконечно воевать — бессмысленно. Если то, что говорит Ваталлос, правда, значит, противостояние никогда не закончится — земли будут переходить из рук в руки, но в целом ничего не изменится. Тогда к чему все эти призывы в бой, рассказы о высшей воле и справедливости? Лишь бравада? Красивый клич, чтобы юнцы брали в свои неокрепшие руки оружие и бездумно бежали вперёд?

Эви вдруг поняла, почему войне до сих пор нет конца. Все так хотят победить, что забывают о том, зачем они воюют. На душе девушки стало очень грустно. Она увидела в своём возлюбленном такого же мальчика, обязанного подчиняться глупым приказам.

«Он не понимает, что его ждёт впереди... — говорила себе юная элийка, смотря в суровое лицо своему жениху. — Смерть... Лишь смерть... Как и тысяч тех, кто был до него... Как миллионов тех, кто займёт его место потом. Смерть...» — это страшное слово звучало в её ушах и более не давало ей покоя. Эви словно видела то, что произойдёт. Отчётливо — как наяву.

Пасмурно. Тучи плывут низко, давят на голову. Вот она стоит в чёрной одежде, лицо скрывает вуаль. В руках одна красная роза. Вокруг — куча людей: её родные, офицеры, друзья. Много мужчин. Все что-то тихо шепчут друг другу, кто-то плачет, кто-то просто стоит, уставившись вниз. Справа мрачная и потерянная фигура Ваталлоса: кулаки сжаты, мышцы напряжены, по щеке медленно течёт слеза. Эви поднимает глаза — перед ней невысокий мраморный монумент, со всех сторон усеянный цветами. Она медленно подходит к изваянию и кладёт к его подножию несчастную розу. На плите она читает надпись, выгравированную золотом: «Вечная память от друзей, родителей и любимой супруги. Дариус ан Боуэн. 844–875 г.п.к.»

— Да упокоит Айон его душу... — мать девушки обнимает её и уводит в сторону от могильной плиты. Слеза падает на влажную землю. Пасмурно. Тучи плывут низко, давят на голову...

Эви приходит в себя и обнаруживает, что её глаза намокли. Она аккуратно вытирает лицо. Перед ней вновь сидят хмурые Дариус и Ваталлос ан Боуэны, сбоку устроились родители. Юноша замечает, что с его невестой что-то не так, пододвигается к ней ближе и спрашивает:

— Эй, что случилось?

— Ничего, что ты... — Эви пытается улыбнуться, но всё равно прячет глаза от любимого. — Всё нормально. Честно.

— Хорошо... — тихо произносит Дариус и снова откидывается на спинку дивана.

Эви пытается прогнать мысли прочь, но не получается. Перед глазами до сих пор стоит проклятая могильная плита. Весь оставшийся путь до порта Юфросина девушка проводит в молчании, вслушиваясь в быстрый стук колёс.

Цитадель Тэминона. Арэшурат.

Бездна выглядела вовсе не так, как о ней рассказывали в книгах — небо голубого цвета, зелень кругом, да и вообще ни единого намёка на опасность! Эви ан Грейв, замороженная

красотой садов Тэминона, прогуливалась по широким аллеям и площадям, пока её родители ждали приглашения в дворец около расписных ворот. Дариуса с отцом, как воинов, пропустили. Они были уже на приёме у военачальника.

Элийская Цитадель встретила гостей вежливо. Купол, которому крепость обязана прелестным голубым небом, мерцал и переливался в лучах огромного Ока Арэшурата, чей пугающий свет не пропускал сей магический Эфирный барьер.

Наконец, из дворца вышли две облачённые в кремового цвета металл фигуры и подошли к гостям. Легионеры представились и пригласили их внутрь. Фемисса ан Грейв позвала дочку и помахала ей, мол, пора идти. Эви вздохнула и лёгкой походкой направилась ко входу.

Интерьеры крепости напоминали более какие-нибудь усадьбы в Элиане: куча золота, цветное стекло, рельефы на стенах и колоннах, огромные драгоценные люстры. Стражники провели гостей на второй этаж. Пройдя по длинному коридору, семейство ан Грейв оказалось перед высокими арочными дверьми, ведущими в зал заседаний.

— Вам сюда, — проговорил один из легионеров.

Ромул взял себя в руки — аудиенции с Гелионом он не желал. Но раз дело касалось его дочери, пришлось перешагнуть через самолюбие.

Внутри во главе длинного стола сидел коренастый мужчина средних лет. Пышные русые волосы и гладкий высокий лоб с нахмуренными бровями выдавали в нём властного человека. Густые усы также придавали суровости. А пронзительный взгляд узких сияющих бессмертием глаз заставлял трепетать изнутри. Поодаль от военачальника смирно сидели Ваталлос и Дариус ан Боуэны. Юноша мимолётным грустным взглядом встретил гостей и снова уставился на главнокомандующего.

— А вот и вы! — в меру суровым, но наигранно добродушным тоном сказал Аскалон. — Садитесь.

Ромул подвёл дам к столу и усадил их напротив семьи ан Боуэнов. Сам он занял место чуть ближе к Гелиону. Эви робко посмотрела на Дариуса, ожидая в его взгляде огонёк поддержки, но его лицо также было мрачным.

«Что-то не так...» — догадалась девушка. Её сердце забилось сильнее в волнении.

Аскалон громко кашлянул и обратился к Эви.

— Юная леди... — он сложил мощные руки в замок и опустил их на стол, а сам осматривал гостью своим острым, как бритва, взглядом. — Да, красоты Вам не занимать.

Затем он обратился к главе семейства:

— Ромул ан Грейв, рад встрече, — но в голосе военачальника не было светлых нот, лишь холодность, равнодушие и леденящая строгость. — Теперь все в сборе, — продолжил он. — Начнём... В Ваше отсутствие мы с ан Боуэнами обсудили некоторые вещи. Вы, Эви, как я понимаю, невеста Дариуса, — это звучало, как вопрос.

Девушка робко кивнула, тихо добавив:

— Да, Ваше Благородие.

— Чудесно. Насколько мне известно, Вы исчезли прямо перед свадьбой, а затем чудесным образом нашлись... ни где-нибудь, а в самом Келькмаросе.

Эви опустила голову.

— Меня похитили... — проговорила она.

— Да, это я знаю. Как Вы оказались в Келькмаросе?

Девушка глянула на военачальника. Её прожигал насквозь его мерцающий взгляд. Эви

хотела солгать, точнее, рассказать не всё, что с ней произошло за тот месяц, но ей казалось, что Гелион увидит её ложь, почувствует это своим чутьём и накажет.

«Если он узнает, что я была так долго у асмодианина, то подумает... Нет, я же не...»

Остальные из тех, кто находился в зале, предательски молчали, уставившись на бедную девочку. Наконец, юная элийка заговорила:

— Я... Меня... увезли куда-то. Почти месяц я жила в какой-то темнице, пока меня не вызволил тот асмодианин... — Эви всё же решила немного утаить от главы Арэшурата.

Лица Дариуса и Аскалона тут же напряглись. Юноша вопросительно сощурился, глядя в глаза невесте, а Даэв облокотился на руки и привстал.

— Что за асмодианин? — грозно спросил он.

«Ну вот... Они же знают его имя».

— Териан Лекас, — произнесла девушка. — Он вытащил меня из темницы и увёз в Келькмарос...

Дариус хлопнул кулаком по столу и откинулся на спинку кресла, отвернувшись и оскалившись.

— Снова этот балаурский сын... — прошипел он.

Гелион сохранял хладнокровие, но глаза его запылали намного ярче, когда он услышал это имя.

— То есть, асмодианский бессмертный вдруг ни с того, ни с сего решил вызволить элийскую девчонку из какой-то там темницы, а потом взял и увёз её в Балаурию, так? — голос главнокомандующего звучал, словно рык зверя.

— Да... — тихонько ответила Эви.

— Чудесно. И где же вы жили?

— В лагере шиго... На севере... вроде.

— У контрабандистов, значит, — заключил Даэв. — Понятно. И чем вы занимались всё это время?

Ромул не выдержал:

— Это возмутительно! — воскликнул он, вскочив с кресла. — Она — моя дочь! Я не позволю...

— Сесть! — громко рявкнул Аскалон. Мужчина тут же плюхнулся обратно на место. — Мне решать, что возмутительно, а что — нет. Отвечай, я сказал!

Эви растерялась. Она не могла солгать, когда на неё так кричали, поэтому девушка дрожащим голосом затараторила:

— Он уходил каждое утро, а возвращался поздно вечером. Я не знаю, куда он ходил.

— А по ночам Вы были вместе, да? — Гелион исподлобья посмотрел на элийку, словно прожигая её насквозь своим взглядом дикого коршуна.

— Нет! — громко крикнула девушка и чуть не заплакала, понимая, куда клонит высокопоставленный Даэв.

— Хватит! — Дариус ан Боуэн редко встал и грозно заговорил в лицо Аскалону. — Я не желаю слышать такие вопросы, адресованные моей невесте! Не смейте сомневаться в её чистоте! Она...

— Сесть, я сказал! — ещё громче заорал Гелион, прервав юношу. — Хочешь, чтобы я велел казнить тебя за дерзость, мерзкий щенок? Ещё один подобный возглас с твоей стороны, и твоя голова будет украшать деревянный кол где-нибудь в Ингисоне! Вон, посмотри, как твой отец смиренно сидит. Он пока знает, кто его начальник!

Дариус посмотрел на отца. Тот действительно сидел в своём кресле, даже не шелохнувшись. В его взгляде читался гнев, но он, как опытный воин, держал свой пыл внутри. Юноша сморщил лицо. Он счёл бездействие со стороны отца предательством, предательством чести и достоинства. Но Ваталлос не мог воспротивиться Гелиону — мало кто знал, как главнокомандующий расправляется с неудобными офицерами, пусть даже военачальниками.

Спустя мгновение тишины Дариус понял, о чём говорил его отец, тогда, в экипаже. Теперь он увидел в Гелионе признаки диктатора, безумного воина, помешанного на своей исключительности.

Юноша был вынужден сесть на место и замолчать. Как бы на него сейчас ни смотрела его возлюбленная, другого выхода не было. Подчинение, или смерть. Пришлось проглотить обиду и смириться с норовом военачальника Арэшурата.

— То-то же! — прорычал Аскалон. — Хорошо. Скажи мне, Эви, что этот асмодианин говорил по поводу тебя?

— Ничего... — девушка жалобно посмотрела на Гелиона. — Он редко разговаривал.

— То есть, причину твоего спасения он не называл?

— Нет...

Конечно, Эви могла что-то ещё сказать, но не стала. Мало ли, вдруг её язык нанесёт вред не только ей, но и Териану. А она не желала лишних страданий никому.

— Странно всё это, — заключил Гелион. — Ладно. Видимо, настал момент, когда и мне нужно раскрыть карты... — мужчина сощурился и внимательно оглядел присутствующих. — Мне было бы глубоко наплевать на ваши дела с каким-то асмодианином, если бы не одно «но»: Териан Лекас — тот самый Даэв — что-то замышляет. И это — что-то недоброе по отношению к Элиосу. Он — агент Пандемониума, неуловимая смерть с шестью мечами... Сложить все факты воедино очень просто. Ты, моя дорогая Эви, укрываешь от меня его истинные мотивы, и мне это не нравится.

— Но я не... — пыталась возразить девушка, но Гелион перебил её.

— Молчать! Как удобно иметь агента, приближённого к легиону Щита Неджакана... — Аскалон посмотрел сначала на Эви, потом на Дариуса. — Выйти всем, кроме ан Боуэнов. Живо!

Ромул замешкался, но грозный взгляд военачальника поторопил его. Он помог жене и дочери встать и вывел их из зала, закрыв за собой дверь. Внутри остались глава Бертрона и его сын.

— Что происходит? Что это всё значит? — перепуганным голосом спросила отца Эви, когда они вышли из помещения и остановились около дверей. Из глаз девушки неустанно текли слёзы — она не знала, чего теперь ожидать, и почему Гелион выгнал их.

— О, доченька! — Фемисса ан Грейв обняла её и тоже заплакала.

Ромул не находил себе места. Слова Аскалона ничего хорошего значить не могли. Мужчина бродил около дверей и пялился в дорогой пол.

— Ответь же что-нибудь! — надрывно крикнула на мужа Фемисса.

— Я не знаю! — нервно воскликнул в ответ губернатор и подошёл к входу в зал. Он приложил ухо к дверям и стал слушать.

Изнутри доносились грозный крик Гелиона, а так же громкий голос Ваталлоса. Дариус то и дело вставал в их разговор, но разобрать слова было тяжело.

«Не смейте!.. Если так... Я сам... Никогда!» — звучали только обрывки фраз.

Наконец, послышался приближающийся стук сапог. Ромул отошёл от дверей. Створки резко распахнулись, из зала выбежал Дариус и бросился к Эви, крепко обняв её.

— Я не позволю! Я никому не позволю причинить тебе вред, слышишь? — обрывая дыхание, шептал он на ухо невесте. — Пусть он хоть тысячу раз военачальник, не позволю!

За ним показался Ваталлос. Лицо мужчины было расстроенным. Ромул подбежал к нему, схватил за плечи и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Что там случилось?

Ответ не заставил себя долго ждать. Ваталлос вздохнул и тихо произнёс:

— Увозите Эви как можно дальше отсюда, пока не поздно...

— Что? — Ромул ничего не понимал.

— Гелион думает, что она — засланка Безмолвных Исполнителей. Переубедить его невозможно, так что лучше бегите...

Фемисса услышала это и открыла рот от удивления и шока.

— Куда нам бежать? — спросила она.

Эви с Дариусом тоже устремили взгляды на главу Бертрона.

— Самое безопасное место — Фоэта. Там ваша дочь будет в безопасности...

— А мы? — испуганно спросила Фемисса.

— Возвращайтесь в Интердику. Будете навещать дочь.

— То есть, это навсегда? — округлив большие голубые глаза, поняла Эви.

— Пока всё не устаканится... Гелион в ярости. Он помешан на заговорах. Да ещё эта беда с Элизиумом...

— Но я ни в чём не виновата!.. — взмолилась девушка.

— Я знаю, — уверенно произнёс Ваталлос. — Но к чему эта правда, если официальная версия — совершенно другая?

— Я еду с Эви, и точка, — суровым низким голосом сказал Дариус.

Ваталлос посмотрел на сына. Он был готов к этому. Между карьерой и любовью молодой человек выбрал любовь — Айон видит, это было ожидаемо. Скоро трудов ради того, чтобы вновь обрести свою вторую половинку, и вот новая напасть. Конечно, Дариус взвесил все «за» и «против» — его решение было уверенным и обоснованным.

— Что ж, — вздохнув, сказал его отец. — Мне понятен твой выбор, но знай, что в таком случае ты будешь считаться пропавшим без вести, а я буду отрицать любую причастность к твоему исчезновению.

— Я готов, — не моргнув, отрезал юноша.

— Хорошо. Я предупрежу твоего легата обо всём. Я уверен, он поймёт и согласится...

— Что его легат поймёт? — донёсся голос из-за спины.

Мужчины обернулись. К ним медленно шагали три знакомые фигуры.

— Какая встреча... — пробормотал Ваталлос.

— Расефиэль, — кивнул Даймон и оглядел собравшихся. — Что вы все здесь забыли?

— Расефиэль, господин легат, — отозвался Дариус. — Аудиенция с господином Гелионом, — он сморщил лицо.

— Понятно... — протянул Даэв. — Вот и мы тоже...

Позади легата Щита Неджакана медленно ступали его жена Белатрисс и Канеус. Бессмертные поприветствовали ан Грейвов и ан Боуэнов.

— Так о чём вы говорили? — спросил Ваталлоса Даймон.

Дариус с отцом переглянулись. Глава Бертрона махнул головой Даймону, мол, следует

поговорить наедине. Командующий и ан Боуэны шагнули в сторону и стали тихо переговариваться.

Эви тем временем познакомила семью с Белатрисс и Канеусом. Последний, как всегда, был молчалив, и кроме лёгкого кивка от него нечего было ожидать. Через несколько минут к ним присоединились мужчины.

— Я всё понял... — подтвердил Даймон. — Я скажу, что Дариус не вернётся во время штатного патрулирования Бездны. Нового центуриона я подберу. Скажи мне одно, — обратился легат к своему подчинённому. — Это твой окончательный выбор? — в голосе Даэва чётко слышались нотки разочарования. Даймон надеялся, что Дариуса ан Боуэна ждёт прекрасное будущее как воина, а, может, и бессмертного защитника Элиоса. Легат уже строил планы, и решение юноши застигло его врасплох.

— Да. Окончательный, — как нельзя строгим тоном ответил юный офицер.

— Хорошо. Можешь на меня положиться... — холодно промолвил Даймон и распахнул дверь в зал заседаний, где его и других Даэвов ждал Гелион.

Белатрисс и Канеус послушно последовали за ним. Волшебница только лишь успела помахать рукой Эви и её родителям и широко улыбнуться, как створки захлопнулись изнутри.

— В Фозту... — промолвил Дариус, обняв за плечи любимую.

Девушка сомкнула губы и кивнула — другого выхода, увы, не было.

===== Часть 4. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 9.

Отредактировано.

Морхейм.

Ведро с водой, стоявшее около входа в клетку, опустело пару суток назад. Обычно его наполняли раз в три дня, а, значит, скоро сюда придут стражники. Асмодианский Даэв сидел на мокром полу рядом с ним, прислонив исцарапанную спину к стене. Он ни о чём не думал, ничего не ждал — просто наблюдал за едва уловимым течением Эфира в воздухе снаружи камеры. Конечно, его было недостаточно, чтобы чувствовать себя хорошо, тем более до самой темницы, где содержали Териана Лекаса, его потоки, увы, не доходили.

За неделю, проведённую в подземной тюрьме, бессмертный успел изучить свою клетку полностью — он знал, в каком углу стена более гладкая, чтобы можно было безболезненно прислонить к ней израненную спину. Даэв понял, в какой стороне камеры с потолка капает наиболее чистая вода, поэтому пленник не очень зависел от доброй воли стражи в виде ведра воды. Еду Териану не давали — от голода Даэв не умрёт, он просто будет очень слаб. Это и нужно было аканам подземелья — не убивать пленника, но и не дать возможности ему совершить побег.

Гарнизон Исагира ещё не покинул окрестности вулкана Мусфель, поэтому Териана Лекаса охраняли именно его legionеры — асмодианин сделал такой вывод по одинаковой форме воинов и бронзовым нашивкам на плечах. Теперь все сторонники Безмолвных нацепляли на себя этот отличительный знак — маленького бронзового паука. Так повстанцы отличали друг друга от бойцов армии Видара.

Стул и стол с лампой на ней из камеры вынесли уже на вторые сутки. Внутри остался только здоровый металлический шкаф. Он был в метр шириной и в два с лишним — высотой. Открыть его Даэв не смог — сбоку висел тяжёлый замок.

«Орудие пыток...» — сразу догадался асмодианин.

Под дверцей шкафа была большая лужа уже давно почерневшей запёкшейся крови — Териан был в этой клетке не первым.

Так как окон в камере не было, единственным источником света был настенный факел в коридоре, но он погас два дня назад. Асмодианские Даэвы могут видеть в темноте — этой способностью их одарила природа северных земель Атреи.

«Ну же... — думал про себя бессмертный. — Вам надоест меня здесь просто так держать. Когда уже начнётся действие?..»

Териан понимал, что именно сюда его посадили не случайно. Исагир упоминал, что будет очень больно, и Даэв ждал этого момента.

«Хоть какое-то разнообразие...» — ухмылялся Териан.

Вы скажете, что он спятил, когда подумал, что жаждет боли. О, нет... Но сидеть без дела и ждать, пока наступит конец света... было невыносимо. Как говорится, рецепторы должны работать, приносить чувства. Даже девятисотлетнему бессмертному. А если кроме болевых рецепторов задействовать ничего не удаётся, то и это казалось Даэву не самой плохой идеей. Тем более, к ней он привык, без неё было как-то... пресно.

«Похоже, мои молитвы были услышаны... — ехидно оскалившись, подумал асмодианин, когда услышал приближающийся звук шагов. — Определённо, двое... Плеск воды... Слава Айону».

Териан Лекас оказался прав. После громкого звука открывающегося замка и жалобного скрипа решётки внутрь зашли два стражника. Пленник равнодушным взглядом осмотрел их, даже не сдвинувшись с места.

«Серая броня. Без оружия. Шлемы с закрытым забралом. Вместо белой эмблемы — наспех прицепленный бронзовый паук. Сапоги старые, изношенные. Определённо, не офицеры. Значит, обычные легионеры. Скорее всего, даже рекруты-патрульные: носы сапог сбиты — часто поднимались по ступеням. Что ж, неплохо для начала...» — сказал себе Даэв. Териан был наблюдательным — он умел замечать то, что нужно, и это не раз спасало его шкуру.

Один из стражников споткнулся о ногу пленника, когда входил, и чуть было не упал, при этом не выронив из рук ведро с водой.

— Проклятый Даэв! — выругался он и вылил всё содержимое сосуда на голову Териану. — Пей, скотина!

Бессмертный опустил голову, ему было всё равно. Вода быстро стекла вниз, насквозь промочив его изодранную на спине старую рубашу. Затем он медленно поднял голову, желая внимательнее посмотреть на стража, но получил краем ведра по виску, отчего упал набок и замычал.

— Поднимайся! — рывкнул стражник и пнул его металлическим сапогом в живот. — Давай, мерзкое отродье!

Териан Лекас приподнялся на локтях, аканы схватили его под руки и силой подняли. Один воин остался держать Даэва, чтобы тот не свалился на пол, другой подошёл к шкафу и стал отпирать ржавый замок.

«Вот сейчас всё и прояснится...» — подумал бессмертный.

Тем временем страд со связкой ключей поливал заевший замок всякими ругательствами:

— Вот балаур тебя за ногу! Ржавчина проклятая!

— Что там такое? — крикнул ему второй.

— Да кровь вьелась в замок — не отпереть.

— Дай сюда! — стражник бросил Териана на пол, тот сильно ударился лбом о стену, а сам с недовольным видом направился к напарнику.

Подёргав с силой непослушный кусок металла, замок всё же поддался и открылся.

— Слава Маркутану! Ха-ха, — первый похлопал товарищу по плечу. — Ну что, за дело?

— Давай, — второй согласился, и они вдвоём схватили Даэва и потащили к шкафу.

Дверь со скрипом открылась, и Териан криво ухмыльнулся увиденному.

«Так и знал... — подумал он. — Что ещё здесь могло быть...»

Шкаф на самом деле был неким подобием саркофага, задняя и передняя стенки которого были покрыты длинными острыми шипами. Изнутри противно завоняло ржавчиной. Даэв оскалился и скорчил злобную гримасу, уже представляя мысленно, как его закроют там... Надолго... Очень надолго.

Териана схватили за волосы и силой впихнули внутрь лицом к двери. Он почти не сопротивлялся, зная, что таким слабым ему не одолеть стражу и не сбежать. Наконец, его голову отпустили, и бессмертный асмодианин смог ощутить и без того израненной спиной всю остроту шипов, казавшихся ему слишком старыми и ржавыми, чтобы уколоть кого-то. Холодное железо коснулось спины Териана, и его тело тут же покрылось мурашками. Неприятные всего было там, где края шипов касались самой кожи, а не старой мокрой рубахи.

Асмодианин поднял глаза, презрительно всматриваясь в забрала его мучителей. Зелёный огонёк сменился на яростный красный. Стражники тем временем, перебивая друг друга, заговорили:

— Не пялся на меня так, ирод! Это личный приказ командующего. Будет больно, даю слово! — широко и злобно улыбнувшись, первый страж с усилием прикрыл дверцу металлического гроба, а затем слегка надавил на неё и защёлкнул. Второй навесил на кольца саркофага старый замок и провернул ключ, крепко заперев Даэва внутри.

Шипы спереди сначала нежно дотронулись до тела бессмертного. Пленник даже подумал, что всё не так плохо, как могло быть. Выше плеч игл уже не было, поэтому исключался шанс убить себя, с силой пробив череп. Проткнуть сердце также не представлялось возможным — плотные шипы не позволяли двигаться. На уровне глаз была сделана небольшая прорезь, сквозь которую асмодианин мог видеть противоположный угол камеры и решётку.

Стражники отошли от пыточного шкафа и довольно отряхнули руки. Они не видели пылающих глаз бессмертного, но он грозно смотрел на них, следя за движениями. Затем они развернулись, громко посмеялись и направились к выходу из темницы, весело бреча связкой ключей. Решётка захлопнулась с той стороны, и Даэв остался один.

Он знал, что, если ему станет невыносимо больно, никто не придёт ему на помощь. Но Териан и не думал кричать, тем более молить о пощаде. Он умел ждать.

Тем временем острые шипы всё ближе подбирались к коже. Даэву казалось, что они вовсе медленно удлинялись, впиваясь в заветную плоть. Колющая боль, окутавшая тело пленника, постепенно усиливалась. Наконец, остро заныли первые раны.

«А я недооценивал эту штуковину...» — начал корить себя пленник. Вскоре стало воистину больно.

Териан почувствовал, как горячая кровь стала медленно стекать по телу вниз. Он опустил глаза и увидел небольшую, но постепенно увеличивающуюся лужицу у своих ног.

Через полчаса стало невыносимо холодно — и из-за потерь крови, и потому что шипы были дьявольски холодными сами по себе. Тело асмодианина охватило озноб. От этого иглы впивались в плоть ещё глубже, добавляя боли. Териан не кричал, не стонал, хотя мог. Из его рта доносилось лишь тяжёлое хрипящее дыхание, иногда переходящее в тихий рык. Да и орать не было смысла: на помощь всё равно никто не придёт, а зачем тратить силы попусту?

Перед глазами начало медленно темнеть. Серая пелена окутывала Даэва, погружая разум в небытие. Вскоре Териан закрыл глаза и потерял сознание.

Пленник смог приоткрыть одно веко, но впереди себя ничего не видел. Озноб прекратился, но внутри было так холодно, словно его заживо похоронили во льдах, оставив только голову на поверхности. Конечности онемели, Даэв не мог пошевелить даже кончиками пальцев. Оттого и боль в руках и ногах утихла. А, может, и нет... Пробыв в металлическом гробу несколько часов, начинает казаться, что эта боль была всегда. Шипы больше не были для асмодианина чем-то чужеродным, они словно стали продолжением его тела.

Кровь капала очень медленно, донося до ушей Даэва размеренное:

«Кап... Кап... Кап...»

Находясь в полубессознательном состоянии, Териан Лекас не чувствовал времени, разум отключился, а внутреннее чутьё больше не твердило об опасности, а предательски покинуло его.

Даэву начали чудиться какие-то голоса, звуки взрывов, бречание доспехов и лязг оружия. Вскоре к этому бешеному разнообразию добавились пение птиц, шелест листьев на ветру и приятный шум волн, пеной расстилающихся по далёкому песчаному берегу. Териан уже почти видел этот берег перед собой. А за ним — пустыня. Бескрайняя пустыня, как та, которая явилась ему во время развоплощения. Только теперь он знал, что ему нужно к воде. С головой погрузиться в прохладную приятную воду. Она залечит все раны, вернёт жизнь в тело асмодианина. Такое видение Даэв видел всегда, когда умирал.

Кожа начала срастаться вокруг шипов, кровь больше не капала, а лужа внизу почернела и затвердела. Териан вновь пришёл в сознание, но страшное ощущение металла внутри никуда не исчезло. Невыносимо хотелось пить, в ушах шумело, а онемелые руки и ноги казались ему чем-то чужим.

Даэв не стоял на ногах. Он был словно нанизан на сотни острых игл, пронзивших его плоть с обеих сторон. Разум прояснился буквально на одно мгновение. Териан успел задать себе в его один вопрос:

«Когда же я умру?.. Нельзя же вечно здесь находиться... Рано или поздно силы покинут меня, и я отправлюсь на кибелиск...» — эта мысль грела отчаявшееся сердце бессмертного. Но он понимал, что у кибелиска его будут караулить Безмолвные и снова привезут сюда. А затем всё повторится сначала...

Териан Лекас начинал вновь проваливаться в спасительное беспамятство — так организм мог выдержать дольше.

Конечно, зрители понимали, что без еды, воды и лечения пленник долго не протянет. У них был составлен график. Два раза в день, когда Даэв был без сознания, сквозь прорезь в саркофаге ему в лицо брызгали концентрированным Эфиром. Это заставляло его раны затягиваться быстрее, пускай способность к быстрой регенерации он потерял после развоплощения.

В итоге получалось, что мышцы обволакивали собой длинные шипы, а кожа предательски срасталась с ними, составляя с гробом единое целое. Такими манипуляциями можно было продлевать жизнь пленнику сколь угодно долго, пока, как говорится, Эфир в складах подземелья не закончится.

Понятно, что асмодианин этого не замечал — ему казалось, что скоро наступит смерть, и всё прекратится. Надежда на избавление не уходила. Пожалуй, это было последнее, от чего Даэв не отказывался.

Териан пришёл в сознание от сильной вибрации саркофага, принесшей ему новую и весьма сильную порцию боли. Сросшиеся ткани в мгновение порвались, и кровь вновь ручейком потекла к ногам.

В ушах невыносимо громко шумело, но асмодианин смог уловить краем уха звук открывающего замка камеры. Не зная, зачем, может, от отчаяния, бессмертный собрал все скудные силы, которые у него были, и тихо застонал. Снаружи послышался громкий асмодианский голос:

— Здесь никого нет! Идём дальше!

Териан Лекас издал ещё один стон, надеясь, что его услышат. Он стонал, не прекращая. Даже когда к нему подошли три фигуры, он продолжал издавать жалобные звуки.

— Ты тоже это слышишь? — заговорили они.

— Угу... Смотри! Из этой штуки стекает кровь!

Второй наклонился к алой лужице.

— Ага, свежая, — он потрогал её и растёр по пальцам. — Внутри кто-то есть... Открываем! — скомандовал он, и все трое дружно навалились на замок.

— Вот Фрегионову мать! Ну же!

Они стучали рукоятями мечей по замку, пытаясь сорвать его. От этого шкаф сильно трясся, а Даэв получал всё новые и новые порции боли.

— А-а-а... — дрожащим голосом стонал он.

— Есть! — кусок металла со звоном упал на пол, и трое незнакомцев рывком открыли дверь саркофага.

Териан заорал, да так, что напрочь сорвал голос. Шипы, вросшие в кожу, с хрустом вырвало из плоти. Обмякшие ноги Даэва не могли удержать его, и бессмертный беспомощной куклой упал перед своими спасителями.

Троица опешила на секунду, но затем принялась резво переворачивать узника.

— О, Асфель... — раскрыл рот один из них, когда увидел лицо пленника, и выпучил глаза. — Госпожа легат! Госпожа легат! Вам надо это видеть!

В камеру спустя несколько секунд вошла стройная черноволосая асмодианка в лёгкой броне, вооружённая двумя кинжалами. За спиной у неё развевался чёрный плащ.

— Что такое? — спросила она.

— Смотрите... — legionеры расступились и позволили женщине подойти к узнику.

— Мать... моя... Тиамат... — воительница наклонилась и оторопела. Она знала, чьё тело лежало на полу темницы.

Через несколько часов.

Териан Лекас очнулся, лёжа на спине. Он попытался поднять голову. Его туловище, руки и ноги были перевязаны широкими, уже окровавленными бинтами. Воин замычал и повернул голову. В другом конце небольшой комнаты на деревянном стуле сидела женщина,

важно откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу.

Незнакомка заметила, что мужчина пришёл в себя, и рывком поднялась. Она медленно зашагала к нему, внимательно осматривая его взглядом с головы до ног. Женщина присела на койку рядом с ним и потрогала нежной когтистой рукой лоб.

— Ничего, жар скоро пройдёт, — мелодично пропела она. — Так значит, Териан Лекас? — спросила незнакомка, не ожидая ответа на столь очевидный вопрос. — Все считали тебя сторонником Теней. С чего же ты им не угодил, раз попал в карцер?

Даэв замычал и сощурился, пытаясь вспомнить имя воительницы.

— Кенсаи... — наконец, пробормотал он.

— Молодец... — кивнула она. — Потихоньку приходишь в себя, — женщина нежно провела рукой по перевязанной груди мужчины. — Как странно, что раны не заживают даже под воздействием Эфира...

Териан перевёл взгляд на потолок и ничего не ответил.

— Ладно, отдыхай. Через пару часов я зайду — поболтаем, — пропела она и элегантным кошачьим движением встала. Потянувшись, Кенсаи направилась к выходу из комнаты и на пороге, улыбнувшись, сказала. — Да, и не уходи никуда...

Асмодианин закрыл глаза и постарался уснуть. Он давно понял по ощущениям, что его донельзя накачали Эфиром. Плюс к этому, боль от ран была довольно слабой (хотя, как сказать — довольно!..) — лошадиная доза обезболивающего. Усыпляющий эффект этих трав было тяжело перебороть, и бессмертный почти мгновенно провалился в сон.

Он не знал, сколько часов прошло, пока он спал. За окном было темно. Териан почувствовал, что бешеное количество Эфира всё же сделали своё дело: пусть боль напоминала о себе постоянно, но в остальном — слабость и недомогание как рукой сняло. Даэв попытался сесть. На удивление, получилось. Следующим шагом было подняться на ноги. Опираясь на края кровати, асмодианин с трудом, но встал. Он убрал руку с мебели. Удивительно, но голова почти не кружилась.

«Надо всё-таки спросить, чем они меня накачали... Чтобы себе потом приготовить», — подумал он.

Медленно, но уверенно шагая к двери, асмодианин услышал скрип двери.

«Рог балауров!» — выругался он про себя и хотел было плюхнуться на кровать, но Кенсаи оказалась быстрее. Она увидела, что он стоял посреди комнаты и сделала недовольное лицо.

— Я кому сказала, отдыхать? И куда ты вообще собрался? Да и ещё без одежды... — ехидно ухмыльнулась она, опустив взгляд немного ниже.

Териан вздохнул и развернулся, медленно зашагав обратно к постели.

— Но поболтать нам всё же стоит, — продолжила женщина. — Ну... Начнём с этого: что ты делал в темнице под вулканом?

— Отдыхал, разве не видно? — рыча, ответил мужчина.

— И кто же тебя отправил на этот «курорт»?

— Что тебе нужно? — Териан сощурил глаза, прожигая ими воительницу насквозь.

— Мне нужно освободить Асмодею от уродливого шрама в виде Безмолвных, — нахмурившись, заговорила она. — Полагаю, ты прекрасно знаешь, в чём сейчас дело.

Мужчина кивнул.

— Так ты на стороне Пандемониума? — спросил он.

— Я, и весь мой гарнизон, — важно уточнила Кенсаи. — А ещё сотни тысяч бравых

воинов по всей Асмодее... А за кого ты?

— Ни за кого. Но если ты так интересуешься, то я точно не на стороне Теней, — Даэв изобразил усталый вид, исподлобья смотря на собеседницу.

— Странно, — она слегка отклонилась назад, недоверчиво глядя на мужчину. — Это ведь ты устроил ту кровавую бойню в Пандемониуме?

— Это была провокация Слутгельмира... Я не хотел крови...

Быть чистым душой перед Кенсаи Териан не собирался. Да и на кой это надо? Меньше всего на свете сейчас он хотел плакаться ей в жилетку.

— Говорят, в поджоге ратуши тоже ты участвовал.

— В каком поджоге? — с искренним удивлением спросил он.

— Хм-м, — задумалась женщина. — Как давно ты здесь?

— Не знаю. У меня не было календаря в камере, — презрительно ответил асмодианин.

— Довольно. Я так поняла, рассказывать ничего ты не хочешь, поэтому помочь я тебе тоже не могу. Всё же как-никак ты враг Асмодеи. Я, конечно, могла бы рассуждать так: враг моего врага — мой друг, но ты не оставляешь мне выбора.

— Уговорила, — недовольно скрипнул зубами Териан. Ему показалось, что другого выхода нет. — Меня поймали на кибелиске — цепные псы Теней караулили меня там. Затем перевезли в темницу под вулканом. Всё это время здесь находился гарнизон Исагира. Он мне рассказал, что ведёт войну на стороне Слутгельмира. Я отказался помогать ему и был наказан. Это всё, — мужчина откинулся на спину и уставился в потолок.

— Почему ты отказался? Не нравится Верховный Судья? — с усмешкой в голосе спросила Кенсаи.

— Не хочу вмешиваться в эти дела. Меня они не касаются.

— Ох, дорогой мой, ты ошибаешься, — рассмеялась она. — Ещё как касаются! Ты — Даэв и должен охранять мир в Асмодее. Придётся к кому-то примкнуть. Или желаешь стать отшельником?

— Не самая плохая мысль, — прошипел Териан.

— Всё дерзишь?.. Эх, ладно. Гарнизон Исагира, говоришь? Что ж, спешу обрадовать, что наши войска отбили вулкан, а эти хваленые последователи Безмолвных — предатели, попросту говоря — сбежали, да только пятки сверкали. И Исагир вместе со своей шайкой пустился так резво отсюда улетать, что не догнать было!

Териан ничего не ответил. Ему было всё равно, кто победил в этой битве. Хотя, если бы столичные войска не осадили вулкан, то находился бы Даэв всё там — в саркофаге, истекая собственной кровью. Так что в глубине души он был рад приходу гарнизона Кенсаи.

— И что ты хочешь от меня? — мужчина повернул к бессмертной голову и внимательно посмотрел в её светящиеся глаза.

— Ты сильный воин... — серьёзным тоном заговорила она. — Ты стоишь сотен обычных солдат. Помоги нам в войне с Безмолвными, и я помогу тебе.

Териан ожидал этих слов и снова отвернулся.

— Ты мне не поможешь...

— Я отведу тебя к Видару и расскажу всё. Я упомяну, что и благодаря тебе Асмодея снова сможет спать спокойно. Он простит тебя, я обещаю.

— Мне не за что извиняться... — сквозь зубы пробормотал мужчина.

— Опять ты упрямисься, — Кенсаи покачала головой. — У тебя есть время подумать. В любом случае, отпустить тебя я не могу — ты же пока враг народа, так что сиди здесь,

набирайся сил и хорошенько подумай о моём предложении, — женщина встала, погладила Териана по щеке и грациозной походкой вышла из комнаты.

Оставшись один, Даэв сильно ударил кулаком по стене — он ненавидел быть в капкане. Отправляться к Видару, умолять его о прощении и снова идти в битву он не собирался. Планы асмодианина были куда грандиознее — помешать балаурам вновь захватить мир. Но, надо сказать, в последнее время ситуация сильно осложнилась. Если раньше ящеры были в сговоре с Храмом Правосудия, то теперь в голове Териана всплыл вопрос: а выгодно ли драконам продолжать поддерживать Асмодею, разрозненную междоусобицей? Очевидным был ответ: нет, не выгодно. И этот вывод не давал Даэву покоя. Если раньше он знал, что ожидать от балауров, то теперь всё усложнилось настолько, что сами ящеры, вероятно, не знают, как поступить.

«Одно верно — сроки сдвигать они не будут, слишком много подготовки шиго под хвост... Итак, остаётся около шести месяцев до атаки на Элиос. Вдруг балауры решат нанести удар сначала по Асмодее? Это им будет выгоднее и проще сделать. Значит, времени в обрез... Да-а... — Териан прокрутил в голове эту мысль несколько раз. — Пора уходить отсюда».

Была уже глубокая ночь. Бессмертный просчитал, что хижина, в которой его оставили, охраняется. Он посмотрел в окна: идеальный способ смыться — стражи нет, решётки тоже. В углу комнаты валялась его старая одежда: рубаха и брюки — все изрешечённые острыми шипами и насквозь пропитанные уже подсохшей кровью. Но другой одежды не было. Териан натянул на себя эти окровавленные лохмотья, подошёл к окну и стал ждать, пока на улице не станет слишком тихо.

Из-за того, что в Даэва влили большой объём Эфира, пусть и разбавленного, чутьё стало острым и воспринимало любые шорохи и запахи в десятках метров от бессмертного, даже за стеной.

Улучив момент, асмодианин осторожно открыл створки деревянных окон и принялся выбираться из домика. Это было нелегко, если вспомнить, что всего несколько часов назад он, словно решето, валялся в своей крови и слюнях на полу темницы. Но Эфир делает своё дело, превращая невозможное в возможное.

Через минуту Даэв спрыгивает на твёрдую землю. Шестое чувство подсказывает, что вокруг чисто — только у двери за углом два вооружённых стражника. Собравшись с силами, Териан начинает бежать прочь. Позади него остаётся вулкан, слева — утёс, справа и впереди — огромный лагерь войск Пандемониума, а за ним аванпост. Асмодианин решает двигаться к утёсу. На вершину ведёт прямая дорога, но чутьё твердит о том, что туда лучше не соваться.

«Ладно, — соглашается с ним Даэв. — Придётся в обход...»

Глаза бессмертного быстро обнаруживают удобный подъём. Не надо быть закоренелым скалолазом, чтобы забраться по нему. Но в состоянии, в каком находится Териан, любой подъём покажется отвесной скалой.

Открывать крылья бессмертный не собирается, он чувствует, что у него не хватит сил их удержать.

«Вперёд, — говорит себе асмодианин и делает первый шаг. — Рука сюда, потом сюда. Так, правая нога, левая, — мужчина медленно переставляет конечности, чтобы не рухнуть вниз. Склон довольно полог, но очень ступенчат — приходится преодолевать огромные каменюги. Силы расходуются быстро — долго не продержаться. — Есть!» — наконец, говорит себе он, забравшись на самый верх — всего метров восемь-десять над землёй.

Чутьё мгновенно начинает твердить об опасности — рядом асмодиане. Много. Даэв пригибается и смотрит по сторонам. По главной дороге медленно идут с десятков экипированных лучников.

«Смена караула... — догадывается он. — Как вовремя...»

Териан делает неосторожный шаг и случайно задевает босой ногой булыжник. Тот начинает падать с утёса вниз и с жутким грохотом разбивается.

«Мать балаурскую!» — выругивается Даэв, но уже поздно — стража заметила его.

— Эй! Кто здесь? Стоять! — кричит главный из них.

Бессмертный решает бежать — единственный разумный вариант против лучников. Начальник поста мигом приказывает остальным стрелять в шпиона, но все промахиваются — бессмертный успевает просчитать траекторию полёта стрел и машинально уклоняется от них. Тогда охрана начинает бежать вслед за ним. Стоит ли говорить, что раненый Даэв не может составить конкуренцию по скорости десятку натренированных лучников.

Асмодианин бежит изо всех сил, он знает, что ему нельзя на кибелиск. Сзади уже доносятся яростные крики:

— Схватить его! Живьём взять!

Даэв не знает, куда бежать. Но вдруг его шестое чувство подхватывает слабый, но стремительный поток Эфира.

«Разлом? — думает он и не ошибается. Справа в тридцати метрах ярко светит маленький кружок пространственного разлома. — Надо успеть!»

Териан ускоряется до предела. Сфера становится всё уже — ясно, что ей уже почти четыре часа, и она скоро закроется. Может, даже через минуту. А, может, и меньше!

В пяти метрах от портала Даэв слышит:

— Целься!

Три метра, два, прыжок!

— Пли!

Асмодианин успевает в разлом как раз в тот момент, когда он уже вспыхивает, чтобы закрыться навсегда. Быстрый толчок телепортации, и Териан Лекас падает лицом в невысокую траву. Глаза слепит яркий свет — здесь уже день. Над ухом Даэва свистит чёрная стрела и с визгом вонзается в дерево — она тоже успевает пролететь через портал вслед за мужчиной.

Обессиленный асмодианин пытается перевернуться, но все силы он израсходовал на последний рывок. Тяжело и быстро дыша, он теряет сознание прямо здесь — на опушке молодого леса где-то в Элиосе.

===== Часть 4. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 4. Глава 10.

Отредактировано.

Форт Альквимия. Белуслан.

Слутгельмир и его верная свита важно спустились на причал. Воздушное судно о чёрных парусах медленно качалось под облаками. К предводителю Безмолвных подошли несколько асмодиан — все с повязками на лицах, чтобы их никто никогда не узнал. Слутгельмир мимолётным хитрым взглядом оценил встречающих: потрёпанная мешковатая одежда, старая обувь, за поясом сверкали по два изогнутых кинжала.

— Добрый день, господа! — приветственно расправив руки в стороны, произнёс один из таинственных повстанцев и направился к Теням. — Вы к нам с подарками?

Верховный Судья сжал губы в тонкую полоску и слегка улыбнулся.

— Как вы и просили, мой добрый друг, — обычным для него, но довольно высоким для мужчины голосом пропел Слутгельмир. — Всё на корабле.

— Отлично. Подвозите тележки! — грозно скомандовал мужчина стоявшим позади него людям в масках.

Судья в свою очередь свистнул и, повернувшись лицом к палубе, сделал рукой жест, мол, спускайте груз.

На длинном трапе корабля Безмолвных тут же показались несколько человек в обычной рабочей одежде — с виду простые грузчики. Они стали осторожно спускать на своих спинах большие деревянные ящики. В них что-то громко гремело, определённо — стекло.

— Не разбейте там, остолопы! — изредка покрикивал на трудяг Судья, с упоением наблюдая за их действиями.

Повстанцы тем временем подвезли к трапу восемь металлических тележек. Они помогли рабочим погрузить груз и торопливо увезли его в недры форта, словно кто-то их неустанно преследовал.

— Что ж, — показательно отряхнув руки, заговорил глава Теней. — Сделка есть сделка.

— Угу, — кивнул повстанец в маске и достал из-за пазухи тряпичный свёрток. — Здесь всё, — на этих словах он передал его в уже протянутую руку Слутгельмира.

Мужчина аккуратно развернул мешочек, и на свету ярко-красным засияла горстка драгоценных камней.

— Хм-м, — улыбнулся Судья. — Достойная плата, — он спешно скомкал свёрток и убрал его в мантию. — Но ведь я знаю, что в форте есть нечто более ценное пары десятков рубинов, м?

Его хитрый намёк сразу понял главарь повстанцев. Он развернулся и велел Безмолвным следовать за ним.

Небольшой порт у ворот крепости находился высоко над уровнем моря — в снежных горах восточного Белуслана. Соображения безопасности, так сказать. Перед свитой Верховного Судьи предстала высокая стена, слегка наклонённая внутрь форта — для лучшей обороны. Внутри крепости было крупное поселение повстанцев и лаборатория — её называли глубокую шахту прямо в горном склоне. Вход туда был разрешён только старейшинам и рабочим, обычные последовали культа Ривара не имели доступа к её секретам.

Процессия вошла в высокие ворота. Слутгельмир сразу скорчил лицо в отвращении — вонь в крепости стояла жуткая. Надо признаться, это было ожидаемо. Повстанцы слабо понимали, что такое цивилизация. Они жили в убогих домишках, все отходы и грязь выливались прямо на улицу. Еду централизованно готовили на кострах, вокруг которых постоянно собирались дурно пахнущие грязные люди в каких-то обносках — если не чтобы поесть, так чтобы погреться.

«Звери в лесах живут лучше», — заключил Слутгельмир, следуя за своим спутником по широкой улице.

Мужчина даже закрыл нос ладонью в кожаной перчатке, чтобы не так сильно ощущать аромат местного быта. Он мельком обернулся на своих подчинённых, шагавших чуть позади. Они, кстати, поступили так же.

— Пришли, — повстанец остановился у двери большой хижины и махнул гостям головой. — Вам туда.

Слутгельмир вошёл первым. Он осторожно поднялся по хрупкой лестнице, открыл скрипучую дверь и оказался в довольно просторном, но тёмном и душном помещении. По краям комнаты была куча всяких тумб с книгами. Окна были занавешены старыми шторами. На стенах висело множество светильников, но свечи горели далеко не все, оттого внутри было темно. В противоположном конце Судья разглядел большой стол и мужскую фигуру, вразвалку сидящую за ним. Кресло слегка хрустнуло, когда хозяин увидел гостей.

— Добро пожаловать в форт Альквимию, господа, — хриплым прокуренным голосом заговорил мужчина. — Один из последних оплотов свободы на этой половине Атреи.

Слутгельмир криво ухмыльнулся и, громко отбивая каждый шаг, подошёл к нему.

— У вас здесь мило... — оглядываясь по сторонам, сказал Судья.

— Присядьте, — хозяин указал толстой волосатой рукой на кресло напротив. Оно было лишь одно, поэтому его занял сам предводитель Безмолвных. Его свита же устроилась за спиной, обступив начальника. — Вы уже получили награду?

— Сполна, — улыбчиво кивнул он. — Остаётся надеяться, что реагенты не пропадут зря.

— Как и рубины, кхе-кхе, — мужчина громко закашлял и сплюнул в ведро, стоявшее сбоку. — Очередная партия будет готова через два дня. Пришлите корабль — мы всё погрузим.

— Не сомневаюсь... — сощурившись, проговорил Судья.

— Я знаю, зачем Вы лично суда пожаловали, кхе-кхе-кхе, — повстанец снова залился кашлем. — Но пропустить Вас в лабораторию я не могу.

После этой фразы Слутгельмир важно положил локти на стол и вытянул руки.

— Дорогой Вы мой... — начал он. — Наша потребность в идгеле растёт изо дня в день. А ваша хваленая лаборатория уже не справляется с объёмами его производства, и мне придётся что-то с этим делать.

— Исключено! — грузный мужчина громко хлопнул ладонью по столу, что аж Верховный Судья дёрнулся. — Я не дам вам рецепт идгеля. Тогда он попадёт куда не следу... кхе-кхе-кхе... куда не следует.

— Вы можете мне доверять.

— Мне нравились времена, когда Вы платили — мы делали. Теперь, когда Ингисон снова у белокрылых, всё стало сложнее... Я вынужден покупать драну у вас, но вы ведёте свою игру, — хозяин, приговаривая, покрутил толстым пальцем около носа Слутгельмира, отчего тот недовольно сморщился. — И если балауры не займ...

— Из-за балауров не беспокойтесь, — перебил его Судья и обратился к своей свите. — Выйти всем! — Безмолвные послушно удалились. Когда в комнате остались только двое переговорщиков, мужчина продолжил. — Наша общая подруга ясно дала понять, что она — на нашей стороне, что бы ни случилось. А насчёт Ингисона... Разве Вы забыли, почему я подговорил Видара начать наступление? Я пошёл с Вами на сделку, причём не очень-то выгодную для меня! Я вам — Ингисон с огромными плантациями балаурской драны, вы мне — идгель и верных солдат.

— Я никому об этом не рассказывал, как и обещал! — промолвил повстанец. — Но Ингисон-то теперь не ваш. Договор расторгнут. Не по моей, и не по Вашей вине. Но больше людей я вам давать не буду.

— Думаете, я распространялся? — немного обиженно заговорил Слутгельмир. — Да самые верные из моих псов до сих пор не знают, что идгель существовал в этой лаборатории

уже как два года. Всё было продумано, — он поднялся с места и сам начал стучал кулаком по столу. — Вы как бы случайно обнаружили свойства этого вещества, а Исагир — моя фарфоровая кукла — по иронии судьбы наткнулся на вас в этом форте! — его тон немного смягчился. — Конечно же, он сразу же доложил обо всём мне... И хвастался потом, что начало добычи идгеля — его заслуга, ха-ха. Пусть будет так, пусть он думает, что и это, и захват нами Ингисона несколько месяцев назад — его победы. Как же я люблю этих храбрых воинов... Знаете, по-моему, «храбрый» — мягкий синоним слова...

— «Глупый?» — перебил его хозяин.

— Да... — задумавшись, ответил Судья. — Пожалуй, да.

— Не заговаривайте мне язык, — сурово заговорил повстанец. — Мне надоело платить больше, чем я получаю — это первое. Второе: лаборатория Альквимии — единственное место на Атрее, где будут создавать идгель. Третье: на моих людей больше не рассчитывайте. Мы не наёмники. Мы несём слово Ривара — свободу, вот что нужно этому проклятому миру!

— Хорошо, хорошо, хорошо... — Слутгельмир вежливо, но резко остановил его. — А если я пообещаю, что балауры поддержат вас в войне против Пандемониума и Элизиума? Ведь, насколько я знаю, ваши агенты распространились и по всему Элиосу. Говорят, их сейчас там даже больше, чем в Асмодее. Только вот для всего вашего братства сейчас наступили сложные времена: охоты на повстанцев, отслеживание шпионами...

Риваровец стал слушать внимательней. Судья меж тем продолжал:

— Поддержка балауров вам нужна, как никогда! А поручиться за вас перед леди «А» могу только я... — он ехидно улыбнулся. — Вы же знаете, кто это?

— Знаю... — пробормотал хозяин форта.

— Вот и прекрасно! Поэтому не стоит делать поспешных решений и заговариваться о расторжении договора... Мы нужны вам... Нужны, как никогда... И Вы, мой дорогой друг, это прекрасно понимаете.

Как ни крути, слова Слутгельмира были очень и очень убедительны. Глава повстанцев Альквимии понимал, что без чьей-либо поддержки братству не выжить. Но послушать Безмолвных — означало стать их вассалом, такой же фарфоровой куклой, грозно выглядящей, но очень хрупкой, какой считал Исагира сам Верховный Судья. Что же выбрать? Похоронить свои мечты и поставить крест на идеях? Предать слово Ривара? Или пойти на поводу у Теней и принять их помощь? В любом случае, какой бы выбор повстанец ни сделал, это означало признать своё поражение: либо перед Пандемониумом, либо перед Безмолвными. Мужчина был ярым приверженцем клана, другой бы и не смог возглавить его, поэтому решение, которое он озвучил, было вполне логичным и ожидаемым для Слутгельмира.

— Понимаю... Вы выиграли... Забирайте, что нужно... Но мне необх... кхе-кхе... необходимы гарантии того, что ни вы, ни балауры не оставите нас в нужный момент!

Внутри Судьи всё затрепетало. Он знал, что это означало власть над крупнейшей повстанческой армией в Атрее. На лице засияла хитрая улыбка, которую он хотел скрыть, но не мог.

— Я даю Вам эти гарантии, — выдавил из себя он. — А теперь позвольте пройти в лабораторию. Всего наилучшего!

Счастливый мужчина, пританцовывая и напевая весёлую мелодию себе под нос, покинул дом начальника и вышел к своим, оставив озлобленного, но полного отчаяния

предводителя повстанцев наедине со своими мыслями.

— Всё прошло, как нельзя лучше, — сказал он своим подчинённым. — Идёмте к скале. Я взял билет на всех, ха-ха...

Процессия, громко переговариваясь, направилась к шахте. Надо было пройти через весь форт, чтобы добраться до скалы, в которой проделан широкий тоннель. Около входа дежурило несколько человек. На вид они были одеты более прилично — сразу видно, не последние люди в клане. Увидев приближающуюся к ним колонну асмодиан в чёрных доспехах, они вытащили из-за пазухи мечи и загородили проход.

— Сюда нельзя! — грозно сказал один из них. — Вы кто такие вообще?

Слутгельмир вышел вперёд, чтобы ответить, но его перебил громкий ор сзади. Он невольно обернулся. Остальные Тени достали оружие и встали в боевые стойки, защищая своего предводителя.

Оказалось — опасности не было. Всего лишь кучка повстанцев около большого костра. Они подняли вверх кружки и громко закричали хором:

— Свобода и оружие! Свобода и оружие! Свобода и оружие!

Затем они громко плюхнулись на землю и загалдели, начав трапезу.

— Это что? — удивился офицер Безмолвных, наблюдая за картиной. — Их клич?

— Похоже... — с нотками жалости в голосе ответил Верховный Судья.

Стражники у входа в пещеру всё ещё ждали его ответа, поэтому он повернулся к ним и сказал:

— У нас есть разрешение вашего главаря.

— Пустые слова! — оскалился сторож. — Никому из посторонних сюда не войти!

Слутгельмир ехидно улыбнулся и мурлыкнул:

— Ну мы ведь не хотим боя, верно?..

Безмолвные уже были готовы к схватке, но первыми не нападали. Повстанцы тоже встали в стойки. Вдруг их старший увидел вдали толстую фигуру начальника форта. Тот стоял на улице и усердно махал им, мол, не мешайте, пусть идут. Страж, безусловно, удивился, но спорить не стал. Он велел своим товарищам убрать оружие и пропустить гостей.

Слутгельмир откланялся и важно вошёл в шахту. За ним проследовала его многочисленная свита. Сначала проход был довольно узок, пускай и высок, но он постепенно расширялся. Вскоре стены стали гладкими, отполированными.

— Вот мы и здесь... — весело пропел Верховный Судья.

Впереди был слышен какой-то гул. Безмолвные зашагали осторожнее. Спустившись по длинной лестнице вниз, выточенной прямо из камня, они оказались в большом помещении. Вдоль всего зала в несколько рядов стояли столы. На каждом из них стояла куча всевозможных склянок, сосудов, колб. На некоторых шипели перегонные машины — здоровые металлические устройства с кучей трубок. Между столами ходили туда-сюда асмодиане в некоем подобии халатов. На лицах были маски, а глаза их защищали толстые очки.

Тени спустились вниз. Здесь на них никто не обращал внимания, словно их и не было, — все были заняты работой. Слутгельмир замер, хитрым и острым взглядом осматривая зал. О чём он думал, было не ясно. Но лицо его нахмурилось. Определённо, он что-то планировал. У противоположной стены мужчина разглядел три арки, ведущие, надо полагать, в разные помещения. Он приказал Безмолвным идти за ним и медленно, озираясь

по сторонам, направился к самой правой.

Войдя внутрь, Судья опешил на мгновение. Вдаль вёл длинный коридор, по бокам которого стояли соединённые между собой длинными трубами чаны или котлы. Они почти не издавали никаких звуков, лишь изредка громко булькали. Слутгельмир прошёл дальше. В конце его ждала огромная печь, куда или откуда вели все эти трубы. Она тихо шипела, а изнутри веяло сильным жаром. Глава Теней решил к ней близко не приближаться — мало ли что. Развернувшись, он пошагал обратно, чтобы осмотреть два оставшихся помещения.

У прохода в среднюю арку, его чуть не сбила тележка с бутылками, наполненными какой-то прозрачной жижей. Её везли наружу несколько замотанных в ткань с головой повстанцев.

«Видимо, они все ходят в масках из-за отравляющего действия идгеля...» — заключил Слутгельмир.

Через арку мужчина увидел такой же длинный коридор с котлами по бокам, но они жутко бурлили, и около каждого стояло по несколько человек с такими тележками.

«Сливают готовый продукт», — догадался он.

Изнутри исходил какой-то странный, довольно неприятный запах, поэтому Судья решил туда не соваться, чтобы не отравиться, не дай Айон. Вместо этого он направился к левому проходу.

На удивление, там было пусто. Коридор был не таким длинным, как два остальных, а в конце валялась груда камней. Вдали мужчина разглядел множество кирок и других инструментов. Некоторые валялись прямо на земле, некоторые были вдолблены в стены.

— Ага... — сказал он вслух. — Эта комната ещё не окончена. Хм-м, ну ладно...

Слутгельмир с важным видом вышел в центр зала, где трудились рабочие в халатах и недовольно пробурчал, расставив руки в стороны:

— И это всё? Я ожидал большего...

Он махнул рукой и направился вверх по лестнице, крикнув своим:

— Осмотритесь тут и достаньте рецепт! Я прогуляюсь пока.

Безмолвные переглянулись, пожали плечами и разбрелись по лаборатории, принявшись усердно мешать повстанцам выполнять свою работу.

Судья, конечно же, не собирался прогуливаться. Ему был противен быт в этом форте, и он хотел поскорее покинуть его. Чем он, собственно, и занялся. Предельно быстрым шагом он вышел из шахты и, стараясь не замечать хаоса вокруг, направился в порт.

Ворота в крепость всегда были открыты, поэтому мужчина беспрепятственно покинул её. У корабля его встретил озадаченный матрос, кутивший, сидя на деревянном ящике. Слутгельмир торопливо прошёл мимо него, даже не заметив. Матрос хотел поприветствовать командира, но не стал, увидев его безразличие. Он успел лишь открыть рот, выронив бычок, и взмахнуть рукой.

Судья забрался на судно и заперся в своей каюте. Он присел на кровать и зажмурился. Перед глазами стояли какие-то образы: детство, родители, свадьба, скандалы, смерть жены. Мужчина зарычал и резко открыл глаза. Перед ним всё плыло, но на душе было поразительно спокойно.

— Надышался всё-таки... — промычал он, громко дыша. — Мои-то остолопы были в шлемах... А я... Н-да... Сильная штукавина. Надо быть с ней осто... ост...

Вдруг его голова закружилась. Он не заметил, как лёг на спину и закрыл глаза. Голоса в голове заговорили громче. Слутгельмир пытался их отогнать, но не получалось. Он понял,

что вот-вот потеряет сознание.

«Нет! — кричал прямо у него в ушах женский голос. — Пожалуйста! Ты же обещал! Нет! Не-ет!...»

Судья очнулся. В глаза светил чудовищно яркий свет. Казалось, он исходил отовсюду, и скрыться от него невозможно. Слутгельмир сморщился и попятился назад. Вдруг он коснулся спиной стены. Мужчина всё же попытался разомкнуть веки, привыкнув к непонятному свечению, и осмотрелся. Он стоял в углу какой-то комнаты. Лицо асмодианина охватило ужас. Он узнал её. На стене сбоку висело большое зеркало. Слутгельмир подбежал к нему и выпучил глаза, увидев себя в отражении.

Он очнулся маленьким мальчиком — лет шести-семи от роду: большие глаза, худощавое телосложение, пышные чёрные волосы. Судья коснулся ладошкой зеркала — его отражение послушно повторяло все движения. Он не мог поверить своим глазам, с недоверием всматриваясь в своё детское лицо.

«Это сон... — говорил он себе. — Проклятый идгель, или что там ещё в воздухе намешано...»

Слутгельмир сильно зажмурился, но, когда снова открыл глаза, перед ним всё ещё был мальчик.

— Мать балаурскую! — вслух выругался он.

Вдруг он услышал быстрые чужие шаги и голоса.

— Мама?.. — будущий Судья выпучил глаза и сделал несколько шагов. — Мама?

Из комнаты мальчик выбежал в холл, всё такой же дьявольски яркий свет ослеплял глаза. Около двери Слутгельмир увидел расплывчатую женскую фигуру. Скоро за ней появилась вторая — мужская. Они стали громко спорить и кричать друг на друга, размахивая руками. Мальчик остановился в проёме и старался не показываться им на глаза. Кто знает, что за кошмар всплыл в его памяти...

Силуэты вскоре приобрели чёткие очертания. Длинноволосая асмодианская женщина в домашнем платье что-то доказывала мужчине в чёрной мантии — такой же, в какой ходил сам Слутгельмир. Мужчина орал громче и несколько раз замахивался мощной когтистой рукой на бедную женщину, но не бил.

— С тобой невозможно жить! — надрывно кричала она. — Ты тиран! У меня больше нет сил!

— Заткни пасть, потаскуха! — громко рычал мужчина. Его глаза давно запылали красным, что означало всплеск неудержимой ярости.

— Ты такой же, как твой отец!.. — бросила ему в лицо женщина, но тут же донёсся сильный хлопок, она громко вскрикнула и отлетела на метр назад, упав на пол и ударившись головой.

Мужчина всё же не выдержал и с размаху ударил жену по лицу. Его напряжённая рука медленно опустилась вниз. Он стоял и молча наблюдал, как женщина, рыдая, отползает от него, как пытается ухватиться за дверь, чтобы встать, но снова падает.

Глаза мальчика наполнились слезами ужаса. Он закричал:

— Мама! — и бросился к женщине.

Она обняла его и, тяжело дыша, проговорила:

— Сынок... Я люблю тебя... А теперь иди...

Мать, что было сил, оттолкнула ребёнка от себя и жалобным голосом велела:

— Беги в комнату и запишись там!.. Чтобы не произошло...

Мальчик увидел, как к нему медленно подходит отец. Он испугался, крикнул:

— Нет! — и побежал в свою комнату, судорожно закрыв за собой дверь и заперев замок.

Ребёнок забился в дальний угол и сквозь слёзы испуганными до предела глазами наблюдал, как кто-то безуспешно ломится к нему в комнату. Он закрыл глаза. До его ушей снова донеслись громкий крик матери, хлопки от ударов и яростное рычание отца...

Слутгельмир открыл глаза. Перед ним на этот раз предстал огромный, украшенный цветами зал. Он, молодой двадцатилетний парень, находился у алтаря. К нему вёл широкий проход, по которому медленно ступала асмодианка в красивом пышном белом платье. Куча народа, сидевшая по обе стороны от прохода, стоя аплодировала невесте. Юноша сжал кулаки в счастливом предвкушении. Его взгляд встретился с пронзительным и таким светлым взглядом невесты, что внутри молодого человека всё затрепетало. Она словно говорила ему своим нежным голоском:

«Потерпи... Ещё немного, и я буду твоя...»

«К балауру терпение!» — сказал себе он и в тот же миг бросился к невесте, взял её на руки и страстно поцеловал прямо посреди прохода. Ошеломлённые гости сначала замолчали, но потом залились радостными овациями, бросая вверх шляпы и шарфики и забрасывая влюблённых словами поздравления.

Слутгельмир на руках донёс невесту до алтаря, не отводя взгляда от её манящих счастливых глаз. Священник (им, кстати, был сам верховный жрец Бальдр) обвенчал молодожёнов прямо так: девушку — на руках жениха, а жениха — с головой утонувшего в прелестных глазах возлюбленной и, казалось бы, не замечавшего ничего, что творилось вокруг.

— Я люблю тебя... — со всей нежностью прошептал юноша.

— И я тебя... — ответил нежный голосок невесты.

Но вдруг счастливое лицо девушки охватил ужас. Она стояла перед Слутгельмиром уже не в красивом свадебном платье, а в обычной домашней одежде. Интерьеры зала торжеств волшебным образом сменились на спальню тогда ещё старшего судебного дознавателя Храма Правосудия.

Мужчина был в ярости. Он сжимал в руке окровавленный меч, а рядом с девушкой лежало бездыханное тело какого-то асмодианина. В животе была сквозная рана, и алая кровь струйками стекала на краснеющий ковёр комнаты.

— Слутгельмир! Не надо, прошу!.. — взмолилась жена и упала перед мужем на колени, заливаясь слезами страха. — Умоляю!.. Прости меня!.. Я не хотела!.. Я...я... Он...

Но договорить девушка не успела. Холодные глаза мужчины презрительно посмотрели на неё, рука бросила меч, тот с лязгом упал около двери. Две когтистые лапы жестокого Безмолвного Исполнителя медленно сомкнулись на тонкой шее женщины. Она раскрыла рот, чтобы набрать воздуха, но ей это не удалось — руки мужчины уже крепко сжимали её глотку. Зрачки расширились до предела, девушка не могла кричать. Она схватилась руками за широкие запястья мужа и пыталась оттянуть их от себя, но что могла сделать хрупкая женщина против прекрасно подготовленного мужчины?

Она упала на спину, а, точнее, муж с силой прижал её к полу. Женщина хрипела что-то напоминающее:

— Слутгельмир... Не надо...

Но равнодушный взгляд супруга давал понять, что шансов на спасение для неё уже нет. Ноги асмодианки дёргались и бились по земле. Но вдруг все её мышцы расслабились, ноги

обмякли и опустились на землю, а лицо, раньше преисполненное болью и ужасом, окаменело. Стекланный взгляд девушки устремился куда-то вдаль. Мужчина отпустил её горло, голова жертвы сама повернулась набок и застыла. Из приоткрытого рта тонкой струйкой потекла кровь. На шее женщины остались синеющие синяки от лап Слутгельмира.

Мужчина встал, оперевшись на колено, и стал рассматривать то, что натворил. Почему-то на его душе стало спокойнее, когда он понял, что его жена мертва. Как будто, что-то тяжёлое отлегло от сердца и больше не беспокоит его никогда.

Вдруг в комнату кто-то вошёл. Из-за спины хозяина послышался громкий вздох от ужаса увиденного.

Слутгельмир обернулся. В дверях стоял его отец. Его лицо застыло в страхе. Он поднял глаза на сына, но не увидел в них ни капли грусти или скорби.

— Что... ты натворил? — спросил уже пожилой мужчина.

— То, что должен был, — хладнокровно ответил Исполнитель. — Прости меня, отец...

Вдруг вся комната, мебель, люди обратились в песок и завертелись в бешеном вихре вокруг Слутгельмира. Он стоял в центре импровизированного торнадо и кричал:

— Не-ет! Остановите этот кошмар! Прошу-у!

Но спустя мгновение всё исчезло. Теперь мужчина находился в толпе людей на опушке леса неподалёку от крепости Белуслана. Все были одеты в чёрное, как и он. Перед ним было несколько могил. Он прочёл про себя имена на камнях:

«Алиесса фон Вир. Хамам фон Вир».

Первое принадлежало его жене, второе — отцу. Слутгельмир, не моргая, смотрел на плиты. Здесь покоились его самые близкие люди, но мужчина не ощущал в себе ни печали, ни даже мимолётной грусти. Его мысли вдруг прервала чья-то когтистая рука, оказавшаяся у него на плече. Он невольно обернулся и поприветствовал незнакомца.

— Ирау, господин фон Вир, — обратился к нему странный мужчина. — Меня зовут Слейпнир. Слейпнир фон Хиес. Я был заместителем Вашего отца.

— Я знаю, кто Вы, — равнодушным голосом ответил Исполнитель. — И прошу не называть меня этой проклятой фамилией. Я — Слутгельмир, и точка...

— Понимаю... — кивнул мужчина. — Дело в Вашем деде — господине Калиге?

— И в нём тоже, — буркнул он. — Зачем Вы пришли?

— Как зачем? — удивился фон Хиес. — Почтить память Вашего отца. Он был Верховным Судьёй, верным последователем Храма, и прекрасно выполнял все свои обязательства. На его век пришлось немало трагедий. Он переносил их, как настоящий мужчина. Асмодея благодарна ему. И Вы должны гордиться своим отцом.

— Угу, — промычал Слутгельмир.

Между тем Слейпнир продолжил.

— Как жаль, что смерть забрала и Вашу жену, и Вашего отца в один день... Примите мои соболезнования. Я верю, что последнего из мерзавцев, которые напали на Ваш дом, обязательно найдут и повесят.

Мужчина кивнул и отрывисто буркнул:

— Благодарю.

— Говорят, госпожа Алиесса была беременна, когда... это произошло.

— Нет, — сощурившись, произнёс Слутгельмир. — У неё случился выкидыш полтора месяца назад.

— Мне жаль... — опустив голову, промолвил Слейпнир. — Что ж, полагаю, теперь

должность Верховного Судьи будет принадлежать Вам... С Вашим отцом Паук разросся до невиданных размеров. Он вознёс Храм на новые высоты. Вам будет трудно удержать эту планку, но я верю, что у Вас всё получится, господин... Слутгельмир, — вовремя поправился фон Хиес. — Оставляю Вас наедине с... кхм, — он неловко запнулся. — Всего наилучшего. Пусть Асфель укажет Вам путь.

Слейпнир хлопнул два раза по плечу наследника Судьи и медленно удалился. Остальные продолжали оплакивать погибших два дня назад в доме старшего дознавателя. По официальной версии, на поместье Исполнителя напали двое вооружённых людей. Видимо, это было нападение на Верховного Судью — бандиты знали, что он в гостях у сына. Хамам фон Вир, отец Слутгельмира, находился в это время в доме и сумел смертельно ранить одного из них, но сам поплатился жизнью. Второй убил его и задушил попавшуюся под руку жену Исполнителя. Самого хозяина в доме не было — он уехал на восток Белуслана по личным делам. А когда на следующий день вернулся и обнаружил три трупа у себя в доме, позвал стражу. Стоит ли говорить, что когда пришла помощь, мужчина плакал над телами своих родных, как новорождённый.

Слутгельмир и вправду уезжал в Амснир, но вернулся он на день раньше. Кто мог знать, что всё сложится именно так?..

Вдруг могильные плиты стали рассыпаться в песок. Деревья вокруг, небо, закрытое тучами, люди, пришедшие почтить память погибших, вскоре тоже обратились в пыль воспоминаний. Всё смыло невидимой волной, и сам мужчина тоже попал в неё. Голова закружилась. Судья падал вниз, он кричал, звал на помощь. Земля была уже близко. Одно мгновение — и конец.

Он открыл глаза. Над головой висела и звенела, слегка покачиваясь, небольшая люстра. Слутгельмир осторожно поднялся на локтях и сел на край кровати. Со лба стекал холодный пот. Быстрое дыхание и бешеный стук сердца заглушали шелест парусов на ветру.

Мужчина вытер рукавом лицо и попытался встать. Голова ещё немного кружилась. Он медленно подошёл к зеркалу, висевшему над тумбой в другом конце каюты.

— Проклятье... — прошипел Судья, когда увидел своё отражение. Волосы стояли дыбом, а одежда была вся мокрая от пота. — Где мой бренди? — он судорожно зарыскал по ящикам и полкам в поисках алкоголя.

Наконец, найдя нужную бутылку, мужчина дрожащими руками открыл её и принялся пить прямо из горлышка.

В комнату вдруг постучали.

— Господин Судья, Вы там? — снова стук. — Это мы.

— Что б Вас... — произнёс Слутгельмир, поставил бутылку на тумбу и осторожно направился к двери.

Он открыл её, и лица Безмолвных охватило удивление.

— Вы заболели, господин Судья? — спросил один из Теней.

— Не Ваше дело, — сурово отговорился командир. — Что Вам?

— Мы заполнили трюмы свежим идгелем, как Вы и просили. А ещё мы раздобыли рецепт... Пришлось повозиться...

От слова «идгель» мужчине стало плохо. Его чуть не вырвало: то ли из-за этого, то ли от количества залпом выпитого спиртного — но он сдержался, хоть это и далось ему с трудом.

— Заполнили? — хриплым голосом спросил он. — Сколько часов прошло?..

Безмолвные переглянулись.

— Почти двое суток, господин Судья. Сейчас глубокая ночь.

Слутгельмир глянул на окно каюты. За ним было темно, словно они на дне океана, а не в горах Белуслана.

— Действительно, ночь... — пробормотал Верховный Судья. — Ладно, вы молодцы. Прикажите капитану отчаливать. Нам здесь больше делать нечего.

— Есть! — Тени послушно кивнули и пошагали на палубу. Мужчина закрыл дверь, подошёл к кровати и упал на постель.

«Надо же такому привидеться... — он никак не мог отойти от сегодняшних видений. — Сильно отравился...»

Слутгельмир лёг на спину и закрыл глаза, стараясь успокоиться и уснуть. Вскоре корабль дёрнуло, и он стал медленно набирать высоту, оставляя форт Альквимия, обитель повстанцев Ривара, а вместе с ним и всё произошедшее там, далеко за кормой.

Через два дня.

Морхейм.

Легат Клыков Фенрира отдыхал у себя в хижине. Он сидел за столом и старательно изучал отчёты с передовой. Его небольшой гарнизон, а это около двух тысяч воинов, разбил лагерь в деревушке неподалёку от крепости.

В дверь постучали.

— Войдите, — машинально ответил мужчина.

Внутрь вошли три офицера.

— Господин легат, из Белуслана вернулись агенты. У них для Вас есть важная информация.

Квасир моментально вскочил и быстрым шагом вышел из домика, небрежно растолкав воинов. У порога он увидел двух асмодиан, одетых в грязную рабочую одежду. В руках одного из них была сумка.

— Мы привезли то, что Вы просили... — сказал один из них.

— В дом! Живо! — скомандовал Даэв и, когда разведчики вошли, закрыл за ними дверь. — Что у вас?

Асмодианин стал открывать сумку и достал оттуда несколько больших бутылок с прозрачной жидкостью. Квасир вопросительно просмотрел на сосуды.

— Это и есть антиэфир, — сказал диверсант. — Мы достали его из лаборатории в форте Альквимия. Там огромное производство этой... штуки.

Легат стал внимательно изучать бутылки. Он открыл одну из них и понюхал, но разведчик тут же среагировал.

— Нет! Он ядовит!

Квасир осторожно закрыл сосуд и поставил на место.

— Хорошо... — протянул он. — Что он делает?

— Нейтрализует Эфир... — заговорил второй солдат. — Но повстанцы Ривара и Безмолвные используют его в других целях. Они подмешивают его в воду, и обычные люди становятся, как нежить. Отравленным можно говорить, что угодно, и они это выполняют!

Эти слова озадачили Квасира. Спрашивать о достоверности информации не приходилось — заявление слишком серьёзное.

— Вы бы видели, во что превратился Белуслан... — продолжил разведчик. — Из городов и сёл каждую неделю забирают мужчин и травят их этой штукой. А через несколько

дней они уже готовы отдать жизнь за Безмолвных и Слутгельмира лично! — он в гневе ударил кулаком по стене.

Первый диверсант перебил его:

— Мы пробрались на корабль Безмолвных, как грузчики. В трюмы погрузили тысячи этих бутылок, и мы взяли парочку себе. Когда мы приземлились в Белуслане и разгрузили всё это, мы смылись.

— Что ещё вы узнали? — спросил Квасир, но информация, которую поведали ему агенты, уже ошарашила его. Наличие антиэфира очень сильно осложняло войну. Теперь у врага было оружие, которое перевесило чашу весов в их сторону.

— Раньше рецепт этой штуки был только у риваровцев, поэтому Тени каждый раз плыли в Альквимию за новыми поставками. Мы подслушали разговор их офицеров. Теперь они получили чертежи печей и перегонных установок вместе со списком ингредиентов. А это значит...

— Что у Безмолвных будет свой антиэфир, — закончил Квасир. — Нужно понять, как он действует, и придумать противоядие. Этим займутся уже в Пандемониуме. Я передам столице эти образцы, а вы возвращайтесь в стан врага. Мне нужно больше информации. Ступайте, и пусть Асфель укажет вам путь!

Агенты откланялись и покинули дом легата. Им предстояло скорое возвращение в Белуслан. Как говорится, у разведчиков не бывает отдыха.

Квасир собрал бутылки в сумку и позвал в хижину стражу. Мигом внутри оказались те три воина, дежурившие около двери.

— Я уезжаю в Пандемониум по срочному делу. В моё отсутствие руководить будет первый адъютант легиона. Всё поняли?

— Так точно! — хором ответили воины.

— Отлично. Ступайте, — приказал своим бойцам Даэв и принялся собираться для наискорейшей поездки в столицу.

Сведения об антиэфире сильно подпортили настроение легату первого легиона. Его худшие подозрения подтвердились. Он представлял реакцию Видара, когда тот узнает, что Безмолвные используют это смертельно опасное оружие в своих целях. Честно сказать, Квасир не знал, что делать дальше. Да и вряд ли Видар знал. Это было нечто новое, с чем асмодиане ещё не сталкивались.

===== Том 2. Часть 5. «Игра Айона». Глава 1. =====

Комментарий к Том 2. Часть 5. «Игра Айона». Глава 1.

Отредактировано.

Элиан.

Легат Щита Неджакана медленно ступал по мощёной дороге, отбивая ровные шаги своими новыми начищенными до блеска сапогами. Одежда смертных была непривычна ему, воин за столько лет уже привык к приятному звону металла в ушах. Да и бордовый камзол командующего с кучей соответствующих нашивок и ненужных побрякушек выглядел чересчур вычурно.

За спиной, определённо, чего-то не хватало — его боевой подруги: алебарды по кличке «Закат». Это имя Даймону почему-то показалось подходящим.

Воин, наконец, оторвал задумчивый взгляд от камня тропы и глянул в милое лицо своей спутницы. Белатрисс заискивающе улыбнулась супругу, сверкнув ярко-голубыми глазами, переливающимися в магическом свете отведённой ей вечности. Казалось, такой простой

жест, но для Даймона он многое значил. За последние дни вспоминалось так мало моментов тишины и спокойствия, когда можно было просто помолчать, унеся мысли куда-то далеко. А мужчина скучал по таким мгновениям.

— О чём опять задумался? — добродушно толкнула любимого волшебница.

— Ни о чём... — пробормотал Даймон. — Просто ощущение на душе неприятное, что скоро вновь начнутся осады фортов Арэшурата.

Его взор устремился в пустоту и округлился, словно Даэв увидел что-то там вдалеке.

Белатрисс опустила глаза и вздохнула.

— Канеус говорил об этом... — грустно сказала она. — Наверное, это логично: как можно дальше отбросить врагов от Цитадели...

Женщина не хотела говорить о войне сейчас. Ну сколько можно? Только одно в голове! А ведь в мире есть так много прекрасного! Правда, многие Даэвы разучились это замечать.

Парочка уже давно вышла из города и сейчас по извилистой дороге направлялась к тихой деревушке, чьё название переводилось со староатрейского как «морской берег на заре». Здесь всегда было не так многолюдно, как в остальном Элиане, поэтому Даэвы любили это место.

Небольшие домики местных жителей всё чаще выглядывали из-под крыш особняков знатных господ. А это значило, что скоро поместья зажиточных элийцев останутся позади, и взору откроется девственная, почти нетронутая природа местных земель.

Бессмертные ступили на старый деревянный мост, соединяющий два довольно крупных по меркам Элиана острова. Пролив между ними был не столь широк, да и вода не журчала о каменистое дно, а лишь тихонько огибала высокие камни, стараясь не нарушить атмосферу спокойствия.

Стояла пасмурная погода. Серые тучи висели низко — парящий над Элианом небесный город было не разглядеть. Даймон остановился на середине моста, облокотился о ветхие скрипучие перила и устремил сияющий бессмертием взор на деревню у самого берега по ту сторону пролива. Белатрисс устроилась рядом.

— Может, ты, наконец, скажешь, что тебя беспокоит? — она заинтересованно заглянула в глаза мужчине.

Он улыбнулся и приобнял супругу за плечо.

— Люблю затишье перед бурей... — проговорил он. — В эти минуты мир вокруг кажется таким хрупким и уязвимым. Хм... — он ухмыльнулся. — Даже хочется его защищать.

— А обычно не хочется? — в улыбке спросила женщина.

— А есть смысл? С каждым днём мы всё глубже погружаемся в топь сражений, и выбраться становится труднее.

— Есть такое слово... — Трисс взяла паузу. — «Надо». На то нас и избрали, чтобы мы пересилили себя и во что бы то ни стало шли вперёд. Если не ради Айона и Элиоса, то хотя бы ради будущего. Судьбы многих поколений зависят от того, насколько сильными окажемся мы — их защитники... Во всём есть смысл, родной, — подытожила она.

— Да, ты права, — согласился воин. — Что-то в последнее время настроение сильно зависит от погоды. Не бери в голову.

— Стареешь, — посмеялась бессмертная. — Ты когда в последний раз отдыхал?

— Лет шесть назад... Может, семь.

— Ну тогда всё ясно! — оживилась Трисс. — Нужно срочно выбраться куда-то.

Например, в горы Белуслана. Да, точно! Представь, кругом — снег... Ни асмодиан, ни балауров не бывает на такой высоте, только ты и я? Ну?

Даймон рассмеялся и обнял супругу крепче, поцеловав в висок.

— Неплохая мысль. Вот только предотвратим нападение ящеров на Элиос...

— Ну куда без этого!.. Ладно, пошагали, а то ребята, наверное, заждались.

Мужчина кивнул. Их, действительно, уже долго ждут, судя по часам. А опаздывать Даэв не любил.

Спустя какое-то время парочка бессмертных вошла в калитку чьего-то старого поместья. За ним уже давно никто не ухаживал. Да и за домом, видимо, тоже: стены почернели и обросли зеленью, крыша осыпалась на глазах, а подъезд к дверям превратился в небольшой лужок с высокой травой.

Даэвы прошли по протоптанной кем-то тропинке напрямик к входу.

— Издали дом казался меньше, — заметил Даймон.

И действительно, это и впрямь был особняк. Только старый и ветхий. Трисс осторожно приоткрыла незапертую дверь и шмыгнула внутрь. Мужчина огляделся по сторонам и тоже вошёл. Затхлый интерьер озарило громкое эхо от удара — дверь с треском захлопнулась. Издали слышались шёпот и скрип. Через секунду в проёме, ведущем в просторную гостиную, показались шесть светящихся глаз. Даймон улыбнулся и добродушно поприветствовал товарищей.

— Расефиэль, друг, — по-воински кивнули ему Бронн и Родт. Белатрисс же они низко поклонились в знак высокого уважения.

Третьим был Канеус. Странно, что он оказался здесь первее.

— И когда ты пришёл? — спросил его Даймон, сощурившись.

— Недавно, — лишь отрезал мужчина и отвернулся. Что ж, этот бессмертный всегда был немногословен.

Все пятеро перешли в гостиную и устроились на старых диванах у потушенного камина. Вообще говоря, интерьер был довольно старомодным: тёмные вымокшие от влажности обои с ромбовидным узором, чучела голов оленей и фессилотов на стенах, несколько давно облезлых шкур на полу, да и мебель сама была не из этого времени, так сказать.

Тем не менее Даэвы были заняты другим. Им предстояло обсудить всё, что творится нынче в Элиосе.

Накануне Родт и Бронн вернулись из Элизиума. Сказать, что попасть туда было проблематично при всём прочем — ничего не сказать.

— Охрана Миразентов снуёт везде. Местные жители напуганы. Многие перебрались сюда, в Элиан, — начал Родт. — Но всё же нам удалось пробраться в Храм Стражников.

— Да, но увидеть военачальника мы не смогли, — продолжил Бронн. — Вместо него нас встретил сам магистр. Он сказал, что Фаметес смертельно болен и посетителей он не принимает.

— Да неужели? — буркнул Даймон. — Всё-таки он решил покончить с мальчишкой...

— Думаю, не всё так просто, — покачал головой Родт. — Вокруг его покоев полно столичных лекарей. При нас даже приходили священники. Конечно, после встречи с Раверинтосом, мы направились в Святилище. Верховный жрец подтвердил, что Фаметес умирает. Но по скорби в его глазах, думаю...

— Короче, Юклиас — не с ними, это уж точно! — перебил товарища Бронн. — Он сказал, что пытался исцелить военачальника своими заклинаниями, но болезнь очень

сильна.

— Интересно, он догадывается, где мальчишка подхватил эту хворь? — риторически спросил командующий.

— Уверен, догадывается... — махнул рукой Родт. — Только вот сделать уже ничего не может. Да и что Святилище может против Ордена?

— Наверное, Юклиас понял, что совершил ошибку, упустил время, — промолвила Белатрисс. — Хм-м, раз Фаметес ещё жив, значит, до сих пор борется... Может, всё же есть шанс?..

Все заинтересованно посмотрели на девушку. Все, кроме Канеуса. Тот лишь ехидно улыбнулся и не поднял взгляда.

— По глазам вижу, ты что-то задумала... — пристально посмотрел на супругу Даймон.

— Нужно вытащить бедного ребёнка из лап Ордена. Как можно скорее... — строгий тон воительницы не предавал сомнению серьёзность её намерений.

— Смешно! — высказал Бронн, откинувшись на спинку мягкого дивана. — Как ты собираешься это сделать?

— Тем более, если даже Юклиас не может помочь ему, а он — Верховный жрец... сильнейший целитель Элиоса... — Родт опустил голову. — Только зря навлечём на себя гнев Миразентов.

— А я и не собираюсь им подчиняться, — грозно ответил Даймон. — Уверен, Трисс — тоже.

Девушка кивнула. Остальные замолчали, переваривая безумную идею волшебницы.

— Но как? Как мы вытащим его из закрытого города, где полно вооружённой стражи? — раскрыв рот, спросил Бронн.

— И куда повезём? — закончил его товарищ, Родт.

— Ну-у, — задумался Даймон. — С недавних пор местом, где можно переждать бурю, стала Фозта.

— Фозта?! — удивились мужчины.

— Ну а что? — поддержала мужа Трисс. — Никто его там искать не станет. А если станут, то не найдут.

— Хорошо, — Родт сделал показательный жест. — Даже если в Фозту, но ведь Бронн прав: нам не вытащить Фаметеса из Элизиума.

— Портал?.. — Даймон вопросительно посмотрел на волшебницу.

— Мальчик слишком слаб, как вы говорите. Боюсь, он не перенесёт телепортацию, — сказала она, а затем слегка улыбнулась, бросив взгляд на молчаливого Канеуса. — Но я знаю, кто может помочь...

Юноша, прежде смотрящий в пол, поднял глаза и ухмыльнулся.

— Мне нужен осколок... — лишь низким голосом пробормотал Канеус и снова умолк.

— Достанем. Их в Бездне задом жуй, — произнёс легат. — На крайняк купим у шуго-перекупщиков.

— Хорошо, — продолжила девушка. — Канеус откроет тоннель из Элиана. Бронн и Даймон отвлекут на себя стражу, пока мы с Родтом будем пробираться в Храм. Я возьму Орденцев на себя, а Родт схватит Фаметеса и побежит к тоннелю. Канеус притянет их на поверхность. Потом они втроём по воде отправятся в Фозту. Ну, а там... встретимся как-нибудь. Ну что? Как вам план?

Остальные внимательно слушали волшебницу. Бронн решился прокомментировать

первым:

— В принципе, неплох, но... Один вопрос: а зачем нам вообще спасать его? С чего нам сдался тот, кто де-факто...

Даймон грубо перебил его:

— Чтоб Раверинтос не пришёл к власти, дубина!

— погоди, но ведь ты говоришь, что сейчас заправляет всем Гелион...

— Это отдельная тема, — легат сурово посмотрел на мужчину. — Но сперва расскажите, что вам поведал Раверинтос?

— Ничего интересного, — начал Бронн, параллельно поправляя застёжки на камзоле. Всё-таки ему тоже была непривычна обычная одежда. — Мы пришли и рассказали о своей миссии. Он стал слушать. Мы вскользь упомянули, что пробрались в Тиамаранту. На этом моменте он оживился и стал задавать всякие вопросы: «А вы допрашивали балауров? А вы узнали, кто стоит за Тиамат? А вы вывели местонахождение остальных Лордов?» — и тому подобное.

Родт продолжил:

— Ничего конкретного мы ему не ответили — слишком уж он подозрительно себя вёл. Затем мы попросили провести нас к Фаметесу, но он сказал, что с недавних пор он исполняет его обязанности. Ну, что, мы удивились. Он и рассказал нам о страшной и непонятной болезни, сковавшей тело военачальника.

— Забавно... — протянул Даймон. — Больше ничего?

— Нет, — замотал головой Бронн. — Он, казалось, куда-то спешил и через минуту смылся. Ну, мы и направились за советом к Юклиасу. Это всё. Затем прилетели сюда, в старое поместье Родта, отправили вам весточку... А дальше вы сами знаете.

— Угу, — кивнул легат. — От Раверинтоса другого ждать не приходится... Кстати о Юклиасе... Если он действительно хочет помочь мальчишке, и... нам удастся то, что мы планируем, то... стоит попросить у него помощи. У него больше шансов вылечить горе-правителя, чем у кого-либо.

— Да, — подтвердила Белатрисс. — У священника ничего не получилось в Элизиуме, потому что Фаметес всё это время подвергался какой-то отраве... я так думаю. Кто знает, чем его лечат. Но если его увезти, то должно сработать.

— Пойдёт ли Верховный жрец на это? — недоверчиво спросил Родт.

— А куда он денется? — усмехнулся Даймон. — Не поможет мальчишке — возьмёт грех на душу. А это Верховному жрецу не подобает.

— Тоже верно, — сказала Белатрисс. Значит, решили?

Остальные после недолгих раздумий кивнули в знак согласия.

— Кстати о целителях... — начал что-то вспоминать Бронн. — Говорят, в Фозте живёт какой-то известный лекарь... Отшельник. Как же его зовут?.. Пер... Фер...

— Френос? — уточнил легат.

— Точно! Френос.

— Хм-м... Я тоже о нём слышал, — задумчиво промолвил Даймон. — Слухи разные ходят. Но, если что, не будем забывать и об этой возможности.

— Хорошо, — согласились все.

— А что вам троим наговорил Гелион?.. — Родт всматривался в лицо командующего. — Вы же к нему направились потом — Канеус рассказал.

Даймон посмотрел на холодное равнодушное лицо Канеуса, затем опустил глаза в пол,

вздохнул и заговорил:

— Он хочет подавить Асмодею... Как можно скорее. Он считает, что таким образом можно разорвать их договор с ящерами.

— Хм, — удивился Бронн. — А не пора ли взять передышку? Кем Асмодею подавлять? Насколько мне известно, ряды легионов сильно поредели после похода в Келькмарос.

— Ещё как! — сомкнув губы, кивнул легат. — Мы там наткнулись на Дерадикон. Слава Айону, он был без боекомплекта.

— Отбились?

— Да, ценой многих жизней... Блицкриг, конечно, — хорошая стратегия, но это если армия готова к молниеносной войне. А мы не готовы. Чтобы восстановить силы, понадобятся месяца четыре. Минимум — три. Если Гелион не остановится, начнутся массовые восстания против его... методов. Он падёт на дно, не успев подняться, — сурово заключил Даймон.

— Но ведь у нас нет четырёх месяцев, верно? — спросил Канеус. Наконец-то, он произнёс хоть что-то.

— Ты прав... — горько вздохнул командующий. — Кто знает, в какую сторону сдвинулся план балауров. В итоге, ситуация очень сложная: как ни поступишь, всё равно можешь оказаться в проигрыше.

— Асмодея раздроблена гражданской войной, — заговорил Родт. — Не думаешь ли ты, что стоит поступить так, как планируют ящеры? Поддержать одну сторону, чтобы она победила. А затем дожать вторую...

— Не думаю, что Асмодея отчаялась настолько, чтобы принять помощь у заклятых врагов, — ухмыльнулся легат. — Да и наши легионеры будут не в восторге воевать за Пандемониум или этих... Безмолвных.

— Но ведь серозадые приняли помощь балауров, — не унимался Родт.

— Это другое, — Даймон покачал головой. — Во-первых, всё затеяли те самые Безмолвные. Лично мне не хочется верить, что военачальник Пандемониума настолько глуп, чтобы рассчитывать на ящеров. Это ведь сделка с тьмой. А она ещё никому ничего хорошего не приносила.

— Хм, да... Ситуация... — Бронн вскинул брови и уставился глазами в пол. — Так на чьей ты стороне теперь, Даймон?

— Я присягнул на верность Гелиону, — ответил тот. — Надеюсь, мне удастся донести до него все мои мысли. А что касается Фаметеса... Элийскому народу нужен символ власти. Если нам удастся спасти мальчишку и народ пойдёт за ним, у нас, Даэзов, не останется выбора, кроме как поддержать Элизиум. Ведь мы — защитники Элиоса. Гелиону придётся либо приспособиться, либо уйти...

— А что, если не удастся?.. — спросила Трисс, посмотрев в глаза любимому.

— Если не удастся... — вздохнул легат. — И против Гелиона начнутся волнения... Придётся признать, что мы, бессмертные, ошибались. Публично скажем, что нами руководила неприязнь к асмодианам и балаурам, что она затмила наш разум и заставила идти за истинным воином... Народ нас простит. У него не будет другого выбора.

— Цинично... — заключил Родт.

— Не могу отрицать, — кивнул Даймон. — Скажу только, что нам всем выгодна власть Элизиума. На Фаметеса повлиять легче, чем на Гелиона.

Наступила недолгая пауза, которую неожиданно нарушил Канеус.

— Кто бы ни правил Элиосом, — холодно промолвил он, оглядывая присутствующих. — Помните, что ответственность — всегда на Даэвах.

Что ж, с этим никто не мог поспорить.

Пандемониум.

Квасир, легат первого легиона, прибыл в столицу с тремя своими. Первым же делом он направился к Видару в новую ратушу.

Даэву повезло — военачальник был на месте. Его личная стража спокойно пропустила бессмертного в покои правителя. Клыкам Фенрира Квасир велел дожидаться его снаружи.

Воин запер дверь изнутри, чтобы никто не мог помешать важной беседе. Видар не был удивлён гостю — он ждал его со дня на день с новостями.

Когда дверь отворилась, военачальник сидел за своим креслом и занимался делами — в принципе, как и всегда.

— Наконец-то, — выдохнул правитель, узнав посетителя. — Я уж думал, так тебя и не дождусь.

— Ирау, господин Видар, — кивнул Квасир и присел напротив мужчины.

— Давай, не томи... — он отбросил все бумаги в сторону, сложил руки у подбородка и внимательно уставился на гостя.

Даэв расстегнул свой коричневый камзол и достал из внутреннего кармана небольшой сосуд с прозрачной жидкостью. Он медленно поставил его на стол ближе к себе. Глаза бессмертного загорелись красным огоньком.

— Вот откуда Безмолвные берут людей, — низким рычащим тоном промолвил Квасир. — Это антиэфир, известный в узких кругах как идгель. Он затуманивает разум и заставляет подчиняться чужой воле.

— Как это? — удивлённо и недоверчиво спросил военачальник.

— Некогда объяснять, господин Видар. Нужно немедленно отправить образцы в лаборатории. Пусть алхимики придумают противоядие от этой штуки. Тогда война с Безмолвными закончится в одночасье.

Правитель пристально вглядывался в этот сосуд.

— Неужели все беды из-за этой штуковины? — спросил он.

— Да, — уверенно ответил легат.

— И как она попала к Безмолвным?

— Через повстанцев Ривара. Возможно, это — происки балауров.

— Балауров? — усмехнулся Видар. Хотя, это более походило не на смешок, а на удивление.

— Точно ответить не могу, да и не в этом дело. Нам нужно как можно скорее придумать антидот! — Квасир постучал когтистой рукой по столу. — Иначе эта зараза может распространиться по всей Асмодее! Неизвестно, сколько людей уже заражено.

— Хорошо, я немедленно велю передать образец алхимикам, — Видар потянулся к флакону, но Даэв схватил её первым.

— Не вздумайте открывать сосуд здесь, — предупредил он. — Пары тоже ядовиты!

И только после того, как Видар кивнул, бессмертный аккуратно передал бутылочку в руку военачальнику.

— Что-нибудь ещё узнал? — убрав флакон в карман, поинтересовался правитель.

— Я срочно прибыл сюда из-за идгеля. Риваровцы производят его в лаборатории

Альквимии в Белуслане, а затем продают Безмолвным. По моим данным, совсем недавно его рецепт попал в руки Теням. Это значит, что вот-вот начнётся глобальное производство... — Квасир покачал головой и сверкнул глазами. — Нам нужно немедленно начать работу над противоядием.

— Уяснил-уяснил... Что-то ещё?

— В остальном ничего нового. Безмолвные всё так же сотрудничают с повстанцами...

— Ясно... — протянул Видар и облокотился на ладонь. — Что ж, твои сведения бесценны. Как только будет информация об антидоте, я отправлю весть.

Квасир кивнул.

— Это всё. Я могу идти? — спросил он.

— Да, ступай, и пусть Асфель укажет тебе путь...

Легат первого легиона поблагодарил военачальника и поспешил покинуть его покои. Квасиру предстояло выполнить ещё много дел. Отчитавшись перед начальством, можно было смело возвращаться на поле боя — как говорится, война не ждёт.

===== Часть 5. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 2.

Отредактировано.

Териан Лекас очнулся от громкого хлопка. Он еле-еле смог открыть глаза сквозь сон — Даэв повернулся, лёжа на кровати, и затуманенным взором разглядел перед собой со скрипом открывающуюся дверь. Спустя мгновение она застыла и вдруг резко хлопнула, издав тот же звук. Затем повторилось то же самое.

«Проклятый сквозняк...» — промычал асмодианин, протёр глаза и приподнялся на локтях, чтобы осмотреться.

Он обнаружил себя в чьей-то спальне. Комната была небольшой, но светлой. Сквозь большое окно внутрь вливался приятный тёплый свет. Около окна стояли деревянный стол с кучей книг на нём и простенький, видимо, самодельный стул. По углам были расставлены стеллажи со всякими баночками и склянками. Принюхавшись, Даэв почуял знакомые запахи.

— Однолетник?.. — вслух спросил он себя. — Он рос только в... Быть не может.

На этой фразе он вскочил с постели, но почувствовал резко поступившее головокружение и чуть было не рухнул обратно. Вовремя вцепившись острыми когтями в деревянную полку над кроватью, асмодианин смог сохранить равновесие. Териан Лекас оглядел себя — почти всё тело было перебинтовано, причём довольно умело, как заметил он.

— Ткань новая, пропитана слабым раствором аделлы и однолетника, — заключил он по запаху.

Шкаф с одеждой Даэв не обнаружил — вдоль стен сплошными рядами стояли грубые деревянные стеллажи с кучей всевозможных сосудов. Асмодианин подошёл к одному из них и стал читать, что написано на банках.

— На элийском... Мелла, настойка один к двум... Так, понятно, — он двинулся дальше. — Рубаба... Мякоть. А, вот, — мужчина схватил широкую банку со знакомым названием. — Листья однолетника.

Он открыл крышку и понюхал содержимое. Приятный запах заставил его закрыть глаза и глубоко вздохнуть.

— Да, листья свежие, — заключил Даэв. — Вряд ли привезены издалека. Скорее,

собраны здесь, — он закрыл склянку и поставил её на прежнее место. — Значит, я у травника.

На асмодианина моментально нахлынули воспоминания из его детства. Нет, он не мог ошибиться. Он вырос в этих местах и запах свежих трав не мог спутать ни с чем.

«Фоэта...» — это слово крутилось в голове Даэва. Но, если он прав, как он здесь оказался? Ведь разломы в эти земли не открываются.

Противно скрипящая дверь продолжала хлопать от сквозняка. Териан остановил её рукой и шагнул из комнаты. Асмодианин оказался в маленькой прихожей. Сбоку была ещё одна дверь, ведущая в небольшую кухню. Напротив входной двери стоял высокий старый шкаф. Даэв открыл его и сощурился.

— Всего несколько наборов походной одежды, — оценил он содержимое. — Ничего парадного. Значит, редко появляется на людях. Отшельник?

Даэв сощурился и снял с вешалки плотную серую тунику. Она была ему определённо мала. Он потёр рукой ткань.

— Грубая, — заключил асмодианин. — С капюшоном. Должна скрывать лицо... Точно отшельник.

Териан закрыл дверцу шкафа, оставив одежду в руке. Затем он подошёл к входной двери и дёрнул за ручку — заперто. Даэв хмыкнул и глянул в окно. Снаружи было светло. Перед домом мужчина разглядел несколько добротных грядок и самодельное чучело, криво торчащее из земли. Чуть дальше был низенький забор — разве что от гномов защитит. Маленькая калитка была распахнута. К ней вела широкая тропинка, уходящая в далёкую зерновую пашню.

Териану не хотелось оставаться запертым дома, тем более мысль о родных местах будоражила его голову. Он кое-как надел на себя хозяйские мешковатые брюки, а сверху натянул тунику, чуть не порвав её на спине.

— В обтяжку, но сойдёт, — оценил он себя.

Затем Даэв набросил на голову глубокий капюшон, чтобы скрыть цвет кожи, и вдруг спохватился.

— Обувь... — покачав головой, он напомнил себе о такой оплошности. Ведь ноги асмодианина не влезут ни в один элийский ботинок. Причиной тому — широкая стопа и когти.

Но мужчина просто так сдаваться не собирался. Он нашёл около входа в спальню пару старых тапок, прислонил их к стопам и обвязал ноги тканью, которую он взял с кухни. Новая импровизированная обувь сидела совершенно неудобно, но бродить по Элиосу с босыми когтистыми лапами было не лучше.

Полностью экипированный в одежду отшельника асмодианин решил поскорее выбраться из дома. Он рывком распахнул створки хрупкого окна спальни и одним ловким движением перелез через раму.

Спрыгнув, Даэв осмотрелся. Солнце только поднималось над бескрайними полями Фоэты — было раннее утро. Териан отошёл от стены ветхого домика, прошёлся по огороду и перешагнул через забор. Он оказался на широкой дороге, которая, судя по всему, вела к поселениям. Виляя между разноцветными пашнями, тропа уходила в холмистую даль. Воин повернул голову. Дорога огибала заборчик отшельника и плыла на север, судя по положению солнца. У горизонта блестела зелёная полоса лесов.

— Это запад Фоэты... — сказал себе Даэв, открыв от нахлынувших чувств рот.

Конечно, за почти девятьсот лет здесь всё изменилось, но асмодианину казалось, что он помнил эти места. Словно это было вчера. Словно никаких столетий не пролетело. Холодное сердце воина таяло на глазах. Внутри него вновь ожил тот маленький мальчик-проказник, как будто он снова напакостил, убежав без разрешения в лес, а теперь должен возвращаться домой к родителям, предвкушая очередную порку от отца.

Териан сделал несколько шагов по рыхлой элийской земле: почва прогибалась под массой мужчины. Таких ощущений он не испытывал давно, ведь в Асмодее чаще встретишь лёд, чем сырую землю.

— Так, — остановил поток эмоций Даэв. — Надо вспомнить, где я, и как сюда попал.

Но Териан Лекас не помнил. В памяти всплывали моменты, как он бежал от стрел патрульных и прыгнул в портал. Потом — пустота.

— Значит, меня сюда привезли... Зачем? — удивился он.

Хозяин дома, несомненно, был элийцем. Но с чего человеку, ни разу не видевшему асмодианина, вдруг привозить его к себе домой? Мужчина ответа не знал. Знал наверняка он лишь одно: если кто-то узнает, что элиец укрывает у себя асмодианина, то ему не поздоровится, поэтому Териан решил избавить своего спасителя от лишних проблем и уйти. Как можно быстрее. Но куда идти? Как вообще так вышло, что разлом из Морхейма открылся в Фозту? А, может, это не Фозта вовсе, а всего лишь обман памяти? Даэв решил узнать ответы на все эти вопросы. Но для начала надо было сбежать.

Силы у бессмертного были. Конечно, недостаточно для того, чтобы открыть крылья, но чтобы идти и к тому же долго — без проблем. Сперва надо было уйти подальше от больших дорог, чтобы, не дай Айон, не наткнуться на каких-нибудь фермеров. Поэтому Териан решил двигаться прочь от северных лесов и западных полей. Он помнил, что на юге были тенистые холмы, между вершинами которых прятались озёра с когда-то чистой водой. Там можно было затеряться надолго, пока не придумаешь план, как вернуться в Асмодее.

Вдруг на горизонте появилась телега. Она медленно двигалась в сторону асмодианина со стороны полей. Териан спохватился и собирался убежать, но прятаться было негде — равнина кругом. Он выругался и побежал к высокой траве около огорода отшельника. Прыгнув в неё, мужчина стал лёжа наблюдать, куда направляется повозка.

— Не дай Айон, хозяин... — прошептал он себе.

Но телега вдруг стала замедляться. У самого заборчика старая обросшая лошадь остановилась, и из кузова, набитого сеном, спрыгнула фигура, облачённая точно в такую же серую одежду. Силуэт вошёл в огород, закрыл за собой маленькую калитку и снял капюшон с головы. Териан разглядел мужское лицо на вид средних лет с русыми волосами почти до плеч. Элиец шёл сутуло, хромя на правую ногу. Даэв видел, как он осторожно поднимается на порог, как отпирает дверь, и входит внутрь.

Асмодианин понял, что сейчас раздосадованный хозяин обнаружит пропажу гостя, и начнёт его искать по округе, поэтому решил не терять времени и смыться. Но было поздно. Изнутри послышался звук разбивающегося стекла. Лицо элийца резко выглянуло из распахнутого окна и через мгновение вновь скрылось в доме. Спустя несколько секунд отшельник, ковыляя, выскочил из двери и стал бегать по огороду, ища следы асмодианина. Но мужчина сам наследил больше, чем его гость, поэтому поиски ни к чему не привели.

Тогда элиец схватился руками за голову и плюхнулся на порог в отчаянии. Он стал что-то громко бормотать, но Териан не смог разобрать его речь.

Даэв всё ещё лежал на брюхе в траве и ждал, пока хозяин скроется в доме, чтобы можно

было убежать подальше. Но элиец, видимо, не собирался никуда уходить. Он сидел на пороге и тряс головой из стороны в сторону.

— Что же я наделал?.. — всё-таки смог разобрать его голос Териан. — Как мне теперь его найти? О, Айон, прошу, помоги мне! На всём — моя вина. Это я виноват... Это я...

Прошло десять минут, двадцать, полчаса, а элиец всё горевал и горевал. Асмодианин умел ждать, но данная ситуация ему уже порядком надоела. Вдруг он услышал стук копыт сзади. К дому отшельника подъезжала ещё одна телега. Она остановилась рядом с хозяйской. Из неё осторожно вылезли старик со старухой. Оба были в старой, но аккуратной одежде, чего нельзя было сказать о том элийце. Женщина осталась ждать около повозки, а старец направился к хозяину. Увидев гостей, отшельник поднялся на ноги. К нему почти подбежал дед и чуть ли не бросился в ноги, умолая:

— Каллес, прошу, помоги моей внучке! Она болеет, сильно болеет. Неровен час, как... — он махнул рукой. — Умоляю, спаси её! Она — единственная, кто осталась у нас с бабкой...

Жалобный вид старика вызвал заинтересованность у асмодианина. Он сощурился и стал пристально наблюдать за происходящим из своего укрытия.

Элиец направился за дедом к телеге. Старуха заохала, махая в руке платком, когда к ней приблизился отшельник.

— Что там у вас случилось? — спросил он.

— Да вот, — начала бабка. — Поцарапала ногу около озера, а наутро вся ножка распухла, посинела, — она стала что-то показывать ему в повозке. Тот склонился над кузовом и кивал всем словам женщины. — А через два дня жар схватил — не унять. Уж мы к местным лекарям ходили — ничем, говорят, помочь не могут.

— Плохо дело... — протянул Каллес, осматривая кого-то в телеге. — Как давно это случилось?

— С неделю уж... — ответил старик. — Можешь чем-то помочь, не скрывай?

— Да что тут скрывать... — вздохнул отшельник. — Я мало что могу сделать здесь. Лучше к Френосу отправляйтесь, он больше меня знает.

— Да были мы у этого старика! — воскликнула бабка. — Прогнал он нас... Сказал, мол, что это всё Айонова воля. А мы что? Как мы без Найи нашей жить-то будем? — старуха расплакалась в платок.

— Ну, тише-тише... — дед обнял бабку и опечаленно обратился к Каллесу. — Поможешь нам, чем можешь?

Отшельник тяжело вздохнул.

— Раз Френос не помог, я бессилен... Боюсь, ничего не получится...

— Пожалуйста! — взмолилась бабка. — Что хочешь, отдам! Только помоги!

— Эх, я попробую, конечно... — промолвил Каллес. — Но ничего обещать не могу. Сами видите, шансов мало.

Старуха разрыдалась с новой силой. Отшельник слез с телеги, взял девушку, что лежала внутри, на руки, и, хромая, направился к дому. Старик поплёлся за ним. Когда они скрылись внутри, Териан собирался улучшить момент и побежать, но вдруг увидел, как дед выходит на порог.

— Проклятие... — вслух прошипел асмодианин и плюхнулся обратно. Трава громко зашубуршала, и это привлекло внимание старика.

«Только этого мне не хватало...» — подумал Териан.

Дед оглядел печальным взглядом траву, где лежал Даэв, и устоял в земле. Следом за ним из дома вышел и Каллес. Он подошёл к старику и сказал ему:

— Я уложил её на кровать. Езжайте. Помогу, чем смогу. Но особо не рассчитывайте... — он покачал головой.

— Как же мы уехать можем? — безотрадно покосился на него старец. — Это же внучка наша! Единственная кровинушка, что Айон пока не отнял. Уж лучше бы нас с бабкой забрал к себе, чем её... — вздохнул он. — Жить нам и так осталось недолго. А ей — ещё жить да жить! Вот за что нам такое горе, а?

Каллес похлопал плачущего старика по спине и проводил к повозке. Они с бабкой забрались в телегу, и через минуту колёса, закрипев, двинулись. Отшельник остался у калитки, провожая их взглядом. Вскоре он направился к дому, где его ждала больная девушка.

Териан Лекас облегчённо выдохнул, когда во дворе не осталось никого. Он рывком поднялся и начал убегать к югу, как вдруг из окна выглянул Каллес, чтобы закрыть распахнутое асмодианином окно. Балаур знает, что заставило его повернуть голову в сторону, но через мгновение до ушей Даэва донеслось громкое:

— Стой! Куда бежишь? Стой!

Териан не собирался останавливаться. Он бежал вперёд со скоростью бессмертного. На миг воин обернулся и увидел, как хромой элиец выбежал из дома и рванул за ним. Но, конечно же, шансов догнать Даэва у него не было. Тем более, с больной ногой.

Вдруг чутьё асмодианина забило тревогу. Он вновь обернулся и посмотрел вдаль. Из северного леса выехала ещё одна телега. Она двигалась быстро, и если продолжать бежать, то извозчик по-любому заметит убегающую фигуру.

Даэв оскалился и вынужден был сбавить скорость. Он остановился в траве и встал спиной к дороге. Внутренним чутьём Териан Лекас стал наблюдать, что предпримет элиец у него за спиной: остановит ли повозку и позовёт на помощь, или же не станет этого делать.

Как ни странно, Каллес не стал кричать проезжавшей телеге, а тоже стал бежать медленнее — нога не позволяла. Уже ковыляя и хромая, элиец остановился в нескольких метрах от асмодианина и, пытаясь отдышаться, заговорил с ним:

— Стой... Не убе... Не убегай... Фу-ух... Я хочу... лишь поговорить... — отшельник приблизился к бессмертному на расстояние одного шага и продолжил. — Не знаю, понимаешь ли ты меня...

Тем временем телега проезжала как раз мимо них. Асмодианин старался быть к ней всё время спиной, несмотря на капюшон. Он медленно поворачивался и вот оказался лицом к лицу с элийцем. Териан не поднимал голову, он стоял ровно, даже не шелохнувшись.

Одну руку Каллес держал за спиной, другую он вытянул к Даэву, чтобы тот не нападал и не убегал больше.

— Послушай, — сказал отшельник. — Я лишь хочу узнать...

— Брось нож... — донёсся холодный низкий голос из-под капюшона.

От леденящего тона асмодианина элиец дёрнулся и схватился сильнее за оружие, которое он прятал за спиной. Каллес сделал шаг назад и медленно показал вторую руку, в которой сжимал большой нож, наспех взятый с кухни.

— Хорошо... — немного испуганно промолвил элиец и медленно положил оружие в траву. — Только не убегай. Я не причиню тебе вреда...

Териан улыбнулся в душе от этой фразы и немного приподнял голову, чтобы из темноты

засветились его ядовито-зелёные светящиеся глаза. Каллес увидел их, и его ноги вмиг подкосились. Он упал на спину с вытаращенными от удивления и страха глазами.

— Даэв?..

Мужчина стал быстро отползать от асмодианина. Териана это удивило. Он сощурился и сделал шаг к элийцу.

— Нет! Не приближайся! — завопил Каллес. — Я не знал... не знал, что... ты Даэв.

Бессмертный вздохнул от досады. Теперь он, конечно, мог смыться, но слух о том, что в Фоэту забрёл асмодианский Даэв, был бы очень некстати. Заставить элийца молчать он тоже не хотел, ибо у него дома лежала тяжелобольная девушка, чьим родственникам он обещал помочь.

Териан нашёл в траве нож и резким движением поднял его. Он подошёл к перепуганному отшельнику и протянул ему нож со словами:

— Ты сказал, что не причинишь мне вреда.

Элиец закивал и схватил оружие. Тогда асмодианин протянул ему руку и помог подняться.

— Что ты... Точнее, Вы здесь делаете? — недоверчиво спросил Каллес, стоя лицом к лицу с бессмертным врагом.

— Пошли в дом. Живее, — отрезал асмодианин и пошагал первым. Хозяин пошёл за ним, еле поспевая.

Когда мужчины перешагнули через порог, Териан велел запереть дверь. Элиец послушался и провернул старый замок. Даэв снял с ног импровизированные сапоги, тянущую тунику и по-хозяйски прошёл в спальню. На кровати лежала рыжеволосая девушка и тихо постанывала от боли.

— Она в бреду, — сказал Каллес, войдя в комнату и обнаружив заинтересованность ею Даэва. — Я мало что могу сделать.

— Здесь нужен Даэв-целитель, — низким голосом промолвил асмодианин. — Без магии Эфира не обойтись.

— Да, — горько кивнул элиец, всё ещё недоверчиво озираясь на гостя. — Только в наших краях Даэвов испокон веков не было. Тем более... — он хотел сказать «асмодианских», но сдержался. Вместе этого мужчина кашлянул и умолк.

— Я способен унять её боль магией, но, к сожалению, больше ничем не могу помочь, — сказал Териан и вопросительно посмотрел на хозяина дома.

Тот согласился и отошёл на несколько шагов, чтобы не мешать бессмертному. Териан склонился над девушкой, положил ей руку на лоб, закрыл глаза и стал произносить какие-то непонятные слова — явно не на элийском. Под ладонью асмодианина вдруг появилось слабое голубое свечение, словно проникающее в голову бедной элийки, и через несколько секунд исчезло. Девушка перестала стонать. Она лежала ровно, тяжело и ровно дыша. Даэв выпрямился и кивнул Каллесу.

— На этом всё, — сказал Териан. — Остальное — за тобой.

Мужчина внимательно наблюдал за действиями асмодианина.

— Так Вы — маг?

— Не совсем, — тихо буркнул бессмертный. — А ты, как я полагаю, лекарь?

— Пытаюсь помочь всем, кому могу... — кивнул элиец. — Но, к сожалению, не всегда удаётся.

— Почему живёшь здесь, далеко от селений? — сощурившись, спросил Даэв.

— Одиночество помогает, — ответил он. — Мне здесь хорошо.

— Но всё же отшельником тебя не назвать. Твой дом — рядом с крупной дорогой.

— Да, верно. Так жителям проще меня найти, — мужчина запнулся. — Меня зовут Каллес.

Он не знал, скажет ли в ответ Даэв своё имя, но оно было интересно элийцу — так, из любопытства.

— Я Териан Лекас, — всё же ответил асмодианин. — Значит, за помощь я тоже обязан тебе?

Этот вопрос вызвал смущение у мужчины. Он видел удивление в светящихся глазах бессмертного.

— Я нашёл Вас на севере леса рядом с лагерем Мельфоне, — начал Каллес. — Мне нужны были травы для настоек, а они растут только там... В общем, я подошёл... Вы лежали без сознания в изодранной и окровавленной одежде. Я сначала не понял, что Вы — асмодианин. А когда понял, чуть с ума не сошёл... Честно сказать, Вы — первый асмодианин, которого я видел в своей жизни, — улыбнулся он. — Наверное, Вы задаётесь вопросом, почему я привёз Вас сюда?

Териан не повёл и взглядом.

— Моё дело — целительство, травничество, — продолжил элиец. — Я пообещал Айону помогать всем, кто будет нуждаться в моей помощи, когда потерял... Кхм, — он запнулся. — Это неважно. Наверное, Всевышний услышал моё обещание и послал Вас ко мне в качестве испытания... Так я подумал тогда. И я должен был его преодолеть.

Асмодианин кивнул и посмотрел вниз. Спустя секунды молчания он выцедил из себя:

— Спасибо...

— Да, — вздохнул Каллес. — Вам тогда жутко досталось... Всё, что ниже плеч — сплошная колотая рана... Кто же Вас так?

— Враги, — сверкнув глазами, буркнул Териан. — Скажи мне, Каллес, это Фозта?.. — немного оскалившись, спросил он.

Мужчина удивился, что чужеземец понял, где он находится, и кивнул.

— Да, это Фозта. Но ума не приложу, как Вы здесь оказались...

— И я... — промычал Даэв. — Раньше здесь не встречали асмодиан?

— Очень редко, — покачал головой элиец. — На мою память был всего один раз, когда в северную гавань прибыл корабль, а там... асмодиане. Наверное, они приплыли сюда из Элтенена или Интердики.

— Я не плыл сюда. Меня принёс разлом, — Териан задумался. — И этот факт меня очень сильно беспокоит...

Каллес удивился.

— Разлом? Как те, что ведут в Бездну?.. — спросил он.

— Да, — буркнул асмодианин. — Раз он открылся один раз, может открыться ещё.

Эти слова вызвали недоумение в глазах элийца. Столько лет в Фозту не открывался ни один пространственный разлом, а тут... С чего бы это могло случиться?

— Как Вы думаете, почему так произошло? — спросил Каллес.

— Возможно, поток Эфира исказился, а, может, случайно изменил направление, — стал рассуждать бессмертный. — Второе — определённо, хуже.

— Почему?

— Если исказился — больше такого не произойдёт. А если изменился, — объяснял

Териан. — Открылся новый маршрут, и теперь все разломы из той области Морхейма будут открываться сюда.

— Из Морхейма... — повторил элиец. — О, боги. Что же делать?

— Наблюдать. Появятся ещё асмодиане — страже придётся нелегко.

Каллес судорожно присел на край кровати. Для его размеренного быта эта новость была громом среди ясного неба.

— А мне нужно поскорее выбраться отсюда... — продолжил Даэв. — Слишком мало времени на расслабление.

— Вы уходите? — удивился элиец. — Но куда Вы пойдёте? Тем более, Ваши раны ещё не зажили...

— Они не заживут ещё долго, но у меня нет времени. Я благодарен тебе за всё, Каллес. Спасибо, что не отвернулся от врага.

— Я... — хотел что-то сказать мужчина. — Я не знал, что Вы — Даэв. Я решил помочь Вам, потому что думал, что Вы можете умереть, если не...

— Твоя помощь была не напрасна, — успокоил его асмодианин. — Я необычный Даэв. Мои раны не заживают так просто. Поэтому я благодарен тебе вдвойне.

— И Вы не убьёте меня? — осторожно задал вопрос элиец.

— А ты хочешь? — сверкнул глазами Териан Лекас.

Каллес не ожидал такой фразы и поспешил замотать головой, чтобы ненароком не отправиться на тот свет раньше планируемого.

— Тогда не убью, — сурово отрезал Даэв.

— И никого больше не убьёте? — требовательно спросил мужчина.

— Не могу этого обещать... — сощурился бессмертный, буквально просверливая тонкой полоской светящихся глаз элийца.

— Хм, я думал, Даэвы убивают всех без разбора и жалости, — озадачился Каллес.

— Не первый раз слышу эту фразу... Где можно достать одежду?

— Э-э-э... — мужчина задумался. — Боюсь, у меня нет ничего подходящего для Вас. У меня самого с этим проблемы, — он смущённо опустил взгляд. — Меня иногда благодарят за исцеление, но на этом особо не зарабатываешь. Да и не ради денег я решил этим заниматься...

— Я могу взять у тебя эти брюки? — Териан указал на штаны, в которых Даэв был сейчас.

— Да, — добродушно ответил элиец. — Берите, если нужно. У меня есть ещё несколько таких же.

— Хорошо, — пробормотал бессмертный и пошагал к двери, но Каллес его остановил.

— Стойте! Куда Вы направитесь? Вам же не дадут спокойно гулять по Фозте...

— А я и не собираюсь гулять здесь, — коротко ответил асмодианин.

— Просто я решил... — вновь запнулся Каллес. — Если то, что Вы говорите про разломы — правда, загляните к Френосу. Он должен быть в курсе.

Териан обернулся. Это звучало, как шутка. Добровольно пойти на встречу с элийцем — нонсенс. Но Каллес не стал бы просто так предлагать это. Он же прекрасно понимает, что асмодианину здесь никто не рад. Поэтому Даэву стало интересно, о ком говорит этот горе-отшельник.

— К кому? — искоса спросил Териан Лекас.

— Он живёт один, как и я. Только не на пашне, а глубоко в лесу к северу отсюда. Надо

сказать, я многому от него научился. Его называют или провидцем, или безумцем... Но не спешите с выводами, а постарайтесь выслушать его до конца. Многие хотят к нему за советом. Говорят, он даже может видеть будущее.

— Хм-м, — задумался Даэв. — Я учту. Да, и... никому о встрече со мной не рассказывайте.

Мужчина пообещал молчать. Вдруг он спохватился и предложил:

— Может, чаю?..

Но бессмертный не ответил. Он торопливо вошёл в прихожую, провернул ключ в дверном замке и, тихонько открыв дверь, вышел на улицу. Чутьё подсказывало, что рядом никого нет. Териан Лекас спокойно осмотрелся и прежним курсом направился к югу.

На крыльцо выбежал Каллес, чтобы попрощаться. Он помахал рукой Даэву и крикнул ему:

— Берегите себя!

Но ответа элиец не дождался. Териан продолжил идти вперёд, даже не оглядываясь. Каллес слегка огорчился, вздохнул и вернулся в дом. Ему предстоял тяжёлый день. Нужно было постараться помочь бедной девушке.

Асмодианин тем временем уже скрылся из виду. Из одежды на нём были только брюки. Остальные части тела украшали бинты и тканые повязки. У Даэва уже появился план. Пускай судьба волей случая забросила его в далёкие края, миссию его никто не отменял. Он всё ещё хотел выяснить, когда и как начнётся атака балауров. А для этого нужно было выбраться из Фозты, пускай этот край был ему родным.

Териан направлялся к южному берегу. Он знал приблизительную географию всего Элиоса. В его план входило соорудить какой-нибудь плот или просто-напросто украсть лодку. Затем набрать в южных озёрах побольше воды и по морю отправиться в Элтенен — его берега были строго южнее Фозты. А оттуда — сквозь разлом в Асмодею. На северной половине Атреи Даэв собирался вернуть своё старое оружие и броню, либо достать новое и улететь в Бездну, ища встречи с балаурами.

Можно было поступить проще и вывести сведения у Слутгельмира, но кто знает, что стало с договором между Безмолвными и ящерами после начала гражданской войны. Надёжнее было узнать всё напрямую. Но как? Это уже особый вопрос, на который Териан Лекас ответа пока не знал сам.

Конечно, была возможность упростить путешествие и оказаться на кибелиске в Белуслане, покончив жизнь самоубийством, но у героя осталась всего одна смерть, после которой он может воскреснуть сам. Расходовать её просто так проклятый Даэв не собирался. Да и не факт, что Териана Лекаса до сих пор не караулят Безмолвные около места возрождения. А снова возвращаться в железный саркофаг мужчина не желал и подавно.

===== Часть 5. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 3.

Отредактировано.

Фозта.

Дариус и Эви вместе с родителями приплыли в «край солнца». Здесь должно было быть безопасно для возлюбленных. Кто станет искать здесь пропавшего центуриона и подозреваемую в государственной измене? Да и если станут, то вряд ли найдут: крупный город на острове только один — и то больше похожий на большую деревню. Зато в Фозте полно мелких деревушек и сёл. Они разбросаны по всему острову — все и не обойти.

Конечно, здесь каждый друг друга знает, ведь поселения-то небольшие. Но поверьте, на земле Фозты скрывается далеко не один десяток семей, которых безуспешно ищет Элизиум. На острове можно затеряться, и многие этим пользуются.

От Бертрона до Фозты по морю где-то двое суток пути. От Элтенена — в разы дольше. Ваталлос ан Боуэн нанял небольшое рыболовецкое судно, пригрозил хозяину, чтобы держал язык на замке (А, как известно, воле военачальника нельзя противиться), и посадил туда всё семейство ан Грейвов вместе со своим сыном. Их путь лежал в «край солнца».

У капитана гарнизона Бертрона были связи и в Фозте — да и это понятно. На острове тоже есть brave юноши, которые готовы служить Элиосу в составе легиона. Обычно их увозят на службу в Бертрон — Ваталлос подсуетился, так сказать. А тот человек, кто обещает ребятам светлое будущее офицера и отправляет их на материк, — хороший друг военачальника Бертрона. Ему-то Ваталлос ан Боуэн и написал письмо, в котором просил приютить на острове двоих: юношу и девушку. Калион, так звали того мужчину, ответил всего одной фразой: «Без проблем».

И вот небольшое рыболовецкое судно уже причаливает к южному порту Фозты. Корабль привязывают тросами к крюкам и сбрасывают трап на деревянный мостик. Несколько гостей острова осторожно спускаются по крутому трапу. Они сумбурно начинают проверять, все ли вещи забрали с палубы. Только юноша как нельзя спокоен. Он молча держит в руках свою тяжёлую поклажу и любуется на бескрайнюю полосу зелени за портом, тепло мерцающую в лучах утреннего солнца. К ним медленно подходят трое мужчин. Тот, кто идёт посередине, видимо, — главный. Он улыбается, немного щурясь от яркого света, и по-воински приветствует офицера.

— Расефиэль, — говорит он. — Ты Дариус, ведь так?

Юноша кивает и ставит сумки на деревянные доски пирса.

— А Вы Калион?

— Всё верно, — отвечает мужчина, и они жмут друг другу руки.

Эви и её родители тоже замечают, что к ним кто-то подошёл, и знакомятся с ним.

— А кто Вы? Легат? — спрашивает девушка у улыбающегося мужчины.

Он смеётся, переглядывается со своей свитой и отвечает:

— Мы наёмники. Охраняем порядок на острове. Здесь нет легионов, потому как нет серьёзных врагов. Давайте сумки.

Троица мужчин молча хватается багаж гостей и несёт её к порту. По дороге Калион начинает рассказывать:

— Мы здесь живём, как у Айона за пазухой: ни асмодиан, ни балауров — счастье! Говорят, на материке сейчас творится полная разруха, — мотает головой он. — Ну ничего, у нас вы привыкнете к нормальной жизни, — он оборачивается у широко улыбается гостям.

Эви тоже улыбается в ответ, как и её родители, но что-то в образе Калиона ей не нравится. Он ей показался каким-то скользким типом, хотя, может, это только на первый взгляд. Но, несмотря ни на что, девушка продолжает оценивать нового знакомого: тёмные короткие волосы, густые брови, тонкая полоска губ, загорелая кожа и не очень приятная улыбка. Телосложением он с Дариусом очень схож. Одета вся троица в плотные кожаные дублеты тёмно-коричневого цвета. Чёрные брюки заправлены в высокие сапоги под цвет одежды. За пазухой торчат длинные кинжалы, спрятанные в чехлы.

Калион продолжает что-то говорить, но быстро переводит тему, когда процессия приближается к одноэтажному деревянному зданию — портовому складу.

— Так, — командует глава наёмников. — Стойте здесь. Я подгоню телегу.

Вся троица куда-то разбредается, оставляя гостей одних. Ромул и Фемисса ан Грейвы начинают обсуждать прелестный пейзаж, открывающийся отсюда на высокие холмы, все покрытые густой пушистой зеленью. Дариус подходит к Эви и берёт её за руки.

— Теперь мы дома, — улыбается он ей.

Девушка лишь грустно кивает. Да, здесь, конечно, красиво, но переезжать навсегда в деревню ей не хочется. Она привыкла к светской жизни, к ритму людных городов, таких как Элиан или Юфросин. А теперь она видит себя обычной крестьянской, с утра до ночи копающейся в огороде, — совсем не радужная перспектива для дочки губернатора.

Дариус, наоборот, был готов к любой жизни, только бы любимая была с ним. Он повидал уже много кровавых битв, и возможность жить спокойно вдали от войны была для него спасением, подарком судьбы. И за Эви он здесь мог не волноваться — ничего плохого в этих землях с ней случиться не должно. Конечно, юноша видит грусть в глазах невесты, но он уповает на страх перед переменами.

«Ничего, привыкнет, и ей здесь понравится», — считает он.

Тем временем Калион с друзьями возвращаются на двух больших повозках. Они останавливают лошадей около гостей и велят забираться внутрь.

Конечно, ехать в кузове телеги не так комфортно, как в мягком кожаном кресле личного экипажа, но что поделать — довольствоваться надо тем, что есть.

Багаж наёмники разместили в одной повозке, пассажиры же заняли вторую. Долгое время они ехали в тишине, наблюдая за пейзажами Фозты, пока Ромул не решил нарушить её:

— Я ведь в детстве тоже жил в селе. К югу от Юфросина. Мои родители были пекарями. Мы кормили не только свою деревушку, но и поставляли хлеб в город, — мужчина рассказывал, в основном, Дариусу, потому что жена и дочь эту историю слышали тысячу раз. — Деньги у нас были, мы даже смогли открыть собственную лавку на окраине Юфросина. Мои родители, да упокоит Айон их души, отправили меня после школы в крепостную академию. Там я учился на философа, причём довольно неплохо. На третьем курсе я встретил Фемиссу, — он улыбнулся жене. — Она тогда поступила на первый курс. Ну... Как-то завязалось. Я влюбился, в итоге, — Ромул рассмеялся. — Мы поженились через полгода. После выпуска я два года работал в кибеллиуме, пока Фемисса училась. Дариус знает, это — место, где сидят люди, которые помогают бессмертным после возрождения, — юноша добродушно кивнул. — Вот. Потом мы вернулись в Юфросин. Там к тому моменту уже начался бунт против наследников Медеуса... Мой отец после переворота получил должность от самого молодого военачальника Интердики... Ну, это понятно: если бы он не угодил народу Юфросина, то и поддержки города бы не было, — Ромул поднял брови и закивал. — Отец по воле горожан стал губернатором, а после его смерти на это место встал я... — он сжал губы. — Вот такая история.

— Вам повезло, — сказал Дариус. — Насколько я знаю, это единственный случай, когда власть в городе сменялась по воле народа.

— Ну почему единственный?.. — протянул мужчина и уставился на верхушки деревьев. — Были ещё случаи. Только давно-давно — даже не в мою бытность...

Юноша понимающе промычал и спустя небольшую паузу спросил:

— А Эви родилась, когда Вы уже были губернатором?

— Нет, — улыбнулся глава семейства. — Ей было три вроде... — он посмотрел на жену,

она — растерянно на дочь. Эви молча кивнула. — Да, три годика.

Снова наступило молчание. Только громкий скрип колёс и удары о небольшие камни нарушали тишину.

Когда телеги проезжали между вершинами зелёных холмов, Калион громко свистнул пассажирам, чтобы те проснулись от убаюкивающей качки.

— Эй! Вон слева видите озеро? — спросил он, указав пальцем на мерцающую гладь воды на широком плато, открывшемся между холмами. — Это озеро Клионе. Оно чистое-чистое! Из него и пить можно.

— А долго нам ещё ехать? — спросила Фемисса ан Грейв.

— Недолго. Почти прибыли, — крикнул извозчик и нагло пришпорил и без того уставшую лошадь.

Через несколько минут красивый пейзаж озера скрылся за холмом, а дорога вильнула резко вправо и в гору. Вскоре повозки выехали на высокую равнину. По сторонам начали появляться редкие домики.

— Это фермеры, — уточнил Калион. — Они тут выращивают, в основном, овощи, фрукты всякие. Потом на базар везут.

Чем дальше они ехали по этой дороге, тем чаще стали появляться дома. Спустя какое-то время телеги въехали за охраняемое наёмниками ограждение. Сразу за постом был перекрёсток дорог. Со всех сторон росли небольшие домишки местных жителей.

— Добро пожаловать в Акариос! — засмеялся главарь.

Он свернул несколько раз и выехал на широкую дорогу. Дома вдоль этой улицы были намного больше и с виду богаче, чем на других. Видно было, что здесь жили зажиточные горожане.

Через пару минут телеги свернули во двор двухэтажного деревянного особняка и остановились около крыльца.

— Вылезайте! — скомандовал наёмник и ловко спрыгнул со своего места. — Это ваш дом.

Эви широко раскрыла свои большие голубые глаза и стала осматривать снаружи дом. Не сказать, что он был большой. Но выглядел довольно уютным. Милое крылечко венчал купол с потушенным фонариком. Крыша была покрашена в бледно-зеленый цвет, а стены — покрыты старым лаком. Окон было много — дом обещал быть светлым.

Наёмники выгрузили вещи из первой телеги и занесли внутрь. Девушка вошла сразу за ними. Из-за плотных штор в гостиной было темно. Да и пыль кругом — здесь давно никто не жил. Мебель была старой, конечно, но с виду дорогой и качественной: шкафы из цельного массива дерева, фигуристые кресла, кожаные диваны и большие тяжёлые столы. К потолку были прилеплены позолоченные светильники со свисающими стёклышками (вряд ли это был хрусталь). Девушка вышла из гостиной и оказалась в маленькой кухоньке.

— Мило... — промолвила она, когда провела рукой по узористым деревянным шкафчикам.

Осмотрев эту комнату, Эви поспешила подняться на второй этаж, куда из гостиной вела винтовая деревянная лестница. Там девушка обнаружила большую библиотеку с кучей полок и шкафов, до отказа забитых книгами. Такого количества чтива не было даже в доме её родителей. Видимо, прежние хозяева любили читать. Ещё на втором этаже были две уютные спальни. Высокие кровати, тумбы на тонких ножках, шкафчики и столики — всё гармонировало с общим стилем интерьера.

Честно сказать, от Фозты девушка ожидала совершенно другого — маленькой землянки, загона для скота и вечно грязного двора, убирать который надо будет каждый день. Но нет! Вполне приемлемые условия... Говоря вполне, понимается, что условия не просто приемлемые, а отличные!

Вслед за Эви на второй этаж поднялся Дариус. Он подошёл к невесте и улыбнулся ей:

— Нравится?

— Да! — всё ещё осматривая интерьеры, радостно ответила она.

— Вот и замечательно! Мой отец не зря предупредил Калиона, чтобы дом был... уютным, — подмигнул юноша.

«Всё ясно, — подумала девушка. — Значит, спасибо надо опять говорить господину ан Боуэну...»

— Давай спускаться, — предложил Дариус. — Нас внизу ждут.

Элийка согласилась. Юноша, как полагается, взял её под руку и провёл вниз. Тем временем в гостиной Калион беседовал с её родителями.

— А чей это дом?.. — храбро перебила его Эви.

— Дом принадлежал одной купеческой семье. Они разбогатели и переехали в Элиан. Я как раз о них рассказываю, — промолвил главарь наёмников.

— А почему они не продали его? — вновь спросила девушка. Что-то ей не нравилось в тоне Калиона.

— Продали, — он вскинул брови. — А покупатель скончался... Получается, дом теперь ничейный. Живите, если хотите.

— Как скончался? — удивилась Фемисса. — Здесь? В доме?

— Нет, что Вы... — махнул рукой мужчина. — Уехал в лес — не вернулся. Потом мы нашли его обглод... Кхм, — он вовремя остановился, видя подступающий ужас на лицах дам. — Волки, наверное. Вообще не стоит ездить в одиночку на север... — предупредил наёмник. — Мы, конечно, пытаемся отлавливать зверьё, но оно плодится быстрее.

— А я думала, тут безопасно... — протянула Фемисса ан Грейв.

— Ну уж побезопасней Интердики, ха-ха! — рассмеялся Калион. — Да всякое случается. Вон на прошлой неделе мужик один провалился в колодец и того... Не успели его вытащить — захлебнулся. Потом с месяц где-то паренёк с лошади упал — чуть шею не свернул... Кто же от этого застрахован? — он пожал плечами. — Не говорю, что у нас проблем нет — есть, да ещё какие: вон волки распоясались, уже весь северный лес пожрали. Потом, керубимы за озером тоже обнаглели — не просто нападают иногда на зазевавшихся путников, так обворовывают телеги, вы представьте! Ну ничего, — протянул он. — Мы им быстро мозги вправим, не волнуйтесь. Только с волками разберёмся сперва... А насчёт дома — не переживайте. Соседи здесь милые: не грубят, не ябедничают. Все — купцы, в основном.

Дариус нахмурился и взял слово:

— Я думал, мы не будем жить в крупном селении. Нам же скрыться надо, — он исподлобья глянул на Калиона. — Так зачем попадаться лишний раз на глаза?

Эви хотела возразить, мол, лучше тут, чем в глуши какой-нибудь, но наёмник её опередил:

— Да кому вы нужны, ей-богу? В Акариосе тем лучше, что здесь на вас никто внимания не обратит. А в какой-нибудь деревушке, где все друг друга знают, сразу слухи пойдут.

Он вопросительно посмотрел на Дариуса, мол: «Убедил?». Юноша хмыкнул и едва

заметно кивнул.

— Вот и отлично, — сказал Калион. — Место здесь хорошее, городок — известный, все удобства есть. На центральной площади — базар. Там можно купить всё, что пожелаешь. Если деньги нужны, можно устроиться к нам, — он недвусмысленно глянул на Дариуса. — Тем более, воинам у нас всегда рады. Монетками не обделим, всё — по заслугам.

Бывший офицер задумчиво посмотрел в пол.

— Я кромсать балауров привык... — обиженно произнёс он, стиснув зубы.

— Тем лучше, — удивился Калион. — Значит, с волками проще будет. Оружие и экипировку мы дадим — наши кузнецы замечательно работают, — он запнулся и продолжил. — Вон, господин Акариос, в честь которого город назвали, героем был! По легенде, собственноручно заковал в цепи огромного монстра! До сих пор остатки этих цепей и его копье, торчащее из земли, покоятся где-то в Бездне. Так ничего, начинал с наёмничества здесь, у нас.

— Да, знаю эту легенду, — равнодушно пробормотал юноша.

— Разберётесь, в общем, — махнул рукой Калион и стал пятиться к выходу. — Мой дом — у самой площади. Понадоблюсь, спросите у любого горожанина: «Где найти Калиона?». Ответят, даже проведут. Тут народ добродушный, — ещё раз улыбнулся он и остановился у порога. — Отдыхайте. Всего доброго!

Ан Грейвы помахали ему, и он скрылся за порогом, хлопнув дверью.

— Фух, — начал Ромул. — Ну так что? Остаётесь здесь?

Дариус посмотрел на Эви. Она уверенно кивнула, на что воин ответил:

— А куда мы денемся?

Ромул довольно хлопнул в ладоши и сказал:

— Замечательно! Тогда давайте разбирать вещи. Мы у вас погостим с неделю, а потом уедем, да, дорогая? — спросил он у жены.

— Угу, — ответила она. — А насчёт свадьбы что-нибудь решим.

Эви отвела взгляд. Эта тема с недавних пор была ей неприятна. Она прекрасно помнила, чем закончилась прошлая церемония и теперь боялась снова идти под венец. Хотя девушка понимала, что асмодиан здесь нет и быть не может, она пока не торопилась выходить замуж — столько проблем навалилось: охота за ней, переезд... Пусть пройдет время, она привыкнет к новому месту и тогда закрепит свои отношения с Дариусом навеки.

Юноша чувствовал, что Эви тяжело сейчас, поэтому он не торопил её. Да и куда теперь спешить, когда жизнь будет спокойной и размеренной? Он мягко остановил Фемиссу, что, мол, надо подождать. Она удивилась, но не стала спорить.

Ромул намекнул жене, что надо оставить Дариуса с Эви наедине. Родители взяли свои сумки и поднялись наверх.

Юноша встал напротив девушки и нежно взял её за руки. Она посмотрела ему в глаза, но почему-то в них девушка больше не тонула, как несколько месяцев назад. Она судорожно пыталась найти в них то, что её привлекло когда-то, но на этот раз глаза не блестели, не манили. Эви это испугало. Она попыталась отбросить все посторонние мысли прочь, но какая-то горечь крепко засела ей в душу. Чего-то девушке очень не хватало. И она никак не могла понять, чего именно.

Между тем, юноша крепко обнял возлюбленную. Конечно, она его не отторгла. Дариус жадно вдыхал запах её светлых струящихся волос, нежно гладил их. Он до безумия любил свою Эви, пусть при некоторых и пытался скрыть чувства. Юноша готов был на смерть,

чтобы защитить её. Она стала для него всем — зеницей ока, вечностью, волшебным артефактом, что поддерживает ему жизнь. Дариус не мог представить, как кто-то снова отнимет у него его любимую. Он, как дикий зверь, моментально перегрыз бы тому глотку — такое настроение у него сейчас было в душе.

Белуслан.

Слутгельмир шёл по коридору ратуши крепости Белуслана, направляясь к трибуне. Он должен был выступить с речью перед бунтующим народом, который требовал возвращения мужчин в семьи. Судья уже подготовил убедительные слова о предательстве Пандемониума, о порочной связи Видара с элийцами. Конечно, был вариант разогнать горожан при помощи силы, но тогда повторных протестов было бы не избежать.

Мужчина нёс в руке свиток, на котором якобы были доказательства. Понятно, что это — лишь пустая бумажка, но в руках Верховного Судьи она должна была стать безоговорочной уликой против Видара.

В приподнятом настроении и со злобным оскалом на лице Слутгельмир поднимался по лестнице на балкон, под которым собралось несколько тысяч жителей Белуслана. Он вздохнул и ускорил шаг, уже слыша гул толпы. Но вдруг сзади его окликнул знакомый голос верного Исполнителя:

— Господин Судья! Постойте, господин Судья!

Взгляд мужчины стал ещё злее, глаза запылали красным, а кулаки сжались. Слутгельмир остановился и, даже не повернув голову, рявкнул:

— Чего тебе?!

— Срочное донесение... — в голосе Исполнителя был испуг. Он, запыхавшись, протянул своему командиру листок. — Вот.

— Не сейчас! — заорал Судья. — Катись с глаз долой!

Слутгельмира манил громкий шум тысяч голосов, доносившийся с улицы, и он не собирался отвлекаться на что-то другое.

— Боюсь, это не может ждать... — надрывным голосом промолвил Безмолвный.

Мужчину удивили эти слова. Он всё же повернулся к слуге и вырвал у него из рук листок с донесением. Слутгельмир быстро пробежал глазами по содержимому, но на последней строке его лицо преисполнилось ужасом. Ноги Судьи моментально подкосились, он уронил из рук и листок, и свой свиток.

На упавшей бумаге были написаны рукой агента Безмолвной Миссии, дежурившей в Арэшурате, следующие слова:

«Верховный Судья.

Сегодня утром разведчиками с нижнего Арэшурата была получена информация, что накануне воины пятидесятого, пятьдесят первого и пятьдесят восьмого отрядов балауров напали на крепость Серного Дерева. Легионы, подконтрольные Пандемониуму, не смогли сдержать оборону.

Через полтора часа наша крепость перешла во владение к балаурам. Договор расторгнут. Безмолвная Миссия».

===== Часть 5. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 4.

Отредактировано.

Элизиум.

Около привратника неожиданно открылся портал, из которого вышли четыре фигуры: трое мужчин и девушка. Двое были в тяжёлых латах, один — в полуметаллическом дублете. За спинами мужчин сияло оружие: алебарда, меч и щит и длинные острые слегка изогнутые кинжалы. На даме же было надето длинное синее платье. В правой руке она держала стеклянный шар небесно-голубого цвета, а левой изящно поглаживала обвитую вокруг него фигурку дракона.

За постом хранителя портала дежурили восемь полностью экипированных легионеров. По цвету металла было понятно сразу — Орденцы. Когда круг от разлома испарился в белёсой дымке, стража дружно вытащила мечи из ножен и шагнула навстречу гостям.

— Кто такие? Зачем прибыли в Элизиум? — грозно спросил один из воинов.

Слово взяла девушка в синем платье.

— Мы Даэвы, — она мило улыбнулась и сверкнула светящимися глазами. — Прибыли в город, чтобы побеседовать с Верховным жрецом.

Страж посмотрел на листок, который держал в руке и, хмыкнув, сказал:

— Встреча не назначена заранее.

— С каких это пор Даэвы должны отчитываться о приезде в город? — прорычал Даймон и вышел вперёд, поравнявшись со стражниками. — Или вы, кучка смертных выроdkов, забыли, кому обязаны жизнями?

Воины переглянулись. Старший патрульный, помявшись, произнёс:

— Ладно. Но оружие вы оставите здесь...

— Ещё чего? — оживился Бронн. — Может, тебе ещё адресок мой подкинуть, чтоб ты мой огород убирал, носильщик несчастный? Я со своим мечом в жизни не расстанусь, как и остальные.

Даэвы требовательно уставились на стражников.

— Ну? Долго ждать? — почти заорал Бронн. — Я-то могу — у меня вечность впереди. А вот у тебя — не думаю.

— Хорошо... — пробормотал старший. — Проходите.

Воины расступились и дали дорогу бессмертным. Те с презрительным взглядом прошли мимо поста и вошли, наконец, в город.

— Удалось представление, — улыбнулась друзьям Белатрисс.

— Да, — довольно протянул Бронн. — Они порядком удивились такой наглости.

— Забудем, — строгим тоном произнёс Даймон. — Нам нужно преодолеть весь город и пробраться на верхний остров. Все помнят план?

Остальные дружно подтвердили и кивнули легату.

— Отлично, тогда пошли.

Четверо Даэвов неторопливым шагом направились к Площади Святых, заинтересованно осматривая красоты города, чтобы не привлекать внимания снующей повсюду стражи.

— А как же Юклиас? — спросил Бронн. — Мы должны к нему заглянуть, чтобы...

— Я приготовил для него письмо, — перебил его Даймон и достал из лат запечатанный конверт. — В нём всё сказано.

— А если оно, не дай Айон, попадёт не в те руки? — опасливо поинтересовалась девушка. — Что тогда?

— Не попадёт, — уверенно ответил командующий. — Кому вздумается читать почту Верховного жреца? Ему каждый день приходит с десятков писем со всего Элиоса от нуждающихся семей.

Мимо Даэвов прошла группа стражников из четырёх человек. Они пристально оглядели бессмертных и направились дальше.

— Что за упыри?.. — скорчил лицо и, глядя вслед патрулю, прошептал Бронн.

— Тише, — мигнула Белатрисс. — Они не должны ничего заподозрить.

Только Родт был молчалив. На строгом лице не отражалось ни эмоции. Это и понятно. Ему предстояла сегодня самая ответственная работа: незаметно проникнуть в покои военачальника и каким-то образом выкрасть его. У мужчины было несколько задумок, но всё же он решил действовать по обстоятельствам — импровизация его ещё никогда не подводила.

Проходя мимо величественного здания Святилища Элизиума, Даймон незаметно бросил в стоящий у дороги почтовый ящик своё письмо. Он огляделся, не было ли свидетелей, и с облегчением выдохнул.

Вскоре Даэвы добрались до Porta Странников. Они ещё пару раз встретили на своём пути бродящие патрули, но стража ни разу не приблизилась к бессмертным, ещё издалека замечая светящиеся глаза. Перед ними предстала пропасть между двумя парящими островами, на которых построен город. Теперь бессмертным нужно было перебраться на ту сторону, где сиял в лучах солнца белоснежный дворец Храма Стражников.

Элизиум был расположен на двух приблизительно одинаковых по площади висящих в воздухе островах рядом друг с другом. Один — чуть выше, другой — чуть ниже. Между ними была пропасть, по которой, словно по реке, плыли воздушные корабли. Эти два острова связывались несколькими красивейшими мостами. Также между частями города ходил воздушный паром.

На острове, парящем севернее и чуть выше второго, расположились дома старейших Даэвов и высшей знати, Храм Легионов, Храм Мастерства, Храм Стражников и Библиотека Мудрецов. Последнее — это главное место хранения всех знаний в Элиосе: книг, летописей, рукописей и артефактов. В Библиотеке можно было найти информацию обо всём на свете, это священное место охранялось, словно зеница ока. Не все книги и рукописи из необъятной коллекции, хранящейся здесь, можно было читать. Некоторые экземпляры были строго засекречены и помещены в Секретную Библиотеку. Где она располагалась — знали только несколько человек во всём Элиосе.

В Храме Стражников восседал военачальник Элизиума — главнокомандующий всеми войсками Элиоса. Также здесь обучали Даэвов (а иногда и людей) боевому и магическому искусству. Сам вход в это место был большой честью для элийца. Храм располагался в высокой башне в форме огромного креста, возвышавшимся над парящим городом, — самом высоком строении, созданном человеком. Отсюда был виден весь Элизиум и близлежащие провинции — Элиан, Фозта, Бертрон.

На первом ярусе башни находился Храм Мастерства. Там производили самые сложные механизмы, самые надёжные доспехи, самые прочные мечи и самые сильные и стабильные магические предметы — всё самое-самое. Также в Храме обучали эфиро— и энергокинезу. Это были науки об Эфире, его синтезе и использовании, а также о превращении одних веществ в другие при помощи магии Эфира. По сути, они отличались лишь тем, что эфирокинез — получение Эфира из вещества, а энергокинез — вещества при помощи Эфира. Естественно, учениками были молодые бессмертные, ведь только Даэвам подвластен Эфир, а учителями — опытейшие старейшины, которые веками готовят себе замену, что ж, благо — времени у них было полно.

— Корабль или мост? — протараторил Бронн, вглядываясь в завораживающий пейзаж обрыва.

— Мост, — буркнул Даймон. — Самый восточный. Его меньше охраняют.

Остальные поддержали мнение легата и дружно пошагали вдоль гавани к восточному мосту. Но слова «меньше охраняют» вовсе не значили «совсем не охраняют». На подступах к мосту стояли четыре стражника и мирно беседовали друг с другом.

— Обойдём или... — хитро спросила супруга Трисс, которого она по привычке назначила главным в операции.

По глазам мужчины девушка поняла, что он выбрал «или». Волшебница улыбнулась и милой походкой направилась к группе стражников. Она спрятала за спиной руки, в которых держала вдруг начавший светиться голубым шар. Патрульные, заметив красивую незнакомку, тут же оживились и повернулись к ней лицом. Они сняли шлемы, заулыбались и стали беседовать уже с ней, видя в её мерцающих глазах интерес.

Даймон, стоя с остальными за углом здания, ревниво закатил глаза, наблюдая за своей супругой.

— Умело она их отвлекает... — заметил Бронн.

— Заткнись, — раздражённо рявкнул легат.

Вдруг до ушей Даэвов донёсся громкий лязг падающих металлических доспехов. Элийцы мигом повернулись и увидели четыре распластавшиеся по земле фигуры стражников. Около них стояла довольная Белатрисс и поглаживала фигурку дракона на её волшебном шаре. Она перевела взгляд на друзей и вопросительно посмотрела на Даймона, мол, нечего больше тянуть.

— Пойдём, — сказал он, и троица торопливо подошла к девушке. — Отдыхают? — мужчина пнул сапогом лежащее в неестественной позе тело одного из патрульных.

— Они устали, — игриво сверкнула глазами волшебница. — Решили вздремнуть.

— Ну... — вздохнул легат. — Сон тоже полезен. Не будем им мешать.

Даэвы решили последовать этому дельному совету и поскорее пересечь мост, ибо своих «уставших товарищей» вскоре могли заметить другие стражники.

На противоположном конце тоже стояли четверо. Здесь Белатрисс решила не церемониться и прямо сходу одним изящным движением руки отправила всех патрульных разом в мир грёз.

— Здесь стражи намного больше, будем осторожнее, — предупредил Даймон, но не успел он договорить, как слева он услышал громкий мужской голос.

— Эй! Все сюда!

Один из Орденцев, бродящих туда-сюда по набережной, заметил-таки противозаконные действия незваных гостей и тут же позвал на помощь.

— Проклятие... — прорычал командующий.

— Как мы его не заметили? — спохватился Бронн, но было уже поздно — схватки не избежать.

Через несколько мгновений на Даэвов бежало уже с десятков стражников.

— Бегите к Храму! Я их отвлеку! — прокричал Даймон и вытащил из-за спины алебарду, встав в боевую стойку и загородив собой проход.

Белатрисс, Бронн и Родт не стали спорить и, переглянувшись, побежали в сторону высившегося почти до небес дворца. Даймон тем временем насчитал уже двадцать стражей и готовился вступить в бой.

Уворот, удар, парирование, удар — Даэв дрался одновременно с целой кучей элитной элийской стражи. Пока ещё никому не удалось добраться своим мечом даже до брони бессмертного — он молниеносно отражал все атаки. Даймон не использовал острое лезвие своей секиры, которое было способно при должной силе удара разрубить врага пополам вместе с доспехами. Вместо этого он бил патрульных либо древком, либо плашмя, чтобы никого ненароком не убить. Мощными ударами Даэв оглушал и выводил из равновесия всё новых и новых стражей, но им не было конца.

— Да сколько же вас здесь, мать балаурскую? — только успевал выругиваться он, видя бегущее к нему подкрепление. Но Даэв знал, что выстоит. Ему нужно лишь продержаться как можно дольше, отвлекая на себя кучи Рыцарей Миразента.

Тем временем троица бессмертных почти добралась до Пути Святости. По сторонам дороги стали появляться пары стражников, недвижно стоявшие, словно статуи, опираясь на длинные секиры и копья.

— И здесь они! — с досадой прошипел Бронн.

Заметив пробегающих мимо гостей, они тут же бросали свои посты и кидались за бессмертными. Когда хвост из стражи стал довольно велик, Бронн остановился и крикнул друзьям:

— Давайте дальше! С этими я разберусь!

Он быстро достал меч и щит, стукнул оружием по блестящей эмблеме на щите и рывкнул бегущей к нему толпе:

— Ну? Кто на меня? Дава-ай!

Завязалась ещё одна схватка. Бронн тоже загородил собой дорогу и стал наносить удары случайным врагам. Его атаки были направлены по ногам и рукам стражников: мужчина не собирался убивать элийских солдат — лишь отвлечь, замедлить и обезоружить.

Родт и Белатрисс остались вдвоём. Они переглянулись и продолжили путь ко входу в Храм. Девушке было тяжело бежать в длинном платье, поэтому одной рукой она приподняла полы и держала их на уровне бёдер, чтобы не мешали, а другой — сжимала светящийся шар.

Около арки, ведущей во дворец, было целое скопление стражи — по-видимому, их предупредили о тревоге.

Трисс схватила Родта за руку и остановила в десятке метров от патруля. Конечно, солдаты их заметили и, яростно крича, уже бежали на незваных гостей, размахивая мечами. Но девушка тем не менее успела заглянуть в глаза другу и сказать:

— Дело за тобой. Со стражей я разберусь. Выкради Фаметеса, прыгни с ним прямо с балкона и лети к западному мосту. Там будет открыт тоннель. Всё, удачи!

Родт молча кивнул и ринулся вперёд. Патрульные пытались ему помешать, но тот ловко уклонился и перепрыгнул через них, прошмыгнув в здание.

Белатрисс же окатила грозным взглядом солдат и отпустила из руки стеклянный шар. Он магическим образом залевитировал между ладонями волшебницы, засветясь яркими голубыми лучами. Стражники уже подступили к девушке, готовясь к атаке, как вдруг из её уст вырвалось короткое заклинание, и все пятнадцать легионеров волной отбросило от Трисс на несколько метров. Солдаты упали на спины и, злобно мыча, поспешили подняться, но вдруг из земли, выбивая брусчатку, стали вырываться корни какого-то растения. Словно живые, эти лианы росли на глазах и мощной хваткой опутывали тела стражников, прижимая их к земле и не давая возможности двигаться. Воины задёргались в крепких объятиях и замычали, осыпая угрозами и проклятиями волшебницу. Но девушка лишь довольно

вскинула носик и хмыкнула, мол, «поделом вам».

Белатрисс посмотрела на своё творение — патрульные повыроняли из рук оружие и тщетно пытались руками разорвать мощные толстые корни, но стражи не понимали, что чем больше они сопротивляются, тем сильнее волшебные путы сдавливают их доспехи и заключённые в них тела.

Девушка посмотрела вперёд: откуда ни возьмись появилось ещё с десятков Орденцев. Видимо, они выбежали из Библиотеки Мудрецов, чей вход располагался напротив. Белатрисс спохватилась и, мастерски оббегая лианы, шмыгнула в дворец. В двадцати метрах от неё к центру огромного зала бежал Родт, уже успев собрать длиннющий хвост из стражи. Первым делом волшебница решила расправиться с ними: одно ловкое движение рукой, и точно такие же корни уже пробиваются сквозь мраморный пол. А через мгновение весь «хвост» осыпается с жутким лязгом и громкими проклятиями. Девушка на миг ловит на себе благодарный взгляд товарища и видит его открывающиеся крылья. Теперь он может спокойно подняться в Храм Стражников. На крыльях — естественно, удобней, ведь Эфирный лифт между Храмами стража остановила по сигналу тревоги.

Белатрисс обернулась, и первое, что она увидела перед собой — злобная морда элийца и блестящее лезвие орденского меча. Девушка не успела бы отразить атаку, на раздумья не было ни секунды — острый клинок неумолимо быстро приближался к её животу.

Стражник собрал все силы и, казалось бы, ударил с размаху по волшебнице: удача — он поразил Даэва. Но не тут-то было. Меч прошёл сквозь тело девушки, словно через струю воды, лишь разбрызгав по полу прозрачную жидкость. Патрульный замер, не понимая, что произошло. Девушка посмотрела на него круглыми удивлёнными глазами. Ему показалось, что она сама на секунду растерялась, и это вышло не по её воле. Но вдруг огонёк в бессмертном взгляде Трисс вновь засиял, и последнее, что увидел незадачливый стражник, — ехидная улыбка прекрасной волшебницы. В один миг её тело обратилось в столб воды и разлилось по мраморному полу дворца в огромную лужу.

Все десять легионеров замерли и опустили оружие. Они озадаченно пялились на своё отражение в воде, почёсывая затылки и мыча от недоумения. Перед мужчиной, нанёсшим удар по Даэву, валялось на полу промокшее платье волшебницы, разрезанное пополам его мечом. А самой девушки и след простыл.

Воины разбрелись по залу и стали осматривать колонны и углы — кто знает, на какие иллюзии способен бессмертный маг. В это время лужа начала медленно стекать к выходу из дворца. Стражники это не заметили, оттого и проглядели, как вода начала подниматься вверх огромной каплей, собирая в себя всю влагу с пола дворца. Через несколько мгновений капля стала приобретать очертания девушки, что сидела на корточках, обхватив прозрачными руками колени. Один из воинов повернул голову и чуть было не упал там, где стоял, когда увидел это. Девушка из воды разогнулась, поднялась на ноги, и жидкость начала медленно приобретать телесный цвет. Спустя секунду перед ошарашенным патрульным стояла голая волшебница, одной рукой прикрывающая себя, а второй подзывающая его:

— А Вы мне не подадите платье?.. — нежно разлился её голос у него в ушах.

Челюсть стражника уже давно упала на землю: не от самого вида нагой девушки, а от чуда, которое только что произошло. Он даже не мог позвать на помощь, только мычал что-то невнятное.

Трисс подождала две секунды, вздохнула, сказав:

— Ну ладно... — взмахнула второй рукой, и воин, охнув от неожиданности, отлетел на

метров семь назад и, ударившись спиной о колонну, бездыханно осел.

Остальные тут же спохватились, когда заметили летящего на них товарища, и ринулись на девушку. Конечно, её вид вызвал недоумение, и волшебнице это было только на руку. Она одним за другим начала отправлять стражников в полёт, швыряя их то в стены, то в колонны, то в вывески. Легионеры громко кричали и болтали в воздухе ногами, но, достигнув пункта назначения, замолкали и медленно оседали на пол.

Когда в зале наступила гробовая тишина, и даже воины в волшебных путах потеряли сознание от удушения, Белатрисс согнула губы в трубочку и провела удивлённым взглядом по Храму Мастерства.

— Упс... — тихо пискнула она и добавила. — Надеюсь, я никого не убила...

Девушка на носочках подбежала к платью и белью, что валялось рядом.

— Ну вот... — расстроено промолвила волшебница. — Платье мне испортили...

Белатрисс торопливо надела на себя всё это. Платье было насквозь промокшим, тем более держалось оно на паре ниток — всему виной неосторожный удар стражника. Девушка покачала головой, но затем закрыла глаза, прочитала какое-то заклинание, и её одежда стала на глазах плавиться, перетекая по её телу, словно потоки Эфира или ветер. Через несколько секунд струйки застыли и затвердели, а Трисс довольно улыбнулась — платье было, как новое. Можно сказать, сидело ещё лучше.

А пока девушка занималась одеждой, Родт быстро взмахивал огромными крыльями и перелетал лестничные пролёты, направляясь к своей цели.

«Как кстати, что между лестницами есть пространство, где можно свободно расправить крылья...» — подумал он.

И действительно, тоннель между четырёхугольными пролётами вовсе не стеснял его движений — словно так и было задумано, чтобы Даэв мог спокойно подняться вверх, либо спуститься вниз.

Мужчина уже видел над собой стилизованный под небосвод потолок Храма Стражников. Он чувствовал, что там есть враги и его уже поджидают. Но дороги назад не было.

Родт пулей взмыл под самый потолок и свернул крылья, штопором приземлившись на первом этаже Храма. Он знал, что здесь были лучники, и он знал, как уклониться от их стрел. Визжащие наконечники элийских стрел пролетали над головой воина и между крыльями, но ни одна из них не задела его. Вокруг лестницы стояло пятеро легионеров, вооружённых крепкими офицерскими луками. У Родта была всего секунда, пока враги достают из-за спины по новой стреле, чтобы прошмыгнуть в зал заседаний. И он воспользовался ей грамотно. Бросив две дымовые шашки: одну — к ногам воинов, вторую — к дверям зала, Даэв сложил крылья за спиной и скрылся в плотном белом тумане.

Стражники не были готовы к этому, они разом вдохнули ядовитый дым и скорчились в сильном кашле, согнувшись и выронив из рук оружие. Родт же задержал дыхание и принялся тихо открывать дверь.

— Дракан подери, заперто!.. — шёпотом выругался он.

Времени на взлом замка не было, тем более туман быстро рассеется, поэтому воин решил поступить по обстановке. Он пожертвовал скрытностью и снова взлетел вверх. Оттолкнувшись ногами от противоположной стены, Даэв набрал скорость и, выставив вперёд локти, со всей силы врезался в дверь. Одну из створок вырвало с петель, и мужчина рухнул вместе с ней внутрь зала.

Быстро очухавшись, он поднялся на руки и обнаружил над своей головой лезвие меча. Родт среагировал моментально: он перекатился и с размаху ударил обидчика крылом, да так, что тот отлетел на несколько метров. Спереди было ещё трое. Даэв быстро оценил ситуацию. Вступать в ближний бой с крыльями за спиной было неудобно, поэтому воин отпрыгнул от входа, крепко схватил оторванную створку и со всей силы метнул её во врагов. Что там говорить, стражники не ожидали такого поворота событий: двое легионеров только и успели увидеть, как в них, крутясь в воздухе, летит трёхметровая дверь. После такого удара даже Даэв скорчил лицо, подумав:

«Переборщил...»

Но третьего врага снаряд не задел. Он, яростно вопя, набросился на бессмертного. Родт успел выставить вперёд металлический нарукавник и отвести меч стража от себя. Второй рукой Даэв схватил его под живот и перебросил через себя в коридор, где дыма уже почти не было. Патрульный упал на спину и заохал, не горя желанием подниматься и вступать в дальнейшую схватку.

Родт этим воспользовался. Он подлетел к арочной двери в боковой стене зала заседаний. Она вела в покои военачальника. В противоположной стороне была такая же дверь, ведущая в комнату магистра.

«Главное, не перепутать», — сказал себе воин и принялся выламывать замок, ведь из коридора уже слышались недовольные возгласы лучников. Удача! Он оказался не таким крепким, и через пару секунд Даэв уже был в покоях Фаметеса. Здесь, конечно же, охраны не было — незачем мешать больному. Родт подскочил к большой кровати и разглядел неподвижно лежащее тело, укутанное одеялом. Бессмертный склонился над ним и услышал тихое хриплое дыхание.

— Отлично! Жив, — с облегчением сказал Даэв, затем осторожно вынул парня из-под одеяла и взял на руки.

— Вон он! — из зала донеслись голоса лучников и звук натягивающейся тетивы.

Родт молниеносно дёрнулся с места, спиной разбил окно в комнате и прыгнул вниз. Ветер приятно затрепетал шевелюру. Бессмертный не торопился расправлять крылья, он хотел завернуть за угол башни, чтобы стрелы уже не достали до него.

Воин крепче прижал к себе юношу и, наконец, стал гасить скорость, направляясь точно к месту назначения — кромке западного моста. Даэв медленно накручивал круги вокруг пропасти Элизиума, внимательно разглядывая крыши и закоулки: нет ли где спрятавшихся лучников. Не обнаружив никого, Родт мягко приземлился на мосту и стал рыскать глазами в поисках тоннеля.

— Течение Эфира... — почуял он и последовал за ним.

Через минуту Даэв обнаружил небольшую воронку, в которую Эфир засасывало, словно воздух в пустоту. Родт оттолкнулся ногами, расправил крылья и позволил потоку подхватить себя. Снаружи было видно лишь слабые завихрения воздуха, но внутри тоннеля это позволяло развить бешеную скорость, даже не затрачивая усилий — словно катиться вниз по извилистой водяной горке.

Спустя считанные секунды Элизиум остался далеко позади. Ни одна стрела не сможет настигнуть Даэва, летящего с такой скоростью. Бессмертный посмотрел вниз — паутинка из деревушек Элиана промелькнула за пару мгновений, и вот Родт с высокопоставленным мальчиком на руках оказался в юго-западном порту, где у выхода из тоннеля его ждало равнодушное лицо Канеуса.

Скорость исчезла сама собой, Даэв приземлился и сбросил больше ненужные крылья. Канеус стоял около большой привязанной к причалу лодки и даже не шелохнулся, когда из его тоннеля вылетел товарищ с ценным грузом.

Родт медленно пошагал к заклинателю, пытаясь отдышаться от всего произошедшего.

— Расефиэль, — только проговорил он, когда поравнялся с Канеусом.

— Нам пора, — сухо произнёс тот и взмахом руки отвязал лодку.

Родт запрыгнул на нос судна, всё ещё держа на руках спящего военачальника Элизиума. Лодка быстро отчалила. Канеус вытянул руки вперёд, и паруса моментально наполнились ветром. Затем он присел на корму и уставился на убегающий вдаль пейзаж Элиана.

— Не хочешь узнать, как всё прошло? — с укором спросил Родт.

— Хорошо, — ответил Канеус. — Всё прошло хорошо.

Воин покачал головой и отвернулся от заклинателя.

— Как думаешь, мы сможем ему помочь? — спросил Родт из-за спины.

— Мы — нет, — уверенно ответил второй Даэв. — Но всё, что от нас зависело, мы сделали.

— Надеюсь... — вздохнул мужчина.

До Фозты плыть было около суток. Канеус и Родт условились встретиться с Белатрисс, Даймоном и Бронном на окраине Акариоса. Судя по всему, эти три Даэва окажутся там раньше, ведь они отправятся туда не по морю и даже не по воздуху.

Пользоваться услугами привратника теперь было опасно — могут выследить. Поэтому Белатрисс решила сама открыть разлом и переместить на остров себя и друзей в один миг. Что ж, это было разумно.

===== Часть 5. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 5.

Отредактировано.

Дорогая А.

Вчера я узнал, что силы, подконтрольные Вам, проявили агрессию против асмодианской крепости в Бездне. Я исключаю возможность того, что это произошло случайно, и не понимаю причины сего инцидента.

Если Вы по какой-то причине решили расторгнуть соглашение, прошу, как можно скорее напишите мне о Ваших предложениях. Не хочу недопонимания между нами, особенно при нынешней обстановке.

С уважением.

С.

Как и ожидалось, Родта и Канеуса встретили на берегу. Довольные лица Белатрисс, Даймона и Бронна можно было разглядеть издалека. Они ждали на причале и помогли лодке пришвартоваться.

Канеус, как всегда, пожелал избежать сантиментов и лишь буркнул, когда сошёл на берег:

— Надо поторопиться. Он долго не протянет.

Родт пожал плечами и осторожно вытащил паренька из лодки, как и ранее, взяв на руки.

— Да, он слаб, — промычал его спаситель.

— Что ж, тогда нечего терять время, — вопросительно посмотрела на друзей девушка. — Тем более, Юклиас уже ждёт в Акариосе.

— Серьёзно? — удивился Родт.

— Да, — кивнул Даймон. — Идём. Скоро будет полдень, надо успеть до солнцепёка.

Даэвы согласились с ним. Они дружно пошагали прочь от пирсов и обошли гавань. В тени высоких деревьев их ждала запряжённая повозка. Бронн резво занял привычное место извозчика и, когда все забрались в телегу, ударом поводаев велел лошади двинуться.

— Как доплыли? — спросила Белатрисс, осматривая тело юноши.

— Молча, — отрезал Родт, покосившись на Канеуса.

— Что? Наш друг снова неразговорчив? — слегка улыбнулся Даймон.

— Хуже... — начал жаловаться кинжальщик. — Его выражение лица нагнетает тоску.

Заклинатель словно не обращал внимания на то, что его прилюдно обсуждают. Казалось, ему было всё равно.

— Вы с Бронном переродились относительно недавно, — тон командующего стал более серьёзным. — Поэтому смутно представляете, что такое бремя Даэва. Вот проживёте ещё пару сотен лет — станете такими, как Канеус.

Мужчины перевели взгляды на Даймона. Отчего-то в его голосе читалась печаль.

— Что, станем равнодушными ко всему молчунами? — спросил Бронн, самый «молодой» из присутствующих.

— Да, — тяжело вздохнул легат. — А ещё потеряете человечность...

Наступила напряжённая тишина. Родт и Бронн переглянулись, но не стали ничего говорить.

— Фаметес приходил в себя? — поинтересовалась девушка, решив перевести разговор на другую тему.

— Нет, — покачал головой Родт. — Мы пытались дать ему воды, но он лишь мычал что-то с закрытыми глазами.

— То есть, вы его даже не покормили? — удивился легат.

— А каким образом мы должны были это сделать? — на повышенном тоне ответил ему мужчина. — Он был без сознания... Возможно, в коме — я в этом не разбираюсь.

— Плохи дела, — сказала Трисс и посмотрела супругу в глаза. — Если Юклиас...

— Довольно, — Даймон кивком перебил её. — Отныне жизнь мальчишки будет в руках Верховного жреца. Мы ничем ему помочь не сможем. Наша работа выполнена.

Волшебница погрузилась от слов мужчины. Она не хотела верить, что всё сотворённое ими может оказаться напрасным.

Оставшееся время поездки прошло почти без разговоров. Только изредка Родт пытался завести беседу, но никто его не поддерживал. После нескольких безуспешных попыток он тоже замолчал и, как все, принялся наблюдать за солнечными пейзажами Фоэты.

Повозка беспрепятственно въехала в самый крупный город острова — Акариос. Она проехала по центральной площади, пересекла почти все жилые районы и остановилась около трёхэтажного деревянного здания, у входа в которое висела вывеска: «Таверна Хромой хайк».

Даэвы прыгнули с телеги. Как и раньше, Родт взял на себя роль помощника для остававшегося в бессознательном состоянии Фаметеса. Бессмертные вошли внутрь — с виду обычный кабак, коих в Элиосе завалилось. Белатрисс подошла к стойке, за которой стоял грузный уса́тый мужчина — видимо, хозяин.

— Добрый день, — сказала она.

Мужчина вдруг обратил внимание на гостью. Он медленно и устало провёл взглядом по

внешности девушки и посмотрел на её милое лицо. В светящейся голубизне глаз хозяин таверны разглядел божественную сущность и, неторопливо наклонившись к ней, произнёс:

— Вам на третий этаж. Комната справа.

Трисс кивнула и отступила назад. Краем глаза она заметила, как добрая половина мужчин за стойкой заинтересованно провожает её взглядом. Неискушённым обитателям кабака было непривычно видеть здесь Даэва — яркое свечение глаз сильно выделялось при тусклом освещении питейного зала. Но Белатрисс не собиралась обращать на кого-то внимания. Она как ни в чём не бывало подошла к своим товарищам, всё ещё стоявшим у входа, и шепнула Даймону что-то. По команде легата все направились к двери, за которой находилась лестница на верхние этажи.

Поднявшись на третий этаж и свернув вправо, как и говорила девушка, процессия оказалась у запертой двери. Даймон громко постучал. Изнутри послушались шаги и слова:

— Кто это?

— Господин Юклиас, Открывайте, — сурово ответил командующий.

Спустя секунду раздумий дверь отворилась. У порога стоял светловолосый мужчина в годах, одетый в белую украшенную всякими надписями тунику.

— Ах, это вы... — протянул он и отошёл от прохода, пропуская внутрь гостей.

Даэвы вошли в комнату. Родт быстро нашёл кровать и осторожно уложил на неё неподвижного Фаметеса. Жрец первым делом подошёл к юноше.

— Как у вас это получилось? — слегка удивлённо спросил он Родта, осматривая тело юного правителя. — Хотя нет, не говорите. Я сначала подумал, что то письмо было шуткой, но, когда весь Элизиум подняли на уши, я понял — всё серьёзно.

— А что вы ожидали? — ухмыльнулся Даэв. — Бессмертные не шутят такими вещами.

К Юклиасу подбежала Белатрисс.

— Его можно спасти? — спросила она, заглянув в печальные глаза жреца.

— Увидим... — нахмурившись, ответил он. — В Элизиуме я не мог улучшить его состояние. Но если ваша версия верна, и господина Фаметеса действительно травили долго время, то шанс есть. Маленький, но есть.

— Хорошо, — промолвила девушка. — Если что-то понадобится, мы будем в Акариосе.

— Я наспех забрал всё самое необходимое из Святилища. На первое время должно хватить. И, если всё получится, — уточнил Юклиас. — Не ожидайте, что выздоровление будет быстрым.

— Мы ничего не ждём, — сурово сказал Даймон. — Для нас главное, чтобы на трон не поднялся Раверинтос или кто-то из его свиты.

— Да... — вздохнул жрец. — Магистр Ордена метит в военачальники... Но с чего вам, Даэвам, помогать господину Фаметесу? Вы же верны Цитадели...

— Скажем так, у нас есть своя голова на плечах, — резко ответил легат Щита Неджакана. — Мальчишка нам нагрубил, засомневался в нашей вере. Но Гелион тоже не идеал правителя. Пусть народ сам выберет, кто должен стоять у руля. А для этого элийцам нужно предоставить этот шанс выбора.

Юклиас понимающе закивал. Раздор во власти не нравился никому. Он сильно ослаблял Элиос. Мало кто понимал, что это могло означать. Ещё меньше — как это исправить.

— А что Вы? — задал вопрос Даймон. — Если лечение затянется, в Элизиуме пойдут разговоры, куда делся Верховный жрец.

— Я предупредил послушников, что еду обучать храмовников в Теобомос. Для Ордена

Миразента этого предлога будет достаточно.

Бессмертный угукнул. Откланявшись Верховному жрецу, Даэвы решили больше не беспокоить его. Юклиасу и так предстояла серьёзная работа. Мужчина проводил гостей и добавил в дверях:

— Не волнуйтесь. Я присмотрю за господином Фаметесом. Да озарит наш путь Свет Айона.

Прошла неделя. Всё это время Даэвы жили в деревушке немного западнее Акариоса. Даймон и Белатрисс знали, что в Фоэте сейчас скрываются и ан Грейвы. Однажды бессмертные супруги даже навестили дом Дариуса и Эви. Легат Щита Неджакана скрыл от бывшего центуриона вести про военачальника Элизиума. Он сказал лишь, что ненадолго взял отпуск по личным делам. Дариус не стал вдаваться в подробности — тон командующего был весьма убедительным. Тем более, Даэвы редко совершают что-то «по глупости» — их действия хорошо продуманы... в большинстве случаев.

Даймон ожидал любой новости от Юклиаса: плохой или хорошей. При любом исходе Даэв знал, что делать дальше. Конечно, меньше проблем возникло, если бы Фаметес выжил. В ином случае легат решил убедить Гелиона отправить силы в Элизиум, чтобы не дать Раверинтосу занять трон. Между меньшим и большим злом Даэв бы выбрал меньшее — Гелиона.

И вот, наконец, весточка пришла. Молодой паренёк лет восемнадцати подошёл к калитке дома, где жили Дариус и Белатрисс, и постучал. Через минуту дверцу приоткрыла девушка со светящимися глазами.

— Чего тебе? — добродушно спросила она незнакомца.

Он помялся, стараясь не смотреть в завораживающие глаза волшебницы, и, опустив голову, сунул ей письмо.

— Это от Вашего друга, — протараторил юноша и рванул с места, как только Трисс взяла послание. Видимо, засмущался или просто-напросто испугался Даэва.

Белатрисс осмотрела конверт — ни единого слова. Затем она перевела взгляд туда, где секунду назад стоял парень, чтобы поблагодарить, но его и след простыл. Она удивилась и, заперев калитку, отправилась к мужу.

Даймон был за домом. Он вертел алебардой перед воображаемым противником, при этом даже умудряясь отражать его возможные атаки.

Трисс ловко увернулась от замаха воина и нежно обняла его сзади. Мужчина от неожиданности дёрнулся, но тут же смягчился, узнав супругу, и бросил алебарду.

— Совсем скучно? — спросила девушка, прижавшись к его мощной спине.

— Да... — вздохнул он. — Никогда не думал, что не смогу отказаться от войны.

— Это у тебя крови, — высоким голосом подытожила Трисс. — Ты подсел на азарт битв — от этого не сбежишь.

— М-м-м, — недовольно промычал Даймон. — Звучит мрачно... А ты? — он повернулся к девушке и тоже обнял её.

— А я — нет, — пропела она. — Наверное, я бы даже смогла жить человеком, если бы не проклятое свечение из глаз... — в её голосе не было укора, лишь усмешка.

— Зато какие это глаза! — мужчина нежным жестом заставил девушку посмотреть на себя. По его лицу растеклась улыбка, а узор на зрачках стал переливаться с новой силой.

Трисс мило улыбнулась. Но вдруг вспомнила про письмо, и её счастливый взгляд вмиг

растерял радость. Она достала из кармана конверт и повертела им перед лицом Даймона. Тот сморщился и схватил его, отойдя на шаг назад.

Мужчина зубами открыл конверт и достал оттуда свёрнутый листок бумаги, на котором было написано всего одно слово.

— Очнулся... — вслух прочитал Даэв и вопросительно посмотрел на супругу.

Она облегчённо вздохнула и сказала:

— Иди один.

— Почему это? — удивился воин.

— Я вчера была у ребят, — тихо начала девушка, опустив глаза. — Канеус отвёл меня в сторону и сказал, чтобы завтра ты шёл один...

— Завтра? — воскликнул Даймон. — То есть, уже сегодня? Откуда он знал?

— Это же Канеус... — замотала головой волшебница. — Кто знает, что нашёптывает ему Эфир...

Мужчина сморщился и закатил глаза. Впрочем, он любил это делать...

— Бесит он меня, — произнёс воин. — Слишком хитрый взгляд у него.

— Ну перестань, — нахмурилась девушка. — Это предрассудки. Мы с ним ладим. Вон за одиннадцать лет ни одной ссоры. А вообще, многих древних Даэвов Всевышний одарил способностью видеть будущее. Кого-то — на пару мгновений, а кого-то — на целые дни вперёд. Канеусу просто повезло.

Даймон вздохнул.

— Ладно, пусть будет так, — раздражённо промолвил он. — Пойду один. Но сердцем чувую, что день сегодня будет... весёлым.

— В каком смысле?

— Непокойно на душе, — воин задумался. — Возьму с собой оружие.

— Будь осторожен, — Трисс обняла любимого и поцеловала. — Да защитит тебя Айон.

— Что со мной сделается? — рассмеялся Даймон. — Я Даэв.

— На всякий случай... — улыбнулась волшебница. — Всё, иди. Тебя ждут.

Мужчина поцеловал супругу в ответ, отстранился и, подняв с земли алебарду, пошагал к калитке. У дверей он отсалютовал и ласково крикнул Трисс:

— Да сохранит тебя Айон!

Девушка кивнула и помахала ему ручкой. Даймон отпёр дверь загона, вывел оттуда лошадь, ловко запрыгнул на неё и, пришпорив, да так, что та заржала и встала на дыбы, ускакал в сторону города.

Даэв нёсся на всех парах. Задерживать Юклиаса он не хотел. Воин спрыгнул с лошади у дверей таверны и крепко привязал поводья к вывеске, надеясь, что она выдержит дикий пыл жеребца.

Даймон вошёл в здание и вбежал на третий этаж. Дверь в комнату жреца была заперта. Воин громко постучал и представился. Замок вскоре отворился. За порогом стоял взволнованный Юклиас. Но по виду он был очень рад видеть Даэва.

— Проходите! Поскорее! — он буквально затащил мужчину внутрь и запер за ним дверь.

Верховный жрец провёл бессмертного элийца в комнату и встал перед кроватью, на которой лежал юноша и тихо мычал. Вид у него был неважный, но хотя бы мертвецкая белизна кожи сменилась на лёгкий румянец.

— Господин Фаметес? — осторожно, но строгим тоном произнёс воин.

Правитель повернул к нему голову и с трудом приоткрыл глаза.

— Где я?.. — прохрипел он жалобно.

— В безопасности, — смягчил тон Даэв.

— Что?.. — непонимающе спросил юноша.

— Вас отравили, — сказал Юклиас. — Теперь Вы поправляетесь.

Казалось, Фаметес был потерян. Он плохо понимал, что ему говорят. Этого следовало ожидать — несколько суток без сознания, а может, и больше.

— Кто меня отравил? — после долгой паузы тихо спросил он.

Даймон посмотрел на жреца и сверкнул глазами, намекая, чтобы ответил он. Мужчина едва заметно кивнул.

— Рыцари Миразента, — произнёс Юклиас.

— Этого не может быть...

Фаметес отвернулся и сощурил глаза. Он с трудом поднял правую руку и приложил её ко лбу, протяжно замычав.

— Я помню... — заговорил он. — Мне было больно... Равер... Раверинтос приходил и... за ним лекарь... Они давали мне лекарство... Только лучше не становилось... Наоборот... почему-то...

— Потому что они давали Вам не лекарство, а яд, — низким голосом промолвил Даймон. — Они хотели убить Вас, господин Фаметес.

— Зачем?.. — юноша снова повернул голову и непонимающе посмотрел на Даэва.

— Потому что Вы мешали магистру встать на престол, — уверенно ответил воин.

Фаметес снова замычал. Боль и недомогание пока никуда не делись. Даймон тем временем продолжал:

— Он травил Вас неким ядом. Долго травил. Смерть должна была наступить от какой-то болезни, но эту болезнь создал сам Раверинтос.

— Эфирные настойки нейтрализовали действие яда, — заговорил Юклиас. — Вы почти здоровы.

— Зачем ему меня убивать?.. Я ведь правитель... — прошептал больной.

Даймон засмеялся.

— В том-то и дело! Это политика, господин Фаметес. Здесь совесть не в чести.

— Не похоже на правду... — промычал военачальник и закрыл глаза от усталости.

Даэв сжал кулаки от нетерпения, но Юклиас требовательным взглядом заставил его успокоиться.

— Подумайте, господин Фаметес, — начал Верховный жрец. — Где Вы могли подцепить тот недуг? Да и что за болезнь такая, которую не может вылечить столичный лекарь? Разве что гангрену, но у Вас не было её симптомов. Это всё было спланировано. Мне жаль, что я этого раньше не понял, — он вздохнул и опустил глаза, оперевшись руками о борта кровати.

— Мы вытащили Вас из Элизиума, — промолвил Даймон. — Ещё пара дней, и спасти бы Вас не удалось... Подумайте сами: как только Вы оказались не в лапах Ордена, Ваше состояние улучшилось.

Фаметес начал сомневаться. Слова жреца и бессмертного были весьма убедительными. В особенности, что касается улучшения самочувствия. Но если они правы, то его, правителя Элиоса, предал самый близкий человек, который у него был — заместитель, советник и просто хороший друг... бывший друг. Пока это не могло уложиться в голове юного

военачальника.

— Пить... Хочу пить... — простонал он.

Верховный жрец тут же схватил с комода графин, налил воду в стоящий рядом стакан и осторожно передал его в ещё слабые руки Фаметеса, слегка придерживая за доньшко. Юноша жадно выпил содержимое, вздохнул и поблагодарил мужчину.

— Господин Юклиас... — сказал он. — Вы уверены в этом?

Тот подержал паузу, раздумывая, что ответить. Но строгий взгляд Даймона помог ему решиться.

— Да, уверен, — произнёс мужчина.

— Что ж... — задумался правитель. — Тогда... я благодарен Вам... за своё спасение. Весь Элиос благодарен...

— В этом участвовали не только мы, — сказал Даэв. — Ещё бессмертные по имени Белатрисс, Родт, Бронн и Канеус.

— Им тоже... благодарен. Вы... — юноша обратился к Даймону. — Предупреждали меня... А я... не верил... — он тяжело вздохнул. — Простите меня.

— Извинения приняты, — кивнул воин. — Все когда-то ошибаются.

— Теперь Вы должны поправиться, — взял слово жрец. — Вас ждёт трон в Элизиуме.

— Верно, — подтвердил легат Щита Неджакана. — А с Миразентами мы разберёмся. Даэвы выведут их на чистую воду.

— Спасибо... — прошептал Фаметес, закрыл глаза и, кажется, провалился в сон.

Юклиас дал знак бессмертному, мол, всё хорошо — можно идти. Даэв молча кивнул и отошёл от кровати.

— Спасибо Вам, господин Юклиас, — воин отдал честь священнику. — Вы спасли мальчишку.

— На всё воля Айона, — улыбнувшись, ответил он. — Что теперь будете делать?

— Пока Фаметес не поправится, медлить нельзя. Раверинтос быстро захватит власть, не успеем глазом моргнуть. Мы пойдём к Гелиону и станем убеждать его в предательстве Ордена. Надеюсь, он послушает нас и согласится... помочь.

— Вы уничтожите Орден? — догадался жрец.

— Выбора нет. Но нужно сделать это быстро, чтобы жители ничего не заметили. Переправим несколько легионов в Элизиум — сделаем всё по-тихому.

— А как же обычные стражники Миразента? Они же не виноваты...

— Легионеров мы трогать не будем. Но зуб даю, центурионы замешаны в делах Раверинтоса. Их ждёт справедливое наказание, — суровым тоном проговорил Даймон.

— Да упокоит Айон их души... — вздохнул Юклиас. — Но как вы убедите Гелиона отступить после победой над Орденом? Он же захочет подняться на престол.

Даэв опустил глаза. Вопрос был очевидным. А ответ на него зависел от многих факторов.

— Будем надеяться, Гелион поведёт себя благоразумно, — задумчиво промолвил воин. — Его никто не избирал. А операция против Ордена — это не захват власти, а вынужденная мера против предателей Элиоса.

— Что ж, я буду молиться, чтобы всё прошло, как планируется, — печально протянул Юклиас. — Но я не смогу Вам помочь в Вашем деле, Даймон. Мне нужно вылечить господина Фаметеса.

— Я понимаю, — воин кивнул. — Ответственность, как всегда, лежит на Даэвах. Вот

ведь игра Айона... — он ухмыльнулся и направился к выходу. — Да защитит Вас Всевышний, господин Юклиас.

— Да сохранит Вас Всевышний, Даймон, — Верховный жрец проводил гостя и, когда тот скрылся за лестницей, снова запер дверь.

Даэв вышел из таверны. Удивительно, но лошадь всё ещё стояла около входа, привязанная к вывеске, и нервно била копытом по брусчатке. Воин отвязал животное и быстро оседлал.

— Пошёл! — крикнул бессмертный, и жеребец тотчас рванул с места в сторону окраин, где с радостной новостью Даэва ждали жена и друзья.

===== Часть 5. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 6.

Отредактировано.

Уважаемый С!

Спешу сообщить Вам, что отныне власть в Элизиуме принадлежит мне! Я шёл к этому долгое время и, наконец, смог обрести желаемое.

А это значит, что теперь мы сможем без проблем осуществить задуманное даже без посредников! Первыми же своими указами я начну подготовку к грядущим событиям, которые, несомненно, изменят мир.

Последним препятствием остаётся Гелион. Увы, он смог перетянуть на свою сторону многих офицеров, но я уверен — это ненадолго. Скоро он потеряет доверие военной знати. Не хочу лгать, что я буду к этому непричастен, поэтому скажу: у меня есть план.

Песок в часах неумолимо сыпется, приближая начало новой эры. Я не могу видеть, как наш мир рушится, и на нас с Вами лежит ответственность за его будущее. Безусловно, мне жаль, что для спасения Атреи приходится жертвовать её половиной, но, увы, это неизбежно. Да простит меня Айон... Надеюсь, люди поймут мои мотивы.

Желаю Вам поскорее справиться с внутренними проблемами. Они лишь тянут время и забирают жизни.

Пусть Свет Айона укажет нам путь!

Ваш Р.

Териан Лекас уже давно добрался до южного берега Фозты. Он побывал у элийского порта, но возможности украсть лодку не нашёл: рыбаки не оставляют свои «суда» на ночь без присмотра. Тогда Даэв решил соорудить свой плот, на котором собирался доплыть до берегов Элтенена.

Оставался вопрос с инструментами — где достать топор и верёвку. Тут Териану подвернулись странные создания, которых он ни разу в жизни не видел. Асмодианин искал маленькое селение, где можно незаметно обыскать чей-нибудь сарай в поисках инструментов и любой одежды. Тогда-то он и наткнулся на заброшенную деревню в холмах, по которой туда-сюда бродили эти зверьки.

Существа, похожие на побритых медвежат с бычьими рогами и поросячьими рылами, расхаживали на задних лапах вокруг полуразрушенных домов, некогда относившихся к плантации. Наверное, она тоже была частью деревни, но сейчас от неё мало что осталось, и кроме этих смешных монстриков она была никем не обжита.

Териан прятался в кустах, наблюдая за бытом этих созданий, и вот что заметил. Они ничего не разрушали и, по сути своей, были не агрессивны, но стоило только тронуть одного

из них или хотя бы сорвать травинку с земли, которую они считают своей, — всё, считай, тебе крышка. Асмодианин сделал такой вывод, когда однажды ночью незадачливые охотники за халявой из числа жителей окрестностей решили попытать счастья и украсть у зверят пару бочонков с вином. Так эти безобидные с виду создания сразу рассвирепели, глаза налились кровью, и несколько десятков представителей сего вида погнались за разбойниками. Те еле убежали, только успевая сверкать пятками.

Всё бы ничего, но в сараях, оккупированных странными существами, Даэв разглядел человеческие лопаты, грабли, топоры, много-много верёвок и плотной корабельной ткани. Теперь Териан Лекас решил стать охотником. Что греха таить, у асмодианина было крылатое преимущество. Спустившись с вершины холма, словно огромная птица, Даэв быстро схватил необходимое и так же стремительно взмыл вверх. Керубимы (так называли их местные жители) ничего не успели поделать — чернокрылая птица улетела.

Да, Териану удалось раскрыть крылья. Когда большинство ран зажило, мужчина снял с себя бинты и попробовал призвать свои пернатые спутники. Почти сразу это получилось — Эфира на юге Фозты было предостаточно.

Даэв разбил лагерь в рощице на склоне холма. Отсюда отлично просматривались окрестности, да и до воды было недалеко. Из ткани, которую он упёр у незадачливых керубимов, асмодианин соорудил гамак и натянул его между двумя деревьями. Внизу он подготовил место для костра, натаскал камней и хвороста. Хотя ночи в Фозте были непривычно тёплыми, употреблять в пищу сырое мясо Териан не собирался, поэтому при помощи элементарной магии разжигал огонь.

Единственным оружием северянина был топор — все его шесть мечей вместе с доспехами были утеряны после смерти в Келькмаросе. Но и этим орудием воин владел, словно родился с ним: добывал им еду, рубил деревья, потихоньку делая плот, отбивался от волков — по ночам местная фауна оживлялась.

За несколько дней Даэв соорудил корпус своей лодки и мачту. Осталось приделать парус, и всё будет готово. Спустить плот на воду тоже не вызовет сложностей — по накату стащить к подножию холма, а там уже пляж.

Териан работал целыми днями, изредка прерываясь на сон. Медлить было нельзя — времени в обрез. И вот, устроившись в своём мягком гамаке, асмодианин вновь готовился ко сну. Он лёг не спину, подложил руки под голову и закрыл глаза. Через несколько минут мысли Даэва были уже далеко, а тело расслабилось и замерло.

Но через несколько часов чуткий сон бессмертного прервал резкий скачок Эфира в пространстве. Его медленные потоки вмиг изменили направление и забурили, словно морская пена на берегу. Кажется, такая мелочь, но даже она способна нарушить покой Даэва.

Териан резко открыл глаза, приподнялся на руках и осмотрелся. Ничего подозрительного среди соседних вершин зелёных холмов он не разглядел. Тогда он, как всегда сощурившись и хмыкнув, снова опустил голову на мягкую ткань и продолжил свой заслуженный отдых.

На следующий день асмодианину предстояло приделать паруса к своей лодке. Он с самого рассвета возился с верёвками и тканью. Оставалось совсем немного, как вдруг его волшебное чутьё забило тревогу — рядом опасность.

Даэв рывком присел и обернулся — ничего в округе не привлекало его внимания, но шестое чувство не переставало твердить: надо уходить.

Бессмертный не мог противиться своему чутью. Он схватил топор и, оставив недоделанную лодку в лагере, забрался на самую вершину холма. Там, спрятавшись за деревом, мужчина стал вглядываться в одинаковый пейзаж холмистого леса.

«Хм-м, — размышлял он. — Чувство, словно Даэвы рядом... И металл. Очень много металла...»

Вдруг Териан вспомнил про ночной инцидент.

«Может, это из-за Эфирной бури? — он повернул голову в ту сторону, куда стекал Эфир. — Слишком сильный поток для Фоэты. Такое бывает, только когда...» — вдруг взгляд Даэва округлился. Он догадался, что могло стать причиной бешеного стука сердца и взволнованных мыслей в голове.

Не собираясь медлить, асмодианин побежал к эпицентру Эфирной бури — к месту, куда, словно ветер, направлялись все его потоки. Эфирная дорога вела за соседний холм. Териан решил проявить осторожность и забраться на вершину. Оттуда должна быть видна причина этого странного явления.

Выглянув из-за уступа, Даэв обомлел и поспешил спрятаться за поваленным деревом. Через секунду он снова осторожно выглянул, и его глаза в тот же миг налились красным огнём.

— Асмодиане... — прошептал он и стал наблюдать за их движением.

Внизу, в пятидесяти метрах от него, между деревьев шагали около трёх сотен когтистых ног. Коренастые тела северян были облачены в чёрные доспехи, на меховых воротниках ещё не растаял снег — гости прямиком из Асмодеи.

— Север Морхейма, — навскидку решил Териан Лекас и устроился поудобнее, разглядывая броню своих собратьев.

На груди не было бронзового паука — это не Безмолвные. За спинами некоторых асмодиан развевались серые плащи. Даэв присмотрелся и разглядел на них эмблему из зелёного меча, опутанного змеей.

— Двадцать девятый легион, — уверенно прошептал Териан. — Гарнизон стражей крепости Морхейма.

Когда Даэву стали видны только спины асмодиан, он перевёл взгляд туда, откуда они пришли.

— Ну конечно... — сморщился и замотал головой бессмертный. — Разлом. Довольно старый — больше трёх часов.

Между деревьями сияла голубая воронка. Туда-то и стекал Эфир со всей округи. Даэв привстал и покосился на удаляющуюся колонну северян.

— Интересно, они знают, что сейчас не в Элтенене? Что попали в ловушку, как и я? Хм-м, раз целый легион прошёл через разлом, то, скорее всего, он открылся прямо перед крепостью... а, может, и в самом городе — заключил Териан. — Логично, что асмодиане решили защитить себя и разведать обстановку... Вот-то сюрприз будет, когда портал закроется, — он покосился на догорающий светящийся круг в воздухе. — Зато я могу пройти, пока есть время...

Даэв поднялся и, перепрыгнув через укрытие, рванул к разлому. Он побежал изо всех сил, словно жить portalу оставались считанные минуты. И вот мужчина уже поравнялся с ним, оставалось только прыгнуть, но вдруг его ноги сами собой остановились в сантиметрах от портала. Асмодианин тяжело задышал, вглядываясь в завораживающую воронку и ощущая бешено кружащиеся потоки Эфира. Глаза Даэва опустились. Он постоял так с несколько

секунд, а потом развернулся к разлому спиной и уставился на удаляющийся силуэт асмодиан.

— Что же вы натворите здесь?.. — промычал бессмертный. Его взгляд потерял красное свечение и теперь вновь блестел ярко-зелёным. Уголки глаз опустились, а мышцы лица напряглись. — В Фозте живут сельчане, которые ни разу в жизни не держали оружие в руках. Вряд ли вас это остановит...

Вдруг Териану вспомнился добродушный Каллес, который решил помочь вражескому засланцу, его удивление, когда тот узнал в асмодианине бессмертного. Но всё равно элиец оказался добр к врагу.

— Они и его убьют... — Даэв не сомневался в своих словах. Он знал, какими свирепыми бывают стражники крепости.

План в голове асмодианина возник быстро. Пускай он был безумен, как всегда, но остатки совести, что не сгнили за эти девятьсот лет, взывали к разуму Перерождённого.

«Надо остановить их...» — твердил внутренний голос.

Териан видел очень много смертей. Порой он был неспособен помешать им, но сейчас он чувствовал, что у него может получиться предотвратить лишнее кровопролитие. Ведь это будет не битва, а простое истребление. В этом чести нет.

Асмодианин всё ещё стискивал в руке топор. Взгляд снова запылал огнём. Даэв сощурился и сделал шаг от спасительного портала. Затем ещё один. И вот он уже бежал вслед легиону. Но умолять их вернуться к разлому не имело смысла. Вместо этого он решил перехватить карательный отряд у подхода к селениям. Возможно, даже предупредить жителей о надвигающейся угрозе. Конечно, не для того, чтобы они бились с аканами асмодиан, а чтобы успели уйти, пока не поздно.

По догадке Териана колонны будут блуждать между холмами около часа, а затем, скорее всего, выйдут к озеру. Там они увидят широкую дорогу и последуют по ней к крупному городу — Даэв видел, как туда уезжали телеги с хлебом, значит, селение довольно крупное.

Бессмертный решил срезать путь через вершины холмов. Он собрался с силами и, словно ветер, побежал вверх по склону. Плюс на мужчине не было тяжёлых доспехов — лишь мешковатые брюки, а, значит, двигаться было легко.

Забравшись на пик холма, Териан понял, что времени меньше, чем он думал — аканы уже далеко. Тогда Даэв решил воспользоваться своим преимуществом — широкими крыльями за спиной. Мужчина согнулся, напрягся, как всегда, оскалился и зарычал. Спустя мгновение между лопатками почувствовалась резкая боль — стволы крыльев безжалостно вгрызлись в плоть бессмертного. Ещё секунда — и первые взмахи подняли Даэва в воздух.

Стремительной чёрной птицей воин полетел напрямик к той дороге. Через несколько минут он увидел по бокам первые домики. Асмодианин немедленно спикировал на крыльцо одного из них и, громко шурша длинными перьями, приземлился во дворе.

Из-за дома выглядел мужчина в зелёном кафтане, широкой шляпе и граблями в руках. Увидев чёрные крылья, элиец опешил, выронил грабли и чуть было не упал на спину. Тогда Даэв грозно крикнул ему на чистом элийском:

— Быстро уезжай в город! Сзади идёт асмодианский легион!

Мирный житель всё ещё стоял неподвижно, раскрыв рот. Но после того, как Териан Лекас рывкнул:

— Живо! И предупреди соседей! — тот пулей побежал к воротам, схватился за коня и,

словно за ним гонится смерть, ускакал к соседским домишкам, находившимся на довольно большом расстоянии.

Даэв оттолкнулся и взмыл в воздух. Ещё несколько раз он приземлялся и пугал собой местных жителей — надо сказать, срабатывало всегда: только увидев над головой чёрную птицу, они бросали всё и седлали лошадей.

Так потихоньку асмодианин добрался до столицы Фозты. Бессмертный не ошибся — поселение было большим — намного крупнее тех деревушек, что он встречал по дороге. Воин спикировал на охраняемый пост у въезда в город. Стражники быстро увидели нарастающую тень на земле и подняли головы. Их взгляд округлился, а лицо налилось ужасом.

Элийцы суетливо забегали по сторонам, а Даэв между тем приземлился прямо посреди дороги, показательно расправив по сторонам огромные крылья.

В руке асмодианина по-прежнему был лишь топор. Он повертел им в воздухе, равнодушно наблюдая за сумбуром стражников. Надо сказать, никто из защитников не собирался атаковать вражеского бессмертного — это ещё раз доказывало, что поселение мирное, не знающее, что такое война.

Даэв громко воскликнул, привлекая шелестом перьев на себя внимание элийцев:

— Слушайте! Сзади подступает асмодианский легион! Предупредите город и спасайтесь сами, пока не поздно!

Ход, конечно, был диким и неожиданным: асмодианин предупреждает об атаке асмодиан. Но крылья за спиной были весьма убедительным аргументом: стражники побросали посты и сломя голову побежали в город, даже не додумавшись оседлать коней.

Териан проводил их настороженным взглядом и вдруг увидел около деревянной вышки ящики. Он подошёл к ним и ехидно улыбнулся: на них лежало несколько элийских мечей. Даэв оставил топор и схватил парочку. Повертев их в руках, он сделал вывод: конечно, они были несравнимы с чудесным творением пандемониумских мастеров, но всё же это было лучше, чем таскать с собой затупленный топор. Териан взял мечи и снова вышел к дороге. Он сбросил крылья, те затлели и рассыпались в прах — метка проклятия, и встал в центре въезда, уставившись вдаль. Почему-то асмодианин решил защищать элийское селение, даже если это будет стоить ему жизни.

В дверь дома Даймона и Белатрисс забарабанили. Девушка была на заднем дворе. Она обошла дом и увидела на пороге суровые лица Родта, Бронна и Канеуса.

— Что случилось? — удивлённо спросила она.

— Живо летим в Акариос, — тон кинжальщика был серьёзным, как никогда. — Тут летает какой-то асмодианский Даэв и предупреждает жителей и скорой атаке его легиона.

— Чего-чего? — переспросила волшебница. — Здесь, в Фозте?

— Мы не шутим, — пробурчал Бронн. — Нам самим в дверь постучали испуганные жители и сказали, что серокожий крылатый мужчина велит всем ехать в город.

— Я никого не видела в воздухе... — удивилась Трисс.

— Мы тоже, — подтвердил Родт. — Но по глазам людей вижу, что они не врал.

Её друзья уже были в броне и с оружием наперевес. Тогда девушка вздохнула и сказала:

— Хорошо, дайте мне минуту...

Волшебница забежала в дом, поднялась в спальню и стала переодеваться в «боевую тунику», как она называла своё одеяние. Быстро надев на себя то самое синее платье и

схватив с тумбы магический шар, девушка спустилась вниз.

— Идём...

— Нет, — возразил Родт. — Летим.

Намёк был понят всеми. Через несколько секунд восемь белых крыльев взмыли вверх, неся далеко своих хозяев.

— Эфирный след... — прошептала Трисс. — Ребята, я чувствую Эфирный след!

— От кого он? — отрывисто спросил Бронн.

— Асмодианин... Я уверена.

Даэвы переглянулись. Всё это было весьма странным. В Фозте асмодиан не бывало, но кто знает, что могло произойти.

— А где Даймон? — поинтересовался Родт.

— Он в Акариосе у Юклиаса. Фаметес очнулся.

— Ого! Ничего себе, — удивился кинжальщик. — И как он?

— Надеюсь, хорошо... — вздохнула Трисс.

Канеус едва заметно улыбнулся, но никто не обратил на это внимания.

Даэвы приближались к городу. Вот уже хорошо просматривался пост. Бессмертные элийцы снизились, как вдруг Родт и Бронн схватились за оружие.

— Что за?..

Перед воротами важно стоял темноволосый мужчина — явно асмодианин. Он заметил белые крылья, но даже не шелохнулся. Элийцы решили не атаковать его, а узнать, что всё это значит. Даэвы приземлились в нескольких метрах от врага, пока не спеша сбрасывать крылья.

Белатрисс узнала его. Она сделала шаг вперёд и тихо спросила:

— Териан Лекас?..

Остальные переглянулись и приготовили оружие к бою. Асмодианин воткнул свои мечи в землю и пошагал навстречу крылатым врагам.

— Белатрисс... — он сощурился и вспомнил имя девушки.

— Что ты здесь делаешь, асмодианин? — грозно спросил Бронн, оскалив зубы и встав в стойку. — Отвечай!

— Раз вы здесь, то вы всё знаете, — на чистом элийском ответил северянин. — В холмах чуть южнее озера открылся разлом в Морхейм. Через пару часов оттуда вышел двадцать девятый легион Пандемониума. Сейчас он, скорее всего, направляется сюда.

— Что за ересь, асмодианин? — воскликнул Родт и сделал несколько шагов к врагу. — В Фозте не открываются разломы!

— А как ты думаешь, я сюда попал? — злобно прорычал зеленоглазый.

— Если всё так, как ты говоришь, то что ты здесь забыл? — удивилась Трисс. — Убегай. Зачем пришёл в Акариос?

«Акариос?.. — Териан обернулся и глянул на город. — Интересно...»

Он вновь встал лицом к элийцам и промолвил:

— Я не знал, что в Фозте есть ваши Даэвы. Знал бы — не пришёл.

Родт и Бронн усмехнулись, но Белатрисс заинтересовали его слова.

— Ты хотел помочь?.. — она осмотрела жалкий вид асмодианина: грязные брюки, голый торс, отсутствие обуви и элийское оружие наёмников.

— Они бы много дел натворили, — покачал головой Териан. — Мне кажется, они пойдут сюда... Если б я был на их месте, отправился бы в... Акариос.

Девушка посмотрела на улыбающегося Канеуса. Ей показалось, что заклинатель всё это предвидел и теперь наслаждается своим предсказанием.

«Так вот почему он велел Даймону идти одному... — поняла Трисс. — Чтобы мы дали отпор асмодианам... Интересно, он знал, что этот Даэв придёт?..»

— Тогда чего мы ждём? — перебил её мысли Бронн. — Не подпустим чернозадых к городу! — он стукнул мечом по поверхности щита, отчего по округе разлился звонкий металлический звон. Только через секунду он заметил на себе презрительный взгляд Териана.

— Что смотришь? — искоса посмотрев на врага, спросил элиец. — Чернозадых-чернозадых. Тебе здесь не рады, асмодианин. Хочешь — помогай, хочешь — катись к балауру.

— Бронн, — недвусмысленно толкнула его девушка. — Не надо.

— Я не удивлён... — буркнул Териан, сверля взглядом элийского Даэва. — А вот и они, — он махнул головой вперёд.

Все обернулись и попятились назад. Из-за холмов выглянула чёрная полоса.

— Ёкарный балаур... — протянул Родт. На его лице появился холод от предстоящей схватки. — А ты не врал, асмодианин.

— Мы здесь, как на ладони, — сказала Трисс. — Впятером не выстоим против целого легиона.

Вдруг из города донёсся звон колокола — сигнал об опасности. Девушка посмотрела на асмодианина и по его глазам поняла, кто предупредил жителей.

— Уведём горожан на восток. Придётся отступить в окраинные районы, — заключила она.

Остальным пришлось согласиться с волшебницей. Элийские Даэвы забежали в город и стали стучать по дверям близлежащих домов. Териан Лекас же по-хозяйски прошёл мимо них. У него был другой план.

Даймон скакал к западным воротам Акариоса, как его громким окликом вдруг остановил стражник:

— Господин Даэв! Господин Даэв!

— Тпру! — бессмертный резко развернул животное и вопросительно уставился на воина. — Чего тебе?

— Асмодиане нападают! — надрывно крикнул он. По страху в глазах было видно, что наёмник не лжёт.

— Асмодиане? Откуда они идут? — Даэв не стал вдаваться в ненужные расспросы — времени, судя по спешке, было мало.

— С запада! Целый легион! Я позвоню в колокол, — воскликнул солдат и тут же побежал к центру города.

Даймон воспринял его слова серьёзно. Он, нисколько не раздумывая, пришпорил коня и поскакал к окраине. Но вдруг его нос почуял чужой резкий запах. Мужчина сбавил скорость и стал поглядывать по сторонам.

Из-за угла выскочил полуголый асмодианин. Конечно, Даэв узнал его.

— Немыслимо... — пробормотал элиец и спрыгнул с лошади. — Но почему-то я не удивлён.

Северянин заметил его и остановился в паре шагов.

— Ирау, — Териан Лекас кивнул Даймону. — Твои друзья уже в городе.

— Так это правда?

— Да, — отрезал асмодианин и собирался бежать дальше, но мужчина его остановил.

— Куда ты?

— Надо подготовиться...

— Стой! Раз ты здесь, может, имеет смысл биться вместе? Или ты на их стороне?.. — элиец с недоверием посмотрел на чужака.

— Не на их, — буркнул он.

— Хорошо. Твой вид, конечно... — Даймон подбирал слова, чтобы описать небоевую форму асмодианина. — Станный.

— Какой есть, — Териан Лекас презрительно глянул на элийца. — Ладно, ты мне поможешь.

Вдруг из центра вновь громко зазвенел колокол. Териан оглянулся и отрезал:

— Пора. Идём.

Через минуту двери домов стали открываться, и испуганные жители начали выбегать на улицу, в чём было. Они не игнорировали сигналы тревоги, тем более колокол звенел очень редко — только по серьёзному поводу. Началась суматоха.

Жители Акариоса суетились. Испуганные и перепачканные сажей женщины, дети и старики с пожитками шли или бежали к центру города, где привратник открыл разлом в Элизиум. У мерцающего портала уже собралась толпа — все сразу не могли пройти через врата. Хмурые и вооружённые кое-как мужчины кучковались в западной части городка, готовые к бою.

Вдруг с окраин повалил чёрный дым. Крыши первых домов загорелись. Тут и там слышались крики, плач, кашель, ругань и причитания. Люди были заметно напуганы, и только шиги-торговцы неспешно собирали вещи, закрывали свои лавки и упаковывали товары.

Дариус и Эви в этот момент завтракали у себя на кухоньке. Юноша первым среагировал на сигнал тревоги. Он вскочил из-за стола, подбежал к окну и стал судорожно смотреть на улочки, по которым стали толпами передвигаться люди.

— Что там такое? — удивлённо спросила девушка.

— Нам нужно идти. Немедленно, — Дариус обернулся, и в его глазах читалась серьёзность происходящего.

Эви привыкла за последнее время к таким словам и на этот раз не стала спорить.

— Я поняла, — сказала она и побежала наверх, чтобы собрать вещи.

— Нет! — остановил её юноша. — Идти надо прямо сейчас.

Тон был убедительным, и парочка уже через минуту была у калитки. Дариус успел схватить алебарду, покоившуюся около двери, и с оружием в одной руке вёл возлюбленную к толпе жителей, продвигающихся к центру городка.

Юноша стал спрашивать у горожан, шедших рядом:

— Что случилось?

Те лишь мотали головой. Никто не знал, что послужило опасностью для людей. Но, когда Дариус и Эви оказались на площади, где привратник, подгоняя жителей, пропускал их через портал, до офицера дошло.

— Или асмодиане, или балауры, — промычал он.

— Что? — воскликнула девушка. — Здесь?

— Не знаю, — юноша обернулся. Сзади подступал всё новый народ.

Толпа была очень большой и двигалась к одному единственному portalу медленно. Главное, чтобы не начались паника и давка. Поэтому пугать лишний раз жителей было некстати. Дариус решил отбросить догадки и спокойно, как все, дожидаться своей очереди на спасение.

Тем временем элийские Даэвы уже вступили в бой. Первые ряды асмодиан вторглись в город. Но среди северян тоже были бессмертные, поэтому четверым элийцам очень скоро пришлось отступить.

Лучше всех работали асмодианские лучники. Над головой Белатрисс просвистели три горящие стрелы. Они летели так близко друг к другу, что казалось, будто их выпустили одновременно из одного лука. Девушка спряталась за какой-то телегой, которая была нагружена ящиками. Она выглянула из-за укрытия в надежде разглядеть тех, кто стрелял.

У самого въезда виднелись высокие силуэты лучников. Из-за дыма сложно было понять, сколько их. С уверенностью можно было сказать, что не меньше нескольких десятков.

Белатрисс посмотрела перед собой — толпа жителей была от неё в пятидесяти метрах, а это значило, что асмодиане могли достать своими стрелами до людей. Крестьяне продолжали собираться на крупных улицах. Лучники Асмодеи, очевидно, могли бы убить каждого, если бы им это было нужно. Но они лишь пускали горящие стрелы, подгоняя беглецов.

Пусть северяне жгли дома и разрушали амбары, но они давали людям возможность уйти. Разумно, ничего не скажешь. Проливая кровь направо и налево, можно только разъярить жителей и встретить большее сопротивление. Асмодиане шли медленно, словно никуда не торопясь.

Вдруг сквозь толпу начали пробиваться мужики. Их было сложно не заметить, ведь они двигались против потока, расталкивая горожан. В руках крестьян были тупые ножи, кинжалы, вилы, дубины и другое оружие. Но всё это не представляло особой опасности для захватчиков.

Белатрисс хотела остановить «партизан», но их глаза были опоены яростью и ненавистью к асмодианам. Не стоило ждать, что эти люди встанут и попятятся к portalу. Нет, вместо этого храбрые жители с диким воплем побежали на врага, махая над головой своим оружием.

Глупый ход. Многие из них через секунду упали замертво: кто со стрелой в груди, кто — в шее. Но это было знаком. Волшебница подмигнула своим товарищам, ожидающим кто где, и в одно мгновение Даэвы побежали вместе с мужиками на врага.

Этого асмодиане не ожидали. Лучников было много, но остановить толпу они не могли. Мечникам тоже пришлось вступить в бой. Конечно, крестьяне мало что могли сделать против брони легионеров, но они сами решили защищать свою деревню, знали, что могут умереть. Бронн и Родт затерялись в толпе и стали крушить северян направо и налево. Белатрисс остановилась в нескольких метрах от битвы и стала читать заклинания. Через секунды над головами асмодиан стали падать взрывающиеся огненные шары. Легионеры отвлеклись от наступления. Они пока не видели мага, что забрасывает их огнём, поэтому могли лишь уворачиваться от его снарядов.

Вдруг сквозь дым и пламя на улицы выплыли мерцающие кристаллы в металлических оправках, а за ними, словно рождаясь из огня, появились существа, будто сотканные из языков

пламени. Трисс отвлеклась на них и вдруг заметила сконцентрированное лицо Канеуса в десяти метрах от себя. Она поняла, что это была его магия. Девушка крикнула заклинателю:

— Делай элементарей! Пусть они окружают асмов!

Но юноша и так знал, что делать. Да и зачем было советовать Даэву — способность делать огонь своим рабом среди магов считалась верхом мастерства.

Кристаллы пульсировали белым свечением и, накопив достаточное количество энергии, стреляли в стены каменных зданий. Монолиты таяли под лучами магических пушек, покрывались трещинами и падали на чёрную орду врага. В то же время духи огня испепеляли металлические щиты асмодиан, словно воск.

Среди захватчиков тоже были маги. Они решили поступить иначе. Собравшись в кучке, красноглазые волшебники стали читать одно длинное заклинание. Через минуту стало понятно, что это. Воздух завибрировал и закрутился в вихре, собираясь в настоящее торнадо. А эпицентром было скопление людей. Внутрь засасывало и магических огненных существ. Белатрисс и Канеус пытались нейтрализовать вихрь, но он лишь усиливался. Жителей начало поднимать в воздух, унося вверх. Они роняли орудия и кричали, но их голоса не было слышно из-за смерча.

Вдруг из-за толпы выглянули отряды людей, вооружённых нормальным оружием и даже облачённые в какую-никакую броню.

— Наёмники... — поняла Трисс. — Вовремя...

Но пробиться дальше воины не могли из-за жуткого ветра. Вот тут-то и случилось то, что стало переломным моментом в сражении.

С крыши соседних домов вдруг спрыгнули две фигуры. В одной Белатрисс узнала Даймона. Он, замахнувшись алебардой, метил прямо туда, где скопились маги асмодиан. Рядом с ним был тот самый серокожий. Завертевшись в воздухе и расставив мечи в сторону, он штыком падал на захватчиков, чтобы сбить их строй.

И это дало эффект. Элиец и асмодианин неожиданно приземлились в тылу врага и стали размахивать лезвиями там, чувствуя себя, как дома. Даймон первым же ударом нанёс смертельное ранение одному магу, даже не подозревавшему об опасности. Остальные тоже не успели ничего сделать — Териан Лекас молниеносно разрубал слабозащищённые тела волшебников, не давая им шанса прочесть спасительные заклинания. Спустя несколько секунд от магической силы врага остался только один мужчина в капюшоне. Даймон замахнулся, но лезвие алебарды прошло сквозь его тело, а сам маг превратился в чёрный дым и растворился в воздухе.

— М-да... — недовольно промычал элиец. — Намучаемся мы с ним.

Териан лишь мельком глянул на соседа и продолжил танец смерти, взявшись за обычных легионеров.

Торнадо почти мгновенно рассосалось. Люди, подхваченные им, разом упали на землю — многих ранило, высота порой была большой. Белатрисс и Канеус вновь взялись за магию. Теперь асмодиане были в меньшинстве. Они выставили вперёд щиты и пытались прикрыть себя. Их осталось менее сотни.

Тем временем тандем из Териана Лекаса и Даймона умело действовал в самом тылу захватчиков. Элиец наносил удары нескольким врагам одновременно, а тем временем асмодианин выстроил чёткую очередь из противников и разбирался с ними, чётко следуя мысленному списку.

Териан вонзил очередному легионеру меч между складок брони и собирался выдернуть

его, но вдруг лезвие отломилось от рукояти, оставив в руке Даэва бесполезную железяку. Асмодианин выбросил её и остался с одним мечом. Но тут же выхватил у поверженного врага из руки его меч и продолжил бой.

Захватчики понемногу отступали. И тут Канеус решил поставить жирную точку в битве. Он бы мог сделать это раньше, но копил силы, собирая вокруг себя плотные потоки Эфира.

Он расставил руки в стороны, закрыл глаза и напряг пальцы. По коже всех, кто находился рядом, пролетели мурашки, словно кто-то пустил энергетический импульс.

Вдруг асмодиане в одно мгновение прекратили битву и попятились назад, округлив от ужаса глаза и устремив взгляд куда-то вверх. Через несколько секунд они побросали оружие, закричали от неумолимого страха и побежали прочь из города, оббегая какие-то участки земли, словно там была пропасть.

Не прошло и двух минут, как бегущая толпа северян покинула селение и устремилась прочь, к холмам.

— Что это было? — воскликнул от удивления Родт, но никто ему не ответил — по улицам разлился радостный вопль — враг отступил.

Жители сначала ничего не поняли, но затем стали прыгать и обнимать друг друга. Ни разу не увидев асмодиан, они смогли выстоять против целого легиона. Конечно, умерших в битве никто не вернёт, но всё-таки победа была счастьем для прежде мирного города.

— А где Даймон? — спохватилась Белатрисс, не обнаружив его на улице и среди погибших. — Я видела, как он сражался.

— Скоро прибежит... — равнодушно ответил Канеус и глазами указал на две фигуры, устало плетущиеся по направлению к городу. — Даэвов быстро отпускает...

Через несколько минут они вошли в селение. Да, это были Даймон и Териан Лекас. На лицах обоих был ужас, глаза часто моргали, а лицо побелело, словно они только что увидели перед собой самого Фрегиона.

Асмодианин без сил упал на колени, закрыл глаза и часто задышал.

Легат Щита Неджакана же, наоборот, когда увидел Канеуса, набросился на него с криками:

— Ах ты сволочь! Всю душу вытрясу из тебя!

Родт и Бронн еле-еле оттащили яростного мужчину от заклинателя.

— Что? Что случилось? — спросили они.

— Да эта скотина... — сбивая дыхание, тараторил командующий. — Я подумал, что всё это реально! Вдруг ни с того ни с сего из земли выскочил огромный дракон и стал испепелять нас огнём. А потом земля разверзлась, и появились трёхметровые трещины прямо здесь! — он нервно показал пальцем на место, на котором он стоял. — Ну, мы все побросали оружие и побежали, а дракон полетел за нами. Мою душу такой ужас объял! — кричал мужчина. — Нет, я не боюсь драконов! Моё тело словно не слушалось меня и бежало прочь. В полукилометре отсюда вдруг всё это исчезло: и дракон, и огонь, и землетрясение. Мы с Терианом остановились. А асмодиан, видимо, не отпустило — по их крикам было понятно, что балаур для них никуда не исчез. Только через минуту я понял, что это ты, ублюдок! — Даймон снова набросился на Канеуса.

— Хватит-хватит, — прокричал Бронн. — Канеус — молодец: одним заклинанием обратил их в бегство.

— А раньше этого нельзя было сделать?! — орал легат.

— Асмодианские маги могли разрушить иллюзию, — хладнокровно промолвил

заклинатель.

— Вот же гад... — всё никак не унимался мужчина. — Я раз десять обделался, пока бежал!

— И куда они побегут? — спросил Родт.

— Они все будут искать спасение в озере, — словно приговор, произнёс Канеус. — И погибнут там.

— Все? Сами утопятся? — удивился кинжальщик.

Маг кивнул, не понимая удивления товарища.

Успокоив Даймона, Даэвы решили не медлить и направились к центру Акариоса, прихватив с собой Териана Лекаса. По дороге им аплодировали жители, многие бросались на плечи.

На центральной площади всё ещё толкались люди. Далеко не все успели перенестись в Элизиум. Дариус и Эви оказались в паре метров от спасительного портала, когда разлом вдруг вспыхнул и растворился в воздухе, а привратник побелел и упал без сил — слишком долго держать пространственные врата не был способен никто.

Но когда на площади услышали о радостной новости, жители завопили от счастья, принявшись обнимать и целовать друг друга.

Вскоре толпа стала расступаться, чтобы пропустить в центр Даэвов, ведь без их усилий горожане не смогли бы отразить неожиданную атаку асмодиан.

Даймон прошёл мимо Дариуса и узнал его. Бессмертный остановился напротив юноши, внимательно оглядел его и грозно спросил:

— А ты почему не сражался, как все?.. — в голосе бывшего легата было столько злобы и непонимания, что Дариусу стало не по себе.

Тот лишь помялся и пробормотал:

— Эви... Я не мог оставить её...

Даэв презрительно посмотрел на него и пошёл дальше. Он запрыгнул на какой-то ящик, развернулся к толпе и громко заговорил:

— Элийцы! Жители Акариоса! Сегодня мы столкнулись с великой бедой, которую никто не ждал. Но общими усилиями мы смогли победить зло и вернуть мир в эти земли! Айон дал нам силы и храбрости. Мы выстояли, защитили наших детей. Братья мои и сёстры, эта победа, как и эти земли, принадлежит нам, элийцам! И мы никому не дадим безнаказанно расхаживать по нашей земле!

Толпу озарил звонкий одобрительный вопль. Сотни жителей замахали воину руками в знак согласия и поддержки.

Даймон спрыгнул с ящика и подошёл к товарищам.

— Надо выяснить, где Юклиас... — сказал легат.

Но закончить мысль он не успел. К нему подошли граждане и стали благодарить за спасение. Всё-таки лик Даэвов до сих пор являлся символом защиты для людей со всего Элиоса, да и Асмодеи тоже.

Териан Лекас держался сзади. Он не хотел привлекать внимания. Но оголённая тёмно-серая кожа и грива, спускающаяся по спине до самого пояса, выделялись неслабо. Жители Акариоса сначала боялись подходить к чужаку, а лишь бросали на него недоверчивые взгляды. Но потом осмелели и тоже стали робко благодарить асмодианина — многие видели, как он сражался с legionaries Пандемониума.

Териану не нужны были эти благодарности. Не ради них он решил защищать

вражеское поселение. Но игнорировать людей он тоже не мог. Некоторые стали спрашивать, кто он и откуда, но Даэв прикинулся, что не понимает элийский, и лишь хмуро улыбался.

Эви и Дариус тоже встали в очередь, чтобы поблагодарить Даймона. Хотя чего скрывать, юноша хотел объясниться перед ним — тон командующего сильно задел парня.

Девушке же просто было страшно. Она бросилась обнимать Даэва и осыпать искренними словами благодарности. Конечно, он узнал её и заулыбался. Но, когда перед ним появилось грустное лицо юноши, Даймон нахмурился и разочарованно покачал головой.

Вдруг Эви заметила что-то странное сбоку от себя. Она невольно повернула голову, и её личико исказилось в удивлении. В двух метрах от неё стоял зеленоглазый асмодианин, которого девушка не могла не узнать.

Ноги элийки слегка подкосились — она никак не ожидала увидеть Териана Лекаса здесь. Даймон успел подхватить девушку и спросил, глядя в её слегка испуганное лицо:

— Ты чего это? Не призрак ли увидела?

Даэв увидел, куда смотрит Эви и, ухмыльнувшись, вздохнул.

— Я тоже не ожидал, что он окажется здесь, — Даймон заинтересованно наблюдал за выражением лица элийки. Ему была интересна её реакция на Териана Лекаса.

Надо сказать, удивлённые глаза девушки сменились на грустные, а затем и вовсе заинтересованные — по ним Даэв догадался, что она хочет поговорить с ним.

Даймон отпустил девушку и принялся общаться с другими горожанами, показательно игнорируя Дариуса. Как ни пытался юноша заговорить с бывшим легатом, тот лишь пропускал его слова мимо ушей.

Тем временем Эви стояла, как вкопанная. Она хотела подойти к асмодианину, но почему-то боялась. Боялась Дариуса, боялась других Даэвов и их взглядов. Вот тут-то одиноко стоящую девушку и заметил сам Териан. Он случайно посмотрел в её сторону и застыл. Его глаза засияли ещё ярче. Девушка молча смотрела ему в глаза, а он — ей. Даэву следовало бы отвернуться и уйти, но он не хотел этого делать. Вместо этого он пошагал к элийке и встал перед ней, не сводя с неё взгляда. На лице асмодианина стала появляться лёгкая улыбка, которая, словно в зеркале, отразилась и на личике Эви.

— Рад тебя видеть, Эви... — тихо, немного хрипящим от вдруг подступавшего волнения голосом, промолвил Териан Лекас.

— И я Вас... — заворожённая девушка не могла отвести взгляда от глаз Даэва — настолько они были манящими и родными.

— Эви? — Дариус заметил, что его возлюбленная общается с кем-то и спешно подошёл к ней. Но когда он увидел серую кожу и зелёные глаза, его внутренности преисполнились нескрываемой злобой.

— Что здесь происх... — не договорил он, как встретился глазами с асмодианским бессмертным.

Безусловно, и Дариус узнал его. Юноша с силой сжал алебарду в руках, аж до хруста в пальцах, и готовился при любом неосторожном движении врага нанести удар.

Эви всё же отвела взгляд от Даэва и обернулась. Когда она увидела Дариуса за спиной, лицо девушки погрустнело. Она вдруг испугалась, что может случиться схватка. Но вместо этого Териан шагнул к юноше и представился, что было неожиданно для вражеского бессмертного:

— Териан Лекас.

— Да... — глядя исподлобья и стиснув зубы от неприязни, заговорил Дариус. — Я

знаю.

— Это Дариус, — тихо сказала Эви. — Мой жених... — на этих словах она спрятала глаза и опустила голову.

Этот жест заметили оба мужчины, и каждый понял его по-своему.

— И что же Вы здесь делаете, интересно, центурион третьего легиона Пандемониума? — с издёвкой проговорил юноша.

Териан зачем-то посмотрел на Эви, но быстро опомнился и перевёл сияющий взгляд обратно.

— Случайное стечение обстоятельств... — почти прорычал Даэв. Ему очень не понравился тон элийца.

Дариус с презрением и отвращением провёл взглядом по голому торсу асмодианина и усмешкой оценил отсутствие обуви.

— А где же Ваши красивые доспехи и шесть мечей, а? Потеряли? Или наши отобрали?

— Тебе бы следовало поубавить пыла... — грозно произнёс Териан и сощурился. Глаза его вот-вот должны были запылать красным, но Даэв сдержался.

— С чего это вдруг? — оскалился юноша.

— Хватит! — воскликнула и Эви встала между мужчинами. — Дариус, он спас меня! — в её голосе были укор и требование, а во взгляде — лёгкая злоба.

— Я тоже смогу тебя защитить, — сквозь зубы ответил бывший офицер.

— Ты не понимаешь!

— Так объясни? — с кривой ухмылкой крикнул Дариус.

Эви испугалась. Она впервые видела своего жениха таким. Его тон и выражение лица вызвали страх и обиду внутри элийки. Она хмыкнула и быстрым шагом ушла прочь.

— Эй! Эви! Стой! — Дариус хотел побежать за ней, но сперва обернулся, бросив грозный взгляд на асмодианина.

Тот равнодушно смотрел за сценой, не вмешиваясь. На взгляд юноши он ответил тремя протяжными хлопками когтистых ладоней. Элиец снова оскалился и побежал за невестой, которой в толпе уж и след простыл.

— Простите... — до асмодианина вдруг донёсся тоненький голосок откуда-то сзади.

Воин обернулся и обнаружил за спиной маленького темноволосого мальчика лет пяти, с интересом рассматривающего необычную кожу чужеземца.

Ребёнок вдруг протянул к Даэву тоненькую ручонку, в которой сжимал спелое красное яблоко.

— Возьмите... Я видел, как Вы дрались... там, — мальчик второй ручкой указал на главную улицу, куда растекались местные жители.

Бессмертный обернулся и вновь посмотрел на ребёнка. Странно, но в его больших серых глазках он не увидел страха или недоверия. Териан Лекас присел на корточки и в лёгком недоумении раскрыл перед собой когтистую ладонь. Тогда мальчик положил яблочко в руку Даэву и осторожно согнул его когтистые пальцы, сжимая в них спелый фрукт.

Асмодианин посмотрел на свою руку, затем на ребёнка и добродушно улыбнулся.

Вдруг этот храбрый малыш подошёл ближе к Даэву и обнял его. По праву сказать, Териан такого не ожидал. Он сначала растерялся, но потом осторожно, чтобы не дай Айон, не поцарапать мальчика, погладил его по голове и спине.

В этот момент из толпы выскочила женщина, очень похожая на малыша — воин сразу это приметил, и застыла в изумлении. Она раскрыла рот и хотела вытащить своего ребёнка

из лап асмодианина, но почему-то сдержалась.

Териан заметил испуганный вид крестьянки и отпустил ребёнка, чтобы тот шагал к маме. Даэв поднялся на ноги и кивнул женщине. Она заморгала, и воину вдруг показалось, что её взгляд смягчился.

Он разжал ладонь и, сощурившись, уставился на яблоко. Этот жест со стороны элийского мальчика разволновал и растопил сердце бессмертного. Териан никак не мог отвести взгляд от фрукта. Он смотрел на него, пока чья-то рука не дотронулась до его плеча.

— Это было очень мило... — проговорила Белатрисс и убрала руку, когда Даэв обернулся. — Когда я увидела тебя около Акариоса, то не поверила, что ты хочешь помочь. Хотя мой муж рассказывал, что ты особенный... — она улыбнулась, спрятав глаза. — В общем, прости меня и... спасибо. Ты нам очень помог.

К девушке шагнул Даймон и обнял её за талию.

— Да, Териан Лекас, — кивнул легат Щита Неджакана. — Мы все тебе благодарны.

— И чтобы там Бронн и Родт не говорили... — Трисс покосилась на своих друзей, стоящих слегка в стороне. — Ты прости их. Они ещё молоды и не узнали мира.

— Я не обижаюсь, — нахмутив брови, проговорил асмодианин.

— Хорошо, — улыбнулась девушка. — Куда теперь ты направляешься?

Териан вздохнул.

— В Элтенен. Оттуда — в Морхейм. А то мой внешний вид меня напрягает, — грустно ухмыльнулся он.

— И как ты туда отправишься?

— У меня есть лагерь на южном берегу. Там меня ждёт почти готовая лодка. Несколько дней — и я в Элтенене.

— Понятно... — протянула девушка. — Ну тогда удачи тебе.

— Постой, Териан, — сказал Даймон. — Твои доспехи в Циталели Тэминона. Я сохранил их, когда... Если хочешь, я могу достать их.

— Спасибо, — кивнул северянин. — Буду рад воссоединиться с ними.

— И всё же, — продолжил Даймон. — Вдруг разломы в Морхейм ещё появятся. Нам нужно понять, почему так случилось.

— И чем я могу помочь?

— Нам — ничем... — вдруг послышался незнакомый голос из-за спины.

Даэв обернулся. К нему подошёл элийский заклинатель — четвёртый из компании Белатрисс.

— А вот себе ты можешь помочь, — равнодушным тоном промолвил он.

— О чём это ты?.. — недоверчиво спросил асмодианин.

— Териан Лекас ведь из здешних мест, я это чувствую.

Эта фраза удивила Даэва.

«Почему он сказал Териан Лекас?..» — задумался зеленоглазый воин.

— Да, — буркнул он.

— Сходи к Френосу. Тебе это поможет.

— К Френосу? — удивлённо спросил Териан. Он уже слышал это имя от Каллеса.

— Да.

— И чем мне это поможет?

— Разобраться в себе и своём прошлом, — уверенно процедил заклинатель.

— Откуда ты это знаешь? — тон странного элийца не давал Териану Лекасу покоя.

— Ты тоже можешь видеть будущее... — промолвил Канеус, словно гипнотизируя асмодианина. — Только всего на несколько мгновений. Так доверься тому, кто разделяет с тобой этот дар.

Териан замолчал. Он знал, что заклинатели очень сильны, но что могут видеть других Даэвов насквозь, он не догадывался.

Даймон и Белатрисс следили за беседой молча, не вмешиваясь. Они удивились интересу Канеуса к асмодианину, но все вопросы к товарищу оставили на потом.

— Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас отправился к нему? — Териан сощурился и пронзительно посмотрел на с виду молодого юношу.

— Нет, — он равнодушно покачал головой. — Завтра утром. Переночуй в городе.

Териан не знал, почему слова Канеуса так действуют на него. Даэву показалось, что то, что говорит заклинатель, — очень важно и даже первостепенно. Словно на его разум действовали гипнозом. Но зачем это элийцу? Териан обернулся и посмотрел на удивлённые лица Белатрисс и Даймона.

— Можешь переночевать у нас... — тихо предложила девушка.

Видя одобрителный кивок Канеуса, асмодианин согласился.

===== Часть 5. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 7.

Отредактировано.

Силами горожан и магией Даэвов окраины Акариоса смогли потушить. Раненых на повозках доставили в лазарет, а погибших — на кладбище к востоку от города. Верховный жрец Фоэты Астерос лично руководил похоронами, так как считал это своим долгом. Туда явились и бессмертные. Они не участвовали в захоронении, а лишь стояли чуть поодаль и наблюдали за церемонией.

Териан Лекас тоже был среди них. Он не любил похороны, хотя сам не хоронил никого из близких — так уж вышло, что они умерли, когда Даэв был далеко и не мог с ними проститься. Как говорится, на всё воля Айона.

Зеленоглазый асмодианин смотрел, как Астерос читает последние молитвы, как мать и отец рыдают над изувеченным телом убитого сына, как маленькие братья и сёстры жмутся к родителям, не до конца понимая, что его уже нет...

Жители Фоэты не привыкли к бедствиям. Они забыли, что такое благодарить Айона за каждый прожитый день. Оттого горе, пришедшее издалека волей Эфира, было столь неожиданным.

Грустные глаза бессмертных сияли и переливались в свете заходящего солнца. Наверное, их пристальный взгляд уже давно заметили родственники погибшего. Возможно, даже косились на них, а, точнее, на асмодианина с ненавистью поглядывая на серую кожу и длинные когти на руках и ногах. Но Даэв всё равно смотрел туда, в его памяти всплывали новые и новые печальные моменты, о которых, казалось, он давно забыл. И он переживал их снова, как в первый раз, ведь душа бессмертного помнит всё, что случилось с ней после Перерождения.

К Териану тихо шагнул Даймон и встал к нему чуть боком. Он тоже устремил взгляд на процессию, которая вот-вот должна бала закончиться, и объятые горем родственники продолжают скорбеть у себя в домах.

— Посмотри, как они горюют, — почти шёпотом промолвил элийский Даэв. — Как думаешь, может, с нами что-то не то?

Териан опустил взгляд. Он нахмурился и задумался, но через минуту поднял холодные глаза на медленно уходящих к городу людей.

— Все жизни кончаются, — ответил асмодианин. — Все сердца разбиваются. Каждому отведён свой срок... И равнодушие — вовсе не недостаток.

— Ты веришь в это? — задумчиво посмотрел на товарища Даймон.

— Нет... — серокожий бессмертный лишь покачал головой.

— И я, — элиец хлопнул ладонью ему по плечу и пошагал в сторону. — Идём. Уже темнеет.

Асмодианин сощурился и медленно последовал за Даймоном. Остальные Даэвы, стоявшие неподалёку от них, тоже дружно направились к городу. Здесь было больше не на что смотреть.

Даймон и Белатрисс приютили на ночь Териана Лекаса. Элийский легат даже поделился с серокожим одеждой — они были одного роста и схожей комплекции. Обувь, доспехи и оружие асмодианин позаимствовал у падших легионеров Пандемониума — им всё равно это уже не понадобится.

Ночь медленно опустилась на земли Фозты. За окнами завыл прохладный ветерок. Спрятавшиеся в высокой траве насекомые громко застрекотали, нарушив покой спящей природы. Из кустов сотнями мерцающих огоньков вылетели светлячки и тучей закружились вокруг крестьянских домов.

Никто не заметил фигуры в чёрном плаще, которая верхом на лошади торопливо скакала по широкой дороге прочь от города. Незнакомец спешил около калитки дома бессмертных. Тень наспех привязала животное к столбу и осторожно перебралась через низенький забор. Фигура забежала на крыльцо и три раза постучала в дом. Было видно, что она нервничала — суетливо посматривала по сторонам, бродила по крыльцу туда-обратно. Когда спустя минуту никто не открыл, тень снова постучала, на этот раз громче.

Изнутри послышались шаги. Фигура встала напротив двери и сбросила с себя капюшон. Из тени стали различимы длинные светлые волосы, аккуратно собранные в пучок. Дверь тихонько отворилась, и с порога осторожно выглянула Белатрисс — её сон был самым чутким.

Когда она увидела гостью, то сузила в удивлении взгляд — вдруг сонные глаза её обманывают.

— Эви? — нет, волшебница не могла ошибиться.

Взволнованная девушка нервно перебирала пальцами, у неё был абсолютно потерянный вид.

— Простите, Белатрисс, я... — она пыталась что-то сказать, но сбилась и быстро задышала в поисках мысли.

— Что случилось? Почему ты здесь, а не у себя дома в такой поздний час? — Даэв распахнула дверь перед девушкой, приглашая её внутрь.

Но элийка не спешила заходить. Она помялась на пороге и всё же выцедила из себя следующую фразу:

— Мне нужно поговорить с... Терианом. Вы не знаете, где он?..

Бессмертная удивилась и подняла брови от неожиданности. Такого вопроса она не ждала.

— Знаю, но это не лучшее время для беседы, — Трисс мельком посмотрела на небо. Тысячами тусклых огоньков, словно созвездиями, светилась противоположная половина

планеты.

— Это всё очень сложно, — Эви смущённо спрятала лицо.

— Девочка, не пугай меня, — в голосе волшебницы появились странные ноты.

— Я... я...

— Что случилось-то? На тебе лица нет. Давай, не мёрзни, — Трисс буквально затолкала девушку в дом и заперла дверь. — Дариус знает, что ты здесь?

— Нет... — опустив голову, Эви покачала головой.

— Вы поссорились, да? — волшебница заметила реакцию девушки на этот вопрос, вздохнула и погладила её по щеке. — Ничего. Все ссорятся, все мирятся. Ты думаешь, мы с Даймоном никогда не скандалим? Да у нас кружки и тарелки летают каждый день, и ничего.

Эви улыбнулась. Только улыбка эта была скорее грустной.

— Так где Териан? — снова спросила она.

— Здесь он, отдыхает. Утром отправится к Френосу, — тон Даэва стал заметно холоднее.

— Ладно... — тихо кивнула девушка. — Я тогда пойду... — её глаза засверкали грустью, и она медленно попятилась к двери.

— Ступай. И будь осторожна — ночь на дворе.

Элийка вновь скупой улыбнулась и вышла за порог.

— Спасибо... — шепнула она и, надев капюшон, пошла к калитке.

Белатрисс проводила её взглядом и закрыла дверь. В её голове не было разумных догадок, зачем бедной девочке надо было приходить к асмодианину, но всё это бессмертной не нравилось.

Териан Лекас проснулся, когда за окном уже давно рассвело. Он поднялся с кровати, оделся, взял стоящую возле двери сумку с припасами и спустился вниз, где за столом завтракали элийцы.

— Доброе утро, — он холодно кивнул им и направился в прихожую.

— Доброе, — ответила Трисс и окликнула его по-хозяйски. — Эй, ты завтракать будешь? А то остынет.

— Не голоден, — буркнул Даэв и сел около входной двери, напяливая на себя асмодианские доспехи.

Даймон поблагодарил супругу за вкусный завтрак и, поднявшись из-за стола, поспешил к Териану.

— Уже уходишь? — элиец облокотился о раму двери, наблюдая за действиями асмодианина.

Даэв угукнул и встал, осматривая себя. Как ни странно, доспехи одного рослого легионера пришлись ему впору.

— Тогда тебе будет интересно кое-что, — Даймон сложил руки на груди и продолжил. — Сегодня утром зашли ребята и сообщили одну забавную вещь про Френоса.

Териан заинтересованно посмотрел на элийца, мол, продолжай.

— Он хоть и отшельник, но бывает в Акариосе каждый месяц: закупается на базаре, посещает детишек в школе и храм — а затем опять уезжает в свою глушь. Так вот, в этом месяце его не было, — легат сверкнул глазами, дав асмодианину время на размышления. — Угадай, какого числа он должен был приехать в город? Вот-вот, вчера утром. А в том месяце он сказал Верховному жрецу, что из-за каких-то обстоятельств он может не приехать в следующий раз.

— Ты думаешь, он знал о нападении?

— Говорят, старик не так прост. К нему, бывало, раньше и Даэвы ходили за советами.

Териан ухмыльнулся.

— Значит, и я к нему за советом схожу, — кивнул он. — Ладно, спасибо тебе и Белатрисс. Мне пора.

— Стой! — вдруг подбежала к нему девушка. Она долго думала, сказать о ночном инциденте или нет, но всё-таки решилась. — Ночью сюда приходила Эви. Она искала тебя.

Териан открыл рот и нахмурил брови от удивления.

— Эви? — переспросил Даймон. Он тоже не поверил своим ушам.

Трисс кивнула.

— Я сказала ей, что ты отдыхаешь. Но то, что она пришла именно к тебе, мне не понравилось... — она недвусмысленно посмотрела на асмодианина.

— Где она живёт? — грозно спросил северянин. Его глаза отчего-то запылали красным.

— На улице Семи Озёр. Шестой дом слева, если идти к базару. Но ты же не пойдёшь туда сейчас?.. — с укором посмотрела на него волшебница.

— Ни в коем случае, — отрезал Даэв, схватил сумку и, рывком распахнув дверь, выбежал вон.

— Териан? Териан! — Даймон пытался докричаться ему вслед, но он не обращал внимания на зовы. Асмодианин ловко перенёсся через забор, запрыгнул на лошадь и, сильно пришпорив, помчался к городу.

— Что? Почему ты мне не сказала? — с толикой обиды посмотрел на супругу легат Щита Неджакана.

— Тогда ты бы его не отпустил, — моргнув несколько раз, ответила девушка.

— Вот беда... — протянул Даймон и запер за гостем дверь.

Тем временем асмодианин нёсся со всей прыти в Акариос. Около въезда в город его на всём скаку хотели остановить стражники, ведь доспехи на нём были легионерские, но лошадь с лёгкостью перепрыгнула через пост и продолжила галоп.

Териан спешил около шестого дома на улице Семи Озёр. Как ни странно, калитка была распахнута. Даэв осмотрелся и подбежал к двери — заперто. Мужчина стал стучать, но даже спустя пять минут никто не ответил. Он заглянул в окно, но стёкла были зашторены.

Асмодианин выругался и направился обратно к лошади. Около калитки воина окликнула женщина.

— Эй, стойте, — она подошла к Даэву.

Чёрный платок, серое платье — асмодианин оценил её одежду: довольно неброская.

— Вы асмодианин? — перво-наперво спросила она, с опаской разглядывая внешность мужчины.

Териан угукнул.

— Я видела, Вы стучались в дом Дариуса. Не Эви ли искали?

Мужчина заинтересованно сморщился и шагнул ближе к женщине.

— А Вы её видели?

— Нет, но Дариус тоже искал её... — она задумалась. — Около двух часов назад он спрашивал у меня: говорит, сбежала, лошадь взяла. Ночью пропала, говорит. Ну, я и сказала, что не видела. Я — Илина, в соседнем доме живу, — она повернулась и показала рукой на свой двор.

— А Дариус не сказал, куда он дальше отправился? — Даэв сверкнул глазами, хитро

скривив лицо.

— Нет, — она покачала головой. — Да я и не спросила... не догадалась.

— Хм-м... — нахмурился бессмертный. — Спасибо.

— Да не за что. А Вам зачем Эви?

Териан не ответил. Он молча забрался на лошадь и, подняв животное на дыбы, поскакал к базару. Илина, охнув, отбежала от коня, чтобы ненароком не задел, и, крикнув вдогонку:

— Хам! — важно пошагала к своей калитке.

Асмодианин решил так: если Эви знает, что он собирается навестить Френоса, девушка могла последовать за ним. Вопрос: «Зачем?» — он решил оставить на потом.

«На её месте я бы поехал на базар и купил бы чего-нибудь в дорогу...» — подумал Даэв.

Добравшись до центральной площади, асмодианин стал спрашивать у всех торговцев подряд, не видели ли они сегодня такую-то девушку, но все мотали головой. Может, от страха перед серой кожей, может, от того, что они и вправду не встречали Эви. Раздосадованный бессмертный ушёл с базара ни с чем.

«Так... — поразмыслил он. — Куда она ещё могла заглянуть? Дрянная девчонка, что же ты надумала?.. Ладно, Френос... Вряд ли она знает, где живёт этот отшельник. Эви бы не поехала в лес, не зная дороги... я надеюсь, — мужчина тяжело вздохнул. — Значит, она сперва отправилась к тому, кто знает. Хм-м, Даймон что-то говорил про жреца. Выхода нет, поскачу к нему...»

Спросив у первого прохожего, где храм, асмодианин направился туда.

Увидев купол святилища Акариоса, мужчину невольно всколыхнули воспоминания о его отце, чьим вторым домом было столь похожее здание. Териан зашёл внутрь. И впрямь, интерьеры были точной копией храма отца: купол, алтарь, даже рисунки на потолке. Мужчине показалось, что он знает каждый уголок молитвенного зала.

Териан Лекас торопливо пошагал к алтарю, громко отбивая ритм асмодианскими сапогами. Он подошёл к маленькой двери сбоку от икон и постучал. Почти сразу она со скрипом отворилась, и к Даэву вышел низенький мужчина в голубой храмовой одежде. Он явно испугался, увидев перед собой облачённого в чёрную броню северянина.

— Доброго дня, жрец, — на элийском промолвил бессмертный.

— Уходите отсюда, — священник покачал головой. — Асмодианам здесь не рады.

— Почему это? — удивился он. — Это храм Айона, а мы все — его дети. Или вы исповедуете другую веру? — заискивающе спросил Даэв.

Элиец вздохнул и спросил:

— Вы ведь не молитесь сюда пришли?

— Нет, жрец. Вы видели сегодня молодую девушку лет восемнадцати? Светлые волосы, голубые глаза, такой взволнованный вид...

Священник сразу забегал глазами туда-сюда, когда асмодианин стал её описывать. Териан понял, что он видел девчонку.

— Говорите же, ну!

— Видел-видел. С час назад, — закивал мужчина. — Она странной мне показалась — словно убегала от кого-то... — он недвусмысленно покосился на Даэва.

— Не от меня, — грозно ответил асмодианин. — Её ищет жених, а я дал обещание...

— Ладно-ладно, — жрец не дал ему договорить. — Айон не велит мне лгать прихожанам. Какими бы странными они не были... — он вновь осмотрел северянина с ног до головы. — Девушка спрашивала, как ей найти Френоса. Я не стал вдаваться в расспросы,

зачем ей понадобился этот старик. Ну, я сказал, как добраться до леса, потом до лагеря Мельфоне. А там уж и рукой подать до его хижины... — он вдруг запнулся. — Я ей карту дал. Карту Фозты. Она долго благодарила и... убежала, не попрощавшись.

«Значит, всё-таки за мной отправилась?.. Зачем, Эви?..» — мысленно обратился к ней Даэв.

— А мне можете дать такую карту? — с нетерпением в голосе спросил асмодианин.

— Да, у меня должны быть ещё... — жрец вошёл к себе в комнату и стал суетливо перебирать бумаги на столе. — Ко мне народ частенько заглядывает, чтобы я рассказал, как найти старика. Где же... Ах, вот! Нашёл! — он протянул бессмертному плотный сложенный вчетверо лист старой бумаги. — Держите. Только поклянитесь, что не причините этой девушке вреда!

— Клянусь Айоном, — проговорил Териан и взял карту в руку.

— Хорошо, только помните, что дали клятву! — элиец пригрозил ему пальцем. — И не кому-то, а Верховному жрецу!

— Я для того эту девушку и ищу, чтобы защитить от всяких бед, — тон Даэва был убедительным: священник кивнул ему и стал прощаться.

— Будьте осторожны, и да озарит Ваш путь Свет Айона.

— Прощайте, жрец, — промолвил Териан Лекас и направился к выходу из храма.

«Отлично, — начал размышлять он. — Только спасаешь эту девчонку, а она снова лезет в неприятности! Вот же угораздило её за мной кинуться. Интересно, о чём она думала и думала ли вообще?»

Даэв прекратил причитать и ворчать себе под нос. Он быстро оседлал лошадь и галопом направился на запад.

— Так, — мужчина развернул карту и стал изучать. — Она выехала час назад. Нужно её нагнать. Путь лежит через озеро, затем петляет между холмами и уходит на север к полям, где, как я помню, стоит хижина Каллеса. Потом — ещё севернее. Вот начинается лес, — воин вёл когтем по дороге и старался всё это запомнить. — Так... Лагерь лесорубов, потом на восток. Речка. Вдоль берега, затем после поворота на запад... Холм. А вот лагерь Мельфоне, как жрец и говорил. Огибаем его с запада и идём строго на север по тропе. Крестик на карте — хижина Френоса, — мужчина свернул лист и убрал под кирасу. — Запомнил, — уверенно сказал он и снова прищепил лошадь. — Но! Пошла!

Териан Лекас решил, что сможет нагнать девушку у пашен, а то и раньше — смотря, сколько сил будет у их коней. А пока мужчина нёсся изо всех сил, стараясь не терять ни мгновения.

Дариус тоже не находил себе места. Он, как и асмодианский Даэв, обшарил весь рынок, но следов Эви не нашёл. После этого он заглянул в таверну и спросил у трактирщика про неё, но никто, даже гости кабака, похожей девушки не видал.

Выругиваясь и коря себя за глупость, юноша поскакал к Даймону и Белатрисс. Они рассказали ему, что асмодианин направился к Френосу, а его ненаглядная Эви забегала к ним ночью в поисках того Даэва. Дариус побелел в один миг. Он понял, куда могла пропасть его возлюбленная. Прямо в том, в чём приехал — без провизии и амуниции юноша поскакал вслед за Эви и Терианом.

Не прошло и получаса, как асмодианин достиг озера. Живописная дорога, спускавшаяся почти к самой воде, круто завивалась. Даэв поскакал медленнее, чтобы не дай Айон, не ранить животное на этих кочках.

Зеркальная гладь воды светилась миллионами кристаллов, мерцая в лучах полуденного солнца. У самого берега паслись стада жвачных, похожих на бизонов. Взрослые особи подталкивали телят к воде, и те довольно плескались в ней, смешно спотыкаясь и падая.

Чуть дальше от берега на тоненьких лапках важно ступали розовокрылые птицы — эдакое подобие цапли, только с высоким хохолком из перьев. Живности, надо сказать, у озера было полно. Да что там говорить, здесь и керубимы шастали, вальяжно переваливаясь с ноги на ногу.

В самом центре озера был небольшой островок, на котором красовалось огромное, но одинокое дерево с сиреневыми и голубыми листочками. Под его широкой кроной расхаживали всё те же птицы с длинными хохолками.

Асмодианин вынужден был остановиться ненадолго, чтобы дать лошади передохнуть. Долгий галоп с тяжёлым мужчиной в седле, да ещё под палящим солнцем сильно измотал её. Животное подошло к воде и, громко хлюпая, стало жадно пополнять запасы жидкости. Но ждать долго Даэв не мог. Посидев на берегу около десяти минут, он с силой отвёл коня от берега и забрался в седло.

Териан оглядел всю эту красоту, вспоминая, как здесь было раньше. Даэву показалось, что ничего не изменилось за эти девятьсот лет. Вновь прищорив животное, воин поскакал дальше — предстоял ещё очень длинный путь.

Пока асмодианин жил здесь неподалёку, он успел запомнить дорогу к полям и пашне, поэтому найти нужный поворот между вершинами холмов не вызвало у него труда.

И вот он выехал на залитую солнцем равнину. Глаза асмодианина не привыкли к яркому свету, поэтому Даэв сильно щурился и поначалу скакал с ладонью у лба. Он поглядывал по сторонам и перед собой, но вплоть до горизонта не видел ни одного всадника.

Слева и справа были лишь бескрайние поля зерновых. Дорога почти не петляла, поэтому асмодианину казалось, что он вовсе стоял на месте. Но вот вдалеке стал различим силуэт маленького домишка. Воин узнал его. Домик отшельника Каллеса действительно стоял одиноко посреди пашен. Проехав, наконец, усыпляющий шелест колосьев, мужчина завернул возле дворика травника и поскакал дальше. На горизонте появилась тоненькая зелёная полоса — до леса осталось совсем немного.

Конечно, асмодианину было интересно, что стало с той девушкой, которую добрый Каллес согласился лечить. Но Териан Лекас дорожил каждой минутой, оттого делать ещё одну остановку не планировал.

Между тем уставшее солнце потихоньку тянулось к горизонту. Через пару часов, а то и меньше наступят сумерки. Даэв приблизился к лесу и поскакал медленнее — лошадь уже начала спотыкаться и кашлять, а ровная земля сменилась на кочки.

— Нужно добраться до лагеря лесорубов и заночевать там, — решил Териан. Он подумал, что элийка не могла проехать их лагерь и собраться ночевать в лесу. Хотя, судя по утреннему безумному поступку, от неё можно было ожидать чего угодно.

Солнце ещё пробивалось сквозь ветви высоких и массивных деревьев, но небо уже покраснело. Лес, по которому двигался асмодианин, не был густой чащей. Совсем наоборот. Широкие стволы деревьев стояли довольно далеко друг от друга, тут и там из земли росли разноцветные кусты, а светлое пространство между ними заросло плотным пушистым мхом. По сторонам от тропы медленно расхаживали какие-то животные, напоминавшие крупных коз. Между деревьями бегали маленькие рыжие белки с длинными пушистыми хвостами. По ветвям прыгали странные создания, похожие на ожившие белые грибочки. Даэву показалось,

что под шляпкой у них был глазик, и они пристально наблюдали за асмодианином, пока тот проезжал мимо.

Тем временем в лесу стало темнеть. Справа от себя Териан увидел слабый огонёк.

«Кто-то разжёт костёр», — подумал он и, не раздумывая, поскакал туда.

Даэв не ошибся — вокруг большого костра сидели с два десятка мужчин и громко смеялись, что-то обсуждая. Рядом к дереву были привязаны их кони. Асмодианин спешил и привязал своё животное туда же. Под ногами лошадей стояло большое и длинное корыто с водой. Териан обошёл его и спрятался в тени, рассматривая лица элийцев.

«Лесорубы, — решил он. — Сельская одежда, топоры торчат из поваленных деревьев...»

Асмодианин оценивал каждого, но его взгляд остановился на сидящей к нему спиной фигуре в чёрном плаще. Она сняла капюшон и на секунду обернулась, чтобы достать что-то из сумки, и Даэв в тот же миг узнал её:

«Эви... Цела, слава Айону».

Да, теперь было понятно, что это — определённо, девушка по нездоровому вниманию к её персоне мужчин за тем костром. Териан Лекас недолго раздумывал, стоит ли соваться к вооружённым топорами элийцам, и решил всё же выйти из тени.

Пара светящихся зелёных глаз засияла за спиной девушки. Чёрная глянцевая броня, словно зеркало, отражала языки пламени в костре, и через мгновение на неё обратили внимание. Даэв почти вплотную приблизился к костру. Он был без шлема, поэтому серая кожа сильно выделялась.

— Это что за тип? Ты кто та... Асмодианин! Братцы, асмодианин! — завопил один из них и свалился с бревна, на котором сидел.

На незваного гостя мигом уставились остальные, и, распознав в незнакомце врага, повскакивали с мест и взялись за оружие. Эви обернулась и узнала свечение зелёных глаз, которые грустно смотрели на неё. Девушка ахнула и тут же воскликнула:

— Стойте, не атакуйте! Это друг!

Но это не могло остановить элийских мужчин. Они быстро обступили врага и готовились к атаке. Как ни странно, Териан не вынул из ножен ни один меч. Даже глаза продолжали светиться зелёным, а не красным, как обычно перед схваткой.

— Это тот асмодианин, который помог вчера спасти Акариос! Я про него вам рассказывала! — продолжала вопить Эви, вскочив со своего места.

Надо сказать, эти слова заставили лесорубов помедлить, но всё же Териан успел перебросить через себя одного мужчину, с криком побежавшего на него.

— Я не причиню вам вреда, — холодно произнёс Даэв и поднял руки вверх.

Элийцы замешкались, стали переглядываться, но оружие из рук не выпускали.

— Как тебя зовут, и зачем пришёл? — спросил один из них.

— Териан Лекас, — сказал асмодианин и перевёл глаза на девушку.

— Уберите оружие, прошу. Он говорит правду, — видя сомневающихся товарищей, промолвила она.

— Если мы опустим топоры, не убьёшь нас? — недоверчиво спросил всё тот же элиец.

— Хотел бы — уже убил, — низким голосом прохрипел бессмертный и оглянулся на лесоруба, напавшего на него. Тот поднялся, отряхнулся и попятился к остальным.

Мужчины стали перешёптываться. Некоторые убрали оружие. Териан сделал шаг к костру и молчал рядом с Эви. Он снял металлические перчатки и поднёс когтистые лапы

к огню. Элийцы стали осторожно садиться на свои прежние места, но не отрывали взгляда от опасного гостя.

— В первый раз вижу асмодианина... — промолвил кто-то.

Териан ухмыльнулся и вновь посмотрел на девушку.

— Не рада меня видеть? — спросил он, глядя на её потерянный вид.

— Я думала, Вы уже ускакали... — она помяла ладони. Даэв заметил, что девушке стыдно за свой поступок.

— Дариус тоже тебя ищет. Так зачем ты поехала за мной?

— Не знаю... — прошептала она и печально уставилась на огонь.

— Ладно... — едва слышно ответил асмодианин и стал снимать с себя доспехи — около костра было жарко. — Я рад, что ты не попала в беду.

Териан Лекас не собирался отчитывать элийку. Почему-то ему не хотелось сейчас ссориться с ней, хотя внутри Даэв был зол, очень зол.

Лесорубы молча наблюдали за их беседой и вскоре потеряли недоверие к новому гостю, особенно если то, что рассказала о нём девушка, было правдой. За костром опять начался галдёж.

— Намус! — гаркнул кто-то из дровосеков. — Двигайся ближе к свету, а то глаза испортишь. Да не бойся ты, не нужна нам твоя русалка...

Дровосеки гулко расхохотались.

Мужчина в красном кафтане пялился в книгу и что-то явно искал там, суетливо водя пальцем по строчкам.

Один из лесорубов наклонился ближе к асмодианину и прошептал ему на ухо так, что слышали это как минимум человек десять:

— Наш бедняга Намус попал под чары нимфы.

— Нимфы? — удивлённо переспросил Даэв.

— Ага... Говорят, по ночам она полностью раздетая приходит к источнику и купается в нём...

Дровосек и прочие опять прыснули от смеха. Эви смущённо улыbnулась. Териан же заинтересованно глянул на измученное лицо Намуса, делающего вид, будто он не слышит шуточек. Тыча пальцем в книгу, он продолжал читать.

— Ну, вот теперь и вычитывает способ, как бы эту девицу влюбить в себя... А может, и себя отворотить от неё, — продолжил лесоруб.

— Сон потерял, бедняга... — поддержал его товарищ. — Один по ночам к озерцу бегают, да за девой подглядывают...

И снова дружный хохот.

Тем временем в лесу полностью стемнело. Солнце скрылось за горизонтом, и его свет сменился на тусклое бледное свечение от подножия Башни Вечности и огни противоположной части Атреи, где, наоборот, наступало утро.

Лесники принялись колдовать над огнём и готовить ужин. Ветки были сухими, потому горели с треском и выделяли приятный аромат. Кроме того, небольшого костра было достаточно, чтобы похлёбка на мясных рёбрышках сварилась и пропиталась тем самым дымком, который отличает еду, приготовленную на природе, от той, что сварена на кухне.

Мужики угостили и Эви, и асмодианина. Гости поблагодарили дровосеков, но даже несмотря на два лишних рта, еды было предостаточно, и половина бадьи осталась нетронутой.

— Ничего, — успокоил всех повар. — На утро оставим или лошадям скормим.

— А лошади станут это есть? — удивлённо спросила Эви.

— Да что ты! — воскликнул он. — Всё пожрут — не подавятся!

Гостей пообещали уложить спать в тепле, так как ночи стали холоднее за последнюю неделю. Утром дровосеки собирались отправиться в северную часть леса и заодно предложили им пойти с ними более коротким путём.

Териан улыбнулся лесникам и шепнул Эви, чтобы никто не заметил:

— Скоро сюда прискачет Дариус. Я уверен, он догадался, куда ты пропала.

Девушка с грустью посмотрела на асмодианина и прошептала в ответ:

— Тогда нам нужно уходить...

— Ты не хочешь его видеть? — удивился Даэв.

— Мы с ним прошлой ночью сильно поругались, и я сбежала... — элийка вздохнула и отвернулась.

Териан ухмыльнулся и покачал головой.

«Бойкая, — подумал он. — Надо же...»

— А здесь нет волков? — вдруг спросила Эви своих новых товарищей.

— Что ты! — махнул рукой один из лесорубов. — Они намного северней. Волки не приближаются к владениям древней.

— Древней?

— Да, хранителей леса. Такие здоровые ходячие и говорящие деревья, — объяснял он, показывая руками. — Этот лес так и называется — лес Дамину — в честь своего хранителя. Но Дамину стар, поэтому делами лесными заправляет Ноа. Он часто бродит возле речушки чуть севернее. Мудрый древень... Всегда поможет, подскажет, даже выведет, если заблудился.

Эви кивнула всему, о чём рассказал дровосек, и недвусмысленно посмотрела на асмодианина. Тот утвердительно хмыкнул. Парочка встала, и девушка промолвила, улыбаясь:

— Спасибо вам за всё, добрые лесники. Нам уже пора.

— Куда же вы? Ночь на дворе, — удивились мужики.

— Времени нет, простите... — Эви закусил губу и помахала им рукой.

Лесорубы поднялись со своих пригретых мест, чтобы проводить красивую девушку. Тем временем Даэв напялил обратно доспехи, отвязал свою лошадь и лошадь Эви и повёл их к дороге. Вскоре к нему прибежала и сама девушка.

— Фух... Куда теперь? — спросила она, убирая чёлку с глаза.

— Судя по карте, около речки есть холм. За ним и разобьём лагерь, — поправляя сёдла, пробормотал асмодианин.

— А как же волки?

— Это ещё владения древней, — сказал он и повернулся к элийке. — Я помню.

Эви поверила Даэву и забралась на лошадь. Не без его помощи, конечно. Асмодианин тоже оседлал животное, и путники, не торопясь, отправились вдоль дороги на север.

Мужчина ехал чуть позади и, почти не отрываясь, смотрел на девушку. Он жадно разглядывал её причёску, шею, фигуру, хотя в плаще особо и не разглядишь. Но, надо сказать, чёрная накидка была Эви к лицу — Даэв давно это заметил.

Элийка же заворожённо рассматривала чудесную природу этих мест. Ночью распускались сияющие холодным бледным светом бутоны причудливых цветов, освещая

обширные поляны между деревьями. Прыгающие грибочки на ветках тоже светились в ночи, как и листочки некоторых деревьев и кустов. Между стволами поперёк дороги летали светлячки и стрекозы с мигающими брюшками. Выглядело это воистину волшебным, словно попал в детскую сказку.

Дорога вильнула, и где-то неподалёку приятно зажурчала вода. Эви свернула с тропы и направила лошадь к водоёму. Оказавшись у берега мелкой речушки, девушка не могла сдержать восторженной улыбки. Дно речки светилось изнутри, словно там был вовсе не песок, а миллионы крохотных фонариков. Гладь журчащей воды игриво переливалась мерцающими узорами, направляя лучи света на стволы склонившихся над речкой деревьев.

Териан Лекас неспешно подъехал сзади. Он умиротворённым взглядом осмотрел красоты местности и тихо промолвил:

— Голубой лес... До Катаклизма он был только в Альтгарде.

Эви обернулась на спутника и улыбнулась ему:

— Вы уже видели это раньше?

— Да, и не раз, — он продолжил осматривать природу леса Дамину, удивляясь, насколько ему не хватало этих пейзажей. — И в Альтгарде, и на острове Санктум к востоку отсюда...

— Как же это потрясающе помнить то, каким мир был раньше... — неотрывно глядя на светящееся дно реки, говорила девушка.

— Здесь всё изменилось. Стало ещё прекраснее, — Даэв перевёл взгляд на когти на руках. — Как же я скучал по своему дому...

— Теперь Вы дома?

— Да... И мне не хочется отсюда уезжать.

— Так оставайтесь, — мило улыбнулась Эви.

Даэв смутился.

— Если бы я мог... — тихо прошептал он. — Вон тот холм. Давай к нему, пока нас не заметили, — асмодианин указал рукой на вершину совсем рядом и поскакал к ней.

Девушка вздохнула и поехала за ним.

Спешившись за холмом, мужчина достал из сумки пледы и расстелил их по земле. Потом он вытащил корзинку с фруктами и поставил её посередине.

— Я собираю хвороста и разведу небольшой костёр, — сказал он и ушёл.

Эви присела на плед и взяла из корзинки яблочко.

Териан вернулся буквально через несколько минут, неся в руках охапку сухих веток. Он положил их в паре метров от ткани и, щёлкнув пальцами, поджёг. Зашипели искры, и древесина приятно захрустела, разнося тепло по округе.

Асмодианин сбросил с себя доспехи и прилёг на плед, укрывшись в него. Он устремил сияющий взгляд на девушку, а она, улыбнувшись, посмотрела на него.

— Спокойной ночи, Териан Лекас, — шепнула она ему.

— Спокойной ночи, Эви, — улыбнулся Даэв и, подложив руки под голову, закрыл глаза.

Девушка тоже прилегла и попыталась уснуть, но какая-то тревога на душе не давала ей покоя. Хотя рядом был асмодианин, и с ним она чувствовала себя в безопасности, Эви не могла сомкнуть глаз. Она долго смотрела на давно спящего Даэва, а потом тихонько встала и, оглядевшись по сторонам, пошла к речке.

Элийка отошла буквально на сотню шагов, но ощущение того, что она осталась один на один с природой, тут же наполнило её неким спокойствием и умиротворением, смешанными

с естественной боязнью потеряться. У самой речушки она встретила огромное дерево, чьи массивные ветви двигались из стороны в сторону. Она с боязнью подошла к нему, и древень повернулся к девушке вырезанным в коре лицом.

— Вы Ноа?.. — робко спросила Эви.

Он закрипел и углубил корни в землю. Его и без того ярко-зелёные листочки сейчас переливались янтарным светом.

— Да, девочка, — низким голосом старика ответило волшебное создание. — У тебя беспокойно на сердце?

Ноа хоть и любил общение с людьми, но всегда уходил, когда разжигался костёр. Его можно было понять. Пусть пожираемые жадным пламенем ветви были сухими, но ему, помнившему каждое деревце с побега, было больно смотреть на огонь и слышать потрескивание горящей древесины.

— Наверное... я не знаю, что мне делать и зачем я здесь, — с грустью в голубых глазах промолвила девушка.

— Расскажи, что тебя тревожит, — мягко, по-отцовски сказал древень.

— У меня есть жених, есть любящие родители, есть друзья... Но я, как и Вы, чувствую себя одинокой.

Древень скрипнул, будто многолетний дуб под порывом ветра, и повернулся к элийке сильнее. Его лик был озарен лёгкой улыбкой.

— С чего ты решила, что я чувствую себя одиноким?

— А разве нет?

— Нет, девочка, я просто печален. А от чего ты одинока? Неужели ты не рада быть среди своих близких?

Эви подошла ближе, села ниже по течению реки, сняла обувь и опустила ноги в прохладную воду.

— Что-то изменилось во мне, — сказала она. — Я даже не знаю, стоило ли мне приходить сюда.

Древень вновь закрипел. Элийке показалось, что он сдержал грустный смешок.

— Ты ведь здесь по воле своего сердца, — протяжно проговорил он. — Не отторгай его. Жить без него трудно, девочка моя...

Ответила Эви не сразу.

— Но как мне быть? Между нами пропасть...

Ноа медленно и с хрустом расправил ветви, поёрзал на месте, углубляя корни в землю, поймал поток ветра в свою крону, и листочки его словно зазвенели.

— Элийцы... Асмодиане... Какая глупость, — недовольно хрипнул он. — Я помню те дни, когда вашим единственным врагом были драканы, а сейчас они только и ждут, когда вы истребите друг друга.

— Но что я могу изменить?.. — грустно промолвила девушка.

Они молча смотрели на то, как посеребрённая отсветами сияния вода протекала мимо них, унося павшие листья.

— У вас, людей, горячая кровь. Вы не можете позволить разуму возобладать над чувствами. Айон создал вас такими. Так зачем пытаться?

— Дариус, мой жених... он скоро будет здесь, — вздохнула элийка. — Что я ему скажу? Он же сочтёт меня безумной! Хотя, наверное, он будет прав... Какая ещё дура могла влюбиться в асмодианина?..

Эви вновь помолчала несколько минут, прежде чем сказать ещё что-то.

— Как мне всё объяснить Дариусу?.. — с неподдельной грустью в глазах промолвила элийка.

— Если б я только знал, — лукаво улыбнулся Ноа спустя минуту раздумий.

Это в правилах древней тянуть с ответами, ведь им некуда спешить. Их жизнь, как и жизнь Даэва, не ограничена временем.

Ноа наклонил одну из ветвей к воде. Девушка увидела, как вода приобрела неоновые оттенки от листвы древня. Потом Эви почувствовала, что река потеплела, и уставшие ноги, погружённые в воду, начали расслабляться.

— Даже если я послушаю своё сердце, это не изменит реальности, — почти вопросительно произнесла Эви. — Я — смертная элийка. Он — бессмертный асмодианин. Никому не под силу изменить цвет его крыльев...

— А будь он таким, как ты хочешь, ты бы полюбила его? — хриплым голосом спросил мудрый Ноа.

Девушка не знала ответа.

Древень больше не смотрел на неё. Он слушал ветер, гуляющий в ветвях леса, пение ночных птиц... Он слушал свои воспоминания.

— Айон способен изменить всё, — медленно сказал Ноа. — Посмотри вокруг нас, посмотри на меня, послушай, как смеются твои друзья. Взгляни на это небо, серебрящееся Эфиром. Вдохни аромат леса, который не вытянуло через разломы Атреи... Скажи мне, если Айон, однажды сотворивший всё это, смог поставить в нашем мире Башню Вечности, что останавливает Его от того, чтобы отремонтировать её и объединить враждующие народы? Или ты думаешь, Он утратил силы? Или ты считаешь, что балауры захватили Его трон? Если бы это было так, мы бы давно уже умерли.

Понимание слов Ноа отрезвляло и проясняло разум.

— Вы хотите сказать, что Айон наблюдает за нами? — с надеждой в глазах спросила Эви.

Он обернулся и посмотрел ей в глаза.

— Древни стоят в стороне от вашей войны. Да, наш лес вырубают брауни — гадкие создания, принявшие веру драканов. Да, мы тоже страдаем от вашей гордости. Но скажи мне, девочка, чем лучше вы — враждующие друг с другом марионетки из плоти и крови? Чем отличаетесь вы от балауров, возжелавших власти Айона? Ваша гордость имеет тот же аромат крови. Но только милость Всевышнего всё ещё даёт нам время на существование. Разрушенная башня, утекающий Эфир — это всего лишь разбитые песочные часы, из которых время утекает в бесконечность... Или, если угодно, в Бездну. Время, отпущенное нам на то, чтобы всем одуматься, принять правильное решение.

Ноа отвернул от девушки своё лицо и поднял глаза к небу.

Эви вдруг стало стыдно за весь человеческий род, уже несколько веков именующий себя элийцами и асмодианами. А ещё за то, что говорящее дерево, живущее среди птиц и зверей, поняло это, но продолжает любить и помогать людям, а они безоглядно убивают тех, кто тысячу лет назад были их братьями и сёстрами.

— Айон не мог видеть все эти злодеяния... Он бы помешал им... Как Айон может быть везде? — требовательно спросила девушка. — Есть места, которые ускользают от Его взора. Там и случаются беды и войны.

— Айон повсюду, — древень скрипнул и потянулся ветвями, отчего листочки громко

зашуршали. — Даже на самом дальнем острове Бездны ты можешь встретить его. И здесь он тоже есть и наблюдает сейчас за нами. Айон дал людям и балаурам выбор: кто-то решил защитить своего Создателя, а кто-то захотел Его власти.

— Но если Айон так велик, почему Он не может просто стереть с лица Атреи всех балауров? — недоумённо и робко промолвила она.

— О, девочка моя... — улыбнулся Ноа. — Скажи, ты бы убила своё дитя, даже если оно захотело крови и власти?

Эви вдруг всё поняла. Она ощутила на себе чувства Всевышнего, когда Он узнал про то, что балауры возжелали свергнуть Его. Как же Ему было больно... Ноа был прав: Айон никогда не убил бы своих детей сам.

Элийка посмотрела на древня, который продолжал разглядывать подобие звёзд. Ведь на Атрее небо заменяли огни Бездны и другого полушария. Именно эти световые явления создавали иллюзию созвездий.

— Мудрый Ноа... Вы думаете, я могу что-то изменить? — тихо спросила девушка.

— Я не сказал этого.

— Зачем Вы тогда рассказали мне всё?

Древня передёрнуло, словно от озноба, будто прохладный ручей переохладил его грубую кору-кожу. Ноа вытянул корни из земли и повернулся к Эви.

— Настанет час, когда прошлое объединится с будущим. Тогда и посмотрим... Ты идёшь к Френосу, ведь так? Завтра вы будете у него. Внимательно послушай старика, — Ноа наклонился сначала в одну сторону, потом в другую. А затем, переваливаясь с одного бока на другой, обошёл девушку и направился в сторону лесной чащобы.

— Вы не ответили мне, — требовательно произнесла элийка вслед древню.

— Разве? Я думаю, тебе вовсе не нужен мой ответ, — Ноа скрипнул и, уже не оборачиваясь, зашагал быстрее.

Вода в речке заметно остыла, и ступни начало сводить судорогой.

Эви поспешила вынуть ноги из воды, чтобы не простудиться. Она обулась и направилась обратно к лагерю, где, укутавшись в плед, мирно спал асмодианский Даэв.

Ноа был одним из тех хранителей леса, которые, по рассказам лесников, любили общение с людьми и даже искали его. Жизнь людей казалась древню, живущему веками, скоротечной и грустной. Он переживал за них, и его сострадание проявлялось в заботе. Он делал так, что грибы возле тропинок росли быстрее, деревья плодоносили чаще, ягоды не переставали созревать на кустах, разросшихся возле ущелья, ведущего в поселение. Ноа помнил не только дедов и прадедов лесников. Говорят, что в его памяти хранился даже тот день, когда первые поселенцы пришли в Фоэту и начали возводить храм Айону... Он помнил день Катаклизма.

Но насколько древний этот лес? Насколько велики его пределы? Лесорубы не трогают живые деревья. Даже если на ветках есть хоть один зелёный листочек, они оставят его в покое и пойдут дальше. У них был договор с хранителями леса. Оно и понятно — в это и так беспокойное время людям не стоит ссориться с древнями. И потом, что люди могут им противопоставить? Огонь? Так нимфы наведут дождь. Топоры? Нужно несколько десятков ударов топором, чтобы срубить одно дерево, и достаточно одного удара древня, чтобы убить несколько десятков человек. Да и кто в здравом уме станет воевать с величественными, по-настоящему великолепными деревьями, способными передвигаться и говорить?

Девушка думала обо всём, что сказал ей хранитель Ноа. Она с умилением повернулась к

асмодианину и глянула на него. После того, как элийка рассказала всё древню, на её сердце стало легче. Теперь она даже смотрела на Териана Лекаса по-другому: словно она сделала выбор, и уже ничего было не изменить.

Со счастливой улыбкой Эви прилегла рядом с мужчиной — от него приятно веяло теплом — укрылась тканью и с умиротворением в душе уснула. Нужно было выспаться. Завтра будет трудный и насыщенный день.

===== Часть 5. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 8.

Отредактировано.

Вот уже около часа путники ехали по лесной тропе, которую могли назвать так только дровосеки, потому что, на самом деле, это была едва заметная полоса слегка примятого обувью подлеска и травы. Судя по карте, уже совсем скоро они должны были выйти у лагеря Мельфоне, а там до сторожки Френоса было рукой подать.

По правде сказать, и Эви, и Териан наслаждались прогулкой по лесу и погодой. Это был один из таких деньков, когда уже не было не жарко, и даже при быстром шаге не покрываешься испариной, не нужно отгонять назойливую мошку, но в то же время ещё вовсе не холодно, чтобы думать о том, как бы побыстрее добраться до дома и, укрывшись одеялом, любоваться природой из окна, попивая свежесваренный горячий чай.

Посреди спокойного леса, где только жужжание светлячков и потрескивание сухих веток под ногами нарушало тишину, грозный рык казался призрачно далёким и каким-то нереальным. Териан Лекас вдруг замер, остановив лошадь, и попытался вслушаться в шум ветра и шелест листвы.

Чутьё бессмертного вдруг завопило об опасности, глаза Даэва сами собой налились алым пламенем и засияли в солнечном свете.

Эви заметила, что её спутник застыл. Она развернула животное и, подъехав ближе, спросила:

— Что такое? Вы что-то увидели?

Спустя несколько секунд он вдруг заорал:

— Галопом! Галопом отсюда! — и пустился вперёд.

Через мгновение элийка поняла, что вдруг почуял Даэв. Сбоку из кустов на неё смотрели с десятков глаз, оттуда доносилось злобное рычание.

— Волки... — ахнула девушка. — Но! Но! Пошёл, родной, пошёл! — она пришпорила коня и помчалась за асмодианином.

Эви мельком обернулась и увидела, как за ней бегут пять громадных серых волков, скалясь, рыча и прыгая на её лошадь. Ещё чуть-чуть — и настигнут. Вдруг один из хищников поравнялся с её конём. Девушка увидела в его блестящих глазах неумолимую ярость и жажду добычи. Прыжок! Зверь вцепился когтями в бок лошади, и та, громко заржав, рухнула, проскользнув на другом боку несколько метров. Эви выбросило из седла, она ударилась спиной о землю, но не потеряла сознание, а постаралась встать. Девушка увидела, как пять голодных ртов безжалостно вгрызаются в плоть её скакуна, а тот лишь дёргает копытами и мотает головой, не в силах отстрочить свою смерть.

Спустя несколько секунд движение прекратилось — животное погибло от ран, и тут хищники поняли, что на всех им мало добычи. Они оббежали труп коня и стали медленно приближаться к элийке, щетинясь и скаля громадные пасти. Эви попятилась назад, но убежать от волков она бы уже смогла — девушка это понимала.

Сзади разрастался стук копыт. Вперёд высочил вожак. Видимо, он сам хотел умертвить добычу. мех на серой с серебристым отливом шкуре встал дыбом, лапы напряглись, и зверь немного подался назад. Он готовился к прыжку. Эви замерла, с ужасом глядя в пасть мощного хищника.

И вот животное прыгнуло на добычу — девушка закричала и вытянула вперёд руки. Но вместо того, чтобы вонзиться длинными острыми клыками в плоть человека, монстр просто упал на неё, сбив с ног. Элийка охнула и обнаружила себя под тяжёлой тушей волка. Солёная алая кровь залила ей лицо, девушка пыталась отвернуться и выплюнуть её, но новые и новые струи текли прямо ей в глаза, рот и нос. И кровь эта была не человеческой, а волчьей.

Эви слышала быстрое хриплое дыхание раненого животного. Но вскоре оно прекратилось. Девушка пыталась выбраться из-под трупа хищника, но он был слишком тяжёлым для хрупкой элийки. Эви слышала доносившиеся до неё звуки взмахов, разрывающих воздух, яростного рычания и жалобного звериного писка. Но через несколько секунд всё стихло. Вдруг кто-то сбросил с тела девушки тяжеленную тушу и помог ей подняться. Эви протёрла глаза от волчьей крови и посмотрела перед собой. Рядом стоял запыхавшийся асмодианин с окровавленным мечом в руке, а за ним валялись четыре изувеченных трупа хищников. Териан потянулся за вторым мечом, что насквозь пробил горло вожака и одним рывком выдернул его, разбрызгав по траве ещё несколько капель алой крови. Затем Даэв достал из сумки стоящей рядом лошади флягу с водой и протянул её элийке:

— Держи. Умойся.

Эви схватила сосуд и принялась смывать с лица звериную кровь. В это время асмодианин вытер об траву мечи и убрал в ножны.

— Скажи мне, почему с тобой всё время что-то приключается? — ухмыляясь, он выхватил флягу из рук элийки, сделал пару глотков и протянул обратно. — Видимо, Айон так шутит надо мной, — Териан, улыбаясь, замотал головой. — Ладно, горе, пошли. Тут до лагеря меньше килом...

Но он не договорил. Эви бросила флягу на землю и бросилась к асмодианину, крепко обняв его. Её глаза посеребрили от подступивших слёз. Она прижалась к Даэву, нежно проводя ладонью по его жёстким чёрным волосам. Териан застопорился на мгновение, но через секунду тоже начал аккуратно гладить девушку по спине, стараясь не задеть острыми когтями.

— Прости меня... — прошептал он. Правда, почему, он не знал точно — случайно вылетело.

— И ты меня прости... — ответила Эви и стала отстраняться. Но не выдержала и всё же чмокнула асмодианина в щёку.

Ладно, объятия, ладно, поглаживания — к ним Даэв уже привык, но вот этого он точно не ожидал. Бессмертный резко перевёл взгляд на глаза девушки. Они были заплаканы, но в них читалось что-то ещё — то, что Териан давно забыл и видел в своей долгой жизни лишь однажды.

Эви нежно провела рукой по щеке Даэва и, разомкнув объятия, отступила. Асмодианина всколыхнули эмоции, сердце почему-то забилось быстрее, а зрачки запульсировали. Это могло значить лишь одно, но когда Териан понял, что это, не захотел себе в этом признаться. Он лишь молча постоял с несколько секунд, потупив взгляд, проглотил подступившую изнутри бурю, перевёл взгляд на своего коня и промолвил, слегка заикаясь:

— Забирайся на мою лошадь. Ехать недолго.

Глаза девушки наполнились грустью, когда она услышала слова Даэва. Возможно, не это она хотела услышать, но поделать уже ничего не могла. Териан первым запрыгнул в седло и подал элийке руку. Эви забралась на лошадь, устроилась позади асмодианина и обняла его, чтобы не упасть. Териан медленно повёл коня через опушку, где уже виднелись низенькие домики лагеря Мельфоне — деревушки исследователей.

Эви хотела заглянуть в это поселение, но Даэв сказал, что это не лучшая идея:

— В лагере полно наёмников. Вряд ли я смогу объяснить им, кто я такой.

— Но лесникам...

— Это другое, — перебил её Териан и свернул подальше от селения.

Девушка не стала с ним спорить. Он — мужчина, он лучше знает — решила она. Тем более, как думала девушка, у Френоса будет возможность принять душ.

Спустя какое-то время маленькая деревушка осталась позади, а путники въехали в лощину между двумя холмами. Лошадь набрала скорость и погнала вперёд между одиноко стоящими деревьями. Не прошло и получаса, как асмодианин остановил коня около небольшой полянки. Он спрыгнул и помог своей спутнице. Эви осмотрела пейзаж и немного удивилась увиденному. Териан же привычно сощурился и важно хмыкнул.

Владения могущественного мудреца оказались не такими, какими Даэв их себе представлял: запустение и разруха царили повсюду. А страшный беспорядок и остов сгоревшего сарая на краю полянки придавали этому месту ещё большего уныния. Старик стоял спиной к гостям возле окна своего дома, жилые помещения которого были вырезаны прямо в стволе огромного старого дерева.

Териан первым шагнул к старику, громко топнув ногой. Даэв был уверен, что отшельник его услышал, но тот даже не пошевелинулся, а продолжал смотреть куда-то вдаль. Асмодианин сделал ещё шаг. Ножны его мечей ударились о металлические бёдра и издали громкий звук, но снова ноль внимания. Мужчина обернулся на Эви — та всё ещё стояла около лошади и поглаживала её гриву. Тогда воин решил просто подойти к Френосу и начать разговор первым. Но старик его опередил.

— Я ждал тебя... — хриплым голосом проговорил он, когда между ним и Даэвом было ещё несколько метров. — Знал, что ты придёшь.

— Даже так? — недоверчиво начал асмодианин. — Раз уж ты меня ждёшь, назови моё имя.

До Териана донёсся едва слышимый смешок со стороны старика. Френос молчал. Даэв подождал минуту, потом сделать шаг к нему, и тут из уст отшельника послышалось тихое:

— Териан Лекас... — хотя это звучало более как вопрос. Почему-то старик был не уверен в этом имени.

— Хм-м, — кивнул асмодианин. — Угадал. А ты, надо полагать...

— Называй меня Френос, — хрипнул старец и повернулся, наконец, лицом к гостям.

У него была длинная, прямо белоснежная борода, перевязанная на уровне груди красной лентой, густые седые брови, но голова была полностью лысой. Мудрец расхаживал из стороны в сторону в серой мантии до самой земли, под ней виднелась какая-то рубашка, а на ногах его были старые сандалии.

— М-да, — промычал Териан. — Не похоже, что ты удивлён меня видеть.

— Не за этим ты пришёл сюда, — старик важно поднял брови, сморщив лоб.

— Хотя с чего тебе говорить с асмодианином?.. — Даэв пытался допытать отшельника,

чей вид отчего-то не вызывал у него доверия.

— Тот, с кем я сейчас говорю, не асмодианин, — монотонно пробормотал Френос.

Териан сощурился и удивился.

— Кто же я?

— Тот, кто ищет ответа. Скажи, ты уже нашёл его?

Бессмертный запнулся. Он не понимал, о чём говорит этот безумный старик. Спустя минуту Френос окликнул его:

— Териан?

Воин отозвался и мигом поднял взгляд на отшельника. Тогда мудрец опустил голову, и его глаза наполнились грустью.

Всё это казалось асмодианину очень странным. Он сдерживал в себе желание подбежать к старику, схватить его за шкуру и встряхнуть хоть что-то. Но у Даэва было самообладание, поэтому он, глубоко вздохнув несколько раз, спросил:

— Ты ведь знал о нападении на Акариос?..

Френос отвернулся от него и громко угукнул.

— Значит, ты можешь видеть будущее?

Старик молчал.

— Почему открылись порталы в Фоэту? Зачем я здесь? Почему мне сказали идти к тебе? — бессмертный буквально закидывал его вопросами.

Но отшельник не произнёс ни слова.

— Кто ты такой? — почти крикнул Даэв, но тут же замолчал. Териана удивило, что обычное молчание смогло вывести его из себя.

— А ты? — снова повернулся к нему старик. — Ты уже понял?

Асмодианин исподлобья покосился на Френоса, но не ответил.

— Жаль... — вздохнул мудрец. — Ну хорошо. Подожди здесь.

Старый отшельник приоткрыл овальную дверь своего домика и вошёл внутрь. К Териану тихонько подошла Эви и спросила, что происходит. Но Даэв лишь покачал головой.

Через несколько минут Френос появился из своего жилища и, сверля бессмертного взглядом, сунул ему в руки ветхий клочок бумаги. Бессмертный молча взял его, развернул и принялся читать.

«Дорогой сын.

Я видел, как ты ушёл тем солнечным утром, когда Великие Служители собирались покончить с этой проклятой войной. Я знаю, что ты был там и наблюдал за последними мгновениями нашего мира...

Мы с матерью вознесли глаза к небу и увидели самое страшное, что только могло случиться с Атреей. Башня Вечности, озарявшая наш дом мягким и тёплым светом, мощным взрывом раскололась на две половинки, а с ней — и вся планета.

Ты лучше меня знаешь, какие бедствия перенёс в тот миг наш мир. Скажу только, что мы смогли укрыться. После катастрофических землетрясений и громадных волн, настигших Фоэту, край солнца изменился. Многие земли стали непригодны для жизни, часть острова ушла под воду.

Мы пережили Великий Катаклизм. И вот уже целый год ждём тебя, Даэва, воина Света, бессмертного защитника людей и слугу Айона. Твои легионеры передали мне, что тебя унесло на другую половину планеты. Есть ли там жизнь или ты одиноко бродишь среди руин, отсчитывая года в отведённой тебе вечности? Можешь ли ты вернуться назад, к семье,

или оттуда нет выхода?

Я не знаю... Но я верю, что ты до сих пор жив. Чувствую это отцовским сердцем. Твоей души нет в Эфире, я не слышу твой звонкий голос в его потоках, а это значит, что моё письмо когда-то дойдёт до тебя... Я в это верю.

Я надеюсь, что ты счастлив в своём новом мире. А нам с матерью осталось совсем недолго. Скоро мы увидимся с Творцом и сможем невидимыми духами наблюдать за тобой, за твоей вечной жизнью.

У тебя растёт прекрасный сын. Хотя вряд ли ты знаешь об этом... Мы назвали твоего ребёнка в честь его великого отца — Терианом. Надеюсь, что он тоже увековечит своё имя в лике Даэвов. Сиара отныне живёт с нами. После катастрофы от Санктума остались только торчащие из воды скалы.

Сын мой, я верю, что ты вернёшься к нам, найдёшь путь домой, пускай это займёт долгие годы. Но я готов ждать...

Да озарит твой путь Свет Айона.

Истрат, твой отец».

Териан Лекас обомлел. Он давно дочитал письмо до конца, но его глаза всё ещё смотрели, не моргая, на старую бумагу.

— Закончил? — перебил его мысли Френос.

— Откуда у тебя это? — злобно прорычал асмодианин. Взгляд моментально покраснел и запылал.

— Неважно, откуда. Важно, что оно достигло адресата.

— Оно не может быть настоящим! — крикнул Даэв. — Прошло девятьсот лет!

— Чуть меньше... — старик осторожно вытянул ветхое письмо из руки Териана, сложил его и спрятал в одежду.

Эви не понимала, что происходит. Она не успела разобрать написанное и решила не влезать в их разговор.

— Но хоть кто-то должен был его передать, — продолжил отшельник. — Не вечность же ему лежать здесь?

Асмодианин поник головой. Он сжал кулаки и часто задышал.

— С чего я должен тебе верить?.. — проскрипел зубами Териан.

— Мне незачем тебе врать, Даэв. Ты пришёл сюда за помощью по воле судьбы, так не отвергай её.

Бессмертный закрыл глаза и умолк. Эви хотела помочь ему, но Френос замотал головой, мол, не стоит. Асмодианин простоял так несколько минут, пока, наконец, не промолвил:

— Я не знал, что они выжили... Я думал, Катаклизм их забрал...

— Забрал бы, если бы твой отец не взял семью в поход к озеру Клионе... — старик вдруг сам загрустил после своих слов.

— Отдай мне это письмо... — в тоне Даэва была не просьба, а требование. Френос улыбнулся и передал свёрток ему в руку.

— Их похоронили за Туманной горой, — продолжил старик. — К востоку отсюда. Совсем недалеко. Сейчас там непролазные джунгли, но я уверен, ты найдёшь там, что ищешь.

— И что я там найду?

— Частичку себя. То, чего не хватало в твоей бессмертной душе, — отшельник дотронулся пальцем до груди асмодианина. — Ведь она — словно решето: в ней много

дырок, и всё хорошее просачивается сквозь них и падает вниз. Заполни эти дырки, и тогда твоя душа обретёт покой.

— Покой? — Териан удивился этому слову.

— Ты знаешь, о чём я, — строгим взглядом кивнул старик.

— Но, может... — задумался асмодианин. — Я уже не хочу покоя.

— Тебе ли решать...

Даэв вновь сощурился и пристально посмотрел на жалобный вид мудреца. Не нравились бессмертному эти странные намёки.

— О ком ты говоришь всё время? Что это вообще значит? К чему эти загадки? Чего ты хочешь от меня? — вновь повысил голос Териан Лекас.

Но Френос молчал. Он развернулся и пошагал прочь к своему домику.

— Ты меня слышишь? Отвечай!

— Слышу, — обернулся старец. — Но отвечать буду только на те вопросы, на которые ты не знаешь ответа.

Асмодианин оскалился вслед отшельнику. После небольшой паузы мудрец произнёс:

— Слушай своё сердце. Всегда. Оно не ошибётся.

Старик вошёл внутрь и запер за собой дверь, больше не проронив ни слова. Даэв остался стоять на полянке, не до конца понимая, что произошло.

Эви обошла Териана и заглянула в его опустошённые глаза. Его сердце уже знало, куда лететь. Вдруг он обратил внимание на девушку, ласково смотрящую на него.

— О чём думаешь? — спросила она.

— Я полечу к Туманной горе... — пробормотал он. — Если хочешь, я доставлю тебя в лагерь исследователей, а они отправят тебя в Акариос.

Элийка нахмурилась.

— Он сказал слушать своё сердце. Но не сказал кому, — промолвила девушка. — Поэтому я тоже последую за его зовом.

— И что же оно велит тебе?

— Лететь с тобой... — она подалась вперёд и медленно прислонила холодные ладони к щекам Даэва, словно наблюдая за его реакцией. Его острый, как лезвие подточенного ножа, взгляд безотрывно следил за действиями элийки, не упуская ни единой эмоции. Эви осторожно встала на носочки и потянулась к нему, всё сильнее притягивая к себе своими руками. Она уже чувствовала горячее напряжённое дыхание мужчины, ощущала его запах... Запах корицы, рисового молока и мёда. Такой прекрасный, как и он сам. Он сводил с ума.

Ещё всего секунда. Он сейчас слишком близко, чтобы думать о завтрашнем дне. Несколько секунд в тишине мелькал его ядовитый блуждающий взгляд, а вздох проиграл целую мелодию.

Ресницы медленно опустились, и губы Эви сладко накрыли его. Мощное тело асмодианина обмякло и он, перестав чувствовать напряжение, резко придвинул девушку к себе, а его руки стали медленно, но с упором поглаживать её спину. Дыхание слилось в одно, а губы уже не хотели отпускать.

Что это? Тихий рык? Да, она слышала, как из его груди исходит низкое агрессивное рычание, словно перед ней дикий зверь, готовый в любой момент раскромсать её. Но Эви это не остановит. Сердце, безумно тянется к нему — опасному, непоколебимому.

Асмодианину не хватает дыхания, словно его грудь сжимают в тиски. Эта боль. Сладкая боль. Она кружит голову, затуманивает рассудок. Он знает, что сейчас произойдёт, но не в

силах это предотвратить. Да и зачем? Его губы ведут страстный танец, он готов проглотить прекрасную элирку всю, всю без остатка, чтобы она целую вечность жила в нём, заполнив все дыры в его душе разом. Вот чего не хватало Даэву! Вот из-за чего он готов был умереть навсегда! Он это понял, понял сейчас.

По телу Даэва бежит лёгкий озноб, он в мимолётном напряжении сладко прикусывает её губу, выпуская наружу пламя. Пламя, что поджигает его глаза. Пламя, что заставляет воздух за спиной завибрировать и закружиться в вихре, постепенно превращаясь в жёсткие чёрные перья. Всего секунда, и крылья за спиной — уже продолжение его тела. Нет, их тела.

Одно нежное движение, и крылья сладко обнимают девушку, укутывают её в мягкий кокон, что ещё сильнее прижимает её к асмодианину. Она зарывается руками в его волосах, в порыве страсти сжимает в кулаке прядь, что отражается нежным оскалом на его лице. Даэв медленно двигает перьями из стороны в сторону, глядя ими её спину, руки. Они словно нащёптывают ей: «Тебе не уйти... Ты останешься здесь...» А она и не против... Он уже не готов стоять на месте. Он хочет улететь. Улететь с ней.

Но что это? Глаза бессмертного резко открываются, а зрачки, расширенные до предела, сжимаются в маленькую точку. Он прерывает поцелуй и поворачивает голову в сторону.

«Опасность... — заёрзало в его душе. — Ну почему сейчас?»

Даэв раскрывает кокон из крыльев и бросает пульсирующий взгляд на врага.

Эви не понимает, что вдруг произошло. Она поворачивает голову вслед за асмодианином и её лицо искажается от внутренней боли. Это, несомненно, самое худшее, что только могло произойти...

В десяти метрах, крепко сжимая коня за узду, стоит молодой юноша. Нет, в его взгляде не ярость. В нём — буря вперемежку с недоумением и обидой. Этот дикий коктейль прожигает Эви насквозь. Она не может смотреть на него и отводит взгляд.

Дариус отпускает животное и начинает идти к ним. Почему-то чувства в его глазах исчезают, оставляя в них только смертное безразличие. Равнодушие ко всему. Словно он потерял всё и ему больше незачем жить.

Шаг юноши ускоряется. Девушка прижимается крепче к Даэву и умоляюще смотрит в его глаза. Асмодианин быстро берёт Эви на руки и, оттолкнувшись, взмывает вверх. Дариус начинает бежать, даже прыгает за беглецами, но Даэв уже высоко. Юноша кричит вслед улетающей чёрной птице и безвольно падает на колени.

Он сжимает кулаки до хруста и бьёт ими в землю. На глазах, вновь запылавших от ярости, появляются серебряные слёзы. Мышцы лица дёргаются, он пытается придумать хотя бы одно разумное объяснение случившемуся, но не может.

— Я же готов... на край света... — мычит он.

Тем временем первая слеза падает на травинку. За ней — вторая.

— Как она могла?... С ним... С этим вырождением... Обещания?... Чего они стоят?... Ненавижу... Ненавижу!

Из домика, вырезанного в дереве, за всем наблюдает старик. Он молча смотрит в круглое окошко и думает о чём-то. Вдруг мудрец что-то тихо бормочет:

— А тебя, юноша... ждёт зло... — и покачивает головой. — Тебе его уже не сдержать... Слишком поздно... Ткач Судеб постарался на славу...

Френос отходит от окна и садится в плетёное кресло-качалку.

— Новый узелок складывается... — говорит он, пялясь в дверь. — А чем больше узелков, тем короче нить...

Когда Даэв был уже под облаками, Эви тихонько захныкала.

— Я предательница... Мне нет прощения... — говорила она, уткнувшись носом в плечо Териану.

Мужчина знал, что должен был успокоить девушку, но в голову не лезла ни одна мысль. Увидев под собой склон Туманной горы, он тихо пробормотал:

— Почти прилетели...

Асмодианин сложил крылья и стал снижаться. Он не знал, куда лететь, поэтому выбрал первое попавшееся место, где можно безопасно приземлиться.

Даэв опустился на землю на небольшой поляне и осмотрелся. Вокруг было много деревьев, но все они были опутаны толстыми лианами — прямо до самых верхушек. Почва была ядовито-жёлтого цвета, сквозь листву пробивался такого же оттенка свет. Всё здесь казалось искусственным: и деревья, и земля, и даже солнечные лучи. Териан не чувствовал ветра — его просто не было, оттого ни один листочек не шуршал. Была абсолютная тишина.

Вдруг кто-то громко застрекотал. По звуку, насекомое должно быть просто огромным, но никого не было видно. Асмодианин не спешил опускаться девушку на землю. Он сделал шаг, потом ещё один, и на третий его нога стала проваливаться, а из почвы стала разливаться жёлтая вода.

— Болото... — догадался Даэв.

Но как искать в этих необитаемых краях то, что потеряно? Териан решил последовать за чутьём, что вело его куда-то вдаль.

Передвигаться по земле он не стал. Вместо этого он снова взлетел и рванул за своим шестым чувством, неведомым образом указывающим ему путь.

Сверху пейзаж был ничуть не лучше: деревья, обмотанные толстыми лианами, жёлтая земля, подсвечивающиеся в неестественных лучах грязные водоёмы — вот где были разруха и запустение. Не верилось, что эти земли — тоже часть Фозты, часть «края солнца».

Вдруг чутьё повело Даэва вниз. словно поток Эфира, по которому плыл асмодианин, резко сменил направление. Мужчина последовал за ним и приземлился на маленьком круглом пригорке. Здесь почва была твёрдой, и Териан, наконец, поставил девушку на землю, а сам сбросил крылья.

Стрекочущие насекомые будто двигались за незванными гостями этого отдельного мира. Звук доносился отовсюду, он был разлит по всем сторонам одинаково. Териан подошёл к большому дереву. Влажные корни лиан обвили его широкий ствол, заключив в крепкие объятия. Вдруг за ним он увидел что-то чёрное, торчащее из земли. Оно сильно выделялось на жёлто-зелёном фоне местности. Асмодианин спешно шагнул к нему. Это были могильные плиты. Очень старые, но чудом сохранившиеся в этой консервации до наших дней.

Даэв распутал скользкие корни, обвившие мраморные надгробия, убрал пятна из мха и стёр перчаткой жёлтую пыльцу с надписи на одной из них. Прочтя её, его глаза исказились в скорби и печали, а ноги пошатнулись. Асмодианин рухнул на колени и тяжело задышал, положив одну руку на надгробие.

Эви подбежала к нему, присела рядом и вслух прочитала надпись на плите:

— Истрат Святой-из-Фозты... Это... Это же твой отец... — она помнила рассказы Териана о его детстве. Да и девушка не могла ошибиться — вид Даэва был потерян, словно он только что похоронил своих родных, а не столетия назад.

— А рядом... — элийка протёрла надпись на втором камне. — Мирен Святая-из-Фозты.

О, Айон... — она обняла Териана и погладила его по щеке.

Несколько минут продлилось молчание, нарушаемое только громким дыханием асмодианина. Потом он поднялся, оправился и заговорил, глядя на древний мрамор:

— Раньше фамилий не было. Называли людей по профессии и месту рождения... Будь я жрецом, меня бы звали Териан Святой-из-Фоэты. А так я просто Териан. Или Лекас. Называй, как хочешь... У Даэвов нет фамилий. Есть только имя смертного и имя Перерождённого.

— Мне нравится имя Териан... — Эви взяла асмодианина за руку и заглянула в глаза.

Он улыбнулся и продолжил:

— Надпись на элийском... Ваш язык почти не изменился от того, что был до Катаклизма. Поэтому я легко вас понимаю и могу говорить, словно всю жизнь прожил в Элиосе. Только к этому дурацкому «расефиэль» никак привыкнуть не могу... — он сморщился и вздохнул. — Раньше так не говорили.

Эви понимающе кивнула и нежно погладила Даэва по плечу.

— А что там? — она показала на маленькую строчку у самого основания плиты.

Асмодианин наклонился, стер с неё пыль и прочитал:

— «Мать бессмертного защитника Лекаса-Териана», — он улыбнулся. — Хм-м, не знал, что здесь тоже это пишут.

— А здесь написано: «Отец бессмертного защитника Лекаса-Териана», — прочла элийка на соседней плите.

— Да... Я так и не смог с вами проститься...

— Смотри, — Эви отбежала чуть в сторону. — Здесь ещё одна могила. Чья, интересно... — она удивлённо посмотрела на Териана.

Даэв подошёл к ней и протёр табличку. Прочтя имя про себя, он покачал головой, а его взгляд мгновенно погрустнел.

— О, Айон... Сиара...

— Кто?.. Это... — девушка задумалась, кем она могла приходиться Териану. — Твоя жена?

— Нет, — покачал головой Даэв. — Вовсе нет...

— Я помню, ты рассказывал о ней. Но что случилось потом, я не знаю... — она смущённо спрятала взгляд.

— Да ничего не случилось... — промолвил асмодианин. — Мы были вместе, пока я учился в Санктуме. Потом началась война за Теобомос. Я оставил её на острове, обещал, что вернусь... Но не вернулся... — он тяжело вздохнул. — После поражения в Теобомосе, почти все легионы людей согнали в Эйрон, где сейчас Элтенен и Интердика. Бритра поработил местных жителей и обратил их в нежить, а... мы сражались с ним. Я помню, как разрушился купол, что отделял земли людей от владений балауров... Служители Вечности успели его восстановить, но драканы поняли, что барьер больше не неприступен, — Даэв подержал паузу и продолжил. — После событий в Эйроне мне, как центуриону, даровали бессмертие. Людям нужны были Даэвы, поэтому Служители не скупались на это. Перерождали почти каждого, кто мог держать в руках оружие, пока обычных людей не осталось совсем мало... Это было за три года до Катаклизма. Но мы уже тогда понимали, что катастрофы не избежать... Я вернулся в Санктум уже с крыльями. Сиара увидела меня и заметила светящиеся глаза. В тот момент я прочёл в её взгляде разочарование... Она сказала мне, что я сделал свой выбор... и ушла. Больше я её не видел.

Эви выслушала Даэва и тоже загрустила от этой истории. Спустя какое-то время она спросила его:

— Ты любил её?..

Териан почти сразу ответил:

— Да.

— А после неё?

— Никого, — он вздохнул и покачал головой. — После Катаклизма стояла задача выжить, а не заводить любовь. А когда всё вроде бы устаканилось, началась война с Элиосом. Потом появились и балауры — всё завертелось, и я забыл, что бывают чувства...

— А сейчас?.. — девушка внимательно посмотрела в глаза асмодианину но, кажется, боялась его ответа. Ведь она знала, что любит его, а если он... то тогда... она не знала, что делать.

— Во мне просыпается что-то. Что-то тёплое. Но заслуживаю ли я этого? — Даэв сощурился и посмотрел вдаль. — Мне слишком много лет, Эви...

Элийка боялась этих слов. Внутри неё разрослось волнение. Ему слишком много лет... К чему он сказал это? На что намекнул? Но следующие слова расставили всё по своим местам:

— Я хотел умереть. Очень хотел. Вечная жизнь остобалаурила. Я искал смерти и... нашел её, — он сделал паузу. — Потом появился смысл: вновь спасти мир от драканов. Но если подумать... то сколько можно?.. История накручивает круги — люди меняются, но события то и дело повторяются. Уже в который раз. Да, верно говорят, что история не терпит ошибок, но что делать, если люди совершают их снова и снова? Знаешь, Эви, я устал от войны. Мне хочется покоя, Френос прав. Но что-то всё равно держит меня в этом мире. Какая-то часть прогнившей насквозь души держится за ниточку и не отпускает... — Териан перевёл взгляд на девушку и замолчал. Он собирался продолжить, но сдержал подступившие чувства.

«И теперь я понял, что эта ниточка — ты, Эви...» — уже про себя сказал асмодианин, прожигая взволнованное лицо девушки глазами.

Он опустил глаза и вздохнул. Конечно, он понимал, что девушка не только ему в правнучки годится, а в прапрапрапра... — не сосчитать! Даэв чувствовал, что этот союз может испортить ей жизнь, и наверняка испортит, поэтому и не признался ей ни в чём. Но Териан не солгал, сказав, что он погибнет. Развоплотится окончательно, пускай он и так обречён на гибель. Возможно, эгоизм, возможно, мимолётный страх перед смертью заставил душу Даэва проникнуться к этой девушке. Другого объяснения он не находил.

Эви приблизилась к нему и, заглянув вдруг засверкавшими от слёз глазами, прошептала: — Я понимаю тебя, Териан Лекас...

Териан схватил её за плечи и обнял, пускай пейзаж был совершенно не романтичным. Да плевать. Он видал и хуже.

«Всё», — подумал асмодианин, коря себя за опрометчивость и легкомысленность.

Эви закрыла глаза. Она хотела сказать Даэву, что любит его, но не смогла. Боялась осуждения. Опасалась, что чувства могут быть не взаимны. Тогда что значил тот поцелуй? Мимолётное желание? Девушка сочла, что для Териана это была лишь ошибка.

Элийка молчала в объятиях мужчины и думала о том, что с ней произошло. Почему, будучи помолвленной, она вдруг прониклась чувствами к бессмертному асмодианину? Из-за сурового взгляда? Когтей? Чувства опасности, что так привлекает молодых девушек? Или из-

за таинственной и грустной истории его жизни? Лишь Айон знает...

Спустя минуту Териан вздохнул и отстранился. Его взгляд вновь упал на могильные плиты. Он мысленно поблагодарил Френоса за всё. Хотя тот, по сути, не сказал ничего. Но как много это значило!

Вдруг у основания третьего надгробия асмодианин тоже заметил похожую строчку. Он, не раздумывая, наклонился, и, стерев пыль, прочёл:

— Мать бессмертного защитника Акариоса-Териана...

Глаза Даэва округлились. Он вскочил с места и уставился на туманную полосу желтеющего горизонта.

«Мой сын был Даэвом?..» — ошарашенно спросил себя он.

Имя Акариос ему многое говорило. Териан знал предостаточно элийских легенд. Но это была не легенда, а факт, о котором было известно даже ему. По рассказам из книг, Акариос был одним из самых великих Даэвов Элиоса. Он был легионером того самого элийского отряда, что первым ступил на холодные земли Асмодеи. В составе легиона Бури во главе с Дельтрасом Акариос оказался в пустыне Морхейма, где произошла роковая встреча элийцев и асмодиан. Есть разные версии того, что произошло там, — но исход во всех был один. Только двое элийцев вернулись сквозь пространственный разлом. Двое Даэвов: Тритон и Акариос. Остальные встретили свою смерть в Асмодее. Даже бессмертные не смогли возродиться на кибелиске, а обратились в стигмы в тот же миг...

Акариос был одним из тех, кто принёс в Элизиум вести о враждебных существах, именующих себя асмодианами. Он возглавил легионы и повёл их в Бездну. Так началась Первая Асмодианская война.

Победив в ней, элийцы захватили почти всю Бездну, но вскоре началась Вторая Асмодианская война, которая нанесла южанам катастрофическое поражение.

Не прошло и нескольких лет, как в битву вступили давно забытые балауры. Одним из самых ужасных существ, созданных ими под действием Эфира, был Яменес — великан, охранявший артефакт драканов. Акариос ценой собственной жизни смог заточить Яменеса в подземелье и заковать его громадными цепями, а копьё Даэва до сих пор покоится на одном из островов верхнего Арэшурата.

Больше об этом бессмертном никто не слышал: кто-то полагает, что его дух растворился в Эфире, кто-то верит, что он жив и скрывается глубоко в Бездне. В честь Даэва место, где он родился и вырос, называли его именем — именем героя Элиоса.

«Неужели Акариос — мой сын? — Териан достал из недр кирасы письмо Френоса и перечитал его. — Похоже на то...»

Эви увидела, как погрустнел асмодианин. Она прочитала надпись на надгробии и, удивившись, а между тем и расстроившись, тихонько спросила:

— У тебя был сын?..

— Видимо, да... — пробормотал он.

— Ты не знал?

Даэв покачал головой.

— Здесь написано, что его имя Акариос... Это случайно не тот, о ком слагают легенды? — Эви не знала, стоит ли задавать этот вопрос, но было уже поздно.

— Скорее всего, это он, — Териан нахмурился. — Если это так, то я его видел... Однажды...

— Неужели? Когда? — девушка заинтересованно посмотрела ему в глаза.

— Я, как и он, присутствовал во время первой встречи асмодиан и элийцев. Только мы были по разные стороны баррикад... — Даэв сверкнул глазами и вновь задумался о чём-то.

— Ты помнишь, как он выглядел?..

— Нет. Тогда я не рассматривал их. Наши сердца преисполнились ненавистью. Завязалась битва, а Акариос, мой сын, нашёл путь домой...

Душу бессмертного терзали странные чувства. Во-первых, он узнал, что был отцом, но не знал, как реагировать на эту новость. Во-вторых, его сын был элийцем. Интересно, что было бы, если бы они встретились где-нибудь в Бездне. А может, они встречались... В-третьих, теперь Териан ещё больше осознал, насколько близки и одновременно далеки асмодиане с элийцами. Теперь Даэву хотелось разузнать больше о своём сыне. Он не сомневался в том, что это тот самый Акариос. Мужчина задумался и о балаурах: как вовремя они начинают атаки. Может, они знали всё наперёд?

Териан Лекас повернулся к девушке и, вновь натянув на себя каменное лицо, промолвил:

— Надо идти.

===== Часть 5. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 9.

Отредактировано.

Асмодианин решил плюнуть на все предосторожности и лететь назад на крыльях. Теперь не нужно было идти по следам никакой несносной девчонки, так же как и строить из себя кого-то другого.

Териан добрался до места за считанные часы — напрямик было гораздо быстрее. Он не собирался соваться в город, ему нужна была информация. А кто обычно обладает ей? Правильно, бессмертные. Асмодианин надеялся, что Даймон и Белатрисс ещё в Фозте. Он стремительно приземлился во дворик, сбросил крылья, оставил Эви около калитки, а сам принялся барабанить в запертую дверь.

— Никого нет... — прошипел Даэв спустя несколько минут. — Проклятие.

Воин подбежал к забору и стал всматриваться в горизонт: может, кто-то из бессмертных ещё остался. Вдруг он услышал знакомый голос. Териан повернул голову и облегчённо выдохнул: из дверей соседнего дома, громко беседуя, выходили четверо Даэвов.

— Белатрисс! — крикнул асмодианин.

Девушка повернулась и удивлённо сморщила лоб:

— Териан Лекас? — она подошла к своему забору и спросила северянина. — Ты был у Френоса? Что случилось?

— Где Даймон?

— Он улетел... по делам, — лишь ответила волшебница. — А зачем тебе он?

Сзади подошли остальные. Териан посмотрел в сторону Эви и пробормотал:

— Мне нужно в Бездну...

— Сейчас? — растерянно спросила она.

— Что? — Белатрисс прислонила ладонь ко лбу. — Я ничего не понимаю. Объясни, что ты хочешь.

— Отведи Эви в дом, пусть она примет душ, — Териан глянул на испачканные кровью кончики волос. — И не подпускай к ней Дариуса, — он перевёл грозный взгляд на волшебницу. — Он сейчас не в себе. Сможешь открыть мне проход в Бездну?

— Эм, — Трисс даже растерялась. — Да, могу... Только если Канеус поможет, — она

оглянулась на друга.

— Хорошо... — кивнул асмодианин. — Я готов.

— Но Териан! — воскликнула Эви. — Я же... Мы же...

— Отдыхай. Я вернусь, — протараторил мужчина и вновь требовательно посмотрел на волшебницу.

— Так, стоп, — Трисс вытянула вперёд руки и остановила Даэва. — Мне кажется, я чего-то не знаю. И пока всё не расскажете, никакой разлом не открою.

— Белатрисс, нет времени! — сквозь зубы прошипел асмодианин.

— Тогда поторопись.

Да, по взгляду Трисс сказать, что она хрупкая девушка, было нельзя. Надо учитывать, что, в первую очередь, она Даэв. Даэв, закалённый битвами. Оттого некая мужская суровость иногда всё же пробивалась сквозь её красивое лицо и светящиеся глаза.

Териан Лекас уже начал собираться с мыслями, чтобы рассказать ей некие подробности похода, но его внимание вдруг отвлекла мужская фигура, приближающаяся к ним верхом. Она махала руками и что-то кричала.

— Эй! Помогите! Помогите, умоляю!

Мужчина скакал к ним, словно ошпаренный, на его лице был ужас. Он постоянно оборачивался, будто за ним кто-то гнался.

Вдруг его лошадь споткнулась и на всём скаку, громко заржав, рухнула на землю. Всадник вылетел из седла и, покотившись, грудью упал в паре метров от калитки дома бессмертных. Асмодианин первым делом глянул на коня — его ноги были опутаны корнями. Мужчина сразу догадался, чьих рук это дело. Он оскалился и достал мечи.

— Здесь заклинатель! — крикнул он и отошёл в сторону, внимательно вглядываясь в окрестности.

Родт и Бронн переглянулись и рванули к дому за экипировкой и оружием. Канеус достал из походной сумки книгу заклинаний — она всегда была при нём. Юноша тоже слегка отбежал в сторону — он прекрасно знал, что при схватке с волшебником нельзя стоять в куче. А Белатрисс, услышав слова асмодианина, спохватилась и схватила за руку Эви.

— Слушай сюда. Вот ключ. Беги на второй этаж в спальню. На тумбочке возле кровати лежит сфера. Принеси мне её!

Девушка кивнула и тотчас побежала к дому. Териан проводил элийку взглядом и продолжил искать врага.

— Где он? — спросила безоружная волшебница.

— Не торопись... — ответил асмодианин. — Он должен нанести удар первым.

Тем временем крестьянин очухался и кое-как поднялся на ноги. Он подбежал к Трисс и, схватив её за плечи, затараторил:

— Помогите, прошу, умоляю! Тут асмодианин! Я видел его красные глаза! Он хочет... хочет убить меня, прошу, спасите!

Девушка быстро провела ладонью перед его лицом, и он в тот же миг закатил глаза и упал на землю, распластавшись по двору.

— Он всего лишь приманка, — промолвила элийка и медленно отошла от тела. — Пусть поспит. Ему не на что здесь смотреть.

В этот момент Териан вдруг заметил появляющийся в пяти метрах от него след ноги на белом песке дороги. Мужчина оскалился и бросился на невидимого врага. Он разрезал

воздух мечом там, куда секунду назад наступила тень, но лезвие никого не задело. Асмодианин забегал глазами по земле — новых следов не было.

— Драканский рог, — прошипел он. — Опять скрылся.

Из соседнего дома выбежал Родт. Он успел схватить два кинжала, надеть боевые доспехи времени не было, да и вряд ли они спасут его от мага.

— Бронн решил натянуть латы, он сейчас выйд... — крикнул он, направляясь к товарищам, но вдруг его тело подняло в воздух и бросило в стену дома.

Мужчина сильно ударился и упал на землю, не двигаясь, лишь тихо мыча.

Канеус в один миг оценил расположение врага и, взмахнув рукой, бросил перед собой светящийся шар. Тот, достигнув земли, взорвался и яркой вспышкой растворился в воздухе. Сквозь свет Даэв разглядел чёрный силуэт, стоящий в метрах семи от него, но спустя миг он снова исчез.

— Попался, — прошептал элийский заклинатель и начал что-то громко говорить на непонятном языке.

Териан тоже увидел на миг появившуюся из ниоткуда фигуру и бросился к ней. Почти достигнув цели, тело мужчины вдруг сковало судорогой, он споткнулся и свалился на землю, рыча и трясясь.

— Не...на...ви...жу... зак...ли...на...те...лей... — скорчившись от конвульсий, пробурчал Даэв.

Теперь асмодианин мог лишь наблюдать со стороны, как маги сражаются с магом.

В метре от его ноги из земли вновь выросли корни, но никого не схватили и скрылись в почве. Враг же посчитал, что больше не имеет смысла прятаться, оттого воздух сбоку от Териана стал чернеть, превратился в плотный дым, закружился в вихре и вдруг затвердел, обретя форму. Фигура тотчас вскинула руку вверх, и по земле пошли трещины. Спустя лишь мгновение под ногами Канеуса почва разверзлась, и из недр выскочил громадный червь с огромной зубастой пастью. Он рывком сомкнул челюсти и должен был в тот же миг превратить юношу в пюре, но элиец успел раствориться в белой дымке и появиться буквально за спиной врага.

Асмодианин обернулся. Вокруг него мгновенно возник магический барьер, что не пропустил оранжевый шар, пущенный Канеусом. Белатрисс тем временем пыталась отвлечь на себя заклинателя, но её магия не могла пробиться сквозь Эфирный щит.

Теперь Териан, всё ещё бьющийся в конвульсиях, смог разглядеть сородича. Он был в длинной чёрной мантии, голову скрывал капюшон. Ткань была очень плотной, словно вылитой из тёмного металла. Воротником его одежды служила блестящая фигура дракона, обвившая плечи заклинателя и спускающаяся ему на грудь. Края капюшона тоже были отделаны блестящей чешуёй, а глаза дракона, как и его хозяина, яростно светились красным. Териану показалось, что во время чтения магии фигурка двигалась, дёргалась и шипела, раскрывая металлическую пасть и скалясь на врагов. В руках асмодианина не было древнего гримуара или магической сферы. Он дрался вовсе без оружия. И преимущество пока было на его стороне.

Одним быстрым взмахом руки маг севера расстелил по земле огненную пелену на несколько метров вокруг. Канеус вновь растворился в белом дыме и появился уже перед лицом противника. Элиец согнулся и дотронулся ладонью до земли — округу вновь сотрясли толчки. Асмодианин на мгновение отвлёкся, и Канеус воспользовался этим — он вытянул вторую руку вперёд и направил на врага столб синего пламени. Он пробил его щит,

но тот вовремя спохватился, и навстречу столбу синего огня полетело красное пламя. Две силы встретились. Источаясь из рук заклинателей, магический огонь двух природ столкнулся, громко зашипел и стал взрываться, отчего даже воздух вокруг завибрировал и засветился. Теперь осталось наблюдать, чья сила окажется сильнее и какая из них первой достигнет тела противника.

Териана вдруг отпустило — судороги мгновенно прошли. Он рывком вскочил на ноги и ринулся к асмодианину. Мужчина замахнулся, но меч снова прошёл сквозь него — заклинатель опять исчез в чёрной пелене и появился в нескольких метрах за спиной Канеуса, моментально направив на элийца красное пламя. В руке Териана остался лишь какой-то светящийся камень на цепочке, что упал с шеи врага. Канеус успел среагировать и вытянул руки навстречу врагу, тоже выпустив синий огонь. Две магии снова схлестнулись.

В этот момент из дома Белатрисс выбежала Эви. Она сжимала в руке вдруг засветившийся голубым орб и неслась к волшебнице со всех ног, чтобы как можно скорее передать его ей.

Трисс уже тянулась к девушке, как вдруг каким-то неведомым образом асмодианский заклинатель почуял со спины опасность и мгновенным взмахом руки открыл разлом прямо между девушками, при этом продолжая держать оборону рыжим пламенем. Воронка закружилась, начала расти и засасывать всё вокруг внутрь себя.

Териан понял всё в один миг. Он рванул к portalу, игнорируя продолжающуюся битву между заклинателями, но не успел. Разлом стал настолько огромен, что девушки не смогли удержаться на ногах. Первой в воронку потянуло Эви. Она закричала и пыталась схватиться за руку Белатрисс, но волшебница была слишком далеко. Элийку подняло в воздух и понесло в самый центр разлома. Яркой вспышкой девушка исчезла в недрах портала. Следующей стало притягивать Белатрисс. Бессмертная попыталась прочесть какое-то заклинание, но её выбило из равновесия раньше. Она не могла ничего сделать, даже крылья не успела открыть, как тоже оказалась в глубине воронки. Вдруг разлом стал сужаться и таять на глазах. Ликвидировав опасность, асмодианскому магу больше не за чем было тратить на него силы. Териан был в метре от портала, когда тот уже зашипел, чтобы вспыхнуть и взорваться, но резким прыжком, вытянув руки вперёд, Даэв всё же успел в самый последний миг, и тот исчез, телепортировав и третьего.

Териан успел сгруппироваться, но это не спасло его от сильного удара спиной о твёрдую поверхность. Асмодианин перекатился несколько раз и присел на колени, оперевшись на руки. Он медленно поднялся и огляделся. В метре от него на земле лежала Эви, а чуть дальше сидела Трисс и держалась за голову руками. Даэв подбежал к Эви, взял её на руки, и слегка потряс за плечи. Девушка очнулась и, приоткрыв глаза, увидела перед собой лицо Териана. Она улыбнулась и промычала:

— Где я?.. Что произошло?..

Бессмертный осмотрел местность, сощурился и скорчил лицо.

— В Бездне... — низким голосом ответил он.

Эви только промычала что-то невнятное. Даэв усадил её на землю и прислонил спиной к гладкой скале, высившейся на небольшом острове, к которому и вёл тот портал.

Белатрисс поднялась и, спотыкаясь, поплелась к асмодианину. Териан Лекас стоял у края острова, уставившись на громадный раскалённый шар вдали — Око Арэшурата.

— Как тот заклинатель мог быть таким сильным?.. — простонала волшебница, всё ещё держась за голову.

— Он не силен, — буркнул мужчина. — Если сбить его с ног, то убить его будет проще простого.

— Но как сбить его с ног?

— В этом уже проблема... — асмодианин вздохнул и медленно пошагал в сторону, наблюдая за пейзажем.

Вокруг них находились острова самых причудливых форм — огромные глыбы земли с обломками каких-то строений, расположенных на них. Создавалось впечатление, будто они застыли в момент сильнейшего взрыва, и казалось, что окружающее пространство кто-то залил стеклом, и ничто и никогда уже не сдвинет с места объекты, в него попавшие.

— Он ещё и в Бездну нас забросил... Просто чудесно... — ворчала Трисс, осматривая руки: нет ли крови на затылке.

— Это руины Ру, — сощурившись, промолвил Териан. — Только мы не около крепости, — он обернулся и посмотрел назад, но высоких башен форта элийцев нигде не было. — Мы ближе к Кольцу Фрегиона.

— Да какая разница... Долетим до крепости, и мы в безопасности.

— Тогда тебе придётся взять Эви, — асмодианин посмотрел на тихо сидящую около скалы девушку и перевёл взгляд на Белатрисс. — У меня-то серая кожа.

Волшебница вспомнила, что рядом вовсе не элиец.

— Ладно, — Трисс устало махнула рукой. — Не повезло, что лететь далеко... Часа два, наверное.

— А открыть разлом можешь?

— Через час, надеюсь, смогу — голова пройдёт, — она снова схватилась за виски и макушку. Видимо, удар при приземлении был очень сильным.

— Это даже лучше, — кивнул асмодианин и с пренебрежением окинул взором окрестности. — Не нравится мне здесь.

Вдруг он увидел впереди медленно движущуюся точку. Даэв присмотрелся и сказал спутнице:

— Смотри. Корабль шиго.

Трисс прищурилась и кивнула, протянув:

— Да-а... Предлагаешь залететь в гости?

— А что ещё делать? Мне не нравится это место: рядом Туманность Святой Крови с кучей балауров, а мы как на ладони. И Эфира слишком много... — он задумался. — Не нарваться бы на Дерадикон...

— Тогда давай поспешим, — элийка поддержала его и расправила крылья. Правда, это далось ей с трудом.

Асмодианин осторожно взял на руки Эви. В руке у неё до сих пор был орб Белатрисс. Териан вытащил его из ладошки девушки, передал хозяйке, раскрыл крылья и первым взлетел, направившись к судну шиго.

Даэв не ошибся: это был и впрямь корабль мохнатых торговцев. Бессмертные бесцеремонно приземлились на палубу, чем вызвали удивление и даже негодование зверьков.

К незванным гостям вышел капитан в забавной шляпе.

— Что Вам здесь нужно, Даэвы, кярун?

— Нам нужна помощь, — сказала Белатрисс. — Мы слегка ранены, — она показала на безвольно лежащую в руках асмодианина девушку. — Вы не могли бы подбросить нас до

ближайшего поста?

— Элийского, нян-нян? — приподняв бровь, спросила существо.

— Да.

— Мы летим к Западному осколку Ратесерана, кярун. Там есть элийский пост, нян-нян. Можем доставить Вас туда, нян.

— Спасибо Вам, добрые шиго, — улыбнувшись, поблагодарила Трисс. — Мы Вам очень благодарны.

Но благодарность, как говорится, в карман не положишь. И зверьки это понимали. Они с неохотой и даже скрытым недовольством решились помогать за просто так, пускай и Даэвам.

К Териану робко подошла самка шиго в длинной узорчатой юбке.

— Я — Найчичиринг, — сказала она по-элийски. — Несите девочку в каюту, нян-нян. Я покажу, кярун.

Даэв последовал за пушистым созданием к каютам. Ожидать того, что там могут поместиться двое, не приходилось. Поэтому асмодианин осторожно занёс Эви в небольшое помещение — видимо, каюту Найчичиринг — и уложил на кровать, а сам вышел — в коридоре было более просторно.

— Я подлечу её, нян-нян, — промолвила шиго и заперла дверь изнутри, оставив Даэва в одиночестве.

Териан остался ждать здесь — мало ли что. Он не доверял этим зверькам, но иногда ничего другого не оставалось.

Руке Даэва что-то мешало — какой-то посторонний предмет был у него в перчатке. Он снял её, и оттуда выпала цепочка с большим белёсым камнем.

— Камень воскрешения, — узнал его асмодианин. Это его заклинатель случайно обронил во время битвы. — Хитрый малый. Ну, ничего. Теперь не возродишься на месте...

Териан распутал цепочку и повесил её на шею, спрятав камень под бронёй — нечего им светить. Эта штука — очень ценная и редкая вещь. Просто так её было не достать.

Вдруг корабль тряхнуло. Даэв вынужден был облокотиться о стену, чтобы не упасть ненароком. Бочки, разбросанные в конце коридора, начали катиться к противоположной стене — судно резко меняло курс.

«С чего бы? — подумал асмодианин. — Что-то не так...»

Он осторожно направился к лестнице на палубу. Как только мужчина подошёл к ней вплотную, чутьё начало буквально вопить об опасности. Териан Лекас достал мечи из ножен и стал медленно подниматься по ступеням, чтобы не было слышно звука его шагов.

Вдруг сзади послышался голос Найчичиринг:

— Даэв, девочка проснулась, кярун.

Воин обернулся, и перед глазами тут же потемнело.

«Магия сна...» — только успел подумать асмодианин, как через мгновение потерял сознание, с грохотом упав с лестницы.

Очнулся Териан, лёжа на кровати в каком-то помещении. Он с трудом продрал глаза после магии и огляделся. Это была комната, скорее, даже покои. Но чьи? Даэв пока не знал ответа. Первым, что увидел асмодианин — белый потолок и хрустальную люстру, как в лучших дворцах Элиоса и Асмодеи. Стены были обклеены дорогими синими обоями с золотым узором.

Мужчина присел на край кровати и опустил ноги на прохладный деревянный пол. Странно, но голова не кружилась — видимо, волшебник был опытным.

Судя по прошлым событиям, Даэв должен был бы оказаться в какой-нибудь темнице, но тюрьмой или камерой эти покои назвать было нельзя. Да, на окнах были решетки, и дверь была заперта, но царских размеров кровать, обшитые бархатом кресла, хрустальный столик, сервированный вазами с фруктами и запотевшим кувшином вина, едва ли позволяли асмодианину считать себя пленником.

Да и площадь покоев была раза в четыре больше, чем старый домик Териана в Белуслане. Кто же это такие? Почему они не бросили его в темницу? Почему не убили? Почему не пытаются? Усыпляют бдительность? Но зачем? Ответов на эти вопросы Даэв не знал, но он очень надеялся, что скоро всё прояснится.

Воин поднялся на ноги и снова осмотрелся по сторонам. Забавно, вещи его не отобрали, и даже оружие оставили. Металлические доспехи покоились на большом диване, а пара мечей в ножнах стояла возле столика. Пожалуй, только сейчас Даэв заметил, что его раздели, оставив в рубахе и кожаных брюках.

Неужели они так уверены в своих силах? Рано или поздно кто-то должен прийти к пленнику. Дверь откроют, и тогда Териан Лекас проверит, насколько их самоуверенность оправдана.

Возле шкафа с книгами он остановился. Внимание бессмертного привлекли две яркие, словно только вчера изготовленные, карты. Обе они изображали Атрею, но только одна из них была сделана до Катаклизма, а другая — после. Мир и вправду изменился радикально. Может, только территория элийцев осталась прежней, а вот земли Асмодеи стали бесплодными, едва ли приспособленными для жизни — там, где не было вулканов и выжженной земли, лежали вечные льды. Териан сощурился и, кажется, тихо ухмыльнулся.

Бегло пробежав глазами по полкам, он остановился на книгах, написанных на языке балауров. Вот только читать их асмодианину отчего-то не хотелось. Он должен был ощущать гнев и ненависть по отношению к драконам, а, читая историю врага, невольно начнёшь понимать его, испытывать к нему сострадание, а это было последним, что нужно во время войны.

Оставив книжные шкафы, Даэв опустился в кресло и невольно потянулся за гроздью ягод, похожих на виноград. Взор воина случайно упал на окно. За ним было светло, только свет этот напоминал вовсе не солнечный.

— Око... — машинально пробормотал асмодианин.

— Верно.

Териан Лекас дёрнулся от неожиданности. Увлёкшись пейзажем, он не заметил, как кто-то вошёл в комнату. Хотя вошёл ли? Звук открывающихся замков опытный Даэв бы слышал. Рефлекторно его рука потянулась за оружием... И лишь после этого он обернулся на голос вошедшего.

Должно быть, асмодианин весьма глупо сейчас выглядел: с протянутой к столику одной рукой и фиолетовой ягодой — в другой, сидя напротив голой женщины. Он оторопел. Нет, женская нагота сама по себе не вводила его в ступор, но вид этой особи вызывал шок. Воин даже засомневался, была ли стоящая перед ним женщина голой. Или на ней был надет плотно облегающий комбинезон из красной крокодиловой кожи.

Дева задумчиво водила рукой по огненно-рыжим спадающим до пояса волосам, заметно наслаждаясь то ли их мягкостью, то ли произведённым на Даэва эффектом. Насмешливо

посмотрев на его мечи, она прошла мимо них и, точно королева сказочного замка, уселась в кресло напротив.

— Рада тебя видеть у нас в гостях, — сказала она тихим голосом, напоминающим звук пересыпаемого в песочных часах песка, подняв на асмодианина свои огромные ярко-красные глаза с полосками вертикальных зрачков. — Ну, что ты замер? Или решил меня избить своими щепками? Не бойся, я не укушу.

Лишь едва приподняв уголки губ, она протянула руку в гипнотизирующем и медленном движении к хрустальной вазе. Элегантно, со змеиной пластикой, женщина взяла алого цвета фрукт и, неспешно поднеся его ко рту, замерла. В глазах хозяйки горела озорная искорка.

Она балаур, но для чего трансформация? Наверное, чтобы Териану не пришлось вести переговоры с огромным когтистым монстром. Но тогда для чего было оставлять драконью кожу и змеиные глаза? Чтобы он не забывал, что она не человек?

Женщина заметила на себе пристальный и острый взгляд бессмертного. Она улыбнулась и практически пропела следующие слова:

— Не удивляйся моему внешнему виду. Порой, чтобы почувствовать себя человеком в полной мере, необходимо натянуть на кожу чешую...

— Мне слышалось, что я в гостях? — недоверчиво спросил он, скосив один глаз.

— Да, в гостях. Ты не пленник и можешь уйти, когда тебе заблагорассудится. Держать тебя здесь насильно никто не будет.

Дракан продолжала игриво смотреть на бессмертного, накручивая на палец рыжие локоны.

— И с кем же я говорю? — Териан вальяжно откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу.

— Ох, прости... — засмеялась женщина. — Забыла представиться. Я — Арисса.

«Леди А, — бессмертному сразу вспомнились письма, где упоминалось это имя. — Так вот ты кто. Леди Арисса, слуга Тиамат...»

— Что ж, думаю, моё имя тебе известно, — промолвил асмодианин.

— Да, отнюдь. Мне было бы неинтересно говорить с незнакомцем. Вопрос в другом: знаешь ли ты своё имя? — по лицу балаура разлилась сияющая и хитрая улыбка.

— Кончай с этой игрой слов, — резко прервал её Териан. — Зачем я здесь?

— Ну зачем так грубо? — она медленно поднялась с кресла, виляя ягодицами, обошла Даэва и обняла его за плечи.

Асмодианин напрягся и хотел вырваться, но тонкие холодные коготки дракана больно вонзились в кожу, когда тот собирался встать.

— Ты здесь по моей воле... — прошептала дева на ухо Териану. — Ты же не прочь побеседовать со мной?

— О чём?

— Видишь ли, мой милый, — дракан отпустила его и вновь заняла место в кресле. — Мы с тобой очень похожи: живём давно, преданы великой цели. Наши предки вели священную войну, которая отразилась и на нас с тобой... — она ехидно улыбнулась. — Можно сказать, изменила нас до неузнаваемости. Сам видишь свои когти, да кожу...

Даэв склонил голову набок и продолжил слушать балаура, хотя понимал, что враг не может сказать ничего хорошего для него, а на враньё ящеры горазды, это всем известно.

— Продолжай... — равнодушно произнёс Териан.

— И мне стало тебя жаль...

Асмодианин удивился такому повороту событий.

— Я что, выгляжу таким жалким? — с издёвкой усмехнувшись в лицо врагу, спросил он.

— Нет, мой милый, в том-то и дело, что ты выглядишь абсолютно нормальным. Хотя не должен.

«Так, вот это уже интересно...» — подумал воин.

— Сколько тебе лет? — продолжила балаур.

— Больше, чем ты думаешь... — нахмурившись, отрезал Даэв.

— Вот именно! А если быть точным?

— Не говори, что не знаешь.

— Забавно, правда? — на её лице вновь засиял довольный оскал. — Восемьсот восемьдесят пять. А обычно крылатые доживают в среднем только до трёх сотен... Видишь ли, в нашем мире вечность — понятие относительное...

— Я хорошо сохранился, — асмодианин парировал её хитрый выпад и стал внимательнее наблюдать за мимикой дракана. Несмотря на змеиные повадки, она неплохо выражала и человеческие эмоции — было понятно, что надевать этот образ для неё — не впервой.

— Не спорю, что ты! Тогда ответь мне на такой вопрос... — вдруг дева замерла. — Ты когда-нибудь видел Даэва перед развоплощением? Я не имею в виду принудительное... Нет, перед добровольным, когда душа не может больше выносить смерти и покидает тело навеки, отвязываясь от кибелиска.

— Приходилось, — промычал бессмертный.

— Их вид тебя не настораживал? — женщина нахмурилась и провела глазами по комнате. — Столько боли, горечи, скорби... Бесконечные битвы изматывают, мой милый. И им — всего по три, по четыре сотни лет.

Асмодианин понимал, на что намекает балаур. Но поддаваться на эти речи он не собирався. Меж тем леди ящеров продолжала:

— А тебе без малого девять сотен, и смотри: до сих пор с оружием наперевес бросается в бой, крушит всех направо и налево, да и не выглядит конченным маньяком, — она усмехнулась. — Тут два варианта: либо у твоей души чрезвычайно сильная мотивация не умирать, которую я раньше не встречала...

— Либо? — ухмыляясь попыткам дракана свести его с толку, спросил Териан.

— Либо у тебя нет души, — сказала она и уставилась на Даэва, на его реакцию.

Он удивился. Даже хмыкнул вслух. Бессмертный знал, что это невозможно. Но тогда зачем балаур сказала это?

— Удивлён? — продолжила она. — Вижу, что удивлён. Может, ты меня неправильно понял: я говорила об именно твоей душе, Даэв.

Наступила некая пауза: дева ждала, пока Териан всё переварит, а он ждал, пока она окончательно раскроет все карты.

— И чья же душа тогда во мне? — равнодушно спросил асмодианин и потянулся ещё за парой ягод.

— А как тебя зовут?.. — уголки губ дракана невольно поднялись, как она не пыталась скрыть своё довольство от глаз бессмертного.

— Ты знаешь.

— Нет, ответь, — настаивала она. — Прошу.

— Териан Лекас, — Даэв сощурился, предвкушая её следующую фразу.

— Вот! Умничка! Ты ответил на свой вопрос, — женщина, наконец, вкусила алый фрукт и, поёрзав в кресле, продолжила смотреть на воина. Змеиная улыбка сверкала белоснежными и острыми зубами, словно самка балауров уже победила.

Асмодианин отвёл от неё взгляд и уставился в окно. Подождав несколько секунд, он заговорил, не обращая внимания на удовлетворение в глазах дракана.

— Интересная мысль. Но вот ты только ты не учла один факт, — он резко перевёл на неё сияющий взгляд. — На мне нет стигмы. И ты могла с лёгкостью это проверить, прежде чем пытаться меня развести.

— Я тебе не лгу, — дракан положила фрукт и устроилась поудобнее. — А тот факт, что на твоей шее не висит руна с чьей-то душой, не означает того, что в тебе не может быть чьей-то души. Пораскинь мозгами: тебе девятьсот лет, а ты выглядишь, будто тебе ещё сотни нет... Уж поверь, на Даэвов я насмотрелась. Да ты должен с ходу все мысли мои читать, коли так умён... Но нет... Ты так же предсказуем, как я ожидала... — она показательно вздохнула, словно расстроившись от своих слов.

— И что? Я должен был измениться, как ты хотела? — Даэв начинал терять терпение. Ему надоели эти бестолковые пустые беседы с врагом.

— Нет, не так, как я хотела. Но так, как должен — так, как все. Из воина ты бы превратился в храмовника или отшельника-мудреца. В любом случае, человеческие черты в тебе бы угасли... Возможно, ты бы сошёл с ума и стал маньяком — но тогда тебя бы уже давно развоплотили. Эх, дурачок ты мой, — ехидно улыбнулась балаур. — Или ты думал, что сможешь сохранить человечность спустя девятьсот лет?

— Всё — трёп и бравада, — равнодушно покачал головой воин. — Неужели ты надеялась, что я поверю твоим речам?

— Ну хорошо, — дракан со змеиной пластикой встала и медленно зашагала по комнате. — Я ожидала, что ты будешь сопротивляться правде. Зайдём с другой стороны... Ты помнишь своё прошлое? Точнее, не так. Что ты помнишь о себе?

— Я помню всё, — уверенно ответил асмодианин.

— Да-да-да, память Даэвов — потрясающая вещь, но давай по порядку. Ты помнишь своё детство и всё, что было до Катаклизма. Потом — как ты оказался в Асмодее, и первые двести лет своей жизни там. Затем две войны с элийцами... — она вдруг замерла и ехидно покосилась на мужчину. — А потом? Что было потом?

Териан собирался ответить, но Арисса продолжила сама:

— Пустота, правда? Да, ты можешь сказать, что жил где-то в Белуслане отшельником, охотился на животных, собирал травы и коротал так следующие пятьсот лет, пока не встретился с легатом третьего легиона... по своей воле, конечно. По взгляду вижу, что я права, — по лицу дракана растеклась довольная улыбка. — Но ты не жил в Белуслане пятьсот лет... Вспомни по порядку каждый день из этих твоих каникул. Сколько помнишь? Неделю, месяц?

Даэв зачем-то поддался речам балаура. Он вдруг задумался и стал вспоминать те дни, которые для памяти человека давно бы канули в небытие, но бессмертные ничего не забывают просто так. Они помнят всё. Он прокручивал дни, когда, сбежав от войны, поселился в маленьком домике посреди леса в вечных снегах. Он стал отшельником, как и предсказывала балаур. Но нет, нельзя слушать её речи. Они пропитаны ядом. Всего одна фраза, одно мимолётное сомнение, и можно считать, что враг победил.

Асмодианин вспоминал день за днём, но все они были настолько одинаковы, что

различить их было сложно. Он мог припомнить только два месяца, а потом всё смешалось, и эти дни начали повторяться по кругу — и так десятки и сотни лет. Даэв испугался: два месяца точь-в-точь крутились полтысячелетия. Он перевёл настороженный взгляд на деву-дракана. Она улыбалась ему, словно читая непонимание в его мыслях.

— Я права, мой дорогой? — голос струился из её рта, подобно шипению. — Конечно, права. Скажи, что я права... Ну же, не стесняйся. Мне будет приятно.

Териан на секунду потерялся. Почему он никогда не задумывался о тех годах, что коротал в землянке в самой глуши Белуслана? Почему не задавался вопросами, как смог пятьсот лет делать одно и то же? Это бы ему надоело и, в конце концов, он бы не выдержал. А может, он и не выдержал?

«Но нельзя доверять ей, этой нагой деве. Ведь не зря она выбрала этот образ. Отвлечённое внимание, запудрить мозги. Тем более так врать намного проще...» — говорил голос внутри.

— Дракана с два... — прорычал асмодианин.

— Я это ожидала, — игриво вскинула носик леди-балаур. — А ты силён... Хочешь, я расскажу, что было дальше? Не отвечай. Ты умер там... В том домике, который ты сам себе и построил, как могилу. Ты ведь знал, что умрёшь, когда только закладывал фундамент, ставил стены, колдовал над крышей. И ты это знаешь сейчас. Но почему в глуши? Я тебе скажу, мой милый. Ты не хотел, чтобы тебя нашли, чтобы вдруг снова заставили сражаться, мучиться. Ты этого не хотел. Ты хотел покоя. Ты его обрёл? Как? Повесился? Пронзил сердце мечом? Утопился в колодце? Или просто разбился, взлетев слишком высоко? Это тоже неважно. А потом ты обратился в пепел... Как всегда... Но на этот раз твоя душа не отправилась к кибелиску... Она осталась рядом с тем пеплом, что потом собрался в маленький камешек. В нём твой дух и обрёл покой... Ты не был развоплощён Храмом, как и не был перерождён им. Поэтому твоё имя не сохранилось в Матрикуле бессмертных. Ты остался безымянным Даэвом, безымянной стигмой, которую спустя долгие годы нашли мародёры, решившие поживиться добром из твоей лачуги. Бандиты передали камень своему главарю, как подарок, а он надел его на шею... Так и родился новый Териан Лекас... Ну что? Вспомнил?

Асмодианин затрясся ещё на половине её монолога. Его выворачивало наизнанку, а голова разболелась так, словно в виски медленно вкручивали огромные ржавые болты. Шестое чувство, которое сотни раз спасало шкуру Даэва, уже не вопило — оно заливалось истощенным криком. Казалось, что барабанные перепонки вот-вот лопнут от него, хотя в комнате было абсолютно тихо.

Всё внутри трепетало, сопротивляясь словам балаура. Представьте, что ваша жизнь — это стопка книг. Внизу — самые тяжёлые тома, которые говорят о том, кто вы: имя, где родились, кем Вы были в детстве. И вот на них, как на фундамент, вы накладываете всю свою жизнь — целую стопку книг. А теперь кто-то взял и начал расшатывать самый нижний том, на котором стоят все остальные. Верхние книги упадут первыми, потом — те, что посередине. В конце концов, от вашей жизни не останется ничего, кроме кучи разбросанных по полу печатных страниц. Вот что творилось сейчас внутри Териана.

— Закончи этот фарс! — вскрикнул он и ударил кулаком по столу с такой силой, что хрустальная столешница слетела с ножки и разбилась на десятки острых осколков, разлетевшихся по комнате.

— Не очень-то вежливо... — дракан даже не повела взглядом. — Но тебя можно понять... Столько нового ты узнаёшь о себе здесь... Ух, голова может пойти кругом...

Асмодианин постарался отстраниться от всех мыслей, очистить голову и успокоиться. Он закрыл глаза, напряг мышцы и стал потихоньку стирать все сомнения и тревоги: не спеша, по очереди. На это ушло, может, несколько минут, но теперь разум Даэва был чист, словно никакого разговора с драканшей не было. Всего одну мысль он никак не мог запереть в клетке:

«Если то, что она говорит, — ложь, почему моя душа так резко на это реагирует?..»

Но балаур, видимо, решила не останавливаться и продолжила:

— Когда вожак мародёров получил стигму, он очень удивился. Надев её, он сразу почувствовал прилив сил. Но вот беда, он был смертен, поэтому не мог сопротивляться силе камня. За считанные месяцы она поработила его душу, а вскоре заменила воспоминания... Может, Териан Лекас этого и не хотел, но тело человека больше маленького куска породы, поэтому всё содержимое стигмы очень скоро перетекло в того разбойника... Непроизвольно, конечно... Он стал считать себя Даэвом, хоть крыльями не обладал, называть себя чужим именем и твердить всем, что видел Катаклизм... Сошёл с ума, попросту говоря. Другие бандиты прогнали его, восстав против безумца, и того беднягу еле живым нашли около Амснира легионеры двадцать седьмого легиона Пандемониума. Они приютили его, а через несколько недель тот взял в руки оружие и пожелал присоединиться к отряду... Легат был не против... Ты сражался очень храбро и дослужился до офицера за полгода. А ещё через год тебя решили сделать Даэвом... Конечно, ты знал, что ты уже давно «Даэв», поэтому просто скопировать имя Териана Лекаса не мог. Ты взял первое имя, всплывшее в твоей памяти... точнее, в памяти стигмы — Белис. В семьсот тридцатом году ты переродился. Камень, висевший у тебя на шее, после церемонии расплавился окончательно, объединив две души в одну. Почти сразу ты стал именовать себя Терианом Лекасом... Вот так и прошло ещё сто тридцать три года... — дракан вздохнула и замолчала.

Асмодианин старался не воспринимать её слова, зная, что это вызовет новую бурю. Но руки его всё равно начало сводить судорогами. Он спрятал их под ноги, чтобы балаур не заметила, посмотрел на неё стеклянным взглядом и промычал:

— Интересная история... Но я тебе не верю...

— О, мой милый... — по-змеиному нежно пропела дева-дракан. — Ты ещё сопротивляешься... Как это храбро... Что ж, каким ты себя помнишь сразу после превращения в асмодианина? Таким же? Да, цвет глаз похож... Как и у того мародёра, чья кличка была Ядовитый Лис... как раз из-за цвета глаз. Его настоящее имя, к сожалению, я не знаю, да и ты его вряд ли вспомнишь. Но я могу показать тебе вот что, — она грациозно поднялась с кресла и, потянувшись, прошла до книжных полок.

Там женщина схватила пачку старых бумаг и, довольная, вернулась на своё место.

«Уходи отсюда, Териан... — шептал внутренний голос. — Уходи, пока не поздно...»

Балаур протянула ему свёрток.

— Это всё, что мы смогли собрать о тебе, — сказала она.

«Беги!» — вновь завопило чутьё.

Но любопытство на этот раз взяло верх. Асмодианин взял пачку бумаг и стал разворачивать их.

«Поздно... Слишком поздно...» — прошептало шестое чувство и умолкло.

Первый лист напоминал страницу из Матрикула Пандемониума.

— Это копия, естественно, — комментировала дракан. — Мы бы не стали уродовать святую для васкнигу... — она ехидно улыбнулась. — Посмотри на второе имя сверху и на

дату. Там написано «Белис». Первое имя пропущено, оттого я и не знаю, как звали Лиса по-настоящему.

Там было действительно написано это имя. Рядом с ним дата: шестой день десятого месяца семьсот тридцатого года от Катаклизма. Метки о дате развоплощения не было — тот Даэв был ещё жив.

— Бумагу можно было подделать, — сухо ответил Териан. — Это проще простого...

— Ладно, — вздохнула дева. — Следующий лист — портрет Лиса, за поимку которого назначено вознаграждение. Никого не напоминает?

Асмодианин уставился на бумажку. Лицо было очень похоже, почти копией. Снизу была надпись: «За голову Ядовитого Лиса — награда в двадцать тысяч кинар».

— Внушительные деньги, правда? — ухмыльнулась женщина. — Удивительно, как ты смог запудрить мозги легату двадцать седьмого легиона, чтобы он не сдал тебя страже?..

— Я ничего не помню из того, что ты сказала, — сквозь зубы процедил Даэв. — Как и выписку из Матрикула, эту бумажку тоже легко подделать...

— А как же твой сын? Точнее, сын Териана Лекаса. Ты ведь знаешь, что у него есть сын?

— Акариос...

— Да, Акариос. Великий элиец... Эх, как сыграла судьба, — в широкой улыбке протянула Арисса. — Вы ведь встречались в Морхейме. Ты не говорил с ним после этого?

— Он жив? — удивлённо округлил глаза Териан и облокотился на руки.

— Не знаю... Он пропал лет... — она задумалась. — Четыреста назад. Но записи о его смерти в элийском Матрикуле нет до сих пор. Не спрашивай, откуда я это знаю... — балаур ехидно улыбнулась. — Может, его стигму тоже носит кто-то, какой-то элиец, может, он до сих пор скрывается там, где искать бы не стали... Если найдёшь его, спроси, изменился ли твой облик с того времени...

— Он знает, что мы встречались?

— Уверена, что да. Видишь ли... он искал своего отца, поэтому и стал легионером Дельтраса. Клятва деду, насколько я знаю...

— Ты что, общалась с Акариосом? — оскалился асмодианин.

— Однажды... Непродолжительно, увы... — дракан сморщила лоб. — Он собирался меня убить, но... у него не получилось, — дева едва заметно хихикнула, пристально глядя в глаза собеседнику.

Териан снова почувствовал себя хуже. Сердце, бившееся так, будто хотело настучаться на две жизни вперёд, сейчас замерло. Ох, как бы ему хотелось остаться на месте и дать ей понять, что она ничего о нём не знает. Что он сам хозяин своих чувств и поступков... Даэв и представить боялся, что всё, сказанное балауром, правда. Проверить же это было довольно легко. Асмодианин подавил внутреннюю истерику и, глубоко вздохнув, спросил её:

— И зачем ты мне всё это рассказала?

— Говорю же, жалко мне тебя стало, — заботливо протянула дева.

— Это очень мило, но мне нужно знать, что за выгоду ты скрываешь... — грозным тоном промолвил Даэв.

Дракан досадливо вздохнула.

— Что ж, раз ты отказываешься принять помощь безвозмездно, скажу откровенно: выгода есть. О её размере ты можешь судить сам. Эта война продолжается слишком долго, и я, честно сказать, тоже начала терять терпение... Мне известно, что ты знаешь о наших

планах касательно Элиоса, и твоя помощь им меня насторожила. Я стала копать под тебя, и вдруг выяснились такие факты!.. Ну, теперь ты о них и сам знаешь.

— И ты решила мне помешать?

— Нет, что ты! Помочь! Помочь, наконец, обрести себя и понять, что судьба этого мира предрешена давно... — она посмотрела ему в глаза и добавила. — Как и твоя...

Вдруг взгляд балаура опустился к груди мужчины, и она тихо спросила, словно не у него:

— А какой будет твоя судьба, Териан Лекас?..

Даэв сморщился и, стиснув зубы, прорычал:

— Ты не ответила...

— Разве? Хм-м... — она кокетливо приложила пальчик к губам и мечтательно подняла глаза к потолку, словно пыталась прочесть там подсказку к его загадке. — Мне выгоден любой исход. Ну, ты хочешь остановить меня — я это знаю. Что ты сделаешь? Поддержишь Асмодею, объединив враждующих Безмолвных и столичных крыс. Ты можешь... У тебя есть на это способности. Пусть так. В Элиосе тоже назревает гражданская война. Тогда сначала мы добьём Элиос, потом примемся за вас. Возможен другой вариант: ты поддержишь южан, предотвратив войну. Тогда всё будет с точностью до наоборот. Мы сотрём Асмодею с лица Атреи, а ослабленный Элиос останется на десерт. Ты можешь вообще никого не поддерживать: тогда всё останется, как есть: Эфир продолжит утекать в Бездну, что нам выгодно, а людишки рано или поздно перебьют друг друга. Хотя мы даже можем им помочь...

— У вас договор с Асмодеей. Через несколько месяцев вы собираетесь атаковать элийскую Цитадель.

— Был договор, — женщина опечаленно вздохнула. — К сожалению, Безмолвные не смогли удержаться у власти из-за этого эгоистичного идиота Слутгельмира. Асмодея сильно ослабла, и смысла в этом договоре уже нет никакого.

«Вот Слутгельмир расстроится...» — подумал Даэв и сощурился, продолжая смотреть на балаура хмурым недоверчивым взглядом.

— ...Итак, мы вернулись в начало. Видишь ли, ситуация, когда в мире сохраняется баланс, и ни одна сторона не может одолеть другие, меня вполне устраивает.

— Но ты всё равно решила потратить на меня своё время и, как ты говоришь, «помочь». И вовсе не по доброте душевной...

— Ну, а почему нет? — дракан некрасиво засмеялась. — Конечно, мне не выгодно, чтобы ты был очень сильным, но, с другой стороны, как ты можешь мне помешать?

Логика балаура была безупречна. И всё же... Слишком всё гладко, стройно и логично. Ну, а с другой стороны, когда тебя начинают подводить и память, и чувства, и мораль... К чему прислушиваться, если не к голосу разума? Логика либо есть, либо её нет. Нет такого понятия — «слишком логично».

— Ладно... — асмодианин захотел прекратить это безумие. — Я услышал тебя. Я могу идти?

Лицо девы окаменело.

— Но ты не узнал, что за помощь я тебе предлагаю... — монотонно прошипела она.

— Помощь? — удивился Даэв. — Разве твой трёп был не помощью?

— Нет, мы не добрались до самого главного... — леди драканов снова откинулась на спинку, но взгляд на этот раз был не добродушным, а, наоборот, пронзительно холодным,

расчётливым. — Душа Териана Лекаса убивает тебя и сводит с ума... Ты же это чувствуешь? Тебе только чуть больше сотни лет, а мысли о смерти посещают всё чаще. Я ведь знаю, что Териана развоплотили. Сколько жизней осталось? Три? Две? Или последняя? Видишь ли, мой милый, как только ты истратишь все жизни, погибнет не только частичка тебя, именуемая Терианом Лекасом, но и ты сам, ведь он слишком глубоко въелся в тебя.

Эти слова вновь заставили руки асмодианина задрожать.

— Я могу помочь... — продолжила балаур. — Могу обеспечить тебе ещё много сотен лет жизни. У нас есть маги, способные вытащить из тебя душу Териана Лекаса. Не могу сказать, что это будет совсем безболезненно... Но ты ведь привык к боли, ведь так? Тем более она будет лишь временной. Ты удивишься, насколько легко ты почувствуешь себя после разъединения...

«Вот и плата за вечную жизнь...» — подумал Даэв.

— За вырученные годы ты сможешь многого добиться: может, даже объединить расы в этой бесконечной войне... Или просто жить в своё удовольствие. Найти дом. Влюбиться...

Слова дракана были сладки — не поспоришь. Но что-то в её голосе было не то — бессмертный это чувствовал.

— Почему я не могу обратиться к асмодианским или элийским жрецам? — настороженно спросил он.

— Как ты себе это представляешь? — вновь засмеялась она. — Асмодиане объявили на тебя охоту. Они убьют тебя прежде, чем начнут слушать. А элийцы — и подавно.

— А, может, я хочу умереть... — прошипел он.

— Пожалуйста. Но тогда что ты скажешь своей ненаглядной элийке?

«Что? Откуда она знает про неё?» — пролетело в голове Даэва.

— Понимаю, дело щекотливое... Но мне известно, что твоё сердце тянется к этой милашке. Только вот это не сердце Териана Лекаса... А твоё. Придётся выбирать, мой милый: или он, или она...

А вот и момент истины. Да, надо отдать должное: балаур знала, на какую точку надо нажать, чтобы задеть чувства мужчины.

— Я ведь не предлагаю тебе ничего худого. Мне даже подвластно вновь сделать тебя элийцем... Только внешне, к сожалению... Ступай в тот мир, который станет тебе домом — в Элиос. Будь хорошим мужем и отцом. Я даже помогу тебе, и ты не будешь жить в нужде.

Асмодианин начал колебаться. Он чувствовал, что его верное чутьё что-то скрывает от него. Словно душе Даэва становится стыдно за то, что именно враг рассказал ему всю правду, а он не вспомнил это сам.

«Этого всего не может быть... — суетливо рассуждал бессмертный. — Я не мог столько лет отзывать не на своё имя... Но почему я помню их имена?... Имена тех разбойников, с которыми мы грабили деревни... Малыш Бим, Хромой Ромус и Хвен по кличке Крюк... А я... Ядовитый Лис?..»

Перед глазами вдруг пролетело множество событий — всё то, что Даэв безнадёжно забыл, а Териан Лекас и вовсе не знал. Но, если это всё правда, готов ли он вспомнить своё тёмное прошлое? Распрощаться с великим героем Асмодеи и стать обычным бандитом, пускай и с крыльями за спиной?

— Мы поможем тебе скрыться от Териана Лекаса — убить его в тебе, — никак не унималась леди-балаур. — Это выгодно и тебе, и мне. Ты никогда сюда не вернёшься, и никто тебя не потревожит, — она сделала паузу. — Ну что? Что ты решаешь?

Он смотрел в глаза дракана и уже не мог... точнее, не хотел сопротивляться. И дело даже не в прошлом. Он просто был согласен на покой, согласен уйти как можно дальше от этих интриг и непримиримых врагов, в партии которых его угораздило стать многоразовой разменной пешкой стигмы великого Даэва. Рано или поздно он бы не выдержал и, как правильно подметила дева, стал бы маньяком-убийцей. И что было бы тогда, сколько людей пострадало — неизвестно. А это всего лишь вопрос времени. И ещё Эви. Почему-то теперь её лицо стояло напротив лика Териана Лекаса в его голове. Он влюбился в эту девушку и больше не мог это отрицать. Может, это и был подсознательный защитный механизм от смерти, но он действовал. И действовал балаурски эффективно.

Но всё же какая-то часть души не доверяла дракану. Асмодианин решил сделать последний шаг, ещё раз проверить, врёт ли она или говорит правду. И это был отличный способ.

— Можно ещё один вопрос?

Дева терпеливо ждала, всем своим видом выказывая скуку.

— Конечно.

— Неужели стигму нельзя отобрать силой?..

Лицо её окаменело. Более того, оно стало искажаться. Кожа уже не была красной крокодиловой, она пошла пятнами, и огонь глаз стал расползаться по всему телу балаура.

И всё же надо отдать должное врагу. Не зря, ох, не зря она выбрала образ нагой девы. В таком облики врать намного удобней и эффективнее. Теперь это уже была не догадка. Теперь Даэв был уверен. Он почти поверил... Он вдруг вспомнил её слова про объединение рас. Вот чего она боялась. Вот почему разыграла такую хитрую партию. Она не могла допустить, чтобы асмодиане объединились с элийцами... Это единственный исход, при котором балауры окажутся в меньшинстве и проиграют в войне. А, как говорила драканша, у Териана были способности, чтобы это сделать. Он уже знал, что ему не уйти отсюда, и как только он согласится разъединиться с Терианом, всё очарование сгорит в пламени её змеиных глаз.

Любой аферист — это актёр, который решил не растрачивать себя на аплодисменты и скудное жалование, а направил свои способности в то русло, где своим мастерством сможет извлечь как можно больше выгоды. Кроме того, каждый уважающий себя мошенник чувствует тот миг, после которого притворяться и врать уже бесполезно. Блеф полезен до тех пор, пока есть уверенность, что тебе верят, и даже с парой «двушек» можно спугнуть и заставить спасовать владельца «стрита». Но если ты уже понял, что тебя раскусили, не стоит затягивать спектакль, пользы от этого никакой не будет. Она лишь прошипела:

— Ты всё испортил.

В дальних углах покоев материализовались два двухметровых чудища непонятной половой принадлежности, которые быстрым шагом направились к асмодианину. Возможно, они всё это время были здесь, скрытые чарами невидимости, и наблюдали за представлением. Миг спустя дева-дракан, охваченная пламенем, обратилась в огромную змею с длинными когтистыми руками и головой, похожей на человеческую, только украшенной парой изогнутых рогов.

— Отда-а-а-ай, — провыло одно из существ.

Даэв ринулся к оружию и несколькими взмахами смог справиться с подчинёнными девы-балаура. Обычные драконоиды — для Териана Лекаса они не представляли угрозы. Арисса застыла в метре от мужчины, яростно скалясь и рыча, но не нападая.

Она знала, что могла убить его, но не знала, сколько жизней осталось проклятому бессмертному. Оплошность — и он уйдёт от неё, встанет на кибелиске, и стигму дракан уже не получит.

Асмодианин вытянул меч вперёд и попробовал поднять его как можно выше, чтобы лезвие мелькало перед глазами балаура.

— Скажи мне, зачем тебе этот камень, и, может быть, ты его получишь.

Конечно же, Арисса знала, что он уже не отдаст стигму. Она упустила свой шанс и понимала это. Но тот факт, что победа была близка, как никогда раньше, что человек дразнил их соблазнительницу стигмой, словно голодного — тарелкой жареного мяса, только разжигало её гнев и доводило её до безумства.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия... — прошипела она и, извернувшись восьмёркой, мощным хвостом выбила двери.

Внутри вошли ещё несколько балауров. Даэв не сразу понял, что они собираются сделать.

В руках одного из них была девушка. Она послушно лежала в лапе огромного ящера, закрыв глаза.

— Эви?! — вскрикнул от неожиданности асмодианин.

Девушка вдруг очнулась и с немым ужасом в глазах подскочила в лапе балаура. Ящер бросил её на землю, та упала и обеими руками обхватила живот. Неизвестно, что именно Арисса делала с ней, Даэв видел только, как Эви хочет закричать, но сил на крик у неё не хватает. Она вновь и вновь прижимает руки к животу, изо рта начинает течь тоненькая струйка крови.

— Прекрати! — заорал бессмертный и с силой замахнулся мечами, чтобы разрубить монстру спину, но металл, со звонким вибрирующим звуком ударившись о невидимый барьер, отлетел, а мужчину отбросило в сторону.

Эви слышала его голос. На миг вырываясь из приступа боли, её взгляд стал осмысленным, и она посмотрела в его сторону. Губы неслышно прошептали «Териан», потом она перевела взгляд на огромное чудовище, уставившееся на неё немигающим взглядом и продолжающее не то шипеть, не то шептать что-то, и поползла назад.

Новый приступ боли скрутил Эви пополам, и она истошно закричала, захлёбываясь собственной кровью.

— Оставь её в покое! Быстро! — Даэв кинулся к ней, но тяжёлый хвост дракана словно имел глаза. Точной подсечкой асмодианина сбilo с ног, и он кубарем покатился обратно в свой угол. Через мгновение воина сзади схватил балаур, поднял его с пола и мёртвой хваткой прижал спиной к себе, чтобы тот не мог вырваться.

Девушка кричала так, словно ей ломали ребра, а органы выдирали поочередно. Через миг, показавшийся бессмертному вечностью, её вопль, полный муки, срывающийся и пронзительный, сменился воем. По её бледному лицу текли слёзы боли и горя. Свернувшись на полу калачиком и пытаясь поджать колени как можно выше, она перекатывалась с бока на бок.

— Прекратите! Прошу вас, хватит! — орал Даэв, безуспешно пытаясь вырваться из объятий ящера.

Он и сам уже вопил от бессилия, ненависти, острейшего чувства вины и осознания необратимости происходящего.

— Стигма... — медленно прошипела Арисса.

Асмодианин уже собирался согласиться на безумный эксперимент балауров, как вдруг в коридоре произошла яркая вспышка, ослепившая всех в этой комнате. Мужчина первым пришёл в себя. Он услышал знакомый женский голос, что произносил заклинания. Два дракана около двери обратились в лёд, а лапы того, что держал Даэва, скрутили корни. Ящер потерял равновесие, и воин, улучив момент, вырвался из его хватки.

Арисса среагировала быстрее. Она замахнулась хвостом, чтобы ударить по волшебнице, но новая вспышка ослепила её и заставила замешкаться. Асмодианин успел зажмуриться. Он подбежал к Эви. Девушка перестала стонать и уже лежала без движения. Даэв быстро схватил её на руки и, встретив взгляд Белатрисс, крикнул:

— Бежим!

Бессмертные рванули прочь из комнаты. Арисса очухалась, да и ледовая корка, что покрыла тела драканов, начала таять.

— В конце коридора я открыла портал! Живее к нему!

Прямо перед беглецами сияла голубоватая воронка разлома.

— Прыгай первым! — скомандовала Трисс.

Асмодианин остановился у самого портала, наклонился ухом к лицу Эви и рукой пощупал её пульс.

— Она не дышит... И пульса нет! — вскрикнул он.

Трисс смотрела, как расстояние между змеей-балауром и ними неумолимо сокращается. Яростно извиваясь, Арисса уже была в трёх метрах от Даэвов.

— Давай же! — девушка буквально толкнула мужчину в разлом и прыгнула вслед за ним.

Как только бессмертные скрылись в недрах воронки, разлом вспыхнул и исчез, а его края, сотканые из обоев и мебели, с грохотом рухнули на пол перед самой мордой Ариссы.

— Не-е-ет! — прошипело существо и злобно оскалилось. Капюшон, как у кобры, завибрировал, а пальцы на толстых руках затряслись в агонии. Столь желанная стигма была потеряна.

===== Часть 5. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 10.

Отредактировано.

Дорогая А.

Вы не ответили на моё письмо. Я не знаю, что думать. Прошу, свяжитесь с моими агентами как можно скорее.

Ваш С.

Цитадель Тэминона. Арэшурат.

Даймон решил больше не медлить с поездкой в Бездну. Контроль над Элизиумом надо было возвращать. Гелиону же было плевать на небесный город и на то, что там творится, иначе он бы уже давно показал кулаки и отправил туда легионы.

Даэва не ждали во дворце Цитадели. Тем более ему не была назначена встреча с военачальником. Но Даймона это не волновало. Он знал, что Гелион не прогонит своего верного командующего.

Мужчину спокойно пропустили во дворец — стражники прекрасно знали воина в лицо. Внутри ничего не изменилось — те же тишина и спокойствие, лишь иногда нарушаемые быстрыми шагами известных легатов. Элиец, не оглядываясь по сторонам, забежал по

широкой лестнице на второй этаж и направился к посту охраны. Около дверей зала заседаний дежурили два стражника. Даймон решил, что они должны знать, где их начальник.

— Расефиэль, — Даэв остановился напротив патрульных и кивнул им. — Вы не знаете, где сейчас господин Гелион?

— Господин Гелион — в кабинете секретаря, — промолвил говорящий шлем. — Но он занят.

— Спасибо, — лишь показательно улыбнулся воин и спустя миг, вернув каменное лицо, быстрыми шагами направился по коридору к широкой коричневой двери, где и работали многочисленные помощники Гелиона.

Дверь оказалась незапертой. Даймон не имел привычки стучать, поэтому вошёл сразу.

Над одним из столов, за которым сидел пожилой мужчина в очках и перебирал бумажки, нависла мощная мужская фигура. Даже со спины было понятно — это был Гелион. Он обернулся на звук открывающейся двери и, узнав наглого гостя, выровнялся.

— Даймон, я тебе искал. Где ты был всё это время? — тон военачальника был суров, а взгляд — холодным и равнодушным.

— Расефиэль, господин Гелион, — Даэв шагнул внутрь и прикрыл дверь. — Я разбирался с асмодианами в Фоэте...

— В Фоэте? — Аскалон удивлённо вскинул бровь.

— Долгая история... У меня к Вам серьёзное дело.

— Я не удивлён, — вздохнул правитель. — Ты сюда просто так не заходишь. Ладно, идём в зал...

Гелион обошёл Даймона и повёл его в зал заседаний, где обычно и обсуждались важные проблемы. Привычные стены дорогого помещения встретили Даэвов гостеприимно — мягкий свет, пробивающийся сквозь небрежно задёрнутые шторы, узорами падал на продолговатый стол, во главе которого и сел военачальник.

— Рассказывай, в чём дело, — как всегда сложив пальцы в замок, начал он.

Даймон сел по правую руку от капитана гарнизона — обычное место для командующего.

— У меня плохие новости по поводу Элизиума.

Как только Гелион услышал про город, он нахмурился и, казалось, моментально потерял интерес к разговору.

— Рыцари Миразента захватили власть в столице, отравив мальчишку. Я хотел просить Вас немедленно послать туда легионы, чтобы подавить Орден и ликвидировать его лидеров.

Гелион усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Что за идиотская просьба? Какое мне дело до того, что творится в Элизиуме?

— Я рассчитывал на то, что Вы понимаете, к чему может привести такое противостояние... — взгляд Даймона похолодел, а тон стал ещё серьёзнее.

— Какое противостояние, Даймон? — непонимающе скривил лицо правитель. — Элизиум больше ничего не решает.

— Я тоже так думал, — бессмертный опустил взгляд. — Но я ошибался: Элизиум — до сих пор символ для людей. Символ власти, спокойствия, благополучия и защиты. Мирные жители обеспокоены ситуацией вокруг небесной столицы. Начинаются волнения. Уверен, и Вы получали письма от людей, которым не безразлично творящееся нынче в Элиосе.

Гелион заинтересованно, но недоверчиво хмыкнул, нахмурив скулы и сжав губы в

тонкую полоску. Воин же продолжил:

— Ситуацию осложняет война в Асмодее. Элийцы боятся, что у нас может произойти то же самое.

— Если и произойдёт, то закончится в тот же миг... — грозно промычал военачальник.

— Не лучше ли исключить возможность? Это будет лучше для всех.

Капитан гарнизона задумался. Слова Даймона не были лишены смысла — определённая польза от этого всего, конечно же, будет.

— Но кто тогда встанет на трон, раз наследника нет? — Гелион исподлобья глянул на командующего.

Даймон боялся этого вопроса. Хоть он был верен Гелиону, но сказал себе, что не допустит его коронации в Элизиуме. Пытаясь ответить наиболее мягко, Даэв сказал:

— Пусть решает народ: желающие найдутся. Леди Ариэль завещала, что не хочет крови вокруг элийского престола. Я разделяю её мнение. На время пусть трон займёт Верховный жрец Элизиума — он, пожалуй, единственный, кого не интересует должность правителя Элиоса.

— Хм-м... Разумно... — пробормотал Гелион, но в его внезапно вспыхнувших от азарта глазах Даймон сумел разглядеть появившееся желание побороться за место на престоле. Тем не менее Аскалон был не дураком, и выставлять напоказ свои амбиции он не собирался.

— Я бы хотел попросить Вас отправить туда легионы немедленно, пока, не дай Айон, Раверинтос не коронует себя... — для пущей убедительности добавил Даймон.

Гелион больше не слушал Даэва. Его мысли были где-то далеко. Он, уставившись в дверь и слегка приоткрыв рот, сидел неподвижно и, казалось, даже не дышал.

— Господин Гелион?.. Господин Гелион? — пытался вернуть его внимание бессмертный. — Вы меня слышите?

— Да, — резко дёрнулся военачальник, прервав раздумья, и перевёл глаза на бессмертного. — Слышу-слышу... Хорошая мысль.

— Так Вы согласны?

Даэв по тону военачальника понял, почему тот соглашается на штурм столицы. Элийский престол — весьма желанное место. А теперь появился и повод, чтобы занять его. Даймон был готов пойти на то, чтобы позволить Гелиону возжелать трон. Главное, чтобы предатели-Орденцы к власти не пришли. А там уж можно было разобраться по обстановке...

— Только войска вернутся из Ткисаса... — продолжил правитель. — Велю им шагать в Элизиум.

— Из Ткисаса? — недоумённо переспросил Даймон. — Это же асмодианская крепость в верхней Бездне.

— Надеюсь, уже сегодня станет элийской, — закивал Аскалон. — Я отправил туда штурмовые силы: одиннадцать легионов. Судя по плачевному состоянию асмодианской армии, этого будет более чем достаточно.

«Вот так новость... — подумал Даймон. — А он зря времени не терял...»

— Кстати, возглавлять поход должен был ты... — Гелион покосился на Даэва. — Но ты куда-то пропал.

— Спасал фермеров, — отговорился он. — Вы использовали корабли?

— Да, мы высадили войска за Кольцом Фрегиона. Дальше — по суше: в Ткисасе слишком много пушек для воздушной атаки. Осада идёт прямо сейчас, — военачальник посмотрел на часы. — А, нет. Начнётся с минуты на минуту... Так что ты говорил насчёт

асмодиан в Фозте?

— А? — Даймон вдруг отвлёкся, задумавшись. — Да рядом с городком открылся разлом, и появился целый легион серокожих. Мы кое-как отбились. По-хорошему надо бы туда пару легионов отправить на патрулирование: вдруг ещё разломы появятся... Ведь Фозта весь Элиос хлебом кормит.

— Всё после Элизиума, — отрезал Гелион. — У меня сейчас дела с документами... — мужчина вдруг запнулся, но через пару мгновений резко сменил тон на более оптимистичный. — Хотя знаешь... Думаю, гарнизона Тэминона должно хватить. Тем более Щит Неджакана сейчас в Цитадели. Я решил дать ребятам передохнуть... В отсутствие-тс легата, — он заискивающе покосился на командующего и продолжил. — Так что обрадуй их своим присутствием, и завтра маршем шагаем в Элизиум.

— Завтра? — переспросил Даймон, нахмутив брови. — С чего вдруг такой энтузиазм? А как же осада?

— Осада закончится быстро, я уверен. Гарнизонем руководит Сакмис, легат Пепельных Облаков. Ей я доверяю, — Гелион вдруг скрыл взгляд. — А с Элизиумом нужно поторопиться. Если есть возможность... предотвратить то, что ты говоришь, не стоит пренебрегать ею.

Командующий понимающе кивнул.

— Так к чему нам готовиться? — спросил он.

— К осаде... — Гелион сощурился и исподлобья посмотрел на легата.

Даймону не понравилось это слово. Уж больно много смертей несёт оно за собой.

— Я не хочу заливать кровью небесный город, — сказал командующий.

— Мы и не будем. Окружим ключевые места, дадим возможность Миразентам сложить оружие и сдаться.

— А если они не согласятся?

— Убедим... — как всегда грозно проговорил Гелион.

Даймон хмыкнул и закивал головой. Метод осторожной жестокости всегда был действенным. Но запугать рыцарей Ордена... Это звучало, как нонсенс. Их стражники отличались особой храбростью и верностью своему магистру. Вступление в Орден надо было заслужить. Многие из его членов были бывшими офицерами элийской армии и успели дослужиться до весьма высоких званий: в рядах Рыцарей Миразента встречались даже генералы и командующие. А в правящем кругу было много военачальников: к примеру, Ваталлос — капитан гарнизона Бертрона, Атропос — глава Теобомоса и покойный Фаранис — бывший военачальник Арэшурата.

— Ступай в лагерь, — сказал Гелион. — Подготовь к походу своих людей. Завтра на рассвете мы вступим в войну... А к полудню её закончим.

Даймон поднялся и перед уходом поклонился ему:

— Да защитит Вас Айон.

— Да сохранит тебя Айон.

Неспешным шагом командующий покинул зал заседаний. Он снова задумался о своих действиях. Даэв надеялся, что не переборщил и у Гелиона остался рассудок, чтобы не устраивать настоящий переворот в столице. Фаметес, законный правитель Элиоса, уже пришёл в себя. Через пару недель, а может, и меньше он снова сможет занять престол.

Даймону, как и всем бессмертным, была выгодна власть мальчишки: он более предсказуем, да и влиять на него проще. Гелион был прекрасным полководцем, и все воины

шли за ним, как за своим лидером. Но нынче время было слишком беспокойным, и Даймон считал, что чересчур импульсивный и бескомпромиссный правитель, коим был Гелион, могло расшатать ситуацию ещё сильнее. Аскалон думал о войне, в то время как люди мечтали о мире. Кнут лучше было использовать лишь в некоторых случаях, в остальном же и пряник вполне сгодится. Тем более Гелион вряд ли сможет нарастить мощь армии за оставшиеся месяцы до возможной осады Тэминона, растрачивая человеческие силы и жизни на бесполезные осады фортов Бездны.

Конечно, в этом тоже была логика: чем больше владения расы в Арэшурате, им сложнее подступиться к Цитадели. Но не стоит списывать со счетов Дерадиконы, что могут просто-напросто облететь всю Бездну и атаковать Эфирный барьер Тэминона. Легионы, что находятся в крепостях, не успеют прийти на помощь. При нынешней обстановке более выгодным было как следует защитить Цитадель — так считал Даймон. А убедить Гелиона в его неправоте было пустой тратой времени — Даэвы это знали.

Арэшурат.

Из открывшегося несколько минут назад разлома вдруг вывалились двое элийцев и асмодианин. Они рухнули на твёрдую породу и стали потихоньку приходить в себя. Первым поднялся на ноги зеленоглазый северянин. Он мельком глянул на закрывшийся яркой Эфирной вспышкой портал и, сощурившись, осмотрелся.

— Опять Бездна?! — раздосадованно рявкнул бессмертный.

Белатрисс подняла голову, и её глаза тут же потускнели, а лицо исказилось от неудовольствия тем пейзажем, что окружал девушку.

— Наверное, не тот поток выбрала... — пробормотала она, стараясь подобрать оправдание.

— Замечательно... — промышчал асмодианин и подбежал к Эви, бездыханно лежащей на земле посреди острова.

Мужчина склонился над ней, осторожно положил её голову себе на руку и стал ласково гладить по волосам, горьким от боли взглядом всматриваясь в холодное лицо.

Трисс поднялась, отряхнулась и подошла к краю небольшого островка, на котором оказались путники.

— Мы выше верхнего кольца, — из-за спины бросила она асмодианину. — Где-то между Ткисасом и Ра-Миреном. Слева — отражение Тёмного Облака.

— Я знаю... — оскалившись, прошипел мужчина. Его веки задрожали, а пальцы напряглись. Он сжал в кулак прядь светлых волос Эви и, скорчив лицо в подступающей злобе, зарычал. — Почему меня преследуют только смерти?.. — он провёл когтем по бледной щеке девушки и аккуратно положил её тело на землю. — Почему я не могу жить, как все Даэвы? — он вскочил и замер, нависая над элийкой и смотря в её равнодушное лицо, что больше никогда не улыбнётся ему, не скажет, что он зануда и не заплачет ему в плечо. — Почему я не смог её спасти?.. Зачем мне крылья и силы, если я не способен защитить ими тех, кто мне дорог?..

Белатрисс обернулась на асмодианина и с грустью посмотрела на его потерянный вид.

— Насколько эта девчонка тебе дорога?

— Это уже неважно... — прошептал он и покачал головой. — Но я воскрешу её...

— Что? — девушка округлила взгляд и подбежала к мужчине. — Ты не посмеешь! — она заглянула ему в глаза и прочитала в них решительность и абсолютную отстранённость от

того, что происходит вокруг.

— А кто меня остановит?.. — Даэв оскалился и сорвал с шеи блестящий в тусклом свете Ока Арэшурата кристалл.

— Нет-нет-нет, — Трисс попыталась выхватить цепочку у него из рук, но асмодианин не позволил. — Так нельзя! Люди не могут воскресать смертных!

— Твой муж почему-то любит нарушать это правило, — мужчина покосился на волшебницу, прочтя в её глазах непонимание. — Раза четыре видел на поле боя убитых лично мной легионеров, — он оскалился и отвернулся. — Что ж, у вас будет время это обсудить.

Белатрисс присела перед Даэвом и попыталась заглянуть ему в лицо. Он до сих пор сжимал в когтистой руке блестящий кристалл, тяжело дыша и глядя дрожащим, но нежным взглядом шею и плечи бездыханной элийки.

— Камень несёт в себе проклятие для любого смертного... — проговорила волшебница. — Не подвергай ему бедную девочку...

Асмодианин не шелохнулся.

— Ты поступишь, как эгоист. Сперва подумай о ней, о том, что её ждёт.

— Что её ждёт? — Даэв резко перевёл глаза на Белатрисс. — Не сможет стать бессмертной? Да плевать. Не получит благословение? Балаур с ним.

— Как и её дети... — промолвила она, жалостливо смотря в глаза мужчине. — Вплоть до седьмого колена.

— Это небольшая цена, — замотал головой асмодианин. — Если не воскрешу её, никаких детей вообще не будет.

Девушка вздохнула.

— В любом случае, ты не сможешь сам освободить силу камня, — продолжила она. — Кристалл же был у тебя во время её... смерти.

Даэв сжал кулаки и скорчил лицо, когда вновь услышал это слово.

— Да... — прорычал он. — У меня.

— Тогда камень не почувствовал её душу. И он не воскресит Эви просто так... Да и времени мало осталось...

— Нужен жрец... — монотонно промычал асмодианин и резко вскочил на ноги, повертев головой по сторонам. — Ткисас ближе. Летим.

Он повесил кристалл обратно на шею, согнул спину, напряг мышцы, затрясся, и за спиной вспышкой воздуха стали появляться чёрные перья. Спустя миг Даэв взмахнул ими пару раз, чтобы проверить, всё ли в порядке, затем осторожно взял Эви на руки, оттолкнулся от земли и взмыл вверх.

Белатрисс раскрыла рот от недоумения и воскликнула:

— Ты с ума сошёл! Ткисас — асмодианская крепость.

— У них должен быть хотя бы один жрец, — застыв в воздухе, ответил ей мужчина. — Ты мне поможешь.

— Я не стану тебе помогать, Териан, — волшебница решительно замотала головой.

В ушах бессмертного вдруг разлилось громким эхо это имя.

«Териан... Териан... Териан...» — зазвенело у него в голове. Мужчина сощурился и попытался прогнать любые мысли, связанные с той девой-балауром. Сейчас было вовсе не до копаний в себе. Он сморщил лицо и как ни в чём не бывало продолжил свой полёт.

Трисс молча наблюдала, как силуэт асмодианина удаляется от неё. Остаться одной на

острове она не пожелала — силы для открытия портала восстановятся ещё нескоро. Да и тем более ей было не всё равно, что этот серокожий собирается сделать с телом бедной девочки. Волшебница злобно хмыкнула вслед Даэву и, промычав:

— Ладно... — взмыла за ним в воздух.

Девушка вскоре догнала мужчину. Он даже не обернулся на неё, словно зная, что волшебница последует за ним.

Около получаса Даэвы молча летели в пустом бескрайнем пространстве Арэшурата. Остров, на котором они появились, давно исчез за туманной пеленой. Впереди сияло лишь раскалённое Око Бездны — маяк и источник тепла в этом забытом Айоном месте.

— Что от тебя хотели балауры? — Трисс первой нарушила тишину. Не от того, что ей было это интересно, а, скорее, от скуки.

— Я не знаю, — пробормотал асмодианин.

Девушка недоверчиво покосилась на него, но выпытывать силой не стала. Да и вряд ли она сможет заставить Даэва рассказать то, что он не хочет.

— Ого... — протянула элийка. — Смотри... На плато огни.

Мужчина отвлёкся от своих мыслей и устремил взгляд вперёд. Бессмертные как раз подлетали к краю огромного острова, на котором располагалась крепость Ткисас. Но вместо безжизненных камней и бродящих туда-сюда теней Даэв увидел сотни огоньков, мерцающих и медленно плывущих к форту асмодиан.

— Элийцы... — равнодушно произнёс воин. — Несколько легионов.

Он резко сменил курс, чтобы не приближаться к гарнизону врага. Чернокрылый бессмертный с элийкой в руках устремился вдоль кромки острова, дабы облететь противника и подобраться к крепости с тыла. Наверняка асмодиане уже знали, что к ним движется войско южан. Тем более элийские отряды не скрывались в тумане, а с факелами над головами дружно шагали к форту Ткисас — видимо, они не боялись сопротивления северян.

Белатрисс машинально последовала за асмодианином. Двое Даэвов полетели в сторону от элийцев, оставив их легионы далеко позади. Из вечного тумана, стоящего над центральной Бездной, стали виднеться очертания башен крепости. Сквозь серую пелену пробивались тусклые мимолётные вспышки где-то около земли. Асмодианин сразу понял, что это значит.

— Купола нет, — крикнул он Белатрисс. — Ткисас в осаде.

Девушка пригляделась: над крепостью действительно не мерцал Эфирный щит. Она подлетела к мужчине сбоку и спросила:

— Кто же его осаждает тогда?.. Не вижу очертаний.

— Элийцы, — нахмурился северянин. — Вон, гляди. Они уже пробили ворота.

Даэвы облетели форт в сотне метров от башен, и их взору открылась чудовищная, но до боли знакомая картина. Больше тысячи яростно орущих голов протискивались между распахнутыми створками ворот крепости. Защитники в чёрных доспехах тщетно пытались сдержать натиск — орда продвигалась всё глубже и глубже.

— Сзади идёт элийское подкрепление. Они атакуют с тыла, — напомнил асмодианин про те мерцающие огоньки около кромки острова. — Проклятие... Как не вовремя...

Он пролетел высоко над крепостью и, набрав скорость, стал удаляться от неё. Белатрисс крикнула ему вслед:

— Куда ты?

— Надо спрятать Эви, — бросил воин, на миг обернувшись.

— Что ты задумал?

— Украду асмодианского жреца.

Девушка вскинула брови от удивления. Она мысленно пыталась оценить возможный план действий своего спутника, но, как ей показалось, плана никакого не было, и бессмертный действовал по обстоятельствам.

Волшебница мельком глянула на поле сражения, но почему-то полетела вслед за асмодианином. Он подобрался к невысокой скале и приземлился за ней, чтобы не было видно крепости. Там была небольшая ложбинка — мужчина осторожно положил Эви у подножия скалы и дождался Белатрисс.

Элийская бессмертная приземлилась рядом и вопросительно посмотрела на северянина.

— Жди здесь, — сурово отрезал он и мгновенно взлетел над склоном, не дожидаясь реакции девушки.

— Эй! — только успела крикнуть ему она, но асмодианина и след простыл.

Трисс нахмурилась и, досадно вздохнув, осмотрелась. Здесь было вполне надёжное укрытие — заметила она. Каменные глыбы и косо торчащая прямо из земли скала отлично прятали это место от чужих глаз и крыльев. Следов всякой нежити тоже не было видно, значит, можно было вздохнуть спокойно.

Тем временем асмодианин уже подлетал к осаждаемому форту. Нужно было успеть найти жреца до того, как элийское подкрепление подойдёт с тыла. Мужчина сощурился и внимательно оценил обстановку.

«Светлые дошли до арсеналов. Наши долго не протянут, — заключил он мысленно. — Так, посмотрим, куда тащат раненых... — бессмертный присмотрелся. — Ага, к штабу. Вот туда-то мне и нужно...»

Даэв сложил крылья и, словно коршун, спикировал в тыл асмодианам. Без Эфирного купола крепость была беззащитной, поэтому в воздухе по-хозяйски парили элийские бессмертные и неспешно обстреливали защитников с луков и арбалетов, либо кидали в скопления северян огненные шары.

У Териана Лекаса не было с собой ни оружия, ни доспехов. Вся экипировка осталась в покоех Ариссы, оттого вступать с кем-то в бой было бессмысленным. Да и не за тем он сюда прилетел, чтобы помогать сородичам отстаивать свои рубежи.

Асмодианин сложил крылья штопором и, закружившись, ловко прошмыгнул сквозь облако элийских Даэвов. Погасив скорость у самой земли, он сбросил крылья прямо в воздухе и перекатом приземлился на корточки. Бессмертный оказался в самой гуще отступающей толпы. Со всех сторон доносились крики и возгласы, воины тащили на своих спинах раненых вглубь крепости — элийцы безжалостно добивали павших врагов, не давая шанса спастись. Видимо, это был приказ командования южан — пленных не брать и раненых не щадить.

Конечно, асмодиане заметили дружественного Даэва, появившегося из ниоткуда, но виду не подали — появился и появился. Териана удостоили только парой косых взглядов, да ему и не нужно было внимание. Бессмертный влился в толпу и, потихоньку пробираясь вглубь, попал на площадь перед штабом.

Здесь царила суматоха. Асмодиане наспех сооружали стены из ящиков и мешков — элийцы с минуту на минуту захватят второй арсенал, а значит, вход на площадь будет открыт. С воздуха постоянно прилетали стрелы и огненные шары, но лучники северян тоже

старались давать отпор. Они даже ранили нескольких вражеских Даэвов, пока отступали.

Териан Лекас грубо протиснулся через толпы экипированных бойцов и оказался около лестницы, ведущей в подземелье крепости. Вместе с колонной бойцов, несущих вниз раненых, мужчина спустился к штабу командования. В большом, освещаемом несколькими факелами помещении, был сооружён полевой госпиталь. Здесь на разложенных прямо по полу тряпках лежали изувеченные воины, а между ними бегали асмодиане в бежевых туниках, уже перепачканных чужой кровью. В зале не затихали стоны и мольбы о спасении. Айон не даст соврать: сердце даже самого чёрствого Даэва сожмётся и занует, если услышит эти жалобные звуки и увидит, что здесь творится. Попав сюда, равнодушным к чужой беде уже не останешься, а, выйдя, ещё долго будешь вспоминать ужасающую картину, которая будет являться перед глазами снова и снова.

Пусть многих было уже не спасти, но жрецы и лекари торопились помочь каждому: кому-то требовалась перевязка, у кого-то были раздроблена конечность, а кого-то вовсе приносили с колотой раной в горле, и жертва, захлёбываясь и дёргаясь от конвульсий, доживала свои последние секунды со своими боевыми собратьями.

Даэв встал в угол, чтобы не мешать проносить раненых, и рассматривал по очереди каждого из лекарей, ища среди них главного. Вскоре его ядовито-зелёные глаза наткнулись на пожилого мужчину в такой же мешковатой тунике, но с большим рубином на шее.

«Главный жрец Ткисаса», — догадался бессмертный и быстрым шагом направился к нему, обходя лежащих.

Священник поднял глаза и увидел перед собой нависшего над ним бессмертного, пылающим взглядом прожигающего его.

— Мне нужна Ваша помощь, — холодно проговорил гость.

— Ждите своей очереди, — жрец вновь опустил голову, склонившись над раненым воином, которого только что принесли товарищи. — У меня нет времени отвлекаться.

— Это была не просьба...

Священник даже сказать ничего не успел. Даэв резко схватил мужчину под пояс и перекинул его через плечо. Жрец вскрикнул от неожиданности, бессмертный крепче прижал его к себе и рванул к лестнице. Растолкав воинов, вдруг замеревших на ступенях, асмодианин быстро взобрался на поверхность, почти моментально оценил, в какую сторону двигаться, и побежал против толпы к более-менее свободному пространству.

Оказавшись на пятачке около башни, где, как ни странно, никого не было, воин перекинул жертву в руки, раскрыл крылья и взмыл в воздух. Священник не переставая орал:

— Поставьте меня на место! Живо! Эй!

Териан делал вид, что не слышал его. Он сконцентрировался на полёте, ведь вокруг было полно элийских Даэвов.

— Куда Вы меня тащите! Немедленно приземлитесь! Ай!

Асмодианин резко сделал бочку в воздухе, уклонившись от пущенной кем-то сзади стрелы. Териан обернулся и оскалился: за ним летели две белокрылые фигуры.

— Надо их сбросить... — машинально промолвил Даэв.

— Кого? — всё не переставал кричать жрец. — Несите меня обратно! Что происходит?

Териан почти долетел до кромки острова. Он постоянно оглядывался — преследователи не отставали и периодически пускали в него стрелы. Видимо, они очень хотели приписать себе ещё одну крылатую жертву.

Как только внизу исчезла земля, асмодианин резко сложил крылья и кинулся в

пропасть. Он надеялся, что элийцам надоест лететь за ним, и они уйдут с хвоста. Но враги оказались упрямыми и, тоже сложив крылья, помчались за чёрными перьями.

— Вот же надоедливые! — рыкнул Териан и, снова сделав бочку, вывернул крылья так, что на секунду оказался лицом к лицу с элийцами.

Перехватив священника в одну руку, второй он взмахнул и что-то громко рявкнул, а затем, быстро замахав крыльями, вновь набрал скорость. Пространство за асмодианином вдруг стало плотней и покрылось густым серым туманом. Преследователи невольно влетели в облако и растерялись — повсюду была мгла. Она с каждой секундой разрасталась, и элийцам понадобилось немало времени, чтобы выбраться из магической пелены.

Туман рассеялся, когда Териан был уже далеко. Он рванул в сторону, оставив охотников с носом, пока те тщетно пытались вырваться из полосы смога.

Асмодианин подлетел к скале, обогнул её и, громко взмахивая крыльями, приземлился у ложбинки, где, склонившись над телом, сидела элийская волшебница. Девушка поднялась, когда увидела рядом знакомую фигуру.

— Неужели ты и вправду это сделал? — удивлённо спросила она, глядя, как Териан грубо ставит на пол асмодианского мужчину в бежевой тунике жреца.

Даэв не ответил. Он подошёл к Трисс, присел над телом Эви и подозвал священника.

— Идите сюда.

Жрец неспешно приблизился к бессмертному и остановился за спиной. Его пугала фигура волшебницы, чьи глаза ярко светились голубым. Мужчина недоверчиво смотрел на неё и больше не сделал ни шага.

Белатрисс поняла это и вежливо отошла в сторону. Тогда жрец обошёл Териана и увидел лежащее на земле тело элийской девушки. Он непонимающе посмотрел на Даэва, но тот сделал жест, мол, присядь.

Священник опустился на колени и осторожно дотронулся рукой до шеи Эви.

— Она холодная и пульса нет, — сказал он. — Что Вы от меня хотите?

Понимание пришло, когда бессмертный снял с шеи цепочку с переливающимся в лучах Ока кристаллом.

— О, Маркутан... — промолвил священник, с грустью смотря на камень воскрешения.

— Вы воскресите её, — грозно сказал Териан.

Белатрисс окликнула Даэва. Он обернулся и увидел, что она отрицательно мотает головой.

— Не надо, Териан Лекас, — холодно протянула она. — Это ошибка.

Мужчина проигнорировал её и вновь обратился к жрецу:

— Я знаю, Вы можете это сделать.

— Я не стану воскресать смертную, тем более элийку! — он ответил резко, но в голосе его читались толики страха или опасения.

— Вы боитесь хрупкой девушки? — выражая нетерпение, спросил Даэв.

— Нет, не боюсь. Мне непонятно, зачем Вам нужно это.

Териан нахмурился. Говорить священнику правду он не хотел, но пришлось пересилить себя.

— Она мне... дорога.

— Вы же Даэв... — разочарованно промолвил жрец. — Как Вы мо...

— Нет времени на пустую болтовню! — резко оборвал его бессмертный. — Начинайте!

— Это против правил! — возразил мужчина. — Кем меня будут считать, если я сделаю

это? Я поклялся чтить обычаи и следовать канонам.

— Ради Айона... — Териан нахмурил брови и пронзительно посмотрел на священника.

Этот асмодианский жрец повидал на своём веку много бессмертных. Все они были похожи: безразличие и равнодушие, прямолинейность и принципиальность, отсутствие жалости и сострадания — вот что читал он в сердцах Даэвов. В манерах Териана Лекаса тоже присутствовали эти черты, но сквозь ледяную преграду хладнокровности пробивались какие-то лучики света — то, что мужчина никогда не замечал в тех, чья жизнь длится вечность. Почему-то это задело его. Священник нахмурился и приоткрыл от удивления рот. Он не верил в то, что говорит с бессмертным.

— Вы любите её?.. — тихо спросил храмовник.

Териан медленно и глубоко вздохнул, а затем утвердительно кивнул:

— Люблю... Она умерла из-за меня. Смерть её лежит на мне.

Даэв спрятал взгляд и уставился в землю. Священник очень удивился услышанному.

— Я, право сказать, не знаю, что и добавить, — жрец округлил взгляд и посмотрел на тело девушки. Черты её лица ему показались милыми, пускай она была и элийкой. — Она красивая... Мне очень жаль, но на всё воля Маркутана.

Териан Лекас сжал кулаки и напрягся. Времени оставалось совсем мало. Шансы на воскрешение были тем больше, чем меньше времени прошло с момента смерти. Наконец, Даэв буквально прошипел следующие слова:

— Вы когда-нибудь любили?.. Ответьте мне, Вы знаете, что значит терять любимого человека, когда до счастья остаётся совсем немного?

Мужчина растерялся и опустил голову. Бессмертный продолжал:

— Если да, то Вы должны меня понять. И плевать, что Айон отмерил мне вечность. Это не означает, что я не могу чувствовать, как обычные люди! Хотя раньше всё было как раз так... — он вдруг запнулся. — Но можно ли упрекать меня в равнодушии? Вам, смертным, живётся легко: у Вас есть выбор и нет обязанностей. Истинных обязанностей. Мы же волей Айона убиваем в себе человеческое для блага мира и людей. Для Вас. Но мы не бездушные создания, нет. Да, я полюбил элийскую девчонку — на мне лежит грех. Айон видит, не единственный. И я поклялся себе, что защищу её от всех бед...

Жрец замер и уставился на бессмертного, не сводя с него поражённый взгляд.

— Я давно понял, что мне нет места в этом мире. Но теперь моя проклятая душа нашла то, ради чего готова жить. Если я потеряю эту ниточку, я умру. Прямо сейчас два раза перережу себе горло и обращусь в стигму.

— Стойте... — вдруг промолвил храмовник. В его глазах читалось смятение. Он закрыл глаза и молча просидел так с полминуты. Потом резко открыл глаза, громко выдохнул и уверенно произнёс. — Давайте сюда камень.

Глаза Териана засияли ярче. Он с неким недоверием сощурился и сперва посмотрел на Белатрисс. Она, поняв, что жрец согласился на это безумство, закатила глаза и показательно отвернулась. Вдруг, увидев что-то перед собой, волшебница замерла и окликнула асмодианина:

— Териан?

Даэв будто не слышал её. Его сознание было словно в другом мире. Он внимательно посмотрел на жреца. В его взгляде бессмертный увидел уверенность. Териан Лекас мысленно улыбнулся и протянул руку, чтобы передать камень.

— Териан?! — громче произнесла элийка и взяла в руки сияющий орб, готовясь читать

заклинания. Она взмахнула руками и сказала что-то весьма знакомое. Асмодианский бессмертный успел только обернуться, услышав из-за спины деревянный свист.

В один миг все звуки пропали. Спину и грудь что-то очень больно кольнуло. Только через мгновение Даэв обнаружил, как по рубашке растекается красное пятно, а слева из груди торчит металлический наконечник метко пущенной стрелы.

Первое, что пришло Териану в голову, было:

«Пробито сердце... Не выжить... Брось камень... Брось камень... Бросай сейчас Бросай! — взгляд асмодианина упал на Эви. Мышцы его расслабились, перед глазами всё потемнело. — Почему... не сработало... чутьё?..»

Даэв упал набок, успев раскрыть ладонь, в которой сжимал камень воскрешения. Но цепочка зацепилась о коготь на пальце, и блестящий кристалл покатился обратно, вновь оказавшись у запястья Териана Лекаса. Спустя мгновение он почувствовал, как камень начал теплеть, касаясь его кожи. Последнее, что промелькнуло в его голове перед смертью, было разочарование. Сознание Даэва отключилось, и пробитое стрелой сердце остановилось.

Асмодианин уже не видел, что жрец в страхе вскочил с места и попятился назад, увидев перед собой четыре белых крыла. Не слышал, как Белатрисс произнесла заклинание сна, усыпив прямо на лету двоих своих братьев. Он также не видел, как прямо в тех элийцев летит пушечный снаряд, выпущенный из орудия подлетающего к крепости Дерадикона...

Священник округлил глаза, когда увидел приближающийся к ним металлический шар. Мужчина кинулся к Даэву, чтобы выхватить у него из руки камень воскрешения, но кристалл начал шипеть и плавиться, растекаясь по коже воина.

«Поздно... Слишком поздно...» — пронеслось в голове жреца. Он зажмурил глаза, ожидая удара, но каким-то чудом снаряд со свистом пронёсся мимо людей и попал в скалу, пробив её насквозь. По округе полетели булыжники и огромные каменюги. Белатрисс хотела схватить Эви и жреца, чтобы отнести их подальше, но падающая прямо на волшебницу груда камней помешала ей, и бессмертная резко взмыла в воздух, не успев больше никого спасти.

Асмодианский храмовник присел на корточки, зажмурился и прикрыл ладонями затылок. К счастью, по воле Айона ни один крупный камень не задел его. Когда вокруг всё затихло, мужчина осторожно открыл глаза и огляделся — удивительно, но все обломки упали в противоположную сторону. Тело элийской девушки, как и тело Даэва остались нетронутыми.

Жрец подбежал к бессмертному. Он лежал на боку, из груди торчала стрела. Мужчина посмотрел на его руку — камня в ней уже не было. Вместо этого к плечу по испачканной рубашке плыла едва заметная белая волна.

Вдруг в плечо священника вцепилась сзади чья-то рука и стала оттащить его от обломков.

— Ну же, уходим отсюда! — воскликнула Белатрисс, оттягивая асмодианина к краю острова. — Сейчас будет залп!

Понятно, что жрец не знал элийского, но он сообразил, что хотела донести до него бессмертная. Он не стал упрямиться и попятился назад, к пропасти.

Волшебница не прогадала: через несколько мгновений в воздухе раздался звук тяжёлого пушечного выстрела — Дерадикон сделал ещё один выстрел в сторону скалы. На этот раз снаряд ударил в землю в паре метров от резко проснувшихся от заклинания Трисс элийских Даэвов. Ядро вонзилось в породу, оставив глубокую яму и подняв высокий столб пыли.

Вдруг по земле пошли трещины — тонкая кромка парящего острова содрогнулась.

Белатрисс схватила асмодианского жреца за руку и подняла его в воздух. Под ногами земля затряслась и, словно кусочки паззла, стала проваливаться на дно Бездны. Двое элийских Даэвов успели раскрыть крылья и зависнуть над землёй. Быстро переглянувшись, они бросились в разные стороны, чтобы пушки дредноута балауров не настигли их разом.

Клочок земли, на котором лежали тела Териана Лекаса и Эви ан Грейв, тоже завибрировал и спустя несколько мгновений накренился. Каменная порода разламывалась на куски, был слышен низкий грохот булыжников с нижней стороны острова.

Тело элийской девушки безвольно перевернулось со спины на живот, потом ещё раз и ещё. Платформа кренилась всё сильнее, вскоре она вовсе провалится в пропасть вместе с целой кромкой острова. И вот тело Эви уже катилось вниз — через секунду под ногами исчезнет земля.

Труп Териана зацепился штаниной за острый выступ и буквально повис на нём. Сквозь громкий хруст камней было отчётливо слышно, как лезвие меча в груди мужчины разломилось пополам, половинки орудия неведомой силой выдавило из плоти, и они, брэнча, полетели вниз. Белая волна, текущая по коже Даэва, собралась около ран на спине и груди и стала буквально залечивать их — порезы, шипя и слегка подсвечиваясь, заросли на глазах. Вдруг на правой руке асмодианина шевельнулся палец, затем сразу четыре. Платформа накренилась почти вертикально, тело девушки проскользило до края и сорвалось в пропасть. Как только это произошло, Териан Лекас резко открыл глаза.

Он быстро и глубоко вздохнул, округлив от боли глаза. Последствия воскрешения всегда одинаковы, будь то кибелиск или магический кристалл. Мужчина почти сразу сообразил, где он находится и что сейчас случится. Даэв, суетливо царапая породу когтями, пытался зацепиться за платформу, но это было бессмысленно — он понял это уже через секунду. Асмодианин замотал головой по сторонам — он висел вниз головой на левой штанине, словно на крючке. Вдруг его взгляд устремился в пропасть — он увидел удаляющуюся от него знакомую фигуру, что безвольно падала на дно Арэшурата. Териан моментально вспомнил, что было перед его смертью, — цепочка событий в его голове собралась воедино, и Даэв немедля оттолкнулся правой ногой от платформы, с треском разорвав ткань, держащую его на весу.

Мужчина вытянул руки и ноги вдоль тела, устремив решительный хищный взгляд на Эви. Он бешено набирал скорость, контролируя туловищем и ногами направление полёта. Расстояние между ним и девушкой потихоньку сокращалось. В ушах свистел ветер. Сознание Даэва ещё не до конца пришло в себя после возрождения, но мысли были как никогда ясны. Догнав элийку, Териан прижал её к себе и рывком раскрыл огромные чёрные крылья. На такой скорости было опасно менять направление полёта: неокрепшие после смерти суставы могли не выдержать и разорваться в клочья — тогда парочку уже ничто не спасёт. Поэтому асмодианин медленно и осторожно наклонил крайние суставы крыльев вниз, потихоньку гася скорость. Кости спины захрустели, мужчина скорчился от напряжения. Его мышцы балансировали на грани: взять угол чуть больше — и крылья просто-напросто вырвет из спины.

Наконец, Даэв смог остановить падение и теперь летел с огромной скоростью, но горизонтально — можно сказать, опасность миновала. Бессмертный почувствовал себя спокойнее и посмотрел по сторонам — слева был небольшой одинокий остров. Мужчина вывернул крылья и направился туда.

С громким шумом приземлившись прямо посередине ровного островка, асмодианин

вскинул бровь от удивления — у края стоял тот самый жрец, которого Териан Лекас похитил чуть ранее.

— А Вы как здесь оказались? — всё ещё крепко держа тело элийки в руках, спросил Даэв.

— Меня принесла сюда светлая Перерождённая, — определённо стыдясь своих собственных слов, ответил жрец и подошёл к воину. — Мне очень жаль, что камня больше нет...

— У кого-то ещё из той крепости есть камень воскрешения? — Териан грозно посмотрел храмовнику в глаза.

— Дайте подумать... — мужчина почесал подбородок. — Да... У капитана гарнизона Ткисаса. Он смертен и, честно говоря, всегда носит при себе такую «страховку». Но Вы же не...

Даэв кивнул и аккуратно положил на землю тело элийки.

— Охраняйте, — отрезал бессмертный и снова резко взмыл в воздух.

Священник не успел ничего сказать, как Териан Лекас уже был высоко в небе, направляясь обратно к крепости. Даэв искал в округе силуэт знакомой элийской волшебницы, но Белатрисс и след простыл. Тогда асмодианин замахал крыльями быстрее и устремился прямо к осаждаемому форту.

В воздухе мужчина разорвал на себе перепачканную собственной кровью рубаху и выбросил её в пропасть, оставшись с голым торсом. На груди не было ни единого намёка на колотую рану — магия кристалла не оставила даже маленького шрама на его коже.

Даэв взлетел чуть выше и стал зрительно оценивать ситуацию в крепости. А прогноз для людей был неутешительным: Дерадикон балауров уже сбросил многочисленный десант, и толпы ящеров врассыпную бежали к воротам. Сам корабль драканов успел опустошить свой боекомплект и теперь развернулся и направился назад на базу, местонахождение которой, увы, никто не знал.

С тыла уже подошло элийское подкрепление и теперь осаждало противоположные ворота Ткисаса. Вдруг балауры поступили довольно неожиданно: их орда разделилась на две части — одна стала оббегать крепость, параллельно ведя бой только с южанами, вторая половина пробивалась через первые ворота, уже оккупированные элийцами, и начала оттеснять их внутрь, быстро пробираясь вглубь крепости.

Териан Лекас спикировал в центр форта. Он заметил, как элийские захватчики, отныне окружённые с обеих сторон асмодианами и драканами, стали разворачиваться и обращать оружие против ящеров. Надо сказать, асмодиане тоже верно расставили приоритеты и, игнорируя элийцев, вступили в бой с балаурами.

«Разумное решение...» — заключил Териан. Видимо, командование обеих рас было опытным, посему в этой битве на три стороны поступило весьма грамотно: прежде всего нужно было разобраться с ящерами — их орда намного опаснее легионов южан.

И, надо сказать, это было так: трёхметровые балауры просто-напросто растаптывали ряды элийцев, не успевших переключиться на внезапно появившегося врага. Драконы продвигались очень быстро. Они дошли до арсеналов за несколько минут.

Териан Лекас опустился на землю и сбросил крылья. У двух погибших асмодиан, лежащих неподалёку, он взял по мечу и снова побежал к штабу. Но рыскать по подземельям в поисках капитана не пришлось — офицеры асмодиан строем шагали по площади, двигаясь в авангард. Среди них Даэв узнал мужчину в синих доспехах.

«Генерал...» — догадался бессмертный.

Териан не стал нападать на него, тем более говорить с ним. Он просто последовал за командованием асмодиан, ожидая лучшего момента. Офицеры подошли ко второму складу с оружием и выстроились рядом с остальными legionерами. Надо сказать, появление генерала сильно приободрило защитников, и они, издавая громкие кличи, с новыми силами бросились в схватку.

Здесь смешались все: элийцы и асмодиане дрались с балаурами, те, в свою очередь, бились с войсками людей. Териан тоже вступил в бой. Он ловко уворачивался от дубинок и мечей ящеров, нанося, в основном, контратакующие удары, при этом боковым зрением наблюдая за капитаном гарнизона. На счету Даэва было уже несколько драканов и с десятков драконоидов. Наконец, орда балауров остановилась и началась полноценная битва.

Офицеры асмодиан, даже будучи смертными, сражались намного лучше рядовых legionеров, поэтому ожидать от них оплошности, чтобы выхватить камень, можно было долго. Вдруг Териан увидел, как в нескольких метрах от него от удара дубинкой упал на землю капитан. Даэв пируэтом переместился ближе к нему. Но генерал успел уклониться от ещё одного выпада дракана и подняться на ноги, вновь вступив в схватку. Бессмертный сморщился от досады, но вдруг увидел сзади на шее капитана цепочку от кристалла.

«Не соврал...» — пронеслось в голове асмодианина.

Он подобрался к мужчине со спины и, как только тот нанёс смертельную рану балауру, сделал подсечку и ловко сорвал цепь с шеи генерала. Воин упал и забегал глазами по округе, но так и не разглядел, кто это сделал — силуэт Териана скрылся за другими legionерами.

«Можно возвращаться...» — сказал себе он, надев блестящий камень на шею, и собирался было отступить к штабу и раскрыть крылья, но сильный удар в бок сбил его с ног.

Териан быстро среагировал — это был драконоид. Асмодианин рывком поднялся, левым мечом парировал следующую атаку балаура, развернулся и с размаху ударил правым клинком по груди врага. Из раны хлестнула обжигающе горячая зелёная кровь. Существо зашипело и, кряхтя, осело на землю. Даэв оскалился вслед и рубанул мечом по шее — голова ящера покатилась в сторону, а из тела фонтаном излилась зелёная жидкость.

Следующей жертвой Териана стал настоящий дракан. Балаур увидел асмодианина без брони и пожелал с лёгкостью расправиться с ним. Но не тут-то было. Даэв перекатом уклонился от сильного удара дубинкой, и оружие попало в землю. Териан прошмыгнул между ног ящера, вскочил и, замахнувшись, вонзил оба меча в спину дракана. Противник взвыл, уронил дубину и схватился за спину. Тогда асмодианин вынул свои клинки из плоти балаура, оббежал его, оттолкнулся от земли и, выполнив пируэт в воздухе, штопором перерезал врагу глотку. Существо с грохотом свалилось на землю и забилось в предсмертных конвульсиях. Териан же бросил на него презрительный взгляд и побежал дальше.

Запрыгнув на ящики около штаба, он раскрыл крылья и взлетел вверх — делать здесь больше было нечего. Мужчина набрал высоту, проверил, на месте ли камень, и полетел к тому острову, даже не оглядываясь. За пару минут он добрался до клочка земли, висящего в воздухе, и, сорвав крылья ещё в полёте, перекатом приземлился на островок.

Около тела элийки, как и думал бессмертный, сложа руки на груди, сидел жрец и ждал возвращения Даэва.

— Я вернулся... — отрезал воин и подошёл к девушке.

— Вы принесли камень? — спросил священник.

Териан молча сорвал с шеи цепь и положил кристалл в руку жрецу.

— Ладно... — вздохнул храмовник. — Да простит меня Маркутан...

Даэв сделал шаг в сторону и стал внимательно наблюдать за действиями мужчины. Жрец присел на колени перед телом, повесил цепочку на шею Эви и, сложив ладони, заговорил:

— Свет Айона... Да благоволит судьба благословенным... Ибо не сыщут они конца... Ибо конец — впредь начало...

Магический камень начал светиться и пульсировать голубоватыми лучами. Заклинание длилось довольно долго: священник его произносил около пяти минут.

— ...Да озарит твой путь Свет Айона! — мужчина закончил, и кристалл начал быстро плавиться на шее элийки. словно обратившись в воду, он стал растекаться по телу девушки, проникая в её кожу и переходя в белую волну, распространяющуюся где-то внутри.

Когда беловатое свечение озарило собой всё тело Эви, лучи начали тускнеть, пока и вовсе не исчезли. Териан подошёл ближе и склонился над девушкой. Но реакции не было — она до сих пор лежала на земле бездыханной.

— Что дальше? — спросил он жреца.

— Терпение... — проговорил мужчина.

— Но ничего не происходит!

Даэв начал волноваться. Он прислонил руку к шее элийки, но пульса всё равно не было.

— Должно было помочь... — промычал священник. — Я всё сделал правильно. Может, асмодианская магия не действует на элийцев?..

Териан Лекас приподнял голову Эви, положив её на свою руку.

— Ну же, очнись!.. — он потряс её за плечи, но всё было тщетно. — Мать балаурскую, очнись!

Глаза Даэва вновь запылали красным от гнева и обиды. Он уставился в лицо мёртвой девушки, пытаясь обнаружить в нём хоть малейшее движение.

— Мне очень жаль... — жрец поднялся на ноги и отошёл на несколько шагов назад. — Я сделал всё, что мог...

— Не может это всё так закончиться, не может! Эви, ну же!.. Очнись, пожалуйста! Умоляю! Я люблю тебя, слышишь? Очнись!

— Она обрела покой... — проговорил мужчина и тяжело вздохнул.

Териан осторожно положил девушку на землю и бросился на него.

— Замолчи! — Даэв схватил его за шкуру и потряс в воздухе. — Она не умерла! Не умерла!

Вдруг сзади донёсся тихий стон. Воин тут же бросил жреца и подбежал к элийке.

— Эви! Эви! — он снова положил её на руки.

Девушка тихо стонала, не открывая глаз. Она крутила головой из стороны в сторону и дёргала правой рукой.

— Слава Айону! — Даэв крепко прижал Эви к себе, уткнувшись носом в её светлые густые волосы.

Элийка медленно открыла глаза.

— Териан?.. — она повернула голову в сторону асмодианина, конечно же, узнав его.

— Эви! — мужчина отстранился и с искренней радостью в светящихся глазах взглянул на личико девушки. — Я уж думал, что потерял тебя... — он снова прижал её к себе, тяжело и быстро задышав.

Элийка осторожно положила руку на макушку Даэва и ласково погладила его по

волосам.

— Что со мной произошло?..

— Ничего... Ничего страшного. Всё позади... — прошептал воин, не собираясь отпускать девушку из своих объятий.

— Я умерла?..

Териан замер. Никто не видел, как он зажмурил глаза и оскалился, услышав это слово.

— Да... — асмодианин не смог соврать. — Но теперь всё будет хорошо.

— Териан, я... я люблю тебя... — вдруг вырвалось из уст девушки.

Кажется, она сама не поняла, что только что произнесла, а когда поняла, то её глаза налились ужасом и страхом. Резко вдохнув, Эви тут же вцепилась взглядом в холодные, но, как ей показалось сейчас, такие заботливые глаза асмодианского Даэва. Он смотрел ровно, не моргая, но вглядывался в её лицо так пристально и внимательно, будто стараясь запомнить каждую черту, каждый уголок, складывая их в закрома своей памяти.

Наконец, губы Териана Лекаса растянулись в светлой улыбке. Глаза засияли невероятно ярко и необычно, но добродушно и ласково. Он ещё крепче прижал элийку к себе, нежно опустив руки на её спину.

— И я люблю тебя, Эви... — отразилось гулким эхом в его голосе.

Эви зажмурилась и, закусив губу, уткнулась носом в плечо мужчины. Эти слова всколыхнули сознание, ей хотелось разрыдаться прямо здесь, и плевать, что совсем неподалёку шёл штурм крепости.

Териан осознал, что сказал о своих чувствах вслух. Он понял, что сделал выбор и на миг отстранился от своего прошлого. Мужчина отбросил мысли о той балаурше, ему не хотелось больше копаться в себе. Да и к чему были эти копания, если уже ничего не изменить? Чувства не спрячешь в карман, не уберёшь в шкаф до лучших времён. Они — отражение настоящего. А настоящее было таково.

О будущем же судить было опрометчиво. Слишком многое зависело не от Териана с Эви. Одно можно было сказать с уверенностью: ничего уже не будет, как прежде.

Кажется, из больших глаз девушки всё же потекли слёзы. Она нежно потёрлась щекой о шею Даэва и вдруг подняла взгляд, увидев недоумённо стоящую сзади фигуру. Девушка пригляделась и округлила глаза.

— О, Айон... Там асмодианин! — она крепче схватилась за плечи Териана и спрятала лицо.

Воин обернулся и задумчиво сощурился, обнаружив на себе пристальный взгляд жреца.

— Это друг... Он спас тебя.

Девушка удивлённо посмотрела сначала на Териана, потом на незнакомца. В глазах священника она не увидела злобы или ненависти. Эви не знала асмодианского, поэтому просто кивнула тому странному мужчине.

Храмовник кивнул в ответ и отвернулся. Ему была непривычна картина, в которой асмодианский бессмертный обнимается с элийской девчонкой.

— Разве смертных можно воскрешать?.. — в голове девушки вдруг возник этот вопрос. Она отстранилась от Даэва и удивлённо посмотрела ему в светящиеся ядовито-зелёные глаза.

Териан улыбнулся, но ничего не ответил. Он поднялся на ноги, помог встать Эви и сказал:

— Уходим отсюда.

Элийка кивнула и последовала за бессмертным.

— Благодарности можете оставить при себе, — отрезал жрец. — Мне абсолютно неинтересно, кто Вы и куда теперь отправитесь, но требую: доставьте меня к своим.

Даэв ухмыльнулся. Он взял под одну руку асмодианина, под другую — элийку, раскрыл крылья и рывком взлетел. Териан помчался к крепости. А куда ещё? Тем более нужно было найти Белатрисс, ведь кроме неё никто не согласится открыть разлом для южанки и северянина.

Воин даже не представлял, кто победит в осаде, но искренне надеялся, что не балауры. Ведь драканы частенько так поступают: сначала наблюдают со стороны за схваткой элийцев и асмодиан, а в конце битвы, когда обе стороны устают и истощаются, появляется Дерадикон, и ящеры забирают форт себе.

Подобравшись к большому острову, Териан Лекас удивился: крепость больше не озаряли взрывы, даже звуков схлёстывающихся орудий не было слышно.

«Неужели всё закончилось?...» — подумал он.

Асмодианин снизился. Вокруг крепости в несколько колец стояли элийские солдаты, направляя луки в сторону форта. Вдали виднелись убегающие толпы балауров. Это значило только одно: элийцы с асмодианами смогли отбить атаку Дерадикона. Наверное, впервые в истории. По крайней мере, Териан Лекас не знал подобных случаев.

«Элийское подкрепление сыграло роль... — решил воин. — Балаурам пришлось разделить, и при численном преимуществе людей ящеров смогли выбить из крепости...»

— Что происходит? Нас окружили? — спросил жрец.

— Определённо, — ответил Даэв. — Наверняка, элийцы хотят, чтобы мы сдались сами, но я уверен, что командование асмодиан не пойдёт на это.

— Лучше смерть! — воскликнул священник.

— Вот, — кивнул Териан. — То-то и оно...

Бессмертный завернул в сторону и приземлился в стороне от крепости.

— Стойте здесь, — сказал он и перешёл на элийский. — Эви, останься. Я скоро вернусь.

— Но куда ты?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ответа элийка не получила — Даэв уже улетел. Она обиженно нахмурилась, но вспомнила, что рядом асмодианин, и взяла себя в руки. Поговорить с представителем другой расы у неё, конечно же, не получится из-за незнания языка, поэтому девушка вздохнула и, сложив руки на груди, стала ждать возвращения бессмертного.

Териан Лекас пролетел высоко над крепостной стеной и приземлился на башню, оценивая обстановку. Удивительно, но на этот раз в него не полетела ни одна стрела со стороны элийцев, хотя они, определённо, заметили его силуэт. Асмодианин снова оценил обстановку. Она не сулила ничего хорошего, тем более на стороне южан было численное превосходство. Вдруг воин увидел, как к воротам шагают несколько фигур: он узнал две из них.

«Сакмис и Белатрисс...» — Даэв присел и взгляделся в силуэты двух девушек, шагающих впереди офицерской охраны. Позади них шло четверо солдат. По серым доспехам с красным узором можно было судить, что это легион Пепельных Облаков. Процессия остановилась около самых ворот. Лучники на башнях нацелились на гостей, но стрелять без команды никто не стал бы.

Териан увидел, как с внутренней стороны ворот навстречу элийцам идёт командование

асмодиан — тот же генерал в красном со своей свитой.

«Вряд ли они о чём-то договорятся...» — сообразил бессмертный и, недолго думая, спикировал прямо перед капитаном гарнизона Ткисаса.

Воины схватились за оружие, видя появившуюся из ниоткуда фигуру, но признав в ней своего, расслабились. Генерал удивился появлению чернокрылого Даэва, да ещё и без доспехов.

— Прошу, остановитесь, — сказал Териан, преградив дорогу асмодианам.

— Ты что здесь делаешь? — небрежно махнув головой, спросил генерал. Конечно, он узнал зеленоглазого Даэва. — Териан Лекас.

— Дайте мне поговорить с элийцами, и тогда, возможно, получится избежать кровопролития.

— Чего-чего? — засмеялся офицер сзади. — Тебе поговорить? Ты что, военачальник, капитан гарнизона, или у тебя есть бумага об особых правах?

Бессмертный смолчал и сощурился. Ничего из этого не подходило для него.

— Да ещё с голой грудью! — не унимался офицер. — Катись отсюда!

— Мы знаем, кто ты, — сказал генерал. — Ты — проклятый Даэв. Причём проклятый за весьма серьёзное преступление.

— Я не собираюсь оправдываться, — замотал головой Териан Лекас. — Но в данный момент мне под силу остановить осаду.

— И каким же образом? — спросил всё тот же офицер.

— Доверьтесь мне.

— С чего бы?

— Только я сомневался тогда в верности Слутгельмира и поднялся против него, — Даэв заговорил громче, скалясь и рыча. — В то время, как все плясали под его дудку. А прокляли меня, если вы помните, как раз за это. Так что моё слово сейчас вернее.

Офицеры переглянулись.

— ...Да, и пока что я всё ещё Даэв, Перерождённый. И хотите вы или нет, но вы обязаны считаться с моим мнением.

— Это бессмысленно.

— Дайте мне шанс. Я знаю, как уговорить элийцев отступить...

Наступила недолгая пауза.

— Смешно, но если ты так уверен, что у тебя получится убедить белолицых... то пойдёшь с нами, — недоверчиво кивнул генерал и бросил. — Только попробуй что-нибудь выкинуть, я убью тебя на месте! Идём.

Процессия подошла к элийцам и остановилась около них. Сакмис, легат Пепельных Облаков и командир наступления, удивилась видеть здесь Териана Лекаса, тем более в таком виде. Белатрисс же едва заметно, но ехидно улыбнулась.

— Сдавайтесь, — заговорила Сакмис на элийском. — Вы окружены.

— Ты знаешь, что это невозможно, — заговорил Териан.

Остальные недоумённо уставились на него, а воительница заискивающе хмыкнула и приподняла бровь.

— Оглянись вокруг, — продолжил асмодианин. — Посчитай, сколько здесь трупов. Ты хочешь ещё?

— Я не узнаю тебя, — Сакмис криво улыбнулась и окинула взглядом мужчину. — Я помню того Териана Лекаса, что сотнями рубил моих солдат в Бездне, а теперь он говорит о

пощаде и просит отступить? Струсил, понимая своё поражение? А ты не обратил внимания на то, что мы не оставляли раненых и не брали пленных? Ничего не говорит?

— Плевать, — оскалился Даэв. — Впервые за столько лет войны мы общими силами смогли отбить удар Дерадикона. Хватит крови на сегодня. И твои, и мои воины устали. Дай им передохнуть.

— Дам, когда твои аканы сдадутся. На этот раз обещаю, что даже пощажу их.

— Как это мило с твоей стороны... — Териан презрительно сощурился.

Белатрисс молчала. Она понимала, что вряд ли сможет уговорить Сакмис отступить. А вот потерять уважение перед ней было легче лёгкого.

Вдруг в нескольких метрах от переговорщиков открылся разлом, и из него буквально вывалился мужчина в угольных доспехах. Он медленно поднялся, отряхнулся, выругался, плюнул в портал и, хромя, пошагал к Даэвам.

— Даймон? — Трисс спохватилась и подбежала к супругу, обняв его за плечи. — Как ты здесь оказался?

— Канеус, мать его... — буркнул воин, схватившись за повреждённое колено. — Я не знал, где ты, и... попросил этого... кретина... забросить меня поближе к вам. Задом чувал, что ты в Бездне... Прямо чувствовал, что на осаде... Опа, — он поднял глаза на остальных. — Какие люди... — Даймон подошёл к Сакмис и спросил. — Ну и что здесь творится?

— Териан Лекас уговаривает меня отступить, — почти смеясь, ответила девушка. — Прикрывается Дерадиконом и потерями с обеих сторон.

Даймон огляделся. Вокруг было полно трупов ящеров. Мужчина сразу сообразил, что здесь произошло.

— Вы отбили атаку Дерадикона? — спросил он воительницу.

— Да, — опередил её Териан Лекас. — И полагаю, что это серьёзный успех.

Асмодианин пылающим взглядом вцепился в Даймона. Элиец вмиг понял, на что он намекает. Белокрылый бессмертный хмыкнул и задумался. Спустя полминуты он нахмурился и, сменив тон на серьёзный, промолвил:

— От имени Гелиона, военачальника Арэшурата, как командующий элийской армией я велю всем войскам отступить.

— Что?! — воскликнула Сакмис, не веря своим ушам. — Ты в своём уме?

— Это приказ старшего по званию, — сурово ответил он. — Уводи легионы. Живо!

— Чей приказ? Гелион никогда бы так не сказал!

— Его здесь нет, и я получил полномочия на командование осадой от него лично, — на повышенном тоне прорычал Даймон. — А теперь приказываю разворачиваться и идти домой. Корабли прилетят через несколько часов.

— Не может быть, — усмехнулась Сакмис и замотала головой. — Ты сбрендил.

— Выполнять, я сказал!

Девушка замолчала и скорчила презрительную гримасу. Она гордо развернулась и пошла к войскам. Охрана из её легионеров последовала за ней. Белатрисс не до конца понимала, что задумал её супруг, но перечить не стала — у него действительно были самые высокие полномочия.

Териан Лекас благодарственно кивнул Даймону и обратился к генералу асмодиан:

— Осады не будет. Всё кончено.

Капитан гарнизона сначала не поверил, но, видя, как элийские легионы разворачиваются и отходят от крепости, удивился и с уважением посмотрел на

бессмертного.

— Не ожидал, не ожидал... — протянул он и велел своим ступать обратно в форт. — Что ж... Пусть Асфель укажет тебе путь, Териан Лекас.

Генерал отсалютовал, и асмодианское командование тоже скрылось за стенами Ткисаса. Около разрушенных ворот остались только трое Даэвов.

— Надеюсь, я не зря это сделал? — покосившись на северянина, спросил Даймон.

— Не зря, — кивнул он. — Уверен, балауры не ожидали, что их план по захвату Ткисаса не удастся...

— Что ты задумал? — спросила Трисс. — И где Эви?

— Эви? Опять эта несносная девчонка? — удивлённо спросил Даймон. — Ах да, Канеус мне всё рассказал: вас троих засосал портал...

— Эви жива и здорова, а по поводу дальнейших действий... у меня появился план, — асмодианин исподлобья посмотрел на Око Арэшурата.

— И какой же? — спросил элиец. — Точнее, не так. Он выполним?

— Нет ничего невозможного. Сегодняшняя битва показала, что элийцы и асмодиане вместе могут противостоять балаурам...

— Не может быть... — нахмурилась Трисс. — Ты серьёзно? То, что ты задумал, лишено всякой логики и смысла.

— Возможно, но при нынешних обстоятельствах это единственный шанс что-то изменить.

— И давно ты употребляешь психотропные вещества?.. — скорчив гримасу, спросил мужчина. — Что произошло с тобой?

— Многое... — Териан сощурился и вновь посмотрел на собеседников. — Нам нужно кое-что обговорить. Но для начала перенесите меня в Фоэту. Я должен встретиться с Фаметесом...

— Ты же не шутишь сейчас? — на всякий случай спросила Трисс. — Хотя, я надеюсь, что шутишь...

— Я всё объясню... Только сначала мы полетим за Эви. Это недалеко.

— Эх-х... Я попал в это дерьмо по своей воле, — замотал головой Даймон. — Я сам виноват. И балаур меня попутал якшаться с тобой, Териан Лекас! Представляю, что сделает Гелион, когда узнает, что я отправил его войска домой... Но, как я понимаю, давать заднюю уже слишком поздно, так что... вещай.

Трое Даэвов раскрыли крылья и полетели прочь от крепости — туда, где воин оставил элийскую девушку и асмодианского жреца. Бессмертным нужно было много что обсудить...

===== Часть 5. Глава 11. =====

Комментарий к Часть 5. Глава 11.

Отредактировано.

На следующий день.

Элизиум.

Утро. Далёкое солнце засияло своими первыми лучами, с трудом пробившимися через край южной половины Атреи. Стражники у поста привратника делали утреннюю смену. Уставшие за ночь патрульные отправлялись в лагерь у Площади Святых, чтобы как следует выспаться перед новым ночным дежурством.

Вдруг открылся разлом. Свежая стража, как и всегда, привычно перегородила шеренгой проход в город, ожидая появление безумцев, решивших посетить небесную столицу в столь

ранний час. Но вышли оттуда не купцы, не почтальоны и не туристы. Через волшебный круг пространственных врат ловко переступали экипированные в начищенные доспехи воины. Одни за одним, они выстраивались в коробки пять на пять, держа в левой руке здоровенный щит в полный рост, а в правой — рукоять блестящего в солнечных лучах меча.

Стражники Элизиума взяли за оружие и приготовились к бою — появление воинов здесь явно не было санкционировано. Привратник столицы поспешил прочесть заклинание, что должно было закрыть разлом, но гости не позволили ему это сделать: они схватили его за руки, воткнули тряпку в рот и связали по рукам и ногам.

Восемь Орденцев набросились на обидчиков, но уже через считанные мгновения были оглушены или ранены слаженными действиями легионеров Гелиона.

Вот через разлом переступил и сам виновник происходящего. Военачальник Арэшурата важно обошёл своих людей и жестом руки велел им следовать за ним в город. Первые пять коробок по двадцать пять человек в каждой дружным строем направились к Площади Святых.

За гарнизоном Арэшурата из портала начали появляться воины в тёмных угольных доспехах — легионеры Щита Неджакана. Даймон, их лидер, прошёл последним и повёл свой отряд за войском Гелиона.

Аскалону уже донесли, что осада крепости Ткисас окончилась неудачно для элийцев, но он пока не знал причину поражения. Даймон велел своим легионерам молчать, а Сакмис не успела встретиться с Гелионом и рассказать ему о случившемся. Понятно, что рано или поздно военачальник узнает, что причиной всему стала выходка его командующего, но Даймону было нужно, чтобы это случилось после похода в Элизиум — Даэв должен был убедить Аскалона оставить желания о столичном троне.

Первое сопротивление легионы встретили у входа на площадь. Отовсюду начали выбегать стражники и бросаться на гостей, но численное преимущество было на стороне гарнизона Бездны, оттого, даже не нарушая строя, воины Гелиона с лёгкостью расправились с патрулём. Старались они никого не убивать — всё же это были не враги, а их братья и сёстры, пускай находящиеся по другую сторону баррикад. Тревожного сигнала в этой части города не было — да и кто додумается напасть на небесную столицу.

Воины свернули к Святилищу. Нужно было убедиться, что в данный момент не идёт никакая церемония. А то мало ли, вдруг Раверинтос решил-таки украсить свою голову короной правителя Элизиума.

У входа в храм дежурило ещё несколько стражей. Только заметив громко шагающие к ним отряды, они перегородили собой путь, но вскоре тоже оказались распластанными по земле, мыча что-то и держась руками за голову.

По команде Гелиона легионеры обступили ворота в Святилище. Внутрь же вошли только Даймон и сам военачальник — незачем лишний раз нарушать гармонию святого места. Залы храма пустовали, только два жреца совершали утренний молебен у алтаря. Воины не стали их беспокоить и молча покинули храм.

— Раверинтоса здесь нет. Надо двигаться дальше, — как всегда сурово проговорил Гелион и велел легионам разворачиваться и шагать в направлении Porta Странников.

Оба отряда преодолели южную часть города и вышли к мостам, ведущим на северный остров. Там легионы Гелиона и Даймона разделились, выбрав для переправы два разных моста — так было надёжнее.

Надо сказать, весть о беде распространяется быстро. Только воины ступили на камень

переправы между островами, с противоположной стороны начали выстраиваться колонны стражников, чтобы встретить незваных гостей.

Легаты поняли, что схватки не избежать.

— Ну что ж... Быть по сему... — пробормотал Гелион, видя собирающийся перед ним строй, и выкрикнул своим солдатам. — Вперёд!

Стражи Тэминона издали дружный боевой клич и побежали на врага. Сам Аскалон возглавлял рывок и бежал впереди всех.

Даймон услышал вопль на соседнем мосту и нахмурился. Строй Миразентов перед ним недолго раздумывая, залился воплем и побежал в атаку.

Так вынужден был поступить и командующий. Издав громкое: «В бой!», он вытащил из-за спины алебарду и, держа её в одной руке, ринулся на противника.

Орудия схлестнулись, лязг мечей и доспехов звонким эхом отразился от стен дворцов и храмов Элизиума, угасая в бездонной пропасти между частями небесного города.

Натиск воинов Бездны был сильнее, да и гарнизон их намного превосходил стражников столицы по количеству. Вскоре защитников города оттеснили за набережную. Гелиону и Даймону лишь оставалось окружить Орденцев с двух сторон, не давая им шанса вырваться из кольца.

Пускай ряды стражников редели с каждой минутой, проливалась кровь, но они бились до последнего. Миразенты были преданы Элизиуму до последнего — такая храбрость была достойна уважения.

Орденцы так и не сдались. Битва продолжалась до тех пор, пока последний из защитников не пал раненым. Но даже тогда особо отчаянные поднимались на ноги и с истошным криком бросались на обидчиков. Гелион приказал своим не убивать этих храбрых воинов, а подарить им жизнь. И дело было вовсе не в белой коже, а именно в самоотверженных сердцах стражников Элизиума.

Когда сопротивление было подавлено, гарнизон Бездны снова разделился пополам и направился к дворцу с двух сторон. Улицы и площади верхнего города пустовали. Было отчётливо видно запустение. Лавки закрылись, верфь опустела, и здесь было не встретить ни одного человека. Город словно умер, обратил время вспять и застыл в вечном спокойствии. Тишину нарушали только удары железных сапог о цветную каменную плитку.

Легионы обошли Храм Мастерства и встретились у главного входа. Стражи у ворот не было. Либо она вся вступила в бой на мосту, либо поджидала гостей где-то внутри. Даэвы вышли вперёд, кивнули друг другу и дружно шагнули в величественный холл дворца, что по своему размеру можно было смело назвать городом в городе.

Как ни странно, в зале тоже было пусто. Гелион обернулся и взмахом руки велел воинам следовать за ними. Удивительно, но волшебный Эфирный лифт в центре Храма Мастерства работал; Даэвы впихнули на круглую платформу несколько десятков легионеров, приказав остальным ждать внизу, и вместе с избранными стали подниматься на верхний ярус — в Храм Стражников.

Мелькали этажи за этажами. Было совершенно неясно, как умельцы заставили ездить вверх-вниз огромную каменную плиту, но, как говорится, на Атрее встречались и не такие чудеса.

Платформа плавно остановилась, и воины ступили на ковры дворца правителей. Гелион презрительно осмотрелся, но здесь тоже было пусто. Тихий шорох доносился только из приёмного зала. Военачальник велел своим тихо шагать за ним к дверям, а сам вытащил меч

и пошёл первым. Мужчина приблизился к тяжёлым створкам и прислушался — внутри точно кто-то был.

— Насчёт три! — крикнул Аскалон и приготовился выбивать двери. — Раз! Два! Давай!

Одним сильным рывком замок поддался, и створки распахнулись. В зале на троне правителя сидел Раверинтос, а вокруг него в боевых стойках стояло с два десятка офицеров Ордена — защищали магистра.

Гелион сделал большой шаг и вошёл в помещение. Он остановился, косясь на злобные лица стражников. Странно, но в глазах Раверинтоса Даэв не увидел ненависти. Только недоумение.

Военачальник заговорил первым:

— За предательство Элиоса и преступления против народа ты приговорён к смерти, Раверинтос.

Голос Гелиона напоминал больше рык, но на его ледяном лице это вовсе не отражалось.

— О чём ты говоришь? — магистр облокотился о подлокотник и заговорил отстранённо, словно его это не касалось. — Ты не судья, и доказательств у тебя нет.

— Это не проблема, — злобно ухмыльнулся Гелион. — Гарнизон! Обыскать комнату магистра!

В зал друг за дружкой вошли несколько человек и вдоль стены направились в покои Раверинтоса. Они были, естественно, заперты, но воины с лёгкостью выбили дверь и вошли внутрь. Странно, но люди, защищающие главу Ордена, даже не шелохнулись. Их задачей было во что бы то ни стало защитить всего лидера, поэтому они прижались к трону плотнее и выставили клинки над головами.

Спустя несколько минут молчания, нарушающееся только тяжёлым дыханием врагов, к Гелиону подбежал его легионер и доложил:

— В комнате чисто. В камине мы обнаружили сгоревшие клочки бумаги — разобрать ничего нельзя.

Даэв поднял уголки сжатых губ, встретив ехидную улыбку и в глазах Раверинтоса. Они смотрели друг другу в глаза всё это время, даже не моргая, словно общались без слов.

— Вот видишь, — вздохнул магистр. — У тебя ничего нет. Так что проваливай отсюда, пока сам не схлопотал.

Вдруг в зал вбежал и Даймон. Он встал рядом с Гелионом и громко сказал:

— Ты отравил Фаметеса, мерзавец... Законного правителя Элиоса!

— А ты докажи... — вновь кривая ухмылка на лице Раверинтоса.

— Господин военачальник! — послышалось из покоев магистра. — Мы нашли какие-то пустые колбочки. Запах такой едкий...

Взгляд главы Ордена округлился, словно он привидение перед собой увидел. Он приподнялся на троне, но, заметив недоумённое лицо Гелиона, сел обратно.

— А вот и попался... — улыбнулся капитан гарнизона Арэшурата. — Не успел избавиться от всех улик, бедняга? Ничего страшного. Уверен, что там найдут тот же яд, что был в крови Фаметеса. Кстати, — он обратился к Даймону. — Где он?

— В безопасном месте, — тихо проговорил Даэв и замолчал.

— Ты не понимаешь, — прошипел Раверинтос, схватившись за лоб. — Тебе не дано это понять...

— Что понять? — выкрикнул воин. — Что ты убийца, который захотел престола?

Магистр понял, что теперь Гелион не уйдет. Он надеялся на преданность своих людей,

но даже если они отобьются, что дальше? Аскалон — Даэв, он будет возвращаться ещё и ещё. Уже ни к чему было всё скрывать. Пасовать поздно, если на кону миллионы жизней, а на стол выложили пятую карту.

— Нет, Гелион... — Раверинтос устремил взор на мраморный пол и заговорил тихо и медленно, ведь теперь некуда было торопиться... — Меня интересует другое. Чего ты добиваешься этим своим рвением? Возвысить Элиос? Ослабить Асмодею? Чушь... Всё это ни к чему не приведёт.

Военачальник склонил голову набок и, спрятав оружие, сложил руки на груди. Мужчина продолжил:

— Я не буду больше ничего скрывать. Считаю меня сумасшедшим или фанатиком, но не спеши судить, не зная моих мотивов.

— Ближе к делу, — грозно промолвил воин. — Мне надоели твои нюни.

— Мы живём чудесно: поля дают урожай круглый год, солнце озаряет своими лучами наши леса, а вода в озёрах чище Эфира. Но это ненадолго... Скоро сбудется пророчество... Два осколка Башни Вечности вытянут весь Эфир в Бездну, и наш мир погибнет... окончательно. Этого не избежать! От этого не скрыться! Момент сей — лишь вопрос времени. Гелион, ты так же глуп, как и все Даэвы, раз пытаешься изменить мир силой войны... Неужто за восемьсот лет вы ничему не научились? Пока жив хотя бы один народ на половине Атреи, пока их Башня не разрушена, планету не спасти. Мы все обречены!

— Да что ты говоришь? — замотал головой Гелион, выражая скуку и бессмысленность для себя этого разговора.

— Я хочу спасти Атрею! — Раверинтос приподнялся и получал кулаком по подлокотнику. — И раз объединить расы невозможно...

— Ты решил подставить одну для победы другой! — догадался Даймон и вышел вперёд. — Вот же балауров сын... Тысячи, миллионы жизней шиго под хвост? Забыл, чему тебя учили в детстве?

— Да к чему эти учения, если в их словах ложь? — воскликнул магистр. — Элиос, Асмодея — какая разница? Главное — спасти наш мир, а уж кем-то да придется пожертвовать.

— Мерзавец... — Гелион оголил оружие и собирался напасть на кучку Орденцев, но Даймон его остановил, мол, пусть закончит.

— Что лучше: погибнуть всем или только половине? Что лучше: отправить Атрею в небытие или дать ей шанс? Одумайтесь! — уже орал Раверинтос. — Мы уничтожим Башню на своей половине планеты и этим самым прекратим утечку Эфира в Бездну! Айон видит, Бездна исчезнет навсегда, словно её никогда и не было!

— Я никогда не предаю своих павших товарищей, не наплюю на их могилы и не сдамся... — промолвил Гелион. — Пускай Атрея погибнет, но мы примем её смерть с честью!

— К балауру честь, когда речь идёт о жизнях! Асмодиане ни за что не уничтожат свою половину Башни... Они глупы, как звери, и не видят очевидного! А нам нужен был всего один просвящённый — тот, кто понимает, что может произойти и что произойдёт рано или поздно. Жертва будет благой: мы отблагодарим Айона за поля и леса этого рая и перенесёмся жить в Асмодею. Да, придётся нелегко, но мы выживем. Дадим начало новому миру без войн и балауров!

— Ты думаешь, асмодиане тебя примут у себя, как родного? — ухмыльнулся Даймон. —

Ты не представляешь, что значит вековая война!

— Я как раз представляю! — взгляд Раверинтоса налился кровью, а голос захрипел. — Но мы совершим жертву, и они поймут, что мы больше не враги, а друзья. Служители Вечности были бы рады... Повторяю, одумайтесь! Гелион, ты говоришь, что для тебя честь важнее жизни, но ты спросил о мнении обычных людей: крестьян, торговцев? Женщин, стариков? Готовы они поставить крест на своём будущем из-за твоих чувств и амбиций? Как ты им расскажешь о том, что все, в конце концов, умрут? Моя душа не безгрешна... И этим я искуплю все свои грехи... Да, я отравил Фаметеса. Да, я убил Фараниса. Но всё это ради благой цели. Я знаю, кто-то закончит то, что я начал. Мне жаль, что я подвёл Творца. И ради жизней будущих поколений я готов принять смерть...

Раверинтос вдруг выхватил из руки одного из защитников меч и пронзил его лезвием себе живот. Все опешили. Никто не ожидал такого исхода событий. Стражники магистра растерялись и через момент опустили оружие, расступившись. Кто-то подхватил мужчину под руки и усадил на пол. Гелион и Даймон тут же подбежали к нему. Лицо мужчины было напряжено, рот открыт, а глаза выпучены. Искажённая от боли мина верховного магистра смотрела на Гелиона, но в глазах Раверинтоса была уверенность в том, что он всё сделал правильно. Глава Ордена схватил Даэва за руку, затрясся, пытаясь захватить ртом воздух, но спустя секунду обмяк: глаза налились стеклом, а на лице воцарилось умиротворение. Он сделал последний выдох, и сердце мужчины остановилось.

Гелион велел всем отойти от тела Раверинтоса. Даймон встал сбоку и с грустью посмотрел на него.

— Он умер за то, во что верил. Да упокоит Айон его душу... — произнёс легат Щита Неджакана и медленно удалился из зала.

Больше всего были удивлены стражники магистра. Они готовились отдать жизнь за него, но тот решил поступить иначе — так, как никто не ожидал. Воины переглянулись и уставились на Гелиона.

— Вы проявили храбрость... Это достойно настоящих рыцарей... — тихо промолвил военачальник. — Уходите отсюда. Возвращайтесь к семьям.

Воины переглянулись и, судорожно оглядываясь, стали медленно выходить в холл. Зал начал потихоньку пустеть. Гелион вышел последним, оставив тело нетронутым. Даэв обнаружил Даймона на балконе холла. Мужчина всматривался вдаль и громко дышал.

Даймон заметил военачальника и заговорил, не поворачиваясь к нему:

— Что ж, не знаю, как Вы, но я не считаю Раверинтоса сумасшедшим. Его можно понять.

— Даже так? — удивился Гелион. — Хм-м. Надеюсь, ты не повторишь его ошибки и не пойдёшь против народа.

— Его ошибка была не в этом... Он действовал радикально, решил сделать всё сам. Но для человека повернуть такое нереально. Даже для Даэва это невозможно.

— Неужели ты его жалеешь?

— Совершенно нет, — покачал головой командующий. — Просто я считал, что его мотивы противоположны...

— В этом уже нет разницы. Он не встал на престол, это главное. Теперь можно спокойно взять бразды правления Элиосом на себя...

После этих слов Даймон резко округлил глаза и обернулся.

— Что? А как же Юклиас, Верховный жрец? — недоверчиво сощурился воин.

— Зачем нам лишние люди? — Гелион облокотился о перила и посмотрел по сторонам, с удовольствием вдыхая нынешний воздух. — Они все ненадёжны...

Даймон давно решил для себя, что делать в такой ситуации. Но рука не могла себе позволить вытащить меч из ножен военачальника и перерезать ему глотку. Даэвы ведь бессмертны... Но, пожалуй, только сейчас легат Щита Неджакана сообразил, насколько глуп этот поступок был бы сейчас. Гелион повлияет на других военачальников, и Даймона развоплотят за такую выходку. А заодно и Белатрисс... В голове Даэва быстро выстроился новый план, как не допустить Аскалона к короне. Но на это нужно было время...

— Что случилось? — Гелион заметил взволнованность командующего и нахмурился. — Тебе плохо?

— Всё отлично... — пробормотал Даймон. — Просто задумался...

— Кстати, я так и не спросил, где сейчас Фаметес.

— Он жив и находится далеко отсюда. Но я не буду убивать его, как и Вы... — он серьёзно посмотрел на капитана гарнизона.

— Хм-м, а зря, — усмехнулся тот. — Но без него проблем было бы куда меньше. Эх, ладно... — он оправился и потянулся. — Нужно сообщить радостную новость о том, что Элизиум освобождён. Идёшь?

Даймон кивнул и последовал за воином.

Дариус вернулся в Акариос совершенно потерянным. Ему не хотелось больше никого ни видеть, ни слышать. Вся жизнь перевернулась с ног на голову. По дороге он сотню раз обдумывал, как такое могло произойти. А потом ещё сотню раз. Юноша заехал во двор их с Эви нового дома, но молодой человек чувствовал, что отныне это был не его дом.

Дариус зашёл внутрь и принялся собирать вещи. Он на скорую руку написал письмо Даймону, в котором указал, что желает вернуться на службу в Бездну. Теперь ему нечего было терять.

Юноша собрал чемоданы, прицепил их к лошади и направился к главной площади, где передал письмо шиго-агенту гильдии «Тёмное Облако» — они-то точно его доставят, куда нужно. Тем более Даэвы постоянно пользуются их услугами.

После этого молодой офицер помчался к дому Даэвов — Дариус решил немедленно отправиться в Бездну. Он знал, что Даймона нет здесь, поэтому и передал письмо через шиго. Да к тому же не хотелось, чтоб другие Даэвы знали о его поступке — мало ли что.

В поместье бессмертных юноша обнаружил только Канеуса. Родт и Бронн были в городе, а про Белатрисс и Даймона заклинатель не сказал ни слова.

Даэв уже знал, зачем к нему явился молодой человек, и прямо с порога сказал:

— Нет!

— Я знаю, Вам под силу отправить меня в Бездну! Прошу, окажите мне эту услугу.

— Мальчик, от одного твоего шага зависит вся твоя будущая судьба, — отчего-то тон Канеуса, прежде молчаливого, был печальным. — Ты волен избрать её сам, но я бы посоветовал тебе подумать ещё раз.

— Я уже всё решил! — уверенно ответил юноша. — Моё место — в легионе, а не здесь.

— Что ж... — вздохнул заклинатель. — Пусть так. Но будь осторожен. Не поддавайся на сладкие речи своих врагов. В них лишь яд...

— Я знаю это, — теряя терпение, кивнул он. — Отправьте меня в Тэминон прямо сейчас, прошу!

— Хорошо...

Канеус не стал больше противиться. Да и ему, честно сказать, было всё равно.

Многие говорят, что порталы, созданные заклинателями, отличаются от порталов обычных магов. Да, это так. У разлома заклинателя нет окантовки. И открывается он всего на несколько мгновений. В воздухе появляется светящаяся вертикальная полоса, которая постепенно расширяется в стороны, буквально раздвигая пространство. Остаётся только прыгнуть внутрь. Так Дариус и поступил. Всего мгновение — и над головой вновь сияет Эфирный купол Цитадели и в лучах искусственного солнца переливается крыша дворца Тэминона.

Дариус решил дожидаться командующего здесь. В Цитадели воинам всегда рады. Особенно legionерам Щита Неджакана. Юноше выделили комнату во дворце на несколько суток — связи, в конце концов.

Оказавшись наедине, он лёг на просторную кровать и постарался уснуть. Но всякие мысли не давали ему покоя. Да и это понятно. На его месте каждый бы чувствовал себя последним идиотом. Он молча лежал на спине, уставившись в высокий потолок.

Спустя несколько часов усталость и отсутствие сна за последние двое суток всё же взяли своё. Воин задремал в том же положении, в каком находился всё это время.

Неизвестно, сколько воин проспал. Молодого человека разбудил нежный женский голос, что звал его из темноты:

— Дариус... Дариус?..

Юноша резко открыл глаза, поднялся на локти и оглядел комнату. Сквозь плотно занавешенные шторы не пробивался свет, оттого внутри было абсолютно темно. Дариусу показалось, что он сходит с ума, но всё-таки он окликнул:

— Кто здесь?

Вдруг из мрака донёсся скрип кресла. Юноша вскочил и взгляделся, но ничего не увидел. Тогда он на ощупь подошёл к окну и раздвинул шторы. В глаза ударил яркий свет, воин прищурился, обернулся и тут же обомлел. В кресле по-хозяйки сидела красивая девушка в воздушной белой тунике и поглаживала свои длинные светлые волосы. В ярких голубых глазах незнакомки Дариус увидел чёрную вертикальную полосу вместо привычного человеческого зрачка.

— Кто Вы и как сюда попали? — подходя к постели, спросил молодой человек.

Девушка ехидно улыбнулась, сверкнула глазами, закинула ногу на ногу и ответила:

— Называй меня «А»...

===== Часть 6. «Новое начало». Глава 1. =====

Комментарий к Часть 6. «Новое начало». Глава 1.

Отредактировано.

Послание военачальнику Пандемониума Видару.

Мы продвинулись ещё южнее, но сопротивление становится всё сильнее, а битвы — ожесточённые. Продовольствия не хватает. Настроение воинов ухудшается. Прошу обеспечить безопасность поставок провизии — отправленные обозы почему-то не доезжают до нас.

На восточной высоте постоянно слышим движение врага. Он стягивает туда резервы. Неизвестно, сколько ещё продержимся. С каждым днём я всё больше убеждаюсь, что в наших рядах орудуют диверсанты повстанцев.

Отчаянно надеюсь на скорейшее подкрепление.

С уважением.

Кенсаи, легат седьмого легиона Пандемониума.

Элизиум.

Даймон не слышал ничего, кроме звука собственных шагов. То ли дело в мраморе, коим был выложен пол Храма Стражников, то ли вокруг было необычайно тихо... Даэв решил, что второе.

Столица пустовала. Половина гарнизона стражи Элизиума была расформирована сразу после того, как Гелион ввёл сюда легионы. Воинов раскидали по гарнизонам Элтенена и Интердики — там срочно требовались свежие силы: за последние дни балауры стали чаще нападать на селения. Орден Миразента, как ни странно, не упразднили. Военачальник Арэшурата временно заморозил его деятельность под предлогом: «Пока не нашлось достойного кандидата на должность магистра».

Так как де-факто в небесном городе не было ни главнокомандующего, ни магистра Ордена, законная власть в Элизиуме отсутствовала, а, значит, и Элиосом в эти дни правил непонятно кто.

Гелион не стал явным образом намекать совету военачальников о своей кандидатуре на пост правителя, но каждому из них было очевидно, кто займёт вакантное место на троне небесной столицы Элиоса...

Пожалуй, нельзя было придумать худшего предлога для появления здесь командующего гарнизоном Бездны.

«Вы велели осадить крепость неприятеля, но, когда враг почти сдался, я решил развернуться и отступить. Под каким предлогом? Да просто плохой день был...» — непрестанно прокручивая эти фразы в голове, Даймон уверенно шагал к залу, растянув по лицу довольную, но равнодушную ухмылку. Почему у мужчины было приподнятое настроение несмотря ни на что? Балаур поймёт, что творится у Даэва внутри. Но отчего-то бессмертный совершенно не страшился слов и унижений со стороны Гелиона. Наверное, причиной тому послужил недавний разговор с Терианом Лекасом. А, может, Даэв понимал, что ему в любом случае не сдобровать, поэтому ему и было всё равно? Айон его знает...

Дверь в зал тихонько открылась, и внутрь важно шагнул Даймон. Он даже забыл постучать перед тем, как войти, но, кажется, ни Гелиона, ни его гостя это не смутило.

— Расефиэль, господин военачальник, — Даэв отдал честь и приблизился к трону, выровнявшись и сложив руки за спиной. В кресле правителя с грозной миной на лице сидел сам Аскалон. Рядом с Даймоном стоял знакомый мужчина: военачальник Интердики Ференто.

— Даймон, — Гелион сдержанно кивнул воину.

— Я зайду к Вам после полудня, — Ференто поклонился и, резко развернувшись на пятках, вальяжно направился к выходу.

Дверь громко хлопнула, и внутри вновь ненадолго установилась тишина.

— Тебе не удалось опередить Сакмис, — внимательно разглядывая ногти на своей руке, начал военачальник. — Я уже придумал с десятков оправданий, которые ты, возможно, сейчас будешь перечислять здесь. Но к чему они, верно? От моих криков тоже будет мало толку: вряд ли можно запугать бессмертного...

Даймон скрыто ухмыльнулся.

«Хорошее начало», — подумал он.

— Не в обиду будет сказано, но стратег из Сакмис никакой... — командующий показательно вздохнул и замотал головой.

— Да, но несмотря ни на что, она почти взяла крепость, — Гелион пристально посмотрел в глаза мужчине. Даймону стало это неприятно, и он отвёл взгляд в сторону. — Пока ты не увёл легионы от ворот. Безо всякой лжи скажи мне: ты что, собираешься совершить курорт в Эфирный поток? Только с билетом в один конец. Других адекватных причин мне не пришло в голову.

Даймон нахмурился. Он чувствовал, что Гелион еле сдерживается и вот-вот взорвётся. Нетерпимый к неподчинению и глупостям, военачальник легко теряет рассудок, когда его что-то не устраивает.

— Я решил побереечь людей, — монотонно промолвил командующий. — После встречи с Дерадиконом нам пришлось несладко. Сложив плюсы и минусы, я отказался от дальнейшей атаки.

Аскалон ударил ладонью по каменному подлокотнику и закрыл рукой глаза.

— Айон, какая глупость... — едва слышно прошептал он и буквально заорал следом. — Да как можно отступить, когда вся крепость уже захвачена?! Арсеналы были наши, мы дошли до штаба! До штаба, отродье ты балаурское! Каким кретином надо быть, чтобы не довести дело до конца, будучи в численном преимуществе?! Асмодиане там пальцем не повертели около виска, когда увидели, что ты творишь, полено безмозглое?

Даймон даже не шелохнулся. Он молча выслушал крики военачальника и как ни в чём не бывало ответил ему спокойным, непринуждёнными тоном:

— Нет, они, как и мы, устали от долгого сражения. Дредноут был в полном боекомплекте...

— О, ну так обнял бы своих асмодианских друзей, пожалел бы, поплакался в плечо, — перебил его Гелион. — Мне до балаура, устали они или нет; ты должен был захватить крепость! Я дал Сакмис чёткий приказ: никому пощады не давать. Какого ящера ты вообще туда припёрся? Твоим легионом руководила лично она.

— Не мог устоять, знаете ли, — саркастически ухмыльнулся Даймон, чем ещё сильнее разозлил военачальника. — Драки притягивают Даэвов, как магнит.

— Молчать! — Гелион снова ударил ладонью по подлокотнику. — Есть глупости, которые можно простить... — мужчина стиснул зубы и начал буквально шипеть. — А есть то, что простить нельзя... Я потерял больше четырёх сотен бойцов! И не просто бойцов, а опытных легионеров и центурионов лучших легионов Элиоса! И всё зря, Даймон? Ни крепость не взяли, ни зверей серозадых не перебили, ничего!

— Отбили атаку Дерадикона с боекомплектом, — низким голосом проговорил командующий. — Общими силами. Это намного важнее.

— А какая мне выгода с этого? Может, пойти похвастаться этим великим достижением перед родственниками погибших? Они уж точно оценят...

Даймон опустил взгляд. Он знал, что все аргументы рассыпаются в прах перед очевидной бесполезностью его поступка. Но план Териана Лекаса заинтересовал Даэва, и, как бы цинично это звучало, его выполнение могло стоить сотен человеческих жизней. Даже тысяч. Хотя шансы на успех были малы, Даймон хотел сделать всё, что от него зависело. И выслушать поток ругательств из уст Гелиона было первым испытанием.

— Что же Вы сделаете? — проглотив все предыдущие слова, спросил командующий.

Гелион хмыкнул. Он молча подумал несколько секунд, и, вернув ледяное лицо,

промолвил:

— Если меня окружают люди, которые не разделяют моих взглядов, значит, я плохой полководец. Если я не смог добиться цели, при этом потратив средства, значит, я плохой стратег. Если я не смог заставить меня уважать, значит, я плохой правитель. Если я оставляю это без внимания, значит, я плохой человек... — Аскалон напряг скулы и сощурился. — Отныне ты снова офицер пятого ранга. И да, Даймон, — добавил он. — Щит Неджакан больше не твой легион.

Даймон был шокирован последними словами лидера. Он ожидал, что потеряет уважаемое звание командующего. Да, честно говоря, ему было на это плевать. Но лишение легатства очень задело мужчину.

— Прошу прощения, но каким образом мой поступок соотносится с руководством легионом?

— Самым прямым. Главой лучшего легиона Арэшурата должен быть человек, который верен мне и моим приказам. А приказы ты не выполняешь. Своеволие я не выношу, поэтому катись прочь отсюда, пока я не велел развоплотить тебя к балауровой матери.

Даймону сказать было больше нечего. Да и что тут скажешь, если слова военачальника были ясны, как день? Мужчина сделал кивок и молча пошагал к дверям зала, громко стуча начищенными металлическими сапогами. Захлопнув за собой дверь, воин замер в коридоре, сжал кулаки и уставился в пол.

Для Даэва легатство было смыслом снова и снова бросаться в кровопролитные битвы. Он чувствовал ответственность за своих легионеров. Мужчина знал всех в лицо и по именам, помнил краткую биографию каждого своего бойца. Только с виду Даймон был пассивным и равнодушным к товарищам, иногда даже пуская острые шутки в их адрес. Но мало кто знает, что творилось у него в душе. На деле Даэв считал, что все легионеры — его сыновья, жизни которых стоят больше сотен жизней асмодиан и тем более балауров. Легион был его семьёй, оттого он принял этот удар от Гелиона очень близко к сердцу.

Даймон спустился в Храм Мастерства и, раздумывая на ходу, неспешно направился к пропасти Элизиума — разлому между двумя парящими островами. Воин никуда не торопился, а такое, надо сказать, бывало редко. Да, его уже ждали в Фоэте, но мужчина отложил поездку туда для решения личных дел. Дела эти как раз были связаны с Гелионом, но теперь ему стало всё ясно.

«Он окружает себя своими марионетками... — мысленно рассуждал Даэв, пересекая длинный мост между островами и вглядываясь в пушистые облака, медленно плывущие прочь от небесного города. — Зуб даю, во главе Рыцарей Миразента он поставит свою пешку. А Юклиас не посмеет выступить против назначения Гелиона на пост верховного главнокомандующего. Святилище и стражники города будут под его крылом. Тогда и совет военачальников не понадобится — Гелион коронует себя, и никто не будет против...»

Задул сильный ветер, Даймон встрепенулся, поёжился от холода, глубоко вздохнул прохладным воздухом и продолжил свои мысли:

«...Как этому помешать? Нужна поддержка влиятельных офицеров. С Даэвами я разберусь, они поймут меня и не станут «крутить пальцем у виска». А кто из военачальников не в восторге от политики Гелиона? Ваталлос, я думаю. Взгляд выдаёт его, но он ничего не сможет противопоставить армии гарнизона Арэшурата — Бертрон сейчас в упадке. Кто ещё? Ференто, глава Интердики. Мда, раньше он жёстко критиковал Гелиона, но в последнее время всё вежливее ведёт себя при нём, улыбается в лицо и безвозмездно раздаёт легионы...

Это страх или внезапно появившееся уважение? Хм-м, в любом случае, рассчитывать на него не стоит. Атропос? Она пассивна в политических делах. Даже если получится с ней договориться, помощи из Теобомоса ждать нет смысла — много легионов там не набрать. Остаётся Телемах, военачальник Элтенена... Он ненавидит Гелиона и всё, что с ним связано. Телемах вспыльчив и импульсивен, и его энергию можно направить в нужное русло. А ещё он ярый поклонник Фаметеса... Хм-м, — Даймон ехидно улыбнулся. — Если убедите Телемаха втайне поддержать наш план, то, я полагаю, и Ваталлос встанет на нашу сторону, — лицо воина вдруг снова погрузнело. — Но главный вопрос состоит в следующем: как это сделать. Телемах ненавистен к асмодианам... На Элтенен частенько случаются набегі. Пожалуй, даже чаще, чем на Интердику. Он не станет меня слушать. Хм-м. Может, нам поможет Фаметес...»

Мимо мужчины стали проплывать причудливые здания нижнего Элизиума, но Даймон их не замечал. Он был полностью погружён в свои мысли.

«В любом случае, получается, что Гелион возвысился из-за меня... Я дал ему повод для захвата контроля над армией, тем самым отвернувшись от Элизиума. И в этом виновен не только Орден Миразента с покойным Раверинтосом... — Даймон нахмурился и стал рассматривать узоры на брусчатке, опустив взгляд. — А затем я отворачиваюсь от Гелиона и вновь поддерживаю мальчишку Фаметеса. Так кто же я: Даэв или куртизанка, что мечется между двумя мужиками, поворачиваясь задом то к одному, то к другому?..»

Перед воином предстала Площадь Святых. До поста привратника было совсем немного. Даймон мельком окинул взглядом пространство: только теперь он заметил обилие патрулей в округе: несколько десятков стражей в полной экипировке бродили по улицам и площади парами.

«Ничего не меняется... — Даэв искоса посмотрел на патрульных. — Тогда какая разница, кто у руля: Раверинтос или Гелион?»

Привратник равнодушно встретил воина, устало кивнув и поприветствовав:

— Расефиэль, Даэв.

— Фоэта, — сухо произнёс Даймон, бросив в руки хранителя портала несколько больших золотых монет.

Мужчина в тунике вздохнул и отошёл в сторону, чтобы открыть разлом. Вспышка — и парящий над землёй круг засветился в странной пульсации. Даэв подождал, когда портал стабилизируется, и небрежно перешагнул через его «порог», будто пролез в открытое окно. За спиной произошла новая вспышка — разлом исчез в один миг, оставив после себя тихое шипение и лёгкую белую дымку в воздухе.

Перед воином предстала площадь Акариоса — самого крупного городка солнечной Фоэты. Правда, сегодня синее небо было затянуто низкими серыми тучами. Ветра не чувствовалось совсем, а воздух был обжигающе горяч — ярые предвестники грозы. Где-то далеко в небе сверкнуло, и через несколько секунд до элийца донёсся гулкий раскат грома.

«Потороплюсь...» — решил он и быстрым воином шагом направился к таверне «Хромой хайк», где втайне от горожан всё это время жил Фаметес под присмотром Верховного жреца.

Питейное заведение находилось недалеко, оттого мужчина пошёл к ней пешком — быстрым шагом можно было успеть до первых капель дождя. Только бессмертный запрыгнул под козырёк трёхэтажного деревянного строения, послышался новый раскат грома и по округе в тот же миг расстелился шелест воды, стеной падающей с серого неба.

Даймон обернулся, вслух похвалил себя за спешку и вошёл в здание. Внутри было пустынно — только пара гостей одиноко сидела за столиком в углу и лакала зелёную жижу из пропитанных хмелем кружек. Хозяин таверны, как всегда, стоял за стойкой в смешном грязном фартуке. Что-то бурча себе под нос, он внимательно протирал тряпкой стаканы и затем выставлял их в рядок. На скрип открывшейся двери он поднял хмурые глаза и, узнав бессмертного по доспехам и взгляду, кивнул ему. Даймон поступил так же и молча направился к лестнице. Как только гость скрылся из виду, мужчина как ни в чём не бывало продолжил своё дело.

Даэв быстро поднялся на третий этаж, несмотря на доспехи — Айон видит, он привык носить тяжести, и груз совершенно не напрягал его. Оказавшись посреди тёмного узкого коридора, воин пошагал вправо и остановился около запертой двери в самом конце.

Постучав несколько раз, он крикнул своё имя, и спустя минуту за дверью послышался шорох. Из-за двери Даймон увидел знакомое лицо.

— Расефиэль, господин Юклиас, — мужчина поприветствовал высокопоставленного священника и по-воински отдал честь.

— Да озарит Ваш путь Свет Айона, Даймон, — жрец поклонился и отошёл от двери. — Проходите.

Бессмертный вошёл в номер. Здесь ничего не изменилось за эти дни. Юклиас провёл гостя в спальню, что стала покоями Фаметеса. Сам же жрец спал в гостиной.

Юный правитель Элиоса сидел на кровати, укутав ноги в одеяло и внимательно читая какую-то книгу. Стук металлических сапог отвлёк его, и он поднял глаза на гостей. Юноша узнал воина, что важно перешагнул через порог его комнаты.

— Даймон, рад Вас видеть, — Фаметес захлопнул книгу, бросил её на кровать и опустил ноги на пол. — Какими судьбами?

— Решил навестить Вас, — сверкнув глазами, вежливо ответил воин. — Как Вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — юноша снял со спинки стула брюки и стал напяливать их на себя. — Чувствую себя чудесно, как никогда! Жаль только, что господин Юклиас не выпускает меня из номера, — он, улыбаясь, с укором посмотрел на верховного жреца. Тот хмыкнул и услужливо улыбнулся в ответ.

— Жители Фоэты не должны знать, что Вы здесь, — сказал священник. — Но уверяю, скоро Вы вернётесь в столицу.

— Поскорее бы... — вздохнул юноша. — А то тут скука смертная! Вон пришлось от нечего делать читать учебник по эфирокинезу... — он показал всем толстую книгу, которая валялась у него на кровати.

— Эфирокинез — полезная штука, — отметил Даэв. — Особенно для заклинателей. Для создания своих разломов и потоков они используют кристаллы Эфира.

— Да-да, знаю... Но я ведь не заклинатель!

— И слава Айону, — засмеялся Юклиас. — Вы — правитель Элиоса, и Ваше бремя — не открывать порталы, да призывать частицы стихий, а служить людям Атреи. А это занятие поважнее дел любого заклинателя...

Фаметес понимающе кивнул и опустил глаза. Даймон вдруг вспомнил, зачем пришёл, и спросил у юноши:

— К Вам заходил кто-то ещё из Даэвов?

— Ваша жена сегодня заходила, — ответил он. — Как всегда спросила про моё

самочувствие, улыбнулась и ушла.

Юклиас одёрнул воина за перчатку, словно вспомнил что-то.

— Можно с Вами поговорить?

— Конечно, — кивнул Даймон и, поклонившись Фаметесу, вышел в коридор.

Жрец тоже склонил голову перед юным правителем и последовал за бессмертным.

— Я Вас слушаю, — тихо сказал Даэв, встав перед входной дверью и повернувшись лицом к священнику.

Юклиас суетливо пробежался взглядом по помещению, чтобы убедиться, что Фаметес их не слышит.

— Белатрисс сказала, что всё готово. Она ожидает только Вашего возвращения, — сказал верховный жрец.

Даймон на миг сморщил лоб и тут же ответил:

— У неё должно быть давно всё готово... Основная часть так или иначе лежит на моих плечах.

— Но что Вы задумали?

— Абсолютное безумие... — промычал бессмертный.

Юклиас нахмурился. Ему показалось, что Даэву его план самому не нравится.

Воин задумчиво хмыкнул и, больше не сказав жрецу ни слова, вернулся в комнату Фаметеса.

— Ладно, господин Фаметес, отдыхайте, — произнёс бессмертный. — Я сегодня ещё зайду.

Юноша улынулся и кивнул ему. У выхода Даймон остановился и шепнул Юклиасу:

— Будьте готовы.

— К чему? — непонимающе спросил мужчина.

Но Даэв не ответил. Он резко открыл дверь, вышел, осмотрелся по сторонам и торопливо пошагал к лестнице. Юклиас проводил его взглядом и, помотав головой, тихо прикрыл дверь.

Теперь элийский бессмертный направлялся в поместье Даэвов к западу от Акариоса. По плану там должен быть и Териан Лекас, что изъявил желание встретиться лично с правителем Элизиума. Вся ситуация походила на фарс, но в последнее время Даймон уже ничему не удивлялся.

Воин встал посреди улицы, осмотрелся по сторонам, чтобы никого не было рядом, и согнул спину. Напрягши мышцы всего тела, он крикнул, и за спиной вспыхнули силуэты раскрывающихся крыльев. Уже через секунду Даэв почувствовал, как капли дождя ласково стучат по перьям. Даймон взмахнул мощными крыльями несколько раз, стряхнув воду, и взлетел над землёй. Ливень и впрямь был жутким — совсем непривычно для Фоэты. Холодная вода заливала лицо и струями затекала под броню. Мужчина сморщился от этого, но продолжил набирать высоту — как-никак крылья были самым быстрым способом передвижения, не считая порталов.

— Вот же гад! — вскрикнул Родт, обнаружив на предплечье ещё один глубокий порез. — Ну держись у меня!

Териан Лекас парировал атаку элийца, скрестив мечи пред грудью, и подсечкой уложил того на лопатки. Бронн и Белатрисс молча наблюдали за схваткой, сидя на ступенях крыльца, и лишь изредка посмеивались над злобными фразами Родта, которому ну никак не

удавалось пробить защиту асмодианина.

Тем временем серокожий убрал орудия в ножны и по-товарищески подал руку противнику.

— Сам поднимусь, — обиженно буркнул Родт и вскочил на ноги, отряхиваясь от земли.

— Хватит прохлаждаться, — вдруг послышалось сверху.

Даэвы мигом подняли головы и увидели Даймона, сидящего на крыше дома и свесившего ноги вниз.

— Эй, как ты туда забрался? — спросил Бронн, взмахнув рукой.

— Догадайся, — огрызнулся Даймон.

— Я заметил твой полёт... — Териан бросил косой взгляд на элийца и отошёл от крыльца.

— Не сомневаюсь, — хозяин скорчил гримасу и, оттолкнувшись руками, прыгнул вниз. — Разойдись!

Высота дома была метров шесть, оттого обычный человек сломал бы себе что-нибудь, если б упал с крыши. Но не стоит забывать, что это был Даэв: сильный, выносливый. Даже будучи в металлической броне, он спокойно приземлился на корточки и уже через несколько секунд, глубоко вздохнув, выпрямился.

— Ну расефизль, пушечное мясо, — прошипел он.

— Громко бренчишь своими железяками, — бросил в ответ Бронн. — Что вырядился? На парад собрался? Рассказывай давай, что произошло в Элизиуме!

Прежде чем начать, Даймон обнял Трисс и холодно поцеловал её в щёку.

— Ладно, начну с главного, — промолвил бессмертный. — Итак, я больше не командующий армии элийцев.

Териан хмыкнул и сощурился, остальные же удивились и стали расспрашивать офицера о подробностях.

— ...И не легат Щита Неджакана.

На этих словах даже асмодианин вскинул бровь. Он не ожидал, что подобное может случиться. По крайней мере так скоро.

— Гелион? — лишь спросил зеленоглазый.

Даймон угукнул, и тот понимающе кивнул.

— Гелион не просто в ярости, — продолжил Даймон. — Он со дня на день планирует забрать престол себе и объявить о том, что он — наследник Айона, правитель Элиоса, земель балауров и элийского Арэшурата. Юклиас не успеет ему помешать. Сегодня я отошлю письма Телемаху и Ваталлосу — была не была. Нам нужно время, чтобы осуществить план, и военачальники должны нам его дать.

— Как они помешают Гелиону? — тихо спросила Трисс, нахмурившись от холодного приветствия супруга.

— Предъявят права на элийский престол. У Фаметеса нет наследников, поэтому следующего правителя необходимо избрать.

— Все считают, что Фаметес мёртв, — Родт перебил Даймона. — Если нового императора выберут до его возвращения в Элизиум, у мальчишки не останется прав на трон.

— Верно, — кивнул он. — Поэтому нам и нужно время, пока будет идти неразбериха. Телемах должен поддержать нас — он ненавидит Гелиона больше всех. Ваталлос же очень умен: он не станет совершать никаких действий, пока не будет уверен в том, что от этого не станет только хуже.

— А где Дариус? — вдруг спросила Белатрисс.

Даймон опустил глаза и промолвил:

— Последний раз его видели в Цитадели. Затем он пропал...

— Пропал? — переспросил Бронн. — Пока он был жив, здоров и служил у тебя, у нас была гарантия того, что его отец будет лоялен к Даэвам. Ты дал ему клятву, что защитишь Дариуса!

— Я не давал клятвы! Лишь пообещал... В наше время, увы, это разные вещи.

— Какая разница? Теперь мы не дождёмся помощи от Бертрона! Чем ты думал вообще?..

— Чем я думал? — воскликнул мужчина. — Уж прости, но никто не ожидал, что так выйдет: и касательно Элизиума, и касательно этого юнца. Тем более отныне его жизнь не в моей компетенции — я больше не его легат.

— Дело не в легатстве. Ты обещал его отцу.

— Этот малец сбежал. Или я должен следить за каждым его шагом? Знаешь, у меня и других дел навалом, нежели как бегать за зелёным мальчуганом, у которого отросло одно место, и он никак не может выбрать, куда это место вставить!

Териан Лекас нахмурился и исподлобья посмотрел на Даймона. Асмодианин знал, что в случившемся есть и его вина. Он решил вернуть разговор в прежнее русло, чтобы не разгорелся серьёзный спор.

— Если у военачальника Элизиума нет наследника, к кому по закону переходит вся власть? — спросил северянин.

— К тому, кто исполняет обязанности правителя во время отсутствия законного императора в городе, — ответил Родт. — То есть, к магистру Ордена Миразента.

— Раверинтос мёртв, — сказал Даймон.

Остальные вопросительно уставились на него после этих слов.

— Как это случилось? — Трисс шагнула вперёд и встал буквально перед лицом Даймона.

— Он убил себя во время штурма Храма Стражников...

Все переглянулись.

— ...После того, как сознался в предательстве Элизиума и Элиоса.

Териан отвернулся и вздохнул.

«Элиос и в этом похож на Асмодею... — подумал он. — Везде верхушка пирамиды — сплошная гниль. Оттого гниёт и её основание...»

— Значит, смерть Раверинтоса тоже была выгодна Гелиону, — ухмыльнулся Родт. — Интересно получается: ты, Даймон, подал Аскалону корону на блюдечке.

— Я знаю, — стиснул зубы бывший командующий. — И я её отберу.

— А зачем, ты себя спросил? — вновь заговорил Бронн, всматриваясь в глаза Даймона. — К чему ты устраиваешь эти заговоры и перевороты? Сначала тебе не угодил Фаметес, и ты переметнулся к Гелиону. Теперь всё наоборот.

— Гелион поступает нерационально, — Даймон напрягся и часто заморгал. — На нас ополчились балауры с асмодианами, а он будто игнорирует этот факт.

— Как и Фаметес, — перебил его Бронн. — Так чем мальчишка лучше?

— Нельзя свергать каждого, кто тебе не нравится, — тихо и равнодушно добавил Териан. — Даже если это военачальник.

— На Фаметеса можно влиять, — ответил Даймон. — Раверинтос — яркий тому

пример.

— И как давно из воина ты превратился в политика? — спросил Бронн и сжал губы, ожидая ответа.

— С тех пор, как Элиосу стала угрожать реальная опасность. Я думал, что вы все это понимаете.

Териан медленно обошёл элийцев, подошёл к Даймону сбоку и промолвил:

— Балауры расторгли договор с Асмодеей.

— Откуда ты знаешь? — удивлённо и одновременно недоверчиво спросил бывший командующий.

— Из надёжного источника, — отговорился он. — Посему нынешние планы ящеров мне неизвестны, но, полагаю, они будут ждать, пока на севере произойдёт переломный момент в войне.

— Угу, — кивнула Белатрисс. — Может, ты и прав. Балауры должны определиться, кого поддержать.

— Да. Пока они этого не сделают, мы будем видеть штурмовые отряды драканов как в Элиосе, так и в Асмодее.

— А если война на севере затянется? — Даймон недвусмысленно посмотрел на Териана.

— То балауры первым делом примутся за Асмодею, — ответил он.

— Нехудший расклад, — заметил Бронн.

— Для тебя, — северянин искоса глянул на кинжальщика и вновь отвернулся. — На самом же деле всё равно, на кого первым упадёт гнев Тиамат: баланс нарушится, и, что случится потом, знает лишь Айон.

— О чём ты? — спросила Трисс.

— Ящеры не позволят уничтожить одно из оснований Башни. Иначе Арэшурат перестанет существовать, а этого они допустить не могут. Получается, что одна из рас падёт, балауры станут хозяевами Атреи, но в структуре мира не изменится ничего.

После небольшой паузы асмодианин продолжил:

— Во что бы то ни стало необходимо сохранить баланс сил на Атрее. Сильные должны помогать слабым в битве против общего врага.

— В теории, — перебила его девушка. — Но на деле шестьсот лет войны сложно забыть...

— Если не невозможно, — вновь отозвался Бронн. — Дурацкая затея.

— Говорить проще, чем делать. Но сидеть на заднице ещё проще. Надо попытаться.

— Начало положено, — произнёс Даймон. — Если отступать, то уже поздно. Тем более, дери меня драканский полк, Териан Лекас прав: стоит попробовать.

— Все знают, что нужно делать? — спросил северянин.

— Я не собираюсь подчиняться асмодианину, — вдруг воскликнул Бронн.

— Вот с этого и надо начать, — кивнул Териан. — С этого момента для нас нет асмодиан и элийцев. Есть люди. И Даэвы. Я не прошу подчиняться мне, я прошу следовать плану. Нашему общему плану.

— Который придумал ты.

— Что ж, Айон — свидетель, у тебя не нашлось ничего лучше, когда мы это обсуждали, — Териан оскалился и сощурился, прожигая напряжённое лицо элийца. — Ты согласился со всем, так что теперь не противься и делай, что должен.

Наступила недолгая тишина.

— Мы с Терианом Лекасом идём в город за Фаметесом, — заговорил Даймон. — Родт и Бронн отправляются в Элизиум следить за Гелионом и всячески мешать ему в захвате трона. Трисс, ты летишь в Элтенен вместе с Канеусом. Найди этого растяпу, где бы он ни был! После того, как я отправлю письма, встретьтесь с Телемахом и подготовьте его к разговору. Если у нас с зеленоглазым всё получится, вскоре в Элтенен придёт письмо от Фаметеса. Телемах будет сопротивляться. Ваша задача — убедить его в том, что мы предлагаем самый разумный выход. Да озарит наш путь Свет Айона!

— А как же Эви? — Териан отвёл Даймона в сторону и шёпотом спросил его. — Где она будет?

— Я велю Калиону присмотреть за ней. Он хоть и наёмник, но честный наёмник.

Асмодианин обернулся и с грустью посмотрел в окна дома, где отдыхала Эви.

«Она, наверное, ещё не знает, что я долго не вернусь...» — пролетело в голове северянина.

Даймон положил руку Териану на плечо и промолвил:

— Мне очень не нравится, что творится между тобой и бедной девочкой. Если в тебе есть хоть капля жалости и сострадания, отпусти её. Ты же прекрасно понимаешь, что между тобой и ней не может быть ничего. Зачем ты её мучаешь?

Териан Лекас не хотел признаваться в том, что в чём-то этот элийский Даэв прав.

— Спрашиваешь, зная ответ... — промычал асмодианин.

Даймон закатил глаза и вздохнул.

— Туда, куда мы идём, ей места нет, — продолжил элиец. — А мы с тобой шагаем на войну. Если всё пойдёт по плану, то в самое пекло. Иди, попрощайся, только не затягивай, а то скоро снова дождь начнётся. И так промок до нитки.

Териан молча направился к крыльцу и, тихо открыв дверь, вошёл внутрь. В прихожей Родт и Бронн натягивали доспехи и собирали сумки с припасами, Белатрисс что-то искала на кухонных полках. Элийцы молча проводили взглядом асмодианина на второй этаж, не желая ничего комментировать, хотя мыслей у них в головах было полно.

Даэв тихонько приоткрыл дверь, ведущую в спальню. Шагнув за порог, он так же аккуратно прикрыл её за собой, чтобы не разбудить сопящую в подушку Эви. Асмодианин подошёл к кровати и опустился на край. Кончиками когтей он осторожно убрал волосы с лица элийки и уложил за ухо, чтобы вновь рассмотреть её личико.

«Такой она мне нравится ещё больше», — подумал Териан, не сводя светящихся глаз с девушки. Он размышлял о многом, пока сидел около спящей возлюбленной: о своих поступках, о прошлом, что он вспомнил, о грядущей поездке, о родителях Эви, даже о Дариусе, который так не вовремя пропал.

«Я обещал защитить тебя, а теперь опять покидаю...» — говорил в мыслях асмодианин. Он знал, что может уже не вернуться, ведь у него осталась последняя жизнь.

«Смерть уже дышит в затылок. Знал ли я тогда, что буду жалеть о своём желании умереть? Чувствовал ли, что покаюсь за эту игру с судьбой, когда стану вновь смертным — когда останется лишь одна жизнь? Нет... Но я буду беречь её для тебя, — Териан ласково провёл рукой по щеке Эви. — Надеюсь, мы с тобой ещё увидимся... Прости меня... Да озарит твой путь Свет Айона...»

Асмодианин поднялся и замер. Он снова посмотрел на девушку, чтобы навсегда запомнить её лицо, затем глубоко вздохнул и пошагал к двери. Схватившись за ручку, он

услышал сзади шорох одеяла.

— Териан?.. — до него донёлся сонный голос Эви.

Мужчина обернулся. Его прежде светящиеся глаза налились грустью и теперь сверкали по-особенному: словно листья деревьев во время тёплого летнего дождя. Эви присела и удивлённо спросила:

— Ты куда-то уходишь?.. — она сразу поняла этот взгляд. Не нужно быть слишком наблюдательным, чтобы заметить грусть в глазах бессмертного.

— Я иду в Акариос, — Териан подошёл к кровати и взял в свою ладонь руку девушки. — Затем в Элизиум... — он стал поглаживать её нежную кожу, пытаясь запомнить, какая она на ощупь.

— В Элизиум? — Эви округлила свои большие голубые глаза. — Ты с ума сошёл? Это же столица...

— Столица Элиоса, — договорил он за неё. — Я помню.

— Тебя поймают... — испуганным голосом промолвила девушка.

Териан вздохнул и произнёс:

— Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Эви непонимающе моргнула и уселась поудобнее, готовясь внимательно слушать своего Даэва. Асмодианин присел рядом с ней и заговорил:

— Что ж... С чего бы начать... Меня зовут не Терианом Лекасом...

Элийка нахмурилась от неожиданности.

— Что? Как это?..

— Моё настоящее имя — Ядовитый Лис... Я разбойник, родившийся и проживший всю свою смертную жизнь в Белуслане.

— Я ничего не понимаю... — промычала девушка.

Мужчина вздохнул и закрыл глаза. Воспоминания, всплывшие у него в голове, было уже не унять. Даэв вспомнил своё прошлое — своё настоящее прошлое и больше не мог его игнорировать. Он пока не знал, как осмыслить браваду судьбы, но ему пришлось признаться в том, что он был не тем, кем считал себя долгие годы.

— Мне чуть меньше полутора сотен лет. До Перерождения я грабил и убивал мирных жителей — этим и зарабатывал на жизнь себе и своей банде.

— Что ты такое говоришь? Твоё имя — Териан Лекас, ты родился в...

— Всё — фарс! — резко перебил её асмодианин. — Я считал себя великим героем, славой Асмодеи, грозой элийцев и защитником невинных. Но на деле я обычный головорез, получивший крылья по чистой случайности...

Чувство пустоты — вот что ощущал Даэв сейчас. Невозможно так резко принять другую личность. Мужчина до сих пор внутри души называл себя Терианом Лекасом, но разум твердил о том, что он ошибается. Он чувствовал, что обязан рассказать всё Эви. Она должна знать...

— Териан... Не говори так... Я знаю, кто ты... Зачем ты всё это говоришь? — Эви придвинулась к мужчине ближе, обняла за плечи и вопросительно посмотрела на него.

— Это всё стигма... — прошипел он, оскалившись и стиснув зубы. — Стигма, которую мне принесли тогда мои остолопы... Они нашли красивый треугольный камешек на полу гостиной той лачуги в Белусланском лесу... в которой ты жила. Я обрадовался и повесил его себе на шею... А потом — небытие... Словно что-то вселилось в меня и стало потихоньку поглощать мою душу. Все мои воспоминания, мысли и желания засасывало в воронку, из

которой выходил лишь чужой голос и повторял мне моё новое имя... Териан Лекас... Имя Даэва, павшего от своей собственной руки и обратившегося в стигму... Этот проклятый дом стоял там нетронутым пятьсот лет. Пятьсот лет сила Эфира вокруг хранила это пустое жилище от выюг, морозов и времени! Она хранила его таким, каким я его построил, чтобы однажды туда пришли разбойники и нашли камень. Камень с душой Териана Лекаса.

Эви отстранилась от асмодианина и испуганно заглянула в его холодные потерянные глаза.

— Это неправда... — промолвила она. — Я не верю.

— И я не верил... Пока не вспомнил всё, когда воскрес там, в Арэшурате. Проклятые балауры... Они всё знали. Драконы хотели меня использовать, обвести вокруг пальца, изгнать Териана Лекаса из моей души... Они понимали, что у него есть силы для борьбы, что с ним две расы можно объединить. Хитрые твари. Но Териан Лекас до сих пор во мне, значит, он жив, и его способности — теперь мои способности. Я исполню своё предназначение.

— Какое предназначение?.. — девушка спросила тихо и опасливо, будто снова вспомнив, что перед ней — чужестранец-асмодианин. Если сказанное им — правда, получается, Эви ничего не знает о нём, и сидящий рядом — чужой для неё человек.

— Закончить Тысячелетнюю войну, — грозно произнёс бессмертный. — Вот зачем Френос тогда дал мне прочесть это письмо... Он хотел вновь разбудить во мне чужие воспоминания и чувства, чтобы связь между мной и Терианом Лекасом окрепла и не нарушалась. Этот старик знал, что меня схватят балауры и будут пудрить мне мозги. Он всё знал... Откуда, мать его Фрегионову?!

— О, Айон... — Эви вздохнула и прикрыла рот ладонью. — О, Айон!

Асмодианин заметил, как глаза девушки задрожали. Элийка вся побелела — вот-вот заплачет.

— Прости меня... — сказал он и опустил голову.

Эви закрыла лицо руками и захныкала. Мужчина хотел успокоить её, но вдруг понял, что теперь у него нет прав прикасаться к ней.

— Послушай, я знаю, что должен был сказать это раньше, но не мог... Ты знаешь, я люблю тебя. Именно я, а не Териан Лекас!

Эви заплакала громче и набросилась на Даэва, обняв и прижав к себе. Асмодианин осторожно положил ладонь на спину девушки, будто спрашивая, но она не возражала. Тогда бессмертный тоже крепко обнял элийку.

Она несколько раз шмыгнула носом, заглянула в глаза асмодианину и тихо проговорила:

— Пусть в тебе живёт другой человек, но я знаю, что полюбила тебя... Кем бы ты ни был.

— Даже грабителем и убийцей? — удивившись, спросил Даэв.

Эви замешкалась с ответом, но через несколько секунд произнесла:

— Айон дал тебе шанс исправиться. Пусть ты совершал плохие поступки, но Всевышний хочет, чтобы ты искупил вину, исполнив предназначение того Даэва. Айон помнит о тебе и желает тебе добра. И желает мне, раз послал тебя...

Бессмертный вновь обнял элийку, уткнувшись в её волосы. На его душе вдруг стало намного легче, словно целая гора с плеч свалилась.

Спустя минуту Эви вдруг дёрнулась, округлила взгляд и воскликнула:

— Там в лесу древней я наткнулась на хранителя Ноа. Он сказал мне, что, когда

прошное объединится с будущим, у людей появится возможность всё исправить. Может, он имел в виду тебя и... Териана?

Асмодианин улыбнулся и хмыкнул:

— Может быть... Если пророчество действительно существует, значит, не всё потеряно и Атрею можно спасти.

— Ты теперь бессмертен. У Даэва больше шансов изменить что-то, чем у обычного человека.

Лицо мужчины снова погрузнело.

— Я больше не бессмертен. Меня развоплотили.

— Что? — Эви машинально переспросила, не до конца сообразив, что она только что услышала.

— У меня осталась последняя жизнь. Последний шанс на успех, последний шанс что-то изменить.

— И последний шанс на счастье! — девушка схватила его голову руками, придвинулась к себе и суетливо забегала глазами по узорам вокруг его зрачков. — Останься, не уезжай никуда!

— Не могу, Эви... — он попытался отвернуться, но элийка не позволила.

— Прошу!

— Если я останусь, то не исполню предназначение и не искуплю грехи. Я подведу Айона...

— Умоляю... Если ты умрёшь, я... я...

— Эви, — он остановил её. — Смотри на меня, — мужчина взял девушку за руки и посмотрел в её вновь задрожавшие глаза. — Я вернусь. Обещаю.

— Когда? — готовая разрыдаться, воскликнула элийка.

— Скоро. Очень скоро. Я не дам себя в обиду, ты же знаешь... — он улыбнулся, чем немного успокоил девушку.

— Я хочу с тобой!

Асмодианин вздохнул и строго возразил:

— Нет, ты останешься здесь.

— Не останусь! — недовольно воскликнула Эви.

— Я уже видел, как ты умираешь, — спрятав взгляд, промычал Даэв. — Я не вынесу этого снова...

Огонёк надежды в глазах элийки потух. Она грустным взглядом осмотрела нагрудник мужчины, задержала дыхание и произнесла:

— Я всё равно буду с тобой. Пусть мысленно, но я не оставлю тебя одного... — девушка прислонила ладонь к его груди и шепнула. — Частичка меня всегда будет в твоей душе...

— У меня нет души.

— Я тебе её дам...

Эви прильнула губами к асмодианину и крепко-крепко обняла его. Мужчина, недолго мешкая, схватил когтистыми руками бёдра девушки и рывком притянул её к себе.

«Буду с тобой... Всегда...» — без умолку играло в его голове.

«Теперь он точно вернётся...» — мысленно повторяла Эви.

— Да сколько можно? — Даймон потерял терпение и рванул к дому, готовый разорвать асмодианина за медлительность. Только элиец подошёл к крыльцу, входная дверь

распахнулась, и из неё буквально выбежал Териан Лекас.

— Прости, задержался, — сказал он в пустоту, не поднимая потерянного взгляда на Даймона.

— Где тебя драканы носили?

Териан остановился и повернулся к Даэву.

— Мне нужно было попрощаться, — отрезал он и вновь зашагал вперёд. — Идём.

— Нет, — возразил южанин. — Летим.

Через секунду элиец раскрыл свои сияющие белоснежные крылья и вопросительно посмотрел на спутника. Тот вздохнул, помотал головой и тоже оперился.

Когда мужчины набрали высоту, Даймон крикнул асмодианину:

— Мне нужно на площадь отправить письма Ваталлосу и Телемаху.

Териан равнодушно угукнул и кивнул. Спустя несколько минут молчания северянин подлетел к Даймону и спросил:

— А ты попрощался с Белатрисс?

— Да, но намного быстрее тебя, — рявкнул тот. — С твоей скоростью я успел бы раз десять. И не скажешь, что ты так быстро двигаешься в бою.

Вновь наступила тишина, прерываемая только завыванием ветра.

— Что грустишь? — спросил элиец.

— Как ты познакомился с ней? — Териан повернулся к элийцу, летя буквально в нескольких метрах.

— С кем? С Трисс?

— Да.

— А я не рассказывал? — искоса улыбнувшись, бросил Даймон. — Ну что ж, слушай. Это, конечно, ещё та история, — он кивнул сам себе и продолжил. — Когда я впервые увидел её, за моей спиной уже сияли крылья, а сам я дослужился до Даэвского офицера, был центурионом Сияния Миражей. На тот момент это был самый влиятельный легион Элиоса. Нас созвали в Штаб Легионов в Элизиум — уже не помню, зачем. Трисс было шестнадцать. Она училась в столичной школе магов. В то время, кстати, там преподавал Канеус, ха-ха, — засмеялся он. — Но не суть. В общем, я встретил её в таверне Порты Элизиума. Она вместе с её одноклассниками отмечала там успешную сдачу экзамена... Помню, я был пьян... Очень пьян. Да что греха таить, полторы сотни лет назад я пил, как дракан! Лакал самогон, как коты валерьянку. И ничего! Ведь Даэвская печень не может отказать. Что-то я отвлёкся... Ах да! Ну, короче, утром мы проснулись вместе на втором этаже таверны в...

— Я понял, — кивнул Териан.

— Да... Балаур знает, как это произошло. Сам понимаешь, отчитываться перед руководством её академии мне не хотелось. Пенделей от легата тоже не жаждал получить. Да и вообще, не собирался я эту малолетку совращать! Ну правда! Вышло как-то само...

Асмодианин покачал головой и попросил Даймона продолжать.

— Я бы сбежал в тот же миг из этого заведения, мол, я тебя не знаю, ничего не было, да шиги там плавал! Наутро Трисс была трезвее стёклышка! Я вообще тогда подумал, что не я её совратил, а она — меня... Кхе-кхе. Так вот, свалить мне не удалось, ну я и давай перед ней извиняться и заодно уговаривать, чтоб она молчала, как рыба. И знаешь, что она ответила?

— Нет, — равнодушно буркнул Териан.

— «Всё нормально: переспали и забыли». Нет, ну ты представь! Я тогда просто в осадок выпал. Ну, мы попрощались, она в магии преуспевала ещё тогда и какое-то заклинание на

меня повесила, что я вмиг протрезвел. Полезная штука, реально голову на плечи вернула! И как она после такой ночи помнила все эти магические штуки, ха-ха...

— Что дальше было?

— Мы разбежались. Потом я и забыл о ней. Но через пару недель, знаешь, вот что-то ёкнуло в сердце и всё: не могу, хочу с ней увидеться. Ну что, я рванул в эту столичную академию... Слово за слово...

— Ты сейчас серьёзно?

— Да, а что такого? — Даймон вскинул брови от удивления. — Я — свободный Даэв, а она, так сказать, была в самом расцвете. Мы с ней частенько потом «встречались». А что делать? Запала в душу, хоть рога грызи!

— И на меня ещё смотрит с презрением... — ухмыльнулся асмодианин. — Ну не лицемер?

— В общем, через год она окончила эту школу магов. Я уломал легата взять её рекрутом в легион, мол, девчонка выдающаяся, все дела. Он согласился. Угадай, чьим рекрутом она была?

— Твоим?

— Куда там! — рявкнул Даймон. — Канеуса!

— погоди, ты же говорил, что он в академии преподавал.

— Преподавал, да уволился, сказав, мол, что это его последний выпуск. Легат мой знал, что Канеус — очень сильный маг и за глаза взял его центурионом.

— И?

— Ну, этот заклинатель давно смекнул, что я с Трисс... ну... того. Он даже пытался помешать мне. Тогда я ему вправил одно место, чтобы не лез.

— Ты? — сморщил лоб Териан. — Канеусу? А не наоборот?

— Ну... пускай и наоборот, да какая разница?! — воскликнул элиец. — Главное, что мы с Трисс остались вместе. Когда ей девятнадцать исполнилось, она была уже опытным воином: повидала много крови и смертей... Жалко её, да ничего не поделаешь. После осады Крот... нет, Ткисаса... Да, точно, Ткисаса! Как сейчас помню, подошёл легат и сказал, что Святилище объявило набор в Даэвы — место освободилось: кто-то развоплотился, видимо. Ну, я и загорелся идеей протолкнуть Трисс в ряды бессмертных. Тогда мы бы с ней официально могли быть вместе. Всегда.

— Заманчиво звучит... — вздохнул асмодианин.

— Канеус был только «за», поэтому уговаривать легата представить от легиона её кандидатуру долго не пришлось... — Даймон помолчал, задумавшись о чём-то, но через минуту продолжил. — Спустя месяц за спиной Трисс уже сияли неокрепшие белые крылья... Спустя ещё месяц мы поженились... — он вздохнул и улыбнулся. — Знаешь, ведь любовь Даэвов отличается от человеческой. Наши чувства к кому-то — намного ярче людских, а привязанности — крепче. Мы можем любить сотни лет и души в объекте обожания не чаять, тогда как люди уже спустя год могут вырезать из сердца любое напоминание о любимом человеке...

— Я знаю, — сощурился и опустил голову, кивнул Териан.

Внизу мелькали домики, сады и поля. Ветер тормозил длинные перья, так послушно рассекавшие воздух.

— Прилетели, — асмодианин кивнул в сторону городских стен.

— Да, — подтвердил Даймон. — Слава Айону, Эфирахватило на полёт.

Даэвы спикировали к площади и, словно два коршуна, громко шурша перьями, приземлились перед почтовой лавкой гильдии «Тёмного Облака».

— Я ненадолго, — сказал элиец и, сложив крылья в суставах, чтобы не мешали, шагнул под невысокий козырёк лавки.

На площади было немногочисленно. Несмотря на то, что ливень уже давно кончился, жители близлежащих домов не успели покинуть свои хоромы, чтобы вдохнуть свежий влажный воздух «края солнца». Но немногочисленные зеваки всё же проходили мимо асмодианского Даэва: кто-то шарахался в сторону, кто-то обходил стороной, показывая пальцем, кто-то пытался поскорее скрыться за углом — рады чужаку здесь, определённо, не были. Да и мало кто помнил, что этот северянин участвовал в обороне города. Больше всего горожан волновал цвет его крыльев. А он был совершенно не похож на элийский.

Даймон вернулся очень скоро. Он подошёл к Териану, молча расправил крылья, потянулся и сказал:

— Летим. Здесь недалеко.

Асмодианин взлетел вслед за элийцем. Две огромные птицы скрылись за крышей первого же дома.

— Нам предстоит долгий разговор с Фаметесом, — крикнул Даймон. — Он не был готов тебя увидеть, так что будь вежлив.

— Постараюсь, — сощутив глаза, промычал асмодианин.

===== Часть 6. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 2.

Отредактировано.

Военачальнику Элизиума и законному правителю Элиоса господину Фаметесу в крепость Иллюзий Ингисона.

С превеликим уважением отвечаю на Ваше письмо. Я безмерно рад тому, что Вы живы здоровы и полны сил.

К моему сожалению, господин Гелион позаботился о безопасности своих дальнейших действий. Пишу Вам о тех событиях, что, может быть, ещё не известны Вам в связи с Вашим отъездом из Элизиума.

Вчера господин Ференто, капитан гарнизона Интердики, присягнул на верность бессмертному, что опорочило его, как военачальника, Рыцаря Миразента и верного офицера — слугу Элизиума. Отныне я презираю его и прошу от Вас его немедленной отставки сразу после того, как Вы вернётесь в столицу.

Госпожа Атропос, верховная жрица Теобомоса, писала мне о своих мыслях по поводу господина Гелиона — её крайне тревожит персона этого бесчестного Даэва, что возомнил себя наследником Айона и правителем Элиоса. Я полагаю, она не даст ответ господину Гелиону раньше остальных. Но тем не менее меня сильно беспокоит её слабость перед военной угрозой — было бы не лишним написать ей отдельное письмо, либо встретиться с ней лично до того, как нервы жрицы сдадут и она согласится на все условия, предлагаемые господином Гелионом. Я ни в коем случае не ставлю себя на Ваше место, но, полагаю, нынешнее положение вещей не запрещает мне излагать свои мысли. Заранее прошу у Вас прощения за это.

Из Бертрона, к сожалению, вестей я не получал. Единственное, что мне известно благодаря своим агентам, — господин Ваталлос пока не выслал ответ в Элизиум. Надеюсь, этого не случится в ближайшее время. Я полностью солидарен с Вами — нам нужно время.

Теперь я бы хотел изложить свои мысли по поводу Вашего предложения. Честно сказать, я был весьма удивлён, когда прочёл предыдущее письмо. Просьба в нём была настолько неожиданна, что ошарашила меня. Но сейчас, обдумав всё, я даю Вам ответ, и мне искренне жаль, что он таков. К сожалению, я не могу согласиться на эту авантюру. Я надеюсь, Вы поймёте причины, по которым мне совесть не позволит дать положительный ответ. Сейчас, во время раскола Элизиума и хрупкого баланса сил в Элиосе, совершенно не время совершать подобные действия — мне нужны люди, и я не готов отдать их на смерть за вечного врага. Я преклоняюсь перед Вашей смелостью и находчивостью, но считаю абсурдным этот план. Простите меня. Мой народ ещё долго будет помнить зверства, совершённые на нашей земле теми, кому Вы собираетесь помочь.

Мне грустно это признавать, но Даэвы, которых Вы отправили ко мне, вернутся ни с чем. По возвращению к Вам они продублируют написанное мною в этом письме.

Ещё раз прошу меня извинить. Я остаюсь Вашим верным подданным и продолжу с честью исполнять свой долг на дарованном мне посту. Надеюсь, что я не предал этим отказом Ваше доверие.

Да озарит Ваш путь Свет Айона.

Телемах, военачальник Элтенена.

Неделю спустя.

Пандемониум.

Военачальник столицы Асмодеи вздохнул и низким тоном приказал:

— Прошу садиться.

Зал зашумел, но через секунду затих. Несколько десятков голов уставились на правителя.

— Сегодня утром мне пришли известия из лаборатории, — начал Видар. — К сожалению, наши мудрецы не смогли найти противоядие от идгеля. Алхимики утверждают, что его вовсе нет. А это значит, что ситуация осложнилась до предела.

Присутствующие переглянулись.

— Да-да, — печально закивал военачальник. — Нам придётся сражаться, как раньше: с мечами и стрелами против орд загипнотизированных крестьян и хорошо обученных бойцов легионов севера. Господин интендант, — он обратился к сидящему по левую руку мужчине в бархатной робе. — Что с продовольствием? Легаты утверждают, что провизия не поступает в лагерь.

Мужчина кашлянул, медленно поднялся, положил ладони на стол и заговорил:

— Всё больше повстанцев орудует в наших рядах. Они сообщают своим... друзьям из близлежащих деревень о дате поставок, и те нападают на обозы. Мы пытаемся их остан...

— Охраняйте телеги лучше! — воскликнул военачальник. — Пусть будет не шесть стражей, а двадцать! Если воины будут голодать, они перестанут сражаться. И так, насколько я знаю, в рядах легионеров ходят недобрые настроения, верно, Кенсаи?

Женщина, сидящая сбоку от противоположного края стола, холодно кивнула и с укором посмотрела на интенданта. Тот поспешил спрятать взгляд от светящихся глаз бессмертной.

— Вот! — продолжил Видар. — А я не понаслышке знаю, как сильно успех сражения зависит от боевого духа солдат. Так обеспечьте же их всем необходимым! — рявкнул он и ударил кулаком по столу.

Интендант поклонился и робко занял своё место, оглядываясь на пристально глядящих

на него офицеров.

— Прежде чем выслушать новости с поля боя, — Видар вздохнул и махнул рукой стоящему позади него лысому мужчине в похожей тунике. — Это господин интендант со складов Брустхонины. Он хочет кое-что сказать.

— Да, господа, — кивнул он и сделал шаг к столу. — Уважаемые офицеры, доблестные герои Асмодеи! Нынешняя обстановка очень сложная, я вас прекрасно понимаю. Как вы знаете, большинство товаров идёт в Морхейм из Брустхонины. Альтгард, к сожалению, опустошил все свои склады полторы недели назад. Так вот, еды для всех легионеров, сражающихся на просторах ледяной земли, пока хватает, но и наши запасы рано или поздно иссякнут... Крестьяне Морхейма потеряли все свои угодья из-за войны. Мирным жителям тоже нужно чем-то питаться. Альтгард для пополнения складов начал изымать у крестьян продовольствие: один мешок риса или картофеля в неделю. Как вы представляете, это неподъёмный объём налога для земледельцев, которые должны и свои семьи чем-то кормить. Брустхонин с завтрашнего дня также вводит меры для поддержания приемлемого уровня провизии. Мы сможем прокормить вас и ваших людей, но знайте, что цена этой войны — надвигающийся на Асмодею голод.

— Господин интендант прав, — перебил его военачальник. — Война затянулась. С каждым новым днём раса погружается в пучину несчастий всё глубже. И сейчас только от вас зависит, сможем мы выбраться из неё или нет.

— Это всё, — лысый мужчина в робе кивнул и отошёл на своё прежнее место.

— Итак, меня услышали все, — Видар пробежался глазами по сидящим в зале. — Теперь к главному. Квасир, начинайте.

Легат первого легиона Пандемониума, громко скрипнув креслом, поднялся и заговорил:

— Мы начинаем окружать повстанцев с юго-запада Морхейма. Но протяжённость линии соприкосновения слишком большая — враг с лёгкостью сможет выбраться из оцепления, если соберёт большую группировку.

— Если противник будет планировать что-то, мы узнаем об этом, — перебила его Кенсаи.

Квасир учтиво кивнул и продолжил:

— К западу от вулкана люди уже голодают. Мы тоже не объедаемся, но нам приходилось делиться с жителями провизией, когда мы шли мимо селений.

— Этот вопрос решится, — устало промолвил Видар. — Что ещё?

— Позавчера мы взяли в плен одного из вожаков повстанцев. Он руководил аванпостом неподалёку от наших позиций.

— Он рассказал что-то? — спросил военачальник.

— Да, — подтвердил Квасир. — Он сказал, что Безмолвные запрещают повстанцам пользоваться идгелем. Якобы у дикарей нет чувства меры, и их пленники массово погибают от передозировки.

— Слутгельмир не так глуп, — ухмыльнулась Кенсаи. — Пока оружие в его руках, всё идёт для него гладко. Не думаю, что риваровцам нравится, что ими помыкают Тени.

— Ты права, — сказал легат Клыков Фенрира, повернувшись к воительнице. — Но повстанцы не могут ничего сами, и мы это хорошо знаем.

— Мы отвлеклись, — промычал Видар, изображая нетерпение.

— По данным агентов, Слутгельмир думает о том, чтобы оставить Морхейм. Говорят, в Белуслане он построил надёжные форпосты и только и ждёт, пока...

— Пока мы нападём на них и потерпим сокрушительное поражение, — закончил за него военачальник. — Хитрый лис. Думает воевать с нами на своей территории. Дракана с два.

— Но если так произойдёт, мы же не можем просто остановиться у границы Белуслана, — воскликнула Кенсаи. — Тогда Судьи накопят силы, сидя за стеной, и всё начнётся сначала. Нужно покончить с ними раз и навсегда!

— Слутгельмир хитёр и непредсказуем, — отозвался Квасир. — Он мог сам пустить этот слух... Я не смог проверить его достоверность.

— Так или иначе нам придётся обыграть Безмолвных, — подержав паузу, заговорила воительница. — На северном фронте мы застряли конкретно. Нам нужны и люди, и силы, и еда. Дозорные не спят по двадцать часов в день из-за протяжённости аванпостов. Авангард в сражениях не сменялся уже несколько недель — мне просто некого ставить в первые ряды. Даэвов мало, а смертные устали, — она вопросительно посмотрела на Видара. — Весь Морхейм устал.

— Тогда выгоняйте этих ублюдков обратно в Белуслан, — воскликнул военачальник. — Пусть сидят в своих норах и не высовываются, пока мы не восстановим силы.

— Сказать проще, чем сделать. Мои люди просто не дойдут до границы. Мы и так держимся на последнем издыхании.

— Я понимаю твой требовательный тон, Кенсаи, но резервы кончаются. Мне пришлось отдать последние легионы новобранцев в помощь Квасиру. Собирать зелёных мальчишек на войну мне не доставляет радости, и ты это понимаешь.

— Сперва нужно разобраться с провизией, — сказал легат первого легиона. — Иначе мы пожрём ваших зелёных мальчишек — и то больше пользы будет. Только присылайте пожирнее, чтобы на дольше хватило.

Видар сощурился, презрительно глянув на легата первого легиона. Ему не понравилось, каким тоном с ним общаются его подданные, пускай даже Даэвы.

— Вы двое, — обратился он к Кенсаи и Квасиру. — Идите с глаз долой.

— Но господин Видар... — попыталась вставить слово Кенсаи.

— Живо.

Бессмертные молча переглянулись, дружно поднялись с кресел и покинули зал, даже не хлопнув за собой дверью. Сидящие за столом равнодушно проводили их взглядом и продолжили слушать своего военачальника.

— Ты считаешь, мы виновны в чём-то? — спросила у спутника женщина, пока они спускались по лестнице ратуши.

— Нет. Видар просто устал, — нахмурился Даэв. — Война идёт коряво, а ответственность за ошибки лежит на нём.

Кенсаи отвернулась от мужчины и засмотрелась на цветущие сады посреди центральной улицы. Воин осторожно положил руку на плечо бессмертной.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Посмотри на столицу, — не сводя глаз с прелестей города, промолвила женщина. — Пандемониум цветёт и пахнет. Как всегда.

— Так и должно быть. Столица обязана быть прекрасной.

— А теперь вспомни вчерашний Морхейм, — воительница резко обернулась и впцепилась светящимся взглядом в мужчину. — Снег, разруха и голод... Пока городские крысы сидят в своих норах и с чарками вина на столах рассуждают о том, что мы сделали, а

что — нет, сотни парнишек, детей и женщин умирают от недостатка еды и тепла там, куда военачальники никогда не заглянут.

— Кому-то нужно воевать, а кому-то — править страной, — сощурившись, промолвил Квасир. — Видар успел и то, и другое. Он уже не в том возрасте, чтобы с мечом наперевес бежать на врага сломя голову. Пускай его слова порой резки, но он великодушен и справедлив.

— Ничто в этом мире не справедливо, — сморщив лицо, промычала Кенсаи. — Но при этом сие слово чаще других встречается на знамёнах и в гимнах легионов.

— Людям нужно во что-то верить, за что-то сражаться. Даже отдавать жизнь. Пока есть цель, непреложная истина и смысл, воины будут идти вперёд.

— Тогда пусть они бьются за что-то реальное, а не за вымышленную справедливость и великодушие.

— Люди идут в бой, чтобы защитить себя и своих близких — вот что реально, — до сих пор замороженно наблюдая за яростными переливами красок в глазах воительницы, проговорил Квасир.

— За что же тогда сражаемся мы? — вопросительно встретив его взгляд на себе, спросила женщина. — Те, у которых нет ни семьи, ни родных, ни близких.

— У Дазвов другие мотивы, Кенсаи, — вздохнул воин. — Я бьюсь за своё прошлое, настоящее и будущее.

— А я до сих пор борюсь за величие нашей расы... — ухмыльнувшись своим собственным словам, произнесла легат седьмого легиона. — Глупышка... Интересно, сколько мы ещё выдержим? — она вновь посмотрела на бессмертного товарища, на этот раз печально нахмутив брови.

В глазах Кенсаи Квасир увидел странный огонёк.

— Пока Айон не захочет вернуть наши души в Эфирный поток, — тихо ответил мужчина. — Может, год, а, может, столетие. Скажи мне, — он вдруг запнулся. — Ты действительно так часто об этом думаешь? Твои слова мне...

— Уже который год, — Кенсаи не дала ему договорить и уставилась в старую каменную плитку.

— А как же те, кому ты дорога? — Квасир осторожно приподнял её голову, чтобы снова заглянуть в глаза.

— О ком ты? — устало спросила она.

— О твоих легионерах, об офицерах, что возносят тебя за твои качества... Обо мне.

Женщина непонимающе замерла.

— Прости, — Квасир оправился и спрятал лицо. — Мне не стоило. Нас ждут дела Идём.

— Нет, не идём, — воительница схватила мужчину за рукав и остановила. — Что ты имеешь в виду?

По настороженному взгляду Кенсаи бессмертный понял, что его неосторожные слова вызвали с её стороны недоумение и удивление.

— Ты мне дорога, Кенсаи, — напрягшись, произнёс асмодианин. — И как боевой товарищ, и как человек.

— Не надо, Квасир. Ты не знаешь меня.

— Я тоже не идеал. Да и лицо... Вот дал же Асфель переродиться мне таким старым...

— Хватит, — резко перебила его женщина. — Не усложняй ничего.

— Неужели ты...

— Моё сердце занято уже много лет, — грустно промолвила она.

— Почему же я не знал об этом?

Кенсаи с опаской посмотрела в глаза Даэва. Ей на миг показалось, что он знает всё о её прошлом. Или, по крайней мере, многое.

— Кто он? — холодно спросил мужчина.

— Даэв, который давно погиб... — с дрожащими глазами выцедила из себя асмодианка.

— И ты до сих пор его любишь?

Кенсаи не ответила. Она лишь отвернулась и больше не произнесла ни слова.

— Я тоже любил... Сильно любил, — Квасир обошёл женщину и встал перед её лицом. — Но мне повезло меньше — она была смертной. И осталась ею... Уже две сотни лет прошло, а я помню её глаза, жалобно смотрящие на меня, когда она умирала. Наверное, тогда она уже не помнила меня. Разум покинул её давно — старость делает с человеком страшные вещи... — мужчина вздохнул и опустошённым взглядом уставился на цветущее большими фиолетовыми бутонами дерево в центре сада. — У меня остались дети и внуки. Но я бы не смог... Не смог бы вновь видеть это... Их смерть... Не от мечей или стрел элийцев, не от когтей балауров и диких зверей, а от времени... Они бы ушли, забрав с собой частичку меня, что ещё делала Даэва человеком. И я ушёл... Я предал их, как они, наверное, считают... Но это было не предательство. Это был страх. Страх перед тем, что я сотни раз ощущал на своей шкуре. Я отрёкся от своей семьи, надел доспехи Клыкков Фенрира и стал верно служить военачальникам Пандемониума. Я помню их всех... Лучше, чем своих детей. Но, дракан меня дери, я ещё люблю свою семью... Хоть и знаю, что они давно умерли. Как умерли их дети, и дети их детей. Мы с тобой похожи, Кенсаи. Все Даэвы похожи. Нас объединяет общее горе, дарованное нам вместе с чёрными крыльями.

Воительница обернулась. Она потупила взгляд с несколько мгновений и тихо произнесла:

— Я думала, это только моё бремя...

Квасир взял себя в руки и осмелился положить ладони на плечи женщины.

— Моя вечность тоже скоро иссякнет, — проговорил он. — Я уже чувствую, как сил возвращаться к кибелиску становится всё меньше... Эти века я не был одинок — со мной были мои воспоминания. Но теперь мне не хватает их, я хочу большего, — бессмертный внимательно посмотрел в глаза Кенсаи. — А ты?

— Я не знаю, чего я хочу, — ответила она. — Дай мне ещё немного времени.

— Уж этого у меня навалом, — улыбнулся мужчина. — Хорошо... Возвращаемся в Морхейм?

— Да, — после небольшой паузы произнесла воительница. — Постараемся закончить эту войну поскорее.

Кенсаи шагнула в сторону, небрежным взмахом плеч сбросив с себя руки асмодианина. Мужчина вздохнул, хмыкнув вслед бессмертной, и медленно пошёл за ней к привратнику.

Доставлено торговой компанией «Тёмное Облако».

Оплачено при отправлении.

Кому: Даэву по имени Даймон в крепость Иллюзий Ингисона.

От кого: Военачальника Бертрона Ваталлоса ан Боуэна.

Секретно.

«Я слышал о твоих планах по поводу Элизиума. Но участвовать в них я не стану, и причина тому тебе известна.

Бертрон не скажет ни слова против Гелиона, пока не объявится мой сын. Ради кого мне сражаться против проклятого Аскалона, если не ради Дариуса? Я знаю, он пропал по твоей вине...

Уже больше недели о нём нет вестей. Ты не понаслышке знаешь, сколько можно в одиночку прожить в Бездне. Но Дариус не такой. Он неосторожен и вспыльчив. Ему там не прожить и трёх дней. Прошу, выполни своё обещание! Верни мне его и можешь рассчитывать на мою безграничную помощь.

Ваталлос ан Боуэн.

P.S. Совет военачальников почти единогласно решил, что никто кроме Гелиона не готов вести за собой Элиос. Церемония коронации состоится через три дня в Святилище Элизиума. Я, как и все капитаны элийских гарнизонов, буду на торжестве. Поторопись с выполнением моей просьбы».

Даймон свернул письмо и, сморщив лицо, спрятал бумагу под латы. Он поднялся по длинной широкой лестнице во дворец военачальника, спокойно миновав немногочисленную охрану, и остановился сразу за входом. Бегло осмотрев убранство залов, мужчина задумался, к кому ему заглянуть первым.

Быстро вздохнув, бессмертный подошёл к широким устланным красным ковром ступеням, ведущим к покоям Кайнуса — Посланника Кайсинеля и военачальника Ингисона.

Постояв с несколько секунд, Даймон сжал кулаки и стал подниматься вверх. Дорогой зал, украшенный алыми коврами, полотнами известных элийских художников и золотыми статуэтками, сменился на узкий коридор, в конце которого виднелись каменные ступени винтообразной лестницы. Громадная хрустальная люстра, свисавшая с куполообразного потолка первого этажа, скрылась за поворотом. Важно отбивая шаг, мужчина поднялся по длинной лестнице под потолок башни дворца, где располагалась единственная комната — часовня Посланника. Наверху была небольшая арочная дверь. Даймон осторожно подошёл к ней и стал открывать. Но, несмотря на размер, дверь была очень толстой и тяжёлой, поэтому поддавалась она не сразу. Она тихо скрипнула, и Даэв перешагнул через высокий порог, оказавшись внутри крохотной часовни, где строго по расписанию Кайнус нёс службу.

В центре комнаты на круглом красном коврике стоял худощавый мужчина, сложив ладони у груди и склонив голову в молитве. Даймон остановился и замер сразу за дверью, чтобы дать Посланнику закончить службу. Мужчина что-то бормотал себе под нос, не обращая никакого внимания на гостя.

Воин стоял тихо, ожидая конца молитвы, и осматривал это малознакомое ему помещение. Комната была круглой — в часовне Посланника не должно быть углов — таково было желание Кайнуса. Стены, потолок и пол были из полированного мрамора приятного изумрудного цвета — также по просьбе хозяина покоев. Он считал мрамор «благородным камнем, умеющим хранить тайны». Перед лицом бессмертного жреца возвышалась статуя человека с крыльями, мечом в правой руке и шаром — в левой, выполненная уже из белого мрамора. Окно в комнате было одно — и то без стекла. Лишь крестообразная металлическая рама отделяла часовню от крепости Иллюзий. Сюда частенько задувал ветер, но Кайнус будто этого не замечал.

«Нельзя отделять храм Айона от Его дыхания», — так говорил Посланник.

Источника света в часовне тоже не было — лишь небольшое окошко освещало

помещение. Даймон посмотрел вверх: в центре куполообразного каменного потолка были лишь круглые узоры, напоминающие расположение звёзд на ночном небе.

«И как умельцы нашли мраморную породу с узорами, повторяющими созвездия?» — задумался Даэв.

Но его размышления прервали приближающиеся шаги Кайнуса — он закончил чтение молитвы и был готов выслушать гостя.

— Рад видеть Вас, господин Даймон, — Кайнус вежливо поклонился бессмертному и поднял на него большие светящиеся голубым глаза.

В каменном помещении было сильное непривычное слуху эхо, поэтому воин вынужден был переспросить Посланника.

— Я говорю, что рад приветствовать Вас здесь, — высоким мелодичным голосом повторил Кайнус. — Чем я обязан Вашему визиту?

— Расефиэль, господин Кайнус, Посланник Владыки Иллюзий, — Даймон так же учтиво поклонился в ответ. — Я надеюсь, что не помешал Вашему уединению.

— Что Вы, — улыбнулся жрец. — Айон всегда рад видеть своих детей, — он повернулся к статуе и легонько поклонился ей.

— Я пришёл поговорить с Вами по поводу скорой поездки в Элизиум, — вернув суровое лицо, начал Даэв. — Вы сказали, что я добьюсь там, чего желаю... Но сегодня я получил...

— Вне зависимости от обстоятельств Ваши замыслы будут осуществлены, — Кайнус склонил голову набок и продолжил. — Так хочет Владыка Иллюзий, а его желаниям мы не можем противиться.

— Вы говорили с Лордом Кайсинелем?

— Я не говорю с ним, я прошу совета. Великий Владыка иногда мне отвечает. Сегодня Он сказал, что Вы проявите себя.

— В Элизиуме?

— Не только в небесном городе, господин Даймон. Но именно там Вы изберёте путь, по которому будете идти до самой своей смерти.

— Смерти... — задумался мужчина. — И как скоро она придёт?

— Лишь Айон знает, — улыбнулся Посланник.

— Что ещё сказал Лорд Кайсинель?

— Свет преклонит колени перед победителем. Но победитель будет не тот, — медленно промолвил Кайнус.

— Что это значит?

— Не торопите события, господин Даймон. Нельзя знать о грядущем слишком многое.

— Но Вы-то знаете о будущем больше моего, — Даэв сощурился и пристально посмотрел в светящиеся глаза Посланника.

— Вам следует вернуться к своим товарищам и рассказать им о новостях, — даже не моргнув, проговорил он. — Да озарит Ваш путь Свет Айона, господин Даймон.

Бессмертный напрягся и громко задышал, ища что-то ещё в глазах жреца Кайсинеля. Но тот больше не сказал ни слова. Тогда Даэв развернулся и через секунду скрылся за дверью, с силой хлопнув ею.

Даймон не мог злиться на Посланника — это недостойно бессмертного. Но загадок от подобных бесед становилось всё больше, а ответов, увы, не прибавлялось...

Доставлено торговой компанией «Тёмное Облако».

Оплачено при отправлении.

Кому: Даэву по имени Белатрисс в крепость Элтенена.

От кого: Д.

Секретно.

«Трисс,

Ваталлос поставил мне ультиматум: я должен найти его сына до церемонии коронации, что случится через три дня. Я немедленно вылетаю в Арэшурат. Я смог уговорить Версетти и нескольких других легатов из крепости Иллюзий встать на нашу сторону — их помощь будет не лишней во время дня икс. Если всё пройдёт гладко, они отправятся в Асмодею вместе с Терианом Лекасом.

Да озарит твой путь Свет Айона, родная.

Твой Д.»

===== Часть 6. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 3.

Отредактировано.

Через три дня.

Элизиум.

По широким улицам небесного города разносился громкий звон колоколов Святилища, вызывающих на церемонию. В отдалённых районах столицы было пустынно — почти все жители собрались на Площади Святых перед высокой аркой, за которой сияли залы храма Элизиума.

На празднество в честь коронации нового правителя Элиоса созвали весь город, а также верхушки элийских легионов, знатных офицеров, губернаторов земель с семьями и состоятельных купцов, без помощи которых, увы, торжество было бы не столь грандиозным.

Конечно, все приглашённые не поместились бы в Святилище, пусть его залы были весьма и весьма просторными, поэтому места внутри храма отдали верным офицерам, военачальникам с семьями и приближённым Гелиона. Остальные же останутся ждать появления нового императора на Площади. Специально для гостей по периметру выставили ряды столов с закусками и напитками — знать не должна скучать даже во время важной церемонии.

И вот гостей впустили в Святилище — шумная толпа офицеров в парадных доспехах и женщин в роскошных платьях медленно вошла в здание и разбрелась по рядам, огибая расписанные художниками колонны громадного светлого зала. Под куполом на разной высоте висели люстры из белого золота, под сводами стекали вниз причудливые и массивные орнаменты, а из больших окон широкими полосами падал свет на полированный каменный пол, также украшенный картинами из элийской истории.

Вскоре, когда свободных мест в зале практически не осталось, за алтарём, искусно отлитым из драгоценного металла, открылась небольшая дверца, и из неё вышел приспешник Верховного жреца в белой тунике, исшитой золотыми нитями. Он важно спустился с возвышения, встал в центре помещения, развёл руки в стороны и произнёс:

— Прошу всем садиться, дамы и господа. Скоро начнётся церемония.

Затем мужчина развернулся и поспешил вернуться к алтарю, заняв место у статуи Айона и внимательно наблюдая за присутствующими.

Зал притих. Сотни глаз уставились на импровизированную сцену, ожидая главного виновника сегодняшнего торжества. Снаружи Святилища тем временем голос толпы

разрастался всё сильнее — их некому было успокоить; галдёж прекратится только тогда, когда на ступени храма ступит сам император.

Дверца в тайное помещение Святилища снова отворилась, и из недр храма явился Верховный жрец Юклиас. Его можно было узнать по одеждам: великолепная бархатная ткань белоснежной робы струилась с его плеч многочисленными складками, гармонируя с яркими декоративными вставками. Голову украшала золотая диадема с россыпью инкрустированных изумрудов. Из-под длинной полы туники виднелись острые белые сапоги, которые придавали особый приятный звук шагам мужчины. Жрец важно оглядел зал, изобразив равнодушное лицо, и тихо подошёл к своему помощнику, что-то шепнув ему на ухо. Тот кивнул и отошёл в сторону, освободив место по центру для Верховного жреца Элизиума.

Третьим у алтаря должен был находиться магистр Ордена Миразента, чтобы принять и утвердить законом имя, предложенное Верховным жрецом. Но так как Орден пока не возглавлял никто, на место магистра Гелион пригласил легата Пепельных Облаков — Сакмис. Женщина взошла на алтарь, надев для торжества привычные тёмно-серые парадные доспехи с гравировкой в виде герба легиона. За спиной её тянулся длинный белый плащ, а на бёдрах звенели ножны с начищенным мечом из чёрной стали — воин должен всегда оставаться воином и быть при оружии.

Сакмис поприветствовала жрецов и встала по левую руку от Юклиаса.

— Когда Вы прибыли в Элизиум? — спросила она главного священника. — Я слышала, Вас не было здесь какое-то время.

— Два дня назад, — устало кивнул ей мужчина и улыбнулся. — К сожалению, у Верховного жреца бывают дела не в столице, и иногда приходится покидать родной храм.

Женщина наигранно улыбнулась в ответ и отвернулась от Юклиаса, устремив взгляд на гостей. Жрец нахмурился, глядя в затылок черноволосой воительницы.

«Что Вам наплёл господин Гелион?..» — мысленно спросил он её.

Тяжело вздохнув, мужчина тоже отвёл от бессмертной глаза, мельком пробежавшись ими по залу. Но вдруг он заметил знакомое лицо. Юклиас присмотрелся и чуть было не раскрыл рот от удивления, но вовремя опомнился. С задних рядов на него пристально смотрела Белатрисс, одетая в непривычные для хрупкой волшебницы латные доспехи. Жрец сощурился, чтобы убедиться, не подвело ли его зрение, но девушка едва заметно кивнула ему, и у мужчины не осталось сомнений. Только тревога в его душе начала расти. Священник взял себя в руки, вздохнул и начал взглядом искать среди гостей ещё тех, кого здесь быть не должно.

«Вон ещё двое — те, кто был с госпожой Белатрисс, когда господина Фаметеса привезли в Фозту. Как же их... Вот и их заклинатель — в чёрном балахоне. А где господин Даймон?»

Как Юклиас не старался найти в толпе знакомое лицо Даймона, у него не получилось. Жрец был уверен, что бессмертного нет среди гостей в зале.

«Может, он снаружи?» — подумал священник и отвлёкся от своих поисков — с минуты на минуты должна начаться церемония.

Тем временем гул снаружи перешёл в овации — гости, оккупировавшие Площадь Святых, стали оборачиваться и расступаться, громко аплодируя своему новому правителю. Гелион появился неожиданно — важно шагая по каменной брусчатке, воин вышел в центр в окружении двух легионеров Пепельных Облаков и взмахами рук поприветствовал народ. В

ответ понеслась куча одобрительных возгласов. Кивнув сам себе, военачальник решительно пошагал ко входу в Святилище. Гости охотно расступились, улыбаясь воину в лицо, но тот лишь напряжённо молчал, отбивая громкие ровные шаги на пути к своей цели.

Как ни крути, большинство приглашённых на празднество весьма положительно относились к Гелиону и его намерениям, а, значит, были рады видеть его на троне Элизиума. Оттого великого Даэва так тепло встретили. Городская молодёжь, коей здесь было много, состояла, в основном, из членов зажиточных семейств и просто любила шумные мероприятия, поэтому охотно поддерживала торжество овациями. Те же, кто был как-то связан с политикой или раньше находился в близком окружении прежнего правителя, более сдержанно относились к сегодняшней церемонии. Но посудите сами, жить в Элизиуме и не быть лояльным к его военачальнику — нонсенс, оттого, как бы жители не хотели, им пришлось улыбаться и кланяться Аскалону, как это делают члены звериной стаи перед своим вожаком.

Гелион забрался на ступени храма и развернулся к гостям, встретив этот жест приветственными кличами и заводным свистом. Набрав в грудь воздуха, мужчина дал народу понять, что собирается говорить, и площадь тут же затихла.

— Спасибо, — начал он привычным холодным тоном бессмертного. — Сегодня мы с вами пришли сюда для одной цели. И это вовсе не гуляния, да бесплатная выпивка. Это — история, — воин сделал недолгую паузу, прислушавшись к тишине, и продолжил. — Мы сегодня творим историю! — он показал толпе сжатый кулак и напряг скулы в оскале. — Судьба Элиоса вершится в этот час. На наши дни пришлось много бед: асмодиане, балауры, крааллы. Все они желали лишь одного — падения Элизиума и уничтожения нашей великой расы. Они мечтали, чтобы мы с вами пали духом и склонились перед их грязными лицами, как рабы пред хозяевами! А теперь слушайте меня, братья мои и сёстры! Я клянусь своим бессмертием перед лицом Айона, что не позволю никому посягать на наши земли, традиции и нашу свободу! Я с честью буду носить титул военачальника Элизиума, и пусть враги завидуют нам, что мы живём в раю, ведь мы никому и никогда этот рай не отдадим! — Гелион прокричал последние слова, и его клич встретил воодушевлённый отклик толпы, заливающейся ором и свистом.

Под звонкий гул поддержки Даэв решительно вошёл в зал Святилища. Гости, находившиеся внутри, встали и молча поклонились. Гелион мельком оббежал помещение сияющим взглядом, дождавшись тишины, и, громко бренча парадными доспехами, пошагал к алтарю. С Площади Святых ещё долго доносились овации, поэтому паре стражников, дежуривших у входа, пришлось закрыть ворота в храм, иначе ничего не было бы слышно.

Гелион взошёл на алтарь, где его ждали Верховный Жрец, прислужник и легат Пепельных Облаков, и встал перед ними спиной к залу. В свете лучей, исходявших из широких окон Святилища, начищенные металлические доспехи сияли, словно звезда. На груди, широких наплечниках и поясе было выгравировано изображение солнца, испускающего во все стороны шесть лучей — родовой символ Аскалона и наследие древнего элийского легиона Миражей, одним из первых прибывшего в Арэшурат. За спиной Гелиона до пола спускался длинный красный плащ с золотой окантовкой. Слева к поясу были неподвижно прикреплены ножны, украшенные золотыми узорами. Из них торчала рукоять знаменитого меча Гелиона — «Дрожи Лорда балауров». Прекрасная сталь из сплава дрениума и адамантита придавала клинку серо-голубоватый цвет. Из-за особенностиковки под лучами солнца по всей длине меча отливали узоры, напоминающие разрез ствола дерева

— тёмные и светлые кольца чередовались, придавая ощущения, что эту сталь изготовила сама природа, а не человек в кузнице. На отлитой из позолоченного адамантита гарде был изображён дракон с крыльями и широко раскрытой пастью, плавно перетекающей в слегка утолщённое рикассо. Черенок представлял собой хвост ящера, даже структура чешуи была весьма похожа на натуральную, только намного мельче. Для удобства хватки в рукоять были втоплены едва заметные впадины для пальцев, а навершие, инкрустированное огромным красным камнем, при определённом хвате впивалось в специальную выемку на нарукавнике, что не позволяло выбить оружие из рук. Вдоль дола практически до острия тянулась золотая полоса с выгравированным на нём именем меча. Сам клинок был весьма длинным и тяжёлым — истинное оружие Даэва, но идеально сбалансированным, что позволяло владельцу чувствовать лезвие продолжением руки.

Гелион очень гордился этим произведением оружейного искусства, созданным умельцами шиго и украшенным в Храме Мастерства, и брал его с собой только в исключительных случаях, потому что боялся потерять клинок после очередной гибели на поле сражения — любой позарится на столь прекрасный меч, одиноко лежащий около пустых доспехов.

— Да озарит Свет Айона Ваш путь, — произнёс Верховный жрец, обратившись к залу, при этом величественно разведя руки в стороны. — Прошу садиться.

Через несколько секунд вновь настала тишина, и священник продолжил торжественным тоном:

— Гелион Бессмертный, — Юклиас сделал шаг к Даэву и посмотрел в его глаза, сгорающие от нетерпения. — Совет военачальников Элиоса избрал Вас новым правителем Элизиума, стражем расы и верной слугой Леди Ариэль. Вы обязаны произнести клятву верности долгу и чести.

Аскалон опустил на колено, вынул меч из ножен и положил его перед собой. Мельком глянув на крылатую статую, он опустил голову и медленно заговорил:

— Я, Гелион Бессмертный, преклоняюсь перед ликом Айона и прошу его о благословении на праведные дела во славу Элиоса. Я клянусь быть справедливым и милосердным к своему народу, клянусь быть храбрым и отважным на поле сражения, клянусь до самой смерти защищать свои земли и своих людей, клянусь чтить традиции и уважать обычаи Атреи, клянусь править во славу моей расы и делать всё для её процветания. Я клянусь своей жизнью перед сидящими здесь и перед лицом Всевышнего.

Юклиас подошёл вплотную к бессмертному и положил ладонь ему на голову.

— Всевышний благословляет Вас, господин Гелион, — монотонно промолвил священник. — Встаньте.

Бессмертный взял меч в руку, поднялся на ноги и оправился, встав по стойке смирно. Юклиас вздохнул и открыл рот, чтобы продолжить речь, но вдруг резко замолчал. Даэв заметил, что тот посмотрел на кого-то в зале и тут же отвёл взгляд. Воин сощурился в удивлении, но не стал оборачиваться: церемония должна пройти идеально — Гелион в это верил.

Вдруг сбоку послышались шаги. Аскалон резко повернулся — к алтарю с двух сторон подходили две шеренги из воинов, облачённых в доспехи Пепельных Облаков. Мужчина вопросительно посмотрел на Сакмис — их легата. В её глазах он увидел непонимание, воительница засуетилась и ладонью дала знак legionерам остановиться, но бойцы не обращали на неё внимания и продолжали шагать к алтарю. С задних рядов вдруг

повскакивали ещё несколько человек в броне. У троих из них в руках появились луки.

— Гелион! — успела вскрикнуть Сакмис, но вдруг захрипела и, вытаращив большие пылающие глаза, осела на землю. Из её шеи торчала длинная стрела.

Даэв скорчил яростную гримасу и в полуприсяди резко развернулся к залу. Сидящие на первых рядах повскакивали с мест, кто-то пригнулся и лёг на землю, кто-то побежал к выходу. Немногочисленные женщины закричали и бросились на пол, когда увидели рядом с собой натягивающуюся тетиву.

Юклиас схватил помощника за руку и отбежал назад. Священник торопливо открыл дверцу за алтарём и впихнул внутрь приспешника, сам же спрятался за створкой, осторожно выглядывая и наблюдая за происходящим.

Бойцы в доспехах Пепельных Облаков забрались на алтарь и с двух сторон обступили Гелиона. Десятки мечей и щитов закрыли обзор бессмертному.

«Живым не дамся!» — пролетело у Даэва в голове. Он согнулся и, зарывав, раскрыл за спиной огромные белые крылья, отбросив их взмахом несколько воинов.

Сквозь гам и крики в зале тонкий слух бессмертного услышал свист нескольких пущенных стрел. Гелион пригнулся и остриём меча полоснул по щиколоткам справа стоящих легионеров. Те свалились на пол, сам Даэв дёрнулся влево, и стрелы разрезали воздух в сантиметрах от его лица, вонзившись в статую Айона. Развернувшись на месте, мощные крылья воина снесли с ног ещё пару бойцов, затем Гелион резко пригнулся и, оттолкнувшись от земли, одним взмахом взмыл под самый купол Святилища.

Внизу царила суматоха. Гости в спешке покидали зал. Те, кто был при оружии, бросились на лучников и легионеров Пепельных Облаков. Началась схватка. Гелион свернул крылья и начал пикировать на шеренгу лучников. В него полетело ещё несколько стрел, но ни одна не попала в цель. Вдруг мужчина услышал сзади хруст. Он почувствовал, что крылья его потяжелели и перестали слушаться, словно обратились в камень. Даэв обернулся и увидел, как перья сковал толстый пласт льда, появившийся из ниоткуда. Воин попытался выбраться от ловушки, но не смог и камнем рухнул на пол, разломав грудью опустевшую скамейку. Он попытался встать, но его прижала к земле чья-то облачённая в сталь нога. Оскалившись, Гелион посмотрел на обидчика — из-под шлема светились большие голубые глаза. Мужчина узнал их.

— Ты? — прорычал он.

Но сказать что-то ещё Аскалон не успел. Через мгновение занесённый высоко над ним меч подошедшего сзади мужчины одним сильным взмахом снял голову с плеч Даэва.

— Дело сделано, — проговорил мужчина и, протерев лезвие о рукав, убрал его в ножны.

— Спасибо, Версетти, — кивнула девушка и убрала ногу с плеча Гелиона. — Мы у тебя в долгу.

Мужчина кивнул и обернулся, оглядев окружающую картину. Фигуры в доспехах Пепельных Облаков, стоя за пленниками, держали мечи у их глоток, чтобы те не дёргались.

— Все сторонники Гелиона схвачены, — заключил Версетти, обратившись к девушке, всё ещё стоящей у него за спиной.

— Среди наших есть потери? — спросила она, перешагнув через тело Аскалона.

— Двое. Гелион потерял восьмерых. Из Даэвов только он и Сакмис. Твой муж ведь встретит их у кибелиска?

— Да, — обернувшись на труп бессмертного, промолвила девушка. — Там их уже ждут.

Тело военачальника Арэшурата медленно укрыли белоснежные перья. Зашелестев, они

вдруг рассыпались в пепел вместе с останками мужчины. Ветер, завывающий через открытые ворота Святилища, поднял пылинки в воздух и унёс их далеко.

— Что будем делать с горожанами и гостями снаружи? — спросил Версетти. — Они в панике.

— Оцепи Площадь и не дай никому покинуть её, — тихо промолвила Белатрисс. — Народ успокоится, когда увидит живого Фаметеса.

— А с этими что? — легат махнул головой в сторону пленённых воинов и приближённых Аскалона, смирно стоящих на коленях с мечами у глоток.

— Свяжите их и спрячьте в Святилище. Убивать их не стоит... — волшебница пронзительно посмотрела на Версетти. Тот понимающе хмыкнул и утвердительно кивнул — всё же это были знатные офицеры и члены известных семей и легионов.

Легат Сияния Миражей молча развернулся и направился к своим легионерам, чьи лица скрывали чужие доспехи. Белатрисс прошептала что-то и, предвкушающе глянув в сторону выхода, торопливо покинула Святилище.

Цитадель Тэминона. Арэшурат.

Каменная статуя Леди Ариэль засветилась. Воздух небольшого тёмного помещения помутнел и стал кружиться вокруг изваяния. Вдруг вихрь резко опустился к ногам Служительницы Вечности и начал собираться в плотный серый клубок. Постепенно уплотняясь, он стал принимать форму сидящего на коленях человека. Через несколько мгновений фигура шевельнулась, и остатки пыли послушно опустились на землю.

Это была женщина. Чёрные волосы небрежно лежали на её плечах, скрывая лицо, а руки и ноги дрожали, словно от конвульсий. Даэв попыталась встать, но не удержалась на ногах и упала на колени.

— Проклятый кибелиск... — прошипела она, с ненавистью смотря на дрожащую ладонь.

Через несколько минут дыхание возрождённой выровнялось — женщина начала приходить в себя. Фантомная боль в шее ещё никуда не делась — воительнице до сих пор казалось, что в горле торчит длинная острая стрела.

Элийка осторожно поднялась и, устало волоча ноги по земле, подошла к шкафу, что был единственным предметом мебели в этом помещении. Толстые каменные стены, прочная дверь и узкое окно башни дворца надёжно защищали кибелиск — Сакмис это знала, но сегодня она была не уверена в безопасности статуи.

Открыв дверцу старого шкафа, она сняла с крюка длинную серую тунику и накинула её на себя — пускай стража сюда не входит, но путь до её покоев довольно неблизок, а оказаться голой перед легионерами и гостями Цитадели было для бессмертной элийки верхом позора.

Сакмис подошла к двери и положила ладонь на тяжёлую ручку, но выходить не спешила. Она чувствовала, что Гелион не выжил там в Элизиуме и скоро его душа тоже прибудет в эту обитель.

Женщина не ошиблась. Затхлый воздух комнаты завертелся в вихре, развевая волосы воительницы. Она отвернулась от ветра и стала молча ждать. Ждать, пока ветер не успокоится и сзади не донесётся родной крик.

Гелион всегда кричал, когда возрождался. Говорят, каждый Даэв по-своему переживает свою смерть. Кто-то видит родной дом, гуляет по саду, пока его душа летит в Эфирном

потоке к холодному кибелиску. Кто-то летит под небесами и падает вниз, а когда достигает земли, открывает глаза и оказывается в реальности — сидящим нагим перед вырезанным в камне ликом Леди Ариэль. Кто-то сгорает заживо, кто-то погибает в море — все бессмертные видят разные картины, но конец во всех сюжетах один: в каждом из видений они погибают, чтобы воскреснуть в другом мире. Смерть в реальности означает рождение в ином измерении — мире призраков и воспоминаний, а гибель там — возрождение в настоящем. Смерть порождает жизнь, а жизнь порождает смерть — так говорится в книгах мудрецов и так понимается одно из Слов Айона.

Сакмис не раз спрашивала у Гелиона, что он видит после смерти. Но он никогда не отвечал ей. Женщина слышала его крик и пыталась представить, что могло вызвать такие эмоции у непоколебимого бесстрашного Даэва. Боль? Вряд ли: бессмертные привыкли к ней. Переживание старых воспоминаний? Возможно, ведь Гелион мало что рассказывал о жизни, в которой называл себя Аскалоном. Но воительница думала, что там не просто обрывки памяти — там нечто большее. Может, перед возрождением Гелион видит самый страшный момент в его прошлой жизни. Или будущей. Не зная, как понять это видение, он никому о нём не рассказывает. Сакмис давно перестала расспрашивать его по поводу этого, но ей было жаль его. Каждый раз, когда она слышала его беспомощный крик, она хотела попасть туда, в мир его видений, и спасти от них, поскорее вытащить в реальный мир, но не могла. Переживать одно и то же снова и снова — ещё одно бремя Даэва, возложенное навеки вместе с Божьим благословением.

Гул ветра стих. Это значило, что мужчина скоро придёт в себя. Сакмис застыла и прислушалась. Сзади доносилось хриплое дыхание, переходящее в низкий стон. И вдруг оно прервалось, озарив помещение оглушительным истошным криком. Он был похож на мольбу о спасении, на голос преступника, которого сжигают заживо на костре.

Женщина зажмурилась — она не хотела видеть его лицо в этот момент. Сакмис и так знала, что сейчас его мужественное тело перекошено адской болью, и если она посмотрит на него сейчас, то Гелион отпечатается в её памяти и таким: беспомощным, кричащим, словно младенец, что минуту назад появился на свет.

Когда оглушительный стон стал стихать, а дыхание выравниваться, женщина осторожно обернулась. Возле каменных ног Ариэль сидел мужчина. Он тихо хрипел и мотал головой из стороны в сторону. Воительница подошла к шкафу, достала ещё одну тунику и накинула её на спину Гелиона. Бессмертная присела рядом с ним и пальцем подняла его за подбородок, чтобы вновь увидеть светящиеся карие глаза.

— Сакмис... — прохрипел мужчина.

Воительница улыбнулась и помогла ему встать. Военачальник искривил лицо и выпрямился. Он поправил тунику, бросил полный недоверия взгляд на кибелиск и направился к двери.

— Куда ты? — Сакмис шагнула к нему и остановила.

— Они придут сюда... — промычал он. — Какой позор. Они... они напали на меня в Святилище Элизиума. Труссы. Предатели.

— Гелион, я не... — женщина облокотилась о стену и непонимающе замотала головой. — Это не могли быть мои легионеры. Они бы никогда... Я клянусь, что...

— Это не твои легионеры, — зарычал военачальник. — Я узнал ту девчонку. Проклятую волшебницу — зазнобу Даймона. Как её... Бело... Бела... Белатрисс.

— Это Даймон? — ошарашенно воскликнула Сакмис. — Он тебя предал?

— Если это так... — Гелион вздохнул и оскалился. — Я его развоплощу... Этого... выродка... — он закричал и ударом о стену раскровил себе ладонь.

— Зачем ему это? Он всегда был тебе верен.

Мужчина услышал приближающиеся шаги за дверью.

— Сейчас и спросим... — прошипел он.

Дверь резко открылась, и перед глазами военачальника предстали с десятков облачённых в броню фигур. В центре как всегда без шлема важно стоял сам Даймон.

Гелион скорчил гримасу и плюнул ему в лицо. Тот закрыл глаза и вытерся нарукавником.

— Как ты посмел? — воскликнула Сакмис и бросилась на него, но стража схватила её и скрутила. — Ты! Жалкое отродье! Кому ты продался? Балаурам? Асмодианам? Я всегда знала, что ты лицемерная тварь! Мерзкий трус...

Даймон заткнул ей рот ладонью, но та продолжила брыкаться и что-то мычать. Тогда мужчина надавил посильнее и прошептал ей на ухо:

— Я никому не продавался.

Он отпустил воительницу, и четверо бойцов унесли её прочь из комнаты. Сакмис не переставала кричать ругательства вслед, но Даэв больше её не замечал.

— Простите меня, господин Гелион, — сказал он и перешагнул через порог комнаты. — Но Вам придётся пройти со мной.

Тот усмехнулся и вытер кровь с раненой руки о нагрудник Даймона.

— Попробуй сказать мне это, будучи без оружия...

Даймон промолчал в ответ и кивнул бойцам. Они вмиг скрутили бессмертного и вывели его из помещения. Процессия прошла по короткому коридору и начала спускаться вниз по лестнице на первые этажи дворца. Гелион шёл сам, его руки и плечи держали сзади, чтобы тот не вырвался.

— И где вся охрана? — озираясь по сторонам, спросил он.

Даймон не ответил.

— М-м-м... Перебил и их? Интересно, сколько клятв ты нарушил за один день?

— Я не убивал Ваших стражей, — промолвил надзиратель. — Они связаны, но целы и невредимы.

— Значит, ты и Цитадель захватил? — в издевательской усмешке проговорил пленник.

— Нет, только это крыло дворца. Никто не знает, что здесь произошло.

— Пока не знает. Ты думаешь, никто не догадается о случившемся? Вести из Элизиума придут быстро.

— Я обо всём позаботился, — равнодушно ответил Даймон, шагая рядом с Гелионом.

Аскалон ухмыльнулся и замолчал. Кучка воинов с пленным военачальником спустилась на первый этаж и остановилась около просторного коридора, ведущего в холл дворца.

— И куда мы идём? — презрительно глядя на обидчика, спросил Гелион.

— В безопасное место, — буркнул Даймон и кивнул одному из стражников.

Тот воткнул тряпку в рот пленнику, достал из-за пазухи мешок и натянул его на голову военачальника. Руки сзади заковали в кандалы, а поверх туники надели чёрную мантию.

Надзиратель дал знак шагать. Процессия медленно выступила в холл. Здесь было пустынно — знать и офицеры находились в столице, у входа во дворец дежурило лишь несколько патрульных.

— Стоять! — крикнул один из стражей Цитадели, когда мимо проходили воины с

закованной фигурой. — Это ещё кто?

— Агент Пандемониума, как я и говорил, — уверенно ответил Даймон. — Ведём его к Элизиум к господину Гелиону для дачи показаний.

— Вот же мразь... — замотал головой патрульный. — И это у нас в Цитадели... Пожётче с ним!

Даэв кивнул и велел спутникам шагать дальше. Гелион начал что-то мычать и брыкаться, но Даймон ударил его по задней стороне шеи, прикрикнув:

— Заткнись! — и тот замолчал.

Колонна шагала ещё долго, Гелион знал каждый уголок Цитадели Тэминона, поэтому понимал, куда его ведут.

Около погрузочного склада товаров на причале стояло небольшое парящее судно. Процессия обошла расставленные тут и там деревянные ящики и перебралась на корабль.

— Склад пуст — свидетелей нет, — подтвердил Даймон, оглядываясь по сторонам. — Отчаливай!

Судно дёрнулось и поплыло прочь от острова к Эфирному барьеру, защищающему этот форт элийцев. Гелиона посадили на скамью не дали возможности двигаться — несколько рук крепко держали его за плечи.

Через час корабль пришвартовался, и пленника насильно повели с борта на землю.

«Холодно, — заметил военачальник. — Значит, я далеко от Ока».

Гелиона спустили по длинной каменной лестнице в какое-то сырое помещение. Слева скрипнула решётка, и мужчину бросили в камеру. Затем с него скинули мантию и мешок, но снимать кандалы с рук не стали. Оглядевшись по сторонам, он спросил у нависающего над ним Даймона:

— Ну и куда ты меня привёл?

— Это остров Теней, — равнодушно ответил бессмертный. — Здесь Вас недолго продержат.

— Недолго? — усмехнулся воин. — Это сколько по меркам Даэва? Сотню лет?

— Несколько недель, — устало бросил Даймон.

— А потом? Что потом? Отпустишь, словно ничего и не было? Думаешь, я просто так обо всём этом забуду?

— Не забудете. Но уже ничего не сделаете. Скорее всего, Вас лишат поста военачальника. Наверное, сделают простым офицером.

— О-хо-хо, — засмеялся Гелион и замотал головой. — Все знают о моих подвигах. О том, что я заслужил этот пост сам — без чьей-либо помощи. Как только ты лишишь меня званий, поднимутся бунты.

— Бунтовать нет времени. Да и сил. Воины и так не видят отдыха. Благодаря Вам, — Даймон строго посмотрел на военачальника, ожидая его ответа.

Гелион закатил глаза и вздохнул.

— Только не говори, что всё это из-за личной неприязни. Надеюсь, ты не забыл, кто сделал тебя командующим, дал власть и кому ты обязан возвращением утраченных территорий?

— Я обязан воинам, что сражались в Бездне, Ингисоне и Келькмаросе. Воинам, которые верят в своё будущее и хотят жить.

— Не будь меня, не было бы и этого похода, кретин! Кстати, ты не ответил, — сморщился Аскалон. — Так кто стоит за срывом церемонии?

— Престол займёт законный владелец, — монотонно произнёс Даэв.

— М-м-м, — наигранно удивился пленник. — И кто же?

— Господин Фаметес.

— Забавно... — ухмыльнулся Гелион. — И кучка легионеров во главе с безумным бессмертным решила вернуть ему трон, да?

Даймон сощурился и смолчал.

— А помнишь, как ты предал его, уговаривая меня восстать против Элизиума? Ты клялся мне в верности, произносил речи... Куда делось это всё? Теперь тебя уже не устраивает старый Даэв?

Даймон нахмурился. Он опустил голову и тихо заговорил:

— Балауры не отступят против атак на Элиос. Сейчас, после стольких лет войны появился шанс уничтожить ящеров раз и навсегда. Вы бы никогда не пошли на это.

— На что?

— На объединение Элиоса и Асмодеи.

Гелион звонко расхохотался. Честно сказать, Даймон не ожидал такой реакции и слегка удивился, но не стал ничего говорить.

— Дракана с два! — утолив приступ смеха, промолвил пленник. — Вот насмешил... О, Айон, ты вправду меня удивил, ха-ха. Я думал, причиной может быть всё, что угодно, но только не это. Объединить давних врагов! Ха-ха-ха... Даймон, скажи, бессмертие лишило тебя разума? Хорошо, только скажи мне, и я это быстро исправлю... Как можно быть настолько наивным? Я до сих пор надеюсь, что ты пошутил.

— Я не шучу, — грозно ответил Даэв. — Войска асмодиан и элийцев смогли отбить атаку Дерадикона. Балауры удивлены, а до командования северян дошла некая мысль.

Гелион искривил лицо в ухмылке и покачал головой.

— Сколько раз ты уже упоминал это событие... Победить один раз ничего не значит. Особенно для асмодиан. Вспомни, почему вы бились на одной стороне: это было всего лишь выгодно для вас — ничего более.

— Увидим... — печально вздохнул Даймон и пошагал к выходу.

— Стой! — крикнул ему вслед Гелион.

Даэв обернулся.

— В Элизиуме не простят осквернения Святилища.

— Если только Верховный жрец сам не принимал в этом участия... — бросил воин и открыл створку решётки.

— Так-так... Всё спланировал, думаешь? Интересно. Скажи, ведь ты же не сам это придумал... — тихо промолвил Аскалон.

Даймон замер и искоса посмотрел на пленника.

— ...Куда тебе. Ты лишь крыса на побегушках: склоняешься задом перед тем, кто сильнее или умнее, — военачальник посмеялся и упёрся взглядом в землю, перебирая стальные цепи на руках. — Знаешь, а ты немногим ушёл от Раверинтоса — такая же безмозглая пешка, как и тот фанатик. Им управлял выродок Слутгельмир из Асмодеи. А кто помыкает тобой? Неужто тот красивый зеленоглазый асмодианин, которого ты защищал? А ты не думал, что он делает и говорит только то, что ему выгодно? Как и все серозадые...

— Помолчите, господин Гелион... — напрягши скулы, высказался Даймон. — Я делаю то, что считаю нужным, и по своим причинам.

— Думаешь, я не знаю, почему ты такой? — продолжил пленник, словно не обращая

внимания на слова бессмертного. — Ты желаешь изменить мир, но понимаешь, что сам ничего не добьёшься. Я читал твою биографию, Даймон. Мы с тобой похожи.

Воин, всем своим видом выказывая скуку, облокотился о петли и сложил руки на груди.

— И чем же?

— Ты сирота, — улыбнулся Гелион. — Вырос в церковном приюте в Интердике, ведь так? Конечно, так. Как и я... Но моим домом был Теобомос. Знаешь, очень редко бывает так, что дети, не имеющие богатых и знатных родителей, вырастают прекрасными бойцами и становятся Даэвами.

Даймон сощурился и склонил голову набок.

— Это было давно, — промолвил он. — Я уже не помню своего детства.

— Сколько лет живёшь, а врать до сих пор не научился, — ухмыльнулся военачальник. — Всё ты помнишь: и как годами ходил в грязных обносках, голодным скитаясь по улицам, и как завидовал офицерским отпрыскам, чьи дома были всегда полны тепла и ласки...

— Довольно, — прервал его воин, приблизившись к пленнику.

— Я тоже всё это пережил. Ты думаешь, я не понимаю твоих мотивов? Считаешь, что я видел меньше боли в своей жизни? О, ты сильно ошибаешься.

— Мне не нужно Вашего сочувствия. Сейчас я Даэв. Даэв без прошлого...

— И будущего, если не освободишь меня прямо сейчас, — перебил его Аскалон. — Обещаю, что, если ты немедленно снимешь с меня кандалы и выпустишь, я тебя не развоплочу.

— А теперь я удивлён Вашей наивности, господин Гелион, — криво ухмыльнувшись, промычал воин. — Приятного отдыха.

Даймон быстрым шагом вышел из клетки и захлопнул решётку, повесив на неё тяжёлый замок.

— Проклятый ублюдок! — лицо Гелиона вмиг налилось злобой и яростью. — Клянусь Айоном, я выберусь отсюда и расправлюсь с тобой и твоей прекрасной жёнушкой, дракан тебя дери! Две головы на пиках болтаться будут остальным в назидание, слышишь? Слышишь, отродье балаурское?

Даймон ничего не ответил. Он подошёл к одному из легионеров и грозно приказал:

— Глаз с него не спускать! И не слушать его гадкие речи: он ещё тот умелец лапшу на уши вешать. Легата Пепельных Облаков привести сюда же и посадить в соседнюю клетку. Следить за ними и днём и ночью! Всё понятно?

Бойцы дружно кивнули, и Даймон, что-то буркнув, быстрым важным шагом поднялся на поверхность. Бессмертному элийцу предстоял путь в столицу, где всё должно было закончиться строго по плану.

Элизиум.

Легионеры Сияния Миражей и Когтя Грифона оцепили Площадь Святых. Околс Святилища творилось нечто невообразимое: сотни знатных элийцев, крича и визжа, бросались на воинов, офицеры угрожали центурионам расправой — страсти накалялись с каждой минутой.

Из ворот храма в окружении четырёх бойцов, двух Даэвов и Верховного жреца вышел юноша в фиолетовой робе. Он вознёс руки к небу и крикнул:

— Тихо!

Но это было бесполезно — никто его не услышал. Тогда Белатрисс, уже переодевшаяся в привычное для неё платье, взмахнула руками, и над площадью мгновенно пролетел сильный поток воздуха, привлёкший внимание разбушевавшихся гостей.

Все затихли и развернулись лицом к храму. Когда последние горожане подняли с брусчатки свои слетевшие шляпы, юноша вышел вперёд и громко заговорил:

— Меня зовут Фаметес из династии ан Ривенов! Я — законный правитель Элизиума!..

Но ему не дали договорить. Площадь вмиг взорвалась криками и негативными окликаками:

— Самозванец! Фаметес мёртв! Уберите мальчишку!.. — доносилось со всех сторон.

Белатрисс не выдержала и вновь пустила вихрь по округе. Крики тут же сменились на тихое недовольное бурчание. Фаметес одобрительно кивнул девушке и продолжил:

— Я не самозванец! Моё имя — Фаметес, и я военачальник Элизиума! Глава Ордена Миразента пытался отравить меня, но у него не получилось: я выжил и готов снова занять законное место на троне.

— Докажи! — донеслось из толпы.

Тогда слово взял Верховный жрец Юклиас.

— Как глава Святилища Элизиума и слуга Айона я заявляю, что это действительно военачальник Фаметес ан Ривен. Магистр Раверинтос мёртв — он убил себя, когда его поступки вскрылись.

Площадь вновь озарил громкий гул.

— Сколько можно их обдавать ветром? — нахмурившись, спросила у жреца Белатрисс. — Нужно что-то посерьёзнее... Канеус! — крикнула она в толпу.

Из-под чёрного капюшона в самом центре площади засветилась пара острых глаз. Спустя лишь мгновение округу потрянул сильный подземный толчок. Несколько человек, охнув, свалились с ног, остальные схватились друг за друга и не отпускали, пока всё не прекратилось.

— Ну, теперь-то до них должно дойти, что перебивать — некультурно... — тихо пробормотала Белатрисс, кивнув фигуре в капюшоне.

— Это так! — продолжил Юклиас. — Всё, что было сказано — правда! Господин Фаметес — ваш законный правитель! Его благословил Айон и Служители Вечности! Именно перед ним вы должны преклонить колени, а не перед самозванцем Гелионом!

Гости недоверчиво переглянулись. Юный военачальник сделал ещё шаг вперёд и расправил руки в стороны. Кто-то робко выкрикнул:

— Да!..

Несколько рук громко захлопали. Через несколько секунд к ним присоединились ещё десяток. Вскоре по Площади Святых разлились дружные аплодисменты, сменяемые одобрительными воплями и кивками.

— Слава Айону... — промолвил Юклиас, наблюдая за картиной.

Фаметесу аплодировали сотни людей, а это значило, что они вспомнили в нём своего императора. Всё прошло, как нельзя лучше.

Этим же вечером.

Храм Стражников. Элизиум.

Даймон направлялся в покои Фаметеса. Он подошёл к залу заседаний и тихонько приоткрыл дверь. Обнаружив там фигуры военачальников, сидящих за столом вокруг своего

правителя, Даэв тихо прикрыл её, решив дожидаться окончания совещания.

Буквально через десять минут дверь отворилась, и из зала стали медленно выходить капитаны элийских гарнизонов. Даймон проводил недоверчивым взглядом улыбающегося Ференто, главу Интердики, и наткнулся на Ваталлоса — военачальника Бертрона.

— Господин Ваталлос, — бессмертный учтиво кивнул мужчине, которого чуть не сбил с ног.

— Даймон, — скупое поприветствовал его элиец. — Ты не сдержал обещания...

Пронзительный грустный взгляд ан Боуэна старшего заставил Даэва опустить голову и сжать кулаки.

— Я искал по всей Бездне, — промолвил воин. — Но следов Вашего сына не нашёл.

Ваталлос вздохнул и зажмурился. Казалось, он сдерживал подступавшие слёзы.

— Зачем он вообще отправился в эту проклятую Цитадель?..

— Мне жаль, — лишь произнёс бессмертный.

— Он всегда был своенравен... — тихо заговорил мужчина. — Считал честь превыше всего... Я был плохим отцом и не смог уберечь его от него самого...

— Не вините себя...

— А кого? — резко перебил его военачальник. — Тебя? За то, что не уследил за своим легионером...

— Он уже не был моим легионером, когда пропал.

— А как же письмо, что он послал тебе? Ты сам говорил, что он хочет вернуться в легион! — надрывным голосом произнёс Ваталлос.

— Я не успел ответить ему, а потом меня лишили легатства... — пялясь в блестящий пол, ответил Даэв. — Не теряйте надежды. Может, Дариус ещё вернётся.

— Я молюсь каждый день. Он — единственное, что осталось у меня...

— Тогда он точно вернётся, — добродушно кивнул Даймон и вздохнул. — Что было на совещании?

— Обсуждали сегодняшнее утро, — отстранённо пробормотал военачальник. — Это ты спланировал всё?

Даэв не хотел пока упоминать об асмодианине, поэтому ответил:

— Это был общий план. В нём участвовало много Даэвов.

— Я заметил... — буркнул мужчина.

— Да защитит Вас Айон, господин Ваталлос, — не желая больше задерживаться, попрощался бессмертный.

Капитан гарнизона Бертрона не ответил. Он молча пошагал к лифту, Даэв проводил его задумчивым взглядом и открыл дверь в зал. Во главе длинного стола всё ещё сидел Фаметес.

— Добрый вечер, господин Даймон, — промолвил юный правитель, узнав гостя. — Рад Вас видеть.

— Расефиэль, господин Фаметес, — воин поклонился и занял место справа от юноши. — Как Вы себя чувствуете после сегодняшнего?

— Отлично, благодарю. Ваша жена говорила, что успех — это Ваша заслуга.

— Она преувеличивает, — улыбнулся мужчина. — Как Вам старое новое место?

— Лучше прежнего, — нахмутив брови и потеряв ладонью подлокотник, ответил юноша. — Я усвоил много уроков. Впредь не буду совершать прошлых ошибок...

— Я рад это слышать, — одобрительно кивнул Даэв. — В ближайшие дни Вам придётся решить много задач: тех, что раньше решал магистр Ордена.

— Да, издать кучу указов, назначить людей на посты...

— И не забудьте про пост магистра. Его должны будете назначить лично Вы как покровитель Ордена Миразента.

— Вы правы, — вздохнул Фаметес. — Но я пока не представляю, кто достоин занять эту должность.

— Выберите самого мудрого. Он должен быть опытен и чист. И, конечно же, быть верен Вам.

— Может, господин Юклиас?

— Зная Верховного жреца, могу сказать, что он вряд ли согласится, — улыбнулся воин. — Даже если Вы попросите, он пожелает остаться главой Святилища.

— Тогда на ум никто не приходит... — нахмурился юноша. — Стойте. Вы говорили о самом мудром. А что насчёт Вашего заклинателя... Как его?..

— Канеуса? — удивился бессмертный и вскинул бровь.

— Да. Он мне показался очень мудрым и... верным.

— Мудрости ему не занимать, но...

— Даэв может быть главой Ордена? Или это нарушает традицию? — перебив его, заинтересовался правитель.

— За последнее время мы нарушили столько традиций, что, я думаю, это возможно, но... — Даймон даже растерялся. — Это очень необычное решение. Честно говоря, Вы повергли им меня в шок. Канеус — мудрец, но он ещё и воин. Зная его своевольный характер, он может запросто проигнорировать Ваше предложение.

— Значит, Вы его убедите, — настоял Фаметес. — Я желаю видеть возле себя советника, опытного во всех отношениях. Он должен помогать мне не только касательно дел Элизиума, но и советовать в военных вопросах. А кто может быть лучше Даэва, да ещё и заклинателя?

— Пожалуй, Вы правы... — выцедил из себя Даймон, всё ещё не соглашаясь в душе с мнением юного правителя.

— Хорошо, с одним вопросом разобрались. Теперь остаётся ещё одна важная должность: пост военачальника Арэшурата. После отставки господина Гелиона достойного кандидата будет тяжело найти...

— Я понимаю... — кивнул Даймон.

— И это будете не Вы, — довольно строгим тоном произнёс юноша. Во взгляде Фаметеса Даймон увидел нарастающее недоверие.

— Я и не желаю этой должности. Особенно, сейчас, — максимально равнодушно ответил Даэв. — Тем более, на мой взгляд, на высоких постах и так будет достаточно бессмертных.

— Причина вовсе не в этом, — тон правителя действительно изменился на предельно серьёзный. Юноша прожигал Даэва своим пронзительным взглядом. — Я знаю, что Вы помогли мне только из-за своего плана, который я пообещал поддержать, если вернусь на пост военачальника Элизиума. Вы использовали меня ради своей цели. В ваших глазах нет верности. Есть только выгода. Поэтому обещать Вам высокое положение и звание я не могу.

Даймон молча кивнул. Он не стал спорить с Фаметесом, как бы ему этого не хотелось.

— Надеюсь, у Ваших друзей были другие мотивы, — продолжил юноша. — Но хватит об этом. Вы выполнили своё обещание: я сижу на троне — теперь я выполняю своё.

Даэв внимательно посмотрел на Фаметеса.

«О да, ты изменился... — подумал воин. — Теперь ты не похож на зелёного мальчугана. Что ж, может, из тебя и выйдет достойный правитель...»

— К сожалению, я не могу отдать Вам Сияние Миражей — его бойцы очень опытные и нужны мне в Ингисоне. Для авангарда берите Коготь Грифона. Ещё восемь легионов я соберу из Бертрона и Интердики. Если я пойму, что асмодиане не планируют диверсию, то я вышлю ещё десять легионов. Вы согласны?

Даймон улыбнулся. С каждым словом юноши воин убеждался всё больше, что Фаметес — не худшая партия для столицы и Элиоса в целом.

«Мудрое решение — не посылать один из лучших легионов на волю Айона в кровавые земли Асмодеи. Очень хорошо, Фаметес, очень хорошо...»

— Так Вы согласны? — переспросил правитель, не дождавшись ответа.

— Простите, я задумался... — оправился бессмертный. — Да, я согласен... Я вышлю Вам весточку, как только будут первые успехи.

— Хорошо, бойцы будут готовы в течение недели, — как ни в чём бывало продолжил юноша. — Я переговорил с господином Терианом Лекасом: он предупредит господина Видара из Пандемониума о наших намерениях. Без согласия военачальника северной столицы я не разрешу поход.

— Разумно, — согласился Даэв. — Вы сказали, что говорили с Терианом Лекасом. Можно спросить, где он сейчас?

— Ближе, чем Вы думаете, — Фаметес поднялся и важно пошагал к двери в свои покои.

Открыв дверь расписным ключом, правитель распахнул её перед Даймоном. Мужчина шагнул внутрь. За массивным столом, тускло освещаемым догорающей свечой, сидела фигура, облачённая в чёрное. Завидев гостей, она резко обернулась, и из темноты засияла пара ярких ядовито-зелёных глаз.

===== Часть 6. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 4.

Отредактировано.

Фоэта.

Как Даймон и обещал, за Эви, всё ещё одиноко живущей в Акариосе, стал присматривать Калион, глава наёмников. Он приезжал к ней каждый день около полудня и приносил с собой какие-нибудь подарки: в основном, свежие фрукты и травы.

Эви вот уже почти неделю жила одна в большом доме. Ей было очень непривычно долгое время находиться в одиночестве, ведь с детства её окружали нянечки, сверстники, куча прислуги, да и кавалеры, в конце концов. С недавних пор девушка стала бояться оставаться одной, пускай вокруг и было безопасно.

Целыми днями элийка сидела в доме, боясь выйти на улицу. Почему именно, она не могла себе ответить. Оттого визиты Калиона были для неё спасением. Они гуляли по Акариосу, ездили верхом по окрестностям города, бывали у озера. С ним было легко и приятно общаться. Несмотря на некую напыщенность и хитрый взгляд, Калион казался весёлым и позитивным человеком, что можно было редко сказать о наёмниках. О людях этой профессии ходили разные слухи — и почти всегда неприятные. Наёмники на то и наёмники, чтобы выполнять любую работу за деньги.

Так сложилось, что в Фоэте не было собственных легионов, как не было и военачальника, кому они должны подчиняться. Элизиум не стал выделять острову свои войска за ненадобностью: здесь никогда не встречали ни асмодиан, ни балауров. Но зато

было предостаточно своих проблем, на которые столица не обращала внимания: дикие звери, керубимы, дукаки — злобное племя гоблинов, нещадно вырубающее лес. Учить мирных жителей Фоэты держать в руках оружие было некому, поэтому пришлось воспользоваться помощью наёмников из Бертрона и Элтенена. Это были либо бывшие легионеры, либо рекруты, не вступившие в ряды легиона. Также среди наёмников было немало крестьян, овладевших оружием и теперь зарабатывающих себе на жизнь не ремеслом, а защитой своих соседей — всё-таки воинам платили достаточно и, что немаловажно, стабильно.

В этот день Калион обещал проехать с Эви верхом до озера, поэтому велел ей к полудню быть готовой. Девушка подготовилась к прогулке основательно: набрала воды в флягу из сушёной тыквы, прицепила к седлу три полные корзинки еды, уложила несколько покрывал и пледов, прихватила пучок лечебных трав и два ножа, запятанных в одежду — мало ли что. Когда Калион подъехал к дворику девушки, она уже поправляла седло своей лошади.

— Доброе утро, милая леди, — как всегда важно поклонился мужчина, будучи верхом, и широко улыбнулся, щурясь от ярких лучей полуденного солнца.

— Вы опоздали, — улыбнулась в ответ Эви и ловко забралась в седло. — Уже почти пол-первого.

— Что ж, прошу прощения за мою непунктуальность, — лукаво промолвил мужчина и развернул лошадь к дороге. — Тогда поторопимся?

Девушка положительно угукнула, и наездники помчались прочь из города — только шлейф из пыли нёсся за ними столбом.

— Кто первым пересечёт крепостные ворота, тот выбирает место для пикника, — крикнул наёмник вслед Эви.

— Вы проиграете, — промолвила она и пришпорила лошадь сильнее. — Но! Пошла! Калион ухмыльнулся и помотал головой.

— Ну уж нет! Попробуйте догнать моего жеребца, юная леди!

Неожиданно для девушки, конь наёмника востепенел, громко заржал и вдруг понёсся вперёд с недостижимой скоростью. Эви удивилась и попыталась догнать мужчину, но его скакун был намного резвее. За столбом пыли, несущимся за Калионом, девушка увидела широкую и довольную улыбку на его лице.

За самыми воротами мужчина остановил лошадь и устремил взгляд на уже не особо спешащую элийку, чья победа была украдена хитрым наёмником. Калион сделал вид, что зевает, дожидаясь спутницу, и произнёс, когда её лошадь поравнялась с его:

— Долго же Вы едете, милая леди. Так и до сумерок не доберёмся!

Эви нахмурилась ехидной улыбке мужчины, тот подмигнул и помчался дальше.

Дорога до озера петляла между многочисленными крохотными селениями вокруг Акариоса. Дальше по сторонам стали мелькать лишь редкие домики крестьян, разбросанные по бескрайним полям зерновых.

— Это хлебопашцы, — Калион махнул головой на двоих мужчин, работающих в поле неподалёку от дороги. — Скоро второй сезон урожая.

— Разве земли Фоэты плодоносят не круглый год? — спросила Эви, поравнявшись с наёмником.

— Почве нужно отдыхать — заключил он, немного сбавив скорость. — Мы живём на крохотном острове, если сравнивать его с континентами Элиоса. Но своим хлебом мы

кормим не только себя, но и Бертрон, Элиан, Элизиум... Почти вся Фозта — огромное солнечное поле, на котором растёт пшеница, рожь, да и много других злаков. Откуда же в земле столько сил, чтобы круглый год плодоносить?

Эви непонимающе помотала головой. Калион улыбнулся и продолжил:

— Мы разделили остров на несколько частей: юг, центр и север. Крестьяне засевают поля так, чтобы на каждой из зон урожай созревал в разное время. Это позволяет почве отдыхать и набираться сил, в то же время из-за этого не бывает перебоев с поставками зерна на континент.

— Удобно... — промолвила девушка, рассматривая красоты полей, тянущихся прямо к горизонту.

— Это больше необходимость, нежели удобство. Крестьянам приходится покидать свои дома раз в год, чтобы возделывать земли на другом конце острова, — Калион вздохнул. — Кстати, кто Вас научил так держаться в седле? Вы прекрасная наездница!

— Благодарю, — девушка улыбнулась. — Родители научили. Я с детства любила лошадей. Мама говорила, что ездить верхом я научилась раньше, чем ходить — заслуга отца: он частенько сажал меня в седло, а иногда брал меня с собой на прогулки с ветерком.

— У Вас было счастливое детство, — заключил мужчина, внимательно рассматривая спутницу с головы до ног.

— Да, можно сказать и так... Родители исполняли любые мои желания. Знаете, я была капризной девочкой: постоянно рыдала, если мне что-то не покупали. Разговаривать со мной в те моменты было бесполезно — я заливалась слезами и не хотела никого слушать. Тогда мама и смекнула, что единственный выход — купить мне эту вещь... У меня всё было: куча придворных вместо неживых скучных кукол, красивейшие наряды во всей Интердике и уважение вперемежку с завистью от сверстниц, которым такая роскошь только снилась.

— Ваш отец — видимо, очень важный человек.

— Мой отец — губернатор Юфросина. Это в Интердике.

— Слышал об этом городе, — утвердительно кивнул Калион. — У нас в Акариосе есть один пожилой воин — он родом оттуда и раньше служил в Небесной флотилии: летал на кораблях, воевал с асмодианами.

— А Вы? — Эви внимательно посмотрела на мужчину. Его короткие, слегка взъерошенные чёрные волосы блестели на солнце, а глаза были задумчивы, словно он всё это время витал в своих воспоминаниях. — Вы воевали с асмодианами?

— Я видел их только, когда их легион напал на Фозту, — хмуро улыбнулся он. — Но, право сказать, тогда я уложил немало их аканов, хе-хе.

Глаза Эви погрустнели. Она отвлеклась от элийца и уставилась на дорогу. Желтеющие поля стали сменяться на зелёные холмы, за которыми должна показаться блестящая гладь большого прекрасного озера, спрятанного в самых недрах Фозты.

Путники обогнули высокий холм — дорога пошла чуть под горку, и вскоре перед всадниками показалась широкая голубая полоса, переливающаяся в мягком тёплом свете солнца. От воды вдруг подул свежий приятный ветерок — рядом с озером жара практически не ощущалась — его воды были всегда прохладны, но причина этого странного явления оставалась загадкой.

В центре огромного озера виднелся небольшой островок, на котором высилось громадное дерево с широкой фиолетовой кроной, нависающей над водой. Под цветастой листвой на длинных тонких лапах вальяжно расхаживали розовокрылые птицы с высокими

хохолками.

У берега, как ни странно, было пустынно. Обычно здесь паслись стада жвачных, напоминающих бизонов, а чуть поодаль, на склонах холмов, шныряли туда-сюда кучки смешных, но агрессивных керубимов, только иногда и с явной опаской подходящих к воде.

Калион выбрал место для пикника под массивной кроной одиноко стоящего дерева у самой кромки песчаного берега. Мужчина спешил, привязал поводья к толстой ветке и принялся разгружать свой багаж. Под широкую тень от листвы вскоре въехала и Эви. Она остановила животное и принялась слезать с седла. Калион увидел это, спохватился и, побросав всё, что было в руках, подбежал к девушке и подал руку. Эви, не задумываясь, приняла помощь и через секунду тоже оказалась на твёрдой земле. Калион, как всегда, улыбнулся и молча продолжил сооружать импровизированный лагерь.

Девушка не спешила разгружаться, и куча вещей, по-прежнему привязанных к седлу, явно вызывала недовольство у лошади элийки. Животное, громко фыркая и топчась на месте, то и дело потряхивало боками из стороны в сторону, отчего груз звенел и бряцал. Расстелив пару пледов у самого ствола и разложив по ним корзинки с едой, Калион устало плюхнулся на один из них и сел, прислонившись спиной к грубой коре массивного дерева. Он удивлённо посмотрел на Эви, безуспешно пытающуюся успокоить свою лошадь, ухмыльнулся и спросил:

— Зачем Вам столько вещей, леди Эви? Уж не бежать ли Вы от меня собрались?

Девушка резко обернулась. Мужчина заинтересованно смотрел на неё и кусал спелое яблоко.

— Нет, что Вы... — засмеялась она и махнула рукой. — Скажете тоже. Просто я себя знаю: засмотрюсь по сторонам и обязательно потеряюсь, — оставив попытки успокоить животное, элийка присела рядом с Калионом и тоже взяла из корзинки фрукт. — А Вы меня потом искать будете по всей Фозте.

— И, потерявшись, Вы не хотите остаться без еды, — закончил он, не снимая с лица ехидной улыбки. — Понятно всё. Ну, со мной Вы можете этого не бояться. Уж я-то не позволю Вам потеряться.

Эви мельком улыбнулась, но тут же отвела взгляд. Калион заметил это, но не придал внимания. Он протяжно вздохнул, развалившись на своём месте, и томным расслабленным взглядом глядел в слегка дрожащую и от этого переливающуюся яркими лучами гладь озера.

— Знаете, милая леди, я, пожалуй, Вам завидую.

— Отчего же? — повернувшись лицом к мужчине, спросила элийка.

— Я не могу похвастаться богатыми родителями и прекрасными нарядами, — по его лицу вновь растеклась улыбка, а глаза плавно закрылись.

— А чем можете?

— Все мои достоинства напоказ, — засмеялся он, расслабленно слушая шелест листьев над головой и пение мелких птиц, то и дело перелетающих с ветки на ветку. — Умение держать в руках оружие, опыт руководителя, уважение подчинёнными, недурная внешность — да и всё, пожалуй. В отличие от Вас, милая Эви, моё детство не представляет ничего интересного.

— Мне будет интересно послушать, — девушка подняла глаза к небу и принялась рассматривать, как солнечные лучи пробиваются сквозь листочки, подсвечивая их края.

— Родился я не в Фозте, — начал мужчина. — А в Теобомосе. Сами понимаете, условия там не ахти — погулять по прекрасным садам и вовсе негде. Родители, интенданты

тамошнего аванпоста, устроили меня в военную академию Теобомоса. Я её с горем пополам окончил, из-за связей меня обещали устроить рекрутом в Коготь Грифона.

— Куда-куда?

— В лучший наш легион. Его бойцы проходят практику в Брустхонине. Это Асмодея, если что.

— Я знаю... — прошептала Эви, чувствуя, что её глаза тоже начинают слипаться.

— Так вот, я быстро сообразил, что в офицеры мне не пробиться — уж слишком плохим воином я был в то время. Поэтому, собрав вещи, я сбежал.

— Сбежали? Куда?

— В Бертрон. У нас поговаривали, что там можно устроиться наёмником — бойцом, сражающимся за деньги и ради денег. Эх, милая леди, как я тогда желал быть богатым, как Вы.

Девушка вздохнула и не в силах сопротивляться тоже закрыла глаза. Калион тем временем продолжал. Его тон был монотонным от усталости, а язык уже начал путать буквы.

— Не желая быть обычным легионером на побегушках у центурионов — мясом на поле боя, я уплыл в Бертрон... Там я познакомился с главой наёмников и стал работать на него. Работа была разная: в основном, следить за повстанцами Ривара, но иногда приходилось охотиться и на дикое зверьё. В то время Бертрон вёл войну с краллами, и у военачальника не было людей, чтобы заниматься другими проблемами. Поэтому он нанял нас. Я неплохо справлялся — получать деньги мне нравилось... А тратить — ещё больше, хе-хе, — не открывая глаз, мужчина придвинулся ближе к дереву, почувствовав, что сползает вниз. — Потом краллов отбросили далеко на юг, и надобности в таком количестве свободных воинов больше не было. Половину наёмников распустили, и мы с ребятами пустились в путешествие по Элиосу в поисках работы. Кроме как размахивать кинжалом я ничего не умел, поэтому трудиться в полях, как это делают обычные крестьяне, мне не было резона.

— А вернуться в Теобомос не хотели? — в полудрёме пробормотала Эви.

— Хотел... Мысль вернуться к родителям никогда меня не покидала, но... Что они сказали, если бы их несносный неблагодарный сын вернулся ни с чем через столько лет? Я просто не смог бы посмотреть им в глаза. Я стал позором семьи — к чему мне было возвращаться? Так вот, путём долгих скитаний я и попал в Фоэту, где меня встретили радушно. Даже можно сказать, с распростёртыми объятиями, ха-ха. Здесь мне разрешили заниматься тем, что я умею лучше всего, и оплата за работу была весьма щедрой. Через год штат наёмников нужно было расширять из-за проблем на севере острова — набор рекрутов предоставили мне. Ещё через год после трагической смерти прежнего главаря в схватке с дюжиной волков меня и назначили командиром всех наёмников в Фоэте...

Эви больше не слушала. Слова Калиона начали отображаться в её сонных мыслях разноцветными образами, и девушка сама не заметила, как погрузилась в сон.

Проснулась Эви, когда солнце уже касалось своим пылающим силуэтом вершин холмов. Она протёрла глаза и огляделась — Калиона не было видно. Вместо него на берегу около воды лежала его одежда: коричневый дублет, плотные чёрные брюки, белая рубаша, высокие сапоги и пояс с парой острых закруглённых кинжалов. Девушка медленно поднялась на ноги и пригляделась — от центра озера в две стороны плыли небольшие волны, а посередине мелькал силуэт. Подобравшись чуть ближе к берегу, Эви поняла:

— Это Калион! Зачем он заплыл так далеко?

Прочь от берега к тому самому острову с розовыми птицами плыл мужчина, медленно

гребя руками. Казалось, он вовсе не устал, хотя преодолел уже весьма приличное расстояние.

— Это шанс! — сказала себе девушка. — Нужно уезжать прямо сейчас!

Эви собралась с мыслями, убедилась, что Калион не оглядывается и плывёт дальше, побежала к лошади и стала судорожно отвязывать поводья. Животное недовольно фыркнуло и затопталось на месте.

— Тише-тише... — глядя лошадь по гриве и шее, приговаривала девушка. — Сейчас поедem...

Справившись с этим, Эви отвела коня чуть в сторону и обнаружила, что вещи, так тщательно привязанные к седлу, были разбросаны вокруг дерева.

— Всё-таки умудрился! — удивилась девушка и, придерживая поводья одной рукой, стала собирать фляги и ткани с земли и упаковывать их обратно. Наспех прицепив вещи, элийка забралась в седло и мельком оглянулась на Калиона: тот всё ещё плыл вперёд, почти достигнув того островка.

— Простите, Калион. Но мне нужно ехать... — с этими словами девушка пришпорила животное, и оно, заржав и замотав головой, поскакало прочь от берега озера.

Эви помнила, куда и как лежит её путь. На всякий случай, где-то в сумках лежала карта, которую ей ещё в тот раз дал Астерос — Верховный жрец Фоэты. Направлялась элийка, как и прежде, на север — к лачуге Френоса. Она долго думала о том, что сказал ей хранитель леса Ноа и сам безумный старик. Девушка никак не могла забыть письмо, что Френос дал Териану.

«Откуда оно могло взяться у него по прошествию стольких лет? Если он и вправду может видеть будущее и прошлое, то почему не сказал Териану правду о том, кто он на самом деле? Есть только один возможный ответ, — думала Эви. — И я узнаю, так это или нет...»

Выехав на широкую дорогу между вершинами холмов, девушка почувствовала себя спокойнее — знакомые пейзажи придавали уверенности в этом опасном походе. Эви скакала всё дальше и дальше на север, пока не выехала к полям, чья бескрайняя полоса тянулась до самого горизонта.

Тем временем начало темнеть. Солнце скрылось вдалеке, озарив последним ярким лучом пылающий пейзаж из мириадом золотых колосьев. Красные облака на небе потухли, и сквозь синеющий купол стали пробиваться первые огоньки с противоположной части Атреи — то были отражения солнца от ледяных и снежных полотен, горных склонов, а также бурных рек, словно вены, пронизывающих холодные земли Асмодеи.

В воздухе мгновенно посвежелo — несмотря на жаркие дни, ночи в Фоэте были прохладными, особенно если находиться на открытом пространстве под завывание ночных ветров.

«Надо задуматься о ночлеге...» — сказала себе девушка.

Но подходящего места, где можно было заночевать, она не видела — от горизонта и до горизонта пейзаж был идеально ровен и одинаков. Когда совсем стемнело, стало плохо видно даже дорогу — освещения в полях, естественно, никакого не было, а импровизированные звёзды с небосвода светили очень тускло, совершенно не освещая южную часть Атреи.

«Вот дура! Ни факелов, ни свеч, ни спичек не взяла! Даже костёр нечем разжечь...» — вдруг вспомнила Эви. Но ехать назад было уже поздно — холмы, за которыми скрывалось озеро, давно исчезли с пейзажа.

Девушка в отчаянии посмотрела на небеса — между мелькающими голубыми огоньками прямо по воздуху плыло едва заметное белое свечение. Оно было настолько высоко, что, казалось, протекало прямо там, откуда светят эти фонарики.

— Эфир... — невольно прошептала Эви.

Эти волшебные потоки плыли медленно, неторопливо, огибая огни Асмодеи и иногда завихряясь в более яркие воронки. Отсюда вовсе не казалось, что Эфир бесконтрольно улетает в Бездну, приближая конец света. Девушка отчётливо видела, как миллионы тонн Эфира плывут где-то между Элиосом и Асмодеей, словно нескончаемая стая светящихся рыб вдоль невидимого течения.

От увиденной картины на душе непроизвольно стало намного теплее и спокойнее — всё же не зря говорят: Эфир творит чудеса. Но чудеса на этом не закончились: вдруг впереди у горизонта Эви увидела тусклый огонёк.

— Домик? — решила она.

Чтобы попусту не рассуждать, девушка пришпорила лошадь и сквозь кромешную темноту помчалась к огоньку. Как ни странно, он не нарастал. Казалось, что он просто приближается, но до него ещё далеко. Подобравшись совсем близко, Эви радостно вздохнула:

— Слава Айону...

Это был дом отшельника Каллеса. А точнее, фонарь, стоящий у окраины дороги, чтобы путники видели его издалека. Эви подъехала к калитке и спешила. Она постучала по низенькому забору в ожидании того, что ей кто-нибудь откроет.

— Есть кто-нибудь? — крикнула элийка и вновь стукнула несколько раз по ветхой скрипучей калитке.

— Иду-иду... — вдруг послышалось изнутри.

Входная дверь резко распахнулась. Из дома вышел мужчина с русыми волосами до плеч, одетый в старую серую тунику. Он, немного прихрамывая на правую ногу, спустился со ступенек и доковылял до калитки.

— Кого это ко мне принесло в столь поздний час? — с усмешкой спросил мужчина, отпирая замок.

— Я — Эви ан Грейв, — сказала девушка, когда хозяин, наконец, справился с замком. — Мне нужно, где переночевать. Неудобно напрашиваться, но Вы не могли бы...

— Конечно-конечно... — закивал мужчина. — Проходи.

Эви шагнула во двор и после одобрительного жеста хозяина направилась к дому. Мужчина разогнал живность, летающую около фонаря, что-то буркнул и запер калитку. Хлопнув в ладоши, он пошагал за девушкой.

— Я — Каллес. Просто Каллес. Проходи в дом.

Эви поднялась на крыльцо и перешагнула через порог. Внутри было довольно бедно. В небольшой прихожей стоял только большой старый шкаф. Маленькая дверца вела в ещё более бедную кухню, а дверь сбоку — в единственную комнату.

— Ты, верно, голодна? — спросил мужчина.

— Нет, у меня есть с собой припасы, — робко улыбнулась в ответ девушка.

— О-хо-хо... — рассмеялся Каллес. — Не отказывайся. Тем более у меня редко бывают гости.

Хозяин проводил Эви в кухню и усадил за крохотный стол около окна. Сам же он взял с полки тарелку, положил её перед гостьей, вытащил из остывающей печи чан, поставил его

на стол и уселся на соседний стул. Из сосуда вкусно пахло мясом. Каллес снял крышку.

— Жаркое из фогуса. Ещё тёплое. Будешь? — добродушно спросил отшельник.

— Да... — невольно ответила девушка, не в силах устоять перед запахом.

Мужчина снова засмеялся и половником наложил в тарелку целую гору жаркого.

— Налетай, — сказал он и вдруг спохватился. — Совсем забыл!

Каллес, опираясь на стол, поднялся и заковылял в комнату. Эви тем временем принялась улепётывать съестное — изголодавшийся за долгую дорогу желудок был очень доволен.

— Так, пришло время пить травы, — протянул хозяин, находясь в комнате.

Послышался скрип кровати и чей-то тихий женский голос:

— Спасибо...

Эви отвлеклась от еды и прислушалась: Каллес что-то напевал и шагал туда-сюда по комнате. Больше ничего не было слышно.

— Пей-пей, — вдруг сказал он. — Это поможет.

Через минуту мужчина вернулся на кухню.

— Ну что? Наелась? — улыбаясь, спросил он.

— Да, — Эви отодвинула тарелку и вытерла лицо рукавом. — Спасибо Вам.

— Да не за что! — отмахнулся хозяин и снова присел рядом с девушкой. — Ты уж прости, спальное место занято — сам сплю здесь, — он указал рукой на расстеленное по полу одеяло. — Хоть гости у меня редки, но всё же бывают иногда, кхе-кхе, — он кашлянул, выругался на себя и продолжил. — Я тут пытаюсь выходить девушку одну... Слава Айону, ей уже лучше. Всевышний смилостивился над ней. Я-то уж думал, всё — не смогу ничем помочь...

Эви встала из-за стола и заинтересованно прошла в комнату. Там на кровати в окружении шкафов и стеллажей с кучей колб, склянок и книг лежала рыжеволосая девушка. Она увидела гостью и удивлённо уставилась на неё.

— Каллес! Кто это? — девушка позвала хозяина, не сводя глаз с Эви.

Мужчина показался из-за двери и промолвил:

— Это наша гостья на сегодня: Эви ан Грейв. Она переночует у нас.

Девушка смягчилась и тихо произнесла:

— Найя...

— Очень приятно, — Эви улыбнулась и перевела взгляд на Каллеса. — Так где я могу спать?

— О, — спохватился мужчина. — Ложись на моё место — там чисто. А я... — задумался он. — А у меня и так дел много. Я пока почитаю новые рецепты и приготовлю отвары... И то время с пользой проведу, — улыбнулся он и торопливо подошёл к стеллажам, что-то тщательно выбирая.

Эви молча проследовала обратно на кухню. Через минуту вернулся Каллес.

— Так Вы целитель? — спросила она, устроившись на старом одеяле.

— Целитель — слишком важно звучит, — посмеялся он. — Я лекарь и травник: помогаю всем, кому могу... А можно спросить, отчего столь милая особа ехала в одиночку в такой поздний час, да ещё далеко от деревень?

— Я направляюсь к Френосу, — опустив голову, промолвила девушка.

— Ого, — удивился мужчина и, придвинув стул ближе, сел напротив элийки. — И в чём причина, хе-хе? Не сердайте на излишнее любопытство, но к Френосу просто так не ездят...

Эви нахмурилась — она не хотела никому рассказывать о цели своего путешествия.

— Я по личному делу... — лишь проговорила она.

— Ну, понятно, — ехидно улыбнулся отшельник. — По поводу любимого своего спросить хочешь, да? Дело-то полезное, но учти, что Френос слов на ветер не бросает и просто так открывать рот тоже не станет. Он странный, может легко обидеть.

— Это неважно... — ответила Эви. — Спасибо Вам за всё. С рассветом я ускачу.

— Хорошо-хорошо, — махнул рукой Каллес. — Я твою лошадь накормлю, напою... А ты спать ложись. Утром позавтракаешь и отправишься к своему Френосу.

Девушка снова поблагодарила хозяина и улеглась на спальное место отшельника. Конечно, об удобстве никто не говорил, ведь Эви и так обязана ему тёплым ужином и крышей над головой. Тем более от печки до сих пор приятно веяло теплом. Укутавшись в одеяло, элийка закрыла глаза и задумалась о завтрашнем дне. Если повезёт, она достигнет лачуги Френоса к вечеру. Девушка помнила печальный опыт прошлой поездки: в этот раз рядом не будет Териана, который отобьёт нападение свирепых волков — Эви придётся ехать одной и не дай Айон ей на пути попадётся стая диких зверей. Или кучка дукаки, что ещё хуже.

«Надо попросить помощи у древней...» — подумала она и с этой мыслью уснула.

Утро наступило быстро. Солнечные лучи, предательски пробивающиеся сквозь кухонное окошко, светили прямо в глаза девушки. Эви зажмурилась и присела: в доме было тихо, словно все ещё спали. Элийка поднялась на ноги, отряхнулась от пуха старого одеяла и подошла к печке — в ней, слегка побулькивая, грелись свиные рёбрышки.

«Значит, Каллес не обманул с завтраком», — подумала она.

Девушка вышла в прихожую. Входная дверь была открыта. Эви выглянула во двор: хозяин тщательно окапывал покосившиеся колышки вдоль забора и, придиричиво вглядываясь в старые деревяшки, выравнивал их вдоль одной линии.

Гостья вышла на улицу и подошла к мужчине. Он услышал сзади шаги и обернулся. Эви увидела, как на добром лице Каллеса появилась прежняя улыбка.

— С добрым утром, Эви ан Грейв, — вонзив лопату в землю, произнёс отшельник. — Как спалось?

— Хорошо, спасибо, — ответила она. — Вы ещё не ложились?

— Нет, — отмахнулся мужчина. — Я работал всю ночь. Да и куда мне прилечь-то было: моя халупка не барские хоромы, ха-ха...

— Прошу прощения... — Эви опустила глаза. — Это из-за меня.

— Что ты, что ты! Тебе не за что извиняться! Я всегда рад новым людям — тем более вижу их я очень редко... Кстати, ты завтракала?

— Нет пока...

— Тогда чего ты ждёшь? Всё готово и ждёт на кухне. И лучше поторопись, если хочешь добраться до Френоса к вечеру.

Эви поблагодарила и поспешила вернуться в дом, оставив мужчину за работой. Девушка не стала заходить к Найе:

«Мало ли, она спит, а ей нужен покой...» — решила барышня.

Наспех позавтракав, Эви стала собираться. Вспомнив, что все её вещи — во дворе, девушка выбежала из дома и направилась к Каллесу, чтобы попрощаться.

— Спасибо Вам за всё. Вы мне очень помогли! — сказала ему гостья, тот лишь улыбнулся и закивал.

— Было бы за что... Я был очень рад встрече, — лекарь не стал задерживать путницу и проводил её к лошади. — Будьте осторожны, когда пересечёте границу северного леса. Там много хищников.

— Да, я знаю, — печально кивнула Эви.

— Ну что ж... Лошадь накормлена, напоена, вещи твои целы, так что... Вперёд! — он ударил ладонью по бочине животного, отчего конь невольно дёрнулся и заржал.

— Удачи, Каллес! — взявшись за поводья и пришпорив скакуна, крикнула девушка.

— Да озарит твой путь Свет Айона! — мужчина помахал ей рукой и вновь принялся за свой прежний труд.

В приподнятом настроении юная элийка поскакала дальше — впереди был долгий путь через поля и лесные чащи. Солнце поднималось всё выше над горизонтом, грея спину. По голубому небу плыли редкие, но пышные белые облака, а воздух пах росой и утренним лугом. Сегодня было немного прохладнее: свежий западный ветерок приносил некое разнообразие словно заколдованному пейзажу Фоэты — время останавливалось, когда глаза разглядывали красоты острова, настолько здесь было уютно и безмятежно.

Вскоре на горизонте возникла тонкая зелёная полоса.

«Лес древней...» — вспомнила девушка.

Пускай при ней и была карта, но путница всё же боялась потеряться в глуши, пусть чаще лес Дамину назвать язык не повернётся... скорее, лесом из сказок. В прошлый раз от лагеря лесорубов Эви провожал Териан — теперь всё иначе. Лесная тропа была довольно широка, но случайно свернуть с неё и оказаться посреди незнакомых мест могло стать совершенно ненужной проблемой, которых девушка старалась избегать, несмотря на то, что выглядело это в корне наоборот.

Лес древней встретил элийку приятным влажным воздухом и полным отсутствием ветра. До уха доносились только громкий стрекот насекомых и порхание птишек, которые, казалось, не спали ни днём, ни ночью, а только и делали, что перелетали с дерева на дерево.

Тропу было видно хорошо — она петляла между широкими стволами величественных деревьев. Только иногда приходилось огибать узоры из массивных корней, торчащих прямо из земли. Листва под ногами животного приятно хрустела. Девушка пыталась отыскать взглядом хоть какую-то живность, но кроме надоедливых разноцветных птиц, да странных существ, похожих на грибочки с глазиком, не было видно.

Через какое-то время Эви достигла того места, где раньше был лагерь лесорубов: справа от тропы до сих пор валялись поваленные деревья, а на земле чернели следы от костра, но сами дровосеки куда-то исчезли.

«Наверное, они перебрались в новый лагерь...» — решила девушка.

И всё же теперь путнице стало немного страшно. Она снова осталась наедине с природой: пускай это чувство обычно приятное, но только не тогда, когда предстоит долгий и опасный путь.

Эви никуда не сворачивала с тропы.

«Впереди должна быть речка, а дальше после холма едем на запад... — вспоминала она. — Айон Всемогущий, ну и где эта река?»

Как девушка ни рассматривала окрестности, даже намёка на ручеёк пока не было видно.

«В тот раз я за милую слышала журчание воды... Айон, где же я сейчас?»

Она стала потихоньку жалеть, что отправилась в такое путешествие в одиночку.

«Надо было уговорить Калиона ехать со мной, а не бежать от него! Вот дура!»

Пока Эви корила себя за оплошности, справа стали различимы знакомые звуки.

— Слава Богам-покровителям! — не удержалась девушка и, пришпорив лошадь, съехала с тропы навстречу воспоминаниям.

Вдоль небольшой солнечной полянки протекала звонкая речушка. Эви подъехала к берегу и заглянула в своё отражение, искажённое и дрожащее от неровного дна водоёма.

— А сейчас вода не светится... — заметила элийка и огляделась вокруг. — Наверное, такие чудеса случаются только ночью...

Лошадь вдруг сама подошла к воде и, громко хлюпая, принялась утолять жажду от долгой и жаркой поездки. Эви тоже достала флягу и отпила немного — езда по солнечным полям изматывает больше, чем по тенистым влажным лесам.

— Но! Вперёд! — через пару минут девушка дёрнула поводьями, и животное, недовольно замотав гривой, поплелась обратно к тропе.

«Теперь я знаю, куда ехать», — успокоила себя девушка и, добравшись до дороги, прибавила ходу.

Лошадь понеслась дальше, лишь иногда огибая предательски торчащие корни деревьев. После высокого холма Эви свернула на развилке налево и поехала дальше. Путь до лагеря Мельфоне, слава Айону, прошёл без приключений. Только однажды до девушки донёлся чей-то рык из кустов, но она убедила себя в том, что ей это лишь показалось.

— Заехать в деревушку или нет? — спросила себя путница, приближаясь к поселению исследователей. — Хотя что мне там делать? Отдохнуть пока не хочется, а припасы у меня и свои есть. Да, верно, проеду дальше, ведь до жилища Френоса от силы полчаса езды.

Эви резко свернула в сторону и поскакала на запад — там должна быть дорога, ведущая в северные леса и, соответственно, к лачуге отшельника. Преодолев лощину между двумя холмами, девушка выехала на знакомую поляну, где в стволе громадного дерева был вырезан домик, а жил в нём тот самый старик.

Путница остановилась около входа в странное жилище, спрыгнула с лошади и привязала её к деревянному столбу около двери. Эви хотела постучать в дверь, как она тут же распахнулась, и из домика, словно ошпаренный, выскочил старик и направился куда-то.

— Тутти! Маленький мой! Где же ты? — Френос суетливо обхаживал дворик своего дома, заглядывая во все кусты и осматривая каждый пенёк, пока девушка, непонимающе раскрыв рот, стояла и смотрела на мудреца.

Эви ждала около самой двери, и ей казалось, что старик должен был уже её заметить, но он, словно и не видя ничего, вновь и вновь пересекал двор и звал какого-то Тутти. Девушка подошла поближе. Френос смотрел сквозь неё. Она даже кашлянула, чтобы привлечь его внимание, но старик продолжал её игнорировать.

— Добрый день. Я — Эви ан Грейв...

Или лучше стоило бы сказать: «Вы должны меня помнить»? Хотя по виду Френоса было ясно: назовись она военачальницей Элизиума или даже самим Айоном, это мало бы что изменило.

— Надеюсь, Вы помните меня? — спросила элийка, но в её голосе совсем не было оптимизма.

— Где же ты?

— Кто?

— Тутти! Выходи... Не бойся!

«Неужели я зря сюда шла?» — подавляя внутреннее негодование, пыталась успокоить

себя девушка.

— Ах... Ах... Ах... — старик покачивал головой и не унимался. — Ключик... Ключик от моего сундука — на шее маленького Тутти. Что же теперь будет?

Эви посмотрела на обгоревшие развалины сарайчика, находившиеся возле его дома.

«Странно, но это было ещё до моего прошлого приезда... — подумала она. — Неужели он заметил, что сарай сгорел, только сейчас?..»

— Это был домик Тутти. О, горе! Он больше никогда не вернётся!

Старик упал в плетёное кресло под круглым окошком его домика и, закрыв лицо руками, заплакал.

Сказать честно — было неудобно продолжать стоять, как дуб, когда старик взхлёб плакал. Нужно было или уходить, или подойти и пожалеть его. Почему-то Эви не хотелось делать ни первого, ни второго. И всё же она переборола себя, подошла поближе и присела на пенёк рядом со стариком.

— А это кто? — заглянув в лицо отшельника, спросила девушка.

— Какой такой «кто»? — фыркнул Френос.

— Ну... Тутти...

Услышав имя, старик зарыдал ещё громче. Складывалось такое впечатление, будто Тутти был как минимум его внук.

Эви осторожно положила руку на плечо старика. Странно, но оно было крепким не по годам. И если сбрить старцу бороду, снять с него перепачканное сажей тряпье и облачить в латы, он бы вполне сошёл за благородного легионера, чьи волосы обелила седина — лучшее украшение мудрости.

— Не переживайте так. Хотите, я помогу найти Тутти?.. — не подумав, спросила Эви.

— Правда? — глаза старика вмиг просохли, и на лице его появилась блаженная улыбка. — Мой бедный поросёночек... Его, наверное, утащили кровожадные дукаки. Спасибо! Спасибо тебе, добрая госпожа!

«Поросёночек? Кровожадные дукаки? Добрая госпожа? Да что происходит?» — недоумевала в мыслях девушка.

— Позвольте, я хотя бы свои вещи у Вас оставляю?

Эви уже собиралась встать, когда старик вскочил с кресла, прошмыгнув в дом и схватил со стола флягу и деревянную чарку. Содержимое чарочки он выплеснул на траву перед входом и, откупорив зубами флягу, отпил из неё, а потом протянул девушке.

— Попейте перед дорожкой. День жаркий нынче.

«И правда...» — согласилась она. Путница взяла из рук старика чарку с искрящейся и прохладной жидкостью и с жадностью начала пить. Она и не замечала, что у неё была столь сильная жажда. Хотя, может, ей просто хотелось допить до дна этот холодный напиток.

«Кстати, почему он такой прохладный, когда на дворе жара? — удивилась Эви, но не могла остановиться. — Откуда у старика лёд?..»

Лёгкий озноб пробежал по коже. Элийка ощутила, как морозное онемение наполняет её тело.

Эви испугалась и рывком поднялась. Лес исчез. Пропал и старик. Казалось, холод сковал все внутренности, но кожу грело, будто солнце на пляже. А вокруг — яркий свет, который вовсе не слепит...

===== Часть 6. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 5.

Отредактировано.

Эви видела небо. Нет, не облака, что проплывали над ней, и не закат над морем. И даже не огни Асмодеи в ночной синеве. Она видела безмерную стихию, которая не просто окружала её, но и позволяла повелевать ею. Эви летела, словно находясь в чужом теле. Никаких законов притяжения, никаких границ... Ведь у неба нет горизонта. Девушка была так высоко, что даже не видела земли. Небо и только оно, и Эви — одна во всей вселенной.

А может, и нет. Небо стало её частью, и облака стали меняться, словно она приказывала им. Контуры. Образы. Фигуры. Кто они все? Что они делают в её небе?

Тусклый холодный свет ночи озарил вершины каменистых гор северного Теобомоса. Эви знала, где она сейчас, но объяснить природу этого знания не могла. Она лишь наблюдала за всем со стороны, будто девушка и ветер, завывающий между склонами, слились воедино.

Голубоватое свечение медленно расползлось по хребтам и низинам. Огромные острые когти дракона впились в твёрдую породу. Его чёрная, как смола, чешуя отражала ночные лучи лучше любого металла, а красные глаза были преисполнены самым пламенем. Он сложил массивные чёрные кожистые крылья за спиной и обвился змеиным телом вокруг вершины горы. Существо затихло, приглушив свой адский рык. Наступила гробовая тишина. На такой высоте было слышно только громкое завывание ветра, но нынче из ночного мрака не доносилось ни единого звука.

Но вдруг дракон встрепенулся, поднял голову и взвыл, изрыгая искры и языки пламени. За его спиной, разрезая воздух тяжёлыми крыльями, парило другое существо. Оно было больше и прекраснее первого. Его чешуя была чёрной, но, казалось, что всё огромное тело ящера было изрезано шрамами, и из них сочилась расплавленная огненная лава. В груди дракона мерцало и сияло пламя, будто за его толстой чешуей разгорался адский пожар. Вместо привычной пары крыльев за спиной этого странного существа красовались огромные четыре крыла, изрисованные светящимися рунами. Эти надписи цвета раскалённого металла были на всём могучем теле балаура — следы немыслимой магии, подвластной великому и ужасному ящеру.

Существо приземлилось рядом с первым драконом, вонзив острые когти на лапах и крыльях в отвесный склон горы.

— Фрегион, я ждал тебя, — прорычал первый балаур. Его рык был страшен. Казалось, сотни истерзанных душ заливались смертным криком, моля о пощаде, в грозном гласе беспощадного дракана.

— Бритра... — зашипело существо, извергая струи бурлящей магмы, изливающиеся из его огромной пасти. — Зачем ты вызвал меня?

Голос балаура был настолько оглушителен, что даже верхушки гор завибрировали и зашумели в низком гуле. Красноглазый дракон нехотя, но покорно опустил голову перед образом столь ужасающего существа.

— Посмотри на эти земли, Фрегион, Повелитель Огня. Они прекрасны-ы.

— Это мои владения, Бритра. Эти горы принадлежат мне-е.

— Но юг, юг Теобомоса... Его забрали люди... — Бритра вытянул своё тело в сторону расстелившихся по горизонту равнин.

— Это ненадолго. Нет силы, способной остановить меня-я...

— Почему мы остановились? — дракон вывернул шею и посмотрел Фрегиону в глаза, но в то же мгновение отвернулся, попав под гипнотизирующий взгляд Властелина. Великому

Лорду балауров нельзя было смотреть в глаза. Любой, кто нарушит этот закон, в тот же миг будет отравлен смертным ужасом, который источает огонь его змеиных очей.

Бритра затрясся в неумерном страхе и жалобно взвыл. Эхо от его крика разлетелось по всему хребту, огибая горы и скалистые холмы. Фрегион оскалился в злобной улыбке, наслаждаясь болью и страданием чёрного дракона. Затем он ухватился лапами за другой край вершины и переместился ближе к бьющемуся в конвульсиях ящеру, распиливая его взглядом.

— Гарнизоны драканов уже в пути, — радостно прошипел Властелин. — Скоро я смету людишек с южных равнин, и останется дело за малым.

Бритра, наконец, опомнился от проклятия и склонил свою голову перед мерцающей пламенем грудью Повелителя Огня.

— Что же дальше, Фрегион?

— У крылатых башенных куриц не останется шанса поправить своё жалкое положение, и драканы осадят Барьер.

— Он неприступен, мой властелин. Мы пытались...

Фрегион взорвался оглушительным рыком, расправив вторую пару крыльев. Узоры на его чешуе засветились ещё ярче.

— Не смей перечить мне, отр-родье. Я захвачу все земли за Барьером, и мы уничтожим ши-ит! Люди поймут, что Служители Вечности не способны ни на что, и падут на колени перед их истинным повелителем.

— Ты велик, Фрегион. Моя сила всегда будет с тобой, — прошипел Бритра и зашуршал огромными крыльями. Ещё раз покорно преклонив голову перед Властелином, дракон оттолкнулся когтями от скалы и тяжело взлетел вверх.

Четырёхкрылое чудовище зарычало и тоже взмыло в воздух. Через несколько минут, когда силуэты балауров исчезли за пеленой густых облаков, над хребтом величественных гор воцарилась прежняя тишина.

Вдруг всё снова исчезло. Эви видела сон, но понимала, что вызван он не усталостью, а магией Френоса.

«Где я на этот раз?.. — спросила себя она. — Кто я?..»

Ответ пришёл быстро.

— Териан? — послышался голос сзади.

Эви невольно обернулась. К ней подбежал парень лет пятнадцати-шестнадцати со светлыми волосами и большими тёмно-кариими глазами.

— Идём же! Там собрание!

Парень схватил Эви за руку и повёл куда-то. Вдруг девушка непроизвольно ответила:

— Да опять небось кто-то инвентарь испортил... А вся грязь — на нашу группу...

Девушка испугалась. Она поняла, что находится в чужом теле: может слышать, видеть и чувствовать, но идти и говорить не в состоянии.

«Я что... в теле Териана? — ошарашенно подумала она. — Это военная академия? Ещё до Катаклизма... О, Айон...»

Эви открылся пейзаж: широкая дорога, петляющая между нескончаемых садов и полей, а впереди за небольшим холмиком выглядывало громадное квадратное здание с двумя высоченными башнями по бокам.

Около учебных корпусов стоял сумбур. Всех студентов зачем-то собрали на парадной

площади около ворот главного здания. Они стояли ровными шеренгами смирно, не шелохнувшись. Перед ними чинно расхаживали какие-то мужчины в сияющих белых доспехах.

«Опять столичные офицеры», — подумала Эви, осознавая, что и мысли Териана идут в её голову.

Парни поспешили присоединиться к своей группе, построенной на плацу.

— Я что, опоздал? — шёпотом спросил Териан товарищей.

— Заткнись и слушай, — пробормотал сосед, не переводя взгляда в его сторону.

Юноша не стал задавать больше вопросов и просто встал сбоку.

Перед шеренгами студентов выступали несколько воинов. Они говорили друг за другом, но тон их был очень грозным.

— ...В связи со сложившейся обстановкой я приказываю, — громко вещал один из офицеров. — Всем учащимся четвёртого и пятого курсов немедленно собрать вещи и на рассвете в составе легиона Санктума под предводительством генерала Адайоса направиться в порт. Дальнейшие указания отдам по достижению цели...

Мужчина в золотых доспехах, сам Адайос — начальник академии, тоже стоял рядом со своими студентами. Когда назвали его имя, он кивнул и обернулся к ученикам с командой:

— Исполнять!

Шеренги со старшекурсниками в мгновение ока рассосались, и толпа юношей побежала к главному корпусу. Териан остался на месте, не понимая, что происходит.

— Мой генерал, — он обратился к своему начальнику, когда столичные офицеры закончили свою речь. — Как это понимать? К чему сборы?

Адайос должен был ответить строго, что-то типа: «Что за разговоры? Исполнять без вопросов!», но промолчал. После он лишь отрывисто произнёс, после чего направился к входу в корпус:

— Война, ребятки. Добро пожаловать в наш мир.

Что имел в виду генерал под «нашим» миром, Териан догадался позже, когда сельские телеги доверху забили оружием.

Пока юные легионеры собирали вещи для первого ответственного похода, юный Териан пытался разведать хоть что-то о предстоящем, но, увы, все молчали. В конце концов, он уже опустил руки и поник головой, как вдруг вспомнил об одном чрезвычайно важном деле.

«Сиара! Белис! Я же не попрощался!»

«Так... До рассвета. Я успею!» — пролетело в мыслях у парня, и он во всю прыть побежал к мосту, оставив офицеров одних, что-то очень бурно обсуждающих.

— Териан! Териан! — остался кричать ему вслед светловолосый парень, но юноша его не слушал.

Через десять минут юный воин был уже по ту сторону речки, за которой расположилось селение жителей острова. Первым он решил навестить своего друга, Белиса, но его, увы, не оказалось дома — мальчик долго стучал по калитке, но ответа не последовало. Выругавшись от досады, Териан побежал к дому Сиары, надеясь, что хоть с ней он сможет увидеться.

Дверь открыла девушка и со счастливой улыбкой набросилась на юношу и обняла его.

— Териан! Ты вернулся!

Парень крепко прижал её к себе и прошептал:

— Сиара, нам нужно...

— Что случилось? — она посмотрела на него своими большими добрыми глазами, и

сердце Териана сжалось от тяжести предстоящего разговора.

Все силуэты вдруг рассыпались в пепел, и перед глазами Эви возникла новая картина.

Колонны юнцов отточенным строевым шагом двигались к берегу. Уже остался далеко позади Голубой Лес, ставший за эти годы родным для Териана. Миновала пещера, тоннель в скале, и вот она — точка отправления. Портовая бухта была уже озарена привычным утренним светом. Верхушки деревьев слабо дрожали под свежим прохладным ветерком. У причала покачивались на волнах два величественных фрегата. Один из них был хорошо знаком юным воинам. «Санктум» было легко узнать из миллиона кораблей — такую расцветку бортов и парусов не встретишь больше нигде.

Шеренги бойцов по команде застыли перед пирсом. Слово, как обычно, взял Адайос — генерал в золотой кирасе. После непродолжительного инструктажа, где он рассказал, как себя вести в сложных ситуациях на море, легионеров разбили на две группы — четвёртый курс занимает «Санктум», пятый же — садится на второе судно — «Амели». Юноши быстро распределились по палубам и каютам, и, так как всё необходимое было уже погружено, капитаны дали команду к отплытию.

Привычный звон колокола, шелест парусов и хруст канатов. Корабли подхватили ветер и поплыли, мерно рассекая волнующуюся гладь воды. Териан стоял на корме «Санктума» и с выразительной печалью в глазах смотрел на убегающий вдаль скалистый остров. Как будто где-то там, за высокими скалами осталась часть его души — небольшой осколок, но его так сильно не хватало.

— Что, уже скучаешь? — голос товарища донёсся из-за спины. Светловолосый парень подкрался незаметно, он и не хотел тревожить мысли друга.

— Мы так давно этого ждали, Лекас, — уверенно, но с грустными нотками в голосе промолвил Териан. — Путешествий, приключений. Наверное, мы готовы... — вопросительно произнёс он.

— Наш путь лежит в Теобомос, так генерал сказал.

Териан лишь мельком глянул на друга и снова отвернулся, устремив взгляд в горизонт.

— Ты же так этого хотел. Что ж, можешь смело благодарить Айона за то, что Он предоставил такой шанс... — лицо юноши окаменело, эмоции скрылись за маской печали.

— Я благодарен... Но этот шанс был предоставлен нам, а не мне. Отдать долг перед людьми — вот предназначение воина, вот цель нашей жизни, — монотонно проговорил юноша.

— Как думаешь, мы выживем?

— Конечно! Не думаю, что нас пошлют в гущу событий. — размышлял Лекас. — Только четвёртый курс ведь. Наверное, просто крупная вылазка в стан врага.

— Ты слышал новости из Теобомоса? — Териан повернулся лицом к другу, облокотившись на борт судна. — Говорят, там сущий ад.

— Если б это было правдой, туда бы уже стянули все легионы, — Лекас попытался приободрить товарища, сам не до конца веря в свои слова. И вправду, по слухам в Теобомосе разгоралось яростное противостояние. В Эйроне и Белуслане было не так «жарко», нежели на южном полуострове земель людей, как передавали воины. — Всё равно... Как бы то ни было, — продолжил он. — Мы справимся.

Териан задумчиво кивнул и пожал руку своему другу и брату по оружию. Юноши встали вплотную к борту корабля, наблюдая за расплывающимися узорами на воде.

— И всё-таки жизнь прекрасна, Териан! — в довольной улыбке протянул Лекас. — Вот бы она никогда не менялась.

— И никогда не меняла нас...

Юноши по-дружески обнялись. Лекас глубоко вздохнул, втянув в себя как можно больше свежего морского воздуха, и удалился. Когда силуэт парня скрылся за дверью на нижнюю палубу, Териан остался наедине со своими мыслями. Ветер небрежно трепетал его волосы. Юноша думал о родителях, о Белисе, которого не оказалось ни на острове, ни на корабле и о ней... О ней больше всего. Минутка умиротворения сменилась тягостью душевных копаний. Лицо его вновь не выдавало эмоций, а в больших зелёных глазах Териана мелькал лучик неугасающего желания вернуться... как можно скорее...

Вновь пыль и новый образ. Горящие кроваво-красным пламенем плантации риса Срединного Теобомоса вызвали небывалую радость на морде дракона. Он приземлился прямо в эпицентре пожара и расправил все четыре крыла, чтобы «насытиться» колеблющимся свечением пылающего воздуха. Существо будто вбирало в себя восходящие столбы огня, раскаляя свою чешую докрасна. Засияв от адского жара, словно расплавленный металл, балаур взвыл от удовольствия и опустил крылья на выгорающую землю.

Вдруг спустя мгновение пожар исчез. Яростный огонь погас, словно кто-то задул все свечи на праздничном торте. Только чёрная безжизненная поверхность земли ещё дымилась. Удивлённый дракон обернулся и посмотрел в небо, застланное пеплом и густым серым дымом. Через секунду сквозь горячие облака пронёсся сковывающий холод. Морозный воздух проник на пепелище и расстелился по полю шипящей белой пеленой. Затем он захрустел и поглотил в своих недрах все новые возгорающиеся очаги, в мгновение ока обратив их в лёд. Иней расстелился по земле, охладив её до смертельно низкой температуры. От такого резкого перепада воздух жалобно загудел, донося до ушей балаура скрытую ухмылку ещё одного сильнейшего мага.

Взмахивая крыльями с бешеной скоростью, из серого тумана вылетело огромных размеров существо и буквально рухнуло на землю своим грузным телом, подняв при этом тонны пыли и инея. Когда пелена рассеялась, взору исчадию огня открылся статный вид белого, словно снег, дракона. Его чешуя была выкована из толстого пласта льда, сияющего на мелких солнечных лучах, всё-таки пробивающихся сквозь бесконечный столп пепла. Взгляд балаура был преисполнен самым морозом, а из пасти густым паром исходило ледяное дыхание смерти.

— Эрискаль, твоя выходка была излишней, — прошипел огненный дракон, который, несмотря на то, что его «творение» было уничтожено, был поражён столь эффектным появлением второго по силе и славе Лорда балауров.

— Я лишь прибыл по твоей просьбе, Фрегион, — без присущего всем ящерам змеиного говора произнёс Властелин.

— Ты знаешь, что делать, — зарычало существо, засияв пламенными рунами на крыльях и чешуе. — Время пришло-о.

Эрискаль гордо кивнул, выставив вперёд могучую ледяную грудь.

— С тобой будет Бритра, — приподняв над землёй огромные крылья, властно протянул Фрегион.

— Не доверяешь мне? — презрительно промолвил дракон, испустив из ноздрей целое облако морозного пара.

— У меня нет причин сомневаться в твоей верности, Эрискаль. Я рассчитываю на вас обоих-х, — выплюнул со словами несколько искр Повелитель огня. — Это всё.

Белый дракон восторженно и так же эффектно, как и появился, исчез в густом тумане из снега и пепла. Как только эхо перестало доносить звуки от взмахов тяжёлых крыльев, лёд и иней, призванные магией Эрискаля, мгновенно растаяли. Земля вновь зашипела и забурилась от нарождающегося пламени. Под оглушительный рык Верховного Властелина из недр почвы показались прежние языки огня. Адский пожар ярости разгорелся с новой силой...

«Прошу, хватит! — в мыслях кричала Эви, не в силах остановить наплыв видений. — Перестаньте! Дайте мне выбраться отсю...»

Но девушка не договорила. Знакомый образ вновь возник в её голове.

Териана разбудил громкий корабельный гул — приближаемся к цели. Юноша резко открыл глаза, встал с кровати, собрался, быстро заправился и выбежал на переднюю палубу. Повсюду сновали его товарищи. Среди сумбура и беготни он смог отыскать Лекаса, тот задумчиво стоял у носа судна и пялился на распластанную по горизонту тонкую полосу суши.

Когда-то почвы Теобомоса были самыми плодородными на Атрее. Этот большой полуостров в южном полушарии Атреи славился своими бескрайними полями, пашнями и плантациями. Эту землю по праву именовали «житницей» и «кормилицей» людей. Но всё изменилось в мгновение ока. Ярость Верховного Лорда балауров упала на райский уголок доселе прекрасного мира. Фрегион выжжёт огненным дыханием весь север Теобомоса, превратив поля, города и деревни в вечное пламя, а также отрезав южные земли полуострова от захваченного ранее материка. Восточный Эйрон, куда вёл перешеек между огненной пустыней и большой землёй, был полностью оккупирован смертоносной ордой Фрегиона. Запад Эйрона пока находится под контролем Слуг Вечности, но неизвестно, надолго ли. Ведь священный Барьер проходит как раз по кромке земель Эйрона, и, если балауры смогут обступить купол, только Айон знает, выдержит ли щит магию пяти змееглазых Властелинов...

Посему Теобомос был последней надеждой людей окружить и одолеть кровожадных ящеров. И так важно было не упустить эту землю — не отдать её врагу любой ценой. Вот такая задача стояла перед защитниками человеческой расы — Служителями Вечности.

«Санктум» и «Амели» пришвартовались рядом в огромном порту южных земель. Кроме них у причалов гуляли по волнам ещё с десятков фрегатов — все они были столь же статны и прекрасны, как и белое судно с красной полосой и гербом академии по правому борту. Вымощенная камнем портовая площадь была забита людьми — сотни легионеров в доспехах, словно статуи, стояли в боевом порядке, загораживая проходы, а грузчики и носильщики, таща на себе тяжеленные ящики, безуспешно пытались протиснуться сквозь колонны воинов.

Сначала с кораблей высадили всех пассажиров, затем принялись за грузы. Офицеры приказали студентам стоять на пирсе и ждать, а сами направились к «командованию». Даже на причале было много людей, помимо юных воинов. Все куда-то бежали, торопились: кто-то, скорчившись, тащил ношу, кто-то спешил доставить начальству важные бумаги, кто-то просто искал таверну в вечном и неугасающем желании забыться. Везде царила суматоха. Народ яро готовился к чему-то очень важному. Спустя пару минут к легиону Санктума

подошёл генерал Адайос и сказал:

— Отлично, ребята. Нам рады. Нынешним отрядам подкрепление не помешает, пусть и такое незначительное.

Незначительное... Звучало как минимум странно, ведь в сумме четверокурсников и пятикурсников было более пятиста человек. Сколько же бойцов всего прибыло сюда? Пятьдесят тысяч? Больше? Пока офицер не назвал цифру в сорок две с половиной тысячи легионеров, не считая офицеров и командования, ребята терялись в догадках.

— Так, теперь шагаем до какой-нибудь деревни. Нужно где-то расположиться и ждать там дальнейших указаний, — протараторил генерал и скомандовал следовать за ним.

Пешком до ближайших незанятых воинами селений было неблизко, порядка тридцати километров. А в тяжёлых доспехах и с ношей двигаться было совсем не комильфо. Но делать нечего — надо шагать. Под сумерки легион юных воинов прибыл в маленькую деревню между холмами. Здесь явно не поместилось бы полтысячи экипированных бойцов, но нужно было потесниться. Жители были рады прибытию защитников, правда от их количества хозяевам стало не по себе. Пришлось расположить в каждом доме по десять-пятнадцать человек, спать приходилось на полу и на соломе. А как накормить такое войско? Вся еда, припасенная жителями на худшие времена, была съедена уже на второй день. Пятнадцать лишних ртов — это вам не шутки.

Отдыхать было некогда — чтобы добыть пищу, воинам приходилось целыми днями охотиться на местную фауну. Увы, «трофеи» были не всегда значительными: из-за большого количества человек было настоящей удачей поймать какого-нибудь кабана или фессилота — некого подобия лесной козы. Чаще всего попадались кролики или мелкие пернатые, коих в округе была тьма тьмущая.

Вот так и коротали день за днём, пока на десятые сутки в деревню не прибыла конница офицеров. Все такие важные из себя — длинные плащи, гордая осанка, презрительный взгляд, сразу понятно — шишки из элитных легионов. Впереди на вороном коне ехал мужчина средних лет с длинными чёрными волосами, в чёрной броне без эмблем и надписей и бледной, словно снег, кожей. Он остановился и спешил к небольшой площади в центре деревушки. Офицер оглянулся по сторонам и громко крикнул:

— Где командир?

Вчерашние студенты забегали в разные стороны в поисках своего генерала. Через пару минут Адайос явился в сопровождении нескольких, всё в тех же золотых доспехах.

— Рэйвен, да озарит Ваш путь Свет Айона! Для меня честь встреча с Вами, — вежливо проговорил он и направился к незнакомцу.

— Я вас искал. Мне передали, что твои люди прибыли, — бледнокожий мужчина не повёл и губой. Он говорил медленно и монотонно. Было даже немного страшно от его безразличного тона.

— Пятьсот храбрых бойцов в Вашем распоряжении, Рэйвен, — Адайос услужливо кивнул собеседнику. Но кто же он такой, если даже генерал преклоняет перед ним голову?

— Насчёт храбрых не уверен... — сухо прошипел мужчина. — Ещё зелёные совсем. Они хоть ящеров-то видели?

— Пятый курс готов к битве, это почти...

— А остальные? — перебил его Рэйвен.

— Четвёртый курс ещё не тренировался на балаурах. Мы не успели...

— Значит так, — громко отрезал он. — Я всё понял. Собирай своё мясо и бегом вокруг

холмов на западный аванпост. Там собраны двадцать легионов, вы должны подойти к чешуемордым с тыла. Остальные шестьдесят пойдут в лоб. Ящерицам бежать будет некуда — как встанут, так и полягут. Ах да, держитесь позади — не дело семнадцатилеток на фарш пускать, — добавил мужчина и ловким движением забрался на лошадь. Он мельком оглядел собравшихся вокруг ребят и громко прорычал. — За работу! Шевелите булками! И не наложите в штаны с испугу!

Бледнолицый офицер сильно пришпорил животное и понёсся в обратную сторону. Его отряд поспешил за ним. Когда стук копыт исчез и столп пыли осел, Адайос воскликнул собравшимся:

— Все слышали? Десять минут на сбор и впер-р-рёд! — он взмахнул мечом, и толпа юношей побежала по своим домам скорее натягивать доспехи.

Териан и Лекас всё это время жили в одном доме, а иначе и быть не могло. Лекас присутствовал на площади, когда выступал офицер, его друга же там не было — тот отдыхал после долгой и утомительной охоты.

Дверь в жилище распахнулась, и внутрь вбежал Лекас, завопив, что было сил:

— А ну, собирайтесь! У нас меньше десяти минут, выступаем!

Все ребята, кто находился в этот момент в доме, а их было семеро, тут же повскакивали и принялись сумбурно натягивать на себя доспехи, громко упоминая в ругательствах балаурский род.

— Териан! Териан! Териан! — словно превратившись обратно в ребёнка, звал юноша, хлопая по плечу только что проснувшегося товарищу. — Там был он! Там был он!

— Кто? — ещё сонным голосом пробурчал его сосед.

— Даэв, который спас меня! Рэйвен! Он был здесь!

— Замечательно, — не до конца понимая, что хочет от него друг, промычал Териан. — Как он там поживает?..

— Я серьёзно! Не шучу!

— Давай, собирайся... Время...

Грустно вздохнув, Лекас взялся за доспехи: грамотно затянуть лямки и пояс на латах — тяжкий и неблагодарный труд.

Как ни странно, никто не опоздал — все студенты, уже в экипировке, прибежали на площадь вовремя. По команде генерала, бойцы встали по шеренгам и дружно пошагали прочь из мирной деревни. Жители, одновременно радуясь и скорбя, провожали в дальний путь юных защитников Атреи.

Дорога была неблизкой. Нужно было обойти южные холмы и выйти к западному побережью. Затем пройти вдоль берега и завернуть к аванпосту людей на возвышении.

Через день с первыми яркими лучами солнца отряд вошёл в ворота крепости. О да, здесь было ещё теснее, нежели в той деревушке. Уставшие студенты попадали без сил около стены — в доспехах преодолеть такой путь было настоящим подвигом. Латникам пришлось тяжелее всех — последние километры они плелись, еле поднимая ноги.

Завидев новых бойцов, к ним подбежал седой мужчина в расписной кирасе — командир манёвра, как прошептал Адайос.

— Да озарит ваш путь Свет Айона, — начальник поприветствовал юношей.

Воины кивнули и поклонились высокому по чину офицеру.

— Адайос, это и есть Ваши ребята? — продолжил командир.

— Да, это они.

— Совсем ещё юнцы, — пробормотал офицер. — Ну да ладно, уже закончили академию?

— Ещё нет, но вот идём к этому, — добродушно улыбнулся генерал.

— Отлично. Отправляемся на западное плато, — мужчина ткнул пальцем в точку на карте, которую он небрежно свернул в руке. — Там собирается крупный отряд под моим личным руководством. Мы придём на помощь основным силам, когда начнётся мясорубка.

Юноши все без исключения сжали руки в кулаки, то ли от волнения, то ли от тяжести ожидания дальнейшей судьбы и переглянулись. Адайос отрывисто кивнул.

— Во-о-от, — протянул офицер. — Ну что, присоединяемся к коллегам и вперёд, на позицию.

— Где сосредоточены драканы? — ровным голосом спросил генерал.

— У западных ворот Джампира, за плато. Там их целая куча. Наш план прорваться через ворота и поддать жару ящерицам, — офицер обвёл кругом область на западе полуострова.

— Сколько отрядов пущено в расход? — Адайос не особо выбирал выражения, когда дело касалось жестоких битв.

— Десять тысяч смертных с нашей стороны и пара Даэвов. Считайте сами, много это или мало, — командир искоса оглядел юношей.

— Если к ящерам не прибудет подкрепление и мы знаем всё, что нужно, то достаточно, — уверенно кивнул он.

— Ну вот, тогда в путь!

— Балауры, надеюсь, не знают о манёвре? — напоследок спросил мужчина в золотых доспехах.

— Их цепные псы пролетали над лагерем, но мы убивали почти всех.

— Значит, знают... — задумчиво пробормотал Адайос.

— Это уже неважно. Операцию не отменить. Мы идём до конца. Если вы с нами, прошу поторопиться.

Генерал кивнул своим бойцам, мол, хватить отдыхать, пора в дорогу. Юноши, нахмурившись, поднялись и вновь, образовав ровные шеренги, пошагали в путь. На этот раз пройти нужно было совсем немного — с аванпоста виднелся холм, за которым располагалось нужное плато. Там бойцы и должны были ждать сигнала.

Колонны из десяти с лишним тысяч бравых воинов медленно двигались к новой цели. Приблизившись к подножию, легионы по команде стали дружно взбираться по пологому склону. Пусть препятствие было и невысоким, но в тяжёлых доспехах, да ещё под палящим солнцем было идти очень непросто. Студенты академии плелись в последних рядах, как и наставлял Даэв. Воины шагали молча, только кряхтя и изредка перекидываясь парой фраз.

— Как броня? — попытался заговорить с другом Териан. Ведь сам он был в относительно лёгких полукожаных доспехах — не то, что его друг.

— Непривычно... И тяжело, — вздохнул он.

— Ха-ха, тяжёлая — значит прочная. В такой можно и против балауров, и против самого Фрегиона, — засмеялся юноша, но развеселить товарища не получилось.

Наконец, вершина холма была достигнута. Оттуда должен был открыться замечательный вид на большое зелёное плато с небольшим озером в центре. Эта равнина была, возможно, последним таким «оазисом» в южном Теобомосе, с севера наступала безжизненная огненная пустыня — дело рук Фрегиона и его проклятой армии. В глубине плато под массивной кроной деревьев можно было надёжно спрятать отряды — балауры бы

не заметили передвижения войск. Но, к сожалению, что-то пошло не так.

Воины встали как вкопанные, когда их взору открылась равнина. Но вместо утешающих улыбок и слов, что цель близка как никогда, лица бойцов и офицеров озарил ужас. Даже не удивление — ужас. В рядах воцарилась паника, шеренги загудели: «Балаурщина!». Никто не ожидал такого поворота.

— Что это?.. — со скрытым ужасом произнёс командир.

— Как это возможно?.. Что?.. Братцы, может мы зря всё это затеяли?.. — доносилось со всех сторон.

— ...Оригинально, — пробормотал офицер и обернулся посмотреть на свою армию.

Все, открыв рты и вытаращив глаза, пялились на равнину. По плату идеально ровным слоем расстелилась толстая корка льда. Нет, не по озеру в центре, а прямо между холмами, высотой почти до самой вершины. Представьте, что ровную низменность доверху залили водой, словно пустую чашку горячим чаем, а потом заморозили — вот, как выглядело ещё вчера зелёное плато. Под слоем льда толщиной в балаурову сотню метров была погребена вся растительность, словно только здесь, между протяжёнными холмами, наступил ледниковый период. Но чтобы затопить плато и наполнить его таким количеством воды, понадобилось бы несколько лет бесконечного дождя, а чтобы заморозить — века зимы. Да и под палящим солнцем всё бы давно растаяло... Но лёд был идеальным гладким, и на его поверхности не было видно ни капли талой воды. Создавалось ощущение, что его подпитывает какая-то сила, что замораживает воду и не дает ей растаять. Чудеса... Но ведь ещё вчера ничего этого не было! Разведгруппа была здесь прошлой ночью. Сложившаяся ситуация никак не увязывалась в голове командира и других офицеров.

Люди редко видели снег и лёд, ведь на Атрее всегда лето. Вечный снег лежал только под тенью гор, куда не доставал солнечный свет. Но таких мест было очень мало, а ещё меньше — тех счастливиц, кто там побывал. Поэтому увидеть такое было удивительно и очень странно.

— Балаурщина! Пошли отсюда! — вопила толпа бойцов.

«Мда, на такой поверхности мы все как на ладони. Предусмотрительно, балауры, очень предусмотрительно... Браво...» — командир понял, чьё рук это дело, но идти назад было нельзя — нужно как можно скорее перебраться на ту сторону плато, чтобы поддержать атаку основных сил, иначе наступление захлебнётся.

— Ни шагу назад! Только вперёд! — заорал офицер и вознёс меч к небу. — Идём через плато! Не бояться! Пошли! Смелей! Зато никому не будет жарко, уж помяните моё слово!

Колонна послушно сомкнула ряды и медленно, осторожно спустилась на скользкую поверхность льда. И действительно, от такой массы замёрзшей воды исходила невероятная прохлада. Шагать по льду было непривычно — он был чрезвычайно скользким. То и дело один за другим воины падали и, выругиваясь, поднимались... а потом снова падали. Командир был прав: это идеальная поверхность, чтобы контролировать врага — скрыться негде, а при атаке и не убежишь — слишком скользко.

Легионы держались близко к краю плато, чтобы не выходить далеко на открытую местность.

— Устали? — громко спросил командир.

— Нет! — хором ответило войско.

— Знаю, что устали. Тяжело шагать в таких доспехах. Но отдыхать нельзя! Ещё полпути. Воины позади понимающе вздохнули и продолжили свой дружный мелкий шаг. Чем

дольше шли легионы, тем сильнее ощущался мертвецкий холод. Снизу на людей будто дышали морозом — пробирало аж до самых костей. На металлических латах синел иней, в области коленей доспехи покрылись коркой льда — согнуть ноги было уже невозможно. Но отряды двигались, как угодно проклиная балауров. Двигались к цели. Двигались на помощь.

Двадцать тысяч ног стучали металлическими подошвами по арене изо льда. Стук сапог и лязг лат шумел и раздавался эхом за километры отсюда. Тише идти было просто невозможно — условия не позволяли, так сказать. Но даже такой пронзительный железный гул не мог заглушить странные звуки, доносящиеся откуда-то снизу. Низкое рычание или стон озарял ледяную пустыню. Люди это слышали, но старались не обращать внимания, ибо останавливаться было нельзя — чем быстрее они переберутся на ту сторону, тем скорее у них получится застать врасплах балауров... как думали командиры. Путь через холмы занял бы целые дни, но даже пары лишних часов у воинов не было.

Повеяло сильным морозным ветром — чьё-то холодное дыхание неумолимо пробиралось через пласт мёрзлой воды. В мгновение ока шлемы и кирасы легионеров покрылись мелким льдом, забрала заклинило, но окоченевшие воины шли всё дальше и дальше. Подземное рычание не было ровным, оно усиливалось с каждой минутой. Когда гортанный скрежет какого-то существа стал невыносимо громок, что даже стук металлических подошв казался игрой на пианино по сравнению с ударом молота о наковальню, ледяная поверхность равнины начала слегка вибрировать. Удержаться в равновесии на трясущемся льду не получилось, и почти каждый бравый воин из десяти тысяч рухнул наземь.

— Ещё и землетрясение! Ну, прекрасно, мать балаурскую! — заорал офицер, валяясь на спине.

— Отдохнуть решили, командир? — усмехнулся его центурион, когда поднялся на ноги.

— Не к добру это, помяни моё слово, — рявкнул мужчина, оперевшись на руку подчинённого.

Подземные толчки не прекращались, а становились лишь сильнее. Войско почти не продвигалось вперёд — идти было нереально, а ползти — верная смерть от мороза.

Вдруг рык превратился в оглушительный рёв, и ледяное плато стало покрываться трещинами, словно там, внизу была пустота. С ужасающим хрустом они расползались всё дальше и дальше, рисуя на глади сложные узоры. Казалось, будто кто-то пытается вырваться наружу. Вот теперь храброе войско охватила настоящая паника — бойцы побежали в разные стороны, кто куда. Не замечая друг друга, они пытались покинуть изрезанный трещинами лёд и выбраться на твёрдую землю. Впереди рядом с офицером были два Дазва, которые сопровождали смертных. С первыми толчками они расправили свои прекрасные белоснежные крылья и стали уносить в своих объятиях воинов подальше от этого ужаса. Конечно, вдвоём они не могли спасти все десять тысяч, но нужно было успеть помочь как можно большему.

И тут началось страшное. С очередным толчком кусок льда, на котором скучковался целый легион, под тяжестью воинов разрезало надвое. Трещина не просто разошлась посередине, она разломила морозную гладь, образовав глубокую протяжённую дыру, ведущую в небытие.

— Там пустота! Бегите! Спасайтесь! — заорал легат, но было поздно. Не выдержав массы нескольких сотен латных доспехов, изрезанная шрамами платформа изо льда с оглушительным хрустом и скрипом провалилась в бездну, забрав с собой жизни целого

легиона. Воины закричали в предсмертном вопле, но через несколько секунд их крик смолк. Из пустоты вырвался цепенящий мороз, с громким завыванием разносящийся по плату.

Это было только начало. Из пробоины во все стороны, словно нити паутины, разбежались глубокие трещины, превращаясь в смертельно опасные расщелины. Всю ледовую поверхность разорвало на части, на каждой из которых, боясь шевельнуться, в жуткой панике стояли люди в доспехах. Островки дёргало, вертело во все стороны, будто качая по невидимым волнам. Ледовое плато танцевало под ногами перепуганных бойцов.

Даэвы старались вытянуть на твёрдую землю как можно больше людей, но помощь приходила, увы, не всем. О дальнейшем наступлении уже не могло быть и речи. Сейчас стоял вопрос жизни.

Воины пытались перепрыгнуть через широкие расщелины, чтобы подобраться ближе к «берегу» воображаемого моря, но больше половины из них расставались с жизнью, обретая покой в звенящей и рычащей пустоте. Несчитанное количество храбрых бойцов разменяло жизнь на попытку спастись. Но и это было не самым страшным. Те, кто погиб сейчас, как бы это лицемерно не звучало, отделались легче, нежели те, кто встретят свой конец буквально через несколько минут. Ибо ужас вскоре обретёт форму.

В центре плато лёд взорвался. Несколько десятков огромных глыб под оглушительный треск взлетели в воздух, словно где-то под землёй сработала бомба из тысячи динамитных шашек.

— Береги-и-ись! — закричал кто-то с полным ужаса взглядом, видя, как многотонная громадина летит прямо на него. Льдины падали на поверхность, пробивая бреши в и без того хрупкой конструкции. Вокруг дыр пласты замёрзшей воды начали наклоняться, превращая поверхность в гладкую горку. Удержаться на ней было невозможно. Все, кто находился неподалёку от места падения ледяных каменюг, безуспешно пытались ухватиться за что-нибудь, но скатывались вниз в бездну, заливаясь последним истощенным криком. Оставшиеся воины хотели убежать подальше, но вскоре та же участь настигла и их. Массы льда проваливались и падали вниз, будто фишки домино.

Очередная летящая льдина с хрустом пробила щель в двадцати метрах от Териана и Лекаса. Платформа, по которой бежали мальчики, со скрипом наклонилась в сторону разлома. Юноши поскользнулись и кубарем покатались вниз. Териан изловчился и каким-то чудом смог достать из-за пояса кинжал и вонзить его в лёд, замедлив своё падение. Второй рукой он схватил ногу Лекаса, чья грудь уже свисала над пропастью.

— Держу! — крикнул Териан, корчась от боли в руке, но не отпуская своего друга.

— Вытащи меня отсюда! — заорал Лекас, посмотрев вниз и остолбенев от ужаса. — Рог балаурский! Там чьё-то рыло!..

Глубоко в бездне виднелись огромные белые клыки широко раскрытой пасти. Именно оттуда доносился оглушительный рёв.

Териан держался за кинжал изо всех сил, но не тут-то было. Кусок льда, на котором они висели, стал наклоняться ещё сильнее, пока не повернулся почти вертикально.

— Какие же на тебе тяжёлые доспехи, Лекас! — в сотый раз проклял латную броню юноша. — Не удержу долго!

— Держи, Фрегионову мать! — кричал друг.

Но подвела ребят не выносливость Териана, а кинжал, не рассчитанный на такую массу. Он даже не согнулся, послышался резкий щёлк, и лезвие просто разломилось пополам, оставив во льду лишь наконечник.

Юноши закричали и покатились в расщелину.

— Я тебя держу! — всё ещё крепко сжимая латный сапог товарища, заорал Териан.

На лице Лекаса появилась лёгкая, но горькая от отчаяния улыбка. Он уже понял, что теперь они оба обречены. Взгляды друзей на секунду встретились. В лицо Териана вцепились полные страха и ужаса глаза Лекаса. Через мгновение коварное плато из льда исчезло за спиной, и юношей на крыльях смерти понесло в бескрайнюю пустоту. Рука Териана разомкнулась. За секунду юноша вспомнил всё своё детство, родителей, Фоэту, Белиса, академию Санктума, Сиэлу, бесконечные тренировки, дружбу с Лекасом и Сиару которой он тайно поклялся вернуться. Всё потеряло смысл — недолгая жизнь позади, впереди — небытие. Териан закрыл глаза, как вдруг откуда-то сзади низким гулом донеслось:

— Держу-у-у!

Юношу в бок что-то сильно ударило, и его тело вдруг резко взмыло вверх. Оглянувшись, он обнаружил себя в объятьях крылатого воина. В последний момент его схватил и вытащил из бездны сам Даэв. В голове Териана округлил глаза и заорал, что было сил:

— Нет! Лекас! Не-е-ет!

Молодой воин стал яростно брыкаться, стараясь выбраться из смертельной хватки бессмертного. Юноша оскалил зубы, его глаза налились кровью, и он прошипел:

— Отпусти-и!

— Ишь чего захотел! — возмутился такой наглостью Даэв и ещё сильнее сжал стальные тиски.

Териан в мгновение с горестью понял, что ему уже не выбраться из рук крылатого создания, он беспомощно посмотрел вниз в пропасть и в последний раз увидел уплывающий в темноту взгляд своего единственного и самого лучшего друга.

— Териан!.. — в последний раз донёсся из мрака крик Лекаса.

Юноша закрыл глаза, в его ушах зашумело от душевной боли, от несправедливости этого мира. Он сжал в гримасе все мышцы на лице, затрясся и от отчаяния закричал. В его голове всё повторялось и не угасало эхом звенящее: «Териан! Териан...», а перед взором отчётливо сиял умоляющий взгляд глаз товарища.

«Прости...» — прошептал воин и обмяк в руках Даэва.

Но битва со смертью ещё продолжалась. Из самого центра плато, где и произошёл сильнейший взрыв, из воронки донёсся оглушающий рёв, из мрака появились две огромные лапы, будто вырезанные из льда, и блестящими острыми когтями ухватились за окраину расщелины. Существо зарычало и, накопив силы для самого мощного толчка, разорвало толщу льда на десятки метров вокруг.

Из пропасти показались огромные сияющие снегом когтистые крылья. Да, это был дракон. Спустя секунду он выбрался из пустоты и взмыл в воздух. Всё его тело было покрыто льдом, словно бронёй. Сверкая на солнечных лучах, балаур набрал высоту и спикировал на кучку воинов, почти выбравшихся из ледяной ловушки. Дракон вздохнул и выпустил на бедных бойцов своё сковывающее холодом дыхание, настолько морозное, что воздух вокруг мгновенно захрустел и покрылся инеем. С полсотни легионеров тут же застыли на месте в тех же позах, в которых бежали. Их измученные силуэты обратились в покрытые льдом статуи, а лица окостенели, изображая смертный ужас.

— Это — я! Эрискаль! — прорычало существо и, взмахнув шипастым хвостом, разбило ледяные скульптуры, обратив их в кристаллики пыли, словно шахматные фигурки. Дракон,

довольно оскалившись, взмыл высоко и, облетев по кругу плато, изрыгнул смертельным морозом на ещё оставшихся на рассыпающемся льду воинов армии смертных.

За всё это время Даэвы успели спасти около двух сотен человек, перенеся их за холм и спрятав от глаз балаура под кронами деревьев. Когда Лорд Холода насытился жертвами, очистив ледяную пустыню от «насекомых», он обрушил на дно плато оставшиеся на поверхности глыбы и улетел прочь. В ту же секунду лёд стал плавиться под лучами солнца — магия ящера перестала действовать на равнину.

Почти десять тысяч трупов были погребены под пластами тающего льда, и рано или поздно они выплывут наружу. Теперь это место будут вечно именовать Платом Мучений.

Выживших Даэвы отвели обратно на аванпост. Эта трагедия положила крест на окружении балауров в центре Теобомоса. Кто мог предположить, что их Властелины окажутся умнее многотысячной армии людей, умнее Служителей? Посланники уповали на неожиданность, но ящеры обо всём знали. Это было поражение. Оставалось надеяться, что тридцать тысяч воинов, которые идут в лобовую атаку на укрепления Фрегиона, смогут осадить лагерь и освободить эти земли.

Огромная армия легионеров дружно шагала на север.

— Стоя-ять! — крикнул командир в чёрном балахоне. — Даэвы, на позиции!

Несколько десятков воинов в особых доспехах вышли вперёд и встали на расстоянии в несколько метров друг от друга, расправив крылья. Перед войском расстелилась узкая лощина между двумя высокими холмами.

— Наш путь лежит туда!

Воины переформировались в длинные шеренги, чтобы уместиться в ширину дороги.

— Шага-ай! — скомандовала фигура в балахоне. — За Айона!

— Есть, Лорд Асфель! За Айона! — подхватило войско и ровным уверенным шагом двинулось вперёд.

Ущелье озарил дружный стук тысяч сапог. Колонна расстелилась на сотни метров. Но и здесь что-то пошло не по плану. Как только последние ряды скрылись в тени меж холмами, вдали послышался звонкий гул. Служитель сообразил в тот же миг:

— Балаур-ры!.. Сомкнуть ряды! Оружие наизготовку!

Команды разнеслись по легионам, воины встали в боевые стойки, ожидая прихода врага.

Впереди красным туманом приближалась многотысячная армия чешуемордых. Земля затряслась от ударов их когтистых лап. Яростное рычание и вой надвигались на людей с бешеной скоростью.

— Стоим! — орал Служитель.

Огромные трёхметровые хвостатые создания бежали, неся тяжёлые алебарды в сильных руках. Драканы выглядели уродски и вместе с тем устрашающе, скорчив кривые морды в неумолимом гневе. Когда армада приблизилась на пару десятков метров, Асфель снял с себя капюшон и, показав светящиеся голубые глаза, чёрные волосы и яростный оскал, расправил сияющие белые крылья и закричал:

— Руби-и!

Воины издали боевой клич и понеслись навстречу балаурам. Началась немыслимая своей жестокостью кровопролитная битва. Служитель раскидывал ящеров направо и налево, обращал их магией в пыль, испепелял и разрубал пополам своим мечом. Даэвы отчаянно

сражались, имея крылатое преимущество перед врагом. Они атаковали с воздуха, что было очень неприятно для беспомощных перед этим драканов.

Сражение длилось считанные минуты, но, казалось, что оно продолжается вечность. Вдруг с задних рядов донеслось гулкое: «К бою!». Асфель обернулся, и его лицо, обрамлённое яростью, озарилось разочарованием — сзади надвигалась такая же бескрайняя орда ящеров, — их окружили. Хитрые балауры обошли вокруг холмов и атаковали легионеров с тыла. Теперь у людей не было пути отхода — они находились в ущелье, как в ловушке. Пришлось вести бой на две стороны. Упование на неожиданность обернулось неожиданным поворотом.

Воины отчаянно сражались с армадой ящеров, не собираясь разменивать свою жизнь за просто так. Дикий вопль поднялся над утопающей в крови землёй. Даже издали был слышен лязг оружия, яростный рык балауров, взмахи крыльев и шум падающих тел.

Вдруг к ногам Асфеля безжизненно рухнул Даэв, сражённый меткой стрелой. Служитель вознёс взгляд вверх и увидел то, отчего его глаза наполнились ещё большим гневом. Сотни драканов-лучников стояли на вершинах холмов и натягивали тетиву, чтобы сразить новую жертву.

— С трёх сторон, — прошипел Посланник Небес и взмыл вверх, дабы помешать планам жестоких балауров.

Асфель разбрасывал ящеров десятками, ряды их лучников редели, в то время как стрелы драканов самому Служителю Вечности были не страшны. Они не пробивали даже открытую кожу мужчины, не говоря о броне.

Казалось, был шанс на победу, но, откуда ни возьмись, тень от огромных крыльев закрыла солнечный свет. Воины подняли головы и увидели его — Тёмного Лорда Бритру, мягко спускающегося на противоположный Асфелю холм.

— Я ждал тебя, жалкая ящерица, — в гнев произнёс Служитель. Дракан лишь прошипел что-то на своём языке и презрительно бросил пылающий огнём взгляд на бессмертного защитника Атреи.

Балаур раскрыл пасть, готовясь к атаке, но вдруг взвыл от боли — что-то глубоко пронзило его бок.

— Конец тебе, поганая мышь, — воскликнул Лорд Джикел, проворачивая меч в огненной плоти дракона. Бритра зашипел и отбросил Посланника взмахом крыла. Асфель не медля ринулся к Вождю балауров, чтобы атаковать его с другой стороны. Смертные сражались со смертными, великие — с великими.

Несколько часов длилось сражение, десятки тысяч жизней унесла эта битва. Люди чудом смогли прорвать блокаду сзади и отойти назад. Бритра, яростно зарывав, поднял в воздух густой чёрный туман и погрузился в него. Служителей ослепило, и хитрый дракон сделал своё дело. Балаур сковал невидимыми путами одного из Посланников, а затем, выскочив из облака мрака, разорвал когтями и клыками в клочья, словно соломенную куклу.

— Джикел! — воскликнул Асфель на вопль брата и с ещё большей яростью бросился к дракону. Но тот отбросил его мощной передней лапой, а затем яркой вспышкой растворился в плотном облаке дыма. Когда пелена рассеялась, Властелина балауров и след простыл.

— Трус! — прошипел Служитель и спустился вниз, где всё ещё разгоралась битва. Войско людей отступало под натиском кровожадных рептилий. Асфель встал между человеческой и балаурской расами и гордо расправил крылья. Он прошептал короткое заклинание, призвав великую силу Эфира, и направил её во врага. Между легионерами и

ящерами в мгновение ока появился непроницаемый барьер, как тот, что охранял Башню Вечности, только намного меньше и слабее.

— Бегите к восточной крепости! — прокричал воинам Посланник Айона. — Предупредите жителей! Я знаю, эти твари направятся туда!

— Вперёд! Вперёд! — подхватили оставшиеся в живых легионы. Асфель повернулся к безуспешно пытающимся прорвать щит ящерам. Их морды были полны отчаянной ярости и ненависти. Служитель Вечности держал барьер, пока Эфир в воздухе не иссяк. К счастью, у воинов было достаточно времени, чтобы успеть к крепости до балауров, и Асфель, обрушив невидимую стену, продолжил кромсать врага своим мечом, пока сам не лишился последних сил перед тысячью монстров. Его плоть не могли пронзить вражеские мечи, только чудовищная слабость сыграла с Посланником злую шутку. Исчерпав всю магию, а вместе с ней и жизненные силы, бессмертный медленно осел на землю, обернулся своими крыльями, как кокон — скорлупой, и растворился в сияющем белом облаке, чтобы воскреснуть и снова ринуться в бой.

===== Часть 6. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 6.

Отредактировано.

Поэта.

Эви стояла как вкопанная с пустой деревянной чаркой в руках.

Старик сидел напротив неё в плетёном кресле, сложив руки на груди.

— Ну что, у тебя ещё есть вопросы ко мне? — Френос был серьёзен и говорил ровно и сухо. А ещё пропал огонёк безумства из его глаз, взгляд был осмысленным и строгим.

«Есть ли у меня вопросы? — негодовала Эви, едва слеживаясь от того, чтобы бросить чарку в лицо старику. — Балаурский рог! Конечно же, есть! К чему весь этот цирк? Что за дрянь он заставил меня выпить? Что и зачем я видела только что?»

Но вот только спросила она почему-то совсем о другом:

— Тутти? Кто это?

— Скорее, «что», — старик поднялся с кресла, вошёл в дом и потянулся за книгой на столе, открыл её на заложенном месте и, словно игнорируя девушку, принялся читать.

— Это была проверка? — Эви вскочила, вбежала в дом и с обидой вперемижку с недоверием посмотрела на старика.

— Если ты знаешь ответ на вопрос, то зачем его задавать? — монотонно пробурчал Френос.

— Вы в своём уме?

Старик молча приподнял глаза от книги.

— Вы же не псих, каким вас все считают, — почти вопросительно спросила Эви. — Для чего всё это? Я же могла бы просто развернуться и уйти.

— Тем не менее ты решилась исполнить прихоть безумца. И теперь я уверен, что ты прислушаешься к совету мудреца.

Девушка ошарашено опустила на грубо сколоченную лавку посреди маленькой, но уютной гостиной.

— Вы знали, что я приду?

Френос опять углубился в чтение.

— А моё видение? Что это было? Отвечайте! — Эви со злостью ударила по столу ладонью, но старик даже бровью не повёл. — Вы слышите меня?

— Слышу, но говорю снова: отвечать буду только на те вопросы, ответы на которые ты не знаешь.

— Да что Вам от меня надо?

— Разумности...

— Знаете, что?! — Эви вновь подскочила с места. Со стороны можно было подумать, будто это была обычная девчонка-истеричка, закатывающая очередную сцену. Но она и вправду не знала, как ей поступать или куда себя деть. — Хватит! Я проделала долгий путь, очень устала, а Вы с порога говорите загадками, поите зельями... А потом хотите, чтобы я была разумной?

— Что ж, удачи, Эви ан Грейв, — отстранённо промолвил Френос. — Давай, я открою тебе разлом обратно в Акариос?

— Вы что, пугать меня решили?

Да, похоже, крышу девушке сносило капитально. Что же её так зацепило: увиденное или поведение старика, разыгрывающего спектакль?

— Ты что-то хотела... — вдруг вспомнил отшельник, отложив книгу в сторону. — Наверное, спросить про своего друга-асмодианина? Ну, так можешь обижаться и смело шагать обратно — я держать тебя здесь не стану. А можешь успокоиться и проявить благоразумие.

В Эви словно вновь залили зелье из фляги. Жар и гнев растворились, голос рассудка взял верх над эмоциями. Она опустила глаза и снова присела, но на этот раз робко и виновато.

— Я сдаюсь... Да, мне нужно многое у Вас узнать...

Эви жила у старика несколько дней. Безумств уже не было, но и мудростью с девушкой он делиться не спешил. Большую часть дня элийка проводила в походах вместе с Френосом: они вдвоём пробирались в северный лес, собирали грибы, ловили рыбу в речушке неподалёку или просто ходили по тропам и наблюдали за дикой природой.

Несмотря на глубоко преклонный возраст, отшельник ходил очень быстро, не хромал, да и с лёгкостью поднимал всякие тяжести, которые Эви были не под силу.

Девушка подумывала о том, что Френос — Даэв, иначе как объяснить его способности: он мог щелчком пальца разжечь костёр, взмахом руки отогнать стаю диких зверей и даже не раз зарекался о том, что откроет пространственный разлом и бросит в него Эви, когда она ему надоест.

Девушке пришлось смириться с тем, что каждую ночь она видит видения, а не обычные спокойные сны. Из раза в раз она попадала в шкуру Териана, одного из Лордов балауров, либо даже Служителей Вечности. Эви видела картины из истории Атреи, попадала в самую гущу сражений, наблюдала за воспоминаниями великих.

Элийка не раз спрашивала старика, что заставляет её еженощно попадать в чужую память, но Френос никогда не отвечал: он лишь улыбался и начинал говорить о зверях и растениях, населяющих Фоэту. Иногда девушка задавала вопросы иначе: она рассказывала отшельнику о своих видениях и спрашивала, что же она видела и когда это было. Тогда старик охотно говорил с ней, обсуждал её сны и даже показывал в книжках описание того или иного события.

Вечера они обычно проводили во дворе под кроной высокого дерева-дома. Огромные, размером с арбуз, шарообразные светлячки облепляли ветви, и поляна освещалась так ярко,

что можно было читать книги. Чем они, собственно, и занимались после ужина. Френос, казалось, выносил из дома всю свою библиотеку. Закладывая в книги определённые главы или подчёркивая в них строки, он передавал их Эви. Девушка читала истории и вспоминала забытые сюжеты из далёкой истории этого мира: ещё до Катаклизма и разделения планеты на два громадных осколка.

В очередную ночь девушку посетило новое видение: одно из самых ужасных и кровавых из всех, что дарил ей дом старика.

Восточная крепость Теобомоса была последним крупным оплотом человеческой цивилизации на полуострове. Замок и город вокруг него возвели ещё сотни лет назад, когда война между людьми и балаурами только разгоралась. Место выбрали подходящее — крепость находилась на ступенчатой скале, поэтому ни с севера, ни с юга подобраться к ней было невозможно. На востоке был вырыт глубокий овраг, за которым расстилались девственные леса, а с запада тянулась открытая местность, где все вражеские отряды были, как на ладони. Но подобраться к замку — это одно, а прорвать оборону — совсем другое. Толстые стены, способные месяцами выдерживать любую осаду, были неприступны для нелетающих низших балауров, а высокие башни, вооружённые тяжёлыми корабельными пушками и меткими стреломётами, должны были не подпустить драконов и близко к укреплениям. За крепостной стеной располагались улицы города, центр же селения, где красовались дворец, храмы и поместья знатных особ, защищала вторая стена, пусть и чуть меньших размеров, но не менее грозная и надёжная.

Солдаты подошли на рассвете. На западной башне зазвенели колокола, и толстые ворота послушно открылись перед уставшими воинами. О прибывших без предупреждения войсках немедленно сообщили военачальнику Теобомоса. Пусть час был ранним, но офицеров сию же минуту согласились принять во дворце.

— Добро пожаловать, господа, — в мягком кресле на возвышении в конце длинного светлого зала восседал молодой парень лет двадцати пяти, с виду очень важный и интеллигентный. Красный сюртук, чёрные волосы, внимательные глаза — юноша поприветствовал гостей и велел многочисленной охране при секирах и латах скрыться с глаз долой. В помещении остались он и трое офицеров, двое из которых были Даэвами.

— Для меня честь принимать столь высоких гостей в нашем краю. Что привело вас сюда? — его голос был безмятежным и сухим, как огненная пустыня.

— Я, — заговорил один из бессмертных, — первый адъютант Кровавых Небес, великого легиона под началом Леди Триниэль. Мы прибыли сообщить о грядущей беде.

Молодой человек заинтересованно вскинул бровь. Даэв продолжил:

— Через несколько часов армия балауров во главе с Чёрным драконом Бритрой осадит вашу крепость. Наш гарнизон поможет в обороне.

Юноша не повёл и взглядом. В зале наступила тишина, которую нарушил сам молодой военачальник.

— Позовите стражу, — он тихо и непринуждённо обратился к гостям. Один из офицеров вынужден был выйти и попросить ожидающую возле дверей охрану вновь зайти. Затем мужчина с напущенной усталостью заговорил:

— Значит, так. Будите первую и вторую королевскую стражу — пусть займут западную и восточную вышки. Собирайте седьмой-восьмой легионы для обороны первого кольца изнутри. Отряды лучников — на стены. Всё уяснили?

Стражник с забралом на лице послушно кивнул. После этого охране приказано было удалиться. Тогда «король», как величал молодой человек сам себя, продолжил беседу с гостями наедине.

— Вот видите? У нас не так много людей. Печально слышать, что Бритра тоже здесь, нам и Фрегиона было достаточно, — он наигранно сморщил лоб и всё же поднялся с трона, важно встав перед офицерами. — Ну, что поделаешь... Будем обороняться. Сколько, вы говорите, там балауров?

— Тысяч тридцать, не меньше, — пробормотал Даэв.

Юноша недовольно промычал, скорчив лицо, и произнёс:

— Эх... Новости мрачные. Но мы сделаем всё, что от нас потребуется. Так, давайте на позиции, господа. И, как говорится, да озарит наш путь Свет Айона.

Офицеры безмолвно покинули зал. По сигналам башенных колоколов дворец и близлежащие здания оживились. В городе началась суматоха. Туда-сюда шныряли в боевых порядках отряды и легионы. Арсеналы с оружием быстро пустели, крыши домов и крепостные стены наполнялись стражниками. Жителей принуждали не выходить на улицы и сидеть дома, пока не закончится оборона.

Через полчаса все звуки стихли. Город замолк в ожидании врага. Собственного гарнизона крепости было бы недостаточно для отражения атаки, но почти полтора десятка тысяч вновь прибывших бойцов увеличивали шансы на успешную защиту.

Вдруг в западной вышки послышался голос сторожевого:

— Вижу людей!

Офицер первой королевской стражи поднялся на башню, чтобы посмотреть, о чём говорит патрульный.

— Айон Всемогущий... — прошептал он, вытаращив глаза от удивления, и воскликнул. — Открыть западные ворота!

Стража внизу покорно отодвинула металлический засов и распахнула створки железной решётки.

Со стороны горизонта медленно плелись несколько сотен человек, то ли мирные жители, то ли воины, потерявшиеся в битве. Когда они приблизились, стало ясно, что это тоже бойцы. Все в покоцанной броне, усталые, они шагали вразнобой, теряя последние силы. Их встретили патрульные, торопя пересечь линию ворот, чтобы поскорее закрыть город.

Впереди шли два Даэва, это было легко понять по гордой осанке и блестящим бессмертием глазам.

— Нам нужно срочно к военачальнику! — кинулся один из них на стражника крепости. — Немедленно! — пронзительный взгляд крылатого воина, хоть и их не было сейчас за спиной, был грозен и серьёзен, словно от этого зависит судьба города. — Рэйвен! — вдруг окликнул Даэв своего знакомого, появившегося, казалось бы, из ниоткуда.

— Арбет, что с твоими людьми? — спросил черноволосый бессмертный, шагнув из-за спины перепугавшегося стражника.

— Мы попали в засаду на западном плато...

— Много было драканов? — перебил его Рэйвен.

— Один, — отрезал Перерождённый. — Эрискаль.

Глаза Даэва загорелись чёрным, как смерть, пламенем. Услышать о присутствии ещё одного Лорда балауров было чрезвычайно неприятным известием.

— Если продержимся до появления Служителей Вечности, есть шанс удержать полуостров. Если падём ниц, разменяем жизни подороже, — воскликнул Рэйвен войску. Это звучало как призыв перед битвой. — Занять свои места! Теперь уже курс поздно менять. Стоим до конца!

Окрестности озарило громким криком: «За Айона!». Бойцы в сотый раз проверили снаряжение, лямки на доспехах и уверенно разошлись по позициям. «Стоять, как в последний раз... Отступать некуда...» — звучало в голове у каждого воина.

Рэйвен приказал выжившему отряду окружения отправиться к внутреннему кольцу, чтобы перевести дух и подкрепиться. Скоро должно начаться решающее сражение, сражение, которое и определит будущее Атреи.

Город замер. Мирные дома горожан крепко заперли изнутри: двери на замке, окна забиты — жители боялись даже высовываться наружу, где скоро будет дан старт баталии. Арсеналы опустели, легионы заняли крупные улицы и площади. На стенах и крышах затихли отряды лучников. Даэвы-воины встали в шеренгу у самых ворот, чтобы первыми встретить армаду врага. Бойцы были уверены, что балауры немедля ринутся на осаду крепости после того, как люди отступили там, в ущелье. Даэвы-маги заняли позиции на башнях, вместе с лучниками они должны как можно сильнее разредить ряды драканов перед тем, как те подберутся к крепости.

На улицах воцарилась гробовая тишина. Слышно было, как, жужжа маленькими крыльями, мимо пролетает муха, как мышь перебегает дорогу, как тяжело и часто дышат воины, предвкушая скорую битву.

Ждать долго не пришлось. Низкий гул понёсся горячим ветром с западной стороны. Чуть ощутимая вибрация земли народилась и крепчала с приближением тысяч когтистых лап. Офицерское чутьё не подвело — балауры не упустили возможность покончить с людьми на полуострове.

Рэйвен лёгким движением запрыгнул на ящик и воинственно вскрикнул:

— За нами только деревни и порт. Посему приказываю: держаться до конца и ни шагу назад! Проявим слабину — конец нашим мечтам о мирном будущем и светлом небе над головой! Да озарит наш путь Свет Айона, братцы!

Окрестности зажглись звонким откликом храбрых бойцов. Даэв наклонился, и в мгновение ока перед взором легионов предстали огромные сияющие крылья — символ надежды и святости их мужества.

Стены крепости и башни оживились — лучники и маги принялись за работу. В разъярённую толпу бегущих свирепых рептилий полетели стрелы и огненные шары, которые в мгновение взрывались, когда касались чешуи ящеров. Первая шеренга балауров замертво свалилась на землю. Следующие за ними, спотыкаясь о тела павших собратьев и с трудом перепрыгивая трупы, заняли их место. Бескрайняя орда рычащих трёхметровых монстров, как волна, надвигалась на крепость. Каждую секунду десятки балауров безжизненно падали, пронзённые меткой стрелой. Разрывающиеся шары из огня оглушали и ослепляли ящеров, замедляя их движение. Расстояние между крепостью и армадой сокращалось. И вот настал миг, когда в металлические ворота со всей бешеной мощью врзалась толпа врага. Звон от удара оглушил защитников города. Свирепый крик и рычание пробивались сквозь стены. Началась осада.

С башен продолжался отстрел врага, но балауры, казалось, этого не замечали. Их целью были ворота. Своими алебардами и дубинами они пытались пробить металлические

пластины, но створки пока держались. Вдруг с севера сквозь облака пробились три больших белых шара и быстрее ветра полетели к замку.

— Это Посланники! — радостно воскликнули стражи на башнях.

Три сияющие сферы, словно пушечные ядра, перелетели через стену и рухнули на площадь, чудом попав между бросившимися в сторону бойцами. Шары зашипели, и белая пелена растворилась. Изнутри, будто из мягкой скорлупы, проклюнулись огромные крылья. Да, это были Служители Вечности. Туманные фигуры обрели форму, и легионеры разглядели своих покровителей. Перед взором ошарашенных и радостных воинов предстали Асфель, Джикел и Ариэль. Защитница южных земель тоже явилась на помощь людям. Крепость озарил счастливый крик: «Ура!». Бойцы приободрились, увидев, что Посланники их не забыли и теперь будут сражаться вместе со смертными.

Асфель и Джикел перелетели через легионы и приземлились у самых врат, встав перед Даэвами. Ариэль взмыла на сторожевую башню к лучникам и магам. Показавшись разъярённой орде балауров, всё ещё безуспешно пытающейся уничтожить ворота, покровительница вознесла руки к небу, и её тело засияло ослепительным светом. Всё тянущееся к горизонту проклятое войско озарили ярчайшие лучи, прожигающую чешую насквозь. Балауры завизжали от боли, их кожа и доспехи плавилась, словно они прикоснулись к поверхности солнца. Над равниной поднялся раскалённый пар из жжёной чешуи и металла. Когда сотни балауров, изрыгая последний крик, рухнули наземь, Служительница приземлилась на стену, тяжело задышав от усталости. Ослепительный свет в тот же миг погас.

Но тут случилось то, чего следовало ожидать. Массивные петли ворот закрипели и раскололись на две половины. Створки вырвало из стены и прущей толпой балауров понесло на людей. Асфель быстро среагировал и, вытянув вперёд руки, на расстоянии метра от себя остановил огромные ворота, а затем, яростно закричав, метнул их обратно в ящеров. С десяток драканов разрубило пополам. Ещё несколько погибли под тяжестью ворот. Но армаду это не остановило. Они добились своего — открыли путь в крепость. Владыка севера оттолкнулся ногой от земли и, вновь обратившись в белое облако, ядром полетел вдоль поверхности земли вдаль, кромсая и разбрасывая толпы проклятых балауров. Словно пуля, сияющий шар мгновенно перерезал целую колонну врага вплоть до самого горизонта. Затем Служитель остановился и, порешив ещё одну линию врага, белой сферой вернулся в крепость. Джикел достал из-за спины огромный щит и, замахнувшись, ударил им о землю перед приближающимися ящерами. Равнину в ту же секунду затрясло. Армада драканов остановилась, пытаясь сохранить равновесие. Но сзади пёрла целая армия, и первые линии балауров под натиском следующих просто рухнули наземь, не в силах встать, потому что по их ещё живым телам побежали вторые шеренги разъярённых ящеров. Много рептилий погибло под лапами своих братьев. Но орде врага, казалось, не было ни конца, ни края. И вот, яростно вопя, толпа балауров врезалась в шеренгу Даэвов. Началась битва.

Рёв драканов, звон мечей и лязг доспехов разразились на всю округу. Бессмертные храбро сражались, им не была страшна гибель — они знали, что воскреснут вновь. Но когти врага настигали и их. Одни за одним Даэвы падали на землю, накрываясь крыльями, словно одеялом, а затем растворялись кровавым облаком в воздухе — Эфирный поток забирал их души, чтобы через минуты принести их обратно в мир. Но воскрешались бессмертные не здесь, а в храме Сиэлы, столицы земель людей — у подножия Башне Вечности. Поэтому, умерев, они больше не могли участвовать в осаде — путь от храма Айона до Теобомоса был,

увы, неблизким.

Разобравшись с Дазвами, сильно поредевшие шеренги балауров принялись за людей, несмотря на то, что Служители Вечности тоже бились во всю мощь — Ариэль накрывала толпы врагов губительным светом, а Асфель и Джикел кромсали драканов своим оружием. Но натиск бескрайней орды был силён — ящеры всё глубже продвигались в крепость. Защитники города не давали прорваться огромным существам, но и сами падали без жизни, утопая в последнем вздохе.

Минуты шли, словно века. Вот уже солнце разгорелось полуденным светом — несколько часов смертельной битвы позади. А конца балаурам не видать. Медленно, но уверенно чешуйчатое войско продвигалось по узким улицам внешней крепости ко второй стене, за которой располагались дворцы и храмы. Людей было в разы меньше, чем ящеров, им приходилось отступать всё глубже и глубже, пока в спину не упёрлись ворота в внутренней крепости.

— Вот и всё, братцы. Держимся до последнего вздоха! — скомандовал легат своим подчинённым.

Легионеры переформировались, сомкнув ряды плотнее. Балауры в толкучке двигались вперёд. Как ни странно, ящеры обходили дома стороной, не нападали на них и не поджигали, чего следовало ожидать. Наверное, они сочли это пустой тратой времени, ведь цель была так близка.

Ариэль взлетела на своих белоснежных крыльях и порхнула ко второй стене, чтобы продолжить осыпать магией слабых перед силой Эфира драканов. Асфель и Джикел держали на себе целые кварталы, не давая ящерам продвинуться дальше. И вот, наконец, войско рептилий встало. Идти вперёд захватчики больше не могли — люди держались слишком храбро и самоотверженно. С крыш и стен сыпались стрелы и магические заклинания, впереди намертво стояли легионы, назад пути не было, потому что ящеры, находившиеся позади, всё ещё проталкивали собратьев глубже в город, навстречу смерти. Первые линии балауров редели с неумолимой скоростью, всё сложнее было перелезть через горы трупов, улицы тонули в бледно-зелёной крови ящеров, смешиваясь с ярко-алой человеческой кровью.

Осада остановилась, драканы поняли, что дальше им путь закрыт. Тогда взору защитников крепости и открылось настоящее зло, чьего прихода они так боялись.

Сквозь звон металла и крики слышалось громкое шуршание чьих-то огромных крыльев.

— Во-озду-ух! — заорали воины на сторожевых башнях. В небо с гулом полетели первые пушечные снаряды. Залпы от орудий были оглушительными. Громыхало так, что уши выворачивало наизнанку. Скоро в дело пустились и огромные стреломёты. Громко тарахтя, они выпускали по несколько остроконечных гарпунов в секунду, чтобы продырявить крылья приближающемуся дракону.

Вдруг одна из башен вспыхнула, словно спичка. Стражники закричали в присмертном вое, облачённые в оранжевое пламя. Они бросились на землю, стараясь потушить на себе огонь, но было уже поздно. Через минуту основания вышки захрустели, и башня с треском рухнула на площадь, занятую балаурами. Теперь перед ящерами пылала огненная преграда, в их рядах возникла паника, и они, вопя, побежали назад, расталкивая задние ряды. Те, кто были зажаты перед горящими обломками, ринулись к центру крепости, но встретили сопротивление в виде человеческих легионов. Окружённые драканы были обречены. Но, увы,

это было только начало.

С окраин города разлетелся по все стороны оглушительный рёв — стёкла домов треснули и рассыпались в тот же миг, деревья и столбы вырвало с корнем и понесло в шеренги людей и ящеров, деревянные крыши зданий обрушило дьявольским ветром, стоящих около ворот балауров подняло в воздух и выбросило за северные скалы. Что же это было?

Вдруг на полуразрушенную крепостную стену приземлилось пылающее огнём существо. Оно поднялось на задние лапы и расправило свои огромные сверкающие пламенем крылья.

— Фрегион... — с досадой и разочарованием прошептал Рэйвен, стоя между людьми и балаурами около второго кольца укреплений.

— Это Фрегион! Фрегион! — тотчас понеслось по гарнизону. Воины никогда раньше не видели столь неистового и ужасающего создания. По его телу, словно вода, стекало вниз красное пламя. Четыре когтистых крыла в размахе закрывали свет солнца, а морда с огромным рогом на носу и огненной гривой была воплощением кошмара. Гипнотизирующий взгляд балаура сводил с ума и заставлял в неукротимой панике бежать прочь. Дракон с грохотом опустил крылья на каменную поверхность и испустил из пасти столпы огня, накрывшие смертельной пеленой всё перед собой вплоть до самых внутренних ворот. Под пылающим одеялом были заживо погребены сотни людей и балауров. Даже истошные крики умирающих не пропускала сильнейшая магия Властелина драканов. Он без разбора уничтожал всех. Дома запылали жарким пламенем. Выбраться из них было невозможно — карающий огонь настигнет и там. Ещё живые отряды людей побежали врассыпную прочь от неугасимой ярости дракона.

Ариэль взлетела вверх, пробившись сквозь огненную пелену. Она собрала всю свою магическую силу в руках и направила ослепительные лучи прямо в морду балауру. Он тут же отвернулся от до боли яркого Эфирного света, но спустя несколько секунд ехидно оскалился и выпрямил голову, гордо встречая лицом магию Служительницы Вечности. Женщина собрала в ладонях ещё более плотный луч и запустила его в лыбящегося дракона, но ему и это было нипочём. Она мельком глянула в его пылающие глаза, и всё тело покровительницы мгновенно окутало огнём, крылья загорелись и рассыпались — женщина упала на землю. Её кожа и одежда пылали так ярко, словно её с ног до головы облили горючей жидкостью и подожгли. Ариэль закричала от боли, но ничего не могла сделать. Джикел увидел это и бросился на дракона, быстро взмахивая прекрасными белыми перьями. Но вскоре та же участь настигла и его. Два служителя Вечности, два бессмертных защитника корчились на земле от терзающего и нестерпимого пламени в предверии смерти. Асфель облетел вокруг балаура и обратился сияющим облаком, чтобы рассеять магию Фрегиона. Белый шар вонзился в чешуйчатую гриву дракона и исчез. Существо заревело и оттолкнулось от стены, чтобы оторвать от себя Посланника. Властелин взмыл высоко и залился в оглушительном рыке. Кожа четырёхкрылого чудовища загорелась с большей силой, свет от балаура затмил солнечный. Магия Асфеля не выдержала адского пламени, и сияющая сфера оторвалась от шеи дракона, рухнув на землю неподалёку от крепости. Облако растаяло, и в недрах белоснежной пелены показалось безжизненное тело Служителя Вечности. Фрегион довольно взвыл и, сложив клином свои четыре крыла, спикировал на внутреннюю стену. От ошеломительного удара каменная громада рассыпалась, словно карточный домик. Люди, стоявшие у стены, не успели ничего понять, как на них сверху обрушились глыбы, в одночасье оборвав жизни сотен человек. Оставшиеся отряды балауров радостно зашипели и побежали к внезапно открывшемуся пути.

Дворец и центр города остались без защиты. Город снаружи пылал — не было ни одного дома, на который не перекинулся бы пожар. Фрегион приземлился на целый кусок каменной стены, с удовольствием наблюдая, как его «дети» захватывают замок. Выжившие стражники города, скучковавшись у дальних кварталов, ещё удерживали орду драканов, как могли, но было ясно, что это ненадолго. Пламя дракона вскоре накрыло и их.

Дворцовая площадь наполнилась свирепыми ящерами. Внутри было всего несколько десятков стражников, которые охраняли лично короля. Они собрались у покоев хозяина, закрыв собой проход, чтобы отдать последний долг своему господину. Военачальник всё ещё молча сидел на троне, понимая, что скоро придёт конец. Вдруг он поднялся на ноги и решительно распахнул двери, ведущие на просторный балкон. Мужчина вышел наружу в своём парадном одеянии и ужаснулся. Ещё несколько часов назад вокруг царил мир, а теперь до самого горизонта тянется стена из пламени. Кварталы горят, как спички, здания рушатся, словно карточные дома. Мужчине стало не по себе.

«Довольно кровопролития...» — внутренний голос проснулся в душе короля. Он на секунду представил, сколько смертей принесла эта битва, и сколько может ещё принести. Мужчина глянул вниз, где толпа ящеров пробиралась в здание дворца. Вдруг самопровозглашённый правитель собрался с мыслями и крикнул орде врага:

— Прекратите разрушения! Остановитесь! Прошу, остановитесь! Город будет сдан!.. Только остановитесь...

Балауры бы не расслышали его голос, но Фрегион поднял на человека глаза и рывкнул, чтобы ящеры замолчали. Драконы тут же застыли на месте и переглянулись. Их головы медленно повернулись, и пустые глаза уставились на гордую грудь пылающего дракона. Чудовище ровно задышало в тишине, а затем взмахнуло крыльями и подняло огромный столб огня, полностью погрузившись в него. Воздух завертелся в огненном смерче. Ураган пламени с балауром внутри двинулся с места и опустился на площадь перед дворцом. Вдруг горящее торнадо стало сужаться, оно становилось всё меньше и меньше, пока не достигло пары метров в диаметре. Затем огонь погас, и изнутри явилась фигура в длинном чёрном балахоне. Она подняла голову, и из тени показались сияющие красным пламенем глаза. На серой коже светились огненной лавой надписи и руны. Существо было похоже на человека, только ощущались в его грозном виде немыслимые сила и магия. Балауры покорно расступились перед Властелином, фигура не повела и взглядом и зашагала к дворцу. Фрегион в облики человека вошёл в здание и, словно обычный смертный, поднялся по лестнице, миновал коридор и вышел к покоям военачальника. У дверей в боевых стойках ждала прихода врага личная стража короля. Они достали оружие из ножен и приготовились отдать свои жизни, но не пропустить дракана в зал. Фигура не повела и взглядом. Она взмахнула костлявой рукой, и тела воинов в сию же секунду рассыпались в прах, осев на блестящий пол горсткой серой пыли.

Существо с важным видом перешагнуло через останки стражи и вошло в зал, где на своём троне, сидел бывший правитель, дрожащий от ужаса при виде Верховного Властелина балауров. Фрегион прошёлся по комнате и остановился ровно в центре, протяжно задышав.

Молодой военачальник робко приподнялся, чтобы поприветствовать ящера

— Л-лорд Фр-регион, — дрожащим голосом заговорил мужчина. — Я, в-в-военачальник Восточной крепости с-славных земель Т-т-теобомоса..., — он замолчал буквально на несколько секунд, чтобы набраться храбрости выговорить следующие слова. Былая беспечность и уверенность скрылась за пеленой страха и ужаса. Король выглядел

жалко, словно псина, загнанная в клетку перед диким зверем.

— ...П-преклоняюсь перед Вашей мощью и силой и прошу лишь о п-пощаде, торжественно отдавая Вам право... — горло отказывалось произносить звуки. Правитель не верил, что когда-нибудь ему придётся сказать это.

— ...на свои владения... — голова молодого короля опустилась. Он не мог смотреть вперёд, словно сделал сделку с совестью. Он лишь покорно ждал свой участи. Из тьмы доносилось лишь тяжёлое и глубокое дыхание Вождя балауров.

— ...Отныне и навеки эти земли принадлежат Вам.

Фрегион поднял голову, показав свои пылающие глаза. Письмена на шкуре оборотня засветились ещё ярче, существо оскалилось и прошипело:

— Тру-ус-с-с... — после чего зарычало, обнажив клыки, и юный правитель, не успев ничего понять, мигом обратился в горстку пепла, как и его верная стража. Последним, что увидел балаур в глазах юноши, было недоумение и... благодарность. Человек знал, что с таким грузом вины он уже не сможет спокойно жить. Мужчина даже не почувствовал, как растаял от проклятия Верховного Лорда балауров.

Фрегион дыхнул на горочку праха на полу, и соринки разнесло по всему залу. Вождь надменно оглядел богато обустроенное помещение, а затем, моргнув, поджёг своей магией всё вокруг — от мягких штор на окнах до золотых подсвечников и мраморных изваяний у стен. Затем его фигура вновь исчезла в родном пламени. Дворец мигом вспыхнул изнутри. Балауры повыбегали из него и встали поодаль смотреть, как последний оплот человеческой расы в Теобомосе пылает в жарком огне их Властелина.

С запада, откуда пришли драконы, горело всё — не было видно ни зданий, ни улиц — только сплошная огненная стена кругом. До востока крепости ещё не дошёл пожар, и оставшиеся жители вместе с чудом спасшимися воинами бежали во весь опор к стене, чтобы покинуть город.

Легионеров, выживших после встречи с Повелителем льда Эрискалем, в самом начале осады отправили в тыл на восток. Что могло сравниться с гуляющей под ногами ледяной пустыней? Наверное, только адское пламя, пожирающее целый город. Две сотни воинов и несколько сотен горожан мчались прочь по узким улочкам от надвигающейся огненной бури. Среди них был и Териан. Ему сильно повезло, что он был ещё жив. Люди стучали в каждый доносящийся дом в надежде спасти как можно больше народа.

Наконец, толпа последних людей полуострова достигла восточных ворот.

— Ну, давай же! — бормотали мужчины, навалившись на тяжёлый металлический засов. Громко скрипнув, он поддался, и створки нехотя отворились. Но это было ещё не всё. Впереди совсем не было спасительной дороги в леса — мост был разрушен, а его обломки валялись на дне обрыва, в котором бурлила быстрая река.

— Так мы попадём в порт, воды принесут нас прямо к берегу! — воскликнул кто-то из горожан. Но проще сказать, чем сделать: прыгать в бездну никому не хотелось — внизу были скалы, кто знает, какая глубина была у этой речки — разобьёшься, не поймёшь. Высота была метров тридцать. Люди стояли у обрыва и пялились на журчание воды. Сзади уже вовсю подступали огненные клещи. Немного помявшись у края оврага, самые смелые собрали волю в кулак и с криком прыгнули вниз, в спасительную воду. Как ни странно, но никто из них не разбился, значит, глубина была достаточной. После этого, стали прыгать все остальные. Единственной проблемой был быстрый поток и перепад высот. В бурлящей воде можно было легко захлебнуться. Самые везучие ухватились за брёвна и деревяшки, коих в реке была

тьма, и поплыли вниз по течению на импровизированном плоту. Горный спуск быстро изматывал — держаться на плаву становилось всё сложнее, вода так и норовила затянуть на глубину как можно больше жертв. Через час борьбы за выживание небольшой водопад вынес оставшихся людей в спокойные воды Южного океана. Оставалось только добраться до берега, а там уж до порта рукой подать.

У пристани всё ещё были пришвартованы военные корабли, посему выбраться с полуострова было пока возможно. Уставшие до изнеможения люди выбрались на берег и свалились на песок без сил. Многие жизни забрала эта переправа, так что право прожить ещё хоть немного было теперь весьма ценным подарком судьбы. Собравшись с силами, люди медленно двинулись по горячему песку в сторону порта, чтобы поскорее покинуть эту проклятую землю.

— Отцепить марсея и брамсея! Отдать рифы! — голос опытного воина, не раз побывавшего в сражении доносился на палубе большого красивого фрегата. Капитана на судне не оказалось, и командой решил руководить знающий боец. В порту было ещё много народа — в основном грузчики и матросы. Они услышали от выживших о надвигающейся с севера беде и поспешили покинуть берег на своих кораблях. Воинов и простых жителей разместили по каютам на семи судах — остальные корабли решили оставить здесь — слишком мало народа было для управления огромными фрегатами.

Трюмы набили едой и питьевой водой — сколько успели, и на всех парусах двинулись прочь от Теобомоса. Курс решили держать к Сиэле — нужно было скорее всё донести в столицу, хотя падшие Даэвы и Служители Вечности наверняка уже обо всём поведали своим собратьям.

Никто не ожидал, что атака на балауров обернётся столь разгромным поражением для людей...

Хруст падающих обломков зданий доносился до ушей Фрегиона всю ночь. Дракон в облики человека чинно стоял на вершине скалы к северу от крепости и смотрел на видневшуюся вдали синюю полосу берега, ожидая прихода утра. С морды балаура не сходил яростный оскал — теперь это была его земля. Никто не смеет пожелать того, что принадлежит ему. Но что потом? Теобомос пал, оставались непокоренными только земли северного Белуслана и две трети Эйрона на южной половине Атреи. Да и часть Бертрона... А дальше... дальше Барьер, такой манящий и неприступный. От самой мысли о том, как Вождь огня ступит за священный щит, косую светящуюся жёлтыми рунами физиономию ящера охватывал неопиcуемый восторг.

Снег из пепла мягко опускался за выжженную дотла землю. Туман из пыли и гари двигался неутихающим ветром на северные равнины — память о страшных событиях прошлого дня. Когда-то цветущие поля Теобомоса обратились в пустую и безжизненную огненную пустыню. Волей зла, абсолютного зла, простирающего свои смертоносные когти всё дальше и дальше. Но зачем добру сотворять зло? Разве это не кредо светлых сил — не давать волю тьме? Как бы то ни было, ураган ярости и ненависти уже не остановить.

Эви очнулась в холодном поту. На краю её постели сидел старик и вертел в руках чарку с какой-то жижей.

— Выпей — полегчает.

Девушка недоверчиво посмотрела на Френоса, всё ещё переводя дыхание.

— Нет уж, спасибо. Вы и так меня упоили своими зельями донельзя — хватит с меня!

Старик засмеялся и выпил содержимое сам.

— Это всего лишь вода из ручья... — прокряхтел он и встал с кровати.

— Вы ведь знаете, что мне снилось?.. — почти утвердительно спросила Эви.

Френос не ответил. Он встал лицом к девушке, поглаживая свою длинную белоснежную бороду.

— Почему в битве за Восточную крепость принимали участие Лорды Асфель и Джикел? Ведь Лорд Асфель — покровитель северных земель, а Лорд Джикел...

— Так решили Служители Вечности, — удивительно добрым голосом пробормотал старик. — Леди Сиэль должна была присутствовать в Теобомосе вместе с Леди Ариэль — покровительницей южных земель, но Лорд Асфель вызвался защищать чужие для него края, а Лорд Джикел поддержал его.

— Но почему? — непонимающе спросила Эви.

— Если б я знал... — лукаво улыбнулся Френос.

Девушка опустила глаза, готовясь расспросить отшельника о главном — о том, зачем она явилась к нему.

— Вы когда-нибудь виделись с Терианом?.. До того, как он...

Френос закашлялся и вновь присел на кровать.

— Я ждал этого вопроса... — медленно промолвил он. — Да, всего один раз. В Морхейме, когда легион Бури прошёл сквозь разлом в Асмодею.

— Вы узнали его?..

— По глазам узнал, — улыбнулся старик. — Мой дед рассказывал, что во всей Атрее всего у одного Даэва глаза светятся зелёным. Я не мог спутать.

— Почему же Вы не сказали ему тогда? — Эви нахмурила брови и под села ближе.

— Мы были сами не свои... — напевая, продолжил Френос. — Незнакомая земля, странные люди с когтями на руках и огнём в глазах. А потом из тени появился Лорд Джикел и положил начало этой бесконечной войне.

— И Вы вернулись в Элиос, ведь так?

— Ты знаешь мою историю не хуже меня, — протянул он и постучал ладонью по одеялу. — Но интересуется тебя вовсе не она.

— Вы могли рассказать ему всё, когда он пришёл к Вам в прошлый раз... со мной. Но Вы смолчали, изображая безумца... К чему был тот спектакль? — тон Эви перешёл на требовательный. Она не понимала, зачем скрывать то, что так хочешь рассказать.

— Это был не он... — грустно заключил Френос, опустив взгляд на пол. — Лишь стигма в похожем облики.

— Но откуда Вам это известно? — девушка хотела выцепить из старика как можно больше, но тот умело молчал, когда нужно было. — И как Вы до сих пор живы, ведь Ваши глаза не светятся, а, значит, Вы больше не Даэв?..

— Слишком много вопросов на сегодня, — Френос поднялся и пошагал к выходу из комнаты.

— Акариос? — окликнула его Эви. Старик обернулся. — Хранитель леса Ноа сказал, что, когда прошлое объединится с будущим, станет возможным прекратить войну.

— Он так сказал? — удивился отшельник. — Ну, что ж... Древни не бросают слов на ветер.

— Как и Вы, — бросила ему вслед девушка, но старик проигнорировал её и вышел во двор, заняв излюбленное место в плетёном кресле.

В тот Эви и Френос больше разговаривали. Отшельник задумчиво молчал, словно смотря сквозь девушку и абсолютно игнорируя её.

На следующее утро Эви проснулась от стука чьих-то копыт. Она открыла глаза и увидела в дверях знакомую фигуру, так пристально глядящую на неё.

— Калион? — девушка вскочила и раскрыла рот от удивления.

— Так вот Вы где... — он вошёл в комнату и гордо встал около постели, изобразив на лице обиду, нетерпение и злобу, при этом важно сложив руки на груди. — Я искал Вас по всей Фозте, юная леди. А Вы прохлаждаетесь у Френоса, пока я гоняю по лесам и полям свою лошадь?

— Как Вы узнали, что я здесь?.. — невольно спросила она, лишь спустя секунду сообразив, что вопрос этот — определённо, лишний.

— Френос весточку послал. Моим людям в Акариос. Так я бы в жизни не догадался, что Вас угораздило отправиться сюда.

«Френос... Вот же интриган... Избавиться от меня решил...» — от возникшего негодования поняла Эви.

— Собирайтесь живо! — скомандовал Калион. — Я обещал Даэву присматривать за Вами.

— За деньги? — нахмурившись, спросила Эви.

Калион вздохнул, изображая скуку.

— Естественно! — он развёл руками в стороны, удивляясь наивности девушки. — Стал бы я терпеть Вас просто так? — он ухмыльнулся и собирался стащить с Эви одеяло, чтобы поторопить её, но та резко остановила его.

— Не трогайте меня! Я никуда с Вами не поеду! — отбиваясь от мужчины, закричала она.

— Ещё как поедете! Я не собираюсь терять свои деньги из-за Ваших глупых капризов! — Калион крепко схватил Эви за руки и насильно вытащил из кровати. — Собирайтесь!

— Френос! — крикнула элийка. — Помогите, Френос!

Но никто не отзывался.

— Френоса нет, — промолвил наёмник, таща девушку к дверям прямо в ночнушке. — Он с вечера уехал в лагерь Мельфоне за настойками.

— Проклятие! — безуспешно пытаясь отбиться от сильного мужчины, промычала Эви.

Калион вытащил девушку во двор и подвел к её лошади.

— Мне связать Вас, чтобы Вы не дёргались? — на полном серьёзе спросил он, отчего элийке стало жутко.

«Правду говорили о наёмниках... — пролетело у неё в голове. — На всё готовы ради денег...»

— Нет, — наконец, успокоившись, ответила она. — Я поеду.

— И не будете брыкаться и пытаться сбежать от меня? — пристально посмотрев в глаза девушке, спросил Калион.

— Не буду... — отвернувшись, буркнула Эви.

— Вот и отлично, — воскликнул он и усадил девушку в седло. — Нам надо поторо...

Но договорить мужчина не успел — он захрипел и схватился за горло, будто кто-то невидимый душил его. Девушка испугалась и хотела пришпорить лошадь, но животное вдруг замертво упало набок, придавив ногу элийки.

Калион раскрыл рот и выпучил глаза, потихоньку оседая на землю. Эви зажмурилась, как вдруг чьи-то острые когти впились ей в плечо. Она открыла глаза и вскрикнула от ужаса — над ней навис скалящийся асмодианин в капюшоне, обрамлённым металлическим драконом. Он сжал в полосу светящиеся красным глаза и вопросительно прошипел имя элийки:

— Эви?..

Девушка отрицательно замотала головой, северянин улыбнулся и сверкнул глазами, отчего элийка мгновенно провалилась в сон. Асмодианин вытащил её тело из-под лошади, взял на руки, одним взмахом ладони открыл небольшой сияющий разлом и тут же шагнул в него. Эфирная воронка спустя миг растворилась в воздухе, вернув тишину на полянку перед домом мудреца.

===== Часть 6. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 7.

Отредактировано.

Три дня назад.

Пандемониум.

Наступил глубокий вечер. Видар фон Хильдер поднимался в свои покои после долгого совещания с легатами и офицерами Асмодеи. Комната военачальника располагалась на последнем этаже новой ратуши Пандемониума. Она не отличалась роскошью или изыском. От комнаты обычного столичного купца её отличало только наличие стражи у дверей.

Видар молча подошёл к покоям. Четверо экипированных бойцов послушно расступились, и мужчина, молча отворив дверь, вошёл внутрь. В комнате горели свечи — военачальник не любил заходить в тёмное помещение. Видар подошёл к тумбе возле большой кровати и скинул на неё пояс со всем содержимым. Затем он открыл дверцу шкафа, достал оттуда халат и бросил на уже готовую ко сну постель. Мужчина собирался закрыть дверцу, как вдруг увидел за нарядами пару смотрящих на него зелёных глаз. Видар вздохнул, чтобы закричать страже, но шпион оказался быстрее — он моментально выскочил из шкафа и набросился на военачальника, свалив того на пол и приставив к горлу длинный острый кинжал.

— Молчите, господин Видар, — проговорил незнакомец, нависая над лицом мужчины. — Нам ведь не нужны гости.

Военачальник мельком глянул на дверь и едва заметно кивнул нападавшему.

— Чудесно, — бросил шпион и ослабил хватку кинжала.

— Териан Лекас?.. — шёпотом произнёс Видар.

— Угу, — Даэв махнул головой к кровати, и правитель подвинулся к ней, а с ним — и бессмертный. — Я не собираюсь причинять Вам вред.

— Зачем же ты пришёл? — презрительно сощурившись, прошипел мужчина.

— Только поговорить, — Териан резким движением убрал кинжал в ножны, поднялся и подал Видару руку.

Тот, недолго думая, схватил ладонь Даэва и встал на ноги, отряхнувшись.

— Присядьте, господин Видар... — сказал гость и внимательно посмотрел в окно — нет ли слежки во дворе.

Военачальник осторожно опустился на кровать.

— Кто тебя послал? — спросил он.

— Не повстанцы, — начал асмодианин. — Не знаю, отчего Вы думаете, что я — на их

стороне.

— Кто же?

— Элийцы, — Териан внимательно посмотрел на мужчину, ожидая реакции. Видар удивлённо вскинул бровь и скорчил лицо в гримасе.

— Значит, им ты продался?

— Нет, — монотонно ответил Даэв, подходя к двери и слушая, что творится снаружи. — Они предлагают помощь в борьбе со Слутгельмиром.

Взгляды мужчин снова встретились.

— Это абсурд! — ухмыльнулся Видар. — Что ты несёшь?

— Элизиум предложил девять легионов. Они будут сражаться с повстанцами в Морхейме и Белуслане. Если всё пройдёт гладко, они пришлют ещё десять.

— Пустить элийцев в свои земли? — повысил голос военачальник. — Ты и вправду безумен, Териан Лекас. Я ни за что на это не пойду.

— Я был в плену у балауров, — подходя к столу и рассматривая корзину с фруктами на ней, промолвил Даэв. — Я знаю об их планах. Слутгельмир подписал с ними договор втайне от Вас. Он хотел уничтожить Элиос, но потом Вы стали ему мешать, и он решил Вас убить.

Видар протяжно вздохнул, всем своим видом выражая скуку.

— Балауры разорвали договор и теперь планируют атаку на Асмодею. Пока наши земли раздроблены гражданской войной, мы слабы. Необходимо как можно скорее её закончить.

— Ты считаешь меня за идиота? — нахмутив брови, спросил мужчина. — Какая выгода с этого всего элийцам? Эти белокожие только и ждут, когда нас слопают, как птенцов дикие волки.

— Если балауры захватят Асмодею, затем они примутся за Элиос. Драканам выгодна слабость одной из сторон, — тыча когтистым пальцем в стол, сказал бессмертный.

— Я не поверю, что высокомерные элийцы согласятся сражаться за Пандемониум на нашей земле.

— Верно, — кивнул Териан и подошёл ближе. — Они будут сражаться за Элизиум. Но в Асмодею.

— Кто тебе это сказал? — Видар поднялся и встал вплотную к Даэву.

— Военачальник Элизиума, — сухо ответил бессмертный.

— Значит, ты был в Элизиуме? — усмехнулся военачальник и плюхнулся обратно. — Интересно, они устроили праздник в честь твоего приезда? Ведь ты теперь такая важная персона: предатель своей земли, перешедший на сторону белокожих.

— Опять... — Териан разочарованно замотал головой. — Как Вы не поймёте, что мне плевать на Элиос... — он вдруг запнулся, острым взглядом посмотрев на мужчину. — ...Как плевать и на Асмодею.

— Кто же ты? Отшельник? Повстанец? Или просто безумец? — приподняв подбородок, спросил он.

— Я проклятый Даэв, который потерял Перерождение из-за Слутгельмира. Больше — никто.

— Не надо было устраивать бойню здесь на площади... — презрительно промолвил Видар.

— Я предупреждал, что так будет. Но он меня не послушал... А сейчас я прошу Вас о благоразумии, — Териан вновь навис над военачальником. — Не идите на поводу у Слутгельмира и балауров. Он втянул Вас в эту войну. Поступите так, как ему не выгодно!

— Сладки слова безумца... — произнёс Видар. — Но я не доверяю элийцам и никогда не разрешу им вторгнуться в свои земли. Особенно такой большой армией.

— Подумайте, — Даэв напряг кулаки и прошипел. — Девятнадцать легионов недостаточно, чтобы сражаться на два фронта. Их хватит только для того, чтобы подавить восстание.

— И за кем же пойдут неконтролируемые элийцы? — Видар пристально уставился на бессмертного.

— За своими легатами. А они — за мной.

Военачальник рассмеялся.

— Так вот, откуда надо было начинать... Проклятый Даэв, который ненавидит меня, поведёт трёхтысячную элийскую армию на войну. Ничего не смущает?

— Я Вас не ненавижу, а всего лишь недолблю. Совсем иначе я отношусь к Слутгельмиру.

— Всё равно я не могу на это пойти... — устало произнёс Видар и отодвинулся глубже на кровать.

— Не доверяете мне? — сощурился Териан.

— Конечно, не доверяю, — спокойно ответил мужчина. — Или ты удивлён?

— Если бы я планировал атаку на Пандемониум, я бы не предупреждал Вас об этом... — промычал Даэв. — Прежде чем я уйду, ответьте мне: какое зло меньшее на наших землях: элийцы или балауры?

Видар задумался. На его взгляд — элийцы... Конечно, он понимал, что с элийцами справиться проще — они многим похожи на асмодиан. Одолеть орду балауров же в разы сложнее, если не невозможно. Между тем Териан Лекас продолжал:

— Военачальник Элизиума пришлёт Вам письмо. Поторопитесь с принятием решения. До нападения балауров мало времени.

— Сколько?

— Может, год. Может, день.

— У Слутгельмира повстанцы и идгель, — Видар сощурился и посмотрел вниз. — Ты знаешь, что это?

— Знаю, — кивнул Даэв. — Значит, нам нужно поторопиться, чтобы балауры не заполучили его.

— Может, уже заполучили.

— Тогда пока не наладились поставки. Что говорит ваша разведка?

— Это тебя не касается.

— Хорошо, — Териан вздохнул и вновь подошёл к окну. — Балауры всегда были нашим врагом — помните об этом.

— Это даже лучше, — пробормотал военачальник. — Всегда знаешь, что от них ожидать... Ты прекрасно понимаешь, что элийцы не будут воевать в одном строю с асмодианами, как и мы с ними. В чём подвох?

— Элийские легионеры слушаются своих центурионов и легатов, — Даэв опёрся о подоконник и засмотрелся на пейзаж ночного Пандемониума. — Но, Вы правы, это не гарантирует спокойные настроения воинов. Чтобы избежать стачек, элийцы и Ваши люди должны сражаться на расстоянии друг от друга — с двух флангов. Так и Вам будет удобнее, и повстанцам отбиться будет сложнее.

— Если всёйдёт так, как ты говоришь, и Слутгельмир сдастся... — Видар

внимательно посмотрел на бессмертного. — То, что дальше?

— Элийцы уйдут, слово Даэва, — Териан обернулся и выровнялся перед военачальником. — У Фаметеса, правителя Элиоса, есть к Вам ещё одно предложение.

— Хм-м, — ухмыльнулся мужчина. — И как же оно звучит?

— После войны нужно будет время для того, чтобы восстановить силы. Элизиум предлагает перемирие.

Видар глубоко вздохнул и похрустел шеей от напряжения.

— Я видел эти перемирия... Две недели, и одна из сторон нарушает его ради своей выгоды.

— На этот раз всё серьёзно, — Териан подошёл ближе и сложил руки на груди. — Балауры — вот главная наша проблема.

— Как и всегда... — промычал военачальник.

— Прошу, не говорите никому о нашем разговоре. У повстанцев и драканов повсюду уши...

Видар хмуро угукнул.

— У меня появится много врагов... — пробормотал он.

— Бойтесь не их, а тех, кого Вы не видите...

— Теней? — удивился военачальник.

— И их тоже... — Териан искоса посмотрел на Видара и подошёл к входной двери.

— Как ты выйдешь? Около входа полно стражи.

Даэв улыбнулся и спокойно открыл дверь. Видар выглянул, сидя на кровати, но не увидел никого из своей охраны.

— Доброй ночи, господин Видар, — кивнул Териан Лекас, и его острые ярко-зелёные глаза скрылись в темноте коридора.

Доставлено торговой компанией «Тёмное Облако».

Оплачено при отправлении.

Кому: военачальнику Пандемониума Видару фон Хильдеру.

От кого: военачальника Элизиума Фаметеса ан Ривена.

Совершенно секретно.

Господин Видар,

Я искренне надеюсь, что моё послание заставит Вас одуматься. Элизиум не преследует цели захватить Асмодею, ибо недавно нам открылась правда, и мы не можем игнорировать её.

Балауры вновь планируют поработить Атрею, уничтожив при этом и Элиос, и Асмодею. Я решил, что моё бремя — помешать этому. Мне известно, что между нами — века войны и ненависти друг к другу. Я не говорю о том, что мы забудем прежние обиды и разногласия. Нам необходимо временное перемирие, чтобы разрушить планы балауров.

Чтобы сделать это, нам с Вами нужно действовать сообща. Я знаю о трагедии, разгорающийся сейчас на Ваших землях, и готов помочь Вам справиться с ней. Элизиум выделит девятнадцать легионов для подавления восстания в Морхейме и Белуслане. С Вашей же стороны не должно быть никаких стачек с элийскими легионами, иначе это моментально расторгнет наш договор. За своих людей я ручаюсь: их ведут опытные полководцы, среди которых немало Даэвов.

Жду скорейшего ответа.

Фаметес, правитель Элиоса.

Доставлено торговой компанией «Тёмное Облако».

Оплачено при отправлении.

Кому: военачальнику Элизиума Фаметесу ан Ривену.

От кого: военачальника Пандемониума Видара фон Хильдера.

Совершенно секретно.

Господин Фаметес,

После долгих раздумий я даю Вам добро, но повторяю Ваши слова: если хоть один элиец нападёт на мирного жителя или бойца Пандемониума, головы Ваших легионеров будут болтаться на пиках.

Знайте, что перемирие — лишь вынужденная мера.

Видар, правитель Асмодеи.

Цитадель Тэминона. Арэшурат.

— Что за срочность такая? — у охраны возле зала заседаний спросил Версетти, два дня назад занявший по личному приказу Фаметеса пост военачальника Бездны.

— Вас ожидают внутри, — монотонно проговорил страж в броне, даже не поведя рукой, держащей длинную пику.

Версетти недовольно вздохнул и, грубо растолкав патрульных, распахнул двери в зал. Первым, что он увидел, был какой-то мешок у него на столе. Мужчина сморщил лицо и торопливо вошёл, лишь через секунду обнаружив сидящего к нему спиной мужчину в окровавленной покоцанной броне.

Военачальник приблизился к столу и тут же замер, разглядев зелёную кровь, вытекающую из мешка и образовавшую на лакированном столе приличную лужу.

— Это голова Ариссы Ужаса, — воин, сидящий в кресле рядом, повернулся и напряжённым острым взглядом посмотрел на Версетти.

Тот перевёл взгляд на гостя и сощурился.

— Ты же... — пытаюсь вспомнить его имя, запнулся бессмертный военачальник. — Легионер Щита Неджакана... который пропал... Д... Дариус!

Юноша встал лицом к капитану гарнизона по стойке смирно и промолвил:

— Я вернулся...

===== Часть 6. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 8.

Отредактировано.

Неделю спустя.

Морхейм.

Из пространственного разлома, открывшегося в снегах юго-запада Морхейма, продолжали выходить ряды элийских легионеров.

— Вихрь Пустыни! — кричала бессмертная по имени Невма — командующая походом и легат первого легиона авангарда Когтя Грифона. — Выстраивайтесь вдоль левого фланга за Плеядами Страх. Спутники Ветра! Занимайте последние ряды центральной коробки.

Рыжеволосая женщина в лёгких латах и с непривычной для дамы алебардой за спиной стояла на возвышенности из мешков и ящичков и командовала построением перед походом. Она неплохо знала гарнизон Интердики, чьи легионы составляли половину из тех восьми.

Ещё четыре прибыли из Бертрона, а девятым легионом был её отряд.

Териан Лекас прыгнул в разлом первым — его задачей было убедиться, что в округе нет асмодианских стражей. Элийцам повезло, и эти земли не патрулировали — южане смогли беспрепятственно перенести легионы в Асмодею за те несколько часов, что был открыт разлом.

В этот опасный и авантюрный поход Фаметес отправил много Даэвов: двадцать пять бессмертных сопровождали войска Элиоса и должны были повысить их шансы на выживание. Канеус, Версетти и Даймон остались на родине — для них военачальником Элизиума была подготовлена более полезная, как он считал, работа. Так как Белатрисс, Родт и Бронн участвовали в заговоре против Гелиона и де-факто были сторонниками этого похода, правитель велел им участвовать в нём. Даэвы не противились: мужчинам необходимо было набраться опыта в битвах с асмодианинами, лишь девушка не особо желала вновь покидать Даймона, но они могли и подождать — у бессмертных времени было намного больше, чем у людей.

Териан Лекас наблюдал со стороны за тем, как больше тысячи элийцев ступали на земли Асмодеи. Он стоял между деревьями далеко от портала и холодным скептическим взглядом осматривал южан. Конечно, элийцы редко видели снег, оттого и не привыкли к нему — белая пушистая пелена поначалу вызывала опаску у жителей Элиоса, тем более он был до жути холодным и неприятно таял, когда его брали в руки. Но уже через несколько часов бывалые воины все как один, словно мальчишки, лепили снежки и кидались друг в друга, целясь прямо в голову, чтобы доставить товарищу своим броском как можно больше острых ощущений.

Пока легионеры привыкали к климату Асмодеи, их командование суенилось. Мало кто из офицеров знал, где именно они сейчас находятся, поэтому им нужна была помощь того, кто ориентируется здесь, словно у себя дома.

— Эй, асмодианин! — Невма окликнула Териана, тот не спеша обернулся и равнодушным усталым взглядом посмотрел на неё. — Иди сюда.

Северянин сощурился и, глядя на элийку исподлобья, медленно пошагал к ней.

— Где мы сейчас? — она развернула перед ним карту, стряхнула с неё снег и указала пальцем на поселение оборотней. — Мы же здесь?

Териан молча помотал головой и ткнул когтем южнее:

— Мы на низменности далеко к западу от постов повстанцев, — промолвил он на чистом элийском. — Позиция неудачная: нас будет видно издалека и все мы — как на ладони.

— Что ты предлагаешь? — понимающе кивнув, спросила она.

— Варианта два: либо выйти на основную дорогу, надеясь не встретиться с войсками Видара, либо зайти ещё южнее и ударить из лесов. Я полагаю, там защита повстанцев наименее крепкая.

— Разве они не патрулируют леса?

— Может, и патрулируют, — равнодушно промолвил Териан. — С нами много Даэвов. Вражескую шкуру они учуют издалека.

— Тогда пусть первыми идут бессмертные, — решила воительница. — Скажи, асмодианин, эти леса суровы?

— Да, — уверенно ответил он. — Но основная неприятность здесь — не чаща и не дикие звери, а снег.

Невма непонимающе нахмурила брови.

— Его слишком много, — хладнокровно и устало объяснил Даэв, махнув головой в сторону элийских легионов. — Ваши люди не готовы к переходу через бури и метели — они просто застрянут в снегу и замёрзнут, если подолгу мешкать.

— Тогда топаем на север...

— Но несмотря ни на что я бы советовал идти через лес. Пусть мы потратим больше времени и сил, но хотя бы повстанцы не узнают о нас слишком рано.

Ответы Териана озадачили командующую.

— Я не поняла, ты хочешь убить нас или спасти? — изобразив наигранное удивление, спросила она.

— Ни того, ни другого... — буркнул Даэв. — Но если хотите выжить в Асмодее, слушайте меня.

Вид бессмертного был серьёзен, как никогда, а глаза светились ярче обычного. Через пару секунд Невма собралась с мыслями и ответила:

— Хорошо, асмодианин. Пусть будет так, как ты хочешь.

Териан в тот же момент вытащил длинный меч из ножен и резко приставил его к горлу элийки. Та даже моргнуть не успела, как холодная сталь коснулась её кожи.

— Ещё раз так неуважительно обратишься ко мне, и твой поход закончится в одночасье, — суровым требовательным тоном прорычал Даэв.

Женщина, выпучив глаза, уставилась на зеркальную поверхность лезвия у её артерии. Клинок в мгновение запотел от частого дыхания элийки, и следы на нём спустя секунды превратились в хрустящий иней.

— Я выразился ясно? — надавив сильнее, спросил асмодианин.

— Предельно... — протараторила она, и мужчина рывком убрал меч обратно в ножны. — Прошу прощения...

— Териан Лекас, — закончил за неё Даэв.

— Прошу прощения, Териан Лекас, — суетливо бегая глазами по заснеженному пейзажу, исправилась командующая.

— Что здесь происходит? — послышалось из-за спины.

Мужчина обернулся и, разглядев незваного гостя, кивнул:

— Белатрисс.

— Териан, — в ответ кивнула бессмертная.

С девушкой, облачённой на этот раз в изящную белую шубку, шагали рядом Родт и Бронн — тоже в меховой броне. Троица неспешно подошла к ним и остановилась в шаге от асмодианина.

— Невма, ты в порядке? — увидев растерянный взгляд женщины, спросила Трисс.

— Да, — буркнула она. — Мы как раз обсуждали дорогу до аванпостов, — протараторила воительница. — Асмод... Териан Лекас говорит, что нужно идти через лес.

— Ну, не по торговой дороге же! — засмеялась волшебница. — Придётся нелегко, конечно... — взгляд бессмертной упал на узкое пространство между деревьями. — Но иного пути нет — в неудачном месте открылся разлом...

— Я отдам приказ, — бросила Невма и торопливо ушла от Даэвов к сборищу легионеров.

Трисс подошла к Териану и тихо сказала ему:

— Она — смертная. Будь с ней поласковой.

— У неё ноги задрожали от одного вида моего меча, — взглядом провожая воительницу, промолвил асмодианин. — Как такая, как она, смогла пробиться в легаты? Она же боится битв и смерти.

— Смерти бояться все... — задумавшись о чём-то, пробормотала девушка. — У неё в легионе много Даэвов. По факту, именно они управляют им. А Невма — так, делает видимость соучастия.

— Тогда какой из неё командующий? — не унимался Териан. — Она первой сбежит с поля боя!

— Я сомневаюсь, что она вообще будет сражаться... А вообще, это был приказ Фаметеса. Что ж, поживём — увидим... — хмуро улыбнулась Белатрисс и пошла обратно. — Надеюсь, ты понимаешь, что людей придётся вести именно тебе? — вдруг замерев, ехидно покосилась на Даэва девушка и тут же продолжила шаг. Родт и Бронн не промолвили ни слова и последовали за ней.

Териан печально вздохнул и стал осматривать окрестности, решая, в какую сторону лучше начать движение. Лучшим выходом было южное направление — деревья росли не так близко друг к другу, и чисто теоретически здесь могла пройти тысяча-полторы солдат. Так и решили. Через пятнадцать минут колонны из трёх человек в ряд начали движение по диким снежным лесам Морхейма.

Змейка из элийских легионеров тянулась чуть ли не на километр назад. Замыкали колонну с три десятка саней, изготовленных только что прямо здесь. Лошади в глубоких снегах были бесполезны, поэтому тащить за собой обозы приходилось людям. Но труднее всего было шагать первым рядам: снега по колено — приходилось высоко поднимать ноги, отчего, будучи в тяжёлых доспехах, очень быстро устаёшь. Сзади было попроще: снег уже притоптан — шагай да глазей по сторонам, сколько влезет. Именно по этой причине впереди шли Даэвы и молодые бойцы — им усталость не так страшна, нежели опытным воинам, которым уже перевалило за четвёртый-пятый десяток.

Пейзаж был скучен и одинаков: серое небо, бескрайняя белая пелена, накрывшая густым одеялом корни деревьев, голые ветви, украшенные лишь свежевypавшим снегом, да редкое зверьё, опасливо пробегающее мимо и не решающееся напасть на такое крупное человеческое войско.

— Мы идём уже часов восемь, а ничего не изменилось, — донёсся недовольный возглас со средних рядов.

— Это кому там скучно стало? — выкрикнула Невма. — Башку отрублю — станет веселее!

Голос вмиг стих.

Териан ухмыльнулся, мельком посмотрев в этот момент на командующую, шагающую прямо за Даэвами.

«Хоть и трусиха, но показывает свой авторитет... — подумал он. — Знает, как скрыть слабости...»

— Сколько времени прошло? — через какое-то время спросила уже сама Невма.

— Час или полтора... — буркнул асмодианин, глянув на тусклые лучи солнца, пробивающиеся сквозь плотную сетку низких облаков. — Разобьём лагерь через четыре часа.

Воительница молча сжала губы — ей было велено слушаться Териана. Тем более за ней наблюдал пристальный взгляд Белатрисс, которую женщина очень уважала.

— Тебе идёт шуба, — ухмыльнулся асмодианин, нарушив многоминутную тишину. — В

ней ты сливаешься с местностью.

— Ничего, меня вы не потеряете, — улыбнулась в ответ она. — В ней, конечно, тепло, но если понадобится читать заклинания... она тяжёлая и неповоротливая!

Териан махнул головой в сторону Бронна, грустно плетущегося рядом. Он с виду представлял собой огромную грудку металла, из которой торчала лишь седая бородатая голова.

— Вот кто тяжёлый и неповоротливый, — произнёс асмодианин.

— Зато пенделей могу надавать и так! — огрызнулся элийский Даэв.

Териан обернулся, искоса глянув на Бронна, но смолчал. Наступила долгая тишина, нарушаемая лишь бряцанием доспехов и хрустом снега под ногами.

Спустя несколько часов элийская армия вышла на крупную поляну, со всех сторон окружённую заросшими холмами.

— Здесь и остановимся! — скомандовал Териан Лекас, выйдя на середину поляны. — Расставьте патрули из бессмертных на вершине каждого холма и в низменностях! Остальные — сооружайте лагерь, рубите деревья и готовьте костры!

Один из Перерождённых, черноволосый мужчина с острыми чертами лица, подошёл к асмодианину и грозно выкрикнул ему в лицо:

— Элийские Даэвы не будут тебе подчиняться, балаурский сын! Умолкни, а то отправишься на кибелиск быстрее, чем произнесёшь своё имя...

— М-м-м, — Териан ухмыльнулся и вскинул брови, важно сложив руки на груди. — Как скажешь. Только потом не плачься, когда твои люди начнут умирать от холода, нападения диких зверей или разведчиков Ривара.

Асмодианин, сверкнув глазами, толкнул стальным плечом элийца и пошагал прочь. Южанин огрызнулся, но сдержал себя в руках: не хватало только драки в самом начале похода.

Териан вовремя решил сделать остановку: небо вдруг потемнело — Асмодея медленно погружалась в ночь. Ветер стих, но при этом стало заметно холоднее.

«Нужно поторопиться...» — решил Даэв, наблюдая за узорами, что рисует в воздухе его тёплое дыхание.

Костры быстро разожгли, самодельные палатки и шатры расставили вокруг огня, стараясь не нарушить ни одно правило сооружения лагеря: отчётливые дороги, одинаковая концентрация жилищ как в центре, так и по окраинам ночлега и тому подобное. Пускай в снегах работать было непривычно и сложнее обычного, но правила — как говорится, всегда те же самые.

Когда воины разбрелись по шатрам, Даэвы заняли свои места на холмах и между ними. Ночи на северном осколке Атреи длинные, оттого дежурить бессмертным придётся долго.

Уже через несколько минут стояния на одном месте начинаешь чувствовать, как мороз потихоньку пробирается под доспехи и сковывает тело. Здесь совершенно неважно, кто ты: Даэв или человек — холод одинаково воздействует на всех. Безуспешно пытаешься отогреть замёрзшие ладони своим дыханием, элийцы продолжали смотреть в унылую, опасную темноту ночного асмодианского леса. Чтобы в конец не задубеть, нужно было двигаться. Но металлическое бряцание могло с головой выдать вас, как и светящиеся глаза, которые приходилось сужать в полоску, чтобы их сияние не было видно издалека.

Пока светлокожие бессмертные считали секунды, пытались при этом как-то бороться с холодом, единственный асмодианин в походе чувствовал себя в своей тарелке. Да, он тоже

ощущал озноб, но шерсть на спине, более плотные доспехи и врождённая морозоустойчивость играли свою роль. Териан Лекас не дрожал, не перепрыгивал с ноги на ногу и не грел ладони дыханием. Он молча стоял возле высокого дерева и поглядывал по сторонам, стараясь заметить в округе любое движение. Но, в отличие от элийского леса, где ночью просыпается вся природа, здесь, в Асмодее, всё было наоборот: живность разбегается по норам, редкие птицы забираются в дупла и ждут в них прихода нового дня.

Мужчина в темноте видел хорошо — ещё один подарок Асфеля помимо цвета кожи и когтей, но более всего он надеялся на чутьё бессмертного — оно должно безотказно бить тревогу, когда кто-то из потенциальных врагов находится рядом. Эдакий сканер пространства, только природный. Это шестое чувство никогда не подводило Териана раньше, но после встречи с Ариссой оно начало «барахлить». Даэв чувствовал, что с каждым днём всё сильнее отторгается его «ангел-хранитель», что больше не может контролировать своё чутьё. Бессмертный раскололся на две части, каким и был сто тридцать три года назад: на Териана Лекаса и Ядовитого Лиса. Он понимал, что большинство его воспоминаний — ложь, но связь с Терианом была необходима для выполнения поставленной задачи, оттого приходилось разделять с ним свою душу. Это могло легко свести с ума: два человека в одном теле — но мужчина держался. Он подавлял любые конфликты между личностями: вечно спокойного Териана и визжащего от ужаса Лиса. Отзывался Даэв по-прежнему на старое имя, и это понятно: во-первых, как-никак помогает поддерживать связь, а во-вторых, объяснять встречным об истинной своей сущности было совершенно излишне.

Но всё равно душа Териана Лекаса была сильнее. Пока бессмертный считал себя им, он жил в гармонии с собой — Териан подавлял воспоминания Лиса, полностью опутав его душу нитями своей паутины. А теперь вживлённая стигма вновь начала чувствовать себя чужой в этом теле. Она снова пыталась заполучить мужчину, но он не хотел больше забывать, кто он есть на самом деле, поэтому сопротивлялся, и Териану это не нравилось. Стигма стала агрессивной, Даэв чувствовал внутри себя непомерную злобу и ненависть как ко всему миру, так и к самому себе. Добавлял огня в этом безумном коктейле сам Лис — проснувшись от долгого сна, он не знал, как себя вести, оттого паниковал, забиваясь в самый угол, когда видел перед собой образ сильного Териана Лекаса. Две личности жили внутри бессмертного, но он не отдавал право захватить контроль над собой ни одной из них. Асмодианин не доверял ни той, ни другой: Териану — из-за многовековой лжи, а Лису — из-за слабости во всей этой авантюре. Тогда кого же видели окружающие, когда смотрели в эти светящиеся ядовито-зелёные глаза? Героя или бандита? Лжеца или труса? Они видели третьего — того, кто старался всегда трезво оценить ситуацию, того, кто помогал сохранять хрупкое равновесие в самом эпицентре бури — мужчину без воспоминаний, без прошлого и будущего, пустую личность, созданную, чтобы окончательно не сойти с ума. И так как у этого третьего не было своих воспоминаний, у него не было и слабостей, что мог использовать Териан, чтобы вновь захватить контроль. Оттого у него не было и волшебного чутья, способного видеть врагов...

Ночь прошла спокойно — ничего подозрительного не было замечено. С наступлением утра лагерь оживился: шатры опустели, все подошли к огню, чтобы отведать то, что легионеры-повара (они по традиции назначались по жребию) приготовили, пока светало. Даэвы вернулись в лагерь подкрепиться и согреться. На дневной пост выставили четверть легиона смертных — как-никак дозор нужен и в светлое время суток.

Териан тоже вернулся к элийцам. Поравнявшись буквально с первой палаткой, он

встретил на себе пристальный взгляд Невмы, стоящей возле огня в окружении своих легионеров.

— Как спалось? — с некой издёвкой спросил он, приблизившись к женщине.

Воины тут же обступили его, словно верная охрана, защищая своего господина.

— Чудесно, — сухо ответила командующая. — Когда выступаем?

— После завтрака пусть начинают разбирать лагерь, — сурово промолвил асмодианин. — Сбор через два часа.

— И сколько до позиций повстанцев? — Териан собирался идти, но Невма остановила его вопросом.

Мужчина молча кивнул в сторону высящегося холма в десяти километрах от лагеря.

— За холмом находится сторожевая башня и высокая стена. Она служит границей снегов. Полагаю, её нам и нужно осадить.

— Полагаете? — искривила лицо воительница. — То есть, Вы устраиваете весь поход на предположениях?

— Да, — буркнул Териан.

— Знаете, что?! — воскликнула Невма, но северянин её перебил.

— Раз войска Видара не продвинулись дальше полосы зимы, значит, земли за стеной принадлежат повстанцам.

Мужчина посмотрел на собеседницу строгим взглядом, на что она только едва заметно кивнула.

— И как нам осадить стену? — сбавив пыл, спросила командующая. — Какой она высоты и протяжённости?

— Протяжённость — сотня миль. Высота везде разная. С холма нам будет проще зачистить её. Охраняет рубеж максимум пара сотен риваровцев — не думаю, что у них здесь больше людей. Брать стену будем через верх — Даэвы нападут на лагерь с воздуха и откроют нам ворота.

— Здесь есть ворота? — удивилась Невма. — Вокруг лес. Зачем делать ворота рядом с лесом?

— А как возвращаться разведке? — ухмыльнулся в ответ асмодианин. — Где брать дрова для костров и брёвна для домов? Деревья-то по ту сторону уже давно вырубili. Раньше по этой стене шла граница между землями людей и оборотней. Мы с ними долго воевали, но в итоге смогли заключить мир. Стена служила опорой и защитой для жителей к востоку отсюда.

— И куда теперь делись эти оборотни?

— Никуда. Они переселились северней, так как эти леса омертвели: живности для охоты здесь давно не найти.

— Вы знаете, где находятся эти ворота?

— К ним вас и веду, — сощурившись, ответил асмодианин, уже в который раз собираясь уходить.

— А с той вышки нас не заметили? — продолжала Невма. — Костры горели всю ночь.

Териан устало вздохнул и ответил:

— Если бы заметили, мы бы об этом уже давно узнали. Подумайте: вы башню не видите, значит, и она не видит вас. Дыма от костров ночью тоже не видать, а свет от них не настолько ярок, чтобы обратить на это внимание в метель.

«Видимо, все элийцы такие назойливые...» — невольно подумал Териан.

— Хорошая новость... — пробормотала женщина. — Почему за стеной нет снега? Ведь не может быть так, что...

— Наверное, там солнце освещает землю лучше, — предположил Даэв. — А вообще, не знаю. Но курорта, в любом случае, я не обещаю: снега и ветров по ту сторону меньше, но температура отличается несильно.

— Ясно... — кивнула Невма. — Тогда я дам команду к сбору. Вы можете идти.

«Какая милость... — пронеслось у мужчины в голове. — Она разрешила мне идти...»

Он скорчил гримасу и торопливо пошагал прочь, а то вдруг воительница ещё что-то пожелает спросить про природу Асмодеи.

Териан не разбивал себе палатку. Да и вообще, он не нёс для себя никаких вещей кроме пары склянок с зельями, десятка метательных ножей и традиционно шести мечей, возвращённых Даймоном и вежливо отремонтированных Храмом Мастерства Элизиума. Асмодианин подошёл к костру, вокруг которого грелись legionеры и о чём-то оживлённо беседовали, схватил нанизанную на длинный меч свиную ногу и молча направился дальше. Элийцы проводили его косым взглядом и продолжили свой шумный разговор.

Почти каждый южанин, которого Даэв встретил по дороге к окраинам лагеря, оборачивался на серокожего и бросал на него презрительный взгляд. Многие обходили его, пряча лица, некоторые же перешёптывались и злобно ухмылялись, глядя на цвет кожи и когти асмодианина.

Проходя между новыми и новыми шатрами, Териан всё больше убеждался, что элийцы ему не друзья. Да и вряд ли когда-нибудь станут. Шестьсот лет ненависти долго не забудутся. Как-никак даже сейчас элийские легионы отправили в поход, чтобы сражаться с асмодианами, пускай и для благой цели. Мужчина был уверен, что рядовые legionеры были не в курсе, что в ближайшие дни они будут отдавать жизни за Пандемониум. Наверняка их воодушевили, что эта вылазка покончит с Асмодеей, нанесёт ей непоправимый урон и тому подобное. А правду знали лишь легаты, которых убедили молчать под угрозой потери всех званий и рангов. Хотя, может, даже легаты ничего не подозревали, а в курсе дел была только Невма да ещё несколько человек.

Тогда как можно было надеяться на то, что тайное перемирие удастся сохранить на какое-то время, если настроения как элийцев, так и асмодиан не изменились? Териана посетили мимолётные сомнения: стоило ли вообще идти на эту авантюру.

«Пусть люди не обретут победу, зато хотя бы балауры проиграют...» — успокаивал себя мужчина.

Лагерь зашумел — трапеза окончена, пора в путь. Палатки и шатры наспех собирали и бросали в сани, костры тушили и забрасывали снегом, чтобы не поднимались столбы чёрного дыма. Всего час на сборы. Как и подобает legionерам, этого времени хватило им сполна. Вскоре ряды элийских легионов выстроились около края поляны.

— У нас четыре часа, чтобы преодолеть тот холм! — кричала Невма, стоя перед подчинёнными и указывая рукой на вершину за спиной. — Будем брать аванпост, пока не стемнело. Днём у нас преимущество. Поторопимся! Шагаем! Вперёд! За Элиос! За Айона!

В ответ полетело звонкое:

— За Элиос! За Айона! — и тысячи металлических ног дружно пошли вперёд, вминая в мёрзлую землю свежий снег. Оставалось совсем немного.

Все эти часы прошли у Териана Лекаса в размышлениях. Машинально передвигая ноги, он шагал во главе элийцев вместе с их командованием.

Войско подошло к вершине почти вовремя, как сказал асмодианин. Проблемой было только забраться на заросший тёмным лесом холм. Не то, чтобы склон был так крут, просто снег до колен, да нагружённые сани сзади и общая усталость играли большую роль.

— Шагаем! Дружно! Ещё немного! Ну же, братцы, вперёд! — подбадривали бойцов офицеры.

Вскоре первые ряды элийской армии забрались на вершину. Перед глазами южан открылась бескрайняя пустынная равнина. В паре километров от склона тянулась от горизонта до горизонта каменная стена — навскидку метров десять высотой. За ней было отчётливо видно, что вдалеке белый снежный ковёр сменяется на тёмную полосу голой мёрзлой земли.

— Вот туда нам и надо... — пробормотал асмодианин и повернулся к командующей. — Видите движение на стене?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Нам повезло — патруля нет, — подтвердил Даэв. — За стеной была сторожевая башня... Я это точно помню... — Териан сощурился, осматривая окрестности. — Ворота на месте, — он кивнул в сторону широких деревянных створок в стене, выделяющихся на фоне бескрайнего каменного полотна. — Но где башня?..

— Может, Вы спутали? — спросила элийка.

— Вряд ли... — пробормотал он. — Ладно, командуйте Даэвам — нечего больше медлить.

Рыжеволосая воительница развернулась к легионерам, расставила руки в стороны и воскликнула:

— Ну что, покажем, кто здесь хозяин? Бессмертные, поздоровайтесь с этими вырожденками! Пора запихнуть им гривы в одно место! Айон с нами!

Воины дружно хлопнули металлическими ладонями в знак поддержки. Двадцать пять элийских Даэвов вышли вперёд, встали в ряд и разом раскрыли за спинами белоснежные крылья, прекрасно сливающиеся с пейзажем. По команде они взлетели, подняв в воздух столб инея и снега, и, разделившись на несколько групп, понеслись к стене. Териан Лекас зачем-то мельком глянул на командующую и тоже последовал за бессмертными. Призвав чёрные крылья, он тяжело оттолкнулся от земли и взмыл за элийцами.

На стене не было ни одного признака жизни — кругом царили тишина и покой, нарушаемые лишь громким шуршанием полсотни крыльев. Стремительно перелетев стену, первые элийцы резко спикировали вниз. Увидев это, Териан понял, что рядом есть враг. Он свернул немного в сторону от основной массы Даэвов и приготовился. Когда под ним пронеслась каменная верхушка преграды, асмодианину открылся вид на границу территорий повстанцев. Первое, на что бессмертный обратил внимание, было почерневшее от пожара основание сторожевой башни. Вокруг неё валялись огромные каменные глыбы, служившие когда-то её стенами, но, видимо, что-то случилось.

«Видар пытался отвоевать этот рубеж, — размышлял на лету Териан. — И ему удалось пробраться за ворота. Но потом он отступил... Что же произошло? Явилось внезапное подкрепление?»

Даэв взмыл высоко и мельком осмотрел окрестности: здесь была деревушка, но она сгорела дотла. От деревянных домов местных жителей мало что осталось — только угли да каменные печи в центре обломков. Между руинами был разбит палаточный лагерь стражников: всего асмодианин насчитал чуть более тридцати больших шатров. Между ними

горело с десятков костров.

«Не больше трёхсот человек», — решил он.

Элийские бессмертные, словно коршуны, ринулись за добычей. Асмодианские воины в старых худых доспехах, бродящие между палатками, быстро увидели над головами нарастающие тени и, закричав что-то на своём языке, бросились врассыпную. Кто-то успел достать из-за пазухи меч и попытался дать отпор крылатым людям, но у смертных не было шансов. Услышав крики на улице, из шатров повыбегали полуодетые мужчины, но их в миг настигли клинки и стрелы элийских Даэвов. В некоторые палатки прилетали разрывающиеся огненные шары, пущенные магами, и те вспыхивали, словно бумага. Из горящих тканых домиков выбегали воины, но уже через мгновения оседали на пол, сражённые быстрым оружием бессмертных.

Териан Лекас, нахмутив брови, облетел лагерь с высоты, при этом не убив ни одной жертвы. Среди асмодиан не было Даэвов, а, как известно, Териан не нападал первым на простых людей. Мужчина приземлился перед воротами и принялся открывать тяжёлый засов. Спустя полминуты это получилось, и, навалившись на створки, он отворил их для прохождения элийского гарнизона. Основные силы южан всё ещё ждали сигнала на вершине холма. И это было знаком. Невма подняла руку и, взмахнув ею, скомандовала войску двигаться к стене. Из-за деревьев начали появляться ровные ряды элийских легионов.

Когда армия вошла в ворота, из трёх сотен асмодиан уже почти никого не осталось — крылатые воины убивали каждого без разбора. Элийцам открылась картина на горящий лагерь. Все шатры пылали, а между ними в неестественных позах десятками лежали тела северян.

— Отличная работа! — воскликнула Невма, кивая увиденному. — Мы внутри.

Асмодианский Даэв приземлился в глубине лагеря поодаль от элийских войск и сбросил крылья.

«Это простое истребление, — подумал Териан, строгим взглядом осматривая пепелище. — Они не ждали атаки. У них не было шансов...»

Мужчина медленно пошагал между догорающими остатками шатров, разглядывая тела жертв новой войны. Многие трупы лежали на груди без голов, у некоторых из спин торчали стрелы. Териан Лекас напряг мышцы лица, сжал кулаки, но продолжал идти вперёд. Вдруг сквозь треск пламени он услышал тихий хрип. Даэв замер, повернул голову в сторону и увидел лежащего на боку к нему спиной асмодианского мужчину. Он был не в броне, а в обычной плотной меховой куртке. За поясом покоился старый меч.

Териан медленно подошёл к нему и, наклонившись, повернул его на спину. Из глубокого пореза на горле сочилась тёмная кровь. Выплёвывая её и захлёбываясь, он лишь громко хрипел не в силах позвать на помощь, а глаза, полные ужаса перед увиденным, смотрели вверх. Мужчина не мог ничего сказать, он лишь дёргался и громко плевался пенящейся изо рта кровью. Даэв навис над ним и достал короткий меч из ножен. Тогда асмодианин увидел над собой чужую фигуру и суетливо перевёл на неё взгляд. Он набрал в грудь воздуха и медленно прохрипел, трясаясь от предсмертных конвульсий:

— Ты... был с ни...ми... Я... ви...дел...

Мужчина не моргал. Он вцепился широко открытыми глазами в Даэва и смотрел на него, не отрываясь. Териан молча прислонил холодное лезвие к ране, отчего тот задёргался сильнее и начал кашлять, а глаза умоляюще говорили: «Нет!».

— Пре...да...тель... — донеслось из уст мужчины, и бессмертный резко и глубоко

полоснул по его горлу. Асмодианин в тот же миг обмяк и замолчал, а его глаза остекленели и устремились смотреть мёртвым взглядом в пустоту.

— Да упокоит Айон твою душу, — произнёс Териан, поднялся на ноги и, вытерев кровь с лезвия о нарукавник, убрал его обратно в ножны.

Иногда смерть — тоже милосердие. Видя, как умирающий человек мучается, доживая свои последние минуты, разве не милостиво прервать его жизнь и окончить тем самым его мучения? Даэв считал, что это так. Дело даже не в мягкосердечности Териана Лекаса, ведь он побывал в сотнях сражений и видел такие картины из раза в раз — о доброте говорить как-то и не приходится. Мужчина был равнодушен к смертям долгие годы, пока не взял на руки мёртвую Эви. С тех пор он стал относиться к жизни и смерти иначе. Конечно, играло роль и то, что Териан и сам был больше не бессмертный — у него осталась последняя жизнь перед новым обращением в кусок породы, и ценить её надо было выше, чем всегда. Тем более на этот раз он пообещал вернуться во что бы то ни стало. А Даэвы не бросают обещаний на ветер...

Остров Теней. Арэшурат.

Все эти дни ни Гелиону, ни Сакмис не давали воды. Про еду речь даже не шла, что уж тут говорить. Но Даэвы стойки к лишениям — жажда вряд ли убьёт бессмертных, ведь их питает Эфир, который в Бездне струится, как вода.

— Сколько прошло времени? — донёсся слабый женский голос из соседней клетки.

— Балаур его знает... — промычал Гелион. — Я бы спросил у этих молодцов, если бы мог подойти к решётке...

Мужчина дёрнул руками, и тяжёлые металлические оковы громко зазвенели.

— Не надо было пытаться убивать себя, — сказала Сакмис без капли укора. Её тон был равнодушен и холоден, словно она разговаривала не с реальным человеком, а с иллюзией где-то у себя в голове.

— Хороший был шанс... — вздохнул бессмертный и презрительно глянул на две короткие цепи, торчащие из стены и пола. К ним были прикованы его кандалы на руках и ногах таким образом, что мужчина мог сидеть только в одном положении. Руки Даэва висели над головой на толстой цепи, чтобы тот не мог дотянуться ею до собственной шеи и попытаться задушить себя.

— Думаешь, тебя бы снова не схватили на кибелиске? — из-за ржавой решётки звучал всё тот же отстранённый голос.

— Какая разница? Хотя бы шанс был... — Гелион отвернулся и в сотый раз осмотрел тускло светящимися глазами своё жилище: две грубые сухие стены, вместо ещё двух — толстые старые решётки, низкий потолок, пол с кучей мелких камешков по углам — никаких удобств. Рядом с пленником отражались от большого масляного фонаря в коридоре такие же цепи, висящие со стены. — Как же чудесно, что Даэвам не нужно ходить по нужде, — криво усмехнулся мужчина. — А то запах от моих панталонов мигом бы дошёл до тебя.

Сакмис даже не улыбнулась. А Гелион и не знал этого: до камеры женщины не доходил свет от фонаря, оттого он не видел её лица, а лишь слышал голос, доносящийся из темноты.

— Знаешь, Гелион, мы с тобой знакомы так давно... — снова звенящий эхом голос. — Я потеряла счёт годам.

— Я и не считал... — промычал он в ответ и прислонил затылок к холодной стене.

— Что мы сделали за это время?

Мужчина удивился вопросу. Он повернул голову в темноту, тщетно пытаясь разглядеть в ней силуэт пленницы.

— Мы выполняли свою долю, защищали Элиос и сидели в этой балауровой решётке! — он сильно ударил кулаками по стене, забренчав цепями. — Но ничего... Я отсюда выберусь и тогда мир узнает, каким я бываю в гневе!..

— Я не об этом... — холодный голос незримой Сакмис озарял клетку Гелиона и летел гулким эхом дальше.

Спустя минуту молчания она произнесла:

— Я о нас с тобой... Чего мы достигли?

Пыл Гелиона вмиг улетучился. Он тяжело вздохнул и опустил голову.

— Сакмис... Ты же знаешь...

— Что знаю? — ровным холодным голосом перебила она.

— Я... не могу объяснить, — Аскалон покачал головой, плясь в каменный пол.

— Ты любил меня хоть когда-то?

Мужчина вновь посмотрел в темноту, но ничего не изменилось. Из соседней клетки всё ещё не сияли глаза бессмертной воительницы.

— Почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

— А я любила... — словно не слушая его, промолвила легат Пепельных Облаков. — И приходила к тебе снова...

— Сакмис...

— ...И снова...

Гелион закрыл глаза и напряжённо задышал.

— Я устала, Гелион, — донеслось из пустоты. — Прости меня...

Сердце бывшего военачальника вдруг сжалось. Он понимал, зачем женщина начала этот разговор, и решил во что бы то ни стало отговорить её от глупости.

— Сакмис, нет, — огрызнулся он. — Не поддавайся. В тебе ещё есть силы, я знаю...

В ответ — молчание.

— Сакмис! — крикнул мужчина и снова зазвенел кандалами. — Вспомни те моменты, когда ты улыбалась. Ну же! Ты смеялась, радовалась жизни и нашим встречам. Они были чудесны... А твой легион? Это твоя семья! Станет ли мать бросать своих детей, ответь мне! Сакмис!

— Пожалуйста, — послышался тихий голос. — Замолчи.

— Нет, я не замолчу! — воскликнул Гелион и машинально попытался подняться на ноги, но пара цепей, сковавшая руки и ноги, вернула его в реальность. Мужчина плюхнулся обратно и, выругавшись про себя, продолжил. — Я не отпущу тебя, слышишь?! Да, балаур тебя дерит, я люблю тебя, люблю! И ты меня любишь. Мы выберемся отсюда и, я обещаю, сможем, наконец...

Воина перебил звон замка и скрип открывающейся решётки. В глаза ударил яркий свет от нескольких факелов. В камеру вошли шестеро в шлемах и доспехах.

— Господин Гелион, — низким голосом промолвил один из них. — Вы должны пройти с нами.

Пленник громко усмехнулся.

— Видишь цепи? Сними их сначала, а уже потом говори.

Стражник подошёл к военачальнику и снял перед ним шлем. Гелион поднял глаза, и по его лицу растеклась ехидная улыбка.

— Я — центурион Щита Неджакана, — промолвил страж. — Вы меня помните?

— Конечно, помню, — довольно буркнул бессмертный.

— Нас не должно быть здесь. Легион дежурит в Западном Крыле Сиэли.

— Но вы здесь... — хмыкнул Гелион. — А стражи нет... Вы здорово напалили, я прав?

— Со стражей всё в порядке. Четверо охранников спят на своих постах, ещё двое заперты в чулане подземелья. Вас приказали доставить в Элизиум... Вы знаете, что сделал господин Фаметес?

— Мальчишка? — он удивлённо вскинул бровь. — Не представляю.

— Он отправил девять легионов в Асмодею. Сейчас, когда в Бездне нам срочно нужны люди.

— Занятно, — изображая нетерпение, бросил Даэв. — Так ты хочешь...

Ответом послужил поворот ключа в кандалах Гелиона. Через минуту бывший военачальник был свободен от оков. Он поднялся на ноги, потёр запястья и счастливо вздохнул:

— Ну наконец-то... В соседней камере сидит легат Пепельных Облаков. Освободите её.

Страж послушно кивнул, и вскоре скрипнул замок и в наручниках Сакмис.

Гелион слышал знакомый звук шагов. Он бы узнал его из миллиона. Мужчина хитро улыбнулся и развернулся к выходу. Под свет масляного фонаря, висящего в коридоре, вышла черноволосая фигура. Взгляды Даэвов встретились. Но в глазах Сакмис не было радостного огонька. Гелион увидел её взгляд — умоляющий, расстроенный, то в то же время абсолютно равнодушный. Мужчина невольно стянул с лица улыбку и сказал стражникам:

— Эй, закуйте её... Живо!

Легионеры удивлённо оглянулись на него. Центурион вытянул руки вперёд и произнёс:

— Не волнуйтесь, господин Гелион, это — шок. Вы пробыли здесь очень долго. Скоро Вы выберетесь на поверхность, и всё будет, как раньше.

— Ты не понимаешь! — крикнул он, перебрасывая взгляд то на стража, то на воительницу. — Закуй её немедленно! Это приказ! Она может...

Сакмис уловила момент, когда все были заняты выкриками военачальника, и, печально посмотрев на возлюбленного, рванула по коридору в сторону выхода.

— Хватай её! — Гелион указал рукой на убегающую фигуру. Легионеры замешкались, но, заметив отсутствие пленницы, которая только что стояла рядом, мигом ринулись за ней.

Для изголодавшегося Даэва женщина двигалась весьма и весьма резво. Она быстро преодолела коридор и взбежала по винтовой лестнице на поверхность. Около входа, прислонившись к стенам, спали четверо мужчин в форме легионеров Стражей Святости. Около их тел валялись чарки с недопитым вином. Сакмис, не останавливаясь, побежала к краю острова Теней. Почти добежав до обрыва, за которым была бескрайняя пустота, она услышала сзади громкий крик Гелиона:

— Стой! Сакмис! Нет!

Женщина обернулась и встала спиной к пропасти. На её лице появились грусть и мимолётный страх. Глаза резко прекратили сияние, словно бессмертие в одночасье покинуло воительницу. Огонь и мерцающие переливы исчезли, глаза потускнели и стали такими, какими увидел их Аскалон при первой их встрече. Гелион встал как вкопанный. Он смотрел на неё, часто дыша и выкрикивая:

— Прощу! Нет! Не делай этого! Сакми-ис!

К ней уже бежали все шесть стражей. Только Аскалон стоял около входа в подземелье и

в бешеном ожидании смотрел на неё. Сердце отбивало яростный ритм. Он увидел, как взгляд женщины посеребрел от внезапно подступивших слёз. Всё, что она сказала, было тихое:

— Прости...

— Не-е-ет! — заорал он и молнией рванул к обрыву.

Сакмис подняла глаза вверх, расставила руки в стороны и подалась назад. Закрыв глаза, она почувствовала, что там уже нет земли. Всего одно движение, и легат Пепельных Облаков падает в объятия пустоты. Силуэт женщины в тот же миг скрылся за краем небольшого островка нижней Бездны.

Гелион готовился к прыжку, обогнав стражей. Он мысленно считал шаги до обрыва, как вдруг кто-то навалился на него сзади, сбив с ног. Мужчина обернулся и разъярённым взглядом вцепился в обидчика. Это был центурион Щита Неджакана. Держа Даэва за плечо он произнёс:

— Нет, Вы слишком слабы! У Вас не будет сил раскрыть крылья, Вы умрёте, и всё — насмарку!

— Пошёл прочь! — прорычал Гелион и с бешеной силой врезал кулаком по лицу элийца. У легионера в ту же секунду из носа хлынула кровь, он обмяк и отключился.

Даэв рывком поднялся и побежал дальше. До края было несколько шагов. Но ещё один страж вцепился в его ногу и свалил бессмертного на землю. Гелион ударил второй ногой ему по голове, и хватка вмиг ослабла. Мужчина развернулся к краю острова, и тут на него навалились ещё двое, прижав обратно к земле. Словно не замечая этого, он дополз до обрыва и остервенелым взглядом уставился в пропасть. Силуэт женщины был уже далеко внизу — не догнать.

Гелион вцепился пальцами в каменную породу, сломав все ногти разом, и закричал. Он понимал, что это было прощание, и Сакмис уже не появится на кибелиске. Не будет больше её улыбки, упрёков по поводу его вспыльчивости, долгих приятных бесед и нежных объятий — всё исчезло. И самое страшное было то, что у Гелиона не останется даже её стигмы — частички души, воспоминаний и чувств, что могла бы заполнить дыру в его разбитом сердце.

Гелион зажмурил глаза, скорчил лицо и продолжил кричать. Как ему хотелось в этот момент тоже броситься вниз в надежде не увидеть больше этот проклятый кибелиск. Но он чувствовал, что не сможет развоплотиться. Даже сейчас. Аскалон всегда боялся этого момента, ведь он знал, что всё так и произойдёт. С самого начала. Но всё равно убеждал себя, что это не так, что так не может быть... Говорят, после смерти Даэвы видят прошлое, а некоторые — будущее. Какую же злую шутку сыграла с Гелионом судьба, подарив вместе с крыльями повторяющееся раз за разом страшное видение: как любимая ему женщина падает с обрыва вниз, а он не может её спасти...

===== Часть 6. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 9.

Отредактировано.

Два дня спустя.

Храм Легионов. Элизиум.

Храм Легионов был местом сбора руководства крупнейших легионов и проведения советов. Нередко подобные встречи проводились в Храме Стражников, где во главе круглого стола сидел сам военачальник Элизиума. Также здесь можно было создать свой собственный легион, записаться добровольцем в исследовательские миссии или подать заявку на вступление в уже существующий отряд. Это было излюбленным местом городских

мальчишек. В детстве каждый мечтал, что, когда вырастет, вступит в элитный легион и станет его центурионом, а может и легатом.

Почти всегда у входа в Храм Легионов галдела толпа зевак, ожидая появления бойцов того или иного боевого отряда. У каждого легиона были свои уникальные доспехи, свой герб и флаг, поэтому узнать, под чьим руководством сражается воин, было довольно легко.

Ваталлос ан Боуэн в окружении двух стражников вбежал в переговорный зал, нагло распахнув перед собой массивные двери. За большим круглым столом сидели несколько мужчин. Первым на нежданного гостя обратил внимание Версетти — новоиспечённый военачальник Арэшурата. Он сидел спиной ко входу и в тот же миг обернулся, бросив косой взгляд на гостя. Узнав в незнакомце капитана гарнизона Бертрона, Даэв едва заметно кивнул ему и вновь отвернулся. Остальные медленно и устало подняли глаза на мужчину.

— Где мой сын? — требовательным тоном воскликнул военачальник, замерев в двух шагах от стола и бегая глазами между сидящими за ним.

Фигура, расположившаяся рядом с Версетти, отодвинула кресло и поднялась, затем оправила одежду и важно повернулась лицом к гостю. Ваталлос тут же бросился к ней, узнав в ней сына, и крепко прижал к себе. Дариус ан Боуэн похлопал отца по спине и первым отстранился.

— Расефиэль, мой генерал, — без эмоций произнёс он и приложил три пальца к брови.

Тон юноши был спокоен, словно они с отцом виделись только вчера и не было никаких безумных путешествий.

— Ты в порядке? Что с тобой случилось? Где ты был? — схватив Дариуса за плечи, начал расспрашивать военачальник.

— Со мной всё прекрасно, — так же сухо пробормотал юноша, никак не реагируя на жесты мужчины.

Ваталлос внимательно посмотрел ему в глаза: в них не читались ни радость, ни грусть, ни страх, ни обида — лишь холод и равнодушие. После неловкой паузы слово взял правитель Элиоса, сидящий напротив Версетти:

— Присаживайтесь, господин Ваталлос. Я так понимаю, нам нужно многое Вам рассказать.

Ан Боуэн старший резко повернул голову на военачальника Элизиума и, растерявшись, отпустил сына и присел рядом с креслом Дариуса. Через секунду своё место занял и юный офицер.

За большим круглым столом больше не было никого, только несколько стражников безмолвно стояли за спинами важных особ. Сам зал был весьма просторен: высокий круглый потолок с объёмными узорами и громадной люстрой, нависающей над столом, вдоль стены на красном бархате висели щиты с гербами известнейших легионов Элиоса, между ними из широких окон по помещению разливался тёплый солнечный свет, бликами отражающийся от глянцевой поверхности огромного деревянного стола.

— Итак, Ваш сын уже успел поведать нам обо всех своих приключениях за последнее время, — продолжил Фаметес. — У Вас будет время выслушать эту историю, а пока что господин Версетти хотел что-то предложить.

— Да, — кивнул военачальник Арэшурата и, нахмутив брови, громко вздохнул. — Господин Фаметес, я начал говорить о том, что мне доложили неприятные новости с острова Теней. Господин Гелион и легат Пепельных Облаков Сакмис сбежали из темницы подземелья острова.

— Не может быть... — промычал юный правитель и вскинул брови от удивления. — Как это могло случиться?

— Стражи тюрьмы были отравлены вином, в которое подсыпали снотворное. Охранников камеры Гелиона скрутили и заперли.

— Кто это был?

— Мы предполагаем, что legionеры Щита Неджакана, — эти слова дались Версетти нелегко. Он запнулся и сжал губы, опустив глаза, но через пару секунд продолжил. — Во время побега Гелиона и его соратницы Западное Крыло Сиэли не досчиталось воздушной лодки... а легион, что там дежурил — шестерых бойцов.

Фаметес нахмурился и покачал головой.

— Их имена уже известны?

— Да, — уверенно ответил Версетти. — Даэв по имени Даймон, которого я восстановил в должность легата, сообщил мне обо всём.

— Опять Даймон... — хмыкнул военачальник Элизиума. — Где ни трагедия — там Даймон, где ни заговор — там Даймон...

— Я уверен, что он непричастен к инциденту, — Даэв повысил тон, уверенно защищая своего товарища. — Ему нет смысла помогать тому, кого он заточил. А те legionеры, по словам центуриона, наоборот, поддерживали Гелиона и агрессивно высказывались по поводу его задержания.

— Щит Неджакана — лучший легион Арэшурата! — продолжил упрекать военачальника Фаметес. — Какого балаура в нём творится такой бардак?

Версетти не ответил. Он, не поднимая взгляда, сложил пальцы в замок и промолвил:

— Всех заговорщиков публично казнят на рассвете. Это мой приказ. Даймону я сделал выговор — он всё понял.

Фаметес вздохнул и отвернулся, посмотрев в окно. Конечно, он знал, что Версетти и Даймон — старые боевые товарищи, и понимал, что этот выговор был скорее похож на дружескую беседу, чем на строгое замечание. Тем более Даэвы редко критикуют друг друга: они относятся ко всему спокойно, ведь за их спинами нет сумбура и спешки, присущей людям. Но правитель не стал никак комментировать свои мысли. Он вновь глянул в светящиеся глаза Версетти и продолжил расспросы:

— Нашли след Гелиона и Сакмис?

— Гелион пропал, — серьёзно ответил Даэв. — О Сакмис же пришло известие из Святилища Элизиума, — Версетти снова опустил взгляд и начал нервно перебирать пальцами. — Верховный Жрец Юклиас прислал весточку. Правда, я не знаю, почему она была адресована мне в Арэшурат, а не Вам... — мужчина достал из внутреннего кармана клочок бумаги с порванной печатью. Он развернул его и стал медленно читать. — Уважаемый я. Сегодня стало известно, что легат Пепельных Облаков — Перерождённая по имени Сакмис обрела вечный покой в потоках Эфира. Её душа отныне принадлежит Айону, — Версетти сложил бумагу и спрятал обратно в одежду. — Я не знаю, что произошло, — вздохнув, промолвил бессмертный. — Мы, конечно, допросим задержанных — наверняка они что-то видели и знают, но каким-то образом Сакмис погибла во время побега и больше не появилась на кибелиске. Жрецы Святилища тут же заметили скитания чужой души в потоке Эфира — это их работа. А затем они сделали ещё одну запись в Матрикуле: теперь уже о чьём-то развоплощении.

— Выясните все подробности случившегося и найдите Гелиона! — строго промолвил

Фаметес, опутив растерянный взгляд и вглядываясь в своё отражение на лакированном столе. — Он опасен. Особенно, сейчас...

Версетти молча кивнул. Конечно, он понимал, чем именно опасен Аскалон: неуравновешенный, вспыльчивый и требовательный к мести. С одной стороны, Версетти не особо страдал, когда Гелион де-факто руководил действиями элийской армии: Даэвам было привычно сломя голову бросаться в бой. Но с другой стороны, основной контингент войск составляли смертные, и Версетти заботился, в первую очередь, о них. А Гелион, как известно, никогда не церемонился с живой силой: как своей, так и противника. Поэтому, взвесив все «за» и «против», опытный полководец встал на сторону Фаметеса.

— Остаётся последний вопрос, в котором и заключается моё предложение, — сказал Версетти. — Необходимо как можно скорее найти развоплотившейся бессмертной замену: как с точки зрения наличия крыльев, так и — с командования легионом.

Ваталлос ан Боуэн, прежде сидевший тихо, перевёл грустный взгляд с сына на военачальника.

— И что ты предлагаешь? — заискивающе спросил глава Бертрона.

— Пепельными Облаками должен руководить опытный Даэв, — ответил Версетти. — Я рассматриваю кандидатуру Белатрисс. Она пока не привязана ни к какому легиону. Тем более ей будет приятно находиться рядом с супругом — легатом Щита Неджакана.

— Белатрисс — на важном задании, — часто заморгал Фаметес, перебив собиравшегося что-то сказать Ваталлоса. — Но, на мой взгляд, это хорошая мысль.

— Хорошо, — кивнул военачальник Бездны. — С этим разобрались. Теперь второе: кто займёт место Сакмис в рядах Перерождённых?

— У нас есть список из полсотни кандидатов, — сказал юный правитель Элиоса, поёрзав в кресле. — Они давно ждали чьего-либо развоплощения.

— Да, Вы правы, но позвольте вмешаться. Большая их часть стара и уже искушена мундирами, — Версетти важно вскинул брови и опустил глаза на бледные ладони. — Нам не нужен бессмертный полководец или аристократ с крыльями. Нам нужен воин. Свежий, сильный, самоотверженный, — взгляд Даэва плавно переместился на безучастно сидящего рядом Дариуса, словно витающего в облаках и совершенно не слушающего офицеров.

— Дариус... Дариус! — отец пнул его локтем, тот дёрнулся и поднял на мужчин глаза.

— Хм, — Фаметес внимательно посмотрел в как и прежде холодные глаза юного офицера. — С головой Ариссы Ваши шансы на крылья заметно повысились.

— Это и есть моё предложение, — услужливо кивнул Версетти, переводя взгляд то на Фаметеса, то на Дариуса.

Ваталлос ан Боуэн не ожидал такого. Он не понимал, при чём здесь голова Ариссы Ужаса, прозванной так в Элиосе. Глаза мужчины метались между соседями, но он не подавал виду удивлению или растерянности. Ведь это был шанс для его сына. Возможно, единственный. Внезапная перспектива затуманила разум военачальника Бертрона. Он решил сперва как можно яростней поддержать эту идею, а уже потом разобраться, что к чему.

— Господин Фаметес, — промолвил Ваталлос. — У моего сына прекрасные рекомендации. Он молод, амбициозен, физически развит и умён не по годам. Его кандидатура... достойна, — сказал он, чтобы не повторяться со словом «прекрасна». — Я считаю, Дариус подходит для Перерождения как никто другой, даже судя по его прежним заслугам и отзывам. Увы, мне пока не известны подробности его недавнего приключения... — мужчина перевёл строгий взгляд на сына и резко умолк.

— А подробности весьма просты, — продолжил Версетти. — Ваш сын на судне шиго направлялся к Туманности Святой Крови, чтобы его перехватили наши корабли и отправили на осаду Ткисаса. Но шиго предательски остановились у крепости балауров, и Дариус попал в плен к ящерам, где он и добыл в одиночку голову военачальницы балауров в Арэшурате и по совместительству первой слуги Тиамат. Затем тем же маршрутом добрался до нашей Цитадели.

Ваталлос недоверчиво нахмурил брови, глядя в равнодушное лицо Дариуса. Юноша сидел смирно, почти не моргая, словно обсуждаемое за круглым столом вовсе не касалось его. Отец мысленно спросил его, в чём дело, и ответил себе сам, уповая на шок от увиденного и пережитого. Ваталлос, как и Версетти, не представлял, как мог человек в одиночку убить АриССу, но бывший легат Сияния Миражей выразился ясно: голова была именно её — а он бы не стал говорить так, не удостоверившись в этом.

— Это правда? — тихо спросил отец сына.

— Чистая, — грозным тоном ответил Дариус, не поведя и взглядом.

— Я даю добро, — после небольшой паузы промолвил Фаметес. — Дариус ан Боуэн — достойная кандидатура, я согласен с Вами. А Вас, Дариус, — он сдержанно посмотрел на юношу. — Я поздравляю со скорым Перерождением.

Офицер лишь кивнул. Он сощурился и уставился вниз, сложив руки в замок. Ваталлос и Версетти переглянулись, но не сказали ничего.

Через несколько минут военачальник Арэшурата поймал ан Боуэна старшего в коридоре Храма Легионов, остановив его за плечо.

— С ним всегда так? — тихо спросил Версетти, озираясь по сторонам.

Ваталлос только покачал головой.

— Раньше такого не было, — потерянным взглядом смотря куда-то вперёд, ответил глава Бертрона. — Дариус обычно за словом в карман не лезет, а тут словно воды в рот набрал...

— Ладно, — вздохнул Версетти. — В Святилище уже послано распоряжение Фаметеса Пусть твой сын готовится. Может, к церемонии и отойдёт от этих причуд.

После заседания Ваталлос пытался догнать сына, торопливо ушедшего в сторону Штормовой Верфи, но не смог: тот не отзывался и игнорировал всех вокруг. Что же такого увидел юноша в Бездне, что, вернувшись, так сильно изменился? На этот вопрос ан Боуэн старший не знал ответа.

Три дня спустя.

Святилище Элизиума.

Глава Бертрона, как всегда, опоздал на церемонию. На этот раз не по своей вине — офицеры его гарнизона задержали своего капитана для принятия отчёта о ликвидации разведчиков краллов с северных плантаций. Ваталлос пытался отговориться, мол, потом, но настойчивые легаты были непреклонны. Пришлось ненадолго сдвинуть расписание и явиться в Элизиум на полчаса позже планируемого.

Для небесной столицы церемония Перерождения — всегда событие. К тому же происходит оно довольно редко — может случиться так, что целые десятки лет не будет проводиться подобного праздника. По непреложному закону новый Даэв может появиться только после развоплощения одного из старых — таким образом остаётся постоянным количество бессмертных, и не нарушается баланс между силами Даэвов и людей, как за годы

до Катаклизма, когда Перерождали каждого второго, и в итоге смертных практически не осталось из-за бедствий, нахлынувших по всей Атрее. Орды крылатых воинов заполнили мир, и Эфира стало не хватать на всех — начались природные катастрофы: громадные волны, землетрясения и тому подобное. Конечно, Башня Вечности вырабатывала огромное количество Эфира, но он постоянно расходовался и для поддержания целостности Барьера между землями людей и балауров, и для нужд бессмертных. Быть может, дефицит Эфира в те годы и спровоцировал прорыв армии ящеров сквозь Щит в Эйроне.

Путь от Дороги Славы до самого Святилища украсили разноцветными лентами и бутонами цветов. По сторонам стояли жители и гости столицы и приветствовали дорогих гостей. У самого Храма собрался почти целый легион стражников города. За широко распахнутыми дверями вглубь помещения тянулась дорога из легионеров, выстроенных по стойке смирно вдоль длинного красного ковра, ведущего к алтарю.

Церемония Перерождения не славилась никакими угощениями или пафосными словами из уст Верховного Жреца или офицеров. Она точь-в-точь следовала многовековым традициям Элиоса и, можно сказать, была скромной по сравнению с другими праздниками.

Ближние родственники и высокопоставленные гости собрались внутри восстановленного после переворота Святилища. Не было только Ваталлоса и самого виновника торжества. Вдруг весь зал обернулся, услышал сзади быстрые шаги. Это был ан Боуэн старший. Он явился последним из гостей и, пройдя между легионерами, занял место в первом ряду перед алтарём. Рядом с ним сидели Фаметес, новоиспечённый магистр Ордена Миразентов Канеус и легат Щита Неджакана Даймон, только что вернувшийся из Бездны, ведь именно его легионер должен был сегодня обрести крылья. Запыхавшийся Ваталлос сухо поприветствовал соседей и продолжил нервно ожидать начала торжества.

На улице послышались волнения и нарастающие овации — идёт. По дороге, усталой цветами, гордо отбивал шаг Дариус ан Боуэн. Его глаза были полны решимости и смотрели далеко вперёд. Кулаки были сжаты, а мышцы тела напряжены — это можно было смело свалить на волнение. Белый парадный камзол с эмблемой Щита Неджакана слева на груди блестел в лучах солнца — с погодой, определённо повезло: ни единого облачка. Светлые волосы до плеч были зачёсаны назад, лицо — гладко выбрито, а острые карие глаза считали минуты до появления в них привычного для Дазва огонька.

Изменился ли Дариус с момента беседы в Храме Легионов? Кто знает. Юношу не видели вплоть до нынешнего момента — он сидел в снятой комнате гостевого дома в верхнем Элизиуме и не показывался никому на глаза. Дату церемонии он получил из письма, но даже посыльному дверь не открыл — тот был вынужден просунуть важное послание под дверь.

Но сейчас на вид Дариус был решителен, как никогда. Словно он всю свою жизнь шёл к этой цели. И вот оставались считанные шаги. Перед ним уже предстал порог Святилища, а оглушительные овации толпы, провожающей его от самой Дороги Славы, разразились с новой силой.

Дариус остановился за порогом, поравнявшись с первой парой легионеров, стоящих по сторонам и обращённых к нему лицом. Юноша мельком оглядел присутствующих и равнодушно встретил на себе их заинтересованные взгляды. Дариус сделал шаг, и огромные тяжёлые щиты, которые всё это время воины неподвижно держали в руках, опустились на землю, а затем бойцы в начищенных латах встали на колени, преклонив голову. Ещё пара шагов — и новые два легионера послушно опускаются на пол, выказывая этим уважение

перед будущим Даэвом. Юноша ускоряет шаг, и чередой из стражников Элизиума отточенными до автоматизма действиями кладёт щиты и преклоняется перед офицером в белом мундире.

В зале стоит напряжённая тишина, нарушаемая только звоном металла и шагами виновника торжества. У алтаря на возвышенности воина ждут трое важных персон: Верховный Жрец Юклиас, магистр Ордена Миразента Канеус и верный приспешник Святилища — один из безымянных заместителей Юклиаса — все в парадных нарядах.

Дариус неторопливо забирается на ступеньки и встаёт в трёх шагах от священника со свитой. Высокие двери в Святилище медленно закрываются, и гама толпы на улице больше не слышно.

Юклиас незаметно поправляет спадающую драгоценную диадему и, сложив руки за спиной, делает шаг вперёд.

— Дариус ан Боуэн, — официальным тоном говорит священник. — Волей Айона и Элизиума тебе оказана великая честь: встать на защиту Света и обрести Перерождение. Встань на колени и скажи, готов ли ты оставить прежнюю жизнь позади.

Юноша медленно опускается на колени. Он вынимает из ножен парадный меч и кладёт его перед собой. Глаза офицера смотрят на жреца. Глубоко вздохнув, Дариус говорит:

— Готов.

— Готов ли ты, — продолжает Юклиас. — Отречься от своего имени и обрести новое, на которое ты будешь откликаться целую вечность?

— Готов, — уверенно повторяет он.

— Готов ли ты оставить позади все свои воспоминания и начать историю своих свершений заново?

— Готов.

— Готов ли ты впитать в себя силу Эфира и подчиняться ей до скончания веков?

— Готов.

— Готов ли ты получить вечную жизнь, а вместе с ней и обязанности, что будут возложены на тобой Айоном?

— Готов.

— Готов ли ты самоотверженно сражаться с врагами Элиоса и всеми своими действиями приносить мир и процветание в эти земли?

— Готов.

— Клянёшься ли ты беспрекословно исполнять заповеди Даэва и не нарушать их, пока свет твоих глаз не померкнет во тьме?

— Клянусь, — всё так же монотонно отвечает юноша, продолжая смотреть в глаза Верховного жреца.

Зал с замиранием сердца наблюдает за церемонией. Все стараются даже дышать так, чтобы этого не было слышно — настолько тихо должно быть в Храме во время клятвы.

— Клянёшься ли ты, — продолжает проговаривать давно заученные фразы священник. — Соблюдать законы и чтить традиции Атреи?

— Клянусь.

— Клянёшься ли ты защищать невинных и наказывать виновных соразмерно их вине перед Всевышним?

— Клянусь.

— Клянёшься ли ты с гордостью носить имя Даэва и не предать доверие, оказанное тебе

Творцом?

— Клянусь.

— Клянёшься ли ты отдать свою душу Айону, когда тому придёт время?.. — Юклиас задаёт свой последний вопрос, ответ на который Дариус даёт лишь спустя несколько секунд напряжённых раздумий.

— Клянусь...

— Встань, безымянный Даэв.

Юноша поднимается на ноги, оставляя оружие на земле. К мечу в тот же миг подходит приспешник жреца и, быстро поднимая его, уносит прочь.

— Это оружие смертных, — говорит Юклиас. — Отныне ты будешь носить новое, выкованное лучшими мастерами Элиоса — твоей родины.

С этими словами младший священник преподносит Дариусу другой меч, отлитый из дрениума и золота — своего рода символ Перерождения, вручаемый каждому новоиспечённому Даэву.

— Храни его с честью.

Юноша берёт обеими руками клинок и, вознеся его к небу, молча убирает в ножны. Приспешник возвращается на своё место, Юклиас подходит к офицеру вплотную и кладёт руки ему на плечи.

Весь зал наблюдает за действием. Сейчас начнётся молитва, во время которой юноша отопьёт из кубка и... потеряет сознание, чтобы Переродиться. Первые ряды внимательно смотрят на творящееся перед ними. Вдруг Даймон замечает на себе пронзительный взгляд Канеуса. Легат Щита Неджакана делает вопросительное лицо, но каменная физиономия магистра не меняется. Даймону кажется, что взгляд Даэва заметно грустнеет. И вот, когда Юклиас начинает произносить слова молитвы, Канеус отворачивается от воина и устремляет взор вновь на Перерождаемого.

Даймон хмурится, не понимая, что может значить такой задумчивый взгляд старого товарища, но вскоре отбрасывает все мысли и начинает слушать Верховного Жреца.

— Свет Айона! — громко проговаривает Юклиас, направляя свой голос куда-то вверх — почти в потолок. — Да благоволит судьба благословенным! Ибо не сыщут они конца во мраке! Ибо конец — впрямь начало...

Приспешник берёт со столика рядом большой золотой кубок и даёт его Дариусу. Тот, несмотря на руки Юклиаса на своих плечах, берёт чашу и делает несколько глотков. На вкус — простая холодная вода. Но, испив её, начинает казаться, что по организму распространяется холод, вскоре переходящий в мертвецкий мороз. Младший священник забирает кубок и уносит его обратно, занимая своё прежнее место рядом с магистром.

Юноша пытается бороться с ознобом, но не получается. Холод пробирает до костей. Дариусу кажется, что ноги его не выдерживают, и он падает на землю. Офицер больше не слышит никого. Сознание гуляет где-то далеко. Дариус будто проваливается в глубокий сон, при этом не замечая ничего вокруг.

Перед глазами юноши начинают мелькать картины: одна за одной. Вот отец берёт на руки плачущего младенца, небрежно завёрнутого в пелёнку. Вокруг много голосов и фигур, но все они нечёткие. Только Ваталлоса ан Боуэна узнаёт сознание Дариуса. Мужчина прижимает ребёнка к себе, целует в лоб и говорит ему ласково, но как никогда решительно:

— Ты моя кровь... Я никогда не дам тебя в обиду, слышишь?.. Никогда!..

Силуэты, зашипев, растворяются в тумане. Вновь картинка: на этот раз несколько

мальчишек, бегущих друг с другом наперегонки. Паренёк с длинными русыми волосами и большими карими глазами звонко смеётся, прибегая к берегу речки первым:

— Ха-ха, не догоните! Ни за что не догоните!..

Кадры сменяются с бешеной скоростью. Уже не видно очертаний и фигур — просто голоса во тьме, но Дариус знает, что это его воспоминания, его жизнь, от которой он поклялся отказаться.

— Ты пойдёшь по моим стопам! Из тебя выйдет отличный воин!..

— Перестань баловаться, проказник! Не то поведу к офицеру!..

— Наша Атрея вот уже восемьсот семьдесят четыре года разделена на...

— Ничего! Первая кровь, ха-ха... Запомни этот день...

— Мне кажется, тебе стоит напомнить, кто твой отец...

— Ты не посмеешь ослушаться!.. Я...

— Новое нападение краллов, господин военачальник. Вас ждут на аванпосту около...

— Этот значок — теперь твой! Носи его с гордостью...

— Какой милый мальчик... Эви, познакомь меня с ним...

— После школы тебя ждёт академия и точка! Я не желаю...

— Я считаю дни до нашей новой встречи...

— Из-за тебя погибла Хелена! Это ты убил её!..

— Где же твой отец? Он ведь должен был...

— Торжественно награждается офицер второго ранга Дариус ан...

— Я согласна...

— Клянусь Айоном, что найду её!..

— Ты невыносим! Я ничего тебе не должна!..

— Называй меня «А»...

Все голоса начинают вертеться по кругу, словно их что-то засасывает в огромную воронку. Из души Дариуса с трудом вытягивается всё то, что он помнит и так яростно желает. Темнота сжирает воспоминания, и перед глазами начинает расти нечто. Нечто, от чего юноша хочет убежать, но ноги его скованы неведомой силой. Кругом пустота — нет ничего, кроме силуэта, на который он так боится смотреть. Но это необходимо... Он ведь сам этого захотел... Вдалеке парит громадный змеиный глаз, а вокруг него, громко шипя, обвивается большой красный дракон. Вдруг ящер замечает юношу и хитро скалится, держась лапами за огромную глазницу. Страшное существо глубоко вдыхает, открывает пасть и выпускает столб огня, настигающий Дариуса... Только пламя касается лица юноши, он просыпается.

Страх, голоса и фигуры пропадают. Перед ним всё ещё стоит Юклиас и договаривает молитву:

— Вечная молодость и сияние крыльев не покинет тебя никогда! Да озарит твой путь Свет Айона!

«Что же я наделал...» — мелькает в голове Дариуса. Он замечает себя, сидящим на коленях перед ногами Юклиаса. Но уже поздно. Холод от напитка улетучивается, и на смену ему приходит адская жара, словно пламя из сна охватило все внутренности юноши. Сердце начинает стучать в бешеном ритме. Вот-вот, и не выдержит. Кожа Дариуса краснеет, на лбу начинает проступать горячий пот. Молодой человек замечает, как пальцы на руках судорожно подрагивают.

«Не хватает воздуха... — думает он про себя. — Как же горячо и душно... Айон, почему

здесь так душно?!»

Юноша не слышит, что говорит Верховный Жрец, и только когда тот дотрагивается ладонью до его лица, Дариус реагирует.

— Тебе нужно поставить печать души на свой первый кибелиск, — офицер слышит голос священника, но плохо понимает смысл его слов. — Подойди к статуе Ариэль. Это будет твоим местом возрождения...

Сбоку от величественной статуи Айона в незаметной низине за алтарём виднеется другое каменное изваяние. Юклиас поднимает юношу и чуть ли не сам ведёт его за собой, тот еле передвигает ноги и часто дышит. Зрители с первых рядов начинают замечать, что что-то не так. Первым начинает бить тревогу Даймон. Он слегка приподнимается со всего места, но Фаметес хватает его за руку и оттягивает обратно.

— Вы что, с ума сошли? — говорит шёпотом юный император. — Я не позволю Вам ничего испортить.

— Вы не понимаете, — так же тихо произносит бессмертный, повернувшись к правителю. — Что-то здесь...

Но Даэв не успевает договорить из-за громкого крика и шипения. Он тут же оборачивается, и видит следующее: Дариус стоит около статуи Ариэль и истошно кричит, прислонив к камню ладонь. Рука юноши дымится и обугливается, словно её бросили в костёр. Он пытается оторвать её от изваяния, но та словно намертво прилипла к нему.

Даймон бросается к алтарю. За ним вскакивает и Ваталлос. Даэв первым подбегает к молодому человеку и с силой одёргивает его ладонь от статуи. Дариус падает на пол и продолжает кричать, держась за обгорелую до костей руку. К юноше подбегает отец и бросается к нему.

— Дариус! Дариус! Ты слышишь меня? — Ваталлос нервно поворачивается к бессмертному. — Что с ним такое?!

Даймон не отвечает и смотрит на изваяние. От руки юноши на камне остался глубокий чёрный дымящийся след, словно кто-то прожёл на нём отпечаток ладони.

Зрители судорожно поднимаются с мест и, выглядывая друг из-за друга, начинают наблюдать за тем, что творится у алтаря. По залу расползается громкий шёпот, переходящий в гул.

Юклиас морщится от запаха горелой кожи, не понимая, отчего это могло произойти. Он бросается на колени перед кричащим Дариусом и начинает произносить непонятные слова, что должны уменьшить боль юноши. Это помогает. Через несколько секунд его крик утихает. Молодой человек громко хрипит с закрытыми глазами, не реагируя на своё имя и потряхивания отца.

Даймон наклоняется, берёт Дариуса за голову и буквально кричит ему в ухо:

— Раскрой крылья! Слышишь! Немедленно раскрой крылья!

В ответ — ничего. Даэв скалится и начинает бегать глазами по округе, ища в толпе возможного виновника случившегося. К нему сзади незаметно подходит Канеус и спокойным равнодушным голосом говорит:

— А я его предупреждал...

Даймон непонимающе оборачивается на заклинателя, но тот больше не произносит ни слова и спускается с алтаря, растворяясь в толпе. Отец юноши, Даймон и Верховный жрец продолжают нависать над телом Дариуса, пытаясь привести его в чувство.

— Бесполезно, — вытирая пот со лба, говорит Юклиас. — Мне нужны настойки.

Несите его в мои покои.

Мужчины переглядываются и дружно поднимают хрипящего парня.

— Что вообще только что произошло? — в приступе ярости спрашивает Ваталлос, вцепившись в сына.

— Не могу знать, — лишь качает головой священник. — Но скажу одно: что-то нехорошее.

===== Часть 6. Глава 10. =====

Комментарий к Часть 6. Глава 10.

Отредактировано.

Вечером следующего дня.

Святилище Элизиума.

Покои Верховного Жреца располагались на верхнем этаже Храма. К ним вела узкая винтовая лестница, спрятанная за крохотной дверью у алтаря. Несмотря на высокий чин, Юклиас не шикавал. Да и к чему ему были золотые стены и мебель из слоновой кости? Ведь если спустишься вниз, то и так увидишь это всё в убогом, мрачном объёме. Нет, это вовсе не значило, что священник жил в спартанских условиях. Мебель в его покоях была никак не дешёвой, но и не заоблачно дорогой. Можно было описать её одним ёмким словом — надёжная.

Большая металлическая двуспальная кровать пристроились в углу просторной светлой комнаты, рядом была тумбочка из красного дерева с ветвистым подсвечником на ней. В противоположном углу стоял массивный широкий шкаф, а сбоку — ряд стеллажей со свитками, книгами и разноцветными баночками. К окну был задвинут большой стол со множеством ящичков. Рядом покоилось царское кресло, отделанное мягким красным бархатом. Окно священник любил занавешивать полупрозрачными шёлковыми шторами, которые были плотнее, чем тюль, но тоньше ночных штор, не пропускающих свет вообще. Он говорил, что так в комнате становилось уютнее: нежный тёплый свет падал на бордовые обои и, отражаясь от золотых узоров на них, расстилался мягким туманом по всем углам его покоев.

В этот же вечер окна не были занавешены: связанные шторы по бокам подёргивались от лёгкого сквозняка, стоящего в комнате Юклиаса. В постели Верховного Жреца ворочался Дариус, которого принесли сюда ещё вчера после неудачной церемонии. Рядом с кроватью на кресле сидел его отец. Он потерянным взглядом всматривался в лицо сына, застыв на своём месте и не моргая. Только редкое дыхание мужчины нарушало тишину покоев священника.

Вдруг дверь в комнату отворилась, и снаружи показалось лицо Эдварда — верного слуги дома ан Боуэнов.

— Господин Ваталлос, — шёпотом позвал он своего хозяина. — Господин Дариус начал приходить в себя?

Мужчина лишь грустно пожал плечами и кивнул в сторону сына. Тогда Эдвард робко вошёл внутрь, а за ним — военачальник Элизиума и легат Щита Неджакана.

Трое мужчин встали около Ваталлоса и молча уставились на Дариуса.

— Что же могло стать причиной такой реакции? — почти шёпотом спросил Фаметес у Даймона.

— Какое-нибудь проклятие, — сухо ответил Даэв, пожав плечами.

Тем временем юноша медленно приоткрыл глаза. Ваталлос тут же вскочил с места и

схватил сына за плечи.

— Дариус! Ты в порядке?

— Где я?... — тихо промолвил виновник.

— Там же, где и вчера, — отозвался Даймон. — Скажи мне на милость, дружок, — воин подошёл ближе к юноше, гордо сложив руки на груди. — Что ты вчера натворил?

— Я не знаю... — Дариус устало оглядел присутствующих и остановил взгляд на легате. — Было больно.

— Скажи спасибо за то, что господин Юклиас вовремя твою руку перевязал, — равнодушно продолжил Даэв. — А то от неё так ничего и не осталось бы.

Дариус с трудом скинул с себя одеяло и увидел перевязанную в бинты правую руку.

— Что ты помнишь? — спросил Фаметес.

— Видения... — юноша закрыл глаза и промычал. — Прощлое... И глаз... Змеиный глаз...

— Что? — Ваталлос выпучил глаза, а Даймон грубо оттолкнул мужчину, выйдя вперёд.

— Змеиный глаз? В видениях?

— Да... А вокруг дракон...

— Что это значит? — переглянувшись с остальными, спросил правитель Элиоса.

— Только одно... — скорчив лицо в презрении и прожигая Дариуса острым взглядом, промолвил Даймон. — Во время Перерождения ты видишь всю свою жизнь, а если в воспоминания закрадывается нечто чужое...

— То? — переспросил Фаметес.

— То это чужое уже внутри тебя.

Ваталлос приложил ладонь к щеке сына и недоверчиво перевёл взгляд на Даэва.

— Что ты такое говоришь? Может, это была ошибка жреца. Кто знает, что могли подмешать Дариусу в тот кубок...

Эдвард хотел подойти к юноше, но Даэв не позволил. Он оттащил всех подальше от кровати, а сам схватил лежащего за плечи и стал громко спрашивать:

— Как твоё имя? Отвечай! Как твоё имя? — бессмертный потрянул юношу и снова спросил, почти крича. — Имя! Как твоё имя?

Молодой человек зажмурился и тихо промычал:

— Дариус... ан Боуэн...

— Это старое имя! — закричал Даймон. — Назови новое! Имя Даэва!

Ваталлос подбежал к бессмертному и дёрнул его в сторону.

— Довольно! Что ты вытворяешь? Ему больно!

Даймон с силой оттолкнул мужчину, да так, что тот упал на Эдварда. Глаза Даэва налились ярким светом, а лицо утонуло в поступившей ярости.

— Называй. Своё. Имя!

Вдруг Дариус резко открыл глаза, и Даймон в тот же миг прекратил его трясти. Лицо юноши вновь стало каменным, а глаза начали тускло светиться, как у бессмертных.

— Ты! — прорычал Даймон. — Как тебя зовут?

Дариус внимательно смотрел на Даэва, ровно дыша, но не произносил ни звука.

— Даю тебе последний шанс... Назови. Своё. Имя.

— Сата... — зашипел юноша.

— Громче! — Даймон вновь потрянул его, вцепившись в плечи.

— Саталлока...

Воин в тот же миг опешил, бросил юношу и отбежал назад.

— Дариус? — не расслышав ответа сына, воскликнул Ваталлос ан Боуэн.

— Это уже не Дариус... — сжав губы, замотал головой легат Щита Неджакана. После этих слов Фаметес в страхе сделал несколько шагов назад, а Ваталлос вцепился взглядом в бессмертного.

— Что он сказал? — спросил Эдвард, схватив Даэва за предплечье.

— А кто тогда? — тихо пробормотал император.

— Балаур, — промолвил Даймон, не сводя взгляда с каменного лица лежащего перед ним молодого человека.

— Какого?.. — военачальник Бертрона тут же растолкал всех и ринулся к сыну.

— Ваталлос, стой! — Даймон успел схватить его за рукав.

Мужчина успел посмотреть ещё раз на своего сына. Ему показалось, что в глазах Дариуса появилась грусть. Он был прав. Юноша виновато опустил взгляд, затем закрыл глаза, и его кожа вдруг зашипела.

— Уходим отсюда! — предполагая то, что могло сейчас случиться, Даймон схватил остальных и потащил к двери.

Ваталлос сопротивлялся, ошарашенным взглядом смотря на то, что творится с его родным Дариусом. Постель начала дымиться, по комнате распространился едкий запах тлеющей ткани. Вдруг фигура парня в один момент вспыхнула и обернулась ярким пламенем, сковавшим тело юноши, словно кокон.

Даэв распахнул дверь и насильно вывел всех из покоев.

— Не-е-ет! — закричал Ваталлос, но от его сына уже ничего не осталось. Только сверкающий пожар, плавно перетёкший на мебель и обои, напоминал о прошлых минутах.

Фигура, объятая огнём, лежавшая прежде в горящей постели, вдруг взлетела вверх и яркой вспышкой взорвалась. Перед ошеломлёнными мужчинами появилась огромная огненная птица, тело и крылья которой были сотканы из самого жаркого пламени. Гости зажмурились, попятились назад и закрыли руками лица от смертельного жара, исходящего от стихии. Фигура несколько раз взмахнула крыльями и пулей вылетела в окно, разбив стёкла. За широкими взмахами огненной птицы по небу тянулся длинный след из серого дыма.

Мужчины торопливо спустились в зал и поспешили выбраться из горящего Святилища. Оказавшись на улице, они подняли глаза и увидели, как пылает верхний этаж, испуская из окон языки красного пламени и столбы чёрного дыма.

— Что же он натворил?.. — словно загипнотизированный, пробормотал Ваталлос.

— Надо идти за подмогой, — бросил Эдвард и побежал к Площади Святых.

Около Святилища стала собираться толпа зевак. Они обступили горящее здание и, раскрыв рты, наблюдали за тем, как по главному храму Элиоса распространяется пожар.

Ваталлос застыл на месте и более не произнёс ни слова. Он смотрел на Святилище и не верил своим глазам, отрицая, что подобная беда могла случиться с его единственным сыном. Ваталлос ан Боуэн был закалённый воином, он много раз проходил через боль и утраты. Но увиденное полностью выбило его из колеи. Он растерянно смотрел на огонь, надеясь, что всё это — страшный сон. Дариуса больше нет. Его поглотила магия огня, вживлённая в него хитрыми балаурами. Но как он пошёл на это? Неужели он был так глуп и простодушен, раз согласился стать инкубатором для давно умершего балаура? Отец не мог в это поверить.

Даймон отвёл Фаметеса подальше от огня и молча зашагал прочь. В небе уже исчез след

от птицы из пламени. Даэв протискивался сквозь гудящую толпу, не замечая ничего вокруг себя. Он до сих пор не мог поверить в увиденное. Да, на его взгляд, Дариус тоже любил необдуманные поступки, но пойти на такое... Обмануть расу, близких, друзей, наделив бессмертием душу дракона... Очень хитрый ход ящеров и глупый поступок элийского юноши — вот итог сегодняшнего дня.

Даймон не замечал, как рушатся за спиной перекрытия великого храма, как горожане охают, наблюдая за пожаром в самом центре небесной столицы. Мужчина шагал вперёд в абсолютной растерянности.

«Балауры хитры... Надо отдать им должное...» — крутилось в мыслях Даэва.

Вдруг кто-то схватил его за локоть и остановил. Даймон резко повернул голову и встретил сияющий взгляд тигровых глаз Канеуса.

— За самые сокровенные желания нам, в конце концов, придётся заплатить... — промолвил заклинатель, как-то странно смотря в глаза товарищу.

— Ты обо всём знал... — зашипел Даймон. — И не помешал ему?..

— Нам не велено вмешиваться в игры небес... — замотал головой Канеус, не отводя грустный взгляд от воина. — Пообещай мне, что не полетишь за ним. Ради Белатрисс.

— Что? — удивился Даймон. — Почему я не должен за ним лететь? И при чём здесь...

— Пообещай мне... — настаивал Канеус.

— Какого балаура? — воскликнул легат.

Канеус медленно отпустил руку Даймона и спустя секунду исчез в толпе. Воин пытался найти его, расталкивая людей, но мужчины в робе и след простыл.

Появился он уже около поста привратника. Хранитель портала поклонился перед Даэвом, важно подошедшим к нему, и спросил:

— Куда изволите лететь?

— Элтенен, — отрезал Канеус, и через пару мгновений скрылся в пространственном разломе.

Через несколько часов.

Север Элтенена.

Была глубокая ночь. На небе миллионами крохотных огоньков сияли огни Асмодеи, а синеющие в их свете пески пустыни мерцали, будто снежные поля где-нибудь в Белуслане. Высокие барханы были похожи на холмы. То тут, то там из песчаных гор росли громадные крестовидные кактусы. Из песка, шурша, выползали маленькие скорпионы и норовили ужалить заплутавшую жертву.

Канеус приземлился перед высоким барханом, подняв целое облако мелкого, успевшего остыть за ночь песка. Даэв сбросил крылья и пошагал дальше пешком. Оставалось совсем немного. Медленно забираясь по склону, мужчина не замечал, как полы его длинной робы шуршали на песке, а сейчас нужно быть предельно внимательным — ни в коем случае нельзя себя выдать.

Оказавшись у вершины, заклинатель присел, осторожно выглянув из-за неё. В сотне метров впереди из песков торчали кости огромного существа — бедствия Элтенена, которое до сих пор не могут забыть в легендах и песнях. Практически целый скелет громадного дракона обвивал крохотную равнину между барханами, а в центре был сооружён высокий каменный обелиск. Около него днём и ночью дежурили стражники Элтенена и маги, что дали клятву пожизненно охранять до сих пор живое сердце единственного дракона, что

сумел прорвать Барьер, разделявший до Катаклизма земли людей и балауров.

Канеус прекрасно знал эту историю. За несколько лет до падения Башни Вечности Лорды Фрегион, Эрискаль и Бритра огромной армией атаковали земли Теобомоса и выжгли её дотла. Истощённые войска людей направили туда последние силы и были разгромлены, но мало кто знал, что нападение на Теобомос было лишь отвлекающим манёвром. Ещё одна армия ящеров во главе с драконом Саталлокой молниеносно атаковала Барьер в Эйроне. Из-за нехватки Эфира и отсутствия защиты дракону удалось ненадолго пробить брешь в магическом щите и попасть вместе с частью своих войск в земли людей. Балаур выжег сотни деревень, пока Служители Вечности общими усилиями не затащили его в ловушку на севере Эйрона и не убили. Но это был не конец... Даже расчленённый на части, дракон продолжал жить. Его чешуя таяла и превращалась в тысячи маленьких драконов, убить которых было совсем не просто. Наконец, когда последний крылатый балаур был уничтожен, перед Служителями Вечности предстала новая проблема: отделённое от тела сердце Саталлоки продолжало биться, пылая изнутри адским огнём. Даэвы пытались пронзить его, но как можно было потушить вечный огонь, что восстанавливал его снова и снова? После долгих раздумий сердце могущественного дракона спрятали в подземной пещере рядом с его скелетом, а вокруг выставили посты, что должны были охранять и поныне бьющееся сердце древнего ящера от желающих вернуть его к жизни.

«И вот, наконец, у них это получилось...» — завершил свою мысль Канеус, взглядываясь вдаль.

Вокруг обелиска уже не бродили стражники. По ночному песку растекалась чернеющая человеческая кровь, но тел не было видно.

Вдруг тяжёлая дверь в стене статуи, ведущая в подземелье, отворилась, и оттуда вышел огромный балаур. Метров с шесть ростом, ящер важно зашагал прочь от обелиска и замер, устремив глаза в небо. Вокруг толстого хвоста дракана, росшего прямо из его шеи, бешено летали искры, подсвечивая землю. В темноте Канеус разглядел кривые рога балаура и маленькие светящиеся красным глаза.

«Отпрыск Сематы... — догадался элиец. — Эти особи всегда доставляют кучу неприятностей...»

Мужчина проследил за взглядом ящера и увидел в небе нарастающую красную точку. Канеус присмотрелся и сразу понял, что это. За огненным шаром, летящим из Элизиума, тянулся длинный дымовой шлейф. У самой земли стали различимы пламенные крылья магического создания. Объект медленно приземлился рядом с огромным балауром, и огненный кокон через несколько мгновений исчез, выпустив наружу мужскую фигуру с русыми волосами до плеч.

Канеус спрятался за вершиной. Он знал, зачем Дариус явился сюда, и как он собирается добыть желаемое. Заклинатель спустился с холма, чтобы заговорщики его не заметили, и достал из робы большой продолговатый кристалл. Канеус взялся руками за его концы и разломил пополам. Изнутри вылетело облачко голубоватых искр, окутавших пространство вокруг. Мужчина бросил половинки кристалла на песок и отбежал на несколько метров. Светящиеся пылинки собрались в небольшую сферу и в одночасье растворились, а из шара вывалилась фигура в плотной чёрной мантии.

Незнакомец прошипел что-то и схватился за голову. Он с трудом поднялся, и из-под капюшона, обрамлённого металлическим драконом, показались светящиеся красным глаза асмодианина.

Канеус сделал шаг к нему и кивнул в знак приветствия. Северянин, громко и хрипло дыша, огляделся и промолвил по-асмодиански:

— Гробница Саталлоки?

— Да, — на чистом северном языке произнёс элиец. — Ирау, Розеркар.

— Ирау, — мужчина в капюшоне вопросительно сощурился. — Ты мог застать меня в пижаме или за обедом.

— Но тем не менее ты был на полпути к Лагерю Огня, — сверкнул глазами Канеус. — Мне нужна твоя помощь.

— Плевать я хотел... — огрызнулся асмодианин. Драконы на его капюшоне и воротнике зашевелились. — Я не позволю призывать себя, как шавку!

— Времени на извинения нет. Поднимись на холм и ты увидишь всё собственными глазами.

Северянин огрызнулся и медленно взобрался на вершину бархана. Увидев там балаура, он спрыгнул вниз и медленно подошёл к элийцу. Теперь в глазах асмодианина читалось понимание.

— Мальчишка — жертва? — спросил он.

Канеус кивнул.

— Нам придётся, Розеркар. Рано или поздно все возвращают долги...

Асмодианин задумался. Металлические фигурки драконов успокоились и словно посмотрели на хозяина.

— Мой путь ещё не окончен, — холодно проговорил он, нахмутив суровое лицо.

— Твои дела продолжит Альфир, твой брат, — Канеус подошёл ближе и пустым взглядом посмотрел в красные глаза северянина. — Время пришло.

Розеркар покосился на бархан, за которым вот-вот начнётся что-то невообразимое.

— Сначала им нужно призвать того, кто способен снять печать с останков Саталлоки, — сощурившись, промолвил асмодианин. — Исбария...

— Отпрыск Сематы этим займётся.

Северянин вздохнул. Он понимал, чем кончится их попытка сдержать пробуждение древнего зла. А также он знал, почему именно его призвал Канеус.

— Ты лучше всех сражаешься с балаурами, — Розеркар услышал от элийца то, что и так давно знал. — Они уязвимы перед твоей магией. Я прошу тебя об одном...

— Мы не друзья, чтобы ты имел право что-то просить у меня, — промычал асмодианин, опустив равнодушный задумчивый взгляд на синий песок. — Я не попрощался с братом...

— Вы с ним скоро увидите. Ни Альфир, ни его друг Исагир не увидят конца.

Розеркар глянул на Канеуса. Его слова значили то, что и его брата вскоре настигнет единственное, чего боятся Даэвы.

Наступила звенящая тишина. Северянин задумчиво пялился в песок, словно читал в нём что-то. Но времени на промедление не было.

— Тогда... Надеюсь, гримуар ты с собой прихватил, — через несколько минут произнёс асмодианин, сморщив лицо.

Канеус утвердительно кивнул и достал из сумки, прикреплённой к поясу между складками робы, большой томик с заклинаниями.

— Я помню всё наизусть, — буркнул Розеркар и пошёл первым, решительным взглядом прожигая песок ночного Элтенена.

Элиец медленно пошагал за ним. Заклинатели неторопливо забрались на холм. Перед их

глазами открылась новая картина: рядом с огромным балауром сиял в ночи пространственный разлом, из которого начали выходить драканы. Их было больше десятка, но Даэвы обратили внимание лишь на одного. Облачённый в серую тунику шестиметровый балаур не был похож на остальных: у этой особи не было хвоста и рогов, а с головы, покрытой изумрудного цвета чешуёй, спадали на плечи белые волосы. Роднили его с ящерами только огненные глаза и громадные размеры.

— Исбарий... — устало прошептал асмодианин.

— Угу, — спокойно кивнул Канеус, будто был готов прямо сейчас отдать своё бессмертие. — Как Эви? — спросил он, даже не повернувшись к спутнику.

Розеркар вопросительно посмотрел на элийца.

— Девчонка?

— Угу.

— В порядке, — холодно буркнул северянин и вновь устремил взгляд на сборище балауров в сотне метров от них.

— Хорошо, — вздохнул Канеус и раскрыл гримуар на нужной странице. — Пора идти...

— Идём, — кивнул асмодианин. — Да поможет нам Айон...

— Не поможет... — ответил Канеус и сделал первый шаг. Он знал, что не вернётся прежним, и принимал свою участь, словно вся его долгая жизнь сводилась именно к сегодняшнему дню.

Двое заклинателей медленно спустились с холма, уже не прячась перед балаурами. Злобные морды драканов повернулись к ним, а старший в тунике вытянул лапу и закричал что-то на своём языке. С десятков огромных ящеров в тот же миг побежали навстречу Даэвам, те лишь устало продолжали идти, считая секунды до начала смертельной схватки. Они знали, что уже не смогут возродиться на кибелиске, если погибнут здесь.

«Или мы, или они...» — вертелось в головах как людей, так и балауров.

Юг Морхейма.

Териан Лекас продолжал вести элийское войско к границе Белуслана. По дороге им несколько раз встречалось сопротивление повстанцев и Безмолвных, но девять легионов южан справлялись со своей задачей и шли дальше. Единственным неудобством была медлительность и чувствительность элийцев к холоду. Приходилось останавливаться и делать привалы в каждом лагере повстанцев.

Местных жителей они не трогали — таков был приказ Невмы. Она хорошо знала, что это было условием перемирия, и чётко следовала данному ей указанию.

Успехом элийцев служила не только их многочисленность, но и параллельное продвижение армии Пандемониума, тоже идущей к границе Белуслана, но в сотне километров от войска южан. Безмолвным приходилось отражать атаки с двух фронтов, а это у них получалось плохо. Риваровцы отдавали больше сил на сдерживание легионов Видара, чем элийцев. И это, пожалуй, было их главной стратегической ошибкой, ведь среди южан было много Даэвов, которым смертным нечего было противопоставить.

Териан Лекас отослал в Элизиум и Пандемониум весточки с первыми успехами его похода. Фаметес прислал в ответ добро на отправку ещё десяти легионов: Белуслан нынешними силами было не взять — это все понимали. Подкрепление должно было прийти, когда элийцы пересекут границу Морхейма и Белуслана.

Даэв также посредством писем общался с офицерами армии асмодиан, чтобы грамотно

проводить атаки тогда, когда повстанцы этого не ожидают.

После очередной схватки легионы Элиоса отдыхали в лагере посреди равнин южного Морхейма. Остановка затянулась — войска Видара должны были сделать рывок на восток, и только после успешного манёвра элийцы пойдут дальше.

Териан Лекас сидел у себя в шатре и затачивал клинки, как к нему вдруг забежал асмодианский юноша — гонец, отправленный за донесением легионам северян.

— Вот, — он робко подошёл к Даэву и протянул ему свиток. — Это от господина Квасира. А это... — он вытащил из кармана скомканную бумажку и тоже протянул её воину. — По дороге меня схватили разведчики повстанцев и... они нашли записку и прочитали, но... отпустили меня, сказав, чтобы я передал Вам это...

Териан задумчиво посмотрел на юношу. На нём лица не было от стыда перед тем, что его смогли поймать. Мужчина взял оба послания и принялся читать.

Удовлетворившись вестями от асмодианской армии, которая завершила свой манёвр, Даэв отложил первый свиток в сторону и развернул бумажку от повстанцев. После первых же слов воин нахмурился, а его лицо исказилось в зверином оскале.

«Дорогой друг.

Я, конечно, тебя прекрасно понимаю: имперские замашки и вера в глупые мечты тебя испортили, но я полагаю, что смогу излечить тебя от них...

Твоя ненаглядная элийка сидит напротив меня и бормочет что-то невнятное. Я вроде элийский знаю, но всё равно ничего разобрать не могу... Наверное, ей мешает кляп во рту...

Заинтриговал? Вот и отлично! Так вот, слушай меня, дружище: если хочешь, чтобы она осталась жива и невредима (прямо как сейчас), то советую тебе развернуть войска и отправиться назад как можно скорее... А то вдруг мне надоест этот её лепет, и случится нечто очень нехорошее... Поторопись!

С любовью.

Безмолвный Судья Слутгельмир.

Р. S. Как ты её затыкаешь? Она же постоянно что-то мычит... Уму непостижимо, откуда у неё силы на это! Ладно, пойду попробую поубавить ей пыл... А ты пока погадай, как я собираюсь это сделать... Мур-р-р...»

Териан Лекас в ярости скомкал лист и бросил прочь. Юноша-гонец испугался разъярённого Даэва и выбежал из шатра.

— Да я тебя на пушинки покромсаю, падаль... — зарычал асмодианин.

Глаза его в один миг запылали от злобы красным огнём.

===== Часть 7. «Последний зов». Глава 1. =====

Комментарий к Часть 7. «Последний зов». Глава 1.

Отредактировано.

Две недели спустя.

Белуслан.

— Териан Лекас? — к воину подбежал элиец в серых доспехах с массивным шлемом на голове. — Легионы объединены. Ждём указаний.

Даэв, не оборачиваясь, кивнул и продолжил пристально вглядываться в очертания огромного города, возведённого между холмами. Шёл снег, и до глаз асмодианина доходили лишь мутные силуэты башен, да мерцающие огни колоколен. Высокие стены, готовые защищать город от любых напастей, расплывались в метели широкой чёрной полосой. Териан стоял на вершине холма, одиноко глядя вперёд — туда, где уже на рассвете

прольётся кровь. А иначе нельзя... Вот он — оплот зла и раковая опухоль Асмодеи, что высасывала последние силы из прежде великой державы. Крепость была так близко... как близко и то, что в ней надёжно спрятано.

Воин развернулся и, раскидывая сапогами лежащий по ногам свежий снег, пошагал к лагерю, скрытому за холмом. Перед Даэвом открылось плато из сотни костров — только что прибывшие десять легионов Элиоса смешались с основными силами и растеклись по лагерю.

«Три тысячи воинов, плюс двадцать пять бессмертных, — мысленно считал асмодианин. — Они не смогут растянуться на большое расстояние. Атаковать придётся с одного фланга. Нам нужна ещё пара тысяч, — Даэв обернулся на крепость. — Надеюсь, армия Видара подоспеет вовремя...»

Териан Лекас спустился в лагерь и, расталкивая бойцов, греющихся у огня, направился к шатру командующей. Даэв завернул к большому крытому навесу из плотной красной ткани и подошёл ко входу, у которого дежурили двое стражников. Асмодианин сделал суровый взгляд, и патрульные послушно пропустили его внутрь.

В шатре за раскладным столом сидела Невма, а рядом с ней стояли несколько элийских легатов. Разглядев серую кожу гостя, воины молча удалились, оставив командующую наедине с асмодианином.

Женщина важно положила локти на стол и скрестила пальцы, смотря на Даэва:

— Что-нибудь узнали? — прохрипела она. Видимо, холодный климат сыграл с привычным к теплу телом злую шутку.

Териан отрицательно замотал головой, оглядев мельком уютное тёплое помещение.

— Вы послали весть асмодианам? — сухим тоном спросил воин, остановив свой взгляд на Невме.

— Да, и легат по имени Квасир ответил, кхе-кхе... — женщина прокашлялся, взяла клочок бумаги с края стола и передала его Териану. — Читайте. Имя я разобрала, но это наречие для меня сложно.

Мужчина схватил лист и, мельком пробежавшись по содержимому глазами, принялся читать вслух.

— Две с половиной тысячи аканов ждут рассвета у северо-восточной оконечности города. Они нападут первыми, и это будет отвлекающим манёвром. Когда солнце полностью выйдет из-за холмов, с юго-востока начнётся атака ещё пяти с половиной тысяч. В резерве у меня три тысячи. Итого — одиннадцать тысяч. Поддержку Ваших трёх тысяч я ожидаю через час после начала осады. Позиция — западное ущелье. Квасир, легат первого легиона Пандемониума.

Териан свернул бумажку и положил на стол, равнодушно заглянув в глаза элийской командующей. Она ненадолго задумалась и вскоре произнесла:

— Но мы ведь планировали атаку с северо-запада. Здесь чудесная позиция — можно застать стражу врасплох. Тем более стены ниже: для осадных машин — самое то.

— Осадные машины в снегах бесполезны... — сощурившись, промычал Даэв. — Вы их не перевезёте через холмы, так как они на колёсах, а не на санях — это раз. Если будете собирать их у стен, то никого застать врасплох не получится — это два. Третье: рядом арсеналы и казармы.

— Тогда какого балаура мы разбили лагерь здесь, раз позиция хуже некуда? — тон воительницы перешёл на суровый и требовательный.

— Здесь нас никто не заметит. С рассветом мы обойдём вершину с юга и окажемся у

ровного ущелья. Да, там можно легко наткнуться на лучников, но мы начнём атаку, когда уже будет идти осада и все силы защитников будут переброшены на восток. Стена и ворота должны охраняться слабо, и мы без проблем сможем их осадить.

— Таков план? — она положила подбородок на ладонь.

— Да.

— А Вы не могли бы посвящать меня в него немного раньше, чем за несколько часов до осады, а? — с наигранной вежливостью спросила командующая, вскинув брови.

Териан закатил глаза и отвернулся, пробурчав:

— Зачем, если всё и так идёт по плану?

— Ах, вот как!.. — женщина вновь залилась громким кашлем.

Даэв, игнорируя недовольство элийки, вышел к патрульным и шепнул им на ухо:

— Позовите Белатрисс. Поскорее.

— Сию минуту, — стражи кивнули и отошли от шатра.

Асмодианин вернулся внутрь и, медленно подойдя к столу, промолвил:

— Я сомневаюсь, что Квасир или кто-то ещё из асмодиан будет обсуждать с Вами подробности и стратегии. Как видите, в письме он написал не предложения по поводу операции, а чёткие требования, которые Вы должны выполнить.

— Он доверяет Вам больше, чем мне?

— Мне он не доверяет, а Вам — и подавно, — усмехнулся он, поведя лишь уголками губ. — Видар попросил его советоваться со мной. А приказ военачальника Квасир обязан исполнять беспрекословно.

— Я чувствую себя загнанной в клетку птицей... — опустив голову, сказала Невма. — Ни шагу туда, ни шагу сюда.

Териан собирался сострить по поводу её положения в легионе, но в шатёр вовремя вошла девушка.

— Кто меня звал? — остановившись у входа, спросила Белатрисс, переводя светящийся голубым взгляд то на асмодианина, то на элийку.

— Я, — Териан поклонился и шагнул к волшебнице.

Белатрисс скинула шубу, оказавшись в грубом и плотном сером платье.

— Из элийских Даэвов я доверяю только тебе, — нагло повернувшись спиной к Невме, сказал он Трисс. — Я хочу попросить их через тебя об одном одолжении.

Бессмертная ехидно улыбнулась и вскинула бровь в показательном ожидании.

— Приятно слышать, конечно... — протянула элийка. — Но мы вовсе не друзья. Поэтому, несмотря ни на что, тебе, Териан Лекас, я не доверяю. Так что ты хочешь?

— Даэвы должны перелететь стену здесь — за холмом и произвести атаку на арсеналы повстанцев, — пропустив слова Трисс мимо ушей, продолжил асмодианин. — Они — в продолговатом одноэтажном здании с покатой чёрной крышей. Основные силы пойдут южнее — через ущелье.

— На карте можешь показать? — лицо волшебницы стало серьёзным, когда дело зашло о подробностях предстоящей осады.

— Нет... Я могу лететь с Вами.

— Не стоит... — покачала головой девушка. — А то наши могут случайно задеть и тебя. Ты же их знаешь.

— Пусть попробуют.

— Териан!.. — Белатрисс пресекла на корню закипающий взгляд Даэва. — Ладно, я

поняла. Длинное здание с чёрной крышей.

— Оно хорошо охраняется. Рядом ещё казармы. Вы не спутаете.

— Хорошо... Это всё, что было от меня нужно? — Трисс перевела взгляд на Невму.

— Да, — кивнул асмодианин.

— Тогда я пошла, — девушка подняла шубу и небрежно накинула её на себя. — Надо всех предупредить, а ещё вздремнуть бы... Когда выдвигаемся?

— На рассвете. Я дам знак, — отрезал Териан и вежливо поклонился Трисс перед её уходом.

— Хорошо, — холодно бросила она и выпорхнула наружу.

Териан Лекас вновь остался наедине с командующей элийским войском.

— Полагаю, — начал он. — Вам тоже нужно отдохнуть перед завтрашним днём. Ночь на дворе.

— Благодарю за заботу... — монотонно промолвила воительница в ответ. — Можете покинуть шатёр.

Асмодианин едва заметно хмыкнул напускной дерзости женщины и важным шагом вышел на улицу.

«А мне не помешало бы перекусить...» — поймал себя на мысли Даэв и направился к ближайшему костру, от которого уже приятно пахло жареным.

Белатрисс проснулась от громкого звука горна, призывающего к немедленным сборам. Девушка вскочила, наспех натянула на себя тёплые вещи, побросала во внутренние карманы склянки с зельями, воду и прицепила к руке браслет со светящейся сферой — оружием волшебницы.

Бессмертная выскочила из палатки и увидела дружно шагающие в нескольких метрах от неё коробки легионов. Воины маршем направлялись на юг — к точке атаки. Уже светало — нужно было выдвигаться.

Элийцы уже успели разобрать лагерь и упаковать всё в сани, которые везли на своих спинах легионеры тыла. Палатки Даэвов оставили нетронутыми, ведь с этого момента смертные и бессмертные бьются порознь — таков был план Териана Лекаса.

Потихоньку из шалашей начали выходить остальные бессмертные южан. Собравшись около палатки Белатрисс, они молча пялились на неё, ожидая информации о предстоящей осаде. Девушка и рада бы рассказать что-то, да сама мало что знала.

— Что сказал тот асмодианин? — вперёд вышел кареглазый черноволосый мужчина с двумя мечами за спиной. — Мы же следуем его плану, так? — сквозь зубы проговорил он, выражая ярое недовольство.

— Нам дадут знак... — лишь промолвила Трисс, ощутив на себе десятки озлобленных взглядов. — Наша битва начнётся здесь.

Девушка повернула голову в сторону холма, что отделял лагерь элийцев от крепостной стены столицы Белуслана. Остальные тоже обернулись. Нависла тишина.

Спустя пару часов.

Элийские войска ровными коробками бежали по мощёной дороге в направлении крепостных ворот. Дружный топот тысяч сапог и бряцание металла разносились по округе с холодным ветром, гуляющим по равнинам, холмам и подножиям величественных гор северного Белуслана. Путь южан пролегал по глубокому ущелью. Центурионы и адъютанты

велели своим подчинённым поторапливаться — мало ли какая угроза могла нависнуть над ними — здесь они были как на ладони.

Териан Лекас летел чуть позади. Он набрал большую высоту и зорким взглядом осматривал окрестности. Осада крепости началась час назад. Восток столицы Белуслана дымился и гудел от разрыва снарядов — Видар не солгал и начал захват вовремя. Теперь дело было за элийцами.

По окраинам ущелья не было ни единого стражника — со звоном крепостных колоколов, знаменующим об атаке, все аканы, сторожащие западные подступы к городу, поспешили в селение на подмогу, потому дорога для южан была безопасной.

Расстояние до ворот сокращалось. Вот-вот элийцы коснутся высоких металлических ворот. Столкновение.

На башнях и стенах не было видно ни одного асмодианина — все силы стражей были перекинуты на восток, где уже всю разгоралась битва. Териан Лекас сравнялся с крепостной стеной и влетел в город — на улицах никого, двери и окна домов крепко заперты. До ушей бессмертного донеслось гулкое:

— Ставьте лестницы и забирайтесь на стены! А ну! Дружно!

Асмодианин довольно ухмыльнулся: элийское командование решило правильно — нечего тратить время на таран ворот, привлекая лишнее внимание. Проще осадить стены и проникнуть в город. Пожалуй, появление элийцев в тылу будет самым неожиданным исходом для его защитников.

Териан приземлился на пустую башню над воротами, но крылья не сбросил, а стал ждать, пока большая часть южан преодолеет преграду. Он бы мог, конечно, попробовать и сам отворить ворота перед элийцами, но изнутри на них висели цепи и чугунный замок — справиться с ними в одиночку даже Даэву было не под силу.

Вдруг до ушей асмодианина донеслись звуки взрывов откуда-то с севера. Он резко обернулся и сощурился. В километре от него над окраинами города кружило с полсотни белых крыльев, а в небо поднимался столб из густого серого дыма — арсеналы были подорваны, диверсия бессмертных удалась.

Когда где-то четверть элийского войска преодолело стену, воины начали отпирать ворота изнутри. Через минут семь-десять это получилось, и перед основными силами южан теперь открылся целый город.

— Вперёд! — раздался громкий возглас на чужом для Териана языке. Десятки коробок легионеров дружно вбежали в пустынные районы столицы. Асмодианин оттолкнулся от верхушки башни и взмыл в воздух, наблюдая сверху за элийцами. Первое сопротивление аканов южане встретили уже через несколько кварталов.

То был резерв стражников, обитающий чуть севернее. Именно на их казармы напали элийские Даэвы, и стражи вынуждены были отступить. Из-за угла на бегущих южан выбежали аканы асмодиан. Воины обеих сторон на миг замерли от удивления. Но буквально через секунду от офицеров послышалось громкое:

— В бой! — и северяне, и южане оскалились, закричали и побежали друг на друга.

Териан Лекас в тот же миг свернул крылья и штопором приземлился в самый центр строя асмодиан. Его ядовито-зелёные глаза запылали красным, а из-под злобного оскала выглянули кончики сияющих клыков. Одно движение — и два длинных меча-эспадона уже в руках Даэва. Они вновь продолжение его тела. А он сам — наказание для всех, кто встанет у него на пути.

Разворот, подсечка и рубящий удар по груди. Раз. Уклонение, контратака по оголённой шее. Два. Точный замах, и через секунду из живота стражника выглядывает окровавленный наконечник меча. Три. Даэв снова чувствует запах крови. Он в своей стихии.

Над головой, словно огромные ястребы, пролетают белые птицы. Ещё и ещё. Элийские бессмертные, выполнив свою задачу, объединились с войском. Теперь у бунтующих асмодиан нет шансов.

Землю освещают громадные огненные шары, пущенные умелой рукой светловолосой волшебницы. Териан ловко уклоняется от них, словно танцуя со смертью. Количество павших северян всё быстрее увеличивается. Но тут в строй элийцев что-то с бешеной силой врывается. Даэв успевает разглядеть очертания: худые доспехи, ржавое оружие, но яростные лица и странные стеклянные глаза.

«Зомбированные жители», — тут же догадывается Териан. Он за секунду расправляется с ещё одной жертвой и уже направляется обратно к элийцам. Там он нужнее. Толчок, пируэт, широкий размах — и голова какого-то мужчины послушно отделяется от тела. Новая подсечка и удар — второй отравленный идгелем асмодианин, кряхтя, оседает на землю. Парирование и удар в развороте. Уклонение. Колющий удар.

В памяти начинают всплывать давно забытые воспоминания. Почему они так похожи на то, что он видит сейчас?

— Стоять ровно! Не шелохнуться! — громкий голос режет уши.

Строй облачённых в начищенную броню легионеров растянулся на несколько километров посреди равнины восточного Эйрона. В двух сотнях метров — нескончаемая толпа тех, кого им нужно убить. Нет, это не балауры. Нет, это не оборотни и не дикие звери. Это те, к кому многим из воинов так хотелось вернуться — их матери, отцы, братья и сёстры.

— Не смотреть им в глаза! Они зомбируют вас, как Бритра — их самих! — всё тот же громкий голос командующего.

Все знали, что магия Властелинов балауров сильна. Но никто не мог и предположить, что одного взгляда Лорда Бритры будет достаточно, чтобы подавить волю тысяч людей и загипнотизировать их навеки.

— Они приближаются! Выставить пики!

Навстречу бегущей толпе прежде мирных жителей выглядывают блестящие и острые, как бритва, наконечники пик, а пространство между ними плотно закрывается щитами.

— На изготовку! И помните, что это уже не ваши родные! Вы им не поможете! Им никто не поможет! Теперь это рабы Бритры!

Расстояние сокращается. Да, командующий прав, теперь это все понимают. Люди в здравом уме не могут издавать такие звуки... А вид у них — как у нежити, восставшей из могил посредством чёрной магии.

— Готовься!

Напряжение становится всё сильнее. На лбу проступает холодный пот. Разве им кто-то говорил, что придётся вести бой с жителями? Пускай, и не совсем мирными...

— В бой! — протяжный рёв даёт команду сжать пики в руках. Сильный толчок. В строй легионеров буквально врывается орда зомбированных. Им, кажется, наплевать на пики и щиты — они жаждут крови. Они чувствуют живое. И их жажду никто не в силах утолить.

Териан хватается за голову. Какого балаура сейчас было? Это всё давно забыто. Тем более воспоминания хранятся в памяти стигмы, а не в его голове. Что происходит? Почему так больно?

Вокруг мелькают силуэты. Элийцы, как и асмодиане, вынуждены сражаться на два фронта. Чем южане себя выдали? Или белые крылья так сильно выделялись на фоне пасмурного неба?

Териан Лекас теряет концентрацию. Кажется, его даже кто-то задевает своим оружием. Даэв падает на землю, но вместо чужих ног у своего тела он снова видит то, что будоражит его сознание.

— Это была лишь первая волна... — уставший голос командующего гудит у самого уха. — Они ещё вернутся... Как удобно сражаться с врагом его же людьми...

Териан вонзает остриё меча в землю и опирается о него. Это сражение длилось, по его мнению, целую вечность. Вокруг — горы трупов и реки крови. Алой человеческой крови. Вот только были ли они людьми? Ведь их глаза были преисполнены ненавистью и жаждой чужой жизни.

«А был ли сейчас я человеком?..» — спрашивает юноша себя, не без омерзения разглядывая картину, представшую перед ним.

Териан рывком поднимается на ноги, боковым зрением сканируя пространство вокруг себя. Чувствуя быстрое приближение босых когтистых ног, асмодианин делает разворот и резким замахом обрубает намерение отравленного идгелем мужчины вцепиться в плотку Даэву.

Схватка ещё продолжается. Элийцы имеют численное преимущество.

«За ними и будет победа», — не сомневается Териан.

Вдруг за спиной он слышит своё имя. Асмодианин машинально оборачивается и снова попадает в лапы своих воспоминаний.

— Териан! Легионер второй центурии Вечной Службы! — голос знакомого Даэва заставляет юношу обернуться.

— Добрый вечер, командующий Рэйвен, — отстранённо и сухо приветствует воин своего предводителя.

— Пройдёмся?

Неожиданный вопрос застаёт Териана врасплох.

— Да, пожалуйста, — кивает он.

Черноглазый черноволосый бессмертный, облачённый в чёрный камзол и чёрные сапоги, бренча длинным клинком чёрного цвета, медленно шагает по мостовой столицы Эйрона. За ним неуверенно ступает молодой человек, одетый в неприметную одежду обычного жителя этих краёв.

— Ночь нынче дивная, — замечает Рэйвен. — И тихая, что удивительно. Наверное, впервые за три месяца. Как считаешь? — он, приподняв бровь, оборачивается на спутника.

Увидев на себе взгляд Даэва, юноша опускает голову и робко отвечает:

— Наверное.

— Что ж, вчера все мы пережили странную и ужасную напасть. Что ты об этом думаешь?

Вопросы командующего кажутся юному воину странными, но он не может молчать, когда к нему обращается Даэв.

— Это было очень... Сердце сжимается, когда вспоминаю, что мы сделали с ними.

— У настоящего воина не должно быть сердца, — продолжает бессмертный. — Так нам велел лорд Неджакан. Но леди Ариэль лишь посмеялась над его словами, сказав, что без сердца невозможно совершать великие дела.

Слегка дрожащая гладь широкой реки, разделяющей город на две части, играет в свете Башни Вечности. Отсюда её подножия не видать, но величественный ствол её озаряет тусклыми холодными лучами все уголки Атреи.

— Я к чему этот разговор завёл, — тон Даэва становится серьезнее. — Ты же был знаком с юношей по имени Лекас, да?

Териан замирает. Перед глазами вновь мелькает то мгновение, когда они вдвоём скользили по льдине, а потом...

— Не молчи. Знаю, что был. Адайос, начальник Санктума, рассказал. Я тоже знал того юнца. Правда ещё совсем маленьким. Когда в Теобомосе...

— Я слышал от него, — перебивает бессмертного Териан.

Рэйвен вдруг останавливается и удивлённо смотрит на молодого человека. Перебивать Даэва, да ещё своего командующего, было гранью неуважения. Но юноша не хотел обидеть бессмертного. Просто он не желал вспоминать то, что так хотел забыть.

Рэйвен молча продолжает шаг, сложив руки за спиной.

— Ты был его лучшим другом. Мне очень жаль, что так произошло. Честно, жаль. Я знаю, что перед лицами людей Даэвы должны быть черствы и безжалостны. Это правильно. Но я тоже чувствую скорбь, когда вижу, как сотни и тысячи жизней уходят в Эфир из-за проклятых балауров.

Слышать от Рэйвена такое было странно. Все недолго любили этого Даэва из-за высокомерности и отсутствия жалости и милосердия к своим воинам и людям вообще. Он называл их смертными крысами и мясом для жарки, ухмылялся над гибелью мирных жителей. Даже детей и женщин.

Териан ничего не отвечает. Он молча смотрит на брусчатку, из которой была выложена мостовая, и крутит в голове своё прошлое: начиная от начала учёбы в Санктуме и заканчивая вчерашним днём.

— Твой легат говорил, что ты отчаянно сражаешься. Отчего так? Не боишься смерти? Или тебе уже нечего терять?

Юноша не понимает, отчего Рэйвен уделяет столько внимания его персоне, ведь он никогда не общался с обычными legionaries. Что он задумал?

— У меня есть родные в Фоэте, — говорит Териан, не поднимая глаз с брусчатки. — Не знаю, почему, но мне хочется бежать вперёд в сражения. Наверное, это глупо. Глупо желать, чтобы почти тысячелетняя война окончилась.

— Она кончится, — кажется, Даэв ехидно улыбается. — Очень скоро... Ты не ответил мне.

— Прошу прощения, — виновато произносит юноша. — Мне есть, что терять, но я не боюсь смерти.

— Не бояться смерти только безумцы или бессмертные.

— Возможно, я безумец... — Териан напрягает скулы, ожидая услышать острый ответ от командующего. Но вместо этого Даэв говорит совсем другое.

— Мы с твоим легатом побеседовали. Мне очень нужна ещё одна центурия, и я, как ты знаешь, всегда лично набираю воинов в свои отряды.

Териан, наконец, поднимает глаза.

— Но ведь Ваш легион полностью состоит из Даэвов, — удивлённо говорит он.

— Не глупи. Ты прекрасно понял, что я тебе предлагаю.

Юноша устремляет взгляд на Башню Вечности. Почему-то он вспоминает родителей, друзей из академии и Сиару, его возлюбленную, к которой он так давно обещал вернуться.

— Чего ты молчишь? — вернув грозность в голос, спрашивает Рэйвен.

— Почему я? Неужели центурионы...

— Я уже сказал, что мне нужна ещё центурия. Значит, придётся набрать тридцать Даэвов. С леди Сиэль я поговорил — она не против новых Перерождений. В битвах с балаурами крылатые бессмертные воины намного лучше смертных крыс. Тем более как она может отказать мне?..

Териан вновь узнаёт в своём командующем прежнего Рэйвена. Всё-таки он действительно тот лицемерный ублюдок, каким его все считают. И всякие разговоры о скорби и жалости — лишь отвлечение внимания.

Юноша не желал становиться Даэвом. Он хотел, чтобы война как можно скорее закончилась, а потом вернуться к Сиаре и родителям. Из-за этой жажды он и бросался в бой с такой яростью. Видимо, это и заметил его легат, а потом передал Рэйвену. Что уж тут говорить, он бы проигнорировал его слова, как и всегда, если б не узнал, что Териан был знаком с Лекасом. Получается, Рэйвен не узнал бы о Териане, если б не Лекас.

Почему командующий привязался к Лекасу за время их недолгого путешествия — так и осталось загадкой. Наверное, потому что мальчиком двжила месть и он клялся вернуться в Теобомос и перебить там всех ящеров, а Рэйвену это понравилось. Он обожал самоотверженность и агонию в сердце, это факт.

Териан вдруг представляет, что будет, если он согласится на предложение командующего, хоть и не до конца верит в него. Придётся отказаться от прошлой жизни, ведь Даэва ничто не должно отвлекать от возложенного на него святого бремени. Юноша чувствует, что не хочет терять близких, предавать клятвы и обещания, но его мысли прерывает Даэв.

— Я что, в игрушки с тобой играю? Я не буду уговаривать тебя идти со мной, как глупую девчонку из деревни раздвинуть ноги на сеновале. Не хочешь быть бессмертным и иметь крылья за спиной — катись к балауру и не трать больше моё время.

— Я согласен, — вдруг произносит Териан и ловит себя на том, что даже не хотел этого говорить. Само вырвалось.

— Естественно, согласен, — усмехается Рэйвен. — Ты же не идиот отказываться от такого шанса. Всё, топай в казарму и думай над именем. Через неделю у нас корабль в Сиэлу.

На этих словах командующий резко поворачивает и идёт обратно, оставляя юношу одного в недоумении. Териан провожает Рэйвена взглядом и смотрит на гладь реки.

«Что же я наделал? — думает юный воин. — Я не готов. Нет, я не готов!»

Он резко оборачивается и ищет в темноте силуэт Даэва, но того уж и след простыл. Териан сжимает кулаки и стискивает зубы от подступающего внутреннего гнева.

— Как я мог?.. — шипит он.

Юноша хочет побежать вслед Даэву и сказать, что был не прав и не готов становиться

бессмертным, но он понимает, что после этого можно смело ставить точку на карьере воина, а в будущем — офицера.

Грусть и радость. Перерождение — то, чего желает каждый мальчишка. Это — то, ради чего свершаются великие поступки. Это — то, о чём рассказывают мамы ещё с колыбели. Это — великая честь, которой удостоен не каждый. И большая ответственность. Перерождение — награда за совершённые дела, за отвагу, честь и мудрость. Но Териану нечем было похвастаться. Он прожил совсем мало, и на его счету нет великий свершений. Тогда зачем ему эта награда, если он её не достоин?

Конечно, юноша понимает, что сейчас Даэвами делают всех, кто хоть чем-то выделяется из остальных. Такова нынче нужда в крыльях, как говорят опытные полководцы. И в том числе из-за этого на душе Териана становится тяжело.

Одно мимолётное необдуманное слово — но даже оно способно так сильно изменить жизнь. Навсегда. Юный воин прокручивает в голове последние слова Рэйвена. Бессмертный командующий велел ему выбрать имя, которым он будет называться после Перерождения. А он его уже давно выбрал...

В голове кавардак. Териан Лекас всё ещё стоит в боевой стойке, сжимая рукояти эспадонов, но мысли его далеко. Сознание отрезвляет свист за спиной. Даэв машинально уворачивается от пущенной сзади стрелы и вдруг удивляется тому, что снова может чувствовать врагов у себя за спиной.

«Чутьё вернулось? — недоверчиво задаёт себе вопрос бессмертный. — Но почему?..»

Снова иная картина. Храм Сиэлы, украшенный, казалось бы, круглый год, теперь не так ярок, каким был раньше. Впереди у алтаря стоит Верховный жрец и читает молитву, которую Териан слышит за сегодняшний день уже не первый раз. У ног священника склонился такой же молодой парень, который вот-вот обретёт крылья. Териан сжимает кулаки. Он — следующий.

Юноша оборачивается — за ним стоит ещё с полтора десятка ребят, избранных Рэйвеном. Все волнуются, переживают — это видно. Но взгляды их как никогда холодны и решительны. Вот она — их судьба.

— Помнишь меня? — вдруг слышится голос в голове.

Териан оборачивается. Силуэты людей, здания — всё размывается и пропадает. Он остаётся один в пустоте, по которой размазан нечёткий солнечный свет. Асмодианин глядит перед собой и крепче сжимает мечи в руках — перед ним стоит не кто-то, а он сам — в точно такой же броне, шестью клинками и острым взглядом, светящимся ярким зелёным огоньком.

— Кто ты? — скалясь, задаёт вопрос бессмертный.

Второй лишь слегка щурится и говорит:

— Я — это ты.

— Ты — не я! Это ты предал меня... Это ты лгал мне все эти годы!

— В таком случае, ты лгал сам себе... — спокойно отвечает Териан номер два и медленно начинает идти к первому.

— Стой! — говорит первый и вытягивает меч, прислоняя к глотке второго. — Не подходи ко мне...

— Ты принял мою помощь однажды. Так не отторгайся и впредь.

Взгляды Даэвов встречаются.

— Я больше не в твоей власти... — говорит первый и бросает мечи в сторону. — Ты забыл, что я был магом? — в руках мужчины начинают светиться огненные шары.

Второй лишь ухмыляется. Почему он так спокоен?

Вдруг его силуэт растворяется в чёрной дымке. Териан не успевает ничего понять или сделать. Он слышит только холодное дыхание за спиной, а грудь сковывает режущая боль.

— Прости, Лис... У нас осталась последняя жизнь. И я не хочу доверить её тебе.

Призрак вынимает лезвие из груди Даэва. Тот падает на колени, прислонив руку к ране.

— Нет... — шипит он, захлёбываясь кровью. — Это у тебя осталась последняя...

В глазах темнеет. Голова раскалывается, а сознание не понимает, что происходит. «Всё позади... — доносится из недр души. — Всё позади...»

Сто тридцать пять лет назад.

Белуслан.

Ветер стонал, словно Айон приковал его к вершинам этих незнакомых гор. Мужчина стоял совершенно один на такой высоте, на которую раньше никогда не взбирался. Зачем ему было отправляться сюда? Здесь не было монстров, подобных тем, что оккупировали леса неподалёку от Кинунгапа, тут не было того, чем можно было пожить.

Тут не было никого.

Лишь только птицы и мерцающие изумрудным светом кристаллы, застывшие в воздухе, как в янтаре. То истекающий из Башни Вечности и просачивающийся через ведущие в Бездну врата Эфир, который кристаллизуется годами, увеличиваясь в размерах.

Буквально вчера кто-то из банды рассказывал ему, что силы одного такого кристалла достаточно для зарядки предмета магической энергией на несколько тысячелетий. Неужели он тут для того, чтобы достать один из таких изумрудов? Но как? Он стоял в тонкой одежде, которую насквозь пронизывал холодный ветер, на площадке размером в пару квадратных метров, а со всех сторон — отвесная скала.

— Лететь. Как тогда...

Ветер дикий и необузданный. Это он говорит ему?

— Куда лететь?

— На это не нужно ответа.

Ветер трепал его волосы и срывал тунику.

— Я знаю тебя?

— Конечно...

Мороз прошёл по коже. Но не от ледяных капель дождя, начавших срываться с тяжёлых туч, которые нависли в каких-то сотнях метров над головой.

Он по-прежнему был один. Он. Ветер. Дождь. Скала. Эфир. Тучи. А ещё он — тот, кто говорил с ним. Тот, кто говорил через него.

— Кто ты?

— Я — это ты...

Изумруды Эфира, пульсируя, поплыли перед глазами.

— Это все нереально. Тебя здесь нет!

— Если нет меня, тогда и тебя тоже нет...

Дышать стало сложнее, словно кто-то забирал кислород, который он вдыхал.

Он хотел было ослабить шнуровку на тунике, но руки ему не подчинялись. Ему надо было сесть, но ноги оставались каменными.

— Что? Что тебе от меня надо?! — заорал он что было сил, чувствуя, как горло, уста и язык тоже перестают подчиняться.

— Ничего, — тихо прошептал он, сидящий где-то внутри. — Я давно уже ничего не хочу. Но я хотел одного. Покоя. А теперь мне уже всё равно.

Кристаллы Эфира сияли подобно раскалённым уголькам, заливая небо бирюзовыми тонами.

— А ты? Чего хочешь ты, Лис?

— Я Териан... — мужчина не утверждал, а, скорее, спрашивал.

— Верно... Ведь я теперь ты, а ты теперь я...

Он чувствовал, как горит его кожа, но в тоже время его знобило и трясло, как в лихорадке.

— Но выбор за тобой. Я исполнил своё предназначение, а ты ещё должен выбрать путь.

Небо горело зелёным огнём. Ветер сотрясал горы, а тучи, разорвавшись на части, хлынули ливнем. Блестящий камень на груди прожигал кожу.

— Я часть тебя, но не больше. Ты часть меня, но неподвластно. Ты доверился мне однажды, но не ограждайся теперь.

— Зачем? Зачем я тебе нужен? Почему именно я?

— Зачем глазам нужен свет? Зачем словам нужен звук? Зачем любви нужно сердце?

Кристаллы Эфира таяли и расплывались, заполняя воздух. Капли дождя стали маленькими острыми изумрудами, что осыпали мужчину. Камень, словно второе сердце, бился на его груди.

— Я Лис! Я Териан!

Его руки сжались в кулаки так крепко, что ногти впились в кожу. Мышцы напряглись, и крик сотрясал каждую клетку сознания, словно в нём должен был родиться некто новый.

Эфирный дождь хлестал по коже, заворачиваясь воронкой вокруг тела.

— Я Даэв!

Он помнил, как громадные чёрные крылья распахивались за его спиной, разрывая одежду. Он знал, как нужно летать. Он вспомнил детство: когда он бегал в лес, вооружившись деревянным мечом в Фоэте, не ведавшей тогда разрушений. Он видел себя юношей, который перерождается в Сиэле. Он чувствовал и себя, прожившего столько лет в Белуслане, и себя, сгорающего в огне столетий.

— Я Даэв! — опять кричит он, и ветер соглашается с ним, разнося его голос по всей долине.

Он хочет оттолкнуться от каменной платформы и взмыть в небо.

«Даэв! Даэв! Даэв...» — эхом повторяют горы.

Он чувствует, что летит сквозь тучи, и потоки Эфира пропитывают его крылья, но то лишь иллюзия. Слишком реалистичная и желанная иллюзия.

— Я — это ты. И ты стал мною, — шепчет он, но отвечать уже некому, потому как он более не разделён на части.

Значит, он та самая легенда? Он — исполнение пророчества?

Он тот, кто «пал, но не умер».

Он тот, кто «был выслан, но остался».

Он тот, кто «пришёл с новым сердцем, но прежним сердцебиением».

Он тот, кто «заново познал то, что знал всегда».

И он «соединит север с югом, а смерть делает новой жизнью»...

Не останавливаясь ни на мгновение, он пытался мысленно обогнать ветер. Он взглядом облетел горы в знак уважения к ним.

Эфир. Его здесь было столько, что он мог бы вечно находиться в небе. Он ощущал себя Даэвом, адептом Айона, способным пропускать Эфир через себя, как люди пропускают кислород через лёгкие, наполняя им кровь. Все то, о чём он читал месяцы, стало понятным, жило в нём. Сейчас ему уже не нужны были тренировки, в которых способности проявлялись за его сознанием. Отныне он контролировал их, и ладони горели от желания взять меч и ринуться в бой с балаурами.

Наши дни.

Пандемониум.

Легионер из городской стражи нашёл военачальника в холле новой ратуши.

— Господин Видар! — закричал акан, махая в руке запечатанным письмом.

Мужчина обратил внимание на воина и пошагал к нему навстречу. Многочисленная охрана тут же среагировала и обступила своего командира. Теперь рядом с легионером стояло с десятков экипированных в броню лбов, а из недр этой толпы протискивался сам правитель.

— Вам письмо, господин Видар. Шиго передали, — акан поклонился и протянул конверт.

Военачальник молча схватил послание и велел воину идти. Тот поклонился ещё раз и поспешил скрыться с глаз.

— Элийская печать... — заметил правитель, рассматривая конверт.

Видар ловко порвал печать с гербом Элиоса и достал изнутри сложенный лист бумаги. Он развернул его и принялся читать про себя.

«Господин Видар!

Нам нужно обсудить некоторые весьма важные вещи, касательно совместной операции в Белуслане. Я выслал в Пандемониум своих агентов и надеюсь, что Вы примите их. Они будут излагать мои предложения и требования.

Да озарит Ваш путь Свет Айона.

Фаметес, правитель Элиоса».

===== Часть 7. Глава 2. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 2.

Отредактировано.

Три дня спустя.

Белуслан.

Териан Лекас стоял на крыше трёхэтажного жилого дома и молча смотрел на стены крепости. Элийцы и асмодиане давно взяли под контроль окраины города. Только крепость в его центре оказалась неприступной. Безмолвные продумали всё: ни один дюйм стены не остался незащищённым. Подступить было практически невозможно, даже учитывая численное преимущество захватчиков.

Войска Видара и Фаметеса сражались с двух флангов, но безуспешно. Сегодня Квасир и Териан условились попробовать новую тактику, а именно общими силами атаковать ворота у западной башни. Ход рискованный, но попытаться стоило.

Наступали сумерки. С приходом темноты элийцы и асмодиане должны будут биться вместе против Безмолвных.

Покой Териана нарушили лёгкие шаги позади. Он узнал гостью сходу, даже не оборачиваясь.

— Ты последние дни сам не свой. Скажи, в чём дело, — голос Трисс был холоден, но одновременно заботлив, что вызвало у мужчины лёгкую настороженность.

— Со мной всё в порядке, — грозно пробормотал он, нахмурившись.

— Думаешь, что у тебя не получится? — девушка подошла ближе.

Териан не выдержал и обернулся.

— С чего такой интерес? Кажется, ты мне не доверяешь, — огрызнулся он.

— И пускай. Но мы бьёмся на одной стороне, и ты, к сожалению — мой командующий сейчас, раз Невме нездоровится... — девушка встала почти вплотную к асмодианину. — Ты нервничаешь, а в войне нужен трезвый ум... Я могу помо...

— Простите, — мужской голос прервал Трисс.

Даэвы тут же обернулись. На крышу поднялся легионер с донесением от Квасира. — Вот, это Вам, — он передал записку асмодианину и поспешил удалиться.

Белатрисс отошла от мужчины и внимательно смотрела, как тот читает содержимое.

— Ну что там? — наконец, спросила она.

— В полночь... — пробормотал северянин, разорвал записку на несколько частей и бросил прочь. — Нужно сообщить легатам.

Трисс потупила взгляд и снова шагнула к Териану.

— Тебе нужно отвлечься и... расслабиться.

Мужчина удивлённо посмотрел на волшебницу.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что идёт война, но с тех пор, как ты побывал в плену у балауров, что-то изменилось в тебе. Сначала я думала, что ты стал более человечен, но по последним дням... Ладно... Это подождёт... — не поднимая глаз, промолвила она и медленно направилась к лестнице вниз. — В общем... иди за мной, я покажу кое-что.

Мужчина недоверчиво покосился, но всё же последовал за голубоглазой бессмертной.

Все эти дни Эви держали в укреплённом подземелье крепости Белуслана. Её истезали, били, целыми сутками не давали ни еды, ни воды. Говорят, к пыткам быстро привыкаешь. Чушь. Особенно, если ты хрупкая слабая девушка, которая всю жизнь прожила в роскоши и комфорте. Девушка сначала кричала, рыдала, умоляла, чтобы всё прекратилось, но, видимо, асмодиан это только заводило. По истечению нескольких дней страданий Эви перестала плакать и просить о пощаде. Это было бесполезно. Оставалось только терпеть.

Безмолвные знали, что девушке нечего рассказать им полезного, поэтому она была им по сути без надобности. Но по личному приказу Слутгельмира Эви должна была жить, ибо у него были на неё планы. Хотя он как-то намекнул, что даже мёртвой от девчонки будет прок. Аканы, видимо, поняли это слишком буквально.

Стражники и надсмотрщики — жестокие люди, особенно когда видят перед собой заведомо слабую жертву. Они тут же превращаются в неистовых собак, жаждущих добычи. Но подобно хищникам, чувствуя своё превосходство, они сначала решают поиграться с невольницей, дабы растянуть её мучения, а затем снисходительно сжалиться и позволить ей умереть. Так и планировалось в этот раз. И, судя по всему, терпеть оставалось недолго.

Но в этот день всё было иначе. Вместо побоев и пыток двое стражников отвели Эви в верхнюю часть подземелья, отмыли её, обработали раны, перевязали, одели в приличную одежду и повели обратно в камеру. Там её ждало несколько асмодиан. Все, кроме одного, были облачены в привычные доспехи с пауком на груди, а последний был в чёрной тунике без брони и шлема. В темницу принесли масляный фонарь и поставили около входа. Девушку затолкали внутрь. Она, как всегда, забилась в свой угол, ожидая новых пыток. Но всё пошло иначе. Выделяющаяся фигура махнула рукой, и остальные аканы покинули камеру, заперев их с гостем внутри. Тогда мужчина вышел на свет, и Эви разглядела на его лице знакомую ухмылку.

— Это Вы! — воскликнула она так громко, как могла.

Гость потёр когтистые лапы и подошёл ближе.

— Не бойся, — высоким голосом промолвил он. — Я не причиню тебе боли.

Ему показалось, что элийка хихикнула. Ему! Верховному Судье и практически правителю Асмодеи! С лица мужчины в тот же миг исчезло добродушие, уступив место ярости и негодованию.

— Ты, глупая девчонка! — зарычал он. — Смейся больше. Но ты даже не представляешь, что я могу с тобой сделать, если захочу.

— Я уже третий раз в плену у асмодиан... Болью и лишениями меня не удивить.

— О, ты ошибаешься... — в свете лампы засияли блестящие клыки Слутгельмира. — Всегда можно придумать что-то более изощрённое.

— Зачем Вам пытаться меня? Я бесполезна для Вас. Лучше убейте меня поскорее, чем...

— Ну почему бесполезна? — мужчина зашагал по камере, сложив руки за спиной. — От тебя в любом случае есть толк. Как-то я написал про тебя Териану Лекасу, и он вскоре явился. Да ещё с армией! О-хо-хо, какие страсти. Прямо сюжет для романа наклёвывается... А убить я тебя всегда успею, уж поверь на слово.

— Значит, я наживка? — тихо промолвила Эви, устремив взгляд в шершавый пол её темницы.

— Да, и пока ты замечательно играешь свою роль... — асмодианин подошёл к пленнице и провёл когтем по щеке. — Вот только ссадины и гематомы пускай пройдут, а то я не очень-то хочу видеть оскал твоего зеленоглазого дружка.

Слутгельмир ухмыльнулся и вновь стал важно расхаживать туда-сюда.

— Я что-то забыл, зачем пришёл... Ах, да! — вдруг воскликнул он. — Мне от тебя нужно узнать всего одну вещь... Сколько всего жизней осталось у Териана Лекаса?

Эви округлила взгляд. Конечно, она знала ответ, но говорить его злейшему врагу своего возлюбленного не собиралась и под страхом смерти.

— Ну же, не стесняйся... Или мне попросить по-другому?

Девушка лишь бросила на асмодианина презрительный взгляд.

— Три? Две? — не унимался Судья. — Или последняя?

На этом слове Эви невольно спрятала взгляд и тут же закрыла лицо руками. Она поняла, что только что выдала тайну. Слутгельмир звонко засмеялся.

— Значит, всего одна... — ухмыльнулся асмодианин. — Ну и умничка! А ты не хотела говорить... Кстати, мои чудесные разведчики сообщили, что сегодня нам предстоит вновь обороняться от этих бездарей... Ведь у вас, элийцев, так говорят? Ну, неважно. Представь, что крепость — это театр. А это, — Судья постучал ногой по полу. — Сцена. И мы все здесь актёры. Даже они, — он махнул головой в сторону стражников, безмолвно ожидающих за

решёткой. — В общем, тянуть не буду, Эви... Сегодня ночью наш с тобой сольный выход...

От ехидной ухмылки Слутгельмира элийке стало не по себе.

«Что опять задумал этот безумец?» — пролетело у неё в мыслях, но ответ она вряд ли получит до того момента, как начнётся первый акт...

Несколько часов спустя.

— Бежим! Быстрее! — факелonosцы элийцев выстроились по правому флангу.

Вскоре такое же море огней приблизилось с противоположной стороны. Незнакомый говор донёсся из рядов асмодиан. Наверное, это было знаком к началу построения.

С двух сторон, дружно стуча металлическими сапогами, сбегались воины Элиоса и Асмодеи. Между ними было всего несколько метров. Одна оплошность, одно словцо или неаккуратный жест, и начнётся потасовка. Но офицеры строго-настрого запретили смотреть в сторону иноземных соседей. Не хватало только стачки в самый ответственный момент.

Десять минут ушло на построение. Ещё десять на проверку боеготовности и дачу последних указаний. На укреплённой крыше одного из ближайших зданий города стояли четверо: Квасир, Кенсаи, Териан и Белатрисс.

— Безмолвные знают о штурме, — промолвил по-асмодиански Квасир. — Я казнил двух их диверсантов. Уверен, что среди нас есть ещё информаторы.

— Не сомневаюсь... — буркнул Териан.

— Где элийка? — спросил легат первого легиона Пандемониума. — Та смертная, что командовала вами.

— Она болеет и находится у себя в покоях, — ответил зеленоглазый Даэв. — Её обязанности с этих пор исполняем мы вдвоём: я и Белатрисс.

Девушка встрепелулась, разобрав среди непонятного наречия своё имя.

Кенсаи шагнула к Териану и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Наверное, удобно управлять элийцами, правда? — с издёвкой в голосе спросила она. — Никакой ответственности, но и чувство такое приятное, да? Когда враги подчиняются твоим приказам...

— Кенсаи! — прикрикнул на неё Квасир, и женщина тут же замолчала. — Териан Лекас, пусть мне и неприятно говорить с тобой, но раз это приказ господина Видара... План не изменился: снаряды, штурмовые отряды — на стены, а затем тяжёлая пехота расчищает путь. Внутри крепости ваша задача — взять под контроль все сооружения с юга. На мне — всё остальное. Даэвы вступают в бой, как только будет опустошён боекомплект. Вопросы есть?

Териан видел в глазах Квасира искреннюю неприязнь и даже ненависть. А также сильную волю, что сдерживала эти чувства.

— Всё предельно ясно, — кивнул Териан Лекас.

— Хорошо. Тогда начинаем.

Квасир раскрыл крылья и прыгнул с крыши, полетев к своим отрядам. Бросив какой-то странный взгляд, за ним последовала и Кенсаи.

— Что-нибудь интересное? — спросила Белатрисс, встав лицом к лицу с асмодианином.

— Нет, — буркнул он и подошёл к краю.

— Да, и то, что было...

— Забудь. Позже обсудим, — перебил её Териан и раскрыл крылья.

— Нет, дружок. Не забуду... — ухмыльнувшись, прошептала Трисс, когда мужчина уже парил над легионами элийцев.

Через две минуты была отдана команда к началу штурма. Громко свистя, в воздухе запылали горящие шары, пущенные из осадных катапульт. Раскалённые каменюги с оглушительным треском бились о стену и башню, раскалываясь на куски и падая вниз. Из крепости слышался звон колоколов — боевая тревога. По стенам тут же забегали лучники, пытаясь не оказаться на пути огромного снаряда.

Около получаса продолжался обстрел. Основания башни удалось повредить — она накренилась и держалась уже, можно сказать, на честном слове. С новым снарядам, угодившим в крышу, она полыхнула, словно спичка. Это значило, что стреломётов у защитников больше нет. Можно раскрывать крылья.

По звуку горна в воздух взмыли около сотни разноцветных крыльев. Чёрные и белые перья смешались в ночи и гудящей тучей полетели на крепость. Лучники на стене дали залп — несколько бессмертных не смогли увернуться и рухнули вниз, но уже через несколько секунд стало понятно, что потери Безмолвных намного серьёзнее.

Териан Лекас не пожелал оставаться в тени и полетел вместе с остальными. Но крылья подняли его значительно выше, и летел асмодианин вовсе не за лучниками повстанцев, а за своим главным врагом — Слутгельмиром.

Мужчина на полной скорости перелетел через стену, оставив стаю Даэвов позади. В центре крепости высилась ещё одна башня, и путь Териана лежал именно туда, но лететь к ней было опрометчиво — вряд ли опытные стрелки не заметят приближающуюся к ним чёрную фигуру и не пустят с пару десятков металлических стрел из огромного самозарядного арбалета, венчавшего крышу дворца военачальника.

Асмодианин вывернул крылья и шпопором приземлился на крышу арсенала, который уже давно опустел. Конечно, аканы Безмолвных, снующие повсюду, заметили его, но здесь он был вне досягаемости — вряд ли кто-то умеет стрелять через крыши.

Сбросив крылья, Териан побежал к краю здания. Нужно было перепрыгнуть на соседний дом, и потихоньку двигаться дальше. Разогнавшись, он оттолкнулся одной ногой от карниза и, сильно ударившись животом о металлический слив, уцепился руками за элементы крыши. Потянувшись, мужчина забрался наверх. Одна преграда преодолена.

Чутьё завопило об опасности — рядом стражники. Териан присел и стал тихо забираться по покатой крыше к центру здания. Оказавшись наверху, асмодианин сощурился и незаметно достал из ножен даггер: в метре спиной к нему стоял страж и наблюдал за тем, как мерцает небо от такого количества чёрных и белых крыльев. Даэв подкрался незаметно и ловким движением перерезал невнимательной жертве горло. Тело рухнуло на наклонную поверхность и покатилося вниз, громко брэнча доспехами.

«Слишком неосторожно... — мысленно отругал себя Териан. — Уже слышали...»

Он оказался прав — с ближайшей башенки в него полетела меткая стрела, которая должна была пронзить торс мужчины, если бы он не отпрыгнул в сторону буквально за миг до этого. Териан успел посмотреть на стрелка. Глаза Даэва запылали красным. В ответ на это акан оскалился и зарядил в тетиву новую стрелу. Бессмертный отреагировал моментально и бросился с места. Он подбежал к краю здания и спрыгнул вниз. Стрела пролетела в сантиметрах от него, но не задела.

Даэв перекатом приземлился у кромки ещё одного строения. Из-за угла доносилось много голосов.

«Строй аканов... — догадался он. — Бегут к воротам».

Териан знал, что лучник ещё ищет лазутчика и вот-вот объявит тревогу, поэтому двигаться надо было быстро, и бессмертный пошёл на отчаянный шаг. Он вздохнул и вышел навстречу толпе. Даэв решил, что вдруг его не заметят, ведь он ничем не отличался от легионеров — чёрные доспехи, ну и что, что шесть мечей... Но светящиеся глаза... Териан сощурился, как мог, и это, кажется, сработало: он прошёл сбоку от строя асмодиан, и никто даже его не окликнул. И только в последнем ряду кто-то из аканов разглядел у прохожего предательски горящие глаза.

— Эй! Ты кто такой? — послышалось сзади.

Это было знаком к бегству — ничего другого не оставалось. Териан рванул прочь в тот же миг. Он надеялся, что успеет добежать до ближайшего угла, пока аканы мешкают и разворачиваются.

Впереди — несколько больших деревянных ящиков. Если что, он сможет за ними скрыться. Два метра до прыжка. И тут время замедляется, а зрачки расширяются. Териан почувствовал, как сзади четверо натягивают тетиву и уже целятся в незваного гостя. Он ощутил, в какие места угодят их стрелы, если ничего не предпринять.

Рывок в сторону. Прыжок. Две стрелы летят мимо. Даэв выворачивает спину, как профессиональные прыгуны во время преодоления очередной планки, и ещё одна стрела, жужжа, пролетает в сантиметре от подбородка. Териан кончиками пальцев отталкивается от ящика. Наконечник четвёртой вонзается между мощными руками бессмертного. Группировка и падение. Есть. Мужчина на несколько секунд в безопасности.

Даэв моментально оценивает, куда бежать дальше.

«Нужно добраться до угла здания, оттуда к дворцу военачальника ведёт переулок...» — вспоминает воин.

Секунда на промедление — и вперёд. Сзади к нему уже бежит с десятков аканов, остальные медлят. Даэв слышит скрип тетивы. Но он успеет. Как всегда.

Прыжок в сторону — тёмный узкий переулок между двумя высокими зданиями ведёт к арке, за которой открывается задний двор дворца военачальника.

«Балаурскую душу! Тревога... — раздосадованно скалится Териан, когда слышит звук колокола где-то сзади. — Всё-таки успел предупредить...»

Асмодианин сразу вспоминает про того стрелка на башне, но делать уже нечего. Придётся как-то пробиваться.

Около арки, до которой остаётся два десятка метров, материализуются трое стражников, которые полностью загораживают весь проход. Они выставляют перед собой щиты и поднимают над головами блестящие в ночи клинки.

— Быстрее! Он уходит! — доносится сзади.

Териан Лекас не оборачивается — он знает, что за ним бежит целая орава стражи. А впереди — преграда.

Когда до троицы аканов остаётся пара метров, Даэв резко прыгает на стену здания, отталкивается от неё ногой, затем — от другой, и вот он уже пролетает над головами удивлённых стражников. Приземление перекатом, миг на оценку обстановки: перед воином открывается убранство заднего двора дворца. В темноте различимы лишь силуэты зданий, но становится ясным главное: отчего-то в крепости слишком мало охраны.

Териан рывком поднимается и бежит дальше, ведя за собой хвост из стражи. Он подбегает к высокому решетчатому забору и ловко перепрыгивает через него, оказываясь на

территории дворца. Аканы останавливаются, не в силах преодолеть преграду, и достают стрелы из колчанов — ещё одна попытка остановить быстрого шпиона. Даэв прыгает в кусты и затаивается. Несколько стрел пролетают мимо, затем — ещё несколько. Мгновенно оглядев окрестности, асмодианин находит безопасный путь к стенам дворца. Он начинает медленно красться между клумбами, стараясь не выдать себя уже позеленевшим свечением из глаз.

Но вдруг, когда до стены остаётся десяток метров, Даэв слышит за спиной злобное рычание.

«Собаки...» — пролетает в голове мужчины.

Медлить нельзя. Рывок вперёд. За ним тут же начинают гнаться несколько крупных чёрных псов, охраняющих территорию. Громко лая и рыча, они бросаются на бессмертного. Даэв с разворота успевает полоснуть одному из них по глотке, но второй крепко вгрызается ему в предплечье. Териан падает на землю, прижатый огромной тушей. Он почти мгновенно достаёт из ремней нож и вонзает животному в глаз. Зверь теряет хватку и отстраняется, начиная жалобно скулить. Воин рывком поднимается и кончает с псом, перерезая ему артерию на шее.

Глубокие раны на руке обильно кровоточат, конечность холодеет и немеет, но назад пути нет. Второй рукой Даэв хватается за подоконник и, подтягиваясь, забирается на него.

«На каждом окне решётка... Предусмотрительно...» — думает бессмертный, внимательно изучая стену.

Вдруг сверху слышится звон ключей, и рама на окне второго этажа, скрипя, распаивается. Из помещения выглядывает женское лицо и удивлённо смотрит вниз.

— Опять псы голубя погнали? — доносится звонкий смех изнутри.

Видимо, в комнате несколько человек. Незнакомка вглядывается в темноту и видит застывшего на окне первого этажа мужчину. Женщина ахает, замечая смотрящие на неё яркие глаза, и торопится запереть решётку. Тогда Териан быстро подпрыгивает, уцепляется за выступ над первым этажом и новым прыжком хвастается за раму.

Женщина отбегает от окна, выпучив глаза и раскрыв рот. Асмодианин медленно забирается в светлую комнату и падает на пол. Кровь, стекающая с руки, расплывается лужей на гладком полу покоев. В помещении очень светло. Над головой Даэва звенит из-за сквозняка большая хрустальная люстра. Мужчина хватается когтями за плотные бордовые шторы и поднимается на ноги. Он окидывает злобным взглядом богато обставленную комнату, пятеро молодых красивых асмодианок с роскошными причёсками и в пышных платьях с ужасом прячутся на незваного гостя. Мужчина, громко дыша, идёт к двери, обходя девушек. За ним по ковру и полу следует след из алых капель. Распахнув дверь, Териан слышит нежное:

— Вы ранены, господин? — но игнорирует и, выйдя из комнаты, вглядывается в длинный светлый коридор.

«Направо», — говорит память, и Даэв слушается её.

В конце пустынного коридора мужчина сворачивает к лестнице и торопливо забирается по ней. Ему нужно на верхний этаж; Териан уверен, что Слутгельмир — именно там.

Осторожно выглядывая из-за угла, Даэв видит у высоких арочных дверей двоих стражников.

«Кого-то охраняют. Наверняка, Судью...» — думает воин и решительно выходит им навстречу.

Аканы тут же реагируют и хватаются за начищенные секиры. Здоровой рукой Териан вынимает из ножен эспадон и вертит в ладони. Ядовито-зелёные глаза приобретают красный цвет. Даэв атакует первым. Первый страж парирует атаку Даэва, а второй с размаху пытается вдолбить врага в стену, но промахивается — бессмертный успевает увернуться от мощного удара. Одной рукой драться Териану непривычно, но раненая конечность почти полностью потеряла чувствительность. Извиваясь, как змея, Даэв ранит одного из аканов. Вторым пытается атаковать сбоку, но Териан вовремя парирует и с разворота контратакует, снимая голову с плеч стражника. Первому воину спустя всего миг достаётся сквозной колющий удар по груди — лезвие Даэва ловко протиснулось сквозь металлические пластины. Страж оседает на землю, оставляя на стене кровавый след.

Териан ногой выбивает двери и входит внутрь. В комнате очень ярко — куча свечей и ламп расставлена по всем углам. В кожаном кресле посреди комнаты в окружении четырёх аканов сидит Слутгельмир и, закинув ногу на ногу, попивает из чашки горячий чай. Он замечает гостя и, довольно хмыкнув, ставит блюдце с чашкой на столик. Изобразив ехидную ухмылку и застучав когтями по резным подлокотникам, Верховный Судья говорит:

— Долго тебя не было, дружок. Я уже успел заскучать.

Териан сжимает меч крепче и решительно направляется к Слутгельмиру.

— Не так быстро! — тот выставляет перед собой ладони, и Даэв останавливается. — Полагаю, нам стоит сначала немного побеседовать. Ты не против?

— Против, — отрезает воин, но это никак не отражается на довольном лице Судьи.

— Я настаиваю... — улыбается главарь Безмолвных. — Нам с тобой столько нужно обсудить!

— Ты уже не успеешь ни с кем ничего обсудить в этой жизни, Слутгельмир. Скажи своим олухам бросить оружие и, быть может, я оставлю их в живых...

— Так ты пришёл за мной? — наигранно удивляется он. — Как это мило... На самом деле, я тоже скучал. Но, честно говоря, я думал, ты пришёл за ней...

Судья кивает головой, и дверь в уборную открывается, а оттуда выходят двое стражников и ведут за собой связанную девушку. Пленница поднимает глаза и, опешив, кричит, что есть сил:

— Териан!

Даэв тратит миг, смотря на бурные эмоции Эви, и вновь переводит равнодушный взгляд на Слутгельмира.

— Я перейду на элийский, ты не против? — спрашивает Судья, ёрзая в кресле. — Спасибо.

— Ты окружён, — суровым тоном говорит бессмертный. — По ту сторону стены больше десяти тысяч солдат. Тебе некуда бежать, Слутгельмир. Всё кончено.

— Хм, что ж, я пока не вижу причин для беспокойства, — как ни в чём не бывало отвечает лидер Безмолвных. — И всё же ты сюда пробрался, хвалю тебя. Скажи, что ты здесь увидел? А, точнее, отсутствие чего ты заметил?

Териану не нравится ухмылка Судьи. Даэв громко вздыхает и говорит:

— Где все люди? В крепости от силы два легиона. Где гарнизон Исагира? Где повстанцы Ривара, в конце концов?

— А вот это, дружок, правильные вопросы, — улыбается Судья и берёт со стола чашку с ароматным напитком. — Взгляни-ка в окно.

По команде босса стражники расступаются и дают дорогу Даэву. Териан бросает на

присутствующих недоверчивый взгляд и подходит к раме. Отсюда прекрасно видны окрестности крепости.

— Что ты видишь? Говори, не молчи.

Териан присматривается и видит, что снаружи крепости идёт напряжённая схватка. Мужчина сначала подумал, что бьются элийцы с асмодианами, которым не удалось сдержать взаимной неприязни, но, приглядевшись, он понимает, что это вовсе не так.

— У Исагира много солдат. Прошлой ночью мне удалось незаметно вывести его гарнизон из крепости. За сутки он обошёл город и зашёл к вам с тыла, — Слутгельмир говорит торжественно, словно чувствуя свою победу.

Териан напряжённо вздыхает и отходит от окна.

— Я не думаю, что у него столько же людей, сколько у элийцев и асмодиан вместе, — поворачиваясь к Судье, отвечает Даэв. — У тебя всё равно нет шансов.

— Не забывай про местных жителей. Им очень понравился идгель... — по лицу Слутгельмира растекается кривая ухмылка.

— Они тоже не сыграют роли... — заключает Териан. — Лишь ненадолго отсрочат взятие твоей твердыни.

Судья делает небольшую паузу и, наконец, говорит:

— С минуты на минуту появится многотысячная армия риваровцев. Я собирал её со всей Атреи. Тогда и посмотрим, кто кого...

Териан злобно щурится. Он понимает, что это может сменить расклад на весах.

— Какая в этом нужда, если с тобой и так всё кончено? — говорит Даэв. — Ты уже придумал свои последние слова перед смертью?

— А она? — к шее Эви тут же приставляют кинжал.

— Териан... — лишь произносит элийка.

Даэв, кажется, даже не замечает этого. Его внимание полностью приковано Слутгельмиром.

— В любом случае, покончив со мной, ты не вернёшь себе жизнь, дружочек. И своей элийской пташке, — напевает Верховный Судья. — Я знаю, что ты теперь смертен. Любая рана способна убить тебя... — он недвусмысленно указывает на кровоточащую руку Даэва. — Смотрю, ты уже тут немаленькую лужицу налил... Или ты думал, что уже завтра сможешь жить со своей ненаглядной где-нибудь в Ферлоне долго и счастливо? Ан-нет. Видишь эти провода?

Слутгельмир махает головой в сторону. Териан поворачивается и видит на полу и стене связки толстых нитей, разветвляющихся по помещению и спускающихся вниз через решётки на окнах.

— Если их зажечь, то уже через полминуты они приведут пламя к крепостной стене и дальше разъедутся по башням, арсеналам, домам... А потом бах! — мужчина показывает руками огромный взрыв. — И нет крепости Белуслана!

Териан напрягает мышцы от этих слов.

— Ты заминировал собственное укрытие? — звучит весьма дико, даже для Слутгельмира.

— А что ещё делать? — удивляется Судья. — В войне все средства хороши. Если будет штурм, погибну не только я, а все... И элийцы. И асмодиане. И ты с твоей девчонкой. Все.

— Главное, что все Безмолвные и фанатики отправятся к балауру на тот свет... — шипит Териан в ответ.

— Ну, рискни! Давай же! Одного твоего неосторожного движения достаточно, чтобы сотни тонн взрывоопасной жидкости взорвались в ту же секунду!

Даэв мешкает. На такую жертву даже он не готов пойти.

— Или ты думал, что такое количество свечей здесь для особой атмосферы? — не унимается Слутгельмир. — Нет, дружок. Если и быть концу, то колоссальному!

— Ты действительно больной на голову... — холодно говорит Териан.

— Приму это за комплимент, — улыбается Судья. — Так что решай, проклятый Даэв: если будет бой — погибнут все, если не будет боя — погибнешь только ты. У нас ведь с тобой старые счёты... А насчёт Эви... Даю слово, что отпущу её: она и так многое здесь пережила. Она вернётся в свой Элиос и будет жить долго и счастливо. Сдавайся, Териан Лекас... — небольшая пауза и новая ухмылка. — А ведь ты прав, дружок: всё кончено.

Аканы-стражники подносят горящие свечи к связке пропитанной горючей смесью верёвок, ожидая действий Даэва. Слутгельмир говорит последние слова как победитель. Он предусмотрел всё. Он прекрасно знал, что воин никогда не пойдёт на такую жертву, особенно Перерождённый. Никогда не убьёт невинных и никогда не позволит умереть своей любви, ради которой он пошёл на предательство. Но Верховный Судья не учёл всего один момент: то, что сейчас перед ним стоит настоящий Териан Лекас. А он, озлобленный от заточения внутри чужой души, может совершить всё, что угодно...

Даэв думает. Бешено прокручивая в голове варианты, он пытается найти третий выход. Да, безусловно, старый Териан Лекас хотел умереть навсегда, но не сейчас — когда он ещё не покончил со всеми своими врагами... и балаурами в том числе.

— Териан... — жалобно стонет Эви. Её глаза давно блестят от слёз, а руки и ноги трясутся. Она знает, что её никогда не отпустят, а будут пытаться дальше ради удовольствия, пока она сама не умрёт от ран или не покончит с собой.

Почему же он на неё смотрит? Почему он так внимательно прожигает глазами довольного Слутгельмира?..

— Всё ещё мешкаешь? — нарушает тишину Судья. — Давай спросим, как бы на твоём месте поступила эта чудесная девочка, — он встаёт с кресла и подходит к Эви. — Ну же, что бы ты сделала?

Элийка ничего не говорит. Она плачет и пытается отвернуться от ухмылки Безмолвного.

— Оу, моя милая... — Слутгельмир нежно проводит рукой по её щеке. — Ты всё ещё любишь его и поэтому не знаешь, как быть? Что ж, давай я немного проясню ситуацию, — он снова плюхается в кресло, закидывает ногу на ногу и продолжает. — Дорогуша, помнишь, как этот храбрый воин спас тебя из темницы Келькмароса? Наверное, он тогда поступил, как настоящий мужчина... Ты, вероятно, думала, что он решил восстановить справедливость и не дать невинным пленникам кануть в небытие вдали от дома? Я уверен, ты сотню раз задавала ему вопрос: почему именно ты... И как же он отвечал? Почему асмодианский Даэв решил вдруг вызволить тебя из лап недругов? А, точнее, своих собратьев?

Эви молчит. Она верит Териану Лекасу и не желает ничего говорить этому безумцу.

— А я скажу, крошка, из-за чего сыр-бор, — не останавливается Судья. — Териан Лекас не собирался спасать тебя, милая. Он вызволил пленников, но знал, что тебя, в конце концов, убьют. Видишь ли, наш Даэв живёт очень и очень давно, и ему вдруг расхотелось жить... Совсем. Убить сам себя он не мог — не получалось. Ну он и решил сделать так, чтобы с ним покончили раз и навсегда. Для смертных, конечно же, всё проще: гильотина или виселица — и все дела, но Даэва для начала нужно развоплотить... А как убедить храм

Пандемониума уничтожить бессмертного? Только предоставить доказательства, что он совершил серьёзный проступок. Предательство родины вполне сгодится.

Эви вдруг переводит взгляд на Териана. Тот всё ещё неподвижно стоит, слегка сощурившись, дышит ровно и смотрит в глаза Слутгельмиру. А Судья меж тем продолжает:

— Ты, дорогая, была нужна ему лишь для одного: поддерживать его спектакль. Для столичной публики он и разыграл сцену, где славный Даэв влюбляется в элийскую девчонку, а потом они вместе сбегают и замышляют планы против Асмодеи. Ты была лишь куклой в его руках. Или ты надеялась, что сердце Даэва растаяло, когда он увидел тебя? Глупышка, таких, как ты, он видел тысячами в своей жизни... И как и они все, ты ему безразлична.

— Териан? — Эви неуверенно зовёт своего бессмертного, но тот словно не слышит её. Он глубоко в своих мыслях и не замечает того, что творится вокруг. — Это правда, Териан?

— Конечно, правда, — отвечает за него Слутгельмир. — Видишь ли, я тоже участвовал в его плане и даже поддержал его в этой нелепой затее, пока мы не стали злейшими врагами... Ну так что, мой вопрос остался в силе. Что бы ты сделала, будь у тебя такой выбор?

— Териан? Териан?! — кричит Эви, и вдруг Даэв обращает на неё внимание.

Мужчина медленно переводит на неё взгляд. Но эти глаза холодны и пусты, в них больше нет озорной искры.

— Скажи, что это не так... Ведь ты тогда сказал...

— Что не правда? — отзывается бессмертный. — Что я использовал тебя? Правда. Чтс мне было на тебя плевать? И это правда. А что ты ожидала? Что я влюблюсь по уши и буду жить с тобой отпущенную мне вечность? Пф-ф-ф, — усмехается он. — Да, я знал, что тебя поймают и убьют. А знаешь, что я чувствовал, когда задумывался об этом? — Даэв держит небольшую паузу, чтобы элийка успела всё переварить. — Ничего.

— Зачем же ты снова меня спасал... — едва слышно молвит Эви.

Её глаза безвольно опускаются. Она хочет заплакать, но не может. Вся жизнь пролетает перед ней, мечты и воспоминания — всё рушится, словно карточный домик под порывом ветра. Она больше не слышит ничего, что происходит в этой проклятой комнате. Только боль где-то в груди... Почему так больно?..

— Ничего себе! — выпучивает глаза Слутгельмир. — Вот это ты дерзко... Даже мне стало жаль бедную девочку. Хотя, нет, конечно же, это не так...

Териан переводит равнодушный взгляд на Судью.

— Я сдаюсь... — едва двинув губами, говорит он.

На лице Слутгельмира появляется прежняя довольная улыбка. Он даёт знак остальным скрутить его.

— И вы двое тоже! — командует он тем, кто держит Эви.

Пара стражников послушно отпускают девушку, та падает на пол, продолжая смотреть в пустоту. Спустя какое-то время, когда Териана Лекаса скручивают и связывают, она поднимает на него глаза и встречает ненавистный сверлящий взгляд.

— Пошла прочь... — шипит он на элийском.

— Ничтожество... — лишь доносится из её уст. Она больше не может сдержать слёз. Эви начинает кричать навзрыд, быстро поднимается с пола и выбегает из покоев Судьи. Териан провожает её взглядом и вновь оборачивается на Слутгельмира.

— Готов сказать «прощай»? — улыбается главарь Безмолвных, видя, как Даэва полностью обездвигили крепкими верёвками.

— Прощай... — скалится бессмертный. Глаза вновь начинают пылать алым.

Одной рукой, привязанной к боку, он хватается за дымовую шашку на поясе и разрывает её когтями прямо в ладони. В глаза Судье и его приспешникам ударяет едкий дым, они падают на пол и начинают кашлять. Этих секунд Даэву достаточно, чтобы когтями разрезать верёвку и освободить руку, а полностью избавиться от пут помогает острый нож.

Териан подходит к Слутгельмиру и с размаху бьёт ему кулаком по лицу, отчего тот отключается. Затем воин перерезает ножом связку проводов у каждого окна, что тянется на улицу, перекидывает тело мужчины через плечо и как ни в чём не бывало выходит из покоев.

По дороге вниз Даэв пытается найти следы Эви. Он несколько раз кричит её имя, но никто не отзывается.

«Дворец почти пуст... Надеюсь, никто из нас не наткнётся на стражей» — пролетает в его голове.

Териан Лекас выходит через главные ворота дворца. Удивительно, но чутьё молчит, значит, здесь безопасно. Мужчина оглядывается: вокруг нет ни намёка на те два легиона, что сторожили Слутгельмира.

— Куда все подевались?.. — спрашивает он себя.

Ответ приходит быстро: у крепостной стены слышны ор и крики, а также лязг оружия и доспехов.

Териан призывает крылья и взмывает вверх, продолжая нести в одной руке тело Верховного Судьи. Даэв набирает высоту и видит следующую картину: войска Фаметеса и Видара бьются с одной стороны с легионами Исагира, а с другой стороны — с многочисленной армией повстанцев.

— Он не соврал... — асмодианин скалится и устремляется вперёд.

Но тут происходит нечто странное: около половины риваровцев отделяется от своей орды и начинает бежать на войско Исагира. Завязывается битва на три стороны. Вскоре все повстанцы, что сражались с легионами Элизиума и Пандемониума, резко меняют цель и начинают атаковать Исагира и его людей.

«Кажется, Слутгельмир просчитался, — проносится в мыслях Териана Лекаса. — Его друзья оказались не такими надёжными, как он ожидал...»

Даэв с важным грузом направляется к штабу Квасира. Он приземляется около палаточного лагеря асмодиан, но искать там легата Клыкков Фенрира нет смысла — он любому сейчас в битве. Тогда Териан устремляется на поле сражения под воротами крепости. Он начинает кружить в небе над стеной и искать глазами знакомых Даэвов. Наконец, он видит внизу Кенсаи — легата седьмого легиона. Она тоже замечает в небе парящую кругами фигуру.

— Он держит в руках... Слутгельмира? — спрашивает она сама себя вслух.

Удостоверившись в своих догадках, воительница начинает протискиваться сквозь ряды легионеров и, наконец, находит в толпе Квасира.

По хитрому взгляду Териана Квасир понимает, что штурм закончился, так и не начавшись. Он приземляется на крышу одного из ближайших зданий, а через минуту к нему присоединяется легат первого легиона.

— Как ты это сделал? — сказать, что Квасир был удивлён — ничего не сказать.

— Вижу, что Исагир долго не продержится... — игнорируя риторический вопрос, говорит Териан. — Повстанцы пришли вовремя... Ставьте ультиматум оставшимся в крепости — они должны сдаться, когда узнают, что Слутгельмир — у нас. И будьте

осторожны: башни и арсеналы заминированы.

Квасир сначала не верит своим ушам, но потом, переварив увиденное, молча кивает и улетаёт прочь. Териан остаётся ждать здесь, когда закончится битва. Его работа выполнена.

Тем временем гарнизон Исагира редет с каждой минутой. Вскоре до ушей Даэва доносится громкое:

— Они бегут! Безмолвные бегут!

Териан поворачивает голову и наблюдает, как несколько сотен асмодиан, побросав оружие, пытаются убежать в отдалённые кварталы города. За ними тут же устремляется целая армия уставших, но разгорячённых и вдохновлённых скорой победой воинов обеих рас.

Повстанцев Ривара окружают. Они молча бросают оружие и сдаются. Вперёд выходит их главарь и перед лицом Квасира лично признаёт власть Пандемониума.

Офицеры асмодиан подходят к воротам и ставят оставшимся в крепости аканам ультиматум: либо они немедленно открывают ворота, сдаются и остаются в живых, либо штурм продолжается, и их стирают с лица земли. Надёжным аргументом является также и то, что сам Слутгельмир теперь находится в плену армии Видара. Недолго думая, и, по-видимому, решив, что воевать больше не за что, последние Безмолвные отпирают ворота крепости Белуслана, и внутрь входит объединённая армия элийцев и асмодиан. Победа. Осада снята.

Пандемониум.

Двери зала новой ратуши столицы Асмодеи открываются, и внутрь входят семеро элийцев: шестеро в броне стражи Элизиума, а один — в особой именной. На головах всех семерых надеты большие расписные шлемы, увенчанные длинными конскими хвостами. Оружие гости оставили у входа — правила приличия.

В центре зала переговорщиков ждёт с десятков аканов Пандемониума, а в центре стоит военачальник Видар фон Хильдер и строгим взглядом осматривает прибывших. Где-то справа за своим правителем сжимает в когтистой руке пергамент опытный переводчик.

Элийцы останавливаются в нескольких метрах от Видара и кланяются. Главарь южан медленно снимает с себя шлем. Из под него показываются длинные, зачёсанные назад желтовато-русые волосы и хитрые глаза сына военачальника Бертрона. Переводчик в коричневом сюртуке выступает вперёд, чтобы лучше слышать элийцев.

Наступает неловкая тишина, которую нарушает Дариус ан Боуэн:

— Добрый день, господин Видар... — доносится из его слегка улыбающихся уст.

===== Часть 7. Глава 3. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 3.

Отредактировано.

На следующий день.

Крепость Белуслана.

Белатрисс прощмыгнула в покои офицеров во дворце Белуслана — там отдыхали Даэвы, легаты и центурионы. Легионеров разместили по казармам, складам и арсеналам — места в просторной крепости хватило на всех. Девушка осторожно приоткрыла уже знакомую ей дверь. В небольшом, но светлом и богато обустроенном помещении около окна стоял Териан Лекас и читал какую-то записку. Возле двери его приказов ожидал молодой посыльный. Но Териан пока молчал.

— Можно? — спросила волшебница, стоя в дверях.

Асмодианский посыльный вежливо отошёл, чтобы пропустить девушку. Териан же торопливо сложил письмо и убрал его в одежду.

— Проходи, — сухо промолвил он.

Белатрисс подошла к мужчине и, потупив взгляд, произнесла:

— Эви нашли.

— Она жива?

— Да.

— Хорошо, — отрезал Даэв и уставился в окно.

— Тебе даже неинтересно, где и... — удивлённо начала бессмертная.

— Нет, — сухо буркнул асмодианин.

— Но почему? Что случилось там, в покоях Слутгельмира?

Териан задумался, но не ответил.

— И почему её отпустили?..

Мужчина хотел сказать: «Потому что я её спас», — но сдержался.

— Это всё? — после паузы спросил Териан у пустоты.

— Нет, — опустила глаза девушка. — Сейчас начнётся допрос Слутгельмира и главаря повстанцев в подземелье дворца. Думаю, тебе стоит там присутствовать.

Териан скупно угукнул, но не повёл и взглядом. Белатрисс сделала шаг к асмодианину и спросила требовательно:

— Что произошло? Ты сегодня так холоден...

Кажется, мужчина скрипнул зубами и незаметно оскалился.

— Когда ты собираешься рассказать обо всём Даймону? — монотонно протянул он.

Этот вопрос поставил девушку в ступор. Она раскрыла рот, пытаясь подобрать слова, но Териан её опередил.

— Для чего всё это? — он обернулся и требовательно посмотрел в её глаза, ожидая ответа. — Чего ты пытаешься добиться?

— Мне лучше уйти... — лишь промолвила Белатрисс и торопливо вышла из комнаты.

— Я тоже могу идти? Никаких приказов не будет? — спросил посыльный, всё ещё жавшийся около выхода.

Мужчина кивнул и вновь погрузился в мысли, на этот раз не пуская в свою голову никого. Он думал о Даймоне, о том, как он теперь будет смотреть ему в глаза. Конечно, асмодианину было безразлично на чувства элийского Даэва, но в глубине души Териан понимал: «Даймон этого не заслужил».

Териан сжал кулаки и застыл в одиночестве. Неизвестно, сколько он простоял так. Наконец, вспомнив о Слутгельмире и повстанцах, мужчина отбросил прочь прежние думы и отправился в тайную темницу под дворцом военачальника. Не то чтобы он хотел слышать всё, что умелые legionеры выбьют из Слутгельмира... Скорее, Териану было бы приятно видеть измученный вид и раны на лице бывшего Верховного Судьи.

Спустившись в подземелье, Даэв увидел, как около одной из камер происходит спор между элийским и асмодианским офицером. Переводчики одной и другой сторон что-то громко лопотали на своих языках.

«Не хватало только, чтобы здесь устроили заварушку», — пролетело в голове Териана.

Он подошёл к мужчинам и на двух языках спросил, что они не поделили.

— Элийцы имеют право допросить Верховного Судью. Мы тоже внесли вклад в его поимку!

— Балаура с два! Я ни за что не позволю белолицым вытягивать из него наши военные тайны!

Териан подошёл к южанину и спросил:

— Что именно Вам нужно узнать у заключённого?

— Всего один вопрос. У него в плену была дочка губернатора из Интердики. Я обязан выяснить, как она к нему попала.

Даэв нахмурился, когда услышал слова офицера, но пообещал узнать это сам, а затем передать информацию элийскому командованию. Такой расклад удовлетворил южан. Они поблагодарили бессмертного и с важным видом покинули темницу.

Териан Лекас кивнул асмодианам, и стражники отворили решётку. Процессия из офицеров северян и некоторых Даэвов перешагнула через порог и оказалась в клетке, где держали Верховного Судью. В центре камеры привязанным к стулу сидел сам Слутгельмир. На него направили Эфирные лампы, чтобы лучше видеть его истерзанную физиономию. На лице Териана проступила лёгкая ухмылка.

— Слутгельмир фон Вир, мы должны задать тебе несколько вопросов, — донеслось из уст одного из офицеров. Видимо, он и будет вести допрос.

Пленник не среагировал. Из уголков его губ на грубый пол камеры падали капельки крови. Было видно, что ночь бывший предводитель Безмолвных провёл без сна, так сказать.

— Сколько легионов было в твоём гарнизоне? — как гром, прозвучал первый вопрос.

— Не считал... — прокряхтел Судья.

— Почему сбежавший Даэв Исагир поддерживал тебя?

— Спросите его сами...

Видимо, этот ответ не понравился тюремщикам, и в лицо Слутгельмиру прилетел ещё один кулак. Мужчина выплюнул кровь и поправился:

— Сначала я его шантажировал... Из-за деяний этого... — он махнул головой на Териана Лекаса. — Даэва. Потом он понял выгоду нашего сотрудничества и точно следовал моим указаниям.

— Указаниям какого плана? — звучал всё тот же суровый голос.

— Мы решили поднять восстание против Пандемониума...

— То есть, это была общая идея?

— Нет... Моя... Но Исагир разделял моё мнение.

— Значит ли это, что он тоже виновен?

— Решайте сами, я больше не Судья... — кажется, Слутгельмир ухмыльнулся.

— Решим, не переживай. Что скажешь по поводу идгеля? Откуда вы получили его?

— Из лаборатории повстанцев к востоку отсюда...

Териан даже немного удивился, видя подавленный вид бывшего лидера Безмолвных. Раньше с его лица не сходила хитрая улыбка, а теперь... всего за ночь из прежде жестокого безумца были всё его нутро, оставив только слабого измученного человека.

Слутгельмир даже не пытался что-то скрыть. А зачем, если теперь всё кончено? Его не отпустят и в лучшем случае будут судить, как изменника. В худшем — убьют сразу. Но исход всё равно один, и он это понимал.

— А к ним как он попал?

— Рецепт был выведен алхимиками повстанцев... — тяжело дыша, начал пленник. — Они хотели придумать вещество, которое способно ослабить Даэвов, нейтрализуя Эфир в организме. Балауры тоже этим занимались и неплохо продвинулись... Они выращивали

драну, как антиэфир, когда Ингисон и Келькмарос принадлежали им. Добавив этот ингредиент в рецепт, мы и получили идгель... — Слутгельмир опустил взгляд. — Плантации драны в Келькмаросе, которые оставили после себя балауры, не могли удовлетворить наши запросы, поэтому я убедил Видара осадить Ингисон. Ему это было выгодно стратегически, а я бы получил то, от чего зависели риваровцы. А, значит, и имел бы над ними контроль.

— Но ты просчитался... — буркнул Териан, прожигая мужчину светящимся взглядом.

— Они оказались хитрее. Что ж, я уважаю хитрость в людях. Это, пожалуй, единственное, что я в них уважаю, кхе-кхе, — Судья закашлялся. — Почти два года мы вместе с повстанцами производили идгель. А затем и решили воспользоваться шансом...

— А что с балаурами? — перебил его Териан Лекас. — При чём здесь письма и Арисса?

Слутгельмир сморщился и не захотел отвечать, но очередной удар надсмотрщика развязал ему язык.

— Балауры искали союзника для уничтожения Элиоса, — начал он. — Я знал, что Видар не согласится с ними сотрудничать... Я стал посредником между Леди «А», предводительницей драканов в Арэшурате, и Пандемониумом. Через меня проходило всё.

— Ты делился с балаурами планами Пандемониума? — вновь суровый голос офицера асмодиан.

— Делился, — спокойно ответил Слутгельмир. — И они делились. И ни разу не солгали мне. Всё, что они обещали, сбывалось.

— Арисса планировала штурм Элизиума. Ты готовил армию, чтобы поддержать её, — промолвил Териан Лекас. — Но зачем ты начал гражданскую войну перед таким важным событием?

Судья улыбнулся.

— Во-первых, Видар решил напасть на их земли раньше срока, что обрывало на корню все наши с Леди «А» планы.

— А убедить военачальника отложить атаку ты не мог? Ты же и раньше проворачивал такое.

— Я слегка потерял доверие накануне, так сказать... — задумался Слутгельмир. — Мои люди не выполнили приказ Видара во время осады, но выполнили мой...

— Вы побежали?

Бывший Судья кивнул.

— А во-вторых, мне было бы проще договариваться с балаурами, если б я сидел в кресле военачальника...

— И ты захотел убить Видара, — заключил офицер. — Дальше мы знаем.

— Один вопрос... — Териан сощурился и шагнул к пленнику. — Как к тебе попала та элийка?

— Твоя Эви?... Хм-м... Её привёл сюда Даэв Розеркар, родной брат адъютанта Исагира. Я не знаю, почему и как он её нашёл. Я не давал ему такого приказа. Да и вообще он был на стороне Пандемониума. В общем, понятия не имею, как это вышло. Но знал я одно: что тебе эта крошка была безразлична... — Слутгельмир ухмыльнулся кровавой улыбкой.

— Ты ошибаешься... — прошипел Териан, да так, чтобы все это слышали.

— Всё, кончайте допрос. Он во всём сознался — большего нам не нужно, — протараторил офицер и велел всем выйти из камеры.

Териан и Слутгельмир обменялись презрительными взглядами, и Даэв покинул его клетку.

Следующей предстояла встреча с безымянным главарём повстанцев, из-за которого битва около крепости закончилась именно так, как закончилась. Правда, атмосфера в этом случае была совершенно иной — никаких клеток и побоев, а вместо этого — сытный обед и кабинет военачальника.

Процессия молча вошла внутрь. За столом на стороне гостей сидел мужчина под охраной. Териан обошёл его и сделал вывод:

«Обычный фанатик. Ничего нового. Именно таких риваровцы и уважают...»

Густые усы, немытые волосы, небрежно зачёсанные назад, старая пожелтевшая рубаша, мешковатые брюки и протёртые ботинки — что ещё можно было ожидать от грабителя и разбойника?

Всё тот же офицер сел на место военачальника и начал задавать те же, что и Слутгельмиру, вопросы: про идгель, связь с балаурами и Безмолвных — но тон его был более вежливым и добродушным. Повстанец отвечал почти теми же словами, но винил во всех грехах Судей.

— ...А как бы Вы поступили, если б Вас открыто шантажировали? — стучал толстой ладонью по столу риваровец. — Мы зарабатываем на идгеле и многих других опасных штуковинах. Если ингредиентов будет недостаточно, мой народ начнёт голодать. А я, как предводитель, не мог этого допустить.

— Предводитель? — вскинул бровь офицер. — Я думал, Вы подчиняетесь самому Ривару.

— Мы несём его слово, чтим его традиции и законы, — объяснял повстанец. — Но самого Ривара мы не видели уже много лет. Он ведь не бессмертный и не может жить вечно. Посему...

— Посему Вы поклоняется мертвецу, — заключил асмодианин. — Что ж, так ответьте, почему Вы сдались вчера? Ведь был шанс...

— Шанс? Какой шанс? — рявкнул фанатик. — Если Безмолвные удержали бы крепость, мы остались бы их вассалами! Повстанцы Ривара — свободный народ! Мы не подчиняемся каким-то там Судьям! Слутгельмир, эта гнусная тварь, не считал нас за людей... Он думал, что может управлять нами. Дракана с два! Ничего, я показал ему, на что мы способны... К тому же их войска редели с каждой минутой. Одолев их, Вы бы принялись за нас! А я не готов расплачиваться людьми за чьи-то амбиции! — он продолжал яростно стучать по столу, но никто не сделал ему замечания... По понятным причинам.

— То есть, Вы трусили и решили перейти на сторону Пандемониума? — уточнил офицер.

— Нет, — скорчил гримасу повстанец. — Победителя. В том, чтобы поддерживать проигравших, нет чести, а встать на сторону победителя — выгодное дело.

Офицер хмыкнул и ухмыльнулся.

— И когда Вы поняли, что Безмолвные проиграли?

— Когда увидел элийцев у ворот, — оскалился главарь. — Если Вам удалось заручиться их поддержкой, то у Слутгельмира не было шансов...

— Зачем же Вы пошли в бой, в таком случае?

— А если бы мы убежали, разве я сидел бы здесь? — приподнялся с кресла повстанец. — Были бы мои люди накормлены и напоены? Или они бы валялись мёртвой кучей где-нибудь в яме около города?

Офицеру явно понравился деловой подход риваровца. Тот криво улыбнулся и ненадолго

замолчал.

— Что же Вы думаете делать дальше? — наконец, спросил он. — Ведь Вы понимаете, что даже после вчерашних событий Ваши люди и Вы в том числе остаётесь вне закона. За Вами будут охотиться и рано или поздно всех повстанцев истребят.

Риваровец вновь сморщил лицо.

— Ну попробуй, коль смелый такой! — огрызнулся он. — Только сунься, я твои-то косточки быстро обглодаю, недомерок ты столичный! — главарь немного сбавил пыл, подышал и продолжил. — Сейчас Вы будете восстанавливать город и крепость. Вам будет не до нас. Мы уйдём и больше Вас не потревожим. А Вы пообещаете, что из-за старых разногласий не погонитесь за нами, как псы за оленёнком!

— Что ж, — офицер сложил пальцы в замок, проглотив оскорбления. — Для этого Вы должны признать власть Пандемониума, по-другому никак.

— А ты тогда должен поцеловать мой волосатый зад, щенок! — снова взорвался повстанец. — Мы не признаём ничей власти! Ни твоей, ни столицы, ни балауров, ничей! Засунь себе свой Пандемониум куда подальше!

Офицер сощурился и улыбнулся. После небольшой паузы он приказал своим подчинённым:

— Отведите-ка этого господина в карцер. Он хотел отдохнуть и поразмыслить кое-о чём.

К риваровцу тут же подошли несколько аканов и подняли его с кресла.

— Пошли прочь! Не лапай меня, молокосос! Я сам встану! А ну, убери свои лапы от меня!

Буйного главаря повстанцев всё же вывели из кабинета, но его голос ещё долго не стихал в коридоре.

— Какие будут приказы? — спросил один из оставшихся асмодианских офицеров.

— Допросить последних Безмолвных... А потом казнить. Отравленных жителей согнать в камеры и облить Эфиром, чтобы в себя пришли, а то гавкают хуже собак...

— Но ведь из текста ультиматума господин Квасир чётко дал понять, что помилует всех приспешников Слутгельмира... — робко возразил один из воинов.

— Чтобы они снова подняли оружие против нас? Как несколько месяцев назад? Пф... — усмехнулся офицер и вскочил со своего места. — Это личный приказ господина Квасира. А он несёт здесь волю господина Видара. Или вы тоже хотите занять место Безмолвных?

Никто не произнёс ни слова.

— То-то же... — буркнул начальник и вышел из кабинета.

За ним, молча переглянувшись, последовали и остальные. Териан Лекас слушал внимательно. Он не сказал ни слова, потому что понимал, что офицер поступает, как необходимо в данной ситуации. Иногда честь приходится продавать в угоду высшего блага. И это был как раз тот случай...

Этим же вечером.

На площади перед дворцом собрали весь гарнизон Видара. Квасир отдавал распоряжения, каким легионам какие районы города патрулировать. Мало ли, сколько ещё Безмолвных прячутся по закоулкам Белуслана.

Асмодианские Даэвы стояли чуть в стороне и наблюдали за действием. Среди них был и

Териан Лекас. Он договорился с Квасиром, чтобы элийское войско вернулось в Элиос завтра утром — волшебники откроют разломы. Легат первого легиона Пандемониума не возражал. Армии двух рас всё же удалось сдержать взаимную агрессию и выполнить задание.

Элийские отряды сейчас находились на окраинах города. Не секрет, что и среди южан были серьёзные потери. Убитых привозили к городским воротам и хоронили в нескольких больших братских могилах. Невма, командующая гарнизоном, была против того, чтобы усыпальницей для павших элийских легионеров стали окрестности столицы холодного Белуслана, но перевезти всех через порталы в Элиос не представлялось возможным. Поэтому ей пришлось согласиться с этой идеей.

Териан Лекас молча наблюдал, как коробки асмодианских легионов торопливо разбредаются по районам. Он задумчиво всматривался в пустые лица, закрытые металлическими шлемами.

Даэв знал, в каком доме сейчас отдыхает Эви. Он знал, что она в порядке. А ещё он прекрасно понимал, что она не хочет его видеть. Но отчего-то Териан Лекас не спешил извиняться. Он теребил в руках полученное утром письмо и молчал. Его покой нарушил гул из центра крепости.

Асмодианин сразу почуял неладное. Он увидел, как легионеры шепчутся, переговариваются и бросают на Даэва странные хищные взгляды. Мужчина, не думая, развернулся и направился ко дворцу.

Но тут он столкнулся лицом к лицу с Кенсаи. Её взгляд был полон ненависти.

— Ты обо всём знал... — лишь услышал Териан, как она обошла его и пошла к центру площади, неся в руках какую-то записку.

Кенсаи забралась на ящик и громко заговорила:

— Аканы Асмодеи! Только что из Пандемониума пришла ужасная весть: военачальник Видар убит элийцами в собственном дворце!

По площади тут же распространился шёпот, переходящий в громкое шубуршание. Териан всё понял. Это уже не остановить.

— Гады! Предатели! Убийцы! — заорали воины северян со всех сторон.

Квасир оторопел. Эта новость повергла его в шок. Он обернулся и посмотрел в глаза Териану Лекасу, но тот лишь молчал и не шевелился.

Даэв, зная, что сейчас произойдёт, решил не медлить: он тут же раскрыл крылья перед толпой и полетел к окраинам города, где собралось элийское войско. Удивлённые и разъярённые аканы проводили его взглядом и, игнорируя все приказы, бросились за ним по улицам.

Териан набрал огромную скорость. Мешкать было нельзя. Он с высоты увидел около стены блестящее белое пятно и спикировал на него. Даэв приземлился около скопления светлокрылых бессмертных.

— Открывайте порталы! Уводите отсюда воинов! Живо! — прокричал он как можно более грозным тоном.

Белатрисс тут же подбежала к нему:

— Что случилось?

— Провокация... Сюда бежит вся армия асмодиан.

Девушка поняла. Этого следовало ожидать. Рано или поздно такое бы случилось. Но чьи это происки и в чём причина, никто пока не знал. Трисс в тот же миг дала команду магам открывать порталы, а воины понесли сигнал тревоги по легионам. У элийцев было не

больше десяти минут, чтобы ретироваться.

Териан отошёл и посмотрел, нет ли на горизонте асмодиан — пока тихо. Но это ненадолго.

— Невма и офицеры! — вдруг спохватилась Трисс, открыв огромный сияющий разлом, ведущий в тёплый Элиос. — Они в штабе! Это в городе. Родт! Бронн! Быстрее предупредите их! — закричала она своим друзьям. — Териан, ты мне поможешь?

Асмодианину было безразлично на командуемую — он её недолюбливал, но мысль о том, кто ещё находится в городе, заставило его ответить:

— Да...

Уже через секунду Даэв вновь оказался в воздухе. За ним молча летели четыре белых крыла.

— Вон штаб! — спустя пару минут полёта над одинаково серыми жилыми районами Белуслана Териан показал элийским бессмертным на здание гостиницы. — Вам туда.

— А ты? — замер в воздухе Бронн.

— Скоро вернусь.

— Эй!.. — но асмодианина было уже не остановить.

Он вывернул крылья и облетел здание с запада. Отсчитав третье окно слева на последнем этаже, Даэв завертелся в воздухе бочкой и со всей дури влетел в него, разбив суставами крыльев стекло.

На просторной кровати лежала заплаканная Эви. Её привели сюда офицеры элийцев и заперли изнутри. Треск и звон разбивающегося стекла мигом разбудил её. Она вскочила и перепуганными глазами уставилась на Даэва. Он рухнул в метре от неё. Сложив за спиной крылья, девушка увидела, кто этот незваный гость. Лицо элийки вмиг исказилось от гнева и обиды, но Даэв не стал мешкать. Он грубо схватил её за руки, скрутил и, не сказав ни слова, потащил к окну.

— Отпусти меня! Негодяй, отпусти! Ненавижу! — кричала девушка, но Териан был настойчив.

Он схватил её, слегка зашипев от боли, ведь брыкающаяся элийка довольно сильно била по его раненой руке. Через пару секунд Даэв отпрыгнул от подоконника и камнем полетел вниз с девушкой в руках. Она закричала, но Териан игнорировал её. Он выровнялся около самой земли и широкими взмахами стал набирать высоту.

Эви весь путь что-то кричала, била асмодианина по груди и хотела вырваться, но Даэв не позволил бы ей этого. Девушка даже не заметила, как вновь оказалась на земле в окружении элийцев. Териан Лекас поставил её на ноги и тут же взмыл вверх, подняв в воздух столб пушистого инея.

— Быстрее! Все к порталам! — доносилось со всех сторон.

Эви растерялась. Она забегала глазами по окрестностям и увидела, как все куда-то несутся. Она повернула голову в сторону города и увидела бегущую на них орду асмодиан в чёрных, как уголь, доспехах. Элийка раскрыла рот, но тут её кто-то схватил за талию и буквально бросил в портал. Девушка закричала, потерявшись в пространстве, и громко айкнула, ударившись коленом о твёрдую землю. Эви раскрыла глаза, балаурски яркий свет заставил её сощуриться. Тёплый ветерок тут же растрепал её волосы. Элийка взялась за голову и увидела, как солнце поднимается из-за горизонта. Это был рассвет. Рассвет в Элиосе.

===== Часть 7. Глава 4. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 4.

Отредактировано.

На следующий день.

Элизиум. Храм Стражников.

В зале военачальника небесной столицы царило напряжение. Стуча пальцами по подлокотнику, на троне восседал Фаметес ан Ривен и угрюмо смотрел в блестящий пол. Перед ним молча стояли командующие, офицеры и Даэвы, принимавшие участие в штурме крепости Белуслана, и ждали, когда их правитель соизволит начать не очень приятный разговор.

— Выйти всем, кроме командующей армией и лидером бессмертных, — наконец, донеслось из его уст.

Толпа переглянулась и молча вышла из зала, прикрыв за собой массивные двустворчатые двери. Перед Фаметесом остались стоять только Невма и Белатрисс.

Военачальник тяжело вздохнул, встал с трона и подошёл к окну. Солнце ярко светило в глаза юноше, но он старался не щуриться, а, казалось бы, разглядеть в нём что-то. Пушистые облака мягкой периной расстелились под башней Храма Стражников, скрывая Элизиум от посторонних глаз. Спустя минуту Фаметес повернулся к воительницам и заговорил:

— Сегодня утром мне лично доставили письмо от некого Квасира — легата первого легиона Пандемониума. Кроме подробностей убийства в нём содержались угрозы... Я не считаю целесообразным читать их сейчас... Я уже выслал ему ответ, в котором заверил его в моей непричастности к случившемуся, а также пообещал оказать активное содействие в поиске виновных, — он приблизился к женщинам. — Квасир передал, что на диверсантах была форма стражей Элизиума. Со складов в последнее время ничего не пропадало. Да и все легионеры — на своих постах... Я проверил это лично.

— Выходит, форма была подделкой, — отозвалась Невма, выдерживая каменное лицо и пряча руки за спиной.

— Или её украли давно... — промолвил Фаметес. — Нападавших было семеро. Они сдали оружие и вошли в зал. Там была охрана из более чем десяти аканов... Но убийц это не остановило. Стражники снаружи слышали шум и крики, они ворвались и увидели, как все находившиеся там асмодиане лежали на полу в неестественных позах с перерезанными глотками. Все, включая военачальника Пандемониума и его личного переводчика. Элийцев и след простыл. Куда они могли скрыться из зала — неизвестно: на окнах решётки, у дверей — патруль. Либо это были Даэвы, — юноша недвусмысленно посмотрел на Белатрисс, — Либо легат Квасир что-то не договаривает...

— Все Даэвы были на церемонии похорон, — уверенно произнесла волшебница. — Я лично за это ручаюсь.

— С чего Вы взяли, что элийцы там вообще были? — промолвила рыжеволосая командующая. — Может, асмодиане хотят подставить нас. Они инсценировали смерть неугодного военачальника, а вину решили скинуть на нас.

— Я не отрицаю и такой возможности... — промычал правитель, пряча взгляд.

— Мы это не узнаем, если... — начала было Невма, но Фаметес её перебил.

— Асмодиане в письме дали чётко понять, что впредь ни один элиец не ступит на их землю.

Белатрисс ухмыльнулась:

— Ещё бы...

— Кто это мог сделать? — спросила Невма, хотя понимала, что однозначного ответа никто не даст.

— Кто угодно, — начала Трисс. — Любой, кто знал, как выглядит наша форма и печать: начиная от риваровцев, заканчивая балаурами.

— Печать? — насторожился Фаметес. — Какая печать?..

Волшебница растерялась. Она попыталась что-то промычать, но от удивлённых взглядов военачальника и командующей девушке стало не по себе.

— Териан Лекас сказал, что Видару пришло письмо якобы от Вас... — робко пробормотала бессмертная. — И на нём была элийская печать.

— Когда же он тебе это сказал? — с Трисс не сходил подозрительный взгляд Невмы.

— Когда предупредил об опасности, — соврала девушка и нахмурилась. Ей не нравился тон её смертной собеседницы.

— Тогда ситуация осложняется... — задумался юный правитель. — Повстанцы не могли иметь образец моей печатки...

— Зато могли асмодиане и балауры, — напомнила Белатрисс. — Сомневаюсь, что за столько лет войны они ни разу не перехватывали секретные письма. Особенно, если учесть то, что мы частенько пользовались услугами шиго... А этим хитрым и мелочным зверькам нельзя доверять.

— В общем, мы знаем то, что ничего не знаем... — подытожил Фаметес, задумчиво расхаживая по залу. — Ясно понимаем мы только одно: отношений с асмодианами наладить уже не получится. Нужно передать указания военачальникам усилить патрули и укрепить форты. Готов поспорить, что асмодиане уже планируют вторжение в Элиос во имя мести...

— Что Вы прикажете? — отозвалась командующая.

— Держать ухо остро... — вздохнул военачальник. — И быть готовым к самой скорой мобилизации. Эх, как же мне сейчас не хватает советника...

Лицо Невмы слегка исказилось от слов Фаметеса.

— Простите, господин военачальник, но... мобилизации кого? Я потеряла треть своих людей — это тысяча человек. Тысячу мне пришлось похоронить в снегах Асмодеи! Почти семь сотен погибли в битве за крепость и в походе, ещё триста мы потеряли, когда эвакуировались из этого проклятого края. Мне пришлось оставить их там умирать, господин Фаметес! О какой мобилизации может идти речь?

Военачальник тяжело вздохнул.

— Они встретили смерть во славу Элиоса, — он подошёл и положил руку на плечо воительницы. — Мне очень и очень жаль. Я объявлю траур и произнесу заявление, но большего сделать уже не в силах. А война продолжается. Я так желал перемирия, но, видимо, кто-то решил иначе. Кому-то выгодно продолжение этой войны...

— Во время перемирия не умирают люди, господин военачальник, — сухо произнесла Невма, не обращая внимания на жест Фаметеса. — Если бы перед тем, как отправлять легионы в Асмодею, Вы бы спросили моего мнения, я бы Вам ответила, что это...

— Довольно, прошлого не изменить, — перебила её Белатрисс. — Господин Фаметес, я расслышала Ваши слова о том, что Вам не хватает советника... А как же Канеус? Что с ним?

Правитель закрыл глаза. Пришлось поделиться ещё одной дурной вестью.

— Канеус развоплотился, Белатрисс... Мне жаль.

Волшебница опешила. Она не могла поверить своим ушам.

— Что? Когда? Кто к этому причастен?

— Почти сразу после Вашего отъезда... Видимо, Канеус развоплотился сам, но Ваш муж думает иначе. Он упоминал Дариуса ан Боуэна — сына господина Ваталлоса ан Боуэна, военачальника Бертрона... — Фаметес снова вздохнул и продолжил. — Началось всё с того, что Сакмис — легат Пепельных Облаков покончила с собой и развоплотилась после того, как её и Гелиона отправили в изоляцию на остров Теней в Арэшурате. Ну, Вы знаете... Мы искали замену и нашли её в виде Дариуса — он считался пропавшим без вести, но он вернулся в Цитадель с головой Ариссы Ужаса. Это было подвигом, достойным Даэва, но во время церемонии что-то пошло не так, и Дариусу стало плохо. Ваш муж сказал, что он Переродился в балаура... Я до сих пор не верю, что такое возможно, как и все мудрецы Элизиума, с которыми я советовался после трагедии. Дариус поджёг Святилище и улетел в неизвестном направлении. Тогда-то и пропал Канеус. На следующий день господин Юклиас донёс весть о том, что и Дариус, и Канеус развоплощены.

Белатрисс словно язык проглотила. Эта новость вызвала у неё шок. Она пыталась подавить подступившие эмоции. Даэв не должен терять самообладания ни при каких обстоятельствах.

— Тогда во всём стоит винить балауров... — пробормотала она, уставившись куда-то вдаль. — Это им было выгодно нарушить перемирие между нами и асмодианами... Они и убили Видара, обратившись элийцами...

— Балауры способны на такое? — удивилась Невма.

— Все высшие балауры способны принимать иной облик... — быстро промолвила бессмертная, часто заморгав.

— Тогда кто может гарантировать то, что среди нас нет сейчас ящеров? — ухмыльнулась командующая, хотя это был, скорее, не смешок, а нота удивления.

— Никто...

В зале нависла пауза. Фаметес продолжал рассказывать туда-сюда, громко стуча сапогами по полу.

— После того, что случилось, господин Ваталлос сам не свой, — он первый нарушил тишину. — Он не является на советы, не отвечает на письма. Говорят, он целыми днями сидит в своём поместье и никого к себе не пускает.

— Это был его единственный сын... — немного придя в себя, кивнула Трисс. — Я его понимаю.

— Я опасаясь того, что в Бертроне из-за этого начнутся беды. Если господин ан Боуэн не может больше руководить провинцией, пусть сообщит мне об этом, и я его сменю. Да, но это не всё... — Фаметес сделал паузу. — Гелион сбежал...

Женщины переглянулись.

— Кто-нибудь видел его после этого? — спросила бессмертная.

— Нет, — отрицательно замотал головой молодой военачальник. — Как в воду канул.

— Он любил Сакмис, — промолвила Невма. — Это все знали. Если она умерла, то Гелион сейчас в отчаянии. Он захочет...

— Отомстить... — закончил за неё Фаметес. — Я знаю.

— Вы усилили охрану?

— Усилил, — кивнул правитель. — Давно. Но дело не в этом. Нужно решить, что делать с асмодианами.

— У нас же есть тот асмодианин... — запнулась командующая, вспоминая имя. — Териан Лекас. Он сможет убедить свою расу в том, что мы не виновны... — это звучало как

вопрос. Глупый вопрос, конечно же, и все это понимали.

— Я уверена, что его уже схватили, как пособника, — сказала Трисс. — Он и так прослыл предателем Асмодеи, а теперь-то его слова вообще ничего не значат.

Фаметес согласился с волшебницей. Вновь пауза.

— Два места Даэвов пустуют, армия истощена, а у меня нет советника... Какое ненастье... — пробормотал военачальник.

— Если Вы пожелаете, я могу... — начала Белатрисс.

— Мне очень это приятно, но Ваше бремя — сражения, — перебил её юноша. — Вы будете нужнее там. Тем более за Вами место легата Пепельных Облаков... Мы посоветовались и решили, что Вы, Белатрисс, достойны возглавлять этот отряд.

Девушка вежливо поклонилась в знак благодарности, но не произнесла ни слова.

— Ладно, ступайте... — Фаметес приложил ладонь ко лбу и устало вздохнул. — Мне нужно всё обдумать, и я за Вами пришлю.

Женщины кивнули и молча вышли из зала. Закрыв дверь снаружи, Невма бросила осторожный взгляд на бессмертную и, важно повернувшись спиной, пошла прочь. Трисс тоже направилась к выходу из Храма. Около лестницы, облокотившись о подоконник, волшебницу ждал её товарищ, Бронн.

— Белатрисс! — он позвал её, и девушка невольно обернулась.

— Бронн? — удивилась она. — Что ты тут делаешь?

Седой усатый мужчина, ещё в тех же помятых доспехах, в которых он был в Белуслане, мялся и пытался что-то сказать, но вместо этого получалось только неловкое молчание.

— Мне нужно с тобой поговорить...

— Хорошо, только давай не сейчас, я...

Но воин был настойчив:

— Это по поводу тебя и Даймона.

Девушка насторожилась, но всё же согласилась:

— Ладно... Тогда отойдём.

Даэвы встали около лестницы, чтобы стражники их не слышали. Вид Бронна был потерянным, словно произошло что-то страшное.

— Что случилось? Не молчи! С Даймоном всё в порядке?

— Я знаю про тебя и того асмодианина, — помолчав, промолвил мужчина. — Я видел, как ты утром после сдачи крепости выходила из его покоев во дворце, — глаза Бронна были полны сомнения, словно он был не уверен в этом или не хотел верить.

— Это не так, — начала возражать Трисс. — Я к нему заходила, чтобы обсудить...

— Только не лги мне, — перебил её воин. — Я давно заметил, как ты на него смотришь — ещё с того момента, как начался поход. Что с тобой случилось, Трисс? После того, как вы побывали в плену у балауров, тебя не узнать — словно подменили! И с каждым днём я всё больше в этом убеждаюсь...

Девушка замолчала. Она нахмурилась и вздохнула. Отрицать более не имело смысла. Но вдруг лицо Белатрисс похолодело.

— Что ты намерен делать? — тон волшебницы перешёл на невероятно серьёзный. Даже Бронн удивился голосу девушки.

— Рассказать всё Даймону, — уверенно ответил он. — Я не стану лгать такому же Даэву, как и я.

— Пойдём обсудим это... — холодно промолвила Трисс и начала важно спускаться

вниз по длинной винтовой лестнице Храма Стражников.

Бронн едва заметно сморщился, удивившись странному поведению элийки, но всё же последовал за ней.

На следующий день.

Элиан.

Эви вернулась к родителям и рассказала им всё, что с ней приключилось. Не стала она говорить только про то, что произошло между ней и Терианом Лекасом — наверняка это было бы лишним.

Ромул и Фемисса ан Грейвы не могли поверить, что их дочь снова похитили асмодиане — это уже походило на шутку. Но по подробному рассказу девушки о том, что ей пришлось пережить в темнице под крепостью Белуслана, а также показав свои ссадины и гематомы, родители поверили и ужаснулись.

Не сказать, чтобы на теле элийки не было живого места, но её кожа по обилию цветов напоминала картину какого-нибудь экспрессиониста. Куча ран, порезов и синяков — всё это скрывала одежда, но изменившийся за это время взгляд девушки было сложно не заметить. Эви была сама не своя. Прежде бойкая, эмоциональная девушка теперь всё время молчала, пялясь куда-то в пустоту. Её глаза были стеклянными и холодными, а искренняя улыбка и вовсе не появлялась на лице юной барышни. Только вынужденная и вымученная.

Ромул и Фемисса решили, что Эви нужно отвлечься и как можно скорее забыть о пережитом. Тогда глава семейства решил отправить дочь на отдых в солнечный Элиан — подальше от тяжких воспоминаний. Он решил, что свежий воздух и морской бриз помогут излечиться от физических ран, да и от душевных. Но отпускать одну отец её больше не хотел, поэтому ненадолго оставил свой пост губернатора и, прихватив жену, отправился вместе с Эви.

Элиан именовали земной столицей Элиоса, в то время как Элизиум — небесной. Так повелось по двум причинам. Во-первых, Элиан был крупнейшим мегаполисом юга Атреи. Он объединял в себе четыре крупных города, несколько десятков мелких и сотни деревень, соединяющих их. А самое главное, что расположен он был буквально под Элизиумом. В Элиане дублировались самые важные объекты небесного города. Естественно, цены на недвижимость здесь были тоже соответствующие... А во-вторых, столица должна быть открытой для всех, а в Элизиум пускали далеко не каждого. «Элизиум — город храмов и Даэвов», — как говорил кто-то из мудрецов. Здесь почти всегда было пустынно, спокойно и безмятежно. По этой причине и решили прямо под небесным городом строить мегаполис «для всех», точнее, «для богатых» — как и подобает столице. В городах Элиана было шумно и многолюдно — здесь работали, учились, жили и отдыхали. А в мелких деревушках между ними зажиточные элийцы строили себе особняки — это, так сказать, было обратной стороной Элиана. Но, несмотря на все греховности сих земель, они процветали, как и должно быть.

Ромулу ан Грейву в Элиане принадлежал небольшой домик на северо-западном берегу — прямо у воды. Он купил его ещё давно, но много лет не бывал здесь, так как отпуска у губернатора, по понятным причинам, не было: тяжёлая обстановка в округе требовала его постоянного присутствия. Это живописное место он выбрал, когда Эви была ещё крохой, из-за потрясающей красоты закатов. Краснеющее небо, лёгкая рябь на воде и разноцветные облака вкупе с тёплым ветерком и белым молочным песком красивой бухты — этот

коктейль расслаблял лучше любого алкоголя. Мужчина заметил это ещё в самый первый день.

— Крошка, тебе не спится? — ласково спросила дочь Фемисса, приоткрыв дверь её комнаты.

Эви всё ещё лежала на кровати и смотрела на солнечное пятно на стене. Мать вошла в комнату и присела на край постели.

— Не мучай себя, дорогая, — она нежно погладила дочку по голове. — Отбрось все мысли. Сейчас всё хорошо, и, поверь мне, со временем жизнь станет только лучше.

— Не станет... — тихо произнесла Эви.

— Ну что ты, родная. Выйди на пляж, полежи на солнце, позагорай и расслабься. Наверняка ты соскучилась по теплу и солнцу.

Эви перевернулась спиной к матери и прижала колени к груди.

— Давай я сделаю тебе завтрак. Поднимайся, уже полдень.

Фемисса встала с кровати, вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь. Девушка продолжала лежать и думать о своём. Она не хотела ничего: ни есть, ни говорить с кем-то. Она желала только, чтобы её больше не трогали и не беспокоили.

— Завтрак, Эви! Завтрак! — вскоре донеслось из кухни.

Девушка знала, что мать не отстанет, поэтому, как бы ей не хотелось, пришлось подчиниться. Аппетита уже который день не было, но живот урчал и просил еды. Чтобы не умереть с голоду, приходилось пересиливать себя и идти, когда зовут.

На силу поднявшись и выйдя из комнаты, элийка оказалась в небольшой, но светлой гостиной, по левую сторону от которой расположилась кухонька. Несколько ящичков, печка, тумба, стол и четыре простеньких деревянных стула — пожалуй, вся мебель, которой мог похвастаться уголок для готовки. А большего и не надо было.

На деревянных стенах кухни и гостиной висели небольшие картины в белых рамках. По углам были расставлены подсвечники — темнело в Элиане рано.

Эви безвольно села за стол. Тут же перед её носом материализовалась тарелка с только что приготовленным омлетом.

— Кушай, родная. Приятного аппетита.

Девушка угрюмо посмотрела на блюдо, взяла приборы и всё же попробовала кушанье. Но вкуса она не ощущала, еда не лезла в горло. Напротив Эви села её мать. Она всё время что-то говорила, правда девушка её не слушала.

— ...Ну и когда Ромул вернётся? — продолжала женщина. — Сколько раз говорила, что у нас всего достаточно, а он всё в «город», да «город»... А по поводу Дариуса... Ромул сказал, что церемония прошла неудачно... Хотя я вообще не понимаю, как такое возможно. Неужели жрецы Элизиума разучились делать Даэвов? А на следующий день Святилище загорелось, ты представь! Ну точно Айонов знак, не иначе! А всё потому что надо почистить всё это их святейшество во главе с Юклиасом... А то обожрались, наверное, в своих храмах! — всё причитала Фемисса. — А такой шанс был Даэвом стать, да святоши эти, как всегда, всё изгадили... Ну, я, конечно, не знаю, но, наверное, будет ещё одна церемония — не пропадать же такому парню, а? Эви, ты что думаешь?

Дочка отозвалась, сморщила лицо и отодвинуло от себя блюдо.

— Мне нехорошо, я пойду подышу... — сказала она и торопливо вышла из дома.

— Эви! А как же еда? Эй, Эви! — кричала вдогонку Фемисса, но девушка была уже на улице.

Дверь выходила прямо на пляж. В Элиане стояла жара, солнце было в зените и нещадно палило. Спасал только прохладный ветерок с моря. Эви подбежала к воде, чувствуя, что больше не вытерпит. Босые, обожжённые песком ноги девушки тут же укутало в приятную холодную пену. Девушка упала на колени. Прокашлявшись, наконец, она дрожащими руками умылась и поднялась на ноги. Платье промокло насквозь, да ещё от палящего солнца жутко кружилась голова.

«Надо полежать...» — подумала Эви и, спотыкаясь о горячий песок, поплелась обратно к дому.

Но тут она почувствовала новый приступ тошноты и вновь бросилась к воде.

— Эви, что с тобой? — сзади слышался голос матери.

Фемисса, охая, подбежала к дочери, присела рядом с ней и собрала в кулак её волосы. Когда всё закончилось, девушка поблагодарила мать и, оперевшись о её руку, поднялась.

— Это из-за жары? — не скрывая искреннего волнения, спросила женщина. — Если так, то лучше иди в дом...

— Нет, мам... — собравшись с мыслями, тяжело промолвила Эви. — Я беременна...

Пандемониум.

— Я клянусь Айоном, это балауры! — кричал Териан Лекас в кабинете военачальника, где на днях произошла трагедия.

Рядом стоял Квасир и легаты первых десяти легионов.

— Будь я в твоём положении, я бы говорил так же, — прорычал Квасир. — Скажи спасибо, что ты не в темнице, а на свободе. Это моя личная просьба. А твои слова — всё ещё пустой звук. Нам нужны доказательства.

— Какие доказательства? — разводил руками Териан. — Даэвы это сделать не могли — стражники утверждают, что глаза не светились. А смертные не способны открыть портал и исчезнуть.

— Достаточно одного Даэва, тем более сквозь шлем можно и не разглядеть свечение из глаз, — возразил кто-то из легатов.

— Сияние видно всё равно, и вы это знаете! — Териан Лекас тоже перешёл на рык.

— Где доказательства того, что это были балауры? — немного успокоившись, спросил Квасир.

— Сравните почерки в сегодняшнем письме и в том... Они отличаются. Сравните печати: в подложном письме оно светлее, нежели во всех, что Видар получал раньше.

— Господин Видар... — поправил Даэва легат Клык Фенрира.

— Какие ещё доказательства нужны? Или Вы не понимаете, что балауры боялись сближения элийцев и асмодиан? — не унимался Териан.

— Сближения, пф-ф... — усмехнулся Квасир. — О сближении речи не шло.

— Называй, как хочешь, но сути это не меняет. Смерть военачальника была выгодна и элийцам, и балаурам.

— Даже если твоя версия верна, — промолвил Квасир, — Мы не можем простить белокожих за все их деяния и объявить перемирие.

— Я не прошу перемирия. Я прошу диалога с ними, — Териан исподлобья посмотрел на остальных. — Только идиоты ведут войну, не ведя переговоров с врагом.

Квасир замолчал, всё ещё презрительно смотря на зеленоглазого Даэва.

— Как временный военачальник Пандемониума я буду вести диалог с твоими

ненаглядными элийцами, Териан Лекас, — заговорил он. — Но большего не жди. Даже если смерть господина Видара — на руках балауров, это ничего не меняет. Враг останется врагом навсегда, — прорычал Квасир. — А тебе делать в столице больше нечего. Здесь и без тебя разберутся, проклятый Даэв. Отправляйся в Белуслан и восстанавливай город со всеми. Ты до сих пор остаёшься преступником и врагом Асмодеи. Не показывайся никому на глаза и делай вид, что тебя нет. Иначе действительно не станет... Всё, иди вон.

Териан Лекас не сказал ни слова. Он бросил последний острый взгляд на присутствующих и вышел прочь из кабинета военачальника.

Нарушить приказ и смыться Даэву ничего не стоило, но Териан хорошо помнил, что у него больше не было права на ошибку. Избавившись от Слутгельмира, у него остался последний враг — балауры. И начать мужчина решил с обыска покоев Судьи в Белуслане — бессмертный был уверен, что найдёт там много чего интересного.

===== Часть 7. Глава 5. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 5.

Отредактировано.

Крепость Белуслана.

Ночь. Гудящая темнота объяла северный осколок Атреи. За окном завывал ветер, гоняя туда-сюда пушистые снежинки.

«Снова метель...» — причитали про себя стражники из ночного патруля, переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться.

Хлопья свежего снега залепляли забрала, а сквозь щели в металлических доспехах пробирался мертвецкий холод. Неба было не видать — серые тучи висели над городом так низко, что, казалось, можно было поднять руку и отхватить себе кусок их густой творожной массы.

На улицах было не встретить никого. Излеченные от идгеля жители сидели по домам, заколотив окна и двери — сильный морозный ветер выбивал рамы и петли вместе с досками. Лишь в некоторых домах горели свечи, а из трубы шёл грязный дым: там всё ещё поминали усопших. Увы, исцелить от воздействия антиэфира удалось не всех. Многие погибали, когда их в отравленный организм вводили с водой огромную дозу разбавленного Эфира, чтобы нейтрализовать яд. Иного пути лечения алхимики не знали, да и сами повстанцы утверждали, что это единственный способ вернуть человеку рассудок. Со складов за сутки израсходовали все запасы Эфира, припасённые на тот случай, если осколок Башни Вечности вытянет всё в Бездну. Люди надеялись, что такого не случится, а, если это всё же произойдёт, то нескоро.

Несколько дней ясной и относительно тёплой погоды миновали, уступив место сильным осадкам и морозным ветрам. За плотными тучами не было видно, как в окнах дворца военачальника горит свет. Териан Лекас на это и рассчитывал.

Прошлый правитель Белуслана был убит Безмолвными, поэтому в покоях на верхнем этаже дворца жил Слутгельмир. Теперь, когда не только здесь, но и в Пандемониуме царила суматоха из-за смерти Видара, эти комнаты пустовали — столицей ещё не был избран преемник на пост военачальника Белуслана. Да и вряд ли в ближайшее время он появится — у временного правителя Асмодеи Квасира было и так по горло дел.

Териан Лекас без проблем пробрался на верхний этаж дворца — светящиеся глаза были пропуском практически куда угодно. Конечно, стража знала, кто такой этот зеленоглазый Даэв, но приказов о его изоляции не поступало, поэтому и не было причин не пускать его.

Покои Слутгельмира не охранялись. Это было плохим знаком: значит, все комнаты уже перерыли в поисках улик и ценных бумаг.

Асмодианин распахнул двери и невольно сморщил недовольную мину — всё было перевёрнуто вверх дном: шкафы и полки опрокинуты, повсюду валялись свитки и книги, а остальная мебель была разбросана по углам комнаты.

«Вряд ли вы что-то нашли здесь, раз так яростно рыскали по шкафам...» — подумал Даэв.

Териан перешагнул через опрокинутый стул, обошёл валяющуюся посреди комнаты тумбу и зашёл в спальню. Здесь ситуация была лучше: всё стояло на своих местах. Не скажешь, что здесь тоже прошёл потоп; лишь ящики письменного стола были выдвинуты, а двери гардероба — распахнуты.

Первым делом асмодианин подошёл к шкафу. Около дверей валялись одежды Верховного Судьи. Териан спокойно наступил на них и начал обследовать заднюю крышку гардероба.

— Сплошная... Никаких тайников нет, — заключил он.

Тогда Даэв подошёл к столу и взялся за ящички.

— Пустые. Что и следовало ожидать.

Териан вытащил их все и потряс около уха. Второй снизу шубуршал — в нём определённо что-то было. Даэв постучал по его днищу и заметил, что внутри простукивается ниша.

«И как аканы не заметили это?» — удивился Даэв.

Внимательно прощупав углы ящичка, он заметил сбоку маленькую кнопку. Нажатие — и дно, щёлкнув, открылось. Териан улыбнулся. В потайном ящике лежало несколько писем, написанных, определённо, рукой Слутгельмира.

— Хм-м, — бессмертный достал их и пролистал одно за другим. — Неотправленные письма. Наверное, черновики. Все они предназначались Леди «А»... Он просил её с помощи. Значит, в душе понимал, что долго ему не продержаться... — асмодианин вдруг заметил своё имя на одной из бумаг. — Стоп... Он писал ей про меня?

Териан пробежал глазами по письму.

«...Я знаю, Вы интересуетесь экспериментами над старыми Даэвами. Думаю, Вам будет интересна эта личность. Его зовут Териан Лекас... — мужчина сощурился и продолжил читать. — Ему навскидку более восьмисот лет. Данных в Матрикуле нет — он идеальный экземпляр...»

— Экземпляр для чего? — осторожно прошептал Даэв.

«... Я окажу Вам посильное содействие в создании искусственной стигмы. Вместе мы сможем возродить павших героев прошлого при помощи живых инкубаторов...»

— С чем ты связался, Слутгельмир?.. — дойдя ко конца, Териан скомкал письмо и выбросил его прочь. — Живых инкубаторов... Так вот зачем балаурам нужна моя стигма...

Даэв вдруг всё понял. Внезапное открытие ошарашило его. Ариссе не нужен был Териан Лекас. Она хотела заполучить Лиса, ведь он стал бы идеальным телом для возрождения одного из умерших балауров. Териан смог подавить личность Лиса, значит, и душе дракана это удастся...

— Балаур в облиии и со способностями Даэва... — стал рассуждать мужчина. — Идеальное орудие в руках Тиамат. Интересно, у них получилось такое с кем-то?..

Териан начал вспоминать тот разговор с драканшей.

— Она не хотела меня убивать, значит, не знала, что я ходячий мертвец. Каждые три сотни лет бессмертия добавляют одну жизнь после развоплощения. Мне восемьсот семьдесят пять. Почему же мне дали три жизни?

В голове промелькнула мысль:

«Может, потому что Лис тоже Даэв?..»

Произнеся эти слова про себя, Териан скорчился от боли. Голова вдруг резко запылала, словно её пронзили сотней острых стрел.

«Что опять со мной? — машинально подумал он, стоя на коленях и обхватив руками голову. — Мать... Балаурскую... Хватит!»

Через минуту мужчину начало отпускать. Боль внезапно улетучилась, словно её никогда и не было.

— Что за мерзкие приступы?.. — прошипел он, осторожно поднимаясь на ноги.

Проморгавшись и придя в себя, Даэв продолжил размышлять о планах драканов.

— Они не знали, что я больше не бессмертен, иначе Арисса не была бы так осторожна в словах. Шантажировать смертного намного проще... — заключил он. — Клянусь Айоном, они всё ещё пытаются создать такое... Кто же их жертва? А кто объект? Бритра? Были ли уже случаи возрождения балауров?

Териан начал вспоминать странные случаи пропажи Даэвов.

«Помню всего один... Как же его звали? Он был легатом Топазового Клинка... После его исчезновения на его место встала Кенсаи...»

— Это тот, кого она любила, — вспомнил мужчина. — Но в Пандемониуме утверждали, что он пропал без вести, но не погиб. Значит, он ещё жив...

Искать заблудшего Даэва Териан не собирался. В этом не было смысла, тем более его уже много лет не могут найти столичные ищейки.

— Балауры хотят научиться возрождать умерших... — продолжил мысли асмодианин. — Об их планах не должны знать ни элийцы, ни асмодиане. Почему об этом знал Слутгельмир? Потому что он им помогал? Он же с лёгкостью мог устроить похищение того Даэва... — всё звучало вполне логично, но один вопрос оставался без ответа. — Раз я такой идеальный экземпляр, почему он не отдал меня в лапы драканам? — понимание отрезвляло разум. — Или уже давно отдал?..

Териан сжал кулаки. Остаться здесь больше было нельзя. Он чувствовал, что здесь становится опасно.

«Они должны бояться того, что их планы раскроются... — говорил себе мужчина. — Чего ещё боятся ящеры? Объединения элийцев и асмодиан — это они сработали... — Даэв выбежал из покоев бывшего Судьи. — За мной они охотились не только из-за стигмы, но и из-за пророчества появления того, кто сможет соединить север с югом. Они боятся меня... Или боялись. В любом случае, охота продолжается. Охота на меня и... — он вдруг замер. — Эви...»

Териан суетливо залез во внутренний карман, где лежало уже помятое письмо. Такое важное письмо. Мужчина проверил, что оно на месте, и направился дальше. Даэв повернул к лестнице, но новый приступ резкой боли в тот же миг скрутил асмодианина и заставил его свалиться на пол. Перед глазами всё поплыло.

— Да... Какого... Балаура... — зашипел он, царапая когтями пол.

Териан не верит своим глазам. Его двойник, истекая кровью, поднимается на ноги,

продолжая одной рукой держать рану, и говорит:

— Я... не сдамся... Ты меня... не заткнёшь... Териан Лекас...

Мужчина делает шаг к раненому врагу. На лице появляется злобный оскал, а рука сильнее сжимает окровавленный даггер.

— Ты смертен... Териан. Посмотри на себя... — шипит его двойник. — Мой мир... больше... не твой...

— Заткнись! — мужчина приставляет меч к глотке второго. — Ты слаб, каким был все эти годы. Ты недостойн нести пророчество!

— Я...нет... — задыхаясь, хрипит двойник. — А он... да...

Раненый поворачивает голову в сторону и кивает на светловолосого элийского юношу, стоящего рядом и смотрящего на них.

— Он... судьба... мира, — выплёвывая кровь, говорит второй.

— Откуда ты знаешь? — рычит первый, сильнее прижимая лезвие к горлу двойника.

— Я... это чувствую... А ты... не можешь... чувствовать... Ведь он... и есть... новое... сердце.

Видение исчезло так же стремительно, как появилось. Голова вновь прошла, только на душе остался осадок, словно сердце сжали в тиски и не дали ему стучать так сильно, как оно того желает.

Асмодианин рывком поднялся. Он замер и водил глазами по сторонам. Спустя минуту он воскликнул:

— К балауру! — и достал письмо, так прожигающее его сердце.

«Почему именно сейчас оно меня так волнует? — задавал себе вопрос Даэв. — Почему так больно от того, что я не могу ничего изменить?.. — на душе скребли кошки. — Пусть всё катится к драконам!»

Териан решил, что будет делать. Ему вдруг стало плевать на всё остальное. Разум заняла навязчивая идея, которую он не мог отвергнуть. Больше не мог.

Асмодианин аккуратно сложил злосчастное письмо и убрал его в тот же потайной карман брони. Оно больше не играло роли. Териан знал, что сможет защитить их... Надеялся на это...

Он бежал вниз по лестнице. В глазах горел прежний огонёк. Выбежав на улицу и растолкав мёрзнувшую стражу, Даэв понял, что не чувствует холода. Ему было некогда его чувствовать.

Но вдруг тело пробрало волной, пронзившей его, словно стрела бумагу. Асмодианин на миг замедлился и оглядел пространство. В метрах десяти от него воздух завертелся и стал закручиваться в огромную воронку. Она запылала изнутри, пока не выросла до нескольких метров в диаметре.

— Разлом?.. — машинально промолвил Териан.

К нему тут же подбежали перепуганные стражники.

— Что это? Что происходит? Это портал в Элиос? Почему он открылся в городе? — аканы закидали бессмертного вопросами.

Даэв подошёл к воронке. Рядом с ней он чувствовал себя невероятно хорошо.

«Она не засасывает Эфир, как портал в Элиос, — заметил он. — Из неё вытекает Эфир...»

— Это разлом в Бездну, — уверенно ответил Териан.

— Как это возможно? — к Даэву подбежал страж с конским хвостом на шлеме. Видимо, офицер. Метель мешала ему говорить, но он всё же произнёс. — У нас уже есть разлом в Арэшурат. Там, — воин указал на многометровую светящуюся воронку, зависшую над городом.

— Она затягивает Эфир, а из этой он вытекает, — крикнул в ответ бессмертный. — Он нестабилен, отойдите подальше.

Стражники, собравшиеся на странное чудо, попятились назад. Из разлома никто не выходил, значит, он не был открыт специально.

«Потоки Эфира вновь сменили направление...» — догадался Даэв.

— Ждите здесь! — скомандовал бессмертный и раскрыл крылья.

Чёрные перья тут же облепил свежий снег, да и ветер был такой силы, что сносил с места. Териан осторожно поднялся в воздух, стараясь, чтобы поток воздуха не впечатал его в какой-нибудь дом. Поднявшись на метров двадцать от земли, асмодианин нахмурил брови и напряг мышцы: сквозь буран с земли светились сотни маленьких огней, разбросанных по всей окрестности города.

Даэв так хотел оставить всё это на произвол на судьбы. Он был готов бросить это, но почему-то всё равно полетел вперёд. Мужчина хотел удостовериться, что все эти огни принадлежат таким же разломам. Териан выбрался за пределы города. Здесь, на южной равнине, буря была ещё сильнее. Кое-как снизившись и чуть не переломав от ветра крылья, асмодианин заметил истечение Эфира из похожего портала. Даэв огляделся. Таких порталов в округе были сотни. Что было способно открыть такое количество разломов, мужчина не знал.

Вдруг он почувствовал, как сквозь Эфир кто-то зовёт его. Знакомый женский голос. Териан немедленно полетел на зов. Через несколько минут сквозь метель он разглядел в воздухе пару белых крыльев.

— Белатрисс? — крикнул он, разглядев лицо белокурой волшебницы и ярко-голубые светящиеся глаза. — Ты что здесь делаешь?

— Териан, я... — мимо со свистом пролетела огромная ветка, и девушка ловко увернулась от неё. — Быстрее! Летим за мной!

Элийка развернулась в воздухе и замахала крыльями в сторону юга. Мужчина помчался за ней. Большую пушистую шубу Трисс срывало на ветру, но девушка старалась держать её, всё сильнее укутываясь в мягкий мех.

— Что происходит? — крикнул Териан, чтобы сквозь буран элийка его услышала.

— Это разломы в Бездну! — громко ответила она. — Они открылись по всему Элиосу! Я нашла источник, нам нужно торопиться!

Впереди не было видно ничего, кроме бешено летящих в лицо хлопьев снега.

— Кто-нибудь рискнул в них войти? — спросил асмодианин.

— Нет, — крикнула Трисс. — Они нестабильны. Самоубийц не нашлось.

— Что могло открыть их?

— Не знаю. Что-то с Бездной и Эфиром, — протянула девушка.

— О чём ты?

— Из Бездны пришла весть, что Око начало увеличиваться в размерах. Не знаю, что могло вызвать его рост. Возможно, слишком большое количество Эфира, вот Бездна и начала выбрасывать его в Элиос и Асмодею через такие разломы, — предположила она.

— Странно звучит, — промолвил Даэв. — Как ты вообще здесь оказалась?

— Искала источник, куда выбрасывается наибольшее количество Эфира. Он оказался в Белуслане.

— И как ты его выследила? — недоверчиво спросил асмодианин.

— По Эфирным потокам, — ответила Белатрисс. — Они были сильнее на вашей стороне Атреи — волшебники это чувствуют лучше воинов. Я перенеслась через разлом в Морхейм, а оттуда уже на крыльях прилетела в Белуслан.

— А меня-то как нашла?

— Просто позвала тебя, и ты сам явился. Я не знала, где ты, но надеялась, что в Белуслане.

— Зачем?

— А кто ещё мне может помочь среди этих снегов?

Метель начала стихать. Даэвы потихоньку выбирались из полосы бури. Снег больше не бил в лицо и не сковывал крылья, а от холода не знобило.

— Что ты собираешься делать? — спросил Териан. При нормальной погоде можно было перейти на обычный тон.

— Найти причину этого явления. Мне интересно, что это всё значит... — задумчиво ответила девушка.

— Куда мы летим?

— В Кинунгап.

Териан удивился. Хотя, с другой стороны, в этом не было ничего странного. Вокруг Кинунгапа разломы открываются пачками из-за большой концентрации Эфира в воздухе. Пока всё звучало вполне логично, но сердце Даэва всё равно тревожилось.

— Здесь всегда бродили балауры... — сказал Териан, осматривая дорогу, ведущую к форту драканского легиона Бакрама, оккупировавшего этот уголок Белуслана. — А нынче ни одного не видать. Только одни разломы кругом... Куда все подевались?

Трисс не ответила. Наверное, не знала. А если и знала, то вряд ли бы сказала, потому что ответ асмодианину не понравился бы.

Несколько часов Даэвы летели к Ледяному городу. Когда из-за холмов показались его обледевшие башни, девушка спросила:

— Не устал?

— В воздухе полно Эфира из-за этих порталов. Я не устаю, — буркнул он.

Бессмертные завернули к старой городской стене, которая сейчас представляла собой просто ледник. Холод, исходивший из недр города, начал пробираться до костей. Трисс сильнее укуталась в шубу. Асмодианину оставалось лишь терпеть привычный ему мороз.

Девушка залетела в город и приземлилась на центральной площади. Она сбросила крылья и задумчиво огляделась. Целый район словно замер на мгновение. Будто кто-то сделал фотографию и теперь показывал её вместо пейзажей центра Кинунгапа.

Посиневшие ото льда скульптуры людей застыли в тех позах, в которых встретили ледяное дыхание Эрискала — Лорда балауров, который в одночасье заморозил целый город накануне Катаклизма. Кто-то бежит по улице, заметив в воздухе силуэт огромного дракона. Вот молодой парень смеётся и разговаривает с друзьями, не ожидая, что этот смешок будет увековечен во льду. Вот мамаша держит за ручки кроху и ведёт её на последнюю в их жизни прогулку. Все жители Кинунгапа обратились в ледяные статуи в один миг. Здания и сооружения прежде прекрасного города стали заснеженными холмами. Из бескрайнего снежного бархана выглядывала лишь высокая башня местной колокольни, покрытая толстый

слоем синего льда.

— Ужасное зрелище... — пробормотала элийка, сильнее укутываясь в свою одежду.

Асмодианин приземлился рядом и мимолётным взглядом пробежался по привычному пейзажу. Да, город, замеревший в ледяных оковах, трогал сердце, но ко всему быстро привыкаешь. К трагедиям — тоже. Ещё юношей Териан помнил, что может сотворить дыхание Эрискаля. Но Кинунгап по заслугам остался в памяти людей крупнейшим из бедствий, принесённых Ледяным Лордом.

— Куда теперь? — прозвучал настороженный голос асмодианина.

— Идём к храму, — волшебница позвала его за собой. — Я чувствую, что оно там...

— Что именно «оно»? — Териан напрягся и сощурился.

Белатрисс, словно заворожённая, следовала на неведомый зов. Мужчина ступал осторожно, его внутреннее чутьё твердило об опасности.

В сотне метров от Даэвов посреди площади высился оледенелый храм Айона. Сквози метровый ледник, покрывший его, виднелись очертания древнего здания. Териан заметил, что храм был очень похож на те, что строили люди до Катаклизма: широкий арочный вход, три нефа, большой и высокий купол, венчавшийся изображением солнца — Ока Айона, некогда озарявшего Атрею из центра Башни Вечности.

Приблизившись к храму, мужчина замер. Шестое чувство умоляло остановиться. Оно вопило, что нужно идти назад. Причём как можно скорее.

— Ты уверена? — в который раз переспросил асмодианин.

— Абсолютно, — холодно промолвила Трисс и осторожно прикоснулась к ледяной стене, сковавшей здание.

Териан услышал шорохи за спиной. Он схватился за мечи и обернулся. Под ногами вдруг затряслась земля. Чутьё велело отпрыгнуть в сторону, словно в него летела невидимая стрела, но Даэв не успел бы — из-за содрогания ледяной корки было сложно банально удержаться на ногах.

Вдруг всё тело асмодианина сковало в конвульсиях. Он рухнул на землю. Тут же землетрясение прекратилось.

«Ловушка...» — догадался Териан, но было уже поздно.

Он с трудом повернул голову и увидел, как Белатрисс читает заклинание оков.

— За... чем... ты... де... — кряхтел мужчина, валяясь на льду без возможности пошевелиться.

— Прости меня, Териан Лекас... — дочитав заклинание, сухо промолвила девушка.

Действие магии прекратилось. Даэв тут же рывком поднялся на ноги и достал два меча из ножен. Но вдруг ледяные статуи жителей начали двигаться и шипеть. Териан Лекас, увидев это, отбежал назад, оказавшись в самом центре круглой площади перед храмом. Из трескающегося льда начала проступать зелёная чешуя и огонь красных глаз.

— Балауры... — оскалившись, прошипел мужчина и тут же сменил пару мечей.

Фигуры людей чудесным образом превращались в трёхметровых драканов. Такое было возможно только при помощи сильнейшей магии, скрывавшей истинный облик ящеров от посторонних глаз. Вряд ли элийская волшебница была способна на такое, и Териан это понимал. Где-то ещё остаётся в тени более сильный враг, и опасаться надо было его. Тем временем рогатые твари, перевоплощаясь, громко рычали, словно дразнили Даэва, и махали перед собой огромными заострёнными дубинами.

«Их слишком много... — оценивал ситуацию воин. — За одну жизнь всех не одолеть...»

Пока мужчина готовился к бою к приблизительно пятью десятками офицеров балауров, обступивших его со всех сторон, он молча обдумывал, зачем Белатрисс привела его в ловушку. Очевидный вариант был всего один: элийка — заодно с ящерами.

Девушка тем временем стояла около замёрзших дверей храма и задумчиво наблюдала, как полсотни драканов движутся к асмодианину, сужая круг. Териан Лекас спросил бы у неё, зачем она это сделала, но он был уверен, что волшебница не ответит.

И вот первые балауры атаковали Даэва. Они с диким воплем замахнулись своими дубинами, надеясь одним ударом поразить бессмертного. Но Териану удалось уклониться. Контратаковать огромного дракана было невероятно сложно, асмодианин надеялся, что сможет перекатом выбраться из кольца элитных балауров, но шансов на это было очень мало.

Уклонение. Чутьё вопит, что сзади к нему приближается вражеское оружие — надо падать на спину. Даэв слушается, и в сантиметре от его груди проносится массивная дубина с шипами. Перекат. Острый шип вонзается в лёд рядом с головой асмодианина. Рывок. Мужчина уже на ногах, отпрыгивая в сторону от очередного удара. Есть. Приземление на спину. Подсечка. Балаур, не ожидая подлого удара по ногам, громко падает на землю прямо под удар своего сородича. Минус один. Ещё сорок девять... Навскидку.

Драканы звереют и кучей бросаются на Даэва.

«Семь орудий... Не увернуться, не уклониться, не парировать... — чутьё моментально оценивает ситуацию. — Нужно снизить урон. Броситься под крайнее справа — перелом двух-трёх рёбер, но не смертельно...»

Териан напрягает ноги, чтобы оттолкнуться, но тут все балауры замирают, покрываясь сантиметровым слоем льда. Кто-то смог заморозить их одним взмахом руки. Даэв отбегает и видит, что Белатрисс заключена в огромный овальный кокон из блестящего синего льда. Девушка застыла в неестественной позе, а её «гроб» парит в двум метрах над землёй. Рядом с девушкой стоит человеческая фигура, облачённая в ветхую чёрную мантию. Из-под глубокого капюшона до пояса спускаются белые волосы.

— Как вы посмели явиться сюда?! — низкий мужской голос, шедший, определённо, из-под капюшона таинственного незнакомца, оглушил и заставил Териана скорчиться и крепко прижать ладони к ушам. — Я уничтожу вас за это!

Мужчина говорил на балаурском языке, смотря на неподвижную элийку. Затем он взмахнул бледной рукой, и все балауры, статуями застывшие вокруг Териана Лекаса, рассыпались на тысячи маленьких осколков, с приятным звоном разлетевшихся по площади.

Асмодианин замер на месте. Он не знал, кто это, поэтому улетать отсюда в данный момент было не лучшим вариантом — можно привлечь к себе слишком много лишнего внимания. Однако тот факт, что незнакомец убил только балауров, грел сердце Териана. Это означало, что он испытывал жгучую ненависть только к ящерам, а не к асмодианам.

Вдруг незнакомец повернулся лицом к Даэву. Из-под капюшона засветились его синие глаза. Териан всё ещё сжимал в руках мечи, не зная, что предпринять дальше.

— Убирайся отсюда, Даэв! — проговорило на асмодианском существо и взмахнуло рукой.

Териан в тот же миг отлетел назад и впечатался в ледяную стену ближайшего здания, выронив оружие. Асмодианин, хрипя, осел на землю, пытаясь восстановить дыхание после сильнейшего удара. Незнакомец же продолжил разбираться с элийской волшебницей.

— Как у тебя хватило наглости нарушить мой покой, поганая тварь?! — орал он. — Да

ещё привести сюда своих приспешников?!

Пусть мужчина был далеко от Териана, но звук его голоса оглушал. Белатрисс всё ещё была в плену льда, словно насекомое в янтаре. Асмодианин с трудом поднялся на ноги, подобрал мечи и собирался скрыться, но последняя фраза незнакомца заставила его повременить с побегом.

«Приспешников?.. — повторял про себя Даэв. — Да кто ты такая?..»

В голове Териана тут же собралась картина.

«Ты балаур?.. — мысленно зашипел он на Белатрисс. — Значит, всё это ради того, чтобы поймать меня?..»

Новая версия разрасталась в голове асмодианина, словно паутина. Он вспоминал всё, что связано с Трисс. Если поначалу поверить в то, что она могла быть засланкой драканов, было сложно, то сейчас...

«Ты почти всегда была со мной, — думал Даэв. — Даже чаще, чем с Даймоном. Следила за мной? Оберегала? Выведывала тайны? Втиралась в доверие и даже пошла на измену?»

Не мог асмодианин не отметить то, что она всегда была в курсе политических дел.

«Даймон доверял тебе, как и Фаметес. Ты всегда знала, что собираются предпринять элийцы, а, значит, могла с лёгкостью рушить их планы, передавая информацию балаурам... Но ты всего лишь наблюдала... Неужели я — главная цель? Тогда почему ты приняла облик Белатрисс? Почему не кого-то из асмодиан? Почему не Эви?..»

Незнакомец продолжал свой монолог на балаурском. Териан старался не слушать его оглушительный голос, а уединиться со своими мыслями.

«Как Даймон не распознал в тебе врага? И те двое Даэвов, что постоянно плетутся вместе с тобой? Как Канеус пропустил это? Или он всё знал? — размышлял асмодианин. — Даймон рассказывал, что встретил Трисс, когда она была ещё смертной. Значит, подмена произошла позже... Когда? Когда она вернулась из похода в Сарфан? Нет, они были вчетвером. Позже... Когда она была одна...»

Всё вдруг прояснилось.

«Когда мы попали в плен к ящерам... Идеальный момент... Значит, спасла меня не Белатрисс, а ты! Побег был подстроен — я должен был сбежать... Но зачем тогда Арисса пудрила мне мозги?.. Конечно... Если я не соглашусь на её условия, она не могла допустить, чтобы я скрылся... Мне нужен был надсмотрщик... Но как можно просто так украсть Даэва? Где же тогда сейчас настоящая Белатрисс?..»

Получалось довольно логично. Но Териан не хотел верить в свои догадки. Это было слишком предусмотрительно для драканов. Хотя если вспомнить недавнее открытие... Асмодианин начал опасаться другого: что волшебница — настоящая, но в ней — стигма балаура...

Териан сделал осторожный шаг к незнакомцу. Тот не отреагировал. Тогда Даэв спросил, хоть и понимал, что это очень рискованный ход:

— Кто она? Настоящая Арисса?

Мужчина повернул голову и рявкнул:

— Арисса я бы раздавил одним взглядом.

Значит, под милым личиком Трисс скрывался кто-то более могущественный. Териан насторожился и терялся в догадках. Тем временем с кокона начала обильно стекать вода. Ледяной гроб потихоньку оттаивал. Тело девушки начало тускло светиться красным огнём,

будто изнутри проступает разгорающийся пожар.

Когда по кокону пошли трещины, и он, казалось, вот-вот разлетится на осколки, незнакомец прокричал:

— Убирайся в своё убежище, трусливая крыса! И больше никогда не возвращайся сюда!

Он взмахнул рукой, и Белатрисс тотчас обратилась в огромную пылающую птицу. Существо, скрывающееся под телом элийки, закричало так пронзительно, что уши вывернуло наизнанку. Оно на секунду приземлилось перед незнакомцем. Териан успел рассмотреть его пылающий силуэт.

«Это не птица... — догадался он. — Это дракон!»

Мужчина вновь взмахнул рукой, и огненный балаур растворился в воздухе, а его кричащий вопль вместе с огромной тенью улетел куда-то вдаль. Незнакомец вновь обратил внимание на задержавшегося гостя и пошагал к нему.

— Я же сказал тебе убираться, Даэв, — голос его стал тише и теперь походил на нормальный.

Териан не спешил прятать мечи в ножны. Кто знал, какие намерения были у этого странного создания.

— Вы прогнали её... — отозвался асмодианин, замерев на месте. — Кто же это был?

— Та, что предала всех нас. Та, что возжелала большего, чем она есть, — мужчина приблизился почти вплотную к Даэву.

— А кто тогда Вы? — Териан сильнее сжал в руках мечи.

Незнакомец снял капюшон. На асмодианина теперь смотрело бледное человеческое лицо мужчины лет тридцати пяти. Глаза его пылали синим, а длинные белые волосы развевались на морозном ветру Кинунгапа.

— Не говори, что не узнаёшь меня, гибрид Даэвов. Я ненавижу, когда мне лгут... — проговорил он.

Териан посмотрел в его глаза. Тело пронзило странное чувство, будто кто-то проникает в душу. В памяти асмодианина сразу всплыл такой же взгляд, от которого выворачивало и хотелось сбежать. Даэв напряг все мышцы и, оскалившись, промычал:

— Эрискаль... Лорд балауров...

Мужчина спокойно выдохнул. Воздух рядом с его носом тут же захрустел от мороза.

— А ты называешь себя Терианом Лекасом? — могущественный дракан в обликии человека сощурился, в взгляд запылал ярче. — Мы встречались раньше.

— Ты помнишь меня?.. — зашипел асмодианин, прокручивая в памяти момент, когда впервые увидел Лорда балауров и... когда умер его лучший друг.

— Я помню всё, — существо развернулось и отошло на пару шагов. Волосы его наполнил холодный ветер, что моментально обжёг стужей лицо Даэва. — И знаю всё.

В голове Териана Лекаса тут же возникла безумная мысль снять голову с плеч балаура.

— Ты всерьёз думаешь, что можешь сделать это? — Эрискаль словно прочитал мысли Даэва. Он повернулся на миг, взглянув на оружие асмодианина, и два меча, что сжимал в руках Териан, рассыпались на сотни крошечных льдинок, остудив до острой боли его пальцы.

Бессмертный дёрнулся и отпрыгнул назад, округлив глаза. Зелёное свечение в них сменилось на ярко-красное.

Балаур повернулся и усталым взглядом посмотрел на Даэва, будто ожидая его вопросов.

«С чего Вождю драканов говорить со мной?» — пролетело в голове Териана.

Спустя пару секунд молчания асмодианин всё же заговорил:

— Как давно за мной охотятся балауры?

— Не тот вопрос, — монотонно произнёс ящер, отвлѣкшись от Даэва.

— Почему?

— Ты знаешь на него ответ.

Териану сразу вспомнилась беседа с Френосом в Фоэте. Мужчина оскалился.

— Что Белатрисс нужно? — он попробовал задать иной вопрос.

— Белатрисс? — искоса ухмыльнувшись, переспросил дракан.

— Этому существу, — поправился Териан.

— Ему нужно нарушить баланс на Атрее.

Асмодианин хмыкнул. Это было странно слышать из уст предводителя балауров.

Териану хотелось ответить что-то дерзкое, но он лишь промолвил:

— Айон не позволит... — это звучало как вопрос.

Дракан засмеялся.

— Айон... Что ты знаешь об Айоне, Даэв?

Этот вопрос звучал странно. Как и интонация Эрискаля. Териан молчал и ждал, когда Лорд сам пояснит, что имеет в виду.

— Айон давно не может ни на что влиять... — заговорил балаур. — Будет ли Он помогать своим детям, если Он ещё тысячу лет назад их оставил?

— Это не так... — неуверенно пробормотал асмодианин.

— Хм, скажи мне, Даэв, разве Айон завещал нам воевать между друг другом? Разве Он предотвратил разрушение Башни Вечности? Разве Он спас наш мир? Разве Он повлиял на ваши расы, чтобы остановить войну? А сейчас ты слышишь Его глас?

Териан ничего не ответил. Он знал, что в речах балауров яд, поэтому старался осторожно относиться к словам Эрискаля. Тем более Лорд не спешил делиться мудростью, а постепенно подводил асмодианина к своей истине.

— Не Айон завещал элийцам и асмодианам стремиться разрушить чужое основание Башни, — продолжал свой монолог великий дракан. — Тогда откуда вам знать, что это поможет сохранить мир, а не разрушит Атрею окончательно?

— Тогда почему не сказать всем, что это не выход? — недоверчиво спросил Териан.

Длинные белоснежные волосы Эрискаля рисовали в воздухе всевозможные узоры, но взгляд Лорда был неподвижен, словно балаур замер в столетиях или в своих воспоминаниях.

— Ты ответишь на этот вопрос сам, — наконец, промолвил ящер в облиии человека после минутной паузы. — Признай, что судьбами людей управляет не мнимый Айон, а Шедимы и Серафимы, бывшие Служители Вечности.

— Тебе выгодно так говорить, Эрискаль, — презрительно искривил лицо Териан Лекас. — Балауров всё устраивает. Единственный исход, неблагоприятный для вас — это объединение рас, а ты не можешь этого допустить...

Лорд рассмеялся, но через секунду на его лице воцарились прежние холод и равнодушие.

— Все проблемы, которые стоят перед людьми, выдуманы ими самими, — сказал ящер. — Ты не можешь знать, о чём я думаю и чего желаю. Балауры до сих пор пытаются захватить мир, но веду их не я, а Тиамат. А я ненавижу её, Даэв. Ты знаешь, почему. И ты видел это... Мне остаётся лишь ждать, когда Атрее придёт конец, совершенно неважно, по какой причине. Тогда я смогу создать новый мир. А изменить старый у меня не хватит сил.

— Ты ждёшь конца света? — удивился Териан, шагнув к балауру.

— Да, но я не тороплю его приход. Всё должно происходить в своё время, — Эрискаль взмахнул рукой, и снежинки, вылетевшие из его рукавов, закружились в вихре, поднимаясь к небу. — Ты прав: если элийцы и асмодиане вспомнят, что они не виновны в войне, и объединятся против Тиамат, я огорчусь. Но не из-за того, что преследую те же цели, что и она, а потому, что в таком случае конец отложится на большой отрезок времени, и мне придётся ждать ещё дольше... Я не в праве влиять на расклад сил... Моё дело лишь предупредить, что может произойти, если вовремя не остановиться.

— Почему же ты вдруг отгородился от своих сородичей? До Катаклизма все пять Лордов были едины и желали одного...

— Опять ты за своё, глупый Даэв, — перебил его дракан. — Я, как и сейчас, желал порядка на Атрее. Мне нужны были силы других Властелинов, чтобы истребить хаос, но в тот раз мне не удалось добиться цели... — было видно, что Эрискаль нахмурился. Воспоминания не были приятными для него. — Вместо одного хаоса пришёл другой. И так будет повторяться до бесконечности, пока мир не рухнет. История имеет привычку повторяться, Даэв...

— Башня Вечности пала, и ты приложил к этому руку... — Териан прожигал Лорда глазами. — Ты тоже виновен во всём, что случилось после Катаклизма.

— Прошлое не изменить, Даэв. Думай о будущем, — спокойно ответил дракан, засмотревшись на пасмурное небо. — Но не вини меня во всех грехах, ибо ты слеп и не видишь истину. Как и все люди. Как и все балауры.

— И в чём же истина? — вновь оскалился асмодианин.

Эрискаль вздохнул. По площади разнёсся холодный ветерок. Териан невольно вздрогнул от мороза. Лорд балауров тем временем заговорил:

— Шедимы возлагают на тебя большие надежды. Но они ошибаются: ты не сможешь ничего изменить — капкан захлопнулся на тебе уже давно.

— А кто сможет? — Териан напрягся от слов дракана.

— Изменить всё невозможно. Есть шанс лишь продлить жизнь на Атрее, ненадолго принесся мир на её земли.

— И кто способен на такое?

— Тот, кто ещё не появился на свет, — Эрискаль зашагал по площади. От его шагов лёд шипел и хрустел, словно сильнее замораживаясь. Вдруг Лорд остановился и посмотрел на грудь Даэву — как раз туда, где он хранил тайное письмо. — И только от тебя зависит, появится он или нет...

Дракан недвусмысленно заглянул в глаза асмодианину. Териан почти сразу понял его намёк и сжал в напряжении кулаки. Эрискаль продолжал:

— Балауры следят за тобой. Ты знаешь, зачем. Так пусть и впредь они следят только за тобой...

Асмодианин вздохнул. Это значило, что придётся выполнить то, что он так не хотел делать. По крайней мере, слова Эрискаля звучали логично и стройно. Пока сомневаться в них не было причин.

— Так кем меня считают Шедимы? — после паузы отозвался Даэв.

Кажется, Лорд хмыкнул и улыбнулся.

— Кого бы из тебя не строили Служители Вечности, ты так и остаёшься лишь безмозглой крылатой курицей у них на побегушках...

— Я не подвластен никому! — пытался возразить Териан Лекас.

— Ты действительно так думаешь, наивный Даэв? Я переоценил тебя... — протянул Лорд балауров и спустя минуту молчания продолжил. — Ты их марионетка с тех пор, как стал асмодианином, когда Асфель даровал тебе это тело. Подумай, зачем тебе когти. Чтобы охотиться? Но у асмодиан всегда были мечи и стрелы... Зачем нужны красные глаза? Чтобы звери вас боялись? Но ведь они не боялись, правда?... Зачем серая кожа? Чтобы вас не было видно в снегах? Но асмодиане не ходили без одежды, а, значит, смысла и в этом не было... — казалось, Эрискалю надоела эта беседа. Он заговорил громче. — Спроси себя, зачем Асфель вас обратил? Зачем сделал непохожими на прежних людей? Чтобы выжить? О нет, и ты знаешь, что это не так... Он знал, что люди на южном осколке живы и готовил вас к войне с ними с самого Катаклизма. Даже ещё раньше... Если бы вы с элийцами были внешне неразличимы, испытывали ли бы вы ненависть друг к другу из-за внешнего вида? Считали ли бы вас элийцы дикими зверями, не будь у вас когтей? Нет! А Вы их — трухлявыми слабаками? Тоже нет! Не из-за легиона Бури началась эта великая война, ведь разлом тогда открыл сам Маркутан, Ткач Судеб, который всеми силами разделял ваши расы... Не из-за стражей асмодиан, встретивших их, началось кровопролитие. Из-за чего же? Может, из-за того, что Джикел спровоцировал его, требуя проклясть Серафимов? — Эрискаль дал время Териану обдумать сказанное. — Я назову тебе истину: в войне виноваты Служители Вечности — все до единого!.. И все вы их куклы... Эта война началась не в Морхейме, а в Башне Вечности, когда Асфель напал на Бритру, а Израфель не смог ему помешать. Хотя, если бы Израфель осуществил им задуманное, он бы убил всех пятерых Лордов одним махом... Балауры были бы обескровлены... Но всё не так. Спроси, почему и кто виноват. Я отвечу снова: Служители Вечности.

Териан часто и громко дышал. Он пытался не попасть под влияние слов великого Властелина. Мужчина вдруг вспомнил тот момент, когда к оставшимся в живых Даэвам вышел сам Асфель и велел подойти, чтобы переродиться в асмодиан.

«Наша раса никогда не будет безоружной! Мы выживем во славу новому миру врагам назло! — говорил он, как будто это было вчера. — Теперь мы с вами не просто люди, мы — асмодиане! Этот день знаменует начало новой эры!»

Териан прогнал беснующиеся воспоминания и вернулся в настоящее.

— Но ты... — озлобленно обратился он к Эрискалю. — Разве ты не был марионеткой в игре Фрегиона и Бритры, м? Разве не они добились своей цели, разрушив Башню?

— Фрегион не желал этого... — тихо промолвил балаур. — Он хотел занять место Создателя в ней, но уничтожать мир у него планов не было. Всё вышло спонтанно... Потом выяснилось, что Бритра задумал это, подставившись под неосторожный удар Асфеля. Как похвально, что Служители Вечности и Бритра думали об одном...

— Я не понимаю, зачем... — Териан пытался сдерживать эмоции гнева, которые вызывали слова Эрискаля. — Зачем Служителям эта война?

— Ты знаешь ответ... Они — люди... А люди всегда хотят большего...

— Только не сравнивай людей и балауров... — прошипел асмодианин.

Лорд хмыкнул и повернулся лицом к Даэву.

— Представь, что балауров никогда не существовало. Тогда на вершине пирамиды были бы люди. Они бы управляли этим миром и были бы великой расой... — начал он. — Спроси себя, а поступили ли бы они по-другому, окажись у них в руке Меч Властителя. Вот вопрос... Ты знаешь, что вы бы также ставили себя выше всего живого, как и мы когда-то.

Думаешь, люди не убивали бы животных ради удовольствия, если б возгордились и поняли, что выше них никого нет? А ведь Айона мы уже не боялись... И вы бы не боялись... Убивали бы вы, чтобы ещё раз почувствовать своё превосходство над миром? Да, как и мы. Вы бы так же, как балауры, уничтожали природу ради своего блага. Вы бы точно так же устраивали кровополитные войны. Если бы вы не нашли достойного врага среди других разумных рас, то воевали бы друг с другом... ради территорий, интересов, взглядов — ради всего, чего угодно, лишь бы был повод пустить в ход насилие и проявить природную жестокость. В каждом звере есть жестокость, но слабые животные сдерживают её из-за страха перед сильными... Вы бы её не сдерживали, потому что не боялись никого. С нами случилось то же самое, — Эрискаль подошёл вплотную; холодное дыхание его вымораживало лицо Даэва. — Благодарю Айона за то, что Он создал нас. Иначе люди бы стали бичем Атреи...

Териан не мог сказать ни слова против — логика Эрискаля была безупречна. Она заставляла задуматься о том, «что было бы, если...»

Мужчина прятал взгляд от нависшего над ним Лорда балауров. Он несколько минут молчал, переваривая сказанное драканом. Оставался один вопрос: зачем он начал этот разговор...

— Почему же ты не восстанешь против других Лордов, раз так ненавидишь свою расу? — спросил Териан, чувствуя, как внутри закипает кровь от напряжения.

— Третий раз я повторять не буду, — балаур слегка отошёл, но взгляд его был всё так же прикован к асмодианину. — Я не хочу больше воевать... Я только наблюдаю за Вами уже сотни лет. Моё кредо — создавать. Дай мне город, погрязший в хаосе, и я наведу в нём порядок. Дай мне выжженные земли, и через год в реках снова будет журчать вода, а почва будет плодоносить.

— Так возмись за этот мир, — теперь Териан подошёл ближе, не понимая Эрискаля. — Всё, что ты сказал, здесь есть. Город в хаосе — Пандемониум. Выжженные земли — Теобомос. Почему ты сидишь здесь и прячешься, как трус, если можешь «навести порядок»?

Лорд щёлкнул зубами, но ни одна мышца на его лице не дёрнулась от такой дерзости.

— Я уже говорил, что не в силах изменить всё...

— Измени хоть что-то!

— Бесполезно... Я пришёл к выводу, что этот мир невозможно спасти...

— Попытайся же, — Териан был настойчив, словно он забыл, что перед ним — великий Лорд балауров, а не дитя, которое боится перелезть через забор.

— Я пытался, — Эрискаль опустил голову, но не от смущения или грусти: казалось, он вовсе не знает чувств — по земле тут же в разные стороны поплыли голубые узоры. Они забирались по стенам зданий и пропадали, дойдя до крыш. — Это я принёс жизнь на внешнюю половину планеты. Я считал, что это самое малое из того, что я могу сделать, чтобы искупить вину моих собратьев за Катаклизм. За сто лет я превратил безжизненную пустыню в райские сады. Ингисон, Келькмарос, Сарфан, Каталам — всё это мои творения. Каждый куст, каждое насекомое было создано мной, чтобы жизнь вновь процветала на Атрее, — Эрискаль поднял холодные глаза на Даэва. — И что я увидел через девятьсот лет? Элийцы, асмодиане и балауры вновь воюют, но уже на моей земле. Я создавал эти края не для того, чтобы там проливалась кровь, но вы решили иначе... Что ж, это ваш выбор. В тот момент я понял, что бессмысленно пытаться изменить этот мир — нужно начинать всё сначала. Я и жду здесь такого шанса.

Лорд развернулся и медленно направился к храму. Стоя около его ледяных дверей, он бросил мужчине:

— А тебе я могу посоветовать лишь одно: если хочешь отсрочить конец, выполни то, что от тебя просят. обуздай свои эфемерные чувства и взгляни на мир беспристрастно. Хотя я понимаю, что людям это тяжело — вас создали такими.

Териан искал слова, чтобы возразить. Нужно было уцепиться за что-то, чтобы Эрискаль не скрылся сейчас.

— Ты не Айон, чтобы создавать миры. Это дело Всевышнего, — крикнул асмодианин.

Балаур замер. Сработало. Он обернулся, подумал с минуту и промолвил:

— А что есть твой Всевышний? — как всегда вопросом ответил дракан. — Покажи мне Его. Ты видишь своего Айона?

— Если Его не видно, это не значит, что Его нет, — Териан зашагал к Лорду. — Клянусь, Он слышал всё, что ты сказал только что.

— Ты прав, Он всё слышал, — холодно произнёс балаур.

Териан удивился. Он думал, что Эрискаль отрицает то, что Айон до сих пор следит за этим миром. Асмодианин сделал задумчивое лицо. Дракан дал ему времени подумать, но затем, чувствуя непонимание, заговорил сам:

— Айон здесь, но Он не способен ничего изменить. Даже если бы хотел. Он умирает. Даэв. Вместе с этим миром.

— Что? — тихо переспросил бессмертный. — Как такое может быть?

— Ты ответишь сам, если покажешь мне Айона...

Асмодианин хотел что-то сказать, но Эрискаль опередил его:

— Ты прекрасно знаешь, кто это, и сам видел Его не одну сотню раз.

— Я не понимаю.

— Неужели не догадываешься?

Териан молчал. Балаур по традиции подержал паузу, а затем начал:

— Ты чувствуешь Его каждый раз, когда обращаешься к внутреннему чутью, когда открываешь крылья и паришь...

— То есть, ты хочешь сказать...

— Эфир — и есть Айон, — договорил Эрискаль. — Весь Эфир, что есть на Атрее, и составляет божественную сущность, которой вы так поклоняетесь. Да, из-за Эфира здесь существует жизнь. Да, его магия способна делать чудесные вещи — это и есть магия Всевышнего. Око Айона — прежнее солнце Атреи было одним большим и плотным сгустком Эфира. Из-за Эфирного коллапса планета раскололась на две части. Именно Эфирный щит отделяет наш мир от окружающей его пустоты. Все чудеса на Атрее творятся из-за того, что в воздухе есть Эфир. Почувствуй своего Бога. Ты же ощущаешь, как Его потоки пронизывают твои пальцы, завихряются и плывут дальше?

Териан невольно посмотрел на свои ладони. В Кинунгапе концентрация Эфира была намного выше остального Белуслана, поэтому можно было чувствовать, как он течёт сквозь пространство.

Такое невысказанное и одновременно очевидное открытие заставило Даэва задуматься обо всём, что сказал Лорд балауров. Если он сам понял, что Айон — это всего лишь Эфир, то насколько велика его мудрость?.. Сколько интересного мог он ещё поведать асмодианину?.. Но Эрискаль больше не желал разговоров.

— Ступай отсюда, глупый гибрид двух Даэвов, — донеслось из-за спины великого

дракана. — Не тревожь меня. Я не люблю, когда меня будят понапрасну.

— Погоди! — Териан побежал вдогонку балауру. — Всего один вопрос!

Эрискаль снова замер, но уже не оборачивался.

— Почему по всей Атрее открылись порталы в Бездну?

— Это происки Тиамат... — тихо проговорил дракан. — Меня она больше не интересуется.

— А как же этот город? Он тебя интересуется? — асмодианин хотел как можно дольше задержать Эрискаля. — Почему ты его заморозил?

— Я покажу... — отозвался расплывающийся по площади голос Лорда балауров. — Прощай, Териан Лекас.

Подул холодный ветерок, и фигура Эрискаля рассыпалась на миллионы снежинок и понеслась по площади Кинунгапа. Асмодианский Даэв остался стоять один посреди пустынного ледяного города.

Фозта.

Фигура, облачённая во всё чёрное, осторожно ступила на полянку, где жил Френос. Незнакомец подошёл к двери, вырезанной в стволе огромного дерева. Удивительно, но было незаперто. Тень вошла внутрь. Дома никого не было. Старое плетёное кресло-качалка двигалось туда-сюда, словно в нём кто-то сидел. Незнакомец плюхнулся в него и бросил взгляд на интерьер. Маленькая самодельная деревянная кровать в углу, пара столиков, кресло, стул, стеллаж для вещей и куча полок. Всё было заставлено какими-то банками. Небрежно зажатые между ними старые пыльные свитки колыхались от малейшего сквозняка.

Тут фигура обратила внимание на клочок бумаги, лежащий на столике возле кресла. Она взяла его и принялась читать.

Дорогой Канеус.

Если ты читаешь это, значит, пришло время исполнить моё предназначение. Но также это означает, что и тебе пришлось худо. Прости, что тебе пришлось это испытать. Терять крылья очень больно не только физически. Поверь, я знаю это по себе, ведь когда-то и я стал жертвой балауров. Надеюсь, ты перенёс всё с достоинством.

Теперь тебя ждёт новая жизнь. Ты не умрёшь от старости, но будешь стареть, как обычный смертный. Относись к своей жизни бережно, ведь отныне твоя душа не привязана к кибелиску — для всех ты умер.

Тебе придётся взять моё имя — таковы правила. Если сельчане будут спрашивать, скажи, что ты мой ученик, и какое-то время будешь исполнять мои обязанности. А там и про меня забудут. Относись к своему новому посту ответственно. Знай, что провидец — один из важнейших людей на Атрее!

А я уже не вернусь. Мне предначертано погибнуть в Бездне в своей последней битве. Тебя тоже ожидает такая участь, но через долгие сотни лет. Я это знаю. Я это видел. И ты увидишь. Знай, что история повторяется — как и стрелки на часах, время ходит кругами. Ты отныне его хранитель. Береги Атрею. Береги свой дом.

С любовью.

Акариос.

P.S. Необходимые снадобья и литературу найдёшь в доме. Одежду я свою тоже тебе оставил. Присматривай за моими грибочками. И удачи тебе, сынок. Удачи во всём.

Фигура положила письмо на место и сняла с себя капюшон. Из-под балахона появилось лицо молодого юноши с большими глазами редкого тигрового цвета. Но теперь они не светились, как у Даэвов. Они были тусклы и отчего-то грустны. Парень откинулся на спинку кресла и попытался уснуть после долгой и утомительной дороги сюда. Теперь это его дом. Теперь он — Френос...

===== Часть 7. Глава 6. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 6.

Отредактировано.

За несколько месяцев до Катаклизма.

Белуслан. Золотой Кинунгап.

«Как же много здесь Эфира», — молвил про себя Служитель Вечности, собирая рукой маленькие прозрачные кристаллы, летающие в воздухе.

Громко и уверенно чеканя шаг по бежевого цвета камню, к великому гостю подошёл весьма пожилой мужчина — страж ворот города.

— Господин, мы польщены таким визитом, — протянул словно заученный текст старик. — Проходите в город, прошу Вас.

Страж глянул вверх на лучников, круглосуточно защищающих от нападения сторожевые башни, и махнул им рукой, чтобы они открыли ворота. Над входом громко застучали шестерни механизма, и створки начали медленно открываться, неприятно и громко скрипя.

Вдруг над головой стража что-то сильно ударило, откуда-то сверху отчётливо донесся звон металла.

— Ах, балаурский рог! Опять ворота заело! — негодуя прогудел старик и, рывкнув что-то про себя, стукнул металлическим сапогом по непослушной створке.

Затем, видя бессмысленность своих стараний, он оглянулся и виновато посмотрел на Служителя.

— Простите, мой господин. Механизм старый, чинить некому, слава Айону, что хоть как-то работает, — после такого рода извинения пожилой страж снова заворчал на старую рухлядь и медленно поплёлся к щели между ржавыми створками.

— Вы пройдёте, мой господин? — он растерянно обратился к Покровителю и стал суматошно мерить расстояние для прохода.

— Не волнуйся, воин. В этом нет нужды, — спокойно сказал Служитель и попятился назад от ворот.

Бессмертный Слуга чуть согнулся, воздух вокруг завибрировал. Быстрым рывком вниз и вверх Даэв расправил светящиеся белоснежные крылья, казалось бы, взявшиеся из ниоткуда. Выпрямившись, Служитель взмахнул ими пару раз, стоя на земле, и затем, слегка оттолкнувшись, взмыл в воздух, приятно зашуршав длинными перьями. Через несколько секунд он уже приземлился по ту сторону ворот.

— Чудеса! — раскрыв от изумления рот, пробормотал старик, наблюдая за полётом крылатого бессмертного. Увидев, как Служитель уже твёрдо стоит на земле и ждёт его, страж втянул в себя живот и стал боком пролезать между заевшими вратами города. Недовольно кряхтя и скрипя латами, он, наконец, преодолел металлическую преграду и, запыхавшись, с довольным лицом подбежал к Даэву:

— Я уже здесь, мой господин! Ловко Вы...

Служитель на это лишь взмахнул крыльями, и через мгновение они, словно старые трухлявые ветви, оторвались от его спины и упали на землю. Перья быстро почернели и

задымили. Спустя секунду их кончики вспыхнули и загорелись. Пламя медленно распространилось по некогда белоснежным крыльям, постепенно превращая их в пепел. Добравшись до основания, огонь, заискрившись, погас. После того, как от крыльев ничего не осталось, над землёй ещё какое-то время поднимался чёрный дымок с неприятным запахом горелого. Служитель пристально глядел на то, как его красивые перья догорели, а затем повернулся и осмотрел взглядом легендарный город, в котором почему-то ни разу до этого не был.

Перед взором Божьего Слуги открылся восхитительный вид на золотой город. Конечно, дома были сделаны не из чистого золота, а из кремово-бежевого камня, но они блестели на Солнце, словно покрытые кучей маленьких кристалликов. Всё вокруг: каменные дороги, дома, фонари, повозки, деревья — буквально каждая деталь города светилась, как гладь воды в полдень. Порой такой яркий свет ослеплял глаза, и приходилось прищуриваться, поэтому поначалу рассмотреть всё не получилось. Зато потом, когда зрение привыкло к излучению Эфира, Даэв смог разглядеть город во всей его красе. Улицы Кинунгапа были широкими, по бокам расстилались длинные зелёные аллеи из кустарников и деревьев. Под их тенью на бежевом камне стояли большие светлые скамейки на узорчатых круглых ножках. Над ними возвышались красивые чёрные прямоугольные фонари, освещающие улочки города по ночам. Дома были невысокими, но массивными. Толстые каменные стены создавали ощущение защищённости и простора. Крыши зданий были пологими и пёстрыми: виднелись красные, синие, светло-зелёные — казалось, всех цветов радуги. Тротуары и дорожки были выложены из небольших каменных плит — не было видно ни земли, ни грязи. За всё время пребывания в Кинунгапе Служитель ни разу не увидел ни одного деревянного строения — каждое здание было возведено из светлого камня и выглядело дорого и цивилизованно.

«Чем-то напоминает Сиэлу», — невольно подумал Даэв.

Стражник подошёл к бессмертному и услужливо заговорил:

— Мой господин, я провожу Вас в храм.

Старик медленно заковылял перед Даэвом и направился вперёд по одной из улиц. Служитель пошёл следом, параллельно осматривая красоту золотого города. Несмотря на прекрасный солнечный день, на улицах Кинунгапа было необычно пустынно. За время путешествия от ворот до храма в центре города Даэв увидел всего пару человек, вышедших из закоулка дворов на просторную улицу. Но, заметив незнакомца и стража, идущего перед ним, они быстро убегали обратно, шарахаясь по сторонам и боясь, что их заметят.

— Странные люди, — сказал своему проводнику Служитель.

— Не гневайтесь, господин, — протяжно говорил страж. — Это жители Кинунгапа. Они боятся всего, чего раньше не видели. Их можно понять, столько изменилось здесь за последнее время... — голос старика стал грустным и хриплым.

— Например?

— Я думаю, в храме Вам об этом лучше меня расскажут, — лишь пробормотал пожилой воин и замолчал. Всю оставшуюся дорогу пара не обменялась ни словом.

— Прибыли, мой господин, — наконец, сказал старик и указал пальцем на круглое, похожее на шатёр здание с голубой складчатой крышей и высоким шпилем. Даэв кивнул и обогнал стражника, войдя внутрь храма первым. Интерьер здания был безупречен. Белые стены и потолок, изрисованные сценами из истории Атреи, массивные колонны, разделяющие просторное светлое помещение на три нефа, огромный возвышающийся алтарь со скульптурами героев, в центре которого стояло большое кресло верховного жреца. Зал

был пуст, как и улицы города. Это было более чем странно и невольно насторожило Служителя.

— Где все? — чуя неладное, проговорил он.

— Сейчас позову Верховного жреца, мой господин. Подождите здесь, — с этими словами страж медленно заковылял к алтарю, с трудом поднялся по высоким ступенькам и, легонько приоткрыв дверь в тайную комнату за скульптурой Айона, вошёл в обитель хозяина храма.

Даэв постоял у входа и, не желая больше ждать, направился к пустому трону жреца. Только он приблизился к алтарю, как дверь в покои открылась, и навстречу Служителю вышла хрупкая женщина лет тридцати в храмовом белом одеянии. Её длинные тёмные волосы, струясь, падали на плечи, открывая взору дорогому гостю сосредоточенное холодное лицо хозяйки. Посланник Айона не ожидал увидеть женщину в роли Верховного жреца, да ещё и крупнейшего города людей из ныне уцелевших в Белуслане. Дама подошла вплотную к Служителю и заговорила первая:

— Доброго дня, Слуга Айона. Чем наш забытый Богом город обязан Вам своим визитом?

Даэв подал вперёд. Из его уст она услышала низкий голос хранителя запада:

— Здравствуй, Верховная жрица золотого города. Я к Вам по серьёзному делу.

— Слушаю Вас, лорд Израфель, — девушка присела на свой трон, выпрямив спину и смотря Служителю прямо в глаза.

— Меня тревожат дела давно минувших дней, — монотонно проговорил Служитель, пристально рассматривая жрицу.

— Что именно Вас интересует?

— Ходят легенды, что несколько сотен лет назад на эти места напала орда балауров и возвела здесь свой город. После этого они начали творить здесь зло, но вскоре нашли свою смерть. Мне нужно знать, как они погибли.

— Я поняла Вас, лорд Израфель, — отчего-то немного расстроившись вопросу, промолвила жрица. — О том событии спрашивали уже многие. К сожалению, свидетелей уже давно нет в живых, но история эта передаётся из уст в уста, из поколения в поколение, — она задумалась, опустив свои большие карие глаза. — Орду балауров уничтожил сгусток Эфира, поднявшийся из глубин земли. По преданиям, сам Айон не позволил драканам поработить эти края, подарив цветущие сады Белуслана людям.

Жрица закончила и вновь подняла взгляд, посмотрев на задумчивого Служителя Вечности. Тот с трудом смог выдавить из себя:

— Что ж, судя по последним событиям, мне не верится, что сам Айон вмешался в эти дела. Причина скрыта в чём-то ином, и я это знаю, — Даэв сделал паузу и хитро заглянул в удивлённые глаза женщины. — Как вас зовут?

— Эзикель, великий Слуга, — монотонно проговорила девушка. — Почему Вы не верите в Бога?

— Я верю в Бога, но боюсь, что Он перестал верить в меня, — Даэв заговорил холодно и безотрадно.

Жрица расслышала нотки отчаяния в голосе Израфеля и тоже заговорила тише:

— Странно слышать такие речи от Служителя Вечности... Может, Вы желаете исповедаться?

— Не сейчас, — Израфель выпрямился и продолжил беседу ровным уверенным

голосом. — У меня есть подозрения полагать, что то событие — не случайность, и длань Айона здесь ни при чём. Это очень важно, прошу, расскажите всё, что знаете.

Она понимающе кивнула, положила руки себе на колени и начала рассказ:

— Много лет назад на этих землях балауры возвели город. С тех пор начались трагичные страницы истории Белуслана. Эти ужасные создания не давали спокойно жить людям из ближайших деревень. Постоянные набеги, грабежи и убийства неустанно продолжались из года в год. Никакая сила не могла остановить кровожадных ящеров. И вот, однажды, собрав многотысячную армию, дракон Сибил — предводитель войск балауров, решил поработить все поселения людей в Белуслане. Ящеры выступили ночью. Покинув свой город, они пошли в сторону леса, за которым находилось первое на их пути село. Смертоносная армия медленно пробиралась сквозь густую чащу, Сибил же парил над ней в воздухе. Взмахи крыльев и ужасающий рёв, доносящиеся издалека, разбудили маленькую девочку в деревне неподалёку. Она побежала во двор и увидела дракона, летящего в сторону их поселения. Девочка испугалась и зазвонила в колокол, что значило тревогу. На громкий звон проснулась вся деревня и воины, защищающие село от набегов ящеров. Стражники достали оружие и готовились к обороне, но, увидев, сколько балауров выбегает из леса, они поняли, что пришёл конец, — девушка вздохнула и сделала паузу.

— И что было дальше? — спросил Израфель.

— Как только вся армия ящеров выбежала из чащи, перед ними из земли появился яркий светящийся шар...

— И когда он погас, на земле мёртвым ковром лежало всё многотысячное войско балауров, — перебил жрицу Даэв, буквально пропевая каждое своё слово.

— Да... — задумчиво произнесла жрица.

— А что с драконом?

— Бездыханное тело Сибила лежало у входа в деревню, — приподняв глаза, проговорила Эзикель. — Люди долго радовались волшебному спасению и в честь чуда, на месте, где появился шар, построили этот храм, а вокруг него и город из жёлтого песчаника, которым был богат Белуслан.

— И назвали его Кинунгап...

— Всё верно, лорд Израфель, — кивнула жрица. — А прозвище «золотой город» он получил из-за своего цвета. Весть о новом красивейшем поселении быстро разлетелась по Атрее, и сюда стали прибывать ремесленники со всего мира. С тех пор в Кинунгапе ковались лучшие на свете орудия и доспехи. Жаль, что всё изменилось...

— Что случилось с городом? Почему он так безлюден? — хмыкнув, спросил Служитель.

— Оглянитесь вокруг. Что стало с Кинунгапом... Из некогда крупнейшей обители мастеров он превратился в пустынный каменный музей. За последние десятилетия Эфира здесь стало так много, что его кристаллы уже покрыли тонким слоем все здания. Вы же заметили это, когда проходили по главной улице?

Израфель утвердительно кивнул.

— Эфир уже метут по улицам, как пыль! — жрица говорила громко, почти кричала, словно уговаривая Служителя разобраться в этом. — И с каждым годом его становится всё больше и больше! Раньше такого не было... Знаете, для Даэвов, возможно, это и хорошо, но люди сходят с ума. В прямом смысле... Эти кристаллы действуют на психику. Люди начинают бояться чего-то, их беспокоят странные видения и голоса...

— Этого не может быть, — перебил её Даэв. — Обычные люди не способны

чувствовать Эфир. Для них такие кристаллы, действительно, не больше, чем светящаяся пыль.

— Тогда что Вы скажете на то, что люди массово теряют рассудок? — с упрёком промолвила жрица и вскочила со своего трона. — Большинство жителей покинули Кинунгап, а те, кто остался, сошли с ума. Они стали вести себя, как звери. Только стражники ещё кое-как сдерживают порядок... И всё это случилось за последние лет тридцать. Именно тогда в таком количестве появился Эфир. Скажете, совпадение? Внешняя красота Кинунгапа — лишь оболочка того зла, что творится внутри! Я отсылала сотни писем в Сиэлу, но столичные жрецы словно игнорировали их, не дав ответа ни разу.

Израфель был озадачен и очень удивлён. Если это правда, то все знания об Эфире были неверны. Спустя минуту раздумий Служитель Вечности промолвил:

— Значит, я на верном пути... Мне нужно то, что убило балауров.

Женщина удивилась и посмотрела в глаза Израфеля. Они были полны решимости. Не похоже, что бы он шутил, говоря такие резкие слова.

— Но зачем Вам это?

— Эта субстанция притягивает Эфир и медленно убивает город. Я заберу её.

— Разве эта единственная причина? — в голосе Даэва Эзикель услышала что-то.

— Времена меняются. Становится сильнейшим тот, кто обладает самым мощным оружием. И это — оружие защиты.

Служитель был убедительным. Эзикель утвердительно кивнула и сказала:

— Я поняла Вас, лорд Израфель. Но что, если причина в другом? Если орду балауров уничтожил Айон?

— Это весьма маловероятно...

— Но почему? — пыталась найти причину уверенности Служителя озадаченная женщина.

— Айон не помог людям во время битвы за Элтенен. Его не было с нами, когда Мирастад отравил воды Бертрона. Бог не явился, когда мы рыдали над руинами разрушенного храма в Джумионе... Его храма... И, наконец, Он не пришел на спасение последнему войску людей в Теобомосе... когда я и потерял надежду на чудо, — Даэв не выражал эмоций. Он смотрел в одну точку и говорил ровно, словно это его не касалось.

— Вы не должны терять веру, — лишь ответила Эзикель. — Айон видит всё и не вмешивается, когда люди сами в силах справиться. Я сохраню наш разговор в тайне. Деймир, страж города, тоже будет держать рот на замке. Если Вы желаете забрать этот артефакт из города, я помогу Вам. Скажите, что мне делать?..

Сиэла.

— И знаешь, что самое противное? — говорил Асфель стоящему напротив фигуре в чёрном балахоне? — Что балауры предали Айона, а мы пожелали заключить с ними мир. Похоже ведь на предательство?

Собеседник молчал, не двигаясь. Из-под капюшона доносилось только его тяжёлое дыхание.

— Они говорят о былой безмятежности, о спокойствии, — продолжил хранитель севера. — Ариэль хочет подарить всему миру доброту, но она не понимает, что этой доброты заслуживают далеко не все! Тем более ящеры... — он сделал паузу. — Почему ты согласился с ней?

— У меня есть план, — наконец, промолвил незнакомец и снял с себя балахон. — Я помогу тебе разобраться с драканами, но пообещай, что ты ничего не предпримешь лишнего... И никому не расскажешь о нашем сговоре.

— Я клянусь Айоном, — уверенно сказал Асфель. — Говори, Израфель...

Накануне Катаклизма.

Белуслан. Золотой Кинунгап.

— Эзикель? — низкий мужской голос, донёсшийся из-за спины, заставил женщину обернуться.

— Эрис, — улыбнулась она, видя в дверях храма своего возлюбленного. — Ты уже проснулся?

Но лицо мужчины было каменным, словно только что случилось нечто очень серьёзное. Он вошёл внутрь и быстро пошагал к жрице. Его длинные белые волосы были собраны в хвост и развевались за спиной от прохладного сквозняка, а синие глаза — сощурены в тонкую полоску. Эзикель невольно удивилась.

— Что стряслось, дорогой? — спросила она. — Ты не заболел?

Мужчина подошёл к жрице и буквально навис над ней, прожигая её холодным и острым взглядом.

— Зачем сюда снова приходил Израфель? Что его легионеры забрали из города? — голос Эриса был строг, а тон — требователен.

— Дорогой, я... — Эзикель виновато опустила глаза.

Мужчина громко дышал, жрице показалось, что из его груди повеяло холодом.

— Я же дал Вам порядок... — словно не своим голосом замычал Эрис. — Ты думаешь, это Даэвы из Башни исцелили город от Эфира?..

Женщина удивлённо подняла голову. Глаза его любимого начали светиться ярко-голубым, как у бессмертных.

— Взгляни вокруг: Кинунгап вновь ожил, — продолжил мужчина. — Он стал прежним: жители счастливы, кузницы работают, а деревья плодоносят. Это всё благодаря мне...

— О чём ты, Эрис? Это Служители Вечности при помощи своей магии...

— К Фрегиону их! — зашипел он. — Ты поклялась, что они больше не явятся в город...

— Я не могла их не пустить... — не понимая, отчего мужчина так рассвирепел, стала отговариваться жрица. — Почему ты их так ненавидишь? Это ведь твои Покровители! Слуги Айона!

От тела Эриса начал исходить странный холодок, а от дыхания воздух морозился и хрустел.

— Я любил тебя, Эзикель... — тихо заговорил мужчина.

Зрачки его начала плавно менять форму, переходя из круглого в продолговатый. Это напугало женщину — она в ужасе попятилась назад, но Эрис крепко схватил её за плечо, не позволив двигаться.

— Я доверял тебе... — ледяное дыхание мужчины заставило жрицу задрожать. — Столько лет я прятал артефакт от Даэвов, чтобы они не воспользовались им в своих корыстных целях, и по прошествии веков им его отдала ты — та, которую я люблю! — он отпустил Эзикель и пошагал назад. — Ты предала меня...

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, Эрис... — единственное, что могла сказать жрица. — Я не предавала тебя, нет!

— Это уже неважно... — глаза Эриса потускнели и опустились в каменный пол храма.

Он словно искал что-то в этих узорах, нанесённых умелыми руками мастеров на гладкие куски породы.

— Кто ты?.. — тихо пробормотала жрица. — Я знаю, ты не просто странник, заблудившийся в Белуслане. Я поняла это ещё тогда, когда тебя нашли около ворот города, истощённого и еле передвигающего ноги. Скажи, ты же знал, куда идёшь...

— Я не мог допустить, чтобы люди заполучили Длань... — голос Эриса мягко и медленно растёкся по залам храма, обвивая эхом колонны.

— Длань? — переспросила женщина. — Да кто ты такой?

— Знай, что любовь моя была искренней... И прости меня, Эзикель...

Мужчина вновь поднял на неё глаза. Его лицо посинело, а кожа треснула на щеках от вымученной улыбки. Из рта донеслось злобное шипение, присущее ящерам, а голос изменился и стал похож на змеиный от поступившей злобы.

Кто бы что не говорил, но даже Лорду балауров были не чужды чувства. Наверное, они ощущали их иначе, чем люди. Может, привязанности ящеров были крепче человеческих — точно скажет лишь Айон.

— Эрис... — безрезультатно прогоняя мысль о том, что её любимый мог оказаться драконом, промычала жрица.

Вдруг в храм вбежали несколько экипированных в тяжёлые латные доспехи мужчин. Они остановились за спиной Эриса и поклонились хозяйке храма.

— Госпожа Эзикель, — заговорил один из них. — Лорд Израфель просит Вас...

Женщина выпучила глаза и встретила вновь запылавший взгляд Эриса. Его ледяные скулы напряглись, а кулаки сжались, когда он услышал, что Служитель Вечности ещё в городе. Эзикель решила, что ей делать, почти мгновенно. Она знала, что для неё это конец. Но надежда на помощь Израфеля всё ещё грела ей сердце. Он же не сможет оставить Верховную жрицу в беде. Ведь он — Посланник и Слуга Айона...

— Бегите! — что было сил закричала женщина. — Бегите прочь! Уход...

Но договорить Эзикель не успела. Она замерла в крике, и вокруг неё в одно мгновение вырос кокон из льда. Мертвецки белая лапа балаура была вытянута вперёд — прямо на жрицу.

Он не мог её убить. Это было бы предательством. А он не терпит предателей. Лицо жрицы золотого города окаменело на века вместе с сердцем Эрискаля. Магия Лорда Холода похоронила любовь внутри ледяного гроба, а стеклянные глаза, преисполненные ужасом и жадой убережёт город, всё ещё смотрели сквозь мужчину. И будут смотреть до тех пор, пока великий балаур не пожелает снять чары и освободить свою возлюбленную.

Воины тут же попятились назад. Одно мгновение — и бойцы легиона Израфеля уже бегут к выходу из храма. Но добежать им не позволят. Один взмах рукой, и посреди зала вырастает ещё несколько ледяных статуй.

Эрис медленно покинул святилище и посмотрел в небо. Над крепостной стеной сияли два белых крыла и улетали прочь.

— Ну и где же теперь Ваш Израфель? — провожая Служителя Вечности взглядом, тихо промолвил мужчина. — Он спас Вас?

На площади перед храмом было многолюдно. Все с упоением смотрели на то, как величественный Посланник Айона машет крыльями, а по небу за ним тянется белый след. Эрис медленно обошёл людей в центре площади и разорвал на себе одежду. Эфир, всё ещё

текущий по улицам Кинунгапа, начал притягиваться к рычащему мужчине, впитываясь в него, как в губку. Спустя пару минут он глубоко вздохнул и взмахнул бледной рукой. В воздухе стали появляться мелкие капельки воды. Они зависли над землёй и, замерзая, потихоньку превращались в крохотные льдинки. Народ в толпе увидел это и начал медленно расступаться. Люди смотрели на магию с осторожностью, не ожидая, что может сейчас произойти.

Льдинки разрастались, пока не заполнили собой весь окружающий воздух. Жители стали жаться к окраинам площади. В толпе кто-то закричал:

— Нежить! Балаурщина!

Но мужчина игнорировал. Он щёлкнул пальцем, и льдинки смерчем закружились в воздухе, оборачивая собой его тело. Люди в панике закричали и побежали прочь с площади. Частилки льда двигались всё быстрее и быстрее, вихрь становился всё меньше, пока не исчез вовсе. Когда ледяной туман рассеялся, сквозь толпу высилось крупное человекообразное существо с синей чешуёй по всему телу. За спиной его развевался длинный хвост, а глаза пылали голубым сиянием.

— Это ящер! — закричали люди со всех сторон, в давке пытаясь как можно скорее скрыться от его взора.

В центре площади возвышался ледяной балаур, дышащий на округу холодным паром. Увидев на себе опоенные смертным ужасом взгляды бегущих людей, он щёлкнул когтями, земля вокруг разверзлась. Из недр мгновенно появились огромные глыбы льда и взлетели в воздух. Оглушительным криком ящер направил их в себя, образовав огромную гору. Захрустев, она начала двигаться. Из её верхушки над городом поднялась рогатая голова дракона, вскоре из глыбы появилось и тело ящера. Отряхнув иней с крыльев, он, оправившись, рычащим голосом заговорил:

— Я есть адский мороз, накрывающий собой мир! Я — исчадие, призванное нести наказание! Имя мне Холод! Имя мне Эрискаль! — дракон взвыл и вострепнулся.

Паника охватила город. Ещё никто из жителей не видел дракона, тем более Лорда балауров.

— Теперь вы поплатитесь за свои дела! — он распахнул крылья и, замахав ими, поднялся в воздух, откуда яростно закричал на город. — Жалкие люди! Вы не имели права! Всё, что находится на этой земле, принадлежит не вам! Как вы посмели тронуть это? Нет вам прощения!

Дракон вдохнул воздух и направил поток на площадь. Мороз от этого дыхания был невероятно сильным. Почти мгновенно центральная площадь и все здания неподалёку покрылись толстой коркой льда. Люди застыли каменными глыбами. Проклятие распространялось: неумолимо пробираясь на новые и новые улицы, смертельный мороз настигал каждого — всё вокруг превращалось в бесконечный пласт льда. Через считанные секунды целый город был навсегда похоронен под многометровой пеленой замёрзшей воды. Похоронен вместе с жителями и с этой тайной.

Балаур застыл в воздухе, наблюдая, как хруст нарастающего льда поглощает все крики и мольбы о помощи.

Виноваты ли были люди в том, что Служители Вечности пожелали заполучить оружие, что могло изменить баланс сил на Атрее? Эрискаль считал, что да, виноваты. Ведь они признали Посланников, сделали из них своих богов. А, значит, они тоже были в ответе за то, что совершают их Избранники. Была ли это месть, обида или справедливое наказание?

Эрискаль не давал себе ответа, потому что не сомневался в правильности совершённых деяний. Жалел ли он об этом? Никто никогда не узнает.

Видя своё творение, дракон развернулся в воздухе и, хрустя огромными белыми крыльями, полетел на запад, к Башне Вечности, куда направился Израфель. Сегодня там была назначена встреча между Лордами балауров и Служителями Вечности. Встреча, которая должна была прекратить бесконечное кровопролитие... Встреча, к которой ни люди, ни балауры не были готовы...

— Верь Айону, — произнесла Румизель, Владыка Мудрости.

— Он не помогал нам уже столько лет... — тихо промолвила Триниэль, Богиня Смерти. — Может, Он покинул нас, поняв, что этот мир недостойн для жизни?

— Не смей так говорить! — возразила её сестра. — Айон всегда с нами. Он направляет нас на верный путь. А если Он не вмешивается в дела земные, значит, мы всё делаем правильно...

— Правильно? — рявкнул Асфель, Владыка Тьмы. — Предательство не может быть правильным!..

Териан Лекас очнулся.

«Это был лишь сон...» — сказал он себе, поднимаясь с кровати в своей старой лачуге посреди снежных лесов Белуслана.

«Эрискаль сказал, что покажет мне всё... — задумался Даэв. — Но зачем?..»

Териан заправил постель и подошёл к окну. Как ни странно, на улице была хорошая погода: солнечно, безветренно, мирно, тихо — идеальное время для прогулок. Но мужчина был занят иным. Его тревожили старые мысли, и он хотел разобраться, что к чему.

— Он поступил так, несмотря на то, что любил её. Он не смог простить, — бормотал вслух асмодианин. — Он пожертвовал любовью в угоду долгу. Неужели он хочет, чтобы и я поступил так же?.. Или наоборот?..

Снежный ковёр блестел на солнце миллионами крохотных кристаллов, а величественные хвойные деревья стояли неподвижно, словно само время замерло в ожидании.

— Балауры не оставят это просто так... — бормотал Териан вымышленному собеседнику. — Они сделали свой ход, убив Видара. Я уверен, это были они. Теперь, когда элийцы и асмодиане сцепятся рогами, ящеры не упустят возможности и нападут. Только вот где?.. — Даэв задумчиво посмотрел на ясное небо. — Ингисон, Келькмарос? Он им не нужен сейчас. Они должны укрепиться и ждать, кто же из нас окажется сильнее: север или юг... Бездна — идеальное место. Именно туда они стягивают сейчас силы, клянусь Айоном, — асмодианин перевёл взгляд на сияющий между деревьями разлом. — И эти порталы нужны не для того, чтобы выплеснуть Эфир, а чтобы перевезти все легионы драканов в Арэшурат! Вот почему лагерь Бакрама пустует... Все балауры уже в Бездне... — рассуждал бессмертный. — Надо предупредить Элизиум и Пандемониум о том, что скоро в Арэшурат снова придут три Дерадикона...

Сказано — сделано. Уже через несколько минут Териан летел высоко над широкими кронами хвойных деревьев, направляясь к Лагерю Огня неподалёку от Кинунгапа. Путь до Пандемониума лежал долгий. Даэв не мог опоздать. Нужно было любой ценой опередить балауров. Но на этот раз необходимо быть предельно осторожным. Кто знает, кого ещё

могли подменить ящеры...

===== Часть 7. Глава 7. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 7.

Отредактировано.

Через несколько часов.

Пандемониум.

В зале военачальника сидели двое: временно исполняющий обязанности правителя Асмодеи Квасир и легат седьмого легиона Кенсаи. Около дверей стояли воины в латах и выслушивали последние указания Даэва.

— Спроводи же их... — незаметно шепнула воительница.

— Вам всё ясно? — последний раз спросил Квасир.

Легионеры дружно кивнули.

— Свободны, — бросил бессмертный, и уже через несколько секунд дверь закрылась с наружной стороны.

— Какие же они надоедливые, — Кенсаи поднялась с кресла и подошла к окну.

— Их можно понять, — кивнул легат Клыков Фенрира. — Два военачальника мертвы, Храма Правосудия больше нет, и Пандемониумом управляет не пойми кто...

— А ещё повстанцы Ривара заняли деревни около крепости Белуслана, — протянула женщина. — Как думаешь, они нападут?

— Они же не идиоты... — буркнул Даэв. — У нас целый гарнизон в городе. Пока аканы сторожат Белуслан, фанатики и шагу не ступят со своих позиций.

— А потом? — Кенсаи обернулась. — Сдержат ли они своё слово?

Квасир задумался и уставился куда-то.

— Неужели ты веришь повстанцам? — вновь донёсся голос воительницы.

— Не верю. Заключать с ними договоры — то же самое, что читать мысли булыжника... Бесполезно и бессмысленно.

В зале нависла неловкая пауза. Кенсаи всё ждала лучшего момента, чтобы начать нужный разговор. Она молча подошла к Квасиру и села рядом.

— Послушай, — начала она. — Помнишь, ты говорил, что ещё не время всё поменять?

Мужчина перевёл задумчивый взгляд на неё.

— Мне кажется, я могу отпустить прошлое...

Квасир сначала удивился словам воительницы, но потом оживился и придвинулся ближе.

— Ты хочешь сказать, — заговорил он. — Что больше не любишь того Даэва?

Женщина нахмурилась.

— Я не знаю... Наверное, я поняла, что это бессмысленно... прямо как читать мысли булыжника... — она улыбнулась. — Бессмертные чувствуют иначе. Нам сложно забыть то, что было. И помнит это не только разум, но и сердце. Но знаешь... в какой-то момент оно устаёт от чувств и замолкает. Сколько можно терзать себя мечтами, которым не суждено сбыться? Я так больше не хочу, Квасир.

— Так что ты решила? — мужчина внимательно посмотрел в светящиеся глаза Кенсаи.

— Давай попробуем начать новую жизнь. Иначе я больше не выдержу и... растворюсь в Эфире навеки.

Квасир обнял её и прижал к груди. Удивительно, но она не сопротивлялась. Начинать новую жизнь, когда вокруг разруха, было бы безрассудно, но, с другой стороны, разве это не

момент для того, чтобы отбросить старое и начать строить всё заново?

— Я ждал этого, — тихо промолвил легат Клыков Фенрира. — Слава Асфелю, Даэвы умеют ждать. Мы начнём новую жизнь, слышишь? — он нежно приподнял голову Кенсаи и заглянул в глаза. — И я не позволю тебе исчезнуть. Ты будешь со мной.

— Вечность? — как-то недоверчиво спросила воительница.

— Пока мы не обратимся в стигмы, — улыбнулся Квасир. — Вместе.

Кенсаи вновь прижалась к груди мужчины. Она слышала, как сквозь броню бьётся его сердце: медленно, размеренно и спокойно. Сердце бессмертного редко волнуется, и даже сейчас оно не тревожилось, потому что знало, что всё будет хорошо. Теперь хорошо.

Покой Даэвов нарушил звук открывающихся дверей. Квасир и Кенсаи тут же разомкнули объятия и сели ровно — не хватало ещё, чтобы смертные подчинённые знали об отношениях своих легатов.

Но это были не легионеры. В зал военачальника важным и быстрым шагом вошёл зеленоглазый бессмертный. Он приблизился к Даэвам и плюхнулся в соседнее кресло, забренчав мечами на поясе.

— Это как понимать? — сощурился Квасир. — Ты должен быть в Белуслане.

— Планы изменились, — монотонно проговорил Териан Лекас. — В Бездну стягиваются войска балауров. Нам нужно дать отпор.

— Что? — отозвалась Кенсаи. — О каких войсках ты говоришь?

— Порталы в Бездну открылись по всему Белуслану. Лагерь Бакрама пустует — ящеры куда-то перевезли свои силы. Они собираются забрать себе Арэшурат, — быстро протараторил мужчина.

— Это лишь твои домыслы, я прав? — нахмурился Квасир.

Териан напрягся. У него не было доказательств.

— Да, — выцедил из себя он. — Но вы недооцениваете ящеров. Они оказались намного хитрее, чем мы предполагали.

— О чём ты? — спросила воительница.

Териан с осторожностью посмотрел на неё. Он не мог быть уверен, что она или Квасир не балауры — судя по последним событиям ящеры могли скопировать кого угодно. Но чтобы убедить командование идти за ним, асмодианину пришлось раскрыть карты, как бы опасно это не было.

— Среди Даэвов есть балауры... — промолвил он сквозь зубы.

Квасир и Кенсаи одновременно округлили глаза, непонимающе и недоверчиво уставившись на Териана.

— Ты сбрендил что ли? — наконец, нарушил тишину легат Клыков. — Это невозможно.

— Возможно. Среди элийцев одна бессмертная была ящером.

— С чего ты взял?

— Я видел, как она превращается в дракона и улетает, — нехотя проговорил мужчина.

— Это может быть что угодно... — начало было Кенсаи.

— Она завела меня в ловушку, где меня поджидала полусотня драканов, — перебил её Териан. — Я не могу ошибаться.

— Если это так, то у элийцев серьёзные проблемы, — задумчиво промышчал Квасир.

— Это вовсе не значит, что и среди асмодиан нет диверсантов...

— Ты водишь дела с элийцами и... элийками, — скорчил лицо легат первого легиона. — Я не могу тебе доверять. Сказанное тобой звучит, как бред сумасшедшего.

— Однако это не бред, — Териан поднялся с кресла и навис над Квасиром. — Балауры знают обо всех планах Элиоса и Асмодеи. Они в курсе всех дел и стратегий. Ящеры знали, что южане помогут нам одолеть Судей и не помешали... А затем был убит Видар, чтобы не допустить улучшение отношений среди нашими расами. Подумайте, балауры не могли допустить этого, — он посмотрел на Кенсаи и встретил её скептический взгляд. — Баланс сил между Элиосом и Асмодеей вернулся к началу. Ящеры снова будут пытаться повернуть чашу весов на чью-либо сторону, чтобы заключить договор с сильным противником и уничтожить слабого... А затем — и сильного. История вновь повторяется, — в голове Териана тут же пролетели слова Эрискаля. — Всё возвращается на момент четырёхсотлетней давности, когда балауры сидели в захваченной ими Бездне и ждали появления лидера. Так случится и на этот раз. А потом — ещё и ещё, пока весь Эфир не утечёт в Бездну, если никто не победит...

Квасир и Кенсаи мимолётно переглянулись. Значит, слова Териана заставили их задуматься.

— Я готов поспорить жизнью, что все легионы Тиамат — уже в Бездне, — продолжал Даэв. — Скоро в небе Арэшурата вновь появятся Дерадиконы, будьте уверены...

— И что ты предлагаешь? — осторожно спросил легат Клык Фенрира.

— Нельзя допустить, чтобы история повторилась, — Териан сурово посмотрел на командующего. — У Атреи осталось мало времени. Нужно дать отпор балаурам в Арэшурате. Они не должны сидеть там и копить силы для дальнейшей атаки.

— Ты говоришь о Дерадиконах, — промолвил Квасир. — Нам не справиться с одним, а если их будет несколько... Ты хочешь, чтобы я повёл последние силы на смерть?

— Нам удалось отбить атаку Дерадикона, — Териан вновь посмотрел на Кенсаи. — Ты же помнишь? Тебе должны были рассказать.

— Снова попросишь помощи у элийцев? — со скрытой издёвкой спросила она.

— Я почти уверен, что они выдвинут войска наперерез Тиамат. Нужно только, чтобы асмодиане атаквали балауров, а не элийцев.

— Опять дружеский поход? — на этот раз в открытую посмеялась воительница.

— Нет, — грозно ответил Териан. — Последняя битва...

Квасир резко перебил назревающий спор.

— Откуда ты знаешь, что элийцы пойдут в Арэшурат? — спросил он Даэва.

— В Элизиуме де-факто правит совет Даэвов. Они знают, что может привести победа балауров. Они помнят это.

— Квасир, ты же не веришь... — начало было воительница.

Легат Клык остановил её вытянутой ладонью.

— Мне некого отправлять в битву, — сказал он. — Весь гарнизон Асмодеи сейчас сторожит крепость Белуслана. А вокруг сидят риваровцы и ждут, когда я уведу его оттуда.

— Пусть сражаются риваровцы, — предложил зеленоглазый бессмертный.

— Они трусы. Поступят так же, как и на осаде крепости, лишь бы только их пощадили.

— Балауры не щадят никого. Если повстанцы побегут или сдадутся — всё равно погибнут. А так будет шанс выжить. Полагаю, это достойный аргумент для их главаря, — заключил Териан.

— Они пытаются построить новый мир... — задумался Квасир. — Если они не пойдут в бой, то строить будет нечего...

— Верно. А что с гарнизоном Исагира? Ты всех казнил?

— Всех, а Даэвов развоплотил... — печально промолвил Квасир.

— Исагир погиб? — переспросил Териан.

— Исагира, его адъютантов и всех остальных Даэвов, что присягнули на верность Слутгельмиру, я развоплотил, — легат глубоко вздохнул. — Теперь они — лишь стигмы, ведь каждому из них, судя по Матрикулу, меньше трёх сотен лет... кроме самого Исагира и Альфира, которым, увы — больше. У них осталось по одной жизни.

— А где они сейчас?

— Балаур их знает... Скрылись. Думаю, пережидают где-нибудь в снегах Белуслана. Охотиться на них сейчас у меня нет ни людей, ни времени.

— Квасир, ты серьёзно? — Кенсаи вскочила с места. — Ты веришь этому выродку? Да он мог нарочно наговорить тебе это, чтобы в конец обескровить нашу расу!

Дверь в зал в тот же миг распахнулась, и внутрь робко вошёл акан в доспехах. В руке он держал запечатанное письмо.

— Господин Квасир, это Вам, — воин подошёл к Даэвам и передал послание в руку временного военачальника. — Письмо из Арэшурата.

Затем стражник поклонился и торопливо покинул помещение. Задерживать заседание бессмертных было бы невежливо. После того, как дверь захлопнулась, Квасир сорвал печать, развернул лист бумаги и принялся читать.

В послании было всего несколько предложений. Легат прочитал их вслух:

— Уважаемый легат Клыков Фенрира. Я, военачальник Арэшурата, вынужден сообщить Вам неприятную новость: крепость Ткисас была захвачена Дерадиконом. Около половины гарнизона смогли спастись через портал. В небе над Ра-Миреном очевидцы видели ещё два дредноута балауров. Ящеры готовятся к осаде. Прошу о помощи. С уважением. Вотан...

Все трое переглянулись. Кенсаи тут же замолчала. Она не знала, что сказать на прозвучавшее заявление военачальника Бездны. Квасир посмотрел в серьёзные глаза Териана Лекаса и промолвил:

— Собираем легионы...

На следующий день.

Элизиум.

Даймон, восстановленный в легатстве над Щитом Неджакана, прибыл в небесную столицу от имени Версетти, военачальника Арэшурата. Да, конечно, пост военачальника для Даэва — нонсенс в Элиосе: это нарушает многолетние традиции, но время нынче требовало опытного полководца во главе элийской Бездны, и кандидатура легата Сияния Миражей подходила идеально. Теперь его легион нёс службу в Арэшурате, а именно охранял Цитадель Тэминона — работа спокойная, ведь воинам нужен был отдых от бесконечных сражений. Щит Неджакана дежурил в Западной крепости Сиэли. Даймон тоже решил дать своим легионерам немного передохнуть: место там сейчас было относительно мирное.

Командующего элийской армией в Арэшурате вызвал в Элизиум сам Фаметес — он прислал письмо, в котором ему срочно требовался совет от офицера Бездны. Версетти покинуть пост не мог даже на время, поэтому послал в столицу своего ближайшего поверенного.

Встреча с военачальником Элизиума закончилась быстро. Юный правитель Элиоса всерьёз интересовался природой разломов, что совсем недавно открылись по всему Элтенену и Интердике. Но сказать Даймон ничего не мог — он не представлял, откуда и по какой

причине взялись сотни и тысячи светящихся воронок, из которых медленно вытекал Эфир. Фаметес вынужден был отпустить Даймона, но велел тому на время остаться в Элизиуме — военачальник столицы дал задачу мудрецам из Библиотеки найти любую информацию о подобных событиях в прошлом и поделиться ей с Дазвом. Даймон не мог отказать своему повелителю и остановился в приготовленной для него комнате в Храме Стражников. Какой же неожиданностью для него было увидеть асмодианина в таком священном для элийцев месте.

— Териан? — удивился Даймон, выйдя из комнаты и разглядев посреди толпы стражников в коридоре мужчину с серой кожей и светящимися зелёными глазами.

Воины Элиоса обступили недруга и лично сопровождали к Дазву, не позволив в одиночку гулять по Элизиуму.

— Может, теперь мне вернут моё оружие? — покосился на патрульных Териан Лекас, когда процессия подошла к покоям Даймона.

Шлемы стражей медленно повернулись к командующему, мол, пусть он решает, что делать. Даймон кивнул, и из недр толпы в тот же миг забренчали четыре меча и связка ножей, что уже через несколько секунд оказались на поясе и груди тёмного Дазва.

— Спасибо. Можете идти, — скомандовал элийский бессмертный.

Воины дружно поклонились и, протиснувшись через узкий проход к лестницам, покинули коридор Храма Стражников.

— Какими судьбами? — Даймон подошёл к гостю и учтиво кивнул.

Териан Лекас посмотрел по сторонам и, глядя исподлобья, прошептал:

— Нужно поговорить.

Даймон, не задавая лишних вопросов, провёл асмодианина в свою комнату и усадил на диван. Затем он прикрыл дверь и сел в кресло напротив него.

— Так что случилось? — начал он. — Говори.

— Медлить не буду, — ответил Териан. — Ты ведь знаешь о разломах в Бездну?

— То, что их открылась тысяча штук?

— Да. И они не закрываются.

Даймон откинулся на спинку и вальяжно закинул ногу на ногу. Из-за спины шёл яркий свет от пары больших окон и подсвечивал ромбовидные узоры на бежевых обоях.

— Не закрываются — значит, чего-то ждут, — размышлял элиец, глядя в белый потолок его покоев. — Я правильно понял?

— Правильно, — кивнул асмодианин и подался вперёд, положив локти на колени. — Балауры сыграли идеально: под предлогом избытка Эфира в Арэшурате они открыли тысячи порталов, а сами пользуются ими, чтобы перебросить все войска из Элиоса и Асмодеи в Бездну.

— И зачем им это?

— Это их новый ход — забрать себе Арэшурат, — Териан искоса посмотрел на элийца. — Вчера в Пандемониум пришла весть о трёх Дерадиконах с балаурами на борту. Они штурмовали Ткисас. И это только начало.

— Но ты прибыл в Элизиум не для того, что рассказать мне это. Уверен, что Версетти, военачальник Арэшурата, уже всё знает.

— Я пришёл просить у тебя помощи, — асмодианин заговорил тише. — Нельзя допустить, чтобы балауры победили и захватили Арэшурат. Тогда они засядут там на столетия и будут ждать, чем разрешится конфликт между Элиосом и Асмодеей, иногда вводя

выгодные им коррективы. А там начнётся и дефицит Эфира.

— То есть, не поздоровавшись, не поговорив о погоде, не выпив со мной бокал местного вина, ты просишь выделить легионы на какую-то битву? — Даймон вскинул бровь, развалившись в кресле.

— Нет времени на выпивку! — зарычал Териан. — Балауры уже сейчас захватывают Арэшурат! И я прошу не пару легионов, а всю элийскую армию... Это финальное сражение, и от его исхода зависит будущее Атреи!

Асмодианин знал, что убеждать Даймона долго не придётся. Как ни крути, он верил Териану Лекасу — столько событий объединяло этих двух Даэвов.

Элиец закусил губу и вскочил с места, забродив по комнате.

— Фаметеса раскритиковали за прошлый поход в Белуслан, а ты просишь нового... — монотонно промолвил Даймон, подойдя к окну.

— Да, непростое решение, но послушай, — Териан поднялся и подошёл к нему. — Это уже не битва элийцев и асмодиан. Это — битва людей и балауров. Мы не можем допустить, чтобы ящеры исполнили свои планы.

— В таком случае, игра завершится не в нашу пользу, я прав? — повернул голову Даймон.

— Да, — уверенно кивнул асмодианин. — Если мы будем медлить, всё останется, как прежде: бесконечная война между людьми, начатая и поддерживаемая балаурами. Если помешаем им — есть шанс повернуть всё в иное русло.

— Какое?

— Не знаю, — вздохнул Териан. — Но это лучше, чем давать ящерам ещё один шанс через сотни лет захватить мир! Они ведь не остановятся, Даймон. Ни за что и ни перед чем не остановятся.

Териан хотел заикнуться о том, что даже его семью не оставили в покое, но рассказать правду о Белатрисс у него язык не повернулся. Это угрожало всем: и ему, и Элизиуму в целом. Кто знает, что мог предпринять дракон, узнав, что его раскрыли.

— Тогда нам нужна огромная армия, если ты говоришь о Дерадиконах... — после небольшой паузы ответил Даймон.

— Нам нужна вся армия, — Териан подошёл вплотную к элийцу. — Вплоть до последнего воина.

— Когда нужно быть готовым? — голос Даймона приобрёл присущую Даэвам суровость.

— Как можно скорее.

— Ты пойдёшь с нами?

Териан отошёл и сощурившись, опустил голову. Он ещё не решил для себя ничего. Точнее, решил, но мешкал — старался взвесить всё. Но как это сделать, если на весах по разную сторону стоят долг и чувства? Чему отдать предпочтение?

Тишину раздумий нарушил Даймон, внимательно осмотрев асмодианина. Он не мог не заметить, что у Даэва двое пустых ножен на поясе.

— Где твои мечи? — спросил он, заставив северянина дёрнуться от неожиданности. — у тебя же было шесть.

— Долгая история, — отмахнулся Териан.

Конечно, он не собирался никому рассказывать о встрече с Эрискалем — мало ли кто чего мог подумать. Да и сам Лорд балауров вряд ли одобрил бы такую общительность

асмодианина.

— Раз уж тут такое дело... — вздохнул Даймон и подошёл к шкафу.

Он открыл дверцу и взял со дна гардероба блестящие золотые ножны. Элиец слегка вынул клинок, чтобы показать лезвие, и передал его Териану.

— Он твой.

Асмодианин взял оружие в руки и вынул меч из ножен, поднеся его к свету. Прекраснейшая работа лучших мастеров заблестела на солнце, словно один большой кристалл Эфира.

— Дрожь Лорда балауров, — сказал Даймон. — Меч Гелиона. Мне он без надобности, и я решил отдать его тебе.

Териан опустил клинок и заглянул в глаза элийцу. Северянин сразу вспомнил его измену с Белатрисс. Пусть это, грубо говоря, была не она, но сам поступок заставил его нахмуриться и без толики радости принять подарок.

— Спасибо, меч прекрасен... — выцедил из себя асмодианин и прицепил ножны взамен пустых.

— Поосторожней с ним — он стоит целое состояние, — закивал Даймон.

— Постараюсь...

Элиец вздохнул и нахмурился.

— Териан, послушай... — он шагнул к северянину. — Я знаю, что ты мог просто прислать письмо из Асмодеи, в которой описал бы ситуацию, и я бы на всё согласился. Но ты пришёл в Элиос сам...

Асмодианин отвернул голову и тяжело вздохнул.

— Я хочу лишь сказать, что Эви в порядке... — продолжил Даймон. — Ведь из-за неё ты здесь.

Териан ничего не ответил. Он не поднимал глаза с пола, задумавшись и напрягши до боли скулы.

— Она сейчас в Элизиуме — в Святилище. Верховный жрец Юклиас её осматривает по просьбе родителей...

— Что с ней? — тут же оживился асмодианин, устремив пылающий взгляд на элийца.

— Всё нормально. Я должен сообщить тебе, что она бер...

Вдруг дверь распахнулась, и снаружи послышался звонкий голос Белатрисс.

— Дорогой, мне снова нужно уехать. Ты же не пр... — она вошла внутрь и встретилась глазами с Терианом Лекасом.

Оба опешили, увидев друг друга. Териан схватился за мечи и округлил глаза. Девушка раскрыла рот, не зная, что и сказать. Секунда шока прошла быстро. Трисс первой пришла в себя, вернув привычное выражение лица. Она мельком посмотрела на Даймона — его взгляд был слегка удивлён от реакции Териана.

«Он ничего не знает...» — догадалась бессмертная и успокоилась.

Затем она улыбнулась и поприветствовала мужчин.

— Что с тобой? — обратилась она к Териану. — Ты словно Тиамат увидел...

— Наверное... — промычал сквозь зубы асмодианин.

— Эй, Териан, ты чего? — Даймон схватил его за плечо. — Всё в порядке? Это всего лишь Трисс.

— Да-да, — отстранённо пробормотал он. — Всё нормально, просто отключился на миг.

— Так о чём я... — Даймон потёр подбородок. — Точно!

Териан резко хлопнул мужчину по плечу, не дав договорить.

— Я тут что-то задержался... — промолвил он. — Даймон, проводишь меня к верфи, а то эти зануды снова будут сопровождать меня, не давая ступить свободно?

— Э-э, хорошо, — закивал элиец.

— Я тоже пойду с Вами, — улыбнулась девушка.

— Не стоит, — нахмурился асмодианин. — Ты говорила, что тебе нужно куда-то уезжать. Собирайся, мы не будем тебе мешать.

— Куда ты снова едешь? — удивился Даймон.

— В Ингисон. Посланник Кайнус прислал письмо: где-то открылись такие же разломы... Мне нужно на них взглянуть.

Даймон хмыкнул и утвердительно кивнул.

— Раз надо — езжай, — добродушно промолвил он. — Только будь осторожна.

— Да, но у меня есть время ещё...

— Мы прогуляемся вдвоём, — Териан недвусмысленно посмотрел на элийского бессмертного. Тот сразу понял этот взгляд.

— Да, пожалуй, это хорошая идея, — настороженно сказал он. — Я скоро вернусь, Трисс.

Мужчины вышли из комнаты, оставив девушку одну.

— Что происходит? — в нарастающем гневе спросил Даймон, когда те оказались в коридоре.

— Белатрисс знает, что Эви беременна? — монотонно и тихо спросил асмодианин, чтобы не привлекать внимания стражи.

— Нет, не знает. Я сам только узнал.

— Не говори ей.

— Что? — Даймон остановился и уставился на северянина.

— Умоляю, — Териан подошёл близко к элийцу и посмотрел в его непонимающие глаза. — Прошу, не говори ей ничего. Она не должна знать...

— Почему?

Териан вздохнул и закрыл глаза. Он не знал, как ответить. После секундных раздумий северянин смирился с тем, что ему придётся раскрыть карты.

— И откуда ты знаешь, что Эви беременна? — удивился Даймон. — Я же не успел тебе это сказать...

Грудь асмодианина начало прожигать какое-то тепло. Он сразу вспомнил про то странное письмо, что до сих пор хранил у сердца.

— Она успела мне сообщить... — соврал Териан. — В письме...

— Я не знал, что ж... Так почему я не должен ничего говорить Трисс, если люблю её?

— Ты любишь Белатрисс, а не её, — зеленоглазый Даэв махнул головой в сторону комнаты.

Даймон непонимающе сощурился.

— Что это значит?

— Ты всё понял.

— Нет, я ничего не понял! — почти закричал элиец, Териан тут же попытался его успокоить.

— Тише! Нас могут услышать...

Мужчины замолчали, наблюдая, как мимо проходит стража. Когда патрульные завернули за угол, Даймон продолжил:

— Говори прямо, я не понимаю твоих намёков! Что с Трисс?

— Я не знаю, что с твоей женой, — медленно заговорил Териан, стараясь, чтобы южанин не взорвался от шокирующей информации. — Но та, что сейчас у тебя в комнате, не твоя жена.

— Какого балаура ты несёшь?

— Она завела меня в ловушку в Белуслане. Это точно не Трисс. Это дракон, Даймон. Дракон в обличии и со способностями Даэва.

— Если ты решил пошутить, то знай, что шутка вышла неудачной... — нахмурился элиец.

— Я не шучу, я видел, в кого превращается это существо...

— И в кого же? — Даймон начал терять терпение.

— В огненного дракона. Я знаю, ты в шоке, но прошу ещё: не говори ей ничего. Пусть всё останется, как есть.

— Что? — рявкнул Даймон. — Где Трисс?!

— Я не знаю, — асмодианин хотел уже заткнуть ему рот, чтобы тот не кричал. — Успокойся. Это существо считает, что ты ни о чём не подозреваешь. Оно должно доиграть свою роль. Умоляю, делай вид, что она твоя жена, до начала сражения в Бездне... Балауры ничего не должны знать.

— Ты в своём уме? — зашипел элиец и схватил Териана за нагрудник. — Я сейчас же отправляюсь на поиски Белатрисс!..

— Нельзя! — зашипел северянин. — Она — Даэв, с ней ничего не случится. А Элизиуму угрожает опасность. Представь, что может сотворить здесь этот дракон!

Последние слова немного успокоили Даймона.

— Я не смогу притворяться... — промычал он.

Териан взглянул ему в глаза — асмодианину сразу стало жаль его. Он искренне любил Трисс и был готов на всё ради неё. Глаза Даймона бегали туда-сюда, мышцы были напряжены, а лицо — словно у подростка, которого по воле родителей разлучили с возлюбленной.

— Ты должен... Ради Трисс, — асмодианин положил руку на плечо элийцу.

Элиец сомкнул губы. Он уставился вперёд и мысленно сопротивлялся словам Териана.

— Хорошо... — сквозь зубы произнёс он. — Я сохраню всё в тайне, — глаза Даймона потеряли былой блеск, а голос оброс унынием и отчаянием. — Куда ты теперь? К Эви?

— Нет, — Териану тяжело далось это слово. Ему пришлось сделать выбор. — Удачи, Даймон.

Тот молча кивнул. Асмодианин зашагал по длинному коридору, в конце которого его встретила толпа стражников и, забрав оружие, повела дальше. Даймон остался стоять и смотреть, как Териан уходит за угол, а с ним — и целая процессия патрульных. Он сжал кулаки и уставился вдаль. Мужчина простоял так минут десять, потом молча развернулся и направился обратно в свою комнату.

На следующее утро.

Балаурия. Тиамаранта.

В огромный тёмный зал вошёл светловолосый юноша. Пятиметровые двери со скрипом

закрылись, и в помещении вновь нависла тишина. В центре зала под высоким куполом стояла элийская девушка и шепталась с каким-то асмодианским мужчиной. Юноша подошёл к ним и спросил на балаурском:

— Что я пропустил?

Парочка молча обернулась на него. Юноша низко поклонился девушке, словно своей королеве.

— Ты не будешь участвовать в захвате Бездны, Саталлока, — не своим голосом проговорила Белатрисс.

— Но почему, моя Леди? — Дариус ан Боуэн не рискнул посмотреть ей в глаза. Вместо этого он продолжал пялиться в пол, выложенный из полированного синего камня.

— Ты смертен, — промолвил на балаурском асмодианин. — Мы не можем так рисковать.

— Ты подвёл нас, Саталлока, — сказала девушка. — Избарий мёртв, но я не хочу терять и тебя. Если тебя убьют, ты уже не сможешь возродиться.

— Меня не убьют! — зашипел юноша. — Я испепелю каждого, кто посягнёт на наших собратьев!

— Нужно было думать, прежде чем идти сражаться с теми заклинателями, — асмодианин сложил руки на груди. — Ты убил их?

— Моя магия развоплотила их, мой Лорд, — Дариус поклонился ему.

— Как и их — тебя... — продолжила за него элийка. — Ты был в теле Даэва, а Даэвы уязвимы перед детьми Служителей Вечности... вплоть до седьмого колена.

— Я не знал, что один из них — потомок... — пытался оправдаться юноша.

— Ты хорошо послужил нам, убив Видара, — перебил асмодианин и шагнул к нему. — Но рисковать тобой мы не хотим — вряд ли у нас получится вновь найти для тебя тело.

— Прошу Вас, дайте мне шанс! — Дариус встал на колени. — Я так долго этого ждал. Позвольте мне отомстить им за века страданий!

Белатрисс вдруг вышла вперёд и заговорила:

— Я позволю тебе сражаться, но ты будешь вести бой только в небе! Не смей ступить на землю!

— Благодарю Вас, моя Леди... — учтиво произнёс юноша.

— Ты не последний среди бессмертных драконов, — продолжила она. — У нас есть ещё козырь в рукаве. Я успела забрать стигму Сибила из Кинунгапа... — она обернулась и подозвала сюда элийского мужчину. Он вышел из темноты и показал всем свои светящиеся глаза. Элиец поклонился присутствующим и молча выровнялся.

— Кто ты? — спросил Дариус.

— Ты помнишь меня, брат... — низким шипящим голосом прошипел Бронн.

На лице Белатрисс засияла хитрая улыбка. Дариус хмыкнул и одобрительно закивал — теперь это многое меняло.

===== Часть 7. Глава 8. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 8.

Отредактировано.

Неделю спустя.

Арэшурат.

В Бездне нет такого понятия как погода: нет ни облаков, ни свежего ветра, ни холода, ни жары — лишь пустота, тускло освещаемая огромным раскалённым шаром под названием

Око Арэшурата. Время словно застыло вместе с россыпью островов, неведомым образом парящих в воздухе. Каждый момент в этом бескрайнем, наполненном Эфиром пространстве был похож на предыдущий. Наверное, поэтому, впервые пролившись здесь, кровь не перестаёт течь веками.

Восемнадцать кораблей о белых парусах с огромными гербами Элиоса на них медленно парили к центральному плато верхней Бездны. Больше десяти тысяч воинов стояли на палубах и смотрели на струящиеся белёсые потоки Эфира, гуляющие по Арэшурату.

— Скоро прибудем! — донеслось из капитанской рубки.

Даймон вместе со своим легионом летел на флагмане элийцев — громадном фрегате, что возглавлял этот парад белоснежных парусов. Позади расплывались в молочном тумане очертания семнадцати боевых кораблей Небесной флотилии — остатков бывшего воздушного могущества Элиоса.

Из-под днища судна виднелось растекающееся по окружающей пустоте оранжевое свечение. Даймон опёрся руками о толстый борт корабля и глянул вниз — мимо проплывали мелкие острова, россыпью разбросанные по Бездне вплоть до самого горизонта. Далеко внизу сквозь серый туман из гари и дыма виднелись очертания огромного клочка земли, на котором была возведена крепость. Но сейчас это место пылало жарким алым пламенем, тепло от которого поднималось даже до летящих высоко над ним кораблей элийцев.

— Руины Ру в огне... — тихо промолвил Даймон.

— Мы опоздали... — прозвучал знакомый голос.

Командующий невольно дёрнулся и увидел рядом с собой своего военачальника — Версетти. Он вместе с легионом Сияния Миражей также участвовал в опасном походе, знаменующим перелом в войне между людьми и балаурами.

— Я тебя не заметил, — снова уставившись на далёкое пламя, буркнул Даймон.

— Нетрудно догадаться, — откинувшись на локти, ответил бессмертный. — Ты уже несколько часов смотришь куда-то. О чём думаешь?

— Ни о чём... — отстранённо махнул головой командующий.

— До высадки остался час. Собирай людей.

Даймон молча кивнул. Версетти, вздохнув и бросив последний взгляд на фиолетовое небо Бездны, стукнул ладонью по деревянному борту и зашагал к каютам. Легат Щита Неджакана осторожно повернул голову в сторону — в метрах десяти от него в окружении других Даэвов стояла Белатрисс и тоже смотрела вдаль, оперевшись о борт. Мужчина ничего не сказал — лишь тяжело вздохнул и продолжил наблюдать за поднимающимися из крепости столбами дыма.

Спустя час строй боевых кораблей приблизился к громадному и бескрайнему острову — центральному континенту. Суда завернули к его кромке и снизились, с бортов спустили трапы. План высадки был простой: спешиться между крепостями Кротан и Ткисас и строем отправиться к назначенному месту встречи элийцев и асмодиан. А дальше — общий штурм Ткисаса, занятого балаурами.

За пятнадцать минут всё многотысячное войско южан оказалось на твёрдой земле верхнего Арэшурата. Корабли поднялись в воздух и разделились на две части: двенадцать фрегатов отправились на стоянку между островами Ру — там их точно не заметят Дерадиконы, а остальные шесть облетят центральный континент и нападут на крепость с тыла, произведя мощнейшую артиллерийскую подготовку.

Руководил операцией лично Версетти. Он вышел вперёд, раскрыл крылья и облетел весь

строй, чтобы убедиться в готовности своей армии. По команде: «Вперёд!» — тысячи сапог дружно зашагали по пыльной породе к назначенному месту.

Путь элийцев пролегал чётко между крепостями, чтобы разведчики балауров не заметили продвижение войск. Но командование сразу поняло, что бояться нужно не этого — по сторонам к небу поднимались два серых столба дыма. Это означало лишь одно: Кротан и Ткисас горели. Зачем балауры подожгли крепости, которые только захватили? Чтобы они не достались никому? В чём смысл уничтожать то, за что так отчаянно сражаешься? Элийцы не знали.

— Ящеры сильно постарались, чтобы каменные громадины запылали, как спички, — сказал Версетти своему другу, озираясь на два далёких пожарища.

— Либо Дерадиконы разбомбили зажигательными снарядами... — начал было Даймон, шагающий рядом.

— Либо это дело рук драконов... — сморщился военачальник.

Да, если армия балауров пополнилась огнедышащими крылатыми чудовищами, это сильно усложняло жизнь людям. А, точнее, сильно укорачивало.

— Эфира в воздухе полно, — заметил Даймон, разглядывая монотонное небо. — Шансы на то, что ты прав, возрастают.

— Не дай Айон...

До места встречи осталось чуть меньше половины пути. Строй элийцев растянулся на километр.

— Думаешь, балауры знают о том, откуда и каким количеством мы пришли? — тихо спросил друга Версетти.

— Уверен, что да, — командующий мельком глянул на шагающую позади Белатрисс. — Знают.

Через какое-то время военачальник поднял руку вверх, и всё войско тотчас встало, замерев. На горизонте чётко выделялась чёрная полоса, растянувшаяся по плату в центре острова.

— Асмодиане уже тут, — заключил главнокомандующий. — Строимся вдоль линии, как перед осадой! — мужчина развернулся и скомандовал офицерам. — Воины в первые пять шеренг, за ними — маги и лучники! Лекари и жрецы — ваше дело соорудить десять лагерей и сделать надёжное укрытие! Вон те скалы подойдут, — он указал рукой на высокие каменные плиты, торчащие из земли в полукилометре отсюда. — Даэвы — прикрывайте жрецов! Даймон, — сказал он своему подчинённому. — Летим вперёд.

Мужчина кивнул, и тут же за их спинами появились огромные белоснежные крылья. Воины оттолкнулись от земли и помчались навстречу асмодианам. Они увидели, как в воздух поднимаются три чёрные фигуры и летят им навстречу. Приземлившись в центре между строем южан и северян, Даймон и Версетти сбросили крылья. Вскоре к ним приблизились и асмодиане.

Один из тёмных Даэвов вышел вперёд и промолвил на чистом элийском:

— Я Джером, центурион седьмого легиона Пандемониума. Я буду переводчиком. Это господин Квасир, временный военачальник Пандемониума и легат Клыкков Фенрира, — он указал на довольно пожилого, но коренастого мужчину, кивнувшему ему. — Это — госпожа Кенсаи, командующая армией и легат Топазового Клинка, — возле Квасира стояла женщина, держащаяся за два длинных кинжала на поясе и настороженно смотрят на элийцев.

— Я Версетти, военачальник элийского Арэшурата, — указал на себя мужчина. — Это

— Даймон, командующий армией.

Даэвы поклонились друг другу. Квасир что-то сказал переводчику, и тот спустя секунду спросил Версетти:

— Сколько людей на Вашей стороне?

— Одиннадцать тысяч человек, — сурово ответил он.

Джером тут же перевёл всё на асмодианский.

— На нашей стороне двенадцать тысяч, — промолвил Джером. — Мы узнали неприятные известия из близлежащих крепостей: они сгорели практически дотла.

— Мы видели, — кивнул Версетти. — Тогда за что мы сражаемся, раз фортов нет?

— Мы полагаем, что балауры намеренно уничтожили их, чтобы в случае нашей победы мы не могли обороняться, а были как на ладони.

— Дерадиконы? — спросил Даймон.

— Также мы полагаем, что помимо Дерадиконов в воздухе нам мешает другая напасть. Наши разведчики видели, как из крепости Кротан вылетает дракон.

— Ситуация весьма неприятная, — подытожил элийский военачальник. — Но достаточное количество Даэвов способно убить дракона.

Джером и Квасир пошептались, и переводчик ответил:

— Мы полагаем, что балауры знают о нашем приходе и не позволят застать себя врасплох. Поэтому наше командование предлагает не отправляться в сторону Ткисаса — там нас всех может поджидать ловушка.

— Разумно, — заключил Версетти. — Около Кротана летает дракон. Так какие же Ваши предложения?

— Выступить к крепости Ра-Мирен к северу отсюда — от неё тоже практически ничего не осталось, но шанс того, что балауры поджидают нас там, значительно ниже.

Версетти и Даймон переглянулись. Даймон едва заметно кивнул, и военачальник ответил:

— Я разверну войска к северу. Будем идти нога в ногу. Так больше шансов разглядеть врага.

Квасир кивнул, когда Джером перевёл сказанное. Асмодиане первыми раскрыли крылья и собирались взлетать, как вдруг Даэвы заметили, что их армия засуетилась и начала разворачиваться. Из строя донёсся громкий звук горна — на подступах был враг.

Переговорщики оглянулись по сторонам — никого не было видно. Вдруг элийская армия тоже стала разворачиваться и перегруппировываться. Светлые Даэвы закружили над своими легионами, командуя:

— Сомкнуть ряды! Защищать жрецов и магов! Воины — щиты на изготовку!

Версетти и Квасир на мгновение встретились взглядами. В них было понимание одного: балауры оказались хитрее. Командование тут же замахало крыльями, помчавшись к своим. Сквозь громкий топот легионеров они отчётливо слышали нарастающий гул, идущий с юга и севера. Даймон повернул голову на запад и округлил глаза — оттуда бежала бескрайняя орда ящеров. Взмах на восток — и там к элийцам и асмодианам приближалась точно такая же армия балауров.

— С четырёх сторон! — закричал Даэв. — Мы окружены!

Версетти тут же начал облёт войск, чтобы скоординировать поворот. Магов и лучников быстро перемещали в центр, но успеть подготовиться к бою южане не могли — полчища драканов надвигались слишком стремительно.

Армии балауров, движущиеся с запада и востока, бежали прямо между элийцами и асмодианами. Почти соединившись, два драканских войска разделились на части — одна половина, яростно вопя и шипя, помчалась к северянам, другая половина — к южанам. Людей зажали с двух сторон. Нужно было встретить первую волну ящеров и не посыпаться — тогда был шанс сдержать натиск.

— Вытянуть пики! Закрыться щитами! — орали офицеры.

Плотные коробки легионеров выстроились в обороне. Вот-вот орда балауров врежется в них. Столкновение! Первые ряды элийцев смело, словно волной. Трёхметровые драканы будто не замечали острых пик, вытянутых в их сторону. Они яростно махали перед собой огромными дубинами, вбивая металлические доспехи в землю вместе с облачёнными в них воинами.

— Держать строй! — доносилось со всех сторон. — Стоять насмерть!

Ящеры давили с двух сторон, словно войско людей сжало в клещи. Даэвы взмыли в воздух, чтобы разредить первые ряды драканов и хоть немного уменьшить их давление.

Даймон взлетел и на миг завис в воздухе. Он посмотрел в сторону асмодиан — дела у них обстояли не лучше: балауры сносили коробку за коробкой.

«Нужно, чтобы элийцы соединились с асмодианами, — догадался Даэв. — Тогда можно дать отпор».

Он позвал за собой несколько бессмертных, и те спикировали на орду ящеров, что находилась между элийцами и северянами. Но сказать проще, чем сделать: балауров было в разы больше, тем более они всегда славились непомерной физической силой.

— Вот матки постарались... — шипел Даймон, размахивая алебардой. — Нарожали тварей...

Мужчина парировал очередной удар балаура и отвёл его оружие в сторону. Ящер споткнулся от резкого толчка и свалился на грудь. Тогда Даймон с силой замахнулся и рубанул лезвием по его шее, сняв голову с плеч дракана. Из раны тут же фонтаном излилась обжигающе горячая шипящая зелёная кровь.

— Вот недоумок... — прорычал элиец и развернулся.

На него со спины летела дубина другого балаура. Даймон пригнулся, и оружие засвистело у него на голове, не задев. Тогда Даэв с разворота сделал подсечку по ногам ящера, противник упал, и бессмертный, отпрыгнув от земли, яростно закричав, разрубил грудь дракана, вонзив сломанное ребро в сердце ящера. Балаур выдохнул и обмяк. Воин с трудом вытащил алебарду из тела врага, в лицо прыснула кипящая кровь.

— Ах ты... Балаурский рог... — Даймон выронил оружие и упал на колени, схватившись руками за лицо.

Даэв попытался открыть глаза — слава Айону, их не задело, но кожа на щеке шипела и плавилась от адски горячей крови павшего балаура. Элиец обернулся, услышав сбоку рык, и увидел, как на него летит дубина огромного дракана. Воин бы не успел ничего сделать, как оружие ящера превратило бы его в алую лепёшку. Но вдруг за миг до удара в массивную шею балаура вонзился длинный меч. Дракан тут же рухнул на колени и с грохотом упал набок, чуть не придавив собой элийца.

Даймон вскочил и посмотрел на рукоять меча. Он узнал его. Мужчина обернулся и увидел в двух метрах от себя смотрящего на него зеленоглазого асмодианина. Южанин поднял с земли свою алебарду, быстро расправился с подбежавшим к нему драканом и подошёл к Териану.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал элиец, всё ещё держась одной рукой за обожжённую щёку. — Думал, ты с Эви.

— Я выбрал будущее, а не настоящее, — холодно промолвил Даэв, словно до сих пор сомневаясь в правильности своего поступка.

Асмодианин подбежал к павшему балауру и вынул клинок из его туши.

— Я же просил обходиться с ним нежно и ласково, — Даймон кивнул в сторону окровавленного меча «Дрожь Лорда балауров», спасшего ему жизнь.

Териан только искоса глянул на элийца и убрал оружие в ножны, достав другую пару мечей. Сзади на мужчин двигался ещё один ящер. Даэвы с разворота полоснули ему по ногам и, когда тот рухнул наземь, сняли голову с его чешуйчатых плеч.

— Балауров слишком много, — крикнул асмодианину Даймон. — Мы не выстоим.

Териан ничего не ответил. Он поднял голову к небу и оскалился.

— Ты прав... — промычал северянин.

Высоко над платом летело три дракона, медленно взмахивая громадными кожистыми крыльями.

— Мать моя женщина... — в шоке пробормотал Даймон, наблюдая за полётом величественных и ужасных ящеров.

Териан Лекас тут же раскрыл крылья и взлетел вверх. Даэвы вокруг тоже правильно расставили приоритеты и взмыли к небу, чтобы поразить крылатое бедствие. Драконы, увидев это, разделились и полетели в три стороны. Они немного снизились и, набрав в мощную грудь воздуха, изрыгнули столбы пламени на не подозревающих ничего легионеров элийцев и асмодиан.

Первые Даэвы долетели до громадного балаура и замахнулись своими орудиями. Но все их мечи были лишь крохотной иголкой для толстой чешуи крылатого ящера. Дракон лишь усмехнулся, ударил шипастым хвостом недругов и, вывернув крылья, полетел в другую сторону.

Войска людей редели. Натиск балауров не уменьшался, да ещё с воздуха воинов накрывало жаркое пламя, мгновенно испепеляя сотни. Даэвы тщетно пытались ранить драконов, но даже магия элийских и асмодианских волшебников была им ни по чёму. Шансов не оставалось. Даже если бы хотели, люди не могли сбежать — со всех сторон их окружили ящеры.

Вдруг в небе появились два огромных шара: красный и синий, летящие с разных сторон навстречу друг другу. За ними по небосводу Арэшурата тянулся длинный белый след, растворяющийся в Эфирных потоках. Даэвы подняли головы и увидели, как эти шары на полной скорости врезались в двух драконов. У ящеров тотчас обмякли крылья, и они начали бесконтрольно падать вниз. Один дракон рухнул прямо на войско балауров между элийцами и асмодианами. Второй пронзил брюхом скалу в паре километров отсюда.

Из тела рухнувшего на сородичей ящера вырос красный шар. Он завис в воздухе и, словно скорлупа, раскололся на две части. Из недр магического объекта засияла огромная человеческая фигура и медленно опустилась на землю. Его кожа напоминала, скорее, металл, глаза светились ярко-алым, а в руке он сжимал громадный молот. Волнистые волосы странного существа были словно выкованы из меди и блестели в свете пожарищ.

Асмодиане, увидев появление этого человекоподобного создания, тут же подняли кверху мечи и воодушевлённо завопили. Даймон, всё ещё сражающийся с драканами на земле, увидел его и удивлённо пробурчал:

— Маркутан?..

— Его Посланник, — донёсся сзади голос Версетти. — Теграк.

Дракон ещё дышал. Он плевался искрами и, зашуршав крыльями, попытался встать на ноги. Металлический человек, переведя пылающий взгляд на огромного балаура, оскалился и, громко зарывчав, замахнулся громадным молотом. Звук от удара оглушил всех в радиусе сотни метров, земля затряслась, а в воздух поднялось облако пыли. Когда пелена рассеялась, посреди плато лежало бездыханное тело дракона, а над ним возвышался Теграк. Асмодиане заликовали и с новой силой ринулись в бой.

Вдруг со стороны скалы, куда упал второй дракон, засиял холодный синий свет. Элийцы повернули головы и тоже закричали, подняв к небу оружие. Над скалой парила женская фигура, кожа которой так напоминала Теграка, но была светлых голубых оттенков. Дрениумовые локоны женщины развевались на созданном ей ветру, а глаза светились ослепительным синим светом ярче Ока Арэшурата.

— А вот и Гера, — улыбнулся Версетти. — Посланница Лорда Кайсинеля.

Огромного роста женщина на невидимых крыльях поплыла к войску элийцев, сметая орды балауров со своего пути.

— Фортуна нам благоприятствует! — довольно оживился военачальник. — В атаку!

Южане, громко завопив, побежали на ящеров, пихая и расталкивая ряды драканов. Помощь пришла. Теперь будет легче.

Асмодиане с новой силой сопротивлялись натиску балауров — теперь с ними был их Посланник, а, значит, вновь появилась надежда. Квасир и Кенсаи сражались с полчищами ящеров на земле рядом со своими легионами, стараясь не упускать друг друга из виду. Мужчина блокировал мощные атаки драканов своим огромным щитом и молниеносно контратаковал, расправляясь с пачками ненавистных балауров. Воительница вела свой танец смерти: вращаясь юлой между рядами ящеров, она своими кинжалами наносила быстрые и точные удары в незащищённые места врагов, как можно сильнее разреживая их толпу.

Уворот, толчок и замах — из шеи дракана хлещет бурлящая зелёная кровь. Рывок, пируэт и удар — спину следующего противника пронзает острая боль. На расстоянии вытянутой руки врагов больше не остаётся. Кенсаи бежит дальше — в самую гущу наступающих балауров. Уклонение, точный удар — ещё одна жертва. Вдруг она видит сбоку от себя свечение глаз. Воительница машинально поворачивается и замирает. Из её рук выпадают кинжалы и, брэнча, падают на землю. Глаза не верят увиденному. Может, это сон? Тогда, определённо, кошмар. Ловко обходя балауров, к ней идёт призрак прошлого — тот, кого она так давно похоронила и, кажется, только недавно забыла.

— Арион?.. — машинально произносят губы родное имя.

Мужчина подходит к ней и смотрит в глаза. За столько лет в нём ничто не изменилось: те же струящиеся чёрные волосы, тот же нос с горбинкой, те же острые карие глаза, те же тонкие вечно потрескавшиеся губы.

— Кенсаи, — говорит он, приблизившись слишком близко.

Нет, не сейчас. Ну почему сейчас?!

— Где ты был? — дрожащим голосом говорит воительница, чувствуя, как глаза серебрятся слезами.

— Я всё расскажу, — мягким голосом доносится ли её ушей. — Прости меня, что оставил... Что не был с тобой...

— Замолчи... — кажется, шипит она, пытаясь отвернуть голову, но мужчина настойчив.

Он поворачивает её лицо к себе и продолжает говорить.

— Идём со мной. Нам больше нечего здесь делать... — он хватается её за руку и тянет за собой.

Кенсаи не в силах сопротивляться. Она машинально передвигает ноги в такт с мужчиной. Она не замечает, как балауры расступаются перед ними, окидывая пару равнодушными взглядами. Она не видит ничего. Всё перевернулось с ног на голову.

Но всё это замечает Квасир. Он кричит:

— Кенсаи! — и бросается к ней.

Балауры скалятся, не давая асмодианину пройти. Сильный удар по груди ящери, разворот, и вот легат первого легиона уже бежит наперерез Ариону и его возлюбленной. Призрак прошлого чувствует на себе ненавистный взгляд Квасира и взмахивает рукой — мужчина тут же отлетает в сторону. Кенсаи вдруг замирает, начиная приходить в себя.

— Кто ты такой? — она отпускает руку Ариона и пятится назад.

Балауры вокруг начинают шипеть и обступать её.

— Разве ты меня не узнала? — говорит он, подходя всё ближе. — Это я, Арион, твой легат.

— Нет, Кенсаи, это не он! — вопит в стороне Квасир, скрученный балаурами, и вдруг замолкает. По пыльной земле Арэшурата к ногам асмодианки начинает течь алая струйка крови.

Женщина машинально тянется за кинжалами, но их не оказывается на месте. Она оборачивается и видит, как они лежат на земле в пяти метрах от неё.

— Кенсаи, — снова говорит мужчина и подходит ближе.

Воительница пятится назад, пока не упирается спиной в широкую драканскую грудь. Теперь она понимает, что это не он. Это — балаур в облики её возлюбленного. Но зачем он здесь? Зачем просит идти с ним?

Арион протягивает вперёд руку, но в этот же миг войско балауров разлетается в разные стороны от сильного взрыва. Кенсаи чудом не задевает. Она видит, как вокруг валяются конечности драканов, а сам Арион, крихтя, еле поднимается с земли. Женщина решает не медлить и рывком открывает крылья.

— Кенсаи! — кричит ей вдогонку мужчина и начинает рычать.

Она подхватывает с земли свои кинжалы и взмывает в воздух. За спиной доносится громкий рык. Воительница рискует обернуться и видит, как тело её любимого начинает увеличиваться в размерах, покрываясь чёрной чешуёй. Женщина быстро машет крыльями набирая скорость, но это бесполезно. Сильнейшая магия Лорда балауров прижимает её к земле, не давая пошевелиться. К ней медленно подходит огромный дракан, с виду более могущественный, чем остальные балауры. Он хохочет рядом с телом асмодианки, прожигая её лицо сияющим от огня взглядом.

Кенсаи знает, что если он её схватит, то превратит во что-то ужасное и мерзкое. Единственный шанс спастись дарует ей сама судьба. Через секунду в метре от ящера вновь взрывается земля. Он отвлекается и на миг теряет контроль над женщиной. Она использует момент: резко достаёт нож и, шипя:

— Я не буду твоей куклой, — перерезает себе глотку.

Перед глазами всё расплывается. Воительница теряет сознание и проваливается в спасительное небытие. Когда дракан приходит в себя, тело Кенсаи уже укрывается чёрными перьями и рассыпается в пепел, унося душу к родному кибелиску вдали от этой битвы.

Балаур скалится и начинает вопить. Вокруг него собирается едкий чёрный туман. Он завихряется, скрывая в урагане всё тело ящера. Наконец, спустя всего несколько секунд дым рассеивается, и на плато появляется громадный чёрный дракон, намного больший своих огнедышащих собратьев. Его морда утыкана шипами, а из глаз и пасти исходит синее пламя.

Существо поднимает скалящуюся физиономию к небу и видит, как мимо пролетает Дерадикон и пушечными залпами атакует Посланника Маркутана. В Теграка попадает всё больше и больше снарядов — он слабеет на глазах. Наконец, после очередного залпа огромный асмодианин падает замертво на ковёр из живых балауров.

Новый снаряд Дерадикона попадает в лапу дракону, но он словно не замечает этого. Он внимательно разглядывает войско людей, ища в нём кого-то. Спустя несколько мгновений балаур довольно ухмыляется, взмывает вверх и громко произносит, разнося свой голос эхом по всему плато:

— Бойтесь меня, ибо мой взгляд ослепляет, мой глас оглушает, мой рык сводит с ума, моё дыхание испепеляет! Тень от моих крыльев несёт погибель! Я есть Тьма, и имя мне — Смерть! Имя мне Бритра!

Дракон пролетает низко над войском людей и, вздохнув, выпускает струи синего пламени, мгновенно обращающие врагов в прах вместе с доспехами. Он улыбается и поднимает голову, встречаясь взглядом с Герой, возвышающейся над равниной. Посланица успевает произнести какое-то заклинание, но оно не действует на могущественного балаура. Дракон довольно улыбается и, набрав в грудь воздуха, выпускает на женщину струю синего огня. Гера пытается укрыться от проклятия Эфирным щитом, но он не спасает и, выдержав всего пару секунд, разбивается на осколки. Посланицу окутывает магическое пламя, она кричит не в силах защититься от дыхания Лорда балауров. Бритра вновь и вновь плюётся новыми порциями огня. Гера начинает пронзительно кричать и вскоре безжизненно падает на спину. Властелин драканов довольно рычит, взмахивая громадными чёрными крыльями, и улетает обратно, чтобы уничтожить как можно больше элийцев и асмодиан, пришедших на эти земли, чтобы встретить свою смерть.

В небе появляется ещё несколько драконов. Третий балаур, которого не успели убить Посланники, вернулся и с новой яростью начал выжигать врагов. Рядом с ним появилось ещё два — оба объятые пламенем, словно чешуя их была соткана из огня.

Вдруг навстречу одному из них вылетел белый дракон, с головы до кончика хвоста покрытый льдом. Он быстро махал огромными когтистыми крыльями, летя наперерез одному из огненных ящеров.

Оглушительно громким глухим ударом балауры столкнулись. Белый дракон вцепился пастью в глотку огненного, и, завертясь в воздухе, они рухнули на землю. Началась схватка. Оба ящера рычали и шипели друг на друга, сцепливались когтями, рвали крылья.

Белатрисс, находящаяся на окраине войск людей, увидела это и разгневанно прошипела: — Рудра... Проклятый Эрискаль!

Она раскрыла крылья, собираясь лететь к сцепившимся в смертельной схватке драконам, но из-за спины послышалось яростное:

— Куда это ты, любовь моя? — Даймон стоял в трёх метрах от волшебницы, выставив перед собой алебарду и исподлобья прожигая девушку взглядом.

— Лучше не мешай мне, насекомое, — голос Трисс был необычно низок, она зашипела, а зрачки в её светящихся глазах плавно переросли в чёрные вертикальные полосы.

— Не скроешься, крошка, — прорычал элиец. — Мы с тобой ещё не все семейные дела

обсудили.

Кожа девушки покрылась красной чешуёй, а руки обросли длинными когтями.

— Это тебе за то, что сегодня посуду не вымыла, — мужчина бросился на неё, волшебница зашипела и обратилась в огромную огненную птицу, яркой вспышкой отбросив Даймона на несколько метров.

Белатрисс тут же полетела на спасение пламенному дракону, не обращая внимания на Дазва. Элиец с трудом поднялся на ноги, расправил крылья и помчался за ней.

— Не уйдёшь, дорогая... — шипел он, пытаясь нагнать пылающую птицу.

Ледяной дракон что было сил вновь вцепился зубами в раненую глотку огненному. Тот заскулил, противно зарычал и вскоре бездыханным осел на землю.

— Не-е-ет! — зарычала Трисс, упав рядом с телом сородича. — Я отомщу за тебя, Тахабата... — она устремила яростный, опоенный ненавистью взгляд на белого дракона.

Девушка, вернув себе прежнее человеческое обличие, призвала огромный светящийся шар и запустила его в грудь слуге Ледяного Лорда. Тот пытался увернуться, но магия настигла его. Существо зашипело, взмахнуло крыльями и начало таять на глазах. Ледяная чешуя плавилась и бесцветной жидкостью растекалась по равнине. Спустя несколько секунд крылья превратились в воду. Вскоре та же участь настигла и брюхо ящера. Последний раз зашипев, слуга Эрискаля осел на землю и более не встал. От него остался лишь грязный мокрый след на плато между крепостями верхнего Арэшурата.

Даймон летел вслед за Белатрисс и уже замахнулся в воздухе, чтобы поразить самозванку, но буквально за секунду до удара его отнесло в сторону, и мужчина свалился набок, сломав одно крыло. Он, замычав, поднялся и оторвал раненое и здоровое крылья, достал алебарду и не поверил своим глазам. Перед ним стоял Бронн и яростно шипел, сжимая в руке меч.

— Бронн, — осторожно протянул Даймон. — Только не говори, что и ты...

Но по непривычному для пожилого мужчины рычанию и злобному оскалу рептилии элиец понял, что это больше не его друг.

Вдруг за спиной Бронна воздух зашипел в дымке и словно из тени появился разъярённый Родт.

— Ты больше не Бронн! — закричал он и ринулся на врага.

Псевдоэлиец лишь взмахнул рукой, и тело Родта прижало к земле. Даймон попытался атаковать, но и его спустя мгновение настигла та же участь. Балаур в обличии Дазва спокойно подошёл к Родту и одним взмахом меча обезглавил его. Затем он направился к Даймону. Элиец оскалился не в силах пошевелиться, но вдруг Бронна что-то сбило с ног. Даймон тут же вскочил на ноги и увидел рядом с собой асмодианина в капюшоне, окаймлённом металлическим драконом.

— Уходи... — на ломаном элийском зашипел северянин.

Даймон отрицательно замотал головой и крепче сжал в руках алебарду. Розеркар медленно отвернул от него голову и взмахнул перед собой рукой. Напротив мужчин стояли Бронн и Белатрисс — два могущественных балаура. Что могут сделать пара Дазвов против них?

— Ты выжил? — спросила на асмодианском Белатрисс, шагнув к заклинателю.

Розеркар ничего не ответил. Он стоял ровно, не шелохнувшись. Узоры на его одеждах запылали, а фигурки драконов зашипели.

— Что ж, это ненадолго, — ухмыльнулась она и взмахнула рукой. Розеркар расставил

ноги в стороны и начал читать заклинание.

Белатрисс бросила на землю светящийся шар, асмодианин растворился в дымке, и его не настигла магия, но Даймон не успел среагировать, и уже через мгновение оказался на лопатках. К нему подошёл Бронн и сухим взглядом прижал к земле.

— Прощай, любимый, — услышал он из уст Трисс перед тем, как псевдодаэв полоснул его мечом по шее.

Мягкие былые крылья почти сразу укрыли собой тело мужчины. Девушка лишь кинула на него презрительный взгляд и обернулась. Перед её лицом стоял Розеркар. Она не успела ничего сделать, как асмодианин плеснул ей в лицо какой-то жидкостью. Белатрисс громко и противно завизжала, схватившись руками за голову. Бронн среагировал почти моментально и взмахом ладони прижал Даэва к земле.

Розеркар знал, что это конец для него, но зато он ненадолго ослепил Тиамат... Это того стоило — он чувствовал это. Ведь очень скоро произойдёт что-то важное...

Асмодианин закрыл глаза и уже через секунду почувствовал режущую боль в горле. Он понимал, что от этого никуда не деться. Да, он теперь был не бессмертен — магия Саталлоки развоплотила его. А теперь клинок ещё одного дракона убил окончательно. Бездыханное тело заклинателя осталось лежать на земле, а из глотки струйками вытекала алая кровь.

— Я не вижу! Я ничего не вижу! — вопила Белатрисс, держась руками за лицо. Она снова обратилась огромной огненной птицей, но даже в этом обличии перед ней была пустота.

Бронн взялся за меч. Он чувствовал рядом могущественного врага. Дракон в обличии Даэва поднял глаза на ближайшую скалу и увидел на его вершине бородатого старика в белой тунике.

— Прощай, Канеус... — прошептал Френос, глядя сверху на озлобленного самозванца в обличии элийца.

— Проща-а-а-ай, оте-е-ец... — тихо зашипел ветер вокруг.

Старик улыбнулся. Ветер трепал его длинные седые волосы и бороду. За его спиной таял в воздухе портал, что перенёс его сюда.

Пока Белатрисс была слепа, Бронн решил сам разобраться с незванным гостем. Он призвал в свои руки вихрь из пламени и обернулся в него. Спустя несколько секунд рядом с телом Розеркара возвышался огромный рогатый дракон из прошлого. Он взмахнул рыжими крыльями и, подняв столб пыли, направился к старику.

Френос приготовился, ожидая, когда балаур приблизится на нужное расстояние. Сибил уже раскрыл пасть, чтобы испепелить элийца, старик ударил по земле своим посохом — произошла яркая вспышка, и от Френоса остался лишь маленький светящийся шар, пулей полетевший на дракона. Сфера пронзила грудь ящера, тот зарычал и рухнул на землю, сломав крыло. Из тела балаура вылетело уже две сферы, одна из которой такой же вспышкой превратилась обратно в старика.

Он держал в руке маленький огненный шар — бессмертную душу Бронна. Сибил еле поднялся на ноги, и побежал на элийца, готовясь изрыгнуть пламя.

— Это всё, на что я был способен... — промолвил Френос и выпустил из рук шар. Тот улетел высоко в небо — так, чтобы раненый дракон его не достал.

Затем мужчина вновь обратился магической сферой и, разогнавшись, во второй раз пронзил грудь дракону. Тот зашипел ещё громче и вскинул рогатую голову к небу. Ноги его

подкосились, и величественный балаур свалился на землю. В глазах его погас огонь. Конечности обмякли, и ящер испустил свой последний вздох. А шар, коим была душа Френоса, исчез навсегда. Старик истратил все свои силы. Теперь его дух вечно будет витать в потоках Эфира, что пронизывают всю Бездну.

Действие проклятие заканчивалось — к Тиамат возвращалось зрение. Но когда она смогла открыть глаза, Леди балауров закричала в гневе:

— Не-ет!

Возле её ног лежало бездыханное тело её творения — возрождённого и вновь павшего дракона Сибила.

Тем временем войска элийцев и асмодиан продолжали редеть. Бритра и ещё один дракон в небе покрывали землю пламенем, не щадя никого, а Дерадиконы, держащиеся на большом расстоянии друг от друга, продолжали бомбить землю. Териан Лекас пробивался сквозь горящие участки к своим, по дороге расправляясь с заблудившимися балаурами. Крылья открывать он не хотел — драконы сразу это заметят.

Вдруг второй крылатый балаур увидел чёрную фигуру, пробегающую через стену огня. Он снизился и оскалился, когда разглядел светящиеся зелёные глаза асмодианина. Дракон спикировал на Териана Лекаса и набрал в грудь воздух. Мужчина увидел это и вовремя бросился в сторону, увернувшись от струи пламени. Дракон пролетел в метре над землёй и завернул на второй круг, чтобы прикончить Даэва.

«Что ж, теперь терять уж нечего...» — пролетело в голове асмодианина.

Он всё же раскрыл крылья и быстро взмыл в воздух. Уклоняться от огня так было намного проще. Териан полетел прочь от поля боя: если не удастся выжить, то хотя бы на время отвлечёт дракона от людей.

Мужчина слышал, как за ним следует пара огромных кожистых крыльев. До его ушей доносился злобный рык, а чутьё говорило, в какую сторону уворачиваться от пламени, пущенного яростным драконом.

Териан летел на всей скорости — он старался увести ящера от людей как можно дальше. И вот перед ним возникла оконечность центрального континента. Териан Лекас сбавил высоту, но тут его крылья в один миг загорелись от столба огня из пасти балаура. Асмодианин тщетно пытался потушить их, взмахивая всё быстрее. Перья неумолимо тлели от адского жара. Ещё секунду — и не выдержат.

Мужчина по максимуму снизил высоту. Чувствуя, что крылья его больше не держат, он в воздухе сбросил их и кубарем покатился по земле, гася скорость. Вдруг асмодианин почувствовал, что больше не чувствует поверхности. Он быстро перегруппировался и, зацепившись когтями за уступ, повис над пропастью. Воин подтянулся на руках, замычав и стиснув зубы, но всё же смог выбраться из лап смерти и оказаться на твёрдой земле.

В нескольких метрах от него приземлился балаур, подняв высокий столб пыли. Тело ящера покрылось пламенем, оно завертелось и постепенно уменьшилось. Через пару секунд из огненного кокона вышел Дариус ан Боуэн и зашагал к асмодианину.

Териан достал пару мечей из своей коллекции и слегка пригнулся в боевой стойке. Элиец, странным образом будучи в экипировке, тоже достал из-за спины оружие и повертел им в руках. Юноша остановился в двух метрах от врага и так же встал в стойку.

На лице Дариуса сияла довольная ухмылка, а в глазах горел огонь. Он сверкнул ими, и по лезвию его алебарды растеклось яркое пламя. Териан не повёл и бровью.

— Интересный фокус, — лишь буркнул он.

— Я отомщу тебе, Териан Лекас, — человеческим голосом зашипел юноша.

— За что? За то, что мои предки участвовали в твоей поимке в Эйроне, или за то, что я украл у тебя Эви? — словно специально раздражая врага, спросил асмодианин.

— И за то, и за другое, — прорычал Саталлока в облиии человека и замахнулся секирой.

Териан сделал кувырок в сторону, увернувшись от острого пылающего лезвия, и подцепил кончиком меча ногу элийца. Дариус рухнул на спину, но спустя миг рывком прыгнул на ноги.

— Бессмертный балаур... — асмодианин обошёл юношу и встал к нему лицом. — Интересно, Тиамат долго выбирала цель для своих экспериментов?

— Недолго, — ухмыльнулся Дариус. — Она знала, что этого юнца сделают Даэвом. Оставалось дело за малым.

— И ты убил Ариссу? Точнее, её убили за тебя?

— Всё верно. Она оказалась ищейкой Лорда Эрискаля. А Леди Тиамат не прощает предателей.

Териан задумался. Если Арисса — действительно слуга Ледяного Лорда, то, возможно, он ошибался, и она специально поведала ему о его прошлом. Но зачем тогда требовать стигму? Чтобы она не попала в руки Белатрисс? Всё это было очень странным — трактовать случившееся можно было по-разному, тем более кто знает, что на самом деле было у Эрискаля на уме.

— Кстати, мой смертный друг, — криво ухмыльнулся Дариус. — Ты ошибаешься.

Пламя, обвившее алебарду, потухло в один миг. Юноша приложил ладонь к лезвию секиры и полоснул им по руке. По блестящей стали потекла алая кровь.

— Я не бессмертен, — сказал он, показав асмодианину свою ладонь.

— Рана не затягивается, как у молодых Даэвов... — отметил Териан, сощурившись.

Капли крови размеренно капали на землю, разбиваясь о твёрдую породу.

— Да, — кивнул балаур. — Оказывается, меня успели развоплотить... Те двое заклинателей. Правда их ожидала та же участь... — он в довольной ухмылке вскинул бровь. — Кто знал, что вместе с бессмертной душой юнца они вытянут и свои души...

Териан Лекас крепче сжал в руках мечи. Силы сравнялись. Эта дуэль была последней для кого-то из них. Смертный против смертного. Гибрид против гибрида.

Элиец и асмодианин побежали друг на друга одновременно, грозно зарывчав. Териан упал на спину, уклонившись от замаха Дариуса, и проскользнул между его ног, полоснув мечом по бедру. Юноша в развороте разрезал воздух за собой алебардой, Даэв чудом увернулся от его лезвия. Териан прыгнул на ноги и ударил пяткой по ране — элиец зашипел и согнулся. Тогда асмодианин замахнулся клинком, чтобы рубануть по шее, но ему в живот кольнуло вторым наконечником секиры — Даэв вынужден был отбежать, чтобы не подставиться под следующий удар.

Оба врага выпрямились и грозно задышали друг на друга.

— Сражаться на мечах с тобой бесполезно, — промолвил балаур. — Что ж, мне жаль, Териан Лекас.

Дариус напряг мышцы, и его тело вспыхнуло, отбросив асмодианина на несколько метров. Перед его лицом вновь возвышался огромный дракон и уже готовился изрыгнуть струи огня. Даэв перекатился от столба пламени, поднялся на ноги и раскрыл крылья. Териан взмыл в воздух, но его крылья вновь запылали, попав под огненное дыхание балаура.

Мужчина рухнул прямо перед мордой дракона. Саталлока положил на тело асмодианина лапу, пригнулся, чтобы жертва ощущала жар из его пасти, и прошипел, сплёвывая обжигающие искры:

— Тебе конец, Териан Лекас...

Даэв смог вытащить из ножен подаренный Даймоном меч и вонзил его в лапу ящери. Тот зарычал и машинально одёрнул конечность. Северянин быстро поднялся и побежал к пропасти, но не успел он сделать и двух шагов, как спину и грудь что-то резко кольнуло. Асмодианин остановился, ощутив острую боль и холод, распространяющийся по груди. Он опустил голову: из доспехов торчало окровавленное лезвие собственного меча — «Дрожи Лорда балауров».

Териан попытался вдохнуть — не вышло, мешал клинок. В глазах уже поплыло. Через секунду он потеряет сознание. Лезвие вдруг резко вытащили из его тела. Асмодианин упал на колени.

— Чудесный меч... — донеслось сзади. — Оставлю себе...

Перед взором возник белый туман, в ушах зазвенело, а изо рта полилась кровь. Териан стал слышать какие-то голоса. Он знал, что они знакомы ему, но не мог вспомнить, кому они принадлежали.

Вдруг Даэв услышал сзади сильный треск — голос Дариуса резко замолк, а через мгновение по округе разнёсся звук взрыва и во все стороны разлетелись крупные льдинки, но мужчине было уже всё равно. Он закрыл глаза и почувствовал, что падает с твёрдой земли в пропасть. Он уже не мог удержаться. Бездна ждала его.

— Мы защитим его, я обещаю!.. — в пустоте стал различим родной мужской голос.

— Я молю Айона, чтобы Он сохранил его... — говорила женщина, которую он чувствовал своим сердцем.

— Нам больше некого молить...

— Мы сделаем всё, чтобы он был счастлив...

— Ариэль одарит его сердце добром...

— Сиэль будет хранить его время...

— Байзел будет оберегать его свободу...

— Кайсинель защитит его от лжи...

— Юстиэль подарит ему долгую жизнь...

— Асфель даст ему свою силу...

— Израфель подарит ему благословение...

— Джикел даст ему отвагу...

— Румиэль одарит его мудростью...

— Маркутан будет защищать его путь...

— А что будем делать мы?..

— Мы будем любить его. Вечно...

— Вечно...

Тем временем люди были в меньшинстве. Элийцы и асмодиане смогли пробиться друг к другу и объединиться в битве с Дерадиконом, драконами и другими балаурами. Вдруг из-за скалы показались белые паруса. Фрегаты элийцев нашли свою армию и в тот же миг выпустили по залпу в сторону дредноута ящеров и драконов. Это ненадолго отвлекло

балауров

— Нужно уходить! Мы не продержимся долго! — орали офицеры, уклоняясь от взгляда пролетающего мимо Бритры.

— Волшебники! Открывайте разломы! Держите их, сколько есть сил!

Через несколько мгновений в центре толпы людей открылось с десятков светящихся порталов. Маги южан и северян не разбирали, кто перед ними: элийцы или асмодиане — они давали возможность пройти всем. Лучники и другие Даэвы старались отвлекать на себя пеших ящеров, пока остальные проходят через порталы. Лекари тащили к разломам раненых. Легионеры помогали им и вместе с ними шагали в мерцающие воронки.

Спасти всех было нельзя. Нужно было сохранить как можно больше людей. Никто не знал, что последняя битва закончится катастрофическим поражением, как никто и не предполагал, что на помощь балаурам придут их Лорды. Почему Серафимы и Шедимы не явились, чтобы спасти своих детей, было неясно. Неужели, прислав по одному Посланнику, они надеялись выстоять против тучи драконов и высших ящеров? Пролитая кровь была на совести и Служителей Вечности. Но винить их, конечно же, никто не будет. Все будут вспоминать и расхваливать в песнях и легендах великую отвагу элийцев и асмодиан, скрестивших мечи с балаурами в самой крупной битве за последние сто лет.

===== Часть 7. Глава 9. =====

Комментарий к Часть 7. Глава 9.

Отредактировано.

За двадцать два года до Катаклизма.

Башня Вечности.

Уставшая Леди Сиэль входила в свои покои. День выдался долгим и напряжённым. С балкона веяло приятным холодком. На такой высоте ветер, казалось, не утихал вообще, постоянно меняя направление. Освежающая прохлада вечера постепенно проникала в комнату. Сиэль накинула мягкий халат и посмотрела вдаль — красота: величественные и далёкие горы Атреи быстро темнели, отпуская в далёкое путешествие мягкий свет Ока Айона, защитный барьер блестел в последних его лучах, переливаясь и радостно пульсируя, словно купаясь в потоках Эфира. Облаков нынче не было, и Посланница с удовольствием рассматривала нижнюю и верхнюю стороны планеты буквально из её центра.

«Мир и согласие, — думала она. — Неужели спокойствие, впредь будет только здесь, за Барьером?»

Станные мысли посещали её голову. К чему бы это? За века бесконечной войны всё обсудили не одну сотню раз: и прошлое, и будущее, и настоящее. Но беспокойство всё равно наполняло её сердце. Не было в нём той уверенности, присущей бессмертному Даэву, тем более Посланнице Бога.

Вдруг ветер задул особенно сильно, лёгкие светлые шторы запрокинуло внутрь, открывая дорогу струям холода. Сиэль поспешила покинуть прохладный балкон и зайти в комнату. Внутри всё было привычно: те же украшенные огромными полотнами природы Атреи стены, те же расписные колонны, визуальное отделяющие пространство спальни от гостиной, та же мебель, тот же свет. Но что-то было не так...не таким, как всегда. Сиэль подошла к большой кровати, села на край и ненадолго задумалась. На сверкающем мраморном полу было видно отражение грустного лица женщины.

Часы, дни, месяцы, годы... кругом однообразие. Хотелось чего-то нового, но жизнь стала статична. Всё так, как было в начале Возвышения балауров, на заре великой войны...

Бесконечная жизнь давно стала бесконечно одинаковой. Каждый день был похож на предыдущий. Сердце требовало перемен, если, конечно, оно ещё не разучилось требовать. Только вечная война и вечная жизнь. Новыми были только смерти.

На комод у кровати всё так же одиноко пылились драгоценные ожерелья и колье, которые Сиэль не одевала уже давно. Но и убирать их ей не хотелось. Они многое значили для женщины, приносили кучу приятных воспоминаний — это было ей очень нужно. Над входной дверью висели металлические буквы, построенные во фразу: «Служить вечно». Сиэль, как обычно, пробежалась глазами по привычным стенам, сняла кольца и серьги, открыла верхний ящик и аккуратно положила украшения на место.

Посланица готовилась ко сну, пусть редкому, но очень нужному. Она сняла туфли и собиралась забраться под мягкое одеяло, как тут за дверью послышались шорохи. Кто-то явно поднимался по лестнице в покои Сиэли. Женщина насторожилась и прислушалась. Никто чужой это быть не мог — патруль в Башне всегда начеку. Некто приблизился к хрустальной двери и слабо постучал несколько раз. Сиэль спрыгнула с кровати, накинула халат, подошла к двери и спросила:

— Кто здесь?

— Это я, Неджакан, — послышалось по ту сторону стены.

Женщина открыла дверь. Перед ней действительно стоял Служитель Вечности, с виду подавленный и чем-то расстроенный.

— Уже поздно, что-то случилось? — нежным голосом спросила Сиэль.

— Мне нужно... посоветоваться.

— Сейчас? — удивилась женщина.

— Да.

— Ну, проходи, — Сиэль отстранилась, открывая дорогу своему другу.

Неджакан вошёл и присел на край кресла рядом с кроватью. Женщина устроилась на постели и внимательно посмотрела на мужчину.

— Ну же, говори, я слушаю.

— Сиэль, я... я не знаю... — он замолчал.

Мужчина задумался и опустил светящиеся зелёные глаза.

— Ты переживаешь из-за Триниэль?

— Да. Со мной это впервые, — мужчина грустно посмотрел Сиэли в лицо.

— Я даже не знаю, что тебе сказать, как помочь, — растерянно промолвила женщина.

— Но разве это дозволено?

Сиэль вздохнула и ответила уверенно — она знала, что сейчас это нужно мужчине:

— Айон видит всё. Если это произошло, значит, так оно и должно быть.

— Но как мы расскажем об этом? — Неджакан внимательно посмотрел ей в глаза.

— О, Неджакан, а зачем об этом рассказывать? — Сиэль встала и подошла к Даэву. Она обняла его за плечо и взяла за руку. — Не стоит бояться. Мы сделаем всё.

— Меня беспокоит то, кем он станет в будущем. Даэв ли он?.. Или смертный...

— Скоро узнаем, — лицо женщины стало немного серьёзнее. — В любом случае, он один из нас...

Сиэль замолкла, но потом нашла, как направить разговор в другое русло.

— Беспокоиться нужно о другом. Мы сможем дать ему благословение, но не больше. Ни люди, ни балауры не должны ничего знать. Если это случится, ему будет угрожать опасность всю его жизнь. Он пока уязвим перед ящерами... Они не глупы и захотят выкрасть его.

— И что же ты решила? — мужчина хорошо знал этот тон, Сиэль что-то задумала.

— Нам нужно спрятать его.

— Но куда? На земли людей — нельзя: вдруг он одарён крыльями с рождения?

Оставить в Башне...

— Мы отдадим его в надёжные руки смертных в тех краях, где не обитают балауры, — голос Сиэли был решительным. — Мы найдём для него приличную семью, и он будет расти там, пока не придёт время забрать его.

— Время? — удивился Неджакан.

— Когда оно наступит, мы поймём, — лишь тихонько ответила Сиэль.

Посланник кивнул и глубоко вздохнул.

— Я хотел растить его сам...

Женщина похлопала мужчине по плечу и сказала:

— Мы не можем так рисковать, Неджакан. Поверь мне, так будет лучше.

Она встала и подняла мужчину. Служительница за плечо отвела его к двери:

— Уже поздно. Ещё поговорим.

— Спасибо, Сиэль, — Неджакан перед выходом низко поклонился хозяйке. — Да защитит тебя Айон.

— Да сохранит тебя Айон... — улыбнувшись, кивнула она и закрыла дверь.

Наши дни. На следующий день после битвы в Арэшурате.

Элизиум.

На Площади Святых собралось много народа. Горожане ждали заявления правителя Элиоса о том, чем закончилось вчерашнее сражение. Двери Святилища пока не открывались. Это значило, что Фаметес и Верховный жрец ещё не закончили молитву об упокоении усопших.

Но это было не так. Внутри Храма проходила неформальная встреча высокопоставленных офицеров с военачальником Элизиума.

— Последнее, что мы видели, — промолвил легат Розы Ветров в мундире генерала. — Это то, что Лорд Бритра рухнул на землю, словно кто-то сковал его крылья.

— Да, это так, — кивнул его адъютант. — Будто дракона обратили в лёд или камень... Позади нас были наши корабли. Они атаковали Дерадикон, пока мы уходили сквозь порталы.

— Получается, Элиос потерял весь воздушный флот? — стоя в окружении офицеров, горько пробормотал Фаметес.

— Все разломы в Бездну закрылись, — сказал Даймон, легат Щита Неджакана. — Даже те, через которые мы провозили суда. Огромные воронки в Арэшурат над Бертроном, Элтененом и Интердикой исчезли.

— И что это значит? — спросил у Даэва военачальник.

— Я не учёный — это вопрос к мудрецам из Библиотеки... — вздохнул бессмертный. — Но могу лишь предположить, что Бездна закрылась. Полностью.

— Значит, она исчезла?

— Нет, я думаю, мы всего лишь не можем в неё попасть. Клянусь Айоном, это тоже проделки Тиамат... — Даймон стиснул зубы и отвернулся.

Дракон в облики Белатрисс больше не появлялся. Это и понятно — он выполнил своё предназначение, закончив шпионить за Элиосом. Но настоящая Трисс пока так и не

объявилась. Юклиас говорил, что она ещё жива, а, значит, был шанс, что она вернётся. Даймон поклялся себе во что бы то ни стало найти свою супругу.

Фаметес вздохнул — новости были самые печальные: балауры победили, на голову разбив силы элийцев и асмодиан, а также оставили людей без флота и возможности отомстить — все разломы в Бездну в одночасье исчезли. Правитель собрался с мыслями и зашагал к дверям Святилища, приказав страже:

— Открывайте!

Ворота в храм медленно отворились, и перед волнующейся гудящей толпой появился сам военачальник Элизиума. Он подошёл к краю возвышения и поднял руки, приветствуя горожан.

— Народ Элизиума! — начал он, и весь галдёж в тот же миг стих. — Вчера воины Элиоса и Асмодеи дали бой кровожадным ящерам в самом сердце их владений. Наши расы бились отважно, рука об руку, скрещая оружие с ужасными драканами. Балауры были сильны, но в наших сердцах таилась немыслимая воля к победе. Мы почти разбили ящеров, но им на помощь пришли драконы...

Толпа заохала и стала громко шептаться.

— Наша сила была непоколебима! Балауры были повержены, но и людям пришлось заплатить за победу высокую цену. Много воинов погибло. Но эта жертва была принесена не зря, ведь отныне Бездна не потревожит нас! Мы навсегда закрыли разломы в Арэшурат, и балауры более не придут с оружием на наши земли! Мы отстаивали честь Айона, мы отомстили за Катаклизм! И теперь Элиос ждёт самое светлое будущее!

Народ заликовал. Оглушительные крики и вопли озарили толпу. Вверх летели шляпы, а люди прыгали от счастья. Такую счастливую новость они хотели услышать всю свою жизнь. Больше не будет войны с драканами — двухтысячелетняя битва закончилась победой людей — разве не счастье?

И только Фаметес был грустен, хоть на лице его сияла поддельная улыбка. Сзади подошли офицеры и одобрительно кивнули ему: он молодец, он сделал своё дело. Люди не должны были знать о катастрофическом поражении элийцев и асмодиан. Тогда жертву, принесённую ими, было не оправдать ничем. Да, Бездна закрылась, но навсегда ли — было неизвестно. И только опытные Даэвы точно знали: балауры ещё вернутся.

Пусть народ радуется. Они это заслужили. Минута счастья прошла быстро. Юный военачальник вновь поднял руки, чтобы говорить. Воодушевлённые горожане мигом закрыли рты и уставились на своего правителя.

— В связи с этим мною и военачальником Пандемониума было принято историческое решение. Элийцы и асмодиане сыты кровью друг друга! Мы вместе смогли прогнать проклятых ящеров и запереть их в Бездне. Мы объявляем перемирие! Я знаю, что обида и ненависть из наших сердец не уйдёт ещё долго, но мы попытаемся сохранить спокойствие на наших землях! Пусть наши дети не боятся выходить на улицы, опасаясь лазутчиков асмодиан! Пусть мужья и отцы не уходят от семей, чтобы сразиться с их аканами! Пусть в небе над городами не парят чёрные птицы, высматривая жертв! Пусть кровопролитие прекратится, и мы будем жить мирно и счастливо! Ведь так завещал нам Айон, а мы все — Его дети. Во славу Элиоса! Во саду Ай... — закричал военачальник, подняв вверх кулак, но вдруг его вбок что-то сильно пихнуло, и он свалился на пол.

Площадь ахнула. Фаметес опомнился и увидел лежащего на себе Даймона. Из груди Даэва торчал хвост арбалетного болта, а по начищенным доспехам ручейками стекала алая

кровь. Командующий замычал и, скорчив лицо, указал пальцем на фигуру в балахоне в самом центре толпы:

— Схватить его!..

Стража, ожидавшая около дверей Святилища, тут же прыгнула к людям. Народ оживился и стал расступаться перед патрульными. Убийца тотчас дёрнулся и побежал прочь. Стоящие около военачальника офицеры, не мешкая ни секунды, помчались в обход площади, чтобы перехватить диверсанта.

Фаметес выбрался из-под тела Даймона и присел рядом с ним:

— Вы в порядке? — приложив полы своего одеяния к ране бессмертного, спросил юноша.

Воин грубо отодвинул руку правителя и, буркнув:

— Что со мной сделается? Я Даэв... — поднялся на ноги, хоть это далось ему нелегко.

Даймон начал судорожно высматривать в толпе убийцу, но того уж и след простыл.

— Проклятие... — сквозь зубы прошипел командующий, словно забыв про болт, торчащий из груди.

— Кто это был? — спрятавшись за спиной Даэва, спросил Фаметес.

— Гелион... — мужчина скривил лицо. — Узнал по глазам...

— Что теперь делать? — ошарашенным взглядом глядя на бессмертного, спросил юноша.

— Ничего, — отвернувшись от толпы и посмотрев Фаметесу в глаза, сказал Даймон. — Он ещё доставит нам неприятностей...

Крепость Бертрона.

В комнату военачальника несколько раз постучали.

— Господин ан Боуэн, — голос Эдварда, его слуги, доносился из-за двери. — Вам послание из Элизиума. Господин Фаметес ан Ривен прислал уже второе письмо, в котором спрашивает, почему Вы не явились на совет. Господин ан Боуэн?

Мужчина тихонько потянул ручку — оказалось незаперто. Эдвард осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь — на полу комнаты Ваталлоса валялась кipa бумаг.

— Господин ан Боуэн?.. — промолвил он тихо и вошёл в покои.

На столе офицера творился кавардак: разбросанные записки, письма, опрокинутая чернильница. Возле стола отсутствовало шикарное кресло, словно его куда-то перетащили. Шторы развевались на ветру из-за настежь открытого окна. Слуга аккуратно обошёл угол стены и уронил из рук письмо, закричав:

— Господин ан Боуэн!

На полу валялось опрокинутое кресло, а с большой хрустальной люстры свисала петля и от ветра раскачивала заключённый в неё труп военачальника Бертрона...

Через неделю.

Морхейм.

Около только что возведённой могилы на окраине городского кладбища стояли две облачённые в плащи с глубокими капюшонами фигуры. Одна из них медленно положила на каменную плиту цветы.

— Альфир, идём, — второй незнакомец озибался по сторонам. Из-под балахона светились красные глаза.

— Заткнись... — прошипел первый. — Он был моим братом. И он погиб. Я хочу с ним проститься...

— Если мы не поторопимся, то тоже погибнем, — настойчиво твердила вторая фигура.

Около фамильных склепов расхаживали патрульные. Неизвестно, зачем они это делали посреди ночи — кого могли интересовать мёртвые?

— Всё, времени нет, уходим, — он схватил Альфира за локоть и потащил прочь. Мужчина поддался.

Парочка осторожно прокралась за склеп, чтобы не попасться на глаза страже.

— Куда мы теперь, Исагир? — шёпотом спросил Альфир, прислонившись к стене.

— В Пандемониум, — уверенно ответил развоплощённый легат третьего легиона. — Они заключили перемирие с белолицыми. А, значит, наши дела ещё не окончены...

Две призрачные фигуры бесследно исчезли в ночи. Наступила тишина. И только чёрные кладбищенские вороны громко каркали, словно предвещая новые трагедии в истории Атреи.

Шесть месяцев спустя.

Элиан.

Пасмурно. По кладбищу героев Элиоса медленно расхаживали двое Даэвов. Держа руки за спиной, они разглядывали старые могильные камни.

— Вот этот человек спас деревню в Элтенене от пожара, — Даймон остановился у покрытой мхом плиты и задумчиво прочитал надпись на ней.

— Хм, — Версетти подошёл сзади. — И каким же образом?

— На своей телеге тушил огонь водой из бочек, пока жители выбегали из домов. Так и сгорел в пожарище...

Версетти вздохнул.

— И откуда ты знаешь о нём? — подержав нужную паузу, спросил он.

— Он был из того же приюта, что и я... — Даймон опустил голову и поклонился старому мраморному камню.

Постояв немного в тишине, пара Даэвов медленно направилась дальше вдоль дороги, по сторонам от которой ровными рядками росли из земли могильные плиты.

— Помню, как год назад я руководил тобой, — ухмыльнулся Даймон, нарушив идиллию спокойствия. — Теперь всё наоборот.

— Это лишь должности, — нахмурился военачальник, рассматривая камни на тропе. — Мы всё равно останемся друзьями.

— Ты не хочешь вернуться в Ингисон?

— Нет, а зачем? Теперь мой дом — Бертрон, и я в нём главный. Господин Фаметес оказал мне честь, доверив руководить целой провинцией. Отныне мирной провинцией.

— Тебе тяжело без войны, я знаю, — монотонно пробормотал Даймон. — Так и хочется отрубить кому-то голову...

— Жажду крови я утоляю на охоте, — вздохнул Версетти. — Помогает. Плюс иногда краллы делают набеги на деревни — разве не шанс пустить в ход меч?

Товарищи посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Ингисон и Келькмарос отделили от Сарфана стеной, — продолжил легат Сияния Миражей. — Она теперь проходит между горами.

— Да, я знаю.

— Балауры пока сидят на месте: за полгода ни одной стачки... Даже странно, —

Версетти задумчиво вскинул бровь.

— Ждут нового шанса, — голос Даймона стал ниже, а дыхание — тяжелее.

— Наверное...

Подул резкий ветер. Опавшая с редких деревьев листва закружилась около ног Даэвов.

— Что там с асмодианами? — шагая в ногу с другом, спросил военачальник. — Ты мне так и не рассказал за чаем.

— Было слишком много лишних ушей, — вздохнул мужчина. — Ты же знаешь, что у Видара не было ни жены, ни детей...

Версетти кивнул.

— ... Поэтому нового военачальника их столицы должны были избирать, — продолжил Даймон. — Желающих, сам понимаешь, накопилось целое множество. Вот Квасир и решил, так сказать, оставить бразды правления в своих руках.

Военачальник улыбнулся.

— Как это?

— А кто будет спорить с Даэвом, да ещё легатом Клыков Фенрира? — ухмыльнулся командующий.

— Ну, с Гелионом было почти то же самое, — вздохнул Версетти. — Как там? Нет его следов?

— Пока нет, — протянул Даймон. — Но мы ищем. Должен же он когда-то объявиться...

Даэвы приближались к огромному дубу, у корней которого был похоронен бессмертный.

— Так вот, о чём я, — продолжил легат Щита Неджакана, остановившись около могилы. — Квасир удержал власть в своих руках. Это, пожалуй, к лучшему. За последнее время он довольно потеплел к Элиосу, хотя некая пренебрежительность к нам всё ещё осталась в нём.

— Я слышал, он женился, — Версетти встал рядом.

— Да, его супругой стала Кенсаи, легат седьмого легиона. Они по-тихому обвенчались два месяца назад. Ради неё он восстановил Храм Правосудия и сделал её Верховным Судьёй.

— Не рано ли? Асмодиане помнят дела Слутгельмира.

— Не думаю, что Кенсаи похожа на него. Хотя ей присуща хитрость. Да что там, хитрость присуща всем женщинам!

Мужчины замолчали и опустили хмурые глаза на могилу.

— Ну здравствуй, Териан... — вздохнул Даймон.

— Мы что-то без цветов, — тихо промолвил военачальник.

— Не думаю, что он любил цветы...

В землю под широкой кроной зелёного дуба был вбит чёрный прямоугольный мраморный камень. В центре золотыми буквами было выгравировано:

«Здесь покоится Териан Лекас — герой-асмодианин, которому до скончания веков будет обязан весь Элиос».

— Может, он не такой и герой, каким его называют сейчас? — заглянул в глаза друга Версетти.

Командующий тоже повернулся лицом к товарищу.

— А какая разница? Это уже ничего не изменит. Он натерпелся при жизни, так пусть хоть после смерти о нём помнят не как о предателе, а как о герое.

Военачальник кивнул — вряд ли кто-то будет против.

— Он был выдающимся Даэвом, — продолжил Даймон. — Честным, отважным... Пускай, порой излишне самодовольным и даже невыносимым... Но всё-таки он был единственным асмодианином, которого я считал своим другом.

— Эти слова многое значат. Может, он и был способен объединить Элиос с Асмодеей?

— Айон знает, но именно ему мы обязаны этим перемирием, — вздохнул командующий.

Версетти согласился.

— Наверное, где-нибудь в Белуслане есть точно такая же могила, — предположил он. — Ведь ни тела, ни стигмы его так и не нашли.

Даймон лишь пожал плечами.

Ветер колыхал толстые ветви дерева, листва громко шуршала, прогоняя гостей.

— Пойдём, — легат Щита Неджакана позвал друга за собой. — Стало холодать.

Военачальник молча пошагал за Даэвом. Пара медленно пошла прочь, оставляя на коричневой глине следы от подошв. Навстречу им медленно двигались три фигуры. Когда они приблизились, Даймон кивнул и поприветствовал:

— Господин и госпожа ан Грейв, — он поклонился мужчине и его жене. — Эви.

Грустная девушка прятала лицо под бежевой шляпой, но Даэв не мог не узнать её. Она шла медленно, держась одной рукой за живот, словно охраняя малыша. Встретившись взглядом с Даймоном, девушка растерялась и схватилась второй рукой за шляпку, которую ветер так и норовил унести с собой.

— Господин Даймон, господин военачальник, — Ромул ан Грейв поклонился бессмертным и повёл семью дальше.

Даэвы отошли на большое расстояние, остановились рядом с чьей-то безымянной могилой и обернулись, засмотревшись на семью губернатора Юфросина. Версетти внимательно глядел на живот Эви. Навскидку через пару месяцев настанет срок рожать.

— Что известно про ребёнка? — спросил он у Даймона.

— Здоров. Мальчик, как сказал Юклиас. В этом деле жрецы редко ошибаются.

— Элиец или асмодианин? — тише произнёс легат Сияния Миражей, словно могилы могли услышать их беседу.

— Лишь Айон знает, — вздохнул командующий.

— А если всё же асмодианин? — Версетти перевёл взгляд на товарища. — Что тогда?

— Мы будем защищать его, — уверенно кивнул Даймон. — Это же его ребёнок.

Даэвы стояли в стороне и наблюдали, как троица ан Грейвов подошла к той самой пустой могиле.

— Куда ты теперь? — спросил друга легат Сияния Миражей.

— Искать Трисс... — нахмутив брови, промолвил он.

— Я могу пойти с тобой, если хочешь.

— Не нужно, — Даймон легонько махнул головой. — Бертрону нужен военачальник.

— А твоему легиону нужен легат, — Версетти встал перед командующим.

— Возьми его на себя, пока я не вернусь.

— Возьму, — кивнул он. — И надолго ты?

— Не знаю... — задумчиво протянул мужчина.

— Тогда удачи тебе, — Версетти положил руку на плечо другу. — Да защитит тебя Айон.

— Да сохранит тебя Айон.

Даймон медленно пошагал прочь. Листва быстро замела его следы, оставив на горизонте лишь силуэт. Версетти постоял ещё немного, бросив взгляд на низко плывущие тучи, и тоже направился обратно к селениям — делать тут было больше нечего.

Эви молча стояла у могилы, сжимая в руке два больших алых цветка. Она повернула голову к родителям, стоящим немного позади, и тихо промолвила:

— Я хочу побыть одна.

Ромул и Фемисса кивнули и тихо отошли в сторону. Эви затеребила пальцами стебли цветков, собираясь что-то сказать, но слова не шли в голову. Все мысли перемешались. Она не ожидала, как тяжело ей будет видеть чёрный могильный камень, торчащий из сырой земли.

Глаза посеребрили от горячих слёз. Пересохшие губы задрожали, а ком в горле сдавил дыхание, не позволив произнести и звука. Девушка закрыла глаза и заплакала. Она стояла, не шевелясь, и тихо хныкала, боясь, что невидимые духи, снующие вокруг, услышат её.

Вдруг слезинка упала со щеки на багровый бутон. Капелька медленно стекла по лепестку и повисла на его краю, слегка подрагивая. Эви глубоко вздохнула, попытавшись успокоиться, но даже сейчас в её голове сиял образ любимого Даэва.

— Я знаю... — заговорила девушка, с трудом приоткрыв глаза и посмотрев на золотую надпись на плите. — Ты был не тем, кем тебя считали. Ты был не тем, кем хотел, чтобы я думала. Я не знаю, кем ты был... Наверное, ты и сам этого не знал... Но я любила тебя. Любила такого, каким видела. До сих пор люблю... И всегда буду любить...

Эви осторожно наклонилась, держась за живот, и положила цветы к основанию могилы. Затем она так же медленно поднялась и в последний раз посмотрела на буквы, сложенные в имя.

— Прощай, Териан Лекас...

Девушка развернулась и пошла к родственникам, придерживая на голове шляпу, чтобы та не улетела. Эви засопела и стёрла со щёк обжигающие слёзы. Мать подхватила дочку и дала ей платок. Отец же лишь тяжело вздохнул, бросив на мраморный камень мимолётный взгляд, и повёл семью обратно по занесённой листвой тропе.

Они медленно и молча шли мимо рядов могил героев Элиоса и не замечали, как за ними где-то издали наблюдает фигура, прислонившаяся плечом к стволу невысокого дерева. В руках, облачённых в плотные перчатки, она сжимала старое потрёпанное письмо, а из-под чёрного капюшона за семьёй ан Грейвов пристально следила пара грустных светящихся зелёных глаз.

Териан Лекас,

Я знаю, что это письмо вызовет у тебя бурю чувств, но прошу тебя поверить каждому слову. За тобой следят балауры и хотят заполучить твоё тело. Я уверен, ты это знаешь, но ты не представляешь, к чему это может привести.

Начну с главного: Эви беременна от тебя. У неё родится сын, жизнь которого очень ценна для сохранения мира на Атрее. У Айона на него планы, но, увы, он может не появиться на свет. Только от тебя зависит, родится ли этот ребёнок или нет. Точнее, от твоего выбора.

Я знаю, что Эви тебе дорога, но, если ты хочешь дать жизнь этому малышу, тебе придётся отказаться от своей любви. Враг, который находится ближе, чем ты думаешь, не должен прознать про твоего ребёнка, иначе он сделает всё, чтобы убить его вместе с Эви. И ты не сможешь его остановить. Даже я не смогу его остановить. Этот враг будет

шантажировать тебя жизнью малыша, а потом, когда ты сдашься ему добровольно, он убьёт твоего сына, и Атрея навсегда погрузится во мрак.

Всё, что зависело от меня, чтобы скрыть Эви от глаз твоего врага, я сделал. Прости меня, Териан Лекас, но это из-за меня она оказалась у Слутгельмира. Так будет лучше. Ты всё равно спасёшь её — иного пути нет.

Прошу тебя не доверять никому, кроме меня. Ведь во мне течёт твоя кровь. Но об этом ты должен был узнать нескоро. Никому ничего не показывай и не рассказывай. Помни, что лишь от твоего выбора зависит будущее Атреи.

Я желаю тебе удачи. Да защитит тебя Айон.

Твой внук,

Канеус.

===== Эпилог. =====

Комментарий к Эпилогу.

Отредактировано.

Тиамаранта.

В небольшое тёмное помещение вошли двое. К стене была прикована магическими цепями молодая светловолосая девушка. Она подняла голову на гостей и ухмыльнулась:

— И долго ты меня будешь здесь держать? Пока конец света не случится? — светящиеся голубые глаза элийки сомкнулись в тонкую полоску.

— Ты слишком сильна и сопротивляешься магии стигмы, — тот же голос послышался из уст гостьи. Она подошла к пленнице и провела рукой по её щеке. — Неужели у тебя до сих пор остались силы бороться?

— Хочешь, чтобы я сдалась? — улыбнулась бессмертная. — Не дождёшься, милашка.

Её двойник хмыкнула и щёлкнула пальцем — тело волшебницы тут же обьяло конвульсиями от сильного электрического разряда. Девушка закричала, и балаур прекратила пытку.

— Я не сдамся... — придя в себя, промычала заключённая. — Отпусти меня...

— Нет, что ты, — ухмыльнулась Леди драканов. — Ты слишком ценный экземпляр. Рано или поздно мы сломаем тебя, Белатрисс, — она шагнула к своему спутнику и обняла его за плечи. — И раз у меня никак это не получается, то, возможно, получится у него...

Вторая фигура подняла на девушку глаза, сотканые из пламени. Лицо незнакомца было покрыто трещинами и какими-то светящимися татуировками, а сквозь них стекала по одеждам расплавленная магма. Белатрисс тут же замолчала и в ужасе выпучила глаза. От взгляда этого существа девушка затряслась в неумолимом страхе — настолько свечение его глаз было гипнотизирующим. Волшебница знала, кто стоит перед ней, но не могла в это поверить.

Через три месяца.

Интердика.

Была ясная и светлая ночь. Эфирные потоки в небе сияли особенно ярко, словно именно сегодня должно было произойти что-то важное.

В доме губернатора Юфросина все спали. Только ночной патруль лениво бродил по двору поместья туда-сюда. Задул сильный ветер. Деревья слегка наклонились, недовольно опустив кроны. Никто и не заметил шороха кустов около дома — гость об этом позаботился. Створки на одном из окон второго этажа тихонько приоткрылись, пустив внутрь свежий

ночной ветер. Фигура ловко прыгнула на пол и осторожно прикрыла окно.

В комнате было темно. Сквозь тусклое свечение Эфира за окном можно было разглядеть голубые обои с мелким узором и высокий белый потолок. Гость машинально обошёл небольшую тумбу, стоящую около подоконника и склонился над кроваткой, в которой мирно спал малыш.

Незнакомец пододвинул к себе крохотный стульчик и присел на него, облокотившись руками о стенки манежа. Он медленно и громко дышал, рассматривая спящего кроху. На лице гостя засияла счастливая улыбка.

Вдруг мальчик зашевелился и открыл глаза, уставившись на незнакомца. Младенец не закричал, а, наоборот, улыбнулся и потянулся к мужчине крохотными ручонками.

— Тише, тише, — прошептал гость и осторожно взял ребёнка на руки.

Он выпрямился и осторожно зашагал по комнате.

— Я пришёл рассказать тебе новую сказку... — низкий мужской голос донёсся из уст незнакомца.

Малыш заёрзал в руке мужчины, что-то промычав на своём младенческом, а тот попытался его успокоить:

— Тс-с, — гость приложил палец к своим губам, а потом — к губам крохи.

Младенец довольно засмеялся, светящиеся зелёные глаза незнакомца невольно улыбнулись.

— Негодник... — нежно промолвил мужчина и тихо заговорил, убаюкивая малыша. — Давным-давно, когда злые создания только разделили наши с тобой миры, среди людей жил крылатый человек, и звали его, как и тебя, Дельтрасом...

Ребёнок мычал и тянул к гостю ручки, раскрыв ротик и вытаращив крохотные зелёные глазёнки.

— Да-да, — кивнул мужчина. — Тебя называли в честь него. Он был героем, и ему выпала участь начать великую войну, — незнакомец дотронулся подушечкой пальца до носика малыша. — А тебе будет предоставлена честь закончить её.

Вдруг гость услышал тихие шаги позади себя.

— Кто здесь? — донёсся до его ушей тонкий женский голос.

Мужчина машинально обернулся и встретился взглядом с мамой младенца. На пороге комнаты стояла девушка в ночнушке с зажжённым подсвечником в руке и ошарашенно смотрела на незнакомца. Из темноты ярко светились его зелёные глаза. Элийка обомлела, уронила на пол подсвечник и раскрыла рот, не поверив своим глазам.

— Териан?..

— Нет, — тихо ответил он, легонько замахав головой, чтобы не испугать малыша. — Не Териан...

Мужчина повернулся к девушке лицом, грустно улыбнулся и промолвил:

— Здравствуй, Эви...

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

===== Список персонажей =====

Список основных персонажей «За гранью вечности». Создан, чтобы читатель не

запутался в именах.

ВНИМАНИЕ! Содержит спойлеры! Читайте на своё усмотрение.

Акариос — седовласый бородатый старик, родной сын Териана Лекаса. Легендарный воин и герой многих легенд. Участвовал в первой встрече элийцев и асмодиан в Морхейме. Потерял бессмертие при таинственных обстоятельствах. Может видеть будущее. Носит имя Френос. Пожертвует своей жизнью, чтобы лишить дракона Сибила бессмертия.

Альфир — асмодианский Даэв. Адъютант третьего легиона Пандемониума. Любит ходить в капюшоне. Прекрасный маг. Родной брат Розеркара. Будет развоплощён Пандемониумом за участие в перевороте. После поражения Безмолвных и смерти брата исчезнет вместе с легатом.

Арисса — командующая балауров в Арэшурате. Слуга Тиамат и агент Эрискаля. Ведёт игры с элийцами и асмодианами. Будет обезглавлена Дариусом по приказу Тиамат.

Аскалон (Гелион) — коренастый светловолосый кареглазый Даэв. Носит усы. Командующий армией Элиоса и легат Щита Неджакана. Испытывает чувства к Сакмис. После смерти Фараниса ан Дейла станет военачальником Арэшурата. Затем восстанет против Элизиума и провозгласит себя властью в Элиосе. Будет пойман и заточён Даймоном. Сбежит из плена и попытается отомстить за смерть Сакмис убийством Фаметеса ан Ривена но покушение не удастся. Пропадёт без вести.

Белатрисс — невысокая синеглазая блондинка. Элийский Даэв. Чудесно владеет магией. Замужем за Даймоном. Долгое время находилась в исследовательской миссии в Балаурии, затем Даймон спасёт её из ловушки в тоннеле Силентера. Своенравна, но во всём поддерживает своего мужа. Впоследствии окажется в плену у Тиамат, а сама Леди балауров примет её образ.

Белис — пожилой интендант Санктума. Стал другом для Териана и Лекаса. Его имя взял Ядовитый Лис после Перерождения.

Бронн — элийский Даэв. Суровый мужчина средних лет с усами и бородой. Один из избранных в походе в Сарфан. Будет похищен Тиамат и станет сосудом для стигмы дракона Сибила.

Ваталлос ан Боуэн — военачальник Бертрона. Довольно пожилой, но молодо выглядит. Умён и самоотвержен, предан своему посту. В плохих отношениях со своим сыном. Повесится в своём кабинете, когда узнает правду о Дариусе.

Версетти — высокий темноволосый кареглазый Даэв. Генерал армии элийцев. Легат Сияния Миражей. В будущем военачальник Арэшурата.

Видар фон Хильдер — военачальник Пандемониума. В годах, почти весь седой. Не имеет ни жены, ни детей. Предан Асмодее. Погибнет от руки балауров.

Даймон — коренастый сероглазый блондин, элийский Даэв, офицер пятого ранга. Легат Кинжала Безмолвия. Женат на Белатрисс. После расформирования легиона пойдёт на службу к Гелиону. Будет одним из заговорщиков против Элизиума, из-за чего станет командующим и легатом Щита Неджакана, но затем изменит своё мнение и затеет спасение военачальника столицы и покушение на Гелиона. Потеряет легион и ранг. Затем приказом Фаметеса ан Ривена получит их обратно.

Дариус ан Боуэн — высокий кареглазый блондин, офицер второго ранга, сын Ваталлоса ан Боуэна. Влюблён в Эви ан Грейв. Чудом останется в живых после нападения асмодиан на крепость Иллюзий Ингисона. Захочет вернуть невесту. После неудачной свадьбы поступит на службу в Щит Неджакана и станет центурионом, дабы спасти Эви. Будет обманут

балаурами и пропадёт без вести. В его тело вживят стигму дракона Саталлоки. Затем Дариус вернётся, принеся элийцам голову Ариссы. За заслуги ему даруют Перерождение, но церемония сорвётся. Юноша подожжёт Святилище Элизиума и улетит в Элтенен, чтобы воссоединиться со стигмой до конца. Будет лишён бессмертия Канеусом и Розеркаром, а затем убит Эрискалем.

Исагир — темноволосый Даэв. Ходит в бронзовой броне с длинной чёлкой на правом глазу. Командующий армией Асмодеи в Арэшурате, легат третьего легиона Пандемониума. Жесток и хитёр. Встанет на сторону Слутгельмира и будет его адептом. После поражения Безмолвных будет развоплощён Пандемониумом и исчезнет вместе с Альфиром.

Истрат — приёмный отец Териана. Верховный жрец Фоэты. Отправил его в академию Санктума.

Канеус — молодо выглядящий элийский Даэв. Блондин с тигровыми глазами. Отменный маг. Сын Акариоса и внук Териана Лекаса. Может видеть будущее. Один из избранных в походе в Сарфан. Сыграет ключевую роль во время защиты Фоэты от асмодиан. Вместе с Розеркаром лишит Саталлоку бессмертия, но и сам потеряет его. Станет новым Френосом.

Квасир — пожилой Даэв, легат первого легиона Пандемониума. Влюбится в Кенсаи. Поймает диверсантов Безмолвных и спасёт Видара во время первого покушения. Будет руководить асмодианской армией во время сражений с Безмолвными. После смерти Видара станет военачальником Пандемониума и женится на Кенсаи.

Кенсаи — стройная бессмертная брюнетка. Легат седьмого легиона Пандемониума. До сих пор любит без вести пропавшего Даэва, чьё тело похитили балауры. Испытывает ярую ненависть к элийцам. Спасёт Териана из темницы. После закрытия Бездны станет Верховной Судьёй и выйдет замуж за Квасира.

Лекас — молодой светловолосый парень родом из Теобомоса. Семья была убита балаурами. Учился в академии Санктума и мечтал отомстить за родных. Был лучшим другом Териана. Погиб от лап Эрискаля во время похода в Теобомос. Его именем Териан назвался после Перерождения.

Мирен — приёмная мать Териана.

Раверинтос — магистр ордена Рыцарей Миразента и советник военачальника Элизиума. Длинноволосый брюнет в очках. В стоворе со Слутгельмиром. Желает подстроить поражение Элиоса в войне, чтобы спасти Асмодею. Убьёт Фараниса ан Дейла, когда тот узнает об исчезновении важных писем. Попытается убить Фаметеса ан Ривена. После штурма Элизиума Гелионом и Даймоном покончит с собой.

Родт — элийский Даэв. Невысокий мужчина средних лет. Обожает кинжалы. Один из избранных в походе в Сарфан. Попытается отомстить за Бронна и погибнет от рук балауров, но возродится на кибелиске.

Рэйвен — черноволосый Даэв. Спас маленького Лекаса во время похода в Теобомос. Руководил новым походом. По его воле был Перерождён Териан.

Сакмис — стройная черноволосая элийка. Даэв. Легат Пепельных Облаков. Носит двуручный меч. Давно любит Гелиона. Будет сражаться за него и будет схвачена вместе с ним. На острове Теней самостоятельно развоплотится и после побега покончит с собой, прыгнув с обрыва.

Сиара — возлюбленная Териана. Стройная темноволосая девушка. Дочь садовника академии Санктума. Стала матерью для Акариоса. Бросила отца и уехала с ребёнком жить в

Фозту к родителям Териана. После Перерождения и возвращения Териана отвергла его.

Слутгельмир фон Вир — худощавый длинноволосый асмодианин с острыми глазами и вечной хитрой улыбкой на лице. Глава Храма Правосудия. Убил своего отца и жену. В сговоре с элийцами и балаурами. Готовит план захвата Элиоса, но из-за того, что Видар помешает из осуществить, решит покончить с ним. После неудачного переворота соберёт огромную армию в Белуслане и разделит Асмодеею на два лагеря. Договорится о сотрудничестве с повстанцами Ривара, используя для убеждения идгеля. Будет пойман Терианом Лекасом и заточён асмодианами в темницу.

Териан (Лекас) — высокий темноволосый зеленоглазый асмодианский Даэв. Офицер четвёртого ранга. Центурион третьего легиона Пандемониума. Сын Неджакана и Триниэль. Участвовал в первой встрече элийцев и асмодиан в Морхейме. Развоплотился в своём доме в Белуслане и обратился в стигму. После возрождения в облике Ядовитого Лиса будет развоплощён Пандемониумом. Погибнет навсегда от руки Саталлоки в Бездне.

Фаметес ан Ривен — юный правитель Элиоса, военачальник Элизиума. Тёмные волосы, карие глаза. Попадёт под влияние Раверинтоса. Станет причиной раскола в Элиосе. Выживет после нескольких покушений и останется править.

Фаранис ан Дейл — военачальник Арэшурата. В сговоре с Раверинтосом для разлада в Элиосе. Тайно хочет свергнуть Фаметеса ан Ривена. Узнает про важные письма и будет убит Раверинтосом в Элизиуме.

Эви ан Грейв — высокая голубоглазая блондинка, дочь губернатора Юфросина. Любит Дариуса ан Боуэна и соглашается выйти за него замуж. Попадает в плен к асмодианам. Будет дважды спасена новым Терианом Лекасом, затем влюбится в него. Будет убита Ариссой и воскрешена Терианом Лекасом. Узнает у Френоса тайны Даэва. Попадёт к Слутгельмиру и станет наживкой для элийцев во главе с Терианом. Будет спасена им. После этого уедет в Юфросин к родителям. Станет матерью для сына Ядовитого Лиса.

Ядовитый Лис (Белис) — главарь асмодианских разбойников. После того, как ему передали стигму Териана Лекаса, попал под её влияние, лишился рассудка и стал называть себя чужим именем. Был перерождён в Даэва, но спустя сто тридцать три года задумал развоплотиться. Для этого он спасает Эви ан Грейв из темницы в Келькмаросе и перевозит её в Белуслан. Заслужит ненависть у Слутгельмира и заключит с ним сделку, в которой тот обязан будет развоплотить Даэва. Затем он выкрадет у Судьи секретные письма и спасёт элийку, пустившись с ней в бега. Подбросит письма элийцам и сбежит. Влюбится в Эви. Возжелает прекратить войну между Элиосом и Асмодеей. Станет желанным объектом для опытов балауров. Предотвратит схватку элийцев и асмодиан в Ткисасе, поведёт за собой элийскую армию в Морхейм. Станет отцом для ребёнка Эви. Погибнет от руки Саталлоки в Бездне, но воскреснет на кибелиске, избавившись от стигмы Териана Лекаса.